

801-86
14766-2

РУССКАЯ СТАРША

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1872 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

ЗАПИСКИ

АНДРЕЯ ТИМОФЕЕВИЧА БОЛОТОВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ЧАСТИ XV — XXI.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.

1872.

Госуд. Книжный Фонд

III Pa
501

9 10
89
ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
9 148
1

АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ

ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

1738—1793.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15, кв. № 3.

1872.

ЖЕНСКОЕ И ПЕРСОНАЛЬНОЕ

АНДРЕЙ БОЛОТОВА

МУЖСКОЕ И ПЕРСОНАЛЬНОЕ

ДЛЯ СВОБОДЫ ПОТОМКОВ

1738-1793

ТОМЪ ТРИДЦАТИ

2007041915

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XV.

Сочинена въ 1807 году, а переписана 1809.

ВЪ ДВОРЯНИНОВЪ.

Продолженіе исторіи моей первой деревенской жизни по отставкѣ вообще, а въ особенностяхъ о бывшихъ произшествіяхъ въ несчастное время мороваго повѣтрія.

1771.

(1807)

Письмо 151-е.

Любезный пріятель! Ну, мой другъ! теперь дошелъ я до того несчастнаго времени, въ которое не только мы, но все почти отечество наше поражено было неизреченнымъ смущеніемъ, горестію и печалію. Мы же всѣ, жившіе въ мѣстахъ здѣшнихъ, мучились и страдали такимъ расположеніемъ духа, которое изобразить никакое перо не можетъ; и расскажу вамъ не токмо все случившееся съ нами, но и то, что могли мы тогда слышать и узнать о происходившемъ и въ несчастной нашей старушкѣ-Москвѣ и въ мѣстахъ прочихъ.

Я упоминалъ вамъ въ моихъ прежнихъ письмахъ, что пагубной подарокъ Оттоманской Порты, которой до того извѣстенъ намъ былъ подъ именемъ моровой язвы, а тогда въ первые чумою началъ называться, вѣдрился болѣе нежели за годъ въ южныя предѣлы нашего отечества, и свирѣпствовалъ уже давно и довольно сильно въ Кіевѣ и въ другихъ пограничныхъ мѣстахъ къ Молдавіи, изъ которой зло сіе преселилось къ намъ, и гдѣ подвержена была оному и вся вою-

ющая тогда еще противъ турковъ наша армія и претерпѣвала отъ него очень много.

По неизбежному сообщенію оной съ Россіею и по всегдашней ѣздѣ отсюда и туда людей, не можно было никакъ не допустить того, чтобъ не вкралась она и въ наши предѣлы. Какія ни употребляемы были къ тому предосторожности и сколько ни надѣлано было вездѣ карантинновъ, но всѣми ими ничего не сдѣлано, и, можетъ быть, болѣе оттого, что какъ бѣдствіе сіе было для насъ совсѣмъ ново и очень давно въ Россіи небывалое, то и не знали еще какъ съ нимъ лучше обходиться и какъ предпринимать противъ его надежнѣйшія мѣры. А самое сіе распространило зло сіе далѣе и допустило достигнуть ему до Москвы самой.

О сей упоминалъ уже я вамъ, что зло сіе оказалось въ ней еще въ ноябрѣ минувшаго 1770 года, и какъ нигдѣ не могло оно быть такъ бѣдственно и опасно, какъ въ семъ столичномъ великомъ городѣ, простирающимъ коммуникацію свою всюду и всюду и имѣющимъ непосредственное сообщеніе со всѣми краями государства, то удивительно-ли, что изъ ней распространилось зло сіе чрезъ нѣсколько времени и по разнымъ другимъ не

только городамъ, но и селеніямъ самымъ.

Поспѣшествовало весьма много къ тому и то, что, по новости сего бѣдствія и по неопытности еще совершенной, сначала менѣе оное уважали, сколько-бъ надобно, и по неблагоприятной политикѣ долѣе оное утаеваемо было, нежели сколько-бъ надлежало; а потому, хотя и принимали нѣкоторыя мѣры къ утушенію сего зла и къ недопущенію его распространиться, но мѣры сіи были слишкомъ еще слабы и далеко къ тому недостаточны; а оттого и произошло, что зло сіе, вѣдлившись однажды, не только не утихло, но часть отъ часу въ Москвѣ увеличивалось болѣе, какъ о томъ и упоминалъ я, говоря о фабрикахъ суконной, о которой носилась молва, что она еще зимою вся вымерла.

Но какъ, несмотря на то, долгое время еще не былъ возбраненъ ни въѣздъ въ Москву, ни выѣздъ изъ оной, а всѣ, имѣющіе надобности въ оной, во всю весну и лѣто невозбранно въ нее ѣзжали, а изъ ней не только они, но и всѣ, коимъ только ни хотѣлось быть въ Москвѣ, безъ всякой остановки изъ оной выѣзжали и всюду, и всюду разѣзжались; то натурально многіе изъ сихъ разѣзжавшихся, когда не сами выѣзжали уже заразившимися, такъ вывозили съ собою многія вещи, зараженные симъ ядомъ, и такія, отъ которыхъ могли заражаться въ уѣздахъ и въ другихъ мѣстахъ и самыя люди. И Москву не прежде вздумали запретить, какъ тогда, когда было уже слишкомъ поздно и когда зло сіе сдѣлалось въ Москвѣ повсемѣстнымъ и начало свирѣпствовать уже въ полной мѣрѣ; а когда ядъ сей развезенъ уже былъ всюду и всюду, тогда начали употреблять хотя уже и строгость и подѣлали множество вездѣ заставъ и карантинныхъ, но все то помогало уже мало.

Сія важная и непростительная прописка тогдашняго правительства нашего и произвела то, что всѣ, живущіе въ деревняхъ и уѣздахъ, во всю сію весну и лѣто жили спустя рукава, и до самаго сентября мѣсяца всего меньше о благо-

временномъ предприниманіи всѣхъ нужныхъ предосторожностей помышляли, а чрезъ самое то допустили вѣдриться сему злу отъ приходящихъ и приѣзжающихъ съ Москвы и въ селеніяхъ многихъ.

Все сіе рассказываю я вамъ изъ собственной опытности, ибо и о самихъ себѣ могу сказать то же самое, что говорилъ теперь о другихъ. До насъ хотя и доходили отъ времени до времени слухи о увеличивающейся въ Москвѣ заразѣ, но какъ, по пословицѣ говоря, рубили тогда еще не нашу тысячу, то и не было намъ дальнаго горя, и болѣе потому, что почитали себя отъ Москвы слишкомъ отдаленными, и увидѣвъ, что зло сіе не такъ-то скоро распространяется, какъ мы сначала себѣ воображали, думали, что къ намъ оно и вовсе не дойдетъ.

Далѣе полагали и не одинъ разъ говорили мы, что ежели-бъ зло сіе и начало къ намъ приближаться, такъ успѣть можно куда-нибудь и уѣхать далѣе; на примѣръ: если нельзя будетъ въ которую-нибудь изъ ближнихъ деревень, такъ хотя-бъ и въ самую степную козловскую или шадскую.

Таковыми-то помышленіями занимались и симъ-то образомъ старались мы сами себя ободрять и утѣшать во всю послѣднюю половину августа мѣсяца, въ которую слухи о Москвѣ стали становиться часъ отъ часу страшнѣе и ужаснѣе. Но, какъ у насъ не только вблизи, но и въ самомъ Серпуховѣ зла сего еще не было, то все-таки жили мы себѣ въ прежнемъ спокойствіи духа и продолжали прежніе свои разѣзды и свиданія другъ съ другомъ.

Но не успѣлъ наступить сентябрь мѣсяцъ, какъ вдругъ однимъ утромъ пораженъ и въ неописанной страхъ и ужасъ приведенъ я былъ извѣстіемъ, что моръ едва-ли не вѣдрился въ самое наше Туленно. Мнѣ сказывали, что въ сей деревнѣ, отстоящей отъ насъ только версты за четыре, одинъ мужикъ, принадлежавшій князю Горчакову, скоропостижно умеръ, а другой, пришедшій изъ Москвы, при смерти боленъ.

Господи! какъ вострепело тогда во мнѣ сердце, какъ я сіе услышалъ, и какъ поразительно было намъ всѣмъ извѣстіе о столь близкой уже къ намъ опасности, а особливо, что чума завелась уже въ такой деревнѣ, съ которою имѣли мы необходимое всякой день сообщеніе и откуда къ намъ, и отъ насъ туда всякій день, и денно и ночью ходили и ѣзжали люди. Мы не иначе тогда думали и полагали, что Тулеино наше въ немногіе дни вымретъ все, до одинаго человѣка, а между тѣмъ, того и смотри, что дѣло дойдетъ до насъ и мы такому-жъ бѣдствію подвергнемся.

Все сіе сгоняло насъ то и дѣло въ кучки и побуждало къ совѣщаніямъ о томъ, что намъ при такихъ опасныхъ обстоятельствахъ дѣлать, какъ себя спасать, и какія брать предосторожности? И тогда не одинъ разъ приходила мысль, чтобъ не совершилось и вправду того, о чемъ мы шутя говорили, и чтобъ не заставила неволя насъ и дѣйствительно оставить домъ и все милое и немилое, и бѣжать куда зря, для спасенія своей жизни!

Словомъ, мысли о семъ не выходили у насъ у всѣхъ ни на минуту изъ головы, и мы погрузились въ такое уныніе и смущеніе, какого изобразить не можно, и надобно признаться, что дружной переходъ изъ прежняго спокойнаго въ такое неизреченно смутное расположеніе духа было для насъ очень трудно. Всѣ наши дѣла и обыкновенныя занятія сдѣлались намъ вдругъ немылы, ничего не хотѣлось дѣлать и ни о чемъ даже и мыслить.

Самые сады мои лишились въ глазахъ моихъ всѣхъ своихъ прелестей и меня по прежнему утѣшать не хотѣли. У меня начали-было заниматься въ нихъ опять осенними работами и продолжать обрабатывать нижній мой садъ уступами и склодами. И я и понынѣ забыть того не могу, какъ, вышедши тогда для смотрѣнія сихъ работъ и сѣвши на краю одного уступа, подлѣ прекрасной моей березы на горѣ, стоящей предъ самыми окнами, и пригорюнившись, самъ себѣ, вздыхая, говорилъ:

«Ахъ! ужъ продолжать ли мнѣ сіи дѣла? и есть-ли для кого и для чего предпринимать всѣ оныя и такъ много хлопотать и трудиться? Чрезъ нѣсколько недѣль, но что я говорю, можетъ быть чрезъ немногіе только дни опустѣетъ все наше селеніе, и проклятая чума, ввѣдлившись и къ намъ, перегубитъ и здѣсь всѣхъ жителей отъ мала до велика и не останется никого изъ всѣхъ нынѣ живущихъ здѣсь. И тогда что будетъ не только съ садомъ, но и со всѣмъ селеніемъ и домомъ симъ? Не должны ли будутъ всѣ сіи мѣста на нѣсколько лѣтъ запустѣть и всѣ мои заведенія и труды уничтожиться и погибнуть?»

«Можетъ быть и послѣ многіе годы не захочетъ никто на сихъ несчастныхъ и опасныхъ мѣстахъ жить, и они впадутъ въ самое запустѣніе и останутся одни только сіи буторки и уступы признаками бывшихъ тутъ нѣкогда украшеній; да и кому достанется все сіе, и кто мѣстами сими владѣть будетъ, о томъ единому Богу только извѣстно!

«Кто знаетъ, что съ самими нами произойдетъ? Мы такіе-желуды, какъ и прочіе, и такимъ-же образомъ заразиться и помереть всѣ безъ остатка можемъ, какъ бывало то и, можетъ быть, не одинъ разъ въ старину при случаѣ моровыхъ бившихъ у насъ повѣтрій.

«Ахъ! не будутъ ли нѣкогда потомки наши и на сіи мѣста и всѣ здѣшнія земляныя мои работы и подѣланные уступы съ такими-жъ чувствіями смотрѣть, съ какими смотримъ мы въ пустошахъ нашихъ на видимые еще и по нынѣ остатки плотинъ отъ бывшихъ въ селеніяхъ прудовъ и самыя даже гряды, бывшія на огородахъ и овиныя и погребныя ямы жителей, нѣкогда тутъ жившихъ и войнами и повѣтріями истребленныхъ. Не легко ли то же и съ симъ мѣстомъ и селеніемъ случиться можетъ? И почему знать, можетъ быть время сіе гораздо ближе къ намъ, нежели мы думаемъ и воображаемъ? Заразиться и умереть очень недолго, и тогда прости все и все. Не

взмилится и самое лучшее и драгоценнѣйшее».

Сими и подобными сему горестными и почти отчаянными размышленіями занимался я дѣйствительно не только въ тотъ день, но не одинъ разъ и въ послѣдующій за симъ.

О чумѣ всѣ мы имѣли тогда еще очень темное и несовсѣмъ правильное понятіе, и воображали ее себѣ несравненно опаснѣйшею, нежели какова была она въ самомъ дѣлѣ. Мы не иначе думали, что вездѣ, гдѣ она ни заведется, не оставитъ она въ живыхъ ни одного уже человѣка, ибо такое мнѣніе имѣли всѣ о повѣтріяхъ морскихъ, бывшихъ въ древнія времена въ Россіи; а сіе болѣе всего насъ изумило, устрашало и приводило въ отчаяніе.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ мы ни перепуганы были помянутымъ извѣстіемъ, но въ тотъ день мы ничего еще особеннаго не предпринимали, и я имѣлъ еще столько духа, чтобъ въ ободреніе другихъ сказать: что, Богъ знаетъ, правда-ли еще то, и такъ-ли подлинно все намъ говорятъ; а надобно напередъ хорошенько распрովѣдать о томъ.

И, дѣйствительно, наутріе послали въ деревню сію нарочнаго и велѣли обо всемъ порядочно распросить и развѣдать въ подробность; и какое неописанное удовольствіе возчувствовали и какъ обрадованы были всѣ мы, какъ посланной, возвратившись, засвято увѣрялъ насъ, что изъ всего того, что мы слышали, и половина неправда, и что чумы тамъ вовсе еще нѣтъ, а случившееся далеко не таково страшно и опасно.

Онъ рассказывалъ намъ, что мужикъ хотя и умеръ дѣйствительно скоропостижно, но онъ былъ больной и дряхлой и давно уже не работалъ; а другой больной мужикъ вовсе и въ Москвѣ не бывалъ, а былъ только въ подмосковной, и боленъ ногами, и неопасною болѣзнію.

— Вотъ, сударыни! воскликнулъ я, прибѣжавши къ своимъ домашнимъ и сказывая имъ сіе радостное извѣстіе: не правда-ли моя, что можетъ быть все дѣло и не такъ, какъ теперь и оказалось. На-

родъ нашъ любить ко всему прилгать и прибавливать.

Но не успѣли мы, такъ сказать, перевести духъ и успокоиться опять нѣскольکو, какъ въ тотъ же еще самый день поражаетъ меня другое, и того еще страшнѣйшее извѣстіе. Сказываютъ мнѣ, что моръ есть уже и въ Нижней-Городнѣ и что мужикъ, да двѣ бабы, ни горя, ни боля, въ ней померли.

Какъ ни страшно и ни поразительно было для насъ сіе новое извѣстіе, но мы испужались уже гораздо меньше и тотчасъ сказали: «но, Богъ знаетъ, правда-ли и точно-ли такъ? не прибавляютъ ли и тутъ что-нибудь, какъ по туленскому дѣлу?—Надобно и о семъ узнать короче и распрովѣдать».

А по самому сему слухъ сей и не въ состояніи былъ насъ остановить въ предпринимаемой въ сей день ѣздѣ, ибо госпожи наши расположились въ сей день ѣхать въ село Савинское, гдѣ поднимали тогда на церковь крестъ, и имъ сію церемонію видѣть хотѣлось; а я, съ Микхаиломъ Матвѣевичемъ, расположился съѣздить къ другу моему, господину Полонскому, у котораго мы тогда и были. А по возвращеніи оттуда, имѣлъ я удовольствіе узнать, что и послѣднее извѣстіе о Городнѣ не совсѣмъ было справедливо; но происшествіи, случившіяся тамъ, были такого рода, что опасности никакой отъ того не предвидѣлось. Все сіе случилось 3-го и 4-го числа сентября мѣсяца.

Успокоившись отъ сего испуга и напраснаго еще страха, принялись мы за прежнія дѣла и упражненія; и какъ около сего времени поспѣли и всѣ яблоки въ садахъ, и симъ былъ отмѣнно хороший родъ въ сіе лѣто, то приступилъ я съ спокойнымъ духомъ къ сниманію оныхъ съ деревъ и убиранію къ мѣсту. А кончивъ сіе дѣло, съѣздилъ я съ родными своими въ Калединку для празднованія тамъ праздника ихъ, Рождества Богородицы, въ которомъ празднованіи и разѣздахъ тамъ по разнымъ гостямъ и провели мы нѣсколько дней

и не прежде домой возвратились, какъ 11-го числа; да и къ сему принудило меня то, что я, будучи въ Калединкѣ, нѣскольکو позанемогъ, а приѣхавши въ домъ, совсѣмъ-было разнемогся; но, по счастію, жаръ и все прочее прошло очень скоро.

Съ сего времени по самый почти конецъ сего мѣсяца не произошло собственно у насъ ничего почти особеннаго; и хотя слухи о распространяющемся чумѣ отъ часу болѣе моровомъ повѣтріи продолжались, но мы, будучи помянутыми двумя происшествіями нѣскольکو подкрѣплены, не такъ много ихъ уважали и не слишкомъ давали имъ себя смущать, но продолжали развѣзжать, какъ и въ спокойныя времена, почти ежедневно по гостямъ, или угощать у себя къ намъ приѣзжающихъ.

Но, при случаѣ одного такого выѣзда, перетрошены мы были однажды чрезвычайно, а именно, въ одинъ день приѣзжаетъ къ намъ гость, нѣкто г. Карповъ, и пробывши у насъ сутки, расположился съѣздить отъ меня къ господину Полонскому и подговорилъ съѣздить туда же вмѣстѣ съ нимъ и мою тещу.

Но, что-жъ! случись въ самое то время, какъ они были у господина Полонскаго, приѣзжаетъ къ нему прямо изъ Москвы и уже изъ зараженнаго чумою дома его теща, усакавшая безъ памяти изъ сего города. Наши крайне были тѣмъ перепуганы, ибо въ тогдашнее время всѣ приѣзжіе съ Москвы были для всѣхъ крайне опасны, и будучи не ради, что туда заѣхали, спѣшили, какъ возможно скорѣе, оттуда уѣхать.

Признаюсь, что непріятно было и мнѣ, что имъ и людямъ нашимъ случилось вмѣстѣ быть съ приѣзжими изъ Москвы. Но какъ испужался я, когда на другой день послѣ того, проводивъ отъ себя господина Карпова, услышалъ я, что теща моя стала жаловаться, что у ней вдругъ заболѣла очень нога, покраснѣла, горѣла и сдѣлалась на ней страшная инфламация.

— «Ахъ, батюшки! возопилъ я самъ въ себѣ, будучи въ душѣ своей крайне симъ встревоженъ. Уже не моровая-ли это

язва и не смертоносной-ли нарывъ хочеть это дѣлаться? Уже не захватила-ль она подарка сего въ Зыбинкѣ отъ усакавшей изъ Москвы тещи г. Полонскаго? Уже не сидѣла-ли она подлѣ сей приѣзжей и, можетъ быть, уже заразившейся чумою, и не пристала ли она къ ней уже отъ сей гостыи? — О, Господи! что тогда съ нами бѣдными будетъ, вѣдь и мы всѣ заразимся отъ ней и погибнуть будемъ должны.»

Словомъ, я перетревоженъ былъ тѣмъ неизобразимымъ образомъ, и хотя принявъ наружной спокойной видъ, я и ободрялъ ее, говоря, что это ничего не значить и что, конечно, она ногу свою какъ-нибудь простудила и хочеть быть это рожа; но на умѣ у меня было совсѣмъ не то, а трепетали во мнѣ даже всѣ члены.

Къ вѣщему-жъ смятенію моему пришли къ намъ въ самый тотъ-же день съ повѣсткой изъ города и съ строгимъ приказаніемъ, чтобъ вездѣ въ деревняхъ, на всѣхъ выѣздахъ и въѣздахъ становили заставы и брали возможнѣйшія предосторожности отъ размножающейся повсюду моровой язвы.

Посланные сіи сказывали намъ, что всѣ уѣзды раздѣлены на многіе участки, и что въ участки сіи опредѣлены изъ живущихъ въ нихъ дворянъ, такъ-называемые, частные смотрители, и имъ накрѣпко приказано за всѣми селеніями, въ ихъ частяхъ находящимися, имѣть наиприлежнѣйшее смотрѣніе и всегда ихъ осматривать; а въ случаѣ несчастія употреблять всѣ предосторожности и принимать нужныя мѣры, и что поводъ къ сдѣланію всѣхъ таковыхъ распоряженій подало то, что въ Москвѣ, за выѣздомъ изъ ней всѣхъ знатныхъ и самого главнаго начальника, господствуетъ почти совершенное безначаліе, и что народъ разбѣгается въ разныя стороны и разноситъ съ собою уже страшнымъ образомъ увеличившуюся язву, отъ которой всякой день помираетъ многое множество народа. И такъ-де нужно, чтобъ сихъ разбѣгающихся всюду и всюду людей никуда

не пускали или, хватая, запирали въ особыя мѣста и держали ихъ, какъ въ карантинахъ.

Теперь представьте себѣ, любезный пріятель, каково было мнѣ, встревоженному и безъ того болѣзнію моей тещи, слышать все вышеупомянутое. Признаюсь, что минуты сіи были для меня тяжелы очень и день сей превосполненъ множествомъ трудовъ, заботъ, смущеній и безпокойствъ; ибо какъ опасность сдѣлалась тогда уже достовѣрною, то нечего было долго думать, а надобно было и для собственной своей безопасности поспѣшить исполненіемъ повелѣваемаго.

Итакъ я, созвавши своихъ деревенскихъ сосѣдей, ну-ка вмѣстѣ съ ними самъ ходить по всѣмъ въѣздамъ и выѣздамъ въ нашемъ селеніи, и одни, при себѣ, заставляли наглухо, загораживать и заглушать, а на необходимѣйшихъ становить изъ людей и крестьянъ нашихъ заставы и учреждать строгіе караулы съ неугасимыми огнями, и приказывать накрѣпко никакихъ постороннихъ и незнакомыхъ людей въ селеніе не впускать, а изъ знакомыхъ проѣзжихъ окуривать и не давать имъ воли останавливаться, а провожать ихъ поскорѣе изъ селенія вонъ.

Не успѣли мы все сіе кончить, какъ вдругъ, 21 числа сего мѣсяца, поражены неописаннымъ образомъ всѣ мы были страшнымъ извѣстіемъ о случившемся въ Москвѣ великомъ несчастіи, и бывшемъ въ оной страшномъ мятежѣ, возмущеніи и убивствѣ архіерея московскаго.

Господи! какъ перетревожилъ и смутилъ всѣхъ насъ тогда слухъ о семъ печальномъ происшествіи! Намъ случилось тогда быть всѣмъ вмѣстѣ, какъ мы сіе извѣстіе услышали и насъ оно такъ всѣхъ поразило, что мы остолбенѣли и не могли долго ни одного слова промолвить, а только другъ на друга взглядывали, и насили-насили собрались съ духомъ и начали разсуждать и говорить о семъ предметѣ. И чего, и чего не придумали мы тогда о могущихъ произойти оттого печальныхъ и бѣдственныхъ слѣдствіяхъ!

Поводомъ къ несчастному произше-

ствію сему и обстоятельства онаго были, сколько намъ тогда по разносившимся слухамъ и по письму одного самовидца, имѣвшаго въ семъ бѣдствіи личное соучастіе, было извѣстно— слѣдующія:

Какъ скоро язва въ Москвѣ такъ сильно начала усиливаться, что не можно уже было удержать ее въ предѣлахъ, какія предосторожности и старанія къ тому употребляемы ни были, и чума взяла верхъ надъ всѣми полагаемыми ей препонами; то сіе такъ всѣхъ живущихъ въ ней устало, что всякій, кто только могъ, сталъ помышлять о спасеніи себя бѣгствомъ и дѣйствительно уѣзжалъ и уходилъ изъ сего несчастнаго города, а особливо, узнавъ, что не было къ тому и дальнаго препятствія. Ибо, сначала хотя и учреждены были при всѣхъ въѣздахъ и выѣздахъ строгія заставы, невыпускавшія никого изъ Москвы; но сіе продолжалось только до того времени, покуда имѣлъ самъ главнокомандующій тогда Москвою, старичокъ фельдмаршалъ, графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ въ ней свое пребываніе, и находились также и всѣ военныя команды въ городѣ.

Но, какъ для увеличивающейся съ каждымъ днемъ опасности принуждены были и всѣ почти послѣднія вывести изъ города въ лагерь, да и самъ главнокомандующій уѣхалъ въ свою подмосковную деревню;—то ослабѣла сама по себѣ какъ полиція, такъ и прочія власти, и Москва поверглась въ такое состояніе, которое походило почти на безначаліе, и очумленная общимъ и повсемѣстнымъ несчастіемъ, глупая чернь дѣлала что хотѣла, ибо ни смотрѣть за нею, ни дѣйствія ея наблюдать было некому, а всякому нужно было только о самомъ себѣ помышлять.

При такомъ критическомъ положеніи, когда изъ господъ и дворянъ никого почти въ Москвѣ не было и въ домахъ ихъ находились оставшіе только холопы, и тѣ голодные; раскольники же и чернь негодовали на учрежденіе карантинныхъ, запечатаніе торговыхъ банъ,

непогребеніе мертвыхъ при церквахъ и на прочія комиссією учрежденныя распоряженія, которыя были не по ихъ главному вкусу.

Не оставили и попы съ своей стороны дѣлать злу сему возможнѣйшее споспѣшествованіе, будучи движимы корыстолюбіемъ и желая отъ народа обогатиться. Нимало не изъ благочестія и истиннаго усердія, а единственно изъ корысти учреждали они по приходамъ своимъ ежедневныя крестныя ходы, и сдѣлали сіе безъ всякаго отъ начальства своего дозволенія. Но какъ народъ отъ сихъ скопищъ при ходахъ еще пуще заражался, ибо мѣшались тутъ больные, и зараженные и здоровые, то попы, увидѣвъ, наконецъ, что они отъ доходовъ при сихъ богомоліяхъ, заражаясь отъ другихъ, и сами стали помирать, какъ то имъ отъ архіерея было предсказано, сіи хожденія со крестами бросили.

Но праздность, корыстолюбіе и проклятое суевѣріе прибѣгло къ другому вымыслу. Надобно было бездѣльникамъ, выдумать чудо и распуścić по всей Москвѣ слухъ, что не вся надежда еще потеряна, а есть еще способъ избавиться отъ чумы чрезъ поклоненіе одной иконѣ.

Орудіемъ къ тому были двое: одинъ гвардейскаго Семеновскаго полку солдатъ, Савелій Бяковъ, а другой фабричной Илья Аѳанасьевъ.

Бездѣльники сіи, при вспоможеніи одного попа отъ церкви Всѣхъ Святыхъ что на Кулишкѣ, выдумали чудо, которое, хотя ни съ величествомъ божіимъ, ни съ вѣрою здоровою, ниже съ разумомъ было согласно, но которому однако, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, глупая, безразсудная и легковѣрная чернь въ состояніи была повѣрить. А именно, на Варварскихъ воротахъ, въ Китаѣ-городѣ, стоялъ издревле большой образъ Богоматери, называемой «Боголюбской»; и помянутой попъ разгласилъ вездѣ, будто бы оной фабричной пересказывалъ ему, что онъ видѣлъ во снѣ сію Богоматерь, вѣщающую ему такъ:

«Тридцать лѣтъ прошло, какъ у ея

образа, на Варварскихъ воротахъ, не только никто и никогда не пѣлъ молебна, но ниже предъ образомъ поставлена была свѣча; то за сіе хотѣлъ Христосъ послать на городъ Москву каменный дождь, но она упросила, чтобъ вмѣсто онаго быть только трехмѣсячному мору».

Какъ ни груба и ни глупа была сія баснь, и какъ ни легко можно было всякому усмотрѣть, что выдумана она самымъ невѣждою и глупцомъ; однако не только чернь, но и купцы тому повѣрили, а особливо женщины, по извѣстному и отмѣнному ихъ усердію къ Богоматери и приверженности ко всѣмъ суевѣріямъ, слушали съ отмѣннымъ благоговѣніемъ рассказы фабричнаго, сидящаго у Варварскихъ воротъ и обирающаго деньги съ провозглашеніемъ: «Порадуйте, православныя, Богоматери на всемірную свѣчу!» и взапуски другъ предъ другомъ старались изъяснить свою набожность служеніемъ сему образу молебновъ и всеночныхъ; и сіе дѣлала не только чернь, но и самое купечество.

А жадные къ корысти поны, оставивъ свои приходы и церковныя требы, собирались туда съ налоями и производили сущее торжище, а не богомоліе; ибо всякой, для спасенія живота своего, не жалѣлъ ничего, а давалъ все, что могъ, добываясь только службы, или подавалъ подаеніе. Отсего, натурально, должно было произойти то слѣдствіе, что во всѣ часы дня и ночи подлѣ воротъ сихъ находилась превеликая толпа народа; а денежныхъ приношеній накидано было отъ него дѣльный сундукъ, тутъ же подлѣ образа стоявшій.

А какъ ничто тогда не было такъ вредно и опасно, какъ таковыя скопища народныя, поелику чрезъ самое то и отъ прикосновенія людей другъ къ другу чума наиболѣе и размножалась; то полиція московская, какъ ни слаба была уже тогда въ своемъ дѣйствіи, и какъ много ни занималась единымъ только вывалакиваніемъ крѣчьями изъ домовъ зачумѣлыхъ и погибшихъ отъ заразы, вываживаніемъ ихъ за городъ и зарываніемъ въ большія ямы

но не упустила и помянутаго стеченія народнаго у Варварскихъ воротъ изъ вида, но сначала всячески старалась разгонять народъ. Но какъ мало въ томъ успѣвала по чрезмѣрной и даже слѣпой приверженности народа къ образу и возлаганія имъ на него всей надежды, то разсудила дать о томъ знать бывшему тогда въ Москвѣ архіерею и предложить ему, чтобъ онъ посѣшествовалъ къ тому съ своей стороны снятіемъ съ воротъ и удаленіемъ куда-нибудь помянутаго образа.

Первенствующимъ архіереемъ былъ тогда въ Москвѣ Амвросій, мужъ отличныхъ достоинствъ, обширныхъ знаній и житія добродѣтельнаго. Сей, по причинѣ оказавшейся въ Чудовъ монастырь (гдѣ онъ имѣлъ обыкновенное свое пребываніе) заразы, высылая больныхъ вонъ, сидѣлъ самъ тогда изъ предосторожности въ заперти; но, узнавъ о помянутомъ вредномъ стеченіи народа у Варварскихъ воротъ, долгомъ своимъ почелъ пресѣчь сіе позорище.

Намѣреніе его было удалить отсюда служащихъ молебны и всеночныя поповъ, а образъ Богоматери перенести во вновь построенную тутъ же у воротъ императрицею церковь Кира Іоанна, потому что по причинѣ приставленной къ образу лѣстницы и множества превеликаго молящихся, не было въ Варварскія ворота ни прохода, ни проѣзда; а собранныя тутъ деньги употребить на богоугодныя дѣла, а всего ближе отдать въ воспитательной домъ, въ коемъ былъ онъ опекуномъ.

Вслѣдствіе чего и посланы были люди для призыва тѣхъ поповъ въ консисторію; но они, разлакомившись прибытками и узнавъ, зачѣмъ ихъ призываютъ, не только отреклись туда итти, но еще угрожали присланнымъ побить ихъ камнями. Сіе хотя и раздражило архіерея, но онъ, какъ благоразумный мужъ, укротивъ свой гнѣвъ, за лучшее призналъ посовѣтовать о томъ, какъ бы поступить лучше въ такомъ щекотливомъ случаѣ, съ нѣкоторымъ начальникомъ воинскихъ командъ и испросить у него для

вспоможенія себѣ небольшую воинскую команду.

Опасеніе, чтобъ не обратить на себя простолюдиновъ и глупую чернь, произвело у нихъ такое по сему дѣлу рѣшеніе, чтобъ оставить до времени снятіе и перенесеніе иконы, а къ собраннымъ у Варварскихъ воротъ деньгамъ, дабы онѣ фабричными не были расхищены, приложить только консисторскую печать; а дабы учинить сіе безопаснѣе, то и дано было обѣщаніе прислать на вспоможеніе небольшую воинскую команду изъ Веліколуцкаго полку.

Итакъ, 15 сентября, въ 5 часовъ пополудни, пришла въ Чудовъ монастырь помянутая команда, состоящая въ шести солдатахъ и одномъ унтеръ-офицерѣ. И какъ наступилъ вечеръ, то, въ надѣянніи, что народъ разошелся уже по домамъ, — и отправилась она командъ съ двумя консисторскими подъячими и консисторскою печатью, взявъ съ собою и того самого попа, разглашателя о чудѣ и которой въ тотъ день допрашиванъ былъ по сему предмету въ консисторіи.

Но прежде, нежели команда сія пришла къ воротамъ Варварскимъ, городской плацъ-маіоръ былъ о томъ уже, и какъ видно отъ самого сего попа, съ которымъ онъ дѣлился сборами денежными, предувѣдомленъ. И сей бездѣльникъ, зараженный корыстолюбіемъ, жалѣя собранныя деньги, посѣшилъ, до прихода еще ихъ, приложить самъ печать свою къ сундуку съ деньгами, а народу разгласилъ, что ввечеру самъ архіерей будетъ къ воротамъ брать икону и захватить себѣ всѣ собранныя деньги.

Симъ произвелъ онъ во всѣхъ тутъ бывшихъ для богомолія многихъ людяхъ великій ропотъ и негодованіе, и, видя ихъ наклонность къ недопущенію до того, вооружилъ всѣхъ кузнецовъ у Варварскихъ воротъ, въ ихъ кузняхъ находившихся, и ожидалъ съ ними и другими людьми уже въ готовности вступить съ посильными въ самый бой.

Итакъ, когда пришла команда консисторская, то нашла она тутъ уже пре-

великую толпу вооруженнаго всякою всячиною народа, и консисторскій подъячій едва только хотѣлъ приложить печать къ сундукамъ, какъ вдругъ нѣкто закричалъ: «бейте ихъ!» и вмѣстѣ съ симъ словомъ бросилось на команду множество людей и начали бить и солдатъ, и подъячихъ. И какъ сіи, натурально, стали обороняться, то и произошла отъ сего въ одинъ мигъ страшная драка, соединенная съ воплемъ и крикомъ превеликимъ: что «грабятъ икону Богоматери и бьютъ защищающихъ ее»; а сіе и воспламенило въ одинъ мигъ все пламя мятежа и народнаго возмущенія.

Вопль и крикъ разливался по всѣмъ улицамъ, какъ вода; во всѣхъ ближнихъ приходскихъ церквахъ ударили въ колокола въ набатъ, а потомъ на Спасскихъ воротахъ, и, наконецъ, и по всѣмъ приходскимъ церквамъ и во всемъ городѣ; а сіе и произвело всеобщую тревогу и возмущеніе всего народа, которой со всѣхъ сторонъ бѣжалъ къ Варварскимъ воротамъ съ дубинами, колыями, топорами и другими орудіями.

Такое смятеніе, натурально, нагнало на всѣхъ людей, составляющихъ лучшую и умнѣйшую часть народа, страхъ и ужасъ; но никто такъ тѣмъ перетревоженъ не былъ, какъ помянутой архіерей. Сей, какъ предчувствуя приближающуюся къ нему его страдальческую кончину, только пораженъ былъ извѣстіемъ, полученнымъ о семъ мятежѣ, что отъ смущенія не зналъ что дѣлать.

Нѣкто изъ консисторскихъ чиновниковъ, бывшій тогда съ нимъ вмѣстѣ и все несчастное происшествіе съ нимъ видѣвшій, и самъ въ ономъ нѣкоторое участіе имѣвшій, описываетъ оное въ письмѣ къ пріятелю своему слѣдующими словами:

«О такомъ смятеніи и бунтѣ услышавъ, владыко немедленно поѣхалъ изъ Чудова со мною и въ моей каретѣ, къ Михайлу Григорьевичу Собакину, въ надеждѣ тамъ переночевать, яко у холостого человѣка. Мы застали его больного въ постелѣ и отъ набатовъ въ великой страхъ пришедшаго.

«Мы принуждены были его оставить. Совѣтъ положили оттуда ѣхать къ господину Еропкину; но какъ только выѣхали мы со двора отъ господина Собакина, то приказалъ онъ мнѣ везти себя въ Донской монастырь. Ни просьбы, ни представленія мои не могли успѣть, чтобъ туда, то-есть въ Донской монастырь, не ѣхать.

«Ѣхавъ по улицамъ ночью, какое мы видѣли зрѣлище! Народъ бѣжалъ повсюду толпами и кричалъ только: «грабятъ Боголюбскую Богоматерь!» — всѣ, даже до ребенка, были вооружены! Всѣ, какъ сумасшедшіе, въ чемъ стояли, въ томъ и бѣжали, куда стремленіе къ убивству и грабительству влекло ихъ.

«Въ 10 часовъ приѣхали мы въ Донской монастырь. Въ ожиданіи конца начавшемуся въ городѣ смятенію, я и не воображалъ, чтобъ на Чудовъ было нападеніе. Но владыкинъ духъ все сіе предвѣщалъ; нравъ народа былъ ему извѣстенъ.

«Въ тотъ же вечеръ, обратившаяся отъ Варварскихъ воротъ, чернь устремилась ночью на Чудовъ монастырь и, разломавъ ворота, искала вездѣ архіерея, грози убить его.

«Все, что ни встрѣчалось ихъ глазамъ, было похищаемо, разоряемо и до основанія истребляемо. Верхнія и нижнія архіерейскія кельи, тѣ, гдѣ я съ братомъ имѣлъ квартиру, экономскія и консисторскія, и всѣ монашескія кельи и казенная палата, со всѣмъ, что въ оной ни было, были разграблены.

«Окны, двери, печи и всѣ мебели разбиты и разломаны; картины, иконы, портреты, и даже въ самой домовой архіерейской церкви съ престола одѣяніе, сосуды, утварь и самой антиминсъ въ лоскутки изорваны и ногами потоптаны были отъ такого народа, которой по усердію будто за икону вооружался. Тому же жребію подвержены были наши библіотеки и бумаги».

«Въ то время жилъ въ Чудовѣ, для излеченія болѣзни, приѣхавшій архимандритъ Воскресенскаго монастыря, Никонъ, меньшей братъ архіерея. Чернь,

нашедь его и почитая архіереемъ, не только совсѣмъ ограбила, и хотя до смерти не убила, но такъ настрашала, что онъ отъ страха въ умѣ помѣшался и вскорѣ умеръ.

«Наконецъ, какое было зрѣлище, когда разбиты были чудовскіе погреба, въ намѣ Птицыну и другимъ отдаваемыя, съ французской водкой, разными винами и аглинскимъ пивомъ. Не только мужчины, но и женщины приходили тутъ пить и грабить.

«Однимъ словомъ, цѣлыя сутки грабленъ и расхищаемъ былъ Чудовъ монастырь и никто никакой помощи дать не могъ. Гдѣ тогда были полицейскіе офицеры съ командами ихъ? Гдѣ полкъ Великолукской для защищенія оставленной города? Гдѣ, на послѣдокъ, градодержатели?

«Изъ чего заключить можно, что городъ оставленъ и брошенъ былъ безъ всякаго призрѣнія. Изъ знатныхъ бояръ находился одинъ только Еропкинъ въ городѣ, и того убійцы искали, чтобъ умертвить. Прочіе же разѣхались всѣ по деревнямъ.

«Федоръ Ивановичъ Мамоновъ, приѣхавъ на гауптвахту, просилъ хотя десяти солдатъ, съ коими могъ бы всѣхъ выгнать изъ Чудова, но капитанъ отозвался неимѣніемъ на то указа. Итакъ, до тѣхъ поръ дрался въ Чудовѣ, пока и самъ почти до смерти прибитъ былъ камнемъ.

«О семъ происшествіи свѣдали мы на другой день, то-есть 16-го числа, чрезъ посланнаго въ Чудовъ одного служителя изъ Донского монастыря.

«Въ такомъ случаѣ не оставалось намъ иного дѣлать, какъ поскорѣй удалиться изъ города. Мы бы тотчасъ уѣхали, но безъ билета никто изъ города выпускаемъ не былъ.

«Владыко приказалъ мнѣ немедленно дать знать о сихъ горестныхъ обстоятельствахъ, письменно, господину Еропкину съ такимъ представленіемъ: что, посланная, съ общаго ихъ согласія, къ Варварскимъ воротамъ, для извѣстнаго дѣла, команда отъ приставленныхъ у Варварскихъ воротъ баталіонныхъ солдатъ разбита; что, устремившаяся ночью на Чу-

довъ, чернь все разбила и одни только остались стѣны; что она же чернь, хотя вездѣ искала его убить, но особливѣе Божиимъ Провидѣніемъ онъ въ чемъ стоялъ спасся, и что угрозы разсвирѣпѣвшей черни принуждаютъ его искать убѣжища внѣ города.

«Окончаніе письма состояло въ просьбѣ, чтобъ данъ былъ ему билетъ для свободного изъ города выпуска; чтобы Чудовъ монастырь съ чудотворцемъ и оставшею братією принялъ онъ въ свое призрѣніе, и чтобъ о такомъ плачевномъ состояніи благоволить въ Санктпетербургъ представить.

«Вмѣсто билета присланъ былъ отъ господина Еропкина конной гвардіи офицеръ съ приказаніемъ, чтобъ владыко поскорѣй выѣхалъ изъ Донского монастыря и чтобъ переодѣлся, дабы его не узнали.

«Сказавъ сіе, офицеръ побѣждалъ насъ давъ знать, что онъ ожидать будетъ въ концѣ сада князя Трубецкого и оттуда велитъ проводить на Хорошево въ Воскресенскій монастырь, куда имѣлъ намѣреніе владыко уѣхать.

«Между тѣмъ, какъ владыко переодѣвался и куда сыскали платье, заложили кибитку и дѣлали къ пути приготовленія, слышали мы шумъ, крикъ и пальбу около Донского монастыря. Чернь, отбивъ карантинныя и Даниловъ монастырь и другіе карантинныя дома, спѣшила къ Донскому монастырю.

«Какимъ образомъ свѣдала она о нашемъ здѣсь убѣжищѣ, о томъ неизвѣстно и по сіе время. Ни то посланный поутру въ Чудовъ монастырь, для развѣдыванія, служитель разгласилъ неосторожно; ни то монастырскіе слуги донскіе рассказали; послѣднее вѣроятнѣе.

«Уже была подвезена кибитка, въ которую лишь только владыко, переодѣвшись въ простое поповское платье, сѣсть и поѣхать съ монастыря (успѣлъ), какъ вдругъ начали убійцы ломать монастырскія, со всѣхъ сторонъ, ворота. Страхъ и отчаяніе всѣхъ насъ тутъ постигло.

«Всѣ, кто ни былъ въ монастырѣ, иска

ли себѣ спасенія. Владыко съ никольскимъ архимандритомъ Елифаніемъ пошелъ прямо въ большую церковь, гдѣ пѣли обѣдню; разсѣявшаяся по монастырю чернь, состоявшая изъ дворовыхъ людей, фабричныхъ и разночинцевъ, имѣя въ рукахъ рогатины и топоры и всякія убивственныя орудія, искали архіерея и всѣхъ, кто имъ ни попадался, били, домогаясь узнать, гдѣ скрылся архіерей.

«Что владыко со мною и въ моей каретѣ изъ Чудова уѣхалъ, сіе видѣли многіе, а тутъ увидѣли ее на дворѣ Донского монастыря и узнали. Одинъ изъ подъячихъ архіерейской канцеляріи, тутъ же бывшій, объявилъ о моей каретѣ. Кучеръ и лакеи никакъ не сказали, хотя ихъ смертно били, чтобъ они объ архіереѣ и обо мнѣ объявили.

«Наконецъ свѣдали они, что архіерей въ церкви, а я скрылся въ банѣ, ибо мой малый, посадивъ меня тутъ, самъ ушелъ и попался ворамъ въ руки; а при мнѣ въ то время сидѣли въ банѣ двое монастырскихъ слугъ, кои и топили баню.

«Злодѣи, ворвавшись въ церковь, ожидали конца обѣдни. Страдалецъ изъ алтаря увидѣлъ, что народъ съ оружіемъ и дрекольми вошелъ въ церковь, и узнавъ, что его ищутъ, исповѣдался у служившаго священника и приобщился св. тайнъ, а потомъ пошелъ на хоры, позади иконостаса.

«Между тѣмъ, какъ злодѣи, не ожидая конца обѣдни, ворвались въ алтарь и искали тамъ владыку, одна изъ нихъ партія нашла меня въ банѣ. Боже мой! въ какомъ тогда находился я отчаяніи жизни моей! Поднятые на меня смертные удары отражены были часами и табакерками, при мнѣ тогда находившимися.

«Просилъ я ихъ о нечиненіи мнѣ зла. Вдвое того просили, не знаю еще какіе сторонніе, называя меня по имени и приписывая мнѣ имя добраго и честнаго человѣка, въ числѣ коихъ былъ и помянутой подъячій нашъ, Красной.

«Меня потащили изъ бани, и встрѣтившаяся другая злодѣйская партія лишила бы меня жизни, хотя двѣ и получили отъ

нихъ контузіи, еслибъ первые мои злодѣи не приняли меня подъ свое покровительство и защищеніе. Таково-то дѣйствіе злота и серебра.

«Едва взомель я съ ними на церковную паперть, какъ вдругъ воспослѣдовала съ нами, провожаемая изъ церкви съ крикомъ и шумомъ радостнымъ, покойнаго страдальца роковая встрѣча.

«Злодѣи мои, закричавъ: «вотъ онъ! вотъ онъ!» бросили меня полумертваго. Представъ себѣ, л. д., что со мною въ такомъ горестномъ приключеніи происходило!

«Сидя еще въ банѣ, приготавливалъ я себя къ смерти и спокойно ожидалъ убійцовъ, радуясь, что достигну мученическаго вѣнца; а тутъ уповалъ, что неминуемо потащатъ меня вмѣстѣ со владыкою изъ монастыря. Но божеское Провидѣніе сохранило меня цѣла и невредима.

«Въ древнія времена церковь служила убѣжищемъ и для самыхъ виновныхъ и порочнѣйшихъ людей. Въ нынѣшнее же время архіерей и пастырь вытащенъ былъ отъ своихъ овецъ на убіеніе! Вотъ плоды просвѣщеннаго вѣка.

«Но что я медлю и не приступаю къ повѣствованію той жесточайшей для меня въ жизни минуты, въ которую я услышалъ, что владыку убить до смерти.

«Злодѣи, вмѣняя за грѣхъ осквернить монастырь, а паче церковь кровію, вывели страдальца въ заднія монастырскія ворота, гдѣ колокольная, и у самой рогатки сначала дѣлали ему нѣсколько вопросовъ, а потомъ мученическимъ образомъ до тѣхъ поръ били и терзали его, пока уже увидѣли умирающа.

«Спустя четверть часа и скончался новой московской мученикъ, и тѣло, избитое и обгащенное кровію, лежало на распутии день и ночь цѣлую, пока синодальной конторы члены, чрезъ полицейскую команду, заблагоразсудили поднять.

«Вотъ точная трагедія, коей былъ я самъ зрителемъ.

«Проливъ неповинную кровь, убійцы, изъ коихъ, какъ наиглавнѣйшій, былъ

дворовой человекъ полковника Александра Раевского, по имени Василий Андреевъ, и цѣловальникъ, московской купецъ Иванъ Дмитріевъ (кои оба потомъ, на томъ же мѣстѣ, казнены висѣлицею), со многими другими побѣжали въ городъ производить дальнѣйшія неистовствы; а я, чрезъ часъ послѣ убивства владыки, уѣхалъ въ Черную Грязь къ князю Матвѣю Дмитріевичу Кантемиру, гдѣ и братъ мой находился».

Син были точныя слова сего свидѣтеля и очевидца сей трагедіи. Какой, собственно, былъ онъ человекъ и къ кому сіе писалъ, до свѣдѣнія моего не дошло. Почему, оставя сіе, буду продолжать исторію московскаго мятежа далѣе такъ, какъ носившаяся тогда молва о томъ повѣствовала.

Помянутымъ тиранническимъ убивствомъ совсѣмъ невиннаго святителя, все богомерзкое скопище злодѣевъ сихъ нисколько не удовлетворялось и не усмирилось; но, остервенившись однажды уже, разсѣялось оно толпами по всѣмъ улицамъ городскимъ и начали грабить и производить всякаго рода наглости и буянства.

Они провели весь тотъ день въ сихъ безчиніяхъ мерзкихъ и безчеловѣчныхъ. Самая наступившая потомъ ночь не могла укротить ихъ бѣшенства и звѣрства; но злодѣйскія скопища ихъ умыслили звѣрство свое и буянство простираť на утро далѣе: перебить всѣхъ докторовъ и лекарей и всѣхъ, какіе были еще, начальниковъ, а потомъ разграбить Кремль и все въ немъ находящееся; а особливо расхиť сокровища, которыя они въ Успенскомъ и другихъ соборахъ найťти надылились.

Соблазняло и поджигало къ тому ихъ наиболѣе то извѣстное имъ обстоятельство, что Москва находилась тогда въ совершенномъ почти безначаліи. Главныя командиры всѣ разѣхались по подмосковнымъ своимъ деревнямъ; а и самыхъ воинскихъ командъ было очень мало, ибо всѣ прочія выведены были за городъ, въ лагерь, для безопасности.

Что-жъ касается до полицейской коман-

ды, то они ее, для малочисленности оной, не уважали и думали, что ей со всѣмъ ихъ великимъ множествомъ никакъ сладить не можно. А по всему сему и возмечтали звѣрскіе злодѣи син, что имъ ничто не въ состояніи будетъ воспрепятствовать произвести злодѣйское свое намѣреніе въ дѣйство.

Въ семь расположеніи злодѣйскихъ своихъ сердець и умовъ, смолвились они на утро сбѣжаться со всѣхъ сторонъ на большую торговую площадь, между Кремлемъ и рядами находящуюся. И не успѣло наступить утро послѣдующаго бѣдственнаго и кровопролитнаго дня, какъ и новалили со всѣхъ сторонъ превеликія толпы бѣснующаго народа въ Китай-городъ.

Уже наполнилась вся площадь и всѣ улицы между рядами безчисленнымъ множествомъ онаго; уже многія сотни или паче тысячи бездѣльниковъ сихъ бѣгали и бродили по Кремлю самому и допивали остаточныя вина, отыскиваемая въ погребкахъ, тамъ находящихся; уже всѣ храмы и ряды, съ безчисленными сокровищами и товаровъ несмѣтнымъ множествомъ, подвержены были явной и ежеминутной опасности отъ расхищенія, и наивеличайшее бѣдствіе висѣло уже власно, какъ на волосѣ, надъ всею Москвою; какъ невидимая десница Всемогущаго удержала еще бѣдственной и роковой ударъ сей и, по безконечной благодати своей, пощадила еще сію древнюю столицу обладателей нашихъ, употребивъ къ отвращенію того совсѣмъ неожиданное и, повидному, ничего почти незначущее, но такое средство, которое возымѣло тогда успѣхъ, превзошедшій всякое чаяніе и ожиданіе.

Сыскался въ иѣдрахъ Москвы одинъ усердный россиянинъ и истинный сынъ отечества своего, восхотѣвшій жертвовать всѣми силами и самою даже жизнію своею для спасенія великаго города сего отъ бѣдствія величайшаго.

Былъ то отетавной и никакой уже должности на себѣ неимѣвшій, престарѣлый и мало до того народу извѣстный, а того менѣе славный генералъ, по фамиліи

Еропкинтъ, а по имени, достойному вѣчнаго незабвенія, Петръ Дмитріевичъ.

Благодѣтельствующій еще Москвѣ Промыслъ Господень удержалъ его, стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ, на сіе время, и власно какъ нарочно для прославленія его, въ Москвѣ и не допустилъ его выѣхать изъ ней вмѣстѣ съ прочими.

Сей не успѣлъ услышать о происшедшемъ мятежѣ подлѣ Варварскихъ воротъ и потомъ о убіеніи архіерея, какъ, вѣдая, что нѣтъ никого изъ начальниковъ московскихъ, кому-бъ о усмиреніи мятежа стараніе приложить было можно, и предусматривая, что остервенившійся народъ при одномъ томъ не останется, а простретъ наглости свои далѣе, рѣшился вступить самопроизвольно, хотя совсѣмъ не въ свое, но крайне нужное тогда дѣло, и принять главное начальство надъ всѣми находившимися въ Москвѣ немногими военными командами, и неусыпно трудился всю ночь не только собраніемъ всѣхъ ихъ, колико ему то учинить было возможно, въ Кремль, но желая хотя сей спасти отъ наглости и расхищенія народнаго, успѣлъ сдѣлать и всѣ нужныя распоряженія къ недопущенію народа ворваться въ оный.

Четыре входа было тогда въ сію древнюю цитадель и извѣстны подъ четырьмя воротами: Спасскими, Никольскими, Вознесенскими и Боровицкими; но изъ всѣхъ одни только Вознесенскія оказались способными къ загражденію оныхъ затворами и желѣзными опускными рѣшетками; прочія-же долговременная безопасность, въ коей сія столица находилась, сдѣлала къ тому неспособными.

Итакъ, по сдѣланному господиномъ Еропкинымъ распоряженію, помянутыя Вознесенскія ворота тотчасъ были наглухо заперты и заграждены; а во всѣхъ прочихъ, кои запереть не было возможности, поставлены были пушки со многочисленными командами людей военныхъ, собранныхъ имъ кое-какъ и призванныхъ изъ-за города.

Симъ нетолько возбраненъ былъ входъ внѣ Кремля находящимся мятежникамъ,

но и всѣ случившіеся внутри Кремля злодѣи захвачены и переловлены.

По учиненіи сего, престарѣлый генераль, увидѣвъ страшное множество скопившагося на торговой площади народа, и слыша крикъ и вопль ихъ, чтобъ итти на проломъ въ Кремль для расхищенія онаго, отважился выѣхать верхомъ къ нимъ, и развѣзжая между ними, усовѣщивать и всячески уговаривать народъ, чтобъ онъ успокоился и не простиралъ безчинія своего далѣе.

«Полно, полно, друзья мои! говорилъ онъ имъ: что это вы затѣяли? Опомнитесь, пожалуйста, и подумайте, такое ли время теперь, чтобъ помышлять о такихъ наглостяхъ и безчиніяхъ. Смерть и безъ того у насъ у всѣхъ передъ глазами, и гнѣвъ Господень и безъ того насъ поражаетъ, и надобно-ли гнѣвить его еще болѣе злодѣяніями такими?»

Но всѣ сіи и множество другихъ убѣжденій, которыми онъ бунтующую чернь уговорить и укротить старался, не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Множайшіе не хотѣли нимало внимать убѣжденіямъ и словамъ его, и злѣйшіе изъ мятежниковъ кричали только ему:

«Убирайся-ка, убирайся, старикъ, самъ скорѣе прочь отсюда, а то и самого тебя стащимъ съ лошади. Слышишь! не твое дѣло, и ты ступай прочь отсюда».

Нечего было тогда дѣлать сему престарѣлому мужу, какъ дѣйствительно удалиться опять въ Кремль къ своимъ командамъ; но, по достиженіи до оныхъ, не оставилъ онъ еще кричать и убѣждать ихъ всячески, говоря, чтобъ они отходили прочь и не отваживались никакъ ломиться къ воротамъ, сказывая имъ прямо, что буде не послушаются, то онъ по дуракамъ велитъ стрѣлять.

Но они не хотѣли тому никакъ вѣрить. И какъ по приближавшимся къ Спасскимъ воротамъ велѣлъ онъ выстрѣлить, для единаго устрашенія, одними пыжами и направивъ выше головъ и они увидѣли, что никто изъ нихъ не былъ ни убитъ, ни раненъ, то возмечтавъ себѣ, что не беретъ ихъ никакая пуля и пушка и

что сама Богоматерь защищаетъ и охраняетъ ихъ, съ великимъ воплемъ бросились и повалили прямо къ воротамъ.

Но, несчастные того не знали, что тутъ готовы были уже инныя пушки, заряженные ядрами и картечами; и какъ изъ сихъ посыпались на нихъ сіи послѣднія, а первыя цѣлыя улицы между ими дѣлать начали, перехватывая кого надвое, кого поперегъ, и у кого руку, у кого ногу или голову отрывая, то увидѣли, но уже поздно, что съ ними никакъ шутить были ненамѣрены.

И какъ таковая неожиданная встрѣча была имъ весьма непріятна и всѣ злѣйшіе заводчики, бѣжавшіе впереди, почти наповаль были побиты и ядры, попадая въ стремившуюся народную толпу и достигая до самой улицы Ильинки, однимъ выстрѣломъ по нѣскольку десятковъ умерщвляли; то сіе бывшихъ назади такъ устало, что всѣ бросились назадъ и разбѣжались въ разныя стороны, кто куда скорѣй успѣть могъ.

А сіе самое по особливому счастью и положило конецъ всей этой трагической сценѣ; ибо, не успѣли всѣ находившіеся предъ прочими воротами толпы услышать пальбу и вопли раненыхъ и увидѣть бѣгуцій прочь народъ, какъ и сами начали разбѣгаться врознь, и въ короткое время не видно было нигдѣ во всей Москвѣ ни малѣйшей кучки и скопища народнаго, и полиціи оставалось только ловить и вытаскивать изъ винныхъ погребовъ тѣхъ, кои въ нихъ пьющіе были заперты.

О семъ-то страшномъ происшествіи достигъ до насъ помянутой, 21-го числа сентября, первой слухъ, поразившій всѣхъ насъ неизреченнымъ образомъ.

Но какъ письмо мое уже слишкомъ увеличилось, то дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться и кончить оное увѣреніемъ, что я есмь и прочее.

(Декабря 23 дня 1807 года).

Письмо 152-е.

Любезный пріятель! Описавъ вамъ въ послѣднемъ предъ симъ письмѣ московской бунтъ и возмущеніе, въ дополне-

ніе къ тому скажу теперь, что хотя собственно мятежъ помянутымъ насильственнымъ средствомъ и совершенно былъ разрушенъ и прекращенъ, но язва тѣмъ нимало не прекратилась, но продолжала по прежнему или еще болѣе свирѣпствовать надъ несчастною Москвою и повергла оную въ положеніе, достойное величайшаго сожалѣнія. Превеликое множество жителей похищено было ею ежедневно и доходило до того, что не доставало силъ къ вытаскиванію изъ домовъ и вывалакиванію оныхъ за городъ и зарыванію.

Люди употребляемы были къ тому изъ колодниковъ и назначенныхъ къ отсылкѣ на каторгу; и всѣ они обшиты были кругомъ въ черное смоляное и особое одѣяніе, въ которомъ прорѣзаны были только отверстія для глазъ, рта и ноздрей и отъ самаго того, несмотря, хотя имѣли они ежедневно дѣло съ умирающими чумою, многіе дѣйствительно спаслись отъ оной и остались живы.

Что-жъ касается до прочихъ, заражающихся извою людей, то немногимъ только удавалось спастись отъ смерти; но множайшіе въ самое короткое время погибали и превеликое множество домовъ опустѣло совершенно, потому что всѣ, бывшіе въ нихъ люди, вымерли до единого.

И особливая еще милость Господня была та, что чума сія не составляла собственнаго и такого морового повѣтрія, которымъ зараженъ бы былъ самой воздухъ и былъ губителенъ для всѣхъ, но размножалась наиболѣе отъ прикосновенія до тѣла, до платья и до другихъ вещей, бывшихъ на зараженныхъ и умершихъ чумою; а потому и заражались наиболѣе отъ небреженія и упущенія нужныхъ предосторожностей и излишней неблаговременной отваги. Изъ тѣхъ же, которые употребляли всѣ нужныя предосторожности и береглись отъ всякаго къ сумнительнымъ вещамъ прикосновенія, очень немногіе заражались, а множайшіе оставались цѣлыми и невредимыми.

Но жалъ, что въ истинѣ сей и возможности спастись тѣмъ отъ чумы, простой народъ не скоро могъ удостовѣриться и до тѣхъ поръ наиболѣе и заражался, покуда не пересталъ имѣть небреженіе и сталъ болѣе употреблять предосторожностей.

Совсѣмъ тѣмъ, чума продолжалась и послѣ помянутаго несчастнаго произшествія нарочито еще долго, и народу въ Москвѣ погибло очень много.

Господинъ Еропкинъ награжденъ былъ тотчасъ за ревность и усердіе свое отъ монархини. Она, какъ скоро услышала о дѣяніяхъ его, какъ изъ признательности почтила его первѣйшимъ російскимъ орденомъ.

Впрочемъ, примѣръ его побудилъ и другихъ изъ нашихъ первѣйшихъ вельможъ къ послѣдованію оному. Отобралось ихъ нѣсколько человекъ и въ числѣ ихъ самъ ближайшій фаворитъ и тогдашній любимецъ ея графъ Орловъ, и предложили монархинѣ, что они хотятъ ѣхать въ Москву и, подвергая жизнь свою опасности, употреблять тамъ стараніе и все, что только могутъ, къ прерванію чумы, къ остановленію дѣйствій ея и къ сохраненію оставашаго народа.

Императрица охотно и дозволила имъ сіе и довольно была очень, что изъ самыхъ близкихъ къ ней людей ссыкались такіе патриоты.

Они и дѣйствительно приѣхали въ Москву, жили въ ней нѣсколько времени, употребляли все, что только было имъ возможно. Жили въ императорскомъ, огромномъ Головинскомъ дворцѣ, бывшемъ за Нѣмецкою слободою, и имѣли несчастіе видѣть оной при себѣ, отъ топленья камина, загорѣвшійся и весь оной въ немногіе часы превратившійся въ пепелъ.

Но, помогли-ль они чѣмъ-нибудь несчастной Москвѣ и послѣшествовали-ль съ своей стороны чѣмъ къ прерванію чумы, о томъ какъ-то ничего не было слышно; а начала она уже сама собою, при наступленіи зимы, сперва мало-по-малу утихать, а потомъ вдругъ, къ неопisanному обрадованію всѣхъ, пресѣклась.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1872 г.

Между тѣмъ, какъ все сіе въ столицѣ нашей происходило, мы, въ деревняхъ своихъ, жили по прежнему въ мирѣ, тишинѣ и спокойствіи, и во весь помянутой сентябрь мѣсяцъ не преставали разѣзжать другъ къ другу по гостямъ и заниматься обыкновенными своими упражненіями. Ибо, доходящіе до насъ о Москвѣ слухи, хотя и часто нагоняли на насъ страхъ и ужасъ и немало насъ озабочивали; но великая разность была между слухами о происходившемъ вдали и произшествіями близкими. Сіи не прежде начали насъ прямо тревожить, какъ сначала мѣсяца октября.

Первѣйшее, весьма насъ поразившее извѣстіе услышали мы еще 27 сентября отъ нашего молодого приходскаго тогда попа Евграфа, приходившаго къ намъ дѣлать извѣтъ на товарища своего, престарѣлаго попа Ивана, и сказывалъ, что въ Злобинѣ, убѣжавшая отъ чумы и съѣхавшая съ Москвы, племянница князя Горчакова, занемогши очень скоро и сомнительно, умерла; и что помянутой товарищъ его не только ходилъ причащать ее, но и похоронилъ при церкви тайно и такъ, что никто о томъ не зналъ и не вѣдалъ и что, по всему видимому, умерла она чумою.

Господи! какъ поразились мы всѣ симъ нечаяннымъ и страшнымъ извѣстіемъ. Деревня сія была подъ бокомъ у насъ и тулеинскимъ моимъ всякой день мимо ей на работу ко мнѣ ходить надлежало. И такъ, не должноствовало-ли страшиться, что зло сіе тамъ распространится и дойдетъ скоро до насъ. А не менѣе нагонялъ на насъ страхъ уже и погость самой.

Не могу изобразить, какъ досадовалъ я тогда на старика попа нашего и проклиналъ ненасытную алчность къ корысти сего негоднаго человека. Натурально должно было заключать, что похоронилъ онъ чумою умершую княжю племянницу неннако, какъ за великую плату. Итакъ, корыстолюбію своему жертвовалъ не только собственною своею жизнью, но и благомъ всего своего прихода; ибо чрезъ самое то язва могла всего

скорѣе и удобнѣе распространиться по всѣмъ окружнымъ селеніямъ.

Я послалъ къ нему тотчасъ сказать, чтобъ онъ пересталъ бездѣлничать и умирающихъ чумою таскать къ церкви и хоронить на погостѣ, какъ то и запрещено уже было и отъ начальства; и что, въ случаѣ, ежели не уймется, я допесу о томъ архіерею и онъ за то постраждетъ.

Но полъ и не подумалъ уважать сіи угрозы, но продолжалъ и далѣе свое пагубное ремесло и, къ превеликому удивленію, спасся отъ чумы, несмотря, что со многими чумными имѣлъ дѣло и не только внося въ церковь, ихъ отпѣвалъ, но и погребалъ лично.

Сіе насъ такъ настрашало, что мы на праздникъ Покрова не осмѣлились ѣхать къ обѣдни къ своей церкви, боясь и близко быть къ тому мѣсту, гдѣ погребены были чумные; а не велѣли и людямъ своимъ никому ходить туда, а ѣздили къ обѣдни уже въ Ченцово. А на заставахъ своихъ велѣли наистрожайшимъ образомъ, чтобъ куреніе было непрерывное и чтобъ всѣ, входящіе въ деревню, были наитщательнѣйшимъ образомъ окуриваны. А чрезъ день послѣ того, съ общаго согласія, рѣшились, поднявъ образа, обойти съ ними и со всѣми жителями всю нашу деревню и помолиться хорошенько Богу о томъ, чтобъ онъ насъ помиловалъ и деревню нашу сохранилъ отъ заразы; что и учинили мы октября 3-го числа.

Произшествіе сіе было трогательное и чувствительное. За образами послано было нѣсколько людей. По приближеніи же къ селенію, встрѣчены они были нами со всѣми обоего пола жителями, отъ мала до велика, и всѣ мы провожали ихъ при обходѣ съ ними вокругъ всего нашего селенія.

При концѣ-же обхода сего остановились мы на току гумна брата моего Михаила Матвѣевича, на томъ почти мѣстѣ, гдѣ оной и нынѣ у сына его, подлѣ пруда. Тутъ молебствовали мы и по водосвятии приносили съ колѣнопреклоненіемъ нап-

теплѣйшія моленія наши ко Всевышнему, и я не думаю, чтобъ когда-нибудь маливались мы съ такимъ искреннымъ усердіемъ, какъ въ тогдашнее время.

По окончаніи сего, и поставивъ образа въ домѣ у брата, зазвалъ я всѣхъ къ себѣ и угостилъ обѣдомъ, а потомъ проводили мы святые образа такимъ же образомъ изъ деревни.

Не успѣли мы сего священнодѣйствія кончить, какъ на другой день, при случаѣ поминокъ братнина тестя, г. Стахѣева, перетревожены мы были въ прахъ извѣстіемъ, что чума окружила насъ уже со всѣхъ почти сторонъ и въ самой близости, а именно, что была она уже въ Липцахъ, во Дворикахъ, въ Якшинѣ, въ Городнѣ, въ Злобинѣ и на заводѣ Ведминскомъ. Все сіе услышали мы вдругъ и однимъ разомъ, и я не въ силахъ изобразить, какъ много устранило насъ сіе извѣстіе.

Ужасъ проникъ въ наши кости и устрашеніе было такъ велико, что не взмнилъ намъ ни домъ, ни все прочее, и мы, поговоря съ семействомъ своимъ, положили, не долго думая, остави все, укатать въ Алексинскую свою деревню, въ село Коростино, въ которой сторонѣ не было еще ничего и о чумѣ было еще не слышно.

Намѣреніе сіе было такъ твердо, что мы, въ послѣдующій за симъ день, начали къ отъѣзду своему туда дѣйствительно собираться и укладывать на воза провизію и прочее, что намъ взять съ собою необходимо было нужно.

Но что-жъ воспослѣдовало?— Уже укладены были всѣ повозки и уже положили мы на утріе, съ свѣтомъ, вдругъ въ сіе путешествіе и бѣгство пуститься и разстаться съ своимъ домомъ; какъ вдругъ, въ тотъ же день ввечеру приѣзжаетъ къ намъ изъ Коростина человекъ и рассказываетъ, что тамъ, у самихъ насъ, умеръ одинъ старіеъ скоропостижно, и что чума и въ тамошнихъ окрестностяхъ и неподалеку отъ насъ оказывается, въ особенности же, что оказалась она въ Маляховѣ, откуда къ сосѣду моему, госпо-

дину Колюбакину, ежедневно ходятъ люди на работу.

Извѣстіе сіе поразило насъ какъ громовымъ ударомъ. Мы всѣ онѣмѣли оно услышавъ, стали въ пень и не знали что дѣлать, и ѣхать-ли туда уже, или не ѣздить; ибо боялись, чтобъ бѣжавши отъ волка не попасть на медвѣдя.

Въ сей нерѣшимости и недоумѣніи собрались мы поутру въ слѣдующій день и, учинивъ общій совѣтъ, рѣшились, возложивъ всю свою надежду и упованіе на Господа, остаться въ своемъ домѣ и никуда не воспринимать бѣгства; ибо заключали, что отъ руки его не можемъ нигдѣ скрыться и убѣжать, если ему угодно будетъ излить на насъ гнѣвъ свой.

Не успѣли мы сего намѣренія воспріять и приказать выбирать опять все изъ повозокъ, какъ увидѣли идущаго къ намъ неожидаемаго гостя.

Быль то неподалеку отъ насъ живущій дворянинъ, господинъ Постельниковъ, ѣхавшій тогда изъ Коширы. Онъ привезъ ко мнѣ отъ воеводы нашего бывшую у него книжку и еще пакетъ изъ Вольнаго Экономическаго Общества.

Я думалъ, что была то книжка; но, вмѣсто того, распечатавши, нашелъ, что былъ то ящичекъ съ медалью, съ письмомъ ко мнѣ отъ Общества, которымъ благодарило оно меня за сообщенное имъ сочиненіе мое о раздѣленіи полей; увѣдомляло, что комитетомъ удостоено оно печати и что, по силѣ устава, посылаетъ ко мнѣ въ награжденіе за то медаль.

Сія была точно такая-жъ, какъ и прежняя, но только серебряная и цѣны очень небольшой и неважной, а потому и былъ я оною не весьма обрадованъ; а признаюсь, что дожидался-было за труды мои какого-нибудь лучшаго и существительнѣйшаго награжденія.

Но сего было еще недовольно; но Общество возлагало еще на меня въ томъ же письмѣ комиссію, которую не такъ-то легко можно было выполнить, а именно: чтобъ я сочинилъ одно сочиненіе для отсылки въ Академію, а отъ ней въ иностранное государство къ сочинителямъ и

издателямъ энциклопедіи, въ которомъ содержалось бы всеобщее описаніе російскаго хлѣбопашества и всего хозяйства, о чемъ упомянутые издатели нашу Академію, а сія наше Общество просила; и какъ сіе не нашло никого кромѣ меня къ тому способнѣйшаго, то и возлагало оно на меня сей трудъ и предписывало еще и самые предѣлы и величину сему сочиненію.

Признаюсь, что препорученіе сіе, при такомъ маломъ и ничего незначущемъ награжденіи за прежнее мое сочиненіе, было мнѣ весьма непріятно. Для препоручаемаго сочиненія потребно было не только множество труда, но нужно было и гораздо обширнѣйшее обо всемъ свѣдѣніе, нежели какое имѣлъ я о домоводствѣ и хлѣбопашествѣ во всемъ государствѣ. Дальней-же побудительной причины къ принятію на себя такъ великаго и важнаго труда никакой не было и оно, кромѣ ничего незначущей благодарности, ничего не обѣщавало.

Итакъ, вмѣсто удовольствія о присылкѣ медали, чувствовалъ я только досаду, и находился въ нерѣшимости что дѣлать.

Сперва, въ досадѣ, вздумалъ-было я, подъ предлогомъ тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствъ, да и незнанія своего обо всемъ государствѣ, отъ сего дѣла отказать; но подумавъ поболѣе и поразсудивъ, находилъ я, что будетъ сіе для меня дурно и непохвально; а потому и положилъ еще разъ пожертвовать Обществу своими трудами и посмотрѣть что будетъ, всходствіе того на досугѣ приняться за сіе дѣло.

А въ послѣдующій за симъ день рожденія моего и приступилъ дѣйствительно къ сей работѣ, которую, какъ ни была она для меня трудна и велика, и какъ духъ мой въ тогдашнее время ни былъ то и дѣло смущаемо и обезпокоиваемо слухами о размножающемся частъ отъ часу болѣе вездѣ и вездѣ моровомъ повѣтріи, но въ теченіи двухъ недѣль совершенно кончилъ, и переписавъ набѣло, отправилъ по почтѣ въ Петербургъ въ Общество.

Но трудъ сей былъ совѣмъ тиетный и я не получилъ за него не только никакого награжденія, но ниже благодарности, и не имѣлъ даже удовольствія видѣть его напечатаннымъ; да и не знаю совершенно и по нынѣ, что съ сочиненіемъ моимъ воспослѣдовало.

Съ сего времени по самый день моихъ именинъ просидѣли мы, отъ страха окружающей насъ со всѣхъ сторонъ чумы, дома и нигуда не ѣздили. И вся достопамятность, случившаяся въ теченіи сего времени была та, что меньшей мой двоюродной братъ Гаврила Матвѣевичъ, нестолько служившій, какъ болѣе только слонявшійся въ гвардейской службѣ, получивъ прaporничій чинъ, приѣхалъ въ отставку и съ сего времени сталъ уже жить всегда въ деревнѣ.

Ѣдучи изъ Петербурга, объѣхалъ онъ Москву въ дальнемъ разстояніи, а безъ того настрашалъ бы и онъ насъ своимъ приѣздомъ.

Всѣ наши разъѣзды сдѣлались около сего времени уже очень опасными, ибо вездѣ легко можно было повстрѣчаться съ какими-нибудь зачумѣвшими людьми, или наѣхать на дорогѣ что-нибудь съ умыслу брошенное и лежащее отъ людей зачумленныхъ и опасныхъ; ибо въ черной народѣ вѣдрилось тогда самое адское суевѣріе и предразсудокъ пагубной: что, если хотятъ, чтобъ чума гдѣ пресѣклась, то надобно что-нибудь зачумѣлое кинуть на дорогѣ и тогда, если кто подниметъ и принесетъ домой, то тамъ и сдѣлается вновь чума, а въ прежнемъ мѣстѣ пресѣчется.

А сіе дѣйствительно многіе и дѣлали и намъ самимъ неоднократно случалось наѣзжать лежащую на дорогѣ либо шапку, либо шляпу, либо инныя какія вещи изъ одежды, но отъ которыхъ мы, какъ отъ огня, уже бѣгали и всегда объѣзжать подалѣе ихъ старались.

Но сколь ни опасно было въ сіе время разъѣзжать, но я столько любимъ и уважаемъ былъ моими родными, друзьями и сосѣдами, что ко дню моихъ именинъ, несмотря на всю опасность, съѣхалось

ко мнѣ таки-довольно гостей, и я день сей, противъ чаянія, провелъ съ милыми и любезными людьми въ удовольствіи совершенномъ.

Былъ у меня почтенной старичокъ, дѣдъ жены моей, была тетка ея съ дѣтьми своими, былъ другъ мой г. Полонскій съ женою, былъ родственникъ мой Дмитрій Максимовичъ Бакъевъ, былъ г. Ладыженскій съ женою, былъ г. Рудневъ и, наконецъ, наши деревенскіе сосѣди.

Угощеніе сіе было тѣмъ для меня пріятнѣйшимъ, что я не зналъ и въявь всѣмъ говорилъ, что не въ послѣдній-ли разъ ихъ угощаю, и велить-ли Богъ кому дожить до сего дня въ будущій годъ.

Гости мои не только пробыли у меня до самаго вечера, но всѣ и ночевали, а нѣкоторые не прежде, какъ на третій день, послѣ обѣда, отъ насъ разъѣхались.

Такимъ образомъ пошелъ мнѣ 34-й годъ отъ моего рожденія, о которомъ я всего меньше тогда зналъ, проживу-ли весь оный и не похититъ-ли меня чума на ряду съ прочими.

Мы остались тогда по разъѣздѣ гостей въ совершенномъ страхѣ и отчаяніи, ибо услышали, что и кромѣ вышеупомянутыхъ селеній, оказалась чума и въ другихъ мѣстахъ. Намъ сказали, что зачумѣло уже и Теплово, Шенилово, Контево, другая Городня, Карцово, Шебачеево и нѣкоторыя другія, также очень близкія къ намъ селенія.

О Злобинѣ же сдѣлалось извѣстно, что и кромѣ умершей княжой племянницы, померли и всѣ женщины, ходившія за нею и многіе другіе люди, и что жители сего селенія всѣхъ зачумѣвшихъ согнали въ избу, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ деревни, подлѣ мельницы находившуюся, и тамъ всѣхъ ихъ для умиранія заперли и что старичишка, негодай пошъ нашъ, хоронилъ при церкви и тамъ умиравшихъ.

Все сіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока всѣ они перемерли, и какъ здоровые жители были такъ благоразумны, что

помянутую избу потомъ сожгли со всѣмъ оставшимъ послѣ умершихъ платьемъ, то тѣмъ самымъ и избавились отъ смерти и чума въ селеніи ихъ не распространилась далѣе.

О достальной половинѣ сего мѣсяца замѣчу я только то, что мы всю ее провели въ величайшемъ отъ чумы страхѣ и опасеніи и никуда почти не ѣздили, кромѣ того, что сѣздили однажды въ Калединку и тамъ, у тетки, въ первый разъ гостили въ ея новыхъ хоромахъ, поспѣвшихъ уже къ сему времени и построенныхъ по моему плану; и что 28 числа, у сосѣда моего, Матвѣя Никитича, умеръ сынъ его Степанъ, мальчикъ бывшій уже по третьему году, которой былъ въ фамиліи нашей важнѣе, нежели мы тогда воображали; да и можно-ли было намъ воображать, что онъ былъ послѣдній въ родѣ сего дома, и что съ нимъ пресѣчется все мужеское поколѣніе онаго, и помѣстье сіе перейдетъ въ чужую и другую фамилію.

И самый ноябрь мѣсяцъ провели мы такимъ же почти образомъ, сидючи наиболѣе дома и находясь въ такомъ же почти страхѣ и опасеніи отъ чумы, а хотя кое-куда и ѣздили, но очень рѣдко.

Съ яблоками своими, которыхъ, какъ я упоминалъ, родилось въ сей годъ много, не зналъ я что дѣлать. О посылкѣ ихъ для продажи въ Москву и помыслить было не можно. Еслибъ покупали тамъ и по рублю яблоко, такъ не можно-бъ было на то отвѣжиться.

А какъ деньги, а особливо мѣдныя всѣхъ прочихъ вещей были тогда опаснѣе, то для самаго того не отвѣживались мы никакъ посылать ихъ и по деревнямъ для продажи. Дома же у насъ никто не покупалъ. Итакъ, принуждены мы были сберегать ихъ кое-какъ уже дома, а изъ слабыхъ испытывали дѣлать сидръ, но успѣхъ въ томъ имѣли невеликой.

Впрочемъ, какъ мѣсяцъ сей былъ осенній и такой, въ которомъ не было уже никакихъ садовыхъ надворныхъ работъ, и принужденъ я былъ болѣе сидѣть въ теплѣ и искать домашнихъ упражненій:

издавна-же наилучшимъ упражненіемъ въ сіе скучное время было у меня писаніе и сочиненіе чего-нибудь;—то и въ сей годъ въ особенности занимался я въ сіе время онымъ и успѣлъ написать много кой-чего въ теченіи сего мѣсяца. А именно, разохотившись писать въ Общество Экономическое, заготовилъ я для отсылки туда цѣлыхъ три пьесы.

Первая была вообще «О садахъ и заведеніи оныхъ», а особливо о посадкѣ деревь. Другое было небольшое, «О истребленіи костера изъ пшеницы», а третье и знаменитѣйшее изъ всѣхъ,—о новомъ своемъ «хмѣлеводствѣ», съ рисунками, которое вылилось такъ велико, что я принужденъ былъ разорвать его на-трое. Кромѣ того, занимался я продолженіемъ сочиненія давно уже начатой второй части «Дѣтской философіи», и успѣлъ сію часть кончить и начать переписывать.

Всѣми сими сочиненіями занимался я обыкновенно только въ утреннее время, вставая задолго до свѣта и продолжая дѣло сіе до обѣда и покуда еще голоденъ, а послѣ обѣда занимался я болѣе чтеніемъ историческихъ, экономическихъ и духовныхъ книгъ; а по вечерамъ опять либо писалъ, либо что-нибудь читывалъ, а особливо въ тѣ дни, когда случалось у насъ бывать старичку, дѣду жены моей, для котораго наилучшая была у насъ забава, когда читывалъ я ему что-нибудь хорошенькое и полезное.

Кромѣ сего достопамятно, что и въ теченіи сего мѣсяца, по неотступной и пѣскольکو разъ повторяемой просьбѣ господина Щербинина, принужденъ я былъ принять деревню его Якшино въ свое смотрѣніе и въ оную, несмотря на всю опасность, ѣздить выбирать тамъ прикащика и старосту и дѣлать разныя распоряженія.

Наконецъ, памятенъ мнѣ сей мѣсяцъ однимъ смѣшнымъ и вкупѣ крайне досаднымъ произшествіемъ, случившимся въ нашей фамиліи.

Случилось сіе въ самую середину сего мѣсяца, какъ, сидючи однажды подъ окномъ своимъ, увидѣлъ я бѣгущую къ себѣ

дворомъ тещу брата моего Михаила Матвѣвича, и по прибѣжаніи ко мнѣ въ кабинетъ, упавшую къ моимъ ногамъ и на полу растянувшуюся.

Поразился я таковымъ явленіемъ и, не зная чтобъ это значило, поднимая, спрашивалъ ее о причинѣ; но она только вопіяла:

— «Помилуй, батюшка, защити бѣдную меня отъ зятя. Бестія, прибилъ моего слугу и меня самую со двора гонить!»....

Удивился я сему случаю и тотчасъ догадавшись, что всему тому была причиною излишняя рюмка, выпитая моимъ братцемъ, а можетъ быть и самою сею его малорослою тещею, до чего была она также, по подъяческой своей природѣ, охотница, побѣждалъ тотчасъ къ нему, и нашедъ тамъ превеличайшую сумятицу и ссору совершенную, не только брата своего началъ всячески тазать и бранить, но и развелъ ихъ, уведя боярынь къ себѣ въ домъ и оставивъ его одного пьянаго колобродить.

Наутріе, приходивши опять къ нему, до того довелъ я его своими уговариваніями и даже просьбами, со слезами, о томъ, чтобъ онъ употреблялъ менѣе горячихъ напитковъ, что онъ далъ мнѣ въ томъ клятвенное обѣщаніе и пришелъ ко мнѣ просить у тещи и жены своей прощенія; что и преподало мнѣ способъ къ прекращенію между ими ссоры и къ возстановленію въ семействѣ ихъ опять спокойствія.

Между тѣмъ, въ концѣ сего мѣсяца обрадованы мы были до безконечности извѣстіемъ, что въ Москвѣ повѣтріе начинало мало-по малу ослабѣвать и утихало уже примѣтнымъ образомъ.

Нашлись также тогда вездѣ списки о умершихъ въ ней, во всѣ лѣтніе мѣсяцы, чумою, и по онымъ—погубила она въ мѣсяцѣ апрѣлѣ 744, въ маѣ—857, въ іюнѣ—1,099, въ іюлѣ—1,708, въ августѣ—7,268, въ сентябрѣ—21,401, въ октябрѣ—17,561. Всего по ноябрь мѣсяцъ 50,632 человекъ. А деревень, въ одномъ московскомъ уѣздѣ, заразилось 216, умалчивая о прочихъ уѣздахъ и провинціяхъ. А сколько

народу померло въ Москвѣ въ ноябрь и всего всѣхъ вездѣ, было намъ неизвѣстно, а думать надобно, что чума въ сей разъ похитила у насъ около ста тысячъ человекъ, когда не болѣе.

Начало декабря ознаменовалось двумя особенными, относящимися до меня происшествіями: во-первыхъ, тѣмъ, что я крайне обрадованъ былъ извѣстіемъ, что въ частные смотрытели избранъ не я, а сосѣдъ мой г. Ладыженскій и г. Пушкинъ; ибо, признаться надобно, что я очень боялся, чтобъ въ хлопотливую и, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, крайне опасную должность, не выбрали меня. Во-вторыхъ, что я въ одинъ день былъ до чрезвычайности испуганъ однимъ происшествіемъ. Случилось сіе въ 4-й день мѣсяца декабря.

У сосѣда моего, господина Ладыженскаго, была въ сей день дочь его Варвара имянинницею и онъ звалъ насъ къ себѣ обѣдать. Какъ за чумою мы давно уже никуда не ѣздили и засидѣлись дома, то, хотя и опасно еще нѣсколько было ѣхать мимо зачумленной деревни Злобиной, но мы, предиріавъ оную кругомъ обѣхать полями, рѣшились въ Сенино съѣздить.

Въ Злобинѣ хотя и неслышно было ничего съ того времени, какъ они сожгли избу со всѣми зачумѣлыми вещами у мельницы однако, какъ извѣстно было намъ, что, тогда было обыкновеніе тамъ, гдѣ была чума, стараться ее скрывать и утаивать, а тамъ, гдѣ ея не было, на себя ее склѣпывать и прилгать, дабы тѣмъ отогнать постороннихъ, которые всѣ тогда были опасны и сумнительны, отъ проѣзжанія чрезъ деревни, то и не знали мы, и въ Злобинѣ завѣрное пресѣклась-ли въ немъ чума или еще продолжалась; а потому и не преминули употребить всѣхъ нужныхъ предосторожностей и какъ сами у себя и у людей, ѣхавшихъ съ нами, всѣ наружные и обнаженные наши члены вытерли уксусомъ, такъ и на дорогу взяли съ собою уксуса для нюханія. При подѣзжаніи же къ Злобину, велѣли взять гораздо далѣе вправо и обѣзжать вдали вокругъ сію деревню. По счастію было поле сіе

тогда подъ озимями и, по положенію мѣста объѣздъ сей учинить было можно. Но не успѣли мы при семъ объѣздѣ поровняться съ деревнею сею, какъ глѣдимъ бѣгутъ изъ деревни два мужика и прямо къ намъ.

Господи! какъ мы перетревожились всѣ тогда при приближеніи оныхъ. Я велѣлъ людямъ кричать и махать руками, чтобъ они къ намъ не приближались, а кучера то и дѣло понукалъ ѣхать скорѣе, чтобъ удалиться отъ бѣгущихъ; но сего учинить мы никакъ не могли.

Они бѣжали къ намъ па перехватъ и мы неинако заключили, что они хотятъ насъ ругать и браниться, для чего мы по зеленымъ ихъ ѣздамъ, и принялись за нюханье своего уксуса и, стараясь выѣхать изъ-подъ вѣтра, готовились слушать ихъ брани; но вмѣсто того, какъ стали мы самихъ ругать и бранить, услышавъ отъ нихъ, что они были опредѣленные караульщики и для самаго того къ намъ бѣжали, дабы сказать, чтобъ мы и близко къ ихъ деревнѣ не подъѣзжали, а объѣзжали-бы оную далѣе.

«Да развѣ вы слѣпы? кричали мы, что мы то и дѣлаемъ, и зачѣмъ васъ неслая нелегкая къ намъ? Ступайте-ка и убирайтесь прочь отъ насъ и оставьте насъ съ покоемъ!»

Между тѣмъ, какъ люди наши симъ образомъ съ ними, не далѣе какъ только шаговъ на десять отъ насъ стоявшими, говорили, сердце у насъ у всѣхъ было совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ, а такъ отъ страха трепетало, что хотѣло выскочить. И не могу безъ смѣха теперь вспомнить о томъ, какъ мы, сидючи тогда въ каретѣ, обтирали у себя и лицо и руки уксусомъ и укрывались всячески въ каретѣ, чтобъ чума не могла нанесена быть отъ нихъ на насъ вѣтромъ.

Но какъ бы то ни было, но мы проѣхали, прогостили весь тотъ день въ Сенинѣ и возвратились тѣмъ же путемъ и домой благополучно.

Но не успѣли мы приѣхать, какъ вдругъ сдѣлалось мнѣ дурно, и такъ дурно и не по себѣ, какъ никогда почти со мною не

бывало. Послѣ чего, вскорѣ почувствовалъ я въ себѣ ознобъ, а потомъ ужасный жаръ.

Неожиданность сія въ прахъ меня напугала, ибо, какъ извѣстно было намъ, что и съ заражающимися чумою сначала такія же происшествія бывають, то что иное оставалось тогда заключать, какъ не то, что конечно и ко мнѣ чума отъ помянутыхъ мужиковъ, какимъ-нибудь образомъ, прильнула; и какъ я въ томъ почти уже и не сомнѣвался, то посудите, каково мнѣ тогда было.

Одна мысль о томъ поражала меня неописаннымъ образомъ! Словомъ, я впалъ въ такое смущеніе духа и дружное изнеможеніе тѣлесное, что не въ силахъ былъ итти за столъ ужинать; а какъ спать стали ложиться, то безъ дальнихъ оличностей женѣ своей сказалъ, чтобъ она въ сей день со мною не ложилась, но оставила меня одного, ибо еще неизвѣстно, чѣмъ болѣзнь моя откроется и не чумали еще самая. Итакъ, въ семъ случаѣ мнѣ не хочется, чтобъ и они отъ меня заразились.

Что было тогда ей дѣлать? Она хотя говорила, что тому статься не можно, чтобъ я зачумѣлъ, и что я напрасно сіе думаю; однако я настоялъ, чтобъ она для всякаго случая и изъ одной предосторожности оставила меня одного.

И она принуждена была сіе сдѣлать. А я ну-ка приниматься за свое обыкновенное въ такихъ случаяхъ лекарство, ну-ка принуждать себя, то и дѣло, къ чиханію и симъ, въ немногія минуты, такъ жаръ въ себѣ уменьшилъ, что могъ уже спокойно заснуть; а наутріе, кромѣ оставшейся слабости въ членахъ и сдѣлавшагося, можетъ быть, отъ поврежденія желудка, превеликаго поноса, совсѣмъ опять по прежнему здоровъ сдѣлался, что успокоило духъ во мнѣ и во всѣхъ моихъ родныхъ, не менѣе моего симъ случаемъ перестращенныхъ.

Такимъ образомъ удостовѣрившись, что то была не чума, и слыша притомъ со всѣхъ сторонъ увѣренія, что въ Злобинѣ давно уже нѣтъ никакихъ больныхъ, да

и во всѣхъ окрестностяхъ нашихъ чума утихла и пресѣклась, могли мы отважиться наступающій въ самое сіе время нашъ годовой праздникъ праздновать по прежнему обыкновенію.

Мы осмѣлились быть у обѣдни уже въ своей церкви и, какъ во всѣхъ нашихъ трехъ домахъ много было пріѣзжихъ родныхъ и пріятелей и мы изъ дома въ домъ со всѣми гостями переѣзжали и взаимно всѣхъ угощать старались, то и пропраздновали мы нѣсколько дней сряду и провели оныя, а особливо вечера, въ разныхъ играхъ очень весело.

При чемъ нѣкотораго замѣчанія достойно, что я въ самое сіе время изобрѣлъ простое и самое удобное средство, никому еще до того неизвѣстное, къ составленію такъ-называемаго картезіанскаго чертѣнка изъ воска, которымъ физическимъ экспериментомъ въ послѣдующее время я такъ много веселился, а иногда употреблялъ его и въ пользу, и что самая фигурка сія подала намъ тогда поводъ къ особливому смѣху.

Случилось сіе утромъ одного изъ тогдашнихъ праздничныхъ дней, при случаѣ пришедшихъ ко мнѣ на поклонъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ духовенства отъ нашей церкви и другихъ сосѣдственныхъ. Были въ числѣ ихъ и попы, и дьяконы, и дьячки, были люди умные, были и со всякою всячиною. Какъ всѣ они, дожидаясь угощенія водкою, у меня сидѣли, то приди мнѣ охота порѣзвиться и удивить ихъ своею нововыдуманною фигуркою. Итакъ, важнымъ и нешуточнымъ тономъ говорю я имъ:

— «А со мною, отцы святые, какая случись диковинка. На сихъ дняхъ ловили у меня въ прудахъ подо льдомъ рыбъ къ празднику, и какъ вытаскивали неводъ, то увидѣли между рыбою нѣчто чернѣющее и ворочующееся. Они почли сперва водянымъ тараканомъ, но скоро, увидя, что былъ то совсѣмъ не тараканъ, а нѣкая чудная, необыкновенная и удивительная вещьца, имѣющая точное подобіе маленькаго чернаго человѣчка, или паче чертѣнка съ страшными глазами и превели-

кими горбами спереди и сзади, всѣ мы удивились и не знали, что это такое и что съ нимъ дѣлать. Наконецъ, рѣшился я посадить его скорѣй опять въ воду въ ведро, а изъ него въ стеклянную банку, наполненную водою и, чтобъ не ушелъ, завязалъ сверху на крѣпко пузыремъ. Онъ и теперъ у меня цѣлъ и живъ, и поглядите какой!»

Сказавъ сіе, пошелъ я въ свой кабинетъ, вынесъ банку мою съ фигуркою и, показывая ее всѣмъ имъ, съ крайнимъ любопытствомъ на нее смотрящимъ, спросилъ: «Ну, видите?»

— «Видимъ! видимъ! отвѣтствовали,— живой, истинно, съ ногами, и движется!»

Тогда, восхотѣвъ ихъ еще болѣе удивить, сказалъ я: «Да, посмотрите-ка, какой еще послушливой, что прикажешь, то и дѣлаетъ!» Послѣ сего началъ я будто фигуркѣ говорить и приказывать: «Ну, чертѣнокъ, ступай книзу... ниже... ниже... на самое дно... стань на колѣни... ну, стой такъ;... ну, пошелъ опять кверху;... ну, остановись въ срединѣ;... ну, далѣе кверху;... ну, опять внизъ!»

Какъ фигурка все то и дѣлала, что я говорилъ, то зрители мои смотрѣли на все сіе разинувши ротъ и не знали, что имъ обо всемъ томъ думать, а только твердили «Господи помилуй!» А были изъ нихъ нѣкоторые такіе, которые, какъ мнѣ послѣ сами признавались, сочли его дѣйствительно чертѣнкомъ и читали «Да воскреснетъ Богъ» и прочія молитвы, кои почитали они удобными къ прогнанію бѣсовъ и дивились, что онъ нимало ихъ заклинаній не боялся. А то, что происходило все сіе отъ единаго только непримѣтнаго давленія моею ладонью пузыря, которымъ горло банки было завязано, никому изъ нихъ и въ мысль не приходило. Я не могъ довольно нахохотаться тогдашнему ихъ изумленію; но не менѣе удивлялъ и увеселялъ фигуркою сею и другихъ многихъ.

Вскорѣ за симъ надобно мнѣ было съѣздить самому въ городъ Алексинъ, гдѣ въ сей годъ производился наборъ рекрутской, ибо въ Москвѣ и въ Тулѣ, за чумою, дѣла сего производить было не можно. Итакъ

всѣ мы отдавали рекрутовъ своихъ въ Алексинѣ, которой городокъ отъ самаго того и началъ поправляться.

Въ сію ѣзду имѣлъ я случай многихъ изъ алексинскихъ дворянъ видѣть, а съ нѣкоторыми изъ нихъ и познакомиться. Въ особенности же доволенъ я былъ спознакомившись съ однимъ алексинскимъ старичкомъ дворяниномъ, съ которымъ мнѣ уже давно спознакомиться хотѣлось. Былъ то г. Змѣевъ, Александръ Аврамовичъ, принадлежавшій къ числу, хотя оригинальныхъ, но такихъ людей, которые славилась умомъ и ученостію. Словомъ, онъ почитался тогда умнѣйшимъ, любопытнѣйшимъ и ученѣйшимъ человѣкомъ, хотя все сіе было и весьма въ тѣсныхъ предѣлахъ.

Но какъ бы то ни было, но онъ былъ мнѣ чрезвычайно радъ, когда я нарочно къ нему заѣхалъ, и какъ онъ, имѣвъ случай читать нѣкоторыя мои сочиненія, самъ возжелѣлъ давно со мною познакомиться, то, сдружась съ нимъ въ одинъ мигъ, и не могли мы съ нимъ довольно наговориться, и тѣ сутки, которыя пробылъ я у него, были для меня очень веселы.

Онъ былъ также охотникъ писать и велѣ всему, происходившему съ нимъ, домашній историческій журналъ, хотя далеко не такой обстоятельной, какой былъ у меня въ тогдашнее время; но онъ и лѣтами былъ меня гораздо старѣе и при томъ и здоровѣе уже слабъ.

Къ празднику Рождеству Христову хотя и хотѣлось мнѣ возвратиться домой, но никакъ было невозможно, а принужденъ былъ провести его и первые дни святокъ въ Каледникѣ и въ разъѣздахъ по гостямъ въ мѣстахъ тамошнихъ, а въ Дворяниново свое не прежде возвратился, какъ предъ наступленіемъ новаго года.

Тутъ, приѣхавши, нашелъ я опять присланный ко мнѣ изъ Петербурга пакетъ съ книгою изъ Экономическаго Общества. Это была уже XVII часть «Трудовъ» онаго, въ которой напечатана была мнѣ похвала и первое отдѣленіе сочиненія моего о раздѣленіи полей.

Сіе меня опять сколько-нибудь пора-

довало, хотя къ таковымъ, ничего незначущимъ благоволеніямъ я уже и привыкъ и онѣ много уже потеряли цѣны своей. Однако, все мнѣ было не противно, что меня Общество не забываетъ и я прихожу у него часъ отъ часу въ множайшее уваженіе.

Послѣдніе дни сего года провели мы весело, въ непрерывныхъ почти обществахъ съ своими ближними сосѣдами и занимаясь съ ними въ обыкновенныхъ нашихъ сельскихъ увеселеніяхъ.

Симъ образомъ провели мы, по многимъ отношеніямъ, достопамятнѣйшій на свѣтѣ и незабвенный 1771 годъ и благодарили Бога, что, по благодати его, остались живы и здоровы и не претерпѣли даже никакого вреда и убытка.

Симъ окончу я мое письмо и въ заключеніе скажу, что я есмь вашъ и прочая.

(Декабря 30, 1807).

1772.

Письмо 153-е.

Любезный пріятель! Предпринимая теперь описывать произшествія, случившіяся со мною въ теченіе 1772 года, начну сообщеніемъ вамъ тѣхъ чувствованій, съ какими началъ я проводить сей новой годъ, и расскажу объ нихъ самыми тѣми словами, какими записалъ я ихъ тогда въ журналъ сего года. Онѣ были слѣдующія:

«Чтобъ записать, въ какомъ состояніи были мы при началѣ сего года, то скажу, что, по благодати всемогущаго Творца, былъ я со всею своею семьею совершенно здоровъ и всею доволенъ. Въ благополучіи, которымъ я, живучи въ деревнѣ, столь многіе годы наслаждаюсь, не претерпѣлъ я въ минувшемъ году никакой переменъ. Отъ самой напугасной опасности, въ которой находились мы по случаю бывшаго мороваго повѣтрія, всемогущая Десница сохранила насъ со всею нашими людьми цѣлыми и невредимыми, а впрочемъ не знаю, чего-бъ мнѣ не доставало.

«Здоровъ я былъ во весь годъ, платя

имѣлъ съ пошу, а хлѣба съ душу, люди добрые знали; а что всего лучше, то не имѣлъ я ни съ кѣмъ ссоры и вражды, не нажилъ ни одного себѣ непріятеля. Пріятелей же и знакомыхъ число приумножилось. Всѣ, знающіе меня, любили и, по милости Создателя моего ко мнѣ, носилъ я повсюду имя добраго человѣка. Итакъ, чего хотѣтъ мнѣ было болѣе? Умалчивая о томъ, что, по сочиненіямъ моимъ, имя мое и во всемъ государствѣ дѣлалось часъ отъ часу знакомѣе и, ежели осмѣлюсь сказать, славнѣе.

«Въ сихъ утѣшительныхъ помысленіяхъ начиная и сей годъ, предаю себя совершенно во власть моего Господа и не забочусь о томъ, что со мною въ наступающій годъ воспослѣдуетъ. Онъ пускай управляетъ всѣмъ и будетъ распорядителемъ моихъ дѣлъ, обстоятельствъ и заключеній.

«Дѣти мои часъ отъ часу поднимались. Дочь Елисавета у меня уже все порядочно говорила и былъ такой ребенокъ, которымъ были мы очень довольны, потому что былъ ребенокъ смирной, послушной и понятливостію своею подающій о себѣ хорошую надежду.

«Сынъ Степанъ научился также говорить, хотя еще несовершенно; сей ростъ какъ-то тихъ, угрюмъ и невеселъ. Напротивъ того маленькой Павелъ съ самаго младенчества былъ веселъ и рѣзвъ, и хотя ему нѣтъ еще года, но имъ мы веселимся. Но всѣ они состоятъ въ руцѣ Господней, Онъ и твори съ ними, что Ему угодно».

Вотъ съ какими мыслями и въ какомъ расположеніи духа началъ я провождать сей годъ, и въ самой первой день онаго имѣлъ удовольствіе, чрезъ присланныхъ отъ племянницъ моихъ, изъ Кашина людей, что и они тамъ всѣ отъ чумы спаслись благополучно.

Впрочемъ, достопамятно было намъ начало сего года и тѣмъ, что къ намъ въ первой еще разъ пришелъ превеликой обозъ съ наилучшимъ хлѣбомъ изъ нашей шадской деревни. Но мы находились въ превеликомъ недоумѣніи, не зная что съ нимъ

дѣлать; ибо чума въ Москвѣ, гдѣ надлежало его продавать, хотя и утихла, но все посылать туда обозъ было опасно.

Но, какъ бы то ни было, но мы наконецъ рѣшились пуститься на божью волю и отважились послать оной въ Москву; но какъ обозные возвратились и привезли къ намъ кучу мѣдныхъ денегъ, то какихъ и какихъ предосторожностей ни употребляли мы съ оными!

Истинно, съ цѣлой возъ сожгли мы можжевельника, окуривая и перекуривая всѣхъ мужиковъ и людей, ѣздившихъ съ онымъ, а деньги, ну-ка ихъ мыть сперва въ водѣ, а потомъ въ уксусѣ; но по счастью не произошло уже отъ нихъ никакого бѣдствія.

Впрочемъ, во весь первый мѣсяцъ сего года не произошло ничего особеннаго. Мы провели его по прежнему отчасти въ разныхъ разъѣздахъ по гостямъ и угашиваніи оныхъ у себя, а отчасти въ домашнихъ упражненіяхъ.

Я занимался во весь оной рисованіемъ особаго рода. Мнѣ восхотѣлось обить всю столовую или паче жилую свою комнату холстинными рисованными обоями и раскрасить оныя новымъ манеромъ, по самому тонкому левкасу, жидкими и набольшую часть прозрачными красками, и имѣлъ въ томъ успѣхъ довольной. Обоимъ сѣн и понинѣ еще цѣлы и самыя тѣ, коими обита внутренность храма нагорнаго въ саду.

Занимаясь симъ веселымъ и для меня и въ особенности пріятнымъ упражненіемъ въ дневные часы, не давалъ я и ночнымъ пролетать праздно; но какъ были тогда самые длинные вечера, то во всѣ оныя, равно какъ и въ ранніе утренніе часы занимался я продолженіемъ сочиняемой мною «Дѣтской философіи» и писалъ въ сіе время третью часть оной, а вторую переписывалъ.

Кромѣ сего написалъ еще и экономическое сочиненіе «О навозѣ», для отсылки въ Общество. Далѣе произошло около сего времени изъ небытія въ бытіе начало того моего сочиненія, которое изъ всѣхъ моихъ можно почесть наиважнѣйшимъ и

полезнѣйшимъ, а именно той книги, которая послѣ напечатана подъ заглавіемъ «Путеводителя къ истинному счастью».

Въ разсужденіи сей книги особливаго замѣчанія достойно то, что произошла она на свѣтъ совсѣмъ нечаяннымъ и ненарочнымъ почти образомъ: не дѣлано было мною къ тому никакихъ предварительныхъ приуготовленій и плановъ; не сочиняемо никакихъ эскизовъ; не мысляемо собственно нисколько о томъ, какою ей и сколь великою быть. Но мнѣ такъ въ одинъ день и ненарочно вздумалось написать что-нибудь о счастьи,— я сѣлъ и намахалъ первое и начальное разсужденіе.

Оно мнѣ понравилось; а какъ на ту пору случилось приѣхать къ намъ и у насъ нѣсколько дней пробыть дѣду жены моей, Аврааму Семеновичу, то, какъ теперь помню, однимъ утромъ сидючи съ нимъ въ своемъ кабинетѣ, читалъ я ему сіе сочиненіе, желая видѣть, каково оно ему покажется. И какъ оное и ему полюбилось, то сіе и побудило меня продолжать сіе дѣло и изображать на бумагѣ дальнѣйшія мои мысли о семъ предметѣ. Однако и тогда еще никакъ я себя не воображалъ, чтобъ отъ сего малаго и ничего незначащаго начала произошла такая большая книга, и чтобъ отъ сего сѣмь-малюскаго, посѣяннаго безъ дальняго замысла и почти ненарочно, произросло со временемъ большое и прекрасное дерево, приносящее весьма многіе и полезные плоды.

А таковыя, ненарочныя и безъ всякаго предварительнаго обдумыванія и приуготовленія предпринимаемыя дѣла, сколько мнѣ замѣтитъ случилось, и всегда удавались мнѣ несравненно лучше и были успѣшнѣе тѣхъ, которыя предпринималъ я по сдѣланному напередъ плану и по обдуманымъ прожектамъ, изъ коихъ большая часть оставались безъ всякаго выполненія; и сіе было нѣчто особенное и необыкновенное въ разсужденіи меня и дѣлъ мною производимыхъ.

Мѣсяцъ февраль достопамятенъ былъ только тѣмъ, что мы проводили любезнаго нашего старичка Авраама Семено-

вича, дѣда жены моей, отъѣзжающаго опять восвоясы.

Всѣ мы какъ ни уговаривали его остаться и кончить дни свои въ нашихъ предѣлахъ, посреди ближнихъ, прямо любящихъ и почитающихъ его родныхъ, и какъ ни представляли ему, что здѣсь и спокойнѣе, и беззаботнѣе, и пріятнѣе будетъ ему проживать позднія сумерки дней своихъ, но онъ никакъ на то не согласился; но, привыкнувъ къ жизни въ своихъ низовыхъ мѣстахъ, восхотѣлъ неотмѣнно опять туда ѣхать и тамъ кончить свои дни, преисполненные безчисленными горестями и печальми.

Итакъ, 29 числа сего мѣсяца распростались мы съ симъ любезнымъ, добрымъ и почтеннымъ старичкомъ. И какъ всѣ мы ни мало въ томъ не сомнѣвались, что мы его болѣе никогда уже не увидимъ и тогда въ послѣдній разъ съ нимъ говорили, то сена, бывшая при нашемъ съ нимъ прощаніи, была прямо жалкая и такая, которую я описать никакъ не могу. Никого изъ всѣхъ насъ, его родныхъ, не было, кто не обливался бы слезами. Я самъ, какъ ни крѣпокъ въ такихъ случаяхъ, но не могъ никакъ унять слезъ, текущихъ изъ глазъ моихъ.

А мартъ мѣсяцъ содѣлался только тѣмъ, нѣсколько достопамятенъ, что въ началѣ онаго, а именно 4-го числа, родилась у брата моего, Михаила Матвѣевича, тадочъ его Александра, которая осталась въ живыхъ для игранія роли своей на театрѣ свѣта, но которая игра не привнесла ни ей, ни роднымъ ея ни малѣйшей чести и не одинъ разъ подавала поводъ сожалѣть о томъ, что она и существуетъ въ свѣтѣ; но по счастью помрачилась ею фамилія не наша, а Бѣгичевыхъ.

Что касается до меня, то я въ послѣдніе зимніе дни кончилъ третью часть экономическихъ моихъ записокъ, собранныхъ и переплетенныхъ подъ заглавіемъ «Плоды празднаго времени», но которыя сею частію тогда и кончились.

Начало наступившей въ концѣ марта мѣсяца у насъ весны ознаменовали мы раздѣломъ между собою нашего Удере-

ва. Ближній сей и подлѣ самой деревни нашей находившійся лѣсокъ, по разнымъ обстоятельствамъ, не совсѣмъ еще раздѣленъ и нужно было еще раздѣлить въ немъ нѣкоторые мѣста.

И какъ мнѣ за свою часть хотѣлось приняться и всю ее почистить и оправить, то и убѣдилъ я сосѣдей своихъ къ окончательному его раздѣленію; что и произвели мы 30 числа сего мѣсяца, и я, кончивъ оной и сочинивъ планъ, и принялся за свою часть такъ прилежно, что przeprowadилъ тамъ нѣсколько дней безвыходно, со всѣми своими дворовыми людьми, и надѣялся произвести тѣмъ себѣ невѣдомо сколько пользы; но послѣдствіе времени доказало, что не все то совершается, что мы себѣ иногда навѣрное воображаемъ и нерѣдко происходитъ противное ожиданіямъ нашимъ.

Пасха была у насъ въ сей годъ въ половинѣ апрѣля, и оная достопамятна сдѣлалась досадою и неудовольствіемъ, которое я имѣлъ въ первой самой день сихъ праздниковъ на меньшого своего двоюроднаго брата Гаврилу Матвѣевича, разсердившаго меня на себя чувствительнымъ образомъ.

Въ семъ молодомъ человѣкѣ, на котораго сначала я всѣхъ болѣе надѣялся, ибо онъ казался сколько-нибудь поумнѣе прочихъ, къ особливому сожалѣнію моему, характеръ открывался частъ отъ часу худшій, и чѣмъ болѣе онъ возрасталъ, тѣмъ становился дурнѣйшимъ.

Будучи съ самаго малолѣтства воспитанъ съ великимъ небреженіемъ и очень худо, и привыкнувъ смаленьку допивать остатки изъ рюмочекъ, наслѣдовалъ онъ отъ отца своего все дурное въ немъ бывшее, а изъ хорошихъ его свойствъ ничего. А какъ и гвардія, въ которой онъ служилъ, нимало его не поправила, а испортила еще болѣе, то не успѣлъ онъ начать приходить въ лѣта, какъ и оказались въ немъ свойства завистливаго, своенравнаго, вздорнаго, вспыльчиваго, упрямаго, лукаваго, ненавистнаго, корыстолюбиваго, враждебнаго и такого человѣка, съ которымъ трудно было ладить.

Покуда онъ былъ молодъ, до тѣхъ поръ имѣлъ онъ ко мнѣ должное почтеніе и уваженіе, и я имъ былъ доволенъ, и онъ слѣдовалъ во всемъ моимъ совѣтамъ. Но какъ сіе людямъ его, находящимъ въ томъ свои интересы, когда господа между собою ссорятся, было непріятно, а они охотнѣе хотѣли видѣть его самовластнымъ и ни отъ кого ни въ чемъ независимымъ, дабы самимъ имъ управлять имъ было можно; то не успѣлъ онъ подняться на ноги, какъ и начали они мало по малу его къ тому готовить и всякими бездѣльническими выдумками и клеветами вливать въ него на меня злобу; и вскорѣ дѣйствительно до того довели, что онъ со мною разсорился.

Я, не зная всего, а примѣчая только за нѣсколько времени нѣкоторую отмѣну въ поведеніи сего молодого человѣка противъ меня, дивился только тому и, вѣдая, что я не подаль и не подавалъ къ досадѣ на себя ни малѣйшей причины, не понималъ, за что-бы онъ повидимому на меня дулся; но въ помянутой праздникъ доказалъ онъ всѣмъ себя прямо.

Случилось сіе при разговорѣ о пастухахъ и дѣло стало за нихъ. Ему, по заведенной давно уже очереди, слѣдовало въ сей годъ становить опять своихъ пастуховъ; но онъ вдругъ и несправедливѣйшимъ образомъ запировалъ, и не только не хотѣлъ ставить оныхъ, но будучи всѣхъ насъ моложе и прямо еще молокососомъ, вздумалъ всѣми нами играть, надъ нами насмѣхаться, насъ нимало не уважать, а становить самого себя изъ всѣхъ первымъ и все сіе сопрягать съ невѣжливостью и такою грубостью, какой всѣ мы отъ него нимало не ожидали.

Не могу изобразить, какъ мнѣ все сіе было досадно, а особливо, когда изъ нѣсколькихъ словъ, проговоренныхъ имъ въ неистовствѣ, я могъ заключить, что я кѣмъ-то ему былъ оклеветованъ и ему то обо мнѣ внушено, чего у меня никогда и на умѣ не было.

Словомъ, я такъ былъ имъ въ сей день раздраженъ, что не хотѣлъ впредь съ нимъ, какъ съ негоднымъ и неблагодар-

нѣйшимъ человѣкомъ, имѣть никакого дѣла, а презрѣвши, оставить его собственному произволу, хотя то было мнѣ очень больно.

Но, по счастью, ссоришка сія продолжалась не долго, но на той же недѣлѣ кончилась. Не успѣла сойтись съ него дурь, какъ увидѣлъ онъ, что поступилъ противъ меня и противъ всѣхъ крайне дурно и глупо, и началъ самъ уже къ намъ забѣгать и стараться опять съ нами поладить; на что мы хотя тотчасъ и согласились, но худое мнѣніе, вперенное (въ) насъ о себѣ, не могъ уже онъ истребить изъ насъ до самаго конца своей жизни.

Не успѣла вскрыться весна и настать май мѣсяцъ, какъ принялся я за сниманіе на планъ нашего Шаховскаго лѣса, которымъ положили мы учинить начало нашему раздѣленію лѣсовъ. И какъ нужно было съ согласія всѣхъ назначить лѣсу сему границы, то сотовариществовалъ мнѣ въ семъ дѣлѣ и сосѣдъ мой Матвѣй Никитичъ, какъ имѣющій величайшее въ немъ соучастіе; а въ послѣдующій за симъ іюнь мѣсяцъ, мы лѣсъ сей и раздѣлили.

О которомъ раздѣлѣ замѣчу я только то, что хотя бы мнѣ за труды и хлопоты мои и можно-бъ было требовать того премущества, чтобъ взять на свою часть гдѣ мнѣ лучше разсудится; но я того никакъ не сдѣлалъ, но, снявъ лѣсъ на планъ и разбивъ его съ одного назначеннаго въ срединѣ пункта въ треугольники, и вычисливъ всѣ оныя аккуратнѣйшимъ образомъ и назначивъ одно мѣсто, съ котораго бы начать дѣлить, предложилъ, чтобъ всѣмъ намъ кинуть жеребій и чтобъ назначилъ намъ оной, кому изъ насъ намѣривать первую, слѣдующую ему по порціи четвертной его дачи часть, кому подѣл его другому, кому третьему и такъ далѣе, дабы дѣло сіе было самое безгрѣшное и никто не могъ имѣть на другого ни малѣйшаго неудовольствія.

А сіе мы и учинили дѣйствительно. И какъ первый жеребій выскочилъ мой, то я первой самъ себѣ, несмотря, что было то въ самомъ худшемъ мѣстѣ, и намѣ-

рилъ, а послѣ отрѣзалъ при всѣхъ и въ натурѣ, которой раздѣлъ между нами существуетъ и донинѣ.

Кромѣ сего услужилъ я въ сію весну брату Михаилу Матвѣвичу разбитіемъ ему его нижняго нагорнаго сада предъ хоромами, которой онъ въ ту же весну по назначеннымъ мною чертамъ и засадилъ.

Впрочемъ въ концѣ мая удивлены мы были полученнымъ изъ шадской нашей деревни, чрезъ нарочнаго ходока, извѣстіемъ, что г. Пашковъ хочетъ межеваться и отхватить себѣ всю тамониную степь, называя ее своею. Сіе впервые мы тогда еще слышали и не понимали, по какому праву онъ присвоивалъ себѣ такое великое пространство дикой казенной земли.

Мѣсяцъ іюнь ознаменовался, кромѣ того, новымъ знакомствомъ, сведеннымъ съ господиномъ Темешовымъ, Алексѣемъ Іоновичемъ. Онъ былъ тогда еще малой молодой и холостой, и ему съ братомъ досталось по родству, какими-то образомъ, сосѣдственная и самая ближняя ко мнѣ деревня Котово во владѣніе. И какъ онъ тутъ въ сію весну жилъ, то сей случай и познакомилъ насъ съ нимъ и я его ласкою и пріязнію къ себѣ былъ очень доволенъ.

Въ концѣ же сего мѣсяца ѣздила я въ одни дальнія гости. Теща моя имѣла одного недалежнаго родственника, живущаго въ Коломенскомъ уѣздѣ и далеко за Серпуховымъ. И какъ ей хотѣлось его видѣть, а и мнѣ съ нимъ познакомиться, то и согласились мы туда вмѣстѣ съ нею и Иваномъ Аванасьевичемъ Арцыбшеввымъ съѣздить.

Итакъ, побывавъ въ Серпуховѣ и у сего послѣдняго въ Воскресенкахъ, и ѣздили мы въ деревню къ упомянутому знаменитому нашему родственнику, по имени Николаю Леонтьевичу Ворониному и были ласкою и угощеніемъ его очень довольны. Мы взяли у него и самой праздникъ Петровъ день, и онъ такъ мнѣ всѣмъ своимъ поведеніемъ и качествами полюбился, что я сожалѣлъ, что жилъ онъ отъ насъ

такъ далеко и что невозможно было съ нимъ видѣться часто.

Въ половинѣ юля, по долговременномъ ожиданіи, встревожены мы были, наконецъ, повѣсткою отъ межевщика, чтобъ приѣзжать къ нему для миротворенія съ волостными.

Онъ стоялъ въ сіе время въ селѣ Яковлевѣ, которое было отъ насъ хотя не близко, но мы не преминули къ нему съ сосѣдями ѣхать. Однако въ сей разъ ѣзда наша была еще тщетная. Дѣла никакого не было и мы возвратились съ тѣмъ же съ чѣмъ поѣхали.

Кромѣ сего, ничего въ теченіи сего мѣсяца не происходило. Я провелъ его въ разныхъ домашнихъ дѣлахъ и упражненіяхъ, изъ коихъ достопамятнѣйшимъ было нарисованіе портрета Петра Великаго, съ Минервою, корпусными красками, украшающаго и понынѣ мои стѣны, и сдѣланіе на горѣ, пониже плотины сажелочной, колокольной водяной игры, собственнаго своего и довольно замысловатаго изобрѣтенія, которая насъ нѣсколько лѣтъ веселила. А, наконецъ, занимался я нѣсколько дней сниманіемъ на планъ луговъ нашихъ для предпринимаемаго раздѣла онымъ.

Напротивъ того мѣсяцъ августъ ознаменовался уже кой-какими особенными происшествіями, изъ которыхъ первое было то, что сосѣдъ мой Матвѣй Никитичъ обрадованъ былъ полученіемъ прاپорищьяго чина.

Извѣстіе о томъ получилъ онъ, будучи у меня, и въ самое то время, когда увеселялъ я его новою своею колокольною игрою и пальбою изъ маленькихъ, придѣланныхъ къ ней, пушечекъ. А на другой день происходила въ домѣ у меня помолвка сосѣда и новаго знакома моего, господина Темешова.

Сей молодой человѣкъ сватался тогда на одной дворянской, живущей въ Кошпрскомъ уѣздѣ, дѣвушкѣ, госпожѣ Срезневой; и съ обѣихъ сторонъ условлено было, чтобъ съѣхаться имъ ко мнѣ въ домъ и посмотрѣть другъ друга, и потомъ помолвить.

Итакъ, 3-го числа августа госпожа Срезнева и приѣхала къ намъ съ своею дочерью, сыномъ и двоюроднымъ своимъ братомъ, Андреемъ Ивановичемъ Щепотевымъ.

Мнѣ они хотя и не были до того времени знакомы, но я съ удовольствіемъ ихъ принялъ и далъ тотчасъ знать о томъ г. Темешову, которой и не преминулъ тотчасъ приѣхать ко мнѣ съ дядею своимъ, князь Петромъ Ивановичемъ Горчаковымъ.

Они, посидѣвъ, посмотрѣвъ и поговоривъ нѣсколько между собою, поручили мнѣ комиссію, спросить въ другой комнатѣ невѣстину мать о ея мнѣніи.

Я нашелъ госпожу Срезневу въ превеликомъ замѣшательствѣ, недоумѣніи и нерѣшимости. Женихъ какъ-то ей и всѣмъ имъ несовѣмъ правился, и она долго не знала что дѣлать. Наконецъ, по увѣщанію г. Щепотева, положила она на власть Божію и велѣла мнѣ сказать, чтобъ они начинали, по обыкновенію, говорить о своемъ желаніи.

Но чтожъ произошло! Между тѣмъ, какъ я пошелъ къ нимъ и всѣ мы начали между собою втайнѣ, и также въ другой комнатѣ, говорить о томъ какъ быть сей церемоніи, взбунтовался сынъ госпожи Срезневой и сталъ дѣлать матери противорѣчія. Меня вызвали тогда въ лакейскую съ извѣщеніемъ о томъ, и я, побѣждавъ къ нимъ, нашелъ всѣхъ, бывшихъ съ невѣстиной стороны, въ превеликомъ безпорядкѣ, разстройкѣ и несогласіи. Досадуя на сіе, принужденъ я былъ вмѣшаться въ ихъ разговоръ, и часа черезъ два насилу уговорилъ ихъ, чтобы приступить къ дѣлу.

Итакъ, подъ вечеръ уже началось у насъ дѣло. Князь Горчаковъ началъ говорить г. Щепотеву, а тотъ г-жѣ Срезневой, и началось дѣло и воспопслѣдовала такъ-называемая помолвка и обыкновенныя поздравленія, а потомъ переговоры о томъ, когда быть формальному сговору и свадьбѣ.

Все сіе продлилось очень долго, но было какъ-то все не очень ладно и согласно.

Наконецъ, по назначеніи, чтобъ стовору быть чрезъ три недѣли, послѣ того разъѣхались мои гости: женихъ поѣхалъ въ Котово, а г-жа Срезнева съ своими также домой, ибо, какъ я ни унималъ, остаться у себя почевать, но она не согласилась.

Но не успѣлъ я ихъ проводить и вытѣтить прогуляться въ садъ, какъ гляжу, бѣжитъ ко мнѣ человѣкъ Настасьи Григорьевны Срезневой, вернувшійся съ дороги, съ просьбою отъ ней ко мнѣ, чтобъ я попросилъ г. Темешова приѣхать къ ней чрезъ день послѣ того, со мною, и не отъѣзжалъ бы по намѣренію своему въ путь.

— «Хорошо, мой другъ!» сказалъ я, — «я пошлю сей же часъ къ Алексѣю Ивановичу съ письмецомъ о томъ».

Но какъ сей на мою цидулку отписалъ, что ему никакъ учинить того не можно, а онъ согласенъ не въ воскресенье, а наутріе со мною къ ней съѣздить; то за необходимое я почелъ по утру, на другой день, ранехонько, съ предварительнымъ извѣстіемъ о томъ отправить нарочнаго. Но чтожъ воспослѣдовало?

Не успѣлъ послѣдующій день настать и сосѣдъ мой ко мнѣ приѣхать, какъ и полетѣли мы съ нимъ въ деревню г-жи Срезневой, которая была отъ насъ таки — не близко; и какъ удивились мы, какъ подѣзжая къ ея дому, увидѣли карету г-жи Срезневой, ѣдущую къ намъ навстрѣчу.

«Что за диковинка! и что это значить?» говорили мы между собою. «Уже не хотѣла ли она куда — нибудь дать тягу?» Но какъ нельзя было ей, увидѣвъ насъ, не остановиться и вмѣстѣ съ нами не возвратиться въ домъ, то приняла она насъ какъ надобно. Но какъ мы, посидѣвъ, начали говорить, то слышали неожиданное и такое, чему мы еще болѣе удивились, а именно: что она срокъ сговора перемѣняетъ и дѣлаетъ его неопредѣленнымъ, предлагая что ей необходимо надобно еще съѣздить повидаться и посоветовать съ какими-то родственниками, и что тогда уже она дастъ знать.

Услышавъ сіе, я тотчасъ догадался, что это былъ формальной отказъ, а г. Темешовъ, какъ былъ ни прытокъ, но того не понялъ; но вздумалъ самъ политическимъ образомъ отказывать, а чрезъ то, противъ всякаго чаянія, и расплылось все наше дѣло.

Возвращаясь къ себѣ въ домъ, проговорили мы съ нимъ во всю дорогу о семъ дѣлѣ и я довелъ товарища своего до того, что онъ мнѣ во всемъ открылся и наговорилъ о себѣ столько, что я ажно содрогался.

Узнавъ, что былъ онъ человѣкъ совсѣмъ особаго и такого рода, съ которымъ связываться ни одному человѣку не можно, а потому и почиталъ г-жу Срезневу счастливою, что она не попала за сего человѣка, ибо дѣвушка сія была очень хороша, и онъ по характеру своему казался совсѣмъ нестоющій такой невѣсты.

Вскорѣ послѣ сего получилъ я изъ чернской своей деревнишки съ нарочнымъ извѣдомленіемъ, что туда приѣхалъ межевщикъ, на сосѣдственную къ намъ дикую казенную землю, и что мнѣ неотмѣнно туда приѣхать надобно. И обстоятельство были таковы, что я принужденъ былъ, бросивъ все, скакать туда вмѣстѣ съ сосѣдами моими, гг. Молчановыми, имѣвшими въ тамошней деревнѣ равное со мною во владѣніи соучастіе.

Итакъ, согласившись ѣхать вмѣстѣ 12-го августа, отправились мы въ сей путь, и не успѣли нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъѣхать, какъ въ тотъ же еще день случилось съ нами одно смѣшное, особое и такое происшествіе, которое достойно нѣкотораго замѣчанія. Оно было слѣдующее:

Подѣзжая къ Тулицѣ, встрѣтилось съ нами нѣсколько телѣгъ, набитыхъ пьяными мужиками, похожими на бурлаковъ. Они орали пѣсни во все горло, кричали и скакали, сколько было у лошадей силы, и мимо насъ проѣхали.

Мы, сидючи съ г. Молчановымъ въ одной коляскѣ, подивились еще и не понимали, какіе бы это люди были: не то

купцы, не то—мужики, не то—разбойники. Всѣ были велички и толстяки, всѣ въ кожаныхъ, въ красныхъ рубахахъ и всѣ съ виду, какъ бурлаки.

Я, смотря на нихъ, и подумалъ еще: «ахти! уже не воры-ли это какіе?» Однако, какъ не до насъ было дѣло, то повстрѣчавшись съ ними, и проѣхали мы мимо и продолжали путь свой.

Но не успѣли мы, проѣхавъ Тулицу, миновать стоявшую тутъ тогда заставу, какъ увидѣли бѣгущаго за нами съ заставы солдата и кричащаго, чтобъ мы остановились.

Удивились мы сему и хотя не знали, чтобъ это значило, но велѣли остановиться и его подождать. Солдатъ, добѣжавъ, просилъ насъ именемъ поручика, чтобъ мы немного погодили, говоря, что какой-то купецъ ѣхалъ и обронилъ деньги, а другой какой-то человѣкъ ѣхалъ верхомъ и оныя деньги поднялъ и отдалъ нашимъ людямъ.

Странно намъ сіе показалось и тѣмъ паче, что мы, ѣдучи впереди, ничего того не видали и, не понимая, чтб-бъ это значило, спрашивали у людей; но они говорили, что ничего этого не знаютъ. Однако, согласились мы обождать и солдатъ побѣжалъ назадъ.

Между тѣмъ, приставалъ я къ своимъ людямъ и принуждалъ сказать, не было ли въ самомъ дѣлѣ какого происшествія? И, къ удивленію своему, скоро открылось, что въ самомъ дѣлѣ было, а именно: что за нами случилось ѣхать человѣку, знакомому нашимъ людямъ и неподалеку отъ того мѣста живущаго дворянина, г. Хвощинскаго, человѣку, которой, поднявъ оброненныя купцомъ деньги, кинулъ нашимъ людямъ по знакомству, и они ихъ приняли и спрятали, и у одного изъ нихъ были они въ карманѣ. Я велѣлъ ихъ себѣ показать и увидѣлъ кожаной кошелекъ, набитый серебряными деньгами, которыхъ повидимому было рублей до пятидесяти.

Тогда начали мы совѣтовать, что съ ними дѣлать?—Людцы наши всѣ единогласно говорили, что намъ не для чего

ждать, а должно ѣхать. Г. Молчановъ былъ того же мнѣнія и принуждалъ деньги схоронить подъ хомутъ, завернувъ во что-нибудь. Но мнѣ одному казалось это дѣло безчестнымъ и подлымъ, и что долгъ христіанскій повелѣваетъ возвратить сіи деньги хозяину; почему и сталъ я въ томъ такъ твердо, что всѣ, сколько ни говорили, но не могли меня въ томъ переспорить.

Между тѣмъ увидѣли мы идущую къ намъ цѣлую толпу народа. Былъ то поручикъ и превеликое множество народа, окружающаго того верхового человѣка, которой, по отдачи нашимъ денегъ, нарочно отъ насъ отсталъ.

Вопль, крикъ и превеликой шумъ слышанъ былъ уже издалика, и вся эта шайка шла на насъ; а человѣкъ г. Хвощинскаго, притворись, будто совсѣмъ насъ не знаетъ, кричалъ уже издалика:

— «Милостивые господа! Вотъ пристають ко мнѣ, не знаю, не вѣдаю изъ чего. Говорятъ, будто-бы я поднялъ сколько-то денегъ и отдалъ вашимъ людямъ, а я не знаю ничего, не вѣдаю, ни васъ, ни людей вашихъ не знаю и никакихъ денегъ не поднималъ и не отдавалъ».

На сіе, понимая что это значитъ, отвѣтствовалъ я молчаніемъ, покуда пришелъ поручикъ. Сей, приступивъ тотчасъ къ намъ и рассказавъ все слышанное, сталъ учтивымъ образомъ просить насъ, чтобы мы это дѣло изслѣдовали.

И тогда обступило насъ множество народа, ибо обронили деньги самые тѣ бурлаки и люди, о которыхъ упоминалъ я выше, и которые, побросавъ свои телѣги, вернулись верхами и, валяясь въ ногахъ, то Молчанова, то меня просили оказать имъ милость.

Я, опасаясь, чтобъ не произошло какого худого слѣдствія, не открывая имъ, что мнѣ все дѣло уже извѣстно, говорилъ человѣку Хвощинскаго, чтобъ онъ признался, буде поднялъ и сказалъ бы, которому изъ людей нашихъ онъ ихъ отдалъ. Но какъ онъ твердо въ томъ стоялъ, что не поднималъ, а тѣ бѣдняки не могли именно показать, которому изъ

людей нашихъ онъ отдалъ, а обыскивать насъ было не можно, то легко могли-бы деньги сіи пропасть, если-бы я захотѣлъ; но то-то было и дѣло, что мнѣ того и чужой грѣхъ на душу взять не хотѣлось.

Долго это продлилось и нельзя было никакъ не умилосердиться и не сжалиться на ихъ просьбы. Съ нихъ соскочилъ тогда и хмѣль весь. Однако, чтобъ отвести отъ себя подозрѣніе, уговаривалъ я человѣка, чтобъ сказалъ правду и доволенъ бы былъ пятью рублями, которые даютъ они ему охотно сами. И насилу, насилу могъ его уговорить! Итакъ, взявъ онъ тайкомъ отъ моего человѣка деньги и, спросивъ сколько ихъ было и, условившись о переймѣ, отдалъ ихъ.

Денегъ по счету оказалось 38 рублей, и они сами ему дали 5 рублей, чѣмъ дѣло сіе и кончилось. Люди мои получили отъ человѣка одинъ рубль, а и онъ былъ доволенъ тѣмъ, что ему 4 рубля Богъ далъ.

Кромѣ сего во все путешествіе сіе ничего съ нами не случилось особливаго. Мы доѣхали до деревни своей благополучно, и какъ межевщика еще не было, то принялся я тотчасъ за снятіе на планъ всей нашей тамошней дачи и по исчисленію узнавъ, что въ ней было около 125 десятинъ недостатка, нетерпѣливо хотѣлъ видѣть межевщика, которой, наконецъ, къ намъ и призжалъ.

Но какъ онъ присланъ былъ только для измѣренія одной, недалеко отъ насъ находящейся казенной земли, а до насъ ему дѣла не было, то, поговоривъ съ нимъ, другого намъ не оставалось, какъ ѣхать обратно домой, куда, чрезъ нѣсколько дней, и возвратились мы благополучно.

Вскорѣ послѣ сего происшествія имѣли мы нѣкоторую непріятность въ домѣ, по случаю тяжкихъ, удивительныхъ и почти ненатуральныхъ болѣзней многихъ людей, и какъ тому же злу подверглась кормилица меньшого моего сына, то принуждены мы были его отъ ней отнять. А вскорѣ за симъ имѣли мы неожиданное удовольствіе видѣть у себя обѣихъ племянницъ моихъ, Надежду и Анну

Андреевнѣ, приѣхавшихъ къ намъ изъ Кашина для свиданія.

Въ первыхъ числахъ сентября, по случаю великаго урожая въ сей годъ орѣховъ, пришла мнѣ мысль завести у себя, за вершиною, на клину регулярной садъ, составленной изъ одного орѣшника, на тотъ конецъ, чтобъ тутъ можно было орѣхамъ до тѣхъ поръ давать вызрѣвать, покуда они сами начали бы вываливаться.

И какъ я во всѣхъ такихъ случаяхъ бывалъ очень нетерпѣливъ, то не успѣлъ сего вздумать, какъ захотѣлось мнѣ затѣю сію и выполнить. Я тотчасъ началъ все сіе мѣсто, измѣривъ, разбивать, по тогдашней склонности и охотѣ къ регулярнымъ садамъ, на разныя косыя и прямыя куртины и назначать, гдѣ быть алеикамъ и дорожкамъ, коихъ назначилъ я превеликое множество. А по учиненіи сего тотчасъ и велѣлъ все сіе мѣсто окапывать рвомъ, чрезъ что и получилъ тогда заовражной мой садъ первое свое основаніе.

Но все мое тогдашнее предпріятіе было неудачно и вышло, наконецъ, изъ сего мѣста совсѣмъ иное, нежели я тогда себѣ воображалъ.

Я хотя и засадилъ его въ ту же осень сплошнымъ почти орѣшникомъ, употребивъ къ тому нѣсколько тысячъ кустовъ, но какъ кустарникъ сей очень непримчивъ, а я пожалѣлъ его весь по корень срѣзать, то онъ весь почти у меня на другой же годъ засохъ и не уцѣлѣло изъ нихъ и ста кустовъ; почему мѣсто сіе было опять предано на многіе годы запустѣнію и заросло березами и всякою дрянью, покуда, наконецъ, многіе годы спустя, принявшись опять за оное, мало по малу основалъ я тутъ плодovitой садъ, оставивъ нѣкоторыя части въ натуральной дикости, въ какомъ состояніи находится онъ и понинѣ; и изъ посаженныхъ тогда орѣховыхъ кустовъ не осталось и нѣсколькихъ десятковъ, а мѣсто ихъ заступили яблони и вишни, полюбившія отменно сіе мѣсто. Совсѣмъ тѣмъ

все оное и понинѣ еще не доведено до желаемаго совершенства

Племянники мои прогостили тогда у насъ только двѣ недѣли, и въ половинѣ сентября опять отъ насъ поѣхали и оставили меня въ превеликихъ хлопотахъ и разстройкѣ мыслей; ибо въ самое сіе время получилъ я изъ шадской своей деревни досаднѣйшее извѣстіе, что межевщикъ въ тамошніи мѣста дѣйствительно приѣхалъ и межевать собирается.

Я хотя не зналъ, какой бы это былъ межевщикъ—казенной-ли, или своекоштной, но какъ всякой былъ мнѣ важенъ, вразсужденіи покупной моей тамъ земли и мнѣ необходимо при семъ случаѣ быть тамъ было надобно, то поелику и здѣсь межевыя дѣла были еще не окончены, а сверхъ того и другія многія были нужды и обстоятельства, удерживающія меня дома, то горевалъ я о томъ, какъ быть и не зналъ что дѣлать.

Но какъ безъ ѣзды туда никакъ обойтись было не можно и надлежало еще всячески спѣшить, то желалъ я, что хотя-бы поѣхали со мною туда братья мои и мнѣ бы не такъ было скучно. Но я долженъ былъ и съ сей стороны имѣть досаду. При предложеніи о томъ, одинъ изъ нихъ напрямки сказалъ, что у него строеіе и ему ѣхать нельзя, а другой хотя-было и согласился и далъ слово, но умницѣ женѣ его не захотѣлось съ нимъ разстаться. Итакъ, послушавшись ея, прислалъ и тотъ съ отказомъ, несмотря, что обоимъ имъ была такая-жъ нужда, какъ и мнѣ, ибо у нихъ была также покупная земля.

Итакъ, и съ сей стороны была только одна досада; но какъ перемѣнить было нечѣмъ, то, снявъ скорѣе съ садовъ своихъ послѣдніе яблочки и давъ лежебокамъ сосѣдямъ моимъ нужныя наставленія, что имъ, въ случаѣ размежевки пустошей нашихъ дѣлать и какія брать предосторожности, и проводивъ племянницъ своихъ, отъѣзжавшихъ въ самое сіе время, въ сей вторичной путь въ тамбовскіе предѣлы 13 сентября и отправился.

Но какъ письмо мое уже увеличилось,

то дозвольте мнѣ на семъ пунктѣ теперь остановиться и описаніе сего вторичнаго путешествія моего предоставить письму будущему, а между тѣмъ сказать вамъ, что я есмь и прочая.

(Генваря 22 дня 1808 года).

ВТОРИЧНАЯ ЁЗДА МОЯ ВЪ ШАДСНѢ.

Письмо 154-е.

Любезный пріятель! Обѣщавъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ описать теперь вторичное мое путешествіе въ шадскую мою деревню, скажу, что сія ѣзда моя далеко не была такъ достопамятна, какъ прочія, въ разные времена туда предпринимаемая; но не только длилась не долго, но и не сопряжена была ни съ какими особливыми и важными обстоятельствами и произшествіями.

Совсѣмъ тѣмъ найдется и въ ней что-нибудь занимательное. Я опишу вамъ ее такъ, какъ описывалъ я ее тогда въ письмахъ къ моей тецѣ, сокративъ только нѣкоторыя мѣста изъ оныхъ.

«Вы знаете, писалъ я къ ней по приѣздѣ своемъ въ Тулу 14 сентября, что я для дурной дороги и грязи отмѣнилъ ѣхать прямою дорогою на Корники, а рѣшился ѣхать чрезъ Тулу. Итакъ, въ семъ городѣ и пишу я и вамъ сіе, гдѣ насиди могъ отбиться и отдѣлаться отъ извѣстныхъ тульскихъ кузнецовъ, плесарей и ружейныхъ мастеровъ.

«Не успѣлъ, истинно, приѣхавъ сегодня поутру, вытти изъ коляски и стать на постояломъ дворѣ, какъ цѣлая толпа ихъ, равно какъ дожидавшаяся, окружила меня и всю избу наполнила. У многаго набита была пазуха полна всякими бездѣлушками; у другого былъ цѣлый кулѣкъ съ ними подъ мышкою; иной спрашивалъ, не изволю-ли я того, другой не изволю-ли купить другого, и такъ далѣе. И я не зналъ, кого слушать и кому отвѣчать.

Въ одинъ мигъ превратилась квартира моя въ настоящую лавку. Весь столъ и часть лавокъ уложена уже была разными желѣзными товарами и блестящими бездѣлушками. Индѣ раскладены были

пистолеты, индѣ кортики, индѣ разно-
манерные замки, чернильницы, выдвижные
безмѣны, ружейныя мѣрки, щипцы, пог-
торѣзы, ножички и прочій такой вздоръ.
Словомъ, никогда такого множества раз-
ныхъ мелочей вдругъ не видывалъ, какъ
въ сей разъ, и повѣрите-ли? хотя не
намѣренъ былъ ничего купить, но не
могъ никакъ отъ нихъ отдѣлаться. Мно-
гія вещи прельстили меня и я прину-
жденъ былъ купить маленькой пистолетъ,
перникъ, чернильницу и замочекъ и за
все заплатилъ 2 рубля; но насилу, на-
силу сжилъ ихъ съ своихъ рукъ.

«Теперь, слава Богу, всѣ они ушли; но
не думаю, чтобъ они оставили меня съ
покоемъ. Вѣрно знаю, что побываютъ
еще нѣсколько человѣкъ; однако болѣе
меня не обмануть: несмотря ничего, буду
отказывать.

«Теперь расскажу вамъ о своемъ вче-
рашнемъ путешествіи. Распрошавшись съ
вами и отправившись въ путь, имѣлъ я
первую встрѣчу, не доѣхавъ до Ченцова.
Нѣмка Яковлевна, идущая къ намъ,
завидѣвъ меня и узнавъ, по усердію свое-
му къ нашему дому, не могла утерпѣть,
чтобъ со мною не проститься и перешла
даже по водѣ, чрезъ рѣку, къ намъ, чтобъ
распрощаться.

«Взда наша въ сей день была благо-
получна, коляска моя оказалась спокой-
нѣйшею, нежели я думалъ. Таково ажко
хорошо и покойно въ ней ѣхать! Одинъ
тотъ только недостатокъ, что коротенька,
а то лучше желать не можно. Но и этотъ
недостатокъ былъ сносною, хотя правда
не однажды я желалъ, чтобъ ноги мои
были на вершокъ короче,—но такъ уже
и быть!

«Другое безпокойство имѣли мы отъ
преужасной пыли, несомой прямо къ
намъ навстрѣчу. Закрывшись сидѣть было
душно, а раскрывшись—пыль набивалась
въ ротъ и въ глаза, и скоро дошло до того,
что у меня даже глаза заболѣли, а о
людяхъ нашихъ и говорить уже нечего.

«О! желалъ-бы я, чтобъ вы видѣли
вчера, каковъ былъ нашъ Тимоѣей!
Истинно не лучше арапа. Таки-такъ че-

ренъ отъ пыли, что одни зубы только
бѣлѣлись. Уже онъ бѣднякъ совался, со-
вался, но пидѣ не находилъ лучшаго мѣ-
ста. Садился наперед, садился назадъ,
но вездѣ было равно и вездѣ худо.

«Впрочемъ дорога была намъ очень
не скучна... Ъхала насъ изрядная ватага;
было четыре повозки и семь человѣкъ,
кромѣ насъ. Ежеминутно встрѣчалось съ
нами превеликое множество жнецовъ и
бабъ, идущихъ обратно изъ степей боль-
шими ватагами и поющихъ пѣсни, а по
счастію утомонились нѣсколько и боль-
ные мои зубы.

«Александръ Андреевъ, мой дорожной
товарищъ, помогаль мнѣ прогонять скуку
и я радъ, что его взялъ съ собою, все-
таки не таково скучно! Что-нибудь мол-
вишь, и то давай сюда!

«Въ разсужденіе его не позабылъ я
употребить предосторожность, чтобъ ему
не быть безъ дѣла. Для него взялъ я съ
собою «Жилблаза» и заставилъ его до-
рогою читать вслухъ. Хотѣлось мнѣ,
чтобъ онъ, прочитавъ всю сію книгу,
научился читать проворнѣе и лучше и
помнить, что читаетъ. Для сего и за-
ставлялъ я его, прочитавши каждый
періодъ, мнѣ матерію на короткихъ сло-
вахъ пересказывать.

«Но тутъ-то не могъ довольно нади-
виться тупости его разума: такъ тупъ,
такъ тупъ, что больше быть не можно.
Повѣрите-ли, что не успѣвалъ трехъ
строкъ прочесть, какъ уже и забывалъ,
что въ нихъ содержалось. Я сердечно
сожалѣлъ о семъ неспороствѣ его ра-
зума и помогаль ему, сколько можно въ
томъ, и, можетъ быть, дальнѣйшее упраж-
неніе поможетъ нѣсколько и онъ будетъ
попроворнѣе.

«Симъ образомъ провождая время, при-
ѣхали мы уже въ сумерки ночевать въ
Сулему. Но думали-ль бы вы, чтобъ я въ
сей деревнишкѣ могъ препроводить сей
вечеръ въ пріятной компаніи съ однимъ
гостемъ, знакомымъ мнѣ человѣкомъ?

«Въѣзжая въ деревню, увидѣли мы
стоящую на выѣздѣ коляску, и я уди-
вился, что Тимоѣей мой, подошедши къ

ней, кланялся, какъ знакомымъ людямъ. «Кто-бъ такой это былъ?» думалъ я; но скоро узналъ, что былъ то г. Казариновъ.

«Обрадовался я сей встрѣчѣ и тотчасъ пошелъ къ нему, а онъ ко мнѣ. Итакъ, мы съ нимъ очень долго и весь вечеръ просидѣли и проговорили.

«Онъ наставлялъ мнѣ множество новыхъ вѣстей и на большую часть неприятныхъ. Всѣ носившіеся слухи о разрывѣ мирнаго конгресса и о новой войнѣ съ шведами были основательны, и онъ спрашивалъ меня, есть ли у меня готовые рекруты? Но всего болѣе смутило и перетревожило меня то, что въ Воронежѣ едва-ли нѣтъ еще мороваго повѣтрія, а мнѣ въ самую ту сторону надобно ѣхать. Но воля Господня да будетъ съ нами!

«Распроставшись съ г. Казариновымъ, расположился я спать для опыта въ своей коляскѣ и къ удовольствію своему проспалъ безъ дальней нужды и безпокойства. Сегодня встали мы ранехонько и приѣхали въ Тулу вмѣстѣ почти съ солнцемъ. Теперь завтракаемъ мы здѣсь и всѣмъ нужнымъ запасаемся».

15-го числа писалъ я къ ней: «Слава Богу, теперь пишу я къ вамъ уже изъ епифанской своей деревни, въ которую мы сей только часъ приѣхали и гдѣ мы кормимъ лошадей, отдыхаемъ и запасаемся провизією и фуражемъ.

«Но прежде описанія ѣзды своей до сего мѣста, скажу вамъ, что прежде отъѣзда изъ Тулы случилось съ нами два происшествія, одно пріятное и веселое, а другое крайне досадное. Пріятное состояло въ томъ, что противъ всякаго моего чаянія, посланной на рынокъ чело-вѣкъ притащилъ съ собою пойманнаго имъ бѣглеца нашего, Степана Лахмыта.

«Удивился я, его увидѣвъ, и закричалъ: «Что это братъ? отчего ты отъ насъ ушелъ? и какая тебѣ была изгона?»—Что сударь! Котовскіе сказали мнѣ, что вы хотите отдать меня на поселеніе, а я, испугавшись того, и ушелъ и ждалъ, по-

куда ушлиютъ поселенныхъ, тогда хотѣлъ самъ приттѣть.

«Что мнѣ съ симъ бездѣльникомъ было дѣлать! драться не хотѣлось; другого не оставалось, какъ обстригти для безопасности, чтобъ опять не ушелъ, взять его съ собою.

«Какъ вздумано, такъ и сдѣлано. Я, доставъ ножницы, ну его стричь, и голову, и бороду, крестъ на крестъ. Но сей бездѣльникъ вздумалъ еще со мною договариваться, чтобъ я не бралъ его съ собою въ Шадскъ, что онъ туда отнюдь не хочетъ, а радъ умереть въ Дворяниновѣ; однако было-бы смѣшно, если бы я его послушалъ.

«Что касается до другого и досаднаго происшествія, то состояло оно въ неумѣренномъ, безстыдномъ и безсовѣстномъ требованіи хозяйки нашей за пребываніе въ домѣ ея нѣсколькихъ часовъ.

«Требованіе ея было такъ велико, что она вздурила даже меня, каковъ я ни терпѣливъ, и я неинако, какъ съ превеликою досадою разстался съ нею, за-ключившись впредь не становиться на квартиры не договорившись напередъ о заплатѣ за постой.

«Но досада сія была не одна въ этотъ день. Вечеру имѣлъ я опять новую: застигла насъ ночь на степи и въ безводномъ совсѣмъ мѣстѣ. Сдѣлалось вдругъ такъ темно, что ни зги было не видно и мы принуждены были почти ощупью тащиться и спѣшить доѣхать до какой-нибудь деревни, гдѣ бы намъ ночевать было можно; но никакая не попадалась намъ на глаза.

«Мы спрашивали у всѣхъ, съ кѣмъ ни встрѣчались, далеко-ли село; но сіи ровно какъ сговорились увеличивать мою досаду и сказывали все разное. Одинъ сказалъ: верстъ съ 8, а другой, съ которыми повстрѣчались мы отѣхавъ еще нѣсколько, сказалъ, что съ 15 верстъ.

«Гѣфу, какая пропасть!» въ досадѣ говорилъ я, «чѣмъ бы уменьшаться, а вопреки тому все прибавляется», и повѣрите-ли, чело-вѣкъ двадцать мы спрашивали и ни одинъ не сказалъ правды.

«Наконецъ, вѣхали мы въ какую-то рѣку и стали въ пень, ибо за темнотою не видно было нигдѣ вѣзда,—и насилу, насилу, наконецъ доѣхали мы до села Каменки и тутъ ночевали, давъ въ сей день лошадямъ своимъ добрый трезвонъ, и бѣдныя принуждены были цѣлыхъ 50 верстъ бѣжать безъ отдыха. А сегодня, продолжая свой путь, имѣли опять приключеніе непріятное.

«Надобно намъ было переѣзжать одну нарочитой величины рѣку по мосту, но мостъ такъ былъ узокъ, что одно колесо коляски моей хорошохонько съ него сползло и коляска, повиснувъ на бокъ, чуть-было чуть не полетѣла совсѣмъ въ рѣку.

«Не могу изобразить, какъ настрашалъ меня сей случай. До сего боялся я мостовъ, а теперь еще болѣе бояться ихъ буду. Я, не вспомнивъ самъ себя и выскочивъ безъ памяти, кричалъ, чтобъ выпрягли скорѣе лошадей и перетаскивали коляску на себѣ черезъ сей проклятой мостъ, и насилу, насилу мы перебрались черезъ оной».

16-го числа писалъ я слѣдующее: «Выкормивши лошадей въ епифанской своей деревни и запасшись курицами, овсомъ и всѣмъ нужнымъ, сѣѣли мы ѣхать далѣе. Въ тотъ же еще день добрались до города Епифани, но и въ сей разъ не обошлось безъ досаднаго происшествія.

«Зашаталась у насъ вдругъ одна изъ коренныхъ лошадей въ коляскѣ и чуть-было не упала совсѣмъ. Мы впрахъ перепугались и не знали, что дѣлать и рады невѣдомо какъ были, что она, отдохнувъ нѣсколько минутъ, поправилась и насъ кое-какъ довезла до Епифани.

«Въ семъ стенномъ городѣ хотѣлось-было мнѣ кое-что купить, но ничего не нашли, а съ нуждою отыскивали купить нѣсколько меду и чесноку, которой нуженъ намъ былъ для леченія ящера у лошадей нашихъ.

«Переночевавши въ семъ городѣ, поѣхали мы изъ него до свѣта и очень рано. Но не успѣли выѣхать, какъ въ темнотѣ ошиблись дорогою и поскакали по Скопинской, и не прежде схватились и ошиб-

ку свою узнали, какъ отѣхавъ уже верстъ съ восемь.

«По счастью, повстрѣчался съ нами одинъ мужикъ и сей вразумилъ уже насъ, что мы ѣдемъ не туда и далеко сбились влѣво. Что было тогда дѣлать?.. Принуждены были его нанимать, чтобъ онъ провѣлъ уже насъ кой-какими дорожками до села Богучалокъ, чрезъ которое намъ ѣхать надлежало.

«Большое село сіе сидитъ на рѣкѣ Таболѣ, и я, приѣхавъ въ него, не могъ довольно налюбоваться красотою положенія онаго и всего мѣста. Оно принадлежитъ князьямъ Прозоровскимъ, имѣетъ въ себѣ господской домъ, церковь, множество прудовъ и хорошіе мосты.

«Однако, мы тутъ не остановились, а доѣхали до села Молоденокъ, принадлежащаго графамъ Разумовскимъ, и тутъ, переправившись съ трудомъ черезъ рѣчку по скверному мосту, кормили лошадей.

«Тутъ видѣлъ я одну, достойную замѣчанія, вещь: на хозяинѣ были лапти, какихъ я никогда еще не видывалъ, сдѣланные не изъ лыкъ, а изъ дерева. Выдумка сія мнѣ полюбилась и тѣмъ паче, что онъ носилъ ихъ болѣе года. Онѣ сдѣланы были осиновыя и головашка выдолблена съ бока и дира послѣ задѣлана.

«Выѣхавши изъ села сего, нашелъ я на дорогѣ двѣ, примѣчанія достойныя, вещи: прекрасную и превеликой обширности дубовую рощу, молодую, подчищенную, частую, прямую и столь прелестную, что я не могъ ею довольно налюбоваться и ѣхалъ чрезъ нее съ особымъ удовольствіемъ. Она могла почестъя сущю рѣдкостью въ степныхъ тамошнихъ мѣстахъ и казалась быть сѣянною. Во-вторыхъ, наѣхали мы цѣлое поле, засѣянное коноплею, что было для насъ также зрѣлищемъ необыкновеннымъ.

«Ночевать приѣхали мы въ село Змѣво и уже въ сумерки. Село сіе было нарочито велико, принадлежитъ разнымъ господамъ и имѣетъ въ себѣ хотя обширной, но наполненной столь скверною водою прудъ, что людямъ нашимъ, напившимся оной, служила она сущимъ рвот-

нимъ. Дурнота оной происходила болѣе оттого, что прудъ сей запруженъ былъ однимъ навозомъ.

«Совсѣмъ тѣмъ, почлегъ сей былъ намъ, противъ чаянiя, довольно веселье. Не успѣли мы остановиться, какъ показался на той сторонѣ, за прудомъ, превеликой хоръ крестьянокъ, идущій изъ дворовъ къ століицѣмъ на улицѣ просторной круглымъ качелямъ.

«Шли онѣ, предводимыя дочерью одного тутешняго владѣльца и при громѣ воспѣвающихъ веселыхъ пѣсней. Вскорѣ за ними вышелъ и отецъ ея, и вокальная музыка сія и качаніе на качеляхъ продолжалась до самой глубокой ночи.

«Съ другой стороны забавлялъ насъ цѣловальникъ, сидѣвшій въ прескверномъ кабачишкѣ, противъ насъ стоявшемъ. Сей, сидючи въ пустой хижинѣ своей, во всю почти ночь прооралъ фабричныя пѣсни и, наконецъ, до того дошло, что я уже и не радъ былъ его усердію, ибо за пѣснями его не могли мы и заснуть скоро.

«Въ семь мѣстѣ напало на меня небольшое горе. У товарища моего заболѣла отчего-то голова и я боялся, чтобъ онъ у меня не занемогъ; но, по счастію, припадокъ сей миновался скоро. Впрочемъ, сообществомъ его былъ я часъ отъ часу довольнѣе и онъ «Жилблазъ» моего такъ полюбилъ, что читалъ его съ охотою, и не успѣемъ гдѣ остановиться, какъ гребется онъ самъ за книгу и говоритъ: «что-то нашъ Жилблазъ дѣлаетъ, пора мнѣ съ нимъ повидаться».

17-го числа писалъ я: «На утріе, вставъ рано и проѣхавъ еще ночью Рановы-Верхи и славное и любимое мною село Муравенно, приѣхали мы кормить лошадей и обѣдать въ село Никольское, находящееся уже недалеко отъ Ранебурга, или, по тамошнему нарѣчію, Анбура.

«Тутъ ненарочно остановились мы подлѣ двора священника сего села, человѣка добраго и на нашу руку. Я тотчасъ съ нимъ спознакомился и рюмка водки свела у насъ съ нимъ въ одинъ мигъ дружбу. Попъ мой сдѣлался тотчасъ разсыпнымъ, несетъ ко мнѣ и хлѣбъ, и квасъ

и тарелку яблокъ, а всего лучше, досталъ мнѣ къ чаю молоко.

«Я поподчивалъ его чашкою пунша и попъ мой былъ тѣмъ крайне доволенъ; звалъ меня погулять въ свой садъ, которой былъ у него изрядной, и какъ на одной яблони были еще прекрасныя зимовыя яблоки, то стресъ ихъ для меня нѣсколько. Словомъ, не попъ, а другъ задушевный; а мнѣ такой другъ на дорогѣ былъ и надобенъ. Теперь отдыхаетъ онъ отъ излишней рюмочки, а безъ того не имѣлъ бы я времени сего написать. Не знаю, увидимся-ли мы съ нимъ, или нѣтъ».

18-го сентября писалъ я слѣдующее: «Знаете ли откуда я сіе пишу? За 20 верстъ уже отъ Козлова, сидючи въ харчевнѣ довольно изрядной и называемой Хоботъ. Тутъ кормимъ мы лошадей и я теперь только съ товарищемъ моимъ пообедалъ.

«Обѣдъ у насъ былъ въ сей разъ нисколько не похожій на дорожной: горячая ветчина, яйца въ сметку, окрошка, щи бѣлые съ говядиною и щипленкомъ и такіе, какихъ лучше требовать не можно, а наконецъ, битое говяжье мясо на сковородѣ съ уксусомъ. Не довольно-ли кушанья? Право, хотъ бы и дѣткамъ нашимъ! а особливо въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, кромѣ одной избы, ничего нѣтъ. Но по счастію такъ случилось, что харчевня сія все имѣла. Мы могли достать и къ чаю молоко и все прочее, а для десерта была у насъ спѣлая брусника, куманика и хорошій арбузъ. Вотъ, какъ мы прохладно ѣдемъ.

«Но и въ самомъ дѣлѣ можно сказать, что по сіе время дорога намъ была очень весела; не знаю, какова впредь будетъ. Я опишу вамъ всѣ произшествія.

«Встаемъ мы очень рано, и я, не просыпаясь и не вставая, такъ и ѣду, покуда разсвѣнетъ; развѣ когда прошибутся дорогою, такъ проснешься поемѣяться надъ дуракомъ нашимъ проводникомъ. То-то сушій фалалей и годился-бы по нуждѣ въ шуты и дураки.

«Какъ разсвѣнетъ, беру я книгу и читаю себя дорогою, лежа въ коляскѣ. По

счастію читать безъ нужды можно; оставившись кормить, одѣваемся, и Тимошей нашъ проворить тотчасъ чаемъ. Не было еще дня, чтобъ я онаго до сыта съ сливками не напивался и табаку не накурился. Комаренокъ принимается тотчасъ за таганъ, варить похлебку изъ курицы, которыми не позабыли застаться мы изъ Елифани, также яйца и прочее.

«Между тѣмъ, какъ варятъ и приготавливаютъ намъ обѣдъ, принимаюсь я за свою дорожную канцелярію. Чернильница у меня при боцѣ и весь приборъ письменной. Чернильницу повѣшу за рукоятку въ коляскѣ, самъ сяду, опустя ноги въ дверцы, подушки на колѣни и на нихъ «Китайскую исторію», и начинаю тотчасъ записывать въ журналъ свое путешествіе, и записавъ, продолжаю переводить «Китайскую исторію».

«Какъ поспѣетъ обѣдъ, садимся мы съ товарищемъ своимъ на цыновкѣ и наѣдаемся до сыта; послѣ того напиваемся квасу и, полакомившись чѣмъ-нибудь, продолжаю я писать, а товарищъ мой читать своего «Жилблаза», до тѣхъ поръ, покуда запрягутъ лошадей. Тогда канцелярія моя опять прячется, я сажусь въ коляску и беру въ руки читать книгу.

«Дорогою провождаемъ мы время въ чтеніи, въ разговорахъ и въ лакомствѣ арбузами, орѣхами и кренделями, а когда устанемъ сидѣть, то попройдемся. Приѣхавши на ночлегъ, становимся опять подлѣ двора и Комаренокъ принимается за прежнее свое дѣло, — варить намъ похлебку и прочее, а я, ежели свѣтло, опять за канцелярію.

«Отужинавъ, ложимся мы спать, и какъ рано я засыпать не привыкъ, то подають мнѣ въ коляску свѣчку и я разговариваю часа полтора съ книгою, покуда поужинають люди и стануть спать ложиться. Тогда возьмутъ отъ меня свѣчку и мы засыпаемъ и спимъ, покуда часовой намъ не закричитъ и не предвѣститъ, что приближается утро.

«Знаете-ли, о какомъ часовомъ я говорю? Изъ взятыхъ въ Елифани живыхъ пѣтуховъ, одинъ повадился кричать. Мы

тѣмъ очень довольны и нарочно его не бьемъ. Какъ скоро онъ закричитъ, то встають люди и мы запрягаемъ лошадей и продолжаемъ путь свой.

«Вотъ краткое описаніе нашего путешествія. Не довольно-ли оно пріятно? А прекраснѣйшая погода и гладчайшая дорога придавала ему еще болѣе пріятности.

«О самой же ѣздѣ нашей отъ Никольскаго до сего мѣста скажу только, что мы вчера въ Ранибургъ приѣхали еще довольно рано и искупивъ все нужное, хотѣли-было ѣхать далѣе, но раздумали; а переѣхавъ тутъ рѣку Рясу, остановились ночевать, а сегодня ранехонько уже встали и продолжали до сего мѣста свой путь наипрекраснѣйшею дорогою, обсаженною по обѣимъ сторонамъ молодыми деревцами, оплетенными плетешками. Сіе случилось мнѣ еще впервые видѣть и я не могъ тѣмъ довольно налюбоваться и желалъ, чтобъ деревцы сіи всѣ принялись и уцѣлѣли, но къ чему была худая надежда».

19-го сентября писалъ я изъ Лысыхъ-горъ: «Вотъ мы уже и въ славномъ однодворческомъ селѣ Лысыхъ-горахъ, и переѣхали уже половину той большой и окомъ необозрѣваемой степи, которая находится между Козловомъ и Тамбовомъ.

«Отправившись вчера изъ Хобота, приѣхали мы въ Козловъ такъ рано, что мнѣ не хотѣлось тутъ ночевать; а полюбавшись вновь строящимися тутъ каменными церквами и домами, пустились мы далѣе и успѣли еще приѣхать ночевать на полный Воронежъ, гдѣ, вмѣсто прежней пустоты, нашли уже селеніе нарочито увеличившееся, а сегодня поспѣли сюда кормить лошадей еще довольно рано и не было на семъ пути съ нами ничего особеннаго».

20-го числа писалъ я уже изъ своей шадской деревни слѣдующее: «Слава Богу! Вотъ пишу сіе къ вамъ сидячи за столомъ и въ своей шадской деревнѣ. По благодати Господней, часа за два до сего приѣхали мы уже сюда благопо-

лучно. Но прежде повѣствованія о здѣшнемъ пребываніи, расскажу напередъ достальное о путешествіи нашемъ.

«Вчера выкормивши лошадей въ селѣ Лысыхъ-горахъ, выѣхали мы изъ него довольно рано. Какъ подлѣ самаго его надлежало въѣзжать на превысокую гору, то взомель я на нее пѣшкомъ и, окинувъ съ ней окомъ все сіе огромное село, сидящее внизу вдоль рѣки, сквозь его текущей, не могъ я смотрѣть безъ досады на глупое строеніе живущихъ въ немъ однодворцевъ.

«Представьте себѣ селеніе, состоящее изъ 4 тысячъ душъ и имѣющее въ себѣ 4 церкви. Всѣ дома въ нихъ крыты дранью, жители всѣ вольные, никакой работы господской неотправляющіе, владеющіе многими тысячами десятинъ земли и живущіе въ совершенной свободѣ. Не остается-ли по сему всему заключить, что селу сему надобно быть прекраснѣйшему и походить болѣе на городокъ, нежели на деревню; но вмѣсто того оно ни къ чему годное, и нѣтъ въ немъ ни улицы порядочной, ни одного двора хорошенькаго.

«Правда, мѣсто занимаетъ оно собою весьма обширное и дворовъ бездна; но какъ бы вы думали сидѣли дворы сіи, и каковы бы они были? Тамъ дворъ, здѣсь другой, индѣ дворовъ пять въ кучкѣ, индѣ десятокъ. Тѣ туда глядятъ, сіи сюда, иной назадъ, другой напередъ, иной бокомъ, иной исковерканной стоитъ и ни одного изъ нихъ живого нѣтъ. Избушка стоитъ, какъ балдырь, правда, покрыта дранью, но только и всего.

«Дворы ихъ истинно грѣхъ и назвать дворами. Обнесены кой-какимъ плетнишкомъ и нѣтъ ни одного почти сарайчика, ни одной клѣтки, да и плетни—иной исковерканной, иной на боку, иной избоченая стоитъ, и такъ далѣе.

«Взирая на все сіе и крайне негодуя, самъ себѣ я говорилъ: «О талалаи! талалаи негодные! Некому васъ переноротъ, чтобъ вы были умнѣе, и строились и жили бы порядочнѣе. Хлѣба стоитъ у васъ свирдовъ цѣлыя тысячи, а живете

вы такъ худо, такъ бѣдно, такъ безпорядочно! Вотъ слѣдствія и плоды безначалія, мнимаго блаженства и драгоценной свободы. Одни только кабаки и карманы откупщиковъ наполняются вашими избытками, вашими деньгами, а отечеству одинъ только стыдъ вы собою причиняете».

«Въ Тамбовѣ приѣхали мы еще довольно рано и искупивъ нужное, пустились далѣе и поѣхали уже не чрезъ Пески и Расказы, а большою дорогою, вдоль рѣки Цны, на Коптево, и въ сумерки приѣхали почевать въ большое однодворческое село Кузменки.

«Тутъ опять имѣли мы съ сими тала-лаями досаду. Ничего у нихъ недостанетъ; живутъ не люди, а Богъ знаетъ что,—только занимаютъ лучшія мѣста въ государствѣ.

«Сегодня встали мы хотя до свѣту, но переѣздъ утренній былъ невеликъ; надлежало перебираться чрезъ множество мостовъ и переправъ, и въ одномъ мѣстѣ сидѣть бы намъ въ грязи, еслибъ одинъ мужикъ насъ не избавилъ.

«Мы наѣхали сего бѣдняка, сидящаго въ грязи совсѣмъ съ телѣгою и ожидающаго свѣта. Онъ говорилъ намъ: «Пожалуйте, не ѣздите, будете и вы также сидѣть, а объѣзжайте; вонъ тамъ есть мость». Итакъ, мы благополучно топъ сію и объѣхали.

«Кормить и объѣдать остановились мы въ однодворческомъ селѣ Коптевѣ, послѣднемъ уже селеніи къ нашей деревнѣ, и насилу-насилу выпросились къ одному однодворцу въ избу погрѣться, ибо утро было очень холодно. Одинъ не пустилъ на дворъ сказавъ, что онъ со двора идетъ, другой также закарячился-было, но какъ-то, наконецъ, согласился; но за то и получили мы квартиру добрую.

«Однодворецъ сей жилъ какъ маленькой дворянчикъ. Свѣтличка была у него бѣленькая и самъ въ синемъ суконномъ тулупѣ. Я тотчасъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и какой нечаянной и благополучной случай привелъ меня на сей дворъ. Однодворецъ былъ человѣкъ надоб-

ной, грамотникъ и дѣлецъ по тамошнему селу. Я ему тотчасъ рюмку водки, поить его своимъ пуншемъ, сажать съ собою за столъ. Однодворецъ мой растаялъ, другъ сердечной. Я заводилъ рѣчь стороною о здѣшнихъ обстоятельствахъ. Онъ все знаетъ, всѣ здѣшнія мѣста ему извѣстны; рассказываетъ мнѣ то, болтаетъ другое; я, вывѣдывая, не открываюсь: онъ съ дуру, что съ дубу говоритъ, что отъ роду помнитъ, и наставлялъ мнѣ много такого, чего-бъ мнѣ искомъ не доискаться; не только о многихъ здѣшнихъ обстоятельствахъ, но и о самыхъ пустыхъ и порожнихъ земляхъ и межеванъѣхъ.

«Разставшись съ нимъ въ превеликомъ удовольствіи поѣхали мы далѣе, и перекрѣпившись чрезъ нашу огромную и окомъ необозрѣваемую степь, приѣхали мы въ свою деревню часа еще за три до вечера и не нашли никого дома. Всѣ были на полѣ—и прикащикъ и староста; ибо въ самое сіе время молотили горохъ на пашняхъ».

Вотъ описаніе моего путешествія въ шадскую мою деревню; а теперь извлеку изъ ежедневнаго журнала моего все, относящееся до моего тамошняго пребыванія. Я писалъ оной также образомъ писемъ къ моей тещи, — и вотъ первое, написанное въ тотъ же еще вечеръ:

«Покуда прикащикъ и староста придетъ, вечеркомъ теперь не имѣя никакого дѣла, начну по крайней мѣрѣ что-нибудь врать.

«Вѣѣхавши давеча въ деревню и прежде всего въ новую мою слободу, населенную переведенцами изъ другихъ деревень: Бурцовой, епифанской и козловской, которую я еще не видалъ, повеселился я, увидѣвъ ее въ нарочитомъ уже порядкѣ. Деревня моя стала какъ иная и получила гораздо лучшей видъ передъ прежнимъ. Самая избушка, въ которой мнѣ надлежало жить, была уже иная и съ красненькимъ окошечкомъ, по правду сказать, немногимъ чѣмъ прежней лучше. По несчастью, встрѣтила она насъ дымомъ. Прикащица надымилась ей, грѣвъ на что-то воду; но мы ради были, добравшись до покоя.

«Хороша, хороша дорога, но одна пылъ

намъ надоѣла. Надобно-жъ было случиться такъ, что во всю дорогу вѣтеръ былъ одинъ и несъ ее прямо въ глаза наши. Всѣ перечернились и всѣ перепачкались, и сколь ни малый я охотникъ ходить въ баню, но теперь сходилъ-бы, еслибъ была хорошенькая.

«Какъ въ избу за дымомъ войти было не можно, а дѣлать другого было нечего, то пошелъ я на гумно и порадовался, найдя его набитою все хлѣбомъ. Богъ пожаловалъ урожай хороший и хлѣба всякаго было много; и можно было сказать, что дворъ мой господской не красенъ былъ углами, а красенъ пирогами.

«Оттуда пошли мы съ товарищемъ моимъ по дворамъ крестьянскимъ и всѣ ихъ осмотрѣли. Переведенцы поставили домики себѣ изрядные и дворы ихъ были несравненно лучше старинныхъ стѣнныхъ нашихъ олуховъ. Но вотъ пришелъ прикащикъ и надобно заняться съ нимъ разговорами».

21 сентября поутру.

«Вчера съ прикащикомъ проговорилъ я до полуночи, слѣдственно писать было некогда; а теперь, какъ опять свободной промежутокъ времени случился, то опять принимаюсь за перо.

«Ну, матунка! поѣздка моя сюда чуть-ли не выливается по пустому, и чуть-ли не струсилъ мой трусъ прикащикъ и не проволочилъ меня понапрасну. Межевщика нѣтъ здѣсь еще и въ появі, да такъ хорошо, что никто точно и не знаетъ, гдѣ онъ находится. Говорятъ только, что не очень далеко и верстъ за 30 стоитъ отсюда. Но какой онъ? зачѣмъ? и по какому случаю, и будетъ ли къ намъ? обо всемъ томъ никто и ничего не знаетъ.

«Рахмановъ межеваньемъ грозилъ напрасно; ничего не бывало! Гдѣ ему межеваться?—хотятъ всѣ своровать и утаить степь,—такъ въ межеванъѣ ли? Въѣсто того говорить, что вчера хотѣлъ ѣхать обратно къ Москвѣ и въ свои деревни. Для меня извѣстіе сіе было очень досадно. Съ нимъ-то и хотѣлось повидать-

ся, а теперь безъ него что можно сдѣлать?»

«О Пашковѣ также нѣтъ ни слуху, ни духу, ни послушанія, а здѣшніе дворянчики не знаютъ, что и дѣлать. Всѣ только условились и говорятъ, что дикой степи здѣсь и небывало.

«Вотъ всѣ обстоятельства. Я не знаю, что дѣлать и предпринимать; однако послалъ провѣдать, не здѣсь-ли еще Рахмановъ; а еще хочу послать искать межевщика и повидаюсь по крайней мѣрѣ съ нимъ и узнаю обстоятельства, а потому стану помышлять какія брать мѣры. Также хочется мнѣ повидаться и съ тамбовскимъ межевщикомъ и узнать подробнѣе о дикой степи».

Въ тотъ же день ввечеру.

«Сегодняшній день провелъ я тамъ, гдѣ не думалъ и съ тѣмъ, съ кѣмъ нимало не помышлялъ. Давеча не успѣлъ я перестать писать, какъ посланной къ Рахманову въ двери и сказываетъ, что Рахмановъ еще не уѣхалъ, а здѣсь, и велѣлъ мнѣ кланяться, а что ѣдетъ сегодня и ему готовятъ уже лошадей.

«Обрадовался я сіе услышавъ. «Скорѣй, скорѣй вели готовить ѣсть и приготавливать коляску и лошадей, а мнѣ убирайте-ка скорѣй волосы и давайте одѣваться, надобно спѣшить и заставить какъ можно».

«Какъ вздумано такъ и сдѣлано. Тотчасъ вскинулъ обѣдъ, тотчасъ подвиты волосы и напудрена голова. Скакать я къ Рахманову, скакать и на дорогѣ думать, что мнѣ съ нимъ говорить.

«Взялъ съ собою про запасъ инструкцію межевую, въ которой давеча поутру нашелъ неизвѣстное мнѣ до того и нѣкоторымъ образомъ полезное для здѣшняго мѣста узаконеніе и обстоятельство, которое я тотчасъ поймалъ и оно показало мнѣ слѣдъ, какъ съ здѣшнею землею мнѣ сдѣлаться.

«Подъѣзжая къ Рахманову, вижу, что коляска у дверей; но, по счастью, еще не запряжена. Гости, заѣхавшіе, его остановили. Рахмановъ вышелъ меня встрѣчать, обходится великою ласкою, ласково, снисходительно, дружески; но въ самомъ дѣлѣ

съ скрываемымъ, но мною проникаемымъ лукавствомъ. Но какъ я удивился, вошедъ въ горницу и увидѣвъ, что они хотѣли было только садиться за столъ обѣдать и что кушанье уже поставлено.

«Рахмановъ изъясняетъ свою радость, что я приѣхалъ къ обѣду. Добро! думаю я, есть у меня и свой кусокъ. — Обѣдаль-де, государь, обѣдалъ! — «Эхъ, братецъ, какъ ты такой, для чего не ко мнѣ приѣхалъ обѣдать?» — Такъ тому и бытъ! — отвѣтствую; но принужденъ былъ сѣсть съ ними за столъ.

«Во время стола вижу, что Рахмановъ былъ уже нѣсколько подгулъхомъ. Гости у него были друзья его душевные: расказовской монастырской управитель съ подъячимъ, его единомышленниками, съ которыми вмѣстѣ воруетъ или обижаетъ онъ людей добрыхъ.

«Такимъ образомъ сѣли мы за столъ и они начали ѣсть, а я смотрѣлъ, сидя молча; но не думайте, что мнѣ это молчаніе было скучно. Не за столомъ я сидѣлъ, а въ комедіи и смотрѣлъ на театръ дурачествъ. То-то бы хотѣлъ, еслибъ можно было описать, или изобразить на картинѣ все то, что я видѣлъ.

«За столомъ сидѣло насъ 9 человекъ: въ большомъ мѣстѣ самъ хозяинъ, въ пышномъ калмыцкомъ бѣломъ и голомъ тулупѣ, разворота толстое брюхо, съ растрепанными волосами и съ раздувающимся немного, какъ видно, отъ излишнихъ рюмокъ рожею.

«Подлѣ его по лѣвую руку — я, а по правую монастырской управитель въ алломъ китайскомъ тулупѣ и въ черномъ бархатномъ камзолѣ, на которомъ были стеклянные пуговочки, столько-жъ блистающія, сколь блистательны были славныя его дѣла при управленіи огромными монастырскими селами и деревнями.

— «Хорошъ ты гусь, думалъ я, но какого-то мнѣнія мужички о тебѣ? а съ виду кажешься дѣтина изрядной.

«Подлѣ его сидѣлъ человекъ, которой, по наружному виду и платью походилъ на него и также на дворянина въ байковомъ камзолѣ и вмѣсто холода (?) въ

синей епанчѣ. Волоски были также у него растрепаны, какъ у перваго, и оба они съ Рахмановымъ обходились очень фамиллярно и дружески; почему, не зная сперва, кто они, подумалъ я, что были это какіе-нибудь сосѣди, его пріятель. Но какъ удивился узнавъ послѣ, что другой-то человѣкъ былъ управительской подъячій.

— Ну! — сказалъ я тогда, — видно по всему, что эти собачки одну сметану лижутъ, — не даромъ такъ за панибрата обходятся!

«Но я заговорился, описывая сего; надобно описать еще прочихъ, честную нашу компанію составлявшихъ.

«Подлѣ его сидѣлъ какой-то старичишка съ превеликими взлизами на головѣ, въ набойчетомъ замаранномъ холладишкѣ и подпоясанной подпояскою. Сказывали мнѣ, что это какой-то тутушій житель, надъ которымъ г. Рахмановъ подшучиваетъ. Однако тутъ онъ не шутилъ и во весь обѣдъ промолчалъ.

«Подѣ сего старичишка сидѣлъ какой-то еще рыжій мужичина, ни дворянинъ, ни однодворецъ, но Богъ знаетъ чѣмъ, приѣхавшій съ управителемъ и похожій на сторожа его. Эта также была безгласная особа.

«Вотъ три бока стола я описалъ, теперь остался четвертой. За нимъ сидѣло трое: два однодворца матарыги, сквернавцы, шуты и Богъ знаетъ чѣмъ, фавориты и наперсники г. Рахманова. Оба они мнѣ были извѣстныя особы и я упоминалъ объ нихъ при описаніи моей первой поѣздки. Одинъ назывался Кутуковъ, а другой какой-то Юдушка матарыга; одинъ въ овчинной замаранной и скверной шубейкѣ, въ маркитантской рубашкѣ, и самой сквернавецъ, а другой въ красенъкомъ балахончикѣ. Наконецъ, третій и послѣдній человѣкъ былъ пошъ его села и дѣтиска молоденькой. Вотъ всѣ особы, сидѣвшія за столомъ.

«Господинъ хозяинъ взялъ на себя трудъ раздавать кушанье и я имѣлъ счастье видѣть тутъ новую моду раздавать

рыбу руками, вмѣсто вилокъ. Только-что пыхтѣлъ, засучивалъ рукава тулупа и каждой кусокъ благословлялъ такимъ благословіемъ, которое пересказать благопристойность запрещаетъ; ибо надобно знать, что хозяинъ мой великой охотникъ до сквернословія и видно, что онъ сей риторикѣ гораздо поучень. Уже и управитель говорилъ ему: «знать, вы очень поучены этой грамоткѣ». Таки со всякимъ словомъ тожъ, да тожъ опять; ажно съ стороны дурно.

«Между тѣмъ, какъ онъ раздавалъ, между тѣмъ какъ то и дѣло подчивалъ управителя и выхвалялъ свою рыбу, которую я однако не отвѣдывалъ; между тѣмъ, покуда самъ всякаго кушанья съ чеснокомъ до поту лица объѣдался, были любимцы его не безъ дѣла.

«Они изволили говорить и шутить другъ съ другомъ, но какъ же? Только что ввали самую наинеподѣйшую скверность и такую несли блажь, что достойны были выгнаты быть изъ-за стола. Совсѣмъ тѣмъ г. Рахманову было то пріятно и они его тѣмъ веселили.

«Насилу, насилу дождался я, покуда всѣ они наѣлись и встали. Послѣ обѣда ишу я случая зачать съ Рахмановымъ говорить о землѣ, но по несчастію зашли бабы просить о невѣстахъ своимъ дѣтямъ. Онъ принялся разбирать письма и стряпчему своему велѣлъ записывать кого за кого отдавать. Въ этомъ прошло много времени.

«Потомъ началъ онъ драть черныя письма. Истинно передралъ онъ болѣе двухъ дестей и весь полъ бумагами усыпалъ. Это было опять для меня новое зрѣлище. Наконецъ окончилось сіе и уѣхалъ управитель, и я остался одинъ. Понемногу, понемногу доводить я разговоръ о землѣ, отбирать отъ него изподтиха и высматривать его мысли, и вотъ что узналъ:

«Пашковъ межевщика дѣйствительно поднялъ, то-есть взялъ на свой коштъ; но межевать ему нынѣшнею осенью не можно. Другой также сосѣдъ, г. Коповницынъ, взялъ того же межевщика

Заборовскаго, и что сей скоро межеваться будетъ. Что самъ онъ, Рахмановъ, степь хочеть утаивать и утверждать, что ей нѣтъ, и сказывалъ, что онъ, по незнанію, и самъ подалъ доношеніе и объ ней объявивъ, хотѣлъ купить; но послѣ, какъ стали требовать деньги, то ему не захотѣлось заплатить и онъ одумался и подалъ доношеніе, будто прежде показалъ ошибкою и что эта земля не казенная пустая, а дачная; слѣдовательно ему теперь никакъ уже не можно называть ее казенною, а онъ долженъ ее неинако называть, какъ дачною.

«Далѣе говорилъ онъ мнѣ, что я пропаду, ежели назову дикою степью, — а я самъ себѣ на умѣ: «Добро! Эти грозы слышали мы давно», а ему говорю: «не лучше-ль бы было и всѣмъ назвать дикою землею», и доказываю ему сіе резонами.

«Такъ случилось, что сіи резоны были ему неизвѣстны. Хватъ онъ себя за бороду и говоритъ: — «Ну, жаль-же мнѣ, что я это сдѣлалъ, а впрямъ-бы лучше было показать ее дикою степью; но теперь перемѣнить нечѣмъ». Такимъ образомъ, какъ онъ сперва ни пыхтѣлъ, но послѣ смириѣе сталъ говорить. Наконецъ, надобно было ему уже ѣхать. Я, вида, что у насъ съ нимъ будетъ большое дѣло, и что намъ съ нимъ добромъ не развестись, распрощался съ нимъ и поѣхалъ.

«На дорогѣ заѣхалъ я къ г. Соймонову, чтобы господамъ симъ вложить въ голову мои резоны, по которымъ для всѣхъ ихъ лучше было объявить дикую степь. Соймоновъ мнѣ радъ и я нашелъ въ немъ все, что хотѣлъ. Онъ сказалъ мнѣ радостную вѣсть, что не только онъ, но и многіе другіе въ томъ согласны, чтобы показать дикую степь, а мнѣ сіе всего лучше и надобнѣе.

«Между тѣмъ, какъ я туда ѣздить, приѣзжалъ ко мнѣ сосѣдь мой, по не засталъ дома. Какъ ѣхалъ я въ сумерки домой, гляжу, — выслалъ онъ челоѣка звать меня къ себѣ; но я, досадуя на сего бездѣльнаго и негоднаго сосѣда, за его

обиды, отказалъ и не поѣхалъ за позднимъ временемъ».

22-го сентября ввечеру.

«Въ сегодняшній день думалъ я пробыть дома, но не такъ сдѣлалось. Напившись чаю, отправлялъ я обыкновенную свою аудіенцію, то-есть, говорилъ съ приходящими ко мнѣ на поклонъ съ яйцами, своими и чужими мужиками. Не успѣлъ я ихъ отправить, какъ шлетъ г. Тараковский звать меня къ себѣ обѣдать. Не хотѣлось-было мнѣ очень къ нему ѣхать, а лучше-бъ гораздо я отоѣдалъ дома, но не могъ отговориться. Однако велѣлъ подать жареную яичную кашку и кусокъ ветчины и перехватилъ нѣсколько, вѣдая, что тамъ не скоро дождешься обѣда.

«Позавтракавши, пошли мы съ моимъ товарищемъ туда. Г. Тараковский радъ. Я на него досадуя, но притворяюсь. Хотѣлось мнѣ распроедѣть о его мысляхъ и посмотреть у него выписъ, съ которой копію позабылъ я дома. Ну ему точить пѣшки! ну говорить о межеванѣхъ, ну, сказывать примѣры! Сбилъ совсѣмъ съ путя, привелъ въ нестроеніе и довелъ до того, что и сей талалай едва-ли уже и самъ не перемѣнилъ мыслей и не хочеть назвать степь дикою землею. Все сіе происходило до обѣда. Обѣдъ былъ по обыкновенію поздной, и чѣмъ позднѣе, тѣмъ хуже. Правда, наѣлся я до сыта, но не гораздо съ аппетитомъ, ибо не было ничего хорошаго, а все изготовлено дурно.

«Послѣ обѣда продолжали говорить о землѣ и дѣлали примѣрное исчисленіе, сколько-бъ, на примѣръ, у всей нашей Пандинской округи было примѣрной земли, и нашли бездѣлицу—51 тысячу десятинъ, и все сіе ужасное множество распахной земли хотятъ сіи молодцы украсть и утаить у государя.

«Вотъ каковы здѣшніе жители; но вѣдь всего этого мало, а надобно еще столько-жъ дѣйствительно дикой степи и пустой земли прихватить и назвать своею! Не знаю истинно, чѣмъ все это дѣло кончится!

«Просидѣвъ у него почти до вечера,

пришли мы домой. Я ждалъ, ждалъ, чтобъ напоилъ онъ насъ чаемъ, но какъ не дождался, то сказалъ своему товарищу, пришедши: «Семъ-ко, братъ, Александръ Андреевичъ, сами своего напьемся; а напередъ съѣздимъ на поле и посмотримъ землю», откуда мы сей только часъ возвратились.

«Я ажъ ахнулъ увидѣвъ, сколько земли было здѣшними жителями, послѣ перваго моего сюда приѣзда, распаханъ. Куда дѣвалась вся ближняя [наша степь и кавыльная земля? Изъ всего, очерченнаго мною, весьма обширнаго, кавыломъ поросшаго мѣста, не осталось уже ни клочка; а все для насъ алчныхъ и ненасытныхъ людей земли было мало!»

Сентября 23-го ввечеру.

«Вчера ввечеру, послѣ написанія вышеписаннаго, такъ-было я занемогъ, что и самъ испужался и всѣхъ перестрашалъ. Вдругъ заболѣлъ у меня, не знаю, не вѣдаю отчего, животъ, и заболѣлъ такъ, какъ никогда не болѣлъ. Такой рѣзъ и такое сдѣлалось ворчанье, что изобразить не можно. Всѣ наши перетрусилась до крайности и не знали, что дѣлать.

«Умница прикащикъ мой говорилъ, что это чемеръ и училъ меня ломать спину на палкѣ. Я слѣдую его совѣту, но не помогаетъ. Настилають на столъ ужинать; но мнѣ не ѣда на умъ идетъ, а оханье. Наконецъ, какимъ-то образомъ вспомнилъ я объ укусѣ и ну-ка его пить, смѣшавши пополамъ съ водою, и насили, насили животъ мой уgomонился и я заснулъ.

«Сегодня, какъ въ воскресной день, расположился я ѣхать къ обѣднѣ въ здѣшнюю церковь, гдѣ надѣялся увидѣть здѣшнихъ господъ дворянъ и съ нѣкоторыми изъ нихъ познакомиться, въ чемъ и не обманулся. Я увидѣлъ гг. Дурова, Колемина, Левашева и съ ними ознакомился и сдружился.

«Какъ главная моя цѣль была растолковать имъ о землѣ, то старался я довести рѣчь до оной. Спасибо, они сами скоро довели до ней рѣчь. Итакъ, мы говорить о томъ еще въ церкви. Господа сии, бывшіе зараженными противными мнѣ-

ніями, и имѣя головы свои набитыя дачною землею, разинули ротъ, какъ я началъ говорить и имъ толковать. Всѣ они ко мнѣ пристали. Я дѣлаю нарочно видъ, будто спѣшу домой. Они унимають меня еще, чтобъ поговорить.

«Г. Колеминъ, тутошній житель, зоветъ меня и прочихъ къ себѣ. Я будто нехотя соглашаюсь, заѣзжаю, продолжаю говорить, растверживаю глупцамъ, что они на свою голову хотятъ вратъ нелѣпицу. Изображаю имъ, какъ это всѣмъ полезно будетъ, если они станутъ согласно со мною говорить и всю нашу округу обведутъ дикою землею.

«Олухи мои растаяли; признаваясь, говорятъ: «такъ! истинно такъ! нельзя быть того лучше» и перемѣняютъ свое мнѣніе, и, видя опасность, въ какую бы они себя ввергли, соглашаются на мое предложеніе и стоятъ уже въ томъ твердо. Радъ я былъ, что заставилъ всѣхъ ихъ плясать по своей дудкѣ. Разстаюсь съ ними. Всѣ зовутъ меня къ себѣ; но я ѣду домой, надѣясь сытнѣй наѣсться. И подлинно, обѣдаю дома спокойнѣе и лучше.

«Послѣ обѣда приходитъ ко мнѣ одинъ изъ нашихъ приходскихъ поповъ. Я, вѣдая, какое вліяніе имѣють здѣшніе попы на жителей тутошнихъ, постарался вперить и въ него такія же мысли. Попъ мой понимаетъ еще лучше ихъ все дѣло, хочетъ растолковать и раствердить имъ оное и сожалѣлъ, что уѣхалъ Сабуровъ и со мною не видался.

«Вечеръ проводилъ я въ разговорахъ со своими мужиками о томъ, какъ бы отводить лучше намъ землю и показывать границы дикой земли. Итакъ, хотя я проѣздили сюда и тщетно, но по крайней мѣрѣ удалось мнѣ сдѣлать то, что я перемѣнилъ у всѣхъ мысли и дѣло свое поставилъ на лучшей ногѣ.

«Завтра хочется мнѣ пригласить къ себѣ нѣсколькихъ изъ наилучшихъ однодворцевъ и, растолковавъ имъ то же, преклонить на свою сторону, а особливо обиженныхъ отъ Рахманова.

«Впрочемъ мнѣ захотѣлось уже и домой; и думаю дней черезъ пять, ежели

исправляюсь, отсюда выѣхать, ибо дѣлать нечего и жить попустому не хочется».

Сентября 26 дня, вечеромъ.

«Разныя обстоятельства не допустили меня во всѣ сии три дни приняться за перо; но теперь расскажу я вдругъ о всѣхъ происшествіяхъ, случившихся въ оныя.

«Въ понедѣльникъ съ утра разослалъ я людей искать и звать къ себѣ однокорцовъ и между тѣмъ поджидалъ посланнаго искать межевщика, которой, возвратясь, привезъ мнѣ неожиданное извѣстіе, что онъ межевщика нашелъ и что оной велѣлъ меня звать къ себѣ во вторникъ поутру и общалъ меня дожидаться. Обрадовавшись сему случаю, пересталъ я помышлять о домашней поѣздкѣ. Не знаю, что-то скажетъ межевщикъ и не принуждено-ли будетъ остаться тутъ на всю осень.

«Однокорцовъ своихъ сколько я ни ждалъ, но не могъ никакъ къ обѣду дожидаться; а послѣ обѣда притащили ко мнѣ двухъ. Я принялся за ту-же пѣсню и равномерно и ихъ убавилъ и согласилъ на свою сторону.

«Немного погодя, смотрю, ѣдетъ ко мнѣ Иванъ Силичъ, г. Тараковской, и засталъ у меня однокорцовъ. Мы съ нимъ сидѣть, пить чай, говорить о землѣ, о другомъ, — и Силичъ мой на все согласенъ. Между тѣмъ, присылаетъ Соймонъ о вѣдѣющаго звать меня къ себѣ. Я отказываю, но вдругъ перемѣняю мысли. Восхотѣлось мнѣ помирить съ нимъ Силича и прекратить ихъ самую пустую ссору. Съ согласія Тараковского, ѣду къ нему верхомъ; говорю съ нимъ обо всемъ; заѣзжаю отъ него къ Силичу, нахожу его болѣе виноватымъ, нежели Соймонова, но его-жъ упругиѣйшимъ и несклонниѣйшимъ къ миру. Итакъ, не сдѣлавъ ничего и плюнувъ, возвращаюсь домой.

«Наутріе, позавтракавъ, отправляюсь я къ межевщику, отысканному за рѣкою Вороною. Ъхали, ѡхали и ошиблись дорогою, заѣхали въ такой лѣсъ, что ни взадъ, ни впередъ. Насилу, насилу вы-

дрались, насилу переѣхали кое-какъ Ворону, по узкой плотинѣ одной преогромной мельницы. Наконецъ, приѣзжаемъ къ межевщику — его нѣтъ дома. Сказываютъ намъ, что уѣхалъ съ Сатинымъ на охоту.

«Господи! какъ мнѣ было сіе досадно! Нечего дѣлать! Говорю: «становись на дворъ къ мужику; станемъ стоять и дожидаться возвращенія, а того не знаемъ, что межевщикъ совсѣмъ на охоту не ѣздилъ, а меня дожидается у Сатина въ домѣ. И то-то, что я послалъ туда провѣдать. Гляжу, притащили ко мнѣ межевщика. Межевщикъ мнѣ радъ; — человекъ очень изрядной, по фамиліи г. Нестеровъ. Мы вступили съ нимъ тотчасъ въ разговоръ. Сказываетъ мнѣ, что ему прежде половины будущаго лѣта не можно никомъ образомъ къ намъ быть межевать, и что я приѣхалъ попустому. Впрочемъ узналъ я, что наше дѣло не таково опасно, какъ я думалъ.

«Будучи симъ доволенъ, думаю: «теперь нечего мнѣ жить — ступай домой!» Ъду въ свою деревню уже ночью, заѣзжаю въ гости къ господину Дурову въ Лопатинѣ. Дуровъ человекъ изрядной, радъ мнѣ былъ чрезвычайно. Мы условились съ нимъ обо всемъ и разстались дружески; и я возвращаюсь домой».

Сентября 28 дня.

«Знаете-ли? Я пишу сіе, собираюсь уже совсѣмъ ѣхать домой, къ вамъ, моимъ роднымъ! Нѣтъ! полно здѣсь жить; скучно стало! и сегодня выѣду непременно. Оба послѣдніе предъ симъ дни провелъ я въ хозяйственныхъ хлопотахъ, разбирательствахъ, распоряженіяхъ, счетахъ, и пр. пр. Я иду заниматься тѣмъ же и теперь, между тѣмъ какъ уже укладываютъ всѣ повозки и хотятъ запрягать лошадей».

Симъ образомъ кончилось мое въ сей разъ въ шадской моей деревнѣ пребываніе. Я дѣйствительно въ тотъ же день выѣхалъ; но о семъ обратномъ путешествіи я не буду занимать васъ подробнымъ повѣствованіемъ, а скажу только

вкратцѣ, что поѣхали мы уже чрезъ Раксазы и Тамбовъ, а изъ Козлова заѣзжали въ свою козловскую деревню, гдѣ отдохнувъ, и безъ всякихъ дальнихъ приключеній и безпокойствъ 5-го числа октября возвратились благополучно въ любезное свое Дворяниново. А симъ окончивъ и сіе, слишкомъ увеличившееся письмо, остаюсь, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

(Декабря 4 дня 1808 года).

Письмо 155-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ, препроводивъ болѣе трехъ недѣль въ своемъ путешествіи и отлучкѣ отъ дома, возвратился я опять въ любезное свое жилище октября 5-го дня ввечеру. Я нашелъ домашнихъ своихъ всѣхъ здоровыми, и какъ они столь скоро возвращенія моего никакъ не ожидали, то печальной приѣздъ мой обрадовалъ ихъ чрезвычайно и тѣмъ паче, что безъ меня и около самаго сего времени присланъ былъ къ намъ новой межевщикъ для повѣрки нашихъ дачъ и окончанія недокончаннаго.

Приѣздъ его перетревожилъ на смерть моихъ сосѣдей и они, по малознанію своему въ межевыхъ дѣлахъ, не знали что дѣлать, и перетрусились до безконечности. По счастью, нѣкоторые домашніе его обстоятельства воспрепятствовали ему, ровно какъ нарочно, до приѣзда моего межевать и они только въ первой разъ выѣхали въ тотъ день, какъ я приѣхалъ. Братъ Михайло Матвѣевичъ былъ у него вожатымъ, у котораго онъ сталъ и на квартиру. Я не преминулъ съ нимъ того-жъ вечера видѣться и обо всемъ переговорить, или, по крайней мѣрѣ, съ нимъ познакомиться.

Онъ былъ господинъ Чаплинъ и человекъ совсѣмъ мнѣ незнакомый; однако я надѣялся, что буду имѣть его на своей рукѣ, по причинѣ, что былъ онъ зятъ знакомцу и пріятелю моему и родственнику Матвѣя Никитяча, Василья Панфиловича Хвощинскаго. Совсѣмъ тѣмъ

въ сей первой разъ показался онъ мнѣ что-то угрюмымъ и мѣшкватымъ.

Не могу изобразить, какъ обрадовались оба сосѣда мои столь благовременному и всего меньше ими ожидаемому возвращенію моему. Они прыгали почти отъ радости и тотчасъ свалили на меня всѣ хлопоты, такъ что я не имѣлъ времени и отдохнуть съ дороги; но принужденъ былъ на другой же день ѣхать съ межевщикомъ на межу.

Планъ нашимъ дачамъ что-то не сходился и ему вѣрно было повѣрить всѣ линіи, и онъ шелъ по всѣмъ межникамъ противными румбами и повѣрялъ въ сей день безспорной рубежъ между Домнинскою дачею и Матюшинскою.

Межевщикъ и во весь сей день казался мнѣ угрюмымъ и нахмуреннымъ; но какъ онъ работалъ только сіе утро, а послѣ обѣда поѣхалъ къ роднѣ своему г. Хвощинскому, то я, разставшись съ нимъ, принялся тотчасъ за скопировку своего плана, чтобъ на немъ разрѣзать самому всѣ наши пустоши и просить потомъ межевщика о размежеваніи оныхъ.

Въ послѣдующій день вдругъ занемогла у насъ мать жены моей и перетревожила насъ ужаснымъ образомъ. Сдѣлался ужасный жаръ и мы боялись, чтобъ не сдѣлалась горячка. Къ вящему смущенію приѣзжали къ намъ въ сей день разные гости и рассказали множество новыхъ вѣстей и на большую часть непріятныхъ.

Болѣе всего перетревожилъ меня слухъ, что спрашиваютъ будто-бы всѣхъ оставшихъ опять въ службу и что будетъ съ 50 душъ рекрутъ. «Сохрани Господи!» думалъ я самъ себѣ, «ежели дойдетъ до того, чтобъ мнѣ опять служить въ военной службѣ!» — Я такъ уже отъ ней отвыкъ и такъ привыкъ къ мирной, спокойной и блаженной деревенской жизни, что ни для чего не хотѣлъ-бы съ нею опять разстаться. Случилось сіе въ самый день моего рожденія.

На другой день послѣ сего возвратился нашъ межевщикъ и тотчасъ насъ вытурилъ на межу. Мы повѣряли въ сей день прикосновенность нашу къ Домнинскимъ

дачамъ и прошли отъ Матюшина до Болотова.

На утрѣ, что было 9-го октября, были мы опять на межѣ и дошли до самаго того мѣста, гдѣ прикоснулась къ намъ волостная земля и гдѣ началось прежнее межеванье. Тутъ межевщикъ мой какъ-то перемѣнился и сдѣлался изряднымъ человѣкомъ и совѣмъ на нашу руку. Я тому обрадовался невѣдомо какъ, и онъ былъ ко мнѣ такъ благосклоненъ, что далъ мнѣ, на весь послѣдующій день, время для предварительнаго и приватнаго назначенія всѣхъ межъ между нашими пустошами и такъ, какъ мнѣ заблагорассудится, общавъ пройти потомъ по всѣмъ мѣстамъ формальною межею.

Одолженіе сіе было для меня весьма чувствительно. Я соотвѣтствовалъ тому достоюжною благодарностію и употребилъ весь послѣдующій день на сіе важное и нужное дѣло, не жалѣя своихъ трудовъ и безпокойствъ, съ тѣмъ сопряженныхъ. Я пробродилъ съ повѣренными и отводчиками нашими весь тотъ день по лѣсамъ и по буеракамъ, и на смерть перемучился и перезабѣ, и принужденъ былъ обѣдать въ Болотовѣ у мужика своего, Евтея и насилу-насилу все сдѣлалъ, что было надобно; а ввечеру не успѣлъ приѣхать домой, какъ прислали за мной, чтобъ я шель къ Михайлѣ Матвѣевичу, ибо туда приѣхалъ новой волостной межевщикъ, г. Золотухинъ.

Итакъ, вмѣсто отдохновенія, ходилъ я еще туда и успѣлъ съ симъ новымъ и незнакомымъ мнѣ человѣкомъ познакомиться. Онъ показался мнѣ очень добрымъ и я имѣлъ счастье ему полюбиться и приобрести къ себѣ его нелицемѣрную дружбу. Съ нимъ былъ тутъ и волостной повѣренный, Никаноръ Пестовъ, половины Льва Александровича Нарышкина и самой тотъ, съ которымъ поданы были отъ насъ прежнему межевщику Лыкову полюбовныя мировыя сказки.

Наконецъ насталъ тотъ достопамятный и съ великимъ вождѣніемъ, столь давно уже ожидаемый день, въ которой надлежало рѣшиться судьбѣ пустошей на-

шихъ и быть имъ другъ отъ друга отрѣзаннымъ. Было сіе въ 11-й день октября 1772 года.

Межевщикъ, по любви и дружбѣ своей ко мнѣ, сдѣлалъ намъ все, что хотѣлось и отмежевалъ нашу Шаховскую и соединенную съ нею Воронцовскую пустошь, по собственному моему назначенію, безспорно, кругомъ формальною межею. Во мнѣ трепетала душа, чтобъ во время сей отмежевки не помѣшали намъ волостные, а особливо Ченцовской половины своимъ споромъ и объявленіемъ, что мы въ оныя излишнюю землю перепускаемъ, какъ то и дѣйствительно было. Но по особливому нашему счастью, повѣренныхъ ихъ въ сей день на межѣ не было и мы безъ нихъ, что хотѣли, то и дѣлали, — и мнѣ удалось десятинъ со ста спрятать въ карманъ изъ нашего приѣма, или перепустить ихъ въ сію пустошь.

Не могу изобразить, какъ обрадованъ я былъ симъ неожиданнымъ хорошимъ успѣхомъ и какъ много всѣ мы дивились тому, что волостныхъ повѣренныхъ при томъ не было. Но скоро узнали, что причиною тому было то, что до Пестова, какъ помиривагося съ нами, дѣло сіе уже не касалось, а у Ченцовскихъ въ самое въ сіе время былъ праздникъ и они всѣ пьянствовали и пили.

Узнавъ сіе и видя благосклонность къ себѣ нашего межевщика, просили мы его, чтобъ поспѣшилъ онъ разрѣзаніемъ и достальныхъ нашихъ пустошей и постарался ковать желѣзо покуда оно непростыло, или воспользовался пьянствомъ и бражничествомъ волостныхъ повѣренныхъ.

Онъ учинилъ и въ семъ случаѣ возможнѣйшее намъ удовольствіе, а дабы одолженіе его было намъ прочнѣе и мы могли обезопасены быть впередъ отъ оглядокъ и претензій волостныхъ, для чего безъ ихъ повѣренныхъ межевали, поступилъ онъ далѣе, и въ наступившій другой день сдѣлалъ и для собственного своего оправданія и для пользы нашей, въ силу закона, волостнымъ повѣреннымъ формальную о явкѣ на межу не только одну, но

троекратную повѣстку. Но повѣстки сіи сдѣланы были такъ поздно и такъ скоро одна послѣ другой, что пьянствующимъ волостнымъ ченцовскимъ повѣреннымъ никакъ не можно было успѣть явиться въ надлежащее время на межу.

А какъ въ силу законовъ, въ случаѣ неявки ихъ по трикратной повѣсткѣ можно было межевать и безъ нихъ, то мы не упустили воспользоваться симъ случаемъ; и не только въ безсомнѣнной надеждѣ, что они не будутъ, выѣхали на межу очень рано, но начавъ межевать, не межевали, а свойственнѣе сказать летали всѣ на лошадяхъ по межамъ.

Я не преминулъ сдѣлать всѣ нужныя къ тому распоряженія, и всѣ они произведены были съ такою точностію и съ такимъ отъ всѣхъ проворствомъ и исправностію, что мы въ одинъ сей день сработали съ межевщикомъ столько, сколько при обыкновенномъ межеваніи не могли-бы исполнить въ цѣлые три дни.

Словомъ, мы обмежевать успѣли не только пустошь Щиголеву и Голенинку и всю Болотовскую дачу формальною вокругъ межою, но отрѣзать и самую Гвоздевскую, споромъ съ волостною землею связанную пустошь отъ Болотовской и Дворяниновской, и я смастерилъ такъ хорошо, что въ обѣихъ смежныхъ съ волостною землею нашихъ дачахъ осталось только полное и слѣдующее въ нихъ по писцовымъ книгамъ число земли, а вся наша примѣрная земля благополучно и не возвратно улетѣла въ заднія наши пустоши.

Таковой неожиданной и удачной успѣхъ преисполнилъ всѣхъ насъ неизобразимою радостію. Со всѣхъ насъ свалила ровно какъ гора съ плечъ превеликая, и для насъ не были уже тогда страшны споры волостные, а особливо ченцовской половины. Пьяные повѣренные ихъ хотя являлись на межу, но тогда, когда мы уже совершенно все кончили и дѣлать имъ и говорить было нечего, ибо они и не видали гдѣ мы клали межи, да и не могли проникнуть самого дѣла.

Итакъ, въ разсужденіи ихъ не могли мы уже опасаться ничего и уже смѣялись

ихъ спору и тому, что они не умѣли брать когда давали имъ тридцать десятинъ. Что касается до обѣщанныхъ другихъ 30-ти десятинъ на половину Льва Александровича, то хотя тогда намъ уже и оныхъ очень жаль было; но какъ подана была объ нихъ уже полюбовная сказка, то казалось, что пособить тому не было возможности; но когда пойдетъ все на удачу, такъ удастся и совсѣмъ почти неожиданное.

Какимъ-то нечаяннымъ случаемъ чрезъ подъячаго межевщика узнали мы, что сказка сія находится между бумагами, сданными имъ отъ Лыкова; и какъ сданы были имъ всѣ дѣла и бумаги безъ описи, то была еще возможность и выручить намъ ее для уничтоженія, ежели мы попроворимъ.

Сіе мы и учинить не преминули, нимало въ томъ не совѣстясь и не поставляя то себѣ въ грѣхъ въ разсужденіи, что тѣмъ мы не иное что сдѣлали, какъ уничтожили дѣло, произведенное волостными нахитрѣйшимъ и бездѣльническимъ обманомъ, и мы ничего иного не сдѣлали, какъ спасли свою землю, неправильно и плутовски-было отъ насъ похищенную. Ибо по неосторожности межевщика Лыкова, проболтавшагося при отѣздѣ своемъ въ одномъ постороннемъ, къ намъ дружескомъ домѣ, узнали мы, что въ воздаяніе всѣхъ нашихъ ласкъ и услугъ, оказанныхъ сему человѣку, онъ поступилъ съ нами наибезсовѣтнѣйшимъ образомъ и сокрылъ отъ насъ тайну, известную одному только ему, да волостнымъ повѣреннымъ. А именно: что въ писцовыхъ ихъ книгахъ, въ валовомъ перечнѣ всѣхъ ихъ дачъ сдѣлана ужасная ошибка, и что ежели всѣ ихъ разныя пустоши и дачи считать по одиночкѣ, то выходило совсѣмъ не то число, сколько въ валовомъ перечнѣ или итогѣ показано, но гораздо меньше, и такъ, что у нихъ въ волости, вмѣсто объявляемаго великаго недостатка, было еще страшный и до нѣсколькихъ тысячъ десятинъ простирающійся примѣръ; а по сему всѣ ихъ споры были не дѣльные и

для самихъ ихъ еще бѣдственныя и опасныя.

Не могу изобразить, какъ чувствительно мнѣ было криводушіе Лыкова, когда узналъ я сіе обстоятельство и какъ досадовалъ я на сего лицемѣра. Но какъ получилъ я вышеупомянутой успѣхъ въ размежеваніи пустошей и уничтоженіи самой сказки, которую мы, доставъ въ свои руки, въ тысячу клочковъ разорвали, то отлегло у меня на сердцѣ и я радовался, что могъ отемѣять имъ сію насмѣшку надо мною; ибо Лыковъ, пересказывая о томъ, издѣвался, что онъ провель меня со всею моею мнимою мудростію.

Но я возвращусь къ своему повѣствованію. Удачное окончаніе нашего межеванія и оказанное мною при томъ проворство и расторопность удивило всѣхъ моихъ сосѣдей, участвовавшихъ въ семъ дѣлѣ, и произвела то, что приносили они мнѣ за то тысячу благодареній, а всѣ мы изъявляли такія же господину Чаплину, оказавшему намъ въ семъ случаѣ такое одолженіе, ~~какого~~ только отъ родного ожидать можно было.

Во весь послѣдующій за обоими поманутыми, крайне для насъ достопамятными днями, провелъ я время свое, вмѣсто отдохновенія, въ переписываніи набѣло сочиненія моего «о хмѣлеводствѣ», для отсылки въ Экономическое Общество; а на другой день послѣ сего пригласилъ къ себѣ обоихъ межевщиковъ, и Золотухина и Чаплина обѣдать, и угостилъ ихъ какъ можно лучше. Отъ меня пошли мы всѣ къ Михаилу Матвѣевичу и у него проведя весь вечеръ, ужинали. Сей день познакомилъ и сдружилъ меня еще болѣе съ обоими межевщиками. Оба они полюбили меня искренно и обѣщали служить намъ всѣми образами и помирить насъ съ волостными.

Вскорѣ за симъ насталъ день моихъ именинъ. Я праздновалъ его по обыкновенію и спокойнѣйшимъ духомъ, и одолженъ былъ приѣздомъ къ себѣ многихъ изъ своихъ родныхъ, друзей и сосѣдей.

Мнѣ пошелъ съ сего времени 35-й годъ моей жизни.

Черезъ три дни послѣ сего приѣхалъ въ Котово другъ нашъ г. Темешовъ и тотчасъ прислалъ звать меня къ себѣ. У него продолжалось все еще сватовство за госпожу Срезневу и доходило дѣло уже и до сговору. Онъ, ласкаясь по обыкновенію своему ко мнѣ, убѣждалъ меня просьбою, чтобъ ѣхать съ нимъ на сговоръ сей, на что принужденъ я былъ почти противъ хотѣнія и согласиться.

Вѣтренность, непостоянство и чудной характеръ сего человѣка не подавалъ охоты ввязываться въ его дѣла и силетни; но, по счастію и противъ всякаго чаянія, избавился я отъ сей поѣздки; — дѣло обошлось и безъ меня.

Къ нему приѣхали родные, князья Мосальскіе и другіе, и я сдѣлался излишнимъ, и онъ такъ былъ безсовѣстенъ, что несмотря на всѣ свои просьбы и убѣжденія, уѣхалъ на сговоръ, совсѣмъ мнѣ не сказавшись, чѣмъ меня онъ удивилъ до чрезвычайности; но я, вмѣсто досады за то, только смѣялся, и радъ еще былъ, что отъ того избавился; а послѣдствіе и доказало, что для меня было сіе еще и хорошо. Ибо не успѣло протечь нѣсколько дней послѣ сговора, какъ молодецъ нашъ, заставлявшій насъ всѣми поступками и дѣяніями своими всегда хотять и ему, какъ нѣкакому шутнику, смѣяться, опять надѣлавши какихъ-то проказъ, съ невѣстою своею разладилъ и дѣло у нихъ скоро послѣ того и разошлось навсегда и онъ женился черезъ нѣсколько времени совсѣмъ на другой дѣвушкѣ за Тулою, а потому и радъ я былъ, что тогда на сговоръ не былъ.

Вскорѣ за симъ болѣзнь жены моей, страдавшей уже давно отъ истерики и матки, побудила насъ, по совѣту тетки ея, г-жи Арцыбышевой, съѣздить въ Тулу полечиться у лекаря, ей знакомаго. Итакъ, мы туда вмѣстѣ съ нею ѣздили, спознакомились съ г. Ульманомъ, — такъ сей лекарь прозывался, и онъ снабдилъ жену мою нѣсколькими лекарствами, отъ которыхъ и было ей нѣсколько легче.

Было сіе въ концѣ уже октября мѣсяца.

Мѣсяцъ ноябрь ознаменовался нѣсколькими достопамятными происшествіями. Первые дни онаго провели мы въ непрерывныхъ разъѣздахъ по гостямъ, роднымъ и друзьямъ нашимъ, а не успѣли возвратиться домой, какъ прислалъ ко мнѣ межевщикъ съ извѣстіемъ, что онъ отъѣзжаетъ уже совсѣмъ въ Серпуховъ, въ межевую контору.

Мы распрощались съ симъ добродушнымъ человѣкомъ и въ благодарность за всѣ его одолженія подарили его изрядною лошадкою, а подъячихъ его деньгами. За нимъ присланъ былъ изъ конторы поручикъ Степанъ Степановичъ Волковъ, съ которымъ я при семъ случаѣ познакомился, и которой былъ послѣ мнѣ хорошимъ пріятелемъ.

8-е число сего мѣсяца праздновали мы на именинахъ у Миханла Матвѣевича, у котораго было множество гостей, изъ коихъ многіе, и въ числѣ ихъ другъ мой, г. Полонской, ночевалъ у меня. А 10-е число сего мѣсяца въ особенности достопамятно было тѣмъ, что во мнѣ родилась вдругъ охота продолжать давно начатое мною философическое и правоучительное сочиненіе «О благополучіи человѣческой жизни и о средствахъ къ приобрѣтенію онаго»; и я такъ къ сочиненію сему прилѣпился, что провелъ въ ономъ все праздное время сего мѣсяца, какое только оставалось отъ разъѣздовъ по гостямъ, и трудился въ томъ столь прилежно, что въ 20 дней, препровожденныхъ прямо въ философическихъ занятіяхъ, несмотря на всю величину сей книги, я ее къ декабрю всю кончилъ.

Она была послѣдствіемъ времени напечатана подъ именемъ «Путеводителя къ счастью», и какъ сдѣлалась она чрезъ то многимъ людямъ существенно полезною, то и можно почестъ сей мѣсяцъ, въ отношеніи ко мнѣ, прямо философическимъ и наидостопамятнѣйшимъ въ моей жизни.

Напротивъ того, въ декабрѣ не произошло почти ничего въ особенности замѣча-

тельнаго, кромѣ того, что я въ первыхъ числахъ онаго по особливому случаю принужденъ былъ съ племянникомъ своимъ Травинымъ ѣздить въ Копиру.

По нѣкоторому вексельному дѣлу отца его, вознадобилось правительству взять съ него, какъ съ малолѣтнаго, сказку, о чемъ писано было изъ Кашина въ Копиру, а въ сію и требованъ онъ былъ отъ меня. Итакъ, мы съ нимъ туда ѣздили и дѣло сіе сдѣлали, а я имѣлъ случай при томъ быть нѣсколько разъ у благопріятствующаго мнѣ воеводы г. Посевьева и дружескимъ его со мною обхожденіемъ воспользоваться.

Впрочемъ не преминулъ я и въ сей мѣсяцъ, какъ въ зимній и для студирования удобнѣйшій, заниматься по привычкѣ своей литературой или чтеніемъ книгъ, также и сочиненіемъ новой книжки, въ пользу молодыхъ дѣтей назначенной.

Объ дѣвушки, дочери тетки нашей, госпожи Арцыбышевой, гостили въ сіе время у насъ, и я, пользуясь симъ случаемъ, училъ обѣихъ ихъ арихметикѣ. Въ праздное же время занимался переписываніемъ набѣло вновь сочиненную мною книгу «О благополучіи человѣческаго».

Симъ окончу я сіе письмо и сказать, что желаю вамъ всѣхъ благъ, остаюсь вашъ и проч.

(Декабря 4 дня 1808 года).

1773.

Письмо 156-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ дожилъ я до 1773 года, который былъ для меня по многимъ отношеніямъ весьма достопамятнымъ.

Но прежде описанія происшествій, въ теченіи онаго бывшихъ, надобно мнѣ упомянуть вамъ въ короткихъ словахъ о томъ, въ какихъ обстоятельствахъ находился я при началѣ сего года, что и учиню почти тѣми самыми словами, какими записано было то въ тогдашнихъ моихъ запискахъ.

Находился я въ сіе время въ своей деревнѣ, въ любезномъ своемъ Дворяниновѣ,

гдѣ по милости Господней продолжалъ я препровождать благополучнѣйшую жизнь въ свѣтѣ. По крайней мѣрѣ таковою почитать ее имѣлъ я причину.

Правда, благополучіе мое далеко не въ томъ состояло, въ чемъ большая часть людей его полагаетъ; но не я уже тому виноватъ, что люди въ томъ обманываются и въ томъ его ищутъ и полагаютъ, въ чемъ оно никогда состоять не можетъ. Что касается до моего благополучія, то я потому себя благополучнымъ почиталъ, что, во-первыхъ, по милости Создателя своего, находился я въ совершенномъ здоровьѣ, не имѣлъ ни въ чемъ недостатка, былъ сытъ, одѣтъ, тепелъ, веселъ и любимъ многими. Чего мнѣ хотѣтъ было больше?

Правда, достатокъ мой былъ не такъ великъ, чтобъ могъ я почитать себя богатымъ, и волѣ Господа моего угодно было надѣлать меня весьма-весьма умѣреннымъ; но по счастію, я желаніемъ множайшаго достатка никогда не мучился, а былъ жребіемъ своимъ совершенно доволенъ, а потому и былъ довольно и предовольно богатъ уже для себя.

По крайней мѣрѣ зналъ и всегда помнилъ я, что есть многіе милліоны людей, во всемъ подобныхъ мнѣ созданій, несравненно меня убожѣе и недостаточнѣе и предъ которыми, еслибъ хотѣлъ, могъ бы я почитать себя великимъ богачемъ. Безъ мала 600 человѣкъ обоого пола равныхъ мнѣ тварей состояло въ моихъ повелѣніяхъ: всѣ они на меня работали, и трудами своими и потомъ меня кормить, поить, одѣвать, обогрѣвать, успокоивать и тысячу увеселеній мнѣ приносить старались. Не великая ли то была для меня выгода и не долженъ ли я былъ благодарить за то Бога?

Денегъ хотя и не лежало у меня нѣсколько сотъ или тысячъ, но по крайней мѣрѣ не имѣлъ я въ нихъ и недостатка, и никогда еще не тужилъ, что ихъ у меня мало: съ нужду мою всегда становилось ихъ еще слишкомъ. По крайней мѣрѣ имѣлъ я то утѣшеніе, что никому не былъ

долженъ и не мучился совѣстью, что онѣ списаны неправдою.

Жилъ я хотя и не въ великолѣпномъ замкѣ и не въ каменныхъ палатахъ, но по крайней мѣрѣ не мучился и не безпокоился мыслями о томъ, для чего у меня такого нѣтъ, и радовался, и увеселялся еще тѣмъ, что по благодати Господней имѣлъ хотя простой, но изрядной деревенской и всѣми нужными спокойствами снабденной домикъ, въ которомъ стужа никогда еще насъ не обезпокоивала, а изъ комнатъ стояло всегда нѣсколько и излишнихъ и порошнихъ.

Кабинета моего, въ которомъ наиболѣе я жилъ, не можно было покойнѣе быть и въ наилучшемъ замкѣ. Печка у меня была такая тепленькая и хотя кирпичная, но собственными трудами прекрасно и со вкусомъ росписанная; свѣта довольно, сидѣть было на чемъ и по крайней мѣрѣ не мучился я угаромъ и освобожденъ былъ отъ досады, для чего топили не по термометру. Сверхъ того имѣлъ я въ немъ множество вещей, приносящихъ мнѣ увеселеніе.

Садъ былъ у меня изрядной и для меня наиприятнѣйшій. Положеніе мѣстъ, жилище мое окружающихъ, наипрекраснѣйшее, и прочее, и прочее.

Слугъ, лакеевъ, камердинеровъ, офиціантовъ, управителей и дворецкихъ хотя у меня не было многочисленныхъ, но по крайней мѣрѣ въ нужныхъ служникахъ не было недостатка: было кому подать, было кому принять, было кого послать, было кому сшить, сковать, ѣсть сварить и сдѣлать что надобно, и въ люди посылать не доходило почти никогда нужды. Чего хотѣтъ болѣе?

Цуковъ и экипажей драгоцѣнныхъ, также гайдуковъ, гусаровъ и скороходовъ хотя у меня не было, но, по крайней мѣрѣ, никогда не хаживалъ я отъ нужды пѣшкомъ, а было на чемъ и въ чемъ всюду выѣхать; и хотя выѣзды мои и экипажи и не такъ были великолѣпны, какъ у прочихъ, но я въ тѣ же ворота всюду ѣзживалъ и меня не хуже людей принимали.

Знатнымъ достоинствомъ, чинами и титулами хотя и не могъ я величаться, но, спасибо, тѣмъ никогда и не прельщался, да и не искалъ того. По крайней мѣрѣ, по милости Господней имѣлъ также чинъ, съ которымъ не стыдно было мнѣ никуда показаться: что нужды было въ томъ, что я не генералъ и не превосходительной! По крайней мѣрѣ былъ я хотя маленькимъ человѣкомъ, капитаномъ, но то зналъ, что меня почитали честнымъ, добрымъ и хорошимъ человѣкомъ, а сего званія для меня не было пріятнѣе. Сверхъ того пользовался я еще тѣмъ особливимъ счастьемъ, что меня всѣ знакомые любили, и хвалили и знакомые, и незнакомые. По милости Бога моего имя мое и безъ моего исканія сдѣлалось многимъ извѣстно и были люди, желавшіе усердно меня видѣть и узнать.

Платье носилъ я хотя не драгоцѣнное, не блистало хотя золотомъ и серебромъ и не ослѣпляло людей алмазами, но они мнѣ были и ненадобны. По крайней мѣрѣ не выѣзжалъ никуда въ заплатахъ, а какво мое платье ни было, но вездѣ принимали меня ласково и пріятно и никто еще меня за платье не презиралъ, а и дома никогда еще я босымъ и нагимъ не ходилъ. Чего мнѣ было хотѣть болѣе?

Всегдашнихъ компаній я хотя и не имѣлъ, на балы, оперы, комедіи и маскарады ѣздить и ими забавляться хотя и не имѣлъ случая, но по счастью могъ я спокойно и весело и безъ нихъ проводить свое время. По милости Господней имѣлъ я дома семейство такое, которымъ я доволенъ былъ: жена, милыя дѣти, теща, которую я за мать себѣ почиталъ, племянникъ, у меня живущій, могли уже всегда помогать мнѣ проводить время.

Сосѣдей, хотя не много, но по крайней мѣрѣ они были и всѣ насъ любившіе. Друзей и пріятелей также было нѣсколько, съ которыми могъ я сѣзжаться и веселиться; а сверхъ того, любезная библіотека могла во всякое время избавлять меня отъ скуки, а бумага и перо быть во всякое время наилучшими моими собе-

сѣдниками; а когда не зналъ я совѣтъ скуки, то чего мнѣ было хотѣть болѣе?

Наконецъ, и что всего дороже, наслаждался я наидрагоценнѣйшею свободою, вставалъ когда хотѣлъ, дѣлалъ что угодно и ложился спать, когда хотѣлось. Кромѣ того, не имѣлъ я нужды ни къ кому ѣздить или ходить на поклонъ, ни работать, ни лукавить и не лицемерить. Однимъ словомъ, жилъ на волѣ, былъ господиномъ собственныхъ своихъ поступковъ и боялся только Бога да моего государя.

А что всего для меня было пріятнѣе, то не имѣлъ никакихъ себѣ извѣстныхъ недруговъ и злодѣевъ. Ни съ кѣмъ не находился я въ ссорѣ и враждѣ, но со всѣми жилъ мирно и согласно, а потому не имѣлъ причины бояться тайныхъ своихъ злодѣевъ и непріятелей, тѣмъ наипаче, что всегда полагался на власть моего Бога и на его обо мнѣ попеченіе искренно, а не одними словами.

Вотъ краткое изображеніе того благополучія, которымъ я при наступленіи сего достопамятнаго года наслаждался. Что-жъ касается до ближайшихъ и подробнѣйшихъ обстоятельствъ, то онѣ состояли въ слѣдующемъ:

Семейство мое въ сіе время состояло въ слѣдующихъ, милыхъ мнѣ особахъ: во-первыхъ, матери жены моей, которую почиталъ я вкупѣ и своею и имѣлъ къ тому причину; во-вторыхъ, жены моей, — далѣе дочери Елизаветы, которой шелъ уже шестой годъ и которую начинали мы уже учить грамотѣ. Она была рабенокъ, такой которой не только намъ, но и всѣмъ знакомымъ былъ любезенъ. Она находилась еще въ самой начинающейся только развѣтываться и разцвѣтать юности и подавала о себѣ великую надежду.

Въ-четвертыхъ, — сынъ большомъ, Степанъ, которому пошелъ пятой годъ, мальчикъ, хотя правомъ и свойствами своими весьма отлѣннымъ отъ сестры и нѣсколько угрюмымъ и нелюдимымъ, но подававшимъ о себѣ также не худую надежду.

Въ-пятыхъ, — въ сынъ моему меньшомъ

Павлѣ. Сему шель только другой годъ и потому еще онъ валялся въ колыбели и не умѣлъ еще говорить. Совсѣмъ тѣмъ рабенокъ былъ милой и любезной.

Шестымъ сотоварищемъ нашимъ былъ племянникъ мой Травинъ, сынъ покойной сестры моей. Онъ жилъ у меня по сиротству и малолѣтству, и кой-чему учился.

Что касается до прочихъ и не столь близкихъ моихъ родственниковъ, то были они слѣдующіе: во-первыхъ, два брата моихъ двоюродныхъ, Михаилъ и Гавріилъ Матвѣевичъ Болотовыхъ. Оба они жили со мною въ одной деревнѣ и оба меня любили. Послѣдній хотя въ минувшемъ году мнѣ и досадила, но я отпустилъ ему то въ разсужденіи молодости и возстановилъ опять пресѣкшееся-было дружество. Сей былъ еще холостъ, а первой женатъ. Сообществомъ съ ними не могъ я много пользоваться: оба они были люди простые, оба неучи, и болѣе объ нихъ сказать мнѣ нечего.

Во-вторыхъ, родная тетка жены моей, Матрена Васильевна Арцыбышева, живущая отъ насъ верстъ за 30. Сей домъ считали мы себѣ ближнимъ и всѣхъ прочихъ дружественнѣйшимъ, и ласки и дружество ея было намъ и выгодно и полезно. У ней росли двѣ дочери, бывшія уже дѣвочками изрядными, и которыя нерѣдко гасцивали у насъ по нѣскольку недѣль сряду; сынъ же ея былъ еще не великъ.

Во-четвертыхъ, родственникъ мой Матвѣй Никитичъ Болотовъ, жившій въ одной со мною деревнѣ. Сего по ласкѣ и дружествѣ его ко мнѣ считалъ я ближайшимъ своимъ родственникомъ; но жалѣлъ, что былъ онъ нѣсколько особливаго и нелюдимаго нрава и характера, не любилъ выѣзжать, но въ сосѣдствѣ былъ я имъ очень доволенъ.

Вотъ вся почти моя ближняя родня; а впрочемъ, хотя я и имѣлъ родственниковъ, но живущихъ далеко, какъ-то племянника во Псковѣ, трехъ племянницъ въ Кашинѣ, тетку подъ Коширою, другую на Пратвѣ, или паче въ Москвѣ, дѣда жены моей съ дѣтьми его въ Ци-

вильскѣ, дядю ея въ Козловѣ и нѣкоторые другіе.

Что касается до прочихъ обстоятельствъ, то приказныхъ дѣлъ никакихъ я не имѣлъ, кромѣ межевого дѣла съ волостными, которое все еще меня нѣсколько беспокоило. Кромѣ сего смущало меня то, что жена моя съ нѣкотораго времени сдѣлалась больна маткою и ею очень страдала.

Что касается до моихъ упражненій, то, привыкнувъ издавна къ трудолюбію, безпрерывно занимался я литературою и науками, но не столько упражнялся въ чтеніи книгъ, какъ въ письмѣ и сочиненіяхъ. Новой годъ засталъ меня въ слѣдующихъ работахъ: 1-е, старался я оканчивать переводъ «Китайской исторіи» или Нейгофова путешествіе въ сіе государство. Книгу сію началъ я давно переводить и въ сіе время трудъ сей приходилъ къ окончанію, хотя къ сожалѣнію остался онъ совсѣмъ тщетнымъ.

Во-вторыхъ, продолжалъ я сочинять начатую недавно полезную книжку, неимѣвшую еще титула и долженствовавшую содержать въ себѣ краткое руководство ко всѣмъ нужнѣйшимъ знаніямъ. Книга такая, которую давно собирался я сочинить; но предъ окончаніемъ минувшаго года нечаяннымъ случаемъ подаль мнѣ поводъ къ началу оной.

Тетка жены моей, г-жа Арцыбышева, отѣзжая въ степную свою деревню и оставивъ обѣихъ своихъ дочерей у насъ, просила меня, чтобъ я подаль имъ хотя малое понятіе о законѣ. Я, согласясь съ охотою на то, хотѣлъ-было сперва растолковывать имъ Платоновъ катихизисъ, какъ единственную, имѣющуюся у насъ богословическую книгу о законѣ; но не успѣлъ начать, какъ нашель въ томъ великія неудобствы.

Я находилъ тутъ многія пропущенныя вещи, о которыхъ человѣку молодому необходимо знать нужно, а сіе и побудило меня приступить къ другому роду истолкованія. Я положилъ пересказать имъ на словахъ всѣ нужнѣйшія вещи.

что имъ о Богѣ, о свѣтѣ и о человѣкѣ знать надобно, и пошелъ своимъ порядкомъ. Сдѣланной опытъ и мнѣ и имъ понравился. Я продолжалъ всякой день ввечеру имъ кое-что сказывать и сдѣлать, такъ сказать, у себя маленькую аудиторію и слушателями моими были помянутыя обѣ дѣвушки и мой племянникъ.

Но какъ матеріи накопилось уже нарочито много, то, опасаясь, чтобъ они не позабыли, вздумалъ я сдѣлать для нихъ небольшую книжку, расположенную вопросами и отвѣтами, въ которой бы все то означено и вкратцѣ изъяснено было, что я имъ рассказывалъ.

Но не успѣлъ я сей трудъ начать, какъ по примѣру нечаянныхъ предпріятій, началъ онъ удаваться гораздо лучше, нежели я думалъ, и побудилъ меня приложить къ сочиненію сей книжки прилежнѣйшее стараніе и сдѣлать изъ ней что-нибудь нужное и совершенное. Сію-то книжку, начатую около 15-го декабря 1772-го года, которую называлъ я послѣ «Кунсткаморою душевною», продолжалъ я сочинять по утрамъ до свѣта, какъ въ праздное и тихое время и при началѣ сего года, и писалъ уже о устроеніи животныхъ.

Въ-третьихъ, занимался я обученіемъ помянутыхъ дѣвушекъ арихметикѣ, которой долгъ и услугу хотѣлъ я имъ также оказать. Что касается до моего племянника, то онъ вмѣстѣ съ сыномъ г. Ладыженскаго, проживавшемъ также у меня, чертилъ геометрію.

Сіи были главныя мои занятія. Что касается до прочихъ начатыхъ дѣлъ, то было ихъ много. Во-первыхъ, начато переписываніе набѣло сочиненной недавно мною книги «О благополучіи человѣческомъ», о которой не за изишнее нахожу, какъ нѣчто въ особенности достопамятное замѣтить, что при сочиненіи оной часто рождались сами собою въ головѣ моей такія мысли, какихъ до того никакъ я не имѣлъ, и что нерѣдко приводило самого меня въ превеликое удивленіе. Впрочемъ книгу сію можно почесть плодомъ кѣнигсбергскаго ученія моего фи-

лософіи крузіанской, которую и полагалъ я ей въ основаніе; многое-же писалъ изъ собственной своей опытности.

Во-вторыхъ, начата была перепискою набѣло вторая часть моей «Дѣтской философіи». Въ-третьихъ учинено начало переводу, или паче сочиненію второй части «Исторіи святой войны»; въ-четвертыхъ, еще нѣкоторыя другія мелочи.

Что касается до экономическихъ моихъ трудовъ и сочиненій по долгу званія моего, яко члена Экономическаго Общества, которыя сочиненія сдѣлали имя мое во всемъ государствѣ извѣстнымъ и отчасти славнымъ, то отправлено было въ Петербургъ четыре сочиненія, а именно: одно, содержащее въ себѣ описаніе нашего хлѣбопашества; второе о истребленіи костера изъ пшеницы; третье о хмѣлеводствѣ, а четвертое, и недавно посланное, о употребленіи навоза въ степныхъ мѣстахъ. Но на всѣ сіи сочиненія не было еще получено отвѣта.

Сіи-то были обстоятельства наиплавнѣйшія, въ которыхъ застигъ меня 1773 годъ. Теперь приступлю къ описанію произшествій, случившихся въ теченіи оного.

Первымъ, примѣчанію достойнымъ произшествіемъ почесть можно новое знакомство, начатое съ домомъ генераль-маіора Ивана Ивановича Раевского, живущаго въ Любимѣ. Съ симъ человѣкомъ давно уже хотѣлось мнѣ спознаться, по причинѣ что былъ онъ мнѣ по деревнямъ сосѣдъ; но мнѣ какъ-то на поклонъ къ нему ѣхать не хотѣлось, а ему и подавно не можно было, и дѣло зависѣло оттого, что мы нигдѣ не имѣли случая съ нимъ свидѣться, а при началѣ сего года оказался къ тому наудобнѣйшій.

У господина Руднева родилась дочь Елизавета. Я крестилъ обыкновенно у него дѣтей съ госпожею Полонскою; но какъ ея не было, то звалъ онъ въ кумы жену помянутаго генерала, Прасковью Михайловну.

Итакъ, 3-го числа января крестилъ я у него съ нею и познакомился. Видѣлъ

также и ея мать, госпожу Кропотову, мужъ-же ея находился въ Петербургѣ. Они обошлись со мною довольно хорошо и такъ, что я ласкался надеждою, что у насъ съ ними возстановится знакомство. Однако сего не воспослѣдовало: разные обстоятельства и отлучка отъ дома причиною тому была, что намъ не удалось послѣ и видѣться, а мужъ ея и умеръ, со мною не видавшись.

Въ самое то-жъ время и поутру самага того-жъ числа случилось еще одно произшествіе. Вдругъ сказано было мнѣ, что у меня въ домѣ появились опять горячки, повидимому прилипчивыя, и что человекъ пять вдругъ заболѣли и лежали оными. Сіе меня невѣдомо какъ перетревожило и тѣмъ наипаче, что всѣ больные лежали въ задней людской горницѣ и что занемогли нѣкоторые и дѣвки, живущія у насъ въ хоромахъ. Такое близкое сосѣдство натурально привело меня въ безпокойство превеликое.

Года за два передъ симъ терпѣли мы уже сіе наказаніе, а несчастнымъ моровымъ годомъ были и того болѣе напуганы, почему необходимость заставляла стараться какъ можно скорѣе употребить всѣ предосторожности.

Итакъ, велѣлъ я того часа всѣхъ больныхъ оттуда вывести, очистить для нихъ особую избу на скотномъ дворѣ и приставить къ нимъ въ надзиратели особаго человекъ. Заднюю же горницу, гдѣ они лежали, велѣлъ я тотчасъ перестать топить и выморозить, чтобъ перемѣнился воздухъ и вышли всѣ прилипчивыя пары, а здоровыхъ людей перевести въ другую избу, приказавъ притомъ накрѣпко всѣмъ, чтобъ съ больными не имѣть сообщенія и какъ можно ихъ убѣгать. Въ хоромахъ же тотчасъ началось куреніе уксусомъ.

Въ наступившій послѣ того день, равно какъ нарочно для умноженія опасности моей отъ прилипчивыхъ болѣзней, былъ и со мною особенный случай:

Ни то ѣздивши къ г. Рудневу въ открытыхъ саняхъ, я простудился, ни то отъ другого чего, однако заболѣла у меня голова, сталъ показываться жаръ и силь-

ное и частое биеіе пульса. При опасеніи давничнемъ горячки трогало меня сіе очень, а особливо въ разсужденіи появившихся въ домѣ болѣзней.

Однако я недолго медлилъ, а тотчасъ приступилъ къ новому моему предохранительному въ такихъ случаяхъ средству, которымъ я уже много разъ себѣ помогаль, а именно, сверня бумажку и щекотая ею въ носу, принудилъ себя чихнуть, и повторилъ сіе раза два. И мнѣ удалось и въ сей разъ тѣмъ себѣ помочь: удары, произведенные чханіемъ во всей крови, въ состояніи были остановить скорость ея движенія и уменьшить чрезъ то начинающійся жаръ, а чрезъ то и боль головная уничтожилась.

Такимъ образомъ имѣлъ я вновь случай удостовѣриться въ полезности сего, мною нечаянно примѣченнаго, весьма важнаго врачебнаго способа и сожалѣлъ вновь, что многіе не хотятъ и не стараются приучить себя къ такому принужденному чиханію.

Теперь надобно мнѣ замѣтить одну учиненную мною около сего времени выдумку. Печь въ моемъ кабинетѣ была кирпичная и складенная фигурно и довольно хорошо. Я сначала бѣлилъ ее все мѣломъ на молокѣ и по немъ расписывалъ сперва краснымъ сандаломъ раковинами и картушами; но какъ она замаралась, то выбѣлили ее около сего времени вновь и мнѣ вздумалось расписать ее разными красками и разбросанными по всей печи цвѣточками. Чрезъ сіе получила она еще лучшій видъ; а въ сіе время нечаянно вздумалось мнѣ положить ее зубомъ, и я увидѣлъ, что симъ средствомъ можно и на всю ея навѣсть лоскъ и придать ей тѣмъ красы еще больше. Она стала какъ фарфоровая и такъ хороша, что не уступала почти кафенной. Краски распускалъ я на обыкновенной камедной водѣ.

Впрочемъ, какъ около сего времени святки начали проходить, то принялись мы за прежнія упражненія и начали возобновлять малые свои философическіе разговоры, и болѣе потому, что въ сіе

время гостила у насъ дочь госпожи Іевской, Елизавета Семеновна.

Сія, слышавшись отъ моихъ ученицъ о нашихъ разговорахъ, желала охотно и сама оныхъ послушать. Для меня было сіе очень пріятно и матерія въ сей вечеръ случилась по порядку очень важная. Я изъяснялъ дѣтямъ причину и намѣренія, для котораго свѣтъ созданъ и начальныя и важнѣйшія понятія о воплощеніи и искупленіи христовомъ; однако гостя наша что-то не весьма охотно слушала.

Не ходя далѣе, надобно мнѣ упомянуть слова два и о святочныхъ нашихъ въ сей годъ упражненіяхъ. Святки препроводили мы не гораздо весело. Съ деревенскими сосѣдями какъ-то рѣдко видались, а постороннихъ никого дома не было, а въ иные дома для оспы ѣздить было не можно. Итакъ, сидѣли мы почти всѣ святки дома и играли одни только дѣти.

Что касается до меня, то поспѣшая привести къ окончанію переводъ «Китайской исторіи», по вечерамъ и въ праздное время упражнялся въ ономъ. Однако и кромѣ того сдѣлалъ нѣчто на память симъ святкамъ, а именно: въ праздное время выдумалъ вновь нѣсколько загадокъ, свойственныхъ обыкновеннымъ святочнымъ занятіямъ. Для памяти, и что онѣ въ сіе время и въ Дворянниковъ родились, разсудилъ я ихъ и здѣсь помѣстить. Онѣ были слѣдующія:

1. Живу я на свѣтѣ очень давно, все хожу, все брожу, никогда не устаю, и то-и-дѣлю, что старѣю, да молодѣю.

2. Плоска я, пестра, собою пригожа, иныхъ увеселяю, другихъ обогащаю, а третьихъ разоряю.

3. Днемъ я дурна, ни къ чему негожусь, ночью прекрасна, алмаза яснѣй.

4. Плоска я, вонюча, въ темнотѣ люблю жить.

5. Сидѣть не умѣю, ходить не могу, а бѣгать и соваться слишкомъ остеръ.

6. Сплету себѣ кружокъ, сяду въ уголокъ, сижу посижу, гостей подожду, пожалуетъ кто, я цапъ его царапъ.

7. Къ чему я живая, и мертвая на то-жъ.

8. Чоренъ, проворенъ и очень хитеръ;

лазять и прыгать я слишкомъ гораздъ; за сто шаговъ бездѣлица мнѣ, я и за тысячу своихъ разомъ сигну.

9. Состарѣться, какъ я, всякій-бы хотѣлъ, а жить сколько я, не желаетъ никто.

10. Копьями утыканъ я смѣло хожу; злодѣй нападетъ я съ мѣста неиду; тронь меня, пожалуй, самъ берегись.

11. Въ каменной одеждѣ безъ ногъ я хожу.

12. Смерть передъ нимъ—не труситъ ее; чѣмъ бы бѣжать, онъ съ мѣста неидетъ и только что ногами потаптывается.

13. Во все время въ году слушаюсь всѣхъ, въ одно время буяню, не гляжу на крикъ; но хвостъ подымаю, сломя голову бѣгу и дѣлаю досаду и вредъ иногда.

14. Въ лѣсу живучи, на звѣря похожъ, лазять умѣю, а бѣгать не скоръ; живыми питаюсь, а живу не на землѣ; люди не любятъ, да я ихъ люблю.

15. На войнѣ не бывали, а лучше тараръ, увидѣвъ злодѣя, врозь не бѣжимъ. Хотя нечѣмъ намъ драться, такъ вдругъ закричимъ, и вмѣстѣ сбѣжавшись составимъ кружокъ. Всякъ у насъ за брата готовъ умереть и тѣмъ иногда отбиваемся.

Вотъ загадки, выдуманныя въ сіи святки. Я ласкаюсь, что онѣ имѣютъ на себѣ печать натуральности, ибо первая значить луну, 2—карту, 3—гнилушку, 4—клопа, 5—рыбу, 6—паука, 7 овчину, 8—блоху, 9—грибъ, 10—ежа, 11—раковину, 12—овецъ, 13—корову, 14—вошь, а 15, наконецъ, стадо свиней.

Къ Крещенью собрались мы опять всѣ, ибо наканунѣ сего дня возвратилась изъ Москвы жена моя, ѣздившая на самое короткое время въ оную для покупокъ въ сотовариществѣ Марьи Семеновны, сестры госпожи Іевской.

Вечеру сего дня видѣлся я съ сосѣдомъ своимъ Матвѣемъ Никитичемъ и поразился, увидѣвъ его въ прежалкомъ положеніи и въ великой перемѣнѣ состоянія его здоровья. Уже за нѣсколько времени до сего началъ онъ что-то хирѣть и все жаловаться на нездоровье. Болѣзнь, состоящая, какъ казалось, въ из-

мождающей лихорадкѣ, такъ его и до-вольно скоро изнурила, что остались только кости да кожа, и жизнь его висѣла какъ на ниточкѣ.

Безпутная въ молодости жизнь, а особливо во время гвардейской его въ Петербургѣ службы, а потомъ проклятые мужицкіе долги, въ которые онъ по неумѣренности расходовъ запутался, и наконецъ самое непреодолимое упрямство ввергнуло его въ сію болѣзнь; а говорили, что много поспѣшествовало къ тому и то, что онъ, просясь въ отставку и желая показать на себѣ видъ больного человѣка, выпилъ по совѣту какого-то бездѣльника великое количество масла конопнаго, ибо съ самаго того времени онъ и началъ уже хирѣть и чувствовать себя нездоровымъ. Я взиралъ на него съ чувствительнымъ сожалѣніемъ и чудился, что онъ, при всей своей немощи, затѣвалъ еще ѣхать въ Москву для продажи двора своего. Я не зналъ, какъ онъ въ состояніи будетъ ѣхать и ему того не совѣтовалъ.

На другой день послѣ Крещенья встревожены мы были опять новымъ подтвержденіемъ, чтобъ имѣть опасность и повсюду возжечь огни и поставить караулы. Оказавшаяся гдѣ-то въ Воронежской губерніи и въ низовыхъ городахъ язва была тому причиною. А къ вѣщему утрашенію услышали мы, что въ лежащей верстѣ за 30 отсюда деревнѣ Селюмѣ, на большой дорогѣ къ Тулѣ, трое изъ проходящихъ лопатниковъ скоропостижно умерли, и что для самого сего деревня сія тотчасъ была замѣтана, да и мы принуждены были поставить вновь караулы.

Въ тотъ же день случилось у насъ въ домѣ одно странное происшествіе. Водка, которую обыкновенно предъ обѣдомъ пивала теща моя, будучи чистою, вдругъ сдѣлалась мутна и солонa, а отчего—того найти и открыть было не можно. Какъ въ такихъ случаяхъ человѣкъ склоненъ ко всякимъ подозрѣніямъ, то не освободились и мы отъ того: легко можно было заключить, что водкѣ самой собою соленою сдѣлаться никакъ было не можно,

и надобно кому-нибудь быть, кто-бъ въ нее сію соль положилъ.

Также заключали мы, что соли сей нельзя быть простой, а какой-нибудь наговорной, или того хуже, отравленной какимъ-нибудь ядомъ. Извѣстность, что подлость наша склонна къ такимъ бездѣльничествамъ и такими наговорными вещами имѣть обыкновеніе людей портить, или къ милости преклонять, приводило насъ въ пущее сумнѣніе. Я самъ, каковъ ни твердъ въ такихъ случаяхъ, и какъ мало ни вѣрилъ такимъ вздорамъ, однако встревожился и тѣмъ паче, что сія соленая водка попала, мимо тещи моей, бывшей у насъ въ гостяхъ, Марѣ Семеновнѣ Шелимовой. Она первая сіе примѣтила и приведена была тѣмъ въ превеликую трусость, даже до того, что принуждена была съѣсть ложку меду.

Я не могъ оставить сего дѣла безъ изслѣдованія и принужденъ былъ употребить при томъ даже строгость противъ тѣхъ, на которыхъ было нѣкоторое подозрѣніе; однако отыскать того никакъ не могъ, да и льститься тѣмъ было не можно, ибо кто рѣшится самъ на себя сказать и признаться въ такомъ проклятомъ дѣлѣ.

Совсѣмъ тѣмъ думали мы, что произошло это отъ проклятой въ челядинцахъ нашихъ другъ къ другу ненависти, и радовались по меньшей мѣрѣ тому, что открылось сіе зло благовременно, и что теща моя сей водки не пила. Итакъ, если по-длинно скрывалось въ томъ какое зло, то благодарили Бога, отвлекшаго отъ насъ сію опасность.

Въ послѣдующій день имѣлъ я, наконецъ, давно желаемое удовольствіе видѣть переводъ «Китайской исторіи» приведенный къ окончанію. Признаюсь, что работа сія была долговременная и немалыхъ трудовъ миѣ стоившая.

Я началъ книгу сію переводить года за три до сего времени и насилу въ сіе время ее кончилъ. Правда, хотя я и не всегда за нею сидѣлъ, и раза три, четыре работа сія на долго перерывалась, однако-жъ нельзя сказать, чтобъ и скоро

ее перевести было можно. Книга въ самомъ дѣлѣ великовата и я дивился, что имѣлъ столько терпѣнія и могъ сіе великое предпріятіе привести къ окончанію. Послѣ сего потребно было еще много времени къ перепискѣ ея набѣло, чтобъ можно было отдать въ печать, какъ то мнѣ сдѣлать хотѣлось; но какъ для самого себя было сіе уже слишкомъ трудно, то помышлялъ я комиссію сію возложить на одного изъ моихъ мальчиковъ, писцовъ, хотя писали они не очень еще хорошо и исправно.

Въ сей день, продолжая обыкновенные мои съ дѣтьми вечерніе философическіе разговоры, началъ я имъ преподавать понятіе о душѣ человѣческой и о внутреннихъ въ ней произшествіяхъ, или учить изlegung телематологии, и сія матерія къ удовольствію моему казалась имъ пріятна и они ее изряднѣхонько понимали.

Нимало почти неуменьшившаяся болѣзнь жены моей принудила насъ около сего времени послать нарочнаго къ лекарю опять за лекарствами; но лекаръ сей, которой сначала показался намъ весьма добрымъ и честнымъ человѣкомъ, оказалась наконецъ самымъ негодяемъ и безсовѣстѣйшею тварью. Онъ старался только вытеблить отъ насъ koliko можно болѣе денегъ, а женѣ моей не только лекарствами своими не произвелъ ни малѣйшей пользы, но болѣзнь ея, и едва ли не умышленно, увеличилъ еще болѣе изъ единой алчности къ корысти, и доставилъ намъ бездѣльническими поступками своими столько досадъ, что мы раскаявались въ томъ, что съ нимъ связались.

Сей случай увеличилъ во мнѣ прежнее невыгодное о лекаряхъ нашихъ мнѣніе и подалъ вновь поводъ къ жалѣнію, что въ отечествѣ нашемъ врачебная часть была въ великомъ еще несовершенствѣ и сопряжена съ великими недостатками. Въ тогдашнее время была сія часть несравненно еще въ худшемъ состояніи. Монархи наши не прилагали еще столь многого старанія о усовершенствованіи сей части. Тогда не было и десятой доли

сихъ необходимо нужныхъ людей противъ нынѣшняго.

Но, ахъ! произошла-ли какая существенная польза народу отъ того, что количество сихъ людей умножилось вдесятеро передъ прежнимъ?

Что пользы оттого, что не только столицы набиты докторами и лекарями, но нѣтъ ни одного губернскаго города, гдѣ-бъ не было и докторовъ, и лекарей, и операторовъ, и акушеровъ, и повивальныхъ бабокъ и управъ врачебныхъ; и нѣтъ ни одного уѣзднаго города, въ которомъ бы не было лекаря, и которыхъ бы всѣхъ не содержали мы на своемъ коштѣ и жалованьѣ, — когда и нынѣ множество больныхъ помираетъ также, какъ и прежде, безъ всякаго призора и подаванія имъ помощи отъ сихъ докторовъ и лекарей; Когда и нынѣ всѣ они, несмотря, что мы ихъ поимъ, кормимъ и содержимъ на нашихъ трудовыхъ денежкахъ, помышляютъ только о томъ, какъ бы насъ грабить и карманы свои набивать нашими деньгами, а о истинномъ помоганіи намъ всего меньше радѣютъ и помышляютъ!

Что пользы отъ всего того, когда и нынѣ, въ случаѣ постигшей какой болѣзни и самой дворянинъ не дозволится къ себѣ лекаря, не имѣя столько достатка, чтобъ ему за приѣздъ и за самое иногда ничто заплатить ему рублей 10 или 25, или еще болѣе! А о подломъ народѣ и говорить уже нечего.

Когда самимъ намъ такъ отяготительны и дороги становятся ихъ приѣзды, когда мы за каждое мановеніе рукъ ихъ должны платить рублями, а при всемъ томъ получать отъ нихъ очень-очень мало пользы, то чего можно надѣяться отъ нихъ нашей подлости и какого вспоможенія ожидать себѣ отъ сихъ корыстолюбцовъ, неимѣющихъ ни совѣсти, ни сожалѣнія, а помышляющихъ только о набиваніи достатками нашими своихъ кармановъ?

Истинно! та польза еще не велика для государства, что всѣ сіи господа уѣздные врачи рыскаютъ непрерывно по уѣздамъ для взрѣзыванія тѣлъ убитыхъ, или опив-

шихся, или скоропостижно умершихъ несчастливцевъ.

Но съ другой стороны нельзя намъ и обвинять правительство нерадѣніемъ объ насъ. Оно съ своей стороны учинило все, что нужно, и о пользѣ нашей прилагаетъ невозможнѣйшее стараніе; а вольно самимъ намъ перепортить сей, толико нужный намъ народъ, и изъ добрыхъ людей передѣлать всѣхъ бездѣльниками и негодаями.

Естьли-бъ сами мы были-бъ осторожнѣе, не платили-бъ имъ за сущее иногда ничто бумажками цѣлыми, не насыпали-бъ кармановъ ихъ за самой малой и ничего незначущій трудъ полными горстями денегъ, а платили-бъ умѣреннѣе и оцѣнивая дѣла, труды и старанія ихъ лучше, то не были-бы и они такъ избалованы и не сдѣлались такими алчными корыстолюбцами, каковыми они нынѣ, а получше бы исправляли свою должность. И тогда вѣрно-бы не перешло такое множество нашихъ дворянскихъ вотчинъ и деревень въ руки господъ докторовъ и медиковъ!!

Но я удалился уже отъ порядка своего дѣла и время возвратиться къ оному.

Желаніе мое издать переводъ моей «Китайской исторіи» въ печать и боязнь, чтобъ кто иной не перевелъ оную и не напечаталъ, было столь велико, что я, подумавъ-погадавъ и, не надѣясь на своихъ писцовъ, рѣшился пуститься самъ на весь трудъ, съ переписываніемъ набѣло столь огромной книги сопряженной; и желая поспѣшить симъ предпріятіемъ оставилъ даже начатое переписываніе книги своей «О благополучіи», а принялся около половины генваря за сіе многотрудное дѣло, несмотря что не имѣлъ еще тогда ни малѣйшаго понятія о всѣхъ обстоятельствахъ, сопряженныхъ съ печатаніемъ книгъ и о всѣхъ бываемыхъ при томъ разныхъ и многочисленныхъ затрудненіяхъ и забывъ совершенно, что я не имѣлъ еще къ тому ни малѣйшаго слѣда.

Но какъ бы то ни было, но я пустился на сію работу. Но увы! сколь мало знаемъ мы о распоряженіяхъ, дѣлаемыхъ со всѣми нашими дѣлами и предпріятіями

Промысломъ Господнимъ, и сколь часто обманываемся мы въ предполагаемыхъ надеждахъ и заключеніяхъ нашихъ! Примѣръ сей книги доказалъ мнѣ то вполнѣ времени довольно ясно.

Всего того не совершилось нисколько, что я объ ней тогда думалъ и мечталъ. Всю ее хотя я въ разныя времена и переписалъ, хотя употребилъ къ тому трудовъ и множество, но всѣмъ имъ назначено было остаться тщетными и переводу моему не быть напечатанному, а оной, переплетенной въ трехъ частяхъ, стоитъ и теперь въ моей библіотекѣ въ манускриптѣ и истлѣваетъ покрытой пылью. Меня захватили другія дѣла и упражненія, а между тѣмъ издано въ печать другое, и гораздо новѣйшее и совершеннѣйшее описаніе Китайскаго государства, кѣмъ-то инымъ переведенное; и я, узнавъ о томъ, съ прискорбіемъ принужденъ былъ поставить свой переводъ для вѣчнаго одождовенія въ библіотеку.

Около самаго сего-жъ времени перетревожены мы были двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, что ходилъ солдатъ съ повѣсткою, чтобъ всѣ повѣренные являлись въ Серпуховъ для прикладыванія рукъ, къ межевщику Лыкову. Сей повѣстки хотя мы и дожидались, но не отъ него, и дивились зачѣмъ спрашивалъ насъ Лыковъ, и опасались, чтобы не отданы мы были опять въ руки сему нечестивцу.

Во-вторыхъ, встревожилъ насъ слухъ, что не только въ окрестностяхъ была, но и въ самое наше селеніе вкралась уже оспа, болѣзнь, которой мы тѣмъ болѣе опасались, что всѣ дѣти мои не лежали еще оною. Кромѣ сего и преждеупомянутыя горячки въ домѣ моемъ все еще продолжались и не хотѣли никакъ пресѣчься, какъ мы о томъ ни старались. Но, по крайней мѣрѣ, радъ я тому былъ, что никто отъ нихъ не умиралъ, а всѣ опять выздоравливали.

Между тѣмъ, какъ гости и ученицы мои столько уже ариметики отъ меня научились, сколько нужно знать изъ ней женщинамъ, то, продолжая по прежнему наши философическіе разговоры, вос-

хотѣлось мнѣ старшей изъ нихъ преподавать нѣкоторое понятіе и о географіи, а нуки только для всѣхъ нужной и необходимой.

Не удовольствуясь показываніемъ всего въ атласахъ, вздумалъ я, для лучшаго и удобнѣйшаго впечатлѣнія въ памяти ея фигуръ и положенія всѣхъ земель и водъ, употребить особое средство, а именно: заставить самое ее иллюминировать всѣ четыре части свѣта на ландкартахъ русскихъ и случившихся у меня неразрисованными, а чрезъ самое то познакомить ее нѣсколько съ употребленіемъ красокъ и кистей.

И какъ успѣхъ имѣлъ я въ томъ воздѣлѣнной, то хотѣлось-было мнѣ и далѣе и далѣе продолжать старанія о впечатлѣніи въ молодой умъ ея множайшихъ понятій и знаній, нужныхъ молодымъ людямъ; но вдругъ все наше съ толикимъ успѣхомъ начатое и продолжаемое ученіе разрушилось и пресѣклось. Получено извѣстіе, что мать ихъ возвратилась изъ степной деревни, и мы принуждены были отпустить ихъ къ ней въ присланномъ за ними возкѣ; а вслѣдъ за ними и сами въ Калединку поѣхали.

А какъ и письмо мое достигло до обыкновенныхъ своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ оное, перервавъ, кончить, сказавъ вамъ, что я есмь и прочая.

(Декабря 6 дня 1808 года).

Письмо 157-е.

Любезный пріятель! По возвращеніи моемъ изъ Калединки, гдѣ я три дни пробылъ, обрадованъ я былъ полученіемъ давно уже ожидаемаго письма и книги изъ Экономическаго Общества, и какъ пакетъ былъ толстъ, то думалъ я, что съ книжкою прислана ко мнѣ медаль; однако въ томъ обманулся: была то 18-я часть «Трудовъ Общества», которая у меня пропала и о чемъ я писалъ въ общество и вмѣстѣ съ нею новая, 20-я часть.

При обѣихъ ихъ приложено было письмо отъ секретаря общества, г. Нартова,

которое заставило меня нѣсколько думать. Въ ономъ увѣдомлялъ онъ меня, что сочиненіе мое «о хмѣлеводствѣ» отдано въ комитетъ на разсмотрѣніе, и что всѣ мои(?) похвалы принимаются всегда Обществомъ съ удовольствіемъ, и присовокуплялъ къ тому, что какъ онъ по должности своей имѣетъ переписку со всѣми отсутственными членами о дѣлахъ экономическихъ, то просить, чтобъ я впредъ съ нимъ началъ переписку.

Сіе самое заставило меня думать, ибо я не зналъ, о какой онъ перепискѣ упоминаетъ: о приватной ли и пространной, или чтобъ только адресовать письма мои на его имя, а не къ собранію вообще, какъ я до того времени писалъ. Итакъ, чтобъ соотвѣтствовать его желанію, то спѣшилъ я написать хотя коротенькое какое сочиненіе и отправить оное въ Общество при письмѣ, къ нему уже адресованномъ.

Къ сему употребилъ я описаніе о выдуманной мною и той рабочей телѣжкѣ, которую я уже за нѣсколько времени до того съ отѣнною выгодною пользовался при моихъ земляныхъ и садовыхъ работахъ, и которая оказалась такъ способна, и хороша и нужна въ домѣ, что мы съ того времени и до нынѣ все такими телѣжками пользуемся и на разныя домашнія нужды употребляемъ. Сію-то телѣжку, описавъ и приобщивъ къ описанію рисунокъ, послалъ я въ сей разъ при письмѣ къ Нартову. И съ сего времени началась у насъ съ нимъ первая переписка.

А самое сіе вскорѣ побудило меня изъ всей переписки моей съ Обществомъ составить особую книжку и вносить въ нее всѣ пересылаемые отъ меня въ Общество и къ Нартову и отъ него ко мнѣ письма; которымъ трудомъ и занимался я въ концѣ генваря мѣсяца, которой сдѣлался нѣсколько достопамятнымъ тѣмъ, что въ самой послѣдній день сего мѣсяца родился у брата, Михаила Матвѣевича, сынъ Василій, которой остановился-было въ живыхъ и былъ уже лѣтъ 12-ти и мальчикъ добренькой, подававшій о себѣ хорошую

надежду. Но Провидѣнію не угодно было оставить его въ числѣ живущихъ: онъ умеръ, находясь у насъ въ домѣ, въ начавшихся только разцвѣтатъ отроческихъ лѣтахъ. Мы окропили гробъ его своими слезами и, любя его искренно и о воспитаніи и ученіи его стараясь, сожалѣли чувствительно, что злая чехотка его у насъ похитила.

Начало мѣсяца февраля было для насъ не очень весело. Множество больныхъ и часть отъ часу умножающееся количество оныхъ нагоняло на насъ великой страхъ. Было у насъ ихъ около сего времени человѣкъ болѣе пятнадцати и двѣ избы набиты ими полны.

Я самъ того и смотрѣлъ, чтобъ не занемочь, и какъ мы не знали, чѣмъ сіе зло перервать, то воспріяли прибѣжище свое къ богомолю, поднимали образъ къ себѣ изъ Савинскаго и едва-ли когда-нибудь съ такимъ усердіемъ молились Господу всѣмъ дворомъ, какъ въ сіе время.

По отправленіи послѣдней моей пьесы въ Экономическое Общество, напала на меня охота продолжать еще далѣе свои экономическія сочиненія и я, зачавъ тотчасъ новое, занимался онымъ при началѣ февраля и было оно «О искусственномъ удобреніи земель», которое послѣ, вмѣстѣ съ прежними моими сочиненіями, и удостоено было печати.

Во второй день сего мѣсяца проводилъ я родственника и сосѣда своего Матвѣя Никитича въ Москву, изнуреннаго до того болѣзненнымъ своимъ состояніемъ, что я отчаявался уже самъ въ жизни. Будучи многимъ людямъ, хотя небольшими суммами, долженъ, хотѣлось ему со всѣми ими расплатиться и продать для сего свой московскій домъ. Съ превеликимъ трудомъ отправился онъ въ путь сей и я, прощаясь съ нимъ, боялся, чтобъ не въ послѣдніе то было.

Въ послѣдующій день увеличился страхъ мой еще болѣе оттого, что въ сей день у самого меня болѣла голова чрезвычайно и я весь день немоществовалъ.

Скрывая то отъ домашнихъ, старался я всячески перемогаться, и какъ въ са-

мый сей день была повѣстка изъ Серпухова по межевымъ дѣламъ, то сіе перетревожило меня еще болѣе.

Я, за вѣрное почти полагая, что слягу, боялся, чтобъ сіе не помѣшало мнѣ кончить межевое дѣло и чтобъ болѣзнь не случилась въ самую нужную пору, и для того положилъ ѣхать хоть чрезъ силу въ Серпуховъ и узнать тамошнія обстоятельства; но частое чиханіе помогло мнѣ и въ сей разъ, и къ вечеру сдѣлалось мнѣ гораздо лучше и свободнѣе.

Итакъ, въ послѣдующій день поѣхалъ я въ Серпуховъ къ межевщику. Онъ принялъ меня очень ласково и такъ пріятно, какъ могъ я отъ него только требовать. Я препроводилъ съ нимъ весь день въ сотовариществѣ полковника Полудекова и славнаго межевщика Ланга; а ввечеру ѣздили мы вмѣстѣ къ сему Лангу, а потомъ были у межевщика Караулова. Однимъ словомъ, весь вечеръ до полуночи провели мы въ питіи и гуляніи, по ихъ обыкновенію.

Я хотя мерзилъ таковыми бесѣдами, но принужденъ былъ противъ хотѣнія дѣлать имъ сколько могъ сотоварищество и получилъ чрезъ то ту пользу, что спознакомился со многими межевщиками, а особливо съ конторскимъ межевнымъ секретаремъ Селижаровымъ, которой меня какъ-то отменно полюбилъ.

Я имѣлъ тутъ случай говорить кое-что изъ наукъ, а самое сіе и подало всѣмъ имъ обо мнѣ хорошее мнѣніе и послужило мнѣ потомъ въ пользу, и нѣкоторые изъ нихъ, а особливо секретарь Селижаровъ и весьма мнѣ пригодился послѣ.

Межевщикъ такъ былъ мною доволенъ, что не отпустилъ меня на квартиру и я принужденъ былъ ночевать у него; а по утру говорили мы съ нимъ о межеваніи и я нашель, что дѣла наши были на хорошей ногѣ и казалось, что по дружескому обхожденію со мною межевщика, не имѣлъ я причины ни малѣйшаго зла опасаться.

Весь оставшійся еще небольшой лишекъ и примѣръ въ нашихъ дачахъ хотѣлъ онъ пустить въ неудобную землю и

сдѣлать такъ, чтобъ волостнымъ съ моей стороны совсѣмъ нечѣмъ было поживиться, и притомъ общалъ уговорить ихъ, чтобъ они помирились со мною на старомъ владѣніи. Но на все сіе не могъ я еще положиться, а положилъ ожидать всего отъ времени.

Изъ Серпухова проѣхалъ я тогда прямо рѣкою за Тарусу, къ родственнику и пріятелю нашему г. Гурьеву, у котораго тогда находились мои домашніе; и какъ была у насъ около сего времени масляница, то, возвратясь оттуда, проѣздили мы всю сію недѣлю съ ними по гостямъ, по роднымъ, друзьямъ и пріятелямъ нашимъ, и насилу удалось намъ въ послѣдній день сей недѣли провести дома.

Во все сіе время не произошло ничего чрезвычайнаго, кромѣ того, что меньшому моему двоюродному брату, Гаврилѣ Матвѣвичу, вздумалось посмотриѣть приватно внуку одного сосѣда нашего, г. Селиванова, дѣвущку Онучину; но какъ она ему не понравилась, то и не приступилъ къ сватовству, и Промыслъ Господень, располагающій нашими жребіями, отвлекъ его отъ сей затѣваемой имъ женитьбы.

Еще было для меня то радостно, что болѣзни въ домѣ моемъ, по благодати Господней, такъ вдругъ уменьшились, что не было ни одного уже болѣе больного, а приписывали то дѣйствию усердному нашему моленію Господа.

Препроводивъ первую недѣлю великаго поста въ обыкновенномъ говѣніи и моленьи, на второй имѣлъ я одно особое дѣло.

19-го числа февраля приѣзжали ко мнѣ неожиданные гости, дочь г. Змѣева, Александра Аврамовича, съ мужемъ своимъ, г. Лабынцовымъ.

Сего человѣка имѣлъ я тогда впервые случай видѣть и онъ мнѣ понравился, а жена его была родная племянница сосѣдки нашей, г-жи Ладыженской, и имѣла съ нею о раздѣлѣ деревень приказное дѣло.

Въ то время, какъ была она малолѣтна, то обидѣлъ какъ-то при раздѣлѣ ее

сосѣдъ мой г. Ладыженскій, а мужъ ея тетки, и захвативъ нѣсколько людей лишнихъ, владѣлъ ими болѣе десяти лѣтъ несправедливо.

Итакъ приѣхали они просить его, чтобъ онъ съ ними развелся, а ко мнѣ заѣхали съ просьбою, чтобъ я постарался ихъ помирить, о чемъ привезли отъ старика отца ея просительное ко мнѣ письмо.

Я хотя и не надѣялся, чтобъ могъ успѣть въ своей просьбѣ и стараніи, но по долгу христіанскому охотно принялъ на себя сію комиссію и, призвавъ Господа въ помощь, поѣхалъ съ ними на другой день къ г. Ладыженскому.

Достопамятенъ и пріятенъ былъ для меня день сей; ибо, противъ всякаго чаянія, помогъ мнѣ Богъ разными представленіями преклонить моего, много меня любящаго сосѣда къ произведенію добродѣтели.

Не могу забыть, сколь радостна была для меня минута ихъ примиренія. Слезами радости обмочилось все лицо мое и я невѣдомо какъ доволенъ былъ г. Ладыженскимъ, и могъ сказать, что въ этотъ день имѣлъ я паки случай видѣть, какое неоцѣненное, пріятное и неописанное увеселеніе приноситъ производство всякой добродѣтели.

Я благодарилъ Бога, что удостоилъ онъ меня быть маленькимъ при томъ орудіемъ и веселился духомъ, что произвелъ при помощи божеской хорошее дѣло. Но, ахъ! какъ легко можно въ людяхъ обмануться и сколь скоро могутъ произойти совсѣмъ неожиданныя нами слѣдствія.

Нечаянный случай не допустилъ меня дожидаться окончанія сего важнаго дѣла. Въ самую нужнѣйшую пору прислали ко мнѣ вдругъ гонца съ просьбою, чтобъ я ѣхалъ скорѣе къ возвратившемуся изъ Москвы и болѣе еще ослабѣвшему родственнику моему, Матвѣю Никитичу, и спѣшилъ какъ можно, чтобъ застать его живымъ, ибо его такъ схватило, что послали уже за попомъ.

Легко можно заключить, что сіе понудило меня спѣшить начатымъ дѣломъ; но

самое сіе и помогло мнѣ скорѣ ихъ примирить: Александръ Ивановичъ согласился на все; итакъ, ударили по рукамъ, послѣ чего не сталъ я долѣ медлить, а поскакалъ въ Дворяниново.

Сосѣда моего засталъ я едва уже въ живыхъ и при самыхъ почти дверяхъ гроба. Во все сіе время онъ такъ истончалъ, что остались въ немъ однѣ кости да кожа, и немилосердая чахотка гнала его очевидно во гробъ. Однако, предъ приѣздомъ моимъ ему нѣсколько полегчело. Онъ просилъ меня, чтобъ я сдѣлалъ милость и далъ ему совѣтъ, какъ ему поступить съ малыми и ненадежными еще дѣтьми своими и съ остающеюся послѣ его молодою женою?

Любя сію, хотѣлось ему сдѣлать ей что-нибудь въ пользу, на случай, ежели не останутся двѣ маленькія еще дочери его въ живыхъ, и чтобъ имѣніе его не досталось въ семъ случаѣ законнымъ наслѣдникамъ его, господамъ Темирязовымъ. Я не зналъ, что ему на сіе отвѣчать, ибо встрѣчались тутъ двѣ противныя другъ другу должности и мнѣ хотѣлось, чтобъ дѣло сіе меня миновало.

Не успѣлъ я возвратиться въ свой домъ, какъ по утру на другой день приѣхали ко мнѣ опять вчерашніе гости съ неожиданнымъ увѣдомленіемъ, что миротвореніе мое опять рушилось, и что причиною тому была уже самая родная тетка гости моей и жена г. Ладыженскаго. Она, по отѣздѣ моемъ, расплакалась и начала такъ тазать мужа своего за то, что онъ отдалъ мужиковъ, неправильно отнятыхъ, что онъ рушилъ данное свое слово — и дѣло не состоялось.

Прискорбень былъ для меня сей случай, хотя къ тому не подалъ я ни малѣйшей причины. Но что мнѣ было дѣлать? Я съ моей стороны исполнилъ долгъ и болѣе сего не можно было отъ меня ничего требовать.

Въ послѣдующій за симъ день былъ Матвѣй Никитичъ такъ слабъ, что соборовали его масломъ. Печальная сія процессія производилась при всѣхъ насъ, его родныхъ и сосѣдяхъ, и мы не могли

безъ чувствительнаго сожалѣнія смотрѣть на сего, жизнь свою оканчивающаго молодого человѣка.

Онъ былъ хотя очень слабъ, но имѣлъ еще столько силы, что могъ сидѣть; но съ сего времени началъ онъ уже частъ отъ часу худѣть и къ концу своему приближаться. Я посѣщалъ его всякой день и дѣлалъ ему послѣдній долгъ въ жизни своимъ сотовариществомъ.

Между тѣмъ въ праздные часы продолжалъ я заниматься экономическими сочиненіями, и видѣвшися съ сосѣдомъ своимъ, г. Ладыженскимъ и его женою, старался-было всячески преклонить ихъ на лучшія мысли; но всѣ труды мои были тщетны. Они заупрямились, принялись тягаться и защищать свое неправое приобрѣтеніе.

Что касается до болѣзни Матвѣя Никитича, то она частъ отъ часу усиливалась и довела его до того, что онъ такъ истончалъ, что я отъ роду моего такъ исхудѣвшаго человѣка не видывалъ. Это былъ сущій скелетъ и можно было все устроение костей человѣческихъ въ немъ видѣть, ибо онъ обтянутъ былъ одною только кожею.

Наконецъ, 28 числа февраля, случившійся тогда въ четвергъ третьей недѣли великаго поста, ввечеру, часу въ девятomъ, преселился онъ изъ сей кратковременной жизни въ вѣчную и отошелъ къ своимъ предкамъ.

Можно сказать, что сей день былъ достопамятенъ во всемъ нашемъ родѣ и фамиліи Болотовыхъ; ибо кончиною его прервалось вдругъ цѣлое поколѣніе, продолжавшееся около 200 лѣтъ, и чрезъ самое то цѣлая половина всѣхъ здѣшнихъ дачъ вышла въ другой родъ.

Прискорбень былъ для меня сей случай. Я видѣлся съ нимъ въ самой послѣдній день его жизни и разставался съ нимъ часа за три до кончины, прощался съ нимъ въ тѣхъ мысляхъ, что его болѣе не увижу, ибо насъ звали тогда по межевнымъ дѣламъ въ Серпуховъ. Онъ былъ въ совершенной памяти и говорилъ по самую послѣднюю минуту.

Въ послѣдующій день, бывшимъ первымъ въ мартѣ, поѣхали мы съ братомъ Михайломъ Матвѣевичемъ въ Серпуховъ къ межевщику. Сей, поймавъ насъ на дорогѣ, затащилъ къ себѣ на квартиру. Итакъ, стояли мы опять у него.

Но ѣзда наша была опять по-пустому. Изъ волостныхъ повѣренныхъ не было никого и мириться было не съ кѣмъ. Однако сказывалъ онъ мнѣ, что видѣлся съ ними въ Москвѣ и уговорилъ почти, чтобъ они съ нами помирились. Выходствіе чего и велѣлъ онъ намъ подать сказки, что мы при прежнихъ границахъ своего владѣнія остаемся; каковыя сказки въ неизвѣстности о будущемъ мы тогда и подали.

3-го числа марта происходила у насъ печальная процессія погребенія Матвѣя Никитича. Его погребли при нашей церкви снаружѣ, противъ олтара, въ правую сторону сажени 3 или 4 отъ гроба Петра Даниловича Стахѣева.

Такимъ образомъ лишились и схоронили мы одного изъ нашихъ товарищей, нашего единовременника, сосѣда, родственника и пріятеля; и какъ онъ былъ послѣдній Кирилловскаго поколѣнія, то не излишнимъ я почелъ описать здѣсь вкратцѣ его кратковременную жизнь, дабы потомки нашей фамиліи, да и его собственной, прешедшей въ иной родъ, о томъ вѣдали.

Онъ родился въ 1745 году, въ то время, когда отецъ его, Никита Матвѣевичъ Болотовъ, былъ подполковникомъ въ Кіевскомъ пѣхотномъ полку и находился у ревизіи на Бѣлеозерѣ.

Съ-молоду былъ онъ рабенокъ, подающий о себѣ великую надежду. Отецъ его, не жалѣя труда и убытковъ, обучилъ его по-нѣмецки и по-французски, и будучи потомъ полковникомъ въ Троицкомъ полку, имѣлъ къ тому вождѣлѣнной случай.

Могу сказать, что онъ около 13-тилѣтняго возраста былъ завидной рабенокъ и я самъ, видѣвъ его около сего времени, завидовалъ, что онъ обѣими сими языками лучше говорилъ, нежели я. Со-

вѣмъ тѣмъ прочее воспитаніе его было не очень хорошо.

Отецъ его былъ нрава премудренаго, слишкомъ своенравенъ и характера страннаго, почему и его воспитывалъ слишкомъ строго и какъ-то не на людяхъ, отчего и сдѣлался онъ уже съ самаго младенчества дикъ. А какъ онъ удалился въ отставку и женился на другой женѣ, то и подавно воспитаніе сыну его было дурное.

Къ вѣщему несчастію отдалъ онъ его доучиваться въ московской университетъ и безъ всякаго за нимъ присмотра. Тутъ живучи, имѣлъ онъ случай научиться многому худому, а доброму ничего; и какъ сіе было въ самое опасное время его лѣтъ и возраста, то нравственность его получила великое себѣ поврежденіе.

Послѣ того взялъ его отецъ къ себѣ, и тутъ подержавъ нѣсколько времени въ безлюдьи и въ загнаньи, записалъ его потомъ въ гвардію, сію тогда развратницу молодыхъ людей и отправилъ его въ Петербургъ, не препоручивъ, также изъ своенравія, никому изъ своихъ пріятелей.

Мы не могли тогда довольно надивиться поступкамъ сего старика и совершенному нерадѣнію его о своемъ сынѣ, которой у него одинъ только и былъ. Онъ такъ мало объ немъ старался, какъ-бы все ему отецъ не былъ.

Сіе было причиною, что онъ и въ гвардейской службѣ не имѣлъ никакого успѣха, и какъ будучи воспитанъ на безлюдьи, и тамъ отъ всѣхъ бѣгалъ и удалялся, то и былъ отъ всѣхъ презираемъ и забвенъ.

Наконецъ умеръ отецъ, и онъ сдѣлался послѣ его наслѣдникомъ. Тогда, вырвавшись, какъ птичка изъ клѣтки и получивъ достатокъ въ руки, пустился онъ во всѣ шалости. Къ вѣщему несчастію отпросился онъ на годъ домой.

Я старался сколько могъ тогда поставить его на путь истинной, но не имѣлъ въ томъ успѣха, и все мое благопріятство, ласки и дружество къ нему не могло нimalo. Къ несчастію, попался онъ

въ когти двумъ своимъ двоюроднымъ братьямъ, гг. Елагинымъ.

Сии, будучи люди молодые и неслишкомъ усердные послѣдователи добродѣтелей, наставили его на все доброе. Первое ихъ дѣло было отвлечь его совсѣмъ отъ меня, и какъ сіе имъ удалось, то ввели они его во всѣ пороки, молодымъ людямъ свойственные. Онъ впалъ въ пьянство, мотовство и распутство и производилъ въ домѣ такія дѣла, о которыхъ я, нехотя посрамить его памяти, умолчать долженъ.

Симъ образомъ развратившись, поѣхалъ онъ опять въ Петербургъ продолжать свою прежнюю безпорядочную жизнь. Легко можно заключить, что тамъ все сіе производило худыя слѣдствія.

Онъ познакомился и сдружился съ такими-жъ негодьями, которые довели его наконецъ до совершенной пагубы. Онъ впалъ въ превеликіе долги и шалости и за все то битъ былъ не на животъ, а на смерть.

Я старался, сколько могъ, увѣщевать его письмами и, наконецъ, имѣлъ удовольствіе привести его въ чувство; но, ахъ! сіе было уже поздно. Съ братьями своими хотя и пересталъ онъ знаться, узнавъ ихъ ложное дружество, но потеряннаго здоровья и нажитыхъ долговъ возвратить было уже не можно.

Обремененъ будучи долгами и имѣя въ тѣлѣ много поврежденія и основанія болѣзней, приѣхалъ онъ опять домой, отпросясь опять въ отпускъ. Тутъ вздумалъ онъ жениться и начать порядочную жизнь. Женитьба его была скоростижная. Онъ выбралъ самъ себѣ невѣсту и, недолго думая, женился, равно какъ предвидя, что долгое сватовство ему не принесетъ пользы и хорошія невѣсты за него не пойдутъ. Но мы и тому были уже рады, желая только, чтобъ онъ женился.

Со времени женитбы сдѣлался онъ ко мнѣ уже нѣсколько болѣе пригипленнымъ и началъ жить уже порядочно. Но какъ онъ слишкомъ уже одолжалъ, а жену взять ни съ чѣмъ, то не можно было ему изъ долговъ выкарабкаться и онъ запу-

тался въ нихъ еще болѣе. Сіе привело его въ величайшую задумчивость и побудило его, наконецъ, итти въ отставку.

Онъ отбился всякими неправдами отъ службы и, не знаю доподлинно, а сказывали, будто сдѣлалъ онъ при томъ ту великую и преждемную упомянутую ужеглупость, что, желая показаться на смотрѣ больнымъ, подражая глупому мужицкому обыкновенію, выпилъ цѣлой стаканъ конюшняго масла, и отъ того такъ помертвѣлъ, что можно было считать его въ тотъ часъ полумертвымъ. И отъ сего самаго дня и отъ сей-ли причины или отъ побоевъ, началъ онъ чахнуть и чахъ во все время своего въ деревнѣ, послѣ отставки, жительства; даже до того, покуда, наконецъ, прошедшею осенью подхватила его злая чахотка и довела до гроба.

Вотъ, какіе были плоды развратной и безпорядочной жизни! Примѣръ, могущій послужить въ пользу молодымъ людямъ.

Теперь опишу, каковъ онъ былъ собою. Росту былъ онъ средняго, собою худощавъ, лицо имѣлъ продолговатое, волосы русые и лобъ взлизистой, и отмѣненъ былъ отъ всѣхъ тѣмъ, что носъ имѣлъ отмѣнно великъ; говорилъ немного картаво, въ обхожденіи не очень ласковъ, но съ друзьями пріятенъ; молчаливъ, шутивъ и притомъ лукавъ. Съ чужими очень застѣнчивъ и бѣгалъ всѣхъ.

Что касается до его нравственности, то былъ онъ человѣкъ доброй души. Неправды никакой мы отъ него не видали; впрочемъ въ домѣ своеобычливъ и самонаправенъ слишкомъ. Охоту имѣлъ только до лошадей, и то пустую и убыточную, а не полезную.

Книги не бралъ никогда въ руки, и всѣ употребленные къ обученію его языкамъ и прочему труды и кошты пропали тщетно, такъ какъ пропадаютъ они и въ разсужденіи многихъ другихъ, обучавшихся въ молодости.

Экономію велъ онъ мудреную и странную. Казалось, что онъ ко всему прилежалъ, но все какъ-то не шло въ туку: всю свою жизнь провелъ онъ въ нуждѣ

и недостаткѣ. Все ему какъ-то было тѣсно, все жался въ уголъ и ни къ кому не любилъ ѣздить.

Кто приѣзжалъ къ нему, принималъ ласково, а самъ развѣ съ превеликою неволею куда выѣзжалъ. Однимъ словомъ, былъ сущій бирюкъ, и этотъ былъ главнѣйшій его порокъ, ибо отъ прочихъ, наконецъ, онъ отвыкъ и въ послѣдніе годы велъ порядочную жизнь. Превжнія свои шалости покинулъ, не пилъ уже ничего и не безпутствовалъ; но все сіе было уже поздно.

Со мною жилъ онъ въ послѣдніе годы очень дружно и могу сказать, что почиталъ меня себѣ истиннымъ другомъ и во всемъ меня слушался и повиновался. Почему ту честь долженъ я ему отдать, что я сосѣдомъ симъ былъ очень и очень доволенъ и имѣлъ въ немъ такого, какого лучше желать не могъ. То только было худо, что онъ рѣдко ко мнѣ хаживалъ, а въ прочемъ во всемъ, а особливо при раздѣлахъ земли былъ я имъ совершенно доволенъ.

Онъ полагался во всемъ на меня и былъ въ чистосердечіи и праводушіи моемъ такъ увѣренъ, что, за нѣсколько дней предъ концемъ жизни своей, поручилъ мнѣ жену свою и двухъ малолѣтнихъ своихъ дочерей въ опеку и просилъ быть ихъ отцомъ.

А чтобъ обезпечить и жену и дѣтей своихъ въ разсужденіи остающагося послѣ его имѣнія, то желая сдѣлать женѣ своей добро, написалъ онъ вексель въ нѣсколькихъ тысячахъ на имя серпуховскаго купца Плотнокова и, вручивъ мнѣ его, просилъ, чтобъ я упроемъ помянутаго купца адресовать его на имя остающейся жены его, съ полученною якобы отъ ней уплатою и потомъ протестовалъ бы его по формѣ, но хранилъ бы у себя оной какъ священный залогъ, покуда дѣти его будутъ живы, и чтобъ не иначе выдалъ его въ руки жены его, какъ въ случаѣ смерти обѣихъ дочерей его. Которое обѣщаніе я и выполнилъ совершенно.

И какъ въслѣдствіи времени ни ста-

ралась жена его у меня сей вексель вытеблнить, и какъ невиннымъ совѣтъ образомъ ни претерпѣвалъ я отъ ней за то заочно ругательство и повсемѣстныя на меня жалобы и самыя даже проклятія и нехотѣніе даже итти на гробъ мой, когда умру, и какъ ни угрожала она мнѣ, что будетъ на меня просить правленіе и намѣстника; но я въ совѣсти своей былъ совершенно чистъ и правъ, поелику вексель сей нimalo ко мнѣ самому не шелъ и мнѣ никогда не могъ послужить въ пользу и я не иначе какъ съ симъ условіемъ согласился вмѣшаться въ сіе дѣло, и потому самому не хотѣлъ никакъ принять отъ него даримой имъ мнѣ пустоши Голенинки; но не хотя обидѣть сиротъ его, совершенно отъ того отказался.

Почему и не смотрѣлъ я нimalo на всѣ помянутыя ея дурачества и женское легкомысліе, а смѣяся только ея глупостямъ, самъ дѣлалъ то, что повелѣвалъ мнѣ долгъ и, сохраняя у себя вексель, какъ нѣкакой священной залогъ, не допустилъ мать сію, вышедшую за другого потомъ мужа, разорить и по міру пустить родную дочь свою, а сохранилъ для сей отцовское ея имѣніе, которымъ пользуется она и владѣетъ и понынѣ. Другой своей сестры лишилась она еще въ младенчествѣ, а ругавшей меня умницѣ, матушкѣ ея, не удалось наругаться надъ моимъ гробомъ, ибо я и понынѣ еще по милости Господней живъ, а она давно уже сотлѣвается въ нѣдрахъ земли холодной; но да почіетъ прахъ ея съ миромъ въ оной.

Вотъ краткое описаніе жизни моего родственника и сосѣда и я могу сказать, что мнѣ было его очень жалъ и что не могъ я съ нимъ безъ пролитія слезъ разстаться. Въ самое теперешнее время, когда сіе пишу, возобновляющееся во мнѣ напоминаніе о томъ, какъ мы съ нимъ жили и какъ онъ ко мнѣ ласкался, меня любилъ и почиталъ, производить въ душѣ моей нѣкое нѣжное и прискорбное объ немъ сожалѣніе и пожеланіе, чтобъ

прахъ его почилъ съ миромъ, а духъ его былъ блаженъ въ селеніяхъ небесныхъ.

Теперь, окончивъ сіе печальное повѣствованіе, обращаюсь я къ другимъ предметамъ.

Не успѣли мы схоронить сего любезнаго моего сосѣда, какъ на третій день послѣ того, а именно 5-го числа марта встревоженъ былъ весь духъ мой полученнымъ нечаянно изъ Петербурга письмомъ отъ г. Нартова, секретаря Экономическаго Общества.

Сей незнакомой мнѣ совсѣмъ, но заочно меня полюбившій человѣкъ, увѣдомлялъ меня, что онъ имѣлъ случай рекомендовать меня князю Сергію Васильевичу Гагарину, сенатору и кавалеру и нашего Общества члену, которой также полюбивъ меня заочно, по однимъ моимъ сочиненіямъ, хотѣлъ со мною познакомиться и просилъ его, чтобъ онъ меня съ нимъ познакомилъ, обѣщая, что если со мною познакомиться и я соглашусь помогать ему смотрѣніемъ моимъ надъ порученными ему отъ государыни ея волостями, то онъ выходитъ мнѣ отъ монархини чинъ и достаточное жалованье.

Г. Нартовъ, изъ любви своей ко мнѣ, убѣждалъ меня при томъ въ письмѣ своемъ всѣми образами и просилъ, чтобъ я увѣдомилъ его какія имѣю я о томъ мысли?

Признаюсь, что письмо сіе произвело во всей душѣ моей наивеличайшую тревогу и день сей былъ весьма достопамятной въ моей жизни.

Предлагался мнѣ чинъ и жалованье, а при томъ еще рекомендація тогдашней императрицѣ нашей, слѣдовательно честь, знаменитость и богатство, до того нimalo меня не прельщавшія; но требовалось, чтобъ я перемѣнилъ свое состояніе, покинулъ свой домъ и спокойную, свободную, драгоцѣнную деревенскую жизнь, какою тогда, по благости Господней, наслаждался и, лишась вольности, отдалъ себя въ неволю, запуталъ себя въ труды и должности и пошелъ опять въ странное житейское море, оставивъ свое

любезное уединеніе. Цѣна по истинѣ великая и требующая по всей справедливости великаго разсмотрѣнія!

Я не зналъ тогда, что дѣлать и находился въ великомъ замѣшательствѣ и разстройкѣ мыслей. Съ одной стороны льстилъ меня чинъ, знанъ и жалованье, но съ другой устрашали хлопоты, неволе и жалѣніе о тогдашнемъ драгоцѣнномъ для меня состояніи.

Я колебался мыслями и не зналъ что дѣлать, что предпріять и къ чему приступить; наконецъ, родилась во мнѣ мысль, что приходитъ сіе не случайно и не само собою, поелику я о семъ не имѣлъ даже никогда и малѣйшаго помышленія, а не только сего искалъ и домогался; а потому догадывался и не сомнѣвался въ томъ, что тутъ есть дѣйствіе Промысла и содѣйствіе Того, кому давно поручена жизнь моя въ полное владѣніе и распоряженіе, т. е. милостиваго и всещедраго моего Бога, небснаго Отца и покровителя, оказавшаго мнѣ въ жизнь мою безчисленные опыты своего обо мнѣ попеченія и старанія.

Вспомнивъ сіе, успокоивался я духомъ и сердце мое наполнялось чувствіями живѣйшей благодарности къ нему, а посему и предавалъ я дѣло сіе на его святую волю и просилъ только, чтобъ онъ мнѣ сказалъ, куда мнѣ итти и что дѣлать.

Но не однимъ симъ былъ день сей для меня достопамятенъ. Произошло въ оной и другое, также примѣчанія достойное происшествіе. Въ самую почти ту же минуту получилъ я извѣстіе, что приѣхалъ въ Якшино г. Щербининъ и хотѣлъ со мною видѣться.

Такимъ образомъ ѣздилъ я въ сей день къ нему и имѣлъ случай спознакомиться съ симъ знатымъ человѣкомъ, бывшимъ тогда губернаторомъ въ Харьковѣ и имѣлъ счастье ему очень полюбиться. До сего времени онъ зналъ меня по одному только слуху и имени, а теперь узналъ лично и могу сказать, что я обращеніемъ его со мною и ласкою былъ чрезвычайно

доволенъ и льстился надежою, что онъ мнѣ когда-нибудь при случаѣ стодится.

Какъ я не зналъ въ точности обстоятельство и того, надъ какими волостями князю Гагарину поручено смотрѣть и гдѣ сіи лежатъ волости, а надлежало въ непродолжительномъ времени что-нибудь писать въ Петербургъ къ г. Нартову, то положилъ я въ послѣдующій день съѣздить къ другу моему г. Полонскому и съ нимъ о томъ посоветовать и слышать о томъ его мнѣніе.

Сей пріятель мой не успѣлъ прочесть письма, какъ пришелъ въ восторгъ съ радости, что со мною сіе совершается. Его первое слово было то, что онъ самъ молебень отпоетъ, если сіе сдѣлается и говорилъ мнѣ, чтобъ я отнюдь сего случая не выпускалъ изъ рукъ; что счастье само меня ищетъ; что у князя Гагарина не имѣется никакихъ иныхъ волостей, кромѣ Богородицкой и Вобриковской, лежащихъ неподалеку за Тулою; что управительское въ сей волости мѣсто лучше всякаго воеводства и чрезвычайно выгодно.

Однимъ словомъ онъ наказывалъ мнѣ столько выгодъ, что еслибъ я не философскія имѣлъ мысли, такъ бы имѣлъ причину почитать себя чрезвычайно счастливымъ. Но я только усматривалъ изъ того часть отъ часу больше начинающуюся ко мнѣ особливую божескую милость и благодарилъ сего великаго моего благодѣтеля.

Все сіе побуждало меня часть отъ часу охотнѣе приступить къ предлагаемому, и какъ въ самое то время и равно какъ нарочно случился у меня и человекъ изъ Кашина, отправляющійся въ Москву, то и не сталъ я долѣе медлить и написалъ письмо къ Нартову въ отвѣтъ. Сіе письмо удалось мнѣ написать, не знаю какъ сказать, ни то хорошо, ни то худо. Я писалъ его почти не своею головою и такъ, какъ люди не пишутъ.

Сперва благодарилъ я Нартова за его къ себѣ одолженіе, потомъ сдѣлалъ привѣтствіе князю, которые оба пункта удались мнѣ какъ лучше желать не можно.

Послѣдующія за симъ строки были особливо, весьма важнаго и такого содержания, которыя, какъ думалъ я, будутъ Нартовымъ неожиданы. Въ нихъ, открывая ему свои мысли, писалъ я прямо, какъ практическому философу надобно. Я изображалъ ему въ короткихъ словахъ всю драгоцѣнность тогдашняго своего образа жизни, изъясняя сколь трудно мнѣ разстаться съ оною и, наконецъ, заключилъ тѣмъ, что я предлагаемую должность не иначе соглашусь принять, какъ только въ такомъ случаѣ, если сія волость недалеко лежитъ отъ моей деревни, если я не принужденъ буду всемъ бросить свой домъ и если мнѣ дастся хорошее жалованье, и сіе для того, чтобъ я тѣмъ меньше могъ помышлять о неправедныхъ прибыткахъ; ибо сей пунктъ былъ для меня страшенъ. Въ противномъ случаѣ, что охотнѣе хочу я остаться въ прежнемъ своемъ незнакомомъ углѣ, чинѣ и достаткѣ.

Къ сему письму приложилъ я случившіяся тогда и равно какъ нарочно къ тому переписанныя сочиненія: одно о садахъ, а другое о нѣкоторыхъ деревенскихъ лекарствахъ; также одну бездѣлушку, относящуюся до натуральныхъ рѣдкостей, которую случилось мнѣ нечаянно найти въ минувшемъ лѣтомъ въ вершинѣ подлѣ своего дома; ибо сего хотѣлось г. Нартову, какъ охотнику до такихъ вещей и собирающему у себя кабинетъ натуральный.

Сіе письмо отправивъ я въ Москву съ кашинскимъ человѣкомъ, сталъ дожидаться, что оно произведетъ и что воспослѣдуетъ далѣе. Потомъ ѣздилъ я вторично къ г. Щербинину и свелъ съ нимъ болѣе дружбу. Онъ меня такъ полюбилъ, что насилу отпустилъ, продержавъ меня у себя до самаго вечера.

При такихъ многихъ и сряду другъ за другомъ въ самое короткое время случившихся происшествіяхъ, не могъ я тогдашнему періоду времени довольно надивиться и почиталъ оной въ особенности примѣчанія достойнымъ.

Сперва случилось миротвореніе г. Ла-

дыженскаго, тамъ кончина и погребеніе родственника и сосѣда моего, потомъ межевья дѣла, тамъ помянутое письмо и важное предложеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ знакомство съ г. Щербининымъ.

Но того было еще не довольно, но къ тому присовокупилось еще, что въ послѣдующій за тѣмъ день, т.-е. 9 марта получилъ я, противъ всякаго ожиданія, отъ племянника моего родного изъ Пскова извѣстіе, что было для меня очень радостно; а 10 числа ѣздила въ Серпуховъ для адресованія помянутаго важнаго векселя и при семъ случаѣ свелъ дружбу съ купцомъ Плотниковымъ, которая для меня была также интересна.

Потомъ приѣхала къ г. Щербинину его жена и мы приглашены были къ нимъ. Она не менѣе благопріятствовала моихъ домашнихъ, и какъ вскорѣ послѣ того случилось женѣ моей быть иманинницею, то одолжила насъ генеральша сія въ сей день своимъ посѣщеніемъ съ сыномъ и прочими дѣтьми своими, съ которыми мы также при семъ случаѣ спознакомились. А вслѣдъ за симъ получилъ братъ мой Гаврила Матвѣевичъ отставку и прапорщій чинъ, и я радовался и благодарилъ Бога, что всѣ члены нашей фамиліи были уже офицерами. Итакъ, происходили одно происшествіе за другимъ и были всѣ довольно важныя.

Достальное время сего мѣсяца препроводилъ я въ переписываніи набѣло и переправливаніи книги моей «О благополучіи человѣческомъ» и въ продолженіи сочиненія другой, названной «Душевною Кунсткамерою».

День пасхи случился въ сей годъ очень рано и въ самый послѣдній день мѣсяца марта, и вкупѣ въ самую половодъ и распутицу. Сіе принудило насъ во всю святую недѣлю сидѣть дома и, вмѣсто разѣздовъ, заниматься домашними упражненіями. Мое состояло въ передѣлываніи одного разсужденія въ моей книгѣ «О благополучіи» и я въ самое сіе время писалъ матерію весьма важную, а именно о способахъ и руководствѣ къ побѣжденію страстей и исправленію нашему, и могу

сказать, что мнѣ случилось въ сіе время выдумать много важнаго и полезнаго, а особливо въ разсужденіи правоученія практическаго и сдѣлать открытія преполезныя для рода человѣческаго, почему и считаю я періодъ сего времени или первую половину апрѣля мѣсяца весьма достопамятною въ моей жизни.

Открытіе мое состояло наиболѣе въ сравненіи порядка исправленія и побѣжденія страстей съ дѣйствительною войною, и я къ великому удовольствію и удивленію нашель, что всѣ обстоятельства вещественной войны могутъ весьма изрядно приравнены быть къ такимъ же обстоятельствамъ войны духовной. Словомъ, я симъ разсужденіемъ, занимающимъ почти цѣлую половину второй части сей книги, былъ самъ очень доволенъ и почиталъ ее полезнѣйшею изъ всей книги.

Какъ со вскрытіемъ весны начались и всѣ садовыя и другія домашнія необходимыя работы, то перемѣнился чрезъ то во многомъ и весь порядокъ моихъ упражненій. Мнѣ не можно было уже никакъ сидѣть запершись по прежнему въ хоромахъ и заниматься одними моими книгами, перомъ и чернилами; но я большую часть времени сталъ препровождать въ моихъ любезныхъ садахъ и заниматься въ нихъ сотнями разныхъ дѣлъ вѣшнихъ, а особливо садкою разныхъ плодовыхъ деревьевъ.

Въ сію весну въ особенности занимался я усадкою всей моей прекрасной горы разными плодовитыми деревьями и кустарниками, и придалъ ей чрезъ то гораздо лучший видъ передъ прежнимъ. Всѣ сіи деревья украшаютъ ее и по нынѣ и утѣшаютъ меня ежегодно множествомъ разныхъ плодовъ своихъ.

Въ сихъ упражненіяхъ, обращавшихся для меня не столько въ трудъ, какъ въ увеселеніе, и не видалъ я какъ прошли двѣ первыя трети мѣсяца апрѣля; а между тѣмъ не выходили у меня изъ головы мысли о сдѣланномъ мнѣ предложеніи и моемъ отзывѣ, и я со дня на день поджидалъ на письмо мое отъ г. Нартова отвѣта.

Оной и не уклонѣлъ ко мнѣ приттѣть; но о семъ и содержаніи его перескажу вамъ въ письмѣ послѣдующемъ, а теперечнее симъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь и прочая.

(Декабря 8 дня 1808 года).

Письмо 158-е.

Любезный пріятель! Двадцать первое число апрѣля былъ тотъ день, въ которой исполнилось мое нетерпѣливое желаніе и я получилъ на посланной мной въ Петербургъ отзывъ отвѣтное письмо г. Нартова. Воевода нашъ прислалъ его ко мнѣ съ нарочнымъ изъ Коширы.

Легко можно заключить, что каковъ я ни былъ, но распечатывалъ его не безъ сильныхъ душевныхъ движеній. Отъ частаго помысленія о сдѣланномъ мнѣ предложеніи и о всѣхъ выгодахъ, какія я имѣть буду, если то совершится, и которыя натурально воображеніемъ были увеличиваемы, произошло то, что я началъ уже нѣкоторымъ образомъ и желать, чтобъ оно исполнилось и желалъ довольно сильно; а напротивъ того не хотѣлъ, чтобъ произошло что-либо противное моему ожиданію. Итакъ, начиналъ его читать почти со страхомъ и трепетомъ, или по крайней мѣрѣ, съ сильнымъ потрясеніемъ душевнымъ. Но скоро всѣ сумнительствы мои рухнули. Содержаніе письма сего было для тайныхъ моихъ вождельнѣйшій удовлетворительно и произвело во всей viu-тренности души моей удовольствіе неизобразимое.

Г. Нартовъ отвѣтствовалъ мнѣ такъ, какъ мое философическое письмо требовало и какъ надлежало. Онъ наполнилъ письмо свое ласками и изъявленіями хорошаго своего характера и принудилъ меня еще болѣе себя полюбить. О дѣлѣ же моемъ увѣдомлялъ онъ меня, что онъ съ княземъ Гагаринымъ видѣлся и обовсемъ съ нимъ говорилъ, и что князь былъ всѣмъ доволенъ и на все согласенъ, и что осталось мнѣ только съ нимъ видѣться и познакомиться лично. А поелику въ самое то время князь отправился въ Москву и повезъ съ собою письмо отъ

него, Нартова, ко мнѣ, то ѣхалъ бы я въ Москву и съ нимъ тамъ повидался. О волости же, куда я назначаюсь, хотя и не упоминалъ онъ именно, а писалъ только, что она лежитъ недалеко отъ меня и что перемѣна моего состоянія меня не перетревожитъ.

Далѣе увѣдомлялъ онъ меня о посланныхъ моихъ вновь сочиненьицахъ, что онъ предложилъ ихъ публично Обществу, и буде пьесу мою о нѣкоторыхъ домашнихъ лекарствахъ общество опредѣлитъ напечатать, то онъ меня увѣдомитъ.

Что-жъ касается до посланной отъ меня къ нему бездѣлки, состоящей въ маленькомъ камушкѣ, то, недуманно-негаданно, пошелъ онъ въ честь. Г. Нартовъ былъ имъ очень доволенъ и просилъ меня, чтобъ я прислалъ ихъ болѣе и что это были трохитъ или колесный камень, составляющій самую рѣдкость въ натурѣ; также чтобъ я прислалъ и кремневыхъ прорастей съ хрусталами, о которыхъ упоминалъ я въ письмѣ своемъ, что у меня ихъ есть нѣсколько.

Но при семъ одномъ онъ не остался, а прислалъ еще ко мнѣ въ подарокъ перевода своего нужную мнѣ книжку, а именно «Минералогію» г. Лемана, и тѣмъ побудилъ меня еще болѣе къ собранію рѣдкостей.

Признаюсь, что письмо сіе доставило мнѣ много удовольствія, а не менѣе радовались тому и обѣ мои семейники, ибо оное явно доказывало, что дѣло мое начинало клениться понемногу.

Я не преминулъ сообщить его и другу моему г. Полонскому, и сей обрадовался тому равномѣрно и почиталъ уже опредѣленіе меня къ мѣсту несомнѣннымъ. А что назначалось мнѣ не иное какое мѣсто, чего я опасался, какъ управительское въ Богородицѣ, то догадывались и заключали мы потому, что перешадали намъ слухи, что и тамъ какимъ-то образомъ носилась уже молва, что мнѣ быть управителемъ.

И какъ, по всему тому ѣзда въ Москву сдѣлалась уже необходимою, то г. Полонской и всѣ друзья мои, род-

ные и пріятели, желавшіе мнѣ благополучія, и протуривали меня туда неукоснительно. Но мнѣ какъ-то нехотѣлось слишкомъ поспѣшать сею ѣздою, дабы тѣмъ не подать вида, что я самъ на то навязываюсь; а почиталъ за лучшее подождать, не будетъ ли князь Гагаринъ самъ ко мнѣ писать и не пришлетъ ли ко мнѣ письма Нартова, съ нимъ отправленнаго, или, по крайней мѣрѣ, отправиться въ Москву, отпраздновать свой деревенской вѣшній годовой праздникъ.

Въ семъ расположеніи мыслей и началъ я спокойнымъ образомъ продолжать прежнія свои упражненія. Садъ и кабинетъ раздѣляли все мое время и я работалъ руками и духомъ. Къ тому присовокупилось еще и третье упражненіе, а именно собираніе натуралій или рѣдкостей природы; ибо какъ г. Нартовъ просилъ меня, чтобъ переслать къ нему болѣе полезныхъ камней, то хотѣлось мнѣ самому поискать въ нашихъ мѣстахъ, какъ ихъ, такъ и другихъ рѣдкостей природы, и тѣмъ услужить сему моему незнакомому пріятелю и благодѣтелю.

Счастіе и благопріятствовало мнѣ въ семъ случаѣ и болѣе, нежели я желать могъ. Люди мои не успѣли узнать о моемъ хотѣніи, какъ наперерывъ другъ предъ другомъ старались искать всего того, что было примѣчанія достойнымъ, и приносить ко мнѣ напоказъ, желая мнѣ доставить удовольствіе; и могу сказать, что я былъ ими въ семъ случаѣ очень доволенъ. Не успѣлъ я имъ сказать, что мнѣ всякіе хорошенькіе камушки надобны, какъ отовсюду они ко мнѣ и полетѣли, и приносили ихъ ко мнѣ не только большіе, но и самые малые ребятишки, и я не однажды имѣлъ наисладчайшее и невинное удовольствіе, находя между ими вещицы, особенное примѣчаніе заслуживающія.

Но ни которой день не доставилъ мнѣ такого удовольствія, какъ 30-е апрѣля. Въ сей день нашелъ я то истинное сокровище, которое послѣ сдѣлалось толико славно и обратилось въ пользу безчисленному множеству людей всякаго рода.

Но тогда не имѣлъ еще я о томъ ни малѣйшаго понятія и никакъ не могъ вообразить себѣ, чтобъ вышла изъ того такая важная и надобная вещь.

Были то камни или плоскія плитки особеннаго сложенія и сросшіяся, равно какъ изъ бисера или множества мельчайшихъ кругленькихъ бѣленькихъ камушковъ съ дырочками посреди; почему и прозвалъ я ихъ тогда камнями бисерными. Такихъ же камушковъ, какой послалъ я къ Нартову, не могъ я никакъ болѣе отыскать. Онъ былъ прямо удивительной: кругленькой, продолговатой и составленной равно какъ изъ сложенныхъ другъ съ другомъ напорядочнѣйшимъ образомъ столбкомъ колесецъ и притомъ такъ регулярно, что казалось, что штучка сія походила болѣе на выточенную руками человѣческими, нежели на произведенную природою.

Всѣ старанія наши къ отысканію такихъ-же были тщетны, а сей нашли мнѣ въ минувшемъ году нечаянно въ вершинѣ сада моего ребятишки и, вѣдая мое любопытство, ко мнѣ принесли.

Итакъ, мнѣ очень было жаль, (что) не отыскивались множайшіе; но помянутые бисерные камни поутѣшили меня въ томъ нѣсколько. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находилъ я точно такіе же кругленькіе колесцы и камушки, какъ былъ и тотъ, но вросшіе только внутрь оныхъ, либо прямо, либо вкось и такъ, что ихъ отъ плитокъ сихъ никакъ отдѣлить было не можно.

Сіе заставило меня заключать, что плиткамъ симъ, безъ всякаго сомнѣнія, надобно быть одинаковаго существа и происхожденія съ помянутыми трохитами. И къ сему заключенію еще болѣе побудило меня то, что я по прилежнѣйшему оныхъ разсматриванію находилъ, что и всѣ помянутые бисерники были не иное что, какъ начатки такихъ же колесецъ, но только очень маленькіе и сросшіеся въ общее тѣло, плитку составляющее.

Сіе возбудило любопытство во мнѣ къ узнанію, нѣтъ-ли чего писаннаго въ минералогическихъ книгахъ и въ натураль-

номъ лексиконѣ и о сихъ, равно какъ и о трохитахъ; и какое же удовольствіе было мое, когда я въ натуральномъ лексиконѣ нашелъ особую статью о трохитахъ, въ которой упоминалось, что это окаменѣлость раковичныхъ морскихъ животныхъ, и что найдены они однажды въ Италіи и узнано, что они имѣютъ способность помогать отъ камня въ почкахъ. Обо всемъ томъ упомянуто было хотя вкратцѣ и немногими словами, но для меня было и сего уже довольно.

Я воскликнулъ тогда въ превеликомъ удовольствіи душевномъ: «Ба! ба! ба! за ними еще вотъ что есть, и они не только сложеніемъ своимъ удивительны, но еще и лекарственны отъ важной болѣзни».

А удовольствіе мое еще увеличилось, когда, читая минералогію, нашелъ и удивился въ томъ, что и найденныя мною плитки точно такого же существа, составляютъ такія-же окаменѣлости и извѣстны въ минералогіи подъ именемъ энкритовъ.

По узнаніи всего того, воскнигло во мнѣ желаніе узнать изъ опытности, дѣйствительно-ли то правда, что объ нихъ вскользь упомянуто было въ натуральномъ лексиконѣ; но какъ къ тому потребенъ былъ человѣкъ, страдавшій каменною болѣзнію, надъ которымъ бы тотъ опытъ учинить было можно, то озабочивался я тѣмъ, гдѣ бы въ деревняхъ отыскать мнѣ такого больного.

Но не прямо-ли удивительное случилось тогда со мною происшествіе и не доказываетъ-ли оно, что если Промыслу Господню угодно когда открыть что-нибудь въ особенности полезное человѣческому роду, такъ оной покажетъ къ тому и путь и распорядитъ все къ тому потребное. Ибо, какъ-бы вы, любезный пріятель, думали? Не успѣлъ я помянутымъ образомъ сіи камни найти, узнать о ихъ натурѣ и врачебныхъ качествахъ и возжелать сыскать больного, надъ которымъ бы желаемою мною опытъ учинить было можно, какъ въ тотъ же самой день и отыскался таковой точно.

Приѣзжаетъ къ намъ сосѣдка, жена умершаго недавно моего родственника. Я рассказываю ей между прочимъ о своей находкѣ, показываю ей камни и изъясняю помянутое желаніе о найденіи больного, страдающаго каменною болѣзнію; а она не успѣла о семъ услышать, какъ воскликнула:

—«Ахъ, батюшка мой, да у меня въ дому лежитъ теперь малой молодой и при самой уже смерти и точно отъ сей болѣзни; давеча уже исповѣдали его и причастили. Не попробовать-ли намъ надъ нимъ и не одолжите-ли вы меня кусочкомъ сего камушка?»

Обрадовался я, сіе услышавъ, и сказала ей: «Хорошо, матушка, о камушкѣ ни слова, но вотъ вопросъ: какимъ образомъ лечить намъ имъ вашего больного? Въ книгѣ той, гдѣ нашелъ я объ немъ упоминаніе, не сказано о томъ ни слова, и Богъ знаетъ, какъ намъ съ нимъ поступать?»

Сіе остановило на минуту и ее и меня; однако мы стали думать о томъ и совѣтовать, и я другого не находилъ, какъ испытать не растолчется-ли онъ въ иготѣ и не можно-ли составить изъ него порошокъ, удобной къ приниманію внутрь. Сіе мы въ тотъ-же часъ испытали. Тотчасъ откололъ былъ кусокъ отъ плитки и положенъ въ иготъ, и я удивился, увидѣвъ, что толокся онъ очень хорошо, и что въ короткое время можно было чрезъ толченіе, просѣваніе и треніе въ ступкѣ, превратить его въ мельчайшій порошокъ.

Но тутъ сдѣлался опять вопросъ, сколько-бы его и въ чемъ дать больному? Подумавши о семъ, положили мы дать ему размѣшанной въ водѣ и съ добрую чайную ложечку вверхъ, или съ драхму вѣсомъ. Итакъ, снабдивъ сосѣдку мою симъ порошокомъ, просилъ я увѣдомить меня о успѣхѣ нашего опыта. И какое-же удовольствіе имѣлъ я, когда въ послѣдующее утро прислала она ко мнѣ человѣка, просящаго съ восхищеніемъ, чтобъ далъ я еще того-же лекарства и сказывающаго, что порошокъ мой произвелъ дѣйствіе

чрезвычайное, что больному полетѣло, что не успѣлъ онъ его принять, какъ чрезъ самое короткое время выгналъ онъ съ кровью два камушка, съ горошину величиною.

Радъ я невѣдомо какъ былъ сему случаю и благодарилъ судьбу, что она доставляетъ мнѣ во всякое время случай ко многимъ полезнымъ опытамъ.

Повтореніе употребленія сего лекарства такъ хорошо дѣйствовало, что больной получилъ совершенное облегченіе и на третій день въ состояніи былъ притти ко мнѣ для изъясненія своей благодарности, что я избавилъ его отъ неминуемой почти смерти.

Вотъ первый случай, познакомившій меня съ чрезвычайною полезностію сего цѣлебнаго камня.

Теперь было-бы слишкомъ пространно, еслибъ хотѣть мнѣ рассказывать вамъ дальнѣйшую исторію о семъ камнѣ; о всѣхъ безчисленныхъ опытахъ, имъ въ разные времена предпринимаемыхъ; о вождѣлнѣйшемъ успѣхѣ оныхъ; о удивительныхъ и совершенно нечаянныхъ открытій многихъ и другихъ цѣлебныхъ его способностей и силахъ, а коротко скажу, что многія, не сотни, а тысячи людей получили и получаютъ и понинѣ отъ него пользу и не отъ одной каменной болѣзни, но и отъ другихъ многихъ; ибо въ послѣдствіи времени открылось, что онъ также великое облегченіе производитъ отъ грыжи, отъ животныхъ болей, отъ стѣсненія въ груди, при случаѣ поднимающейся діафрагмы, отъ чувствуемой боли въ окрестностяхъ сердца, отъ простого и кроваваго поноса, отъ колики, изгаги, разныхъ кровотеченій и проче; и что, наконецъ, оказалось, что онъ и къ заживленію свѣжихъ ранъ имѣетъ чрезвычайную способность.

Словомъ, изъ безчисленныхъ опытовъ сдѣлалось намъ извѣстно, что полезность его такъ велика, что судя по оной можно почитать его наравнѣ съ золотомъ. Наконецъ, что доставилъ онъ въ жизнь мою мнѣ безчисленное множество минутъ пріятныхъ, и я имѣлъ поводъ къ особли-

вому благодаренію Промысла Господня за то, что одарилъ онъ здѣшнюю мою усадьбу и прекрасную гору, на которой имѣю я жительство, великимъ и такимъ множествомъ сихъ цѣлебныхъ каменьевъ, что и понинѣ не имѣемъ мы въ нихъ недостатка, хотя ежегодно расходуется его у насъ порошкомъ по нѣскольку фунтовъ, раздаваемого больнымъ отъ разныхъ болѣзней, и что святой воля его угодно было употребить меня орудіемъ къ открытію сего полезнаго лекарства и преподать мнѣ послѣ случай спознакомить съ симъ камнемъ и полезностію его и вселюбное мое отечество, и быть тому причиною, что многіе и другіе и въ разныхъ мѣстахъ государства нашли таковыя же каменья и производить ими пользу.

Но я заговорился уже о побочныхъ и теперь возвращусь къ прежнему моему предмету.

Въ сихъ и подобныхъ сему упражненіяхъ препроводилъ я всѣ достальные дни мѣсяца апрѣля и успѣлъ разныхъ окаменѣлостей набрать столько, что я въ состояніи былъ отправить ихъ послѣ цѣлый коробокъ къ г. Нартову.

Съ наступленіемъ мѣсяца мая началъ я уже пристальнѣе помышлять о московской поѣздкѣ, и хотя отъ князя Гагарина не было еще никакого слуха, но я почиталъ ѣзду свою тѣмъ необходимѣйшею, что въ Москвѣ побывать мнѣ и для другихъ нуждъ было надобно.

Итакъ, предполагая отправиться въ сей путь непосредственно послѣ нашего праздника, за нужное находилъ я побывать до того времени въ Серпуховѣ и повидаться еще разъ съ межевщикомъ, узнать объ обстоятельствахъ нашего дѣла и можно ли мнѣ будетъ отлучиться въ Москву. Къ сему побуждало меня наиболѣе то, что по слухамъ, повѣренные и управители Нарышкинской волости приѣзжали изъ Москвы и со многими помирились, а мнѣ не давано было о томъ ничего знать, что меня не только удивляло, но нѣсколько и тревожило. Обо всемъ томъ хотѣлось мнѣ распросить и распроевѣдать, Братъ Гаврила Матвѣевичъ со-

гласился съѣздить со мною въ сей разъ вмѣстѣ. Итакъ, назначили мы къ тому мая 1-е число, и туда ѣздили.

Ѣзда наша имѣла успѣхъ вождѣльной. Мы застали межевщика нашего т. Золотухина дома, съ нимъ видѣлись и обо всемъ переговорили. Удовольствіе наше было великое, когда услышалъ я, что дѣла наши находятся въ хорошемъ положеніи, и что мнѣ отъ волостныхъ нѣтъ никакой опасности.

Они открылись уже сами межевщику, что у нихъ писцовой дачи очень мало и въ писцовыхъ книгахъ есть ошибка, и потому не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, чтобъ они не помирились. Впрочемъ межевщикъ давалъ мнѣ волю отлучиться куда хочу и просилъ сдѣлать его своимъ прикащикомъ, или поручить ему свое дѣло.

Пріятно было мнѣ его къ себѣ благопріятство и я желалъ, чтобъ было оно неслестное. Я открылъ ему причину, для которой хочу ѣхать въ Москву и онъ совѣтовалъ не упускать сего случая. Итакъ, въ полномъ удовольствіи разстались мы съ нимъ и поѣхали домой.

Но сей день назначенъ былъ къ доставленію мнѣ и другого еще удовольствія. Не успѣли мы выѣхать изъ Серпухова, какъ повстрѣчались съ волостнымъ ченцовскимъ повѣреннымъ; былъ онъ уже не прежній беззубой Лобановъ, а другой изъ волостныхъ подъячихъ, именемъ Иванъ Александровъ.

Я остановилъ его, чтобъ поговорить съ нимъ о нашемъ мирѣ, и какъ обрадовался увидѣвъ, что онъ къ миру былъ очень склоненъ и хотѣлъ помириться съ нами на прежнихъ границахъ, а просилъ только прудовой берегъ и столько на немъ мѣста, сколько надобно было для положенія на немъ рубежа, на что и намъ склониться очень было можно. Коротко, мы условились уже съ нимъ, чтобъ въ послѣдующій день прислать повѣренныхъ и подать мировую сказку, и поѣхали домой съ полнымъ удовольствіемъ, лѣстясь скорымъ уже и вождѣль-

нымъ окончаніемъ сего толь долговременнаго, скучнаго и хлопотливаго дѣла.

По приѣздѣ своемъ, на другой день опечаленъ я былъ нѣсколько болѣзнію моего большого сына Степана, занемогшаго горячкою, и какъ думать надобно, отъ простуды.

Между тѣмъ продолжалъ я упражняться въ прежнихъ своихъ дѣлахъ, а особливо въ перепискѣ набѣло книги моей «О благополучіи» и спѣшилъ тѣмъ всячески, чтобъ успѣть переписать первую часть до отѣзда моего въ Москву. Однако, не такъ сдѣлалось, какъ я думалъ. Промыслу Господню угодно было призвать меня въ столицу сію гораздо прежде, нежели я думалъ, а именно:

Еще въ самую ночь подъ 3-е число мая видѣлъ я нѣкакой странной, но такой сонъ, изъ котораго могъ заключить, что въ тотъ день едвали не получу я письма какого-нибудь важнаго.

Снамъ хотя я всего меньше склоненъ былъ вѣрить, но примѣчанія достойно, что уже нѣсколько разъ сряду, въ тотъ самый день, въ которой получать мнѣ изъ Экономическаго Общества какое письмо или книгу, видалъ я особливый и странный сновидѣнія, по которымъ равно какъ предугадывалъ, что въ тотъ день, или вскорѣ, я что-нибудь, а вѣрно, получу. Такимъ точно образомъ видѣлъ я и въ сію ночь, не помню, что-то особенное, и проснувшись тогда же подумалъ: не получу ли я то письмо отъ Нартова, которое вручилъ онъ князю Гагарину.

Совѣтъ тѣмъ, день прошелъ, а присылки никакой не было, почему пересталъ я о томъ почти и думать, а передъ вечеромъ только пришло мнѣ опять все сіе на мысль, и произоиди какое чудное и удивительное происшествіе!

Во мнѣ родилась вдругъ мысль о томъ чрезъ кого-бы можно было князю переслать ко мнѣ письмо свое и Нартова. Не знакомъ-ли развѣ ему, говорилъ я себѣ, по какому-нибудь случаю Хитровъ. Не увидитъ-ли его онъ и не отдастъ-ли ему письма? И что-жъ? Не успѣлъ я получить сію мысль, какъ въ самую ту ми-

пугу сказываютъ мнѣ, что отъ Хитрова человѣкъ приѣхалъ и привезъ ко мнѣ письмо, адресованное на мое имя.

Поразился я чрезвычайнымъ удивленіемъ таковою нечаянностію и не зналъ, отъ кого-бы сіе письмо было. Но какъ увеличилось удивленіе мое, когда увидѣлъ я, что было оно отъ самого князя Гагарина, съ приложеніемъ письма Нартова. Легко можно заключить, что оба письма читалъ я съ великимъ любопытствомъ.

Князь писалъ ко мнѣ въ короткихъ терминахъ, что посылаетъ ко мнѣ письмо Нартова, что имѣетъ нужду со мною видѣться и просить, чтобъ я приѣхалъ къ нему въ Москву, прежде половины мѣсяца мая, или-бы въ исходѣ сего мѣсяца приѣхалъ прямо въ Бобрики, гдѣ онъ со мною о чемъ надобно переговорить. Напротивъ того, г. Нартовъ объяснялся уже болѣе и писалъ ко мнѣ, что князь отзывается ему, что если я соглашусь быть управителемъ, то опредѣлено будетъ мнѣ по 600 рублей жалованья, да содержаніе все государево, а сверхъ того выпросить онъ мнѣ и чинъ.

Легко можно заключить, что все сіе въ состояніи было меня встревожить и побудить спѣшить московскою своею ѣздою. Натурально, восхотѣлось мнѣ видѣться съ нимъ охотнѣе въ Москвѣ, нежели въ Бобрикахъ, почему все сіе убѣждало меня оставлять и праздникъ neprazdнованной и все, а ѣхать въ Москву.

Другъ мой г. Полонской не успѣлъ услышать о семъ, какъ убѣждалъ меня, или лучше сказать, гналъ въ Москву, и всѣ знакомые предлагали мнѣ и дома свои и кареты для услугъ, а были и такіе, которые и подольщались ко мнѣ и просили о неоставленіи ихъ, если я получу управительское мѣсто въ Бобрикахъ.

Такимъ образомъ, принужденъ я былъ согласиться оставить всѣ свои дѣла и упражненія и ѣхать въ Москву. Братъ Гаврила Матвѣевичъ, имѣя также нужду быть въ оной, согласился ѣхать

вмѣстѣ со мною и быть моимъ товарищемъ, что для меня было и пріятно.

Мы выѣхали съ нимъ изъ дома 5-го числа послѣ обѣда и спѣшили, чтобъ намъ почевать за Серпуховымъ.

Въ семь городѣ зашелъ я къ купцу и новому знакомому своему Плотникову, чтобъ промѣнять мѣдные деньги на ассигнаціи.

Избавившись отъ сего груза и выкормивъ лошадей, поѣхали мы предъ вечеромъ изъ города и успѣли приѣхать почевать въ Московку, гдѣ противъ всякаго чаянія встрѣтился я съ г-жею Щербининою, ѣдущею изъ Москвы въ деревню. Сія встрѣча принудила меня одѣваться, къ ней идти и съ нею видѣться. Разспросивъ о московскихъ обстоятельствахъ и переночевавъ тутъ, пустились мы далѣе, и продолжая путь во весь послѣдующій день, приѣхали въ Москву 7-го числа, около обѣда.

Какъ съ самаго несчастнаго времени не бывалъ я еще въ семъ столичномъ городѣ, претерпѣвшемъ толь много зла, то вѣзжая въ оной не могъ я, чтобъ не чувствовать нѣкотораго еще страха и опасенія. Многіе дома стояли еще пустыми съ разломанными между оконъ простѣлками, и зрѣлище сіе приводило еще всю душу мою въ содроганіе, несмотря, хотя уже не было никакой опасности отъ язвы.

Для стоянія предлагаемы мнѣ были многіе дома, но я рѣшился наконецъ для лучшей свободности стать на дворѣ брата Михайла Матвѣевича, доставшемся ему послѣ тестя, и послѣ былъ тѣмъ очень доволенъ, узнавъ, что сіе мѣсто было всѣхъ прочихъ ближе ко двору князя Гагарина.

Мое первое попеченіе было о томъ, чтобъ снабдить себя новымъ платьемъ, дабы недурно было показаться къ князю. Сосѣдъ и другъ мой г. Рудневъ, случившійся тогда въ Москвѣ, приѣхавъ того момента къ намъ и сотовариществовалъ намъ, какъ мы собрались идти въ ряды.

Мы искупили въ сей день все нужнѣйшее къ мундиру и экипажу и проѣхали

оттуда въ каретной рядъ и купили двѣ кареты: одну я для себя, четверомѣстную, какая для насъ въ деревнѣ была надобна, а другую купилъ братъ Гаврила Матвѣевичъ для себя, двумѣстную. Портной тотчасъ былъ сысканъ и велѣно было, чтобъ все поспѣло къ четвергу.

На утріе, т.-е. 8-го числа, чтб было ввечеру и въ самой день отданія пасхи, убравшись, поѣхали мы съ братомъ къ г. Хитрову. Съ симъ сосѣдомъ и любящимъ меня пріятелемъ хотѣлось мнѣ прежде всего видѣться и спросить, какимъ образомъ дошло ко мнѣ чрезъ него письмо княжое и не знаетъ-ли онъ чего о моемъ дѣлѣ?

Онъ радъ былъ моему приѣзду и пенялъ для чего я не у него присталъ; о письмѣ же первое его было слово. Онъ спрашивалъ, получилъ-ли я его, а я спрашивалъ, какимъ образомъ оно къ нему попало въ руки?

Тогда разсказалъ онъ мнѣ все происшествіе и я, услышавъ, дивился вновь дѣйствию Промысла Господня и напомнилъ справедливость пословицы, что когда Богъ пристанетъ, такъ и пастыря приставитъ.

Князю Гагарину, не знаю почему, знакомъ былъ бригадиръ Николай Григорьевичъ Наумовъ, пріятель и родственникъ г. Хитрова, и какимъ-то образомъ дошелъ у нихъ разговоръ обо мнѣ. Г. Наумовъ меня однажды только видѣлъ, но зналъ довольно по Хитрову и по моимъ сочиненіямъ. Онъ не преминулъ сказать князю обо мнѣ хорошее словцо и князь возложилъ на него комисію, чтобъ онъ доставилъ къ нему меня и вручилъ ему ко мнѣ письмо, а Наумовъ передалъ его Хитрову и просилъ о доставленіи его ко мнѣ, колико можно скорѣе; а у Хитрова, равно какъ нарочно, случилась въ деревню его посылка, и онъ тотчасъ съ сими ѣздоками и послалъ его ко мнѣ.

— Такимъ образомъ говорилъ г. Хитровъ — надобно г. Наумову представить меня къ князю, а самъ онъ хотѣлъ меня отвезть къ Наумову.

Радъ я былъ сему случаю и благода-

рилъ пріятеля моего за его ко мнѣ дружбу, а Бога за снисканіе мнѣ и случая къ появленію къ столь знатному челоуку.

Хитровъ не отпустилъ меня въ тотъ день безъ того, чтобъ я у него не отобѣдалъ и брался на утріе ѣхать со мною къ г. Наумову.

Итакъ, въ послѣдующій за симъ день, что случилось на самой нашъ деревенской праздникъ, Николинъ день, ѣздилъ я и къ Наумову и къ князю, и видѣлся впервые съ симъ нашимъ вельможею. Произшествіе сего достопамятнаго дня было слѣдующее.

По утру, собравшись, поѣхалъ я прежде всего къ Хитрову. Онъ только-что всталъ какъ я приѣхалъ; однако, тотчасъ одѣвшись, поѣхалъ со мною къ г. Наумову. Сей принялъ меня очень ласково и того момента одѣвшись, повезъ меня къ князю.

На дорогѣ сказывалъ онъ мнѣ, что князь хочетъ просить меня съѣздить съ нимъ въ Бобрики. Онъ хваливалъ, невѣдомо какъ, предлагаемое мнѣ мѣсто и совѣтовалъ отнюдь не отбиваться, если станутъ опредѣлять меня туда въ управители. Я слушалъ его со вниманіемъ и досадовалъ крайне, что стукъ отъ кареты, ѣдущей по мостовой, мѣшалъ мнѣ разслушивать всѣ слова г. Наумова, разговаривающаго со мною очень тихо.

Приѣхавъ въ домъ князя, нашли мы его въ саду, въ пышной и огромной галерей, занимающагося отправленіемъ въ Бобрики архитектора.

Князь принялъ меня довольно пріятно и, посадивъ, спрашивалъ, получилъ-ли я письмо отъ него и отъ Нартова? Потомъ сдѣлалъ мнѣ такое предложеніе, какого я всего меньше отъ него ожидалъ, а именно: не соглашусь-ли я съѣздить съ нимъ въ Бобрики и не возьму-ли на себя трудъ сочинить всей тамошней волости камеральное описаніе?

Симъ неожиданнымъ запросомъ онъ такъ меня смутилъ, что я не зналъ, что ему на оной отвѣтствовать; но скоро одумавшись и собравшись съ мыслями,

сказалъ, что для меня трудъ сей невеликъ и я готовъ услужить тѣмъ его сіятельству: хотя въ самомъ дѣлѣ у меня и такъ и сякъ на умѣ становиться стало.

Г. Наумовъ, посидѣвъ немного, поѣхалъ и оставилъ меня съ княземъ; а вскорѣ за симъ отправилъ князь и архитектора, сказывая ему, чтобъ онъ ѣхалъ и дожидался насъ тамъ, вскорѣ за нимъ вслѣдъ туда быть имѣющихъ. Послѣ того повелъ меня онъ въ свой прекрасной и по правиламъ Ленотра расположенной регулярной садъ, и тутъ-то начались у насъ съ нимъ разговоры.

Онъ испытывая разспрашивалъ меня о разныхъ экономическихъ матеріяхъ и, наконецъ, изъяснялся, что хочетъ онъ опредѣлить меня въ управители въ Богородицкую волость, если мнѣ тамошнее мѣсто полюбитъ и онъ узнаетъ меня короче. Сказывалъ притомъ, что тамошній управитель г. Опухтинъ просился въ отставку, и что у него человѣкъ со сто просится на его мѣсто; но ему хочется опредѣлить надежнаго и такого человѣка, которой бы ко всѣмъ экономическимъ упражненіямъ былъ охотникъ и что онъ не нашелъ уже иного средства имъ отказывать, какъ объявленіемъ, что Опухтинъ въ отставку итти не отдумалъ. А теперь подлинно и самъ онъ объ немъ въ точности не знаетъ.

Симъ хотя и успокоилъ онъ мои мысли, однако послѣднія слова оставили меня въ нѣкоторомъ недоумѣніи.

Симъ образомъ проходили и проговорили мы съ нимъ тутъ цѣлое утро, и по счастью никто намъ не помѣшалъ и, сколько можно было примѣтить и по его обращенію со мною заключать, былъ онъ мною доволенъ, ибо обходился со мною очень фамиліарно и совсѣмъ не гордо, а просто.

Наконецъ, примѣтивъ, что ему надобно было ѣхать со двора, сталъ я откланиваться. Тогда спросилъ онъ меня: долго ли я въ Москвѣ пробуду? и услышавъ, что не долѣе какъ до воскресенья, просилъ онъ меня, чтобъ я приѣхалъ къ

нему въ субботу послѣ обѣда, въ которое время онъ будетъ дома.

Симъ кончилось наше первое свиданіе съ княземъ, и я хотя узналъ, что назначаюсь я не въ другое какое мѣсто, а въ Богородицкѣ, однако остался все въ не совершенной еще достовѣрности, или лучше сказать, въ неизвѣстности самой. Требовалось только, чтобъ я ѣхалъ туда и сдѣлалъ описаніе, а впрочемъ зависть будетъ все оттого, пойдетъ ли или не пойдетъ тамошній управитель въ отставку, что все можно было толковать двоякимъ образомъ и почестъ придворною политикою.

Какъ тогда былъ уже часъ двѣнадцатой, то вздумалось мнѣ заѣхать къ старику г. Офросимову и поздравить его съ полученіемъ генеральскаго чина и повидаться съ симъ любезными и намъ очень дружественными стариками. Я засталъ ихъ съѣзжающихъ почти со двора. Они, не зная о моемъ приѣздѣ въ Москву, удивились меня увидѣвъ, были мнѣ очень рады, а услышавъ, что предлагается мнѣ богородицкое управительство, сдѣлались еще того пріятнѣе и ласковѣе. Они просили и молили Бога, чтобъ сіе совершилось и желали мнѣ тысячу благополучій.

Причиною тому было, что нѣкоторыя деревни ихъ лежали въ самомъ сосѣдствѣ съ Бобриковскою волостью, и что я могу быть имъ полезенъ по деревнямъ онымъ. Впрочемъ сожалѣли они, что необходимость заставляла ихъ ѣхать со двора и что они не могутъ угостить меня обѣдомъ. Такимъ образомъ, проводивъ ихъ со двора, поѣхалъ я домой обѣдать, и какъ послѣ обѣда нечего было дѣлать, то согласились мы съ братомъ ѣхать гулять въ Головинской дворцовой садъ, въ которомъ въ тотъ день было публичное гулянье. Въ семъ садѣ давно уже мнѣ хотѣлось быть, а сверхъ того не бывалъ я никогда на гуляньѣ московскомъ и мнѣ хотѣлось и оное видѣть.

Мы отправились туда и не зная времени, въ которое съѣзжаются, приѣхали еще очень рано и такъ, что карета наша

была еще первая. Итакъ, имѣли мы довольно свободнаго времени выходить весь садъ и осмотрѣть все мѣста въ ономъ находящіеся. Мы исходили его вдоль и поперекъ и не оставили, такъ сказать, ни одного закоулочка. Многія вещи въ немъ мнѣ весьма полюбилися, а особливо еловые высокія шпалеры и стриженные большія и малыя пирамидки.

Наилучшимъ изъ всехъ мѣстъ была средняя дорога въ саду, а не менѣе прельщали меня и стриженные липы, пруды и сажелки, которыхъ находилось въ немъ множество.

Я не могъ всѣми сими новыми для меня предметами довольно налюбоваться и, по охотѣ своей къ садамъ, не скучалъ и два и три раза побывать въ одномъ мѣстѣ.

Между тѣмъ настало время сѣзда, и тогда въ одинъ почти мигъ наполнился онъ множествомъ народа. И какое видимо было тутъ великолѣпіе, какое убранство, какое щегольство и какое множество дамъ и госпожъ благородныхъ! Всѣ аллеи сдѣлались ими наполнены и можно было тутъ всю Москву разомъ видѣть. Я любовался, дивился и смѣялся нашимъ обыкновеніямъ, и все сіе было для меня новымъ и утѣшнымъ зрѣлищемъ.

Наконецъ сталъ приближаться вечеръ и я принужденъ былъ спѣшить возвращеніемъ на квартиру, которая отъ сего мѣста удалена была верстъ на семь, ибо домъ братниинъ былъ на Козьемъ-болотѣ.

Мы поѣхали; но сколько я дивился всему въ саду, но выѣхавъ, долженъ былъ удивляться еще больше; ибо хотя и безъ того было уже въ саду превеликое множество народа, но во всю дорогу встрѣчалось еще съ нами безчисленное множество каретъ, туда ѣдущихъ. Казалось, что вся Москва поднялась тогда въ Головинской садъ и я всего меньше надѣялся найти тутъ такое великое множество благородныхъ, какое я въ сей день въ семъ столичномъ городѣ видѣлъ и какого я до того никогда не имѣлъ еще случая въ одномъ мѣстѣ видѣть.

Послѣдующій за симъ день опредѣлили мы весь препроводить въ рядахъ и искупать себѣ что было надобно, или лучше сказать платить Москвѣ пошлину. Мы поѣхали съ самаго утра въ оныя и занялись покупками, такъ что и обѣдали въ трактирѣ.

Между тѣмъ искали уже меня отъ г. Офросимова звать къ нему обѣдать; но мы тогда уже отоѣдали какъ насъ нашли. Совсѣмъ тѣмъ за долгъ я себѣ почелъ у него побывать и потому, возвратившись ранѣе, нежели думалъ, на квартиру, поѣхалъ я къ нимъ и нашелъ старика въ саду въ бесѣдѣ.

Въ сіе внешнее и наилучшее въ году время у всѣхъ московскихъ жителей наилучшее было пребываніе въ садахъ. Итакъ, все оставшее время проводилъ я у сего любезнаго и почтеннаго старика въ непрерывныхъ разныхъ и важныхъ съ нимъ разговорахъ и спознакомился тогда съ большимъ его сыномъ, Михаиломъ Аеанасьевичемъ.

Въ семъ домѣ видѣлъ я три новыя и до того мною невиданныя вещи, а именно: новомодную карету съ круглыми стеклами, американской хлѣбъ, подобной ячменю и горизонтальные часы новаго изобрѣтенія, стоющіе 270 рублей.

Въ субботу, т.-е. 11-го числа былъ тотъ день, которой назначенъ мнѣ отъ князя быть у него послѣ обѣда; почему, сѣздивъ поутру въ ряды и купивъ еще что было надобно и между прочимъ еще себѣ маленькую карету для легкой ѣзды, поѣхалъ я послѣ обѣда къ сему знатному вельможѣ. Но мнѣ сказали, что онъ не возвратился еще изъ своей подмосковной, а будетъ развѣ къ вечеру.

Тогда не зная я куда мнѣ ѣхать и, подумавъ, расположился побывать у стараго моего знакома и кѣнигсбергскаго товарища Якова Демидовича Дьяконова, о которомъ зная я, что онъ находился тогда въ Москвѣ.

Сей человѣкъ, коего дворъ насилу я могъ отыскать, былъ мнѣ чрезвычайно радъ. Я увидѣлся съ нимъ, какъ съ роднымъ и узналъ отъ него о судьбѣ всѣхъ

прочихъ моихъ кѣнигсбергскихъ знакомцовъ, друзей и товарищахъ, и порадовался услышать, что всѣ, находящіеся изъ нихъ въ Москвѣ, меня еще не позабыли и заочно все еще любили.

Онъ сказалъ мнѣ, гдѣ ихъ можно было и найти, и я, просидѣвъ у него цѣлый день и переговоривъ обо всемъ, распрощался и поѣхалъ опять къ князю; но какъ и тогда еще его не было дома, то рѣшился я ѣхать искать доктора Вельяминова, одного изъ помннутыхъ знакомцовъ; но по несчастію и того не засталъ дома. Итакъ, проѣздивъ я весь день по пустому.

На утрѣ, т.-е. 12-го мая положилъ я ѣхать къ князю Гагарину уже поутру, не сомнѣваясь, что найду его непременно дома. Онъ и подлинно былъ, но въ то время еще спалъ, какъ я приѣхалъ. Почему рѣшился я тѣми праздными минутами покуда онъ встанетъ, воспользоваться и заѣхать къ помннутому доктору, недалеко отъ него жившему.

Петръ Дмитріевичъ, такъ назывался сей мой старинной знакомецъ, былъ мнѣ очень радъ. Я оставилъ его въ Кѣнигсбергѣ еще студентомъ, учившимся въ тамошнемъ университетѣ медицинѣ, и дивился, какъ много онъ съ того времени раздородничалъ и какъ разбогатѣлъ. Онъ имѣлъ уже порядочной домъ, жилъ какъ надобно и сдѣлался уже ученымъ человекомъ.

Я нашелъ у него то, чего никакъ не ожидалъ, а именно: драгоценное собраніе раковинъ или кокилій. Зрѣлище сіе было для меня новое и наипріятнѣйшее въ свѣтѣ. Я, взирая на толь великую многоразличность и чудное устройство оныхъ, не могъ утерпѣть, чтобъ не воскликнуть: «Великій Боже! коль чудны дѣла твои и коль премудро твореніе рукъ твоихъ!»

Также видѣлъ я тутъ окаменелой грибъ, представляющій настоящую большую сыроѣжку. Но досадно было мнѣ, что минуты были коротки и я не могъ долго любоваться симъ плѣняющимъ зрѣлищемъ, также взглянуть на его боль-

шой гербаріумъ или травникъ, которой мнѣ показать онъ собирался.

Человѣкъ, посланной къ князю, уже возвратился съ извѣстіемъ, что онъ всталъ. Почему надлежало мнѣ къ нему поспѣшать, дабы кто-нибудь не помѣшалъ намъ съ нимъ говорить о нашемъ дѣлѣ.

Итакъ, я, распрощавшись съ моимъ знакомцомъ и поѣхалъ, не воображая себѣ нimalo, что я тогда разставался съ нимъ на вѣки; ибо вскорѣ послѣ того узналъ я, что онъ кончилъ жизнь свою.

Князь принялъ меня какъ уже знакомаго человѣка и довольно ласково. Я нашелъ его въ саду, гдѣ, несмотря на всю случившуюся тогда стужу, онъ гулялъ. Онъ повелъ меня опять по саду, показывалъ все, что ни имѣлъ въ ономъ такъ, какъ знающему во всемъ силу эконому. Но стужа насъ скоро прогнала въ палаты.

Тогда впервые еще я былъ у него въ оныхъ. Онѣ были княжескіе и непостыдныя и все соотвѣтствовало въ нихъ знатному его достоинству и богатству. Мы продолжали тутъ прежніе свои разговоры и по счастью находились опять двое и никто намъ не мѣшалъ.

Онъ показывалъ иностранныя сѣмена травъ и дарилъ меня нѣсколькими изъ оныхъ. А мнѣ удалось прельстить его разсказываніемъ о новой моей экономіи съ хмѣлемъ и довести до того, что онъ просилъ меня сильно о запискѣ и рисункѣ, какъ дѣлать изъ него бесѣдки. Однимъ словомъ, мы ознакомились съ нимъ уже гораздо и обходились просто, такъ что я имъ былъ очень доволенъ.

Въ разсужденіе моего опредѣленія поворено было мало, а только твержено, чтобъ мнѣ туда ѣхать и поспѣть къ 20-му числу тогдашняго-жъ мѣсяца. Наконецъ хотѣлось мнѣ еще сколько-нибудь вывѣдать и для того вздумалъ я, прощаясь съ нимъ, спросить его, долго-ли онъ меня тамъ продержитъ?

Тогда видно было, что онъ сего вопроса не ожидалъ и потому смутясь отвѣтствовалъ мнѣ, что это состоять будетъ въ моей волѣ: дней пять или шесть, гово-

рилъ онъ; но тотчасъ запнувшись повторилъ: «Да что о томъ говорить!—то-то тамъ узнаемъ пойдетъ ли Опухтинъ въ отставку, и тогда я вамъ уже и скажу».

Съ симъ разстался я тогда съ княземъ, оставшись опять въ неизвѣстности; но правду сказать, дальнѣйшаго изъясненія и требовать отъ него было не можно. Я доволенъ былъ и тѣмъ и положилъ къ 20-му числу поспѣшить въ Бобрики.

Возвратясь на квартиру и пообѣдавъ, принялся я за письмо. Не было еще отъ меня отвѣтствовано г. Нартову на оба его послѣднія письма. Я медлил для того, чтобъ увѣдомить его вкупѣ и о послѣдствіяхъ и успѣхѣхъ его рекомендаціи, почему привезъ съ собою и всѣ окаменѣлости, чтобъ отправить къ нему изъ Москвы по почтѣ.

Я написалъ къ нему длинное письмо, благодарилъ его за письма и книжку, увѣдомлялъ о посланныхъ каменьяхъ, описывалъ цѣлебную силу бисернаго камня, котораго нѣсколько штукъ также къ нему послалъ и наконецъ увѣдомлялъ о произшествіяхъ, бывшихъ у меня съ княземъ и кончилъ препорученіемъ себя въ дальнѣйшее его благопріятство.

Что-жъ касается до каменьевъ, то послалъ я къ нему всѣ лучшенькіе, какіе у меня были, какъ кремневые проросли, такъ и прочіе, и наклеилъ ими ящичъ въ цѣлой пудъ вѣсомъ.

Какъ время мнѣ еще осталось, то вздумалъ я и другое дѣло сдѣлать, а именно, написать краткую записку о хмѣлеводствѣ, желаемую княземъ и доказать ему тѣмъ мое усердіе и готовность къ услугамъ, и успѣлъ начертать вчернѣ въ тотъ-же еще вечеръ.

По утру на другой день прежде всего принялся я за переписку набѣло моей записки; я присовокупилъ къ ней на особомъ листѣ рисунки столь хорошіе, сколько могъ безъ циркуля и линейки, а однимъ перомъ начертить ихъ вскорости.

Сію записку разсудилъ я послать съ человѣкомъ, а самъ пошелъ въ ряды покупать послѣднія покупки, потомъ отослалъ письмо на почту, а послѣ обѣда

приложеніе къ «русской старинѣ» 1872 г.

ѣздилъ къ Хитрову благодарить, но не засталъ дома.

Между тѣмъ дожидались мы изъ деревни лошадей для своей кареты, но какъ ихъ еще не было, а намъ надлежало поспѣшать, то въ прибавокъ къ своимъ наняли мы еще пару лошадей и успѣли еще въ тотъ же день изъ Москвы передъ вечеромъ выѣхать.

Симъ окончу я мое письмо, превозшедшее уже свои предѣлы и пожелавъ вамъ всего добраго, скажу, что я есмь и прочая.

(Декабря 9 дня 1808 года).

Письмо 159-е.

Любезный пріятель. Такимъ образомъ, кончивъ свои дѣла, отправились мы изъ Москвы и поѣхали опять въ свое жилище съ превеликимъ обозомъ; ибо вмѣсто прежнихъ трехъ повозокъ было съ нами три кареты, коляска и двѣ кибитки, такъ что весь нашъ кортежъ походилъ съ наружнаго вида на княжеской, а въ самомъ дѣлѣ былъ очень смѣшной. Всѣ наши кареты и коляски запряжены были попарно и на всѣхъ ихъ сидѣли только кучера, а лакеевъ позади ихъ былъ только одинъ одинѣхонекъ. По счастію стояла тогда сухая погода и ѣхать было намъ хорошо.

Подробнымъ описаніемъ сего нашего кратковременнаго путешествія не хочу васъ никакъ обременять, а скажу только, что никогда въ дорогѣ не чувствовалъ я столько удовольствія, какъ въ сей разъ; однако не думайте, чтобъ производило оное свиданіе и переговоры съ княземъ и лестныя какія-либо надежды. О, нѣтъ! Радоваться слишкомъ мнѣ не было еще причины, а удовольствіе доставляла мнѣ купленная мною въ сей разъ въ Москвѣ новая книга, славная поэма господина Битобе «Іосифъ».

Сію-то книгу читалъ я лежучи спокойно на перинахъ въ большой новокупленной своей каретѣ; и какъ вся она наполнена трогательными сценами, то по чувствительности своей не могъ я читать ее не

утирая множество разъ текущихъ изъ глазъ моихъ слезъ, душевнымъ удовольствіемъ производимыхъ.

Мы провели въ семъ пути не болѣе полутора сутокъ и приѣхали 15-го числа мая около полдень благополучно въ свое любезное Дворяниново. Тутъ, какъ легко можно заключить, всѣ домашнія мои ожидали меня съ великимъ нетерпѣніемъ и встрѣчая насъ, думали услышать отъ насъ цѣлыя горы вѣстей радостныхъ. Но узнавъ все, принуждены были и онѣ также умѣрить свои лестныя надежды и вооружиться терпѣніемъ, въ ожиданіи что произойдетъ отъ моей дальнѣйшей ѣзды въ Бобринки.

Я засталъ у себя дѣтей не очень здоровыхъ. Сынъ мой Степанъ, котораго я оставилъ больнымъ въ горячкѣ, выздоровѣлъ; напротивъ того дочь лежала въ сильной сыпи, а маленькой сынъ мой Павелъ былъ при смерти почти болѣе жестокимъ кашлемъ. Самый племянникъ мой былъ также нездоровъ и лежалъ сыпью болѣе.

Но меня все сіе не весьма перетревожило. Предавъ однажды всю жизнь свою и всѣ обстоятельства до ней относящіяся въ полную волю, покровительство и распоряженіе моему Богу, могъ я очень способно сохранить душевное спокойствіе, въ надеждѣ и упованіи на его покровительство и въ удостовѣреніи, что онъ ничему безъ святыхъ своихъ причинъ произойти не попуститъ.

Поелику мнѣ, въ разсужденіи приближающагося уже срока, назначеннаго къ приѣзду въ Бобринки, никакъ не можно было пробывать долго дома, ибо оставалось всего только пять дней; то, судя, что доведется мнѣ пробывать въ домѣ не болѣе дней двухъ или трехъ, спѣшилъ я дѣлать въ домѣ всѣ нужныя и распоряженія и приказанія на случай моей вторичной отлучки отъ дома, и думалъ воспользоваться къ тому тѣми остающимися немногими днями; но не то вышло, что я думалъ, а мнѣ предназначено было сдѣлать еще одно дѣло, отъ котораго могли произтечь небезважныя слѣдствія.

Еще въ самой тотъ же день присланъ былъ человѣкъ отъ г-жи Щербининой съ просьбою, чтобъ приѣхать намъ къ ней на утріе обѣдать, и мнѣ какъ ни было недосужно, но не можно было ей въ томъ никакъ отказать. Итакъ, ѣздили мы къ ней и употребили цѣлой день на ѣзду сію и нашли у ней опять немалое собраніе.

У г-жи Щербининой былъ тогда зять ея, г. Наумовъ, съ дочерью и братомъ, и еще нѣкто молодой человѣкъ Коробинъ. Былъ также тутъ и сынъ ея, Андрей Евдокимовичъ, бывшій мнѣ отчасти знакомымъ. А изъ госпожъ была наша родственница, г-жа Арцыбышева изъ Лущковъ и г-жа Ладыженская.

Съ помянутыми мужчинами скоро у насъ рѣчь зашла о наукахъ. Всѣ они случились быть люди ученые или полуученые, или такіе, которые въ состояніи были говорить о наукахъ. Они окружили меня и невѣдомо какъ любопытствовали узнать обо всемъ мои мнѣнія.

Всѣ они заражены были волтеризмомъ и Вольфіанскою философіею, которой пагубныя слѣдствія видѣлъ я паки въ примѣръ сына г-жи Щербининой, впадшаго въ глубочайшую ипохондрію, и произошло сіе по милости французскихъ учителей и воспитателей.

Сей достойной молодой человѣкъ былъ мнѣ крайне жалокъ. Я сожалѣлъ объ немъ какъ объ родномъ братѣ и увидѣвъ причину его несчастія, вздумалъ испытать, не могу ли я вывести его изъ прежнихъ мыслей.

По случаю упомянулъ я о новой Крузіанской философіи и приписывалъ ей похвалы, какой она была достойна. Они всѣ и не слыхивали объ ней и были чрезвычайно любопытны узнать оную. Г. Коробинъ только презиралъ ее, будучи слишкомъ прилѣпленъ къ волтеріанизму. Напротивъ того, г. Наумовъ былъ снисходительнѣе и всѣхъ лучше.

Мы много и долго съ ними говорили; наконецъ, несмотря на все, удалось мнѣ г. Щербинина такъ заохотить, что при отъѣздѣ просилъ онъ меня неотступно

прислать къ нему философію сію на по-
смотрѣніе.

Не менѣе удалось мнѣ прельстить и
зятя г-жи Щербининой выдумкою своею
о раздѣленіи земли на семь полей. Сей
принудилъ меня обѣщать прислать къ нему
экономическія книги, въ которыхъ сочи-
неніе мое о томъ было напечатано. Итакъ,
разстались мы, сдѣлавшись довольно зна-
комыми.

По утру на другой день почелъ я за
долгъ сдержать свое обѣщаніе и послать
къ г. Щербинину на показъ весь фило-
софическій курсъ г. Крузія.

Но тѣмъ однимъ я не удовольствовался;
но какъ примѣтилъ въ немъ великое же-
ланіе узнать, какимъ образомъ можно
намъ преодолѣвать свои страсти, что было
лучшайшимъ пунктомъ новой философіи,
и что самое убѣдило его просить меня о
присылкѣ философіи, то пришло мнѣ въ
голову, что философія поможетъ ему мало
по причинѣ, что была слишкомъ высока
и тонка и ему, не учась оной и не ра-
зумѣя въ тонкость нѣмецкаго ученаго
языка, понять ее никакъ будетъ не можно;
то вздумалъ я, ровно какъ чѣмъ побуж-
денъ будучи, послать къ нему вновь со-
чиненную мною книгу «О благополучіи
человѣческомъ», сколько ее тогда было
переписано.

Зналъ я, что она тѣмъ господамъ, а
можетъ быть и ему не покажется по при-
чинѣ противныхъ ихъ системъ мыслей,
однако отважился сіе сдѣлать въ надеждѣ,
что можетъ быть Всевышній тронетъ сер-
дце сего погибающаго человѣка и книга
моя приведетъ его на лучшія мысли.

Правда, я могъ опасаться, чтобъ не
подняли они меня и философію мою на
смѣхъ; однако разсуждая, что воля Бога
моего и ему угодное дѣло важнѣе ихъ
насмѣшекъ, не раздумалъ сего сдѣлать.
Зятя-же г-жи Щербининой удоволь-
ствовалъ я также посланіемъ экономиче-
ской своей книги. И желаніе ихъ полу-
чить сіи книги было такъ велико, что въ
то время какъ я писалъ уже къ Щер-
бинину письмо, явился отъ нихъ чело-

вѣкъ съ просьбою о выполненіи моего
обѣщанія.

Не успѣлъ я помянутымъ образомъ кни-
ги мои отправить въ Якино и, побѣ-
жавши въ садъ, посѣять сѣмена, полу-
ченныя отъ князя, какъ приѣхалъ къ намъ
родной дядя жены моей, г. Каверинъ,
случившійся тогда быть въ своей здѣш-
ней деревнѣ.

Приѣздъ его произвелъ мнѣ новое по-
мѣшательство въ дѣлахъ и распоряже-
ніяхъ домашнихъ; однако я ему былъ радъ
и угостивъ его обѣдомъ, водилъ его по
садамъ своимъ и по всей усадьбѣ, и утѣ-
шилъ всеми новыми своими выдумками,
а особливо хмѣлевыми затѣями и игруш-
ками, которыми былъ онъ чрезвычайно
доволенъ и расхвалилъ оныя впрахъ. Ка-
мушекъ мой и открывшіяся отъ него дру-
гія полезности также его прельстили и по-
будили выпросить себѣ значокъ онаго для
присканія ему подобныхъ.

Онъ пробылъ у насъ весь почти сей день,
а какъ на утріе надлежало уже мнѣ от-
правляться въ свой путь, то я и сего дня
почти вовсе не видалъ.

Итакъ, 18-е число мая былъ тотъ день,
въ которой отправился я изъ дома своего
въ Бобриковскую волость узнавать, такъ
сказать, свою судьбину, или искать счастія.

Какъ въ самой тотъ же день надлежало
домашнимъ моимъ ѣхать въ Калединку,
то согласился я имъ сотовариществовать
и заѣхать къ теткѣ.

Мы приѣхали къ ней къ обѣду, а послѣ
онаго я хотя и хотѣлъ продолжать свой
путь, но меня уговорили остаться у нихъ
ночевать.

Но на другой день поутру, отслушавши
завтреню и распрощавшись со всеми род-
ными своими, желавшими мнѣ всякаго
блага, отправился я въ путь.

На дорогѣ повстрѣчался я съ сестрою
теткиною, г-жею Крюковою, а потомъ
съ пріятелемъ моимъ, г. Товаровымъ.
Они, узнавъ обовсемъ, благословляли пу-
тешествіе мое и желали мнѣ возможнѣй-
шаго успѣха.

Выѣхалъ я изъ Калединки такъ рано,
что успѣлъ еще приѣхать кормить лоша-

дей въ Тулу, а ночевать въ село Куракино. Въ Тулѣ случилось мнѣ въ сей разъ видѣть мѣщанское гульбище и довольно изрядное, ибо какъ былъ тогда самой Троицынъ день, то превеликое множество людей обоого пола въ лучшихъ нарядахъ собралось на берегъ обширнаго пруда въ Чулковой слободѣ и разгуливали въ рощицѣ. Тамъ поставлено было множество палатокъ и мнѣ сказывали, что гульбище бываетъ въ сей день весьма многонародное; только я не могъ безъ досады смотрѣть на вымазанныя уже слишкомъ много и размалеванныя румянами лица и испакоченныя тѣмъ изрядныя рожицы.

Переночевавъ въ селѣ Куракинѣ и вставъ до свѣта, приѣхали мы въ послѣдующій день кормить лошадей въ большое и регулярно построенное село Каменку, принадлежащее уже къ Бобриковской волости. Не могу изобразить, съ какимъ чувствомъ въѣзжалъ я въ предѣлы сей волости. Неизвѣстность, буду-ли я или не буду въ сихъ славныхъ волостяхъ управителемъ и увеличу-ли въ нихъ свое благополучіе или потеряю то, которымъ до того наслаждался, было причиною тому. Однако я предавалъ все на власть моего Творца и Бога, пекущагося обо мнѣ во всѣ дни живота моего и надѣялся несомнѣнно, что онъ меня не оставитъ и сдѣлаетъ то, что для меня лучше и ему будетъ угоднѣе.

Остановившись въ Каменкѣ, употребилъ я небольшую политику и не велѣлъ сказывать людямъ о себѣ кто я таковъ и куда ѣду, а самъ старался кое-чемъ мужиковъ повыспросить. Однако важнаго ничего узнать не могъ.

О князѣ сказали мнѣ, что онъ еще не приѣзжалъ въ Бобрики. Итакъ, отдохнувъ тутъ немного, проѣхалъ я прямо въ свою епифанскую деревнишку, верстъ за 12 оттуда отстоявшую, въ намѣреніи дожидаться тамъ прибытія княжова.

Не успѣлъ я въ помянутую деревню приѣхать, какъ слухъ о причинѣ приѣзда моего разнесся тотчасъ по всему тамошнему сосѣдству и многіе изъ крестьянъ, принадлежащихъ брату моему и теткѣ,

г-жѣ Арсеньевой, также и изъ сосѣдственной деревни Арсеньевой начали приходить ко мнѣ и изъявлять радость свою и желаніе, чтобъ былъ я управителемъ, и ничего еще не видѣвъ, приносили ко мнѣ приносы, иной блюдо меду, иной курицу, иной блюдо яицъ.

—«Государи мои! говорилъ я имъ, удивившись:—что это вы затѣяли, я еще не управитель и не знаю еще буду-ли я имъ, или нѣтъ, и что могу я вамъ сдѣлать?»

— Нѣтъ, ничего, государь! говорили они; а только просимъ насъ не оставить, когда ты будешь онимъ.

Всему тому я смѣялся и былъ доволенъ ихъ усердіемъ, думая, что сія встрѣча была недурна для меня.

Ночевавъ въ деревнѣ своей, поутру на другой день отправилъ я челоуѣка въ Бобрики провѣдать о приѣздѣ князя и чтобъ наказать о присылкѣ ко мнѣ, когда онъ приѣдетъ. А самъ, принявшись за перо, сталъ между тѣмъ дѣлать проектъ описанію волостей и препроводилъ въ томъ все утро.

Посланной возвратясь привезъ извѣстіе, что князь еще не бывалъ, но что его ждуть съ часу на часъ. Итакъ, принужденъ я былъ расположиться жить и дожидаться его въ своей деревнѣ.

Весь день прошелъ, а присылки не было. Наконецъ насталъ и другой день; однако не присылали.

«Что за диковинка, что князь не ѣдетъ такъ долго?» думалъ я, и послѣ обѣда рѣшился послать опять туда нарочнаго; ибо хотя и общали прислать ко мнѣ съ извѣстіемъ, но какъ не присылали, то боялся я, чтобъ не вышли тутъ какія-нибудь плутни и бездѣльничества отъ тамошнихъ начальниковъ.

Между тѣмъ продолжалъ я жить въ черной, дымной и жаркой избѣ, наполненной милліонами мухъ. Таковая жизнь хотя бы и могла мнѣ скоро наскучить, но привычка къ упражненіямъ не допустила меня чувствовать и малѣйшей скуки. Я запасся книгами, бумагою и чернилами и было въ чемъ хотя бы цѣлой мѣсяцъ упражняться. Итакъ, занималъ я

себя литературою, и то почитаюсь книгъ, то напишусь, отвѣдывая, не можно-ли чего-нибудь напередъ заготовить, или по крайней мѣрѣ расположиться, какимъ образомъ и чѣмъ начать описаніе волостямъ и какой сдѣлать къ тому приступъ.

Но не успѣлъ я сего начать, какъ скоро оказалась сущая къ тому еще невозможность, ибо я не имѣлъ о волостяхъ сихъ ни малѣйшаго еще понятія и никакого еще свѣдѣнія, и мнѣ нужно еще было получить оное и выправиться обо всѣхъ принадлежностяхъ.

Итакъ, оставивъ сіе и находя пріятнѣйшее упражненіе въ письмѣ, принялся за другое и началъ писать четвертую часть экономическихъ своихъ записокъ подъ титуломъ «Плоды празднаго времени», которыхъ первыя три части переплели мнѣ въ послѣднюю мою въ Москвѣ бытность прекрасно и такъ, что красота самого сего переплета возбуждала во мнѣ желаніе продолжать сію книгу и тѣмъ паче, что первыя три части многимъ полюбили. И какъ взяты были со мною всѣ нужныя къ тому записки, то въ немногіе часы и написалъ я три нумера.

Между тѣмъ возвратился и посланной изъ Бобрикъ, съ извѣстіемъ, что князь еще не бывалъ, но что ждутъ приѣзда его съ часу на часъ, потому что прислалъ онъ уже солдата сказать о себѣ, что онъ въ тотъ день будетъ, и что солдатъ поѣхалъ уже за Опухтинымъ. Обрадовался я, сіе услышавъ и за вѣрное полагалъ, что въ послѣдующій день быть мнѣ въ Бобрикахъ.

Несмотря на то, вздумалъ я нарядить съ вечера человѣка и приказалъ въ послѣдующій день со свѣтомъ вдругъ ѣхать и провѣдѣть о князѣ. Самъ же, вставъ поутру, началъ совсѣмъ собираться и дожидался только посланнаго. Но посланной возвратившись сказалъ, что князь все еще не бывалъ и что Опухтинъ, приѣзжавшій туда ночью, опять поѣхалъ назадъ въ Богородицкѣ.

Удивился я этому чрезвычайно; но не-

чего было дѣлать, принужденъ былъ опять осытѣться, вооружиться терпѣніемъ и дожидаться присылки, которую вѣрно обѣщали.

Итакъ, принялся я опять за прежнія упражненія и написалъ еще нѣсколько статей въ свою книгу. Наконецъ насталъ обѣдъ, но присылки все еще не было. Что дѣлать? уже мнѣ и скучновато стало становиться. «Будетъ-ли, не будетъ дѣло, — думаю и говорю я самъ себѣ, — а я проживаю здѣсь по пустому времени». Что касается до людей моихъ, то имъ, привыкшимъ также ко всегдашнему упражненію, было уже и очень скучно. Они помогали уже навозъ возить и накладывать мужикамъ и я дивился, какъ привычка можетъ сдѣлаться ко всему: привыкнувъ работать, они уже и скучали, бывъ безъ всякаго дѣла.

По счастію день и погода случилась очень хорошая и такая, что въ избѣ сидѣть очень скучно. Но куда итти и что дѣлать?

Поехалъ ходить на рѣку, пошелъ въ садъ моего мужика — тамъ полежалъ, индѣ посидѣлъ... нѣтъ, скучно безъ дѣла. Поехалъ учить хозяина какъ хмѣль разводить; а потомъ на поле смотрѣть хлѣбовъ и дѣлать опыты унавоживанія земли пепломъ изъ овинновъ. Велѣлъ два воза при себѣ вывезть и разметать по землѣ подъ рожь и подъ гречиху.

Оттуда прошелъ смотрѣть каменье, о которыхъ мнѣ сказывали, что есть въ вершинѣ превеликіе и мнѣ хотѣлось видѣть, не годны-ли они будутъ къ Бобриковскому строенію дворца на крыльцы. Въ сихъ разгуливаньяхъ проводилъ я все послѣпоуденное время, и возвратясь на квартиру, испытывалъ натуру тѣхъ каменьевъ спиртами, кои со мною были и которыми дѣлалъ я тутошнимъ землямъ и глинамъ неоднократные опыты; и тѣмъ кончилъ сей день, но о князѣ не было еще никакого слуха.

Наконецъ поутру въ слѣдующій день, что было уже 24 мая, еще до вставанія моего приѣзжалъ изъ Бобриковъ мужикъ съ извѣстіемъ, что князь приѣхалъ и

уже ночью. Итакъ, убравшись, поѣхалъ я наконецъ въ славное село Бобрики, оставивъ багажъ у себя въ деревнѣ.

Приѣхавъ въ Бобрики, засталъ я князя, слушающаго молебень при закладываніи тамошняго огромнаго дворца. Онъ принялъ меня довольно ласково и просилъ, чтобъ присутствовалъ я съ нимъ при закладкѣ дворца. Господинъ Опухтинъ находился уже тутъ и такъ, какъ управитель, дѣлалъ всѣ нужныя распоряженія.

По совершеніи водосвятія пошли мы закладывать дворецъ. Для князя выѣченъ былъ особой камень, съ надписью года, и онъ положилъ его, обмазавъ принесенною ему на блюдѣ известью. Мы всѣ архитекторомъ прошены были послѣдовать его примѣру и каждой изъ насъ принужденъ былъ положить камень и, взявъ лопаточкою известь, бросить на оной и потомъ три раза ударить молоткомъ о камень.

Какъ вышли мы изъ рвовъ, то приносимы были князю поздравленія, и каменщики и народъ прокричали три раза «ура». Послѣ того пригласилъ насъ князь въ поставленной предъ квартирою его шатеръ, гдѣ подчивалъ водкою, вишневою и масломъ отъ голландскихъ, содержимыхъ тутъ коровъ.

Въ сіе время приѣхалъ къ намъ нѣкто изъ тутошнихъ сосѣдственныхъ дворянъ г. Кирѣевскій, отставной майоръ и ему незнакомой челоѣкъ.

Во все время до обѣда упражнялись мы въ разныхъ разговорахъ и ходили около тѣхъ мѣстъ, гдѣ быть строенію. Потомъ угощалъ насъ всѣхъ князь обѣдомъ въ томъ небольшомъ деревянномъ домикѣ, которой построенъ былъ тутъ на горѣ для жительства тутошнему управителю и архитектору, и гдѣ тогда расположился и самъ князь квартировать, а послѣ обѣда пошли мы опять прохаживаться.

Между тѣмъ примѣчалъ я всѣ поступки г-на Опухтина, дабы усмотрѣть изъ нихъ что-нибудь, могущее объяснить мнѣ, что со мною воспослѣдуетъ, и находилъ,

что ни мало еще не нахло его перемѣною.

Онъ былъ челоѣкъ расторопной и должность свою прямо отправляющій, такъ что князь былъ имъ не иначе какъ доволенъ, а притомъ казался онъ въ наиспокойнѣйшемъ состояніи духа. Со мною, какъ съ незнакомымъ себѣ челоѣкомъ, обходился онъ очень холодно и не удостоивалъ меня ни единымъ почти словомъ. Изъ всего сего не предвѣщалъ я себѣ ничего хорошаго и смотря на все сіе не весьма съ спокойнымъ духомъ, навѣрное почти заключалъ, что изъ дѣла моего ничего не выйдетъ. Однако хотѣлось мнѣ слышать, что князь говорить станетъ.

Между тѣмъ однако досадно было мнѣ, что лошади мои весь день стояли безъ корма. Князь съ десять разъ мимо ихъ прошелъ, но и не помыслилъ о томъ, чтобъ велѣть мнѣ отвезти квартиру и приказать дать лошадямъ моимъ корму, и сіе не зналъ я чему приписывать.

Князь обходился впрочемъ со мною очень ласково и благопріятно, совѣтовался обо всемъ со мною, обращался и говорилъ фамиліарно, но о дѣлѣ нашемъ не упоминаемо было ни единымъ словомъ.

Послѣ обѣда звалъ онъ меня ѣхать съ нимъ прогуливаться, и кое-что осматривать, а между тѣмъ, найдя удобной случай, шепнулъ мнѣ, что онъ съ Опухтинымъ еще не говорилъ, а говорить будетъ и мнѣ скажетъ. «Хорошо!—думаю я самъ въ себѣ; но по всему вижу, что ничему не бывать и что я проѣздить попустому».

Какъ жаръ понемногу посвалилъ, то поѣхали мы всѣ прогуливаться на ливнейкъ Опухтина. Сперва ѣздили мы осматривать гдѣ ломали каменья, а потомъ проѣхали на славное Ивань-озеро.

Тутъ не могъ я довольно надивиться, что сіе толь во всемъ свѣтѣ славное Ивань-озеро составляло не иное что, какъ маленькую лужу или прудокъ съ десятину пространствомъ; но дѣланные во времена Петра Великаго изъ онаго въ обѣ стороны каналы и каменные шлю-

зы, дѣлали его уже примѣчанія достойнымъ. Я не могъ зрѣніемъ на сію древность довольно налюбоваться и для меня прогулка сія была очень весела.

Возвратившись въ Бобрики, отстоящіе отъ Иванъ-озера версты съ десять, собирались итти опять гулять и ловить рыбу въ прудѣ, выкопанномъ на горѣ, а лошади мои все-таки стояли невыпряженные и безъ корма.

Сіе привело меня въ недоумѣніе. Я не зналъ тутъ-ли мнѣ ночевать, или ѣхать назадъ въ свою деревню и ходить уже гулять въ мысляхъ, оставляя князя разговаривать съ Опухтинымъ о будущихъ учрежденіяхъ, съ которымъ онъ такъ говорилъ, какъ съ имѣющимъ быть еще долгое время управителемъ.

Итакъ, я уже болѣе удалялся и разговаривалъ съ Кирѣевскимъ, которой былъ человекъ неглупой; но зачѣмъ онъ тогда приѣзжалъ, не знаю.

Передъ вечеромъ, наконецъ, спросилъ меня князь, долго-ли я пробуду въ своей деревнѣ и далеко-ли она? Я ему сказалъ, что собственно самъ я не имѣю никакой нужды, а приѣхалъ къ нему по его велѣнію.

— «Очень хорошо, судырь! сказалъ онъ, такъ пожалуйста-жъ ко мнѣ въ понедѣльникъ въ Богородицѣ. Тамъ мы рассмотримъ планы, чтобъ намъ можно было сдѣлать описаніе».

Сіе предложеніе смутило меня еще болѣе. «Изрядное это и право изрядное будетъ дѣло, думалъ я; поѣзжай я въ деревню свою и живи опять два дни въ скукѣ и въ темнотѣ, а лучше я здѣсь останусь», и потому сказала князю, что мнѣ въ деревнѣ своей дѣлать нечего и я лучше здѣсь гдѣ-нибудь къ мужику пристану и пробуду это время.

— «Очень хорошо! сказалъ онъ, такъ пожалуйста здѣсь ночуйте». Совсѣмъ тѣмъ о лошадяхъ и о квартирѣ мнѣ опять позабыто.

«Что это за поступокъ?» думалъ я и велѣлъ слугѣ пристать гдѣ-нибудь къ мужику и купить лошадямъ корма, а дру-

гого послать за оставшимъ въ деревнѣ моей экипажемъ.

По наступленіи вечера сталъ я откладываться, но князь удержалъ меня вмѣстѣ ужинать. «Это хорошо-таки, думалъ я, но не ночевать бы мнѣ на голой лавкѣ у мужика, это-то будетъ не слишкомъ хорошо».

Совсѣмъ тѣмъ я отужиналъ и хотѣлъ итти, но тогда сказали мнѣ, что тутъ для меня комната ссыкана и постеля приготовлена. Сіе меня нѣсколько порадовало, и такимъ образомъ расположился я тутъ ночевать. Но, о! далась мнѣ эта ночка, долго была она мнѣ памятна.

Комнатка случилась какая-то маленькая, задняя и походившая болѣе на кануру; караватъ короткая, жаръ ужасной, духота несносная, мухъ съ три пропаста, а сверхъ всего того безпокойныя мысли! Но какъ бы ни было, но я ночевалъ и проводилъ сей день въ надеждѣ и сумнѣніи. Съ одной стороны по всему сомнѣвался я въ томъ, чтобъ могло воспослѣдовать мнѣ опредѣленіе, а съ другой князь не сказывалъ еще мнѣ ничего еще рѣшительнаго и достовѣрнаго, а только передъ вечеромъ, во время прогуливанія, отвѣдая меня къ сторонѣ и примѣтя, можетъ быть, мое неудовольствіе сказалъ:

— «Вы пожалуйста будьте увѣрены, что кромѣ васъ на семь мѣстъ никто не будетъ, если г. Опухтинъ пойдетъ въ отставку», что можно было толковать и такъ и сякъ. Однако я уже заѣхалъ и хотя тужилъ, что по пустому поѣхалъ, но дѣлать было уже нечего.

По утру на другой день пошли мы опять ходить и весь день проходили, проговорили и проѣздили опять по мѣстамъ разнымъ. Я во все сіе время примѣчалъ и разсматривалъ князя, и находилъ въ немъ чудной и странной характеръ.

Казалось мнѣ, что былъ онъ человекъ очень добродушной, неспѣсивой, однако не слишкомъ далекаго и остраго разума, а притомъ въ мысляхъ и предпріятіяхъ не слишкомъ основательнымъ. Сіи замѣчанія объясняли мнѣ уже очень многое и я не сталъ уже его поступкамъ удивляться.

Я обѣдалъ и ночевалъ опять у него; но и въ сей день не говорилъ онъ объ опредѣленіи меня ни слова, хотя я часъ отъ часу болѣе примѣчалъ, что у Опухтина и на умѣ не было итти въ отставку, а неволею его столкнуть князю никоимъ образомъ было не можно, да и не было и повода и причины къ тому; ибо, во-первыхъ, оказалъ онъ ему очень многія услуги и князь былъ бы неблагодарнымъ, еслибъ восхотѣлъ ему сдѣлать нѣкое неудовольствіе; во-вторыхъ, у князя, по добротѣ его души, не было столько и отвagi, чтобъ сіе сдѣлать.

Однимъ словомъ, я самъ въ мысляхъ отъ князя того не требовалъ и мнѣ досадно было-бы, еслибъ онъ для меня сдѣлалъ сему достойному человѣку какое неудовольствіе, которой несъ свою должность прямо исправно и рачительно и ничего дурного не сдѣлалъ.

Совсѣмъ тѣмъ не прошелъ и сей день безъ особливаго произшествія. Князь удивилъ меня опять невѣдомо какъ однимъ страннымъ предложеніемъ, а именно: не согласусь ли я съ нимъ ѣхать въ деревню его Плавскую Сергіевское для компаніи?

Смѣшно мнѣ это очень показалось! «И куда-то, государь мой, думалъ я тогда самъ въ себѣ—я попустому поѣхалъ, а туда зачѣмъ такимъ ѣхать, истинно уже не вѣдаю. И такъ я недѣли двѣ прогулялъ, а то еще недѣли три проѣздить по пустыкамъ не знаю изъ какой благодати!»

Въ таковыхъ помышленіяхъ вздумалъ я отъ него оттолчаться, и спросивъ долго-ли онъ проѣздить, не сказалъ ни слова, и чрезъ то принудилъ догадываться, что я туда ѣхать не намѣренъ. По счастью онъ не сталъ болѣе меня къ тому принуждать, а то бы была-бы для меня новая и великая коммисія.

Въ воскресенье, т.-е. въ самые заговинны поѣхали мы наконецъ въ Богородицкѣ, и заѣзжали обѣдать къ Полунину, Федору Ивановичу, особѣ особливаго примѣчанія достойной.

Онъ жилъ, какъ небогатой дворянинъ, въ своей изрядной деревушкѣ, почитался великимъ эконоомъ; но въ самомъ дѣлѣ

былъ хитрой, проницливой, лукавой, лицемерной лъстецъ и корыстолюбецъ, и происходя изъ низкаго рода, умѣлъ правдами и неправдами нажить себѣ имѣніи и подбилъ разсказами своими князю въ любовь и благоволеніе.

Тогда приѣзжалъ онъ нарочно въ Бобринки звать князя къ себѣ на перепутье и угощалъ его и всѣхъ насъ всячески, водилъ по своему саду и заговорилъ всѣхъ насъ своими баснями.

По приѣздѣ въ Богородицкѣ, которой мнѣ впервые тогда видѣть и узнать случилось, обходили и осматрѣли мы также всѣ мѣста. Князю надлежало тогда и тутъ закладывать маленькой дворецъ и церковь, и онъ показывалъ мнѣ всѣ сдѣланныя къ тому приготовленія.

Симъ занялись мы почти до самаго ужина и я даже усталъ ходючи съ княземъ, и какъ уже не предусматривалъ въ замѣчаніи всего дальней надобности, то мнѣ все сіе начало уже и прискучивать, и я сталъ уже помышлять о томъ, какъ бы скорѣй убираться домой, видя что толку никакого нѣтъ и не будетъ.

Планъ волости Богородицкой, для осмотра котораго я болѣе въ Богородицкѣ ѣхалъ, былъ огромной и такъ великъ, что мнѣ не было и способа и мѣста его разсматривать; къ тому-жъ никто меня къ сему и не побуждалъ.

Мы видѣли его лежащимъ въ превеликомъ выдолбленномъ бревнѣ, въ магазинѣ, и князь не сказалъ мнѣ ни слова, а мнѣ и подавно не было нужды самому набиваться на трудъ, великую мнѣ задержку учинить могущій. Между тѣмъ, ждалъ я, что мнѣ князь скажетъ и готовился уже проситься домой, но по счастью князь и самъ не замедлилъ.

Въ вечеру, выждавъ свободное время, сказалъ онъ мнѣ: «Пойдемъ-ка сударь, походимъ!»

Я тотчасъ догадался зачѣмъ онъ меня зоветъ и не сомнѣвался, что хотѣлось ему со мною поговорить наединѣ, въ чемъ и не обманулъ.

Онъ, отведя меня отъ дома опухтинскаго, гдѣ онъ остановился, на нѣсколько

десятокъ сажень на лужокъ подлѣ насажденной березками главной отъ колокольни аллеи, и видя что мы были одни, началъ со мною объясняться.

— «Говорилъ я, сказалъ онъ мнѣ, съ Опухтинимъ и спрашивалъ его; но онъ отдумалъ итти въ отставку и намѣренъ побыть еще года два при своей должности для оплаты долговъ своихъ; а вы видите сами, что мнѣ по неволѣ отставить не можно: онъ такъ много трудился въ приведеніи волостей сихъ въ порядокъ, и мнѣ совѣстно сдѣлать ему какое-либо неудовольствіе».

Кровь во мнѣ взволновалась вся при услышаніи сихъ словъ. Я хотя и предвидѣлъ все сіе и къ отказу сему готовился, однако духъ мой не могъ никакъ, чтобъ не смутиться нѣсколько въ сію рѣшительную и критическую минуту.

Совсѣмъ тѣмъ я имѣлъ столько еще надъ собою власти, что, не подавъ ему ни малѣйшаго знака неудовольствія и не сказавъ на сіе ничего, далъ ему волю продолжать далѣе свою рѣчь.

— «Совсѣмъ тѣмъ, продолжалъ онъ, будьте вы увѣрены и повѣрьте мнѣ какъ честному человѣку, что какъ скоро онъ пойдетъ въ отставку, то никого иного сюда не опредѣлю кромѣ васъ».

Услышавъ сіе, поклонился я ему и началъ объясняться, говоря, что я сего мѣста не искалъ и не просилъ и ни мало не добиваюсь того, чтобъ для меня сдѣлано было .г. Опухтину какое неудовольствіе и онъ противъ хотѣнія былъ бы отрѣшенъ отъ своего мѣста.

— «Нѣтъ, ваше сіятельство! продолжалъ я, въ такомъ бы случаѣ я и самъ не согласился бы итти на сіе мѣсто, ибо вы могли бы то же и со мною сдѣлать; а я съ охотою возвращусь въ прежнее свое уединеніе, гдѣ до того времени былъ доволенъ своимъ жребіемъ, да и впредь надѣюсь быть довольнымъ».

Пріятно было весьма князю сіе услышать, и сколько смущался онъ до того, по добротѣ души своей не зная какъ мнѣ сказать отказъ, о которомъ заключалъ, что будетъ мнѣ натурально не-

пріятенъ, столько обрадовался, вдругъ услышавъ таковой мой отзывъ.

Онъ похвалилъ образъ и расположеніе моихъ мыслей и совѣстился невѣдомо какъ, что навлекъ на меня труды и хлопоты по пустому, и не находилъ довольно словъ къ изъясненію мнѣ о томъ своего сожалѣнія. Но я тотчасъ пресѣкъ сіе, сказавъ:

— «Что касается до сего, то пожалуйста, ваше сіятельство, тѣмъ не безпокойтесь; трудъ сей былъ не великъ и для меня ничего незначущій; къ тому-жъ ѣзда сія доставила мнѣ случай взглянуть на свою епифанскую деревнишку; слѣдовательно была не совсѣмъ пустая и для меня неотяготительна».

Князь былъ и симъ отзывомъ моимъ, какъ казалось, очень доволенъ, но вдругъ потомъ предложилъ мнѣ еще вопросъ, меня крайне удивившій. Онъ сказалъ, что ищетъ онъ еще купить для государыни въ степныхъ мѣстахъ деревню душъ въ тысячу. Итакъ, ежели найдетъ, то не соглашусь ли я туда ѣхать осматривать и надъ тою бы я могъ получить дирекцію.

Смутился я вновь, сіе услышавъ, и воскликнулъ въ духѣ самъ въ себѣ: «вотъ то-то право хорошо, и не горчица-ли сушая послѣ ужина?» и недолго думая, сказалъ ему на то отказъ совершенной, говоря прямо, что я нimalo не намѣренъ не только по пустякамъ ѣхать осматривать, но и быть тамъ управителемъ.

Онъ удивился, услышавъ мой отказъ и спрашивалъ тому о причинѣ; и тутъ-то я имѣлъ случай объяснить ему то, какого сорта я человѣкъ и сколь мало помышлялъ о такихъ дѣлахъ и вещахъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, правленіе тысячею душами было бы для меня уже слишкомъ низко и постыдно и нimalo не кстати. Всѣ его убѣдительныя причины, которыми началъ-было онъ меня стараться убавлять и къ тому преклонять, опровергъ я очень скоро и не хотѣлъ о томъ и слышать. Наконецъ началъ онъ говорить о описаніи волости. Тогда предложилъ я ему, какимъ образомъ намѣренъ было я былъ оное учинить, но какъ тогда

дѣлать мнѣ уже нечего, такъ уволилъ бы онъ меня домой.

Совѣстно было уже ему, да и не можно меня удерживать и онъ принужденъ былъ на отъѣздъ мой согласиться. Совѣмъ тѣмъ описаніе волостямъ, сочиненное мною, имѣть ему весьма хотѣлось и какъ я показалъ ему прожектъ оному, то онъ такъ имъ прельстился, что сталъ просить меня, не могу ли я оное сочинить дома и не дамъ ли ему записки о томъ, что мнѣ для объясненія всего къ тому знать потребно.

— «Хорошо! сказалъ я; ежели мнѣ когда дозволить время, такъ испытаю ему сдѣлать сію услугу и не премину доставить къ нему записку о томъ, что мнѣ знать для того нужно», чѣмъ онъ весьма былъ и доволенъ, хотя въ самомъ дѣлѣ на умѣ у меня было совѣмъ не то; но я всего меньше намѣренъ былъ предпринимать сей трудъ въ пользу другихъ и по пустому. Симъ тогдашній разговоръ нашъ и кончился.

Теперь расскажу вамъ смѣшной поступокъ г. Опухтина. Сей не успѣлъ узнать, что у насъ съ княземъ было кончено, какъ тотчасъ перевернулся бѣсомъ и изъ прежняго хладнокровнаго человѣка сдѣлался ко мнѣ ласковымъ и благопріятнымъ.

До того не имѣлъ онъ объ лошадяхъ моихъ никакого попеченія, а тогда вздумалъ мнѣ выговаривать, для чего я сталъ на особую квартиру и убѣждалъ просьбою какъ гостя, чтобъ я къ нему переѣхалъ, но я не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ на то согласиться и довелъ до того, что онъ сказалъ о томъ даже князю; а тогда и князь сталъ говорить и, упусти время, вздумалъ спрашивать, не покупаю ли уже я овесъ и сѣно?

Усмѣхнулся я тогда и не сказалъ на сіе ни слова, и видно было, что князю было тогда очень совѣстно. Итакъ, принужденъ я былъ въ удовольствіе князя экипажу своему велѣть переѣхать и вмѣстѣ съ ними ужиналъ и ночевалъ.

Какъ Опухтинъ жилъ тогда въ тѣсномъ флигелѣ, то для ночлега отвели мнѣ

особый маленькой покой въ новопостроенномъ только и не совѣмъ еще отдѣланномъ домѣ.

Тутъ, лежучи въ уединеніи, имѣлъ я довольно досуга и времени размышлять обо всемъ случившемся со мною, и размышленія сіи, соединенныя съ духомъ не весьма спокойнымъ, не допустили меня долго заснуть; а поутру, проснувшись, не сталъ я уже долго медлить, но распрощавшись съ княземъ, поѣхалъ домой.

Симъ образомъ кончилось мое дѣло и я ѣздивъ, по пословицѣ говоря, прямо «за семь верстъ киселя ѣсть» и потерялъ время множество понапрасну и не сдѣлалъ ничего. Но какъ я по философическимъ своимъ тогдашнимъ мыслямъ не дѣлалъ изъ всего дѣла сего дальней важности, да и не имѣлъ слишкомъ сильнаго желанія къ сему чину и мѣсту, то снесъ я сію неудачу очень съ спокойнымъ духомъ.

У меня свалилась равно какъ превеликая гора со плечъ и я поѣхалъ назадъ еще съ спокойнѣйшимъ духомъ, нежели съ каковымъ туда ѣхалъ.

А много помогло къ тому и то, что я, будучи и въ Бобрिकाхъ и въ Богородицкѣ, имѣлъ случай насмотрѣться, что должность управительская тутъ была не такова спокойна, каковою я ее себѣ сначала воображалъ; но по случаю производимыхъ тутъ великихъ и многихъ строевыхъ и другихъ обстоятельствъ, сопряжена была съ безчисленными трудами, заботами и хлопотами, кои показались мнѣ такъ велики, что я ясно видѣлъ, что въ случаѣ опредѣленія меня тогда къ сему мѣсту, вышло-бъ жалованье мнѣ прямо сокомъ и я, лишившись не только свободы, но и всѣхъ любимыхъ моихъ упражненій, скоро бы всѣмъ тѣмъ наскучилъ и легко могъ бы раскаяться, что промѣнялъ драгоценную свою свободу на неволю, съ безчисленными хлопотами сопряженную. Совѣмъ тѣмъ нельзя не признаться, что сколь я ни великодушествовалъ, но не могъ избавиться отъ нѣкоторыхъ смущающихъ временно меня мыслей.

Обстоятельство, что слухъ о поѣздѣ моей во всѣхъ нашихъ окрестностяхъ

распространился; что всё полагали за вѣрное, что я возвращусь не иначе какъ уже управителемъ, и что приѣхавъ ни съ чѣмъ и равно какъ осмѣяннымъ, подамъ поводъ къ разнымъ сужденіямъ и переговоровамъ, а завистникамъ къ самымъ насмѣшкамъ и прочее, смущали и тревожили мысли мои еще чувствительнѣе и болѣе, нежели самая неудача. И мнѣ потребно было прямо философическое расположение духа къ вооруженію себя спокойно переносить всё такіе пересуды и толки.

Обстоятельнымъ описаніемъ моего обратнаго путешествія обременять васъ почитаю совсѣмъ за излишнее, а только вкратцѣ скажу, что, выѣхавъ изъ Богородицка, поѣхалъ я уже прямо большою дорогою чрезъ Дедиловъ въ Тулу и далѣе, и что во время сего двудневнаго путешествія не случилось со мною ничего особеннаго, кромѣ того, что я во время онаго и сидючи одинъ въ своей маленькой каретѣ, имѣлъ еще болѣе времени и досугу размышлять обо всемъ происшедшемъ въ послѣдніе дни и вообще обо всемъ этомъ дѣлѣ, и что чѣмъ болѣе я объ немъ помышлялъ, тѣмъ чуднѣе, удивительнѣе и непостижимѣе мнѣ все происшествіе сіе казалось.

Привыкнувъ уже издавна вѣрить и не сумнѣваться въ то, что все дѣлается и происходитъ съ нами по смотрѣнію, ведѣнію и распоряженію Промысла Господня, хотя и не сомнѣвался я, что и тогда все сіе происходило по волѣ моего Бога; но не могъ никакъ понять, для чего бы все сіе такъ тогда случилось со мною, и не могъ всему тому довольно надивиться и не иначе относилъ то, какъ къ неиспытаннымъ и неисповѣдимымъ объ насъ судьбамъ Господнимъ и утѣшалъ себя наиглавнѣйше тѣмъ, что неизвѣстно еще было, не къ пользѣ ли еще моей все такъ, а не иначе дѣлалось, и что сего всего скорѣе отъ благодати Господней ожидать надлежало.

А послѣдствія и оказали, что я въ заключеніяхъ таковыхъ нимаю тогда не ошибался, ибо, ахъ! сколь мало зналъ я

тогда все то, что должноствовало произойти послѣ и чему надлежало еще предсѣдовать прежде, нежели совершится то, что Провидѣнію угодно было учинить наконецъ со мною.

Но письмо мое достигло уже до своихъ предѣловъ и мнѣ пора его кончить и сказать, что я есмь вашъ и прочая.

(Декабря 10 дня 1808 года).

Письмо 160-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ обрушились вдругъ всё воздушные замки, строямыя до того въ мысляхъ мною и всеми родными и пріятелями моими, и исчезли какъ тѣнь всё наши лестныя надежды.

Я не зналъ какъ мнѣ показаться будетъ къ моимъ домашнимъ, и какъ сообщить имъ такое извѣстіе, о которомъ былъ я совершенно удостовѣренъ, что будетъ оно имъ не весьма пріятно и радостно.

Подумавши о семъ, другого не находилъ, какъ при возвращеніи принять на себя веселый видъ и обратить все дѣло въ смѣхъ и шутку. Какъ вздумалось, такъ и сдѣлалъ.

Я возвратился домой на другой день по выѣздѣ изъ Богородицка. Было сіе въ исходѣ уже мая и 28-го числа онаго. Я засталъ противъ всякаго чаянія въ домѣ у себя множество гостей и все были однѣ боярыни и между ими многія такія, которыя никогда еще у насъ до того не бывали. Сіе было для меня не весьма пріятно и тѣмъ болѣе побуждало принять на себя веселую личину.

Всѣ родныя мои, услышавъ о приѣздѣ моемъ, выѣжали меня встрѣчать и радость у нихъ написана была на глазахъ, когда увидѣли они, что я возвратился съ веселымъ, а не унылымъ духомъ. Но радость сія продолжалась недолго.

Не успѣли они, обступивъ меня, начать напрерывъ другъ предъ другомъ спрашивать и говорить: «ну? что? что? и смѣть ли поздравить съ...».

— Конечно, конечно! — засмѣявшись го-

ворилъ я имъ въ отвѣтъ—съ благополучнымъ возвращеніемъ въ Дворяниново!

Сіе слово составило для нихъ новую загадку. Всѣ онѣ опять воскликнули:

— «Что мы знаемъ и поздравляемъ; но тамъ-то что? Ель, или сосна?»

— Этого я уже ничего не знаю—отвѣчалъ я имъ,—но у васъ только спрошу: видали-ли вы, какъ маленькія дѣти пускаютъ на воздухъ мыльные пузыри, такіе прекрасные, разноцвѣтные и какъ на нихъ галятся и ими веселятся?

— «Какъ не видать, подхватила онѣ; но это къ чему и что за вопросъ?»

— А къ тому — сказалъ я, — что и со мною случилось нѣчто тому подобное, и я также галился и веселился, смотря на пузырекъ воздушной, а можетъ быть и вы также, и пузырекъ этотъ наконецъ треснулъ и всѣ наши прекрасные призраки исчезли... и не осталось ничего.

Сіе слово осадило ихъ всѣхъ. Онѣ вдругъ замолкли, задумались и не знали, что говорить далѣе. Но видя, что я смѣюсь и хохочу, опять нѣсколько ободрились и спросили:

— «Ну что, право, полно шутить, а скажи-ка намъ безъ издѣвки и сущую правду и успокой наши мысли.»

— Желалъ бы душевно, — сказалъ я, — но, ну, если это не можно! Ну, если я нимало не лгу и не шучу, и мнѣ много сказать вамъ нѣчего, кромѣ того, что фздилъ ни почто, привезъ ничего.

— «Какъ? какъ? воскликнули онѣ всѣ, неужели вправду ничего?»

— Конечно! — сказалъ я, — но чему тому и дивиться? Не съ тѣми ли мыслями я и поѣхалъ туда, что врядъ ли чему бывать, а это и совершилось дѣйствительно. Опухтинъ въ отставку не пошелъ и дѣло тѣмъ кончилось. Я принужденъ былъ, не солоно похлѣбавъ, ѣхать домой и питаться пустою надеждою, что вѣрно опредѣленъ буду тогда, когда ему захочется итти въ отставку; а его, я думаю, и самъ сатана оттуда не вытуритъ никогда и чортъ ли велитъ ему разстаться добровольно съ такимъ прекраснымъ, знаменитымъ и приточнымъ мѣстомъ.

Услышавъ сіе всѣ ближнія мои родныя повѣсили голову, а тетка наша, г-жа Арцыбышева съ чувствительною досадою сказала:

— «Да князь-то что-жъ? зачѣмъ же онъ призывалъ-то тебя и волочилъ ни за что ни прочто въ такую даль?»

— «Лихая знать его болѣсть тамъ давила! подхватила огорченная жена моя, а убытковъ-та, убытковъ сколько намъ доставилъ? Видно, самъ онъ негодной человекъ!»

— Нѣтъ, матушка! не брани ты князя. Объ немъ я прямо скажу, что онъ наиблѣжайшій человекъ и я истинно даже полюбилъ его за его добродушіе и оказанную его ко мнѣ ласку и благопріятство.

— «Но умилосердись! подхватила тетка, — хорошъ, хорошъ, а сотворилъ такую глупость! Какъ же бы ему напередъ не узнать, пойдетъ ли Опухтинъ, или не пойдетъ въ отставку? И зачѣмъ, ни дай ни вынеси, отрывать человека отъ дома, волочить и въ Москву и въ такую даль, и оставить наконецъ безо всего и почти въ стыдѣ и обидѣ, и есть въ немъ только умъ и хоть на волосъ разсудка?»

— Объ этомъ я вамъ не могу ничего сказать, отвѣчалъ я: — а только знаю, что дѣло не состоялось и что вышелъ изъ всего одинъ только пустякъ совершенной. А какъ все это и по какимъ обстоятельствамъ и отчего произошло, всего того не знаю и не понимаю и всему только самъ удивляюсь; а все это знаетъ только тотъ, кто нашими жребіями и дѣлами распоряжаетъ. Но что о томъ болѣе говорить; видно, что святой его воля для какихъ-нибудь его святыхъ и неизвѣстныхъ намъ причинъ было не угодно, чтобы дѣлу сему такъ кончиться, какъ намъ хотѣлось и намъ не остается въ семъ случаѣ ничего говорить. Его святая воля да буди во всемъ съ нами! А славу Богу, что вы видите меня опять здѣсь. Я истинно нимало о томъ не сокрушаюсь, а радъ еще, что избавился отъ безчисленныхъ хлопотъ и не потерялъ еще своей драгоценной свободы и возвратился опять въ милое и любезное свое уединеніе. Богъ

съ ними тамъ и совѣмъ! — А скажите-ка мнѣ лучше, что у васъ, здѣсь, все ли здорово, хорошо, и что наши маленькія дѣти?

— «Ахъ! — подхватила на сіе жена моя, и у насъ-то, батюшка, не слишкомъ хорошо. Степанъ нашъ лежитъ боленъ сыньку въ Сенинѣ, куда увезла его къ себѣ Авдотья Александровна; ты знаешь, какъ она его любитъ. А любезной твоей Пай (такъ обыкновенно называли мы меньшого нашего сына) едва живъ и чуть-ли ему не отправляться на тотъ свѣтъ, къ своему старшему брату; а что того еще хуже, то проклятая воспа вошла уже и къ намъ во дворъ».

— Ну, вотъ, это-то нехорошо, и прямо нехорошо! — сказалъ я, поразившись симъ неприятнымъ извѣстіемъ. Но что-жъ! — подхватилъ я опять ободрившись, — и въ томъ да будетъ воля Господня; мы всѣ въ его власти и что ему угодно, то пускай и совершается! А пойдемъ-ка мы лучше къ гостямъ нашимъ; — ибо все сіе говорили мы въ нашей столовой, куда я прошелъ, чтобъ съ дороги сколько-нибудь оправиться.

Сказавъ сіе и протуривъ ихъ къ гостямъ, сталъ я оправляться и обтираться отъ пыли, чтобъ не показаться чучелою и пошелъ потомъ вслѣдъ за ними. Но съ гостями сими едва успѣлъ я раскланяться, ибо они въ самое то время собирались уже ѣхать, чему я и весьма былъ радъ, ибо мнѣ нужно было съ дороги отдохновение.

Но не долго удалось мнѣ попользоваться симъ отдохновениемъ и мѣсяцъ сей ровно какъ назначенъ былъ къ тому, чтобъ мнѣ въ оной сначала и до конца находиться въ непрерывныхъ волокитахъ; ибо (не успѣлъ) настать послѣдующій день, какъ прислала къ намъ г-жа Щербинина сказать, что она отъѣзжаетъ въ свои псковскія деревни и желаетъ, чтобъ мы приѣхали къ ней проститься.

Итакъ, принуждены мы были къ ней ѣхать, и я тѣмъ охотнѣе туда ѣхалъ, что желалось мнѣ узнать, что произвела моя посланная къ нимъ книга.

Мы заѣхали въ Сенино и взявъ съ собою

г-жу Ладыженскую и приѣхавъ въ Ясновино, нашли тамъ многихъ и другихъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ, живущихъ при берегахъ Оки-рѣки. Но къ сожалѣнію, самого сына г-жи Щербининой я уже не засталъ при ней.

Но какъ обрадованъ я былъ, когда она, возвращая мнѣ всѣ мои книги, вручила мнѣ отъ него письмо, въ которомъ онъ, приписывая книгѣ моему невідому сколько похвалъ, увѣрялъ, что она ему такъ полюбилась, что желалъ бы даже списать для себя оную.

Легко можно заключить, что сіе было для меня очень пріятно. Это было еще въ первой разъ, что отдавалъ я книгу сію читать въ люди, и когда-бъ имѣла она и всегда такое счастье, какъ при семъ случаѣ!

Человѣкъ, обожавшій даже Вольтера и зараженный его мыслями, ее читалъ и несмотря, что въ ней были прямо противныя вольтерскимъ мысли, такъ ее полюбилъ, что въ письмѣ своемъ признавался мнѣ, что она очень хороша, возбуждаетъ чрезвычайно любопытство и всѣ наставленія весьма полезны, и что для самого того онъ и проситъ, чтобъ дать ему ее списать, когда кончу.

Сего было уже довольно и предовольно для меня и нѣчто такое, чего я нимало не ожидалъ, а думалъ, что гг. вольтеристы ее не иначе какъ поднимутъ на смѣхъ.

Такимъ образомъ распрощались мы съ г-жею Щербининою, не воображая себѣ ни мало, что то было въ послѣдній разъ и что мы ее болѣе не увидимъ. Она поручила мнѣ многія комисіи, которыя общалъ я ей выполнить. Она поѣхала тогда въ псковскія свои деревни, а мы возвратились домой.

Симъ кончился тогда нашъ май, котораго, пріятнѣйшаго мѣсяца, я въ сей годъ почти и не видалъ. Князь проволочилъ меня во весь оной и я былъ все въ ѣздѣ и въ отлучкахъ; а тогда остепенившись, опять къ удовольствію моему, въ домѣ принялся я за прежнія свои упражненія. Сады давно уже ожидали моего къ себѣ возвращенія. Тысячи дѣлъ встрѣчались

въ нихъ со мною и мнѣ оставалось только успѣвать ихъ производить и исправлять все упущенное.

Въ праздные же часы и минуты принялся я продолжать переписывать набѣло книгу мою «О благополучіи» и спѣшилъ окончить первую часть, которой оставалось уже немного.

Между тѣмъ не позабылъ я и объ обѣщаніи, данномъ князю Гагарину. Я упоминалъ уже, что ему хотя и совѣстно было навязывать на меня трудъ, къ описанію волостей потребной, однако просилъ меня убѣдительно, чтобъ я взялъ на себя сей трудъ хотя дома и прислалъ бы къ нему записку о справкахъ, какія къ тому надобны.

Сіе я ему тогда обѣщалъ, хотя не зная самъ исполню ли то, или нѣтъ; ибо у меня прошла уже охота влетаться въ сіе дѣло и добиваться сего мѣста, которое вышло у меня совсѣмъ уже изъ головы, и нимало меня не беспокоило. Однако, думая, что князь можетъ годиться мнѣ когда-нибудь впредь и что обмануть мнѣ его дурно, рѣшился пожертвовать ему немногимъ трудомъ.

Итакъ, сѣвъ, намахалъ цѣлыхъ 96 вопросовъ или пунктовъ, на которые мнѣ нужны были объясненія и отправилъ въ Тулу, для пересылки къ нему при письмѣ, предавая впрочемъ на произволь ихъ, станутъ-ли они объяснять мнѣ помянутые вопросы, или нѣтъ.

Теперь признаюсь, что при сочиненіи сихъ вопросовъ употребилъ я небольшую политику и расположилъ ихъ такъ, чтобъ они доставили г. Опухтину доброй кучекъ работы и навели ему столько хлопотъ и затрудненій, что потерялъ бы онъ охоту загребать жаръ чужими руками. Ибо по всей справедливости описаніе волостямъ сочинять надлежало-бы ему, какъ обо всѣхъ обстоятельствахъ и о состояніи волостей свѣдущему человѣку. Словомъ, я употребилъ хитрость противъ хитрости и она мнѣ и удалась.

Опухтинъ, какъ я послѣ узналъ, прочитавъ вопросы мои, такъ труда сопряженнаго съ объясненіемъ ихъ испужалъ-

ся, что и не подумалъ приступить къ оному и положилъ ихъ, несмотря на все великое желаніе князя, въ долгой ящикъ, въ которомъ они благополучно и истлѣли; а я чрезъ то избавился отъ труда превеликаго и совсѣмъ для меня бесполезнаго. Не сомнѣваясь, что при читаніи оныхъ, благословлялъ онъ меня изрядными клятвами, но я съ моей стороны доволенъ былъ тѣмъ, что данное свое обѣщаніе выполнилъ, а отъ дальнѣйшаго труда удачно отдѣлался.

Теперь кстати расскажу вамъ и о истинныхъ причинахъ какъ призыва моего, такъ и тщетной волокиты и неудачи, которыя сдѣлались мнѣ послѣ и не прежде, какъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ извѣстными. Всему тому былъ главною и единственною причиною сей г. Опухтинъ, и вотъ какимъ образомъ все происходило.

Сей хитрой и съ одной стороны сколько умной и проворной, столько съ другой крайне любочестивой и корыстолюбивой человѣкъ, имѣлъ тогда еще очень маленькой чинъ и достатокъ небольшой, когда сдѣлался князю знакомымъ и опредѣленъ былъ къ управленію сими обширными и въ большомъ безпорядкѣ бывшими волостями, по соединеніи оныхъ вмѣстѣ и по врученіи ихъ отъ покойной императрицы въ особенное вѣдомство и дирекцію князю Гагарину.

Будучи бойкимъ, умнымъ и проворнымъ человѣкомъ умѣлъ онъ скоро подбитися князю въ милость и воспользовавшись откровенною добротою его сердца и слабостью прочаго его душевнаго характера, довести до того, что князь ввѣрился ему во всемъ и былъ всѣмъ поведеніемъ его доволенъ.

И какъ объ волости хотѣлось князю привести въ лучшій порядокъ и всѣмъ имъ чрезъ порядочное расселеніе придать иной лучшій и блестящій видъ, то и дѣйствительно трудился г. Опухтинъ при семъ расселеніи оныхъ и приведеніи въ лучшій порядокъ и состояніе очень много, и тѣмъ доказалъ князю и трудолюбіе свое и усердность.

Однако онъ не позабылъ при томъ и себя, и за всѣ труды и старанія свои заставлялъ князя платить себѣ очень дорого. Не удовольствуясь тѣмъ, что по хитрости своей не разоряя нисколько мужиковъ и не наживаясь собственно ничѣмъ отъ нихъ, а другими и сокровенными стежками и путями,—какъ-то плутовскою отдачею въ наймы многихъ тысячъ десятинъ излишней земли, введеніемъ множества разорительныхъ кабаковъ и прочими такими тайными уловками набилъ себѣ туго карманы,—довелъ онъ слабого и добродушного князя до того, что онъ, выпрашивая ему отъ императрицы чинъ за чиномъ, доставилъ ему наконецъ даже чинъ полковничій, а сверхъ того убѣдилъ его выпросить ему отъ государыни десять тысячъ рублей денегъ на десять лѣтъ займы безъ процентовъ, что все равно было какъ подарить оными.

Но всего того было еще для сего алчнаго честолюбца недовольно. Но какъ узналъ онъ, что императрицѣ угодно было приказать воздвигнуть въ обѣихъ волостяхъ сихъ, по собственнымъ ея планамъ, многія и важныя каменные зданія и всѣ нужныя приуготовленія были къ тому сдѣланы; то вѣдая, сколь много князю онъ при семъ случаѣ будетъ необходимо нуженъ и надобенъ, вздумалъ воспользоваться симъ случаемъ и чрезъ князя вытеблить себѣ еще какую-нибудь знаменитую выгоду.

И какъ по причинѣ недавно полученнаго чина прямо о томъ князя просить было бы ему уже совѣстно, да и слишкомъ нагло, то рѣшился онъ итти другимъ путемъ и достигнуть до того коварствомъ, чего не можно было получить прямыми средствами.

И какъ князь находился тогда въ Петербургѣ и получалъ отъ государыни планы для помянутыхъ строеній, то въ самой сей критической пунктъ времени и отписалъ онъ къ князю, что онъ болѣе служить не намѣренъ и просить о увольненіи себя отъ должности, хотя въ самомъ дѣлѣ въ отставку итти у него и на умѣ не было, а сдѣлалъ онъ сіе един-

ственно для того, чтобъ добродушного князя пугнуть и побудить тѣмъ выхлопотать для себя еще либо чинъ, либо иную какую важную выгоду, ибо не сомнѣвался въ томъ, что князь будетъ его убѣждать просьбою, чтобъ онъ остался и въ подкрѣпленіе просьбы своей то неотмѣнно сдѣлаетъ.

Но не то воспослѣдовало, что онъ думалъ и чего ожидалъ. Князя сіе дѣйствительно впряхъ перетревожило и онъ не зналъ какъ быть и что дѣлать и можетъ быть и учинилъ-бы что-нибудь ему въ новую пользу, еслибъ, по несчастію Опухтина, сама судьба не привела его, въ самую сію разстройку мыслей, въ собраніе нашего Экономическаго Общества и не побудила изъяснить г. Нартову и всѣмъ членамъ своего нестроенія въ разсужденіи просьбы г. Опухтина о его увольненіи. Нартовъ и всѣ члены не успѣли услышать, что онъ горюетъ и не знаетъ гдѣ бы отыскать достойнаго и способнаго на его мѣсто человѣка, какъ всѣ начали ему предлагать и непрерывъ другъ предъ другомъ расхваливать меня. И какъ и самому князю я по сочиненіямъ моимъ былъ извѣстенъ, то и приглѣнился онъ ко мнѣ и, успокоившись мыслями, по самому тому и велѣлъ ко мнѣ писать, а Опухтину далъ знать, что онъ оставляетъ дѣло его до его приѣзда въ Бобрики.

Вотъ причина, для которой я выписанъ былъ въ Москву. Князю хотѣлось меня видѣть и лично узнать гожусь-ли я къ сему мѣсту; и какъ онъ нашелъ во мнѣ всѣ нужныя къ тому способности, но не хотѣлось ему и съ Опухтинымъ, какъ съ опытнымъ и извѣстнымъ ему уже человѣкомъ, въ такой критической пунктъ времени разстаться, а по добротѣ сердца своего не хотѣлось Опухтина и неволею отставить и сдѣлать ему недовольствіе; то самое сіе и побудило его велѣть мнѣ приѣхать въ Бобрики, гдѣ не успѣлъ г. Опухтинъ увидѣть, что на его мѣсто готовъ уже и другой, ничѣмъ его не худшій, а можетъ быть еще и способнѣйшій и честнѣйшій человѣкъ, какъ

вдругъ перевернулся бѣсомъ и вмѣсто просьбы о увольненіи, сталъ убѣдительно-нѣжнымъ образомъ князя упрашивать, чтобъ онъ оставилъ его еще года на два, будто-бы для того, чтобъ успѣть ему расплатиться съ своими долгами, которыхъ на немъ и не было, или и были, но происшедшіе отъ покупки себѣ многихъ деревень. А сямъ-то образомъ князь, по добротѣ души своей, его и принужденъ былъ оставить и отпустить меня ни съ чѣмъ и что исполнилъ онъ неннако, какъ съ истиннымъ сожалѣніемъ и угрозеніемъ совѣсти. И вотъ истинная всему произшествію со мною причина! Но я удалился уже отъ нити своей исторіи. Теперь возвращусь къ оной.

Такимъ образомъ осѣлся я дома и могу безпристрастно сказать, что съ удовольствіемъ; ибо какъ та святая истина была мнѣ довольно свѣдома, что никогда намъ неизвѣстно, гдѣ можно найти и гдѣ потерять, то и немного помышлялъ я о минувшемъ дѣлѣ и очень скоро все прошедшее позабылъ и сожалѣнія не имѣлъ ни на волосъ; да и можно-ли сожалѣть о томъ, къ чему не гораздо велико было и желаніе.

Остепенившись дома, не сталъ я терять времени, но приступилъ къ столь давно уже предпринимавшему раздѣлу обмежеванной тогда уже совѣмъ пустоши нашей Шаховой. Она была у насъ общая у всѣхъ и мы давно уже располагались раздѣлить ее по дачамъ. И какъ наступало тогда время паханія паровой земли, то и спѣшилъ я раздѣлить оную.

Работы и трудовъ имѣлъ я и при семь случаѣ довольно, и нѣсколько дней сряду принужденъ былъ препроводить въ полѣ и всякой день работать до усталости, а сверхъ того еще по межевымъ дѣламъ и въ Серпуховѣ раза два по пустому съѣздить. Наконецъ дошло дѣло до раздѣла. Сперва раздѣлили мы по особымъ специальнымъ и аккуратнѣйшимъ образомъ сочиненнымъ мною планамъ, и дабы не было никому предъ другимъ обидно, то положили во всемъ видать жеребій, которой мы 12-го числа іюня и кидали, а

13-го числа разрѣзали все въ натурѣ наисправедливѣйшимъ образомъ.

Между тѣмъ и дома было у меня дѣло. Я принялся за свою сажелку на горѣ передъ домомъ и началъ ее отдѣлывать. Тутъ вздумалось мнѣ поисправить старинной колодезь и окласть его камнемъ, а сіе подало поводъ и къ обдѣланію всего этого мѣста. И могу сказать, что я веселился всякой день сею работою и находилъ въ томъ новое средство къ умноженію своего благополучія.

По раздѣленіи Шаховской пустоши убѣжденъ я былъ сосѣдями своими къ раздѣленію такимъ же образомъ и пустоши Щиголовой, которое дѣло и начали 18-го числа раздѣленіемъ напередъ земли паровой, а потомъ начали и прочее снимать на планъ; но та бѣда, что не одно было дѣло, а надобно было хлопотать по межевымъ дѣламъ въ Серпуховѣ.

Итакъ, 15-го числа ѣздилъ я опять въ Серпуховъ къ межевщику и опять по пустому: волостныхъ повѣренныхъ не было и мы проволочились понапрасну. Другое помѣшательство было то, что мнѣ необходимо надобно было побывать въ Алексинѣ, гдѣ нужно мнѣ было исправить два дѣла, и въ-первыхъ—отдать на поселеніе челоуѣка, а во-вторыхъ протестовать вексель покойнаго Матвѣя Никитича, хранимой мною въ залогѣ. Итакъ, проѣздивъ я и туда три дни, но 21-го числа взялъ я уже отдохновеніе. Безпрестанныя ѣзды такъ меня обезпокоили, что нужда была и въ покоѣ.

Отдохновеніе мое состояло не въ праздности, а въ письменныхъ упражненіяхъ. Это уже издавна составляло мое отдохновеніе и могу сказать, что я всегда отдыхалъ, когда пишу. Работа моя тогда состояла въ началѣ переписыванія второй части сочиненія моего «О благополучіи», котораго первую половину имѣлъ я уже удовольствіе видѣть въ прекрасномъ переплетѣ, а сіе самое и побудило меня спѣшить переписываніемъ второй части.

Вечеру сего дня получилъ я опять зазывную грамоту изъ Серпухова, т.-е. письмо отъ межевщика, чтобъ я приѣхалъ

мирится съ волостными. Итакъ, 22-го числа полетѣлъ я опять туда и заѣхавъ къ другу моему г. Полонскому и переночевавъ у него, приѣхалъ на утро въ Серпуховъ.

Но баба моя и въ сей разъ была по пустому. Межевщика не засталъ я дома за отъѣздомъ въ уѣздъ для межеванья, а видѣлся только съ повѣреннымъ Нарышкина, Пестовымъ.

Сей требовалъ отъ меня отдачи, въ силу поданныхъ полюбовныхъ нашихъ сказокъ, 30 десятинъ земли; но я притворился будто забылъ какъ тамъ написано было, да и не зналъ гдѣ она, и говорилъ, чтобъ онъ отыскалъ ее; а сверхъ того намекалъ ему, что не дойдетъ-ли дѣло подать ему свѣдѣніе о земляхъ волостныхъ подробное по всѣмъ пустошамъ такъ, какъ по законамъ межевымъ слѣдуетъ. Сими словами смутилъ я его до чрезвычайности и оставилъ въ великомъ недоумѣніи.

Возвратившись домой, ополчился я на среднія липовыя шпалеры, въ верхнемъ саду моемъ находящіяся. Какъ онъ разрослись и не пользу, а тотъ вредъ производили, что всѣ кусты отъ сада моего по причинѣ ихъ бѣгали, то вздумалось мнѣ пособить сему злу подчисткою оныхъ снизу и вырубленіемъ изъ нихъ всѣхъ мелочей. Чрезъ самое то сдѣлалъ я ихъ прозрачными и произвелъ впервые тотъ видъ, какой дорога сія имѣетъ нынѣ.

25-го числа принялся я опять за домашнюю свою межевую работу и снималъ планъ съ нашей пустоши — Щиголовой, для предпринимаемаго раздѣла и принужденъ былъ также и за нею провести цѣлой день въ работѣ.

Въ послѣдующій за симъ день, а именно 26-го іюня имѣли мы наконецъ столь давно вождѣлнное удовольствіе кончить наше межевое спорное дѣло съ волостными и кое уже какъ съ ними помириться. Происходило сіе въ Серпуховѣ, куда мы опять для сего ѣздили. Мы нашли тамъ повѣреннаго саламыковскаго, г. Пестова, въ превеликихъ хлопотахъ и весьма озабоченнымъ по случаю пропажи полюбовной нашей сказки. Они съ ме-

жещикомъ съ ногъ сбились ея доискиваясь и перерыли всѣ бумаги, переходившія изъ рукъ въ руки и отъ одного межевщика къ другому и сказывали мнѣ свое о томъ удивленіе.

Я притворился, будто ничего объ ней не знаю и удивляюсь съ ними тому равномѣрно, но говорилъ, что безъ ней никакъ мириться не хочу, а по открывшимся вновь обстоятельствамъ и оказавшемся въ волостяхъ уже примѣрѣ, а не недостаткѣ, не намѣренъ уже давать ни одного шага земли своей г. Пестову.

Сперва считалъ онъ сіе издѣвкой и думалъ, что я шучу, но увидѣвъ, что я говорю то не шутя, смутился до безконечности и не зналъ наконецъ что дѣлать; а особливо когда при сдѣлавшейся у насъ съ нимъ о томъ небольшой размолвкѣ, сталъ я настоятельно требовать, чтобъ онъ подалъ свѣдѣніе о земляхъ своихъ справедливое, а не такое плутовское, какое подано отъ него прежде, и пользуясь которымъ успѣлъ онъ обидѣть толь многихъ добрыхъ людей и отнять несправедливѣйшимъ образомъ у нихъ земли, и грозилъ если онъ не помирится со мною ни на чемъ, а на старомъ владѣніи, подать о томъ извѣтъ въ межевую контору. Сіе его такъ утѣшило, что сколько онъ ни прыгалъ и ни гнѣвался на то, что не является сказка и сколько ни твердилъ, что пропажа сія не можетъ остаться безъ слѣдствія, однако принужденъ былъ наконецъ остаться и при помощи межевщика меня уже напубѣдительношимъ образомъ просить, чтобъ я когда не всѣ 30 десятинъ, на которыхъ мы было-помирились, такъ хотя-бъ сколько-нибудь ему земли далъ, дабы не было имени, что онъ помирился съ нами на старомъ владѣніи.

Убѣждалъ онъ меня къ тому наиболѣе тѣмъ, что онъ успѣлъ уже донести Льву Александровичу о примиреніи съ нами съ пѣкоторымъ приобрѣтеніемъ, слѣдовательно ему, какъ его подкомандующему, будетъ явная бѣда, если сдѣлается сіе иначе, и чтобъ я сдѣлалъ сіе изъ единого великодушія къ нему.

Я долго не хотѣлъ-было и на сіе согласиться, но какъ началъ онъ просить меня почти кланаясь мнѣ въ ноги, да и межевщикъ сталъ убѣждать насъ своею просьбою, то мы, смолвившись съ братьями, для скорѣйшаго окончанія всего дѣла и избѣжанія дальнѣйшихъ хлопотъ, и рѣшились пожертвовать десятью десятинами самой негоднѣйшей земли на нашихъ Воробьевыхъ-горахъ и симъ бездѣльникамъ ее бросить, чѣмъ наконецъ онъ былъ уже и доволенъ и съ превеликою радостью подписалъ вновь написанную о томъ полюбовную сказку; чѣмъ тогда все наше межевое съ нимъ дѣло и окончилось и мы всѣ съ торжествомъ возвратились во-свои.

Не успѣли мы сего кончить, какъ по приѣздѣ своемъ домой приступили къ раздѣлу и пустоши нашей Щиголовой, и кинувъ жеребій, 28-го числа разрѣзали и оную по числу нашихъ дачъ на разныя руки и тѣмъ совершили и сіе великое дѣло.

Послѣдующій за симъ день былъ достопамятенъ тѣмъ, что противъ всякаго чаянія лишились мы въ оной одного своего и всѣми нами любимаго сосѣда, Алексѣя Ивановича Руднева, жившаго въ деревнѣ Полозовѣ. Никто не ожидалъ толь рановременной смерти сего молодого человѣка. Умеръ онъ отъ самой бездѣлицы. Ѣздивъ молиться Богу въ Троицкой Сергіевъ монастырь и будучи на-веселѣ, сталъ выходить изъ коляски и зашибъ какъ-то немного ногу, къ чему прикинулся антоновъ-огонь, а отъ него и умеръ онъ, страдая болѣе трехъ недѣль мучительнѣйшимъ образомъ, оставивъ по себѣ жену и малыхъ дѣтей съ долгомъ 300 рублей и прямо въ жалостнѣйшемъ положеніи. Мы узнали обо всемъ томъ вмѣстѣ съ его кончиною и сожалѣли крайне, что не знали того прежде, а то можно-бы было чѣмъ-нибудь и помочь.

На Петровъ день положили-было мы ѣхать въ гости въ Тарусской уѣздъ къ пріятелю нашему, Осипу Васильевичу Гурьеву, подзывавшему уже насъ давно къ себѣ къ сему времени, дабы вкушѣ по-

бывать и на ярманкѣ, въ Тарусѣ въ это время бываемой; но остановило насъ то, что надобно было побывать у пріѣхавшаго въ Котово сосѣда и пріятеля нашего, Алексѣя Ивановича Темешова съ молодою его женою; ибо онъ наконецъ женился не на Срезневой, а на г-жѣ Лопатиной, доводившейся намъ нѣсколько въ сватовствѣ, потому что родная ея сестра была за роднымъ дядею жены моей.

Итакъ, мы ѣздили послѣ обѣда къ нему, а въ Тарусу отправились мы уже въ слѣдующее послѣднее число іюня рано и успѣли пріѣхать къ г-ну Гурьеву къ обѣду. Мы взяли туда съ собою и обоихъ старшихъ дѣтей нашихъ, ибо къ сему времени выздоровѣлъ и сынъ нашъ Степанъ отъ своей сыпи и мы въ первой еще разъ повезли его съ собою въ люди; но увы! сколь мало знали мы тогда, что сіе было и впервые и впослѣдніе.

По особливому дружеству къ нашему дому, были намъ хозяева чрезвычайно ради и старались угостить насъ всевозможнѣйшимъ образомъ, и я могу сказать, что всегда ѣзжалъ и бывалъ я у нихъ съ особливимъ удовольствіемъ.

Въ сей разъ нашли мы у нихъ бригадира Рославлева и познакомились съ онымъ. Послѣ обѣда ѣздили всѣ боярыни и дѣвицы на ярманку въ Тарусу и г. Гурьевъ не отпустилъ насъ не только въ тотъ, но и во весь послѣдующій день, и мы возвратились уже домой уже не прежде, какъ 2-го числа іюля.

Совсѣмъ тѣмъ поѣздка сія была намъ не совсѣмъ счастлива и было съ нами цѣлыхъ три бѣды вирожденіи оной. Во-первыхъ, во время ѣзды барынь на ярманку въ Тарусу по одному бездѣльному случаю перестрашались онѣ тамъ на смерть, и какъ жена моя была въ то время беременна, то боялся я, чтобъ не было оттого какихъ-нибудь худыхъ слѣдствій. Самъ я, будучи тамъ, занемогъ-было престоимъ и такимъ поносомъ, какого я никогда еще не имѣлъ и насилу освободился отъ него помощію мушкатнаго орѣха. А въ-третьихъ, и всего паче, разнемогся

бывшій съ нами сынъ нашъ Степанъ жаромъ и такъ сильно, что приѣхавши домой, слегъ въ постелю и не вставалъ уже съ оной.

По продолжающемуся и часъ отъ часу увеличивающемуся жару скоро увидѣли мы, что и онъ заразился оспою, которая проклятая болѣзнь уже съ нѣкотораго времени свирѣпствовала въ домѣ нашемъ и двухъ ребятшекъ уже похитила. Но какъ иные и выздоравливали, то сначала мы и не весьма тѣмъ перестрашались; но какъ въ третій день начала высыпать и оказалась чрезвычайно сильною, то сіе перетревожило всѣхъ насъ до крайности, а особливо какъ вскорѣ послѣ того оказались и всѣ обыкновенные признаки дурной и опасной оспы. Не могу изобразить, какъ всѣмъ намъ ребенка сего жаль было и съ какимъ чувствительнымъ состраданіемъ смотрѣли мы на него во всѣ немногіе дни наимучительнѣйшаго его страданія. Оспа сдѣлалась на немъ слитная и онъ не могъ никакъ перенести сей мучительной болѣзни. Смерть похитила у насъ и его при самомъ еще разцвѣтаніи его отроческихъ лѣтъ. Ему шелъ тогда уже пятый годъ. Мы всѣ любили его очень и оросили гробъ его горячими слезами.

Совсѣмъ тѣмъ я перенесъ сей несчастный случай мужественнѣе всѣхъ прочихъ нашихъ родныхъ и гораздо съ меньшимъ огорченіемъ, нежели всѣ прочіе. Мнѣ случилось въ самые дни его болѣзни переписывать набѣло вторую половину книги моей «О благополучіи» и писать ровно какъ нарочно самое то мѣсто, гдѣ я трактовалъ о утѣшеніяхъ въ несчастныхъ случаяхъ и средствахъ, которыми намъ свои печали и прискорбія уменьшать можно; и могу сказать, что имѣя тогда случай и производить ихъ въ самой практикѣ, воспользовался я ими очень много и они дѣйствительно помогли мнѣ перенести сію печаль съ довольнымъ твердодушіемъ.

Схоронивъ сего милаго и любезнаго ребенка подлѣ его старшаго брата, такою же малютки, не успѣли мы еще отъ

сей печали нѣсколько отдохнуть, какъ готовилась для насъ уже и другая.

На Ильинъ день восхотѣлось намъ съѣздить всѣмъ на деревенскую ярманку въ село Миротино за заводомъ. Никогда мы на сихъ ярманкахъ не бывали и боярынямъ моимъ восхотѣлось ее видѣть. Итакъ, мы поѣхали туда, взявъ съ собою и старшую дочь нашу.

Во время пребыванія нашего тамъ, застигшая престокая гроза съ пресильнымъ дождемъ перестрашала и обезпонила насъ чрезвычайно. Но какъ поѣхали мы домой, то воспослѣдовало еще худшее.

На дорогѣ сей занемогъ такимъ же образомъ, какъ братъ, и дочь наша, такъ что мы наслу ее, бѣдняжку, привезли домой.

Сдѣлался и въ ней жаръ превеликой и какъ мы не сомнѣвались, что и она по всему видимому начинала разгораться къ оспѣ, то будучи уже настращены, вострепетали объ ней всѣ духомъ.

Сей намъ и того болѣе было жаль. Она была уже двумя годами старѣ брата и утѣшала насъ много своимъ милымъ и любезнымъ характеромъ.

Жаръ, часъ отъ часу увеличиваясь, сдѣлался такъ великъ, что бѣдняжка страдала престокими конвульзіями.

Мы обезпамятали сіе увидѣвъ, но по счастію вздумалось мнѣ броситься въ лечебныя книги и я нашелъ въ нихъ, что конвульзіи сіи неопасны и болѣе добро, нежели зло предвозвѣщаютъ. Сіе ободрило всѣхъ насъ нѣсколько.

Намъ присовѣтовали положить ее на медвѣжину, увѣряя, что сіе будто помогаетъ къ лучшему высыпанію оспы. Совсѣмъ тѣмъ во все то время, покуда не начала высыпать оспа, находились мы въ страхѣ и недоумѣніи неизобразимомъ, и не прежде нѣсколько успокоились духомъ и ободрились, какъ увидѣли, что оспа оказывалась рѣдная и имѣющая всѣ признаки доброй. Тогда вдругъ перешли мы изъ печали въ неопisanную радость и удовольствіе. Мы говорили только: «Слава, слава Богу!» и слезы радости текли у насъ у

всѣхъ, и у меня и перваго изъ глазъ. Я не могъ довольно возблагодарить за то Господа. Она дѣйствительно была противъ всякаго чаянія рѣдка и хороша. Однако, покуда не начала она подсыхать, находились мы еще все въ нѣкоторомъ опасеніи.

А не успѣла сія бѣда миновать и оспа благополучно начала съ нея сходить, какъ та же болѣзнь постигла и меньшого сына моего Павла.

Сіе ввергло опять всѣхъ насъ, а болѣе всѣхъ меня въ великое озабоченіе и безпокойство.

Малютку сего любилъ я какъ, то отменно съ самаго его младенчества и онъ былъ мнѣ милъ до чрезвычайности; и потому сколько я ни философствовалъ и какъ ни старался подкрѣплять себя надеждою на Бога и предавать ему во власть сего рабенка, но мысль, что могу лишиться и сего милаго рабенка и послѣдняго сына, тревожила мой духъ и безпокоила очень. Но по счастію продлилось сіе недолго и въ первые дни его горѣнія не предвидѣли уже мы дальней опасности. А какъ стала высыхать и она оказалась не только очень рѣдкою, но и со всѣми признаками оспы хорошей и безопасной, то мы не вспомнили себя отъ радости и не знали какое благодареніе воздать Всемогущему за то, что онъ утѣшилъ всѣхъ насъ таковою легкою болѣзнію сего птенца любезнаго.

Она и подлинно была такъ легка, что онъ перенесъ ее почти играючи, катаясь по своей колыбели и твердилъ только, что это дядины гамъ (т.-е. собаки) его такъ искушали.

Все сіе продлилось долго и мы за симъ и не видали, какъ прошелъ весь іюль мѣсяцъ и почти вся первая половина августа. За болѣзнями сими дѣтей нашихъ принуждены мы были все время сіе сидѣть дома и какъ по сему случаю имѣлъ я много свободнаго времени, то успѣлъ въ оное не только кончить перепискою всю книгу мою «О благополучіи», но разохотившись въ томъ, переписать набѣло и всю третью часть моей «Дѣтской фило-

софіи», которую имѣлъ я у себя въ разные времена сочиненную и начать самую четвертую; и занимался трудомъ симъ иногда въ хоромахъ, а иногда, отъ духоты въ нихъ, на свободномъ воздухѣ въ саду, сидючи въ тѣни и въ прохладѣ въ прекрасныхъ своихъ полубесѣдкахъ, посреди сада находившихся и изъ стриженныхъ липокъ составленныхъ; а между тѣмъ продолжались у меня кой-какія и дѣлишки въ садахъ, но немногія, по причинѣ, что время было рабочее и люди нужны были на покосѣ.

Но не успѣлъ я въ разсужденіи болѣзней дѣтей своихъ обезпечиться и, видя ихъ выздоравливающихъ, успокоиться духомъ, какъ вдругъ опять весь духъ мой встревоженъ и приведенъ былъ въ превеликое смущеніе и безпокойство.

Прискакали ко мнѣ нарочно посланные изъ шадской моей деревни съ письмами и отъ прикащика и отъ нѣкоторыхъ изъ моихъ тамошнихъ сосѣдей и знакомыхъ. Всѣ они писали ко мнѣ, что г. Пашковъ дѣйствительно уже межевщика своекоштнаго привезъ и хочетъ всю нашу обширную степь замежевать за собою, и всѣ просили Христомъ и Богомъ, чтобъ я поспѣшилъ скорѣе къ нимъ пріѣхать и помочь имъ въ семъ критическомъ дѣлѣ, за которое они по необыкновенію своему не знаютъ какъ и приняться.

Все сіе меня не только перетревожило, но и чрезвычайно удивило.

Не понималъ я, почему такому вознамѣривается Пашковъ за собою всю необятно большую и обширную степь нашу. И какъ навѣрное заключалъ, что надобно быть тутъ какому-нибудь особому плутовству и вѣдая изъ опытности всѣ мытарствы и хитрости межевщиковъ, и что и что могутъ они сдѣлать, также и совершенную неопытность и самое даже невѣжество всѣхъ своихъ тамошнихъ сосѣдей, имѣлъ причину опасаться, чтобъ они дѣйствительно чего-нибудь тамъ не напроказили, и потому за необходимое и самъ призналъ стараться поспѣшать туда какъ можно скорѣе своимъ пріѣздомъ.

Итакъ, не долго думая, и бросивъ и сады свои и плоды въ нихъ и всѣ литературныя свои упражненія, ну-ка я скорѣе укладываться и опять въ дальній путь свой убираться.

Я приглашалъ-было и обоихъ братьевъ своихъ ѣхать съ собою, какъ соучастниковъ во владѣніяхъ тамошнихъ; но какъ они полѣнились и стали то тѣмъ, то другимъ отговариваться, то, не долго думая, рѣшился я ѣхать туда одинъ и взялъ только въ сотоварищество свое опять моего племянника, Александра Андреевича Травина и, распрощавшись со

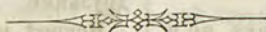
своими домашними, 13-го числа августа въ сей путь и отправился.

Но какъ письмо мое достигло уже до своихъ предѣловъ, то о сей третичной и въ особенности достопамятной своей ѣздѣ предоставляю повѣствованіе будущимъ и послѣдующимъ за симъ письмамъ; а между тѣмъ, окончивъ симъ сіе 15-е собраніе оныхъ, скажу вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

Конецъ XV части.

(Декабря 11, 1808 году).

Окончена перепискою декабря 15 дня 1809 года.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XVI.

(Очинена въ декабрѣ 1808, перепискою начата въ концѣ 1809, а кончена февраля 8-го 1810, въ Дворяниновѣ).

Продолженіе исторіи моей первой деревенской жизни по отставкѣ вообще, а въ особенности о третичной моей ѣздѣ въ шадскую деревню и о бывшемъ тамъ первомъ межеванѣ.

1773.

(Сочиненіемъ начата декабря 18-го 1808, перепискою декабря 15-го 1809).

Письмо 161-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описанію моей третьей ѣзды въ шадскую мою деревню, что нынѣ тамбовская, и достопамятнаго моего тамъ въ сей разъ пребыванія, скажу, что въ путь сей отправился я изъ дома своего 13 августа 1773 года и въ сотовариществѣ опять одного только моего племянника, Александра Андреевича Травина.

Обстоятельнымъ описаніемъ сего путешествія моего туда не нахожу за нужное васъ обременять, ибо во все продолженіе онаго не случилось съ нами ничего

особливаго и такого, о чемъ стоило бы труда рассказывать, а коротко только скажу, что ѣхали мы опять чрезъ Тулу, Елифанъ, Ранибургъ, Козловъ и Тамбовъ. А отъ сего города поѣхалъ я уже не на Кузменки и Колтево, а прямо чрезъ Боръ и Пески на село Разказово, гдѣ хотѣлось мнѣ видѣться съ тамошнимъ управителемъ и поговорить съ нимъ объ общемъ нашемъ тогдашнемъ дѣлѣ и предпринимаемомъ господиномъ Пашковымъ своекоштнымъ межеванѣ. Ибо къ степи нашей, которую сей ненасытной наянъ всю себѣ присвоить и замежевать хотѣлъ, прилежали и земли помянутого огромнаго дворцоваго села, и я надѣялся получить отъ него какое-нибудь объясненіе тому, почему такому г. Пашкову

всю оную огромную степь себѣ присвоивалъ, поелику я еще о томъ ничего не вѣдалъ.

Но, по несчастію, господина управителя сего не нашелъ я дома. Онъ былъ гдѣ-то въ отлучкѣ, и потому заѣздъ мой въ сіе мѣсто былъ по-пустому.

Отужинавъ тутъ у знакомаго мнѣ подъячаго и узнавъ отъ него, хотя не что иное, какъ только то, что межеванье еще не начиналось, а скоро начнется, и переночевавъ въ семь мѣстѣ, поспѣшавъ я въ свою деревню, куда въ слѣдующій день, случившійся въ 20-е число августа, и прибылъ.

Тутъ я нашелъ не только своихъ, но и всѣхъ сосѣдей въ превеличайшей тревогѣ, недоумѣніи и безпокойствѣ; межевщикъ дѣйствительно уже въ тамошнія мѣста приѣхалъ и по обыкновенію собиралъ уже отъ всѣхъ сказки и повѣренныя письма. И какъ для всѣхъ тамошнихъ жителей дѣло сіе было совсѣмъ новое и они о межевыхъ дѣлахъ не имѣли ни малѣйшаго понятія, то всѣ они выражъ перетрусилась и, нечаянною сею будучи впрахъ и крайне перетревожены, не знали что и дѣлать.

При таковыхъ обстоятельствахъ съ неописаннымъ вожделѣніемъ и нетерпѣливостью ожидали они меня, какъ города, ибо, будучи о свѣдѣніяхъ моихъ по межевымъ дѣламъ извѣстны, надѣялись, что я одинъ въ состояніи буду всѣхъ ихъ защитить, или, по крайней мѣрѣ, наставить ихъ во всемъ нужномъ. А потому легко можно заключить, что всѣ они, услышавъ о приѣздѣ моемъ въ самую нужнѣйшую пору, крайне обрадовались.

Наилучшимъ, разумнѣйшимъ, добрѣйшимъ и зажиточнѣйшимъ изъ всѣхъ тамошнихъ и въ сіе время въ домахъ бывшихъ сосѣдей, былъ нѣкто господинъ Сабуровъ, по имени Иванъ Яковлевичъ, — человекъ, котораго мнѣ еще не случилось видѣть, которой жилъ въ сосѣдственной къ намъ деревнѣ Калиновкѣ, и о которомъ на сказано мнѣ было столько добра, что я съ вожделѣніемъ хотѣлъ его видѣть и съ нимъ познакомиться. И какъ

сказано мнѣ было, что и онъ съ нетерпѣливостью меня и съ часу на часъ ждалъ и всякой день присылалъ обо мнѣ провѣдывать, то мое первое дѣло было послать къ нему съ увѣдомленіемъ о моемъ приѣздѣ.

Господинъ Сабуровъ не успѣлъ услышать, какъ, обрадовавшись до чрезвычайности, въ тотъ-же часъ ко мнѣ прискакалъ. Я нашелъ въ немъ нарочито уже пожилого и дѣйствительно, хотя простодушнаго, но столь добраго человека, что мы въ одинъ мигъ другъ друга полюбили и сдѣлались добрыми пріятелями или паче друзьями.

Вскорѣ послѣ его прилетѣлъ ко мнѣ и господинъ Тараковской, а вслѣдъ за нимъ изъ Трескина господинъ Казначеевъ, а тамъ господинъ Бѣляевъ изъ Бѣляевки. Итакъ, въ одинъ почти часъ собралось насъ пять человекъ.

Всѣ они не успѣли со мною поздороваться, какъ и начали другъ предъ другомъ непрерывъ изъяснять мнѣ всю опасность тогдашняго положенія всей нашей округи и боязнъ, чтобъ Пашковъ, взятымъ имъ на свой коштъ землемѣромъ, не отхватилъ и не замежевалъ за собою дѣйствительно всей тамошней степи, прилегающей бокомъ ко всей нашей округѣ, и которою всѣ селы и деревни нашей округи довольствовались, какъ распахивая оную, такъ кося на ней ковыль для сѣна.

Я удивлялся всему тому и, ободряя ихъ, говорилъ, что сему быть не можно, ежели мы всѣ между собою будемъ согласны и употребимъ всѣ нужные къ отвращенію того способы и возьмемъ предварительно благоразумныя мѣры.

Но какимъ поразился я удивленіемъ, когда, при вопросѣ, чтѣ-бъ такое помышляли всѣ наши господа сосѣди при семъ дѣлать, услышалъ я, что у всѣхъ тамошнихъ жителей то только одно на умѣ, чтобъ не допускать до того насиліемъ и чтобъ, собравшись всѣмъ опять такимъ-же скопомъ и заговоромъ, какой они уже однажды противъ Пашкова съ успѣхомъ употребляли, не допускать его и въ сей разъ до наглости и своевольства.

— Помилуйте! воскликнулъ я: — развѣ хотятъ они тѣмъ не только все дѣло испортить, но и самихъ себя вплести въ безконечныя хлопоты и самыя бѣды и напасти!—Но о какомъ вы упоминаете скопѣ и заговорѣ, бывшемъ уже однажды?

— «Ахъ!—сказали они: —такъ вы поэтому еще о семъ не знаете, и вотъ мы вамъ расскажемъ о семъ славномъ дѣлѣ».

Любопытенъ я былъ очень сіе слышать и просилъ ихъ о томъ; и тогда господинъ Сабуровъ разсказалъ мнѣ слѣдующую исторію.

— «Вы знаете, сказалъ онъ, что вся сія огромная степь издревле почиталась дикою и никому непринадлежащею; и какъ въ нее никто не вступалъ, то потому самому и распахиляли мы и всѣ наши къ ней прикосновенные сосѣди изъ ней столько земли, сколько кто могъ; а достальной кавылъ кашивали также не только мы, но и приѣзжающіе изъ другихъ и даже отдаленныхъ верстъ за двадцать и за тридцать мѣстъ обыватели, и всякой косилъ тамъ, гдѣ кому хотѣлось, и гдѣ удалось кому обкосить себѣ округу для косыбы сѣна».

— Это я знаю, сказалъ я,—и давно слышалъ; но что далѣе?

— «Симъ образомъ, продолжалъ господинъ Сабуровъ, пользовались всѣ близлежащіе селы и деревни этою степью издревле безданно-безпошлинно и до тѣхъ поръ, покуда не принесла нелегкая Пашкова на его маленькой и ничего незначащій хуторокъ, посреди сей степи на рѣчкѣ Ржакѣ для скотоводства заведенный. До того времени никто объ немъ почти и не слыхивалъ, а жилъ онъ себѣ въ своей Гагаршинѣ верстъ за сто отсюда, и въ хуторишкѣ его здѣшнемъ не было ни пашни и ничего, а только нѣсколько скота; а тогда, побывавши самъ на ономъ и видно прельстившись степью, вздумалъ вдругъ всю ее назвать своею».

— Это смѣшно! сказалъ я.

— «Но какъ-бы вамъ ни казалось это смѣшнымъ,—подхватилъ господинъ Са-

буровъ,—но онъ не только ее назвалъ своею, но и дѣйствительно сталъ ее съ сего времени себѣ присвоивать; и не успѣло въ слѣдующій годъ настать покосное время, какъ нарядивъ множество людей казаками и снабдивъ ихъ оружіемъ, выслалъ ихъ на сію степь и велѣлъ всѣхъ косящихъ ее разныхъ сель и деревень косцовъ гнать съ ней долой, говоря, что вся эта степь его, и что буде кто хочетъ косить на ней траву, то платили бы ему съ каждой косы по четверти рубля».

— Прекрасно! удивившись, сказалъ я. Но пожалуйста, когда это было: прежде или послѣ изданія о размежеваніи земель манифеста?

— «Гдѣ твой манифестъ! подхватилъ г. Сабуровъ; а гораздо послѣ и нѣсколько лѣтъ спустя послѣ изданія онаго».

— И того еще лучше! сказалъ я: — но что далѣе?

— «Далѣе то, что какъ изъ всѣхъ косящихъ никто не имѣлъ на степь сію права, а особливо изъ жителей, приѣхавшихъ издалика, то они, не долго думая, и согласились дать ему съ косы по четверти рубля, и онъ имъ сколько хотѣли косить и далъ; а смотря на нихъ, дураки и наши сосѣди то же сдѣлали и онъ со всѣхъ содралъ изрядную кожуринку».

— Это дурно! сказалъ я, и весьма жаль, что они это сдѣлали. А имъ бы совсѣмъ не то сдѣлать надлежало, а собравшись всѣмъ, заявить формально въ городъ на него, что онъ въ противность манифеста захватываетъ то во владѣніе, чѣмъ онъ не владѣлъ до манифеста. А сего, я думаю, никто и не подумалъ сдѣлать!

— «Кому это было дѣлать и затѣвать! Всѣ разсѣялись по своимъ норамъ и довольны были, что остались съ сѣномъ. Да и никому не пришло сего и въ голову, по незнанію совсѣмъ межевыхъ законовъ».

— То-то и дѣло, сказалъ я;—но что далѣе?

— «А то, что такъ тогда этотъ годъ и прошелъ; а не успѣло наступить опять

покосное время, и вся с тѣхъ по прежнему наполнилась множествомъ народа, какъ появились опять его вооруженные казаки и опять начали сгонять всѣхъ и требовать съ косы уже по полтинѣ».

— Такъ!.. И вотъ послѣдствія отъ первой неосторожности. Ему нужно было разлакомиться, какъ и пошло далѣе. И диковинка еще, что онъ не болѣе требовалъ.

— «Ахъ! это и вышло дѣйствительно; ибо какъ и въ этотъ годъ всѣ косившіе сѣно ему требуемое число заплатили, поелику всѣмъ цѣна сія казалась еще снотною и всѣ хотѣли только съ нимъ развязаться и не остаться безъ сѣна, то онъ, содравъ и въ сей разъ козуринку, еще лучше первой, и разлакомившись тѣмъ еще болѣе, на третій годъ, поступивъ такимъ же образомъ, сталъ требовать уже по рублю съ косы каждой».

— Такъ!.. онъ не дуракъ и самъ о себѣ, а на дураковъ только напалъ. Ну что-жъ, и заплатили по рублю?

— «Нечего было дѣлать, помялись, помялись, но какъ сталъ онъ дѣйствительно гнать, угрожая даже оружіемъ, ибо въ сей разъ вывезены были у него даже и пушки, то рѣшились, наконецъ, заплатить ему и по рублю, дабы только отъ него отвязаться и косить спокойно сѣно».

— Это уже совсѣмъ плохо было сдѣлано; ибо тѣмъ самимъ и дали ему поводъ къ присвоенію себѣ на вѣки этой степи и получить на нее нѣкоторое право.

— «Что дѣлать! кому было спорить и кому стоять! Весь народъ состоялъ изъ сущаго сброда и людей безъ всякаго начальства и безъ права. Совсѣмъ тѣмъ содраніе сей третьей козуринки со всѣхъ насъ и постороннихъ сдѣлалось уже всѣмъ чувствительно. Всѣ начали уже о томъ говорить и толковать и всѣ бояться, чтобъ онъ, увеличивая симъ образомъ съ года на годъ цѣну, не довелъ ее и до пяти рублей и больше».

— Они и не погрѣшали въ томъ, и это могло бы скорѣе всего случиться; но мнѣ удивительно, что я отъ своихъ о томъ ни

слова не слышалъ, и они мнѣ на сіе не жаловались.

— «Да какъ имъ и жаловаться, когда съ нихъ никогда ничего не было и требовано, и они по прежнему косили себѣ, гдѣ хотѣли, безданно-безпошлинно».

— Это удивительно! но почему же такъ?

— «Какъ почему? потому что онъ зналъ, что у васъ земля купленная, и что вы имѣете законное право ею пользоваться, а потому вашихъ онъ и не трогалъ. Онъ не дуракъ! Но самое сіе нѣкоторымъ изъ нашихъ и открыло глаза, ибо какъ они, завидуя вашимъ, о томъ имъ говорили, а ваши сказали: «Вольно-де вамъ, дуракамъ, платить. Степь казенная и вольно Пашкову ее называть своею. Никто еще не знаетъ почему онъ ее своею называетъ, а теперь сами вы подали ему на себя ѳселъ, и поглядите какъ онъ съ васъ драться станетъ». А сіе и наставило на умъ и взбудоражило всѣхъ нашихъ. — Въ самомъ дѣлѣ, начали они говорить: — вѣдь степь казенная, и мы еще не знаемъ почему Пашковъ ее называетъ своею, за что же намъ ему платить? съ Болотовыхъ не беретъ онъ ни копѣйки, и не требуетъ, а это и доказываетъ, что она ему не крѣпка и присвоеніе сумнительно». — А не успѣли распространиться въ народѣ такіа судаченія, какъ мало по малу смолвились и согласились всѣ въ послѣдующій годъ сдѣлать скопъ и заговоръ и не только ему не давать ничего, но ежели станетъ сгонять, то всѣмъ стать за одно грудью и гнать съ степи и самыхъ требователей; что они дѣйствительно и сдѣлали. И, смолвившись, всѣ стали грудью и, угрожая обиральщикамъ самихъ перерѣзать косами, такой на нихъ самихъ страхъ нагнали, что они принуждены были, не солоно хлѣбавъ, уѣхать, и болѣе не показывались; а весь народъ въ это лѣто и косилъ степь безданно-безпошлинно».

— Bravo! и давно бы, а того лучше съ самаго начала такъ-то бы поступить надлежало. Но что-жъ послѣ?

— «А то, что и въ прочіе послѣ того немногіе годы не смѣли они уже выѣзжать,

и степью опять начали всѣ владѣть по прежнему и называть ее всѣ уже казенною.

— Но почему-жъ онъ теперь, спросилъ я далѣе, вздумалъ ее за собою отмежевывать?

— «Чортъ его знаетъ! твердить только, что она его. Насъ всѣхъ называетъ грачами, несмыслами и, насмѣхаясь, говорить: «Посмотритъ онъ, какъ они будутъ каркать и какъ не допустить отмежевать ему ее». Словомъ, онъ всѣхъ насъ почитаетъ ни за что и говоритъ навѣрное, что онъ всю ее отмежуетъ за собою».

— Это еще Богъ знаетъ! и каково случится карканье, не зазвенѣло-бы и у самого его оно въ ухахъ. Это еще посмотримъ.

— «О, дай Богъ, чтобъ хотя вы намъ помогли. На насъ надѣяться не можно. Мы всѣ ни уха ни рыла не знаемъ, и теперь вся у насъ надежда на васъ однихъ. Вамъ дѣла такія изъ опытности уже знакомы».

— То такъ, государи мои! я готовъ употребить все, что могу и непременно вѣрно это сдѣлать. Совсѣмъ тѣмъ не могу довольно надивиться поступкамъ господина Пашкова. Нельзя, кажется, стать, чтобъ онъ только съ дура, по одной только наглости и не имѣя никакого права и слѣда, вздумалъ степь сію не только присвоить себѣ, но и взять межевщика на свой коштъ для отмежеванья оной. Это-то меня удивляетъ и кажется совсѣмъ ненатуральнымъ дѣломъ; а надобно вѣрно чему-нибудь быть, и уже не имѣеть-ли онъ въ самомъ дѣлѣ какого права къ называнію ее своею? Попросту нельзя ему никакъ этого дѣлать.

— «Ахъ, отецъ мой! сказалъ г. Сабуровъ: — вы чуть ли не отгадали. Скажу вамъ, что слухъ о скоромъ приѣздѣ землемѣра побудилъ меня кое-кого разспрашивать о томъ да и полазукать по канцеляріямъ и по другимъ мѣстамъ, съ тѣмъ, не попадется-ли мнѣ гдѣ какая-нибудь бумага и не услышу-ли отъ кого чего-нибудь, относящагося до сего дѣла; и Богъ помогъ мнѣ не только узнать всю исторію о сей

степи, но и достать нѣкоторыя бумаги, которыя могутъ служить къ объясненію».

— Ахъ, батюшка мой! — подхватилъ я, такъ покажите-жъ мнѣ, ради Бога, ихъ, чтобъ я судить по онымъ могъ, какъ мнѣ поступить при предстоящемъ межеваньи и какія принять лучшія мѣры.

— «Что, отецъ мой! я руки себѣ ажно ѣмъ, что не взявъ ихъ съ собою; но какъ пожалуете ко мнѣ, то всѣ вамъ ихъ покажу».

— Завтре-же, батюшка, явлюсь я у васъ. Я очень любопытенъ и горю нетерпѣливостью ихъ видѣть. А между тѣмъ, какъ время для насъ очень дорого и драгоценна каждая минута, то для скорѣйшаго преподанія мнѣ иѣ котораго понятія, нельзя-ли вамъ и теперь, хоть по памяти, рассказать мнѣ что вы узнали?

— «Съ удовольствіемъ готовъ, отецъ мой, и вотъ что: степь сія была дѣйствительно казенная и дикая, а Пашковъ присвоиваетъ ее себѣ подлинно не совсѣмъ безъ причины. Отецъ его покойной — самой тотъ, которой доносилъ государю Петру I на князя Гагарина и отъ котораго сей и погибъ, получивъ въ награду за то тѣ знатныя вотчины, которыя называются и по нынѣ «Гагаршиною», и гдѣ Пашковъ нынѣ живетъ, — былъ въ Воронежѣ губернаторомъ. Въ это время жилъ въ сосѣдственной со мною деревнѣ Лукинѣ однодворецъ, по имени Лука Черной. Былъ онъ изъ воровъ воръ и конокрадъ славной. Какимъ-то образомъ попался онъ по воровскимъ дѣламъ своимъ въ воронежскую тюрьму. Сидючи въ ней долгое время, и не зная какъ отъ заслуженнаго наказанія избавиться, нашелъ онъ какъ-то слѣдъ къ губернатору и прельстилъ его обѣщаніемъ, что онъ, въ случаѣ если освободить его изъ тюрьмы, то продастъ онъ ему за бездѣлку нѣсколько земли въ своей отчизнѣ, а сверхъ того доставить ему слѣдъ къ полученію земли и гораздо болѣе. Губернаторъ далъ себя соблазнить сему бездѣльнику. Онъ выпустилъ его дѣйствительно безъ наказанія, а сей и продалъ ему нѣсколько четвертей изъ своей дачи,

а сверхъ того расхвалилъ ему всю сію степь, съ которою земля его была смежна, и поджегъ его чтобъ онъ выпросилъ изъ сей казенной земли себѣ нѣсколько. А Пашковъ и выпросилъ себѣ какъ-то дѣйствительно тысячу четвертей изъ оной. И какъ надобно было ее себѣ отказывать, то пошли онъ для сего отказа какого-то вахмистра, своего подкомандующаго, а сей, приѣхавъ, и описалъ въ отказныхъ книгахъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ всю сію огромную и нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ содержащую степь, — и что-жъ еще, отецъ мой! — приурочъ ее даже кругомъ живыми урочищами и между прочимъ по нашей побочинѣ такими, которыя и теперь отчасти въ нашихъ дачахъ. А сіе-то насъ всего болѣе и тревожить, и мы боимся, чтобъ онъ не только не отхватилъ по симъ урочищамъ всю степь себѣ, но и множество пахатныхъ земель нашихъ».

Нельзя изобразить съ какимъ любопытствомъ и съ разными душевными движеніями слушалъ я сію повѣсть, и какъ изумила она меня своимъ окончаніемъ. Я принужденъ былъ воскликнуть:

— Вотъ, судырь, ажъ какъ это! всего этого я не зналъ и мнѣ и въ голову всего этого не приходило, а теперь вижу, что всё это не составляетъ бездѣлки, и дѣло наше не такъ-то маловажно, каковымъ я его почиталъ, а подвержено дѣйствительно великому сумнительству; самому мнѣ наведеть оно множество хлопотъ, и при всемъ томъ боюсь, чтобы и мои всѣ старанія не были тщетны. Однако, посмотримъ! дайте-ка мнѣ все самому увидѣть и разсмотрѣть, и тогда судить можемъ уже основательнѣе и лучше. А между тѣмъ, какъ мнѣ довольно извѣстны всѣ плутни и уловки межевщиковъ и я боюсь, чтобъ межевщикъ этотъ чего бы не схитрилъ безъ насъ и прежде, нежели мы къ отпору приготовимся, то скажите мнѣ, гдѣ находится онъ и когда, и съ котораго мѣста, и гдѣ думаетъ начинать межевать?

На сей вопросъ всѣ гости мои не могли ничего иного сказать, что межевщикъ на

хуторѣ Пашкова, а самъ онъ еще не приѣзжалъ изъ Гагарщины; но когда и гдѣ онъ начнетъ межевать, о томъ они ничего навѣрное не знаютъ, и думаютъ, что очень скоро.

— Хорошо-же, государи мои, сказалъ я, что я успѣлъ подоспѣть сюда заблаговременно; но какъ намъ ни одной минуты терять не надобно, то начнемъ теперь же тѣмъ, что какъ насъ всѣхъ соучастниковъ въ этой степи и дачѣ очень много, всѣмъ же намъ нельзя никакъ быть безъ предводителя одного, которому-бы всѣ уже повиновались, то не изволите-ли съ общаго согласія кого-нибудь къ тому назначить?

Неожиданное сіе предложеніе заставило всѣхъ думать. Они хотя и одобрили оное, но не знали кого бы лучше въ начальники назначить. И какъ мнѣ быть онымъ не хотѣлось, то, не допуская ихъ до дальнихъ размышленій, сказалъ имъ:

— Не знаю, государи мои, какъ вы, а мнѣ кажется не для чего долго думать; а вотъ Иванъ Яковлевичъ и лѣтами, и чиномъ всѣхъ насъ старѣе и достоинствами заслуживаетъ предпочтенъ быть всѣмъ прочимъ. Не согласитесь ли ему сдѣлать эту честь?

Всѣ, одобривъ сіи мысли, закричали:

— «Очень, очень хорошо! и мы всѣ на то согласны и просимъ Ивана Яковлевича принять на себя сіе начальство, а васъ, чтобъ вы были ему помощникомъ и по знанію вашему всему дѣлу производителемъ».

— Очень хорошо! сказалъ я, — ежели вамъ угодно, то я беру на себя сію комисію, и радъ во всемъ помогать Ивану Яковлевичу, и не сомнѣваюсь, что и онъ не откажется отъ предлагаемаго начальства, которое ему, какъ почтенному человеку, приличнѣе всѣхъ прочихъ.

— «Что дѣлать, сказалъ на сіе господинъ Сабуровъ: — хотъ не радъ, а готовъ. Но вы, батюшка, Андрей Тимоѣевичъ, помогайте ужъ мнѣ. Я прямо о себѣ скажу, что ничего не знаю и не смышлю».

Итакъ, симъ выборомъ и назначеніемъ начальника, или паче диктатора, во всей

нашей республикѣ и кончился у насъ сей первой день моего приѣзда. Мы условились на утрѣ съѣхаться опять, какъ для совѣта, такъ и для ѣзды, буде успѣемъ, въ степь для осмотра всѣй оной лично.

Всходствіе чего съ самаго утра и поѣхалъ я на другой день къ г. Сабурову, и ѣдучи мимо г. Тараковского, заѣхалъ за нимъ. Тутъ засталъ я господъ Колемина, Левашова и Ржавитинова, а вскорѣ приѣхалъ къ намъ туда-жъ и нашъ диктаторъ, г. Сабуровъ. Мы приступили тотчасъ къ совѣщанію, и на семъ первомъ совѣтѣ положили, чтобъ для предосторожности и недопущенія межевщика что-нибудь безъ насъ сдѣлать, имѣтъ бы намъ въ степи всегда наблюдателемъ одного изъ нашихъ сосѣдей офицерскаго ранга и чтобъ смѣнять его всякой день другимъ; и, не долго думая, назначили быть первымъ дежурнымъ г. Колемина. И какъ онъ охотно на себя сію комисію принялъ, то въ тотъ же часъ его въ степь и отправили, препоручивъ наблюдать и примѣчать, что происходитъ будетъ и тотчасъ насъ увѣдомить, если какое движеніе у нашихъ непріятелей окажется.

Сдѣлавъ сіе и отложивъ собственную ѣзду свою въ степь въ сей день за холодомъ, поѣхали мы съ г. Сабуровымъ къ г. Соймонову, гдѣ нашли и его брата. Тутъ посидѣвъ и поговоривъ обо всемъ, поѣхалъ я обѣдать къ г. Сабурову и напелъ у него изрядной домикъ и семейство, хотя небольшое, состоящее въ его женѣ и племянницѣ, но ласковое и пріятное. Всѣ они были мнѣ очень рады и старались угостить всячески. Послѣ обѣда предложилъ онъ мнѣ всѣ свои письменные документы, и я, прочитавъ оныя, напелъ ихъ столь важными, что выпросилъ ихъ съ собою домой, дабы на свободѣ получше обо всемъ подумать и собраться съ мыслями. Между тѣмъ былъ у насъ у обоихъ, какъ главныхъ начальниковъ, опять тайной совѣтъ обо всемъ, что намъ дѣлать надлежало, и какъ положили мы ждать повѣстки отъ нашего

форпостнаго офицера, то, просидѣвъ у него до самаго вечера, возвратился я домой.

Тутъ принялся я тотчасъ за прилежнѣйшее разсматриваніе всѣхъ документовъ, и признаться долженъ, что они меня весьма смутили. Чѣмъ болѣе я вникалъ въ содержаніе оныхъ, тѣмъ сумнительнѣйшимъ казалось положеніе нашего дѣла. Оказывалось, что Пашковъ дѣйствительно имѣлъ право къ присвоенію себѣ всѣй нашей степи, и хотя откащикомъ употреблено явное плутовство и вмѣсто 1000, данныхъ Пашкову четвертей, обѣхана, описана и живыми урочищами приурочена имъ округа, содержащая въ себѣ до 50 тысячъ десятинъ, слѣдовательно, въ 25 разъ болѣе противъ даннаго ему количества; и хотя бездѣльникъ сей въ отказныхъ своихъ книгахъ и написалъ, что онъ помянутыя 1000 четвертей измѣрилъ и въ десятины положилъ, но опровергнуть его отказъ было ничѣмъ не можно и дѣлать было нечего.

Извѣстная мнѣ важность живыхъ урочищъ, почитаемыхъ во всемъ межеваніи ненарушимою святостью, устрашала меня всего болѣе и лишала всей надежды. Холодной потъ прошибъ даже меня, когда усмотрѣлъ я всѣ сіи трудности и невозможности, и долго былъ я въ превеликомъ сумнѣніи и нерѣшимости; но наконецъ, схвативъ межевую инструкцію, ну-ка я ее читать и приписывать всѣ мѣста, гдѣ упоминаемо было о земляхъ, данныхъ въ прежнія времена изъ дикихъ полъ, и приспособливать оныя къ нашему дѣлу. И какъ неописанно и даже до восторга обрадованъ я былъ, когда вдругъ въ ней напелъ одинъ пунктъ, не только для меня утѣшительной, но подававшій мнѣ, такъ сказать, въ руки къ разрѣшенію нашего гордіева узла или вѣрное средство къ разрушенію вышепомянутаго плутовства и къ уничтоженію всего мнимаго законнаго на всю степь права г. Пашкова.

Важный и достопамятный пунктъ сей, которой назначалъ я фундаментальнымъ основаніемъ всему предпринимаемому нами спору, и долженствовавшій помо-

гать намъ къ преоборонію Пашкова, былъ слѣдующаго содержанія:

«Всѣ произведенныя изъ дикихъ поль дачи безденежно не далѣе утверждать, какъ только тѣ, которыя даны до 1714 года, а если которыя по спорамъ окажутся произведенными послѣ онаго года по 1736 годъ, таковыя хотя и намѣривать то число, сколько именно произведено въ дачу, а если числа не написано, то по живымъ урочищамъ; а ежели ни числа, ни живыхъ урочищъ не назначено, то по пропорціи ревизскихъ душъ, однако о всѣхъ таковыхъ земляхъ безъ утвержденія еще оныхъ собирая вѣдомости, представлять въ межевую экспедицію на разсмотрѣніе».

Признаюсь, что пунктъ сей былъ мнѣ до того совсѣмъ неизвѣстенъ, или мною при читаніи инструкціи не замѣченъ по достоинству, ибо не доходило до того надобности, но тогда кинулся онъ мнѣ въ глаза; и какъ изъ него усматривалъ я, что былъ нѣкогда 22-лѣтній періодъ времени, въ которой запрещено было давать изъ дикихъ поль земли, но, несмотря на то, многіе ихъ какимъ-то неправильнымъ и незаконнымъ образомъ себѣ доставали, и самое сіе плутовство симъ пунктомъ было разрушаемо, то кинулся я въ помянутые Пашковы документы для отысканія года, въ которой даны были ему помянутыя 1000 четвертей; и какое же удовольствіе мое было, когда увидѣлъ я 1732 годъ и что земля сія принадлежала точно къ числу такихъ, о какихъ упоминалось въ помянутомъ пунктѣ; я вспрыгнулъ почти отъ радости и самъ себѣ воскликнулъ:

«Слава, слава Богу! теперь не страшень ты мнѣ, господинъ Пашковъ, и вся дачка-то твоя сумнительна еще и тебѣ не надежна; а живыя твои урочищи, на которыя ты, какъ думать надобно, опираешься и всю свою наиглавнѣйшую надежду возлагаешь, ничего не значуть. Сказано ясно, что они въ такомъ только случаѣ дѣйствительными быть могутъ, когда число дачи не написано, а у тебя, молодца, число сіе именно означено. Итакъ, если

и дадутъ тебѣ, такъ не болѣе 2000 десятинъ, а не всю степь, и сей тебѣ, какъ своихъ ушей, не видать. Нужно только, чтобъ чрезъ споры вывести все плутовство наружу и не допустить тебя схитрить и вновь сплутовать что-нибудь».

Словомъ, съ меня какъ превеликая гора съ плечъ тогда свалила, и обрадованіе мое было столь велико, что я почти не уснулъ во всю достальную часть ночи, или спалъ, но очень мало; и, проснувшись ранымъ-ранехонько, сталъ размышлять о томъ, какъ бы лучше расположить мнѣ это дѣло и основать сей важной споръ, отъ котораго долженствовала зависѣть судьба всей этой степи.

По всему заключалъ я, что, имѣя предъ собою противника весьма хитраго и могущественнаго по своему великому богатству, надлежало поступить не только умѣючи, но употребить и всѣ нужныя осторожности къ тому, чтобъ при произведеніи спора не связать съ нимъ и всю нашу округу, о которой по выписямъ извѣстно было, что и въ ней былъ примѣрецъ, десятинъ до нѣскольکو тысячъ простирающійся, и что дачной земли и во всей нашей округѣ было только 7000, а владѣніе простиралось на нѣскольکو десятковъ верстъ и, по всему вѣроятію, тысячъ до 30 или болѣе десятинъ. Итакъ, весьма нужно было, чтобъ не подвергнуть и ее никакъ измѣренію, что необходимо воспослѣдовать должно, если свяжется она споромъ съ землею казенною, или съ Пашковою. Словомъ, пунктъ сей былъ весьма щекотливой, и надобно было поступить весьма умѣючи, чтобъ степь сдѣлать казенною, а самимъ отыгаться безъ всякой опасности.

Нѣскольکو часовъ занимался я о семъ размышленіемъ, а потомъ, схватя бумагу, сталъ предварительно сочинять споръ, какой бы мнѣ записать при межеваніи, и занялся тѣмъ все утро 22 августа. И какъ удалось мнѣ написать объявленіе наше довольно изрядное и такое, которое, какъ казалось, для Пашкова не весьма будетъ вкусно и его гораздо и гораздо поспутаешь, то хотѣлось мнѣ по-

видаться съ г. Сабуровымъ, сообщить ему свою радость, ободрить надеждою и показать ему написанное и посовѣтовать обо всемъ нужномъ, а всего паче о томъ, какъ бы намъ всѣмъ стать заодно, быть единодушными и единогласными и до времени молчать и никому о томъ ничего не сказывать, дабы Пашковъ намѣренія моего не узналъ и не употребилъ бы какой хитрости.

Но не успѣлъ я отобѣдать, какъ прискакалъ ко мнѣ человекъ отъ г. Сабурова съ увѣдомленіемъ, что дежурной сегодня офицеръ, капитанъ Ржавитиновъ, далъ ему съ учрежденнаго нами форпоста знать, что Пашковъ въ тотъ день имѣетъ прибыть съ великою свитою на свой хуторъ, и чтобъ мы высылали повѣренныхъ съ запасными на всякой случай людьми.

Сей случай произвелъ тогда первую тревогу по моему приѣздѣ, а до того было ихъ уже нѣсколько, которыми всѣми тамошніе жители по необыкновенности своей настрашены были чрезвычайно; по и въ сей разъ разосланы были отъ насъ обоихъ, какъ отъ главнокомандующихъ, гонцы по всѣмъ селамъ и деревнямъ, и тотчасъ началась по всюду скачка и гоньба. А какъ мнѣ кстати и безъ того ѣхать надлежало къ г. Сабурову, то я и самъ, сѣвши на лошадь и заѣхавъ за Тараковскимъ, вмѣстѣ съ нимъ въ Калиновку и приѣхалъ.

Тутъ у всѣхъ у насъ тронхъ, какъ у нѣкоего триумвирата, держанъ былъ тотчасъ опять совѣтъ съ затворенными дверями. Я сообщилъ имъ свое открытіе, рассказалъ все дѣло и прочелъ имъ написанной прожектъ тому, какъ бы намъ удобнѣе было Пашкова отбойрить и себя защитить. Они возрадовались тому также и, одобряя въ полной мѣрѣ все мною написанное, только и твердили, что самъ ангелъ принесъ меня къ нимъ на крылушкахъ.

Послѣ того совѣтовали мы о томъ, какъ бы намъ лучше расположить свой отводъ, и поелику намъ всѣмъ точное положеніе мѣстъ вдоль всей на нѣсколько верстъ

простирающейся побочины и упоминаемая въ выписяхъ и отказныхъ книгахъ живыя урочища не коротко, а мнѣ и совершенно были неизвѣстны, и мнѣ непремѣнно нужно было видѣть ихъ самолично, дабы сообразно съ ними расположить свои и мѣры; то условились мы на утріе ѣхать вмѣстѣ онны осматривать, буде на межу не поѣдемъ. Симъ кончился сей день, и мы разстались съ тѣмъ, чтобъ дожидаться вторичной присылки отъ форпостнаго офицера; однако оной не было, и господинъ Пашковъ въ тотъ день еще не приѣзжалъ.

На утріе, не имѣя никакого съ форпоста извѣстія, готовился я ѣхать въ степь, хотя съ досадою, что погода была холодная и очень дурная, но какъ перемѣнить было нечѣмъ, а требовала необходимость, то, осѣдавъ лошадей, поѣхалъ я къ г. Сабурову; но едва отѣхалъ съ версту, какъ увидѣлъ предъ собою толпу народа, и нашелъ цѣлое сонмище тамошняго дворянства, на дорогѣ съѣхавшагося. Иной ѣхалъ на межу, не зная не вѣдая гдѣ она, другой съ поля, иной ко мнѣ, иной къ г. Сабурову, и всѣ, съѣхавшись въ одно мѣсто, шумѣли, гомѣли и кричали.

Были тутъ гг. Дуровъ, Колеминъ, Смирновъ, Бѣляевъ, Сабуровъ и многіе другіе, мною еще впервые тогда видѣнные. Всѣ они невѣдомо какъ ради были, что я къ нимъ, какъ больше всѣхъ смыслившій, подѣхалъ и могъ разрѣшить ихъ споры, пустыя трусости и сомнительство, а особливо преклонить на другія мысли бунтующаго нѣсколько г. Дурова. Поговоривъ тутъ съ полчаса и прозябнувъ, отложили мы ѣзду свою въ степь, а стали думать о томъ, куда бы намъ въ тепло убраться. Я звалъ всѣхъ къ себѣ, а г. Сабуровъ также, и къ сему согласились ѣхать всѣ гурьбою.

Тутъ держанъ былъ у насъ полной и большой совѣтъ, и было много говорено и толковано. Наиглавнѣйшая нужда настояла въ томъ, чтобъ быть между всѣми нами единодушію и совершенному согласію и порядку, и мнѣ удалось наконецъ

убѣдить всѣхъ къ восстановленію онаго своими представленіями.

Между тѣмъ получено было съ форпоста извѣстіе, что Пашковъ еще не приѣзжалъ и что намъ ѣхать туда еще не зачѣмъ. Сіе побудило всѣхъ разѣхаться опять по домамъ, но меня не отпустили никакъ г. Сабуровъ. Я принужденъ былъ остаться у него обѣдать, а какъ послѣ обѣда общали быть къ нему и гг. Соймоновы, то дождался я и ихъ, и въ разговорахъ съ ними и съ Казначеевымъ, приѣхавшимъ туда-жъ съ женою, препроводилъ я весь день въ пріятной компаніи и возвратился домой при захожденіи уже солнца.

Какъ и въ послѣдующій за симъ день не было никакого и ниоткуда слуха, и за случившимся ненастьемъ никуда ѣхать было не можно, то пробылъ я весь день дома безъ дѣла и занимаясь кое-чѣмъ отъ скуки. А то-же самое проливное ненастье, продолжавшееся и на другой день, удержало меня отъ ѣзды къ церкви по случаю бывшаго тогда воскреснаго дня, но о чемъ послѣ жалѣлъ, поелику тамъ было великое собраніе дворянъ, желавшихъ меня видѣть. А какъ послѣ обѣда нѣсколько попроведрилось, то ѣздилъ я къ Сомойновымъ и проводилъ тамъ съ ними и бывшими у нихъ гг. Сабуровыми остатокъ сего дня.

На другой день послѣ сего, по утру, прислать ко мнѣ г. Сабуровъ звать меня къ себѣ обѣдать и для слушанія новыхъ вѣстей. Я любопытенъ былъ очень оныя слышать и тотчасъ къ нему съ племянникомъ своимъ и поѣхалъ. Но вѣсти были самыя пустыя и состояли въ слухѣ, якобы г. Пашковъ уже раскаявается въ томъ, что взялъ на свой коштъ землемѣра. Но какъ онъ на хуторъ свой еще не приѣзжалъ и не было даже и слуха, когда его пришествіе воспослѣдуетъ, то вздумали мы послѣ обѣда съѣздить на близкую степь посмотрѣть нѣкоторыя живыя урочищи, гдѣ затѣвали мы завести споръ.

Поздновато уже было, какъ мы собрались, однако поѣхали. Но можно ли было

въ такое короткое время такую бездну и такое пространство ужасное объѣхать? Мы не успѣли и десятой доли того объѣздить, что хотѣли, и обмеркли на степи. Бѣдучи мимо нашего форпоста, вздумали мы, какъ главные предводители, заѣхать оной посмотрѣть. Онъ походилъ на дѣйствительной форпостъ издали. Стояла тутъ офицерская палатка и множество народа, съ телѣгами и лошадьми, находилось подлѣ оной. Иные стояли пѣшіе, иные на лошадяхъ, иные на курганѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ находящемся. Не успѣли они насъ завидѣть, какъ и сдѣлалась у нихъ тревога, ибо имъ не видно было, кто-бъ такой это былъ, а видны только были верховыя лошади и наши дрожки съ народомъ.

Всѣ они перетрусились въ прахъ, считая насъ непріятелями, каковыми почитали тогда всѣхъ пашковскихъ. Иные посѣли уже на лошадей, чтобъ искать спасенія, если что не по ихъ будетъ, или скакать къ намъ давать знать. Мила намъ была осторожность; но самого форпостнаго офицера тутъ не было. Въ сей день очередной и наряженной изволилъ облѣниться, и мы положили сдѣлать ему за то выговоръ и протурить въ послѣдующій день.

Съ форпоста проѣхали мы ко мнѣ въ деревню и приѣхали уже въ глухую ночь. Г. Сабуровъ заѣхалъ ко мнѣ и просидѣлъ съ часъ времени. Послѣ его настрашало-было меня товарищъ мой, занемогши лихорадкою и пролежавъ всю ночь въ жару. Произошло сіе оттого, что онъ поохотился ѣхать съ нами, попростудился.

27-го числа прошелъ-было слухъ, что г. Пашковъ уѣхалъ въ Воронежъ; но слухъ сей былъ пустой, ибо подъ вечеръ получили мы другое и давно уже ожидаемое извѣстіе съ форпоста, что г. Пашковъ дѣйствительно уже наконецъ на свой хуторъ прибыть изволилъ.

Но какъ письмо мое достигло до своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ на семъ пунктѣ остановиться и, кончивъ оное, сказать вамъ, что я есмь, и прочая.

(Декабря 19 дня 1808 года).

Письмо 162-е.

Любезный пріятель! Достоѣрное извѣстіе, полученное о приѣздѣ г. Пашкова на его хуторъ, должноствовало произвести опять тревогу во всѣхъ селеніяхъ нашихъ. Мы разослали опять по всѣмъ мѣстамъ гонцовъ, и повсюду началась паки скачка и гоньба. Вечеру приѣхалъ ко мнѣ г. Тараковской съ увѣдомленіемъ, что былъ у него солдатъ отъ межевщика, посланной за понятыми, и что ему велѣно было захватить къ намъ и сказать о приѣздѣ Пашкова. Итакъ, начали мы съ часу на часъ ожидать повѣстки объ межеваніи и удвоили караулъ свой на форпостѣ для лучшей предосторожности.

28 числа по утру, когда я еще спалъ, прислалъ ко мнѣ г. Сабуровъ человѣка съ письмомъ, въ которомъ изображалъ великое сомнѣніе и незнаніе, что дѣлать. «Уже не хватить ли намъ самимъ къ Пашкову»—говорилъ онъ въ письмѣ своемъ, и звалъ къ себѣ для совѣта.—Охъ вы трусы, трусы! возопилъ я, и тотчасъ одѣвшись къ нему поѣхалъ. На дорогѣ видѣлъ я повсюду скачку и ристаніе собирающихся на форпостъ разныхъ людей и дворянъ. Одинъ изъ нихъ, а именно г. Соймоновъ, завидѣвъ мою коляску, тотчасъ остановился и прислалъ ко мнѣ человѣка спрашивать, куда я ѣду? Я сказалъ ему куда, и г. Соймоновъ поѣхалъ вслѣдъ за мною.

Приѣхавъ къ г. Сабурову, нашли мы уже присланнаго отъ межевщика солдата съ повѣсткою, что межеванье будетъ либо того-жъ числа, или 30 августа, и начнется съ рѣчки Лѣсного-Тамбова съ Разказовскими дачами. Тогда отлегло у насъ немного на сердцѣ, потому что межеванье не съ того мѣста начнется, гдѣ мы опасались, а верстъ за 30 отъ насъ. А какъ при томъ сказано было, что въ тотъ день межеванья не будетъ, то отложили мы хватить на межу, а учинивъ трое совѣтъ, предпріяли учинить то, чего требовали тогдашнія обстоятельства.

Между прочимъ изъ совѣта сего произошла изрядная шутка, а именно: досадно было намъ, что владѣльцы и дворяне, живущіе въ отдаленнѣйшемъ въ нашей округѣ селѣ Курдюкахъ, не имѣли съ нами сообщества и до того времени глазъ своихъ не показывали. А какъ къ землямъ ихъ должноствовало дойти прежде всѣхъ межеванье, то восхотѣлось намъ ихъ пугнуть, и мы согласились послать къ нимъ призывную грамоту. Комисія сочинить ее поручена была мнѣ. Я и подлинно намахалъ отъ всѣхъ насъ ко всѣмъ имъ письмо, могущее привести ихъ въ превеликую трудность. Сіе письмо отравили мы со случившимся изъ сосѣдственной къ Курдюкамъ деревни прикащикомъ. Послѣ чего г. Соймоновъ, распрощавшись съ нами и пригласивъ насъ на утрѣ къ себѣ обѣдать для имянинъ его сына, поѣхалъ домой, а я остался обѣдать у г. Сабурова.

Мы едва встали изъ-за стола, какъ прискакала къ намъ цѣлая толпа тутешнихъ дворянъ, проѣздившая по пустому на форпостъ, и, между прочими, незнакомой мнѣ еще человѣкъ, господинъ подполковникъ Свитинъ. Съ ними проговорили мы долго и провели въ томъ весь тотъ день почти до вечера и условившись видѣться опять на утрѣ въ церквѣ, разѣхались по домамъ, подтвердивъ на форпостѣ имѣть крѣпчайшее смотрѣніе.

29-го числа, какъ въ праздничной и табельной день, не можно было быть межеванью, то ѣздили я въ село Трескино къ обѣдни. Тамъ нашелъ я великое собраніе господъ и госпожъ, съ которыми былъ у насъ опять совѣтъ, что дѣлать и выѣзжать-ли въ сей день на ночь на межу, или нѣтъ? и положили чтобъ хватить, хотя и перепали слухи, что межеванья и въ послѣдующій день для праздника Александра Невскаго не будетъ. Я и многіе другіе поѣхали между тѣмъ обѣдать на имянины къ г. Соймонову.

У него было изрядное собраніе и обѣда сборной; а послѣ обѣда началось гулянье и, по тамошнему обыкновенію, по

собраніи дворовыхъ и крестьянскихъ бабъ въ нарядномъ убранствѣ, скачка и пляска. Сіе продлилось до самой ночи, и г. Соймоновъ такъ разгулялся, что сдѣлался неотвязчивымъ человѣкомъ.

Между тѣмъ увидѣли мы послѣ обѣда скачущихъ мимо себя многихъ дворянъ. Мы тотчасъ догадались, что были то господа курдюковскіе, ѣдущіе къ намъ по нашей призывной грамотѣ, и кликали ихъ къ себѣ. Тутъ, къ удивленію моему, увидѣлъ я, что господа сіи были люди очень изрядные, особливо майоръ Стахановъ и поручикъ Паульской.

Сколько примѣтитъ было можно, то зазывная наша грамота была имъ нѣсколько чувствительна; однако я умѣлъ скоро уничтожить ихъ неудовольствіе, представивъ имъ великую необходимость ихъ приѣзда и ту опасность, какой они себя подвергали, не приобщаясь къ нашему обществу и совѣту.

Оба помянутые господа были люди такіе, которые могли въ одинъ мигъ понять все дѣло. Итакъ, содѣлались мы тотчасъ добрыми друзьями, и они пробыли у насъ до самаго разѣзда; а я возвратился домой уже около полуночи.

30 августа былъ, наконецъ, тотъ день, въ которой надлежало намъ собираться всѣмъ на межу. Нѣкоторые не хотѣли-было ѣхать въ такую даль и на чужую землю; но я убѣдилъ всѣхъ представленийъ, что какъ они межеванья никогда еще не видывали, то хотя начнутъ и не у насъ межевать, но не худо имъ посмотрѣть и познакомиться предварительно съ обрядами межеванья.

Итакъ, опредѣлили мы всѣмъ ѣхать и назначили для генеральнаго рандеву, или сборнымъ мѣстомъ одинъ, находящійся посреди степи, превеликой курганъ, называемой Краснымъ, куда послѣ полудня всѣ и со всѣхъ сторонъ и собрались. Г. Сабуровъ захватилъ ко мнѣ и мы поѣхали вмѣстѣ.

Приѣхавши къ кургану, нашли мы тутъ уже великое множество народа. Большая часть дворянъ и повѣренные всѣ находились уже тутъ. Кибитокъ и повозокъ

было превеликое множество. Одинъ изъ офицеровъ отправленъ былъ еще до насъ для провѣдыванія о межевщикѣ въ пашковской хуторъ; итакъ, стали мы его возвращенія дожидаться.

Какъ между тѣмъ прошло часа два времени, то провели мы ихъ въ разныхъ разговорахъ, взшли на курганъ, подчивали другъ друга водкою и ѣли арбузы, чрезъ самое сіе и сдѣлали мы сей курганъ на вѣкъ достопамятнымъ, назвавъ его «арбузнымъ».

Какъ все сіе происходило, то повстрѣчалось со мною тутъ одно досадное обстоятельство. Всѣ бывшіе тутъ въ собраніи многіе дворяне, а того множайшіе повѣренные другихъ отсутственныхъ господъ были съ мнѣніями и намѣреніями моими согласны, а колобродилъ только одинъ, а именно умной человѣкъ, или паче безсмысленный глупецъ, прикащикъ господина Рахманова, котораго самого по особливому для насъ счастью въ то время въ сихъ деревняхъ не случилось. Этотъ глупецъ, наливши себѣ лобъ, только и твердилъ, что онъ не пуститъ межевщика итти по землѣ государя его боярина и не отступится отъ ней.

Сколько ни старался я приводить его въ разсудокъ лучшій, но все не успѣвало. Къ вѣщему несчастію опредѣленъ былъ на подмогу къ нему человѣкъ господина Сатина, бывавшій при межеваньяхъ. Сей вздумалъ также предо мною умничать и доводить до того, чтобъ всѣ ему въ глаза смотрѣли. Оба сіи господа смущали невѣдомо какъ народъ и развращали мысли, а особливо у незнающихъ и неимѣющихъ здраваго разсудка людей. Отчего къ превеликой досадѣ моей и начинались раздоры и разные мнѣнія и толки.

Я видѣлъ необходимость, что мнѣ надобно было ихъ усмирить и опять успокоить; но мнѣ стоило сіе толь многихъ трудовъ, что я отъ крика даже осипъ и нажилъ себѣ кашель. Но доволенъ по крайней мѣрѣ былъ тѣмъ, что нѣсколько опять ихъ разными представленіями и уговариваніями поуспокоилъ.

Между тѣмъ возвратился посланной на хуторъ и привезъ извѣстіе, что межевщикъ совсѣмъ готовъ и ѣдетъ на межу; чего ради послали мы еще подзорщиковъ смотрѣть, какъ выѣдетъ и куда поѣдетъ. Между тѣмъ балагурия между собою, выбрали мы еще нѣсколько начальниковъ: иного пожаловали въ маіоры, иного въ адъютанты, иного въ обозные, иного въ квартирмистры, иного въ сержанты и поручили каждому свойственные должности. Обозной долженъ былъ имѣть начальство надъ обозомъ и становить его на станціяхъ вагенбургомъ. Квартирмистръ долженъ былъ ассигновать и отводить подъ станъ мѣсто и стараться о снабженіи всего нашего войска провизіею и фуражемъ и всѣми нужными потребностями, и такъ далѣе.

Не успѣли мы окончить сего распоряженія, какъ прискакалъ къ намъ посланной съ извѣстіемъ, что межевщикъ уже выѣхалъ. Тутъ тотчасъ закричали мы: лошадей! и началась великая суета. Одни ловили лошадей, другіе ихъ сѣдлали, третьи запрягали повозки и такъ далѣе. Пріятно было смотрѣть на сей безпорядокъ! все происходило такъ, какъ бы при полученіи извѣстія о приближеніи непріятеля. Всякъ суетился, бѣгалъ безъ души и спѣшилъ скорѣе исправиться.

Наконецъ, тронулись и поѣхали мы съ мѣста. Человѣкъ тридцать повѣренныхъ, верхами, по четыре человѣка въ рядъ, ѣхали передъ нами впереди. За ними мы съ господиномъ Сабуровымъ, какъ главные начальники, за нами прочіе дворяне, а за ними слуги. И какой это былъ длинной рядъ колясокъ, кибитокъ и телѣгъ! Мы уже съ версту отъѣхали, а послѣдній конецъ еще подлѣ кургана находился, и казалось, что ѣдетъ народа нѣсколько сотъ человѣкъ.

Приѣхавъ къ такъ-называемымъ Ближнимъ-озеркамъ, куда, какъ сказали намъ, поѣхалъ межевщикъ, не нашли мы онаго въ семъ мѣстѣ и услышали, что онъ проѣхалъ далѣе и будетъ дѣло свое начинать въ другомъ мѣстѣ. Тогда по-

скакали и мы вслѣдъ за онимъ и спѣшили тѣмъ паче, что наступалъ уже вечеръ, а ѣхать надобно было верстѣ съ пятнадцать. Но какъ мы ни спѣшили, однако обмеркли на дорогѣ и принуждены были ѣхать въ темнотѣ.

Подъѣзжая къ тому мѣсту, гдѣ расположились межевщикъ ночевать, увидѣли мы повсюду горящіе огни и шумъ отъ ночующаго разнаго народа; межевать хотѣли начинать съ рѣки Лѣсного-Тамбова и внутри самыхъ дачъ и владѣній села Разсказова, дворцоваго и села Спаскаго, монастырскаго или экономическаго вѣдомства крестьянъ. Сіи, услышавши о приѣздѣ сихъ незванныхъ гостей въ средину владѣнія своего, собрались великими ватагами и готовились поднимать гвалтъ и бить, какъ скоро межевать стануть, и для того ночевали въ близости съ дубьемъ и дреколѣмъ и дожидались только дня.

Услышавши сіе, многіе изъ нашихъ начинали тревожиться и опасаться, чтобы при такомъ случаѣ и намъ со стороны не досталось. Но какъ мы были люди посторонніе, а притомъ и самихъ насъ была изрядная кучка и человѣкъ около двухъ-сотъ, то скоро я всёхъ успокоилъ и уговорилъ, представляя, что хотя-бъ и драка сдѣлалась, такъ намъ слѣдовало-бы не допускать до того.

Совсѣмъ тѣмъ остановились мы немного одалъ и отъ межевщика, и отъ волостныхъ мужиковъ, и сдѣлавъ порядочной вагенбургъ, разбили посреди онаго палатку, привезенную съ собою, и множество расклали огней, чѣмъ всему нашему табору придали такой величественной видъ, что все приѣзжавшіе послѣ станъ нашъ почитали межевщиковымъ.

Расположившись симъ образомъ, согласились мы итти къ межевщику. Мы застали его уже раздѣвавшагося и хотѣвшагося ложиться спать. Итакъ, поговоривъ немного, расклянялись мы съ нимъ и оставили его съ покоемъ.

Межевщикъ показался мнѣ изряднымъ и такимъ старичкомъ, какимъ мнѣ его описывали уже прежде. Чинъ имѣлъ онъ капитанской и звали его Иваномъ Пе-

тровичемъ Петровымъ. Экипажъ его былъ очень незнатенъ и состоялъ въ простенькой кибитчонкѣ, да и весь обозъ его былъ слишкомъ не великъ и состоялъ только въ нѣсколькихъ телѣгахъ съ межевскими столбами.

Возвратившись, нашли мы уже палатку разбитою и столъ на землѣ, покрытой и установленной множествомъ кушаньевъ. Всякой тащилъ что съ собою привезъ и становилъ на столъ или паче на распростертую по землѣ скатерть. Итакъ, хотя была тогда пятница, и день постный, но наставили рыбы и всего прочаго такое множество, что и ѣсть было некому, хотя насъ была и изрядная компанія.

Послѣ ужина напомнили мы свою военную службу и, приравнивая ее къ тогдашнимъ обстоятельствамъ, сдѣлали кругомъ огонька кружокъ, какъ прежде сего на войнахъ бывало и дѣлывали, и начали разговаривать и разоврались такъ хорошо, что истинно часа два проговорили и прохохотали и никому сонъ и на умъ не шелъ. Наконецъ разошлись мы по своимъ экипажамъ, а иные въ палатку, спать. И сія была первая ночь, которую проводили мы въ полѣ.

Проснувшись по утру очень рано и досадуя, что позабыли всѣ взять съ собою приборъ съ чаемъ, одѣлись мы и пошли всѣ къ господину землемѣру. Онъ окруженъ уже былъ множествомъ народа и разсматривалъ крѣпостиразказовскихъ и спаскихъ мужиковъ. Мы вмѣшались тотчасъ въ разговоръ, и я скоро могъ примѣтить, что межевщикъ былъ человекъ очень мякенькой и что слишкомъ уже явно держалъ сторону Пашкова. Но какъ не до меня было дѣло, то ничего еще не говорилъ. Послѣ чего повелъ его повѣренной господина Пашкова на начинной пунктъ и самое то мѣсто, гдѣ разграничивались владѣнія разказовскихъ съ спаскими.

Какъ крестьяне обѣихъ казенныхъ сихъ волостей были люди межеванья никогда еще въ глаза не видавшіе и притомъ всѣ ничего незнающіе, то начался съ самаго начала превеликой уже вздоръ. Они на-

чали спорить, но безъ толку и безъ порядка, и, по обыкновенію нашихъ крестьянъ, съ мужицкою своею надменностію, крикомъ, воплемъ и угрозами.

Мы всѣ были тогда только зрителями и толпа превеликая народа окружала землемѣра. Долго сіе продолжалось и продоллось бы еще и долѣе, еслибъ не началъ и я мало по малу вмѣшиваться въ разговоры и толковать мужикамъ дѣло. Любо было сіе межевщику и тѣмъ паче, что онъ и самъ не слишкомъ былъ далекъ и знающъ въ своей должности, а не противно также и Рыбину—такъ назывался повѣренной г. Пашкова—ибо самъ онъ не изволилъ на межу удвигнуться, а поручилъ все дѣло сему своему служителю, которой былъ малой хотя не глупой, но не изъ самыхъ же приткихъ и бойкихъ. А какъ и самой межевщиковъ подъячій былъ также не изъ далекихъ, то и не трудно было мнѣ не только вкратцѣ имъ въ кредитъ, но въ одинъ мигъ почти довести до того, что и межевщикъ, и Рыбинъ, и подъячій стали меня уважать и даже слушаться, и я сдѣлался первѣйшею особою, обратившею вниманіе всего народа на себя.

А неуспѣло сего воспослѣдовать, и всѣмъ присутствующимъ знаніе мое въ межевыхъ дѣлахъ сдѣлалось видимо, какъ повѣренные обѣихъ оныхъ волостей и привязались уже ко мнѣ и просили, чтобъ я ихъ, бѣдныхъ, не оставилъ и далъ наставленіе, что имъ дѣлать.

Тогда отчасти изъ сожалѣнія, отчасти съ досады на начальниковъ и управителей ихъ, оставившихъ бѣдняковъ сихъ безъ всякой защиты и предавшихъ въ руки непріятелей, а къ тому-жъ нѣкоторымъ образомъ и для собственной своей пользы, вздумалъ и рѣшился я разрушить тѣ злые ковы, которые на нихъ были кованы.

Я легко могъ видѣть, что дѣло тутъ пахло плутовствомъ и мошенничествомъ. Разказовской управитель вмѣсто того, чтобъ быть ему самому на межѣ, и какъ заключать было можно, по согласію съ Пашковымъ, уѣхалъ нарочно въ сіе

время куда-то прочь и выбралъ къ межеванью сему двухъ совѣтъ незнающихъ мужиковъ, и былъ даже такъ безсовѣстенъ, что и не снабдилъ ихъ полною и по обыкновенной узаконенной формѣ написанною довѣренностію, а только представилъ ихъ при сообщеніи изъ своей канцеляріи и давъ имъ приказы, нимало съ здравымъ разсудкомъ не согласные; знающаго-же грамотнаго человѣка или подъячаго ни одного къ нимъ не приставилъ. Все сіе, какъ думать надобно, на тотъ конецъ было сдѣлано, чтобъ межевщику можно было ихъ, какъ неимѣвшихъ указныхъ довѣренностей, сослать съ межи, а самому безъ нихъ отмежевать землю господину Пашкову и утвердить безспорными столбами.

Все сіе дѣйствительно-бы и воспослѣдовало, если-бъ при томъ не случилось меня и не сдѣлано-бъ было отъ меня помѣшательства. Рыбинъ сколько ни старался убѣдить къ тому межевщика и сколько сей Пашкову ни раболѣпствовалъ, однако дурно было ему такое противное законамъ дѣло сдѣлать при толь многихъ дворянахъ и штабъ-и-оберъ-офицерахъ, а особливо при мнѣ, какъ знающемъ межевыя дѣла человѣкѣ и говорившемъ вслухъ, что это дурно, нехорошо и никакъ не годится.

Итакъ, принужденъ онъ былъ почти противъ хотѣнія своего принять отъ разсказовскихъ споръ и начать писать обыкновенную полевую записку со вношеніемъ въ нее съ обѣихъ спорящихъ сторонъ объявленій. Тутъ, къ превеликому удовольствію, примѣтилъ я, что не только подъячій, но и самъ господинъ землемѣръ въ письмѣ былъ не слишкомъ расторопенъ: мякъ, мякъ, мякъ, а толку не было. Самъ Рыбинъ не слишкомъ бистѣръ былъ въ сказываніи, что писать. Итакъ, не писали, а марали только бумагу и принуждено было переписывать опять все набѣло.

Но какъ-бы то ни было, однако дѣло взяло-было свое начало и пошло своимъ порядкомъ; но вдругъ гдѣ ни возмись цѣлая толпа разсказовскихъ бородачей, пришедшихъ за тѣмъ, чтобъ взять горломъ.

Въ одинъ мигъ сдѣлался тогда превеликой шумъ, всѣ ударили въ голоса, и неизвестно было кого слушать.

Межевщику и Рыбину то было и надобно. Онъ разсердился на нихъ и сталъ ихъ всѣхъ прогонять; велѣлъ чернить полевую записку, сердился, кричалъ и говорилъ, что онъ ихъ не принимаетъ безъ вѣрющихъ писемъ и требовалъ сказки. Но тутъ догадай нелегкая старосту разсказовскаго сказать, что у нихъ сказка есть, но онъ ему ее не подастъ.

Не успѣлъ онъ сего выговорить, какъ встанъ бѣда и не ляжъ—«давай, давай скорѣй столбы! вотъ я ихъ проучу», закричалъ межевщикъ и самъ явился и бѣсился. Всѣ тогда принуждены были отъ него разсѣяться; а разсказовскіе мужики, закусивъ губы, и прочь совѣтъ пошли дѣйствительно въ намѣреніи приударить въ колья, какъ скоро они межевать начнутъ.

Увидѣлъ я тогда, что дѣло доходило подлинно до дурного, и какъ мнѣ не хотѣлось, чтобъ дошло до гвалта и побоища, и чтобъ не сдѣлалась тѣмъ межеванью остановка, то пошелъ я ворочать, уговаривать и увѣщевать сихъ глупцовъ безумныхъ. Но не успѣлъ шага два-три отойти, какъ поймалъ меня Рыбинъ за полу и умиленнѣйшимъ образомъ просилъ, чтобъ я ихъ не замалъ и не училъ. «Что вамъ, судырь, дѣла!» говорилъ онъ—«не замайте, судырь, ихъ, пускай себѣ, что хотятъ, то дѣлаютъ».

Разсмѣялся я сему прошенію и тотчасъ, перевернувшись, самого его увѣрилъ, что я для его же пользы въ это дѣло мѣшаюсь, и что если не уговорить мужиковъ, то они и его, и межевщика сгонятъ съ поля и чтобъ еще не побили.

—«Мужики, говорилъ я ему—глупы; ихъ нужно разсердить, а послѣ и не уймешь. Итакъ, добраго изъ того ничего не выйдетъ. Развѣ тебѣ хочется, чтобъ межеванье ваше рушилось?... А когда нѣтъ, такъ надобно дураковъ какъ-нибудь убавить, и пускай они врутъ, что хотятъ, чего тебѣ ихъ спора бояться. Они хотъ сто разъ называй эту землю своею, но рѣч-

ки-то и этого живого урочища не снесутъ, а оно-то и важно: по оному вы всю ее получить можете и на споры ихъ нимало не посматривать».

Симъ я Рыбина не только успокоилъ, но и побудилъ еще просить меня съ поклонами, чтобъ я постарался уговорить мужиковъ. А я, догнавъ ихъ, и употребилъ дѣйствительно все, что могъ къ усмирению его (?) и приведенію на оныя мысли.

— Дураки! говорилъ я имъ: что это вы дѣлаете и даровое ли затѣваете? Я знаю, что у васъ на умѣ и куда вы, и зачѣмъ идете; но изъ драки и битья ничего добраго не выйдетъ и вы тѣмъ себѣ ничего не пособите, а все дѣло только испортите. Васъ, дураковъ, пересѣкутъ за то плетью и кнутьями, а межевщику дадутъ изъ города команду, и тогда не посматривать на васъ и отмежуютъ и вы землю потеряете.

Сии и подобныя тому слова поостановили сихъ дураковъ.

— «Но что-жъ намъ дѣлать?» сказали они, «видишь онъ какой! ни словъ нашихъ, ни рѣчей не принимаетъ, а гонить только прочь и хочетъ нартомъ взять, да и не говори еще—бѣсится».

— Ну, это вы его разсердили—сказалъ я,—вамъ бы не надлежало такъ вопить и кричать. Этого при межеваньяхъ не водится, а говорить тихо, порядочно и учтиво, а стараться бы только о томъ, чтобъ приняли и записали вашъ споръ и чтобъ не бѣлые клейменные, а черные столбы становили, которые ничего еще не значутъ.

Сими словами поуспокоилъ я ихъ нѣсколько и довелъ до того, что сами они стали меня просить, чтобъ я уговорилъ межевщика принять отъ нихъ споръ и буде бы можно сдѣлать имъ милость, и помочь имъ, незнающимъ въ этомъ случаѣ, и вмѣсто ихъ сказывалъ бы, что писать и какъ бы это сдѣлать.

— Ну, этого мнѣ нельзя сдѣлать, друзья мои! Межевщика уговорить я готовъ, но вмѣсто васъ споръ записывать и говорить, какъ можно мнѣ, постороннему человеку?

— «Да какъ же намъ быть? а сами мы не умѣемъ и не знаемъ, какъ и приняться за это дѣло».

— Развѣ попросите, — сказалъ я, — вы сами межевщика о томъ, и онъ мнѣ, вмѣсто васъ, говорить позволить.

— «Хорошо, хорошо, батюшка, подхватили они: постарайтесь же объ насъ».

Итакъ, по успокоеніи сихъ, осталось мнѣ преклонить гнѣвъ одного только межевщика на милость, все еще ярящагося и вопіющаго, чтобъ давали скорѣе бѣлый столбъ и лопатки. Но и сего мнѣ не великаго труда стоило убѣдить ко всему, чего мнѣ хотѣлось. Я подбѣжалъ къ нему и самымъ дружескимъ образомъ сказалъ ему въ полголоса:

— Помилуйте, Иванъ Петровичъ! что это вы хотите дѣлать и какой себя опасности подвергаете?

— «А что такое?» спросилъ онъ.

— Какъ что? У дураковъ-та непутное на умѣ: у нихъ человекъ съ полтораста приготовлено съ дубѣмъ и дреколіемъ, лежатъ вонъ тамъ, въ яругѣ, и они пошли за ними, чтобъ бить васъ не на животь, а на смерть, и мнѣ истинно васъ жаль, вижу что вы очень доброй человекомъ.

— «Что вы говорите? не въ правду ли?» воскликнулъ испужавшійся и затрепетавшій отъ страха межевщикъ.

— Ей-ей! сказалъ я: и мы сей только часъ это узнали, и я для того и поспѣшилъ вамъ это сказать.

— «Помилуетъ васъ за то! подхватилъ онъ: вы меня очень обязали. Но, охъ, какъ же быть и что мнѣ дѣлать?... какъ-нибудь надобно бы уговорить и успокоить глушцовъ этихъ. Они съ дуру, что съ глуцу, готовы на все отважиться... Ужъ не можете ли вы, продолжалъ онъ, какъ-нибудь ихъ усовестить и усмирить? Вы бы меня тѣмъ очень одолжили».

— Я уже имъ и говорилъ—сказалъ я,—но они несутъ чертовщину и кричатъ только: «Какъ! не хочетъ отъ насъ принять спора! да мы вѣдь сами государевы!» Да и въ самомъ дѣлѣ, батюшка Иванъ Петровичъ, какъ можно вамъ не допу-

стить ихъ до спора? вѣдь они не владѣльческіе, а казенные, и присланы къ вамъ при сообщеніи.

— «Чортъ ихъ побери! подхватилъ межевщикъ: пускай себѣ спорятъ. Скажите, батюшка, имъ, что я согласенъ уже принять споръ отъ нихъ».

Съ симъ и пошелъ я опять къ мужикамъ, и поговоривъ съ ними еще нѣсколько и возвратясь опять къ межевщику, со смѣхомъ сказалъ:

— Дѣло почти сдѣлано, а стало за бездѣлицею: нѣтъ у нихъ ни одного грамотника, а сами не умѣютъ, и не смѣшно ли? просить меня, чтобы я имъ сколько-нибудь въ этомъ помочь, а мнѣ кстати ли въ чужое дѣло мѣшаться?

— «Пожалуй, пожалуй! подхватилъ межевщикъ: какая нужда!... скажите, батюшка, имъ, что я и на то согласенъ. Пропади они совсѣмъ».

Какъ мнѣ сего только и хотѣлось, то, пошедши опять къ мужикамъ и поговоривъ съ ними, привелъ я съ собою повѣренныхъ и лучшихъ изъ нихъ, и помиривъ ихъ съ межевщикомъ, возстановилъ благополучно опять тишину, и начатое дѣло начало продолжаться, но съ тѣмъ уже различіемъ, что и я, какъ миротворитель, имѣлъ въ томъ соучастіе и взялъ уже вольность указывать подъячему и сказывать, что писать.

Сей, по подъяческому своему высокоумію, не хотѣлъ-было меня слушаться, а сталъ слишкомъ и не кстати умничать и городить сущій вздоръ; но я скоро до того довелъ, что самъ Рыбинъ сталъ его и межевщика просить, чтобы онъ дозволилъ мнѣ сказывать, что ему писать въ объявленіи разсказовскихъ. Да не только сіе, но самыя и свои слова инако и какъ мнѣ хотѣлось переворачивать дозволилъ.

Мило и пріятно всѣмъ нашимъ чрезвычайно сіе было, а того милѣе, какъ они увидѣли, что я самому межевщику сталъ указывать и давать совѣты, какъ лучше межевать, какіе лучше дѣлать признаки; обращался съ астролѣбіею, какъ знающій человекъ, и что межевщикъ во всемъ меня слушался. Всѣ хвалили меня и вся

толпа народа обо мнѣ одномъ говорить начала и твердить, что не межевщику, а мнѣ бы межевать надлежало. Однимъ словомъ, сей одинъ часъ ввелъ меня въ превеликой кредитъ всей нашей округи и не только дворянамъ, но и крестьянамъ, и не только своимъ, но и постороннимъ. Всѣ возложили на меня надежду, всѣ твердили, что если-бъ не я, то быть бы тутъ чухѣ, и всѣ увѣрились и перестали обо мнѣ имѣть сомнительство, какое многіе, сами не зная почему, все-таки еще имѣли.

Признаюсь, что для меня сей день былъ очень пріятенъ, и ему нельзя было и не быть такимъ, потому что онъ очень много льстилъ моему самолюбію. И я надѣюсь, что мнѣ простительно будетъ, когда признаюсь въ томъ, что слуху моему было очень пріятно слышать, что самыя незнающіе совсѣмъ меня посторонніе люди твердили:

«О, сѣренькій-то баринъ востѣръ!» (такъ называли они меня потому, что былъ тогда на мнѣ сверхъ мундира сѣренькой сюртукъ) «нечего говорить, востѣръ, всѣхъ-ста онъ ихъ востѣе, да и самого-то межевщика умнѣй. Ну, кабы не онъ, быть бы тутъ чему-нибудь и такой казни, что и не расхлебали бы, а разсказовскимъ не видать бы, какъ ушей, своей земельки. Помилуетъ его Богъ! и самъ Христосъ его сюда принесъ!» и такъ далѣе.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, солнце продолжало свое теченіе и подвигалось уже къ полудню. Всѣмъ намъ уже и ѣсть захотѣлось. Итакъ, записавъ, какъ водится, самой простой и обыкновенной споръ, и дождавшись, какъ межевщикъ началъ уже черныя столбы ставить и линіи двѣ-три отошелъ, возвратились мы къ своему стану съ радостью, что помогли разсказовскимъ и заставили пашковскихъ выпригать лошадей своихъ изъ сохъ, которыя-было они для прорѣзыванія межи совсѣмъ-было приготовили. Въ стану своемъ нашли уже мы разостланную скатерти и множество и печенного, и вареного, и жареного, и питейного, словомъ, столъ всѣмъ изобиліемъ преис-

полненной. Насъ обѣдала превеликая тогда компанія, а именно: я, г. Сабуровъ, г. Соймоновъ, г. Стахановъ, г. Паульской, г. Колеминъ, г. Ржавитиновъ, г. Тараковской, г. Смирной, г. Свитневъ, г. Бѣляевъ, г. Кордюковъ, г. Дуровъ, г. Левашовъ и многіе другіе, изъ коихъ нѣкоторые подѣхали къ намъ уже того утра. Миръ, согласіе, единодушіе, дружба, ласковость и взаимное другъ друга подчиваніе и угощеніе господствовало тогда между нами и дѣлали намъ ѣствы еще вкуснѣйшими, и могу сказать, что было намъ тогда очень весело и нескучно.

Послѣ обѣда учинили мы общій совѣтъ о томъ, что намъ дѣлать? И какъ можно было навѣрное полагать, что межа до нашихъ границъ все будетъ спорная и въ тотъ день далеко не дойдетъ, а послѣдующій день былъ воскресной, то положили мы ѣхать домой и, заѣхавъ опять къ межевщику посмотреть, какъ онъ межуетъ, собираться опять всѣмъ въ воскресенье къ вечеру на своей границѣ.

Опредѣливъ сіе, велѣли мы того же часа запрягать лошадей, и поѣхали въ путь. Межевщика нашли мѣуженѣскою линіей отомедшаго и услышали отъ него, что онъ и въ послѣдующій день послѣ обѣда межевать станетъ.

Сіе озаботило-было насъ нѣсколько, и обстоятельство сіе было тѣмъ для насъ досаднѣе, что намъ хотѣлось въ этотъ день поспрашивать на именинахъ у господина Сабурова; ибо какъ въ самое сіе воскресенье была именинницею жена его, то звалъ онъ насъ къ себѣ. Однако, подумавъ-погадавъ и видя медлительность и нерасторопность межевщика, понадѣялись, что въ послѣдующій день межевщикъ, по неprovорству своему, до нашихъ границъ, отстоящихъ оттуда болѣе нежели на десять верстъ, никакъ еще не дойдетъ, положили ѣхать домой и болѣе для того, что мнѣ хотѣлось вечеромъ посидѣть и заготовить для будущаго спора хорошую епистолу.

У меня была уже и заготовлена изрядная пѣса для внесенія въ полевою за-

писку, но она не годилась по той причинѣ, что я, ходючи съ межевщикомъ и обходясь съ повѣреннымъ Рыбинымъ ласково и дружелюбно, по счастью довелъ его стороною до того, что онъ проболтался и сказалъ намъ напередъ, куда онъ подлѣ нашихъ дачъ вести былъ намѣренъ, и я въ одинъ мигъ догадался, что онъ изъ слѣдуемаго ему по отказнымъ книгамъ отвода намѣренъ былъ великую часть степи выпустить. И какъ обстоятельство сіе было мною совсѣмъ неожиданно, то сіе и заставило меня думать и помышлять о томъ, чтобы дать спору моему совсѣмъ другой оборотъ и сообразить его съ намѣреніемъ г. Пашкова.

Такимъ образомъ поѣхали мы съ Иваномъ Яковлевичемъ и нѣкоторыми другими домой, а прочіе остались ночевать опять въ степи отчасти при межевщикѣ, отчасти на границахъ нашихъ дачъ въ новоназначенномъ отъ насъ новомъ сборномъ мѣстѣ, чему мы были и рады, ибо могли имъ поручить имѣть всѣ нужныя предосторожности и на случай какихъ-либо неожиданностей дать имъ наставленіе, что имъ дѣлать.

Но не успѣли мы нѣсколькихъ верстъ отѣхавъ, какъ я и раскаялся уже, что поѣхалъ, ибо застигла насъ на дорогѣ темная ночь, а ѣхать было еще очень далеко. Но какъ бы то ни было, но мы хотя почти ошупью, но до дома часа черезъ два ночи доѣхали. Совсѣмъ тѣмъ непреминулъ я приняться тотчасъ за перо, и того-жъ момента началъ писать свою епистолу и прежде не легъ спать, пока куда ее не окончилъ.

Но какъ письмо мое достигло уже до своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ оное на семъ мѣстѣ прервавъ, сказать вамъ что я есмь вашъ и прочее.

(Декабря 20-го дня 1808 года).

Письмо 163-е.

Любезный пріятель! Предпринимая теперь описывать нашъ славной споръ, имѣвшій столь многочисленныя и важныя

послѣдствія, за нужное нахожу сказать вамъ напередъ нѣсколько словъ о положеніи и обстоятельствахъ той обширной степи, о которой начиналось тогда спорное межевое дѣло, дабы чрезъ то могли вамъ тѣмъ понятнѣй быть тѣ мѣры, какія употреблены были тогда мною къ недопущенію г. Пашкова незаконнымъ образомъ и съ легкимъ трудомъ всѣмъ симъ обширнымъ мѣстомъ къ предосужденію моему и всѣхъ моихъ сосѣдей, имѣвшихъ въ такъ-называемой Пандинской округѣ жительство и во владѣннйи землями оной общее соучастіе.

Обширная и болѣе продолговатая, нежели круглая степь сія лежала тогда между Шадскимъ и Тамбовскимъ уѣздомъ и разграничивала собою оба сіи уѣзда. Въ длину простиралась она отъ юга къ сѣверу болѣе, нежели на 40 верстъ, а въ ширину отъ востока къ западу верстъ на 25 или болѣе.

Вся она во внутренности своей была почти безводная, ибо въ срединѣ только оной протекала небольшая рѣчка Ржакса, самая та, на которой у Пашкова заведенъ былъ маленькой хуторокъ для скотоводства. Но что касается до краевъ оной, то оныя не совсѣмъ были безводны, а находилось оныхъ довольно отчасти въ рѣчкахъ, протекающихъ вдоль ея предѣловъ, отчасти въ буеракахъ или, такъ тамъ называемыхъ, яругахъ, имѣющихъ истоки свои изъ внутренности оной и впадающихъ въ разныя рѣки, въ сосѣдственныхъ дачахъ находящіяся.

Что касается до сихъ сосѣдственныхъ дачъ, то съ сѣверной стороны прилегали къ ней распашныя земли огромнаго дворцоваго села Разсказова, и тутъ протекала вдоль края ея помянутая рѣчка Лѣсной-Тамбовъ; но владѣніе крестьянъ сего села простиралось гораздо далѣе за сію рѣчку во внутренность степи. А какъ Пашковъ по самую сію рѣчку хотѣлъ отмежевать себѣ степь сію, поелику она упомянута и приурочена была, то сіе и подало поводъ къ описанному мною уже спору между разсказовскими и Пашковымъ.

Съ восточной стороны прилегала къ

сей степи длинною побочиною своею вся наша Пандинская округа, которое имя носила она потому, что большая часть селъ и деревень, въ ней находящихся, имѣли поселеніе свое при берегахъ нарочитой величины рѣки Панды, протекающей вдоль сей округи по самой срединѣ оной.

Тутъ, во-первыхъ, прилегали къ ней распашныя земли большой деревни Караваеной; подлѣ сихъ прилегали земли деревни Мельничнаго-Поселка, принадлежащей одному Рахманову. За сими прилегали къ ней земли нашей деревни Болотовки, совокупно съ деревнею Бѣляевою и отчасти села Трескина, принадлежащихъ многимъ и разнымъ владѣльцамъ, а особливо Тараковскому, Молчанову, Бѣляеву, Казначеевымъ и другимъ нѣсколькимъ. А за сими прилегали къ ней земли деревни Калиновки, гдѣ жилъ помянутой г. Сабуровъ съ нѣсколькими другими владѣльцами.

Во всю сію длинную побочину не было ни одной рѣчки, текущей вдоль оной, кромѣ находящейся въ нижнемъ концѣ и называвшейся Паникою; напротивъ того, поперегъ пересѣкалась она многими буераками или яругами съ ихъ отроутками, изъ которыхъ наглавнѣйшею была рѣчка Караваенка, на устьѣ которой поселена была деревня Караваино. А напротивъ селенія нашей деревни Болотовки простиралась далеко въ степь яруга или буеракъ Ложечный съ разными его отроутками или боковыми вершинами.

Съ южной стороны прилегали къ ней владѣнія разныхъ селъ и деревень того-жъ Шадскаго, а болѣе уже и Тамбовскаго уѣзда, поселившіяся на рѣчкѣ Ржаксѣ и другихъ нѣкоторыхъ. А съ западной стороны прилегала во всю ея побочину къ ней другая и такая же обширная дикая степь, Тамбовскаго уѣзда, лежащая за рѣчкою Осиновкою, и, наконецъ, владѣнія помянутаго экономическаго села Спасскаго.

Какъ точныхъ границъ ни которыя изъ смежныхъ съ сею степью владѣльческихъ дачъ не имѣли, потому что въ сихъ мѣстахъ не было въ древности никогда ни-

какихъ ни писцовъ и писцовыхъ книгъ, а земли раздаваны были разнымъ людямъ съ означеніемъ только числа четвертей и съ приурочиваніями весьма темными, неостытельными и крайне недостаточными, то и произошло отъ того, что при размножившемся современемъ количествѣ жителей, всѣ они, не имѣя земель своимъ формальныхъ ограничивающихъ ихъ межей, владѣнія свои распространяли съ каждымъ годомъ отъ часу далѣе со всѣхъ сторонъ во внутренность сей степи, почитаемой тогда всѣми казенною, дикопорозжею и никому не принадлежащею землею, и ближнія мѣста въ ней распахи- вая и заселяя хуторами и деревнями, а дальнія захватывая подъ свои покосы.

Но ни съ которой стороны такъ много сіи владѣнія распространены въ нее не были, какъ съ стороны сѣверной разказовскими и спасскими жителями, и съ стороны восточной жителями нашей Пандинской округи. Изъ сихъ нѣмъ такъ много земли во владѣніе подъ пашню и покосы не было захвачено, какъ господиномъ Рахмановымъ противъ деревни его Мельничнаго-поселка, лежавшей между нашею Болотовкою и деревнею Караванною, такъ что число однихъ сихъ захваченныхъ усилѣствомъ симъ алчнымъ и наглýmъ обидчикомъ простиралось до нѣсколька тысячъ десятинъ.

Въ таковомъ положеніи находилась сія степь до самаго того времени, въ которое началось у насъ государственное межеванье; и какъ за годъ до того публикованъ былъ строгій указъ, чтобъ всѣ прикосновенные къ государственнымъ землямъ и захватившіе изъ нихъ какое-либо количество во владѣніе неотмѣнно объявляли, съ показаніемъ сколько ими завлажено и сколько они сверхъ того изъ ней себѣ купить отъ казны пожелаютъ, то множайшіе изъ владѣльцевъ нашей округи, въ томъ числѣ и я, и объявили, какъ о завладѣніи изъ степи сей нѣсколькихъ сотъ десятинъ, такъ предъявили желанія свои и къ покупкѣ еще множайшаго числа, считая всю степь сію не

иначе, какъ казенною, ибо тогда о дачѣ, произведенной изъ ней Пашкову и плутовскомъ его отказѣ всей оной за собою никому и ничего не было извѣстно.

Но какъ изданнымъ о межеваніи манифестомъ цѣна всѣмъ завладѣннымъ и продажнымъ землямъ объявлена была противъ чаянія всѣхъ высокая, то и купили изъ ней землю только очень немногіе; множайшіе же, за неимѣніемъ денегъ, или не хотѣя жертвовать на то многими суммами, ослѣлись и, вздумавъ называть всѣ завлаженные ими земли своими и говорить, что тутъ никакихъ пустыхъ и дикопорозжихъ земель не имѣется, продолжали не только въ противность манифеста по прежнему владѣть ими, но, несмотря на всѣ строгія запрещенія, и послѣ уже изданнаго манифеста продолжать часъ отъ часу больше оныя распахи- вать ежегодно; что и продолжалось до самаго того времени, какъ явился Пашковъ со взятымъ на свой коштъ землемѣромъ для отмежеванія всей оной по плутовскимъ своимъ отказнымъ книгамъ за собою.

Но какъ черта, описанная въ сихъ его отказныхъ книгахъ, обнимала не только чрезвычайную обширность и пространство мѣста, но будучи приурочена живыми урочищами, а именно: съ разказовской стороны помянутою рѣчкою Лѣснымъ-Тамбовомъ, а съ нашей стороны самымъ верховьемъ рѣки Панды и отъ онаго на устьѣ Вершинки, впадающей въ рѣчку Караванку, и отъ сего мѣста прямо на верховье рѣки Паники и оною внизъ, и по всему сему долженствовала пресѣчь и отхватить многія тысячи десятинъ, дѣйствительно распаханныхъ владѣльцами нашей округи, во владѣніе Пашкова, тогда всѣ наши владѣльцы увидѣли ясно свою ошибку и всю неправильность присвоенія себѣ земель, ими завлаженныхъ, и по справедливости стали опасаться, чтобъ не лишиться всѣхъ оныхъ при семъ межеваніи.

При таковыхъ обстоятельствахъ, по мнѣнію моему, иного средства къ спасенію оныхъ не оставалось, какъ въ разрушеніи помянутаго плутовскаго Паш-

ковскаго отказа объявленіемъ всей этой степи казенною землею и доведеніи чрезъ заведенной споръ сей до того, чтобъ Пашкову велѣно было въ силу помянутаго мною пункта намѣрить не болѣе, какъ только 1200 четвертей, а вся степь осталась бы казенною и всеѣмъ можно-бъ было и впредъ пользоваться оною, а желающимъ и купить изъ ней изъ казны сколько кому угодно.

Самое сіе и старался я всеѣмъ нашимъ сосѣдямъ внушить и хотя мнѣ стоило то многого труда, но по крайней мѣрѣ достигъ я наконецъ до желаемаго и довелъ до того, что всеѣ они признали сами сущую необходимость къ названію и утвержденію всей этой степи казенною, и всходствіе того и положили всеѣ стоять въ томъ и называть ее казенною всеѣмъ единодушно и единогласно.

Но сего было еще не довольно, а предлагали мнѣ и кромѣ того еще два пункта, крайне меня озабочивающіе, или паче два дѣла, къ произведенію которыхъ въ дѣйство предусматривалъ я великія и почти непреоборимыя затрудненія.

Первое состояло въ томъ, что какъ къ изобличенію неправильности и плутовства отказа Пашковскаго помогло бы много и то, еслибъ повѣренной его при отводѣ надѣлалъ болтуновъ и перепутался въ живыхъ, упоминаемыхъ въ отказныхъ книгахъ, урочищахъ, то нужно бы было какимъ-нибудь образомъ завести его въ таковой лабиринтъ и ошибки; но чего я не смѣлъ и надѣяться, ибо воображалъ, что повѣренной его неотмѣнно будетъ при отводѣ соображаться съ отказными своими книгами, и трудно будетъ его спутать.

Второе-же было и того еще важнѣе и сумнительнѣе и состояло въ томъ, что какъ всеобщая всей нашей округи польза требовала, чтобъ при семъ межеваніи не связать намъ никакъ и нашихъ земель спорами съ сею казенною землею, но въ семъ случаѣ поднала-бы и вся наша округа измѣренію и могла-бъ всей своей примѣрной земли, простирающейся до нѣсколькихъ тысячъ десятинъ, лишиться;

то для избавленія себя отъ того и спасенія всей нашей примѣрной земли другого средства я не находилъ, кромѣ того, чтобъ пожертвовать всеѣмъ тѣмъ и можетъ быть небольшимъ количествомъ владѣемой нами земли, которой Пашковъ захватить отводомъ своимъ въ свою округу, и не только всю ее называть казенною землею, но даже и свою, вплоть подлѣ его черты находящуюся, и всходствіе того говорить вездѣ, гдѣ бы онъ ни повелъ, что направѣ и налѣвѣ не наша и не его, а государева земля.

Симъ однимъ можно было намъ отбыть отъ измѣренія нашей дачи. А еслибъ послѣ и дошло до того, чтобъ велѣно было намъ показать покуда же простирается казенная земля и гдѣ границы нашей, то думалъ я, что можно тогда будетъ тутъ же и отступя хоть нѣсколько сажень отъ черты его отвода, показать границы наши. Но какъ можно было мнѣ ласкаться надеждою уговорить всеѣхъ толь многихъ соучастниковъ въ нашемъ владѣніи къ тому, чтобъ они говорили со мною за одно, откленивались отъ своей земли и называли ее казенною, а особливо самихъ хозяевъ тѣхъ пашень, чрезъ которыя Пашкову повѣренному отводъ свой вести случится?

Сіе-то меня смущало и обезоруживало всего болѣе. Я никакъ не смѣлъ тѣмъ ласкаться, а паче имѣлъ причину бояться, чтобъ самыя тѣ владѣльцы не надѣлали пакостей отъ неблаговременнаго жалѣнія своей земли и объявленіемъ, что она ихъ, не испортили-бъ всего дѣла.

Но противъ всякаго моего чаянія въ обоихъ сихъ важныхъ, смущавшихъ меня пунктахъ помогла мнѣ самая случайность или паче невидимое дѣйствіе Промысла Господня, опредѣлявшаго жребій симъ землямъ не по нашимъ ожиданіямъ и мыслямъ, а по судьбамъ своимъ неисповѣдимымъ.

Въ разсужденіи перваго пункта помогло мнѣ то, что нечаяннымъ образомъ, какъ я въ предслѣдующемъ писемъ упоминалъ, проболтался мнѣ самъ Рыбинъ и сказалъ такое слово, котораго бы мнѣ ни за какія деньги не купить и которымъ

преподавъ онъ мнѣ самъ, такъ сказать, петлю для возложенія ея на него. Дѣло состояло въ слѣдующемъ.

Какъ я, обходясь съ нимъ умышленно очень ласково и дружелюбно и принимая видъ будто я желаю самъ имъ отмежеваться со всѣмъ успѣхомъ, спросилъ его: куда же онъ, дошедъ до верховья рѣчки Лѣсного-Тамбова, поведетъ далѣе? то сообразно съ своими отказными книгами и сказалъ онъ, что на вершины или верховье рѣки Панды. Этого я и ожидалъ. Но какимъ поразился я удивленіемъ, когда онъ вслѣдъ за симъ примолвилъ, что она-де очень отъ того мѣста близка и не болѣе-де версты или двухъ.

— «Ба, ба, ба!» воскликнулъ я самъ въ себѣ, сіе услышавъ: — «это что-то особенное и не похожее на дѣло! Верховья рѣки Панды мнѣ извѣстны, и онъ не такъ близки, какъ онъ говоритъ, а очень далеко и не ближе верстъ двадцати отъ того мѣста. Ахъ, батюшки мои!» — продолжалъ я самъ въ себѣ помышлять: «ужъ не думаетъ-ли онъ все то ужасное количество земли, которое лежитъ между верховьями рѣчки Лѣсного-Тамбова и рѣки Панды изъ своего обвода выпустить и верховьями Панды назвать верховья рѣчки Караваянки, которая точно, по словамъ его, недалѣе отдалена отъ того мѣста, какъ версты на двѣ или на три и лежитъ прямо противъ онаго? То-то бы право хорошо! ужъ бы сѣлъ я ему тогда на шею и всего-бы удобнѣе могъ его спутать и завести въ лабиринтъ».

Все сіе кинулось мнѣ въ ту же минуту въ мысли; почему, не сказавъ ему на то ни слова, замолчалъ и скоро послѣ того, разставшись съ нимъ, для самаго того болѣе и спѣшилъ ѣхать домой, чтобъ заготовить заблаговременно на бумагѣ то, чтò тогда говорить, если онъ дѣйствительно сдѣлаетъ такую важную и столь для насъ полезную ошибку.

Что касается до второго несравненно важнѣйшаго, смущавшаго меня пункта, то недумано негадано помогло мнѣ много все случившееся при спорѣ съ разсказовскими; ибо какъ всѣ наши повѣ-

ренныя и дворяне увидѣли мое знаніе и искусство, то, возымѣвъ весьма выгодное обо мнѣ мнѣніе, удостовѣрились въ томъ, что все, что ни буду я дѣлать, будетъ основано не на пустякахъ, а сущемъ дѣлѣ. А сіе, какъ изъ послѣдствія окажется, и помогло мнѣ убѣдить и уговорить ихъ ко всему, что мнѣ хотѣлось, и произвести то, чего никто не могъ ожидать и что удивило самого меня до чрезвычайности.

Вотъ все, что хотѣлось мнѣ рассказать предварительно для лучшаго вамъ разумнѣя всего послѣдующаго, а теперь возвращусь къ порядку моего повѣствованія.

Возвратившись помянутымъ образомъ домой и написавъ все нужное на случай Рыбиной ошибки, поѣхалъ я на другой день, что случилось быть 12 сентября, къ г. Сабурову къ женѣ его на именины. Онъ былъ мнѣ чрезвычайно радъ, ибо могу сказать, что онъ меня очень полюбилъ и обходился со мною какъ-бы съ близкимъ своимъ родственникомъ или лучшимъ другомъ. Вскорѣ послѣ меня приѣхали къ нему и господа Соймоновы съ женами, также и господинъ Дуровъ съ женою.

Всѣ они были уже моими пріятелями, а особливо доволенъ я былъ старшимъ братомъ господина Соймонова, Юрьемъ Федоровичемъ, человѣкомъ почтеннымъ и разумнымъ. Онъ обходился со мною не какъ полковникъ, но какъ низшій меня чиномъ, чѣмъ заставлялъ меня еще болѣе себя любить и почитать.

Сему человѣку восхотѣлъ я сдѣлать учтивость и показать заготовленной мною споръ и требовать объ немъ его мнѣнія. Онъ расхвалилъ его въпрахъ и дивился особенному туру или пути, какой я спору выбрать, признаваясь, что онъ особаго рода и притомъ не только надежной и безсомнѣнной, но и такой, о которомъ Пашкову и въ мысль не придетъ, и что я иду противъ его такимъ путемъ, съ котораго ему сбить меня будетъ очень трудно.

Послѣ обѣда не сталъ я долго медлить, но, напившись кофея, спѣшилъ ѣхать въ

лагерь въ намѣреніи мимоѣздомъ осмотрѣть все теченіе рѣчки Караваенки и всѣ впадающія въ нее вершины, дабы тѣмъ лучше можно было расположить свой споръ и отводы.

Для самаго того, приѣхавши домой, оставилъ я свою коляску, велѣлъ ей ѣхать за собою, а самъ, сѣвъ на лошадь верхомъ, поскакалъ съ однимъ повѣреннымъ къ Караваину. Но на ту бѣду случись подо мною лошаденка ни къ чему годная и какъ день склонялся къ вечеру, то, не доскакавъ еще до Караваина, поставилъ ее въ пень. Но тутъ по приказанію моему дожидались уже меня караванскіе однодворцы съ перемѣнными лошадьми. Я пересѣлъ на другую и велѣлъ себя вести снизу до самаго верховья рѣчки Караваенки и показать мнѣ всѣ ея отвершки и положеніе ихъ.

Осмотрѣвъ и замѣтивъ въ мысляхъ все, что мнѣ было надобно, спѣшилъ я добираться до лагеря нашего, куда прискакавъ, нашелъ уже я превеликое собраніе господъ дворянъ. Всѣ они насъ дожидались и у нихъ были разныя мнѣнія и толки. Иные надѣялись на меня, какъ на каменную стѣну, другіе сомнѣвались, а повѣренной господина Рахманова все несъ околесную и по глупости своей помышлялъ только о дракѣ и, какъ я послѣ провѣдалъ, заготовилъ уже множество людей и возмущилъ къ тому же и многихъ однодворцевъ деревни Караваинной, до которой тогда до первой дошло дѣло.

Приѣздъ мой оживотворилъ все общество и прогналъ всѣ ихъ недовѣрки, трусости и сомнительства. По счастью подоспѣлъ къ намъ и г. Сабуровъ. Сему, болѣе всѣхъ прочихъ усердствующему пользѣ общей, человѣку не взмилились гости и компанія: онъ оставилъ и жену, и гостей у ней, а самъ поспѣшилъ вслѣдъ за мною, вѣдая, что присутствіе наше очень нужно, ибо мы боялись, чтобъ межевщикъ не дошелъ уже до приѣзда нашего до того мѣста, гдѣ находился нашъ лагерь. Однако мы приѣхали благовременно и межевщикъ, по полученнымъ изъ

вѣстіямъ, находился отъ насъ еще въ нѣсколькихъ верстахъ.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ мы въ томъ сомнѣваться уже не могли, что онъ въ послѣдующій день къ обѣду къ тому мѣсту прибудетъ, гдѣ мы расположились станомъ, какъ на границахъ нашего владѣнія, и что мы должны будемъ имѣть съ нимъ первую стычку или словесное сраженіе; то заблагоразсудилъ я созвать генеральной военной совѣтъ и рѣшить наконецъ всѣ сомнительства, объявивъ имъ весь планъ и порядокъ моего намѣренія, о которомъ я до того времени никому, кромѣ вѣрнѣйшихъ особъ, не сказывалъ, изъ опасенія, чтобъ бездѣльниками не перенесены были неприятели слухи. Адъютантъ нашъ долженствовалъ собрать того момента всѣхъ повѣренныхъ и самыхъ владѣльцевъ въ кружокъ для выслушанія моего намѣренія и приказовъ. Смѣшно и пріятно было видѣть, какъ я стоялъ тогда, какъ главной предводитель, посреди, окруженной челоуѣками двадцатью дворянъ и превеликимъ множествомъ повѣренныхъ прикащиковъ, однодворцевъ и мужиковъ. Всѣ хотѣли охотно слышать о чемъ говорено будетъ; всѣ обращали свои взоры на меня и всѣ протягивали уши, чтобъ не пропустить ни одного слова. Мы смѣлялись неоднократно послѣ и сравнивали весь свой походъ, которой прозвали мы Рыбинскимъ, съ войною Троянскою, а себя съ греческими царями, а повѣренныхъ съ ихъ наперсниками и лучшими—вельможами и воинами.

Господинъ Сабуровъ, представлялъ тогда особу царя Агамемнона, а я Улисса, а другіе другіхъ греческихъ царей, смотря по свойству, качествамъ, лѣтамъ и достоинствамъ, ибо всѣ мы были между собою равныя владѣльцы, но качества имѣли не одинакія. Были тутъ люди острые и скоро все понять и разобрать могущіе; находились иные, которые были не столь остроумительны и понятливы, а третьи и тѣхъ простѣе. А не было и въ такихъ недостатка, которые простою своею иногда въ досаду, а иногда въ смѣхъ насъ приводили. Къ сему роду при-

надлежали нѣсколько человѣкъ изъ стариковъ.

Но никто намъ такъ не былъ смѣшонъ, а иногда досаденъ, какъ одинъ старый мужъ, и лѣтами и чиномъ своимъ всѣхъ прочихъ превосходящій, а поступками всѣхъ смѣхотворнѣй. Былъ то господинъ надворной совѣтникъ Свитинъ, въ разсужденіи котораго никто не могъ надивиться, какъ онъ могъ, будучи нѣсколько лѣтъ воеводою, править цѣлымъ городомъ и уѣздомъ. Не могу истинно довольно насмѣяться, какъ вспомню его поступки.

Онъ былъ изъ самыхъ старинныхъ людей, не очень богатой и не тутошній житель, а живущій неподалеку отъ Пашкова и ему знакомой, туда же для межеванья приѣхавшій, потому что онъ имѣлъ участіе въ деревнѣ Караванной. Но характера былъ столь смѣшного, что не можно было не надсмѣдаться со смѣха, слышавъ его разсужденія.

По несчастію случись, что онъ и въ самомъ жителствѣ своемъ невѣдомо сколько разъ обиженъ былъ г. Пашковымъ. А какъ онъ и тутъ отъ него же и, къ несчастію, еще первой претерпѣвать былъ долженъ зло, то не было истинно часа, чтобъ онъ его не ругалъ и не проклиналъ всѣми клятвами, какими только клясть можно, однако такъ, что самъ бы господинъ Пашковъ на то не осердился, какъ онъ и въ самомъ дѣлѣ его въ глаза ругалъ, а онъ его считалъ шутикомъ и игралъ имъ, какъ дурачкомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ нельзя было и сердиться, ибо онъ былъ очень смѣшонъ, и въ одинъ мигъ у него и дружба съ нимъ, и брань, и лады, и сердце, и гнѣвъ, и опять смѣхъ. Вотъ какого разбора человѣкъ случился тогда быть въ нашемъ обществѣ; но было нѣсколько человѣкъ и другихъ, которые не многимъ чѣмъ лучше его были. По мнѣ время возвратиться къ своему повѣствованію.

Собравъ вокругъ себя всѣхъ въ кружокъ, сдѣлалъ я всѣмъ военоналичникамъ и рядовымъ напередъ изрядное предисловіе, чтобъ возбудить ихъ тѣмъ къ единодушной и мужественной противъ

непріятеля оборонѣ, а особливо уговаривалъ ихъ къ тому, чтобъ они всѣ на меня положились, поручили-бъ мнѣ все дѣло, слушались-бы моихъ повелѣній и безсомнѣнны-бъ были, что я ихъ не обману, а сдѣлаю всему обществу услугу. Предуготовивъ ихъ симъ образомъ, сталъ я всѣмъ имъ вслухъ читать, что я говорить и предпринимать намѣренъ, толкуя имъ каждое слово и сказывая именно для чего что говорить и дѣлать хочу.

Всѣ выслушали намѣреніе мое и написанной споръ съ величайшимъ вниманіемъ, и по окончаніи чтенія, понимающіе начали выхвалять и благодарить меня за мое стараніе, будучи мною очень довольными. Прочіе же также хвалили и благодарили меня, хотя и половины дѣла не могли понять, а только-заклучали, что я, по мнѣнію ихъ, хитрое и далеко всѣ ихъ мысли превосходящее дѣло (?).

Однимъ словомъ, предпріятіе сіе возмѣло желаемое дѣйствіе и мнѣ столь много помогло, что перемѣнилось въ одинъ мигъ мнѣніе самыхъ злѣйшихъ и объ одной только дракѣ помышляющихъ противниковъ. Всѣ стали уже на меня полагаться и вѣрять мнѣ судьбу своей округи и всѣхъ своихъ жителей, и оставалось мало такихъ, которые имѣли-бъ еще недобѣрку, и я радовался и благодарилъ Бога, что мнѣ вздумалось сіе сдѣлать, ибо безъ сего вылились бы превеликія бѣды и куралесица преужасная.

По распушеніи сего послѣдняго нашего военного совѣта, начались у военоналичниковъ, поставившихъ станы свои по разнымъ мѣстамъ, подчиванья и угощенья другъ друга. Всякой звалъ другихъ къ своей коляскѣ и подчивалъ водкою и другими напитками, какіе у кого случились. Между тѣмъ приготавлиемы были у всѣхъ ужины, и на множествѣ раскладенныхъ огняхъ варены были каши и другія ѣствы. Мы разсудили за благо собрать ихъ всѣ вмѣстѣ и составить общій ужинъ или пикникъ.

И какое это пріятное собраніе сидѣло тогда кругомъ разостланныхъ на травѣ скатертей, и какой веселой, вкусной и

всѣмъ изобиліемъ преисполненной ужины былъ тогда у насъ! какое множество ѣствъ, какое множество напитковъ! Всего у насъ было довольно, и мы наѣлись такъ, какъ бы на сборномъ какомъ и праздничномъ ужинѣ. Звѣздами испещренный сводъ неба составлялъ тогда наши палаты, а нѣскольковозженныхъ свѣчъ освѣщали нашъ столъ. Смѣхи, шутки и невинныя издѣвки услаждали нашу пицу, а согласіе между всѣми и новая дружба дѣлали ее еще сладчайшею. Однимъ словомъ, мы сборищемъ своимъ такъ были довольны, что никому не хотѣлось расходиться и брать покой, и хотя была тогда глухая уже ночь, но мы согласились проводить еще нѣсколько времени въ продолженіи нашихъ разговоровъ, и полегнись кругомъ раскладеннаго и самими нами возжигаемаго и поправляемаго огонька, и провели время въ разговорахъ и смѣхахъ истинно до полуночи.

По счастію случился одинъ изъ нашихъ товарищей, а именно господинъ Паульскаго, великой шутникъ и издѣвочникъ и такой человѣкъ, которой рожденъ былъ къ тому, чтобъ увеселять компанію разными смѣшными разсказами и прибаутками, которыя къ нему чрезвычайно и пристали, хотя онъ былъ и прямо разумной человѣкъ. И какое множество не насказалъ онъ намъ тогда такого, чему мы всѣ со смѣху надсѣдались.

Наконецъ, тѣмъ неудовольствуясь, стали мы всякой поочереди говорить, и всякой долженъ былъ разсказать что-нибудь смѣшное и увеселить собраніе, что не только намъ, но и самымъ людямъ нашимъ было пріятно, которые поужинавъ вмѣстѣ со множествомъ мужиковъ и повѣренныхъ, окружили наше сборище и до тѣхъ поръ никто обо снѣ не помышлялъ, покуда не разошлись мы по своимъ походнымъ квартирамъ.

Симъ кончился сей день, а вмѣстѣ съ нимъ кончу я и письмо мое, сказавъ, что я есмь и прочее.

(Декабря 20-го дня 1808 года).

СПОРЪ.

1773.

Письмо 164-е.

Любезный пріятель! По наступленіи послѣдующаго дня, начались у насъ подчиванія другъ друга чаемъ и взаимными поздравленіями съ добрымъ утромъ. Но у меня, какъ у главнаго предводителя, не то было на умѣ, а я спѣшилъ воспользоваться достальнымъ еще свободнымъ временемъ до сраженія и употребить оное на рекогносцированіе или осматриваніе еще одной вершины и нѣкоторыхъ мѣстъ, по которымъ, какъ думалъ я, поведетъ межевщика нашъ непріятель. И для того, сѣвъ на лучшую лошадь, какая могла найтись во всемъ станѣ, и взявъ съ собою человѣкъ пять наилучшихъ повѣренныхъ, пустился въ степь для обозрѣванія мѣстъ.

Неуспѣли мы нѣсколько отѣхать, какъ наѣхали на одного верхового мужика. Мы тотчасъ стали подозрѣвать не изъ лазутчиковъ ли онъ Пашковыхъ, какихъ тогда вездѣ нѣсколько человѣкъ шаталось подъ видомъ исканія пропавшихъ лошадей, и для того поскакали тотчасъ къ нему и приказывали остановиться.

— «Что за мужикъ? закричали мы: и зачѣмъ здѣсь?» Вѣдной мужикъ такъ испужался, что не зналъ, что говорить и дѣлать.

— Я, родимой, Спаской, ищу лошадей! Пропали, кормилецъ, двѣ лошадки!

— «Нѣтъ, плутъ!» закричали мы, «не Спаской ты, а Пашкова! хочешь-ли, какъ мы въ плети?»

Мужикъ, думая, что мы его въправду бить хотимъ, задрожалъ отъ страха и клялся и божился намъ, что онъ не Пашкова, а Спаской и намъ союзникъ и просилъ помиловать.

— «Постой-же, мой другъ!» сказали мы: «когда ты Спаской, то сказывай намъ, въ какомъ мѣстѣ ты въ Спаскомъ живешь, какъ тебя и твоихъ сосѣдей зовутъ, и такъ далѣе, и сказывай скорѣе, не за-

пинаясь?» И какъ со мною были однодворцы, знающіе спаскихъ мужиковъ, то по отвѣтамъ его увѣрились мы наконецъ, что онъ дѣйствительно былъ спаской, и оставили его съ покоемъ.

Осмотрѣвши такъ-называемую Дѣминскую вершину, о которой думали, что ее соперникъ нашъ станетъ называть рѣчкою Караваенкою, возвратился я въ нашъ лагерь и началъ дѣлать реестръ и списокъ всѣмъ повѣреннымъ въ ожиданіи межевщика и покуда у насъ было свободное время.

Никто изъ насъ не сомнѣвался въ томъ, что до обѣда намъ не будетъ никакого дѣла, потому что межевщикъ ночевалъ отъ насъ еще за нѣсколько верстъ. Также всѣ мы полагали за вѣрное, что спору нашему надобно быть въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли тогда своимъ лагерьмъ подлѣ озерокъ, изъ которыхъ вытекала рѣчка Лѣсной-Тамбовъ, и которыя озераки раздѣляли наше владѣніе съ разсказовскими. Однако всѣ мы въ своемъ мнѣніи сильно обманулись, и я не успѣлъ возвратиться и начать дѣлать помянутой реестръ, какъ показался намъ межевщикъ уже въ виду, и мы въ самое то время увидѣли скачущаго къ намъ на подводѣ солдата съ понятыми.

Смутился я тогда и не зналъ, что это значитъ, и какъ его тотчасъ ко мнѣ, какъ къ главному начальнику, представили, то удивился я еще болѣе услышавъ, что присланъ онъ къ намъ съ понятыми для повѣстки, чтобъ мы и повѣренной господина Рахманова тотчасъ явились, потому что пришла его владѣнія земля, а при томъ угрожаемо было, что если не явится, то безъ него межевать будутъ.

«Кой чортъ?» сказалъ я тогда самъ въ себѣ: «что это значитъ? тамъ владѣнія Рахманова еще и въ завѣтѣ не раживалось и откуда они его тамъ взяли? Да къ чему такая непомѣрная уже строгость и угрозы? вѣдь онъ не слѣпъ и насъ видитъ, къ чему посылать съ понятыми!»

Признаюсь, что досадна была мнѣ сія межевщикова поступка. Однако некогда было тогда долго раздabarывать. Я, схва-

тивъ лошадь, какая первая попалась, и поскакалъ во всю прыть къ межевщику, боясь, чтобъ они чего не напроказничали. Прочіе господа послѣдовали за мною, и мы всѣ въ одинъ мигъ очутились у него.

Мы нашли господина землемѣра насъ уже ожидающагося и я первой, подошедъ къ нему, подаль ему свою сказку. Онъ удивился, что я подаю сказку, хотя моя деревня отстояла еще верстъ за двадцать отъ того мѣста, и моего владѣнія тутъ и въ завѣтѣ еще не вживалось, и началъ-было барабошить. Но не тутъ-то было, чтобъ выторговать тѣмъ что-нибудь. Дѣло было напередъ смѣчено и чѣмъ убѣждать приготовлено.

Ему и повѣренному господина Пашкова и на умъ того не приходило, что мы хотимъ спорить цѣлою округою, а не поодиначкѣ, и они не инако думали, что каждой изъ насъ только за свое владѣніе отвѣтствовать будетъ, и потому надѣялись насъ сбить съ пути, думая: дураки дескать они, перепутаются и переплетутся между собой, а мы-де что хотимъ изъ нихъ и сдѣлаемъ.

Однако сей счетъ дѣлали они безъ хозина, и смѣшно было смотрѣть, какъ межевщикъ и повѣренной остолбѣли, увидѣвъ цѣлую толпу дворянъ и повѣренныхъ, подающихъ однимъ разомъ всѣ свои сказки, изъ которыхъ въ каждой написано было то же, что въ другой, и услышавъ отъ всѣхъ согласной крикъ, что у насъ у всѣхъ дача одна и чрезполосное владѣніе, и потому мы не поодиначкѣ, а всѣ вмѣстѣ отвѣтствовать будемъ. Такъ все отъ меня было настроено!

Въ пень сталъ тогда межевщикъ и не зналъ, что дѣлать и кому отвѣчать напередъ и у кого принимать сказки. Онъ озирался только на всѣ стороны и боялся, чтобъ его не прибили. Долго онъ сперва барабошилъ. Но статочное-ли дѣло! сколько людей, столько голосовъ и всѣ одно и то же говорили, а я всѣхъ пуще. Нечего было дѣлать, принужденъ былъ перестать умничать и принимать сказки. Сперва сталъ-было онъ ихъ читать и смотрѣть по формѣ ли онѣ написаны? Но я

ему тотчасъ сказалъ, что развѣ онъ на этомъ мѣстѣ дневать хочетъ, такъ бы читалъ и разсматривалъ, а въ противномъ случаѣ оставилъ бы лучше сей бесполезной трудъ и повѣрилъ бы, что форма вѣрно наблюдена и всѣ сказки писаны, какъ надобно (ибо надобно знать, что я предварительно о томъ постарался и всѣ онѣ были у меня пересмотрѣны, и которыя не такъ были написаны—переправлены). Нечего было тогда дѣлать межевщику, принужденъ былъ принимать, не читая, и собирать въ кучу. И смѣхъ истинно! цѣлую кипу связали изъ оныхъ и подъячій не знали куда съ ними и дѣваться. Долго сіе продлилось, однако наконецъ кончилось, и надобно было начинать дѣло.

— «Ну, что такое?» началъ я тогда говорить: «и зачѣмъ вы насъ сюда призвали?»

— Да вотъ, судырь, отвѣчалъ межевщикъ: — повѣренной господина Пашкова объявляетъ, что влѣвъъ начинается земля васъ, шадскихъ помѣщиковъ, и именно господина Рахманова, и что это писцовыя вершины рѣчки Лѣсного-Тамбова.

— «Вранье, батюшка!» отвѣтствовалъ я, удивившись: «владѣнія нашего тутъ еще не раживалось, да и вершины рѣчки Лѣсного-Тамбова далеко еще впереди, а не тутъ».

Совсѣмъ тѣмъ былъ для меня сей случай неожиданной, ибо я не иначе думалъ, что онъ пойдетъ до самаго верховья, а онъ, бездѣльникъ, далеко не дошедши до онаго, а пришедъ до одного отвершка, назвалъ его вершинами. Однако, не долго думая, тотчасъ я расположилъ въ мысляхъ, что дѣлать и какъ въ семъ случаѣ поступить.

Какъ владѣнія нашего тутъ въ самомъ дѣлѣ не было и продолжалось все еще разсказовское, то разсудилъ я поступить при семъ политическимъ и нейтральнымъ почти образомъ. По счастью было мнѣ время выдумать порядочное объявленіе, потому что для вписыванія въ полевой журналъ однихъ именъ нашихъ и повѣренныхъ потребно было съ полчаса времени.

Приготовившись симъ образомъ, началъ

я тихо, порядочно, степенно и слово за словомъ диктовать подъячему и съ такимъ порядкомъ, что самъ повѣренной Пашкова былъ тѣмъ доволенъ и хвалилъ меня, что я умно пишу и порядочно, и что ни на ту, ни на другую сторону не преклоняюсь. Но бѣдненькой не зналъ, что я его тогда только по губамъ мазалъ, и что нарочно только для того не оскорбительно для его говорилъ, чтобъ тѣмъ лучше скрыть будущее мое и прямое намѣреніе.

Объявленіе мое состояло въ немногихъ только словахъ, а именно, что верховье рѣчки Лѣсного-Тамбова еще впереди и земля налѣвъъ не наша, а владѣютъ ею разсказовскіе, а какая она и какого уѣзда и казенная ли или дачная, того будто бы не знаемъ. Сіе самое и понравилось господину Рыбину; но онъ скоро сталъ мысли свои перемѣнять, какъ я, кончивши записку, поздравилъ его, смѣячись, что онъ первой и изрядной болтунъ и ошибку сдѣлалъ. Онъ не понималъ, правда, что я подъ симъ словомъ разумѣлъ, однако начиналъ меня побаиваться. Но мы еще съ нимъ были ладны.

Какъ все сіе продлилось долго и время настало уже обѣдать, то стали мы звать межевщика къ себѣ въ гости обѣдать и тѣмъ паче, что видѣли мы, что господинъ Пашковъ морилъ его и всѣхъ голодомъ. Долго онъ отпѣкивался, боясь прогнѣвать г. Пашкова; но я скоро нашелъ средство его убѣдить, говоря ему при повѣренномъ, чтобъ онъ взялъ его съ собою, такъ не будетъ ему и сомнѣнія въ томъ, что онъ съ нами говорить будетъ. Стыдно и дурно было тогда межевщику и Рыбину; итакъ, принужденъ онъ былъ ѣхать съ нами въ нашъ лагерь.

Приѣхавши туда, начали мы къ нему подлещаться и старались угостить его наилучшимъ образомъ; по счастью было тѣмъ поподчивать, покормить и попойть: всего было наварено и настряпано. Старичокъ нашъ былъ тѣмъ чрезвычайно доволенъ и обращался съ нами очень ласково, а особливо со мною. Мы разговаривались съ нимъ о Богородицкѣ, которую

волость онъ межевалъ, и о князѣ Гагаринѣ и объ управителѣ г. Опухтинѣ, и свели дружбу. Однимъ словомъ, удовольствовались его, какъ надобно.

Послѣ обѣда отозвалъ онъ меня къ сторонѣ и сталъ уговаривать, чтобъ я поступилъ съ г. Пашковымъ миролюбно и развелся порядочно. Комисія была тогда для меня отъ него отдѣлаться. Будучи съ одной стороны къ миролюбію склоненъ, а съ другой предвидя сущую невозможность полюбовнаго развода, не находилъ я почти словъ къ соотвѣтствованію ему. Однако мнѣ удалось оставить его въ хорошемъ о себѣ мнѣніи и въ надеждѣ, тѣмъ наиболѣе, что я, не обѣщая ничего, твердилъ только, что посмотрю, какъ-то поведетъ Рыбинъ, и если будетъ сходно, то для чего не развестись, дѣло не уйдетъ еще, хотя и споръ будетъ.

Симъ и сему подобнымъ убаялъ я его такъ, что онъ самъ взялся и общалъ склонять и уговаривать Рыбина, чтобъ онъ не таково далеко заходилъ въ наши земли; а мнѣ то-то было и надобно.

Такимъ образомъ начало дѣло понемногу клеится. Межевщикъ, возвратившись съ нами къ астролябии, непременно отозвалъ Рыбина къ сторонѣ и переговорить съ нимъ наединѣ. «Хорошо!» думалъ я:—«пускай переговаряютъ, авось-либѣ на нашей улицѣ будетъ праздникъ». Рыбинъ въ самомъ дѣлѣ повеселѣе сдѣлался. Однако сія радость его недолго продлилась. Туча висѣла уже надъ его головою, и не то бы онъ заговорилъ, если-бъ зналъ, что у меня лежитъ въ карманѣ на его шею заготовленное.

Но какъ-бы то ни было, но надлежало начинать дѣло и Рыбину начинать вести отводъ свой далѣе. Я очень любопытенъ былъ видѣть, куда онъ съ того мѣста поведетъ. И какъ мнѣ положеніе тамошнихъ мѣстъ было нѣсколько знакомо, то удивился я, что онъ поставилъ вѣху и сталъ вѣшати линію прямо стѣнью, такъ что оною линіею ему ни на вершину Панды, и ни на рѣчку Караваенку притить было не можно.

Видѣлъ я, что онъ путался и самъ не

зналъ, куда велъ, но молчу и смотрю, что будетъ и куда пойдетъ далѣе. Уже идемъ мы версту, идемъ другую, а онъ все ведетъ и все молчитъ. Но, наконецъ, сталъ онъ приближаться уже и къ нашимъ дачамъ и дѣло становится не очень для насъ ладно. Время было начинать и намъ свой споръ, но я жду, чтобъ разсказовскіе окончили свое владѣніе. Но сіи глупцы всего меньше о томъ помышляли. Съ дуру, что съ дубу, ради были тому, что ихъ владѣніе влѣвъ еще простиралось и готовы были-бъ и все называть своимъ, если-бъ только никто ничего не говорилъ.

Увидѣвъ, что они готовы были зайти симъ образомъ и въ наши дачи, сталъ я помышлять, какъ-бы ихъ уже и остановить. И какъ опасность стала становиться часъ отъ часу болѣе, то сталъ я имъ уже тихонько говорить, что пора имъ окончить свое владѣніе. Но бѣды мои были съ ними: не слушались, окаянныя! Я такъ и сякъ, но не туда ѣдутъ. Попалась дуракамъ какая-то дорожка и твердили только съ дуру: вотъ немного еще, вотъ до дорожки.

— «Дураки такіе-сякіе», говорю имъ: «что вамъ попалась за дорожка? Переставайте, я вамъ сказываю, а то бѣды себѣ надѣлаете и все дѣло испортите такъ, что и поправить будетъ не можно, но тогда и у меня уже не спрашивайтесь».

И какъ они и сего не уважали, а все шли да шли далѣе, то, подошедъ опять къ повѣренному ихъ, сказалъ: «Слышишь-ли, пошолъ останавливай межевщика и скажи, что земля ваша кончилась, а впереди отнюдь не называй нашею, а скажи не знаю какая. Слышишь-ли, пошелъ!»

— Добро, добро! инъ пора, отвѣтствуетъ мнѣ.

Но пора, пора, а самъ ни по ногу, боится и приступить къ межевщику; а цѣпь волокли да волокли, и межевщикъ подвигался да подвигался. Горе меня тогда взяло. Я моргаю, я сую разсказовскихъ повѣренныхъ, но они, по несчастью моему, случились сущіе мѣшки и

неповоротни, такъ ни маленькаго провора въ нихъ не было.

Наконецъ, не принялся я и вздумалъ отъѣзжаться на удачу самъ остановить межевщика, и подошедши вдругъ, началъ говорить, что въ томъ мѣстѣ разсказовская земля кончилась и кликалъ разсказовскихъ, крича на нихъ, что они молчать и зѣваютъ, а самъ трясся и боялся, чтобъ они съ дуру, окаянные, не заспорили. Но по счастью былъ я у нихъ болѣе въ кредитъ, нежели самъ думалъ. Послушались и подтвердили, что такъ, хотя въ самомъ дѣлѣ владѣніе ихъ еще далѣе по степи простиралось, но они не погнались уже и стали въ томъ, что земля ихъ кончилась, и что начинается уже Божья да государева.

«Ладно, думалъ я:—дѣло идетъ стройно. Оканчивайте-ка, Иванъ Петровичъ, ихъ дачу и отпускайте ихъ, сказалъ я межевщику, а тамъ посмотримъ, что будетъ».

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, Рыбинъ находился впереди и метался, какъ угорѣлая кошка, устанавливая вѣхи. Онъ примѣтилъ уже самъ, что не туда и въ такую степь забрелъ, гдѣ кромѣ неба и ковыля ничего было не видно, и не зналъ какъ-бы уже пособить себѣ и податься вправо. Почему и радъ былъ, что мы остановились и начали записывать объявленіе разсказовскихъ, и, пользуясь симъ случаемъ, перенесъ вѣхи и сдѣлалъ великой поворотъ вправо, подаваясь къ рѣкѣ Караваенкѣ.

Я тотчасъ сіе усмотрѣлъ и былъ тѣмъ доволенъ, ибо то-то было мнѣ и надобно; однако молчу и не говорю ничего, но даю время опять записать новой румбъ, чтобъ онъ у меня отъ сей новой линіи не отвергнулся и услышавъ мой споръ, не повернулъ влѣво.

Какъ разсказовское дѣло было уже кончено и надлежало намъ говорить, то спросилъ я только Рыбина, куда онъ теперь повернулъ? Онъ тотчасъ сказалъ, что ему слѣдуетъ теперь идти на вершину Пандинскую и онъ идетъ туда.

— «Очень хорошо!» сказалъ я:—«я при-
ложение къ «русской старинѣ» 1872 г.

шу милости записать, что онъ идетъ на вершину Пандинскую». Межевщикъ, хотя-бы и не имѣлъ права сего сдѣлать, но тотчасъ велѣлъ записать.

— «Прикажете ему подписаться», говорю я далѣе. Рыбинъ тотчасъ и подписался, не предвидя нimalo, что у меня на умѣ тогда было. Но не успѣлъ онъ подписаться, какъ, обратясь къ межевщику, я сказалъ:

— «Ну, дозвольте-жъ теперь и мнѣ слова два вымолвить!»—Очень хорошо, сказалъ межевщикъ.

Тогда, обратясь ко всѣмъ своимъ товарищамъ и повѣреннымъ, закричалъ я: «Господа! Пожалуйте поприступите!»

Всѣ наши уже знали, что будетъ и ждали того, какъ невѣдомо чего, улыбаясь другъ съ другомъ, видя мои ухватки, и въ одинъ мигъ сдѣлали вокругъ межевщика и всѣхъ насъ превеликой кругъ. Тогда вытащилъ я изъ кармана свою епистолію и, сказавъ подтягему:

«Изволь-ка, батюшка, въ журналъ свой записывать все, что я ни буду тебѣ ска-зывать», началъ изъ ней внятно, громко и не спѣша, а слово за словомъ, читать или такъ хлестать, что въ одинъ мигъ и межевщикъ съ лица сступисъ, подъячій взбѣлся, а Рыбинъ помертвѣлъ почти. Да инако и нельзя было, потому что всякое слово было тутъ молоткомъ прибито и притомъ всего меньше было ими ожидаемо, ибо имъ и въ мысль того не приходило, что я стану самъ утверждать ихъ дачу, о которой по сіе время ничего еще не говорилъ, а хотя и слышали, что мы хотимъ назвать степь государевою, но думали, что мы назовемъ попросту и безъ затѣй, и потому надѣялись безъ всякаго труда побѣдить насъ своею окружною и отказами. Но сіе было у меня давно смѣчено, и дѣло расположено со-всѣмъ инако и такъ, какъ имъ и въ голову не приходило, скрыто же подъ такою непроницаемою завѣсою, что они не могли ни малѣйшаго проникнуть и что у меня на умѣ догадаться, и прежде не узнавали, покуда уже было въ полевою записку вписано.

Могу сказать, что сія уловка и проворство мнѣ всего болѣе и помогло. Выходствіе чего и при тогдашнемъ слушаѣ я всего далѣе былъ отъ того удаленъ, чтобъ опровергать ихъ дачу и говорить, чтобъ у нихъ тутъ дачи не было, но самъ утверждалъ, что имъ дача дана и отказы были; но утверженіе мое такъ расположилъ, что оное въ состояніи было опровергнуть всю дачу.

А именно я на первомъ семъ пунктѣ сказалъ, что земля эта дѣйствительно та, которая Пашкову отведена, но что отводъ сей былъ незаконной и несправедливой; что дача произведена ему въ запрещенное время и въ такой годъ, когда никому государственныхъ земель въ дачу производить было не вѣлно; что Пашковъ былъ тогда самъ губернаторомъ; что отведена земля сія ему его подкомандующимъ, и отведено ее въдесятеро больше, нежели сколько ему дано и слѣдовало, и такъ, какъ ему, Пашкову, хотѣлось. Однимъ словомъ, что учинена была при томъ явная несправедливость въ предосужденіе казеннаго интереса.

Далѣе, что повѣренной Рыбинъ ведетъ теперь не туда, но этой земли великое еще множество упускаетъ невѣдомо для чего и наваливаетъ на насъ, а мы ею никогда не владѣли и не владѣемъ, а пользуется ею Богъ знаетъ кто; что приѣзжаютъ на нее изъ дальнихъ мѣстъ разные люди и косятъ траву, гдѣ ни попало, и въ одинъ годъ здѣсь, а въ другой индѣ. Что г. Пашковъ этою землею до изданія высочайшаго о размежеваніи земель манифеста не владѣлъ, а послѣ манифеста насильственнымъ образомъ себѣ много присвоилъ; а нынѣ упуская множество оной земли, конечно хочетъ прихватить вмѣсто ее казенную, которая находится впереди и нами завлажена и о покупке которой мы желанія свои предъявили, а нѣкоторые изъ насъ и купили изъ казны, да и прочіе купить желаютъ; и что мы, опасаясь того, о семъ объявляемъ, а послѣ покажемъ, гдѣ онъ и покуда до манифеста владѣлъ и сколько захватилъ послѣ изданія онаго въ против-

ность самаго манифеста и не уважая высочайшаго повелѣнія, и такъ далѣе.

Какъ все сіе было ими не предвидимо, то каждое слово приводило межевщика и Рыбина въ нестроеніе и замѣшательство. Они такъ смялись, что не знали, что дѣлать. Рыбинъ то мертвѣлъ, то синѣлъ и стоялъ повѣся голову, а межевщикъ сколько ни барабошилъ и сколько ни усиливался не принимать моего спора, но нечего было ему дѣлать—не на такіе зубы напасть!

Истинно, разъ съ десять онъ останавливался и не хотѣлъ болѣе писать, говоря, что это не слѣдуетъ писать, что это дѣло судное, и прочее. Но я на каждое его одно слово три своихъ, и представляю ему такіе резоны, что ему нельзя было не принять. А паче всего убѣждалъ я его тѣмъ, что мы споръ и все сіе объявляемъ для сохраненія казеннаго интереса и какъ вѣрноподданные, и что ему, какъ казенному чиновнику, самому есть долгъ о томъ пещися, и что по самому сему какъ можно ему объявленія нашего не принимать.

Симъ и подобнымъ сему образомъ убавлялъ я его, а когда слишкомъ онъ уже забарабошивалъ, то я и самъ на него ополчался иногда съ самыми угрозами, а когда, ровно какъ на смѣхъ поднимая, восклицалъ: «Какъ это возможно, чтобъ вы у меня сего спора не приняли! развѣ вы иностранецъ какой и не такой же подданной государю, какъ мы, и нашихъ законовъ не знаете?» А симъ образомъ, употребляя когда лисій хвостъ, когда волчій ротъ, и преодолювалъ я все его нехотѣніе.

Наконецъ, вздумали-было они съ Рыбиннымъ сказать, для чего все это одинъ только я говорю, а прочіе всѣ молчатъ и ничего не говорятъ.—«А развѣ это вамъ надобно, чтобъ они говорили?» сказалъ я и тотчасъ всѣмъ нашимъ закричалъ, чтобъ они говорили. Не успѣлъ я сего вымолвить, какъ всѣ въ одинъ мигъ приударили въ голоса, всѣ завопѣли и закричали, что они всѣ то же самое, гово-

рять и утверждают и согласіемъ своимъ все и каждое мое слово подтверждаютъ.

Нечего было тогда межевщику дѣлать. Вздѣлся онъ и сердился и не понималъ, какъ это такъ у насъ согласно, и что я ни скажу, такъ всё за то умереть готовы и не только свои, но и посторонніе въ голоса и то же подтверждали и кричали только, чтобъ господинъ межевщикъ изволилъ приказать писать все, что я ни буду говорить.

— «Боже мой! закричалъ онъ:—что это за диковинка? можно-ль было сіе думать и сего ожидать? Да долго ли, скажите пожалуйста, этого будетъ? это цѣлая библія!»

— Какъ быть! отвѣчалъ я:—библія ли не библія, да надобна.

Что касается до пьяницы подъячаго, такъ этотъ своимъ мурчаньемъ и ворчаньемъ мнѣ, какъ горькая рѣдка, надобль. Однако я сносилъ уже сіе съ терпѣніемъ и давалъ ему волю мурчать, а только бы писалъ.

Рыбинъ же, стоя и головою только покачивая, говорилъ: «ой, ой, ой, ой, ой!» Но я себѣ на умѣ: что ты ни думай, но твое до тебя доходить, а мы дѣлаемъ, что надобно. Да и подлинно онъ въ такое замѣшательство и нестроеніе приведенъ былъ, что на всё мои объявленія и слова не могъ найти, ни одного слова, но приступалъ только къ землемеру съ просьбою, чтобы онъ отъ меня ничего не принималъ; но я его такъ загонялъ, что онъ на него опрокидывался, говоря, что ему того не принять никакъ не можно.

Но какъ бы то ни было, однако, дѣло по желанію моему кончилось и записано было въ полевой журналъ все, что душѣ моей было угодно, хотя, правду сказать, я самъ уже усталъ сказывая, что писать. Но за то и узелъ былъ завязанъ такой, что господинъ Пашковъ не въ силахъ былъ развязать оной. А на г. Рыбина надѣта была такая уздечка, что онъ съ того времени принужденъ былъ плясать по моей дудкѣ и прыгать, какъ я велю и прикажу.

Болѣе всего смяло и пужало ихъ то, что я въ предосторожность, чтобъ не

могли они сплѣнничать и въ полевой запискѣ чего перемѣнить, согласилъ всѣхъ своихъ товарищей приложить въ запискѣ сей лично свои руки, а потомъ заставилъ уже прикладывать повѣренныхъ, а потомъ всё листы мы перемѣтили и я своею рукою по листамъ скрѣпилъ.

Итакъ, кромѣ великаго числа повѣренныхъ, однихъ благородныхъ людей болѣе двадцати человекъ оной своими подписками утвердили. А все сіе до того землемеръ довело, что онъ тогда публично сказалъ, что нечего теперь господину Пашкову дѣлать, и что онъ счастливъ будетъ, если у него и всего не отымутъ.

Однимъ словомъ, споръ сей былъ мастерской и столь важной, что во всѣхъ нашихъ увеличилъ вдесятеро больше то хорошее мнѣніе, которое всё они до того времени обо мнѣ возымѣли. Уши мои не успѣвали тогда выслушивать похвалы и благодаренія, отъ всѣхъ мнѣ приносимыя. «Батюшка ты нашъ! твердили только всё—и самъ Богъ тебя къ намъ принеси!» Но ни что мнѣ такъ не было чувствительно и пріятно, какъ то, что многіе, въ томъ числѣ и самыя противники до того доведены были, что отъ радости плакали и твердили только: «Помилуетъ его Богъ! кабы не онъ, ну, пропали бы мы и нечего-бъ дѣлать!»

Но мнѣ время возвратиться къ продолженію повѣствованія.

Послѣ сего происшествія немного уже мы въ тотъ день межевали, ибо споръ мой и прикладываніе рукъ продолжилось такъ долго, что не успѣли мы сажень трехъ сотъ отойти, какъ стало смеркаться, и притомъ всходитъ такая туча, что всякой долженъ былъ искать себѣ убѣжища. Итакъ, спѣшили мы скорѣе окончить. И тогда въ одинъ мигъ пролился такой дождь, что не осталось на насъ сухой почти нитки и болѣе оттого, что лагерь нашъ для воды остался на томъ же мѣстѣ, гдѣ мы прежде ночевали, и въ него не могли мы скоро доѣхать.

Къ вѣщему несчастію не привезена была тогда еще и палатка. Итакъ, покуда привезли ее, покуда поставили, до тѣхъ

(поръ) благополучно мы всѣ обмокли. Но какъ говорится въ пословицѣ, что на людяхъ и смерть красна, то и мы невзгоду сію перенесли съ терпѣніемъ и шутили только другъ надъ другомъ, а особливо будучи всѣ отъ хорошаго успѣха въ удовольствіи. Но за претерпѣніе отъ дождя отдохнули мы уже ввечеру, осушились и обогрѣлись при раскладенныхъ огняхъ и, поужинавъ опять съ удовольствіемъ, провели ночь съ покоемъ.

Что касается до межевщика, то сей бѣднякъ въ досадѣ, горести и замѣшательствѣ, вмѣстѣ съ повѣреннымъ Рыбинымъ, принуждены были отъ дождя спасенія себѣ искать у стога и провели ночь въ великомъ безпокойствѣ и сомнѣніи.

Симъ кончился сей достопамятный день, и случившаяся при началѣ сего межеванья съ нами помянутая буря съ пресильнымъ дождемъ была равно какъ предвозвѣстницею, что начатое наше дѣло съ Пашковымъ въ послѣдствіи своемъ будетъ бурное и со многими безпокойствами и съ безчисленными хлопотами сопряженное. Но тогда и на умъ не приходило намъ сіе замѣтить, а мы считали сіе случайнымъ натуральнымъ произшествіемъ.

Съ симъ окончу я и сіе мое письмо и скажу, что я есмь вашъ и прочее.

(Декабря 21 дня 1808 года).

Письмо 165-е.

Любезный пріятель! Описавъ вамъ въ предслѣдующемъ письмѣ первой достопамятной день нашего межеванья, пойду теперь далѣе и расскажу, что происходило во второй.

Не сомнѣвался я ни мало, что въ ночь подъ сіе число у межевщика съ Рыбинымъ происходитъ будутъ многія совѣщанія и разныя выдумки, и въ томъ не обманулся. Но какъ имъ будущія мои намѣренія были неизвѣстны, и оба они по счастью были люди не очень хитрые, то и не имѣлъ я причины опасаться отъ нихъ многого. Однако, видя уже отъ нихъ злоковарной поискъ, взявъ предосторожность и взбударажилъ всѣхъ на-

шихъ еще до свѣта, чтобъ посѣтъ на межу, какъ можно ранѣе и не дать времени межевщику что-нибудь схитрить и предосудительное сдѣлать.

Итакъ, приѣхали мы къ тому мѣсту, гдѣ кончили, очень рано и прежде еще межевщика, и увидѣли Рыбина разѣзжающаго по степи и прискивающаго вновь мѣста, куда ему вести отводъ свой. Я безсомнѣнно думалъ, что онъ держаться будетъ вчерашняго своего намѣренія и поведетъ насъ на верховье рѣчки Караваенки и назоветъ ее вершиною Пандинскою; и догадка моя подтвердилась, когда увидѣлъ я, что онъ съ того мѣста, гдѣ мы остановились, сдѣлалъ поворотъ еще вправо, нацѣливъ на верховье рѣчки Караваенки. Почему и начали мы въ сей день межевать спокойнѣйшимъ образомъ, и я помышлялъ только о томъ, какъ бы оспорить оную рѣчку и выбрать приличное мѣсто для приурочиванія стариннаго Сухотинскаго отвода. Въ сихъ помышленіяхъ ѣдемъ мы да ѣдемъ съ межевщикомъ и смотримъ, куда вывести насъ Рыбинъ. Но сколь мало я тогда зналъ, что готовился и дѣлался тогда новой злоковарной поискъ и такое новое помѣшательство, которое я всего меньше могъ предвидѣть, ибо послѣ узналъ я, что Рыбинъ съ господиномъ межевщикомъ провели минувшую ночь далеко не столь спокойно, какъ мы, и я въ прошедшій день ихъ такъ загонялъ и въ такой завелъ лабиринтъ замѣшательствъ, что они во всю ночь почти не спали, а все думали, совѣтовали и помышляли о томъ, какъ быть, что дѣлать и чѣмъ исправить и полечить испорченное мною ихъ дѣло?—Но по счастью нашему, не было изъ всѣхъ ихъ ни одного такого остряка, которой могъ бы въ семъ случаѣ сдѣлать разумной переворотъ и поправить какъ-нибудь дѣло. Результатомъ или слѣдствіемъ всѣхъ ихъ размышленій и совѣтовъ было новое, но такое предпріятіе, которое вмѣсто того, чтобъ дѣло, по ихъ мнѣнію, исправить, оно еще болѣе испортило, а именно:

Не знаю кто-то изъ нихъ присовѣто-

валъ имъ лучше уже признаться въ томъ, что они много своей дачи выпустили и не пошли на Панду, а иттить уже на рѣчку Караваянку и назвать ее Караваянкою, а не Пандою, какъ они хотѣли прежде. Ибо они могли уже предусматривать, что я не премину ихъ въ томъ оспорить, и потому, боясь, чтобъ имъ не спутаться еще болѣе, Рыбинъ, вставъ еще до свѣта, ѣздилъ осматривать рѣчку Караваянку и прискивалъ отвершекъ при устьѣ оной, при которомъ бы перевести ему чрезъ сию рѣчку виходство выпиши. И дѣло было бы еще нѣсколько ладно, если-бъ не сдѣлалъ онъ и тутъ еще новой ошибки и погрѣшности. На объѣздъ его попадись ему на глаза тутъ нѣсколько кургановъ, и нелегкая догадала его восхотѣть ими воспользоваться и привести сперва отводъ свой на нихъ и назвать ихъ писцовыми и упомянутыми въ отказныхъ его книгахъ, а отъ нихъ уже повернуть на помянутое устье.

Всего того я не зналъ и не вѣдалъ и всего меньше подозрѣвалъ, что у него перемѣнено уже намѣреніе. Почему не могу изобразить сколь въ великую разстройку мыслей пришелъ я, какъ вдругъ линія окончилась на курганахъ и Рыбинъ сталъ записывать, что сіи четыре кургана писцовые и что онъ съ сего мѣста идетъ на рѣчку Караваянку. — «Ба! воскликнулъ я тогда: — что это такое? Это что-то новое и неожиданное!» — Всѣ товарищи мои онѣмѣли и пришли въ великое смятеніе и трусость. Они приступали ко мнѣ, какъ къ единой своей надеждѣ и опорѣ, и шептали, спрашивая, какъ быть и что дѣлать? Но мнѣ не до того было, чтобъ имъ отвѣчать; а я занятъ былъ множествомъ мыслей, и пораженный такимъ неожиданнымъ случаемъ, не долго мѣшкалъ и давно уже помыслилъ о томъ, какъ бы изъ сего сумнительнаго обстоятельства выдраться и обратитъ собственное оружіе Рыбина противъ самого его и его не только болѣе еще спутать, но накинута на него новой осель. И какъ я въ такихъ случаяхъ скорѣ, то въ одинъ мигъ было у меня все придумано и расположено какъ быть и что

дѣлать, и я спѣшилъ уже иттить записывать противъ Рыбина, что надобно. Чего ради, не внимая спрашивающихъ меня наперерывъ другъ предъ другомъ нашихъ союзниковъ, продирался сквозь толпу, говоря только: «Пожалуйте не безпокойтесь! все это ничего и для насъ же еще лучше!» И продравшись къ астролѣбѣ, выслушалъ, что Рыбинъ написалъ, и потомъ далъ знакъ, чтобъ всѣ замолчали, не шумѣли и не мѣшали мнѣ говорить, что надобно. Въ мигъ тогда сдѣлалось безмолвіе и тишина совершенная. И я думаю, что ратники военачальнику своему не бывають такъ послушны, какъ были тогда всѣ мои союзники. Не успѣлъ я вымолвить слова какъ всѣ онѣмѣли и въ одинъ мигъ обступили кругомъ, и, сдѣлавши опять кругъ, протянули уши слушать, что я говорить стану.

Я опровергъ тогда его показаніе и сказалъ, что курганы сіи отнюдь не писцовые, а простыя, каковыми вся тамошняя степь наполнена; что отвода Сухотина никогда на сіе мѣсто не было; что Рыбинъ, видя изболѣченную мною его несправедливость и упущеніе земли, теперь самъ въ томъ признается и тѣмъ справедливость нашего объявленія доказываетъ; что вчера велъ онъ сюда и называлъ находящуюся впереди рѣчку не Караваянкою, а Пандою, а теперь по нашему уже показанію называетъ ее Караваянкою, дабы тѣмъ прикрыть свою несправедливость; но что сіе уже поздно, и такъ далѣе.

Все сіе смутило вновь Рыбина и привело въ такую разстройку, что онъ не зналъ, что дѣлать и не могъ вымолвить ни слова. Онъ охалъ только и качалъ головою, видя, что ему со мною не сладить и что все имъ затѣваемое я въ одинъ (мигъ) разрушаю и обращая въ вящее зло, привожу самого его въ пущее замѣшательство. И какъ смятеніе его было слишкомъ очевидно, то нельзя довольно изобразить, какъ радовались тогда всѣ наши, и съ какимъ восхищеніемъ поднимали его на смѣхъ и приступали

къ нему, говоря: «ну-ка, ну-ка! господинъ Рыбинъ, ступай-ка, куда теперь поведешь, куда поплывешь?» и такъ далѣе... Горе тогда было бѣдному Рыбину. Онъ мялся, вертѣлся и, прикрывая стыдъ свой смѣхомъ, твердилъ только: «Что съ вами, господами, дѣлать? не дадутъ-таки на синь порохъ опереться. Куда ни поди, такъ все не такъ!»

Между тѣмъ приступалъ къ нему межевщикъ и говорилъ, чтобы онъ продолжалъ отводъ свой и велъ далѣе. Я хотя уже предвидѣлъ, что онъ поведетъ не на верховое рѣчки Караваенки, а хватить влѣво, въ наши земли, и приведетъ на которой-нибудь изъ впадающихъ въ Караваенку съ лѣвой стороны отвершковъ; но какъ ихъ было много, то не зналъ на которой онъ поведетъ и боялся, чтобы онъ, окаянной, не выбралъ къ тому самой дальній, и не прихватилъ бы чрезъ то въ отводъ свой множество караваенскихъ пашень. Страхъ мой былъ и не безъ основанія. Рыбинъ въ самомъ дѣлѣ сталъ вѣшнить линію очень далеко влѣво и такъ, что я не могъ уже никакъ сомнѣваться, что онъ пойдетъ на отвершекъ дальній и захватитъ множество пашень, къ великому вреду и предосужденію караваенскихъ жителей. Досадно мнѣ сіе невѣдомо какъ было и новое смущеніе на меня напало. Хотѣлось мнѣ какъ-нибудь его отъ пашень отвести, дабы чрезъ то не связать споромъ нашей дачи съ его отводомъ и чрезъ то не подвергнуть всей оной опасности, что составляло наиважнѣйшій для меня пунктъ; но я не находилъ почти способа.

Не въ меньшее смятеніе пришли и товарищи мои, а всѣхъ болѣе караваенскіе жители. Сіи трепетали уже отъ страха, чтобы не потерять всѣхъ своихъ пашень, и приступали ко мнѣ безъ умолку, говоря: «Куда-же онъ, батюшка, идетъ? вѣдь вотъ тутъ уже близехонько наши пашни—погубить онъ насъ!»

— Молчите, ради Бога, говорилъ я имъ:—дайте время, я его тотчасъ спутаю, а теперь мнѣ его унять не можно. Разберите сами, вѣдь мнѣ не сказать же ему:

не ходи туда, это наши пашни! Онъ вѣдь тому и радъ будетъ и нарочно еще въ нихъ пойдетъ.—Что касается до прочихъ господъ, то сіи приступали ко мнѣ, говоря: «Пора, пора называть государевою землею!»—Досадно мнѣ тогда было, что они, трусили, говорили сами не зная что, и смотрѣли только на настоящее, а будущее забывали.—«Пожалуйте, говорилъ я имъ:—дайте мнѣ волю, я уже знаю, когда назвать, а то не устану сказать, да послѣ будетъ хуже. Надобно всякое дѣло дѣлать съ разсмотрѣніемъ».

Симъ отбоярилъ я ихъ и заставилъ молчать до тѣхъ поръ, покуда мы, идучи за Рыбинымъ, миновали первой и самой крайній отвершекъ, которой миновать мнѣ для того хотѣлось, чтобы могъ онъ для самихъ насъ послѣ служить въ пользу, и намъ можно-бы было на него отводъ свой вывести, чего господа наши не предусматривали, для которой причины и далъ я ему, Рыбину, волю вести какъ онъ хочетъ. Но, чтобы лучше предуготовить для себя что надобно, и чтобы удобнѣе принудить Рыбина повернуть отъ пашень прочъ, употребилъ я хитрость, а именно притворился будто я крайне досадую, что Рыбинъ далеко ведетъ, и въ пыхахъ подошелъ къ межевщику, сказалъ ему: «Вотъ, Иванъ Петровичъ, вы говорите и просите, чтобы намъ развестись полюбовно, но смотрите, можно-ли съ такимъ человѣкомъ разводиться? Ну куда его дьяволъ ведетъ? и можно-ли будетъ потомъ сладить, когда онъ самъ дѣло часъ отъ часу портитъ и такъ дѣлается, что нельзя будетъ послѣ и мириться».—Симъ убаялъ я межевщика и довелъ до того, что онъ самъ сталъ на Рыбина сердиться и досадовать, что онъ забираетъ далеко въ лѣвую сторону. А сіе было мнѣ и надобно, ибо я нарочно и старался клеить все дѣло такъ, чтобы межевщикъ безпрестанно надѣялся и не сомнѣвался въ томъ, что мы помиримся, и для того самъ помогаль-бы намъ, не знаячи, въ нашемъ дѣлѣ.—«Такъ, такъ, отвѣчалъ онъ мнѣ:—вижу я самъ, что онъ дурно дѣлаетъ, но что мнѣ съ нимъ».

дѣлать? — Не слушаетъ. Вотъ и теперь вонъ гдѣ чортъ его носитъ!»

Ибо надобно знать, что Рыбинъ въ то время находился верхомъ впереди и устанавливалъ вѣхи.

Предуготовивъ симъ образомъ межевщика, и поравняясь противъ помянутаго надобнаго мѣстѣ отвершка, судилъ я, что уже время начинать играть давно приготовленную нами, и межевщикомъ и Рыбинымъ всего меньше предвидѣнную и ожидаемую, комедію. — «Стой!» закричалъ я и, подбѣжавъ къ межевщику, сурьезнымъ видомъ началъ говорить: «Господинъ землемѣръ! я прошу васъ на семъ мѣстѣ остановиться и принять отъ насъ объявленіе».

Удивился тогда землемѣръ и не зналъ, что это значить; однако, принужденъ былъ остановиться и спрашивалъ насъ, что мы объявить хотимъ? Но я просилъ, чтобъ онъ напередъ записалъ на семъ мѣстѣ по линіи мѣру и означилъ бы сіе мѣсто въ натурѣ пунктомъ и признакомъ, а потомъ мы уже и скажемъ, что надобно. Все сіе было для него неразрѣшимою загадкою, но нечего было ему дѣлать, принужденъ былъ исполнить по нашему требованію.

И тогда, собравъ опять кругъ, началъ я говорить и вписывать въ полевую записку, «что на семъ мѣстѣ старинной отводъ Сухотина съ лѣвой стороны вышелъ и нынѣшній Рыбина несправедливой отводъ пресѣкаетъ, и что слѣдовательно на семъ мѣстѣ упускаемая имъ земля въ лѣвой сторонѣ кончилась, а впереди направъ и налѣвъ начинается государственная дикопорозжая и за отводомъ Сухотина оставшаяся земля, которую нынѣ Рыбинъ отводомъ своимъ прихватываетъ; и потому основательность вчерашняго нашего сомнѣнія теперь оказалась сама собою».

Въ сихъ немногихъ словахъ состояло все наше объявленіе; но сколь ихъ было не много, столь напротивъ того составляли онѣ великую важность и такой завязали узелъ, который Рыбинъ со всею

своею хитростью развязать далеко былъ не въ состояніи, и которой для г. Пашкова былъ всего предосудительнѣе и вреднѣе. Межевщикъ онѣмѣлъ, сіе услышавъ; но помочь ему было не можно. Онъ кликалъ и кричалъ, чтобъ ѣхалъ скорѣй Рыбинъ, а сей, приѣхавъ, помертвѣлъ, узнавъ о нашемъ объявленіи. Онъ такъ спутался и въ такое пришелъ смятеніе, что не зналъ, что говорить; а межевщикъ, отозвавъ его къ сторонѣ, вслухъ началъ его тазать. — «Дурно, дурно! говорилъ онъ ему: — что ты теперь надѣлалъ? куда ты забрелъ? куда занесла тебя легкая? чѣмъ теперь пособишь? вѣдь я тебѣ говорилъ: не захватывай много! и вотъ до чего ты теперь довелъ!» и такъ далѣе.

Сіе Рыбина еще пуще смутило, и какъ онъ въ такихъ случаяхъ былъ очень трусливъ и нерасторопенъ, а притомъ увидѣлъ надъ собою великую бѣду и всему дѣлу своему наибольшій и опаснѣйшій подрывъ, то безъ памяти схватя вѣху, жалостнымъ образомъ мнѣ сказалъ: «Ну, судырь, такъ я поверну и поведу туда, куда сами вы прикажете», — и хотѣлъ сдѣлать на самомъ томъ мѣстѣ поворотъ. «Нѣтъ, нѣтъ! закричали мы тогда всѣ: — веди, куда ты вель и не снимай вѣхъ. Теперь тебѣ уже можно поворачивать, когда мы тебѣ сказали. Линія-то твоя записана, и ты отойди, хотя сажень, и тогда поворачивай, а теперь мы тебѣ не дадимъ». Онъ сталъ-было спорить, но я увидѣвъ, что онъ со страху хочетъ поворачивать вкрутъ вправо и привести на самой тотъ отвершекъ, которой я для себя назначилъ, сталъ усиливаться и довелъ до того, что онъ, отошедъ еще сажень со сто, и тогда повернулъ уже на первой отвершекъ, какой ему тутъ вблизи первой повстрѣчался.

Симъ образомъ удалось мнѣ не допустить его до пашень на сей сторонѣ Караваенки находившихся, и достигъ до желаемаго мною намѣренія. Онъ пришелъ къ рѣчкѣ Караваенкѣ подлѣ отвершка, но версты съ три или болѣе выше того мѣста, гдѣ я сначала думалъ и боялся,

что онъ выйдетъ. Однако я и тутъ оспорилъ и записалъ, что это не писцовое устье вершинки, впадающей въ рѣчку Караваенку, а писцовое находится еще выше и осталось у насъ позади.

Заведя его въ сіе мѣсто, не имѣлъ я уже причины опасаться, что онъ прихватитъ много нашихъ пашень за рѣчку, потому что съ сего мѣста, идучи впередъ до самой рѣчки Паники, не долженствовало ему захватывать ни единой вершинки; а когда бы онъ захотѣлъ итти прямо чрезъ поля, то принужденъ бы уже былъ переходить множество находящихся впереди вершинъ и буераковъ, что совсѣмъ не согласно было бы съ его отказными книгами. Итакъ, отлегло тогда у меня на сердцѣ, и я, смѣючись, говорилъ уже ему, чтобъ онъ велъ куда хочетъ, и хотя бы всѣ поля прихватывалъ. Но онъ самъ признавался, что ему для буераковъ и овраговъ прямо итти нельзя, но долженъ поворачивать вкрутъ направо и всѣ ихъ обходить.

Однако сколь много онъ ни повернулъ, но нельзя было ему миновать, чтобъ не захватить нѣсколькихъ пашень караваенскихъ и большую часть ихъ стоговъ и сѣнокосовъ. И тутъ-то смѣшно было и мило слышать, какъ самые хозяева отпирались отъ своихъ стоговъ и пашень съ хлѣбомъ. Не успѣлъ онъ перейти рѣчку, какъ и пошли уже по пашнѣ караваенскаго однодворца, которой самъ тутъ былъ повѣреннымъ. Такъ случилось, что межевщикъ у самого его сталъ спрашивать: чье это просо? но онъ говорилъ, что не знаетъ, что земля эта казенная, а кто ее пахалъ и сѣялъ—не знаетъ, не вѣдаетъ. У другого насѣяна была рѣпа. Всѣ пошли по ней и начали дергать. Хозяинъ былъ тутъ же, вздыхалъ только и намъ шепталъ, что рѣпа его, а межевщику вслухъ и отъ пашни, и отъ рѣпы отпирался. Третьяго горохъ подверженъ былъ такому-жъ жребію, но онъ ни слова не сказалъ, но самъ еще толочилъ и рвалъ, какъ бы не свой. Вотъ какое удивительное было согласіе и сколь великое моимъ совѣтамъ послѣдованіе!

Признаюсь, что я былъ тѣмъ невѣдомо какъ доволенъ и не могъ довольно налюбоваться тому, какъ всѣ усердствовали и какъ единодушно за одно стояли и межевщику только и говорили, чтобъ онъ изволилъ у самихъ стоговъ и пашень спрашивать чьи они. Бѣсился тогда межевщикъ, а Рыбинъ, ѣдучи верхомъ, только пожималъ плечами и, охая, говорилъ: «Боже мой! кто этова чайлъ и кто могъ предвидѣть? отъ своей-ста земли отпираются! слышанная ли бѣда!»—«Но добро, другъ мой! думалъ я самъ въ себѣ тогда:—и по неволѣ волосы вянуть, когда за нихъ тянуть. Нужда велитъ и свое называть чужимъ, когда, малое потерявъ, большое сохранить можно».

Такимъ образомъ велъ Рыбинъ насъ не малое разстояніе, и мы твердили только одно да одно, а именно: что направѣ и налѣвъ государева земля. Наконецъ случилось г. Рыбину, или показалось, что прихватываетъ нашихъ земель мало, и для того догадало его повернуть влѣво. Я молчалъ и далъ ему волю, а внутренно только радовался, видя что сдѣлавъ сей поворотъ зайдетъ онъ непременно въ находящейся впереди буеракъ и чрезъ то попадется мнѣ въ новую петлю. Какъ я думалъ, такъ и сдѣлалось. Онъ забрелъ благополучно въ верховье одного буерака, и я, будучи тому радъ, опять закричалъ: «Стойте! извольте господинъ землемѣръ записать сію вершинку, которая служить достовѣрнымъ и новымъ доказательствомъ, что Рыбинъ не по тому мѣсту ведетъ, гдѣ былъ отводъ Сухотина, которой никакой вершины не переходилъ». Досадно тогда невѣдомо какъ было межевщику, но нечего было дѣлать, принужденъ былъ записать и самъ признаться, что эта вершина, хотя помертвѣвшій и великую свою погрѣшность усмотрѣвшій Рыбинъ и старался всѣми образами утвердить, что это такъ, только лошинка. Но можно-ль было насъ ему переспорить? Мы вѣявъ уже ему хотали и тѣмъ въ такое смятеніе и замѣшательство привели, что онъ не зналъ

что дѣлать и принужденъ былъ признаться, что ошибся.

Мы нашли на семь мѣстѣ станъ свой уже расположенной, и для того уговорили межевщика, чтобъ на семь мѣстѣ объѣдать. Покуда варили ѣсть, покуда приготавливали и стрипали, началась въ обществѣ нашемъ изрядная уже комедія. Старичокъ нашъ, господинъ подполковникъ Свитинъ, мало-по-малу начиналъ сердиться, для чего дозволили мы и пустили межевщика иттить чрезъ его пашни и сѣнокосъ? Смѣшно было и утѣшно смотрѣть на сего милаго старика. Тогда, когда шли ничего онъ не говорилъ, а когда миновало все, то началъ твердить и сердиться, но сердиться такъ, что всякій ему только что смѣялся. Нашлись тотчасъ скалозубы, которые начали его подтрунивать и пуще задорить. Другіе же напротивъ того увѣрили, что такъ необходимо было надобно. Сперва досадно было самому мнѣ, что онъ сердится, и для того, отозвавъ его къ сторонѣ, привелъ тотчасъ его въ разсудокъ и до того довелъ, что онъ самъ признавался, что не пустить было не можно, и благодарилъ еще меня, что такъ сдѣлалъ. Но не успѣлъ я отъ него отстать, какъ въ одинъ мигъ начиналъ онъ опять тузить и досадовать и врать такую чепуху, что со смѣху каждому надеждаться надлежало. — «Ну, зачѣмъ, зачѣмъ—говорилъ онъ—нелегкая его сюда занесла этого проклятаго Рыбина? Изволь себѣ смотрѣть!... Дали мошеннику волю, а онъ и чортъ знаетъ куда готовъ былъ завести!» — «Да умилосердись, Василий Кузьмичъ! говорили мы ему:—какимъ же бы образомъ не пустить его можно было?»—«Да, да!» отвѣтствовалъ онъ отъ часу разгораясь болѣе: — «какимъ образомъ!... Я-бы-таки не пустилъ, не пустилъ-таки-бы! Пошелъ прочь сказалъ бы ему: — пошелъ къ чорту! пошелъ къ сатанѣ! пошелъ къ дьяволу! пошелъ къ нелегкой болѣсти и съ бояриномъ-то своимъ, жидомъ, окаёмомъ такимъ же плутомъ, каковъ ты самъ! Вамъ мало, сказалъ бы я, съ плѣшивымъ-то бояриномъ

твоимъ всего свѣта будетъ! Возьмите себѣ весь свѣтъ, возьмите солнце, возьмите мѣсяцъ, звѣзды и небеса-та себѣ во владѣніе!... А то вотъ, вотъ куда занесла ихъ сатана, куда занесла нелегкая!...» и такъ далѣе. И когда онъ симъ образомъ разгорячится, то никто уже съ нимъ не говори и не представляй никакихъ резонновъ.—«Да умилосердись, одинъ ли твой пашни?» говорили мы:—«твоихъ и двухъ десятинъ не отошло, но для чего же другіе всѣ молчатъ?»—«Да, да!» опрокидываясь онъ на насъ, подхватывалъ:—«хорошо тому молчать и хи, хи, хи, хи, хи! у кого ничего не отошло, а у меня, бѣднаго, всѣ сѣнокосы отъѣхали» (хотя въ самомъ дѣлѣ ничего не бывало, а и у него стожка два только отошло, но ему въ сердцахъ уже такъ казалось). Однимъ словомъ, нечего было намъ съ нимъ болѣе говорить. Мы со смѣху только надеждались его сердцу и удивительнымъ размахкамъ. Да не только мы, но и всѣ мужики смѣялись уже его глупости и безразсудку. Но что же! иногда сердится, сердится, да и самъ захохочетъ съ нами, и тогда у насъ миры и лады. Коротко, онъ сдѣлался у насъ шутикомъ и комедіантомъ, и увеселялъ чрезвычайнымъ образомъ всю нашу компанію.

По изготовленіи кушанья, неспреминули мы пригласить межевщика и убѣдить опять просьбою, чтобъ онъ съ нами объѣдалъ, вѣдая, что у него кромѣ ржавой ветчины ничего иного не было. Послѣ объѣда, какъ надлежало начинать межевать, то нашли мы Рыбина въ такомъ замѣшательствѣ, что я, пользуясь симъ случаемъ, могъ изъ него то дѣлать, что мнѣ было угодно, и онъ былъ у меня какъ рыба на удочкѣ, куда потяну туда и шель. Довольно-ли, что я его до того довелъ, что онъ отводъ свой располагалъ по моему хотѣнію. Скажу ему: «Слушай, Рыбинъ, вѣху ты эту не такъ поставилъ, отнеси ее вправо». Онъ, бѣднякъ, и велитъ ее перенести. «Нѣтъ, мало!»—скажу ему—«бери еще вправо, относи далѣе!» Онъ то и дѣлаетъ, а какъ скоро начнетъ говорить, что «довольно,

судырь, довольно!» такъ тотчасъ скажу: «вѣтъ, мало! и если еще не перенесешь, такъ тебѣ же хуже будетъ, вѣдъ ты вѣдаешь, что на тебѣ ѓсель, такъ берегись. Я тебѣ сказываю: чѣмъ далѣе возьмешь ты влѣво, тѣмъ хуже послѣ для тебя будетъ». Симъ и подобнымъ сему приведу его въ такой страхъ, что опять послушается и перенесетъ вѣху и потомъ чествомъ проситъ говоря, что «полно», и я послушаюсь и скажу: «Ну! ну!» Слыхано ли когда такое межеванье? Онъ спорной отводъ дѣлалъ, а я ему указывалъ.

Симъ образомъ продолжали мы итти безъ дальнихъ остановокъ. И наше счастье было, что никакихъ остановокъ не было и что успѣли мы симъ образомъ въ одинъ день пройти множество верстъ и миновать почти всю нашу землю, и что Рыбинъ не имѣлъ времени видѣться со своимъ господиномъ и рассказать ему обо всемъ происходившемъ, а то бы вѣрно что-нибудь другое вышло. Всѣ небольшія остановки дѣлались только тогда, какъ случалось линіи переходить какую-нибудь дорогу и межевщику по долгу его надлежало ихъ записывать. Но тутъ опять выходило смѣшное. У кого онъ изъ нашихъ жителей ни начиналъ объ нихъ спрашивать, но никто не хотѣлъ ему сказывать: осторожность всѣхъ нашихъ такъ была велика, что они безъ меня не хотѣли ничего ему сказывать и лучше хотѣли отзываться незнаніемъ, нежели проболтаться. Межевщика сіе невѣдомо какъ бѣсило: «Боже мой!» восклицалъ только онъ: «что это за народъ, о чемъ ни спросишь, ничего не знаютъ! Ну, просите сюда Андрея Тимоѣевича!» Но ко мнѣ и безъ его призыва во всѣхъ такихъ случаяхъ прибѣгали тотчасъ многіе и сказывали, что межевщикъ остановился и спрашиваетъ, какая дорога и что прикажу я ему сказать? Мила мнѣ была таковая всѣхъ ихъ на меня надежда, и я смѣялся, что они доводили ее уже до чрезвычайности, и, смѣючись, приказывалъ имъ сказывать какая, или самъ, подѣхавъ и у нихъ же спросивъ, удовлетворялъ межевщика. Нѣсколько разъ случилось сіе про-

изшествіе, и усердіе всѣхъ нашихъ было такъ велико, что во всякое время чело-вѣкъ пять и безъ приказанія моего шли, или ѣхали подлѣ межевщика и примѣчали всѣ его движенія. И не успѣвалъ онъ гдѣ на минуту остановиться, какъ въ мигъ прибѣгали ко мнѣ, ѣдущему стороною, и сказывали: «Андрей Тимоѣевичъ! Андрей Тимоѣевичъ! межевщикъ остановился, извольте, судырь, посмотреть».

Подъ вечеръ, наконецъ, дошло дѣло и до пашень, принадлежащихъ деревнѣ нашей Болотовкѣ. Рыбинъ хотя-бы и усердно хотѣлъ ихъ обойти, но ему нельзя было, чтобъ не перейти нѣсколько оныхъ, ибо безъ того не можно-бы было ему попасть на верховья рѣчки Паники. Сосѣди мои послѣдовали примѣру прочихъ и отреклись отъ своихъ; но какъ скоро дошло до моихъ собственныхъ, то я не находилъ причины отъ нихъ отречься, но, остановивъ межевщика, необинуясь сказалъ, что эти пашни мои, распаханныя въ прошломъ году изъ государственной проданной мнѣ земли, которая земля до того времени лежала впустѣ и не была ни у кого во владѣніи и мнѣ въ 1766 году продана, и для владѣнія оной данъ мнѣ владѣнной указъ.

Рыбинъ обрадовался-было сперва, что я называлъ своею, но услышавъ мое объявленіе и увидя, что я самое сіе въ доказательство приводилъ, что это земля государственная и не была никогда у Пашкова во владѣніи, и что все мое объявленіе подтвердили и засвидѣтельствовали письменно всѣ наши сосѣди, и господа и повѣренные, пришелъ въ новое замѣшательство и нестроеніе, а я чрезъ то получилъ то, чего желалъ, а именно: что моя покупная земля не могла уже послѣ сего пропасть и продажа уничтожиться, и что мнѣ ею и впредъ, несмотря на сіе межеванье, владѣть продолжать можно.

Послѣ сего начали мы мало по-малу приближаться къ рѣчкѣ Паникѣ, о которой я невѣдомо какъ беспокоился мыслями, ибо сколь удобно было мнѣ прочія живыя урочища перепутать, столь не-

удобно напротивъ того спутать сію рѣчку. Уже я неоднократно объ ней размышлялъ, но предусматривалъ отъ часу болѣе путаницы и замѣшательства и не расположился еще въ мысляхъ, что съ нею подлинно сдѣлать. Я совѣтовалъ о томъ съ прочими, но никто не зналъ, что дѣлать; иной говорилъ то, иной другое, но всѣ совѣты ни къ чему не годились и приводили только меня въ вящее замѣшательство. Польза наша требовала, чтобъ ее уничтожить и сказать, что не эта рѣчка Паника. Но необходимость требовала, чтобъ была гдѣ-нибудь другая рѣчка Паника, на которую бы намъ свой отводъ привести можно было, и чтобъ нововыдуманная нами рѣчка согласовалась съ прочими писцовыми живыми урочищами; но способной къ тому вершины нигдѣ я не находилъ. Правда, рѣчка сія раздвоилась въ своемъ верховьѣ и была въ правой сторонѣ великая вершина, впадающая въ сію рѣчку, которую по нуждѣ и думалъ я назвать ея верховьемъ; но по несчастью сіе верховье было несравненно короче настоящаго и потому отводъ нашъ могъ-бы подверженъ быть нѣкоторому сомнительству; а посему и не зналъ я что дѣлать и къ чему приступить лучше.

Въ сихъ обстоятельствахъ взошли мы линією на курганъ, неподалеку отъ обѣихъ сихъ верховьевъ находящійся. Тутъ пришло мнѣ въ мысль испытать, не могли ли Рыбина соблазнить и добромъ убѣдить къ тому, чтобъ онъ шелъ на конецъ той вершины, которую я вздумалъ назвать рѣчкою Паникою; и для того, увидя, что онъ съ кургана повернулъ налѣво и на настоящую Панику, сталъ ему говорить: «Слушай Рыбинъ! хочется ли тебѣ наконецъ бѣлые столбы ставить и чтобъ я пересталъ спорить и далъ тебѣ далѣе межевать, какъ ты хочешь формальною межою?» — «Какъ, судырь, не хотѣть! отвѣчалъ онъ: я бы молебень отслужилъ, еслибъ только дозволили». — «Когда такъ, сказалъ я далѣе: — такъ поди не на эту, а вонъ на ту вершину, такъ я тебѣ тамъ и дозволю поставить бѣлой столбъ, и рѣчка будетъ безспорною. А здѣсь,

сказываю тебѣ напередъ, что опять будетъ споръ». Обрадовался Рыбинъ сіе услышавъ, и какъ черные столбы и безпрестанной споръ ему наскучилъ, и ему чрезвычайно хотѣлось бѣлыхъ, то задумался онъ и едва-было едва не согласился. Но какъ-то не посмѣлъ учинить сего безъ воли своего господина, и для того упротеръ межевщика, чтобъ на семь мѣстѣ между въ тотъ день кончить, а между тѣмъ хотѣлъ съѣздить на хуторъ къ Пашкову и спросить, и надѣялся, что онъ прикажетъ. «Очень хорошо!» сказалъ я: «такъ поѣзжай же. Не пожалуетъ-ли сюда и самъ Петръ Егоровичъ? дѣло бы можетъ-бы лучше было».

Такимъ образомъ кончился сей достопамятный день и мы ночевали въ расположенномъ неподалеку отъ межевщика ставѣ, подлѣ верховья рѣчки Паники. Тутъ между тѣмъ, покуда готовили намъ ужинъ, была у насъ опять превеликая комедія съ господиномъ Свитиннымъ. Онъ вовесь день не преставаля сердиться и ворчать; и гнѣвъ, и веселье находило на него голоменами. Но ввечеру скалозубы его такъ раззадорили, что гнѣвъ его былъ уже преужасный и простирался до того, что доставалось и самому мнѣ отъ него на лапу. Онъ, ругая всѣхъ, не щадилъ и меня. Да, спасибо, никто не сердился, да и сердиться на такого человека было не можно. Долго мы надъ нимъ хохотали; но наконецъ вздумалось мнѣ съ нимъ сыграть комедію. Я притворился будто мнѣ ворчанье его досадно и будто я разсердился. Ну-ка я давать на него окрики, а потомъ, разсердясь будто, пошелъ прочь и не хотѣлъ болѣе имѣть никакого дѣла, а говорилъ, чтобъ онъ съ сего времени самъ что зналъ, то дѣлалъ и защищалъ всѣхъ. Не успѣлъ я сего сдѣлать и отойти, какъ приступили къ нему скалозубы: «Ну, что ты теперь, Василій Кузмичъ, надѣлалъ?» говорили они ему: — «и какихъ бѣдъ накутилъ? Ну, что намъ дѣлать, когда Андрей Тимошеевичъ отступится и отъ насъ уѣдетъ? пропадешь ты, а съ тобою вмѣстѣ и всѣ мы», итакъ далѣе. Сперва все

сіе его не трогало, но ночью раскаялся нашъ старикъ и вздумалъ меня просить о прощеніи и уговаривать, чтобъ я ему вину отпустилъ и пересталъ сердиться, хотя я никогда и не начиналъ того. И то было смѣшно смотрѣть, какъ была у насъ мировая и какъ обрадовался онъ, услышавъ, что я его будто прощаю. Онъ обнималъ меня, цѣловалъ въ голову и въ глаза и называлъ невѣдомо чѣмъ, и давалъ клятвы и обѣщанія быть съ того времени спокойнымъ. Однако, обѣщаніе сіе не болѣе получаса продолжалось, но тотчасъ взошла на него опять ипохондрія и онъ пылалъ уже гнѣвомъ и досадою и на меня, и на всё въ свѣтъ.

Но теперь дозвольте съ окончаніемъ повѣствованія о семъ кончить и письмо сіе, а дальнѣйшее предоставить письму послѣдующему, и сказать вамъ, что я есмь и прочее.

(Декабря 22 дня 1808 года).

Письмо 166-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описыванію происшествій третьяго дня нашего межеванья, случившагося въ 4-е число сентября, начну тѣмъ, что мы не сомнѣвались въ томъ, что Рыбинъ уговорить Пашкова выѣхать къ намъ самому, или по крайней мѣрѣ велить вести на помянутую мною вершинку. Однако, мы въ обонхъ сихъ ожиданіяхъ обманулись. Рыбинъ, возвратившись по утру съ хутора, сказалъ намъ, что, вмѣсто всего нами ожидаемаго, бояринъ его только прибилъ за то, для чего онъ, увидѣвъ, что мы свою землю называемъ государевою, не велъ онъ своего отвода по самымъ дворы наши, говоря: пускай-же бы они всю свою землю называли государевою. Сего, какъ выше упомянуто, боялся я и самъ невѣдомо какъ и въ отвращеніе всего того и принужденъ былъ употреблять тогда и волчій ротъ, и лисій хвостъ, и не только дивился, но и благодарилъ Бога, что не пришло сего ни Рыбину, ни межевщику въ голову, и что бы имъ легко можно было сдѣлать. Однако дѣло сіе и вся опасность благополучно и, къ

крайнему моему удовольствію, миновалась и весь гнѣвъ Пашкова былъ уже поздной и тщетной: отрѣзанной отъ хлѣба ломоть приставить было уже не можно и случай былъ упущенъ. Мы смѣялись уже тому тогда и радовались, что такъ сдѣлалось и что Рыбинъ далъ себя мнѣ поводить, какъ рыбку на удочкѣ. А то въ самомъ дѣлѣ было-бъ намъ тошнливо, если-бы догадался онъ и повелѣ далѣе влѣво къ нашимъ деревьямъ. Мы принуждены-бъ были называть и родныя наши земли государевою землею, или по крайней мѣрѣ связать свою дачу съ его споромъ, и претерпѣли-бы отъ того ужасное зло и убытокъ. А тогда удалось намъ откататься, какъ лисицѣ отъ охотниковъ и собакъ, не потерявъ болѣе 50 или 60 десятинъ пашни, но о которыхъ никто и не охнулъ. Сей случай доказалъ тогда всѣмъ нашимъ, сколь великое, хитрое и преполезное для всѣхъ дѣло я сдѣлалъ. Боже мой! сколь многія приносимы мнѣ были тогда благодаренія, и сколь многими осыпали меня всѣ похвалами! Куда и къ кому я ни обращался, всякой благословлялъ только меня и желалъ, чтобъ далъ мнѣ Богъ здоровье и прочее.

Признаюсь, что пріятно было мнѣ все сіе слышать, и что чувствовалъ я отъ того то неоцѣненное удовольствіе, которое можетъ имѣть человѣкъ, дѣлая добро людямъ.

Но я пойду далѣе. Господинъ Пашковъ, услышавъ, что всему неудачному его межеванью былъ никто иной, какъ только одинъ я причиною, досадовалъ на меня чрезвычайно и не смога въ рога, вздумалъ мнѣ мстить такою мстью, которой я только смѣялся, а именно: онъ велѣлъ повѣренному своему внести въ полевою записку возраженіе на меня, что я вышеупомянутую землю распахалъ будто бы въ его дачахъ и безъ всякаго канцелярскаго отвода. Межевщикъ по простотѣ своей за сіе и уцѣпился; но я въ одинъ мигъ всѣ ихъ замыслы въ ничто обратилъ, записавъ, что мнѣ канцелярскаго отвода было и не надобно; но что мнѣ по силѣ указа велѣно самому

взять во владѣніе и владѣть до прибытія землемровъ. Итакъ, возраженіе Пашкова сдѣлалось однимъ только пустословіемъ, и мы тому только смѣялись.

Поболтавши симъ образомъ немного, начали мы межевать. Рыбинъ повелъ на свою вершину и извинялся, что ему такъ неотмѣнно приказалъ господинъ его. И спасибо, что онъ не велѣлъ итти, куда я требовалъ. Послѣ увидѣлъ я, что для меня было бы хуже, еслибъ онъ туда пошелъ. Но тогда, не предвидѣвъ будущаго, чувствовалъ я нѣкоторую досаду и положилъ, что ни будетъ, а рѣчку на удачу оспорить, и помышлялъ уже о томъ, что сказать, когда придемъ къ рѣчкѣ.

Какъ разстояніе отъ кургана до верховья рѣчки Паники было не велико, то дошли мы скоро до онаго. Пришедши туда, далъ я, по обыкновенію моему, волю Рыбину говорить и называть все, какъ хочетъ, а самъ не говорилъ до времени ни одного слова. Сіе мѣсто было пограничнымъ тремъ дачамъ, то-есть, нашей, Пашковской и тамбовца Луки Чернаго, и я не сомнѣвался, что Рыбинъ, назвавъ сію рѣчку Паникою, скажетъ, что съ сего мѣста начинается направъ и налево земля Чернаго, и что онъ повернетъ отводъ свой вправо на Козы-рожки, такъ какъ сказано въ отказныхъ книгахъ. Но сколь я удивился услышавъ отъ него совсѣмъ противное, а именно: онъ, назвавъ сіе мѣсто верховьемъ рѣчки Паники, объявилъ только о правой сторонѣ, что тутъ начинается земля Родивона Чернаго, по которую продалъ онъ его помѣщику, и что онъ съ сего мѣста поведетъ внизъ по рѣчкѣ Паникѣ по полюбовному съ нимъ, Чернымъ, разводу и по силѣ купчей, а влѣвъ-де за рѣчкою земля шадскихъ помѣщиковъ. Оба сіи обстоятельства были мною непредвидимы, и я чрезвычайно обрадовался, увидѣвъ, что онъ самымъ тѣмъ новой великой и для насъ весьма полезной болтунъ и погрѣшность сдѣлалъ; ибо чрезъ то подалъ мнѣ самъ на себя оружіе и легчайшій способъ связать и купленную имъ у Чернаго землю съ нашимъ споромъ, а потомъ испортить

отводъ и Черновской дачи, которой меня всего болѣе беспокоилъ, ибо онъ называлъ лѣвую сторону неправильно и, вмѣсто того, чтобъ назвать землею Чернаго, называлъ нашею.

Послѣ Рыбина надлежало говорить самому помѣщику той земли, а именно Родивону Черному, но сего фалалея и глупца вовсе тутъ и въ завѣтѣ не важивалось. Господинъ Пашковъ, обалова сего бѣдняка и дурака безсовѣстнѣйшимъ на свѣтѣ образомъ, и имѣя намѣреніе вмѣсто купленныхъ пяти только четвертей, отрѣзать изъ его дачи нѣсколько тысячъ десятинъ, и, принудивъ его пьянаго подписать купчую, въ которой самъ онъ не зналъ, что написано, держалъ его у себя на хуторѣ подъ крылушкомъ, и боясь, чтобъ онъ чего на межѣ не наболталъ на свою шею и не вралъ, поилъ его безъ просыпу, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ ему не можно было быть на межѣ, и чтобъ ему, Пашкову, можно было отрѣзать сколько хочетъ и тѣмъ, такъ сказать, плутовскимъ образомъ похитить множество впускъ лежащей земли. Все сіе онъ вѣрно бы и учинилъ, еслибъ по его несчастію не было тутъ меня, какъ такого человѣка, которой могъ и на то пошелъ, чтобъ всѣ его плутовскіе замыслы разрушить.

Я въ одинъ мигъ могъ все сіе предумать и что на умъ было у Пашкова—догадаться. Но какъ болтунъ, учиненный Рыбинымъ, вспомоществовалъ мнѣ много къ разрушенію ихъ замысла, то хотя бы и имѣлъ я право требовать, чтобъ призванъ былъ самъ Черной, но, боясь, чтобъ онъ не опровергъ Рыбина объявленія, съ умысла ничего не говорилъ, но далъ волю межевщику дѣлать, что хочетъ. Сей же, вѣдая замыслы и намѣренія господина Пашкова, сдѣлалъ видъ будто послалъ солдата за Чернымъ, а въ полевой запискѣ велѣлъ для объявленія его оставить мѣсто и требовалъ, чтобъ мы свое объявляли.

Объявленіе наше привело межевщика и Рыбина въ новое бѣшенство. Оно состояло въ короткихъ словахъ, а именно, что это не рѣчка Паника и что земля

направѣ не Чернаго, а на лѣвѣ не шадскихъ помѣщиковъ, а по обѣимъ сторонамъ казенная дикопорозжая. Рѣчка же Паника находится въ отдаленіи, а сія вершина безымянная, и какъ называется, не знаемъ.

Сіе незнаніе всего досаднѣе было межевщику. Онъ досадовалъ, сердился, ярился, но нечего было дѣлать. Онъ созвалъ понятыхъ, спрашивалъ у нихъ, какъ сія рѣчка называется, но, по счастью нашему, и понятые сказали, что не знаютъ, и отговорились отдаленностью своихъ жительствова. О нѣкоторыхъ изъ нихъ сказывали намъ, что они дѣйствительно знали, что сія вершина Паникою называется, но съ досады на Пашкова, что онъ ихъ всѣхъ поморилъ съ голоду, и не давалъ имъ ни куска хлѣба, не хотѣли въ въ угодность ему сказывать, а держали лучше нашу сторону.

Все сіе еще больше межевщика раздражило; но сколько онъ ни гнѣвался, но гнѣвъ его былъ въ руцѣ Божіей и ничего онъ имъ не сдѣлалъ, но принужденъ былъ все сіе записать иттить опять черными спорными столбами. Мы дали ему волю бѣситься, какъ онъ хочетъ, и дивиться сему непостижимому незнанію, и слѣдовали за нимъ, не говоря ни слова.

Но скоро сдѣлалась-было у насъ опять тревога. Отошедъ съ версту, попадись Рыбину на глаза за рѣчкою изъ нашихъ селеній какой-то мужикъ, накладывающій хлѣбъ на телѣгу: нелегкая его принесла въ самое то время туда. Мы хотя нарѣдко приказывали, чтобъ никто на полѣ не шатался, и посылали нарочныхъ согнать работающихъ земледѣльцевъ; но сей мужикъ знать того не вѣдалъ и по незнанію приѣхалъ. Но какъ то ни было, но Рыбинъ, усмотрѣвъ сего мужика, подступилъ къ межевщику и сталъ говорить: «Вотъ, Иванъ Петровичъ, теперь никто и ни одинъ человѣкъ не знаетъ, какъ зовутъ сію рѣчку, а ежели-бъ запросто спросить, такъ всякой скажетъ, что это Паника. Напримѣръ, вонъ изволите видѣть мужика на той сторонѣ, ежели-бъ и его приказали спросить, такъ и онъ вѣрно бы

сказалъ, что это Паника». Флатирующий въявъ Пашкову, межевщикъ тотчасъ сіе слово поймалъ и сержанту закричалъ: «Слушай, сержантъ! садись скорѣй на лошадь и поѣзжай къ этому мужику и спроси его, какъ зовутъ сію рѣчку, и скажи истину. Не забудь же спросить чей онъ, изъ какой деревни и его имя, и подай мнѣ репортъ». По счастью случилось сіе подлѣ одного пункта и мы всѣ лежали тутъ на травѣ и слышали сіе приказаніе. Меня тотчасъ сіе тронуло. Я боялся, чтобъ мужикъ въ самомъ дѣлѣ не проболтался, и досадовалъ невѣдомо какъ на межевщика, что онъ слишкомъ уже и въявъ похлебствовалъ Пашкову и, работая его повѣренному, хотѣлъ дѣлать то, что дѣлать и законы не велятъ. Однако далъ ему волю окончить свое приказаніе. Но какъ скоро сержантъ въ самомъ дѣлѣ сталъ садиться на лошадь, какъ, лежучи, началъ я говорить дружескимъ образомъ межевщику: «Не лучше ли это оставить, Иванъ Петровичъ! Вѣдь это пустое будетъ, и только принудитъ меня сдѣлать такое объявленіе, которое самимъ вамъ будетъ дурно и не вкусно. Я сожалья васъ говорю». Товарищи мои подхватили мои слова и заревѣли всѣ, что это противно законамъ... Вѣдной межевщикъ такъ тогда встрепулся, что того момента отмѣнилъ свое намѣреніе и не велѣлъ ѣздить. Онъ хорошо сдѣлалъ, что и не послалъ, а то бы я того момента на самого бы его протестовалъ и ему было бы дурно.

Такимъ образомъ кончилось сіе дѣло, и господину Рыбину не удалось надъ нами подхитить. Но я не думаю, чтобъ онъ много и успѣлъ, ибо повѣренные наши не успѣли услышать начала сего дѣла, какъ и безъ приказанія нашего спроворили дѣломъ и далеко еще прежде сержанта услали двухъ верховыхъ кругомъ къ мужику, чтобъ его остеречь. Сіи, приѣхавши и спросивъ у мужика какъ рѣчку зовутъ, ну-ка бѣдняка плетями за то, на что онъ ее Паникою называетъ и за чѣмъ принесло его теперь за хлѣбомъ. Вѣдному мужику ни за что, ни про что попало

въ спину, и онъ стремглавъ поскакалъ съ поля. Мы всего сего происшествія не знали не вѣдали, и послѣ уже узнавъ, не могли довольно всему усердію и проворству своихъ надивиться и ихъ за то расхвалить.

Отошедши двѣ версты съ половиною внизъ по рѣчкѣ и поровняясъ противъ впадающей съ противной стороны въ сію рѣчку вершины, остановилъ Рыбинъ межевщика и объявилъ, что съ того мѣста въ лѣвой сторонѣ начинается земля Чернаго. Меня тотчасъ тогда остановили, бывшего впереди, наши лазутчики, и я, прибѣжавъ и услышавъ сіе новое и мною всего меньше ожидаемое объявленіе, пришелъ въ превеликое замѣшательство и не зная, какъ поступить при семъ случаѣ. Но чтобъ выиграть нѣсколько времени на размышленіе, вздумалъ теперь воспользоваться отсутствіемъ Чернаго и сказалъ межевщику, что я прежде о сей землѣ ничего не скажу, покуда не явится самъ Черной, какъ объявленной помѣщикъ той земли, и не объявить самъ объ ней. Я удивился, увидя, что сіе межевщику было досадно. Онъ, несмотря на сіе, принуждалъ насъ объявлять и спѣшилъ итти далѣе. Но чѣмъ больше онъ усиливался, тѣмъ болѣе сталъ и я противоборствовать, возымѣя подозрѣніе, что у нихъ кроется подъ тѣмъ какое-нибудь злое намѣреніе. Итакъ, дошло у насъ скоро дѣло до превеликаго спора. Онъ хотѣлъ итти и итти безъ Чернаго, а мы не хотѣли и принуждали, чтобъ онъ послалъ за нимъ. «Я уже послалъ, говорилъ онъ:—но что мнѣ дѣлать, когда онъ не ѣдетъ? Мнѣ не ждать же его здѣсь».—Конечно ждать! говорю я:—вамъ безъ него итти не можно, если по одной повѣсткѣ не будетъ, пошлите другую съ понятными, пошлите третью, и онъ долженъ быть.—«Но, ну, какъ боленъ! ну, какъ его дома нѣтъ!» говорилъ онъ.

— Это еще неизвѣстно, отвѣчалъ я:—можетъ быть не боленъ, можетъ быть и дома. Да хотя-бъ и боленъ, такъ повѣреннаго присылай; что онъ за бояринъ?—Видитъ межевщикъ, что дурно и что мы стоимъ

крѣпко, и не зная уже чѣмъ насъ преодолѣть, сталъ говорить, что ему на межу и явиться не можно.—Да для чего-жъ такого? спросилъ я.—«Онъ подаль мнѣ объявленіе, сказалъ межевщикъ, что на межу онъ выѣхать опасается».—Очень хорошо! сказалъ я:—это новое нѣчто и неслыханное! Да кого онъ опасается? развѣ насъ, такъ мы его не съѣдимъ. Да пожалуйста-ка покажите, что это за объявленіе?—Межевщикъ тотчасъ велѣлъ подать. Вздурился я, оное увидѣвъ и напѣвъ въ немъ новое и неожиданное шильничество, а именно, чтобъ не допустить Родивона Чернаго на межу выдумали они съ Пашковымъ вотъ какое плутовское дѣло: написали сами объявленіе, будто какой-то дьяволъ-однодворецъ сказывалъ Черному, что грозятся застрѣлить его люди Ивана Яковлевича Сабурова и господина Масалова, а потому, чтобъ не поставили ему въ вину, если онъ не скоро на межу явится, и напоивъ пьянымъ, велѣли Черному подписаться и берегли его до сего времени.—«Очень хорошо! съ превеликимъ сердцемъ началъ я говорить:—да есть-ли законъ принимать такіа неосновательныя объявленія и притомъ писать ихъ самому вашему подъячему? Мнѣ кажется и закона на это нѣтъ и это уже явное мытарство! Не прогнѣвайтесь, господинъ землемѣръ! Это не годится и дурно! И теперь вижу я, что нарочно его сокрыть хотятъ!.. Такъ сказываю, что готовъ здѣсь недѣлю жить, а съ мѣста безъ Чернаго не пойду! Да къ тому-жъ и онъ въ объявленіи пишетъ, что онъ явится, но только не скоро; такъ извольте-ка послать, а мы уже возьмемъ трудъ его подождать и не поскучимъ». Нечего тогда было межевщику дѣлать, хоть не хотѣлось, но принужденъ былъ посылать солдата и остановиться на томъ мѣстѣ обѣдать. И досада его на насъ такъ была велика, что онъ не пошелъ къ намъ и обѣдать, какъ ни старались мы его уговаривать.

Какъ станъ нашъ находился отъ того мѣста съ полверсты и мы боялись, чтобъ межевщикъ безъ насъ чего не надѣлалъ,

то обѣдъ нашъ въ сей день былъ скоропостижной; однако мы пообѣдали, какъ надобно, ибо хотя случился тогда и постной день, но у насъ всего было наварено и всего настрапано довольно и рыбы великое множество. Во время обѣда имѣли мы свой послѣдній совѣтъ о томъ, что намъ дѣлать. И какъ мнѣ самое то мѣсто показалось очень кстати, гдѣ Рыбинъ остановился, чтобъ назвать сіе мѣсто Долгою Другою, то и разсудилъ я за благо въ семъ мѣстѣ споръ свой кончить и дать ему итти далѣе бѣлыми столбами. Я представилъ причины моимъ товарищамъ, и всѣ были согласны, тѣмъ паче, что многимъ, а особливо отдаленнымъ господамъ полевая наша жизнь уже наскучила и они давно уже желали, чтобъ я развязалъ и распустилъ всѣхъ по домамъ, а особливо ихъ, не имѣющихъ дѣла.

Такимъ образомъ, съ общаго согласія положили мы на семъ мѣстѣ споръ нашъ кончить; однако, какъ мнѣ необходимо надобенъ былъ Черной, дабы онъ подтвердилъ объявленіе Рыбина, то разсудилъ я за благо скрыть сіе намѣреніе до тѣхъ поръ, пока не будетъ Черной. И какъ я очень боялся, что они усилятся и шильническимъ образомъ доведутъ до того, что онъ не явится и что можно будетъ и по закону итти и безъ него, а особливо примѣтивъ, что, при посылкѣ за Чернымъ солдата, приготовляемъ былъ уже подъячимъ репортъ отъ него для подачи по приѣздѣ, и написано было, что онъ не засталъ его дома, то, не надѣясь силою взять, вздумалъ воспользоваться сокрытіемъ своего намѣренія и употребить вмѣсто прежняго волчьего рта лисій хвостъ, и достигъ по крайней мѣрѣ чрезъ то до своего намѣренія.

Всходствіе чего, возвратившись къ межевщику и къ астролябін, не даю я ни мало знать, что у меня на умѣ, но вмѣсто того, подошедъ къ Рыбину, говорю: «Что-жъ Рыбинъ, Чернаго-то?» — «Да послали, судырь, да не бывалъ еще солдатъ; да гдѣ ему быть! Я слышалъ, что онъ куда-то далеко уѣхалъ». — «Что ты ни го-

вори, сказалъ я, но я прежде съ мѣста не пойду, покуда не приѣдетъ Черной, и готовъ хоть цѣлую недѣлю здѣсь жить». — Между тѣмъ пырь посланной солдатъ и, по счастію нашему, такъ, что наши прежде его увидѣли и о Черномъ спросили; и онъ не вѣдая ничего, проболтался и сказалъ, что онъ засталъ его дома, и что онъ поѣхалъ на хуторъ къ Пашкову. Мы тотчасъ сіе подхватили и разрушили коварные ихъ замыслы, ибо съ репортомъ къ солдату хотъ и бѣжали уже на встрѣчу, но всунуть ему его въ руки при нашихъ было не можно. Досадно сіе было очень межевщику; однако онъ сталъ вновь усиливаться, чтобъ не дождавшись Чернаго итти далѣе. Вижу я, что дѣло дурно и потому тотчасъ, перемѣня голосъ, Рыбину говорю:

«Слушай Рыбинъ! хочешь-ли на этомъ мѣстѣ бѣлой столбъ поставить и чтобъ мы отъ тебя отвязались?» — «Какъ, батюшка, не хотѣть, отвѣчалъ онъ: — а-бы Ивану-великому молебень отслужилъ, если-бъ это сдѣлалось». — И началъ мнѣ кланяться: «Пожалуйте, судырь, поѣзжайте. Право пора домой вамъ; оставьте насъ однихъ». — «Ну, когда хочешь, сказалъ я, такъ сейчасъ родился бы у меня здѣсь Черной, а безъ того я не сдѣлаю». — Не успѣлъ я сего вымолвить, какъ обрадовался нашъ Рыбинъ. — «Да сдержите-ли вы свое слово, судырь?» — «Конечно сдержу ужъ, и даю тебѣ вѣрное въ томъ слово!» — «Да какъ же, судырь, вы это сдѣлаете?» — «Ужъ я знаю какъ, говорю ему, не твое уже то дѣло. Я сдѣлаю и отъ моей воли зависить, хочутъ ли, или не хочу, чтобъ ты бѣлыми столбами отсюда пошелъ. Ежели велю, такъ будетъ, а не захочу — такъ не бывать».

Сталъ тогда въ пень Рыбинъ и не только Рыбинъ, но и самъ межевщикъ, ибо оба они намѣренія моего не могли проникнуть, которое состояло въ томъ, чтобъ ихъ польстить только, давъ поставить столба два-три бѣлыхъ, а потомъ опять испортить и довести до того, чтобъ сіи столбы не возымѣли никакого дѣйствія. Но какъ-бы то ни было, но мнѣ удалось

чрезъ сей маневръ достигъ до своего намѣренія. Межевщикъ и Рыбинъ и вѣрили мнѣ, и не вѣрили; однако принуждены были повѣрить. И тогда смѣшно было смотрѣть, какъ межевщикъ засуетился, чтобъ какъ можно скорѣй достать Чернаго. «Посылай, посылай скорѣе не только солдата, но самого сержанта». И не только сержанта, но и самого подъячаго хотѣлъ уже посылать и приказывалъ всѣми образами его искать и привести. Вотъ какъ умѣлъ я довести ихъ до того, что они плясали по моей дудкѣ!

Итакъ, расположились мы его дожидаться и легли на горкѣ на травѣ. Къ намъ подѣхалъ тутъ сынъ господина Масалова, и всѣ мы начали другъ друга подбивать арбузами, которые за нами продавцы и возили. Истинно, арбузовъ съ пятнадцать мы тогда поѣли. Всякой хотѣлъ подбивать своимъ и купить на свой коштъ для общества, и мы весь приговоръ усыпали сѣменами и корками.

Часа два или болѣе прождали мы тутъ и пробалагурили. Наконецъ сказали намъ, что господинъ Черной шествуетъ. Я очень любопытенъ былъ видѣть сего звѣря, виновника толь многихъ золъ. — «И подлинно Черной!» воскликнулъ я, его увидѣвъ. И не ошиблись тѣ, которые мнѣ его описывали. Мужичина превеликой, пьяной, разбрызгой и черной, и не только не походилъ на дворянина, но ниже на однопворца. И досадовалъ я, и смѣялся, и сожалѣлъ, смотря на сего чучелу и видя предъ собою простѣйшаго и глупѣйшаго чловѣка, прямо достойнаго потомка вора и плута Луки Чернаго.

Всѣ встрѣчали его разными насмѣшками и скалозубничествомъ, и толпа народа въ одинъ мигъ его окружила. Но я молчалъ и говорилъ только въ мысляхъ самому себѣ: «Боже мой! и такому глупцу и негодюя хочется такимъ же образомъ, какъ и Пашкову, обхватить и обовладѣть нѣсколькими тысячами десятинъ въ наилучшемъ самомъ мѣстѣ изъ всей этой степи, вмѣсто даннаго конокраду и вору, предку его, самага малаго количества, пользуясь мошенническимъ отво-

домъ родни его, Сухотина! и съ такимъ мерзавцемъ имѣть Пашковъ дѣло и его всячески обалахтать и всю его землю завладѣть старается!» Симъ образомъ помышляя, сѣвшилъ я приступить и начинать свое дѣло.

Межевщикъ тотчасъ началъ сирашивать: его-ли на лѣвой сторонѣ начинается земля и такъ-ли объявилъ Рыбинъ? Черной, не зная ни уха ни рыла, ухалъ только, мычалъ: «Што? што?» и началъ врать нелицую и совсѣмъ не то сказывать о чемъ его сирашивали. У него затвержена была только наизустъ данная предку его отъ Сухотина такая-жъ мошенническая окружная, и онъ твердилъ только: «моя земля съ такого-то урочища по такое-то, и съ такого по такое». Рыбинъ стоялъ уже у него подъ бочкомъ и подхватывалъ каждое слово. Я вижу сие, и какъ мнѣ хотѣлось, чтобъ Черной сказалъ точно то же, что Рыбинъ объявилъ, слѣдовательно, попались бы оба они въ петлю, то далъ я ему волю убаивать Чернаго, и самъ еще нарочно подтакивалъ. Однимъ словомъ, долго сие продолжалось, но кончилось тѣмъ, что Черной подписался подъ такимъ же точно объявленіемъ, какое было и Рыбина; а равномѣрно вписано было и оставленное прежде въ полевой запискѣ мѣсто.

Какъ все по желанію моему кончилось, то погладилъ я старика по головкѣ и, потрепавъ по плечу, сказалъ: «Жаль мнѣ тебя, Родивонъ Лукичъ, но нечего дѣлать! не я уже тому виноватъ, а ты самъ, что далъ себя обмануть и обалахтать такимъ людямъ, которые Бога не боятся, и обалахтали тебя такъ, что пропадешь ты, какъ червь капустной. На нихъ, мой другъ, жалуйся, а не на насъ. А я уже по необходимости дѣлаю». — Какъ онъ ни пьянъ былъ старикъ, однако слезы покатились у него изъ глазъ при семъ моемъ словѣ, и онъ, рыдая, сказалъ: «Чуть-ли не до того доходитъ, батюшка!»

Я хотѣлъ-было болѣе поговорить, но Рыбинъ, подступя ко мнѣ, умиленнѣйшимъ образомъ говорилъ: «Чтожъ, батюшка, сдержите-ли свое слово?» —

«Изволь! сказалъ я:—я тебѣ докажу что я честной человѣкъ и какъ умѣю дѣло испортить, такъ опять и починить!» и пошелъ къ межевщику. — Весь народъ усердно хотѣлъ слышать, что я буду говорить, и въ одинъ мигъ составилъ превеликой кругъ окрестъ меня. Тогда я по обыкновенію моему, установившись, какъ на катедрѣ, посреди, началъ степеннѣйшимъ образомъ подъяему диктовать мое объявленіе, и какъ мнѣ нужна была лежащая на противномъ берегу вершина, то просилъ я межевщика, чтобъ онъ снялъ напередъ румбъ, на какой простирается она. Межевщикъ съ охотою меня послушалъ. И тогда, записавъ румбъ, сказалъ я: «что направъ и налѣвъ по оную вершину казенная земля кончилась и начинается обведенная въ 1722 году тѣмъ же вахмистромъ Сухотиннымъ бывшему тамбовцу Лукѣ Черному земля, которая никогда и до изданія высочайшаго о размежеваніи земель манифеста не состояла ни у его, ни у сына его Родивона Чернаго во владѣніи и нынѣ поросла ковыломъ и лежитъ впустѣ».

Легко можно всякому усмотрѣть, что все сіе короткое, но весьма важное объявленіе свинчено было на шурупахъ и составлено такъ, что хотя я и не называлъ ее казенною, но въ одинъ мигъ можно было ее обратитъ и сдѣлать казенною или, лучше, что само она сама собою сдѣлается казенною по тому же пункту межевой инструкціи. Однако всего того ни межевщикъ, ни повѣренной Пашкова усмотрѣть и скрытой въ объявленіи моемъ хитрости проникнуть не могли, но были объявленіемъ моимъ чрезвычайно довольны, веселились пустяками и хваля меня, что я сдержалъ свое слово, какъ честной человѣкъ, и что имъ можно теперь тутъ бѣлой столбъ поставить.

— Становите себѣ, говорилъ я, а намъ, шадскимъ помѣщикамъ, теперь болѣе дѣлать нечего. Мы дѣло свое кончили, ибо теперь пришелъ Тамбовской уѣздъ и какъ хотятъ тамбовскіе, а намъ болѣе дѣла нѣтъ.

Симъ образомъ кончился нашъ (споръ), и мы, подписавшись, все распрощались съ межевщикомъ, и я распустилъ всехъ своихъ до поры до времени по домамъ, приказавъ только, чтобъ были они готовыми, когда востребуются и понадобятся опять. Тутъ началось у насъ прощанье и дѣлованье: всякой приносилъ мнѣ тысячу благодареній и спѣшилъ домой. Что касается до Рыбина, то былъ онъ чрезвычайно доволенъ и прыгалъ съ радости, становя бѣлой столбъ заклеяемой и выкапывая яму. А я самъ въ себѣ только думалъ: долго-ли то твоя продлится радость? и уцѣлѣютъ-ли твои столбики?

Какъ были тогда почти сумерки, то хотѣлъ-было и я ѣхать домой, но г. Масаловъ и другъ мой Иванъ Яковлевичъ Сабуровъ, имѣвшій самъ подлѣ господина Масалова въ Тамбовскомъ уѣздѣ, не подалеку оттуда деревню, убѣждали меня просьбою, чтобъ я сдѣлалъ одолженіе и поѣхалъ-бы почевать съ нами въ оную деревню къ г. Масалову и посовѣтовалъ бы со старикомъ и далъ наставленіе, какъ имъ быть и что дѣлать, когда межевщикъ дойдетъ въ послѣдующій день до ихъ земли. Какъ мнѣ и самому хотѣлось видѣться и познакомиться съ старымъ Масаловымъ и услужить и пріятелю моему господину Сабурову, а сверхъ того въ свою деревню ѣхать было далеко, то охотно я согласился на ихъ просьбу и поѣхалъ съ ними въ Лукно (такъ называлась ихъ деревня).

У насъ начались и дорогою уже совѣты, и какъ я увидѣлъ, что г. Сабурову очень жаль было, что Пашковъ на пять четвертей отрѣзывалъ болѣе двухъ тысячъ десятинъ и онъ все еще сомнѣвался въ томъ, что они ему, по увѣренію моему, не достанутся и что бѣлые его столбы дѣйствовать будутъ мало, потому что все сіи двѣ тысячи десятинъ связаны еще съ нашимъ споромъ; то хотѣлъ я его утѣшить, и сказалъ, что ежели онъ хочетъ, то можно завтра же все дѣло испортить и заставить ихъ итти опять черными столбами. Нужно только имъ, тамбовскимъ обывателямъ, поступить бла-

горазумно и какъ надобно. Уцѣпился тогда и г. Сабуровъ, и Масаловъ за меня: скажи я имъ, какъ бы имъ сіе дѣло сдѣлать и какъ поступить? Почему и началъ я еще дорогою вымышлять планъ сему дѣлу и придумывать все нужное.

Между тѣмъ и уже ночью приѣхали мы къ г. Масалову. Сей почтенной и мнѣ до того еще незнакомой человѣкъ, бывшій нѣкогда тамбовскимъ воеводою, наслышавшись уже довольно обо мнѣ и желавшій нетерпѣливо меня видѣть, радъ мнѣ былъ невѣдомо какъ и старался угостить наилучшимъ образомъ. Весь вечеръ проговорили мы и просовѣтовали, и положили на томъ, чтобъ имъ по примѣру нашему собрать какъ можно скорѣй нѣсколько человѣкъ тамбовскихъ сосѣдственныхныхъ дворянъ и, по утру выѣхавъ къ межевщику на межу и не допуская еще до своей земли, остановить и назвать то мѣсто государевою землею, слѣдовательно дополнить то, что я въ своемъ объявленіи умышленно и для того не дополнилъ, чтобъ не привязать себя и шадскихъ помѣщиковъ къ тому дѣлу. Расположивъ все что надобно, и разославъ всюду и всюду людей для созыванія дворянъ, ужинали мы у г. Масалова и ночевали съ сыномъ его въ палаткѣ, потому что и они имѣли тутъ домъ не настоящій, а хуторной.

Въ послѣдующій день, что было пятого сентября, написалъ я имъ по утру, что говорить на межѣ и давъ полное обо всемъ наставленіе, проводилъ ихъ до самого почти межевщика и, подъѣзжая, пустилъ однихъ воевать, а самъ кругомъ да около поѣхалъ степью домой, чтобъ не подать вида, что и сей споръ происходитъ отъ меня. Я не сомнѣвался, что все сдѣлано будетъ, какъ надобно и потому спокойно возвратился домой, и ѣдучи мимо двора господина Тараковского, заѣхалъ къ нему. На дорогѣ встрѣтилась со мною жена г. Сабурова, ѣдущая къ нему въ Лукино и любопытно желавшая знать, что у насъ происходило и теперь происходитъ. Я рассказалъ ей въ короткихъ словахъ, что мы по Шад-

скому уѣзду окончили дѣло свое очень удачно и благополучно, а теперь поѣхали спорить тамбовскіе, и что мужъ ея г. Сабуровъ, какъ уже посмотрѣвшійся на межеванье, ими тамъ предводительствуетъ и теперь спорить, и что я надѣюсь на него, что онъ дѣла не испортитъ, поелику я далъ ему все нужныя о томъ, какъ поступить, наставленія. Съ тѣмъ мы съ нею и разстались.

Не успѣлъ я, приѣхавши домой, отобѣдать, какъ приѣхали ко мнѣ разсказовскіе повѣренныя съ просьбою о наставленіи ихъ, что имъ дѣлать. Слово за слово, и вдругъ сказываютъ они мнѣ, что они были въ сей день на межѣ. Тогда, любопытствуя очень, спрашивалъ я у нихъ, что они тамъ видѣли и не знаютъ-ли, что сдѣлалось? И какъ удивился, что спора межевщикъ не принялъ, и что они не оставиваясь пошли далѣе бѣлыми столбами. Я не понималъ, что это значило, и обезпокоившись мыслями, съ нетерпѣливостію дожидался оттуда извѣстія. Однѣ ако въ тотъ день не было оттуда ни слуха, ни духа, ни послушанія. Итакъ, пробылъ я сей день и ночевалъ дома. Въ послѣдующій день не успѣлъ я проснуться, какъ сказали мнѣ, что дожидается меня староста Ивана Яковлевича Сабурова. Я велѣлъ тотчасъ его кликнуть. И какимъ удивленіемъ поразился, когда онъ вошедъ съ превеликимъ уныніемъ сталъ говорить мнѣ слѣдующее: «Что, батюшка! безъ васъ все худо! не успѣли вы отѣхати, какъ у насъ и пошла бириберда!» — «Что такое?» спросилъ я его съ поспѣшностію. — «Что, батюшка! сказалъ онъ: — Пашковъ-то выѣзжалъ вѣдь самъ и съ бояриномъ и Богъ знаетъ, имѣлъ какую ссору; чуть было не закололъ его кортикомъ, и баринъ насилу ускакалъ. Теперь не знаетъ онъ, что и дѣлать. Послалъ къ вамъ, батюшка, просить милости, чтобъ вы къ нему пожаловали и помогли бы ему въ его нуждѣ. Они перетрусились все и Богъ знаетъ какъ, и не знаютъ теперь, что и дѣлать. Но нечего говорить и сами худо надѣлали». — «Что такое? спросилъ я съ торопостію: — Расскажи мнѣ для Бога,

какъ происходило все дѣло и что они тамъ надѣлали? Тогда сей весьма неглупой и самъ при томъ бывшій мужикъ разсказалъ мнѣ все происходившее.

Но какъ любопытное повѣствованіе о томъ не такъ коротко, чтобъ могло въ предѣлы сего письма умѣститься, то дозвольте мнѣ оное предоставить письму будущему, а сіе на семь мѣстѣ пресѣчь и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 23-го дня 1808 года).

Письмо 167-е.

Любезный пріятель! Въ предсѣдующемъ письмѣ общалъ я вамъ разсказать о произшествіяхъ, случившихся на межѣ съ г. Сабуровымъ, и какъ не сомнѣваюсь, что вы столько же любопытны о томъ слышать, какъ былъ тогда и я, а сверхъ того исторія о томъ довольно занимательна и любопытна, а притомъ произвела по себѣ слѣдствія весьма важныя и всего меньше мною ожидаемыя и касающіяся до всего тогдашняго нашего межеванья, то и разскажу я вамъ ее во всей подробности.

Господинъ Сабуровъ, разставшись со мною, какъ я упомянулъ въ моемъ предсѣдующемъ письмѣ, поѣхалъ къ межевщику въ сотовариществѣ только двухъ человѣкъ тамбовскихъ дворянъ, а именно: поручика Давыдова и поручика Масалова, сына старикова, ибо множайшихъ въ скорости собрать было некогда. Самому же неглупому старику, отцу послѣдняго, по нѣкоторому смѣшному обстоятельству выѣхать было не можно. Будучи въ Тамбовѣ воеводою, попался онъ не знаю въ какую-то большую бѣду, отъ которой, находясь потомъ въ отставкѣ, не могъ инымъ отдѣлаться, какъ объявивъ себя умершимъ, которое обстоятельство причиною тому было, что ему нельзя было никуда показать глазъ, а особливо тогда къ межевщику, поелику дѣло сіе Пашкову было извѣстно. Такимъ образомъ, свита г. Сабурова была очень мала и, къ вѣщему несчастію, далеко не столь согласная и единомышленная, какъ было наше об-

щество. Правда, хотя послѣ и подѣлхали къ нему человѣка еще два, но и тѣ не лучше были первыхъ, а всѣ люди ничего незнающіе, неопытные и нужной къ спорамъ смѣлости и отваги неимѣющіе. Но какъ бы то ни было, но г. Сабуровъ засталъ межевщика еще очень благовременно и, по наставленію моему, его оставилъ и сталъ объявлять, что онъ межуется государеву землю, а не Чернаго, и предлагать, чтобъ онъ не утверждалъ ее Пашкову бѣлыми столбами, а принялъ бы отъ него споръ. Все сіе учинено порядочно; но чтожъ воспослѣдовало далѣе!

Межевщикъ, услышавъ такое неожиданное объявленіе и новое себѣ препятствіе, невѣдомо какъ взбѣсился и, по обыкновенію своему, сталъ усиливаться и спора не принимать, а объявлять то, что онъ межуется по купчей и спора принять не хочетъ. Но можно-ль бы ему было не принять, естлибъ поступлено было благоразумно и естлибъ тутъ я, а не г. Сабуровъ, быть случился. Онъ бы у меня самъ напрыгался, оттого что онъ межевалъ тогда безъ самого владѣльца, Чернаго, котораго, по примѣру вчерашнему, держали на хуторѣ и поили, какъ свинью, а безъ него какъ хотѣли межевали. Во-вторыхъ, сѣлъ бы я ему на шею тѣмъ, для чего онъ тутъ межевалъ безъ призыва сосѣдственныхъ дачъ обывателей и, такъ сказать, воровски. Однимъ словомъ, я бы его, государя нашего, проучилъ, естлибъ мнѣ при томъ быть случилось, и они бы меня не провели; но г. Сабуровъ былъ не такого характера: онъ былъ человѣкъ простой и имѣлъ самое доброе сердце и хорошую душу, но нужной остроты разума и осторожности онъ не имѣлъ и потому далъ себя симъ бездѣльникамъ въ глазахъ обмануть и на бобы провестъ а именно:

Какъ межевщикъ увидѣлъ, что онъ сталъ усиливаться и продолжать спорить, то перетрусилъ онъ съ Рыбиннымъ и увидя, что дѣло дурно, стаянулись и подпустили къ нему лѣсть. Они начали умиленнѣйшимъ образомъ просить г. Сабурова, чтобъ онъ имъ не мѣшалъ и не спорилъ; а особливо лукавой Рыбинъ,

перевернувшись лисицею и самою сатанною, обалахтывалъ его, говоря: «Поми-луйте, батюшка Иванъ Яковлевичъ, не спорьте здѣсь! что вамъ, судырь? вѣдь это не ваша земля. Допустите только меня до рѣчки Ржаксы, а тамъ зачнется ваша, и я съ вами разведусь, какъ вамъ угодно, и отступлю отъ Станового-Липяга сажень съ двѣсти въ правую сторону, и возьмите весь его въ вашу дачу.»

Теперь надобно знать, что такое Становой-Липягъ? Это была, находящаяся впереди и лежащая за рѣчкою Ржаксою, большая вершина, порослая лѣсомъ, и мѣсто очень удобное. До сего Липяга приурочена была дача протопоповская, въ которой вмѣстѣ съ прочими владѣльцами имѣлъ селеніе и г. Сабуровъ. И какъ мѣсто сіе было очень удобное и лежало близко подлѣ поселка Сабурова, то хотѣлось и самому ему оной къ себѣ поприбрать.

Самое сіе обстоятельство и причиною тому было, что упомянутое обѣщаніе Рыбина тотчасъ поколебало твердость духа г. Сабурова. Онъ польстился на сіе лестное и ухищренное обѣщаніе и, по добродушію своему, всего меньше могъ опасаться и предусмотрѣть, что это былъ одинъ только обманъ и сплетенная сѣть на самого его. Словомъ, онъ по несчастію повѣрилъ Рыбину и межевщику, и тѣмъ наче, что сей послѣдній обѣщаль самъ впереди о полюбовномъ разводѣ стараться и ручался въ вѣрности даннаго Рыбинымъ слова и обѣщанія. Коротко, г. Сабуровъ смутился и не зналъ, что дѣлать. Сталъ совѣтоваться съ своими товарищами, но они первые ему сказали, что они въ споръ не хотятъ мѣшаться и не подпишутся, а когда, хочеть спорить, такъ спорилъ бы одинъ. Итакъ, сталъ г. Сабуровъ, какъ ракъ на мели, что болѣе и принудило его дать себя убѣдить просьбамъ Рыбина и межевщика и самого подъячаго. Онъ сказалъ: «Ну, добро, Рыбинъ! уже для тебя и жалѣя твою старость, не буду говорить, сдержи только свое обѣщаніе». — «Изволь, батюшка, из-

воль! только допусти насъ до рѣчки Ржаксы».

Какъ скоро дѣло сіе кончилось, то Рыбинъ, получивъ свободу и опасаясь, чтобы чего еще не произошло, сталъ всѣми образами спѣшить дойти до рѣчки Ржаксы бѣлыми столбами и тѣмъ перерѣзать поперегъ весь пространной промежутокъ между рѣчками Паникою и Ржаксою безспорною линіею. Но не успѣлъ онъ дойти до рѣчки Ржаксы и перейти на тотъ берегъ, какъ снялъ съ себя личину и другимъ голосомъ заговорилъ. Вмѣсто того, чтобы ему Становой-Липягъ оставить влѣвъ, то-есть въ дачахъ г. Сабурова, и отступить отъ него по обѣщанію сажень съ двѣсти вправо, онъ поставилъ вѣху сажень съ двѣсти отъ Липяга влѣво и не только весь Липягъ, но десятины со сто и Сабуровской земли къ себѣ прихватывать началъ.

Тогда открылись очи у г. Сабурова. Но разсудите сами, каково было тогда ему, когда увидѣлъ онъ себя такимъ злодѣйскимъ образомъ обманутымъ и въ глазахъ проведеннымъ!... Смутился онъ неописаннымъ образомъ и спрашивалъ Рыбина: «Чтожъ это такое, господинъ Рыбинъ! такъ ли было твое обѣщаніе? и такъ ли ты вести хотѣлъ?» — «Мнѣ инако, сударь, не можно, — смѣючись уже и ругательскимъ образомъ отвѣтствовалъ ему Рыбинъ; — мнѣ Петръ Егоровичъ такъ приказалъ и по купчей такъ иттить слѣдуетъ, и я на волосъ нарушить ее не могу, воля ваша».

Вздурился тогда г. Сабуровъ и не зналъ, что дѣлать. Онъ къ межевщику. Межевщикъ молчитъ и говоритъ: «Я не знаю... не мое дѣло... какъ хотятъ вѣдутъ». Сіе еще пуще привело въ досаду г. Сабурова. И тогда увидѣлъ онъ ясно, что всѣ они были бездѣльники, а онъ обманутъ, и принужденъ былъ стыдиться всѣхъ, кто съ нимъ тогда ни былъ. Онъ встрянулъ, но уже поздно, что лутче бы ему было моему совѣту слѣдовать и либо уже вовсе не спорить, либо спорить, но уже не отставать и ничего не слушать. Тогда раскаялся уже онъ, но пособить

было нечѣмъ: дѣло сдѣлано, межа сохами пройдана и погрѣшность была уже невозвратная... Онъ досадовалъ самъ на себя, но все уже тщетно. Рыбинъ только смѣялся и радовался удачному своему бездѣльничеству и отомщалъ за поклоны свои изряднымъ образомъ.

Но какъ бы то ни было, но г. Сабуровъ принужденъ былъ проглотить сію горькую пилюлю и, позабывъ то, помышлять о предбудущемъ и думать о томъ — какъ быть, что далѣе дѣлать? Чѣмъ отгонять его отъ себя и отъ своихъ дачъ, и какъ бы не связать дачи своей споромъ съ Пашковою и тѣмъ не подвергнуть ее великой опасности, потому что онъ самъ имѣлъ дачку маленькую, а владѣлъ также земли великимъ множествомъ, которой могъ всей лишиться, какъ скоро свивалась бы его дача споромъ съ Пашковою. Все сіе приводило его въ превеликое замѣшательство. Ему оставалось только два средства: либо согласиться на отводъ Рыбина и потерять Липягъ и захватываемыя десятины сто за Липягомъ, либо спорить. Но оба сіи средства были неудобны: Липяга потерять не хотѣлось, а и спорить для вышеупомянутыхъ причинъ было невозможно.

Находясь въ превеликомъ недоумѣніи о томъ, вспомнилъ онъ мой совѣтъ и то, что я ему, равно какъ предугадывая сей случай, приказывалъ и именно: что естли Рыбинъ станетъ прихватывать Липягъ и его землю, то вѣрнѣйшимъ бы и надежнѣйшимъ средствомъ было назвать какъ Липягъ, такъ и часть земли государевою землею, и тѣмъ точно такимъ же образомъ отбоярить Пашкова отъ своей дачи, какъ мы по Шадскому уѣзду его столь благополучно отбоярили. Вспомнивъ сей совѣтъ, положилъ онъ слѣдовать (ему) и, тѣмъ ободрясь, сказалъ Рыбину: «Когда такъ, то не дамъ же тебѣ надъ собою насмѣяться. Господинъ землемѣръ! онъ ведетъ неправильно. Здѣсь направѣ и налѣвѣ государева земля! Не извольте межевать!»

Сіе вновь встревожило и межевщика и Рыбина. Увидя они, что дурно и что

смѣялись рановато, принуждены были говорить опять инымъ голосомъ. Тутъ проявился и у межевщика голосъ, и сталъ и онъ преклонять къ полюбовному разводу. Но увидя, что не соглашались, стакнувшись съ Рыбинымъ, остановился на томъ мѣстѣ обѣдать и подъ видомъ, якобы Рыбинъ самъ собою не отваживается развестись полюбовно, хотѣлъ о томъ доложить боярину и отъ него истребовать повелѣніе, отправилъ его къ Пашкову на хуторъ.

Сіе подало г. Сабурову опять нѣкоторой лучъ надежды къ полученію Липяга. Проклятой этотъ Липягъ не шелъ, по несчастію, у него изъ ума и онъ желалъ его, какъ нѣкоего непривиданнаго сокровища, хотя въ самомъ дѣлѣ онъ ничего почти не стоилъ. Между тѣмъ, покуда ѣздилъ Рыбинъ, обѣдали они, и онъ, по добросердечію своему, не помня оказаннаго ему отъ межевщика зла, угощалъ еще его наилучшимъ образомъ, и обходился какъ съ честнымъ и добродушнымъ человѣкомъ. Но сколь худо заплатилъ онъ ему за сію хлѣбъ-соль и добросердечіе! Сколь много обманулъ г. Сабуровъ въ своей надеждѣ и сколь бездѣльническимъ образомъ обмануть былъ вновь сей честной и любезной человѣкъ.

Часа три принуждены они были ожидать возвращенія Рыбина. Наконецъ, приѣхалъ сей бездѣльникъ и всѣ, любопытствуя, спрашивали его, какія онъ привезъ съ собою вѣсти? Онъ не сказывалъ ничего, а объявилъ только, что Петръ Егоровичъ самъ изволилъ прибыть тотчасъ на межу. Сіе извѣстіе перетревожило тогда всѣхъ, ибо это было еще въ первой разъ, что господинъ Пашковъ выѣхалъ на межу.

Тотчасъ послѣ того показался онъ дѣйствительно, съѣзжающій съ горы на великолѣпной одноколкѣ въ препровожденіи многихъ людей и случившихся также у него гостей: полковника Сухотина съ сыномъ и г. Лихарева. Пришествіе его было очень пышное и надменное. Онъ не хотѣлъ почти ни на кого смотрѣть, и межевщикъ, какъ рабъ, предъ нимъ

раболяпствовалъ. Слово за слово, дошло дѣло скоро до разговора съ г. Сабуровымъ о землѣ. Г. Сабуровъ стоялъ въ томъ, что это государева земля, и говорилъ Пашкову, чтобы онъ шелъ вправо, вверхъ рѣчки Ржаксы, до другой вершины, гдѣ, сказывалъ онъ, лежитъ Чернаго дача. Долго они проговорили и о пустомъ проспорили, и дѣло не хотѣло клеиться. Все сіе приводило Пашкова въ великое сердце. Онъ пылалъ на г. Сабурова гнѣвомъ и кишѣлъ злобою, однако принужденъ былъ скрывать свой гнѣвъ. И какъ споръ г. Сабурова былъ ему очень опасенъ и онъ боялся, какъ огня, государственной земли, то и нехотя принужденъ былъ дѣлать низкимъ и увидя, что горло не взять, употребляетъ ласку. Однако и сіе не хотѣло ему помогать. И когда бы, когда-бъ продлилось сіе долѣе и не колебалась твердость г. Сабурова! Но сей день равно какъ назначенъ былъ къ тому, чтобы сему честному человѣку быть бездѣльниками обманутымъ и попадаться въ разставленные ему сѣти.—Сіе произошло такимъ образомъ:

Пашковъ, увидя, что дѣло не клеилось, не зная что дѣлать и для того, отозвавъ Рыбина къ сторонѣ, началъ съ нимъ, какъ съ вѣрнымъ и всегдашнимъ своимъ секретаремъ и наперсникомъ совѣтоваться. Сей бездѣльникъ тотчасъ шепнулъ ему, что сдѣлать, и онъ, послушавши его, тотчасъ перемѣнилъ голосъ, началъ съ Сабуровымъ дружелюбно говорить и дѣлать видъ, будто хочетъ съ нимъ развестись полюбовно и скорѣе рѣшить дѣло. Онъ уступалъ ему уже всю землю по Липнягъ, онъ уступалъ ему уже и половину самого Липяга; но какъ Сабуровъ на то не соглашался, то подольстись онъ и выведи его изъ ума, говоря слѣдующимъ образомъ: «Ну, Иванъ Яковлевичъ! когда уже никакъ не можно, то быть мнѣ уже итти на другую вершинку. Но скажи-жъ мнѣ, пожалуй, когда я туда пойду, такъ какъ же ты назовешь тамъ землю на правую сторону?» Господинъ Сабуровъ тотчасъ сказалъ: «Я назову землею Луки Чернаго». — «А поле-

вую какъ же?» спросилъ Пашковъ далѣе. Тогда бы надлежало г. Сабурову остеречься и не вдругъ вѣрить миролюбивымъ словамъ Пашкова и не все болтать, что на умъ было. Но сей простодушный и добросердечный человѣкъ всего меньше ожидалъ отъ него коварства и бездѣльничества, и, по простодушію своему, думалъ, что Пашковъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ съ нимъ разводиться и потому безъ всякаго опасенія сказалъ, что налѣвъ назову-де я уже своею землею. Сего самаго слова и добивался отъ него Пашковъ, и не успѣлъ онъ его выговорить, какъ кипящій злобою Пашковъ вспыхнулъ и сдѣлалъ то, чего ни одинъ честной человѣкъ не сдѣлаетъ, а именно: онъ заревѣлъ тогда и началъ межевщику на г. Сабурова являть, что онъ не честной человѣкъ, а мошенникъ, и сперва называлъ сіе мѣсто государственною землею; а теперь хочетъ называть своею, когда онъ туда пойдетъ; слѣдовательно, онъ торгуетъ государственною землею, и просилъ межевщика, чтобы онъ записалъ сіе въ полевою записку.

Теперь посудите, каково было слышать сіе господину Сабурову, и сколь въ великое смятеніе не долженствовало ему притти, увидѣвши, что онъ сдѣлалъ новой и всего уже худшій поступокъ. Оное было и подлинно такъ велико, что я его описать не въ состояніи. Онъ сталъ тогда въ пень и такъ Пашковымъ смятъ былъ, что не могъ промолвить ни единого слова себѣ въ оправданіе; но думая, что онъ попался тогда въ превеликую бѣду и папастъ, не зная что дѣлать и говорить. Однимъ словомъ, онъ сдѣлался предъ нимъ безсловесенъ, а сей, примѣтивъ его трусость, сѣлъ на немъ, такъ сказать, верхомъ и поѣхалъ. Онъ разгорячился уже невѣдомо какъ, и, думая, что тогда одержалъ уже совершенную побѣду и г. Сабурову съ нимъ нечего дѣлать, до того дошелъ, что началъ его ругать всѣми негоднѣйшими бранями и оскорбительнѣйшими ругательствами и, такъ сказать, мѣшалъ какъ его, такъ и быв-

шихъ съ нимъ съ грязью и дѣлалъ негоднѣйшими людьми на свѣтѣ.

При такихъ обстоятельствахъ еще счастье было, что не случилось тогда на господинѣ Сабуровѣ ни шпаги, ни кортика, а то бы онъ, будучи самъ вспыльчивой и горячій человекъ, вѣрно бы не снесъ такихъ несносныхъ ругательствъ, какими онъ тогда его, а говоря на общее лицо, и всѣхъ насъ жаловалъ, и г. Пашковъ дорого заплатилъ бы за сію свою дерзость. Но какъ онъ былъ совсѣмъ безоруженъ, а притомъ не имѣлъ никакой подпоры и подкрѣпленія и свиту очень малую и ненадежную, то нечего было ему дѣлать. Кровь хотя и въ немъ кипѣла огнемъ и пламенемъ, но онъ принужденъ былъ, закусивъ губы, стоять безмолвно и дать Пашкову, какъ индѣйскому пѣтуху, ерошиться и храбриться. Сей же, видя такое безмолвіе, еще болѣе пыхтѣть и храбровать началъ и даже до того дошелъ, что, называя вновь напобиднѣйшими именованиями, сталъ звать его за кустъ на поединокъ и, хватаясь за свой кортикъ, до половины обнажалъ оной.

Вотъ какія дѣла происходили у нихъ на межѣ и вотъ какое было межеванье! Но чтожь бы думали вы дѣлалъ тогда межевщикъ? Не думаете ли, чтобъ онъ (сталъ), по долгу своему, уговаривать ихъ и отводить отъ начинающейся ссоры?— всего меньше! Но онъ, напротивъ того, поджигалъ еще болѣе Пашкова, говоря и жалуясь на г. Сабурова, что онъ и прежде уже и давеча мѣшалъ ему межевать и спорилъ. Сіе приводило Пашкова еще въ пуще бѣшенство и ярость. Онъ приказывалъ тогда записывать все сіе въ журналъ; но подъячій-мошенникъ съ межевщикомъ давно уже сплетали на Сабурова петлю и писали невѣдомо какую нелѣпицу и прибавляли то, чего Сабуровъ и не говаривалъ. Когда же увидѣли они, что дѣло доходило до худого, то, вмѣсто того, чтобы унимать, они старались только схватить съ мѣста астролѣбію и тѣмъ дать лучший поводъ и свободу къ ссорѣ.

Но едва хотѣли они сіе сдѣлать, какъ образумился г. Сабуровъ изъ своего

замѣшательства и смущенія, и не имѣя болѣе надежды, какъ на одну астролѣбію, которая, по мнѣнію его, представляла тогда зеркало и дѣлала то мѣсто присутственнымъ, въ которомъ Пашковъ не могъ съ нимъ сдѣлать ничего худого, остановилъ межевщика.—«Нѣтъ, господинъ землемѣръ», говорилъ онъ:—«не снимайте астролѣбіи! это негодится! вы видите, что начинается ссора!» Межевщикъ его и послушался. Но сіе не въ состояніи было остановить Пашкова: онъ продолжалъ ругать его болѣе и выпелъ самъ почти изъ себя. И какъ г. Сабуровъ на вызовъ его ему отвѣтствовалъ, что они тогда не въ Польшѣ, чтобъ имъ рубиться, то глупость ли не глупость Пашкова, до того въ бѣшенствѣ дойди, что закричалъ: «Когда такъ, такъ ихъ въ колья!»

Сіе слово тотчасъ всю сцену перемѣнило. Г. Сабуровъ, услышавъ сіе, испужался и сталъ опасаться, чтобъ ихъ въ самомъ дѣлѣ не прибили. Что касается до его товарищей, то они давно уже пуще зайцевъ перетрусились и не знали, что дѣлать; но вмѣсто того, чтобъ вступиться за г. Сабурова, всѣ отъ него отщетились. Ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ни слова, но всѣ металсь безъ памяти: велѣли запрягать скорѣй лошадей и подавать дрожки. Иной бѣжалъ въ кусты, иной передавался къ свитѣ Пашковой къ своимъ знакомымъ, думая тамъ найти лучшее спасеніе, и такъ далѣе.

Вотъ какой страхъ нагналъ на нихъ взбѣсившійся тогда и прямо самъ себя непомнившій Пашковъ. Коротко, г. Сабуровъ остался одинъ и какъ ракъ на мели, и увидѣвъ, что всѣ хотятъ бѣжать, принужденъ былъ и самъ помышлять о томъ же: одному ему нечего было дѣлать. Межевщикъ сталъ-было говорить: «Постойте, стойте, подпишитесь!»—«Нечего намъ стоять», отвѣчалъ г. Сабуровъ: «не до стоянья дѣло и не до подписокъ! насъ хотятъ бить и намъ жизнь наша дороже! Дѣлайте себѣ что хотите, и межуйте, какъ вамъ угодно: вольно вамъ писать, что хотѣли. И когда вы нашего спора не принимаете, такъ слушайте

только вы, господа поняты! Мы называемъ это государевою землею и было бы вамъ сіе извѣстно; а мы отсюда бѣжимъ».

Тогда захохоталъ Пашковъ—«Ха! ха! ха! ха! Господа поняты! ужъ прямо господа!» Но г-ну Сабурову съ товарищами его не до того было, чтобъ сіе слушать. Онъ бѣжалъ уже къ отъѣзжающимъ его товарищамъ и спѣшилъ убраться съ ними. Дай-ка Богъ ноги! скачи, скачи, покуда цѣлы и пока бока не переломаны!.. И пыль поднялась отъ нихъ только столбомъ.

Не успѣли они всѣ поскакать, какъ услышали позади себя на межевомъ станѣ превеликой вопль и крикъ: «Лови! лови!» кричалъ безъ памяти Пашковъ: «бей, лови, тащи его, кривого, сюда. Арканъ ему на шею, тащи его, сюда!» Всѣ люди его бросились тогда по кустамъ; но не только они, но и самъ Пашковъ, какъ безумной, бѣжалъ въ кусты съ вооруженными своими лакеями. Наши бѣдняки неиннако думали, что это за ними погоня и потому безъ памяти скакали и убирались до двора, боясь и назадъ оглянуться. Однако, страхъ ихъ былъ пустой: это была не погоня за ними, а еще того хуже. Какой-то окаянной скажи Пашкову, будто бы самъ старикъ Масаловъ, которой отъ природы былъ кривъ, находился въ кустахъ и не смѣлъ показываться, хотя ничего того не бывало, и онъ его-то велѣлъ и приказывалъ тащить къ себѣ на арканъ. Сіе одно довольно доказываетъ, до какого безпутства доходилъ въ сердцахъ Пашковъ.

Симъ кончилось тогдашнее извѣстіе, ибо они, уѣхавши, не знали что послѣ ихъ тамъ происходило, почему и присланной мужикъ ничего о томъ не вѣдалъ, а сказывалъ только при окончаніи, что г. Сабуровъ на смерть перестраждался и находится въ превеликомъ теперѣ замѣшательствѣ и робости, и что онъ, прискакавъ къ Масалову, того момента послалъ его старосту за мною и велѣлъ какъ можно просить меня, чтобъ я къ нимъ приѣхалъ и, буде можно, чѣмъ-нибудь пособилъ бы.

Теперь не могу изобразить, въ какое замѣшательство привело меня сіе извѣстіе. Я нѣсколько разъ перерывалъ его повѣствованіе и сердился, и досадовалъ, и смѣялся, и дивился я всему сему происшествію: сердился на Пашкова, на Рыбина и межевщика; досадовалъ на Сабурова, что онъ былъ такъ плохъ и нерасторопенъ и не послушался моихъ совѣтовъ, и далъ себя провестъ и обмануть; смѣялся всему сему происшествію и ихъ трусости непомѣрной и дивился раболѣпству межевщикову. Но какъ бы то ни было, но мнѣ некогда было долго раздабарывать. Натурально, хотѣлось мнѣ какъ можно скорѣе подать помощь утѣшенному моему пріятелю и подкрѣпить ихъ въ такой бѣдѣ и опасности. Я кричалъ, чтобъ скорѣй запрягали мнѣ лошадей въ дрожки и меня одѣвали, и того момента сталъ вымышлять средство, чѣмъ бы помочь моему другу, и какъ бы, хотя нѣсколько, полегчить испорченное его дѣло. Другого я не находилъ, какъ приступить къ самой крайности и подать ему на межевщика и Пашкова челобитную съ прописаніемъ, что они межуютъ себѣ государеву землю, и тѣмъ остановить межеванье. Итакъ, покуда запрягали лошадей, покуда меня одѣвали, до тѣхъ поръ успѣлъ я намахать половину челобитной, а другую половину положилъ тамъ дописать, ибо туда надлежало мнѣ поспѣшать, и тѣмъ паче, что было уже не рано, а ѣхать было верстъ пятнадцать или болѣе.

Подѣзжая къ окрестностямъ того мѣста, гдѣ наканунѣ того дня происходили описанныя выше сего чудеса, и которое мнѣ съ дороги было видно, съ любопытствомъ смотрѣлъ я нѣтъ ли кого тамъ и не тутъ ли межевщикъ. Однако, на томъ мѣстѣ не видно было никого, а, напротивъ того, увидѣли мы на горѣ по конецъ уже Липята кучу народа и потому заключили, что межевщикъ уже тамъ. Сіе побудило меня поспѣшать еще болѣе.

По приѣздѣ нашемъ въ Лукино, къ Сабурову поселку, прежде всѣхъ увидѣли мы двухъ повѣренныхъ, и именно г. Са-

бурова и Масалова, собирающихся идти на межу. «Что вы это? куда идете? спросилъ я.—«Да на межу, батюшка!» отвѣчали они: «была за нами посылка, мы ходили, насъ согнали опять, сказали, что не надобны; а теперь прислали другую. Солдатъ только теперь проѣхалъ къ Масалову».—«Да что вы тамъ позабыли? сказалъ я:—вчера вы были ненадобны, а сегодня понадобились».—«Да, сударь! отвѣчали они; вчера безъ насъ шли подлѣ нашей и по нашей землѣ, и мы были ненадобны, и называли ее землею Чернаго; а теперь, какъ насъ миновали, такъ стали спрашивать. Зачѣмъ намъ туда идти: теперь пришла земля казенная, а они ее намъ жалуютъ и нашею называютъ».—«Постойте, сказалъ я: и не ходите, а дайте мнѣ напередъ съѣздить и съ вашими господами повидаться».

Сказавъ сіе, поскакалъ я во всю прыть къ Масалову, котораго селеніе было версты двѣ отъ Сабурова поселка. Не успѣлъ я изъ поселка выѣхать, какъ увидѣлъ ѣдущаго солдата. Поровнясь съ нимъ, спрашиваю: «Куда?»—«Да вотъ, сударь, къ господину Масалову съ повѣсткою!»—«Съ какою?» спрашиваю его далѣе, совсѣмъ будто ничего не зная. Солдатъ тотчасъ мнѣ приказъ свой подалъ. Въ немъ написано было, чтобъ г. Сабуровъ самъ выѣзжалъ бы на межу, или, по крайней мѣрѣ, высылалъ бы повѣреннаго. Прочитавъ его и покачавъ головою, отдалъ я его солдату, сказавъ: «Поѣзжай, мой другъ! Не мое дѣло, какъ хотѣть».—«Да куда это вы, ваше благородіе, изволите ѣхать?»—«Далеко, братецъ! на Ворону звали меня въ гости, такъ ѣду туда обѣдать».

Сказавъ сіе, поскакалъ я во всю пору, стараясь уѣхать изъ виду у солдата и приѣхать прежде его къ Масалову. Подъѣзжая, соскочилъ я съ дрожжекъ и велѣлъ лошадямъ и людямъ, какъ можно скорѣе, уѣзжать за дворъ, чтобъ солдатъ не примѣтилъ, что я тутъ, а самъ вбѣжавъ въ горницу, говорю: «Здравствуйте! здравствуйте! Однако, спрячьте меня, чтобъ солдатъ не видалъ», и самъ, говоря сіе,

хохочу. Какъ ихъ тутъ было цѣлое сборище, а именно: г. Масаловъ съ женою и сыномъ, г. Сабуровъ съ женою, г. Давыдовъ и Мордвиновъ, то удивились они моему поступку и не знали, что это значить. Однако мнѣ некогда было раздобаривать съ ними, а я упросилъ ихъ, чтобъ дозволили они мнѣ войти въ ихъ спальню и туда бы все перешли и двери затворили, говоря, что къ нимъ ѣдетъ теперь солдатъ съ повѣсткою и понятными, и что я уже скажу имъ, что теперь сдѣлать, только не хочу, чтобъ это солдатъ видѣлъ.

Ради они мнѣ тогда и Богъ знаетъ какъ были, и тѣмъ паче, что все они находились въ превеликой трусости и сомнѣтельствахъ, не вѣдая, что дѣлать. Они стали было мнѣ рассказывать вчерашнюю исторію, но я имъ сказалъ: «Пожалуйте не теряйте времени на пересказываніе; я все уже и безъ того знаю, а посоветуемъ лучше о томъ, ѣхать ли вамъ на межу, или нѣтъ. Скажите мнѣ, какія имѣете вы теперь намѣренія?»—«Что, батюшка», отвѣчали они: «мы сами не знаемъ, ни то намъ ѣхать, ни то не ѣхать на межу, а послать повѣренныхъ».—«Зачѣмъ ѣхать! сказалъ я: ни того, ни другого».—«Да какъ же, батюшка, быть?»—«Такъ и быть, отвѣтствую имъ, что надобно испорченное дѣло какъ можно лечить, а полечить инымъ нечѣмъ, какъ этотъ узелъ завязать болѣе и спутать все межеванье. Однимъ словомъ, надобно господина межевщика пугнуть и пугнуть такъ, чтобъ онъ позабылъ такія сплетни дѣлать, а посидѣлъ бы въ углу; а мы между тѣмъ имѣли бы время одуматься и что лучше предпріять получили свободу».—«Да какъ это сдѣлать, батюшка?»—«А вотъ какъ: на межу вы не ѣздите, да и повѣренныхъ не посылайте, а пошлите къ межевщику, вотъ я вамъ напишу объявленіе, такъ онъ и задумается и не будетъ знать самъ, что ему дѣлать». Не успѣлъ я сего вымолвить, какъ солдатъ и приѣхалъ. Тогда просилъ я скорѣе бумаги и чернилъ и велѣлъ солдату поудержать въ передней, покуда я напишу объявле-

ніе, и подтвердить всѣмъ, чтобъ никто обо мнѣ не сказывалъ.

Ради были невѣдомо какъ господа, что я приѣхалъ къ нимъ благовременно. Они оживотворились моимъ присутствіемъ и начали съ солдатомъ инымъ уже голосомъ говорить. Они сказали ему, что они на межу не ѣдутъ и повѣренныхъ не посылаютъ, а для чего—о томъ поплютъ съ нимъ теперь репортъ, потому что онъ словами пересказать не можетъ и для того подождать бы онъ немного.

Между тѣмъ какъ они съ нимъ въ передней раздабарывали, производилъ я, запершись въ спальнѣ, странное, совсѣмъ необыкновенное и смѣшное, затѣянное мною еще дорогою, дѣло. И именно, я начеркалъ на межевщика протестъ или, лучше сказать, сплеталъ на него ѡселъ, ибо инымъ пугнуть его было нечѣмъ. Я написалъ отъ имени г. С а б у р о в а не къ межевщику, а къ межевымъ дѣламъ объявленіе. И какъ сія бумажка была великой важности и тамъ послѣ произвела великой громъ, имѣла великое дѣйствіе и прославилась, то сообщу вамъ содержаніе оной отъ слова до слова.

«Къ межевымъ дѣламъ господина капитана и землемѣра Петрова отъ маіора Ивана Яковлева сына Сабурова.

Объявленіе.

«Призываюсь я сего числа чрезъ призванного солдата на межу; а какъ я вчерашняго числа, будучи на межѣ, чинилъ господину землемѣру вмѣстѣ съ прочими бывшими со мною господами дворянами нѣкоторыя, касающіяся до пользы высочайшаго Ея Императорскаго Величества интереса, объявленія, но господинъ землемѣръ оный, дружа и наровя господину Пашкову, отъ меня не принялъ, но, напротивъ того, по призыву его, землемѣра, приѣхавшій на межу господинъ Пашковъ самъ не только меня при немъ разругалъ всякими бранными и непотребными словами, но въ противность законамъ вызывалъ на поединокъ и хватался за кортикъ, и хотѣлъ бить колями. А господинъ землемѣръ не только его отъ

того не унималъ, но самъ еще поощрялъ къ запальчивости болѣе; что видя и опасаясь, чтобы насъ не прибили, принуждены мы были спасаться бѣгствомъ. Для которой причины я и сего дня выѣхать на межу опасуюсь, а повѣреннаго на сей часъ не имѣю, и для того не поставлено-бъ мнѣ было въ вину, что я не явлюсь на межу».

Вотъ какого содержанія была сія бумажка. Легко можно разсудить, что это былъ формальной протести, или сущій ѡселъ на господина землемѣра, которой могъ бы его погубить, еслибы онъ его принялъ. Но я зналъ, что онъ его не приметъ и не для того и дѣлалъ сіе, чтобъ погубить сего бѣдняка; а мнѣ хотѣлось его только пострадать немножко и имъ поиграть. Короче, мнѣ хотѣлось отыграть имъ вчерашнюю шутку.

Объявленіе мое тотчасъ было переписано другою рукою и тотчасъ подписано господиномъ Сабуровымъ и втерто въ руки солдату. «Потѣжай, голубчикъ! сказали ему всѣ:—и отдай сію бумажку господину землемѣру». Отпустя его, послали мы тотчасъ шпіона смотрѣть и примѣчать, что будетъ и что произведетъ сія бумажка, и стали сами дожидаться послѣдствія.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, межевщикъ, стоя на межѣ, нетерпѣливо дожидался г. С а б у р о в а, ибо безъ него ему итти далѣе было не можно. Причиною тому было то, что Черной, испужавшись сдѣлавшейся ссоры и рассказавшись, что онъ, послушавъ Пашкова, впелся въ споръ и назвалъ Сабурову землю своею, не хотѣлъ вести далѣе, но вышелъ на находящуюся по конецъ Становаго-Липяга дорожку, отказался и сказалъ, что теперь земля его кончилась, и какаа пришла—онъ не знаетъ, и уѣхалъ, а остался одинъ Рыбинъ; Рыбинъ же говорилъ, что начинается влѣвъ земля г. Сабурова. Итакъ, надобенъ былъ Сабуровъ; почему и ждалъ онъ съ нетерпѣливостью солдата и твердилъ, что г. Сабуровъ, конечно, на него разсердился, что не ѣдетъ.

Но въ какой ужасъ и смятеніе приве-

день онъ былъ, какъ солдатъ, приѣхавши, подалъ ему объявленіе. Онъ, прочитавъ оное и видя бѣду, надъ собою висящую, взбѣленился, вспрыгнулъ и, опрокинувшись на солдата, завопилъ: «Проклятой человѣкъ! на что ты это принимаешь?.. на что бралъ?.. что ты теперь сдѣлалъ?.. какихъ бѣдъ начудилъ?» — «Какъ мнѣ, сударь, не принять?» отвѣтствовалъ солдатъ: «Мнѣ дали и сказали, что это репортъ, и что я того словами пересказать не могу». — «Дьяволъ тебя побери, закричалъ опять межевщикъ: — и съ бумагою-то сею! Вѣдалъ бы ты какая бѣда тутъ написана! Съ больной-ста головы взворащиваютъ на здоровую! Я хотѣлъ имъ всѣмъ и Пашкову-то съ ними кланяться! и воленъ Богъ, да они, а мнѣ животъ мой дороже. Подавай, подавай скорѣй подводу! Поѣзжай, поѣзжай, проклятой человѣкъ, опять! Брось имъ эту окаянную бумагу! пропади она, проклятая! Возьми съ собою понятихъ и какъ можно отдавай и назадъ не привози, прахъ ее побери!.. Экая бѣда! Экая бѣда! Вотъ какова шутка-ка!»

Прогнавъ солдата обратно, опрокинувшись онъ на Рыбина. «Ну, Василій Еремичъ, сказалъ онъ ему: — хороши вы съ бояриномъ-та! Сами попали въ петлю, да и меня туда же тащатъ!.. Что вы теперь надѣлали? Куда ты меня теперь поведешь?.. Не знаешь-ли, что я теперь въ пень совсѣмъ сталъ. И мнѣ съ мѣста итти не можно?.. Кланяюсь я вамъ! Спасибо, спасибо!» и такъ далѣе.

Между тѣмъ дожидались мы, что будетъ и нетерпѣливо хотѣли слышать, что скажетъ и съ чѣмъ приѣхалъ опять солдатъ. Однако, я опять не разсудилъ за благо показываться, но слушалъ изъ другого покоя. Онъ, приѣхавши, сталъ назадъ отдавать объявленіе; но какъ тѣ, по наученію моему, не хотѣли принимать, то, не говоря ни слова, положилъ онъ бумагу на стуло. Тѣ хотѣли-было втереть ее опять ему въ руки, но онъ пятился отъ ней, какъ отъ огня и твердилъ только: «Нѣтъ, нѣтъ, милостивые государи, на мнѣ голова-то одна! Не беру, не беру, воля ваша, какъ хотите! Самъ господинъ

землемѣръ ее, какъ огня, боится, воля ваша!» — Тогда велѣлъ я имъ присланнымъ понятымъ заявить, что они посылали такое-то и такое-то объявленіе и оно не принято, а они на межу сами ѣхать боются.

Съ снмъ отпустили мы солдата, довольствуясь тѣмъ, что напугали землемѣра. Сей бѣднякъ, недождавшись никого, не зная, что дѣлать. Пошелъ-бы онъ далѣе, но нельзя было: никто не сказывалъ, какая земля впереди, всѣ отпирались, а другіе прямо говорили: «Вить намъ, сударь, сказано, что государева, чего вамъ больше?» А какъ самое сіе связало межевщика такъ, что онъ не могъ ни назадъ, ни впередъ итти, то принужденъ онъ былъ стоять тутъ отъ утра до вечера и галанить, и все сіе время проводилъ въ ругательствахъ и напускахъ на Рыбина — за то, что онъ завелъ его въ сущій лабиринтъ, изъ котораго не зная онъ какъ и выдраться.

Между тѣмъ, находился я въ Лукинѣ и праздновалъ у господина Масалова, а потомъ поѣхали въ гости къ господину Давыдову и тамъ сидѣли и дожидались почти до сумерокъ въ ожиданіи съ межи новыхъ вѣстей. Наконецъ, приѣхали къ намъ понятые съ извѣстіемъ, что межевщикъ, не добившись ни отъ кого о землѣ толку, иждавшись до вечера, не зная что дѣлать, принужденъ былъ распустить понятыхъ до понедѣльника и велѣлъ имъ привозить съ собою старожилъ, вознамѣриваясь межевать уже съ посторонними; но я смѣялся тому, вѣдая, что это вздоръ и пустое.

Симъ образомъ кончилась сія комедія, и тогда всѣ наши узнали сколь важна была моя бумажка, стали ее беречь, какъ невѣдомо какую хартію, и дивились тому, какое произвела она великое дѣйствіе и какъ въ состояніи была остановить въ одинъ мигъ межевщика. Тогда начались вновь мнѣ благодаренія и похвалы, а потомъ стали всѣ разѣзжаться по домамъ. Я не зная гдѣ мнѣ ночевать, ибо домъ ѣхать было уже поздно: г. Сабуровъ тащилъ меня къ себѣ, а г. Да-

выдовъ просилъ, чтобъ я ему сдѣлалъ одолженіе и почевалъ у него. Долго о семъ продолжался споръ, но я, судя, что мнѣ покойнѣе будетъ у Давыдова, остался у него почевать.

Въ послѣдующій день, чтò было въ субботу, вставши рано, заѣхалъ я къ Сабурову и спѣшилъ ѣхать домой, ибо дѣлать мнѣ было болѣе нечего. Но г. Сабуровъ не отпустилъ меня необѣдавшего и тѣмъ паче, что послѣ обѣда хотѣлъ вмѣстѣ со мною и самъ ѣхать въ наши края и въ настоящій свой домъ, въ Калиновку. Итакъ, пообѣдавши, возвратились мы въ свои деревни и я въ свою мурью, гдѣ достальное время проводилъ въ своихъ домашнихъ дѣлахъ и вкушъ въ удовольствіи, что удалось мнѣ услужить своему другу и успокоить его духъ, растревоженный было такъ сильно господномъ Пашковымъ.

Какъ въ наставшій за симъ воскресной день случился вкушъ и праздникъ Рождества Богородицы, то поѣхалъ я къ обѣдни въ приходскую свою церковь село Трескино. Тутъ нашелъ я превеликое собраніе господъ и между прочимъ незнакомаго мнѣ человѣка, Федора Васильевича Соймонова. Г. Сабуровъ былъ тутъ же и звалъ меня къ себѣ обѣдать, куда и господинъ Соймоновъ поѣхалъ. Легко можно заключить, что какъ въ церкви, такъ и тутъ ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о Лукинскомъ происшествіи, ибо слухъ о томъ и о славномъ отемѣяніи Пашкову за его озорничество и наглость чрезъ произведенную въ межеванѣ разстройку и остановку разнесся уже повсюду.

Послѣ обѣда былъ у насъ съ г. Сабуровымъ совѣтъ о его межеванѣ. Намъ хотѣлось очень знать, что происходитъ на хуторѣ у Пашкова. Но какъ, кого, и зачѣмъ туда послать? Это была для насъ коммисія, и мы долго о томъ думали и размышляли. Наконецъ, вздумалъ я отправить туда своего прикащика, подъ тѣмъ видомъ, будто я, ничего о происходившемъ не зная, послалъ осведомиться, гдѣ межа кончилась и когда начнутъ опять межевать, и

сіе тотчасъ было и сдѣлано. Но сего посланнаго принуждены мы были дожидаться назадъ до самой полуночи, и я опасался уже, чтобы его тамъ не прибили. Наконецъ, онъ приѣхалъ и привезъ извѣстіе, что онъ и межевщика, и самого Пашкова видѣлъ, но что ему ни того, ни сего не сказали; что оба они находятся въ превеликомъ сумракѣ и крайне невеселы; что Пашковъ спрашивалъ его многоли захвачено моихъ собственныхъ пашенъ и далеко ли онѣ? что велѣлъ тотчасъ подать себѣ дрожки и куда-то поѣхалъ; а межевщикъ только сказалъ, что межа тамъ остановилась, гдѣ остановилась, и что онъ завтра межевать станетъ.

Сіе извѣстіе побудило г. Сабурова въ тотъ же еще день ѣхать опять въ свое Лукино и просить и меня, чтобъ и я поутру приѣхалъ опять туда же къ нему, и выѣхалъ на межу, чтобъ помочь повѣренному его записать порядочнѣе споръ; ибо я разсудилъ за благо присовѣтовать ему повѣренныхъ выслать и велѣть только о государевой землѣ заспорить такимъ образомъ, какъ мы заспорили, и я принужденъ былъ дать просьбѣ моего друга себя убѣдить и на то согласиться.

Такимъ образомъ, переночевавъ дома, отправился я въ послѣдующій день, поутру какъ свѣтъ, въ Лукино, чтобъ присутствовать при спорѣ или паче, чтобъ быть оному инструментомъ. Г. Сабуровъ меня уже дожидался, и у него было уже собраніе. Господа Давыдовъ, Масаловъ и Мордвиновъ были уже тутъ и хотѣли со мною ѣхать. Мы тотчасъ отправились на межу, покинувъ г. Сабурова, какъ приглашеннаго, дома. Однако на межѣ еще никого не было, кромѣ одного солдата и сбиравшихся понятыхъ. Всѣ ждали съ часу на часъ межевщика, однако пришествія его еще не было. Мы прождали по пустому до половины дня и прозябли. Я склонилъ тогда товарищей моихъ ѣхать обѣдать и обогрѣваться къ г. Сабурову; а чтобъ намъ не прозѣвать межевщика, то разставили мы верховую почту въ виду другъ у друга, дабы въ одинъ мигъ могло до насъ долетѣть

извѣстіе. Г. Сабуровъ насъ уже дожидался съ приготовленнымъ обѣдомъ. Тутъ услышалъ я, что ко мнѣ въ деревню послалъ г. Пашковъ людей звать меня къ себѣ. «О, о! думалъ я тогда, дошла и до меня надобность! Но пускай, говорю, поѣзжать, благо меня теперь дома нѣтъ; что я у него позабылъ, чтобы мнѣ къ нему ѣхать?»

Пообѣдавши у г. Сабурова, выѣхали мы опять въ поле; но межевщика все еще не было. Мы ждать часъ, ждать другой, но межевщика нѣтъ и не показывается. А бѣднякъ, узнавъ, что я тутъ, и вѣдая уже, каковъ я, такъ смутился, что не смѣлъ уже и глазъ показывать, и совсѣмъ ѣхать раздумалъ, а мы, между тѣмъ, дрогги да дрогги. День случился быть тогда вѣтренной и холодной; впрахъ всѣ перезаблѣли и наконецъ дошло до того, что мы принуждены были велѣть раскласть огонь и около его грѣться. Это была первая нужда да и послѣдняя! Долго не могли мы никого дожидаться. Наконецъ, увидѣли мы ѣдущаго къ себѣ верхомъ Пашкова лакея. Онъ присланъ былъ ко мнѣ звать меня къ нему на хуторъ. «О, о! думалъ я:—экъ ихъ тамъ прониимаетъ, и вотъ какъ вознадобился имъ и Андрей Тимоѣевичъ! и теперь батюшка, такой-сякой, пожалуйте». Совсѣмъ тѣмъ смутился я тогда и не зналъ, что дѣлать: ѣхать мнѣ къ нему и хотѣлось, и не хотѣлось. Однако положилъ поупрямиться и отсмѣять ему шутку, а потому и сказалъ слугѣ: «Кланяйся, мой другъ, Петру Егоровичу и скажи, что я къ нему ѣхать опасуюсь. Я слышалъ, что онъ будучи и на межѣ людей было-переколотъ и перебитъ хотѣлъ, а сверхъ того всѣхъ насъ ругалъ всѣми ругательствами, такъ къ нему ѣхать и подавно мнѣ опасно. Тамъ вѣрно онъ прибить можетъ, да и суда не найдешь, и тѣмъ паче, что я ему можетъ быть болѣе всѣхъ надосадила. Нечего мнѣ у него дѣлать». Съ симъ отвѣтомъ поскакалъ слуга, какъ не солоно хлѣбавъ, и повезъ къ нему носъ въ четверти въ три за то, что онъ надъ нами изволилъ тѣшиться.

По отъѣздѣ его и услышавъ, что въ тотъ день межеванья не будетъ, не стали мы долѣе медлить, но поѣхали ночевать къ г. Сабурову. Я остался у него, а товарищъ мой г. Тараковской, приѣзжавшій въ Лукино вмѣстѣ со мною для компаніи, поѣхалъ къ г. Давыдову.

Не успѣли мы обогрѣться, какъ сказываютъ намъ, что приѣхалъ Рыбинъ отъ Пашкова ко мнѣ. «Во, во, во! воскликнулъ я.—Экъ ихъ тамъ и уже не путнымъ мастерствомъ прониимаетъ. Видно, что и очень-очень оказалась нуждица въ Андрѣѣ Тимоѣевичѣ! Посылай-ка его! За чѣмъ такимъ». Рыбинъ вошелъ и съ прелезною униженностью сталъ мнѣ кланяться отъ Пашкова и просить, чтобы я къ нему завтра приѣхалъ и пожаловалъ помирить его съ г. Сабуровымъ, сказывая притомъ, что господинъ его отдаетъ все на мою волю, и какъ я велю, такъ и сдѣлаетъ, только-бъ сдѣлалъ одолженіе и къ нему приѣхалъ; и увѣрялъ при томъ именемъ его, что онъ никогда меня не бранивалъ и никакъ не помышлялъ оскорбить имени моего, и такъ далѣе.

Мило мнѣ и пріятно было, что довелъ я Пашкова до такого униженія. И какъ мнѣ самому хотѣлось Сабурова съ нимъ, буде можно, помирить, да и г. Сабуровъ былъ къ тому согласенъ, у котораго все еще его Становой-Линія не выходилъ изъ головы, и онъ все еще льстилъ поприбрать его къ себѣ въ руки; то переговоривъ и посовѣтовавъ съ нимъ, и далъ я слово, что въ послѣдующій день къ нему буду, не преминувъ однако погонять и потазать Рыбина гораздо и гораздо за бездѣльнической поступокъ его съ господиномъ Сабуровымъ и сказать, что такъ добрые люди не дѣлаютъ, и задалъ ему изрядную потовую.

Теперь извините меня, что я перерву повѣствованіе мое опять въ любопытномъ для васъ мѣстѣ. Причиною тому то, что письмо мое превзошло уже и такъ свои предѣлы, а исторія свиданія моего съ Пашковымъ не такъ коротка, чтобы ее на двухъ словахъ переска-

зять было можно. Итакъ, пресѣкая сіе письмо, скажу вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Декабря 24 дня 1808 года).

Письмо 168-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ въ послѣдующій день надлежало мнѣ ѣхать въ гости къ нашему общему сопернику и неприятелю, г. Пашкову, и представлять собою нѣкоторымъ образомъ видъ посла, отправляющагося на мирный конгрессъ или переговоры. Какъ послы въ такихъ случаяхъ ѣздить обыкновенно съ возможнымъ великолѣпіемъ, то вхождствіе того помышлялъ и я о подобномъ тому, и чтобъ мнѣ было не стыдно показаться къ высокому Пашкову, и для того старался г. Сабуровъ собрать меня въ сей путь какъ можно лучше. Онъ снарядилъ свою карету цукомъ и съ двумя верховыми, а равнобѣрно убралися и я, какъ можно лучше. Трое людей стояло у меня на запяткахъ; однимъ словомъ не упущено было ничего, чѣмъ только можно было придать болѣе осанки и важнаго вида.

Неуспѣлъ я выѣхать и доѣхать до Станового-Липяга, какъ повстрѣчалась со мною межевая команда съ инструментомъ, подъячимъ и ученикомъ. «Куда это?» спросилъ я «Внутреннюю-де ситуацію снимать», отвѣчали мнѣ. «Съ Богомъ, съ Богомъ!» сказалъ я, и поѣхалъ далѣе. Подѣзжая къ хутору, увидѣлъ я превеликой зеленой шатеръ, окруженной сдѣланнымъ изъ сѣна высокимъ валомъ, и стоящій какъ бы посреди сѣяного редута и крѣпостцы. Въ семъ шатрѣ имѣлъ г. Пашковъ свое пребываніе. Однако тогда я его тутъ не засталъ, а сказали мнѣ, что онъ находится въ избѣ, куда, не долго думая, и велѣлъ я своей каретѣ ѣхать.

Было тогда хотя очень уже не рано, но я нашелъ тамъ господина Пашкова еще умывающагося изъ серебра и на серебрѣ. «Изрядная политика, думалъ я самъ въ себѣ,—это для того, чтобы оказать свою пышность и высокоуменіе, и

меня не встрѣтить. Но хорошо, мой другъ, думалъ я далѣе:—что-то далѣе будетъ, а это мы тебѣ простимъ.» Посадивъ меня, продолжалъ онъ при мнѣ колиться и умываться. Гдѣ-то умылся, гдѣ-то вытерся, гдѣ-то плѣшь свою пудрою насыпалъ. Между тѣмъ временемъ прошло болѣе часа, въ продолженіе котораго были у насъ съ нимъ прямо министерскіе разговоры, все о постороннемъ. Онъ выражалъ все, какъ ему тутъ жить безпокойно, какъ нигдѣ; какъ женѣ его нельзя войти въ избу для множества обитающихъ въ ней лягушекъ, которыхъ она боится; какъ надоѣла ему стужа, и такъ далѣе. А я подтакивалъ ему только и, смѣючись, дивился для чего онъ тутъ дома не строитъ, и соотвѣтствовалъ всѣмъ его словамъ, какъ надлежало. Видитъ онъ, что я не олухъ, а самъ о себѣ, и началъ мало-по-малу обходиться со мною вѣжливей и учтивѣе и извиняться, что онъ меня никогда не бранивалъ и ни однимъ словомъ не оскорблялъ заочно, и такъ далѣе. «Вотъ такъ-то, думалъ я: — поскладывай-ка спѣсь свою Пашковскую и говори по-лучше». И тогда отвѣтствовалъ я ему на извиненія его героическимъ духомъ и какъ надлежало, и учтивымъ образомъ вставлялъ ему изрядныя очки за его пышность, высокоуменіе и презираніе всѣхъ насъ, и довелъ до того, что онъ мало-по-малу уже передо мною и пашевать началъ.

Въ сіе время подошелъ къ намъ межевщикъ и еще родственникъ его, г. Лихаревъ, Александръ Венедиктовичъ, нашъ каширской помѣщикъ. Сей, какъ мой землякъ, тотчасъ свелъ со мною знакомство и обошелся изрядно, а наконецъ приумножилъ наше сборище и г. Рыбинъ, какъ главная и весьма важная тутъ особа, ибо я примѣчалъ уже, что онъ былъ всѣхъ ихъ умнѣе, и болѣе всѣхъ дѣло смыслилъ. И тогда дошелъ у насъ скоро разговоръ до нашего дѣла.

Но сколь удивленіе мое было велико, когда я услышалъ, что г. Пашковъ

старался болѣе преклонить меня къ тому, чтобъ помирился съ нимъ я по нашему дѣлу, а о Сабуровѣ почти ни слова, которое однакъ мнѣ нужнѣй было своего. Долго у насъ съ нимъ продолжался разговоръ, и было бы слишкомъ пространно, еслибъ весь его описывать. Мы говорили, кричали, спорили, ладили, разлаживали, упрекали другъ друга, толковали инструкцію, старались одинъ другого вывести изъ ума и тому, подобное, но наконецъ вылилось не на чемъ; ибо я, примѣтивъ, что у него и на умѣ не было съ Сабуровымъ мириться и, по предположенію моему, выкидывать бѣлые безъ согласія его поставленные столбы, сталъ всеми образами стараться породить ему пѣшки объ опасностяхъ, въ какія зашелъ онъ своимъ межеваньемъ, и довель его до того, что онъ впалъ въ великое сомнѣніе и того болѣе сталъ усиливаться и убѣждать меня просьбою, чтобы я съ нимъ развелся. «Для чего не развестись, я всемъ сердцемъ готовъ, говорю ему:—но одинъ ли я? Много владѣльцевъ».—«Нѣтъ, нѣтъ, отъ одного тебя зависить», говорилъ онъ. А я говорю: «Никакъ, а мнѣ надобно со всеми согласиться и имѣть къ тому время». Однимъ словомъ, какъ этотъ пунктъ былъ очень нѣжной и по существу своему крайне важной, то и отдѣлался я отъ него тѣмъ, что увѣрялъ его, что я усердно хочу помириться и буду склонять своихъ сосѣдей. «Мы напередъ, говорилъ я ему:—поѣздимъ и посмотримъ, покуда намъ взять, а между тѣмъ положилъ бы межевщикъ на планъ обойденное уже мѣсто».

Симъ образомъ отвалилъ я отъ себя сіе щекотливое дѣло и сократилъ разговоръ объ немъ колико можно, желая выиграть время для миротворенія его съ Сабуровымъ. Мнѣ неотмѣнно хотѣлось, чтобъ напередъ онъ съ нимъ либо помирился, либо пошелъ далѣе межевать; а ему хотѣлось, не окончивъ тутъ, помириться напередъ съ нами, слѣдовательно насъ обмануть бы и провести за носъ. Однако не на такого соперника онъ началъ, а

имѣлъ дѣло съ нимъ такой, которой могъ проникнуть въ дальновидность его коварныхъ замысловъ и отъ нихъ остеречся; но паче самъ его до того довель, что онъ дѣйствительно повѣрилъ, что я хочу съ нимъ помириться, хотя въ самомъ дѣлѣ мнѣ и на умъ того не приходило; да и какъ можно было помышлять о томъ по объявленіи столь торжественнымъ образомъ всей степени государевою; и лзя ли было имѣть дѣло съ такою алчною, ненасытною, корыстолюбивою и бездѣльническую душу имѣющею особою, каковъ былъ г. Пашковъ и какимъ себя оказалъ въявь при послѣднемъ случаѣ съ Сабуровымъ. Итакъ, условились мы съ нимъ, чтобъ дать мнѣ дни на четыре, то-есть до понедѣльника, время согласиться со своими сосѣдами, а межевщикъ до тѣхъ поръ не межевалъ бы, а тогда бы дать ему о нашемъ намѣреніи знать, хотя въ самомъ дѣлѣ на умѣ у меня было совсѣмъ не то; а мнѣ хотѣлось выиграть сіе время, чтобы успѣть намъ съ сосѣдами объѣздить и осмотрѣть мѣста и согласиться между собою, гдѣ отводить намъ свой отводъ, или показать предѣлы казенной земли, ибо я навѣрное полагалъ, что скоро до того дойдетъ дѣло.

Но какъ бы то ни было, но г. Пашковъ, льстясь сею лестною для алчности своей надеждою, сталъ съ сего времени обходиться со мною очень ласково. Я хотѣлъ-было ѣхать, видя, что приѣзды мой былъ тщетной, но онъ меня не отпустилъ, а зазвалъ къ себѣ въ шатерь. Тутъ увидѣлъ я его жену, которая показалась мнѣ боярыней изрядною. Тамъ посидѣвъ, сталъ-было я опять домой ѣхать подниматься, но онъ не отпустилъ, а просилъ, чтобъ я у него отобѣдалъ. Обѣдъ былъ для меня нарядной, сервизъ серебряной и музыка. «Добро! думалъ я:—всѣмъ симъ ты меня не убавишь, и какъ ты ни ласкайся, какъ ни говори, что со мною горы брилліантовъ дѣлать готовъ, однако всему тому не повѣрю и въ обманъ тебѣ истинно не дамъ». За обѣдомъ говорено было и смѣшное, и шу-

точное, и мы обходились съ нимъ не какъ соперники, а какъ бы давно знакомые пріятели; чѣмъ бы мы можетъ быть съ нимъ и былъ, еслибъ не связалъ насъ споръ и межеванье, ибо я прикраился бы скоро къ его характеру.

Между прочимъ, достопамятенъ былъ одинъ случай: какъ ѣли мы жаркое и я взялъ кусокъ баранины, то извинялся онъ, что бараны нехороши, и шуткою будто сказалъ, что я и тѣхъ его лишить хочу. «Богъ знаетъ! подхватилъ я того момента, схватя въ руки ломоть чернаго хлѣба: — ни то я васъ барановъ, ни то вы сего насущнаго хлѣба насъ лишить хотите! Объ этомъ надобно судить кому-нибудь иному, а не намъ съ вами». Слѣдовательно, каково отъ него кликнулось, таково отъ меня и отозвалось. Въ другой разъ подлетѣлъ-было онъ ко мнѣ послѣ обѣда съ такою же шуткою, и именно: какъ мы встали изъ-за стола, то сказалъ онъ: «Вотъ такъ-то мы теперь Андрея Тимоѣевича накормили и напоили, и наша хлѣбъ-соль его не попуститъ!» — «Милости прошу пожаловать ко мнѣ: — подхватилъ я въ ту-жъ минуту: я человѣкъ хотя заѣзжій, но право два раза васъ накормить и напоить буду въ состояніи, и тѣмъ взаимнымъ образомъ отплатить сію хлѣбъ-соль».

Наконецъ, надобно было намъ разстаться. При окончаніи сего свиданія нашего заведъ я опять рѣчь о Сабуровѣ, но онъ опять то же, и какъ я сталъ далѣе говорить, то онъ вспыхнулъ. Досадно мнѣ невѣдомо какъ было, что онъ, будучи кругомъ виноватъ, да еще и пыхаетъ. Но какъ я не затѣмъ приѣхалъ, чтобъ браниться, то не хотѣлъ его дразнить, и потому всякой разъ, какъ онъ вспыхнетъ, я тотчасъ съ водою и опять сіе поломаю погашу, а немного погода опять подожгу. Онъ опять вспыхнетъ, но я опять потушу. Итакъ, поигравъ-поигравъ имъ, разстался я съ нимъ, сдѣлавъ видъ будто расстаюсь съ великимъ неудовольствиемъ, и поѣхалъ къ Сабурову.

Тутъ дожидались меня всѣ, какъ города, но я привезъ имъ худое извѣстіе,
приложеніе къ «русской старинѣ» 1872 г.

а именно: что на миръ съ Пашковымъ имъ надѣяться нечего; что онаго у него и на умѣ нѣтъ; что старается онъ только провести и обмануть; что удвоили бы они теперь свою осторожность и готовились бы дѣлать новой и порядочной споръ о государевой землѣ, подлѣ которой межа остановилась, и такъ далѣе. Симъ встревожилъ я ихъ всѣхъ. Тотчасъ учиненъ былъ у нихъ совѣтъ, наняты повѣренныя, учреждены форпосты и поставлены караулы. А я, распрощавшись съ г. Сабуровымъ, поѣхалъ домой въ свою Болотовку, и тѣмъ кончился сей день.

Въ послѣдующій день дописалъ я челобитную, какую бы подать г. Сабурову въ городъ, а потомъ хотѣлось мнѣ повидаться съ господами Соймоновыми и рассказать имъ всѣ бывшія произшествія и о ѣздѣ своей къ Пашкову. Они прислали за мною дрожки, и я поѣхалъ къ нимъ обѣдать. Будучи мнѣ очень рады, продержали они меня у себя весь день, и посмѣялись вмѣстѣ со мною нашему старику г. Свитину, которой въ сей день надсадилъ насъ со смѣху, приславъ ко мнѣ такое письмо, которое я не могъ читать, не хохотавъ до слезъ. Впрочемъ, при свиданіи семъ съ господами Соймоновыми согласились мы, чтобъ на сихъ дняхъ, пользуясь свободнымъ временемъ, ѣхать намъ вмѣстѣ для осмотра мѣстъ, гдѣ намъ свой отводъ вести. Также говорили, что не худо бы намъ повидаться съ своимъ межевщикомъ Нестеровымъ и освѣдомиться, когда онъ насъ и какимъ образомъ межевать станетъ. Мы хотѣли-было въ степь на другой же день ѣхать, но отложили потому, что г. Дуровъ случился быть имянинникомъ и всѣхъ насъ звалъ къ себѣ въ гости.

Такимъ образомъ, отправивъ 12-го числа прикащика въ степь для измѣренія шагами нѣкоторыхъ нужныхъ для меня мѣстъ, поѣхалъ я праздновать къ г. Дурову. Между тѣмъ присылалъ ко мнѣ Сабуровъ съ извѣстіемъ, что у нихъ межеванья нѣтъ, что межевщикъ уѣхалъ съ Пашковымъ въ гости къ Сухотину,

и что самъ онъ вздумалъ, пользуясь симъ случаемъ, съѣздить въ Новохоперскую крѣпость къ опекунскимъ межевщикамъ, и стараться взять находящуюся подлѣ Лукина государеву землю себѣ въ оброкъ, и спрашивалъ у меня совѣта и дозволенія. Я дозволилъ ему туда отлучиться; но не успѣлъ къ г. Дурову приѣхать, какъ гляжу и г. Сабуровъ за нами на дворъ, приѣхавшій съ нами лично поговорить и посовѣтовать.хлопоты и суеты сего попечительнаго человѣка такъ изнурили, что онъ даже похудѣлъ, и его почти узнать не было возможности. Мы совѣтовали, что не худо ему съѣздить, и проводили съ Богомъ, а сами положили также непремѣнно въ слѣдующій день ѣхать въ степь, чего ради, возвратившись домой, посылали кой-куда за повѣренными и велѣли какъ свѣтъ съѣзжаться ко мнѣ.

Такимъ образомъ, 13-го сентября имѣли мы сіе путешествіе. Господа: Соймоновъ, Дуровъ, Бѣляевъ, Свитинъ, и Тараковский приѣхали ко мнѣ и отъ меня поѣхали въ степь. Проѣздили весь день и натыкали по стогамъ тычки, по которымъ бы намъ вести свой отводъ, когда велѣтъ намъ отводить казенную землю. Около обѣда наѣхали мы Пашковыхъ людей съ межевымъ, подъячимъ и командою, снимающихъ внутреннюю ситуацію съ вершинки. Они, увидѣвъ насъ цѣлую толпу, испугались, чтобъ мы не отбили у нихъ астроябинъ, чего у насъ не было и на умѣ, и ударились въ бѣгство. Проѣздивъ за симъ до самой ночи, возвратились мы домой. Между тѣмъ возвратился посланной отъ меня къ межевщику Нестерову, обмежевывающему въ тамошнихъ окрестностяхъ всѣ государственныя земли, и привезъ извѣстіе, что онъ находится не слишкомъ далеко и велѣлъ мнѣ приѣзжать къ нему на тѣхъ дняхъ. Итакъ, положилъ я на утрѣ къ нему и ѣхать.

Отправившись въ сей путь, разсудилось мнѣ заѣхать къ г. Масалову въ его настоящій домъ, мимо котораго почти мнѣ ѣхать надлежало. Онъ былъ мнѣ

очень радъ, не отпустилъ безъ обѣда и далъ въ проводники своего сына, чѣмъ я былъ весьма доволенъ. Съ симъ сотоварищемъ приѣхали мы уже подъ вечеръ къ Якову Николаевичу Нестерову. Сей человѣкъ, будучи мнѣ уже знакомымъ, принялъ меня и угостилъ дружески, и мы проговорили съ нимъ до полуночи. Я разсказалъ ему обо всемъ нашемъ межеваніи и происшествіяхъ; и онъ всѣ мои поступки не только одобрилъ, но и расхвалилъ въ прахъ, говоря, что теперь пропалъ Пашковъ, и что ему нѣтъ никакого уже спасенія. Впрочемъ, на вопросъ о нашихъ земляхъ сказалъ, что онъ къ намъ межевать не скоро еще будетъ, да безъ особаго указа и не поидетъ. А когда и придетъ, такъ межевать будетъ по нашему отводу казенную землю, а не по душамъ; во внутренность же нашу входить не будетъ ему никакой надобности и онъ не можетъ; итакъ, были-бы мы только сами умны и отводили-бы такъ, чтобъ въ нашей дачѣ не болѣе было, какъ по 15-ти десятинъ на душу.

Переговора обо всемъ, что было надобно, и ночевавъ у него, поутру на другой день отправились мы домой. Я принужденъ былъ заѣхать опять къ Масалову, и поспѣли къ нему къ обѣду, которой не менѣе былъ мнѣ радъ, какъ и наканунѣ. Отобѣдавъ, поѣхалъ я домой и находился въ размышленіи, не зная, что съ нашимъ межеваніемъ воспослѣдуетъ далѣе, чѣмъ оно кончится и гдѣ начнетъ межевщикъ тогда межевать.

По приближеніи къ нашимъ поселкамъ, и поровняясъ противъ двора г. Сабурова, нашелъ я человѣка меня уже ожидающагося. Онъ звалъ меня къ госпожѣ Сабуровой въ гости, и я, заѣхавъ, услышалъ странное, а именно: что г. Пашковъ безъ меня на хуторъ возвратился и присылалъ ко мнѣ своего Рыбина, которой двое сутокъ меня повсюду ищетъ и не находя мечется по всѣмъ селеніямъ, какъ угорѣлая кошка. «Что я имъ такъ вознадобился? спросилъ я». — «Не знаю, отвѣчала г-жа Сабурова: — только мы всѣ сказали объ васъ, что не знаемъ:

гдѣ вы находитесь; иной сказывалъ ему, что вы поѣхали къ обѣдни, другой увѣрялъ, что вы въ ту, а третій въ иную деревню поѣхали; итакъ, онъ оба сѣ дни васъ искалъ и не находилъ. Былъ у меня и спрашивалъ о Иванѣ Яковлевичѣ. Я сказала, что онъ поѣхалъ въ гости». — «О, о! удивляясь всему тому, воскликнулъ я: вотъ какъ ихъ тамъ понимаетъ! прислали и сюда уже! Такого-то мы ихъ проучили!»

Услышавъ все сіе, спѣшилъ я скорѣе домой, чтобъ болѣе о семъ разспросить моего прикащика. Но не успѣлъ поровняться противъ двора г. Тараковскаго, какъ сей мой сосѣдъ бѣжить ко мнѣ къ коляскѣ. — «Что, батюшка! кричитъ онъ мнѣ: — у меня сей только часъ межевщикъ былъ, ищетъ вездѣ васъ и не найдеть, поѣхалъ теперь къ Соймонову». Сіе меня еще болѣе удивило, и я, захотавъ, сказалъ: «Не путемъ видно уже ихъ понимаетъ, что, не удовольствуясь присылкою повѣреннаго, уже и самого межевщика ко мнѣ протурили. Знать, что прямо нужда до меня; но какъ же быть мнѣ? Не пожалуешь-ли ты, братецъ, мнѣ верховой лошади, такъ бы я коляску отпустилъ домой, а самъ въ сію же минуту заѣхалъ къ Соймонову и тамъ послушалъ, что за причина и зачѣмъ такимъ присланъ межевщикъ къ намъ». — «Изволь, изволь, батюшка!» сказалъ г. Тараковской и людямъ своимъ закричалъ: «подавайте скорѣй и сѣдлайте лошадей!» Вмигъ одинъ все это посѣло, и я, отпустивъ коляску домой, поскакалъ самъ къ Соймонову, несмотря, что были тогда уже сумерки.

Прискакавъ туда, и не заставъ межевщика, спрашиваю, гдѣ онъ? «Къ вамъ-де поѣхалъ, а здѣсь только повернулся и ничего почти не говорилъ; сердитъ что-то и сумраченъ и спросилъ только объ васъ. Мы сказали, что вы ѣздите все уговариваете дворянъ къ миру и поѣхали въ Курдюки. Что дѣлать, солгали на васъ». — «Экая бѣда! сказалъ я: — я сюда, а онъ ко мнѣ; да какъ же я не повстрѣчался съ нимъ?» Нечего было долѣе мнѣ

тутъ медлить, ну-ка я опять назадъ и спѣшить домой. Но на дорогѣ услышалъ, что онъ поѣхалъ къ г. Сабурову, и удивился, что онъ туда поѣхалъ, вѣдая, что дома одна только жена. Однако, не разсудилъ вслѣдъ за нимъ ѣхать, потому что была уже ночь, а поѣхалъ домой.

По приѣздѣ моемъ, сказывалъ мнѣ прикащикъ, что Рыбинъ приѣзжалъ неоднократно безъ меня и ему не давалъ покоя. Все уговаривалъ, чтобъ мы помирились и именемъ господина своего сулили одному мнѣ 2000 десятинъ земли, если я отстану отъ прочихъ и съ нимъ помирюсь. Странное предложеніе! Не думалъ ли онъ и во мнѣ найти такого же легковѣрнаго, такъ сказать, олуха, каковымъ по простодушію своему сдѣлался г. Сабуровъ на межѣ, повѣривъ словамъ сего бездѣльника, или не сочелъ ли и меня такимъ же бездѣльникомъ, каковъ былъ самъ онъ, г. Пашковъ? Но я доволенъ былъ прикащикомъ моимъ, что онъ ему сказалъ, что я никогда мошенникомъ не бывалъ и бездѣльникомъ не захочу ни для чего на свѣтѣ сдѣлаться.

Не успѣлъ я раздѣться, какъ гляжу скачетъ ко мнѣ человѣкъ отъ г-жи Сабуровой. — «Батюшка, не оставь въ нуждѣ, и приѣзжай защищать отъ межевщика! Приѣхалъ межевщикъ и боярыня не знаетъ, что съ нимъ дѣлать и говорить». Нечего было дѣлать, принужденъ былъ одѣваться и ѣхать въ Калиновку, хотя была тогда уже глухая ночь. Прискакавши туда на присланныхъ лошадяхъ, нашелъ я г-жу Сабурову въ разговорахъ съ межевщикомъ. Была она боярыня разумная и не уступала межевщику ни на волосъ, и сама, какъ надобно, защищала честь мужа своего и упрекала межевщика учиненною мужу ея обидою. Нельзя довольно изобразить, какъ рада она и межевщикъ моему приѣзду. Тогда начали мы съ нимъ говорить любовную рѣчь и какъ сей случай былъ къ тому удобенъ, то на первой встрѣчѣ тотчасъ я его, друга, подцѣпилъ, и сталъ, какъ душѣ угодно, его гонять и журить за всѣ

его несправедливый и съ дѣлами его ни мало не сообразный дѣла. Онъ отдувался уже, отдувался, но какъ былъ кругомъ виноватъ, то не зналъ, что дѣлать и говорить, — такъ загонялъ я сего старика. Наконецъ, началъ я его спрашивать, зачѣмъ онъ прѣхалъ и какая ему до меня нужда?—«Нужда моя та, отвѣчалъ межевщикъ:— что третьяго дня получилъ я изъ межевой канцеляріи указъ, что если у меня здѣсь дѣла нѣтъ, то ѣхалъ бы я межевать къ князю Гагарину, въ другое мѣсто. Итакъ, прислалъ меня Петръ Егоровичъ отобрать отъ васъ послѣднее мнѣніе: помиритеся ли вы съ нимъ, или нѣтъ?»—Говоря далѣе, сказывалъ онъ мнѣ, что г. Пашковъ уступаетъ намъ сколько мы хотимъ и требуетъ только того, чтобъ мы съ нимъ помирились.

Усмѣхнулся я, все сіе услышавъ, и, недолго думая, заключивъ, что все сіе явная выдумка и сущій обманъ и коварство, отвѣчалъ тотчасъ ему: «Очень хорошо! для чего не помириться и если дастъ сколько мы похотимъ и сколько отведемъ, и назоветъ это не нашею, а государевою землею, каковою она въ самомъ дѣлѣ есть, такъ мы готовы помириться».—«Нѣтъ, отвѣчалъ онъ:— а Петръ Егоровичъ требуетъ, чтобъ вы назвали своею».—«Кланяюсь! отвѣчалъ я ему:— мы не маленькіе ребята, чтобъ дали сами на себя петлю на шею наложить, снявъ напередъ ее съ него. Скажите Петру Егоровичу, что поздно, батюшка, сіе вздумалъ, а надлежало бы вамъ поранѣе о томъ подумать и прежде начинанія всего дѣла съ нами повидасться и не съ высокобріемъ, а дружески обо всемъ поговорить и посовѣтовать; и тогда, можетъ быть, могло-бъ что-нибудь и иное и ему угоднѣйшее вытти. А теперь, когда дѣло зашло уже такъ далеко, когда земля сія нами торжественно при понятихъ и столь многочисленныхъ свидѣтеляхъ объявлена казенною и засвидѣтельствована нашими подписками, то можно ли съ здравымъ разсудкомъ требовать отъ насъ того, чтобъ мы всѣ

сѣума сошли и сдѣлали то, что ни съ какимъ благоразуміемъ несходно и несогласно. Сами вы то сказать можете, ежели похотите быть безпристрастными. Итакъ, извольте сказать, сударь, Петру Егоровичу, что этому быть не можно, что мошенниками мы никогда не бывали и не будемъ и казенную землю своею никакъ не назовемъ».—«А когда такъ, сказалъ мнѣ на сіе откровенно межевщикъ:— такъ сказываю вамъ, что Петръ Егоровичъ не намѣренъ болѣе межеваться, а бросаетъ все самъ, и ѣдетъ завтра же отсюда и хочетъ дожидаться уже генеральнаго межеванья, ибо теперь будетъ ему дурной выигрышъ. Онъ тужитъ и жизнь свою проклинаетъ, что и взялъ теперь меня межевать, да и я могу и о себѣ прямо сказать, что весьма тому не радъ, и еслибъ зналъ, что здѣсь то-то будетъ, что было, то бы десяти тысячъ не взялъ, чтобъ сюда итти межевать. Кланяюсь я вамъ. Оставайтесь, государи мои, съ Богомъ, нечего съ вами, такими тузами, дѣлать! Нашъ братъ хоть сюда и не ѣзди! видишь вы какіе».

Любо было мнѣ и пріятно сіе слышать, и я, засмѣявшись, въ превеликомъ удовольствіи сказалъ: «Когда такъ, такъ-такъ! Мы и отъ всего не прочь. Покидать, такъ покидать, зачѣмъ же стало? но скажите мнѣ, на чтожъ бы это?»—«Какъ на что? смѣючись, отвѣчалъ межевщикъ, полно вамъ насъ проводить. Вѣдь вы сами знаете межевую инструкцію и то, что не можно и опасно ему сдѣлать себя прикосновеннымъ къ государственной землѣ, въ которомъ случаѣ, хотя бы и со всѣми полюбовно развелся, такъ прибыли будетъ мало: всю у него лишнюю отрѣжутъ и дадутъ только писцовую дачу».—«Да, сказалъ я, это такъ, но это я давно зналъ, и дивился, что г. Пашковъ давно сего не провидѣлъ. Теперь, въ самомъ дѣлѣ, полезнѣе будетъ для него, когда онъ покинетъ межеваться и перестанетъ домогаться овладѣть неправильно такую великою громадою, какова степь наша».

Симъ кончилось у насъ тогда съ ме-

жевшикомъ дѣло. Онъ, отужинавъ тутъ, съ превеликимъ неудовольствіемъ поѣхалъ, распрощавшись съ нами и объявивъ, что онъ въ послѣдующій день и самъ поѣдетъ прочь, бросивъ все межеванье неоконченнымъ.

Проводивъ его, сказалъ я госпожѣ Сабуровой: «Вотъ, матушка, что произвела написанная мною въ Лукинѣ бумажка и ѣзда моя и свиданіе съ Пашковымъ! Это мои слова его на умъ и на разумъ наставили; а теперь поздравляю васъ, сударыня, съ столь неожиданнымъ скорымъ и благополучнымъ окончаніемъ дѣла и съ полученною надъ Пашковымъ совершенною побѣдою. Теперь останемся мы опять отъ него въ покоѣ и будемъ по прежнему владѣть нашими землями до поры до времени съ покоемъ». У госпожи Сабуровой ушки, такъ сказать, смѣялись и при всемъ моемъ съ межевщикомъ разговорѣ; а тогда не находила она словъ къ изъясненію своей радости и удовольствія, и проводила меня отъ себя, поѣхавшаго уже около полуночи домой, осыпая меня за все и все своими благодареніями.

На утрѣ пронюхивалъ я, что на хуторѣ воспослѣдуетъ, и вчерашній мой съ межевщикомъ разговоръ какое произведетъ слѣдствіе. Оно было такое, какого я ожидалъ отъ онаго. Пашковъ, услышавъ, что мы мириться и вмѣстѣ съ нимъ казенную землю воровать не хотимъ, бросилъ межеванье и самъ уѣхалъ; а межевщикъ послѣдовалъ за нимъ, распустя напередъ всѣхъ понятыхъ и сказавъ, что межеванья до весны не будетъ.

Не успѣло сего воспослѣдовать, какъ слухъ о томъ возгремѣлъ въ одинъ мигъ во всѣхъ нашихъ селеніяхъ и округахъ, и начались вездѣ восклицанія радости и торжество о полученіи надъ непріятелемъ нашимъ столь славной побѣды. Всякой, радуясь и смѣючися, о Пашковѣ говорилъ: «Экъ, братъ, взялъ! экъ много намежевалъ! Уплетайся-ка со стыдомъ въ Гагаршину свою, а здѣсь нѣчего выторговать!» А я едва успѣвалъ слышать отъ всѣхъ похвалы и благодаренія: всякъ пре-

возносилъ меня похвалами и не зналъ какими словами меня благодарить. Господа Соймоновы прислали тотчасъ за мною, и мы, вмѣстѣ повеселившись съ ними, положили ждать г. Сабурова и тогда общій совѣтъ сдѣлать, что намъ теперь предпринимать и какія предосторожности брать отъ г. Пашкова.

Вотъ какимъ образомъ кончилось наше тогдашнее межеванье. Признаюсь, что я всего меньше ожидалъ столь хорошаго и удачнаго успѣха и всего меньше думалъ, чтобъ сіе межеванье такъ скоро кончилось, но безсомнѣнно думалъ, что онъ станетъ-таки продолжать межевать и обойдетъ и достальную часть южнаго и весь западной длинной бокъ степи, хотя со спорными кругомъ столбами, и велитъ намъ потомъ, по обыкновенію, свой отводъ дѣлать, а тамъ либо все бросить, либо дѣло потянетъ въ проволочку, и потому готовился уже прожить тутъ всю осень. Но тогда удовольствіе мое было неизобразимо, и тѣмъ паче, что я сдѣлался уже развязаннымъ и могъ ѣхать опять въ свое любезное Дворяниново. Оставалось только обождать возвращенія г. Сабурова и сдѣланія послѣдняго и общаго со всѣми жителями совѣта.

Какъ г. Сабуровъ не могъ еще дни чрезъ три возвратиться, то, чтобъ не потерять въ праздности напрасно времени, вздумалъ я въ сіи дни снять на планъ всю усадьбу и всѣ выгоны нашей деревни, дабы можно было послѣ, съ согласія нашихъ сосѣдей, намъ между собою поразверстаться, и трудился надъ тѣмъ дни три и къ удивленію, по исчисленію сдѣланнаго плана, нашелъ, что въ одномъ выгонѣ нашей деревни было 330 десятинъ, а она была еще самая маленькая.

Между тѣмъ, какъ я въ сей работѣ упражнялся, приѣзжалъ ко мнѣ старичокъ нашъ, т. Свѣтинъ, и опять подалъ поводъ къ смѣху надъ нимъ и хохотанью. Привозилъ къ нему такой же глупецъ, Рахмановъ прикащикъ, свои отказныя книги и ввелъ старика ими въ новыя и без-

численные сумнительствы, для изясненія которыхъ онъ ко мнѣ и прилетѣлъ. Но какъ обрадовался онъ, услышавъ отъ меня, что Пашковъ уѣхалъ, и что мы побѣдили.—Ни съ другого слова, перебрестясь обѣими руками, старикъ въ землю, и потомъ ну прыгать и веселиться, а меня обнимать и цѣловать, и въ глаза, и въ лобъ, и въ щеки. «Помилуетъ тебя Богъ! только и твердилъ:—ты насъ защитилъ и помиловалъ». И не зналъ, какъ изобразить свою радость. Я уже хохоталъ, хохоталъ, да и сталъ.

Наконецъ 19-го сентября, ввечеру, возвратился и г. Сабуровъ и тотчасъ прислалъ за мною. О радости и удовольствіи сего добродушнаго человѣка, и о приносимыхъ мнѣ похвалахъ и благодареніяхъ я говорить уже оставляю: они были чрезвычайны, и тѣмъ паче, что ѣзда его въ Новохоперскую крѣпость была безуспѣшна, и онъ проѣздили попустому. Будучи опять въ послѣдующій день у него для угощенія меня обѣдомъ, назначили мы 22-е число сего мѣсяца для генеральнаго собранія всѣмъ дворянамъ, повѣреннымъ, старостамъ и прикащикамъ для держанія послѣдняго общаго совѣта и назначили къ тому сборнымъ мѣстомъ нашу приходскую церковь, почему отъ насъ, какъ отъ главныхъ начальниковъ, и разосланы были повсюду гонцы съ повѣстками.

Итакъ, по наступленіи назначеннаго дня, поѣхалъ я къ церкви, гдѣ и нашелъ уже превеликое собраніе дворянъ, старостъ, прикащиковъ и повѣренныхъ и народа превеликое стеченіе. Меня прежде всего встрѣтили тѣмъ, что находятся между прочимъ народомъ двое Пашковскихъ шпіоновъ, и что наши окружили ихъ кругомъ и держутъ подъ честнымъ арестомъ, чтобъ они не могли ничего слышать. Отслушавъ обѣдню и отслуживъ благодарной молебень, пошли мы въ находящуюся тутъ просторную богадѣльню въ тепло, и какъ сіе мѣсто подобно было канцеляріи и для такихъ сборищъ очень удобно, то, запершись въ оной и отлу-

чивъ всѣхъ ненадобныхъ людей, и учинили мы главной и большой совѣтъ.

Оной начался принесеніемъ мнѣ отъ всѣхъ (благодареній) и просьбъ, чтобъ я, начавши сіе дѣло и производя оное съ толикимъ успѣхомъ, взявъ на себя трудъ оное и впредь продолжать и употреблять что надобно, и тѣмъ паче, что я живу въ недалнемъ отъ Москвы разстояніи. А я съ моей стороны благодарилъ всѣхъ за послушаніе и за славное единодушіе; потомъ, говоря, что на Пашковское увѣреніе, что онъ все сіе дѣло бросаетъ, совершенно положиться еще никакъ не можно, а по коварству его и бездѣльничеству опасаться должно, что онъ не преминетъ употреблять и еще какія-нибудь хитрости и пронырствы, то слѣдуетъ намъ и впредь быть отъ него осторожными, и, продолжая и впредь свое единодушіе, съ общаго согласія положить теперь на мѣрѣ, какія предосторожности предпріять намъ на всѣ непредвидимые случаи и будущее время.

Итакъ, съ общаго согласія условились всѣ мы и положили: <1) чтобъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ велъ Пашковъ свой отводъ мимо нашихъ земель, означить и замѣтить для предбудущаго неизвѣстнаго времени, и поставленные имъ черные столбы отнюдь не выкидывать; 2) чтобъ за сею чертою никому болѣе не распахивать земли, какъ названной нами казенною; 3) чтобъ покинуть нѣсколько, и хоть самое малое количество, непаханной земли и по сю сторону его отвода подъ именемъ также казенной; 4) чтобъ разводиться всѣмъ селеніямъ и деревнямъ между собою полюбовно, дабы всякое селеніе предѣлы своей земли вѣдало; 5) чтобъ мнѣ приѣхать къ нимъ, если можно будетъ, будущю весною или лѣтомъ, и всѣ ихъ владѣнія вымѣрить и раздѣлить по пропорціи душъ, ежели согласятся; 6) чтобъ на всѣ будущіе межевые, непредвидимые расходы собрать сумму денегъ, и на первой случай по 3 копѣйки съ души, и выбрать всѣмъ міромъ казначея, которой-бы деньги сіи собиралъ, записывалъ, хранилъ и потомъ въ расходъ употреблялъ; 7) чтобъ всѣмъ

помѣщикамъ дать мнѣ вѣрующее письмо, дабы можно было мнѣ въ случаѣ надобности подавать въ межевую канцелярію именемъ всѣхъ челобитную, и прочее; 8) чтобъ отправить въ тотъ же день двухъ человекъ дворянъ для списанія съ полевыхъ записокъ копій, и снабдить ихъ на дорогу деньгами; 9) чтобъ главнымъ начальникомъ и попечителемъ обо всѣхъ быть и впредь господину Сабурову, и всѣмъ бы его повѣсткамъ и повелѣніямъ слушаться; 10) чтобъ и впредь быть всѣмъ единодушнымъ и въ случаѣ какихъ съ Пашковымъ споровъ, стоять всѣмъ за одно и другъ за друга крѣпко».

Сіе и подобное сему положено и опредѣлено было на семъ совѣтѣ и тотчасъ назначено кому куда ѣхать и что дѣлать. Г. Тараконской выбранъ былъ казначеемъ для сбора и расхода денегъ, а г. Левашовъ командированъ къ Пашкову для списыванія копій съ полевыхъ записокъ, и всѣ они получили отъ меня надлежащія наставленія.

По окончаніи сего важнаго и полезнаго дѣла, поѣхалъ я въ свою деревню; но г. Сабуровъ зазвалъ меня къ себѣ обѣдать и уговорилъ, чтобъ я и въ послѣдующій день не отправлялся бы еще въ свой предпринимавшей обратной путь въ Коширу, а подарилъ-бы симъ днемъ его, ибо онъ былъ въ оной имянинникомъ и звалъ всѣхъ своихъ друзей къ себѣ обѣдать, и чтобъ и я сдѣлалъ имъ компанію и у него сей день отпраздновалъ.

Что было дѣлать? я какъ ни поспѣшалъ уже своимъ отъѣздомъ, но принужденъ былъ на неотступныя просьбы сего любезнаго человека согласиться.

Такимъ образомъ препроводилъ я весь оной день у г. Сабурова на имянинахъ. Я нашелъ у него превеликое собраніе тамошнихъ дворянъ, и мы всѣ были веселы. Тутъ распрощался я со всѣми ими и, получивъ всѣми ими подписанное вѣрующее письмо, возвратился уже ночью въ свое жилище.

Сіе было послѣднее свиданіе мое со всѣми тамошними господами, ибо черезъ день

послѣ того я отправился уже въ свой обратной путь, что случилось уже въ 25 день сентября мѣсяца.

Какъ во время сего обратнаго путешествія не произошло со мною ничего примѣчанія достойнаго, то и не хочу обременять васъ подробнымъ описаніемъ онаго, а въ короткихъ только словахъ скажу, что я ѣхалъ опять чрезъ Тамбовъ и Козловъ, заѣзжалъ въ свою козловскую деревню, видѣлся тамъ съ дядею жены моей, господиномъ Каверинимъ, и потомъ продолжалъ путь чрезъ Ранибургъ, Епифанъ и Тулу, 2-го числа октября благополучно въ свое милое и любезное Дворяниново къ роднымъ своимъ и приѣхалъ.

Симъ окончу я и сіе мое письмо, достигшее уже давно до своихъ предѣловъ, и пожелавъ вамъ всего добраго, остаюсь вашъ, и прочее.

(Декабря 25 дня 1808 года).

Письмо 169-е.

Любезный пріятель! Начиная сіе письмо, долженъ я предварительно васъ увѣдомить, что съ сего времени все содержащееся какъ въ семъ, такъ и послѣдующихъ письмахъ моихъ, продолженіе повѣствованія моего о всѣхъ бывшихъ со мною въ жизнь мою происшествіяхъ, не будетъ сопряжено съ такою точностью и подробностью, съ какою описывалъ я ихъ до сего въ предсѣдующихъ письмахъ. Причиною тому то, что случившійся въ 1782 году несчастной пожарной случай, лишившій меня многого, между прочимъ, къ особливому прискорбію моему, похитилъ у меня и всѣ мои журналы и записки, относящіяся до сего промежутка времени, каковыми я до сего при описаніи моей жизни пользовался. Итакъ, при послѣдующемъ повѣствованіи по необходимости принужденъ я воспринимать прибѣжище свое къ единой своей памяти и къ малому числу оставшихся кое-какихъ бумагъ, и спасшихся отъ огня и пламени. Но какъ и первая по многопрошедшему и тридцатипятилѣтнему времени весьма уже ослабла и не въ состояніи мнѣ всего бывшаго во всей

подробности напомнить, то натурально и долженъ я буду довольствоваться тѣмъ, что могу только вспомнить, и что могъ только я отыскать въ помянутыхъ немногихъ, оставшихся отъ пожара, бумагахъ и другихъ письменныхъ документахъ, и говорить уже обо всемъ короче и безъ наблюденія иногда порядка времени въ самой точности.

Приступая теперь къ продолженію повѣствованія моего, скажу, что по приѣздѣ моемъ домой нашелъ я всѣхъ своихъ родныхъ здоровыми и крайне обрадовавшихся нечаянному, и никакъ ими неожиданному такъ скоро, возвращенію моему въ деревню. Онѣ не иначе полагали, что я проживу тамъ всю осень и озабочивались тѣмъ не мало по причинѣ, что беременность жены моей приближалась уже къ окончанію, и она была уже на сносяхъ. Кромѣ сего озабочены онѣ были вновь отсутствіемъ моимъ, полученіемъ изъ Петербурга ко мнѣ нѣсколькихъ пакетовъ съ письмами, и еще однимъ весьма важнымъ письмомъ отъ бригадира Наумова, которое такъ ихъ смутило, что онѣ за нужное почли отправить оное вмѣстѣ съ прочими письмами съ нарочнымъ ко мнѣ, и сей посланной чуть было со мною не разѣхался дорогою. По счастью узнали его какъ-то мои люди, встрѣтившагося съ нами не доѣзжая Ранибурга, и его остановили.

Помянутые пакеты изъ Петербурга содержали въ себѣ дружескія письма отъ секретаря Экономическаго Общества, господина Нартова. Первое отправлено было ко мнѣ 22 іюля, но какимъ-то образомъ шло до меня очень долго и не застало меня дома. Въ ономъ письмѣ писалъ г. Нартовъ, что какъ онъ на послѣднее мое къ нему письмо не получилъ еще отвѣта, то сомнѣвается онъ въ томъ дошло-ли оное ко мнѣ, и какъ онъ не знаетъ видѣлся ли я съ княземъ Гагаринымъ и учинилъ ли онъ что въ мою пользу, то просилъ его о томъ увѣдомить; далѣе увѣряя меня, что переписка со мною будетъ для него всегда пріятна, повторялъ при семъ случаѣ просьбу о

продолженіи оной, говоря, что онъ письма мои всегда встрѣчать будетъ съ отмыннымъ желаніемъ. Далѣе упоминая, что пьесы мои Экономическимъ Обществомъ рассмотрѣны и нѣкоторыя опредѣлено напечатать, говорилъ, что труды мои, на экономическія изслѣдованія употребляемыя, дѣлаютъ мнѣ честь и по самой справедливости заслуживаютъ похвалу отъ ученыхъ людей. А о себѣ говорилъ, чтобъ я былъ увѣренъ, что онъ умѣетъ достоинствы, упражняющихся въ наукахъ людей различать и почитать оныя, и не преминетъ рекомендовать меня кому надлежитъ.

Все сіе сколько съ одной стороны льстило моему честолюбію, столько съ другой огорчало тѣмъ, что я изъ онаго видѣлъ ясно, что письма мои, отправленные къ нему, и самая посылка съ камнями, конечно какимъ-нибудь образомъ не дошли, что по тогдашнимъ неисправностямъ нашихъ почтъ было и не удивительно, и сожалѣлъ о томъ очень много.

Второе письмо было отъ него же и писанное въ половинѣ августа, подтверждавшее мнѣ тоже, что не имѣетъ онъ отъ меня давно никакихъ писемъ и увѣдомленій, и не знаетъ, что тому причиной. Онъ прислалъ ко мнѣ при семъ письмѣ маленькую книжку, сочиненную трудолюбивымъ сочленомъ нашимъ, генераломъ и сенаторомъ Степаномъ Федоровичемъ Ушаковымъ, и, приписывая сему сѣдинами украшенному мужу великія похвалы, желалъ, чтобъ я сообщилъ Обществу о томъ же предметѣ мои примѣчанія. Наконецъ увѣрялъ меня опять въ своемъ дружествѣ и просилъ о себѣ увѣдомленія, говоря, что быть знакомымъ съ людьми, упражняющимися въ наукахъ, и въ отсутствіи съ ними разговаривать чрезъ письма о полезныхъ вещахъ, есть для него не малое утѣшеніе, и потому желаетъ, чтобъ я переписывался съ нимъ чаще.

Сіе письмо увеличило сожалѣніе мое о пропавшихъ и не дошедшихъ до Нартова моихъ письмахъ и посылокъ. Ин-

на оба сіи письма положилъ, по приѣздѣ моемъ, ему отвѣтствовать и извиниться въ нечастомъ писаніи своею отлучкою отъ дома; также описать ему вкратцѣ и все происшествіе, бывшее со мною въ Бобрикахъ и въ Богородицкѣ вторично.

Что касается до третьяго письма, то было оно важнѣе обоихъ предсѣдующихъ, и всего меньше мною ожидаемымъ. Было оно отъ самого того почтеннаго и добродушнаго мужа, г. бригадира Наумова, которой въ послѣднюю мою въ Москвѣ бытность возилъ меня къ князю Гагарину и меня съ нимъ познакомилъ. Содержаніе письма его меня и удивило, и привело въ смущеніе. Онъ писалъ ко мнѣ отъ 14 сентября, что, при отъѣздѣ его изъ Москвы, просилъ его князь Сергѣй Васильевичъ Гагаринъ сообщить мнѣ, что если соглашусь я взять на себя должность управительскую въ селѣ Бобрикахъ, то обѣщаетъ дать мнѣ жалованья 300 р. въ годъ, да 50 четвертей хлѣба, да чтобъ шесть моихъ собственныхъ лошадей содержать на казенномъ кормѣ, и съ тѣмъ увѣреніемъ, что если г. Опухтинъ черезъ два года пойдетъ въ отставку, то я, и никто иной, заступлю сіе мѣсто, и въ чемъ даетъ князь свое вѣрное слово. Пересказавъ сіе, просилъ меня г. Наумовъ, что если я соглашусь на то, то увѣдомилъ-бы его поскорѣе, поелику отъ него на будущей недѣли будутъ въ Москву ѣздоки, чтобъ могъ онъ князя увѣдомить. У него-де просятъ на то мѣсто другіе, и онъ до полученія моего отвѣта имъ отказываетъ.

Признаюсь, что письмо сіе сначала меня весьма возмутило и привело всѣ мысли мои въ разстройку и недоумѣніе, что дѣлать. Однако сіе не долго продолжилось, но я скоро, сказавъ пословицу, что это уже послѣ ужина горчница, рѣшился отъ предложенія сего начисто отказаться. Малочисленность жалованья назначаемого не стоило того, чтобъ, польстясь на оное, промѣнять драгоценную свободу на такую бездѣлку; сверхъ того и собственной покой мой былъ до-

рогъ. Въ Бобрикахъ, какъ я видѣлъ, не было и дома такого для жительства, гдѣ-бъ мнѣ можно было помѣститься и жить съ моимъ семействомъ. Но сіе все еще ничего бы не значило, но главнѣйшее обстоятельство, не допускающее меня и помышлять о томъ, было то, что надлежало мнѣ быть тутъ подѣ начальствомъ г. Опухтина и во всемъ завысѣть отъ его повелѣній. Это было мнѣ всего несноснѣе. Натурально, все тягости и безчисленные хлопоты и заботы, сопряженные съ строеніемъ тамошняго огромнаго дворца, лежало бы на моихъ плечахъ, а Опухтинъ бы сталъ моими руками жаръзагребать, и все на все на мнѣ взыскивать. Сверхъ того, думалъ я, каково же мнѣ быть подѣ командою такого человѣка, которой зналъ, что я назначенъ къ занятію его мѣста. «Не станеть ли, говорилъ я самъ себѣ, сей человѣкъ не только смотрѣть на меня всегда косо, но и всякимъ образомъ стараться мнѣ злодѣйствовать и искать всѣмъ и всѣмъ чернить меня предъ княземъ, хотя бы я и совсѣмъ невиненъ былъ, и не подвергнусь ли я натурально чрезъ то безчисленнымъ досадамъ и неудовольствіямъ? Къ тому-жъ Богъ еще знаетъ, какъ онъ управляетъ волостями, и точно ли такъ честно и хорошо, какъ мы думаемъ, и нѣтъ ли за нимъ и всякой еще всячины? А въ такомъ случаѣ захочу-ли я быть такимъ же бездѣлникомъ? въ состояніи ли буду то терпѣть и смотрѣть на то сквозъ пальцы, и не всего ли скорѣй подасть самое сіе поводъ къ неудовольствіямъ и самымъ непріятностямъ и ссорѣ?»

Симъ и подобнымъ сему образомъ поразмысливъ, тотчасъ я воскликнулъ: «Нѣтъ, нѣтъ! благодарю покорно!... Оставайтесь-ка вы со своими Бобриками съ Богомъ! занимай управительское въ нихъ мѣсто кто себѣ хочетъ и кому есть охота навалить на шею себѣ такіа хлопоты! А ты, мой другъ», говорилъ я самъ себѣ: — «ступай-ка себѣ скорѣй въ свое любезное Дворяниново, и тамъ по прежнему не живи, а царствуй въ мирѣ, ти-

шинѣ, независимости ни отъ кого и свободѣ драгоцѣнной!»

Въ сихъ помышленіяхъ продолжалъ я тогда свое путешествіе. И какъ надлежало мнѣ ѣхать чрезъ Бобриковскую волость и случилось такъ, что мнѣ пришлось ночевать въ принадлежащемъ къ сей волости селѣ Каменкѣ, то похотѣлось мнѣ полюбопытствовать и разговорившись съ хозяиномъ, распросить его короче и стороною о правленіи Опухтина и обо всемъ его поведеніи. Хозяинъ, не зная совѣтъ меня, и наказывалъ мнѣ столько разныхъ вещей и дѣлъ, ни мало мною не одобряемыхъ, объ Опухтинѣ, что сіе еще болѣе отвратило помышленія мои отъ Бобриковского управительства и подкрѣпило намѣреніе мое начисто отъ него отказаться.

Совѣтъ тѣмъ любо и пріятно было мнѣ, что я все еще у князя Гагарина въ памяти, и что онъ ни, только меня не позабылъ, но всячески старается привязать меня къ себѣ. Я не иначе заключалъ, что я ему вѣрно очень полюбился, и что предложеніе его ни отчего иного проистекло, какъ отъ доброты его душевной; а что предлагалъ онъ мнѣ столь умѣренное жалованье, въ томъ извинялъ его охотно, ибо самъ вѣдалъ довольно, что Бобриковское управительство и не заслуживало, множайшаго, и какъ прежніе управители, тутъ бывшіе, не получали и трети противъ сего жалованья, то легко можно было заключить, что князь собственно только для меня оное увеличивалъ.

Итакъ, по приѣздѣ домой, первое мое дѣло было поспѣшить отвѣтомъ моимъ къ г. Наумову, и какъ при вопросѣ домашнихъ родныхъ моихъ о томъ, что они о семъ предложеніи думаютъ, услышалъ я, что и онѣ во всемъ согласны съ моимъ мнѣніемъ и мѣсто сіе почитаютъ не только для меня безвыгоднымъ, но даже и постыднымъ, то, не долго думая, сѣлъ я и начеркалъ отвѣтъ господину Наумову.

Какъ я легко могъ заключить, что онъ въ оригиналѣ пошлетъ оной къ князю

Гагарину, то расположилъ я его такъ, чтобъ отказъ мой былъ коликъ можно менѣ оскорбителенъ для князя. Я, изъяснивъ въ немъ наживѣйшимъ образомъ всѣ чувствія моеи благодарности за то, что князь удостоиваетъ меня не только своимъ незабвеніемъ, но и попенченіемъ о моей пользѣ, говорилъ, что домашнія мои обстоятельства никакъ не позволяютъ мнѣ на сей разъ согласиться на предложеніе и къ удовлетворенію желанія его сіятельства, и просилъ его, чтобъ онъ извинилъ меня въ томъ передъ княземъ; однако не преминулъ стороною и мелькомъ дать будто ему только, г. Наумову, знать, что между прочимъ и для того у меня нѣтъ дальнаго желанія опредѣлиться въ сіе мѣсто, чтобъ не могло произойти у меня съ г. Опухтинимъ какихъ-нибудь непріятностей, могущихъ подать самому князю поводъ къ нѣкоторымъ неудовольствіямъ и досадамъ, и что я, привыкнувъ жить въ деревнѣ между друзей и со всѣми мирно и согласно, и вести спокойную честную, независимую ни отъ кого и счастливую жизнь, охотнѣе хочу остаться въ своей малой деревнишкѣ, продолжая жить по прежнему и довольствоваться тѣмъ, чѣмъ судьбѣ угодно было меня одарить.

По отправленіи сего письма къ г. Наумову, и чувствуя себя равно какъ отъ нѣкоего бремени освобожденнымъ, пересталъ я о томъ и мыслить, а приступилъ къ соотвѣтствованію на письма г. Нартова. Но какъ имѣлъ я то предубѣжденіе, что почиталъ единичныя письма, то-есть, безъ приобщенія къ нимъ какихъ-нибудь сочиненій, неловкими, что самое, а сверхъ того и неудобность къ пересылкѣ оныхъ писемъ въ Петербургъ, поелику тогда въ ближнихъ и малыхъ городахъ почтовыхъ конторъ еще не было и писемъ не принимали, а надлежало ихъ всегда пересылать при оказіяхъ въ Москву и тамъ отдавать уже на почту, а впрочемъ и самая дороговизна въ пересылкѣ оныхъ, и удерживало меня отъ частаго писанія писемъ, и принуждало

всегда не только ихъ, но и самыя сочиненія переписывать мелко, на почтовой бумагѣ, и искать и дожидаться всегда какихъ-нибудь оказій въ Москву,— то и заключалъ я, что и въ сей разъ будетъ дурно, если не пошлю я при письмѣ какого-нибудь сочиненія; почему, выбравъ одно изъ заготовленныхъ уже вчернѣ до моего отъѣзда въ шадскую деревню, и переправивъ и переписавъ вскорости оное, приобщилъ къ письму, написанному къ господину Нартову.

Что касается до сего, то, изъявивъ въ немъ чувствованія истинной благодарности за всѣ лестные его обо мнѣ отзывы и его къ себѣ благорасположеніе, увѣдомлялъ я его о всѣхъ письмахъ и посылкѣ, отправленныхъ отъ меня къ нему, и удивляясь неполученію имъ оныхъ, пересказывалъ ему вновь обо всемъ, случившемся у меня съ княземъ Гагаринымъ, и потомъ о нечаянной и долговременной моей отлучкѣ въ шадскую деревню, и заключилъ просьбою о продолженіи его къ себѣ дружества.

Отправивъ сіе письмо при случившейся въ Москву оказіи, принялся я за прежнія свои деревенскія многоразличныя занятія, и какъ тогда наступала уже глубокая осень, то спѣшилъ я воспользоваться способнымъ еще сколько-нибудь временемъ къ произведенію въ садахъ моихъ работъ и дѣлъ, нужныхъ и упущенныхъ нѣсколько чрезъ мою отлучку.

Между тѣмъ нечувствительно приближилось и 7-е число октября мѣсяца, или тотъ день, въ которой совершилось мнѣ 35 лѣтъ отъ моего рожденія. При наступленіи онаго не преминулъ я, по обыкновенію своему, и въ сей разъ обозрѣть мысленно всѣ произшествія, случившіяся въ теченіи минувшаго года; и какъ находилъ, что онаю ознаменовался въ особенности многими и разными бывшими со мною произшествіями, и опять многими и явными знаками особеннаго попеченія обо мнѣ Божескаго Промысла, то благодарилъ я Всемогущаго всею душою моею и сердцемъ за его ко мнѣ милосердіе и всѣ его ко мнѣ благодѣя-

нія и милости. Паче же всего дивился я дѣйствію Промысла Господня въ разсужденіи неудачной моей ѣзды, по приглашенію князя Гагарина, въ Богородицкую волость. Тогда казалась она мнѣ непостижимою и удивительною, а въ сей разъ усматривалъ уже я, что неудача сія случилась по устроенію судьбы для моей же истинной пользы; ибо чего и чего не упустилъ бы я, естлибъ тогда опредѣленъ былъ къ должности. Какъ бы можно было мнѣ отлучиться и для домашняго окончанія своего межеванья, и въ шадскую деревню для разрушенія коварнаго замысла и предпріятія Пашкова съ тамошнею степью, назначенною Провидѣніемъ къ доставленію мнѣ въ послѣдующія времена весьма важныхъ и существенныхъ выгодъ, какъ узнаете вы впредь въ свое время.

Чрезъ десять дней послѣ того наступилъ и день моихъ именинъ. Я праздновалъ его по обыкновенію. Всѣ родные, друзья и пріатели мои, случившіеся тогда въ домахъ своихъ, посѣтили меня въ онаю, и мы старались угостить ихъ наилучшимъ образомъ, и провели день сей съ удовольствіемъ, которое увеличилось тѣмъ, что я въ самой онаю получилъ еще претолстой пакетъ изъ Петербурга, изъ Экономическаго Общества, съ XXI-ю частью Трудовъ онаго, присланною ко мнѣ при письмѣ отъ друга моего, г. Нартова, отправленномъ ко мнѣ еще 5-го сентября, но въ которомъ ничего особливаго не содержалось.

Какъ вскорѣ послѣ сего настала весьма студеная погода, соединенная съ обыкновенными осенними ненастьями, то прогнала она меня изъ садовъ моихъ въ комнаты и принудила большую часть времени своего посвящать наукамъ, литературѣ и досужеству. Люди, непривыкшіе ни къ какимъ занятіямъ и упражненіямъ, скучаютъ обыкновенно осенью и жалуются на длинные скучные вечера. Но я сдѣлалъ уже издавна привычку встрѣчать осень почти съ такимъ же удовольствіемъ, какъ весну, и она для меня почти столько же пріятна какъ оная; ибо

въ сіе время, не будучи такъ много развлекать наружными предметами, имѣлъ я болѣе и времени и досуга заниматься своими книгами, перомъ, кистями и разными другими любопытными и занимательными упражненіями, доставлявшими мнѣ всегда тысячи минутъ пріятныхъ. Итакъ, принялся я опять за свои книги и занятіе себя, когда чтеніемъ оныхъ, когда писаніемъ, когда переводами чего-нибудь, когда переписываніемъ набѣло, или рисованіемъ чего-нибудь, а когда то прискуचितъ, то разными рукодѣліями, а особливо переплетаніемъ книгъ и оклеиваніемъ ихъ разными, самымъ мною распешряемыми бумагами, и другимъ тому подобнымъ.

Въ таковыхъ упражненіяхъ и не видалъ я, какъ прошла остальная половина октября мѣсяца, и я имѣлъ тѣмъ болѣе свободнаго времени къ тому, что мы, отчасти за дурными погодками, отчасти за тягостью жены моей, не могли почти никуда выѣзжать со двора, да и къ намъ какъ-то рѣдко приѣзжали въ сіе время гости.

Наконецъ, насталь часъ разрѣшенія жены моей отъ бремени, и 28 числа октября былъ тотъ день, въ которой даровалъ мнѣ Богъ еще дочь. Я обрадованъ былъ тѣмъ не меньше, какъ бы рожденіемъ и сына, ибо, будучи всегда тѣхъ мыслей, что мы нимало не знаемъ, какими изъ дѣтей нашихъ назначитъ Провидѣніе Господне намъ болѣе или менѣе поселиться, не дерзалъ никогда роптать въ такихъ случаяхъ на Промыслъ и волю Господню, и вѣдая, что рожденіе людей зависитъ не отъ насъ, а отъ таинственнаго его распоряженія всего и всего въ мірѣ, всегда бывалъ доволенъ тѣмъ, чѣмъ ни благословлялъ насъ Всемогушій.

Мы назвали новорожденную Настасью, по имени святой, случившейся въ послѣдующій день, и чрезъ нѣсколько потомъ дней ее окрестили. И какъ въ сей разъ друга моего и прежняго кума, г. Полонскаго, не случилось дома, а онъ былъ въ Москвѣ и занимался тамъ отдѣлкою своего каменнаго дома, то

восприемникомъ отъ купели былъ ей уже родственникъ нашъ Иванъ Аѳанасьевичъ Арцыбышевъ, а восприемницею прежняя наша кума, тетка Матрена Васильевна Арцыбышева.

Такимъ образомъ, сдѣлался я опять отцемъ трехъ дѣтей: двухъ дочерей и сына. И какъ вскорѣ послѣ того наступила у насъ въ сей годъ и настоящая зима, то и подавно нельзя было никуда выходить, а за слабостью жены моей ѣздить, и потому вдался я уже совсѣмъ въ свои ученыя упражненія, и препроводилъ наиболѣе въ нихъ не только весь скучной ноябрь, но и самой декабрь мѣсяцъ по самой праздникъ Рождества Христова, и не помню, чтобы во все сіе время случилось со мною что-нибудь особенное. Все оно протекло нечувствительно. Мы ѣзжали хотя по наступленіи зимы кой-куда въ гости, а посѣщали и насъ наши друзья и сосѣди, но это не составляетъ важности, а болѣе сидѣли дома, и я занимался писаніемъ.

Въ сіе время переписалъ я самъ набѣло третью и четвертую часть своей „Дѣтской философіи“ и сочинилъ пятую часть сей книги. А сверхъ того положилъ основаніе и той книжкѣ, которая въ послѣдующее время напечатана подъ именемъ «Чувствованія христіанина при началѣ и концѣ каждаго дня въ недѣли», сочинивъ нѣкоторыя изъ первыхъ размышленій. Кромѣ сего занимался я переводомъ, или паче сочиненіемъ «Исторіи о святой войнѣ» и смотрѣніемъ за обоими мальчиками, переписывавшими набѣло сей трудъ мой.

Наконецъ, прошелъ почти и весь Филипповъ постъ и приближался день Рождества Христова, какъ вдругъ и противъ всякаго чаянія, обрадованы мы были приѣздомъ къ намъ совсѣмъ неожиданныхъ, но милыхъ и любезныхъ гостей, приѣхавшихъ къ намъ очень издалека, а именно изъ Псковскихъ предѣловъ. Былъ то родной мой племянникъ, сынъ покойной сестры моей Прасковьи Тимоѣевны, Михайло Васильевичъ Неклюдовъ. Сего близкаго родственника моего

не видалъ я съ самаго того времени, какъ получивъ отставку былъ я въ послѣдній разъ у нихъ въ домѣ въ Островскомъ уѣздѣ, и оставилъ его тогда еще мальчикомъ. Но въ сіе время былъ онъ достигшимъ до совершеннаго уже возраста и женатымъ уже мужемъ. Онъ, оставшись почти въ малолѣтствѣ отъ обоихъ своихъ родителей наслѣдникомъ довольно знаменитаго ихъ имѣнія, и препроводивъ нѣсколько лѣтъ въ службѣ, при помощи вступившихся въ его сиротство добрыхъ людей, пріятелей отца его, женился, хотя на небогатой, но прекрасной, разумной и достойной дѣвицѣ изъ фамиліи Елагиныхъ. И какъ получилъ онъ въ приданое за нею небольшую ярославскую деревню, то, имѣя надобность побывать въ ней, восхотѣлъ онъ повидаваться и со всѣми нами, живущими въ здѣшнихъ мѣстахъ единственными его и ближними родными, и показать намъ и себя и молодую свою жену, и для того рѣшился проѣхать напередъ прямо изъ Пскова въ Москву, а изъ оной проѣхать напередъ ко мнѣ, какъ къ старѣйшему своему родственнику и дядѣ.

Не могу изобразить, какъ доволенъ я былъ его пріѣздомъ и какъ много обрадованъ былъ онимъ. Я нашелъ его уже совсѣмъ другимъ и такъ перемѣнившимся, что его и узнать бы я не могъ, естли-бъ не сказался, а молодую жену его таковою, что я не иначе какъ хвалить могъ его выборъ. Оба они въ состояніи были ласками и обращеніемъ своимъ съ нами заставить насъ въ одинъ день себя полюбить искренно.

Съ сими-то любезными нашими родными разговѣлись и послѣдніе дни сего года провели мы очень пріятно, и праздникъ Рождества Христова, противъ чаянія, былъ для насъ отмѣнно веселъ.

Но какъ теперь слѣдуетъ мнѣ начать писать исторію 1774 года, то дозвольте мнѣ начать оную уже письмомъ будущимъ, а сіе симъ окончивъ, сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Декабря 26 дня 1808 года).

Дворяниново.

1774.

Письмо 170-е.

Любезный пріятель! Итакъ, наступилъ у насъ новой и 1774 также весьма важной и достопамятнѣй годъ какъ для меня въ моей жизни, такъ и по многимъ другимъ важнымъ происшествіямъ случившимся въ оной. Мы начали провождать его отмѣнно весело въ сообществѣ не только новопривѣзжихъ къ намъ дорогихъ, милыхъ и любезныхъ гостей, которыхъ мы какъ возможно лучше угостить у себя старались, но и всѣхъ нашихъ здѣшнихъ ближнихъ родныхъ и лучшихъ друзей и пріятелей. Всѣ они къ намъ къ сему времени съѣхались и вмѣстѣ съ нами начали сей годъ провождать въ увеселеніяхъ всякаго рода. Не было ни одного дня во всѣ тогдашнія святки, въ которой бы домъ нашъ не наполненъ былъ множествомъ гостей, несмотря какъ ни дурна случилась быть тогда погода, и мы изобрѣтали и выдумывали все, чѣмъ бы могли сдѣлать пребываніе здѣсь дальнимъ гостямъ нашимъ пріятнѣйшимъ. Итакъ, господствовали у насъ въ сіе время однѣ только разныя игры, смѣхи, издѣвки и забавы, и какъ случилось, что и племянникъ мой былъ весьма веселаго, шутиваго и забавнаго характера, то помогаль очень много и онъ своими шуточками и издѣвками къ увеселенію нашего общества. Словомъ, мы давно не имѣли у себя такихъ пріятныхъ и веселыхъ святокъ, и за ежедневными увеселеніями и не видали, какъ протекли тѣ десять дней, которые пробыли у насъ наши дальніе гости.

Какъ они расположились проѣхать отъ насъ въ Кашинъ къ нашимъ тамошнимъ роднымъ, то старались они преклонить и насъ къ ѣздѣ туда-же вмѣстѣ съ ними, и чтобъ проводить ихъ до жительства племянницъ моихъ Травинныхъ. А поелику и намъ давно уже хотѣлось ихъ навѣстить, то и не имѣли они въ томъ дальнаго труда, и мы согласились на то охотно.

Итакъ, распорядивъ свои домашнія дѣла, и оставивъ меньшихъ своихъ дѣтей

у тетки Матрены Васильевны Арцыбышевой, и отправились мы съ ними въ Кашинъ. По приѣздѣ нашемъ въ Москву, пристали мы въ домѣ у пріятеля моего, господина Полонскаго, на Поварской. Мы нашли его уже живущаго въ новыхъ своихъ великолѣпныхъ и со вкусомъ построенныхъ и меблированныхъ палатахъ. Онъ былъ приѣзду нашему очень радъ, и тотчасъ для пребыванія нашего отвелъ намъ особой приворотнѣй флигель, чѣмъ мы были въ особенности и довольны, потому что могли имѣть тамъ болѣе свободы и быть менѣе связанными.

Пребываніе наше въ сей разъ въ семь столичномъ городѣ было не долговременное и продолжилось только немногіе дни, употребляемые племянникомъ моимъ на исправленіе нѣкоторыхъ покупокъ. Что касается до меня, то я воспользовался симъ случаемъ для отданія въ переплетъ всѣхъ моихъ послѣднихъ сочиненій, а особливо своей «Дѣтской философіи». Наилучшимъ переплетчикомъ въ Москвѣ почитался тогда г. Ридигеръ, отправлявшій тогда только ремесло сіе. Они были тотчасъ ему вручены, и самой сей случай впервые тогда познакомилъ меня съ симъ человѣкомъ, съ которымъ имѣлъ я потомъ столь много дѣла и связь дружескую.

Кромѣ сего непреминулъ я повидаться съ нѣкоторыми изъ моихъ родныхъ и знакомцевъ, находившихся тогда въ Москвѣ. Помышлялъ-было я и къ старому князю Гагарину для изъясненія ему своего почтенія, но, подумавъ, и раздумавъ опять. Показалось мнѣ, что будетъ неловко показаться мнѣ къ нему послѣ сдѣланнаго отказа, и подумалось, чтобъ не возмечталъ онъ еще, что я въ томъ раскаиваюсь и къ нему подбиваюсь въ милость; итакъ, разсудилъ лучше оставить его съ покоемъ. Не удалось мнѣ также побывать и въ межевой канцеляріи и распрощать о намѣреніяхъ и предпріятіяхъ г. Пашкова съ его брошеннымъ и неоконченнымъ межеваньемъ. Краткость времени и случившіеся праздничные дни не допустили меня до того въ

тогдашній разъ. Мнѣ случилось только, и то нечаяннымъ образомъ, свидѣться съ другомъ моимъ, г. Сабуровымъ, приѣхавшимъ также тогда въ Москву для нуждъ своихъ, и крайне обрадовавшимся меня увидѣвъ, и убѣдившимъ меня не отступными просьбами побывать у него, хотя на часокъ, стоявшаго у своихъ братьевъ въ домѣ. И я дѣйствительно къ нему ѣздилъ, и былъ всячески угощенъ братьями его, людьми весьма умными и почтенными, и былъ пріемомъ и угощеніемъ ихъ весьма доволенъ. Но о дѣлѣ нашемъ съ Пашковымъ и о его намѣреніяхъ ни онъ, ни они ничего не знали и не могли ничего провѣдать, что было, и не удивительно, потому что Пашковъ, какъ мы послѣ уже о томъ узнали, всячески старался скрыть свою неудачу отъ всего свѣта; и не о продолженіи своего предпріятія, а о томъ наиглавнѣйше помышлялъ, какъ бы утаить и скрыть подъ спудъ всѣ бумаги и дѣла, писанныя во время тогдашняго его межеванья, что ему и не трудно было, по той причинѣ, что главнымъ членомъ въ межевой канцеляріи былъ тогда родственникъ его, господинъ Зинбулатовъ, которой собственно и давалъ ему тогдашняго межевщика. Но какъ онъ ни съ чѣмъ въ Москву возвратился, и ему все происходившее у насъ тамъ пересказалъ, то сей, будучи ему хотя родственникомъ и пріятелемъ, но сказалъ ему прямо, что когда такая бѣда сотворилась и вся степь наша названа государевою землею, то нечего ужъ дѣлать, и что и ему не можно уже никакъ помочь; а присовѣтовалъ ему продолжать владѣть только тѣми мѣстами, которыми онъ владѣлъ и дожидаться генеральнаго въ тѣхъ мѣстахъ межеванья; почему и взять былъ отъ него межевщикъ и откомандированъ въ другое мѣсто; а всѣ письменныя его дѣла положены подъ спудъ до поры до времени, ибо по желанію Пашкова совершенно ихъ уничтожить никакъ было не можно.

Впрочемъ, въ самую сію въ Москвѣ бытность узнали мы о загремѣвшемъ вездѣ слухѣ о появившемся на Ликѣ бездѣль-

никѣ бунтовщикѣ Емелькѣ Пугачовѣ, дерзнувшемъ назвать себя умершимъ бывшимъ императоромъ Петромъ Третьимъ и о безпорядкахъ и смятеніяхъ, произведенныхъ имъ въ тамошнихъ низовыхъ мѣстахъ. Всѣ смѣялись только тогда дерзновенію сего злодѣя и надѣялись, что отправленные для усмиренія его команды скоро все сіе уничтожатъ и злодѣйствамъ его скоро конецъ сдѣлаютъ. Но какъ мало знали всѣ мы тогда что воспослѣдуетъ послѣ, и какой великій пожаръ произведетъ сія искра!

Проводивъ нѣсколько дней въ Москвѣ съ нашими гостями, и побывавъ съ ними во всѣхъ соборахъ, также и въ театрѣ, отправились мы, наконецъ, въ свой дальнѣйшій путь, о которомъ скажу только то, что былъ онъ намъ очень веселъ. ъхали мы превеликимъ обозомъ и доброю компанією; становились на квартирахъ вмѣстѣ, и не было ни одного почлега, гдѣ бы мы, по веселому праву моего племянника, не провели время своего въ смѣхахъ, шуткахъ и въ пріятныхъ и веселыхъ разговорахъ.

Какъ во все путешествіе не случилось съ нами никакихъ остановокъ и ничего особеннаго, то въ немногіе дни и доѣхали мы до Каминскаго уѣзда и до села Веденскаго, и обрадовали племянницъ своимъ приѣздомъ. Какъ оной былъ ими совсѣмъ не ожидаемъ, то не могу изобразить сколько было ихъ удовольствіе, когда онѣ и насъ и исковскихъ нашихъ родныхъ у себя увидѣли. Онѣ не хотѣли почти вѣрить глазамъ своимъ, а особливо старшая изъ нихъ, Надежда Андреевна, которой племянникъ мой былъ болѣе всѣхъ знакомъ, потому что она жила не малое время у нихъ въ домѣ и вмѣстѣ съ нимъ почти воспитывалась. Слезы радости и удовольствія текли у нихъ у всѣхъ изъ глазъ, и онѣ не находили довольно словъ къ возблагодаренію всѣмъ намъ за приѣздъ нашъ и не знали чѣмъ и какъ лучше угостить всѣхъ насъ у себя.

Какъ вмѣстѣ съ собою привезли мы къ нимъ и брата ихъ Александра Андреевича, то были онѣ и тѣмъ чрез-

вычайно довольными. Онѣ увидѣли его уже нѣсколько поднявшимся въ ростъ и перемѣнившимся во многомъ съ того времени, какъ онѣ съ нимъ въ послѣдній разъ разстались, и благодарили меня за всѣ старанія, употребленныя при воспитаніи и обученіи его.

Онѣ затѣвали-было дѣлать для насъ тотчасъ праздники и пиры и сзывать къ себѣ всѣхъ своихъ сосѣдей и друзей; но мы ихъ тотчасъ въ томъ остановили, сказавъ, чтобъ онѣ отложили сіе до другого времени впередъ, и что въ сей разъ пробудетъ у нихъ Михайла Васильевичъ не долго, а поѣдетъ отъ нихъ на короткое время въ свою ярославскую деревню, съ намѣреніемъ возвратиться оттуда опять къ нимъ, и что тогда да будетъ уже ихъ въ томъ воля. Итакъ, провели мы у нихъ немногіе дни пребыванія въ сей разъ у нихъ племянника моего въ семейственномъ только сообществѣ между собою, но, несмотря на то, въ удовольствіи превеликомъ.

Проводивъ Михаила Васильевича въ Ярославль, по неотступной просьбѣ и убѣжденію хозяекъ, остались мы у нихъ на все то время, покуда проѣзжать наши общіе гости въ Ярославль. Они обѣщали возвратиться къ намъ непременно къ масляницѣ и сдержали свое слово.

Между тѣмъ провели мы все сіе время наиболѣе въ разѣздахъ и свиданіяхъ со всѣми ихъ сосѣдями и прежними моими знакомцами и друзьями. Дома госпожи Калычовой, г. Баклановскаго, г. Коржавина и нѣкоторые другіе были тогда нами посѣщены съ нашими племянницами, и вездѣ были мы съ удовольствіемъ принимаемы и угаживаемы. Вездѣ были намъ рады, и всѣ старались къ намъ всячески ласкаться; а приѣзжали и къ намъ многіе изъ нихъ и прочихъ ихъ сосѣдей; а за всѣмъ тѣмъ и не видали мы, какъ прошелъ весь тогдашній короткой мясоѣдъ и приблизилась и самая масляница, случившаяся тогда въ исходѣ февраля мѣсяца.

При свиданіи съ знакомцемъ и пріателемъ моимъ, господиномъ Бакланов-

скимъ, непреминули мы опять заниматься любопытными разговорами о наукахъ, книгахъ и садахъ, и не одну, а многія минуты провели съ отмыннымъ удовольствіемъ, и не было свиданія, при которомъ бы мы не занимались съ нимъ тѣмъ по нѣскольку часовъ сряду.

Наконецъ, возвратились изъ путешествія своего и наши псковитяне, и приѣхали дѣйствительно къ намъ при началѣ масленицы. А тогда и начались у насъ прямо ежедневные почти пиры и празднества, и вымышляемы были всѣ роды забавъ и увеселеній, свойственныхъ днямъ симъ. На дворѣ у нихъ сдѣлана была для катанья прекрасная гора. Сосѣди ихъ приѣзжали къ намъ почти ежедневно, и не было дня, которой не провели бы мы въ смѣхахъ, играхъ и всякаго рода забавахъ и увеселеніяхъ, причемъ натурально не забываемо было и самое катанье.

Наконецъ, настала нашъ и великой постъ и положилъ предѣлъ всѣмъ нашимъ забавамъ и увеселеніямъ, а вкупѣ и пребыванію въ капинскихъ предѣлахъ. Съ наступленіемъ онаго надлежало и Михайлѣ Васильевичу и намъ ѣхать во-свояси, и 3-е число марта былъ тотъ день, въ которой пролито много слезъ при общемъ нашемъ другъ съ другомъ разставаньи. Мы такъ уже всѣ свыклись между собою, что для насъ всѣхъ разставанье сіе было очень печально и горестно. Но никто съ такою чувствительностью не разставался съ нашими псковскими родными, какъ мои племянницы. Онѣ, ровно какъ предчувствуя, что расстаются съ ними на весь свой вѣкъ, и что имъ не удастся болѣе уже никогда ихъ видѣть, проливали цѣлые ручьи слезъ при разставаніи и провозжаніи оныхъ. Что касается до насъ, то мы имѣли къ тому еще нѣкоторую надежду, ибо дали имъ обѣщаніе побывать и у нихъ во Псковѣ, когда не въ слѣдующій годъ, такъ въ будущій за онымъ. Но, ахъ! какъ сильно обманулись и мы въ своихъ заключеніяхъ о будущемъ времени и сколь мало знали тогда, что судьба и самому (мнѣ) не прежде дозволить видѣть сихъ ближнихъ род-

ныхъ моихъ, какъ по простествіи почти цѣлыхъ тридцати лѣтъ съ того времени, а семьянинокъ моихъ лишитъ удовольствія сего даже и до теперешняго времени; и могли-ль мы тогда воображать себѣ, что онѣ видѣли ихъ тогда и въ первой и въ послѣдній разъ? Вотъ что дѣлаетъ отдаленность родныхъ другъ отъ друга!

Мы поѣхали въ самое то же время отъ нихъ и поспѣшали возвратиться въ домъ свой. По приѣздѣ въ Москву, не стали мы долго медлить въ оной, и, остановившись опять у г. Полонскаго, пробыли не болѣе однихъ сутокъ въ сей столицѣ. И я успѣлъ только взять отъ Ридигера переплетенныя мои книги и забѣжать на часокъ въ нѣмецкую книжную лавку, у Воскресенскихъ воротъ, въ которой Ридигеръ сидѣлъ уже тогда сидѣльцемъ, и купить себѣ нѣсколько новыхъ нѣмецкихъ книгъ для деревни.

Впрочемъ узнали мы, что слухъ о Пугачевѣ не только не уничтожился, но увеличивался отъ часу больше. Намъ рассказали уже столько о худыхъ успѣхахъ посланныхъ для усмиренія его командъ и о всѣхъ его злодѣйскихъ дѣяніяхъ, что мы ясно видѣли, что дѣло сіе не походило уже нисколько на шутку, а становилось часъ отъ часу важнѣйшимъ и сумнительнѣйшимъ, и потому поѣхали мы изъ Москвы весьма съ неприятными о семъ предметѣ мыслями.

Въ деревню свою приѣхали мы около 11-го марта, что случилось уже быть на второй недѣли великаго поста, и, къ удовольствію своему, нашли всѣхъ дѣтей своихъ и здоровыми и благополучными. Тутъ, къ удивленію своему, нашелъ я опять два пакета, полученныхъ безъ меня ко мнѣ изъ Петербурга, изъ Экономическаго Общества.

Я, развернувъ первой, удивился, найдя въ немъ письмо отъ г. Нартова, писанное еще 9-го декабря минувшаго года, слѣдовательно, шедшее ко мнѣ ровно три мѣсяца. Въ ономъ бомбандировалъ онъ меня опять просьбами о скорѣйшемъ увѣдомленіи его о себѣ и о сво-

ихъ обстоятельствахъ, и опять наполнилъ все письмо свое дружескими изъясвленіями сожалѣнія своего о пресѣченіи нашей переписки и удивленіемъ, что онъ не знаетъ тому причины. Наконецъ говорилъ, что Экономическое Общество препоручило ему сообщить мнѣ пьесу о истребленіи червей на пашняхъ и желаетъ, чтобъ я по оной сдѣлалъ опыты, и прочее.

Второе-же письмо было официальное, отъ имени всего Общества и во всей формѣ препоручительное мнѣ, или предписывающее, чтобъ я непременно сдѣлалъ всѣ нужные опыты по приложенной книжкѣ и формѣ и рисунку сохи, относящіяся до истребленія сихъ червей на пашняхъ, за подписаніемъ того-жъ г. Нартова, но уже 9-го января 1774 года; и сіе шло уже два мѣсяца.

Оба сіи письма меня удивили и нѣкоторымъ образомъ сконфузили. Я не могъ опять довольно надивиться неполученію Нартовымъ моихъ писемъ и сожалѣлъ о томъ искренно. Съ другой же стороны препорученіе мнѣ Обществомъ комисіи, относящейся до предприниманія опытовъ къ истребленію червей, было мнѣ нѣкоторымъ образомъ не только непріятно, но и отяготительно. «Чтожъ такое? думалъ и говорилъ я самъ себѣ: — господа сіи, отъ которыхъ я, какъ отъ козловъ, ни шерсти, ни молока, или никакого добра себѣ еще не выдать, кромѣ пустыхъ и малозначущихъ похвалъ, недовольны будучи еще тѣмъ, что тружусь, пишу, хлопочу и убытчу при отсыланіи къ нимъ своихъ писемъ и сочиненій, платя за то очень дорого, безъ всякаго за то возмездія, вздумали еще, такъ сказать, и верхомъ на мнѣ ѣздить и дѣлать мнѣ предписанія... Дѣлай-ста я въ угожденіе имъ разныя опыты и по рисункамъ сохи, и лихія болѣсти, и увѣдомляй ихъ объ оныхъ. Хоть бы, право, и потише разъ!... и что право за диковинка?» и такъ далѣе. И какъ по счастью въ здѣшнихъ мѣстахъ тѣхъ червей въ хлѣбахъ, о какихъ они упоминали, никогда не бывало и намъ они неизвѣстны, то положилъ я отвѣтствовать имъ коротко, что въ здѣшнихъ мѣстахъ

червей такихъ нѣтъ и никогда по сіе время не бывало, и что опыты по ихъ предписанію дѣлать мнѣ не надъ чѣмъ, и тѣмъ отъ сей комисіи отдѣлаться.

Все теченіе великаго поста препроводилъ я въ обыкновенныхъ своихъ кабинетныхъ упражненіяхъ и во все, остающееся мнѣ отъ разъѣздовъ по гостямъ и приниманія ихъ у себя, время употреблялъ отчасти на чтеніе прежнихъ и вновь купленныхъ и съ собою изъ Москвы привезенныхъ нѣмецкихъ и французскихъ книгъ; а какъ начали дни уже гораздо увеличиваться, и комнатною своею ранжереею, или горшками, коими всѣ окна въ домѣ моемъ были установлены. Непмѣніе у себя ни ранжерей, ни теплицы, ни самыхъ парниковъ, къ чему ко всему не имѣлъ я никогда дальней охоты, награждалъ я недостатокъ оныхъ ящиками и горшками, содержимыми въ комнатахъ, и при приближеніи каждой весны все нужное въ нихъ самъ садилъ, сѣялъ и возвращалъ, что и доставляло мнѣ еще больше удовольствія, нежели инымъ самымъ ранжерей и теплицы.

Кромѣ сего, по обыкновенію своему, занимался я при увеличившихся дняхъ и въ сей годъ опять разными родами рисованья, какъ водяными, корпусными и сухими, такъ и самыми масляными красками, и дѣлалъ сіе какъ для собственнаго своего удовольствія, такъ и для наставленія и приучиванія къ тому же обоимъ моихъ сотоварищей и учениковъ. Ибо я не только привезъ съ собою опять обратно племянника своего Травина, но по возвращеніи въ домъ свой, взялъ опять къ себѣ и старшаго сына сосѣда моего г. Ладыженскаго, Никиту Александровича. Сихъ-то обоимъ, такъ сказать, воспитанниковъ своихъ старался спознакомливать я, сколько могъ, не только съ нужнѣйшими для нихъ науками, но и съ рисованьемъ всякаго рода, а сверхъ того, какъ нерѣдко гащивали у меня и обѣ дочери тетки Матрены Васильевны Арцыбышевой, то дѣлалъ сіе нѣкоторымъ образомъ и для нихъ, дабы преподавать и имъ нѣкоторое о томъ

понятіе. А все сіе и доставляло мнѣ множество минутъ пріятныхъ и помогало время сіе проводить съ удовольствіемъ.

Какъ въ числѣ купленныхъ въ Москвѣ мною нѣмецкихъ книгъ были нѣкоторыя, относящіяся и до натуральной исторіи, которыя мнѣ нужны были для почерпнiя изъ нихъ нужнаго при продолжаемомъ по временамъ сочиненіи моей «Дѣтской философіи»; и между ими находилась и одна ботаническая книга, а именно Рейгерова описаніе дикорастущихъ въ окрестностяхъ Данцига произрастеній, расположенное по ихъ разнымъ родамъ, отродіямъ и видамъ; то особливаго замѣчанія было достойно, что при чтаніи оной не только получилъ я общее и довольно достаточное понятіе о сей части натуральной и доселѣ мнѣ незнакомой еще части натуральной исторіи, но получилъ даже и самую охоту къ ботаникѣ, и потому съ неописанною нетерпѣливостію дожидался сошествія снѣга и наступленія весны, дабы мнѣ, по руководству сей книги, тотчасъ начать спознакомливаться со всеми растущими у насъ дикими травами и другими произрастеніями, и чрезъ разсматриваніе состава ихъ цвѣтковь узнавать ихъ роды, отродія и имена, приданныя имъ отъ ботаниковъ.

Въ сихъ и подобныхъ сему упражненіяхъ и другихъ экономическихъ любопытныхъ занятіяхъ и не видалъ почти я, какъ прошелъ и весь нашъ великой постъ; а начавшіяся тали и обнаженіе земли отъ снѣга и послѣдовавшая затѣмъ прекрасная всегда въ нашемъ селеніи половодъ, подали мнѣ новые поводы къ увеселеніямъ и забавамъ душевнымъ. Признаюсь, что мнѣ всегда сіе время бывало въ особенности любезно и пріятно, и возобновляло въ душѣ моей новыя и наипрѣятнѣйшія чувствованія. Съ отмѣннымъ и превеликимъ удовольствіемъ сматривалъ я всегда на яркую бѣлизну, въ мартѣ, начинающихъ уже таять снѣговъ; на отмѣнную ясность солнца и свода небеснаго, на обнажающіеся кой-гдѣ первые бугорки земли; на пер-

вые капли съ кровли и ручейки снѣжной воды и на всѣ особыя движенія всѣхъ животныхъ, и потомъ на самую половодъ, меня всякой разъ отмѣнно увеселяющую; а книги, содержащія въ себѣ описанія красотъ природы, которыя обыкновенно я въ сіи времена читывалъ, дѣлали мнѣ въ томъ великое вспомошествованіе и производили то, что всѣ, и такіе предметы, на которые смотрятъ множайшіе люди безъ всякихъ чувствій и удовольствія, производили собою въ душѣ моей наисладчайшія и пріятнѣйшія движенія оной и доставляли мнѣ тысячу минутъ пріятныхъ.

Наконецъ сошелъ у насъ снѣгъ, прошла половодъ, стала наступать уже весна и началось время, удобное и способное уже къ копанію земли и первѣйшимъ садовымъ работамъ. Сего времени я уже давно съ нетерпѣливостію дожидался, ибо хотѣлось мнѣ произвести въ сію весну одно, давно уже затѣянное и нѣкоторымъ образомъ еще въ 1772 году начатое, весьма большое и важное дѣло, а именно: до сего имѣлъ я у себя хотя два или паче три нарочитой величины сада, но всѣ они далеко не въ состояніи были удовлетворить собою моей охоты къ садамъ; мнѣ казалось, что все еще ихъ было мало, и хотѣлось завести еще одинъ, гораздо всѣхъ ихъ обширнѣйшій и уже не регулярной, а единственно плодovitой и назначенной быть всегда продажнымъ и къ доставленію мнѣ собою знаменитаго прибытка. Желаніе къ сему уже давно во мнѣ возродилось, но долго я самъ съ собою не соглашался, гдѣ назначить подъ него мѣсто, ибо въ прежней усадьбѣ своей, по великой тѣснотѣ и ограниченности оной, не было нигдѣ празднаго и способнаго къ тому мѣста; а изъ полевой земли назначить къ тому оное, какъ единое остающееся мнѣ средство, мѣшало то, что ближнія пашни не всѣ были мои, но перемѣшаны чрезполосно съ сосѣдскими, и оставалось только развѣ поразмѣняться съ ними и вымѣнить хотя нѣсколько десятинъ къ одному мѣсту.

Какъ сіе наконецъ мнѣ и удалось, и я увидѣлъ цѣлыя три десятины, сряду и подлѣ самой моей усадьбы за прудами лежація, въ моемъ собственномъ владѣніи, то не долго думая и назначилъ я всѣ ихъ подѣ новозатаиваемой большой садъ. И какъ все сіе великое пространство мѣста вдругъ обнестъ какою-нибудь оградой былъ я не въ состояніи, то положилъ на первой случай окопать все оное глубокимъ рвомъ и оградить землянымъ валомъ, что и начали мы производить въ дѣйство еще въ 1772 году и въ послѣдующій за онымъ; и какъ работа сія была уже кончена, а между тѣмъ подготовлено было у меня уже нарочитое число прививочныхъ и отводковыхъ яблонокъ, то и дожидался я сей весны для перваго посаженія всѣхъ ихъ уже въ оной и къ сдѣланію чрезъ то ему формальнаго уже основанія.

Итакъ, не успѣлъ сойтить снѣгъ и мѣсто сіе отъ него опростаться и сколько нибудь обчехнуть, какъ и приступилъ я тотчасъ къ назначенію мѣстъ въ немъ подѣ деревья и къ посадкѣ оныхъ. И особливаго замѣчанія достойно, что случилось сіе въ самую великую пятницу, бывшую въ сей годъ 18 апрѣля, и я работою сею такъ занялся, что провелъ весь день съ утра до вечера въ оной не ѣвши и не пивши ничего и не чувствовавшего даже къ тому и охоты. Совсѣмъ тѣмъ всѣхъ заготовленныхъ и поспѣвшихъ къ пересадкѣ яблонокъ далеко не достало на занятіе ими всего пространства, а всего стало только съ небольшимъ на половину оного; а поелику заведенъ онъ на пашенной полевой землѣ, то самое сіе и подало мнѣ поводъ называть его полевымъ садомъ, которой въ послѣдствіи времени и былъ хотя подтвержденъ многими несчастіямъ, но, существуя и по нынѣ, приноситъ мнѣ уже доходъ довольно изрядной.

Наставшую послѣ сего Святую недѣлю провели мы по прежнему обыкновенію довольно весело, въ разныхъ свиданіяхъ съ родными своими и сосѣдами и въ забавахъ, сему времени свойственныхъ. А

какъ между тѣмъ начала уже оживать и трава и показываться кой-гдѣ разныя цвѣточки, то по намѣренію моему и не преминулъ я за первое въ жизни моей ботанизирование, или при помощи книги моей разсматривать всѣ оныя уже ботаническими глазами и узнавать къ какому классу, породѣ и отродію принадлежитъ то произрастеніе, и какъ которое изъ нихъ собственно называется. И Боже мой! какое неописанное удовольствіе я имѣлъ, когда первые опыты стали удаваться мнѣ наивожделѣннѣйшимъ образомъ, и когда, по ботаническимъ примѣтамъ узнавъ породу, узнавалъ вкупѣ и официальные, и ботаническія названія онымъ, и сколько пріятныхъ и неоцѣненныхъ минутъ они мнѣ доставляли! Не успѣвалъ я узнать собственное латинское и нѣмецкое названіе какой-нибудь разсматриваемой травки, какъ благимъ матомъ хватался я за Цынковъ Экономическій и Гибнеровъ натуральной лексику и приписывалъ уже въ нихъ статьи подѣ сими названіями, и какъ радовался, когда находилъ описанія онымъ сходныя съ описаніемъ Рейгера, находилъ вкупѣ и упоминанія о томъ, какія которая изъ нихъ имѣла свойства и силы, и которыя изъ нихъ принадлежали къ врачевнымъ и способны были помогать отъ какихъ болѣзней. И Боже мой! какъ много увеличивалось тогда чувствуемое мною удовольствіе, когда узнавалъ я, что иная довольно намъ извѣстная и нами нисколько не уважаемая травка достойна была иногда наивеличайшаго нашего, по цѣлебнымъ ея силамъ, примѣчанія и уваженія. Я прыгалъ почти иногда при такихъ случаяхъ отъ радости, и съ узнаваніемъ вновь какой-нибудь травы получалъ вновь, равно какъ нѣкоего новаго себѣ друга и знакома, и удовольствіе мое было неизреченно.

Вотъ въ которое время стали начинаться всѣ мои ботаническія знанія, доставившія мнѣ въ послѣдствіи времени случай и возможность сдѣлаться съ сей стороны полезнымъ своему отечеству и доставить безчисленному множеству соотечественниковъ моихъ не только нынѣш-

нимъ, но и самымъ потомкамъ ихъ существенную пользу, и заслужить чрезъ то несчетныя благодаренія отъ оныхъ.

Въ таковыхъ-то пріятныхъ и полезныхъ занятіяхъ, вмѣстѣ съ прочими весенними садовыми упражненіями, проводилъ я все достальное время мѣсяца апрѣля, а тѣмъ же самымъ продолжалъ я заниматься и въ наступившій потомъ май мѣсяць.

Въ теченіе оного имѣлъ я удовольствіе получить опять изъ Петербурга превеликой пакетъ изъ Экономическаго Общества; но какимъ удивленіемъ поразился я, нашедъ въ ономъ одну только книгу, содержащую въ себѣ XXII-ю часть Трудовъ Общества, а письма приложеннаго къ ней ни отъ кого и никакого не было. Я не зналъ и не понималъ, чтобъ такое сіе значило и подумалъ, что не разсердился-ли на меня г. Нартовъ, что не захотѣлъ удостоить меня въ сей разъ письмомъ своимъ. Но какъ увеличилось удивленіе мое, когда начавъ разсматривать сію книгу, въ которой безсомнѣнно надѣялся я найти послѣднія свои сочиненія напечатанными, увидѣлъ, что ни одного изъ всѣхъ ихъ не было, хотя онѣ давнымъ-давно были уже отъ меня отправлены; а вся она, несмотря на всю свою толстоту и на печатаніе на прекрасной александрійской бумагѣ, содержала одно только странное сочиненіе г. Шретера и сочиненіе самое вздорное, глупое и ни малѣйшей никому пользы принести не могущее. «Боже мой! что-жъ такое будетъ! воскликнулъ я съ нарочито огорченнымъ духомъ:—вздоръ такой печатають и занимають имъ цѣлыя книги, а такія хорошія и прямо полезныя для многихъ замѣчанія и сочиненія, каковы мои, лежатъ у нихъ и прѣютъ, или, что того еще хуже, можетъ быть и совсѣмъ не напечататься. Въ состояніи ли такая медленность побуждать и наусерднѣйшаго человѣка къ продолженію трудовъ своихъ и захотить къ дальнѣйшей и многокоштной пересылкѣ къ нимъ трудовъ своихъ? Какъ давно отправилъ я уже къ нимъ всѣ послѣднія свои пре-

красныя и важныя пьесы, и сколько времени жду и не могу дожидаться видѣть ихъ напечатанными? И что-жъ это будетъ, и при такой удивительной медленности сколько лѣтъ къ тому будетъ потребно, чтобы успѣть имъ напечатать все то, что на умѣ и въ намѣреніи моемъ было сообщить имъ изъ всѣхъ безчисленныхъ и прямо полезныхъ вещахъ, мнѣ сдѣлавшихся извѣстными и достойныхъ преданными быть тисненію. Теперь не удивляюсь я тому, говорилъ я далѣе, что все наше Экономическое Общество нимало ни къмъ не уважается, и что лишилось оно и отъ тѣхъ уваженія, которые онымъ его еще удостоивали. При такомъ порядкѣ лучшаго и ожидать не можно».

Симъ и подобнымъ сему образомъ изъвѣщая я свое неудовольствіе на оное и въ чувствуемой досадѣ полагалъ не посылать къ нимъ впредь ничего и не трудиться для нихъ попустому, покуда не увижу послѣднихъ моихъ пьесъ въ трудахъ ихъ напечатанными.

Между тѣмъ, какъ настала уже совершенная весна, то вспомнилъ я о обѣщаніи моемъ, данномъ шадскимъ моимъ сосѣдямъ, чтобъ приѣхать къ нимъ сею весною для измѣренія всѣхъ ихъ дачъ и для разровненія ихъ по душамъ между деревнями, но не зналъ, что тогда дѣлать и предпринимать-ли мнѣ сіе путешествіе, или нѣтъ? Сколь ни горячо я тогда въ сіе дѣло вступился, и какъ ни ревностно хотѣлъ предпріять для пользы всѣхъ ихъ сей необъятно великій трудъ, но жаръ сей имѣлъ время гораздо попростыть, а здравѣйшія размышленія обо всѣхъ тамошнихъ и своихъ обстоятельствахъ и гораздо оной простудили, или паче совсѣмъ уничтожили; ибо, во-первыхъ, за бездѣйствіемъ Пашкова не находилъ я никакой дальней надобности къ поспѣшенію симъ дѣломъ; во-вторыхъ, сомнѣвался я, и не безъ основанія, что едва-ли будетъ на то и единодушное согласіе всѣхъ жителей тамошнихъ деревень, и не произойдетъ-ли тысячи препонъ и помѣшательствъ мнѣ въ

томъ дѣлѣ? Мысли объ одномъ Рахмановѣ и о наглomъ и скверномъ его характерѣ устрашали меня невѣдомо сколько. «И что-жъ будетъ, говорилъ я самъ себѣ:—если я пробѣжу туда попустому и не только изубытчусь и трудамъ подвергну себя самопроизвольно безчисленнымъ, но и въ домѣ чрезъ отлучку на все лѣто, или по меньшей мѣрѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, во всемъ сдѣлаю упущеніе, а всѣмъ тѣмъ ничего добраго не сдѣлаю и можетъ быть, что всего и вѣроятнѣе, съ одною только досадою и стыдомъ отъ тщетной и напрасной вѣзды возвратиться принужденъ буду домой».

Тако размышляя и нѣсколько разъ самъ съ собою разговаривая, я, признаться, не имѣя охоты разстаться съ своими садами и съ спокойною своею деревенскою жизнію, сказалъ я наконецъ самъ себѣ: «Нѣтъ, нѣтъ! Оставайся-ка они тамъ съ Богомъ и живи, какъ жили прежде, до поры до времени; а ты, мой другъ, Андрей Тимоѣевичъ, на невѣрное не пускайся и безъ дальней надобности не подвергай себя безчисленнымъ трудамъ и безпокойствамъ, а оставайся-ка себѣ благополучно въ своемъ Дворяниновѣ и занимайся по прежнему своими садами и другими для тебя любезными и счастье твоихъ дней составляющими упражненіями».

Симъ образомъ рѣшившись не ѣхать, а оставшись дома проживать по прежнему свое время въ своей деревнѣ, началъ я помышлять о томъ, въ чемъ бы и въ чемъ

препроводить мнѣ тогдашнее лѣто, какія предпріять новыя въ садахъ работы, и въ чемъ, и въ чемъ заниматься мнѣ лучше и располагать въ мысляхъ все то, что предварительно къ тому было нужно.

Но, ахъ! какъ мало зналъ я тогда, что воспослѣдуетъ чрезъ немногіе послѣ того дни и часы! И могъ-ли я подуматъ, что тогда доживалъ я не только послѣдній годъ, но и послѣдніе дни и часы въ моей деревнѣ, и что уже давно начался тотъ мѣсяцъ, въ которой Промыслу Господню угодно было перемѣнить все мое положеніе и назначить тогдашніе дни быть послѣдними пребыванія и жительства моего въ деревнѣ, и что уже готово было совсѣмъ назначенное для меня имъ иное и новое поприще къ прохожденію въ моей жизни. Словомъ, весь помянутой счетъ мой дѣланъ былъ совсѣмъ безъ хозяина, и явившаяся вдругъ предъ крыльцомъ моимъ кибитка и вышедшій изъ ней совсѣмъ незнакомой для меня челоуѣкъ разрушилъ вдругъ и въ одинъ почти мигъ всѣ помянутые мои замыслы и затѣи, и заставилъ думать о иныхъ и несравненно важнѣйшихъ предметахъ.

Но о семъ начну разсказывать вамъ уже въ послѣдующемъ за симъ собраніи моихъ писемъ, а теперешнее симъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

Конецъ XVI-й части.

(Кончена сочиненіемъ декабря 26-го дня 1808, а перепискою февраля 8-го дня 1810 года).

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XVII.

Въ Дворяниновъ: сочинена въ началѣ 1809 года, переписана 1810 года.

Исторія моего пребыванія въ Кіасовѣ.

1774 годъ.

Письмо 171-е.

Любезный пріятель! Въ послѣднемъ моемъ письмѣ прервалъ я повѣствованіе мое тѣмъ, что вдругъ и противъ всякаго чаянія и ожиданія явилась предъ крыльцомъ дома моего кибитка, и вышедшій изъ ней совсѣмъ мнѣ незнакомой человѣкъ разрушилъ въ одинъ почти мигъ всѣ мои дальновидные замыслы и помысленія о томъ, въ чемъ и въ какихъ занятіяхъ и дѣлахъ препроводить мнѣ тогдашнее лѣто, и какъ бы расположить жизнь мою такъ, чтобы была она для меня пріятнѣе и веселѣе, и обратилъ всѣ мысли и помысленія мои на иные предметы.

Не сомнѣваюсь, что слова сіи были тогда для васъ загадкою, и что вы съ любопытствомъ и теперь ожидаете отъ меня разрѣшенія оной. Сіе и долженъ я учинить, и вотъ слушайте что такое сіе было:

Помянутой кибиткѣ, запряженной тремя ямскими лошадьми, случилось прискакать на мой дворъ въ самое то время, когда я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ любимомъ своемъ и спокойномъ уголкѣ и не помню что такое писалъ. Какъ она вмигъ прилетѣвъ къ крыльцу моему, находившимся подъ самымъ тѣмъ окошкомъ гдѣ я сидѣлъ, остановилась, то поразившись сею неожиданностью смотрю я на выходящаго изъ ней и подлѣ самаго окна на крыльцо всходящаго человѣка съ любопытствомъ, и удивляюсь. Казался

онъ мнѣ совсѣмъ незнакомымъ, небольшого роста, плотенъ собою и одѣтъ такъ, что я не зналъ: ни то онъ какой благородной, ни то изъ приказныхъ, ни то офицерскаго ранга, ни то иного какого.— «Господи! думалъ я тогда и въ мысляхъ говорилъ самъ съ собою: ктобы такой это былъ? не понимаю!.. и пошелъ встрѣчать его и принимать въ свою залу. Гость мой входитъ, кланяется мнѣ учтивымъ и пріятнымъ образомъ и не съ другого слова спрашиваетъ меня, я-ли Андрей Тимоѣевичъ? — Точно я, говорю; но объ васъ смѣю спросить, съ кѣмъ имѣю я честь говорить? — «Я, судырь, Шебашевъ». — Имя ваше? — «Левъ Петровъ сынъ!» — А достоинство и чинъ вашъ? — «Секретарь, сударь», отвѣчаетъ онъ мнѣ. — Сіе меня еще болѣе удивило. «Господи! говорю я опять самъ себѣ, откуда бы такой и зачѣмъ ко мнѣ пожаловалъ». Однако не спрашивая еще о томъ говорю ему: «Милости прошу батюшка, пожалуйста сюда»; и зову его съ вѣжливостью и ввожу въ мою гостинную. Тутъ стараюсь я его посадить въ креслы, но онъ вмѣсто того достаетъ изъ кармана и подаетъ мнѣ письмо, запечатанное большою печатью съ изображенными на ней орденами. «Отъ кого бы это было?» думалъ я, и вдругъ развернувъ письмо спѣшу смотрѣть на подпись. — «Ба! воскликнулъ я поразившись удивленіемъ это конечно отъ князя Сергія Васильевича Гагарина?» — Точно отъ него, сказалъ г. Шебашевъ, и я имѣю честь быть его секретаремъ. Его сіятельство приказалъ

вамъ кланяться и убѣдительноше васъ о томъ просить, о чемъ онъ къ вамъ въ этомъ письмѣ писать изволилъ».

Сіе, натурально, увеличило еще мое удивленіе. Я усугубилъ мою просьбу о томъ, чтобъ онъ сѣлъ, и сѣвши самъ подлѣ его сѣвши читалъ сію бумагу. Но какою пріятною неожиданностью поразился вдругъ я, когда читая увидѣлъ, что князь увѣдомлялъ меня, что онъ торгуетъ и хочетъ купить для государыни, не далеко отъ меня лежащую и тысячахъ въ четирахъ душъ состоящую Кіасовскую волость, и ласковѣйшимъ образомъ просилъ меня, чтобъ я взялъ на себя трудъ и со вручителемъ сего письма, его секретаремъ, котораго онъ нарочно ко мнѣ для сего отправилъ, сѣздить, осмотрѣть и описать сію волость къ нему бы въ Москву приѣхалъ, и что естли волость сія мнѣ понравится и онъ ее купить, то желалъ бы онъ, чтобъ я согласился принять на себя управленіе оною, въ которомъ случаѣ предлагалъ мнѣ 400 рублей жалованья, казенныхъ лошадей для ѣзды, и приличное количество хлѣба для моего содержанія.—И пересказавъ сіе оканчивалъ тѣмъ, что какъ волость сія лежитъ отъ жительства моего недалеко, и я зависѣть буду единственно отъ него, а не отъ кого другого, то и льститъ онъ надеждою, что я не отрекусь желаніе и просьбу его выполнить.

Признаюсь, что вся кровь взволновалась во мнѣ при чтаніи сей бумажки; краска выступила въ лицо, руки трепетали и сердце хотѣло выпрыгнуть, и я долго не могъ собраться съ мыслями и сыскать словъ въ отвѣтъ на его поклоны и повторяемая именемъ князя о соглашеніи моемъ просьбы.—«Батюшка ты мой! сказалъ я ему наконецъ: дѣло сіе не составляетъ бездѣлки и такого рода, что мнѣ объ немъ неинако какъ непередъ хорошенько подумать и погадать надобно, и вы извините меня что я не могу еще сказать вамъ ничего рѣшительнаго о томъ».

— «Очень хорошо! подхватилъ онъ, и это самая правда! но всѣ обстоятельства кажутся таковы, что можно бы истинно

вамъ на предложеніе сіе согласиться! Волость, какъ говорятъ, такая хорошая, мѣсто и должность будетъ никому непостыдная; жить будетъ гдѣ, есть, говорить, въ ней домъ господской каменной со всѣми принадлежностями, а командиръ-то, командиръ такой доброй, честной и любезной человѣкъ».

— «То такъ, подхватилъ я, все это хорошо и все не худо; но батюшка ты мой, я и своимъ состояніемъ до сего времени былъ доволенъ, достатокъ имѣю хотя небольшой, но живу съ покоемъ и, по милости Господней, не терплю ни въ чемъ недостатка. Жить мнѣ, какъ видите вы сами, есть гдѣ, веселиться есть чѣмъ; стужи и нужды не терплю, ѣсть и пить есть что, голоднымъ никогда не бывалъ. Людей и деревень хотя не много, но тѣмъ меньше заботъ и трудовъ для управленія ими потребныхъ, и тѣмъ болѣе остается мнѣ свободнаго времени, для заниманія себя науками и разными другими упражненіями, которыя меня увеселяютъ и до конхъ я охотникъ. И сія свобода, государь мой, для меня всего дороже, и мнѣ весьма-бы весьма не хотѣлось съ нею разстаться».

— «Все это хорошо, подхватилъ г. Шебашевъ, но повѣрьте, что и тамъ вы много также свободы имѣть будете. Нужно вамъ будетъ сначала нѣсколько потрудиться и привести все нужное въ порядокъ, а тамъ и будете жить какъ вамъ угодно. Князь у насъ такой доброй, такой милостивой, невзыскательной и добродушный человѣкъ, что я готовъ-бы умереть подъ его командою. Онъ-же васъ уже и теперь любитъ, а вѣрно полюбитъ еще болѣе и вы безсомнѣнно будете имъ довольны; а сверхъ того всегда, когда вамъ будетъ угодно, можете вы приѣзжать и въ домъ свой, такъ близко — «Но помилуй, подхватилъ я, гдѣ это лежитъ сія волость, что я объ ней и о имени ея никогда не слыхивалъ?»—«Въ Коломенскомъ уѣздѣ, отвѣчалъ онъ, на большой дорогѣ изъ Москвы въ Коширу за 60 верстъ отъ Москвы, и отсюда, какъ думаю, не бо-

лѣ какъ версты 30, а много-много 40 только будетъ. Подумайте-ка батюшка!»

Сіе послѣднее въ самомъ дѣлѣ заставило меня думать и начало уже нѣкоторымъ образомъ преклонять къ принятію дѣлаемаго мнѣ предложенія. А какъ сверхъ того именемъ князя сталъ онъ повторять опять прежнее его обѣщаніе опредѣлить меня въ волость Богородицкую, какъ скоро Опухтинъ пойдетъ въ отставку и туда изъ сей волости меня перевести, то сіе и болѣе уже меня мыслить о томъ и на предложеніе его соглашаться побуждало.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ все выше упомянутое мы съ нимъ одинъ—наединѣ говорили, и домашнія мои ничего еще обо всемъ томъ не вѣдали, то попросивъ извинить меня, что я на нѣсколько минутъ отъ него отлучусь, побѣжалъ я къ нимъ показывать княжеское письмо и рассказывать все слышанное. Сихъ поразила также сія неожиданность чрезвычайно. Онѣ не менѣе моего всему тому удивились, и погрузились въ великое недоумѣніе и разстройку мыслей; однако сіе продолжилось недолго. Сколько ни сердились и ни досадовали онѣ еще до самаго сего времени на князя Гагарина за то, что провoločилъ онъ меня и въ Москву и въ Вобрики попустому, но сіе новое предложеніе его тотчасъ ихъ съ нимъ опять помирило и сдѣлало къ нему благосклоннѣйшими, и я скоро увидѣлъ, что имъ оное было нимало не противно. А какъ скоро пересказалъ я имъ всѣ обстоятельства и выгоды, сопряженныя съ симъ предлагаемымъ мнѣ мѣстомъ, то не долго думая начали онѣ мнѣ говорить, что подумавши о томъ хорошенько, хоть бы и не отторгать отъ себя сего предложенія, или по крайней мѣрѣ согласиться съѣздить съ Шебашевымъ для осмотра волости. «Когда она такъ близко, говорили онѣ, то великаго-ль труда стоитъ туда съѣздить. По крайней мѣрѣ увидѣлъ бы что за волость и каково мѣсто, и стоять-ли того, чтобъ для управленія оною оставить домъ и переселиться на время жить въ оную. Вѣда не велика,

что съѣздить; можно и тогда еще отказаться, когда дѣло окажется несходнымъ и мѣсто не полюбится. А теперь право бы, по нашему мнѣнію, отказываться отъ того не надобно.—Поѣзжай-ка, батюшка, и посмотри. Богъ знаетъ, что строить! присовокупили онѣ къ тому. Самъ ты много разъ говаривалъ, что такихъ случаевъ не надобно упускать, которые сами собою и безъ всякаго исканія и домогательства приходятъ».

Сими послѣдними словами убѣдили онѣ всего болѣе со мнѣніемъ ихъ согласиться. «Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я самъ въ себѣ, вѣдь я сего самъ не искалъ и не желалъ нимало, а приходитъ оно само собою. Почему знать, можетъ быть все это произошло и происходитъ по дѣйствию благодѣющаго мнѣ Промысла Господня, и есть на то воля моего Господа; и знаю-ли я, что онъ намѣренъ устроить и учинить со мною? Жизнь моя и все относящееся до оной единожды и навсегда препоручена мною его разсмотрѣнію и предано все на его святую волю».

Симъ и подобнымъ сему образомъ самъ съ собою разсуждая и находя отъчасу болѣе вѣроятія и безсомнѣнности въ томъ, что происходитъ сіе по волѣ Господней и влечетъ меня къ сему дѣлу его невидимая десница, не сталъ я долго медлить изъяснить и мое согласіе на слова моей жены и ея матери, и посовѣтовавъ еще нѣсколько съ ними, и наконецъ рѣшившись слѣдовать сему зову и благословясь вышелъ я опять къ г. Шебашеву, занимавшемуся между тѣмъ разговорами съ обоими моими воспитанниками и учениками, и ему сказалъ:

— «Ну! быть такъ, Левъ Петровичъ! соглашаюсь удовлетворить желаніе его сіятельства и ѣхать съ вами для осмотра и описанія сей волости, а тамъ посмотримъ и увидимъ, что будетъ далѣе!» — «Очень хорошо! воскликнулъ обрадовавшійся мой Шебашевъ, поѣдемъ, батюшка! Вы сдѣлаете тѣмъ князю великое удовольствіе». — «Это хорошо, сказалъ я: но дайте мнѣ по крайней мѣрѣ сколько-нибудь времени къ путешествію сему со-

браться и распорядить все нужное для сей отлучки въ домѣ». — «Сколько хотите, воскликнулъ и сказалъ на сіе Шебашевъ: однако весьма бы не худо, еслибъ вы тѣмъ колико можно посѣщили. Князю очень хотѣлось, чтобъ мы не замедлили слишкомъ много симъ дѣломъ».

Въ самое сіе время вышли къ намъ и обѣ мои хозяйки и я, спознакомивъ ихъ съ господиномъ Шебашевымъ и оставивъ ихъ угощать его чаемъ и завтракомъ, а его — занимать ихъ разсказами о князѣ и волостяхъ, побѣжалъ самъ тотчасъ въ сады, для сдѣланія распоряженія, что и что безъ меня садовникамъ дѣлать, а вкупѣ назначать людей, кому со мной ѣхать и готовить къ путешествію сему свою дорожную коляску и приготавливать все, что намъ съ собою брать надлежало.

Давно прошедшее время и пожаръ, лишивъ меня всѣхъ относящихся до сего времени записокъ и бумагъ, лишаетъ меня удовольствія замѣтить именно тотъ достопамятный день, въ которой сіе случилось и которой имѣлъ толь великое влияние на все продолженіе моей жизни; а помнится мнѣ, что случилось сіе въ мѣсяцъ маѣ, и что въ тотъ же день и ровно какъ нарочно случилось приѣхать къ намъ тетка Матренѣ Васильевнѣ и другу моему Ивану Григорьевичу Полонскому, бывшему тогда въ деревнѣ. И оба они намѣреніе мое не только одобрили, но мнѣ совѣтовали никакъ не упускать сего случая и отъ мѣста сего не отбиваться; а г. Полонской присовокуплялъ къ тому, что онъ слышалъ и о сей волости и довольно знаетъ, что она лежитъ за рѣкою Окою не далѣе отъ него какъ верстѣ за тридцать, и сказывалъ гдѣ намъ въ нее и черезъ какія мѣста и ѣхать.

Такимъ образомъ, собравшись на скорую руку и распрощавшись съ своими родными, на другой день послѣ того мы съ г. Шебашевымъ въ путь свой и отправились и успѣли въ тотъ же еще день къ вечеру приѣхать въ село Кіясковку, какъ главное мѣсто во всей этой волости.

Насъ тамъ нѣкоторымъ образомъ уже

и дожидались, ибо отъ помѣщицы сей волости, княгини Бѣлосельской, дано было уже волостнымъ начальникамъ знать, что будутъ присланные отъ князя Гагарина для осмотра и описанія волости и предписано, чтобъ насъ не только до того допустить, но оказывать и возможнѣйшее намъ учтивство и въ томъ вспомоствованіе. Почему не успѣли мы, приѣхавъ на господской дворъ, о себѣ сказать, какъ приѣжалъ къ намъ управляющій всею волостью прикащикъ, и, введя насъ въ нижнемъ этажѣ дома въ одну приготовленную для пребыванія нашего небольшую комнату, спрашивалъ, что для насъ угодно и что мы приказать изволимъ. Мы потребовали только, чтобъ лошадей нашихъ снабдили кормомъ, а повара чѣмъ-нибудь для изготовленія намъ ужина, а къ утруму чтобъ приготовилъ онъ намъ для сличенія при описи крестьянъ ревизскія сказки, дабы мы тѣмъ удобнѣе могли означать новорожденныхъ и умершихъ. Все сіе было намъ обѣщано. А между тѣмъ, пользуясь остальнымъ временемъ дня, пошли мы осматривать зданія, сады, пруды и прочія части усадьбы для полученія о томъ понятія. Домъ показался намъ хотя огромнымъ, но во внутренности своей весьма дурно расположеннымъ и, какъ казалось, давно необитаемымъ и почти ничѣмъ немеблированнымъ. Находилось въ немъ небольшое только количество столовъ и стульевъ, а впрочемъ ничего. Сады хотя регулярные и наполненные множествомъ разныхъ плодовыхъ деревьевъ, но запущенные и въ небреженіи находящіеся. Дворовыя службы и прочія зданія на большую часть обветшавшія, напротивъ того пруды прекрасные, по увѣренію прикащика, наполненные премножествомъ всякой рыбы. Все сіе замѣчалъ я въ умѣ, дабы приобщить потомъ къ описанію крестьянъ свои замѣчанія.

Возвратясь въ свою квартиру, препроводилъ я весь вечеръ на спрашиваніе прикащика о всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся до волости, какъ-то: о числѣ и величинѣ деревень, къ ней принадлежа-

щихъ, о положеніи оныхъ и разстояніи отъ Кіасовки; о всѣхъ угодьяхъ, принадлежащихъ къ волости, о состояніи крестьянъ, о работахъ, производимыхъ оными; о господскомъ хлѣбопашествѣ, о источникахъ доходовъ, о количествѣ оныхъ и о прочихъ тому подобныхъ обстоятельствахъ, дабы мнѣ обо всемъ томъ получить общее и колико можно полнѣйшее понятіе. Но отвѣтами, на всѣ мои вопросы, господина прикащика былъ я не весьма доволенъ. Мнѣ съ нимъ не только было трудно говорить, по причинѣ частаго его заиканія, но на многіе вопросы не могъ онъ мнѣ дать никакого отвѣта, а на которые и отвѣчалъ, но отвѣты его были очень неполные и несовершенные, а потому и заключалъ я, что правитель онъ былъ весьма-весьма посредственной, и былъ прикащикъ болѣе именемъ нежели дѣломъ. Примѣтя сіе и видя, что онъ во всемъ желаемомъ удовлетворить меня никакъ былъ не въ состояніи, положилъ я добиваться толку у самихъ крестьянъ при описываніи дворовъ ихъ, что дѣйствительно и сдѣлалъ.

Переночевавши въ своей квартирѣ, съ самаго утра послѣдующаго дня принялись мы съ господиномъ Шебашевымъ за свое дѣло, и переписавъ напередъ все видимое, относящееся до дома и господскаго въ немъ имущества, также до прочихъ мѣстъ усадьбы и господскихъ пашень и какихъ хлѣбовъ, и, взявъ съ собою прикащика, пошли мы по всѣмъ крестьянскимъ дворамъ и пересматривая лично всѣхъ жителей отъ мала до велика, переписывали всѣхъ по именамъ съ означеніемъ ихъ лѣтъ и состоянія каждаго двора. Какъ дѣло сіе было не малое, то потребно было къ тому не мало и времени; а описавши сіе село, поѣхали мы въ другое, называемое Ситнею, и лежащее также на большой дорогѣ и ближе къ Коширѣ; а потомъ объѣздили такимъ же образомъ и нѣкоторые другія маленькія деревеньки, къ селу Кіасовкѣ принадлежащія. А между тѣмъ какъ мы ихъ объѣзжали, заставлялъ я прикащика показывать себѣ всѣ ихъ лѣсныя угодья,

покосы и господскія пашни, и сколько не могъ налюбоваться первыми, столько съ жалостью смотрѣлъ на дурноту грунта тамошнихъ пашенныхъ земель, и все что нужно было замѣчалъ въ своей записной книжкѣ.

Отдѣлавши симъ образомъ село Кіасовку съ ея деревнями, отправились мы для того-жъ описанія въ другую знаменитую, но чужими дачами совсѣмъ отъ первой отдѣленную часть волости, принадлежащую къ прекрасному и большому селу Малпну. Тутъ нашли мы также каменную церковь и старинныя небольшія каменные, опустѣвшія совсѣмъ и развалившіяся палаты, и имѣли также не мало труда при описи всѣхъ крестьянъ, къ сей части волости принадлежащихъ. Управляющій оною бурмистръ долженъ былъ также познакомить меня со всѣми подробными обстоятельствами, до сей части волости относящимися.

Осмотрѣвъ, замѣтивъ и описавъ все что нужно было тутъ, поѣхали мы въ третью и также отъ сей отдѣленную, но недалеко лежащую часть волости, принадлежащую къ селу Спасскому.

Въ семъ селѣ нашли мы небольшой деревянной и довольно еще крѣпкой домикъ, построенной тутъ для приѣзда, но внутри весьма дурно расположенной, а подлѣ его изрядной плодovitой садъ со множествомъ плодovitыхъ деревьевъ и цѣлымъ почти лѣсочкомъ вишенъ. Къ описанію и сего села и принадлежащей къ нему большой деревни Володимировой потребно было также труда много, и при производствѣ котораго замѣтилъ я, что народъ въ сей части былъ какъ-то грубѣе и во всемъ не таковъ хорошъ, какъ въ селѣ Малинѣ. А сверхъ того, при разспрашиваніи, узналъ одно важное обстоятельство, что земли, къ сей части волости принадлежащія, не совсѣмъ еще были обмежеваны, но связаны нерѣшенными еще спорами съ сосѣдственными посторонними дачами; а что всего хуже, то, по словамъ ихъ, и споры сіи были важны и сумнительны.

Замѣтивъ и записавъ все нужное и кон-

чивши свое дѣло съ сею частью, отправились, наконецъ, мы въ четвертую послѣднюю и не только отдаленнѣйшую, но и худшую часть волости, состоящую изъ нѣсколькихъ небольшихъ и другъ отъ друга чужими дачами отдѣленныхъ деревень. Тамъ, остановившись въ главномъ селѣ Покровскомъ, приступили мы также къ описанію сперва онаго, а потомъ разнѣхъ деревень, къ нему принадлежащихъ.

Все сіе доставило намъ трудовъ и хлопотъ множество, и мы какъ ни спѣшили, и какъ ни напрягали силы свои, перемѣняя другъ друга въ писаніи, но принуждены были препроводить въ томъ нѣсколько дней съ ряду, и имѣть не только много труда, но и безпокойства, ибо вездѣ должны были таскаться по чернымъ избамъ, и тананакать съ глупыми мужиками; а притомъ и терпѣли иногда кое въ чемъ недостатокъ и нужду.

Но какъ бы то ни было, но наконецъ дѣло свое мы кончили, и какъ сія послѣдняя часть лежала всѣхъ ближе къ Москвѣ, то и отправились мы уже изъ ней прямо въ сей столичной городъ, и къ князю. Князь принялъ меня очень ласково и былъ крайне доволенъ моимъ послушаніемъ и трудомъ, употребленнымъ къ описанію волости, а особливо всѣми замѣчаніями, сдѣланными мною въ разсужденіи оной. Сіе удовольствіе его увеличилъ еще болѣе г. Шебашевъ разсказываніемъ ему о всей моей дѣятельности и о вхожденіи во всѣ подробности, и признаваясь прямо, что онъ одинъ безъ меня не могъ бы и половины того сдѣлать, и многія вещи не пришли бы ему и на умъ. Не можно изобразить, съ какимъ удовольствіемъ князь все сіе слушалъ. Оно написано было у него на лицѣ, и ласки, съ какими благодарилъ онъ меня за то все, доказывали мнѣ ясно, что былъ онъ мною очень доволенъ. А все сіе и побудило его меня потомъ спросить: «Чтожь, какова вамъ показалась волость и могу ли я надѣяться быть съ вами короче знакомымъ?» — «Кажется изрядная», сказалъ я. — «О, когда такъ, воскликнулъ князь съ удовольствіемъ: такъ дѣло наше почти сдѣ-

лано; пожалуйка руку, и семь ударимъ по рукамъ въ достовѣрность того, что вы будете моимъ, а я вашимъ». Чувствительна мнѣ была таковая его поступка. Я благодарилъ за его ко мнѣ благоволеніе и рекомендовалъ себя въ продолженіе онаго и его къ себѣ довѣренности и милостей.

Съ сего часа начали мы съ нимъ уже совокупно помышлять и совѣщаться о томъ, что намъ предпринимать тогда далѣе, и не нужно-ли употребить еще какихъ предосторожностей прежде окончательной покупки сей сторгованной уже совсѣмъ волости. Я, изображая ему все доброе и худое, замѣченное мною въ волости и ея частяхъ, и показывая ему маленькой сдѣланной мною вчернѣ антрельной абрисъ положенія всѣхъ селъ и деревень, не преминулъ упомянуть и о сомнѣтельствахъ, какія я возымѣлъ о нерѣшенныхъ еще спорахъ по землямъ села Спасскаго, и о могущихъ произойти отъ того намъ впредь многихъ хлопотъ и безпокойствъ. — «Мнѣ очень жаль, продолжалъ я ему говорить, что за неимѣніемъ симъ землямъ еще плана не можно мнѣ было получить точнѣйшаго о спорахъ сихъ понятія; но естлибъ благоудбно было вашему сіятельству самимъ лично побывать въ сей волости и осмотрѣть оную, что и для всего прочаго было бы не худо, то могли бы мы, можетъ быть, и о томъ добиться лучшаго толка, нежели какой могли мнѣ дать тамошніе мужики и глупой ихъ прикащикъ. Вы могли бы пригласить къ себѣ того самаго землемѣра, которой межевалъ сію землю, и которой, какъ мнѣ сказывали, находится тамъ гдѣ-то очень близко, и онъ вѣрно бы показалъ вашему сіятельству самой планъ и основательнѣе растолковать намъ все дѣло, а межевщикъ, сказываютъ, человекъ весьма умной и знающій». — «Ахъ! мой другъ! подхватилъ князь, ты у меня какъ на умѣ былъ! мнѣ и безъ того хотѣлось волость сію самому видѣть прежде покупки, а теперь ты меня еще больше къ тому побудилъ. Скатаемъ-ка, мой другъ, мы туда съ тобою вмѣстѣ, далъ не велика и труда немного; а чѣмъ основательнѣе мы дѣло

сдѣлаемъ, тѣмъ лучше». — «Очень хорошо, сказала я: если вашему сіятельству угодно, то я готовъ ѣхать».

«Между тѣмъ однако, подхватилъ князь, покуда я соберусь въ сію поѣздку, то весьма-бы я желалъ, чтобъ вы взяли на себя трудъ вмѣстѣ съ Шебашевымъ перепроверить всѣ сіи реестры почище, а особливо всѣ сдѣланныя вами замѣчанія, и самой-то вашъ чертежъ положенія деревень сдѣлать для меня явственнѣе и полнѣе». — «Очень хорошо», сказалъ я. — «Но скажите мнѣ, гдѣ же вы пристали?» — «У господина Шебашева», отвѣчалъ я. — «Очень хорошо, такъ это и кстати будетъ, вмѣстѣ съ нимъ и потрудитесь. А на лошадяхъ на какихъ вы приѣхали?» — «На моихъ собственныхъ», сказалъ я. — «Сихъ вы можете отпустить домой, чѣмъ здѣсь ихъ до того времени кормить покуда мы возвратимся, ибо вы поѣдете со мною въ каретѣ; а когда кончимъ дѣло, тогда бездѣльца для отъѣзда вашего наймемъ и ямскихъ». — «Очень хорошо», сказалъ я. И на семь тогда мы съ нимъ и разстались. Онъ не знаю куда-то поѣхалъ со двора, а мы съ г. Шебашевымъ пошли на его квартиру, отпускать домой лошадей, писать въ деревню письма и приниматься потомъ за свое дѣло.

Но, о! далось мнѣ сіе дѣльцо! Оно сопряжено было съ толикимъ трудомъ и съ такимъ безпокойствомъ, что я по нынѣ того никакъ забыть не могу. Истинно всю жизнь мою никогда не терпѣлъ я такого безпокойства, какъ въ то время. Причиною тому было, что Шебашевъ жилъ тогда на Козьмѣ-болотѣ въ какомъ-то принадлежащемъ родственнику его маленькомъ, низенькомъ и очень тѣсномъ домикѣ, въ которомъ едва самъ онъ могъ съ женою своею помѣщаться, а для меня почти и мѣста не было. Но сіе ничего бы еще не значило: какъ-нибудь, а помѣщался и я; но бѣда наша была та, что случись тогда равно какъ нарочно самая жаркая и тихая іюньская погода, отъ которой въ маленькомъ и низенькомъ домикѣ его, окруженномъ вокругъ иными высокими зданіями, была такая жара и

духота несносная, что я изобразить того не въ состояніи. Ни съ которой-таки стороны не завѣвалъ не только въ комнату нашу, но и на весь тѣсной дворикъ не только вѣтерокъ, но ниже зефиръ самой, и отъ солнца посреди дня дѣлалась такая пѣкла и такая несносная духота, что мы, принявшись за свою работу, скоро принуждены были не только растворить настежъ всѣ двери и окошки, но скинуть съ себя все платье и сидѣть въ однихъ рубашкахъ, да и на тѣхъ растянуть ворота. Но сего было еще не довольно, а надобно было еще и миллионамъ мухъ жила въ кусать насъ ежеминутно и увеличивать тѣмъ наше безпокойство.

Теперь вообразите сами, каково было намъ, а особливо мнѣ, непривыкшему къ тому, а пользовавшемуся до того всегда наиспокойнѣйшею и прохладною деревенскою жизнію, сидѣть въ такой несносной духотѣ и трудиться надъ письмомъ, и письмомъ не любопытнымъ, а крайне скучнымъ и тягостнымъ. Переписывать надлежало намъ множество тетрадей и всѣ ихъ свѣрять и повѣрять съ черными нашими реестрами и съ ревизскими сказками. «Боже мой! твердилъ только я: куда дѣваться отъ этой пѣклы и отъ сей бездны мухъ проклятыхъ». Попишусь, понишусь, но вышедъ изъ терпѣнія, выбѣгу на дворъ; но тамъ того еще жарче, а мухъ такая же пропасть, такъ-таки за тобою и гоняются; что ты изволишь! и смѣхъ и горе! Наконецъ, некуда было отъ нихъ дѣваться какъ бѣжать въ конюшню, и тамъ-то находили мы себѣ сколько-нибудь отъ досадныхъ мухъ спасеніе. Тамъ какъ-то ихъ не было, и мы сколько-нибудь чувствовали отраду; но за то навозные ароматы докладывали обонянію нашему очень и очень. Словомъ, куда ни кинь, такъ клинь, и мы не жили тогда, а прямо мучились и страдали.

Но всего того было еще недовольно. Симъ образомъ обезпокоиваемо было наше тѣло; но присовокупить къ тому надлежало еще такому-жъ, или еще злѣйшему безпокойству душевному. Не успѣлъ я только отпустить домой лошадей

своихъ, какъ поражаетъ слухъ мой такая всеобщая молва, разнесшаяся тогда вдругъ во всей Москвѣ въ народѣ, которая потрясла всю душу мою и заставила тысячу разъ тужить о томъ, что я услабъ лошадей своихъ. Заговорили тогда вдругъ и заговорили всѣ и въявь о невѣроятныхъ и великихъ успѣхахъ злодѣя Пугачова; а именно, что онъ со злодѣйскимъ скопищемъ своимъ не только разбилъ всѣ посланные для усмиренія его военные отряды, но собравъ превеликую почти армію изъ безмысленныхъ и ослѣпленныхъ къ себѣ приверженцевъ, не только грабилъ и разорялъ все, и повсюду вѣшалъ и злодѣйскими казнями умерщвлялъ всѣхъ дворянъ и господъ, но взялъ, ограбилъ и разорилъ самую Казань и оттуда прямо будто бы уже шелъ къ Москвѣ, и что самая сія подвержена была отъ соумышленниковъ съ нимъ ежеминутной опасности.

Теперь посудите сами, каково было мнѣ тогда, какъ я все сіе вдругъ услышалъ, и въ такое время, когда мысли о Пугачовѣ не выходили у всѣхъ у насъ изъ головы, и мы всѣ удостовѣрены были, что вся подлость и чернь, а особливо все холопство и наши слуги когда не въявь, такъ втайнѣ сердцами своими были злодѣю сему преданы, и въ сердцахъ своихъ вообще всѣ бунтовали, и готовы были при малѣйшей возгорѣвшейся искрѣ произвести огонь и поломя. Примѣръ бывшаго незадолго въ Москвѣ страшнаго мятежа былъ у насъ еще въ свѣжей памяти, и мы не только подобнаго тому-жъ опасались, но ожидали того ежеминутно. Глупость и крайнее безразсудство нашего подлагаго народа была намъ слишкомъ извѣстна, и какъ при такихъ обстоятельствахъ не могли мы на вѣрность и самихъ нашихъ слугъ никакъ полагаться, а паче всѣхъ ихъ и не безъ основанія почитали еще первыми и злѣйшими нашими врагами, а особливо слыша, какъ поступали они въ низовыхъ и прямо тогда несчастныхъ мѣстахъ съ своими господами, и какъ всѣхъ ихъ либо сами душили, либо предавали въ руки

и на казнь злодѣю Пугачову, то того и смотрѣли и ждали, что при самомъ отдаленнѣйшемъ еще приближеніи его къ Москвѣ вспыхнетъ въ ней пламя бунта и народнаго мятежа. И какъ не сомнѣвались, что въ такомъ случаѣ первое устремленіе черни будетъ на домъ главнокомандующаго тогда Москвою князя Волконскаго, сей же домъ находился близехонько подлѣ нашей квартиры, и для безопасности вся площадь предъ нимъ установлена была пушками, — то не долженствовало-ли все сіе приводить насъ въ неописанный страхъ и ужасъ, и подавать мнѣ поводъ тужить о томъ, что я поспѣшилъ отсылкою лошадей своихъ въ деревню и остался въ Москвѣ съ однимъ только, и къ тому-жъ не слишкомъ надежнымъ человѣкомъ, и чрезъ то лишилъ себя средства и возможности при первомъ появленіи начала мятежа, бросивъ все, ускакать въ деревню. Словомъ, мы всѣ почитали себя въ такомъ случаѣ погибшими и не знали что дѣлать и къ какимъ мыслямъ прилѣпиться. Я не радъ уже былъ ни волости, ни чему, и нѣсколько разъ твердилъ только, кабы знато было да вѣдомо сіе, то и не подумалъ бы изъ двора ѣхать.

Въ сихъ неизобразимыхъ трудахъ и тѣлесныхъ и душевныхъ беспокойствахъ не знаю истинно, какъ могли мы проводить нѣсколько дней съ ряду, въ которые не только трудная, но и наискучнѣйшая работа продолжалась: ибо письма было такъ много, что со всѣмъ поспѣшеніемъ своимъ не могли мы иначе какъ въ нѣсколько дней все дѣло наше кончить. Но какъ бы то ни было, но мы наконецъ его кончили и князю все написанное представили, которой былъ тѣмъ крайне доволенъ и меня очень за то благодарилъ. А какъ по счастью и онъ къ тому времени собрался и готовъ уже былъ со всѣмъ къ отъѣзду, то сѣвши съ нимъ въ карету и полетѣли мы изъ Москвы неоглядкою, и я не вспомнилъ самъ себя отъ радости увидѣвъ себя въ полѣ и отъ ней удаленнымъ.

Но какъ письмо мое достигло до обы-

кновенныхъ своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться и въ окончаніе онаго сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

(Декабря 28-го дня 1808 года).

Письмо 172-е.

Любезный пріятель! Какъ я долженъ былъ быть князю проводникомъ и мнѣ хотѣлось показать ему сперва худшія мѣста волости, а тамъ мало по малу довести и до лучшихъ, то и повелъ я его не большою Коширскою, а тою дорогою, по которой возвратились мы съ Шебащевымъ въ Москву, дабы провезть его сперва въ село Покровское съ деревнями, какъ отдаленнѣйшую и ближайшую къ Москвѣ часть волости Кіасовской. И какъ намъ для сего надлежало ѣхать сперва нѣсколько десятковъ верстъ по большой Коломенской дорогѣ, то наѣхавъ верстъ за двадцать отъ Москвы, при берегахъ Москвы-рѣки и на прекрасномъ положеніи мѣста построенной вчернѣ и неотдѣланной еще советѣмъ преогромной каменной домъ, стоящій въ запустѣннѣи, любопытствовалъ я узнать, какое бы сіе зданіе было и для чего по употребленіи на построение онаго толь многихъ коштвъ и трудовъ, было наконецъ брошено и находилось въ прежалкомъ положеніи? Мнѣ сказали, что мѣсто сіе называется Люберицами, что принадлежитъ казнѣ, что зданіе сіе воздвигнуто по повелѣнію нашихъ монарховъ, восхотѣвшихъ основать себѣ тутъ загородной увеселительной домъ и отдѣлать садъ, которой дѣйствительно тутъ находился; но для неизвѣстныхъ причинъ остался такъ вчернѣ и неотдѣланнымъ, и что уже многіе годы стоитъ въ запустѣннѣи. Я дивился сіе услышавъ и жалѣлъ о употребленныхъ тщетно толь многихъ трудовъ и убытковъ. Но сколь мало зналъ я тогда, что нѣкогда достанется и самому мнѣ трудиться и хлопотать надъ построеніемъ дома несравненно еще величайшаго, но подвергшемуся послѣ таковому-жъ несчастному жребію

По привезеніи князя въ село Покровское и по пересказаніи ему всего относящагося до сей части волости, приѣхали мы въ село Малино. Сіе полюбилось князю уже болѣе. Тутъ встрѣтилъ князя начальникъ сего села съ старшинами, и князь не могъ селу сему довольно налюбоваться. Было оно почти наилучшее и многлюднѣйшее селеніе во всей волости и народъ въ немъ былъ трудолюбивой и занимающійся не только земледѣліемъ, но и самою мелочною торговлею и разными промыслами, и потому многіе изъ крестьянъ жили въ изрядныхъ домахъ и были довольно достаточны. Все сіе князю полюбилось и было очень приятно, а особливо примѣченное добродушіе жителей онаго. Всѣ они чрезвычайно радовались, узнавъ что продаются они самой государынѣ и потому принимали будущаго своего главнаго командира съ оказаніемъ возможнѣйшихъ ему учтивствъ и почестей.

Осмотрѣвъ сіе знаменитое село, поѣхали мы въ село Спасское и расположились въ находящемся тамъ помянутомъ деревянномъ домикѣ, для отдохновенія и провозженія однихъ или двухъ сутокъ въ ономъ, ибо тутъ надлежало намъ обстоятельнѣе освѣдомляться о межевыхъ спорахъ. Князь приказалъ тотчасъ призвать къ себѣ наилучшихъ и старѣйшихъ изъ крестьянъ для разспрашиванія оныхъ, а между тѣмъ, будучи до садовъ превеликимъ охотникомъ, пошелъ тотчасъ со мною въ тамошній садъ. Осматривая оной, удивился и князь великому множеству вишенныхъ деревъ, а того болѣе страшной на нихъ завязи вишенъ. «О! о! братецъ! сказалъ онъ мнѣ: будетъ тебѣ, мой другъ, что покушать; посмотри-ка, какая бездна завязалась ягодъ! Пришли, братъ, и ко мнѣ тогда нѣсколько ихъ, для испытанія и узнанія породы ихъ». — «Очень хорошо!» сказалъ я, а самъ себѣ на умѣ: «Это, право, не худо будетъ, люблю и я вишни ѣсть».

Между тѣмъ собрались старѣйшіе и лучшіе люди изъ крестьянъ, и положили скоро предѣлъ удовольствію нашему, рас-

кричавъ у князя всѣ уши своими жалобами на мнимыя обиды и притѣсненія, дѣлаемыя имъ сосѣдями при межеванъѣ, и прочими своими дрязгами. Всѣ сіе подало поводъ и князю тотчасъ замѣтить, что народъ тутъ былъ совсѣмъ отмѣнной, нежели въ Малинѣ, и не только бойкой, скарсой, но, какъ казалось ему, и плутоватой. Они насказали ему столько о своихъ спорахъ и межеванъѣ, и опасностяхъ, какимъ они отъ того подвержены, что князь даже задумался и считалъ уже самою необходимостью, чтобъ повидаться лично съ самимъ межевщикомъ. Мы не преминули тотчасъ разспросить, гдѣ тогда онъ находился, и узнавъ что былъ онъ недалеко, тотчасъ написали письмо и отправили г. Шебашева для приглашенія и уговариванія межевщика приѣхать къ князю въ Кіасовку и привезть съ собою спорные планы, для подробнѣйшаго всему изъясненія.

По учиненіи сего отправились мы обратно въ Малино и оттуда проѣхали уже въ самую Кіасовку. Тутъ расположился князь въ самыхъ тѣхъ же комнатахъ въ нижнемъ этажѣ дома, гдѣ квартировали мы до того съ г. Шебашевымъ. И какъ князь несомнѣвался уже ни мало, что волость сія продается, и почиталъ её почти уже купленною, то пользуясь свободнымъ временемъ до приѣзда межевщикова, и пошли мы тотчасъ съ нимъ осматривать все и все, и говорить и совѣтовать между собою о томъ, гдѣ-бы что впередъ сдѣлать и какія-бы съ чѣмъ произвести перемѣны.

Мы прежде всего принялись за осмотрѣніе самаго дома, и исходили всѣ комнаты, не оставляя ни одного уголка и закоулка безъ осмотра. Князю онъ, несмотря на всю свою огромность, не понравился, а особливо не нравилось ему самое глупое и дурное расположеніе покоевъ, какъ въ нижнемъ каменномъ, такъ и въ верхнемъ деревянномъ этажѣ, казавшемся сколько-нибудь лучшимъ и веселѣйшимъ. Онъ не могъ довольно надивиться старику господину Наумову, отцу княгини Бѣлосельской, которому

сія волость прежде принадлежала, и село сіе было настоящимъ его жилищемъ, какъ онъ могъ сгородить такой вздорной и глупой для себя домъ, и какъ могъ жить и располагаться въ ономъ. Пуще всего дивились мы тому, что во всемъ верхнемъ и лучшемъ этажѣ не было ни одной печи, а вездѣ усматривали мы одни только каминны, а печи находились только въ нижнихъ комнатахъ.

Какъ князь предусматривалъ, что сему дому нельзя будетъ остаться существующимъ, и не сомнѣвался, что государынѣ угодно будетъ повелѣть воздвигнуть и тутъ хотя небольшой, но порядочной домъ, то расхаживая по просторному верхнему этажу, и любясь довольно изрядными видами, простирающимися изъ оконъ на пруды, роши, поля и большую дорогу, сказалъ мнѣ: «Хоть сему дому впередъ вѣрно не существовать на семь свѣтъ, но покуда что будетъ, а на первой случай хорошо, что и онъ есть. Вотъ здѣсь, Андрей Тимоѣевичъ, въ этомъ верхнемъ этажѣ можете вы расположиться и жить въ лѣтнее время, покоевъ довольно, и вамъ умѣститься въ немъ можно, каково велико ни было-бъ наше семейство». — «Конечно! сказалъ я, и простора довольно». — «И вамъ тутъ, продолжалъ князь, жить будетъ весело. Видите, какіе прекрасные во всѣ стороны виды! а на зиму можете вы перемѣщаться въ нижнія комнаты, которыхъ хотя не такъ много, но за то будутъ онѣ теплѣе. Лѣсовъ много и дровъ не занимать стать, топите себѣ какъ хотите. Итакъ, покуда что будетъ, и покуда построимъ для жительства вашего особой домикъ, можете вы съ сей стороны быть покойнымъ». — «Очень хорошо!» сказалъ я, и благодарилъ его за попеченіе о моемъ спокойствіи.

Послѣ того осмотрѣвши службы и прочія на дворѣ зданія, находившіяся еще въ худшемъ состояніи, пошли мы осматривать каменную церковь на площади предъ домомъ, и между нимъ и самимъ селомъ стоящую. Сію нашли мы въ состояніи довольно хорoшeмъ и не требующемъ

никакой поправки, чѣмъ князь былъ и доволенъ.

Оттуда пошли мы въ старинной регулярной садъ подлѣ дома, позади его находившійся, и нашли его въ совершенномъ запущеніи. Онъ подалъ намъ, какъ обоимъ любителямъ садовъ, безчисленные поводы къ разговорамъ. И какъ сей случай былъ нанудобѣйшимъ къ изъясненію князю всѣхъ моихъ приобрѣтенныхъ во время деревенской жизни моей садовыхъ практическихъ знаній и особенной моей къ садамъ охотѣ, то сіе было князю въ особенности пріятно, и довело его до того, что онъ мнѣ сказалъ: «О! когда ты, мой другъ, до садовъ такой охотникъ, и такъ много все касающееся до нихъ знаешь, то я съ сей стороны останусь обезпеченнымъ, предавъ всѣ здѣшніе сады въ полное ваше распоряженіе и волю. Дѣлайте съ ними что хотите: поправляйте и располагайте все какъ вамъ заблагоразсудится и пользуйтесь не только сколько хотите плодами, но и самими плодовитыми деревьями. Я вижу, здѣсь великое множество надѣлано отводковъ, также тѣмъ всякаго рода плодовитыхъ кустарниковъ и деревцовъ; такъ ежели для самихъ васъ въ сады ваши понадобятся какія изъ нихъ, то можете брать сколько хотите отсюда. Пожалуйте, пожалуй берите! Это я вамъ предварительно дозволяю». — «А за то, сказалъ я, поблагодаривъ его и за сіе дозволеніе, доставлю я изъ своихъ садовъ сюда то, чего здѣсь нѣтъ». — «Хорошо, хорошо! сказалъ онъ: итакъ будетъ у насъ и сіе дѣло ладно».

Обходивъ садъ, пошли мы осматривать пруды. Сін князю, какъ охотнику и до нихъ, въ особенности полюбились, и какъ донесено ему было, что въ нихъ великое множество всякихъ рыбъ и породъ лучшихъ, а особливо судаковъ и лещей, то удовольствіе князя сдѣлалось еще того больше, и онъ сожалѣлъ что не было невода, и не можно было нигдѣ и достать, для удоставренія себя въ томъ самую ловлею. «Но хорошо, сказалъ мнѣ князь, сбреую-то рыболовною всякою да и хорошимъ неводомъ мы позапасемъ;

надобно вѣдь когда-нибудь и вамъ воспользоваться здѣшними рыбами. Вы, деревенскіе жители, думаю, въ посты не ѣдите мяса, а особливо ваши боярыни?» — «Точно такъ», отвѣчалъ я. — «Ну, такъ сіе и кстати будетъ, и я вамъ съ охотою дозволю ловить для продовольствія вашего здѣсь рыбу, всю ее вы вѣрно не выловите». — «Покорно благодарю, сказалъ я, а всю ее захочу-ли и самъ вылавливать; я вмѣсто того прилагать буду и самъ еще стараніе о размноженіи оной. Я, осматривая въ прежнюю мою здѣсь бытность, позамѣтилъ уже нѣкоторые мѣста, гдѣбы можно было сдѣлать новые прекрасные пруды, и если вашему сіятельству будетъ угодно и вы то позволите, то мы о томъ и постараемся». — «Прекрасно, прекрасно! воскликнулъ князь, а на это вы позволеніе отъ меня скорѣе прочаго получить можете. Я самъ люблю пруды и рыбы: надѣлаемъ прудовъ новыхъ, завведемъ въ нихъ карповъ и будемъ довольствоваться оными».

За симъ пошли мы осматривать скотской дворъ и господскую скотину. Все сіе нашли мы и въ разстройкѣ и въ упущеніи и въ худомъ состояніи. — «Вотъ и сію часть экономіи, сказалъ князь, надобно будетъ намъ поправить, и какъ дворъ скотской построить новой, такъ и скотину завести получше. Коровъ-то доставлю я къ вамъ аглинскихъ и голландскихъ, чтобъ было вамъ можно при приѣздахъ моихъ къ вамъ подчивать меня добрымъ сливочнымъ отъ нихъ масломъ. А между тѣмъ можете вы нынѣшнюю скотиною для содержанія себя пользоваться сколько хотите». Я и за сіе отвѣсилъ поклонъ князю.

Тамъ пошли мы на гумно, въ которомъ находилось нѣсколько господскаго хлѣба. Тутъ начался у насъ съ княземъ предварительный разговоръ о землѣдѣліи и хлѣбопашествѣ. И какъ князю не хотѣлось, чтобъ село сіе было попрежнему на здѣлѣ или на пашнѣ, а намѣренъ онъ былъ и его посадить по примѣру прочихъ на оброгъ, чтобъ и доходъ былъ вѣрнѣе и хлопотъ намъ было меньше, то предувѣдомивъ

меня о томъ, сказалъ мнѣ князь: «Но какъ надобенъ будетъ намъ здѣсь и хлѣбъ, нужной для содержанія вашего и будущей вашей здѣсь команды, а можетъ быть и заведеннаго гошпиталя, то подумайте-ка, Андрей Тимоѣевичъ, какъ бы намъ смастерить, чтобъ была здѣсь небольшая, только казенная пашня, и какъ бы намъ распорядить ее такъ, чтобъ не могла она обратиться волости въ дальнее отягощеніе и могла производима быть съ удобностью, и предложите мнѣ тогда ваше мнѣніе. Но это не теперь, а а послѣ и на досугѣ». — «Очень хорошо, сказалъ я, это я не премину сдѣлать, благо есть у меня одна новая выдумка готовая, и мы посмотримъ тогда, не можно ли намъ будетъ употребить ее въ семь случаевъ».

«Очень хорошо, мой другъ, отвѣчалъ князь: а теперь пойдемъ походимъ по усадьбѣ и посмотримъ и подумаемъ, гдѣ бы намъ современемъ назначить мѣсто для дома, если угодно будетъ государыня приказать здѣсь построить домъ; гдѣ бы поставить намъ домъ для житія управителю; гдѣ бы построить гошпиталь, если вздумаемъ, и здѣсь его завести, и прочее и прочее».

— «Извольте ваше сіятельство», сказалъ я, и пошелъ съ нимъ всюду и всюду. Мы проходили съ нимъ болѣе часа, и во многихъ мѣстахъ останавливаясь думали, гадали, затѣвали и назначали предварительно въ мысляхъ, гдѣ чему быть послѣ, и князь всѣми предлагаемыми мною мыслями былъ очень доволенъ и со всѣми ими былъ согласенъ. Но наконецъ сказалъ мнѣ: «Все это ладно и все хорошо, но было бы и того еще лучше, еслибъ можно мнѣ было имѣть аккуратнѣйшій и спеціальной планъ всему здѣшнему селу и положенію мѣста въ его усадьбѣ съ означеніемъ на немъ всего того, гдѣ мы чему быть предполагаемъ, дабы мнѣ можно было предложить оной государынѣ для апробаціи». — «О, ваше сіятельство, сказалъ я, за этимъ дѣло не станетъ; инструментъ у меня хотя самодѣльной, но исправной и достаточной къ тому есть,

приложеніе къ «русской старинѣ» 1872 г.

и на планъ снимать и планы дѣлать мнѣ не учиться стать. Съ этимъ рукоесломъ я давно уже знакомъ и имѣлъ случай не одинъ разъ имъ заниматься. Такъ нужно намъ только здѣсь остепениться, такъ дѣло не замедлится, и ваше сіятельство таковой планъ у себя увидѣтъ изволите.»

Симъ всего болѣе угодилъ я князю. Удовольствіе написано было у него на глазахъ, и онъ не находилъ довольно словъ къ изъявленію онаго, и обращеніе его со мною становилось отъ часу ласковѣе, отъ часу повѣреннѣе и дружжелюбнѣе.

Потомъ дошла у насъ рѣчь до лѣсовъ, и какъ бы намъ ими при будущихъ строеніяхъ воспользоваться и рубить лучше. Я и тутъ доставилъ ему удовольствіе, сказавъ: «Въ этомъ положитесь, ваше сіятельство, уже на меня. Мнѣ случилось также имѣть дѣло и съ лѣсами, и я стараюсь, чтобъ и въ семь случаевъ волки были сыты, а овцы цѣлы, и чтобы лѣса при всей хотя-бъ многочисленной вырубкѣ изъ нихъ деревъ, не претерпѣли бы дальнаго вреда, а получили бы еще видъ лучшій».

Въ сихъ занятіяхъ провели мы не только весь остатокъ того дня, но и часть послѣдующаго. Наконецъ привезли къ намъ межевщика, и пошло у насъ другое дѣло. Межевщику случилось быть тогда тутъ славному Вакселю, бывшему впоследствии времени самымъ главнымъ членомъ въ межевой канцеляріи, особѣ умной, бойкой, проницательной, хитрой и дѣла насквозь разумѣющей. Онъ не успѣлъ услышать о приѣздѣ князя и намѣреніи его покупать волость для государыни, уважилъ тотчасъ его призывъ и не только приѣхалъ, но привезъ съ собою и всѣ планы спорные, и по онымъ началъ изъяснять все дѣло нахитрѣйшимъ и лукавѣйшимъ образомъ. Князь хотя разумѣлъ отчасти межевыя дѣла, но все существо оныхъ было ему далеко не такъ знакомо, какъ мнѣ; почему я, слушая его изъясненія и увидѣвъ, что производились они не совсѣмъ чи-

сосердечіемъ и боясь, чтобъ онъ князю не накидалъ въ глаза одной пыли и не проведъ его въ глазахъ, вмѣшался въ ихъ разговоръ и началъ самому господину Вакселю вставлять такія въ глаза очки и предлагать вопросы за вопросами, что князь удивился даже моему по межевскому дѣламъ знанію и вникновенію, а господинъ Ваксель, видя что коса нашла на камень, тотчасъ заговорилъ другимъ голосомъ.

Любо и пріятно было старику, что я помогъ ему въ семъ случаѣ и для того оставилъ меня одного говорить съ нимъ; а я, вникнувши во все существо споровъ, находилъ что были они дѣйствительно весьма сумнительны и гораздо важнѣе, нежели каковыми хотѣлъ-было намъ изобразить ихъ господинъ Ваксель. Словомъ, я предусматривалъ, что ежели намъ безъ разрѣшенія оныхъ или по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ пунктовъ купить волость, то наведутъ они послѣ самому мнѣ хлопотъ и досадъ безчисленное множество; а усматривая далѣе, что скорѣйшее разрѣшеніе оныхъ зависѣло во многомъ отъ благосклонности и самого землемѣра и судей межевыхъ и отъ того, когда-бъ восхотѣли они нѣкоторыя обстоятельство просмотрѣть сквозь пальцы, рѣшился поговорить о томъ съ господиномъ Вакселемъ безъ свидѣтелей, одинъ наединѣ и дружелюбно, и отозвавши на минуту его въ другой покой, не успѣлъ повѣреннымъ образомъ сдѣлать ему о томъ нѣкоторой намекъ, какъ онъ тотчасъ и проникъ мою мысль и мнѣ сказалъ: «Ну, что говорить; всѣ мы люди и люди людьми и не то дѣлаютъ и сдѣлать могутъ». Сихъ словъ съ меня довольно было, и я тотчасъ смекнувъ всѣмъ дѣломъ и возвратясь къ задумавшемуся уже князю, началъ прямо говорить, что намъ безъ окончанія сихъ важныхъ и сумнительныхъ споровъ или по крайней мѣрѣ безъ разрѣшенія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пунктовъ, купить волости никакъ не можно; а не изволить ли его сіятельство поговорить о томъ напередъ съ продавицею и убѣдить ее, чтобъ она поспѣшила всевозможнымъ

окончаніемъ сего дѣла, которое могло-бъ воспріять совѣмъ другой оборотъ, естлибъ попроворила она тѣмъ какъ надобно и употребила къ тому все, что употребить можно.

Обрадовался мой князь, сіе отъ меня услышавъ; а какъ то же подтвердилъ и межевщикъ, то догадавшись тотчасъ, къ чему вся сія загадка клонилась, сказалъ мнѣ: «Такъ поспѣшимъ же мы обратно въ Москву и хорошо, что я все это узналъ. Я прямо скажу ея сіятельству, что я прежде волости не куплю, покуда она не изволитъ кончить сего дѣла, и пускай же она хлопочетъ о томъ и дѣлаетъ что хочетъ, а не мы». А сего мнѣ собственно и хотѣлось, и примѣтно было, что и межевщику было то не противно, и что онъ охотнѣе хотѣлъ имѣть дѣло съ княгинею Бѣлосельскою, нежели съ нашимъ княземъ.

Симъ дѣло сіе тогда и кончилось, и мы, поугостивъ межевщика отпустили, и князь, поблагодаривъ, меня за предостереженіе, началъ тотчасъ помышлять о обратной ѣздѣ въ Москву. Итакъ, походивъ еще кое-куда, осмотрѣвъ и поговоривъ еще кое-о-чемъ, на другой день съ утра сѣвъ въ карету и пустились въ Москву уже прямою коширскою дорогою, и какъ сею не далѣе она отстояла отъ насъ 60-ти верстъ, то и успѣли мы въ тотъ же день и довольно еще рано туда приѣхать.

Теперь подумаете вы можетъ быть, что я возвращался тогда въ сію столицу опять съ такимъ же страхомъ и опасеніемъ, въ какомъ находился при выѣзжаніи изъ оной. Но скажу вамъ тому противное, и что мы возвращались уже въ нее гораздо съ спокойнѣйшимъ духомъ. Причиною тому было, что межевщикъ, приѣхавшій тогда только изъ межевой конторы изъ Серпухова, привезъ къ намъ съ собою новыя и достовѣрныя вѣсти и слухи, изъ которыхъ были одни пріятнѣе и утѣшительнѣе другихъ и успокоивали смущенный духъ нашъ очень много. Первое было то, что получено достовѣрное извѣстіе, что Пугачовъ со всею своею многочисленною арміею или паче скопи-

щемъ безчисленнаго множества ослѣпленнаго и соблазненнаго имъ чернаго глупаго народа, направленіе шествія своего прямо къ Москвѣ для какихъ-то причинъ отмѣнилъ, и повернувъ влѣво, потянулся къ Саратову, что натурально должноствовало обезпечить Москву отъ слѣдствій его варварства и злодѣйства, да и послужило послѣ къ спасенію Россіи отъ безчисленныхъ бѣдствій и напастей. А второе того еще пріятнѣйшее и такъ же достовѣрное извѣстіе было то, что главному командиру нашей арміи графу Румянцову удалось за Дунаемъ завести турецкую армію въ такіе тиски и лабиринтъ, что турки изъ опасенія, чтобъ не погибнуть всѣмъ, принуждены были тутъ же на мѣстѣ заключить съ нами миръ, какой мы хотѣли, и что съ извѣстіемъ симъ проскакалъ курьеромъ какой-то именитой чиновникъ. Сіе неожиданное совсѣмъ извѣстіе было намъ тѣмъ радостнѣе и пріятнѣе, что какъ чрезъ то освободилась наша армія и могла уже возвратиться въ свое отечество и употреблена быть въ случаѣ нужды вся къ истребленію Пугачова со всею его многочисленною толпою; то начинали мы ласкаться, что зло, производимое имъ, скоро пресѣчется и всѣмъ злодѣйствамъ его въ непродолжительномъ времени положится конецъ.

Итакъ, занимались мы во всю дорогу мыслями и разговорами уже болѣе о семъ, однако не позабывали и своихъ дѣлъ, и мнѣ удалось еще и болѣе поджечь и убѣдить князя къ тому, чтобъ онъ поспѣшилъ снестись съ княгинею Бѣлосельскою и приступилъ къ ней непутнымъ дѣломъ, чтобъ она дѣло сіе скорѣе оканчивала. Князь и общалъ совѣту моему послѣдовать и на другой же день по возвращеніи нашемъ то исполнилъ.

Теперь для нѣкотораго объясненія всѣхъ послѣдующихъ за симъ произшествій, имѣвшихъ великое вліяніе и на всѣ собственныя мои обстоятельства, надобно мнѣ, остановясь на минутку, рассказать вамъ, кто такова была сія кня-

гиня Бѣлосельская и что побуждало ее продавать сію волость.

Она была дочь помянутаго прежняго Кіасовскаго владѣльца, господина Наумова, и звали ее Анною Ѳеодоровною. Въ молодости своей выдана она была за князя Бѣлосельскаго, но бракъ сей былъ какъ-то неудаченъ. Покуда живъ былъ ея отецъ, жила еще съ своимъ мужемъ, съ которымъ однако и тогда была она въ несогласіи; а какъ умеръ отецъ, то съ нимъ и разошлась совершенно и оба они жили разнo. Мужъ ея находился тогда въ чужихъ краяхъ и въ Вѣнѣ при какой-то должности, а она жила на своей волѣ въ Москвѣ и владѣла всѣмъ великимъ, доставшимся ей послѣ отца имѣніемъ. Какъ была она еще не старыхъ лѣтъ и ума не совсѣмъ остраго, а нѣсколько простовата, хотя съ другой стороны очень добродушна, то сыскались тотчасъ къ ней поддипалы, восхотѣвшіе слабостями ея и недостаткомъ воспользоваться. Были тогда въ Москвѣ три брата Салтыковыхъ: Александръ, Петръ и Борисъ Михайловичи. Старшій изъ нихъ Александръ былъ уже не весьма молодъ, но отмѣнно добраго сердца и хорошаго расположенія ума и во всемъ человѣкъ изысканаго характера. Средній изъ нихъ былъ ни то, ни сѣ. Чтожь касается до меньшого брата, Бориса, то составлялъ онъ особу бойкую и хитрую и имѣлъ умъ острой и пронизательной. Всѣ они, имѣя у себя еще отца и сестру, были люди не весьма богатые и состояніе имѣли весьма разстроенное. И симъ-то тремъ господамъ Салтыковымъ и сестрѣ ихъ удалось какимъ-то образомъ спознакомиться и сдружиться очень тѣсно съ помянутою княгинею Бѣлосельскою. Они умѣли такъ хорошо прикроиться ко всѣмъ ея слабостямъ и склонностямъ, или простѣе сказать такъ ее обалахтать, что она ввѣрилась имъ какъ наилучшимъ и вѣрнѣйшимъ друзьямъ, и предалась во всемъ въ ихъ волю, такъ что они изъ нея что хотѣли то и дѣлали. Они не только бывали у ней безъ выѣзду, но формально жили съ нею въ одномъ домѣ и управ-

ляли всѣми ея деревнями и достаткомъ по своему произволенію. Носился тогда слухъ, что будто-бы они ввели ее въ какую-то особую и имъ только однимъ извѣстную секту, и что по самому тому и взяли ее совершенно подъ свою власть; но какъ мнѣ въ точности сего узнать не случилось, то и не могу ничего сказать о томъ съ достовѣрностью; а то только скажу, что самые сѣи господа Салтыковы присовѣтовали и преклонили ее, для извѣстныхъ имъ однимъ причинъ, къ продажѣ помянутыхъ ея коломенскихъ деревень, составляющихъ Кіясовскую волость, и что самые они старались втереть ее въ руки князю Гагарину, за наличную и огромную сумму и производили съ согласія ея съ нимъ объ ней торговлю.

Теперь, возвращаясь къ порядку моего повѣствованія, скажу, что какъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при всемъ вышеупомянутомъ и орудіемъ, вращающимъ всю сію машину, былъ меньшей, умнѣйшій и расторопнѣйшій изъ братьевъ Салтыковыхъ, а именно Борисъ Михайловичъ, то не успѣлъ князь со мною возвратиться въ Москву, то послалъ тотчасъ пригласить къ себѣ сего господина Салтыкова. Онъ и прилетѣлъ въ тотъ же почти часъ къ намъ, и князь при мнѣ и сталъ ему говорить, что онъ самъ для осмотра продаваемой ими волости ѣздилъ, что онъ всѣмъ доволенъ, а одно только нашелъ дурное, но такое, что его отъ покупки удерживаетъ. «Что такое?» воскликнулъ удивленный сею неожиданностью господинъ Салтыковъ: «помилюйте, скажите, ваше сіятельство?» — „А вотъ что, отвѣчалъ князь: споръ межевой по землямъ села Спасскаго, и этотъ споръ непременно надобно княгинѣ вашей кончить, буде она хочетъ, чтобъ я купилъ у ней ея волость, а безъ того, воля ваша, я никакъ ее не куплю..“

Немногія сѣи слова такъ поразили господина Салтыкова, что онъ почти оцѣпенѣлъ отъ смущенія и съ минуту не могъ выговорить ни единого слова. Наконецъ, собравшись нѣсколько съ духомъ,

сказалъ:—«Умилосердитесь, ваше сіятельство! скажите, какой это тамъ споръ, мы впервые о томъ слышимъ и я ничего о томъ не знаю, и неужели онъ такой важности, что безъ разрѣшенія его и купить волости нельзя?»

— «Объ этомъ можетъ вамъ лучше меня и обстоятельнѣе разсказать и все объяснить вотъ господинъ Болотовъ, какъ человекъ, дѣла межевыя совершенно знающій и назначаемый отъ меня туда управителемъ». И обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Пожалуйте, Андрей Тимоѣевичъ, разскажите Борису Михайловичу все и все, вы лучше это можете, нежели я».

«Очень хорошо», сказалъ я, и хотѣло было начинать ему объяснять все дѣло. Но господинъ Салтыковъ, перехвативъ мои слова, обращается вдругъ къ князю и говоритъ:—«Когда такъ, ваше сіятельство, то нельзя-ли, чтобъ Андрей Тимоѣевичъ пожаловалъ къ намъ. Тамъ бы всѣмъ намъ и самой княгинѣ объяснилъ бы онъ сіе дѣло и обстоятельнѣе все разсказалъ». — «Пожалуй, для меня все равно, сказалъ князь: однако это зависитъ отъ его воли, я его принуждать къ тому не хочу». — «Не пожалеете-ли, батюшка Андрей Тимоѣевичъ, сказалъ тотчасъ Салтыковъ, обратясь ко мнѣ: и княгиня и всѣ мы были бы вамъ за то очень благодарны». — «Ежели его сіятельству, сказалъ я, будетъ сіе угодно, то готовъ и я». — «Пожалуй, пожалуй, подхватилъ князь, а обратясь къ Салтыкову присовокупилъ: только пожалуйста уговорите княгиню, чтобъ она поспѣшила какъ можно симъ дѣломъ, безъ окончанія котораго мнѣ волость купить никакъ нельзя, а господинъ Болотовъ, можетъ быть, вамъ и наставленіе дать, какимъ образомъ приняться и чѣмъ къ скорѣйшему концу можно вамъ и привести это дѣло».

Итакъ, господинъ Салтыковъ, подхвативъ меня въ свою карету и полетѣлъ со мною ко двору княгининоу, и какъ ему крайне хотѣлось преклонить меня на свою сторону, то дорогою вздумалъ-было онъ пощупать у меня пульсъ и подѣхать ко мнѣ съ тонкими обиняками своими на

полоскахъ. Но я тотчасъ далъ ему почувствовать, что я отнюдь не олухъ и не такой человѣкъ, которой далъ бы себя обольстить чѣмъ-нибудь и согласиться на какія бы то ни было дѣла, несообразныя ни съ честью, ни съ правдою, а что имѣетъ онъ дѣло съ честнымъ и ненавидящимъ всякое зло человѣкомъ.

Въ сихъ критическихъ разговорахъ приѣхали мы въ домъ княгининъ. Меня проведъ онъ напередъ въ тѣ комнаты, въ которыхъ они жили, и гдѣ засталъ я обоепхъ прочихъ братьевъ. Тутъ попрося меня на нѣсколько минутъ остаться съ ними, побѣждалъ онъ къ княгинѣ, чтобъ предупредить ее и приготовить къ свиданію и разговору со мною; и чрезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно возвратившись звалъ меня и братьевъ своихъ въ комнаты княгини, на другомъ краю сего огромнаго дома находящіяся.

Тутъ имѣлъ я случай впервые увидѣть сію княгиню и всѣхъ ея вѣрныхъ друзей, и въ томъ числѣ и самую сестру ихъ, съ нею живущую. Княгиня показала мнѣ весьма еще не старыхъ лѣтъ и пріятнаго вида. Она приняла меня съ возможнѣйшею ласкою и просила объяснить и рассказать, какой такой проклятой споръ дѣлаетъ помѣшательство во всемъ дѣлѣ? Тутъ приступилъ я тотчасъ къ объясненію всего дѣла и испросивъ себѣ листъ бумаги, чернилъ и перо, тотчасъ сдѣлалъ имъ антрельной абрисъ, изображающій всѣ дачи села Спасскаго и смежныя съ ними чужія, и означивъ всѣ спорныя мѣста сталъ рассказывать и объяснять имъ все что нужно. Но для всѣхъ ихъ все говоренное мною была сущая тарабарская грамота. Такъ случилось, что всѣ они въ межевыхъ и спорныхъ дѣлахъ были совсѣмъ незнаючи, и я удивился, что и самой острецъ ихъ, Борисъ Михайловичъ не зналъ ни аза въ глаза изъ всего относящагося до межеванья. По усмотрѣніи сего не трудно было мнѣ городить имъ какія хотѣлъ пѣшки и всему дѣлу придать такой видъ, какой мнѣ хотѣлось; и я насаждалъ имъ столь много о важности и опасности се-

го спорнаго дѣла, о множествѣ затрудненій, сопряженныхъ съ разрѣшеніемъ онаго, о необходимой надобности въ стараніи поспѣшить симъ дѣломъ и о употребленіи къ тому всѣхъ возможностей, что они всѣ перетрусились и пришли отъ того въ неизъяснимое смущеніе и недоумѣніе что дѣлать.

Нѣсколько минутъ продолжалось у всѣхъ у насъ потомъ безмолвіе, такъ оглулены они были всѣ моими словами. Наконецъ подали горячее и разные фрукты и варенья, и княгиня съ сестрою ихъ, посадивъ меня подлѣ себя, начала ими подчивать и разговаривать со мною о постороннемъ, а сіе подало господамъ Салтыковымъ удобной случай вытти въ всѣмъ въ другой покой и тамъ совѣщаться о томъ, какъ быть и что имъ дѣлать. Потомъ вызвали они туда-же для совѣта и самую княгиню и оставили меня съ одною сестрою ихъ разговаривать о пустякахъ. Сіе отсутствіе ихъ продолжалось съ добрую четверть часа. Послѣ сего вышедши опять всѣ къ намъ, обратились они всѣ ко мнѣ и сказали:—«Мы думали теперь о томъ, какъ бы по предложенію вашему приступить и произвести желаемое княземъ разрѣшеніе сего проклятаго спорнаго дѣла, но признаемся откровенно, что всѣмъ вамъ по необыкновенности въ такихъ дѣлахъ найдеть оно въ голову и мы ни ума ни разума къ тому приложить не можемъ, какъ бы это произвести въ дѣйство. А какъ мы видимъ, что вамъ дѣла межевыя въ тонкости извѣстны, то покорнѣйше васъ всѣ просимъ дать намъ по крайней мѣрѣ совѣтъ и наставленіе, какъ бы это сдѣлать, и чѣмъ бы можно было поспѣшествовать скорѣйшему окончанію сего дѣла и нѣтъ ли какихъ-нибудь къ тому удобныхъ способовъ?»

— «Способы конечно есть, сказалъ я въ отвѣтъ кланяющейся мнѣ и просившей о томъ княгинѣ: но не знаю, будутъ ли они угодны вашему сіятельству? Надобно бы вамъ отправить туда какого-нибудь знающаго человѣка, съ полною довѣренностью, и дозвоьте сказать, и не

съ пустыми руками. Если хотите скорѣйшаго окончанія сего дѣла, то надобно не пожалѣть нѣсколькихъ убытковъ. Нужны необходимо они для преклоненія къ благосклонности къ вамъ и межевщика, и всѣхъ тѣхъ въ конторѣ межевой, отъ которыхъ зависѣть будетъ скорѣйшее и выгоднѣйшее для васъ окончаніе онаго. И сколько мнѣ кажется, то весьма многое зависить притомъ отъ единаго хотѣнія и благосклонности людей сихъ, а они всѣ люди!... и захотѣли-бъ только, такъ можно будетъ имъ и безъ нарушенія всей справедливости и законовъ вамъ въ семь случаевъ помочь; а нужно только ихъ къ тому преклонить и позадобрить».

— «О! за этимъ бы за всѣмъ дѣло не стало! воскликнули они всѣ въ одинъ голосъ. Поѣхалъ бы тотчасъ туда кто-нибудь изъ насъ самихъ; но вотъ бѣда! что никому изъ насъ ни межевщикъ, ни конторскіе незнакомы, никто и понятія не имѣетъ о томъ, какъ бы тамъ всѣмъ нужнымъ попроворить было можно: дѣло сіе совсѣмъ для насъ необыкновенное. Ужъ нельзя ли бы самимъ вамъ, милостивый государь, съ кѣмъ-нибудь изъ насъ туда съѣздить, и ему учинить въ семь случаевъ ваше пособіе. Вамъ тамъ и люди всѣ, и дѣла всѣ межевы знакомы... Ахъ! какъ бы вы насъ тѣмъ одолжить изволили!»

Неожиданное сіе предложеніе меня смутило и привело въ нѣкоторое недоумѣніе. Съ одной стороны видя нужду ихъ, по добродушію моему, хотѣлось мнѣ имъ помочь, но съ другой не зная, угодно ли то будетъ князю, и опасаясь я, чтобъ онъ чего не подумалъ, а сверхъ того жалѣлъ я нѣсколько и боковъ своихъ и страшился трудовъ и хлопотъ, съ сею коммиссіею сопряженныхъ... Однако, какъ пришло мнѣ въ мысль, что я, пользуясь симъ случаемъ, могу изъ Серпухова и домой хоть на часокъ урваться и повидаваться съ своими родными, то рѣшился я наконецъ къ приступающей ко мнѣ съ поклонами и просьбами о томъ, чтобъ я подумалъ о семъ, княгинѣ, сказать въ от-

вѣтъ:—«что, сударыня! я хотя бы и не отрекся оказать вашему сіятельству сію услугу, и употребить все что въ моихъ силахъ и возможностяхъ состоять будетъ, но не знаю еще, будетъ ли то угодно князю Сергію Васильевичу, и позволить ли онъ мнѣ сіе?»

— «О! что касается до сего, закричали обрадовавшіеся господа Салтыковы, то мы сей же часъ ѣдемъ всѣ къ нему и готовы просить его до упаду, чтобъ онъ вамъ сіе дозволилъ». И дѣйствительно, тотчасъ велѣли подавать карету, и посадивъ меня съ собою, поскакали къ князю. Князь удивился всѣхъ ихъ увидя и не понималъ что-бъ сіе значило, но они скоро вывели его изъ недоумѣнія, разсказавъ, что ихъ къ тому побудило. И какъ они всѣ совокупно и отъ княгини начали его со множествомъ поклоновъ умолять, то князь усмѣхнувшись сказалъ: «Батюшки мои! Это зависить совсѣмъ не отъ меня, а единственно отъ воли самого Андрея Тимофеевича! Если онъ захочетъ принять на себя этотъ трудъ, то я ни мало тому не пренятствую, а еще и самъ буду тому радъ, если удастся ему вамъ и княгинѣ услужить и сдѣлать и съ нашей стороны нѣкоторое къ тому пособіе».

Легко можно заключить, что мнѣ не оставалось тогда много дѣлать, какъ на общее желаніе всѣхъ ихъ согласиться. Итакъ, положено было, чтобъ наутріе-же мнѣ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ въ путь сей отправиться и къ нимъ явиться, съ чѣмъ мы ихъ тогда и отпустили.

Какъ князю и дѣйствительно не только было все сіе не противно, но по желанію его скорѣе кончить покупку было и самому еще пріятно, что я привялъ на себя сію коммисію, то по отъѣздѣ ихъ изъ явилъ онъ мнѣ и о семъ особенное свое удовольствіе и пожелалъ мнѣ счастливаго успѣха.

Симъ кончилось тогда сіе произшествіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончу и я письмо сіе, превозшедшее уже свои предѣлы, и скажу, что я есмь вашъ и проч.

(Декабря 29 дня 1808 года).

Письмо 173-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описанію ѣзды моей съ господиномъ Салтыковымъ въ Серпуховъ и въ Кіясовку, которая была для меня довольно достопамятна и противъ чаянія весьма пріятна, начну тѣмъ, что я, распрощавшись тогда съ княземъ, не успѣлъ поутру на другой день встать и одѣться, какъ является уже передъ воротами квартиры моей карета, присланная отъ господъ Салтыковыхъ за мною. Я тотчасъ, собравшись налегкѣ, къ нимъ и поѣхалъ и дорогою помышлялъ о томъ, кто бы изъ нихъ трехъ расположился ѣхать со мной. Изъ всѣхъ ихъ старшій нравился мнѣ какъ-то всѣхъ болѣе. Былъ онъ не только старѣе всѣхъ лѣтами, но степеннѣе, простодушнѣе другихъ, да и въ чертахъ лица своего имѣлъ нѣчто пріятное, дружелюбное и привлекательное, и потому желалось мнѣ, чтобъ не иной кто, а онъ въ сотоварищество мнѣ былъ назначенъ.

Желаніе мое дѣйствительно и совершилось. Онъ первой встрѣтилъ меня по приѣздѣ и началъ рекомендовать себя въ мое ближайшее знакомство и дружбу, сказывая что онъ будетъ имѣть удовольствіе быть моимъ спутникомъ. Привѣтствіе сіе дѣлалъ онъ такимъ простодушнымъ и дружелюбнымъ образомъ, что воспріятное мною объ немъ доброе мнѣніе тѣмъ еще болѣе увеличилось. Я соотвѣтствовалъ ласкѣ его такими жензъявленіями моего удовольствія. И какъ нашелъ я его совсѣмъ уже въ путь собравшимся, то позавтракавъ и распрощавшись съ ними, осыпающими меня ласками и повтореніями прежнихъ своихъ просьбъ, сѣли мы съ Александромъ Михайловичемъ въ большую четверомѣстную карету, и посадивъ съ собою еще какого-то молодого и чисто одѣтаго человѣка, о которомъ не могъ я сначала узнать, служитель ли онъ или иной какой былъ, въ путь свой и отправились.

Покуда мы ѣхали Москвою, господствовало между нами совершенное безмол-

віе, и мы, какъ незнающіе еще коротко другъ друга, посматривали одинъ на другого и спознакомливались такъ сказать глазами. Но и сіи тотчасъ свели между собою нѣкоторой родъ дружбы. Но какъ скоро выѣхали мы за городъ и наружные предметы перестали насъ занимать и развлекать собою наши мысли, какъ надлежало намъ что-нибудь говорить дабы не терпѣть дорогою скуки. Итакъ, и начали мы поговаривать сперва по обыкновенію о пустякахъ: о погодѣ, о дорогѣ и тому подобномъ, а тамъ мало по малу и о другихъ интереснѣйшихъ матеріяхъ. Удивительно было притомъ, что какъ онъ мнѣ съ перваго вида отмѣнно какъ-то полюбился, такъ равно и онъ ко мнѣ и также съ самой первой минуты почувствовалъ въ себѣ нѣчто отмѣнно его ко мнѣ привлекавшее. Симпатія ли, господствующая между нашими душами, производила сіе взаимное въ обоихъ насъ дѣйствіе, или чтó иное было тому причиною, уже я не знаю, а только то сдѣлалось послѣ извѣстно, что мы съ первой минуты нашего знакомства и не говоря почти еще ни одного между собою слова полюбили уже другъ друга, а что всего страннѣе, то оба и въ одно время дорогою тогда имѣли одинакія мысли и одинакія желанія. Онъ помышлялъ о томъ, какъ бы ему узнать образъ и расположеніе моихъ мыслей и состояніе моихъ свойствъ душевныхъ и тѣлесныхъ, а я думалъ и помышлялъ о томъ же самомъ въ разсужденіи его и приискивалъ въ мысляхъ удобную матерію къ началію съ нимъ такого разговора, которой бы могъ служить мнѣ орудіемъ къ испытанію и узнанію его силъ и свойствъ душевныхъ. И какъ по счастью выѣхали мы тогда на одно возвышеніе, съ котораго видны были прекрасныя положенія мѣстъ и представлялись очамъ преузорочныя зрѣлища, то разсудилъ я употребить самыя ихъ и поводомъ къ особенному разговору и орудіемъ къ замышляемому испытанію или, простѣй сказать, пощупать у него пульсъ съ сей стороны.

Для самаго сего принявъ на себя удо-

вольственной видѣ, началъ я будто самъ съ собою и любясь ими говорить: «Ахъ! какія прекрасныя положенія мѣсть и какіе разнообразные прелестные виды представляются глазамъ всюду и всюду. Какія пріятныя зелени, какіе разные колера полей! Какъ прекрасно извивается и блещитъ рѣка сія своими водами, и какъ прекрасно соотвѣтствуетъ всему тому и самая теперь ясность неба и этотъ видъ маленькихъ разсѣянныхъ облачковъ». Говоря умышленно все сіе, примѣчалъ я, какое дѣйствіе произведутъ слова сіи въ моемъ спутникѣ и не останется ли и онъ также безчувственнымъ, какъ то бываетъ съ людьми обыкновеннаго разбора. Но какимъ удивленіемъ поразился я, когда увидѣлъ, что и онъ смотрѣлъ на все то съ равнымъ моему удовольствіемъ и тотчасъ послѣ окончанія помянутыхъ словъ моихъ мнѣ сказалъ: «Что прекрасно, то прекрасно! Но конечно вы, Андрей Тимофеевичъ, жалуете прекрасныя положенія мѣсть и хорошіе виды и любите увеселяться красотами природы». — «Есть тотъ грѣхъ, отвѣчалъ я: какъ-то съ молодыхъ еще лѣтъ моихъ имѣлъ я счастье познакомиться съ натурою и узнать драгоценное искусство утѣшаться всѣми ея красотами и изящностями, и съ того времени такъ къ тому привыкъ, что не могу никогда довольно ими навеселиться, и могу сказать, что доставляли и доставляютъ они мнѣ въ жизнь мою безчисленное множество минутъ пріятныхъ».

Немногія сіи слова были сущими искрами, воспламенившими всю внутренность души моего спутника, и положили первое основаніе всему послѣдовавшему потомъ между нами дружеству. Не успѣлъ я ихъ вымолвить, какъ онъ съ нѣкоторымъ родомъ восторга воскликнулъ: «Что это я слышу! и, ахъ! какъ вы меня обрадовали!» — «Чѣмъ такимъ и что такое?» спросилъ я, удивившись. — «А тѣмъ, сказалъ онъ, что я нашелъ въ васъ то, чего желалъ, и чего всего меньше ожидалъ. Будучи и самъ до того и точно такимъ же охотникомъ, никакъ не воображалъ я себѣ, чтобъ могъ найти въ васъ себѣ

подобнаго, и тѣмъ очень-очень доволенъ». — «Признаюсь, отвѣчалъ я ему, обрадовавшись также тому, что и я не менѣе тому радъ, и надѣюсь теперь, что сіе поможетъ намъ проводить время свое въ дорогѣ безъ дальней скуки. Натура поможетъ намъ прогонять ее, станемъ усматривать вездѣ красоты ея, станемъ говорить объ нихъ и утѣшаться совокупно ими». — «Конечно, конечно!» воскликнулъ онъ, и дѣйствительно тотчасъ потомъ началъ и онъ изъяснять мнѣ пріятныя чувствованія души его, производимыя видимыми нами предметами, а я дѣлалъя отголосками ихъ.

Но не успѣли мы нѣсколькихъ верстъ отѣхать, какъ мало по малу начали входить и въ другіе разговоры, но далеко не пустые, а важныя и пріятныя, относящіяся то до наукъ, то до литературы, то до физическихъ и нравственныхъ предметовъ, и чрезъ то спознакомливаться отъ часу больше взаимно, съ нашими знаніями, съ образомъ и расположеніемъ нашихъ мыслей и чувствами сердецъ нашихъ. И какое взаимное удовольствіе имѣли мы оба, узнавая и открывая другъ въ другѣ отъ часу болѣе такія же знанія, такія же расположенія мыслей, такія же чувства сердечныя и все прочее! Все сіе было ни мало неожиданно нами и все удивляло и радовало насъ чрезвычайно и изобразить истинно не можно, сколько пріятностей доставляло намъ то во все продолженіе сего недалеаго пути! Мы не преставали говорить ни на одну минуту, и нерѣдко отъ нетерпѣливости сообщить скорѣе свои чувствованія и мысли, перехватывали взаимно другъ у друга слова. И о чемъ, и о чемъ мы тогда не говорили, какихъ разныхъ матерій не начинали между собою, и съ какимъ прямо душевнымъ удовольствіемъ слушали взаимно всѣ говоренныя слова другъ у друга. Какъ неописанно удивлялись рѣдкому и прямо удивительному согласію во всемъ, и мыслей нашихъ и чувствъ сердечныхъ. Радость и удовольствіе товарища моего изображались ясно въ его глазахъ и во всѣхъ движеніяхъ и чертахъ лица его.

Онъ не могъ довольно надивиться случаю или паче судьбѣ, сведшей и спознакомившей насъ совсѣмъ нечаяннымъ и ненарочнымъ почти образомъ и сдружившей насъ другъ съ другомъ въ немногія минуты и произведшей то, что мы взаимно другъ друга искренно полюбили и возымѣли одинъ къ одному нелестное почтеніе и приверженность.

И дѣйствительно, одного сего дня довольно было къ связанію между нами тѣснаго и такого узла дружества, которое въ одинаковомъ состояніи продлилось по самую кончину сего милаго и любезнаго человѣка. Я и нынѣ не могу вспомнить его, безъ душевнаго прискорбія и сожалѣнія о его рановременной смерти, и безъ чувствованія пріятныхъ ощущаній при напоминаніи о тогдашнемъ времени и о нашемъ съ нимъ дружествѣ. И хотя прошло съ того времени уже множество лѣтъ, но я всякой день и всего чаще видя предъ собой лаковую жестяную и особаго устройства чернильницу, изъ которой я во весь послѣдующій мой вѣкъ писалъ и пишу и нынѣ, напоминаю сего друга моего, подарившаго меня ею при одномъ случаѣ, и въ каждой разъ когда ни вспомню, благословляю въ мысляхъ прахъ его и желаю ему ненарушимаго покоя, а ему въ вѣчности блаженства.

Но я удался уже отъ нити моего повѣствованія и самаго дѣла, и теперь возвращаясь къ оному скажу, что занимаясь помянутыми любопытными и пріятными разговорами, и не видали мы, какъ ѣдучи на ямскихъ долетѣли мы до Кіасовки, и тутъ только вспомнили, что ѣхали туда за дѣломъ, но о которомъ во всю дорогу не имѣли мы времени и помыслить, а не только чтобъ говорить.

Расположившись въ самыхъ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ стоялъ прежде князь, наше первое дѣло было чтобъ отправить того-жъ момента нарочныхъ людей для узнанія, гдѣ находится межевщикъ и когда бы намъ можно было съ нимъ видѣться. Доколѣ посланные могли къ намъ возвратиться, старался товарищъ мой, такъ

какъ хозяинъ, всячески меня угостить. Кибитка, взятая имъ съ собою, наполнена была съ избыткомъ всякою всячиною. Господа Салтыковы не преминули напичкать ее всѣмъ и всѣмъ нужнымъ къ столу и успокоенію нашему, и отпустивъ съ нами одного изъ поваровъ своихъ, не позабыли даже о самыхъ винахъ, фруктахъ и вареньяхъ, и я удивился увидѣвъ по накрытіи намъ стола для ужина, установленной его весь и вареными, и жареными и хлѣбными яствами, и ликерами, и винами. — «Умилосердись, Александръ Михайловичъ, сказалъ я: къ чему такое множество, что вижу для угощенія меня? Ей, ей напрасно!» — «Какъ напрасно! воскликнулъ мой спутникъ: ты у меня гость и гость любезной, и неужели намъ здѣсь голодать? Нѣтъ, нѣтъ, дѣло дѣломъ, а себя намъ къ чему-жъ забывать. Мы-таки будемъ себя довольствовать всѣмъ и всѣмъ, у насъ всего много». — «Хорошо, братецъ, сказалъ я: но иное, право, лучше бы побережъ до Серпухова, тамъ бы оно намъ сгодилося лучше для угощенія господъ межевыхъ, любящихъ-таки рюмки и бутылки, а я, право, ничего не пью, и для меня это совсѣмъ излишнее». — «О! сказалъ на сіе мой спутникъ, тамъ-таки тамъ, найдемъ и въ Серпуховѣ, что надобно, а здѣсь для чего-таки намъ терпѣть нужду и себя не довольствовать? И когда вины вамъ не угодны, такъ по крайней мѣрѣ покушайте прочаго, также вотъ и фруктовъ и вареньевъ». — «О! это другое дѣло, сказалъ я, на это я соглашусь охотно, и я изстари былъ къ сладостямъ охотникъ и превеликой лакомка».

Радъ былъ господинъ Салтыковъ, что я сіе вымолвилъ и проболтался и съ того времени, ну-ка меня всѣмъ и всѣмъ и всякой день до избытка всякими сладостями подчивать. Словомъ, онъ не зналъ, какъ бы меня угостить лучше.

Въ вечеру легши въ одной комнатѣ спать, не преминули мы опять возобновить о нѣкоторыхъ вещахъ разговоры и проговорили почти до полуночи. А по утру не успѣли мы напиться кофею, какъ прискакали наши посыланные съ извѣ-

стіемъ, что межевщикъ дома, и что если мы къ нему въ тотъ день приѣдемъ, то застанемъ его дома и можемъ съ нимъ видѣться и обо всемъ, что надобно, переговорить. Услышавъ сіе, ну-ка мы скорѣе не обѣдать, а завтракать, нусобирать крестьянскихъ лошадей и запрягать ихъ, и сѣвши опять всѣ трое въ карету, скакать къ господину Вакселю.

Дорогою помышляю я, какъ бы лучше расположить мнѣ свое дѣло, и зная все существо онаго, чего и чего и какъ требовать отъ землемѣра. Обранжировавъ все въ умѣ своемъ мыслями, всходствіе того и далъ я сотоварищу моему наставленіе, какъ ему поступить съ нимъ. Какъ межевщикъ былъ мнѣ уже знакомъ, по прежней его у насъ бытности, ибо мы успѣли тогда съ нимъ кое-о-чемъ поговорить и гораздо познакомиться, то принявъ онъ меня какъ знакомаго уже себѣ человѣка довольно ласково. А я ни съ другого слова, представляя ему своего спутника, ему сказалъ:—«Вотъ батюшка, Василій Савельевичъ, привезъ я къ вамъ челобитчика. Сему человѣку вѣрила княгиня Бѣлосельская свое спорное межевое дѣло, и онъ съ стороны ея, а я съ стороны князь Сергія Васильевича Гагарина, приѣхали къ вамъ съ препокорѣннѣею нашею просьбою, о подавніи намъ въ разсужденіи извѣстнаго вамъ спора руку помощи, и оспосѣществованіи съ вашей стороны всѣмъ, чѣмъ вы можете къ скорѣйшему разрѣшенію онаго». Межевщикъ, будучи великой хитрецъ, началъ было подбивать насъ учтивостями, баясами и пустяками, представлять намъ невозможности и великія затрудненія, говорить, что ему ничего при томъ сдѣлать не можно, и хотя-бы онъ хотѣлъ, но не въ силахъ ничего учинить, и такъ далѣе; но я тотчасъ мигнулъ спутнику своему, чтобъ онъ, по условію нашему, вышелъ на минуту вонъ, и оставшись съ межевщикомъ, одинъ наединѣ, не долго думая, сказалъ:—«Что, батюшка, Василій Савельевичъ, много говорить, мнѣ дѣло это знакомо, и я знаю чего вамъ не можно и что можно сдѣлать, если только по-

хотите. А я васъ увѣряю, что не только князяобяжете вы благодарностью, естли намъ въ семъ случаѣ поможете, но и съ стороны княгини всѣ ваши одолженія не останутся безъ благодарности существительной, разумѣете?» Исхвата его руку пожалъ, а потомъ присовокупилъ: «Пожалуйте, судырь, въ этомъ положитесь уже на меня и будьте увѣрены, что соблюдаемо будетъ притомъ и все, что нужно въ такихъ случаяхъ».

Не успѣлъ я сего вымолвить какъ возвратился мой товарищъ, и тогда начали мы возобновлять наши просьбы, и я именно уже говорить о томъ, что и что ему съ своей стороны сдѣлать, и чѣмъ безъ всякаго нарушенія своей должности намъ пособить можно. И изъяснивъ ему все, чего мы отъ него требуемъ и примѣтя, что онъ все еще колебался и задумывался, тотчасъ вышелъ, по условію-жъ нашему, вонъ и оставилъ минуты на двѣ товарища своего наединѣ съ господиномъ Вакселемъ.

Что у нихъ тамъ происходило того уже не знаю, и никогда не любопытствовалъ и узнать, а то только помню, что при обратномъ вшествіи къ нимъ нашелъ я господина Вакселя совсѣмъ инаковымъ, и усматривалъ радость и удовольствіе, написанное на глазахъ его, и онъ тотчасъ началъ уже инымъ голосомъ говорить:—«Какъ же бы намъ быть, сказалъ онъ; хотѣлось бы мнѣ и самому услужить и князю, и княгинѣ, и подумать развѣ какъ-бы лучше поступить».—«Что долго думать, батюшка», подхватилъ я, говоря уже смѣлѣе, видя, что дѣло у нихъ уже было сдѣлано и они перенюхались, — «а сдѣлайте-ка намъ вотъ то-то и то; все это вамъ можно, а невозможнаго не требуемъ мы и сами».—«Ну, судырь, хорошо, и да буди поглаголу вашему, [быть такъ, хотѣ]ужь потрудиться, но оказать услугу и сдѣлать все что можно». Мы ему поклонъ, а онъ, повторивъ свое общіаніе, ну-ка приказывать скорѣе подавать горячее и все, чѣмъ ему насъ дружески угостить хотѣлось. Но всего того было еще недовольно, а онъ, поступивъ далѣе, совѣтовалъ намъ

не упуская времени, ѣхать въ контору, и далъ намъ не только наставленіе къ кому и къ кому намъ тамъ по сему дѣлу адресоваться, но и снабдилъ насъ къ нѣкоторымъ нужнѣйшимъ людямъ отъ себя рекомендательными письмами, съ увѣреніемъ ихъ о вѣрной нашей и тѣмъ благодарности, и отпустилъ насъ отъ себя съ удовольствіемъ совершеннымъ.

Такимъ образомъ, кончивъ одно дѣло съ вождедѣннѣйшимъ успѣхомъ и возвратившись въ Кіясовку, не стали мы долго медлить, но переночевавъ только, пустились въ Серпуховъ. Тамъ принесявши себѣ нанять порядочную квартиру, и расположившись на нѣсколько дней пожить, съ наступленіемъ послѣдующаго дня, пустился я по всему городу рыскать и отыскивать всѣхъ людей, съ которыми намъ надлежало имѣть дѣло и къ которымъ отчасти имѣлъ я отъ Вакселя письма. И какъ я имѣлъ въ семъ городѣ изъ межевыхъ многихъ знакомыхъ, и между прочимъ, знали меня отчасти уже и тѣ самые, то не трудно было мнѣ ихъ всѣхъ не только отыскать, но при помощи тѣхъ писемъ переговорить съ ними и полюбовную рѣчь. И какъ извѣстно было мнѣ, что господа сін любили и погулять, и что попойки, дѣлаемые имъ, производили великое дѣйствіе, то, по условію съ товарищемъ моимъ, зазывалъ я ихъ къ себѣ на вечеринку, къ которой между тѣмъ спутникъ мой уже и дѣлалъ нужныя приуготовленія.

Какъ просьбы о томъ не было мнѣ нужды два раза повторять, ибо господа сін были тому и ради, то и слетѣлись они всѣ къ намъ, какъ соколя къ назначенному времени; и какъ намъ было чѣмъ блеснуть, то и задали мы имъ такую попойку, какой они едва ли отъ кого иного получали, и угостили и угобзили ихъ такъ, что всѣ они сдѣлались намъ друзьями, и обѣщавъ намъ всѣми совокупными силами помогать и употребить все, что только можно было къ скорѣйшему и такому окончанію нашего дѣла, какого намъ только хотѣлось, и разстались съ нами съ удовольствіемъ совершеннымъ.

Какъ во время сего пированія и между тѣмъ какъ товарищъ мой ихъ поилъ и угащивалъ, не былъ и я безъ дѣла, и не упускалъ удобныхъ случаевъ къ переговорамъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, а иногда и со всѣми ими совокупно, и къ преклоненію ихъ къ подаванію руки помощи, и былъ, такъ сказать, главнымъ дѣйствующимъ при томъ лицомъ и всего дѣла производителемъ; то по отшествіи нашихъ гостей товарищъ, видя столь доброе и успѣшное начало, былъ всѣмъ тѣмъ такъ доволенъ, что, обнявши меня, поцѣловалъ и не могъ найти довольно словъ къ возблагодаренію меня за всѣ мои труды, старанія и расторопность, а я не менѣе его былъ радъ, что дѣло наше начинало кленться и мнѣ удалось положить оному столь удачное основаніе и начало.

На другой день, по сдѣланному съ гостями нашими условію, явились мы въ межевую контору. Тутъ не успѣли мы показаться, какъ всѣ секретари и прочіе чиновники, бывшіе у насъ наканунѣ, сбѣжались къ намъ въ одинъ мигъ и здоровались съ нами, какъ уже съ друзьями, принося тысячи благодареній за наше угощеніе. Но для насъ всего пріятнѣе было ихъ извѣщеніе, что они успѣли уже и самихъ господъ судей предварить и предубѣдить въ нашу пользу. Сіе было для насъ неожиданною и крайне пріятною новостію, и мы не успѣли еще изъяснить имъ за то своей благодарности, какъ одинъ изъ нихъ успѣлъ уже о приходѣ нашемъ сказать господамъ присутствующимъ и выбѣжалъ къ намъ съ приглашеніемъ насъ къ нимъ въ судейскую. Натурально, что сіе было для насъ также непротивно, и какъ судьямъ пересказано уже существо нашего дѣла и желанія, и они были уже предварены, что дѣло сіе касается до покупаемой самою государынею водости, и что за неразрѣшеніемъ сихъ споровъ остановилась и покупка оной, то сіе одно въ состояніи уже было побудить ихъ принять насъ очень благосклонно. Они тотчасъ приказали подать намъ стулья, и посадивъ насъ подлѣ себя, начали съ нами разговаривать очень дру-

желюбно; и какъ главнѣйшимъ предметомъ разговоръ было наиболѣе наше дѣло, то натурально не сидѣлъ и я молча, но успѣлъ всѣхъ ихъ и скоро довести до того, что они сами предлагали намъ съ своей стороны всякое вспоможеніе и обѣщали къ скорѣйшему разрѣшенію и окончанію сего дѣла употребить все, что имъ только можно, и тутъ же при насъ приказали секретарямъ производить нужныя по сему дѣлу справки и писать, что было надобно.

Будучи всѣмъ тѣмъ крайне довольны и по изъявленіи имъ благодарности, вышедъ въ секретарскую, не преминули мы наки ко всѣмъ нашимъ друзьямъ адресоваться и пригласить ихъ по выходѣ изъ конторы къ себѣ на водку. И какъ они отъ того не отреклись, то спѣшили мы итти обратно на свою квартиру, дабы успѣть къ тому поприготовиться; и какъ вознамѣрились мы при семъ случаѣ ихъ и накормить, то и долженъ былъ нашъ поваръ, къ скорѣйшему приготовленію обѣда, употребить всѣ свои силы и возможности. И какъ, по счастью, поваръ случился малой проворной, провизіи-жъ было съ нами всякой множество и самой посуды много, а и времени оставалось къ тому еще довольно, то и успѣли мы состряпать и приготовить для нихъ порядочной столъ и такой обѣдъ, какого они себѣ и не воображали.

Едва лишь мы все сіе кончили, какъ появились и друзья наши, и вмѣстѣ съ ними и еще нѣкоторые изъ межевыхъ. Тутъ тотчасъ загремѣли у насъ рюмки и подносы и начались уже дружескія трапезы о нашемъ дѣлѣ. Они рассказывали намъ, что они успѣли уже въ оное основательнѣе войти, и что вознамѣрены по оному произвести и чѣмъ поспѣшествовать къ скорѣйшему онаго окончанію. Я одобрилъ все то совершенно и весьма доволенъ былъ всѣми ихъ намѣреніями и предпріятіями, а того еще довольно-нѣ былъ тѣмъ, что они успѣли уже предписать Вакселю, къ скорѣйшему созванію всѣхъ по сему дѣлу постороннихъ повѣренныхъ и къ принужденію ихъ

явиться какъ можно скорѣе въ контору, и чтобъ самъ онъ явился съ ними и привезъ съ собою нужные планы, и что уже отправленъ съ тѣмъ къ нему нарочной и отъ нихъ писано было приватно, чтобъ онъ и съ своей стороны постарался повѣренныхъ сихъ извѣстными средствами предуготовить къ желаему намъ согласію.

Пріятно было все сіе товарищу моему слышать, у него прыгало отъ радости даже сердце и побуждало его усугубить къ нимъ еще болѣе ласки. И когда начали-было они подниматься итти домой, то приступилъ онъ къ нимъ съ просьбою, нельзя ли имъ насъ одолжить и съ нами, дорожными людьми, вмѣстѣ и чѣмъ Богъ пошлетъ отобѣдать. Они начали-было отпѣкиваться; но какъ присовокупилъ къ тому и я свою просьбу, то наконецъ согласились. И тогда вдругъ загремѣли у насъ столы и тарелки, и въ какое-жъ удивленіе они пришли, увидѣвъ вмѣсто скуднаго дорожнаго обѣда столъ, установленной множествомъ всякаго рода прекрасно изготовленныхъ кушаньевъ, а того множайшими рюмками и бутылками съ дорогими винами. И какъ сіи еще болѣе соблазнили ихъ зрѣніе, то съ восторгомъ они восклицали: «Ай, братъ! Это уже совсѣмъ не дорожной, а столъ хоть бы куда. Спасибо! право, спасибо!»

Итакъ, ну-ка мы съ ними ѣсть, пить и прохлаждаться; а какъ скоро кончили ѣсть, то удивились они еще болѣе, увидѣвъ вдругъ весь столъ, установленный фруктами, конфетами и вареньями. «Ну, братъ, нечего говорить, твердили они только, имѣя уже въ головахъ изрядныя шпильки; — задалъ ты намъ пиръ! Да когда это вы успѣли все это приготовить?» А явившаяся послѣ кофея превеликая чаша пунша, сдѣлала бесѣдѣ нашей окончаніе и доконала иныхъ такъ, что они не пошли, а побрели уже кое-какъ по домамъ своимъ.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ ни велика была всѣхъ ихъ къ намъ пріязнь, и какъ ни усердно всѣ они старались поспѣшествовать скорѣйшему окончанію нашего дѣла,

но оказалась самая необходимость вооружиться намъ на нѣсколько дней терпѣніемъ и прожить въ Серпуховѣ гораздо болѣе недѣли. Ибо, во-первыхъ, надобно было дать время Вакселю исправить свое дѣло и доставить въ контору повѣренныхъ, и самому приѣхать съ ними; а во-вторыхъ, востребовалась необходимая надобность къ представленію отъ насъ въ контору одного письменнаго документа, котораго, по несчастію, не было съ нами, а находился онъ въ Москвѣ. И какъ товарищу моему другого не оставалось, какъ отправить за нимъ на почтовыхъ нашего третьяго спутника, котораго готовили они въ свои стряпчіе и, по хорошему воспитанію, отмѣнно любили и уважали, то надобно было дожидаться и обратнаго его возвращенія изъ Москвы.

Остановка сія была хотя товарищу моему и весьма непріятна, но я нашелъ скоро способъ успокоить его въ разсужденіи сего пункта. «А что, Александръ Михайловичъ, сказалъ я ему, хочу я тебѣ нѣчто предложить!»—«А что такое, братецъ?»—«А вотъ что... жить мы здѣсь станемъ дни три совсѣмъ попустому и дѣлать намъ будетъ нечего. Семь-ка въ сіе время съѣздимъ мы ко мнѣ въ деревню: живу я отсюда не далѣе двадцати пяти верстъ. Ты бы посмотрѣлъ мое житье-бытье, и одолжилъ бы меня тѣмъ очень много, а я бы кстати повидался съ моими домашними и родными». — «Очень хорошо, сказалъ мнѣ мой Александръ Михайловичъ, я готовъ хоть въ сію минуту сдѣлать вамъ сіе удовольствіе, и самъ буду тому радъ, что спознакомлюсь съ вашимъ семействомъ». Итакъ, въ мигъ подхватили мы ямскихъ лошадей и сѣвши въ карету, налегкѣ, черкнули въ мое любезное Дворяниново.

Не могу изобразить какъ обрадованы были всѣ домашніе мои нечаяннымъ и совсѣмъ неожиданнымъ моимъ приѣздомъ къ нимъ, и какъ довольны были тѣмъ, что я привезъ съ собою новаго своего знакома и друга. Онѣ замучили меня вопросами и распросами обо всемъ и обо всемъ, а товарища моего не знали какъ

угостить лучше. Что касается до меня, то мнѣ всего пріятнѣе было то, что гостю моему все у меня полюбилось, и онъ прямо находился въ удовольствіи. И семейство мое ему нравилось, и домикъ мой былъ ему милъ, и сады мои казались хороши, а на усадьбу и красоту мѣстоположенія, видимаго изъ дома моего, не могъ онъ довольно насмотрѣться и налюбоваться всѣми видимыми предметами. Мы не оставили ни одного почти уголка во всѣхъ моихъ садахъ и усадьбѣ, гдѣ бы мы съ нимъ не побывали, и во многихъ мѣстахъ не сидѣли и наипрѣятнѣйшимъ образомъ дружески не разговаривали. Въ особенности же памятенъ мнѣ одинъ весьма важной разговоръ, которой имѣли мы съ нимъ на самой Петровъ день въ моемъ нижнемъ саду, сидючи въ тѣни подъ лозками. Садъ сей былъ тогда хотя и далеко не таковъ хорошъ, каковымъ сдѣлалъ я его послѣ и каковъ онъ нынѣ, однако имѣлъ въ себѣ уже много пріятныхъ мѣстъ. Лучшее же и самое прохладнѣйшее изъ нихъ было подъ поманутыми лозками, существующими еще и понынѣ и растущими подъ плотиною моею на горной предъ домомъ сажелки. Но тогда лозы сіи были въ наилучшемъ своемъ и молодомъ ростѣ, и между каждою изъ нихъ подѣланы были покойныя дерновыя креслы. И какъ сіе мѣсто дѣйствительно было наипрохладнѣйшее и удобнѣйшее для сидѣнія во время жара и тѣмъ пріятнѣйшее, что съ онаго видно было все прекрасное теченіе нашей рѣки Сѣниги и всѣ красоты положенія мѣстъ, окружающихъ съ сей стороны мое обиталище, то полюбилось оно ему отмѣнно.

И тутъ-то, сидючи въ прохладной тѣни, провели мы съ нимъ болѣе двухъ часовъ въ пріятномъ и прямо въ философическомъ разговорѣ о пріятностяхъ и выгодахъ мирной и спокойной деревенской жизни и вообще о счастіи и истинномъ благополучіи человѣческомъ. И какъ самое сіе подало мнѣ поводъ упомянуть ему о сочиненной мною о семъ предметѣ книгѣ, то захотѣлось ему непременно ее тогда же видѣть. Онъ просилъ меня по-

казать ему ее, и я принужденъ былъ за нею сбѣгать и по принесеніи прочесть ему кое-что изъ оной.

Не могу изобразить, какъ полюбілось ему тогда сіе сочиненіе. — «О, братецъ! сказалъ онъ, это сокровище, а не книга!» И не выпускалъ ее съ того времени почти изъ рукъ, покуда ущипками и урывками не прочелъ ее всю съ начала до конца. Я принужденъ былъ взять ее для него съ собою въ Серпуховъ и онъ столько находилъ въ ней для себя пріятнаго и хорошаго, что не далъ мнѣ покоя, доколѣ не общалъ я ему взять ее съ собою въ Москву и дать ему списать всю ее для своего употребленія. А таковой-же участи удостоилась и «Дѣтская моя философія», до которой дошелъ у насъ также разговоръ и которая ему полюбилась столько-жъ; и какъ имѣли они у себя въ Москвѣ цѣлую канцелярію добрыхъ писцовъ, то и дѣйствительно списали они все сіи книги для его въ самое короткое время.

Въ сихъ и другихъ пріятныхъ дружескихъ и безпрерывныхъ разговорахъ и занятіяхъ, и не видали мы какъ протекли тогда тѣ двое сутокъ, которые онъ тогда у меня пробылъ. Обращеніемъ моимъ съ нимъ и всею угощеніемъ былъ онъ такъ доволенъ, что божился мнѣ, что оба сіи дни будутъ ему по смерти памятны. А и для меня былъ гость наипрѣятнѣйшій въ жизни, и дни сіи такъ пріятны, что я и понынѣ вспоминаю ихъ не иначе какъ съ удовольствіемъ душевнымъ. Помянутая-жъ сидѣлка подъ лозками сдѣлалась мнѣ такъ достопамятна, что я всегда, идучи мимо ея, вспоминаю тогдашнія пріятныя минуты, проведенныя на ней съ симъ истиннымъ моимъ другомъ.

Наконецъ надлежало намъ разставаться съ моимъ Дворяниновымъ и для окончанія нашего дѣла ѣхать обратно въ Серпуховъ. Тамъ нашли мы курьера нашего, уже возвратившагося изъ Москвы и привезшаго къ намъ не только надобной документъ, но и множество вновь всякаго рода провизіи. А вскорѣ за симъ при-

ѣхалъ и Ваксель съ повѣренными, но съ сими имѣли все мы множество трудовъ и не прежде уломали и склонили ко всему желаемому нами, какъ чрезъ нѣсколько дней, употребляя къ тому и волчій ротъ и лисій хвостъ, и за всею тѣмъ принуждены были множайшіе дни прожить, нежели мы думали. Въ которое время между тѣмъ, какъ я хлопоталъ, товарищъ мой занимался наиболѣе чтеніемъ моихъ сочиненій и въ томъ съ удовольствіемъ проводилъ время.

Но какъ бы то ни было, но наконецъ удалось намъ дѣло наше нанудобнѣйшимъ образомъ кончить, и какъ оставалось тогда задать только друзьямъ нашимъ межевымъ на прощанье опять добрую попойку и угостить, кого болѣе слѣдовало, то исполнивъ и сіе, не стали мы долѣе медлить ни минуты, но подхвата почтовыхъ полетѣли обратно въ Москву. И какъ товарищу моему хотѣлось возможнѣйшимъ образомъ поспѣшнить, то и ѣхали мы съ такою скоростью, съ какою я отъ роду моего до того и послѣ никогда не ѣзжалъ, и во мнѣ души почти не было отъ страха, чтобъ колеса наши не разлетѣлись въ дребезги. Но, по счастью, карета была крѣпка и мы приѣхали въ Москву благополучно, и провели въ пути менѣе сутокъ.

Симъ окончу я мое письмо, и представивъ прочее будущему, скажу, что я есть вашъ и прочее.

(Декабря 30 дня 1808 года).

Письмо 174-е.

Любезный пріятель! Приѣздъ нашъ и удачное окончаніе нашего сумнительнаго дѣла, обрадовалъ не только княгиню, съ господами Салтыковыми, но и самого моего князя: тѣхъ потому, что имъ нетерпѣливо хотѣлось получить съ князя за волость денежки, а сего потому, что сіе разрѣшеніе и окончаніе спорнаго межевого дѣла развязало ему руки и ему можно уже было приступить къ формальной покупкѣ волости. Но надобно признаться, что и самому мнѣ было то очень

очень непротивно и болѣе потому, что удалось мнѣ, по пословицѣ говоря, съ небольшими хлопотами и трудами, загрестъ чужими руками жаръ, и чрезъ то избавить самого себя отъ безчисленныхъ заботъ, хлопотъ, трудовъ и самыхъ неудовольствій, которыя неминуемо навлекло бы на меня сіе спорное дѣло, естлибъ мы купили волость безъ разрѣшенія онаго, и мнѣ бы самому уже о томъ хлопотать надлежало, въ которомъ случаѣ, не могли такъ транжирить и столько убытчиться, какъ они, не могъ бы я никакъ его такъ скоро и удачно кончить. А сверхъ того и то мнѣ было пріятно, что мнѣ удалось тѣмъ услужить и княгинѣ и господамъ Салтыковымъ, а не менѣе доставить и князю новое удовольствіе.

И подлинно, не успѣла княгиня и друзья ея услышать обо всемъ и отъ спутника моего узнать, что и что я при томъ дѣлалъ и какъ проворилъ и мастерилъ, какъ начали осыпать меня тысячами благодареній, и говорить что я обязалъ ихъ тѣмъ чрезвычайно. А и князь не успѣлъ насъ, съ господами Салтыковыми, приѣхавшихъ къ себѣ, увидѣть, какъ ни мало толь скорого окончанія не ожидая, съ примѣтнымъ удовольствіемъ воскликнулъ: «Ба, ба, ба! уже и возвратились, и неужели все кончили?» — «Кончили, отвѣчалъ я, и противъ всякаго чаянія весьма удачно и хорошо». — «Но за то, подхватили господа Салтыковы, обязаны мы великою благодарностью вашему сіятельству за увольненіе Андрея Тимоѣевича, безъ него нечего-бы намъ дѣлать: все это такъ скоро, удачно и хорошо кончено единственно его стараніемъ, попеченіемъ и расторопностью». Князь улыбулся отъ удовольствія, и сказалъ имъ на сіе: «Такъ его, а не меня вы за то и благодарить должны».

Послѣ сего долженъ я былъ пересказать князю на короткихъ словахъ все и все, что у насъ происходило тамъ, и что и что сдѣлано. Князь только усмѣхался, все сіе слушая, и какъ я все свое повѣствованіе кончилъ, то сказалъ: — «Ну, слава же Богу, то не осталось уже никакого помѣшательства и намъ, Борисъ Михайло-

вичъ, можно уже будетъ приступить къ совершенію купчей». — «Конечно, можно, отвѣчалъ онъ, и теперь зависить отъ воли вашего сіятельства назначить къ тому день». — «Очень хорошо, сказалъ князь, и чѣмъ откладывать вдаль, такъ неугодно-ли приступить къ тому съ завтрашняго дня, и постараться о пріисканіи намъ знакомаго человѣка къ написанію купчей, и ко мнѣ, съ написанною вчернѣ, пожаловать». — «Очень хорошо», сказалъ г. Салтыковъ и тотчасъ полетѣлъ въ вочинную коллегію, для начинанія сего дѣла. Но гдѣ-то пріискали къ тому знатока, гдѣ-то написали ее вчернѣ, гдѣ-то сообщая всѣ ее разматривали, и все что нужно было въ ней прибавляли, гдѣ-то переписывали набѣло... во всемъ томъ провели не менѣе трехъ сутокъ; но наконецъ, 18 числа іюля подписала ее княгиня и по собраніи великаго множества къ тому свидѣтелей, купчая надлежащимъ образомъ была совершена, и осталось только князю и княгинѣ росписаться въ книгѣ. И какъ для сего надсмотрщикъ привезенъ былъ съ книгою въ домъ княгини, то и князь расположился самъ туда-же къ ней приѣхать. Итакъ, взявъ меня съ собою и поѣхали, и оба они въ книгѣ росписались. Купчая по обыкновенію вручена была надсмотрщикомъ княгинѣ, а сія хотѣла-было вручить ее князю, но сей не принявъ просилъ ее, чтобъ она изволила присылать къ нему для пріема и полученія денегъ, и прислала бы ее уже по полученіи денегъ.

Какъ сумма платимая за волость была немаленькая и простиралась до ста двадцати тысячъ рублей, и всю ее надлежало считать, поелику вся она была чистою серебряною монетою; то принуждены мы были съ г. Шебашовымъ употребить весь послѣдующій день на отпусканіе оной изъ кладовой княжеской, гдѣ они у него хранились, а господа Салтыковы, приѣзжавшіе для сего сами, на приниманіе оной отъ насъ и считаніе. Наконецъ повезли они ее отъ насъ на фурѣ, въ шесть лошадей запряженной, а вслѣдъ за нею поѣхали и мы съ г. Шебашовымъ

къ княгинѣ для полученія купчей, которую она намъ и вручила.

Такимъ образомъ кончили мы съ княгинею Бѣлосельскою наше дѣло и князю оставалось только снабдить меня инструкціею и нѣсколькими ордерами, и отправить въ Кіясовку для вступленія въ мою управительскую должность. Первую препоручилъ князь написать самому мнѣ для себя, и сіе составило для меня щекотливую комиссію. Но какъ бы то ни было, но я ее написалъ и князь ею былъ доволенъ. Ордера же писалъ г. Шебашевъ. Итакъ, оставалось мнѣ только побывать въ рядахъ и искупить по повелѣнію князя нѣкоторыя нужныя для заведенія въ Кіясовкѣ волостной канцеляріи покупки, и потомъ отправляться. И какъ на иные, равно и на другіе нужныя первые расходы въ Кіясовкѣ, доколѣ будутъ вступать волостные доходы, потребны были деньги, то и приказалъ князь Шебашеву отпустить мнѣ нѣкоторую сумму.

Во всемъ томъ писаніи и приниманіи денегъ и провелъ я весь почти послѣдующій день; но какъ въ городѣ итти было уже поздно, а дня оставалось еще довольно, то и разсудилъ я употребить сіе оставшее время на удовлетвореніе желанія господъ Салтыковыхъ, которые взяли съ меня клятву, чтобы не уѣзжать изъ Москвы, съ ними не простившись. Итакъ, чтобы отвязаться уже отъ нихъ и наутріе имѣть болѣе свободы, и поѣхалъ я къ нимъ на извозикѣ.

Бѣдучи дорогою помышлялъ я и говорилъ самъ себѣ: уже не затѣмъ ли они меня къ себѣ пригласили, чтобы подарить меня чѣмъ-нибудь за мои труды и хлопоты. И какъ я неизменно думалъ, что вздумаютъ они навязывать на меня какую-нибудь бездѣлку, то считалъ за постыдное для себя принять оную и рѣшительное намѣреніе принявъ отказать отъ того, ежели сіе воспослѣдуетъ.

Въ сихъ помышленіяхъ и приѣхалъ я въ домъ княгининъ. Я прошелъ прямо въ комнаты господъ Салтыковыхъ, но изъ всѣхъ ихъ нашелъ только Александра Михайловича, другихъ же обоихъ брать-

евъ не было дома. Помянутой другъ мой, ни съ другою слова, подхвата меня повелъ въ комнаты къ княгинѣ. Сія приняла меня съ откровенною уже ласкою и пріятствомъ передъ прежнимъ. Я не зналъ что-бы это значило, но послѣ узналъ, что какъ Александръ Михайловичъ имѣлъ уже время пересказать ей все, что онъ обо мнѣ и объ охотѣ моей къ наукамъ, о моихъ знаніяхъ, о моемъ житіи-бытіи и о характерѣ моемъ зналъ; то она, будучи сама до наукъ, а особливо до натуральной исторіи, нѣкоторою охотницею, получила обо мнѣ уже гораздо выгоднѣйшее предъ прежнимъ мнѣніе и потому, приласкавъ меня, тотчасъ вступила со мною въ пріятныя и относящіяся до наукъ разговоры. И какъ натурально и я не имѣлъ причины молчать, то провели мы все время до ужина, безъ котораго она меня отпустить никакъ не хотѣла, со взаимнымъ и особымъ удовольствіемъ. Наконецъ приѣхали и другіе оба братья, и какъ она имѣла обыкновеніе ужинать очень рано, то тотчасъ и позвали насъ къ столу и княгиня, посадивъ меня подлѣ себя, не знала какъ меня лучше всѣмъ и всѣмъ уподобивать.

Стужинавъ не сталъ я далѣе ни минуты медлить, но раскланявшись и распроставшись съ нею и господами Салтыковыми, осыпавшими меня вмѣстѣ съ нею опять за все и все тысячами благодареній, поскакалъ я обратно на свою квартиру, будучи крайне доволенъ, что о подаркѣ, какъ казалось, не было ни у кого и на умѣ, хотя то мнѣ нѣкоторымъ образомъ и удивительно казалось.

Теперь расскажу вамъ объ одномъ странномъ, рѣдкомъ и весьма достопамятномъ въ жизнь мою произшествіи, случившимся со мною по приѣздѣ моемъ на квартиру, произшествіи, могущемъ доказать, что были на свѣтѣ люди, чувствовавшіе прямую благодарность и умѣвшіе не только цѣнить и имѣть истинное дружество, но показывать тому рѣдкіе и почти необыкновенные опыты и доказательства. Было оно слѣдующее:

Какъ тогда начинало уже хотя смер-

каться, но было еще свѣтло и случился тогда быть наипрекраснѣйшій іюльской вечеръ, то по возвращеніи своемъ въ душную свою квартиру, ибо стоялъ я все еще у Шебашова, и нехотя ложиться спать, вздумалъ я вытѣчь за ворота и проходиться нѣсколько по улицѣ, при тогдашнемъ прохладномъ уже воздухѣ. Но не успѣлъ нѣсколькихъ десятковъ сажень отъ воротъ своей квартиры отойти, какъ вдругъ встрѣчается со мною скачущая почти карета, и сидѣвшій въ ней закричалъ кучеру «Стой! стой! стой!»

Я удивился сіе увидѣвъ; но удивленіе мое несказанно еще увеличилось, когда увидѣлъ я въ выходящемъ [изъ кареты] и прямо ко мнѣ идущимъ друга моего Александра Михайловича Салтыкова. «Ба! ба! ба! Александръ Михайловичъ! воскликнулъ я: куда это?» — «Къ тебѣ, мой милый и любезный другъ, сказалъ онъ; мнѣ хотѣлось еще разъ съ тобою проститься, и вручить тебѣ вотъ знакъ княгининой благодарности за всѣ твои труды и старанія, а отъ себя жертву моего къ тебѣ дружества». И въ самое то время, выхвативъ изъ кармановъ одною рукою довольно толстой и запечатанной пакетъ, а другою небольшою сверткомъ бумаги, сей всунулъ мнѣ въ карманъ, а тотъ совалъ мнѣ за пазуху. Поразился я сею неожиданностію и хотя не зналъ, что такое было въ сверткѣ и въ пакетѣ, но заключая, что находились въ нихъ какіе-нибудь подарки, сталъ упорствовать и, не принимая, говорить: «Помилуй, братецъ! на что это, на что? и стоять ли чего всѣ мои труды и старанія. Я радъ, что удалось мнѣ всѣмъ вамъ услужить, и одно чувствуемое отъ того удовольствіе служить мнѣ уже довольною наградою. Нѣтъ, нѣтъ, продолжалъ я, отъ часу болѣе противясь, говорить, воля твоя, а я никакъ не приму, и на что княгинѣ для меня убытись!» — «Пустое, братецъ! какой это убытокъ! подхватилъ онъ: мы сегодня же все ваше серебро промѣняли на ассигнаціи и получили болѣе трехъ тысячъ барыша, такъ стоять ли чего эти бездѣлки!» Услышавъ сіе и заключая, что

въ пакетѣ запечатана какая-нибудь вещь, а въ сверткѣ находилось нѣсколько денегъ, сталъ-было я еще болѣе упорствовать и выхвативъ всунутой мнѣ за пазуху пакетъ, опять ему въ руки втирать; но онъ, опять его всунувъ мнѣ за камзолъ, сказалъ: «Воля твоя и какъ ты хочешь, а взять ты это неотмѣнно долженъ; человекъ ты любезной, но не богатой, и тебѣ, моему другу, это сгодится», и поцѣловавъ меня потомъ и сказавъ: «ну, прости мой другъ!» опрометью побѣжалъ въ карету и усѣвшись въ нее поскакалъ отъ меня прочь, сказавъ только мнѣ уже изъ кареты: «Пожалуй только, мой другъ, поддержи это за собой и не сказывай никому, да и самую княгиню не только не благодари, но не упоминай о томъ ей ни одного слова. Она неотмѣнно того хочетъ».

Изумленіе, въ которое приведенъ я былъ симъ внезапнымъ, страннымъ и особливимъ произшествіемъ, было таково, что я его никакъ изобразить не въ состояніи. Я почти оцѣпенѣлъ на нѣсколько секундъ, и смотря въ слѣдъ исчезнувшей у меня изъ глазъ каретѣ, не зналъ что думать. Но какимъ новымъ изумленіемъ я поразился, когда, любопытствуя узнать, что такое было въ бумажномъ сверткѣ, развернувъ его увидѣлъ, что находилось въ немъ цѣлыхъ триста рублей золотыми имперіалами. «Господи! воскликнулъ я отъ удивленія: какое множество золота, и стоятъ ли того труды мои и [услуга?» Но изумленіе мое еще несказанно увеличилось и было неизобразимо, когда, любопытствуя также узнать, что въ пакетѣ, распечатавъ его увидѣлъ, что вмѣсто мнимой какой вещицы весь онъ наполненъ былъ одними только ассигнаціями: «Ба! ба! ба! воскликнулъ я, и тутъ ажъ однѣ деньги!» Но сколь удивленіе мое увеличилось, когда я, пересчитавъ ихъ въ скорости, усмотрѣлъ, что содержали онѣ въ себѣ цѣлую тысячу рублей.

Зрѣлище сіе въ мигъ привело тогда всю кровь мою въ волненіе превеличайшее, а сердце во мнѣ такъ затрепетало,

что хотѣло почти выскочить, и я равно какъ въ нѣкакомъ восторгѣ воскликнулъ: «Господи! что это такое!» и опять замолчалъ, погрузясь въ тысячу мыслей, произведенныхъ во мнѣ сею неожиданностью. Сумма сія была такая, какой я еще никогда не имѣлъ у себя отъ своего рожденія, и нынѣ не составляетъ она никакъ бездѣлки, а по тогдашней дороговизнѣ денегъ была гораздо еще важнѣйшею, и натурально должна была показаться мнѣ чрезвычайною. И какъ вручена она была мнѣ такимъ особливимъ образомъ, и втерта насильно въ руки съ такимъ еще особымъ условіемъ, то сталъ я въ пень, не зная, что думать, и крестился только отъ удивленія неизобразимаго.

Долго и нѣсколько минутъ продолжалось сіе мое изумленіе. Но наконецъ, сообразивъ всѣ обстоятельства предсѣдовавшихъ тому происшествій, и помысливъ о томъ, что я сего не искалъ, не требовалъ и даже не желалъ, почелъ даръ сей не инымъ чѣмъ, какъ даваемымъ Господнимъ и дѣйствіемъ непостижимаго Его и о благѣ моемъ неукущагося Промысла, и принявъ его со вздохомъ сердечной къ нему благодарности, пошелъ обратно въ свою квартиру, будучи весьма доволенъ, что никто происшествія сего не видалъ и что происходило оно почти наединѣ съ моимъ другомъ.

Легко можно заключить, что я не имѣлъ причины сказывать о томъ не только моему хозяину, но даже и своимъ людямъ, ничего того не вѣдавшимъ и не видавшимъ; но легши скоро послѣ того спать, долго я не могъ уснуть отъ толпящихся въ головѣ моей множества разныхъ и пріятныхъ мыслей. Но за то и послѣдовавшій потомъ сонъ былъ столь пріятенъ, что я давно такъ сладко и хорошо не спалъ, какъ въ тогдашнюю ночь. Но подарили-ль они чѣмъ-нибудь товарища моего г. Шебашова, о томъ истинно не знаю и по нынѣ. Спрашивать его о томъ было мнѣ совѣстно и неловко, самъ же онъ не сказывалъ, а замѣтно было только то, что не изъяслялъ онъ ни на книжину, ни на

гг. Салтыковыхъ никакого неудовольствія. Что-жъ касается до подаренной мнѣ суммы, то видно, что подарена была она мнѣ отъ добраго сердца, ибо она обратилась мнѣ впрокъ и послужила первымъ основаніемъ всему тому маленькому капиталу, которой имѣлъ я въ послѣдующее время и пригодилась мнѣ очень-очень кстати.

На другой день проснувшись съ новыми и до того неизвѣстными мнѣ еще пріятными чувствіями, ибо я почиталъ себя тогда уже богатымъ человѣкомъ, пошелъ я къ князю, и принявъ отъ него послѣднія приказанія и раскланявшись съ нимъ, прошелъ прямо въ городъ, и исправивъ всѣ нужныя покупки, нанялъ потомъ подъ коляску свою лошадей и передъ вечеромъ пустился изъ Москвы и поѣхалъ прямою дорогою въ Кіасовку, для немедленнаго вступленія въ новую свою управительскую должность, куда, ночевавъ на дорогѣ въ Пахрѣ, на другой день и приѣхалъ.

Случилось сіе 22-го числа мѣсяца іюля и въ самые почти полдни. Подъѣзжая къ сему селу, чувствовалъ я въ себѣ нѣкоторыя особенныя и не непріятныя ощущанія, и не преминулъ нѣсколько разъ перекреститься при въѣздѣ въ самое село, и чтобъ мысленно не попросить Господа о ниспосланіи мнѣ, при вступленіи въ новое поприще жизни, святаго своего благословенія и преподанія мнѣ во всею руку помощи. Меня тутъ начальники уже нѣкоторымъ образомъ дожидались и тотчасъ сбѣжались ко мнѣ, какъ скоро коляску мою завидѣли. Я расположился на время въ тѣхъ же нижнихъ комнатахъ, гдѣ мы до того времени квартировали, и при вступленіи въ свою должность первымъ дѣломъ моимъ было то, чтобъ приказать наутріе собраться всѣмъ крестьянамъ, для выслушанія послушнаго указа, которымъ непреминула насъ, по обыкновенію, снабдить княгиня Бѣлосельская.

Между тѣмъ успѣлъ я въ тотъ же день обходить сады и прочія мѣста усадьбы и распросить у начальниковъ о всѣхъ тогдашнихъ въ волости обстоятельствахъ,

также осмотрѣть гумно и производимую въ тотъ день молотѣбу хлѣба; а ввечеру занялся я писаніемъ къ князю о прибытіи своемъ въ волость перваго рапорта и нѣкоторыхъ другихъ писемъ.

Какъ въ послѣдующій день всѣ крестьяне изъ села Кіасовки и другихъ принадлежащихъ къ селу сему ближнихъ деревень были собраны, то вышелъ къ нимъ, прочелъ я имъ послушной указъ и потомъ поздравилъ ихъ съ новою и столь знаменитою помѣщицею. Всѣ они изъясняли о томъ свою радость и удовольствіе; а я послѣ того сказалъ имъ, что какъ я по волѣ ея опредѣленъ для управленія ими, то при первомъ случаѣ совиѣтую имъ: что какъ они теперь уже не владѣльческіе, а собственные крестьяне самой государыни и гораздо преимущественнѣе всѣхъ прочихъ казеннаго вѣдомства крестьянъ, то они сіе всегда-бы помнили и не постыдили бы себя никакими дурными поступками, а постарались бы какъ можно, будущимъ своимъ поведеніемъ и мирнымъ и порядочнымъ житіемъ и повиновеніемъ, смыть съ себя то гнусное пятно, которымъ замараны они всеобщю объ нихъ молвою. «Повсюду,—продолжалъ я имъ говорить,—носятся объ васъ, друзьяхъ моихъ, весьма скверная и гнусная молва! Говорятъ, будто-бы вы преданы уже слишкомъ шалостямъ и воровству и будто бы уже до того дошло, что никто изъ профѣзжихъ не смѣетъ и не отваживается у васъ здѣсь въ селѣ ночевать. Я не знаю, правда-ли то или нѣтъ, но желаю, чтобъ была то неправда. Но на случай, если молва сія не пустая, то совѣтую вамъ, друзья мои, всѣ такіа шалости съ сего времени бросить совершенно и отстать отъ всего дурного, и сказываю вамъ напередъ, что сколько вы найдете во мнѣ очень добраго, честнаго и правду любящаго начальника, столько напротивъ того строгаго наблюдателя добраго порядка, и что я никакъ того терпѣть не буду, и что открывшееся за кѣмъ-нибудь не только важное, но и самонадѣйшее воровство не останется никакъ безъ наказанія; но всѣ таковыя

строга, жестоко и примѣрно будутъ наказаны, и было-бы вамъ сіе, друзья мои, напередъ вѣдомо».

Пронѣвъ имъ съ самаго начала такую пѣсенку, распустилъ я ихъ, сказавъ, чтобъ они шли теперь съ Богомъ продолжать обыкновенныя свои работы; а буде кому какая нужда есть, то явились бы ко мнѣ съ оными.

Всѣ они, выслушавъ съ глубочайшимъ молчаніемъ мои слова, поклонились и пошли, а я занялся потомъ кой-какими нужнѣйшими распоряженіями, а паче всего приказаніями имѣвшемуся тутъ въ домѣ столяру, починить скорѣе всѣ поврежденныя въ домѣ мебели, также и въ службахъ и кухнѣ окна и все прочее, что было нужно, подтвердить, чтобъ все то къ тому времени успѣло, какъ переѣду я со всѣмъ моимъ семействомъ и людьми жить въ Кіасовку. Потомъ ѣздилъ я осматривать господскіе, въ самое то время производившіеся еще покосы, и сдѣлалъ тамъ распоряженія, какія были нужны.

На другой день послѣ того для самаго того-жъ ѣздилъ я въ село Малино и Спасское, и какъ тамъ по предварительному отъ меня приказанію всѣ крестьяне находились уже въ собраніи, то прочелъ я и тѣмъ послушной указъ, а потомъ и съ ними поговорилъ также полюбовную рѣчь, хотя не такого содержания какъ въ Кіасовкѣ, ибо за жителями сихъ селъ никакихъ такихъ шалостей было не слышно. А только крестьянамъ села Спасскаго, о которыхъ мнѣ сказывали, что они отменно сварливаго и беспокойнаго характера, посовѣтовалъ также, чтобъ они жили впредь помирнѣе и во всемъ были послушнѣе и лучше. Сіи тотчасъ-было и подлѣзли ко мнѣ съ нѣкоторыми дрязгами, но я тотчасъ зажалъ имъ ротъ, сказавъ, что на все это будетъ впредь довольно времени; что впередъ я не оставляю все изслѣдовать и разобрать и во всемъ оказать имъ справедливость, а теперь ни мнѣ, ни имъ заниматься тѣмъ не дозволяетъ время, а шли бы они всѣ продолжать свои полевныя работы.

Отпустя и сихъ, занялся я съ приѣхавшими въ самое то время въ село Спасское купцами торговать садъ тамошній; и я, походивъ съ ними и осмотрѣвъ плоды и поторговавшись, и продалъ имъ оныя за шестьдесятъ рублей, которые и составили самой первой доходъ по вступленіи моемъ въ управленіе волостью.

Возвратившись оттуда опять въ Кіасовку, не сталъ я долѣе медлить, но по сдѣланіи еще нѣкоторыхъ распоряженій, и давъ прикащику наставленіе, что ему въ отсутствіе мое съ крестьянами дѣлать и какія производить работы, по утру на другой день и пустился въ свое любезное Дворяниново, дабы забраться тамъ всеѣмъ нужнымъ и переѣзжать потомъ со всеѣми домашними моими, жить въ Кіасовку.

Тамъ нашелъ я всеѣхъ моихъ родныхъ въ нетерпѣливомъ и ежедневномъ ожиданіи моего приѣзда, ибо до нихъ дошли уже слухи, что я изъ Москвы въ Кіасовку отправился. Итакъ, встрѣчали онѣ меня уже какъ управителя императрициной волости, и съ изъявленіемъ радости своей поздравляли со вступленіемъ уже въ свою должность. Но сколь увеличилась ихъ радость, когда, отведя ихъ въ особую комнату, по секрету разсказалъ имъ о полученномъ мною и всего меньше ожидаемомъ дарѣ. Онѣ, услышавъ такую неожиданность, поразились также удивленіемъ неизобразимымъ, и согласно со мною не иначе то почитая, какъ даяніемъ Божескимъ, не знали какъ возблагодарить Господа за сію ниспосланную намъ милость.

Послѣ сего нмало уже не медля, принялись мы за сборы и на другой же день закипѣло у насъ въ домѣ. Переѣздъ со всеѣмъ домомъ жить въ другое мѣсто не составляетъ бездѣлки, и требовалъ къ тому приготовленій и распоряженій многихъ. Надобно было назначать кого и кого изъ людей обоего пола намъ брать съ собою, опредѣлять что и что изъ мебели и другихъ вещей намъ забирать и везть на новое жилище. Надобно было собирать нужныя, къ перевозкѣ безчи-

сленнаго множества разныхъ мелочей и вещей, повозки и снабжать ихъ лошадыми; надобно было подумать и о томъ что оставлять дома, и сдѣлать распоряженіе, чему и чему безъ насъ производиться, и такъ далѣе. Словомъ, хлопотъ, трудовъ и заботъ было превеликое множество.

Цѣлыхъ трое сутокъ, и именно 26, 27 и 28 іюля занимались мы непрерывно сими сборами и хлопотами, и насилу-насилу успѣли ихъ кончить. Въ продолженіе сего времени не по одному, а по нѣскольку разъ въ день обѣгалъ я всеѣ свои сады и посѣщалъ всеѣ любимѣйшія мѣста въ оныхъ. Не могу изобразить, съ какимъ чувствительнымъ сожалѣніемъ разставался я со всеѣми ими, и какъ старался ровно какъ въ послѣдній разъ насмотрѣться на нихъ и налюбоваться всеѣми красотою и пріятностями оныхъ. Правда, отъѣзжалъ я хотя и не въ такую даль, чтобъ не могъ ласкаться вскорѣ ихъ опять увидѣть, да и послѣ надѣялся временемъ приѣзжать къ себѣ въ домъ; но что могли значить всеѣ такіе временные и на короткое только время приѣзды? И какая разница была между ими и всегдашнимъ пребываніемъ и жителствомъ въ деревнѣ, къ тому-жъ, и будущее все ли было извѣстно? Не легко ли могли случиться обстоятельства, которыя до частыхъ отлучекъ отъ должности и не допускать будуть.

Такъ думалъ я, и все сіе производило въ душѣ моей нѣкакія особенныя и неизобразимыя чувствованія, и не одинъ, а нѣсколько разъ побуждали меня говорить даже съ ними, какъ бы меня слышавшими и разумѣющими. «Простите, мои милые и любезные друзья! говорилъ я, когда-то велитъ Богъ мнѣ опять здѣсь жить съ вами, и всеѣми вашими пріятностями утѣшаться! Удаляюсь отъ васъ въ мѣста чуждыя и принадлежащія не мнѣ собственно, какъ вы, вы же останетесь здѣсь какъ сиротами; никто-то васъ посѣщать и такъ любоваться не будетъ, какъ я. Въ отсутствіе мое чего и чего не можетъ произойти съ вами! Никто-то объ васъ такъ печись и такъ васъ

беречь и охранять не станетъ, какъ я. Какъ легко можетъ случиться, что инныя изъ васъ отъ небреженія совсѣмъ одичаютъ и запустѣютъ!»

Симъ и подобнымъ сему образомъ говорилъ и распрашивался я со всѣми любимѣйшими и мною обработанными мѣстами, ровно какъ предчувствуя, что сіе нѣкогда дѣйствительно совершится; ибо могъ ли я тогда думать и себѣ воображать, что я отлучался тогда отъ нихъ дѣйствительно не на короткое, а весьма на долгое и даже до 22-хъ лѣтъ продолжавшееся время, въ теченіи которыхъ хотя я и видалъ ихъ временно, но всегда только на самое короткое время; чтѣ и причиною было, что многія мѣста и дѣйствительно одичали, запустѣли и всѣхъ тогдашнихъ своихъ красоть лишились.

Съ такими-жъ особенными чувствами разставался и прощался я и съ любезною своею бібліотекою и милымъ своимъ кабинетомъ, свидѣтелемъ толь многихъ пріятныхъ минутъ въ немъ провожденныхъ. «Прости, мой другъ! говорилъ я: Богу еще одному извѣстно, буду-ли тамъ, куда, оставляя тебя, теперь ѣду, находить столько-жъ душевныхъ удовольствій, сколько находилъ въ тебѣ при помощи сихъ спроть, остающихся здѣсь стоять въ пыли, въ глухотѣ, въ темнотѣ и въ пустотѣ самой. Никто-то васъ здѣсь, друзья мои, посѣщать и вами утѣшаться не будетъ». Симъ образомъ говорилъ я, прощаясь съ остающимися въ большомъ шкапу моемъ книгами, ибо всѣхъ ихъ съ собою забрать никакъ было не можно и неудобно, а я только забиралъ однѣ нужнѣйшія изъ нихъ.

Такимъ же образомъ не преминулъ я обходить и всѣ прочія мѣста моей усадьбы, и какъ садовникамъ моимъ, такъ и остающемуся домоправителю и прикащику давать наставленіе и приказанія, чтѣ имъ безъ меня въ садахъ и другихъ мѣстахъ наблюдать и дѣлать.

Между тѣмъ какъ я симъ и подобнымъ образомъ между иныхъ дѣлъ ходилъ и распрашивался со всѣми мѣстами, занимались обѣ хозяйки мои собираніемъ,

укладываніемъ всякой домашней рухляди, оставляемой отчасти дома, отчасти забираемой съ собою. Ъхали мы тогда не налегкѣ и не одни только, а брали съ собою не только всѣхъ своихъ дѣтей, но и самыхъ чужихъ, гостившихъ тогда у насъ для компаніи и обученія кой-чему; ибо какъ домъ въ Кіасовкѣ былъ такъ просторенъ, что было гдѣ и со всѣми ими помѣститься, то не разсудили мы за благо отпустить ихъ къ роднымъ ихъ, а брали съ собою, дабы не было намъ такъ скучно, а особливо сначала. И какъ ѣхала насъ цѣлая компанія, то нужно было какъ для себя, такъ и для нихъ всѣмъ нужнымъ собраться и запастись. Сверхъ того и самыхъ людей брали мы съ собою не мало, слѣдовательно и объ нихъ и о снабденіи ихъ всѣхъ нужнымъ надобно было подумать и все нужное забрать; а потому и были у хозяекъ моихъ во всѣ сіи дни полны руки работы и всѣ помысленія заняты заботами многочисленными.

Наступило наконецъ 29-е число іюля, какъ день назначенный для нашего отъѣзда. Итакъ, по настаніи сего дня, помолясь Богу и распрощавшись со всѣми съѣхавшимися къ намъ для проводовъ ближними сосѣдями, выѣхали мы изъ своего дома и любезнаго своего Дворянинова, нимало не воображая себѣ, что мы разставались съ нимъ и домомъ своимъ на столь долгое время, что сей послѣдній успѣлъ къ тому времени совсѣмъ уже почти развалиться и къ житію сдѣлаться неспособнымъ, въ которое Промыслу и волѣ Господней угодно было привести насъ опять для жительства по прежнему въ семь нашемъ обиталищѣ.

Не могу никакъ изобразить, съ какими чувствами разставался я тогда съ симъ любезнымъ моимъ жилищемъ, и что и что ощущалъ въ душѣ моей по выѣздѣ изъ онаго. Я нарочно велѣлъ ѣхать колько можно медленнѣе до тѣхъ поръ, покуда было оно еще видно и не сокрывалось отъ очей моихъ, непрерывно на него смотрящихъ, и минуты сіи были для меня поразительны. Превеликимъ мпожествомъ мыслей занималась тогда вся душа моя,

и я говорилъ самъ въ себѣ: «Ну, прости селеніе милое и дорогое! Ровно почти двѣнадцать лѣтъ кормило, поило, согрѣвало и всѣмъ нужнымъ снабжало ты меня, и я жилъ въ тебѣ мирно, спокойно, весело и такъ хорошо, что и не помышлялъ никогда съ тобою разстаться и тебя покинуть; но не то случилось, что я предполагалъ и думалъ! Десница Всемогущаго извлекаетъ меня изъ нѣдръ твоихъ и возводитъ на новую стезю и поприще жизни. Отлучаясь отъ тебя, ѣду я начинать новой родъ жизни; лучшее-ли для меня или худшее предстоитъ во дняхъ грядущихъ, о томъ извѣстно одному только Господу! Но его святая воля и буди со мною! Ну, прости, прости», сказалъ я при послѣднемъ возрѣніи на рощи, скрывающіяся уже изъ глазъ моихъ, и велѣлъ уже погонять лошадей и ѣхать скорѣе.

Симъ кончилась первая моя деревенская жизнь по отставкѣ; а какъ и письмо мое уже достигло до своихъ предѣловъ, то окончу я и его сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

(Декабря 31-го дня 1808 года).

Письмо 175-е.

Любезный пріятель! Предъ самымъ вечеромъ было уже то, какъ мы со множествомъ нашихъ повозокъ, составлявшихъ изрядной обозецъ, въѣхали въ село Кіасовку, а потомъ на обширной и просторной дворѣ господскаго дома. Спутницы мои, сидѣвшія со мною въ одной каретѣ, крестились, по набожности своей, въѣзжая на дворъ, и увидѣвъ домъ, отъ удивленія воскликнули: «Э! э! э! какая домина, да въ этомъ и Богъ знаетъ сколько людей помѣститъ можно». — «Ну! не такъ-

то слишкомъ радуйтесь, сказалъ я имъ, величинѣ его, а посмотрите напередъ его внутренность, и тогда вѣрно заговорите вы иное; не таковъ-то онъ покоенъ и помѣстительнѣе внутри, каковъ великъ и хорошъ кажется снаружи».

Въ сихъ разговорахъ подѣхали мы къ большому крыльцу, посреди дома находившемуся. Оное нашли мы уже все установленное тамошними начальниками и именитыми людьми. Прикащикъ, староста, земской и всѣ, сколько ни было дворовыхъ людей и мастеровыхъ, успѣли уже сбѣжаться, и собравшись встрѣчали насъ съ обыкновенными привѣтствіями и поклонами. Я, поздоровкавшись съ ними и спросивъ, все-ли у нихъ здорово и хорошо, повелѣлъ тотчасъ спутницъ своихъ въ верхній этажъ по большой парадной и покойной лѣстницѣ, внутри дома въ просторныхъ сѣняхъ устроенной, и взвезти ихъ на верхъ въ нѣкоторой родъ также просторныхъ и сквозныхъ сѣней, сказалъ: «Ну, теперь ступайте сами куда хотите! направо и налево, осматривайте всѣ комнаты и покои, выбирайте изъ нихъ любыя и думайте гдѣ-бы намъ удобнѣе пріютиться, и которыя-бы изъ нихъ назначить для гостинной, столовой, спальни, для дѣвичей и дѣтской. Наилучшія и множайшія комнаты вотъ здѣсь, въ лѣвой сторонѣ дома». Болярыни мои тотчасъ туда и полетѣли, а я пошелъ въ правую сторону, какъ назначенную уже предварительно для своихъ покоевъ, и для показанія людямъ куда переносить мои вещи.

Не успѣлъ я еще всѣхъ приказаніевъ моихъ кончить, какъ гляжу, идутъ мои спутницы уже ко мнѣ. — «Ну что?» спросилъ я ихъ. — «Что, батюшка! отвѣчали онѣ мнѣ: чуть ли ты не правду сказалъ, что нашъ домъ каковъ ни малъ противъ этого, но едвали не покойнѣе и не помѣстительнѣе! Возможно-ли? Ходили, ходили и нигдѣ не нашли ни одной порядочной комнаты. Иныя, какъ конурки, слишкомъ уже малы, а другія какъ сараищи, преобширныя, а всѣ низимъ-низехоньки. И что это за расположеніе меж-

ду ими? Какой чортъ это ихъ строилъ и располагалъ, и гдѣ у него умъ былъ?» — «Не прогнѣвайтесь, сказалъ я, онъ строилъ не для насъ, а для себя и располагалъ такъ, какъ ему хотѣлось; итакъ, о томъ говорить нечего. А думайте-ка, гдѣ-бы намъ и какъ расположиться». — «Чего думать? подхватили онѣ: тамъ не нашли мы никакого пріюта, а нѣтъ-ли развѣ въ этомъ краю?» — «А здѣсь и того меньше, сказалъ я: тутъ и всего только два покойца, изъ которыхъ одинъ назначаю я для лакейской, а другой и крайній для своего кабинета». — «Но не лучше-ли и не покойнѣе-ли будетъ внизу?» спросили онѣ. — «Тамъ и того еще хуже; завтра вы увидите сами, а теперь и ходить туда незачѣмъ, а думайте и располагайтесь какъ-нибудь уже здѣсь и утѣшайтесь по крайней мѣрѣ тѣмъ, что намъ не всегда здѣсь жить. Князь общалъ уже мнѣ построить новой и особой деревянной домъ для житія управителю и назначилъ къ тому уже и мѣсто. И тотъ уже построимъ мы на свой ладъ и по своему вкусу, и расположимъ какъ надобно, а до того времени нечего иного дѣлать какъ довольствоваться уже симъ и какъ-нибудь уже въ немъ помѣщаться».

Пересказавъ имъ сіе и показавъ обѣ свои комнаты, повелъ я ихъ обратно, чтобъ сообщить имъ по крайней мѣрѣ свое мнѣніе, и введя въ помянутой средней и просторнѣйшей покой, въ которой выходила снизу парадная лѣстница, сказалъ: «Вотъ этотъ сарайна долженъ служить намъ и вмѣсто сѣней, и вмѣсто прихожей и вмѣсто залы. И естли случится когда быть у насъ многимъ гостямъ, такъ негдѣ больше обѣдать какъ здѣсь». — «Но умилосердись! подхватили онѣ, какъ это можно?» — «Конечно можно, отвѣчалъ я, и въ службѣ не безъ нужды, а это, слава Богу! простора довольно, станови себѣ сколько хочешь столовъ, благо свѣтло и въ обѣ стороны окошки и ихъ множество!» — «Ну, ну, пускай по твоему, сказали онѣ, но что далѣе?» — «А вотъ здѣсь, сказалъ я, введя ихъ въ первую и небольшую комнату съ двумя окнами на

дворъ: пусть будетъ наша всегдашняя столовая, комната хоть небольшая, но для столовой уже годится. Семья наша не такъ велика, а хоть бы и случились гости, такъ человѣкъ двѣнадцать или пятнадцать по нуждѣ накормить можно». — «Ну! ну! сказали онѣ далѣе; а на гостиную-то комнату которую-бы ты назначить изволилъ?» — «А вотъ эту другую, подлѣ ей». — «Ахъ, батюшки! воскликнули онѣ, да эта и той еще меньше и тѣснѣе; да тутъ человѣкъ и десяти не усадить». — «Ну, какъ быть! сказалъ я, говорится въ пословицѣ, на безлюдь и сиди въ честь, и нужда чего не дѣлаетъ; случится когда быть тѣснѣе и гостей много, такъ милости просимъ въ столовую, тогда служи и она намъ вмѣсто другой гостинной, какъ быть?» — «Ну, ну! подхватили онѣ, а для спальни-то нашей какую комнату изволишь назначить?» — Тутъ сталъ я въ пень, и не зналъ что сказать; за обѣими сими комнатами впереди оставался одинъ, но изъ всѣхъ неуклюжистѣй и самой крайній въ домѣ, предлинной, во всю ширину дома простирившійся и во всѣ три стороны окошки имѣющій покой, и я не смѣлъ почти ассигновать ее подъ спальню. Но неволя заставила меня уже ее предназначать нашею спальнею. Захохотали боярыни мои, сіе услышавъ, и совокупно воскликнули: «Ну, уже спальня! нечего говорить, спальня! самая господская! Ну, какъ это можно тутъ спальнѣ быть?» — «Для чего не быть? сказалъ я: вотъ здѣсь поставимъ къ одному концу короватъ, а въ достальномъ мѣстѣ можете вы запросто жить: чево нѣтъ свѣтло! подъ любымъ окошечкомъ себѣ сидите и смотрите вотъ либо на дворъ и на село сюда, либо на прудъ въ эту сторону, либо сюда въ садъ и въ поля. Пожалуй себѣ помѣщайте здѣсь и кружевницъ своихъ и другихъ рабочихъ, простора довольно». — «Ну что дѣлать, подумавъ-подумавъ сказали онѣ: знать быть по-твоему. А вотъ эти достальныя заднія двѣ комнаты, окошками въ садъ, и сами мы назначали для дѣтской и для дѣвичей; но есть ли по крайней мѣрѣ мѣсто, гдѣ-бъ что поло-

жить можно было?» — «О! что касается до этого, такъ кладовыхъ здѣсь множество, найтиѣ можемъ и вверху, въ моемъ краю, и внизу, за этимъ дѣло не станетъ».

Расположивъ симъ образомъ, гдѣ чему быть, и велѣли мы тотчасъ разбираться и вносить все, куда что слѣдовало, и провели въ томъ все достальное время того дня. Повара наши между тѣмъ успѣли приготовить намъ дорожной ужинъ, и мы обновили имъ свою столовую.

На другой день съ самаго утра, принялись мы уже порядочно разбираться и все вездѣ устанавливать и какъ надобно, все располагать. Между тѣмъ, какъ хозяйки мои хлопотали о томъ въ своемъ краю, занимался я тѣмъ же въ своемъ правомъ краю. Я упомянулъ уже, что тутъ находилось только двѣ нарочито просторныя комнаты. Изъ нихъ крайнюю и угловую ассигновалъ я для собственнаго своего ежедневнаго пребыванія, и подъ однимъ окошечкомъ установилъ я себѣ свой писчій столикъ, подъ другимъ назначилъ быть будущей моей канцеляріи, а подъ третьимъ столу учебному для моихъ воспитанниковъ и учениковъ, которыхъ столкнулось тогда цѣлыхъ трое: мой племянникъ Травинъ, да сынъ господина Ладыженскаго, да еще Обариновъ, сынъ одной дальней родственницы моей тещи и мальчикъ бѣдной и не весьма еще большой. Всѣмъ симъ назначена комната сія была и спальнею и учебною, а вкупѣ должна была быть и моею библіотекою и аптекою, для помѣщенія которой радъ я былъ, что отыскалъ старинной, небольшой, но довольно просторной шкапчикъ. Итакъ, всю мою рухлядь мы тутъ и помѣстили, другой же назначили для ежедневнаго пребыванія слугъ и лакеевъ.

Во всѣхъ сихъ разборахъ и пріючиваніяхъ провели мы весь тотъ день; однако я успѣлъ въ оной же сводить домашнихъ своихъ и въ тамошній, позади дома находящійся садъ, и показать имъ плоды и поспѣвшія кой-какія уже ягоды, и препоручилъ оныя имъ въ вѣдомство и само-

произвольное употребленіе, во что имъ угодно, а самъ потомъ успѣлъ слетать верхомъ на поля хлѣбныя для осмотра оныхъ. Тамъ повстрѣчалось со мною такое зрѣлище, какого не видывалъ я еще никогда, и которое не только меня удивило, но заставило и думать. На всѣхъ пашняхъ, которыя засѣяны были весною овсомъ, оной весь почти пропалъ или былъ чрезвычайно рѣдокъ, а вмѣсто онаго выросло что-жъ? Одинъ сплошной ленъ, хотя онъ тутъ вовсе сѣянъ не былъ. Не могу изобразить какъ я тому удивился, и тѣмъ паче, что по всѣмъ изслѣдованіямъ и просамъ не находилъ тому никакой естественной причины. И какъ видалъ я симъ образомъ сплошнымъ льномъ порослую не одну ниву, а цѣлое поле, то не зналъ, что мнѣ съ нимъ дѣлать, и пришелъ отъ того въ великое недоумѣніе, и тѣмъ паче, что былъ онъ не только низокъ, но и очень суковатъ, и потому не думалъ я, чтобъ онъ могъ годиться въ дѣло. Но какъ по крайней мѣрѣ былъ онъ очень сѣмянистъ, то рѣшился наконецъ по созрѣніи оныхъ, согнавъ бабъ, велѣть весь его выдергать руками; что и было сдѣлано, и мы послѣ намолотили изъ него нѣсколько десятковъ четвертей льнянаго сѣмени, самъ же онъ дѣйствительно оказался совсѣмъ неспособнымъ къ употребленію въ дѣло.

Кромѣ сего, удивила меня въ сей день и другая неожиданность. Передъ самымъ то было уже вечеромъ, какъ увидѣлъ я изъ окна въѣхавшаго на дворъ верхомъ человѣка и узналъ, что былъ онъ мой изъ деревни. «Ба! ба! ба! воскликнулъ я: зачѣмъ это? и не сдѣлалось-ли тамъ безъ насъ чего? Посылай, посылай его скорѣе». Человѣкъ входитъ, но чтожъ? подаетъ мнѣ нарочито толстой пакетъ изъ Экономическаго Общества и сказываетъ, что прислали-де его скорѣ послѣ нашего отъѣзда изъ Коширы, и что прикащикъ сочтя, что онъ можетъ быть какой-либо важнымъ, и отправилъ его ко мнѣ съ нарочнымъ. «Хорошо, братецъ, сказалъ я, что это не иное что, а то ты меня испужалъ-было».

Развернувши его, нашелъ я въ немъ не-

большое напечатанное и пустое почти сочиненье о размноженіи нужнѣйшихъ хлѣбовъ для Россіи, присланное ко мнѣ при письмѣ отъ Нартова, писанномъ еще 19 іюня. Въ ономъ не упоминалъ онъ уже ничего о неполученіи отъ меня писемъ, а сказавъ о посылаемой книжкѣ, присовокупилъ только увѣдомленіе, что Общество сдѣлало новой уставъ и опредѣлило, чтобъ впредь всѣ посылаемыя въ оное сочиненія не подписываемы-бы были именами сочинителей, а ко всякому приобщаемъ былъ вмѣсто имени какой-нибудь девизъ, а имя было бы въ запечатанной цыдулкѣ, дабы Общество могло разсматривать ихъ, не зная чьи они, и давать за каждое удостоенное печати уже медали, и оканчивалъ тѣмъ, чтобы я впредь сочиненія свои присылалъ безъ подписи, а съ девизами.

«Вотъ тебѣ на! прочитай сіе воскликнулъ я, какую нелѣпицу еще затѣяли! До сего было писальщиковъ мало и дѣло плохо, а теперь и того будетъ плоше и дурнѣе. Ну, чортъ ли кого заставить на недостовѣрное хлопотать и трудиться; хоть-бы кто и хотѣлъ, такъ пройдетъ охота. Я первой покорно благодарствую! да къ тому-жъ, мнѣ право теперь не до васъ, и некогда мнѣ заниматься такими дразгами; волѣнъ Богъ и съ вашими медалями». Сказавъ сіе, свернулъ я письмо и положилъ къ прежнимъ покониться и отдыхать.

Не успѣли мы разобраться и все къ своимъ мѣстамъ прибравъ, начать привывать на новомъ мѣстѣ жить, какъ на другой же день и пожаловалъ къ намъ первый гость, господинъ Жуковъ, одинъ изъ живущихъ въ сосѣдствѣ тамошнихъ дворянъ, приѣхавшій ко мнѣ себя рекомендовать. Я принялъ его съ обыкновенною своею вѣжливостью и благопріятствомъ. А въ послѣдующій за тѣмъ день посѣтила насъ уже и госпожа Останкова, одна изъ тамошнихъ сосѣдокъ. «Во! во! сказалъ я самъ себѣ: ежели такъ часто будутъ къ намъ жаловать гости, то намъ и не будетъ здѣсь скучно», и поздравлялъ съ тѣмъ своихъ хо-

зяекъ, которымъ было то нimalo не противно, ибо какъ первой приѣзжалъ ко мнѣ, такъ сія послѣдняя къ нимъ для сведенія знакомства.

Впрочемъ, какъ въ самой сей день случилось 1-е число августа, то мы были въ первой разъ въ тамошней церкви и у обѣдни, и потомъ ходили на воду, гдѣ имѣли удовольствіе видѣть всѣхъ жителей того села и ближнихъ деревень въ собраніи и на нихъ посмoтpѣть, а себя показать.

Но сколь день сей пріятно начался, такъ напротивъ того дурно и непріятно кончился. Случились въ оной опять двѣ неожиданности и такіа произшествія, которыя меня заставили думать, и были для меня крайне непріятны. Первое произшествіе было хотя самое бездѣльное и ничего почти незначущее, но досадно мнѣ было потому, что принудило меня уже такъ рано начинать съ подкомандующими моими, противъ хотѣнія моего, драться. Поймали и привели ко мнѣ вора съ покраденными въ саду яблоками, и не маленькаго мальчишку, а бородача, и къ тому-жъ еще десятскаго. Кража была хотя небольшая и нестоющая дальнаго уваженія, но какъ при послѣднемъ собраніи всѣхъ крестьянъ я торжественно всѣмъ имъ предвозвѣстилъ, что и самомалѣйшая кража не останется безъ строгаго наказанія, то для поддержанія сего слова самая необходимость требовала, чтобъ сего бездѣльника въ предварительной страхъ всѣмъ другимъ наказать. Итакъ, спросилъ я сего друга, былъ-ли онъ на послѣдней сходкѣ? «Былъ-де». — «Ну, слышалъ-ли ты, что я говорилъ и какъ васъ увѣщевалъ, чтобъ вы шалости и воровствы всѣ кинули?» — «Слышалъ». — «Ну что-жъ ты, мой другъ! развѣ думалъ, что я шутилъ съ вами? такъ я тебѣ докажу; что я говорилъ съ вами не шутя. Пожалуй-ка раздѣнься, и мы тебя поучимъ, какъ впредь приказанія мои уважать и не играть ими». Сказавъ сіе и простегалъ я его изряднехонько, и велѣлъ сказать всѣмъ, что и съ другими то же будетъ, если они отъ воровства

не уймется. Симъ и дѣйствительно заставить я всѣхъ начинать дѣлаться осторожнѣйшими.

Но сіе было еще ничто въ сравненіи съ другою и всѣхъ насъ крайне поразившею неожиданностью. Прискакали ко мнѣ изъ Малина, Спасскаго и Володимеровой безъ души всѣ тамошніе начальники, старосты и бурмистры съ донесеніемъ, что у нихъ тамъ во всемъ краю сдѣлалась превеликая трѣвога. «Что такое?» испугавшись спросилъ я. — «Не знаемъ, судырь, а была только отъ частныхъ смотрителей строгая повѣстка, чтобъ немедленно отъ каждаго ста душъ наряжали по два человѣка вооруженныхъ, одного пѣшаго, а другого коннаго и немедленно отправляли въ Коломну, а изъ достальныхъ, чтобъ четвертая часть была бы готова отправляться туда, куда спросятъ».

— «Господи! что это такое! удивляясь и не понимая для чего-бы сіе было, возопилъ я; но не слышали-ль вы, по крайней мѣрѣ на что-бы это было?» — «Богъ знаетъ, судырь, а твердятъ всѣ что-то о Пугачовѣ, а иные мелятъ, будто-бы онъ уже очень близко и идетъ на Коломну». — «Что вы говорите!» возопилъ я, и сердце во мнѣ затрепетало, и я такъ испугался, что долгое время не въ состояніи былъ вымолвить ни одного слова. Наконецъ, собравшись съ духомъ и принявъ видъ неустрашимости, сказалъ: — «Нельзя, братцы, этому статься! Пугачовъ слишкомъ еще далеко и пошелъ не сюда, а въ иную сторону внизъ по Волгѣ, и какъ ему такъ скоро перелетѣть сюда? а это для чего-нибудь другого. Совсѣмъ тѣмъ повелѣніе начальства надобно исполнить. Итакъ, поѣзжайте скорѣй, выбирайте и назначайте людей, вооружайте ихъ чѣмъ можно и отправляйте, а и четвертой части велите быть готовой. А не худо, если и всѣ остальные для всякаго случая готовили-бъ для себя сухари, чтобъ въ случаѣ нужды было-бы что ѣсть и не терпѣть въ пищѣ недостатка».

Отпустивъ ихъ сталъ я въ пень и не

зналъ какъ сказать о семъ моимъ домашнимъ, ибо не сумнѣвался, что сія печальность перепугаетъ и поразитъ ихъ чрезвычайно. Но по счастью имъ кто-то и безъ меня уже сказалъ, и онѣ сами, въ неопisanномъ страхѣ и ужасѣ, бѣжали ко мнѣ спрашивать о слышанномъ ими подтвержденіи. Нельзя было никакъ утаить отъ нихъ уже сего. Я хотя и подтвердилъ, что дѣйствительно вѣрно сдѣлать нарядъ, но старался ихъ ободрить сколько-нибудь тѣмъ, что нельзя тому никакъ статься, чтобъ Пугачовъ былъ уже такъ близко; къ тому-жъ извѣстно, что противъ его наряженъ и отправляется съ войскомъ славный нашъ генералъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, такъ сей его ужъ вѣрно остановитъ.

Но что я ни говорилъ, ихъ трудно было переувѣрить. Онѣ только и твердили, что чортъ его знаетъ, можетъ быть онъ уже и перелетѣлъ! Долго-ли ему съ своею сволочью итти, и только что охая и вздыхая говорили: «Ахъ, Господи! ну, если онъ сюда придетъ, что съ нами бѣдными будетъ? Погибнемъ и мы всѣ какъ черви капутные!» И насъ всѣхъ онъ также перебьетъ, передупитъ и перевѣшаетъ, какъ низовскихъ дворянъ. Куда намъ дѣваться и гдѣ искать спасенія себѣ отъ такой бѣды и напасти?» — «Пустое, говорилъ я ихъ ободряя, никогда этого быть не можетъ; а хотя-бы и дѣйствительно сталъ приближаться, такъ этотъ вооруженной народъ, которой теперь собирается, утретъ ему носъ, и это очень-очень хорошо, что они вздумали благовременно людей для отпора собрать». — «Охъ, батюшка ты нашъ! перерывая мои слова восклицали онѣ: да можно-ли на эту сволочь положиться, не такіе-же-ли они глупые бородачи, какъ и Пугачовскіе, и не станутъ-ли еще сами вмѣстѣ съ ними противу насъ? Ахти! ахти! какая бѣда, и зачѣмъ насъ нелегкая понесла сюда, дома все-таки было-бы надежнѣе и лучше». — «Да, какъ-бы не такъ, разсмѣявшись противъ хотѣнія сказалъ я; а мнѣ такъ кажется, что здѣсь мы меньшей опасности подвергнемся, нежели дома. Тамъ наши люди

первые могли-бы быть нашими злодѣями и врагами, а здѣшнимъ — мы сторона дѣла. Ничѣмъ мы имъ еще не нагубили, къ тому же, здѣшнихъ и то убѣждать можеть, что они нынѣ сдѣлались собственными государями, а не господскими!»

Симъ и подобнымъ сему образомъ старался я всячески домашнихъ своихъ ободрять и утѣшать, хотя на сердцѣ и у самого меня было не лучше и не спокойнѣе, какъ и у нихъ. Тысяча разныхъ мыслей толпились тогда въ умѣ моемъ, и каждая изъ нихъ смущала и мучила меня непрерывно предъ другою, и я не зналъ, къ которой изъ нихъ прилѣпиться было лучше. Опасность была действительно очевидная и нельзя было не признаться, что была она истинная и великая. «Почему знать, думалъ и говорилъ я самъ себѣ: можетъ-быть и правда, что этотъ злодѣй съ своею сволочью уже недалеко и скоро дойдетъ и до насъ сюда. Не даромъ вдругъ такая строгость и такой скоропостижной нарядъ. Но, ахъ! что могутъ сдѣлать эти бородачи? Не такіе-же ли они скоты безсмысленные, какъ и тѣ самыя, можно-ли на нихъ полагать какую надежду? Нѣтъ у нихъ ни командировъ, и не можетъ быть никакого порядка, да и вооружить ихъ чѣмъ и чѣмъ можно, кромѣ однихъ косъ, топоровъ и рогатинъ; а у него, сказываютъ, есть и пушки, и ружья, и все вездѣ проклятой награбиль. Такъ могутъ-ли дурачье наше стоять? да что говорить, они первые готовы будутъ къ нему передаться и противъ самихъ-же насъ обратить оружіе свое. И, ахъ! какъ жаль, что наши войска и армія еще далеко и не успѣла сюда возвратиться, а безъ ней что мы здѣсь сдѣлаемъ: передуютъ насъ всѣхъ действительно, какъ куръ... Ктому-жъ, такая бѣда, что мнѣ въ случаѣ нужды и уѣхать отсюда куда-нибудь для спасенія своего нельзя будетъ, что ты изволишь? Но правду сказать, куда теперь изволишь сунуться? Не вездѣ-ль опасность одинакова? и не весь-ли черной народъ вообще когда не вѣявъ, такъ въ серд-

цахъ своихъ бунтуеть, и готовъ поднять на насъ свои руки».

Симъ и подобнымъ образомъ помышляя я самъ въ себѣ, смущался и беспокоился крайне духомъ. Что касается до моихъ боярынь, то не взмилася имъ и Кіасовка, и управительство мое, и все и все, а онѣ рады-бъ были забиться хоть-бы въ трущобу какую, а только спасти животъ свой. А признаться, что и самому мнѣ приходило иногда на мысль почти то же, и я не одинъ разъ самъ въ себѣ мыслю: уже не поискать ли гдѣ-нибудь въ здѣшнихъ большихъ лѣсахъ и не замѣтитъ-ли самага глухого мѣста, куда-бы можно было, въ случаѣ крайней нужды, для спасенія своего сокрыться.

Вотъ до какой крайности перепугала и смутила насъ сія неожиданность, и тогдашнее первое число августа будетъ намъ навсегда памятно. Не только весь тогдашній вечеръ провели мы вѣя себя, но и во всю ночь уснуть почти не могли, а занимались непрерывно мыслями о предстоящихъ бѣдствіяхъ и напастяхъ; а едва только настала новая день, какъ прискакавшіе съ такими-же извѣстіями начальники села Покровскаго съ деревнями, вновь увеличили наше смущеніе. А не успѣвъ я сихъ съ надлежащими приказаніями отправить, какъ явился уже и у насъ изъ Коломны солдатъ съ инструкціею и приказаніемъ о нарядѣ также людей, и koliko можно скорѣйшемъ отправленіи оныхъ въ Коломну.

Сіе взбудоражило насъ еще и того болѣе и тѣмъ паче, что глупой солдатъ не могъ намъ ничего точнаго сказать, для чего бы сіи люди собирались, а подтвердилъ только тѣ же народные слухи о Пугачовѣ, какіе мы уже слышали. Но какъ по всему видимому дѣло не походило на шутку, а надобно было снѣшить, то позабывъ все свое смущеніе и гореванье и оставивъ тѣмъ заниматься своимъ боярынямъ, снѣшилъ я скорѣе велѣть согнать къ себѣ весь народъ для выбора и назначенія сихъ такъ-называемыхъ улановъ, которыхъ съ одного сего села съ деревнями надлежало мнѣ отправить де-

сять человекъ; а между тѣмъ, покуда они были стоняемы, призвавъ кузнеца велѣлъ ковать какъ можно скорѣе для нихъ пики, ибо инымъ нечѣмъ было въ скорости вооружать оныхъ.

Итакъ, выборъ и нарядъ сихъ улановъ былъ первымъ почти моимъ важнымъ дѣломъ по вступленіи въ должность, но было оно для меня и непродуманнѣе. По необыкновенію моему, еще не зналъ я какъ и приступить къ оному, и тѣмъ паче, что по собранію всего схода повстрѣчалось со мною въ томъ множество непредвидимыхъ затрудненій. Какъ наряжались и отсылались они не иначе какъ для сраженія и на войну, то натурально никому охотою туда итти не хотѣлось, но всѣ перепирались между собой и всякой старался отклонить отъ себя сію напасть. Вдругъ поднялся превеликой шумъ и преніе между всѣми, и я, для пресѣченія всего того, другого не нашель, какъ разверставъ весь народъ на четыре кучи, велѣлъ имъ кидать жеребій. Но какъ и сей былъ для всякаго страшень, то поднялся опять шумъ и крикъ; начали говорить, что есть и безъ киданія жеребья такіе люди, которыхъ-бы въ посылку сію нарядить слѣдовало, а именно отбывавшіе отъ прежнихъ рекрутскихъ наборовъ бѣганіемъ, выдерживаніемъ у себя зубъ, подрѣзываніемъ пальцевъ и другими бездѣльничествами; и всѣ кричали, что чѣмъ добрыхъ людей посылать, такъ лучше-бы сихъ къ тому назначить. «Очень хорошо, сказалъ я, такъ подавайте-ка ихъ сюда, на что лучше». Итакъ, всѣ сіи молодцы тотчасъ были отысканы, мнѣ представлены и десять человекъ изъ нихъ мною выбраы и назначены.

Послѣ сего, надлежало говорить и совѣщаться о томъ, какую имъ сдѣлать подмогу и какихъ употребить лошадей? Не мало было и о томъ толковать и крику, и кончили тѣмъ, что съ общаго всѣхъ согласія опредѣлили дать подмоги каждому пѣшему по одному, а конному по три рубля на недѣлю, а лошадямъ быть-бы ихъ собственнымъ, а дать имъ за каж-

дую по шести рублей, да за сѣдло полтину. Наконецъ сдѣлался вопросъ, гдѣ взять въ скорости на сіе деньги? Но и сей рѣшили мы скоро тѣмъ, что согласились одного мужика освободить впредь отъ рекрутства и получить съ него тогда-же за сіе двѣсти рублей.

Не успѣлъ я сего дѣла и довольно удачно кончить, какъ гляжу катитъ ко мнѣ и тамошній частной смотритель, для высылки уже оныхъ. Чиновникомъ симъ былъ тогда баронъ Николай Осиповичъ Соловьевъ, жившій верстъ за двѣнадцать отъ села нашего. И сей случай познакомилъ насъ съ симъ добрымъ, любезнымъ и честнымъ человекомъ, сдѣлавшимся потомъ нашимъ хорошимъ знакомцомъ и пріятелемъ. Какъ приѣхалъ онъ къ намъ уже передъ вечеромъ, и онъ насъ, и мы его полюбили, то уняли мы его у себя ужинать, и съ того времени началось у насъ съ нимъ знакомство.

Онъ находился въ такихъ-же смущенныхъ мысляхъ, какъ и мы, и не могъ намъ также ничего обстоятельнаго сказать о причинѣ сей тревоги, а выполнялъ только присланное къ нему строгое повелѣніе изъ города. Но по счастію въ самой тотъ же день ввечеру получили мы извѣстіе, что тревога сія была совсѣмъ пустая и что Пугачова нѣтъ и въ завѣтъ въ такой близости, какъ мы себя воображали. Отъ сего хотя и отлегло сколько-нибудь у насъ на сердцѣ и поуспокоились наши мысли, но какъ извѣстіе сіе было приватное и не совсѣмъ достовѣрное, то необходимо надобно было повелѣваемое исполнить. Почему я на другой же день по утру выбранныхъ своихъ улановъ и отправилъ съ прикащикомъ въ Коломну, давъ ему отъ себя письмо къ воеводѣ.

Не могу никакъ и по нынѣ позабыть одного досаднаго происшествія, случившагося при семъ тогда отправленіи. Какъ всѣ сіи выбранные люди, по снаряженіи ихъ всѣмъ нужнымъ, были ко мнѣ для осмотра представлены, то и разсудилось мнѣ за благо дать имъ отъ себя нотацію и увѣщевать ихъ, чтобъ въ случаѣ, если и дойдетъ дѣло до сраженія, то чтобъ

они помнили чѣмъ они и не постыдились-бы себя предъ всѣмъ свѣтомъ трусостью, а дрались-бы хорошенько, и обратясь къ одному изъ нихъ, самому ражему и бойкому изъ всѣхъ ихъ, сказалъ: «Вотъ этакому какъ-бы не драться, одинъ десятерыхъ можетъ убить». — «Да! сказалъ онъ мнѣ на сіе, злодѣйски усмѣхаясь, сталъ-бы я бить свою братью! а развѣ вась, бояръ, такъ готовъ буду десятерыхъ посадить на копье сіе». Оцѣпенѣлъ я сіе услышавъ, и проглотивъ сію горькую пилюлю, сказавъ только: «Дуракъ! сукинъ сынъ! что ты это мелешь!» самъ въ себѣ подумалъ: «вотъ каковы защитники и оборонители сіи въ сердцахъ своихъ, и вотъ жди отъ нихъ добраго». Потомъ, спросивъ и записавъ имя его у себя въ записной книжкѣ впредъ для памяти, ему далѣе сказалъ: «Хорошо! хорошо! братецъ; но ступай-ка, ступай! можетъ-быть тебѣ сіе и неудастся, а тамъ мы посмотримъ». Перетрусился мой мужикъ, сіе услышавъ и увидя, что имя его было записано; но какъ нечего уже было дѣлать и онъ проболтался такъ глупо и неосторожно, то и пошелъ съ прочими, повѣся голову. Ему и досталось послѣ того ловко за сіе на лару; ибо какъ случилось ему въ чемъ-то прошерститься и надобно было его наказывать, то припомнилъ я ему сіи слова и поутроилъ за нихъ ему наказаніе, да и предъ всѣмъ міромъ былъ онъ всегда за то равно, какъ оглашеннымъ и почитался негоднѣйшимъ человѣкомъ.

Происходило сіе четвертаго числа августа, а седьмого числа того-жъ мѣсяца, слѣдовательно чрезъ три дня, ко всеобщему нашему удовольствію, возвратился изъ Коломны нашъ прикащикъ и успокоилъ опять и мысли и сердца наши извѣстіемъ, что тревога была дѣйствительно пустая, и что всѣ наши уланы распущены уже опять по домамъ и жителямъ своимъ.

Не могу изобразить, какъ много обрадовались мы всему тому и какъ благодарили Бога, что опасность сія миновала. И съ сего времени натурально принялись

мы за всѣ наши дѣла съ спокойнѣйшимъ уже духомъ.

Мое первое попеченіе было о томъ, чтобъ, между другими мелочными дѣлами, посѣлшить мнѣ снять все положеніе усадьбы и всего села сего на планъ, дабы изготавить оной для отправленія къ государынѣ; а потому и принялся я тотчасъ за сію работу и трудился въ томъ неуспѣшно нѣсколько дней сряду. Которое дѣло и удалось мнѣ въ непродолжительномъ времени кончить, и сочинивъ прекрасный планъ, къ князю отправить.

Между тѣмъ имѣли мы удовольствіе видѣть у себя двухъ нашихъ родныхъ старушекъ, приѣзжавшихъ къ намъ для посѣщенія изъ Воскресеновъ. Гости сіи были тѣмъ для насъ пріятнѣйшими, что были онѣ первыя, которыя насъ изъ нашихъ краевъ и родныхъ нашихъ посѣтили. А въ тотъ же день приѣхалъ ко мнѣ изъ Москвы и опредѣленный для исправленія письменныхъ дѣлъ канцеляристъ, и мы съ нимъ тотчасъ и основали свою канцелярію.

Звали сего человѣка Павломъ Федоровымъ. Былъ онъ не молодыхъ уже лѣтъ, и имѣлъ у себя брата у коломенскаго архіерея секретаремъ. И какъ характеръ имѣлъ онъ очень доброй и былъ тихаго, скромнаго и простодушнаго поведенія, то я его скоро полюбилъ и былъ имъ во все время пребыванія моего въ Кіасовкѣ доволенъ; въ писцы же и помощники ему опредѣленъ былъ отъ меня племянникъ прикащиковъ, малой еще очень молодой и неглупой.

Какъ былъ тогда успенской постъ, то восхотѣлось мнѣ посмотрѣть въ прудахъ рыбу, для ловленія которой запаслись мы уже и неводкомъ изъ деревни; и какъ обрадовался и удивился я, затащивъ имъ превеликое множество и прекрасныхъ рыбъ. Цѣлое ведро и добрыхъ большихъ лещей мы тогда изъ нихъ взяли и обезпечились съ сей стороны на предбудущее время, ибо оказалось, что пруды могли довольствовать насъ рыбами своими съ избыткомъ.

Такимъ же образомъ начинали мы до-

вольствоваться съ садовъ посѣвующими уже яблоками, и множество оныхъ для себя намочили и насолили, а нѣсколько изъ лучшихъ породъ не приминуть я для показа отослать въ Москву при случаѣ и къ князю.

Какъ, между симъ, наставало уже время сѣять рожь, то сѣвшиль я произведеніемъ и другого весьма важнаго и хлопотливаго дѣла. Я упоминалъ уже прежде, что намѣреніе князя было положить и село Кіеовку съ деревнями, бывшее до сего на здѣльѣ или господской пашнѣ, такимъ же образомъ на оброкъ, какъ были и прочія селы и деревни, а сдѣлать только маленькое казенное хлѣбопашество. И какъ я предложилъ къ тому нововыдуманную систему хлѣбопашества, съ раздѣленіемъ всей пашенной земли на семь ровныхъ полей, изъ которыхъ бы одно засѣвалось рожью, два яровыми хлѣбами, три лежало и отдыхало, а вкупѣ вытравливалось и уваживалось скотомъ, а седьмое распахивалось и засѣвалось озимыми хлѣбами, и князю система сія полюбилась и восхотѣлось, чтобъ произведена она была въ практикѣ; то нужно мнѣ было подѣлать казенное маленькое хлѣбопашество, выбрать и назначить потребныя къ тому 140 десятинъ и раздѣлить оныя на 7 ровныхъ частей, такимъ образомъ, чтобъ всѣ концами своими пришлись къ господской усадьбѣ и могли послѣ отдѣлены быть другъ отъ друга выкопанными рвами; прочая-жъ вся земля роздана была крестьянамъ, и все сіе не такъ скоро и легко можно было сдѣлать, то и занимался я тѣмъ не мало времени и имѣлъ хлопотъ и трудовъ много. Но какъ бы то ни было, но я успѣлъ все сіе благовременно кончить и первое поле, состоящее въ 20-ти десятинахъ и засѣять уже въ надлежащее время рожью. Совсѣмъ тѣмъ все сіе составило для меня доброй кусокъ работы.

Но не одно сіе было у меня дѣло, а нужно еще было привести въ лучшее состояніе и весь развалившійся почти скотской дворъ; и какъ для поправленія онаго положили мы съ княземъ употребить скотской дворъ, находившійся въ селѣ Спас-

скомъ, то для измѣренія и описанія онаго нужно мнѣ было съѣздить и туда, а кстати разбиралъ я множество между тамошними безпокойными крестьянами дразговъ.

На возвратномъ пути изъ сего села, мимоѣздомъ, заѣзжалъ я къ живущимъ почти на самомъ пути двумъ тамошнимъ коломенскимъ помѣщикамъ: господину Исакову, Семену Ивановичу и господину Игнатъеву, Борису Андреяновичу, съ которыми хотѣлось мнѣ, какъ съ сосѣдями, познакомиться, и былъ принять ими со всевозможнымъ уваженіемъ и ласкою; а къ Успеньеву дню приѣхали къ намъ наши дворяниновскія сосѣдки — Анна Николаевна съ своею матерью въ гости.

Симъ образомъ началъ я входить во все тамошнее хозяйство и управленіе волости, и мало-по-малу обживаться. Сперва, по непривычкѣ управлять толь многими народомъ, было мнѣ нѣсколько дико и хлопотливо, но къ чему не можно привыкнуть? а привычка все облегчить можетъ.

Но какъ письмо мое достигло предѣловъ, то окончу я оное и основаясь на семь мѣстъ скажу, что я есмь вашъ и прочее.

(Генваря 2 дня 1809 года, въ Дворяниновѣ).

Письмо 176-е.

Любезный пріятель! Продолжал исторію жительства моего въ Кіеовкѣ, скажу, что Успеньевъ день провели мы въ сообществѣ съ дворяниновскими нашими гостями довольно весело, въ особенности же доставляли намъ великое удовольствіе тамошніе лѣса и рощи, въ которые мы ѣздили послѣ обѣда гулять, и въ коихъ было множество пріятныхъ мѣстъ и молодыхъ засѣвшихъ очень часто березовыхъ рощицъ. Побудили насъ къ ѣздѣ и прогулкѣ сей наиболѣе грибы, которыхъ, какъ сказывали намъ, въ лѣсахъ, а особливо въ сихъ рощицахъ было довольно. Мы и дѣйствительно нашли ихъ такое

великое множество, какого я нигдѣ и никогда во всю жизнь мою не видывалъ: такъ грибъ на грибѣ и одинъ другого лучше, здоровѣе и моложе. Словомъ, ихъ такъ было удивительно много, что легши въ такой рощицѣ на землю, можно было, не сдвигаясь съ мѣста, а доставая только рукою, набирать ихъ по цѣлой почти шляпѣ. Все сіе необыкновенное множество оныхъ, а притомъ и случившаяся тогда теплая, тихая и пріятная погода доставила всѣмъ намъ, а особливо дѣтямъ, которыхъ было тогда у насъ цѣлая компанія, удовольствіе неописанное и которое мы очень долго помнили и помнимъ даже до сего времени.

Не успѣли мы гостей своихъ на утрѣ проводить, какъ новая неожиданность и произшествіе особаго рода и почти смѣшное привело насъ въ превеликое смущеніе и безпокойство духа. Какъ ни безпокойно и ни тѣсно было намъ жить въ верхнемъ этажѣ своего огромнаго дома, но до сего времени обжившись, всѣ жили мы довольно спокойно и хорошо. Но въ сей день завернувшаяся стужа и вѣтрена я погода начала насъ безпокоить и заставляла думать, отчего бы во всѣхъ комнатахъ и въ окна и сквозь бумажные обои такъ вездѣ несло, что отдувались даже обои отъ стѣнъ. «Господи! говорилъ я, сему удивляясь, отчего бы это такъ было?» Но вообразите себѣ, какъ я удивился, когда, попробовавъ въ одномъ мѣстѣ отнять обои, увидѣлъ, что весь нашъ верхній деревянной этажъ и всѣ комнаты въ ономъ были совершенно немощны, а срубленные только такъ довольно хорошо и плотно изъ обрушенныхъ бревенъ.

«Ахъ, Боже мой! воскликнулъ я, что это? и какже вѣтру не нести!» и спѣшилъ сообщить о томъ своимъ хозяйкамъ. Сіи въ прахъ тѣмъ перетревожились, и проклиная строители твердили только: «Ахъ, какъ же намъ быть, и какъ можно будетъ здѣсь жить, какъ настанетъ осень и самые камни насъ здѣсь согрѣтъ еще будутъ не въ состояніи, надворья ненапоишь!...» — «Ну! чтожъ, сказалъ я, такъ приниматься за нижнія и переходить

туда; какъ быть, хоть тамъ и тѣснѣе будетъ здѣшняго, но что дѣлать, какъ-нибудь принуждено уже будетъ помѣщаться; по крайней мѣрѣ тамъ вездѣ и во всѣхъ покояхъ есть печи». — «Охъ! сказали онѣ мнѣ на сіе, да какъ это намъ можно будетъ тамъ въ такихъ беззвучныхъ и безпорядочныхъ комнатахъ помѣститься? Мы сколько разъ ни начинали о томъ думать, но и ума не приложимъ». Потомъ, подумавъ-подумавъ, продолжали: «Но печего дѣлать, здѣсь не проживешь, стужа и вѣтры выгоняютъ насъ скоро и не худо-бъ, еслибъ вы заблаговременно осмотрѣли тамъ печи и велѣли прочистить трубы и исправить въ нихъ все что нужно». — «Хорошо, сказалъ я, сего же часа пойду туда», и послалъ за печникомъ, которой былъ у насъ свой, изъ тамошнихъ дворовыхъ людей.

Печникъ тотчасъ и явился ко мнѣ, расхаживавшему тамъ по нижнимъ покоямъ и осматривавшему и замѣчающему въ нихъ все, что требовало заблаговременнаго поправленія. — «Другъ мой! сказалъ я его завидѣвъ: какъ бы намъ съ тобою поосмотрѣть хорошенько всѣ здѣсь печи, нѣтъ ли въ нихъ чего худого и нужнаго къ поправленію, да и трубы-то попрочистить бы!» — «Какія трубы?» спросилъ онъ. — «Да вотъ отъ этихъ печей, сказалъ я: небось галки наносятъ въ нихъ и Богъ знаетъ сколько сору». Печникъ смотрѣлъ только мнѣ въ глаза, и наконецъ усмѣхнувшись, сказалъ: — «Да ихъ, судырь, нѣтъ ни у одной печи». — «Какъ такъ? а это чтожъ?» сказалъ я, указывая ему на трубы вверху печей. — «Да это только ихъ начала, а тамъ всѣ онѣ заглушены и закладены, и печей этихъ топить не можно». — «Что ты это говоришь? воскликнулъ я, поразившись неизъяснимымъ удивленіемъ: неправду ли? да какъ же это, и на чтожъ такое онѣ заглушены? Да нельзя-ли, братъ, какъ-нибудь опять ихъ поправить и сдѣлать, чтобъ топить ихъ можно было?» — «Нельзя, судырь, отвѣчалъ онъ, и никакъ этого нельзя сдѣлать». — «Да почемужъ нельзя?» — «Потому, судырь, что трубъ-то вовсе нѣтъ и онѣ всѣ по самые потолки

сломаны.»—«Господи! воскликнулъ я, удивляясь частъ отъ часу болѣе: да умилосердись, братецъ, скажи-жъ ты мнѣ, почему же и на что же это онѣ сломаны?»

— «А вотъ, судырь, я расскажу вамъ все дѣло... Покуда покойной нашъ бояринъ, Ѳеодоръ Васильевичъ, изволилъ здѣсь живать зимы, такъ трубы у нихъ и были и онѣ топились, но тогда не было на домѣ еще верхняго деревяннаго жилья; но какъ пересталъ съѣзжать сюда по зимамъ, то вздумалось ему построить на немъ верхнія комнаты деревянные, и расположить ихъ для своего лѣтняго кой-когда здѣсь пребыванія. А тогда-то сломаны были всѣ эти трубы, и какъ возобновить ихъ было не можно потому, что тамошнимъ верхнимъ комнатамъ изволилъ онѣ сдѣлать совсѣмъ ужъ другое расположеніе, то трубы эти приходились посреди комнатъ, то и приказалъ онѣ ихъ всѣхъ заглушить и совсѣмъ уничтожить».

— «Тю! тю! тю! тю! возопилъ я, схвативъ себя за бороду сіе услышавъ: хороши-же мы!.. Да какъ же это намъ быть-то? и гдѣ-жъ намъ зимовать-то?» — «Ужъ я право того не знаю», отвѣчалъ печникъ и замолчалъ, а я, поразившись неописаннымъ смущеніемъ, не зналъ что и думать. Тысячи разныхъ мыслей полезли мнѣ тогда въ голову, я и не зналъ къ какой изъ нихъ прилѣпиться и спѣшилъ бѣжать вверхъ сообщать хозяйкамъ своимъ эту непріятную новость. «Ахъ, батюшки мои! твердилъ только я, восходя къ нимъ по лѣстницѣ: да какъ же это намъ быть-то? Ахъ, проклятыя, никто-то не промолвилъ намъ о томъ ни однимъ словомъ, а самимъ намъ и не вдогадъ всего этого; теперь вижу я уже и самъ это! Ну, обрадую же я симъ моихъ боярынь».

Для нихъ и подлинно была новость сія крайне поразительна. Свачала не хотѣли было онѣ мнѣ вѣрить. «И что ты! говорили онѣ, возможно ли этому быть». Но какъ я ихъ увѣрилъ и все дѣло поразскажалъ, то, смутившись до чрезвычайности, начали онѣ только охать и горевать и бранить покойника г. Наумова. Я далъ имъ къ тому волю, а самъ со-

граждалъ уже въ мысляхъ планъ, чѣмъ-бы сему злу пособить можно было. И какъ госпожи мои начали потомъ ко мнѣ приступать съ вопросами, какъ же намъ быть, и гдѣ зимовать, то сказалъ я имъ: «Другого не остается, какъ помышлять скорѣе о построеніи себѣ какого-нибудь другого домика. Еще слава Богу! говорилъ я, что узнали мы сіе теперь, а не позднѣе. Теперь есть еще къ тому нѣсколько времени, а то бы былъ сущій мѣсяцъ намъ». — «Ахъ! подхватили онѣ, когда это будетъ? и теперь уже сентябрь на дворѣ, и когда успѣвать построить хоромы? Нѣтъ ни дѣла и ничего готоваго.» — «Ну, какъ быть, поспѣшимъ уже какъ-нибудь», сказалъ я. — «Какъ ни спѣши (возразили онѣ), но въ два мѣсяца и до зимы тебѣ не построить никакъ; а до того времени въ этихъ гробахъ мы околѣемъ совсѣмъ: каминами одними не нагрѣешь надворья». — «Ну что-жъ дѣлать (сказалъ я), хоть доведется намъ и потерпѣть нѣсколько стужи и безпокойства, но такъ уже и быть. Станемъ камины топить поболѣе, дровъ здѣсь не занимать статѣ!... много!... а впрочемъ, я надѣюсь, что авось-либо и успѣю сгородить себѣ до зимы убѣжище. По счастью, есть у насъ въ селѣ Спасскомъ хоромцы готовые, такъ передернемъ ихъ сюда и поставимъ. Быть такъ что невелики, но намъ теперь не до прихотей и не до разборовъ, и какимъ-нибудь будемъ ради, только бы нажить себѣ тепло». — «Хорошо (сказали онѣ нѣсколько успокоившись): но какъ-то тебѣ и ихъ успѣвать сгородить, и съ печами и со всѣмъ? Время остается очень немного; къ тому-жъ, и Богъ еще знаетъ, дозволить ли и князь тебѣ сіе сдѣлать?» — «О! что касается до князя (сказалъ я), то не сомнѣваюсь въ томъ ни мало. Человѣкъ онъ очень доброй и ему нужно только сказать слова два о томъ, какъ и согласится, и я теперь же пойду писать къ нему о томъ, благо есть въ Москву посылка». — «Хорошо! хорошо! (сказали онѣ), такъ поспѣшай же, дремать нечего».

Я и подлинно въ тотъ же часъ побѣжалъ въ свой кабинетъ, и ну писать къ

князю, сообщать ему нашу неожиданность, говорить о томъ, какъ хорошо оба мы съ нимъ въ разсужденіи печей въ нижнемъ этажѣ обманулись, и потомъ, изобразивъ все терпимое нами уже и тогда безпокойство и совершенную невозможность зимовать въ тогдашнемъ нашемъ обиталищѣ, просить дозволенія о перевезеніи спасскихъ хоромъ и поставкѣ оныхъ для моего жительства; и въ тотъ же еще день отправилъ къ нему съ письмомъ своимъ нарочнаго.

Отправивъ сего посланнаго, сталъ я помышлять о томъ, какъ бы съ женою съѣздить на короткое время въ свою деревню. Сосѣдка моя, Анна Николаевна, приѣзжала къ намъ не столько въ гдсти, сколько съ жалобами на послушанія и разныя продерзости ея крестьянъ и съ просьбою, чтобъ я приѣхавъ пересѣкъ оныхъ. Итакъ, какъ для сей нужды, такъ желая и для своихъ надобностей побывать дома, расположились мы въ послѣдующій день съѣздить съ женою на короткое время въ свое Дворяниново, извѣвъ съ собою одну только старшую дочь свою, туда и отправились; и какъ намъ не великой крѣжъ былъ заѣхать къ другу моему г. Полонскому, то переправились мы чрезъ рѣку уже на Жорновскомъ перевозѣ для удобнѣйшаго къ нему заѣзда.

Господинъ Полонской былъ намъ чрезвычайно радъ, поздравлялъ меня со вступленіемъ въ должность, и будучи очень доволенъ тѣмъ, что мы къ нему заѣхали, продержалъ насъ почти до вечера, такъ что въ деревню свою приѣхали мы уже ночью.

Но какую разницу нашли мы уже въ своихъ хорамахъ. Хотя не прошло еще два мѣсяца съ того времени какъ мы отлучились, но все уже пахло въ нихъ пустынью, и какъ не было уже въ нихъ столь многихъ людей какъ прежде, то было намъ уже и скучно; а потому и не отреклись мы на утрѣ отъ просьбы друга нашего г-на Ладыженскаго, чтобъ приѣхать къ нему праздновать вмѣстѣ съ нимъ его праздникъ. Итакъ, весь сей день провели мы въ Сенинѣ вмѣстѣ съ г. Полонскимъ,

г. Шушеринымъ и многими другими, бывшими у него гостями, а въ послѣдующій за симъ день угощали насъ всѣ наши деревенскіе сосѣди.

Въ сей день, обѣдавъ по утру всѣ свои сады и снявъ съ нихъ поспѣвшія яблоки, успѣлъ я побывать у Анны Николаевны, разобрать все нужное инаказать виновныхъ, а потомъ обѣдалъ у брата Михайлы Матвѣевича, заходилъ къ меньшому его брату, а тамъ долженъ былъ угощать еще у себя приѣхавшаго ко мнѣ родственника моего, Ивана Яковлевича Писарева, и всѣмъ тѣмъ, равно какъ и домашними разными распоряженіями занялся такъ, что не имѣлъ ни минуты досужнаго времени.

Переночевавъ другую ночь въ своемъ домѣ, поспѣшалъ я своимъ возвращеніемъ въ Кіясовку; но въ обратной путь поѣхали мы уже иною дорогою и чрезъ Серпуховъ, дабы проѣхать оттуда въ Воскресенки къ дядѣ Ивану Афанасьевичу, куда къ сему времени хотѣла приѣхать и теща моя съ прочими моими домашними изъ Кіясовки. Въ Серпуховѣ не было уже тогда милой и почтенной нашей старушки, Катерины Богдановны; она преселилась уже къ своимъ предкамъ, почему пристали мы въ домикъ уже другой нашей родственницы, г-жи Шелимовой, Марьи Семеновны, расположившейся окончить жизнь свою также въ семъ бывшемъ до того дѣвничьемъ монастырѣ; у которой отобѣдавъ и искупивъ въ городѣ что было надобно, и доѣхали мы въ тотъ же день къ старикамъ роднымъ своимъ въ Воскресенки, гдѣ нашли и прочихъ своихъ домашнихъ, приѣхавшихъ туда же прямо изъ Кіясовки, и переночевавъ тутъ, возвратились на другой день въ свое мѣсто.

Тамъ нашелъ я посыланнаго въ Москву уже возвратившимся и привезшимъ ко мнѣ отъ князя полнымъ дозволеніемъ перевезти и поставить для себя спасскіе хоромцы; а писалъ только князь ко мнѣ, чтобъ поставить ихъ на назначенномъ для нихъ новомъ мѣстѣ и подвести подъ нихъ фундаментъ каменной. Не успѣлъ я сіе дозволеніе получить, какъ ни мало

не медля и полетѣлъ въ Спасское для измѣренія и снятія съ хоромъ тамошнихъ плана. Но сколь малый потребенъ былъ къ тому трудъ, столь многое напротивъ того требовалось размышленіе о томъ, какъ бы сдѣлать ихъ для житья своего удобнѣйшими; ибо, къ несчастію, былъ онъ не только не великъ, но также наиглупѣйшаго въ свѣтѣ и такого расположенія, что никомъ образомъ опять въ такомъ же видѣ поставить было не можно. Не было у него ни переднихъ, ни заднихъ сѣней, а весь онъ состоялъ изъ пяти только комнатъ. Одна изъ нихъ и просторнѣйшая изъ всѣхъ была въ срединѣ, и входъ въ нее былъ спереди прямо съ надворья, а другой насупротивъ сзади изъ саду, и была она проходная и составляла и сѣни, и прихожую, и залу, и все и все, а по сторонамъ оной было еще только по двѣ комнаты.

Такое странное и безпокойное расположение заставило меня на обратномъ пути во всю дорогу думать и гадать о томъ, какъ бы его устроить лучше. «Господи! (говорилъ я самъ съ собою не однажды): какъ возможно мнѣ въ такомъ маленькомъ домикѣ, въ столь немногихъ покояхъ умѣститься со всѣми моими домашними, а сверхъ того помѣстить еще тутъ же и канцелярію свою?» Но нечего дѣлать, надобно уже было какимъ-нибудь образомъ умудриться и выдумывать какое-нибудь средство.

Долго не входило въ мысли ни одно къ тому способное: я думалъ такъ, думалъ иначе, но все не ладилось, и куда ни кинь, такъ клинь. Но наконецъ, по долгомъ размышленіи и недоумѣніи, повстрѣчалась со мною одна мысль, которая всѣхъ прочихъ казалась мнѣ лучшею и удобнѣйшею, а именно: чтобъ поставить ихъ такъ, какъ онѣ стояли и всѣ четыре боковыя комнаты оставить, какъ онѣ были, и назначить на одномъ краю одну изъ нихъ для гостинной, а другую для своего кабинета. А на другомъ краю одну для тещи моей съ дѣтьми моими, а другую подлѣ ей для дѣвичей, среднюю же и просторнѣйшую разгородить и часть изъ ней отдѣлать

себѣ на спальню, другую для маленькой лакейской, а третью для сѣней переднихъ, и чрезъ то лишиться хотя просторной залы, но имѣть за то всѣ нужнѣйшія для житья комнаты, какъ-то: и сѣнцы, и лакейскую, и столовую, и гостинную, и кабинетъ, и спальню, и дѣтскую и дѣвичью. «Ладно! (воскликнулъ я все сіе въ умѣ обранжировавши); но вотъ бѣда, куда помѣщу я свою волостную канцелярію? Надобно и для ней не только особую, но и довольно просторную комнату, въ которой могли бы помѣститься и печь и мѣсто для большого сундука съ казною и столы для писцовъ моихъ, и гдѣ я возьму такую?» Подумавъ-подумавъ о семъ, другого не находилъ какъ прирубить ее вновъ хоть изъ сырого лѣса и примкнуть съ боку къ моему кабинету, такъ чтобъ въ нее былъ входъ изъ оной и составить изъ ней въ заворотъ небольшой флигель; а кстаті, чтобъ пристроить къ ней нособія сѣнцы съ лѣстницею на верхъ и чуланомъ. А какъ съ однимъ такимъ флигелемъ казалось быть хоромамъ моимъ дурно, то пришла мнѣ мысль пристроить такой же другой флигель въ заворотъ и на другомъ краю събоку подлѣ дѣвичей, и въ одномъ помѣстить кладовую для поклажи всякой всячины, а между ею и дѣвичьею помѣстить заднія сѣни съ принадлежностями. «Прекрасно! прекрасно! (воскликнулъ я); и вздумать нельзя сего лучше! Какая нужда, что не будетъ у меня просторнаго зала, а умѣренная только комната для столовой! Мнѣ не балы и не пиры большіе здѣсь строить, проживу какъ-нибудь и съ небольшою столовою».

Симъ образомъ, расположивъ все еще дорогою въ мысляхъ, возвратился я уже съ спокойнѣйшимъ духомъ; и не успѣлъ войти въ свой кабинетъ, какъ давай приниматься скорѣй за циркуль, линейку и карандашъ, давай чертить по снятой и записанной мѣрѣ планъ, давай располагать и назначивать все что вздумано, давай показывать его своимъ домашнимъ, и какъ и онѣ его апробовали, то давай чертить набѣло, давай придумывать, какъ поставить сей домъ, какъ расположить

подлѣ еговново дворѣ, и какія пристроить службы и другія нужнѣйшія зданія, ибо потребна была и людская изба, и кухня, и погребѣ, и конюшня, и каретной сарай, и баня. И какъ всѣ сіи принадлежности надлежало совсѣмъ вновь строить, ибо мѣсто, назначенное для дома управительскаго, было въ нѣкоторомъ отъ прежняго господскаго дома въ отдаленіи, лежало за прудомъ и совсѣмъ въ пустомъ, порожнемъ, и къ несчастію, весьма еще неровномъ мѣстѣ, и на все то потребно было множество лѣса, то обо всемъ томъ надлежало подумать и погадать.

Но за всѣмъ симъ дѣло у меня не стало, въ одинъ почти мигъ поспѣлъ у меня и тому всему планъ. Послѣ чего, не долго думая, на другой же день, согнавъ народъ, и велѣлъ я расчищать и ровнять все назначенное подъ домъ и подъ дворъ мѣсто, а самъ, приказавъ прискивать каменщиковъ и плотниковъ, полетѣлъ въ тамошнія рощи и лѣса, для прискиванія и назначенія къ рубкѣ потребнаго какъ на сіе, такъ и на построеніе скотскаго двора лѣса.

Тутъ попались мнѣ прежде всего на глаза, находившаяся не далеко отъ селенія и подлѣ самой почти большой дороги, круглая, прекрасная роща, состоящая въ нѣсколькихъ десяткахъ десятинъ и изъ сплошнаго чистаго и ровнаго строельнаго лѣса. «И! сказала я ее увидѣвъ: да зачѣмъ долго искать, вотъ прекрасная роща; семъ примемся мы за нее и разрубимъ всю разными проселками и аллеями, и вдоль и поперекъ, и вкось, и вкрестъ на крестъ, и чрезъ то выгадаемъ для себя три пользы: и ей-то придадимъ прекрасной видъ, и заставимъ всѣхъ проѣзжихъ по большой дорогѣ ею любоваться, и лѣсу съ просѣкѣмъ сихъ получимъ множество и возить его будетъ не далеко». Обрадовался я сей нечаянно повстрѣчавшейся со мною мысли, и не долго думая, ну назначать для вырубанія первую и главнѣйшую среднюю аллею и на утрѣ отправлять людей, для рубленія съ ней лѣса и воженія онаго къ строенію.

Между тѣмъ прискакали мнѣ скоро и

плотниковъ, и я, поговоривъ и условившись съ ними обо всемъ, ни мало не медля и отправилъ ихъ въ Спасское для перемѣтки всѣхъ стѣнъ въ хоромахъ. А потомъ сдѣлалъ я со всей волости нарядъ подводамъ для перевозки оныхъ въ Кіасовку.

Въ сихъ безпрерывныхъ занятіяхъ и не видалъ я какъ прошло нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ начинали мы съ домашними своими помышлять и о томъ, какъ-бы намъ свести знакомство съ ближними и лучшими изъ дворянъ тамошнихъ. Изъ сихъ всѣхъ прочихъ ближе жилъ къ намъ нѣкто господинъ Новиковъ, Борисъ Ивановичъ. О семъ человѣкѣ рассказали мнѣ столько добра, что намъ и захотѣлось уже съ нимъ познакомиться; а какъ былъ онъ человѣкъ достаточной и уже немолодой, и потому не было надежды, чтобъ онъ самъ ко мнѣ пріѣхалъ прежде, то рѣшились мы сами напередъ къ нему ѣхать, и выбравъ удобной день къ нему и черкнули. Онъ былъ намъ очень радъ и пріѣздомъ нашимъ весьма доволенъ, и какъ былъ онъ человѣкъ хотя простой и не изъ бойкихъ остряковъ и людей хитрыхъ и коварныхъ, но весьма доброй, и онъ намъ, а мы ему полюбились, то не долго было намъ съ нимъ и спознакомиться и сдружиться. А какъ былъ онъ человѣкъ хотя вдовой, но имѣлъ у себя дѣтей и взрослую уже дочь, то сіе было и хозяйкамъ моимъ кстати, ибо онѣ нашли въ ней изрядную себѣ компаніонку. Итакъ, сей домъ былъ первый, съ которымъ мы короче познакомились и которого пріязнію пользовались во все время пребыванія нашего въ Кіасовкѣ.

Между тѣмъ, какъ много ни занятъ былъ я въ сіе время и по должности моей и по строеніямъ, и какъ мало ни оставалось мнѣ свободныхъ часовъ для своихъ прежнихъ и любимыхъ упражненій, однако ущипками и урывками занимался кое-когда и оными. Въ особеннѣе-жъ памятно мнѣ, что я въ сіе время всѣхъ гостившихъ у меня дѣтей продолжалъ кой-чему учить; и какъ при сниманіи всей усадьбы на планъ былъ случай познако-

мить ихъ и съ астролѣбію и научить ея дѣйствовать, то не преминулъ я сего сдѣлать, и скоро дошло до того, что я могъ препоручать имъ и безъ себя уже снимать на планъ мѣста нѣкоторыя. По вечерамъ же, вмѣсто отдохновенія, усаживалъ ихъ всѣхъ за столъ и старался имъ внушать первыя основанія правоученія и въперя въ нѣжныя ихъ мысли важнѣйшія правила сей нужнѣйшей науки.

Кромѣ сего, не преставалъ и самъ я продолжать упражняться въ ботаникѣ. Наука сія мнѣ столь полюбилась, что я и тутъ при всѣхъ своихъ недосугахъ не пропускалъ почти ни одного вновь на глаза мнѣ попадающагося незнакомаго цвѣточка безъ разсмотрѣнія и изслѣдованія. И не рѣдко случалось, что я возвращался изъ ходьбы или ѣзды куда-нибудь, приносилъ съ собою цѣлыя горсти и пуки нарваннхъ травъ съ цвѣтами, листьями и кореньями ихъ, и во всѣхъ такихъ случаяхъ тотчасъ хватался за ботаническія свои книги и, разсматривая всѣ ихъ, старался узнавать ихъ званія и имена, а потомъ по другимъ книгамъ спознакомливаться и съ ихъ врачевными дѣйствіями и силами; и не могу изобразить, сколько удовольствія они мнѣ доставляли собою и сколько улаживали тѣмъ прочіе мои труды и заботы.

Но сего было еще не довольно. Но какъ удалось мнѣ спознакомиться со многими, то нечувствительно возродилась во мнѣ охота и испытывать самымъ дѣломъ, все ли то было справедливо, что упоминалось въ книгахъ о полезныхъ ихъ свойствахъ и врачевныхъ силахъ. Къ таковымъ испытаніямъ подало мнѣ и то великой поводъ, что князь, отпуская меня изъ Москвы, просилъ меня, чтобы купить и взять съ собою маленькую Пекинову аптечку. «Теперь нѣтъ (говорилъ онъ) тамъ еще лекаря, и покуда я принцу и опредѣлю и мы тамъ заведемъ небольшой хотя гошпиталь, то пожалуйста, случающимся больнымъ раздавайте изъ аптечки сей лекарства и помогайте бѣднякамъ, сколько вы то учинить въ состояніи будете». И какъ я ему то съ охотою обѣщалъ, а притомъ

сказалъ нѣсколько словъ и объ охотѣ своей къ ботаникѣ, то сіе побудило его еще болѣе къ тому, и онъ былъ тѣмъ очень доволенъ.

Такимъ образомъ, купивъ и привезя съ собою сію, хотя ничего незначущую, аптечку и не преминулъ я при первыхъ сходкахъ всѣмъ крестьянамъ объявить, что у меня есть казенныя лекарства и чтобъ всѣ страждущіе какими-нибудь болѣзнями ко мнѣ являлись, и что я ихъ охотно и безденежно лекарствами, какія есть, снабжать буду. А сіе и не преминуло произвести своего дѣйствія. Больные и дѣйствительно стали ко мнѣ отъ времени до времени приходить и просить отъ болѣзней своихъ лекарствъ. Но какъ въ помянутой аптечкѣ далеко не было столь многихъ лекарствъ, чтобъ ими всѣмъ можно было помогать, то самое сіе и побудило меня воспринимать иногда прибѣжище свое и къ тѣмъ изъ врачевныхъ травъ, съ которыми удалось мнѣ уже познакомиться и заохотило меня не только ихъ собирать, сушить и заготовлять впрокъ, но заготовлять изъ нихъ разные порошки, крошеры и настойки для удобнѣйшаго ихъ употребленія; и поелику къ сему потребна была кое-какая мелкая стеклянная, глиняная и деревянная посуда, то при первой въ Москву посылкѣ и велѣлъ я себѣ накупить множество разной величины сткланокъ, пузырьковъ, баночекъ, точеныхъ деревянныхъ стамушекъ и прочаго тому подобнаго; и не успѣли ихъ ко мнѣ привезть, какъ и настановилъ я ими въ кабинетѣ у себя цѣлой шкапчикъ, и ну наполнять ихъ, инныя порошками, инныя крошеными кореньями и травами, инныя каплями или настойками, дѣлаемыми изъ травъ разныхъ. И сіе было первымъ основаніемъ моей аптечки домашней. А какъ мнѣ нуженъ былъ человекъ, которой бы мнѣ помогалъ травы сіи собирать и приготавливать по наставленію моему разныя лекарства, то и выбралъ я изъ тамошнихъ дворовыхъ людей одного молодого и нѣсколько грамотѣ умѣющаго малаго, и опредѣлилъ его къ сему дѣлу, которой и воспользовался тѣмъ

такъ, что въ послѣдствіи времени сдѣланъ даже лекарскимъ ученикомъ, а потомъ и подлекаремъ, и ему опредѣлено было изрядное жалованье.

Наконецъ не позабылъ я и о полученномъ письмѣ отъ господина Нартова, и какъ надлежало ему на оное отвѣтствовать, то написавъ въ отвѣтъ письмо, и отправивъ я оное къ нему, увѣдомивъ вкупѣ его и о новомъ мѣстѣ моего пребыванія и должности, о чемъ онъ ничего еще не вѣдалъ.

Случилось сіе уже въ самомъ исходѣ мѣсяца августа, которой день ознаменовался вкупѣ и тѣмъ, что мы ввечеру сего дня обрадованы были привѣдомъ къ намъ любимыхъ нашихъ родныхъ кашинскихъ, восхотѣвшихъ насъ посѣтить, какъ скоро узнали о нашемъ преселеніи, и приѣхать къ намъ въ новое наше обиталище. Мы были имъ очень рады. Онѣ всѣ три тогда къ намъ приѣхали и пробыли у насъ ровно двѣ недѣли, и какъ чрезъ то общество наше увеличилось еще больше, то все время сіе, несмотря на всѣ мои хлопоты, труды и недосуги, было намъ отменно весело. Мы старались угостить ихъ у себя koliko можно лучше, и не упускали ничего, чѣмъ бы могли пребываніе ихъ у насъ сдѣлать для нихъ пріятнѣйшимъ, а онѣ, по любви своей къ намъ, осыпали насъ своими ласками и благопріятствомъ.

Вскорѣ послѣ приѣзда племянницъ моихъ начался и мѣсяцъ сентябрь, а съ нимъ настало удобное время къ сниманію въ садахъ достальныхъ плодовъ, и потомъ къ предприниманію въ нихъ работъ разныхъ. Итакъ, по снятіи плодовъ и по продажѣ всѣхъ излишнихъ, принялся я и за оныя. Ихъ было два: одинъ старинной, позади палатъ и нарочито обширной, но до крайности и такъ запущенной и обезобразившейся, что прежняго его регулярства не было почти и примѣтно. Изъ прежнихъ стриженныхъ липовыхъ шпалеръ составилъ лѣсъ изъ превысокихъ липовыхъ деревъ, разросшихся такъ, что не было почти прохода. А подобно тому и другое все захлогло и за-

росло всякою дичью и негодью. Самыя плодovitыя деревья находились въ прежалкомъ состояніи.

Другой садъ былъ молодой и гораздо сего меньше. Онъ лежалъ въ боку отъ дома и въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи за прудомъ, и власно какъ на полуостровѣ, ибо окруженъ былъ съ трехъ сторонъ водою. Узкой проулочекъ или проходъ, сдѣланной чрезъ него на гумно и на скотской дворъ, раздѣлялъ его собою надвое, и съ обѣихъ сторонъ къ сему проулку примыкали узкія плотины или переходы черезъ прудъ и заливъ, позади его находящіеся. Но и сей садъ немногимъ чѣмъ былъ лучше большого и въ такомъ же запущеніи.

Причиною тому было, что какъ господа давно перестали въ сіе село ѣздить и въ немъ жить, то и не прилагаемо было къ поддержанію его въ порядкѣ ни отъ кого и никакого старанія. Глупому прикащику не было до него никакой нужды; а садовника мы хотя тутъ и нашли, и онъ былъ мужикъ хотя доброй и рачительной, но болѣе огородникъ, нежели садовникъ, и знанія его простирались очень не далеко. И къ тому же, какъ не давали ему никакихъ работниковъ, то одному ему, а притомъ и безъ принужденія, и нечего было... (?).

Итакъ, ходючи нерѣдко по симъ садамъ, давно уже замѣчалъ я въ мысляхъ, что мнѣ съ ними сдѣлать, и чѣмъ и какъ бы ихъ поправить и привести скольконибудь въ лучшее состояніе. Почему, какъ скоро сняты были всѣ плоды, то и началъ я намѣреніе свое производить въ дѣйство. Мое первое дѣло было, чтобъ обрубить и окарнать въ большомъ садѣ всѣ липовыя шпалеры такъ, чтобъ остались одни только голые комли или пни ихъ, вышиною аршина въ три отъ земли. Садовникъ мой только ахалъ, сіе увидѣвъ, и почиталъ ихъ совершенно погубленными, но я увѣрилъ его о противномъ и что онъ чрезъ годъ шпалеръ своихъ не узнаетъ и увидитъ ихъ молодыми. Такимъ же образомъ безъ всякаго милосердія поступилъ я и со многими другими де-

ревьями и кустарниками и не только съ дикими, но и съ самыми плодовитыми: и инныя вырубалъ совѣмъ, другія подчищать, у иныхъ вырубалъ всю негодъ и такъ далѣе. Садовникъ мой только поглядывалъ и производилъ то скрѣпя уже свое сердце.

Попроставъ симъ образомъ старые сады отъ всякой негодн, принялся я за основаніе совѣмъ новаго сада и за засажденіе оного разными плодовитыми и дикими деревьями. Сей назначилъ я совѣмъ на новомъ мѣстѣ, захвативъ подъ оной цѣлую десятину полевой земли, за будущимъ новымъ управительскимъ домомъ, и назначивалъ его быть моимъ собственнымъ, то-есть управительскимъ; и между тѣмъ какъ возили изъ рощи дѣсь, а изъ Спасскаго разобранныя хоромы, занимался я тутъ же разбиваніемъ сего новаго сада, которой по тогдашнему господствующему еще вездѣ вкусу расположилъ я регулярнымъ и насадилъ множество шпалеръ, надѣлалъ множество куртинъ и напичкалъ всѣ сѣи плодовитыми молодыми деревцами и кустарниками. По счастію, нашелъ я сихъ такое великое изобиліе въ запасѣ, что не только стало ихъ на весь сей повои садъ и на посадку въ обонхъ садахъ прежнихъ, но осталось нѣкоторое количество мнѣ и для себя и отправленія въ мои собственные сады по дозволенію князя. Я велѣлъ ихъ тамъ посадить: яблонки въ моемъ новомъ полевомъ садѣ, а черносливъ или зимовыя сливы въ садахъ ближнемъ и верхнемъ, которые прекрасныя плоды ведутся у меня и понынѣ, а изъ яблонецъ остались очень-очень немногія, и достопамятнѣйшая изъ нихъ есть такъ-называемая Денисовка. Прочія же на большую часть хотя сначала и принялись, но потомъ въ отсутствіе мое погибли.

Наконецъ, 5-го сентября основалъ и заложилъ я свое новое обиталище. Мѣсто для хоромъ назначилъ я на самомъ красивѣйшемъ мѣстѣ, въ небольшомъ разстояніи отъ большой дороги, на самомъ берегу большого и обширнаго пруда, выдавшемся въ прудъ угломъ, на по-

добіе мыса, и поставилъ домъ такъ, чтобъ онъ лицомъ былъ прямо къ большой дорогѣ и окруженъ былъ и спереди и съ праваго бока водою и небольшими подлѣ себя на самомъ берегу цвѣтниками. Сѣи оградилъ я подлѣ самой воды низенькимъ штакецомъ, и для входа въ него изъ хоромъ назначилъ быть большому каменному крыльцу изъ моей столовой комнаты. И какъ тогда каменщики были еще не отысканы, то заложилъ я домъ для поспѣшенія на столбахъ и тотчасъ велѣлъ приниматься за работу.

Между сими хлопотами не упускалъ я заниматься и своими любезными гостями; а въ самой день закладки хоромъ посѣтилъ меня первой изъ тамошнихъ сосѣдей, и впервые еще, упомянутой господинъ Новиковъ вмѣстѣ съ господиномъ Игнатьевымъ, которыхъ мы также постарались угостить какъ можно лучше. А на другой день послѣ того вздумали племянницы мои съѣздить къ намъ въ Дворяниново и повидаться съ тамошними нашими родными, и мы проводили ихъ до села Турова и остались сами въ гостяхъ у жившаго тутъ господина Шущерина, Василья Ѳеодоровича. Сей любезной человѣкъ не задолго до того сдѣлался мнѣ знакомъ, и какъ онъ любилъ искренно насъ, а мы его, то и радъ я былъ, что домъ его случился быть у насъ на самой дорогѣ и на половинѣ пути, и потому служилъ намъ тутъ всегда добрымъ перепутьемъ. Дни чрезъ два послѣ того посѣтилъ и онъ насъ въ Кіасовкѣ, съ женою и обѣими дочерьми своими, а 12-го числа ѣздила жена моя съ старшею изъ племянницъ моихъ въ Коломну, для нѣкоторыхъ покупокъ; а чрезъ три дни послѣ того и разрушилось опять наше пріятное общество, чрезъ отъѣздъ племянницъ моихъ обратно въ Кашинѣ. Мы проводили ихъ съ чувствительнымъ сожалѣніемъ, и жена моя поѣхала съ нею на короткое время въ Москву, а я остался хлопотать съ своими строеніями, лѣсами, садами и мужиками.

Въ сихъ произшествіяхъ протекла нечувствительно вся первая половина сен-

тября мѣсяца, а что происходило во второй и далѣе, о томъ разскажу я вамъ въ письмѣ послѣдующемъ, а теперешнее симъ кончивъ скажу, что я есмь вашъ и проч.

(Генваря 4-го дня 1809 года).

Письмо 177-е.

Любезный пріятель! Едва мы только проводили своихъ племянницъ и съ женою моею отъ себя, какъ и перетревожило насъ уже сдѣлавшееся первое и большое зазимье. Зима съ стужами своими показала глаза свои какъ-то въ этотъ годъ слишкомъ уже рано. Первой и довольно жестокой морозъ посѣтилъ насъ еще 9-го августа, а въ половинѣ октября настала уже и совершенная зима. Теперь вообразите же себѣ, сколь мало удобнаго времени имѣлъ я къ совершенію всѣхъ своихъ начатыхъ строеній. Но сказать надобно, что и трудился и заботился я объ нихъ прямо ревностно, а особливо послѣ того какъ пугнуло меня помянутое зазимье; ибо какъ по всѣмъ замѣчаніямъ надлежало тогда ровно чрезъ мѣсяцъ ожидать и настоящей зимы, то усугубилъ я всѣ мои труды, старанія и работы и не отходилъ почти ни пяди отъ сихъ, присутствуя при нихъ отъ утренней зари до вечерней, или разѣзжая самъ по лѣсамъ для понужденія скорѣйшей вырубки и привоза деревъ. Стукъ отъ нѣсколькихъ десятковъ топоровъ продолжался безпрерывно съ утра до вечера и разбуджалъ насъ съ восхожденіемъ солнца, но нужда приневоливала меня и употреблять всевозможнѣйшую поспѣшность.

Помянутое зазимье заставило насъ впер-

вые испытать нагрѣвать комнаты наши каминами, но они скоро доказали, что на нихъ дальней надежды полагать никакъ образомъ было намъ не можно. Производимое ими тепло столь же скоро и уходило, какъ при закрытіи оныхъ набиралось. Сперва обрадовались-было мы, увидѣвъ себя въ теплѣ, но радость наша была весьма кратковременна. Чрезъ многіе часы комнаты наши дѣлались таковыми-жъ холодными, какъ были прежде и усугубляли только гореванье наше о томъ, какъ намъ будетъ жить тутъ въ самое позднее осеннее время.

Впрочемъ, имѣлъ я около сего времени у себя неожиданнаго, но весьма пріятнаго гостя. Вдругъ является передо мной одинъ молодой и ученой священникъ, пріѣхавшій изъ Коломны для осмотра нѣ упрядившагося у насъ въ селѣ поповскаго мѣста, дабы въ случаѣ, если оно ему полюбится, можно-бъ было ему, по благосклонности къ нему архіерея, занять оное. Онъ пришелъ тогда ко мнѣ на поклонъ, и мы не успѣли съ нимъ нѣсколькихъ минутъ провести въ разговорахъ, какъ и полюбили другъ друга. Нигдѣ знакомство и дружба такъ скоро не возобновляется, какъ между учеными, а особливо если повстрѣчаются взаимно согласныя мысли и чувства. А самое сіе тогда съ нами и случилось. Я нашелъ въ немъ хотя не великаго во всемъ знатока, но по крайней мѣрѣ студировавшаго въ семинаріи, и много кой-чего такъ-знающаго, но что всего лучше, отмынно любопытнаго молодого человѣка; а и онъ поразился неожиданностію и удивленіемъ, нашедъ во мнѣ человѣка, превосходящаго знаніями всѣхъ ихъ семинарскихъ учителей. Самое сіе и прилѣпило его такъ ко мнѣ, что онъ положилъ за непремѣнное себѣ дѣло, добиваться всѣми образами, чтобъ перевели его въ село наше, а сіе къ обоюдному нашему удовольствію чрезъ короткое время и воспослѣдовало дѣйствительно; чему я съ моей стороны тѣмъ болѣе былъ радъ, что получилъ въ немъ давно желаемого и пріятнаго себѣ по ученымъ дѣламъ и ма-

теріямъ собесѣдника, и могу сказать, что онъ доставлялъ мнѣ сотовариществомъ своимъ весьма многія пріятныя минуты. Онъ назывался Никитою Никифоровичемъ, а прозваніемъ Моревъ.

Наконецъ пріискали мнѣ и наняли и каменщиковъ, и какъ время оставалось уже мало, а фундаментъ былъ превысокой, то усугубилъ я еще и болѣе ревностное мое за работами смотрѣніе и не отходилъ отъ нихъ почти ни пяди, и хлопотъ было у меня полночь ротъ съ ними. Но какъ бы то ни было, но мы съ ними его смастерили, и довольно удачно. Кромѣ сего, занимался я въ сіе время и поправленіемъ нѣкоторыхъ маленькихъ прудовъ, въ деревняхъ находящихся, но болѣе всего привлекали меня къ себѣ лѣса и требовали частаго присутствія въ оныхъ. Надобно было намъ изъ нихъ премногое множество всякаго лѣса какъ на казенное, такъ и на крестьянское строеніе, а не менѣе для запасенія себя дровами, на всю зиму. И всѣ сіи деревья вырубались были не иначе, какъ по моему указыванію и съ наблюденіемъ невозможнѣйшаго порядка. Итакъ, для всего того доводилось мнѣ почти всякой день ѣздить въ роши и лѣса и давать мои наставленія. Всю помянутую рошу разрубили мы аллеями и проспектами на множество частей и косяковъ, и превратя ее тѣмъ въ нѣкоторой родъ звѣринца, придали ей дѣйствительно такой хорошій видъ, чтобъ множествомъ сихъ аллей, представляющихся то и дѣло глазамъ, полюбоваться.

Въ сихъ упражненіяхъ и многочисленныхъ трудахъ и не видалъ я, какъ прошла и вторая половина сентября, и наступилъ октябрь мѣсяцъ. Первое число онаго, или день Покрова Богородицы, праздновали мы въ Воскресенкахъ у родственника нашего Арцыбышева, которой изъ всѣхъ нашихъ родныхъ жилъ тогда всѣхъ ближе къ намъ, а оттуда проѣхали теща моя съ дочерью г. Ладженскаго на часокъ въ нашу деревню, а я, возвратившись въ Кіасовку, принялъ

ся за расчерчиваніе и дѣланіе предъ нами своимъ домомъ цвѣтника, дабы къ веснѣ имѣть его для посадки цвѣтовъ уже готовымъ.

Вскорѣ за симъ наступило и 7-е число октября, и совершилось мнѣ ровно 36-тъ лѣтъ отъ рожденія. Я отпраздновалъ сей день, по обыкновенію моему, тихомолкою и болѣе духовно, нежели наружно, и занимаясь помянутымъ дѣломъ. Къ именинамъ же моимъ приѣхала къ намъ и тетка Матрена Васильевна на нѣсколько дней погостить, и мы посѣщеніемъ ея были очень довольны. Въ день же именинъ моихъ пригласили мы къ себѣ новаго нашего знакомаго, г. Новикова; но кромѣ его и помянутаго родственника нашего г. Арцыбышева, никого въ сей разъ у насъ не было. А вскорѣ за симъ ѣздилъ я еще разъ для нѣкоторыхъ нуждъ и на самое короткое время въ свою деревню, и заѣзжая на дорогѣ къ обоимъ своимъ друзьямъ, г. Шушерину и Полонскому, повидался и съ ними. Оба они невѣдомо какъ довольны были тѣмъ, что я ихъ не забывалъ и не отпускали меня безъ того, чтобъ я у нихъ либо отобѣдалъ, либо ночевалъ. По возвращеніи же моемъ назадъ, вскорѣ поѣхала отъ насъ и Матрена Васильевна и увезла съ собою и обѣихъ дочерей своихъ, гостившихъ у насъ во все сіе первое время пребыванія нашего въ Кіасовкѣ.

Симъ разрушилось тогда наше маленькое общество, и сколько намъ того ни было жалъ, но мы нѣкоторымъ образомъ были тѣмъ и довольны; ибо въ самое то время начинала уже почти становиться зима и мы не знали какъ и самихъ себя обогрѣвать, и боялись, чтобъ намъ гостей своихъ не поморозить.

Но доколѣ тянулся октябрь, то все еще мы какъ-нибудь пробивались. Но какъ скоро начался ноябрь и съ нимъ настала и настоящая зима, то началось съ нею вкупѣ и то самое время, которое и понынѣ еще забыть не могу и кое было скучнѣйшее, труднѣйшее и безпокойнѣйшее во всей моей жизни. Работъ было еще великое множество неоконченныхъ.

Хоромы только-что тогда покрыли, и надобно было отдѣлывать ихъ еще внутри, а потомъ класть въ нихъ печи; а прочія зданія на дворѣ требовали еще и множайшей работы. Кромѣ того сѣвшия я конаты рвы и разгораживать ими всѣ семь полей казеннаго хлѣбопашества. Всѣ сии работы требовали почти ежечаснаго моего при себѣ присутствія, а стужа такая! непогоды страшныя! а отогрѣваться отъ нихъ было почти негдѣ. Домашніе мои принуждены были съ утра до вечера сидѣть въ шубахъ, и оставя просторнѣйшія комнаты, которымъ и самыя каминны нимаго не помогали, сбиваться всѣ въ кучку въ маленькія комнаты для удобнѣйшаго себя обогрѣванія каминами. Сиденно и ночью и безъ умолку почти у насъ пылали, ибо предъ ними только и можно было сколько-нибудь отогрѣваться. Ежедневно сожигали мы въ нихъ множество наилучшихъ березовыхъ дровъ, и нажегши столько угольнаго жару, сколько могло только помѣщаться въ оныя, не успѣвали ихъ закрывать и первымъ теплымъ духомъ часть какой или два попользоваться, какъ исчезалъ и вылеталъ оной опять сквозь окна и стѣны, и мы пакко растапливаніи оныхъ помышлять долженствовали. Но днемъ какъ-нибудь уже мы пробавлялись, но что касается до ночей, то сии были намъ уже всего несноснѣй, а особливо во время сдѣлавшейся уже большой стужи и наступленія зимы самой. Мы встрѣчали ихъ какъ нѣкакихъ медвѣдей и готовились заблаговременно зябнуть, дрожать и терпѣть неописанное безпокойство.

Теперь вообразите себѣ, каково намъ и не только намъ, но и всѣмъ верхнимъ людямъ нашимъ было жить и терпѣть такое безпокойство цѣлой мѣсяцъ сряду, а особливо послѣднія недѣли въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Сии сдѣлались-было намъ уже совсѣмъ несносны и я истинно не знаю, какъ мы все сіе время прожили и какъ при всѣхъ такихъ душевныхъ трудахъ и безпокойствахъ провели мы сіе время, по особенной къ намъ милости Господней, такъ счастливо и удачно, что не только

никто изъ насъ, но ниже изъ малютокъ дѣтей и людей нашихъ не занемогъ и не вытерпѣлъ болѣзни.

Наконецъ кое-какъ и насилу-насилу кончили мы все строеніе, и домъ мой поспѣлъ и сдѣлался уже для обитанія способнымъ. Теперь не могу никакъ изобразить вамъ того удовольствія, которое чувствовали мы, перебравшись совсѣмъ жить въ оной. Сущимъ раемъ казался онъ намъ въ сравненіи съ житьемъ нашимъ въ большемъ и огромномъ тамошнемъ домѣ: и тепелъ, и хорошъ, и покоенъ онъ намъ казался! Но никто такъ не былъ доволенъ, какъ я своимъ кабинетомъ. Я снабдилъ его не только частью печи, но сверхъ того еще и каминомъ, и какъ положеніе его случилось быть въ срединѣ между другихъ комнатъ, то былъ онъ отмѣнно тепелъ, а не было недостатка и въ свѣтѣ. Два большихъ окна, съ простирающимся видомъ изъ нихъ на прудъ и за онымъ на церковь и старой домъ, освѣщали оной. Подъ однимъ изъ нихъ, въ спокойномъ уголку, ассигновалъ я для себя сидѣнье и установилъ свой столикъ, подъ другимъ поставилъ большой столъ для учениковъ моихъ. Стѣны установилъ я книгами и шкапами, а кой-гдѣ и картинами, привезенными изъ дома, и былъ обиталищемъ своимъ очень доволенъ и тѣмъ паче, что имѣло оно сообщеніе и съ гостинною, и съ лакейскою, и съ моею канцелярією. А и домашніе мои со всѣмъ буторомъ своимъ умѣстились такъ хорошо, что всѣ были наконецъ довольны. По счастію дѣти мои были еще малы и для помѣщенія ихъ требовалось не много мѣста. Всѣ они помѣстились съ своею бабушкою въ одной комнатѣ и довольно еще просторно, и одна только наша спальня была темновата, но за то теплѣе почти всѣхъ комнатъ.

Симъ образомъ, перешедши и расположившись въ новомъ и довольно для насъ просторномъ и спокойномъ домѣ, отдохнули мы отъ претерпѣнныхъ своихъ трудовъ и безпокойствъ и повели уже порядочную, какъ водится, жизнь; и какъ было уже гдѣ порядочно принимать и

угощать гостей, то начали мы уже помышлять о сведеніи дружбы и знакомства съ множайшими изъ живущихъ въ тамошнихъ окрестностяхъ дворянъ, и за симъ дѣло не стало. Домъ г. Новикова не замедилъ познакомить насъ и со многими другими. Бывая въ ономъ, имѣли мы случай сѣзжаться съ нѣкоторыми его сосѣдами и друзьями, и какъ г. Новиковъ не оставлялъ всѣмъ объ насъ разсказывать и рекомендовать насъ съ стороны хорошей, то вскорѣ познакомились мы и съ нѣкоторыми другими домами. Изъ сихъ въ особенности сдѣлались намъ дружны домъ господина Кологривова, Николая Ивановича, человека милаго и любезнаго и столь веселаго характера, что мы всегда въ свиданіи съ нимъ и его женою находили удовольствіе. Другой такой же домъ былъ господина Бѣляева, Ѳедора Васильевича. Сей былъ человекъ хотя небогатой и простенькой, но имѣлъ двухъ взрослыхъ и добраго характера дочерей, полюбившихъ въ особенности наше семейство и нерѣдко гостившихъ у насъ по нѣскольку дней сряду. А особливо сдѣлалась дружна намъ младшая изъ его дочерей по имени Алена, съ которою и понынѣ еще продолжается у семьянинокъ моихъ дружба.

Итакъ, мало-по-малу, при помощи нерѣдкихъ свиданій съ ними, начали мы жить гораздо веселѣе прежняго и весь послѣдующій мѣсяцъ декабрь провели безъ скуки и въ удовольствіи. Весьма много поспѣшествовало къ тому и то, что мы обрадованы и успокоены были въ душахъ нашихъ наипріятнѣйшимъ для всѣхъ насъ слухомъ, что наконецъ удалось нашимъ войскамъ разбить и разсѣять всю злодѣйскую пугачовскую сволочь и самого его, искавшаго спасенія въ бѣгствѣ, съ вѣрнѣйшими его наперсниками поймать, и что везли уже его окованнаго по рукамъ и по ногамъ въ Москву для сужденія и воспріятія достойной мзды за все его варварство и злодѣянія. Не могу изобразить, какъ обрадовало насъ первое полученное о томъ извѣстіе и какъ мы благодарили Бога за спасеніе всей

Россіи, а въ томъ числѣ и насъ отъ сего изверга. Какъ тяжелой камень свалился тогда съ сердецъ и плечей нашихъ.

Что касается до меня, то не успѣли за зимнимъ временемъ кончиться все мои надворные труды и упражненія и мы перешли жить въ новой домъ, какъ, не любя быть празднымъ, и началъ я все остающееся отъ дѣлъ по должности моей свободное время посвящать опять наукамъ и литературѣ, и принялся паки за свои книги, перо и кисти. И какъ по счастію время сего оставалось довольно и дѣлъ по должности моей стало становиться часть отъ часу меньше, то и могъ я къ удовольствію своему употреблять къ тому множество часовъ ежедневно, а особливо въ длинные зимніе вечера и утры. Въ сіи послѣднія наиболѣе занимался я кой-какимъ писаніемъ, а особливо переписываніемъ набѣло первой части моей «Дѣтской философіи», которую, по случаю близости къ Москвѣ и нерѣдкому въ ней быванію, хотѣлось мнѣ постараться какъ-нибудь отдать въ печать. Итакъ, надобно было всю ее вновь пересмотрѣть, кое-что прибавить и переписать въ тетради особая. Во время же дня занимался я иногда самымъ рисованьемъ, а особливо разрисовываніемъ имѣвшихъ у меня многихъ разнаго рода эстамповъ. Побуждало меня къ тому наиболѣе то, что восхотѣлось мнѣ угловую свою и очень свѣтлую и веселую гостинную комнату, по обитіи ея обоями, убрать колико можно болѣе картинами и установить оныя по стѣнамъ и простѣнкамъ, узорами. И какъ къ сему потребно было, въ прибавокъ къ имѣвшимся у меня многимъ картинамъ, еще много, то и спѣшилъ я наготовить оныхъ. А какъ по счастію случилось намъ имѣть въ числѣ дворовыхъ тамошнихъ и одного изряднаго столяра, то и долженъ былъ онъ мнѣ готовить для всѣхъ ихъ по мѣрѣ рамки, которыя потомъ я раскрашивалъ, золотилъ и украшалъ, какъ наставлялъ меня Богъ на разумъ, и какъ приличнѣе и сообразнѣе было съ сдѣланнымъ для расположенія всѣхъ ихъ рисункомъ. А въ томъ должны были помогать мнѣ и

всѣ трое моихъ учениковъ и сотоварищей, которые вмѣстѣ со мною въ кабинетѣ моемъ и жили.

Что касается до вечеровъ, то имѣли мы въ это время особенное занятіе. Восхотѣлось мнѣ какъ ихъ, такъ и обѣихъ моихъ молодыхъ своячинъ, дочерей тетки Матрены Васильевны, приѣхавшихъ опять къ намъ гостить, спознакомить съ своею «Дѣтскою философіею» и испытать читать имъ ее вслухъ, koliko можно явственнѣе и съ нужными всего растолкованіями, дабы преподать имъ чрезъ то понятіе о всѣхъ нужныхъ вещахъ, содержащихся въ сей книгѣ, а особливо о Богѣ и устроении всей вселенной. Итакъ, усадивъ ихъ кругомъ около поставленнаго посреди кабинета моего стола, прочитывалъ я имъ по примѣру, какъ читаютъ профессеры свои лекціи, въ каждой вечеръ по разговору, и разговаривая притомъ съ оными о читанныхъ матеріяхъ. Не успѣлъ я сего начать, какъ чтеніе и разговоры сіи всѣмъ слушающимъ дѣтямъ такъ понравились, что они стали уже съ нетерпѣливостью дожидаться вечера, и уже безъ призыву сами ко мнѣ по наступленіи онаго собираться.

Легко можно заключить, что сіе было мнѣ весьма не противно; но удовольствіе мое сдѣлалось еще несравненно больше, когда они и самому нашему ученому священнику отцу Никитѣ, случившемуся однажды быть при семъ чтеніи, такъ понравились, что онъ униженнѣйшимъ образомъ сталъ меня просить о дозволеніи приходить къ намъ по вечерамъ и ему, и пользоваться слушаніемъ нашего чтенія. Удивился и обрадовался я такой неожиданной просьбѣ, и съ удовольствіемъ ему сказалъ: «Пожалуй, пожалуй, отецъ Никита, мы будемъ вамъ и очень еще рады; съ вами могу я еще и пространнѣе трактовать и разговаривать о всѣхъ матеріяхъ, и для дѣтей будетъ сіе еще тѣмъ полезнѣе. И что-жъ? онъ и дѣйствительно съ того времени не пропускалъ ни одного вечера и являлся къ намъ еще прежде всѣхъ по наступленіи онаго, и мы съ нимъ дѣйствительно по поводу

читанныхъ разговоровъ углублялись иногда въ предлинныя и важныя разговоры, которые не только дѣтямъ были полезны, но и самому мнѣ и ему доставляли превеликое удовольствіе. Однимъ словомъ, онъ сдѣлался намъ ежедневнымъ собесѣдникомъ и соучастникомъ въ разговорахъ, и какъ онъ былъ человѣкъ умной и притомъ веселаго характера, то полюбивъ его, были мы сообществомъ его весьма довольны.

Итакъ, были у насъ по вечерамъ дѣйствительно маленькія лекціи, и по важности разговоровъ нашихъ съ отцомъ Никитою можно было назвать ихъ прямо философическими. И какъ случилось, что онъ о физикѣ не имѣлъ почти никакого понятія, то не можно изобразить, съ какимъ удовольствіемъ онъ разговоры о физическихъ предметахъ слушалъ, и какъ много ихъ хвалилъ и благодарилъ меня за преподаніе ему о многихъ неизвѣстныхъ ему вещахъ столь яснаго и хорошаго понятія. Но сего было еще недостаточно, но онъ, сѣздивши однажды около сего времени въ Коломну, разслабилъ и тамъ всѣмъ своимъ семинаристамъ, прежнимъ товарищамъ, и расхвалилъ сочиненіе мое такъ, что всѣ и тамошніе усердно захотѣли меня узнать и сочиненіе мое видѣть.

А отъ сего и произошло то слѣдствіе, что какъ и самому мнѣ, не помню уже для чего именно, случилась необходимая надобность сѣздить въ Коломну и побывать у архіерея, то нашелъ я уже и сего обо мнѣ кѣмъ-то весьма съ доброй стороны предвареннымъ, и потому онъ не только принялъ меня съ отменною ласкою, но и исполнивъ тотчасъ мою просьбу, унялъ у себя обѣдать и за обѣдомъ не могъ довольно со мною обо всемъ наговориться. Былъ тогда архіереемъ въ Коломнѣ почтенный старичекъ Оеодосій, человѣкъ хотя не ученой, но довольно умной и набожной.

Но тѣмъ еще не окончилось, а не успѣлъ я, отобѣдавъ у архіерея, возвратиться въ домъ къ его секретарю, брату моего канцеляриста, у котораго я приставалъ,

какъ всѣ наученѣйшіе и лучшіе семинаристскіе студенты, узнавъ какъ-то о моемъ приѣздѣ, тамъ меня уже дожидались и спроворили, что одинъ знакомый имъ купецъ, дожидавшійся меня тутъ также, упросилъ меня съ хозяиномъ приѣхать къ нему посидѣть на вечерокъ. Мнѣ-было сперва и не хотѣлось на то согласиться, ибо я ожидалъ единого только подчиванія, по обычаю купцовъ, напитками, но вышло совсѣмъ другое, а противъ всякаго чаянія, нашелъ я тутъ помянутыхъ наилучшихъ и умнѣйшихъ студентовъ, и какъ хозяинъ былъ самъ охотникъ до книгъ, и любилъ слушать ученые разговоры, то по принятіи и угощеніи меня наилучшимъ образомъ всякими сластями, и завелъ онъ тотчасъ со мной разговоры о дѣлахъ ученыхъ, и какъ пришли къ тому тотчасъ и господа студенты, то и пошла у насъ потѣха. Вмигъ схватились мы говорить о матеріяхъ разныхъ и одна другой важнѣйшихъ; и какъ собесѣдники мои ни старались сначала выказывать мнѣ свои знанія, но скоро дошло до того, что они и всѣ прочіе стали только разиня ротъ и развѣсивъ уши слушать то, что я говорилъ. А я, пользуясь тѣмъ, и имѣлъ тогда случай оказать имъ въ полной мѣрѣ всѣ мои философическія знанія и тѣмъ не только заставить ихъ себя полюбить, но и вперить въ нихъ наивеличайшее къ себѣ почтеніе. Словомъ, они сочили меня и Богъ знаетъ какимъ ученымъ человѣкомъ и получили обо мнѣ наивыгоднѣйшее мнѣніе.

Цѣлой вечеръ и почти до полуночи провели мы тогда наипріятнѣйшимъ образомъ въ семъ собесѣдованіи съ ними. Хозяинъ мой до восхищенія былъ тѣмъ доволенъ и не зналъ, какъ меня угостить лучше, а изъ студентовъ никто такъ много меня не любилъ, какъ Геронимъ, бывшій потомъ архимандритомъ въ Воскресенскомъ монастырѣ за Москвою, и любившій и почитавшій меня по кончину свою весьма много; но и онъ былъ достоинъ всей моей любви и дружества и самого почтенія. Мы видались съ нимъ не одинъ разъ впоследствии времени, и

я, любуясь еще и понынѣ стихами и привѣтствіями его, написанными имъ въ моемъ альбомѣ или памятникѣ друзей, и напоминая сего умнаго и любезнаго человѣка, благословляю и понынѣ его прахъ и желаю ему ненарушимаго покоя.

Но теперь время мнѣ сказать вамъ что-нибудь и о моей новой должности, и о правленіи порученною мнѣ волостью. Сіе управленіе толь многими селами и деревнями и столь великимъ множествомъ народа было для меня дѣло хотя новое и по необыкновенію сначала очень дико и несовсѣмъ-таки легко, но мало-по-малу стало становиться для меня сноснѣе и не таково тягостно какъ сначала. Нужно только было при началѣ правленія войти въ всѣ подробности дѣлъ волостныхъ и узнать всѣ обстоятельства, относящіяся до сей волости, и учредить и основать во всемъ порядки и сдѣлать всему нужныя распоряженія, какъ потомъ и пошло все равно какъ по лѣсенкѣ и мнѣ дальнаго труда уже не стоило управлять оною. Недоставало мнѣ только хорошаго помощника и исправнаго приказаниевъ моихъ производителя. Прикащикъ прежній хотя и отправлялъ по нуждѣ сію должность, но онъ былъ ни то ни се, и по пословицѣ говоря, ни рыба, ни мясо, и я не столько былъ имъ доволенъ, сколько досадовалъ на его за нерасторопность, за лѣнь, глупость и старинныя его привычки. Къ тому же, всегда и говорить мнѣ съ нимъ по его заиканію была коммиссія; но какъ перемѣнить было нечѣмъ, то принужденъ былъ я и его вспоможеніемъ и услугами сначала быть довольнымъ; но скоро дошло до того, что сталъ онъ у меня часъ отъ часу болѣе выходить изъ кредита, и я все охотнѣе поручать его родному брату, хотя бородачу, но имѣвшему болѣе ума и провора. Сверхъ того, какъ князь прислалъ ко мнѣ для содержанія при казнѣ караула и для другихъ надобностей и чептырехъ человѣкъ отставныхъ и хорошаго поведенія и исправныхъ солдатъ, то при множайшихъ случаяхъ пользовался я ими.

Съ княземъ, командиромъ моимъ, была

у насъ частая переписка, и какъ я ему обо всемъ доносилъ, что мною дѣлано и предпринимаемо, и распоряжаемо было, и я ничего важнаго безъ его вѣдома и приказанія не предпринималъ, то былъ онъ всѣмъ управленіемъ, дѣлами и поведеніемъ моимъ совершенно доволенъ; но прибавить къ тому надобно и то, что я сообразно съ его наидобрѣйшимъ и честнѣйшимъ характеромъ, и сіе поведеніе свое расположилъ на честнѣйшихъ также правилахъ и не только удаленъ былъ отъ всякаго рода злонимства и лакомства, но за главное правило себѣ поставилъ наблюдать во всемъ правду и при всѣхъ разбирательствахъ жалобъ и споръ крестьянскихъ держаться совершеннѣйшей справедливости и не нарочить никому и ни въ чемъ на свѣтъ, а всего болѣе удалиться отъ дѣланія какаго-нибудь кому и самомалѣйшаго притѣсненія, не взирая какаго-бъ состоянія кто ни былъ.

Все сіе произвело то слѣдствіе, что всѣ добрые люди и порядочные крестьяне полюбили меня очень скоро и были мною довольны. Что жъ касается до дурныхъ и негодныхъ людей, то натурально симъ былъ я не совсѣмъ по сердцу, но я о семъ ни мало не заботился. Въ особенности же не былъ я любъ всѣмъ ворами и плутамъ, и какъ былъ я на нихъ прямо острая коса, то не лежало ихъ ко мнѣ сердцу, и если причинялъ мнѣ кто досады и доставляло многія хлопоты и непріятности, такъ сіи молодцы удалые. Я уже пересказывалъ вамъ, какое привѣтствіе сдѣлалъ я всѣмъ имъ при самомъ своемъ приѣздѣ; но сколь сильно я обманулся, надѣясь, что такое увѣщаніе на нихъ сколько-нибудь подѣйствуетъ! Они и не подумали о томъ, чтобъ дать себя убѣдить онымъ и неуспѣло нѣсколько недѣль пройтить, какъ и принялись опять за свое прежнее ремесло, и ну по прежнему воровать и либо красть что-нибудь другъ у друга, либо попрежнему у ночующихъ у нихъ проѣзжихъ людей, а мало-по-малу и пустились во вся тяжкая.

Господи! какъ было мнѣ тогда досадно, когда начали доходить до меня о томъ частые слухи. Будучи отъ природы совсѣмъ не жестокосердымъ, а напротивъ того, такого душевнаго расположенія, что не хотѣлъ бы никого оскорбить и словомъ, а не только дѣломъ, и не находя въ наказаніяхъ никогда ни малѣйшей для себя утѣхи, и видѣвъ тогда сущую необходимость оказывать жестокости и съ сими бездѣльниками для унятія ихъ отъ злодѣйствъ драться, терзался я отъ того досадою и неудовольствіемъ. Но нечего было дѣлать. Необходимо надлежало ихъ отъ воровста и всѣхъ шалостей отваживать и унимать, и я скоро увидѣлъ, что добромъ и ласковыми словами и не только увѣщаніями и угрозами, но и самими легкими наказаніями тутъ ничего не сдѣлаешь, а надобно было неотмѣнно употреблять всѣ роды жестокости, буде хотѣтъ достигъ тутъ до своей цѣли. Итакъ, сколько я сначала ни философствовалъ и не наказывалъ ихъ, будучи самъ въ спокойномъ духѣ и смѣячись, но удалцы сіи екорю начали и самого меня такъ раздражать, что я иногда доходилъ до сущихъ глупостей и разсерживался до изступленія. Да и нельзя было инако, ибо стали случаться такіа произшествія, которыя и каменнаго выводили изъ терпѣнія.

Напримѣръ, однажды привели ко мнѣ двухъ воровъ, воровавшихъ и пойманныхъ вмѣстѣ, но при допросѣ не могъ я никакъ согласить между собой ихъ слова и признанія, но одинъ говорилъ то, а другой другое. Я говорить... я увѣщевать ихъ и такъ, и инакъ... я говорить, что неотмѣнно одинъ изъ нихъ лжетъ, а другой говоритъ правду, и что непременно надобно мнѣ узнать истину. Но не тутъ-то было! Молодцы мои стали въ одномъ, да и только всего. И знать что были удалцы самые, что я болѣе часа обоихъ ихъ попеременно велѣлъ сѣчь, но не могъ никакъ добиться правды. Господи! какъ они меня симъ заpiresательствомъ своимъ тогда раздосадовали и вздурили. Я выходилъ почти самъ изъ себя и не прежде

какъ уже при третичномъ и жесточайшемъ истязаніи ихъ добился уже толку.

Въ другой разъ увидѣли двухъ чело-
вѣкъ, ворующихъ муку съ мельницы, но
захватили съ мукою только одного, а дру-
гой ускользнулъ, и не можно было за тем-
нотою и признать его. Итакъ, надобно
было узнать, кто бы такой былъ съ нимъ
и воровалъ вмѣстѣ. И сей бездѣльникъ
вывелъ меня уже совершенно изъ терпѣ-
нія и раздражилъ до чрезвычайности, ибо
вздумалъ сперва заператься, и несмотря
на трехъ свидѣтелей, поймавшихъ его и
клятвенно утверждавшихъ, что не только
видѣли другого, но хватали его и едва
не ухватили, сталъ въ томъ, что былъ онъ
одинъ и никого съ нимъ не было. Гос-
поди! какая была тогда на меня досада
и какъ было нестерпимо такое явное за-
пирательство, а особливо когда не помо-
гло ни мало и все сѣченье. Нѣсколько
разъ принимался я сего бездѣльника по-
ротъ, и чѣмъ и чѣмъ я его уже не сѣкъ,
но онъ какъ сталъ въ одномъ, да и толь-
ко всего. Что ты изволиш! Наконецъ, и
когда спина его была уже ловко взѣро-
шена, насилу-насилу повинился и ска-
залъ на одного изъ тутошнихъ крестьянъ.
Но чтожъ? и тутъ вышла неправда. Сы-
скали того мужика, но тотъ всѣми клят-
вами божился, что не знаетъ и не вѣ-
даетъ того и никогда съ нимъ не бывалъ
и не воровалъ. Я такъ и сякъ! Но не
тутъ-то было! и оба остаются при своихъ
объявленіяхъ и клянутся. Нечего было
дѣлать, принужденъ былъ велѣть поло-
жить и сего и сѣчь, принуждая при-
знаться; но онъ съ спокойнымъ духомъ
говорилъ, что хоть до смерти его засѣки,
а признаться ему не въ чемъ. остано-
вился я сіе услышавъ, и по счастію взду-
малъ призвать свидѣтелей, ловившихъ
сихъ воровъ и спросить ихъ, не могутъ ли
они мнѣ сказать, походилъ ли сей мужикъ
чѣмъ-нибудь на того, котораго они видѣ-
ли?—«Нѣтъ, судырь, (сказали они едино-
гласно), этотъ совсѣмъ на того не похожъ,
тотъ и ростомъ былъ гораздо выше и бо-
рода у него маленькая и не такая большая,
какъ у него».—«Ну вотъ, сукинъ сынъ, ска-

залъ я: не въявь ли ты всклепалъ на сего, ни
за что, ни про что подвелъ подъ побой. Ну
ложись опять, бездѣльникъ».—«Ну чтожъ,
судырь! вытерпѣлъ еще добрую настилку и
насилу-насилу съ него смолвилъ и по-
казалъ на другого».—«Давай сюда и того»,
закричалъ я; привели мнѣ и того, но и тотъ
не только всѣми клятвами клялся, что
онъ не знаетъ, не вѣдаетъ, но представ-
лялъ двухъ свидѣтелей, оправдавшихъ
его тѣмъ, что онъ въ самое то время и
часы, въ которые сіе воровство произво-
дилось, былъ съ ними, и тамъ ему быть
никоимъ образомъ было не можно. «Ну,
вотъ, сукинъ сынъ, опять солгалъ, ложись
опять и сказывай истину. Говорю тебѣ,
что я не отстану, и какъ ты ни думай, а
добьюсь и узнаю истину». И такъ, ну-ка
я его опять поротъ, и онъ, вытерпѣвъ
опять добрую передрагу, повинился, что
и сего оклепалъ напрасно, мстя ему за
одну себѣ досаду, и сказалъ на третьяго.
Но чтобъ вы думали? оказалась опять
ложь и неправда и напраслина сущая. И
легко-ли, цѣлыхъ пять чело-вѣкъ онъ симъ
образомъ и все напрасно оклеветать ста-
рался.

И какъ претерпѣвъ за каждого добрыя
настилки, вывелъ онъ меня совсѣмъ уже
изъ терпѣнія, то боясь, чтобъ бездѣл-
ника сего немощнымъ сѣченіемъ не-
умертвить, вздумалъ испытать надъ нимъ
особое средство. Я велѣлъ скрутить ему
руки и ноги, и бросивъ въ натопленную
жарко баню, накормить его насильно по-
болѣе самую соленую рыбою и приста-
вивъ строгой къ нему караулъ, не велѣлъ
давать ему ни для чего пить и морить
его до тѣхъ поръ жаждою, покуда онъ
не скажетъ истины, и сіе только въ со-
стояніи было его пронять. Онъ не могъ
никакъ перенести нестерпимой жажды и
объявилъ намъ наконецъ истиннаго вора,
бывшаго съ нимъ въ сотовариществѣ. И
вотъ съ какими удальцами принужденъ я
былъ имѣть дѣло.

Но за то и наказалъ я ихъ особымъ и
примѣрнымъ образомъ, и желая всему
селу показать, какъ наказываются воры,
велѣлъ ихъ, раздѣвъ до ноги, вымазать

всѣхъ дегтемъ и водить съ процессією по всей улицѣ села, и всѣмъ жителямъ, выгнатымъ изъ избъ для смотрѣнія передъ вороты, кричать, чтобъ смотрѣли они какъ наказываются воры, и что со всѣми и другими поступлено будетъ также, кто изобличится хотя въ малѣйшемъ воровствѣ. Маленькихъ же ребятишекъ велѣно всѣхъ согнать къ мосту, и въ то время, когда поведутъ воровъ черезъ оной, велѣтъ заставлять кричать: «воры! воры!» и кидать въ нихъ грязью, ибо происходило сіе еще осенью, а потомъ, собравъ всѣхъ крестьянъ, торжественно имъ сказать, что если они отъ воровства, а особливо у проезжихъ и ночующихъ въ селѣ не уймутся, то вмѣсто тогдашнихъ двухъ не спящихъ ночныхъ караульщиковъ въ селѣ сдѣлаю десятерыхъ. А ежели и за симъ все еще воровство будетъ, то сдѣлаю, чтобъ предъ каждымъ тремя дворами былъ не спящій караульщикъ и не только замучу ихъ сими караулами, но и всякой разъ сіи караульщики должны будутъ отвѣчать мнѣ за всѣ пропажи и покражи.

Такое примѣрное наказаніе, соединенное съ политическою уловкою, не только нагнало дѣйствительно на всѣхъ страхъ, но произвело вожделѣннѣйшее дѣйствіе, и мужички мои, увидѣвъ что я ни мало шутить не намѣренъ и въ состояніи дѣйствительно все то исполнить, наконецъ подумавъ и поговоривъ между собою, смолвились, чтобы бросить наконецъ всѣ шалости и не только самимъ ничего дурного не предпринимать, но смотрѣть пристально и за другими и никому ненаровно, не выводя все наружу, представлять виновныхъ для наказанія.

Словомъ, послѣдній случай произвелъ во всѣхъ такое живое впечатлѣніе, что, къ неописанному удовольствію моему, съ того самого времени всѣ крестьяне села Кіасовки съ деревнями ровно какъ переродились, и помянутое образцовое наказаніе отходило какъ бабушка и отстрашало ихъ отъ всѣхъ прежнихъ шалостей, и какъ о томъ повсюду и въ другихъ мѣстахъ разнеслась молва, то чрезъ короткое послѣ того времени имѣлъ я

удовольствіе слышать, что во всѣхъ селеніяхъ нашихъ, сидѣвшихъ на большой дорогѣ, сдѣлалось такъ смирно и такъ безопасно, что проезжіе могли всѣ повозки свои безъ всякаго караула оставлять на улицахъ, не опасаясь, чтобъ изъ нихъ что-нибудь было украдено, и отзывались тѣмъ очень довольными. Сами хозяева старались уже ихъ въ томъ увѣрять, и дуракамъ самимъ то слюбилось.

Симъ образомъ удалось и посчастливилось мнѣ наконецъ истребить все прежнее воровство и прежнія всѣ шалости, и смыть съ кіасовскихъ крестьянъ прежнее гнусное пятно, и вмѣсто прежней дурной славы доставить имъ о себѣ повсюду лучшее мнѣніе. Но сказать надобно, что и стоило мнѣ сіе несказанныхъ трудовъ, хлопотъ и досадъ безчисленныхъ, и что не прежде я достигъ до совершеннаго съ сей стороны спокойствія, какъ въ теченіи цѣлаго почти годичнаго времени, но за то послѣ и сами они меня полюбили и благодаря меня за то, были мною весьма довольны, и отзываются обо мнѣ и по нынѣ еще съ большою похвалою.

Но я, возвратясь къ нити моего повѣствованія въ окончаніи сего письма, скажу, что въ помянутыхъ разныхъ занятіяхъ и пріятныхъ препровожденіяхъ времени нечувствительно протекъ и послѣдній декабрь мѣсяцъ сего года, а съ окончаніемъ сего кончу я и письмо сіе, сказавъ, что я есмь вашъ и проч.

(Генваря 5-го дня 1809 года).

1775 годъ.

Письмо 178-е.

Любезный пріятель! Итакъ, вновь наставшій 1775 годъ, началъ я проводить, живучи уже въ Кіасовкѣ, въ новомъ и покойномъ казенномъ домѣ. Все маленькое семейство мое состояло въ сіе время только въ насъ трехъ старшихъ, меня, жены и тещи и тронхъ моихъ малолѣтнихъ еще дѣтяхъ, ибо и самой моей старшей дочери шель тогда только осьмой, сыну доходилъ только четвертой, а меньшей моей дочери, Настасьѣ, пошелъ только другой годъ, и она была еще на рукахъ. Что касается до моего сына, то былъ онъ уже на ногахъ, и будучи милымъ и любезнымъ ребенкомъ, начиналъ доставлять намъ собою уже много утѣхъ. Онъ сошелъ уже съ рукъ женскихъ и къ нему приставленъ былъ дядька, съ которымъ занимался онъ дѣтскими своими играми и упражненіями. Былъ онъ какъ-то и съ-маленьку благовренъ и хотя не освобожденъ отъ нѣкоторыхъ свойственныхъ дѣтямъ слабостей, однако далеко не таковъ упрямъ, плаксивъ и рѣзовъ, какъ бывають многія дурныя и избалованныя дѣти. Но мы день отъ дня замѣчали уже въ немъ нѣкоторыя хорошія свойства и склонности и потому, льстясь надеждою, что будетъ изъ него со временемъ человекъ и что онъ составитъ, можетъ быть, утѣшеніе въ нашей старости, любили его и тогда уже всею душою и сердцемъ и не спускали его почти съ рукъ своихъ. Но могу сказать, при всей нашей любви къ нему, однако его не баловали, но отъ самого младенчества старались отлучать его отъ всѣхъ дурныхъ привычекъ, но не столько строгостью, сколько добромъ и особливими уловками.

Въ примѣръ тому расскажу вамъ объ одномъ смѣшномъ, бывшемъ у насъ съ нимъ происшествіи, и доставившемъ намъ нечаянно нудобнѣйшее средство къ униманію его отъ упрямства и слезъ, проливаемыхъ иногда, по обыкновенію дѣтей,

попустому. Однажды, какъ теперь помню, случилось мнѣ сидѣть въ моемъ кабинетѣ, и онъ одинъ только былъ со мной. Я, по обыкновенію моему, что-то писалъ, а онъ рассказывалъ у меня по горнищѣ. Вдругъ попался ему на глаза астробической штативъ или ножка, лежащій на верху шкафа съ моею аптечкою. И какъ ему до того не случилось сего подножія видѣть, а былъ онъ уже и съ-маленьку очень любопытенъ, то ни съ другаго слова, подбѣжавъ ко мнѣ и указывая на штативъ, спросилъ у меня: «Папинька, а что это такое?» Тутъ приди мнѣ мысль и желаніе надъ нимъ немного пошутить и поиздѣваться, и потому ни съ другаго слова, сказалъ я ему: «О, мой другъ! это штука, это большая штука!» Сильмъ возбудилъ я еще болѣе въ немъ любопытство. «А чтожъ такое это за штука, папинька?» спросилъ онъ меня еще. «А вотъ я тебѣ, мой другъ, покажу, сказалъ я, и снявъ штативъ со шкафа присовокупилъ: эта штука на смерть не любить всѣхъ маленькихъ ребятъ, которые сердются, упрямятся и о пустомъ плачуть, и какъ скоро завидять, такъ вотъ такъ разжавшись (въ самое то время, разжавъ ножки, тотчасъ ихъ опять дружно сплескнулъ), тотчасъ рабенка и съѣсть и переломаетъ даже и косточки всѣ; а потому берегись и ты, мой другъ, ее! Пропали она окаянная!» Сказавъ сіе, положилъ я штативъ опять на шкафъ. — «Ну, папинька, сказалъ на сіе мой мальчишка, экая она ажно какая! а какъ ее зовутъ». — «Астробія, мой другъ», (сказалъ я) и сѣлъ опять за свое дѣло, а онъ, поглядѣвъ на нее и пошелъ отъ меня, твердя только «Астробія! Астробія, экая какая!»

На сѣмъ тогда сіе и осталось, и я усмѣхнувшись тому и позабылъ сіе происшествіе. Но какъ удивилъ онъ меня чрезъ нѣсколько послѣ того недѣль еще неожиданнымъ ни мало вопросомъ. Случилось намъ однажды куда-то уже весною ѣздить въ каретѣ и имѣть его съ собою. Тутъ, стоячи у дверецъ и смотря въ оныя, увидѣлъ онъ лошадиныя кости, случившіяся лежать подлѣ самой почти дороги и при-

ди ему мысль меня объ нихъ спросить: «Ахъ, папинька! сказалъ онъ, ужъ не астрелябія ли это всѣхъ поѣла и не ребятокъ ли это кости?» Тогда хватъ я себя за бороду и самъ въ себѣ сказавъ: «А! а! такъ хорошъ», и тотчасъ ему въ отвѣтъ сказалъ: «Такъ точно, мой другъ, это она, проклятая, это все были упрямые и дурные ребята, всѣхъ-то она ихъ поѣла за плаканье и упрямство, и видишь одни только косточки остались». — «Экая она проклятая!»! подхватилъ онъ, и до тѣхъ поръ съ костей глазъ не спускалъ, покуда ихъ можно было видѣть. И съ сего времени онъ такъ сей проклятой астрелябіи боялся, что при всякомъ разѣ, когда случалось ему заупрямиться или расплакаться, нужно было только упомянуть астрелябію, какъ тотчасъ и переставалъ, и намъ шутка сія обратилась въ великую пользу и много помогла при отъучиваніи его отъ всего дурного.

Что касается до моей дочери, то сія умѣла уже тогда грамоты. Бабушка ея успѣла уже обучить ее оной, и тогда начинала она учиться у меня писать, и была всѣмъ характеромъ своимъ милая и любезная дѣвчоночка и ее любили не только всѣ мы, но и посторонніе.

Какъ тогда, кромѣ сихъ нашихъ дѣтей, было съ нами много и чужихъ и взрослыхъ, то со всѣми ими не скучно было намъ препроводить тогдашнія святки; къ тому же и ѣзжали мы уже кой-куда въ гости, и приѣзжали и къ намъ всѣ тѣ изъ нашихъ сосѣдей, съ которыми мы успѣли познакомиться. При сихъ выѣздахъ обновилъ я свой оригинальной, раскидной и тогда только-что вновь мною выдуманной возочекъ, въ каковыхъ послѣ того ѣзжалъ я во все продолженіе моей жизни въ зимнее время, и ѣзжу съ особливимъ удовольствіемъ и по нынѣ. Побудила меня къ сей выдумкѣ охота моя къ чтанію книгъ, а особливо въ праздное дорожное время. Будучи охотникомъ и любя ѣздить въ розвальняхъ, досадовалъ я только на то, что стужа, морозы и вѣтры не позволяли мнѣ никакъ заниматься чтеніемъ книгъ, а принуждали быть во время дороги со-

вершенно празднымъ. И какъ однажды мнѣ съ одной стороны сія праздность, а съ другой—вѣтръ и стужа очень надоѣла, то сталъ я помышлять нельзя-ли какъ-нибудь угораздиться и придѣлать къ розвальнямъ моимъ небольшую и такую покрывашку, которая прикрывала бы собою одну только мою голову, плечи и руки, и защищая ихъ отъ стужи, была бы и свѣтла и могла бы доставлять мнѣ возможность заниматься чтеніемъ книги. Не успѣла мысль сія во мнѣ произойти, какъ родилось желаніе скорѣе произвести ее и въ дѣйство. Я тотчасъ началъ ее обрабатывать далѣе, и образовавъ въ мысляхъ всю уже форму сего покрывальца, заставилъ тотчасъ столяра ее изъ досокъ, на подобіе нѣкакого сундучка связывать, прорѣзать со всѣхъ трехъ сторонъ довольно просторныя окошечки, вставить въ нихъ на петляхъ рамочки съ стеклами, и всю ее снаружи обить кожей, а внутри сукномъ, и придѣлать ее къ задней половинѣ розвалень, такъ чтобъ вся она на петляхъ могла откидываться назадъ, и чтобъ сѣвши или легши въ сани можно было ею нахлупить голову и сидѣть въ ней, какъ въ маленькой свѣтлой горенкѣ. Наконецъ, чтобъ было въ ней совершенно тепло, то велѣлъ я сдѣлать такъ, чтобъ при опусканіи края сей покрывашки въ закрой длинной рамы, придѣланной и прикрѣпленной во всю длину саней и покрывающейся сверху также откиднымъ спереди для покрытія ногъ доскою. Все сіе съ самаго начала удалось мнѣ сдѣлать такъ хорошо и удачно, что полувозчикъ мой, по отмынанію своей легкости и спокойству, мнѣ отмынно полюбился, и каковъ страненъ и смѣшонъ ни казался инымъ многимъ, но я нимаю того не уважалъ, а смѣялся самъ тому, что они сами не зная чему смѣются, и почитая его наиспокойнѣйшимъ зимнимъ экипажемъ, продолжалъ всегда въ немъ ѣздить.

Не успѣли святки еще пройти, какъ, оставивъ своихъ родныхъ въ Кіасовкѣ, поѣхалъ я самъ на короткое время въ Москву. Это было еще въ первой разъ,

что поѣхалъ я къ князю своему съ личными донесеніями о состояніи волости и обо всемъ мною въ ней сдѣланномъ. Князь принялъ меня очень ласково и былъ всеѣми моими дѣлами и распоряженіями доволенъ, и благодарилъ меня за все мое обо всемъ стараніе. Послѣ чего и пошли у насъ съ нимъ разговоры и разсужденія о томъ, что бы впредь сдѣлать и учредить. Главнѣйшимъ предметомъ оныхъ было построеніе въ Кіасовкѣ для больныхъ госпиталю, которой ему неотмѣнно учредить тамъ хотѣлось и для котораго старался уже онъ принесть и лекаря. И какъ тогда имѣлъ я для жительства своего готовый домъ и въ старомъ большомъ домѣ не было никакой надобности, то и положено было у насъ предъ наступленіемъ весны весь верхній деревянной этажъ съ него снять и поставивъ на иномъ мѣстѣ позадь сада, обратить его въ госпиталь, отдѣливъ въ немъ особыя комнаты и для житія лекарю, а послѣ того разобрать и весь нижній этажъ каменной и кирпичи изъ него сохранить для будущаго зданія, большого каменнаго дома, которой угодно было императрицѣ приказать построить и которому дѣлался уже и планъ. И какъ князь въ особенности охотникъ былъ до строенія, то просилъ меня тѣмъ, а особливо построеніемъ госпиталя, koliko можно поспѣшить.

Не мало-же говорено было у насъ съ нимъ и о оброкѣ волости и о томъ, какъ бы намъ сдѣлать распоряженіе для полученія всегдашнихъ работниковъ, для исправленія работъ нужнѣйшихъ. Первой угодно было князю, для полученія многѣйшаго съ сей волости дохода, оставить тотъ же, какой крестьяне плачивали до сего своей помѣщицѣ, а именно по 6-ти рублей съ тягла или мужа съ женою, которой хотя и превосходилъ оброкъ, платимой Богородицкою волостью двумя рублями, но для подмосковныхъ крестьянъ былъ не только сносенъ, но и очень еще умеренъ. Что касается до работъ, то положено было всю волость раздѣлить на 40 частей или вытей и опредѣлить, чтобъ

съ каждой выти было по одному работнику съ лошадыю, или когда въ лошадахъ не случится надобности, то пѣшему, и которые смѣнялись бы по-недѣльно, а естли чего сими работниками успѣть не можно будетъ сдѣлать, то все прочія работы производить уже наемными людьми или по особымъ нарядамъ, съ опредѣленнымъ платежемъ денегъ.

Сими совѣтами и учрежденіями занимались мы нѣсколько дней сряду и во все почти краткое время тогдашняго моего пребыванія въ столицѣ, и я долженъ былъ приѣзжать къ нему для того каждой день, изъ которыхъ въ многѣйшіе оставлялъ онъ меня у себя обѣдать, а сіе доставило мнѣ случай (узнать) все его семейство и весь образъ его жизни. У него жива была тогда жена его княгиня, а дѣтей имѣлъ онъ у себя шестеро сыновей: Василья, Сергѣя, Павла, Ивана, Петра и Ѳедора Сергѣевичевъ, и одну дочь, бывшую въ замужствѣ за графомъ Салтыковымъ и уже овдовѣвшею, и оставшеюся послѣ мужа съ двумя дочерьми, внучками княжими, небольшими еще дѣвочками. Кромѣ сихъ былъ еще у него внукъ, отъ другой умершей уже дочери, именемъ Степанъ Степановичъ Калычевъ. Но изъ всѣхъ ихъ жили тогда съ нимъ и въ домѣ у него только трое, а именно, средній сынъ — князь Иванъ Сергѣевичъ, меньшей — князь Ѳедоръ и внукъ его г. Калычевъ. Изъ прочихъ же старшій, Василій, будучи въ отставкѣ, жилъ въ своей деревнѣ и приѣзжалъ къ нему только временно. Второй князь, Сергѣй Сергѣевичъ, служилъ при дворѣ камергеромъ, князь Павелъ служилъ въ арміи и былъ уже полковникомъ, а князь Петръ находился въ Англіи.

Всѣхъ ихъ, кромѣ послѣдняго, имѣлъ я тогда случай видѣть, но ни съ однимъ изъ нихъ по краткости времени не имѣлъ еще счастья познакомиться сколько-нибудь короче. Всѣ они какъ-то отъ меня дичились или паче, набиты будучи княжескою спѣсью и высокимъ о себѣ мнѣніемъ, не удостоивали меня не только своими ласками, но даже вхожденіемъ со

мною въ разговоры, а мнѣ самому, занимающимся наиболѣе однимъ только добродушнымъ старикомъ-княземъ, не было ни времени, ни удобства къ нимъ прилѣпляться; къ тому-жъ признаться по истинѣ, то видя ихъ такое гордое и можно сказать глупо-надменное обращеніе, и самъ я не имѣлъ охоты къ тому дальней. Съ одной стороны удерживало меня то, что не имѣлъ я до нихъ никакого дѣла и никакой дальней нужды въ ихъ къ себѣ благопріятствѣ, а съ другой—находя оныхъ по свойствамъ и характеристамъ ихъ недостойными дальнаго уваженія и того, чтобъ искать ихъ къ себѣ милости. Старшій изъ нихъ, князь Василій казался мнѣ совсѣмъ недалёкаго разума и набить даже глупымъ высокомеріемъ; къ тому-жъ и видѣлъ я его только однажды. Что-жъ касается до второго его сына, князя Сергія, то сей былъ всѣхъ ихъ бойчѣе и самая пылкая и огненная голова, и набить такъ много придворною пышностью и спѣсью, что къ нему не было и приступа. Сей неудостовалъ меня не только разговорами, но почти и своими взорами, хотя былъ любимѣйшій сынъ у князя и болѣе всѣхъ имъ уважаемый. Третій, князь Павелъ, служилъ тогда въ какомъ-то полку полковникомъ, былъ также бѣглая и бойкая голова; но какъ и его случилось мнѣ также не болѣе двухъ разъ видѣть, то и не имѣлъ я случая промолвить съ нимъ и единого слова. Четвертой, князь Иванъ, показался мнѣ сколько-нибудь просто-душиѣ прочихъ, и сего я хотя всѣхъ чаще видалъ, но и съ нимъ имѣлъ мало случаевъ говорить, хотя и былъ онъ ко мнѣ нѣсколько благосклоннѣе прочихъ, чему причиною можетъ быть было то, что служилъ онъ въ морской службѣ и былъ нѣсколько охотникъ до наукъ. Что касается до меньшого сына и внука князова, то сии были хотя также совершенно уже взрослые, но продолжали все еще кой-чему, по манеру и обычаю знатныхъ господъ, учиться, или прямѣе сказать, схватывать однѣ только верхушки изъ наукъ. Наконецъ, и самая старушка-княгиня по-

казалась мнѣ ни рыбою, ни мясомъ, и набитою также одною только княжескою спѣсью, простиравшеюся даже до того, что никогда не удостоила меня не только какимъ-нибудь привѣтствіемъ, но ниже однимъ словомъ. Итакъ, сколько я доволенъ былъ благопріятствомъ и всѣмъ обращеніемъ старика-князя, столько, напротивъ того, не имѣлъ причины быть довольнымъ всѣмъ его семействомъ.

Пребываніе мое въ сей разъ въ Москвѣ продлилось не болѣе одной недѣли, и какъ въ теченіе оной не все время свое препровождалъ я у князя, а много его и оставалось, то употребилъ я оное на свиданіе со всѣми бывшими тогда въ Москвѣ моими родственниками, друзьями и знакомцами, а особливо съ новымъ другомъ своимъ, Александромъ Михайловичемъ Салтыковымъ. У него былъ я не одинъ разъ, и всякой разъ, препроводивъ съ нимъ по нѣсколько часовъ въ дружескихъ и прямо пріятныхъ разговорахъ, возвращался отъ него съ удовольствіемъ.

Москва вся занималась въ сіе время однимъ только Пугачовымъ. Сей извергъ былъ уже тогда въ нее привезенъ, содержался окованной нацѣпахъ, и вся Москва съѣзжалась тогда смотрѣть сего злодѣя, какъ нѣкоего чудовища, и говорила объ немъ. Надъ нимъ, какъ надъ государственнымъ преступникомъ, производился тогда, по повелѣнію императрицы, формальной и важнѣйшій государственной судъ и всѣ не сумнѣвались, что онъ казненъ будетъ.

Кромѣ сего достопамятно было, что въ самое сіе время производилось въ Москвѣ съ превеликимъ поснѣшеніемъ строеніе, на Пречистенкѣ, временного огромнаго дворца для пребыванія императрицы. Ибо какъ она намѣрена была прибыть въ Москву для торжествованія мира съ турками, а головинской дворецъ, въ которомъ она до того времени жила, во время чумы сгорѣлъ и ей жить было негдѣ, то и приказала она построить для себя дворецъ на скорую руку. Почему, несмотря на всю стужу и зимнее тогдашнее время,

и производилось строеніе сіе съ великимъ поспѣшеніемъ и тысячи рукъ занимались онымъ денно и ночно.

Какъ скоро я все свои дѣла кончилъ, то нimalo не медля, сѣвши поутру въ свою кибитку, поспекалъ я домой; но не успѣлъ поровняться при выѣздѣ изъ Москвы съ послѣднею заставою, какъ увидѣлъ меня стоявшій на ней знакомой офицеръ г. Обуховъ и закричалъ: «Ба! ба! ба! Андрей Тимоѣевичъ, да куда ты ѣдешь?» — «Назадъ, въ свое мѣсто», сказалъ я. — «Да какъ это, братецъ, уѣзжаешь ты отъ такого праздника, къ которому люди пѣшкомъ ходятъ?» — «Отъ какого такого?» (спросилъ я). — «Какъ, развѣ ты не знаешь, что сегодня стануть казнить Пугачова, и не болѣе какъ часа чрезъ два? Остановись, судырь, это стѣнитъ любопытства посмотреть!» — «Что ты говоришь? (воскликнулъ я); но, эхъ, какая бѣда! Хотѣлось-бы мнѣ и самому это видѣть, но какъ я уже собрался и выѣхалъ, то воротаться опять не хочется». — «Да на что и зачѣмъ воротаться; вотъ я сейчасъ туда ѣду, такъ поѣдемъ вмѣстѣ со мной въ санихъ моихъ, а кибитка пускай ѣдетъ у меня на дворѣ постоятъ и тебя дождется». — «Очень хорошо, братецъ» (сказалъ я), и ну скорѣе выѣзжать изъ кибитки, итти къ нему въ квартиру и на скорую руку оправляться, а чрезъ нѣсколько минутъ мы съ нимъ, сѣвши въ сани, и полетѣли дѣйствительно на Волото, какъ мѣсто назначенное для сей казни.

Мы нашли уже всю площадь на Волотѣ и всю дорогу на нее, отъ Каменнаго-Моста, установленную безчисленнымъ множествомъ народа. Я невѣдомо какъ радъ былъ, что случился со мною такой товарищъ, котораго все тамъ коротко было извѣстно. Онъ, подхватя меня, не бѣгалъ, а леталъ со мною, совался всюду и всюду, для припискиванія удобнѣйшаго мѣста для смотрѣнія. И мы вскорѣ за симъ увидѣли молодца, везомаго на пре-высокой колесницѣ въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя изъ конныхъ войскъ. Сидѣлъ онъ съ кѣмъ-то рядомъ, а про-

тивъ его сидѣлъ попъ. Повозка была устроена какимъ-то особымъ образомъ и совсѣмъ открытая, дабы весь народъ могъ сего злодѣя видѣть. Все смотрѣли на него съ пожирающими глазами, и тихой шопотъ и гулъ оттого раздавался въ народѣ. Но намъ некогда было долго смотрѣть на сіе шествіе, производимое очень медленно, а мы, посмотрѣвъ нѣсколько минутъ, спѣшили бѣжать къ самому эшафоту, дабы захватить для себя удобнѣйшее мѣсто для смотрѣнія. Весь оной въ нѣкоторомъ и нарочито великомъ отдаленіи окруженъ былъ сомкнутымъ тѣсно фрунтомъ войскъ, поставленныхъ тутъ съ заряженными ружьями, и внутрь сего обширнаго круга непускаемо было никого изъ подлагаго народа. Но товарища моего, какъ знакомаго и извѣстнаго человѣка, а при немъ и меня, пропускали безъ задержанія, ктому-жъ мы были и дворяне, а дворянъ и господъ пропускали всехъ безъ остановки; и какъ ихъ набралось тутъ превеликое множество, то судя по тому, что Пугачовъ наиболѣе противъ ихъ возставалъ, то и можно было произшествіе и зрѣлище тогдашнее почестъ и назвать истиннымъ торжествомъ дворянъ надъ симъ общимъ ихъ врагомъ и злодѣемъ.

Намъ съ господиномъ Обуховымъ удалось, пробѣсившись сквозь толпу господъ, пробраться къ самому эшафоту и стать отъ него не болѣе какъ сажени на три, и съ самой той восточной стороны оного, гдѣ Пугачовъ долженъ былъ на эшафотѣ стоять для выслушиванія читаемаго ему всего сенатскаго приговора и сентенціи. Итакъ, имѣли мы наивыгоднѣйшее и самое лучшее мѣсто для смотрѣнія, и покуда его довели, и довольно времени для обозрѣнія эшафота и всего окружающаго оной, довольно еще просторнаго порожняго внутри круга. Эшафотъ воздвигнутъ былъ посреди оного, четверосторонній, вышиною аршинъ четырехъ и обитой снаружи со всехъ сторонъ тесомъ, и съ довольно просторнымъ наверху помостомъ, окруженнымъ балюстрадамъ. Выходъ на него сдѣланъ былъ только

съ одной южной стороны по лѣстницѣ. Посреди самаго сего помоста воздвигнутъ былъ столбъ, съ воздѣтымъ на него колесомъ, а на концѣ утвержденнымъ на него желѣзною острою спицею. Вокругъ эшафота сего въ разстояніи саженъ на двадцать поставлено было кругомъ и со всѣхъ сторонъ нѣсколько висѣлицъ, не выше также аршинъ четырехъ или еще ниже, съ висящими на нихъ петлями и приставленными лѣсенками. Мы увидѣли подлѣ каждой изъ нихъ приготовленныхъ уже палачей и самыхъ узниковъ, назначенныхъ для казни, держимыхъ тутъ стражами. А такимъ же образомъ лежали нѣкоторые и другіе изъ ихъ злодѣйскаго общества, скованные, при подножіи самаго эшафота.

Не успѣла колесница подѣхать съ злодѣемъ къ эшафоту, какъ схватили его съ ней и взвели по лѣстницѣ на верхъ онаго, поставили на краю восточнаго его бока, противъ самыхъ насъ. Въ одинъ мигъ наподнялся тогда весь помостъ множествомъ палачей, узниковъ и къ нимъ приставовъ, ибо всѣ наилучшіе его наперсники и друзья должныствовали жизнь свою кончить вмѣстѣ съ нимъ на эшафотѣ, почему и приготовлены уже были на всѣхъ углахъ и сторонахъ онаго плахи съ топорами. Подлѣ самаго-жъ Емельки Пугачова явился тотчасъ секретарь, съ сенатскимъ опредѣленіемъ въ рукахъ, а предъ нимъ, внизу и подлѣ самыхъ насъ, на лошади верхомъ, бывший тогда оберъ-полицеймейстеромъ г. Архаровъ.

Какъ скоро все установилось, то и началось чтеніе сентенціи. Мы стояли подлѣ самаго г. Архарова, и такъ близко, что могли чтимое отъ слова до слова слышать. Но насъ занимало не столько слушаніе читаемаго, какъ самое зрѣніе на осужденнаго злодѣя. И какъ громогласное и разстановочное чтеніе продлилось очень долго, ибо въ опредѣленіи сенатскомъ прописаны были всѣ его и сообщниковъ его злодѣянія, и подведены были всѣ законы, по силѣ которыхъ долженъ онъ былъ преданъ быть казни, то имѣли мы время насмотрѣться на сего

изверга. Онъ стоялъ въ длинномъ нагольномъ овчинномъ тулупѣ, почти въ онѣмѣніи и самъ внѣ себя, и только что крестился и молился. Видъ и образъ его показался мнѣ совсѣмъ несоотвѣтствующимъ такимъ дѣяніямъ, какія производилъ сей извергъ. Онъ походилъ не столько на звѣрообразнаго какого-нибудь лютаго разбойника, какъ на какого-либо маркитантишка или харчевника плюгаваго. Борода небольшая, волосы всклокоченные и весь видъ ничего незначащій и столь мало похожій на покойнаго императора Петра Третьяго, котораго случалось мнѣ такъ много разъ и такъ близко видать, что я, смотря на него, самъ себя нѣсколько разъ въ мысляхъ говорилъ: «Боже мой! до какого ослѣпленія могла дойти наша глупая и легковѣрная чернь, и какъ можно было сквернавца сего почестъ Петромъ Третьимъ!» Между тѣмъ, какъ ни пристально мы на него смотрѣли, однако успѣли оглянуться и назадъ на стоящія вокругъ эшафота висѣлицы. На нихъ увидѣли мы всѣхъ осужденныхъ къ смерти, взведенныхъ на лѣстницы съ надѣтыми на головы ихъ тюриками и съ возложенными на шею ихъ уже петлями, а палачей, державшихъ ихъ и готовыхъ при первомъ знакѣ столкнуть ихъ съ лѣстницъ. И какъ назначено было имъ въ одну секунду умереть съ своимъ начальникомъ, то по самому тому и не могли мы видѣть самое произведеніе ихъ казни, которую, какъ думаю, и никто не видалъ, ибо всѣхъ глаза устремлены были на эшафотъ и на Пугачова.

Какъ скоро окончили чтеніе, то тотчасъ сдернули съ осужденнаго на смерть злодѣя его тулупъ и все съ него платье, и стали класть на плаху для обрубанія, въ силу сентенціи, напередъ у него рукъ и ногъ, а потомъ и головы. Были многіе въ народѣ, которые думали, что не воспослѣдуетъ-ли милостиваго указа и ему прощенія, и бездѣльники того желали, а всѣ добрые того опасались. Но опасеніе сіе было напрасное: преступленіе его было не такъ мало, чтобъ достоинъ онъ былъ какого помилванія; ктому-жъ

и императрица не хотѣла сама и мѣшаться въ это дѣло, а предала оное въ полное и самовластное рѣшеніе сената; итакъ, долженъ онъ былъ неотмѣнно получить достойную мзду за все его злодѣйства. Совѣтъ тѣмъ произошло при казни его нѣчто странное и неожиданное, и вмѣсто того, чтобъ, въ силу сентенціи, напередъ его четвертовать и отрубить ему руки и ноги, палачъ вдругъ отрубилъ ему прежде всего голову, и Богу уже извѣстно, какимъ образомъ это сдѣлалось: ни то палачъ былъ къ тому отъ злодѣевъ подкупленъ, чтобъ онъ не далъ ему долго мучиться, ни то произошло отъ дѣйствительной ошибки и смятенія палача, никогда еще въ жизнь свою смертной казни не производившаго; но какъ бы то ни было, но мы слышали только, что стоявшій тамъ подлѣ самаго его катой-то чиновникъ вдругъ на палача съ сердцемъ закричалъ: «Ахъ, сукинъ сынъ! что ты это сдѣлалъ!» и потомъ: «ну, скорѣе—руки и ноги». Въ самой тотъ моментъ пошла стукотня и на прочихъ плахахъ, и въ мигъ послѣ того очутилась голова г. Пугачова, взоткнутая на желѣзную спицу на верху столба, а отрубленные его члены и кровавой трупъ, лежащій на колесѣ. А въ самую ту-жъ минуту столкнуты были съ лѣстницъ и все висѣльники, такъ что мы, оглянувшись, увидѣли ихъ всехъ висящими и лѣстницы отняты прочь. Превеликой гулъ отъ аханья и многого восклицанія раздавался тогда по всему несчетному множеству народа, смотрѣвшаго на сіе рѣдкое и необыкновенное зрѣлище.

Симъ образомъ совершилась сія казнь и кончилось сіе кровавое и странное позорище. Надлежало потомъ все части трупа сего изверга развозить по разнымъ частямъ города и тамъ сожигать ихъ на мѣстахъ назначенныхъ, а потомъ прахъ разсѣвать по воздуху. Но мы сего уже не видали, но какъ народъ началъ тогда тотчасъ расходиться, то пошли и мы отыскивать свои сани и возвратились на нихъ къ заставѣ, гдѣ отобѣдавъ у своего знакома и простившись съ нимъ, пу-

тился я въ свой путь въ Кіасовку съ головою, преполненной мыслями и воображеніями видѣннаго, рѣдкаго и необыкновеннаго у насъ зрѣлища и весьма поразительнаго, и на другой день къ обѣду возвратился къ своимъ домашнимъ.

Сихъ нашелъ я давно уже меня къ себѣ ожидавшихъ и всехъ здоровыми и благополучными; но скорѣ за симъ назначено было и намъ самимъ вытерпѣть передрыгу и противъ всякаго чаянія и ожиданія подвергнуться незапному страху и опасенію. Случай сей былъ совѣтъ особенной и слѣдующаго рода.

По возвращеніи моемъ изъ Москвы и первымъ долгомъ почелъ созвать къ себѣ всехъ старостъ и начальниковъ деревенскихъ, и объявить имъ все послѣднія повелѣнія, данныя мнѣ отъ князя, а главнѣйше о платежѣ ими впредь такого же почти оброка, какой платили они до того времени. Все они выслушали слова мои, какъ казалось, довольно съ спокойнымъ духомъ и разсѣхались по своимъ мѣстамъ. Но не успѣло нѣсколько дней послѣ того пройти, какъ вдругъ является передъ крыльцомъ моимъ превеликая толпа народа. Удивился я, о семъ услышавъ, и тотчасъ велѣлъ спросить, что за народъ и за чѣмъ въ такомъ множествѣ? Сказываютъ мнѣ, что Спасскіе-де крестьяне, и хотятъ сами васъ видѣть.—«Хорошо, сказалъ я,—скажите имъ что я тотчасъ къ нимъ выду», а самъ удивился тому еще больше. Но скоро удивленіе мое превратилось въ превеликое смущеніе и безпокойство духа, когда посланной къ нимъ съ помянутымъ вопрошаніемъ, и весьма мнѣ преданной солдатъ, вмѣсто того, чтобъ идти къ нимъ, остановился и мнѣ сказалъ: «Что-де, судырь, толпа ихъ превеликая и кажется сволочью сущихъ негодяевъ. Что-то все рычатъ и мурчатъ, и предводителемъ у нихъ не староста и не бурмистръ, а какой-то Романъ, которой, какъ говорятъ, наивеличайшій сутяга и самой сварливѣйшій и негоднѣйшій человекъ во всей волости, и что-то они мнѣ подозрительны, и нѣтъ ли у нихъ какой блажи и чего-нибудь

непутнаго на умѣ». Поразился я смущеніемъ, услышавъ такую неожиданность, и самъ себѣ сказалъ: «Господи! чтѣмъ такое это было, и чтѣмъ такое они хотятъ?» Сердце во мнѣ какъ голубь затрепетало; однако я, не давая солдату смѣненія своего примѣтити, ему сказалъ: «Вздоръ, братецъ, мнѣ кажется... Однако поди ты со мною, да скажи вотъ въ канцеляріи и товарищамъ своимъ, чтобъ они на всякой случай были готовы». — «Хорошо», сказалъ онъ, и пошелъ имъ сказывать, а я, вышедъ въ лакейскую, сталъ смотрѣть въ окно, простирающееся надворъ, ожидая возвращенія солдата. И смутился еще болѣе, увидѣвъ въ самомъ дѣлѣ человѣкъ почти до ста мужиковъ, стоящихъ передъ крыльцомъ моимъ, а предъ ними помянутаго Романа, расхаживающаго какъ пѣтуха индѣйскаго и хорохорющагося по примѣру онаго. Сіе привело меня самого въ изумленіе; однако какъ нечего было дѣлать, то дождавшись приближеннаго ко мнѣ назадъ солдата, вышелъ я на крыльцо или паче на нѣкоторой родъ открытой и аршина на два отъ земли возвышенной широкой галерейки, простиравшейся отъ одного флигеля до другого. Тутъ, ставъ противъ самаго сдѣланнаго для схода съ ней неширокаго крыльца, спросилъ я мужиковъ, чего они хотятъ? «Къ тебѣ-ста пришли», закричалъ съ грубостью предводитель ихъ, а за нимъ закричала и вся его сволочь. Таковой грубой и неучливой отвѣтъ смутилъ меня еще болѣе; однако я имѣлъ еще столько духа, что преодолѣвъ закипающее во мнѣ сердце, и засмѣявшись имъ, сказалъ: «Это я и безъ того вижу; но зачѣмъ такимъ?» — «А вотъ-ста зачѣмъ, закричали они въ нѣсколько голосовъ, а Романъ всѣхъ громче и грубѣе: велишь-ста ты платить намъ оброка по шести рублей съ тягла?» — «Ну, чтожъ такое?» спросилъ я. — «Но съ чего-жъ-ста ты это взялъ?» — «Какъ съ чего? князь такъ приказалъ». — «Да-ста, какъ бы не князь! Да для чего другіе государевы крестьяне платятъ меньше, да и въ Богородицкой волости платятъ только по четыре рубля съ тягла, а мы что

за грѣшныя, что съ насъ больше?» — «Этого я не знаю, сказалъ я, а воля на то князя, да и самой государыни». — «Какъ-бы не такъ, завопѣлъ Романъ: — ты-ста думаешь, что мы тому и повѣримъ. Государыня-ста не знаетъ о томъ и не вѣдаетъ, а это все твои довести, и ты самъ хочешь деньгами нашими набить себѣ карманы». Грубыя и дерзкія сіи слова вывели меня тогда изъ терпѣнія. «Ахъ ты, бездѣльникъ! закричалъ я на него: какъ ты смѣешь со мною такъ говорить?» — «Мы-ста не бездѣльники», закричали они всѣ во множество голосовъ, а Романъ, подскочивъ къ крыльцу, еще болѣе закричалъ: «И чтожъ ты за бояринъ, чтобъ не смѣть съ тобою говорить; ну, такъ знай же, что мы твоего приказа не слушаемъ, словамъ твоимъ не вѣримъ, и такого оброка платить не хотимъ и никакъ не станемъ». Кровь во мнѣ вспламенилась при услышаніи сего; однако я имѣлъ еще столько терпѣнія, что имъ сказалъ: «Что это, что это вы, дурачье, затѣяли, бунтовать что ли вы хотите? за это передерутъ васъ всѣхъ кнутъями! Да для чего малинскіе, кіасовскіе и покровскіе ни слова не говорятъ и повинуются приказанію княжому?» — «Вольно-ста имъ, закричали они: но мы того не хотимъ!» а Романъ, какъ ершъ растарачивъ глаза и опять подбѣжавъ къ крыльцу и прямо мнѣ въ глаза закричалъ: «Ну, не хотимъ-ста, не хотимъ; это все твои плутни, не слушаемъ!» — «Ахъ ты, сукинъ сынъ!» закричалъ я, не могши уже никакъ утерпѣть болѣе: «Хочешь-ли, я тебя....» но я не успѣлъ еще сего слова домолвить, какъ онъ вскочилъ на первыя ступеньки крыльца и во все горло завопѣлъ: «Я-ста не сукинъ сынъ, а развѣ ты такой, а себя я тебѣ докажу! Бить-ста, што-ли меня хочешь, такъ тебѣ неудастся, и кому еще Богъ поможетъ». Сказавъ сіе, побѣжалъ ко мнѣ вверхъ по ступенькамъ и протянулъ уже руку, чтобъ схватить меня за воротъ и тащить съ крыльца.

Признаюсь, что минута сія была для меня весьма критическая и было не натурально, чтобъ не могъ я (не) испугать-

ся. Чтожъ касается до моихъ домашнихъ, сбѣжавшихся между тѣмъ къ окну спальни и смотрѣвшихъ въ оное на все сіе происшествіе, то сіи завопѣли и закричали отъ страха и испуга. Но тутъ гдѣ ни возьмись помянутой усердной ко мнѣ солдатъ, и вывернувшись изъ-за меня, такъ сего бездѣльника толкнулъ, что онъ полетѣлъ стремглавъ съ крыльца на землю, а въ самую ту минуту подскочили и прочіе стоявшіе уже за мною солдаты, которыхъ я и не видалъ, и отвелъ меня къ сторонѣ, говоря: «Посторонитесь, судырь», выхватили свои шпажки, и загородивъ собою весь входъ на крыльцо, къ шумѣвшему народу закричали: «Цыц! бездѣльники, не шевелись никто съ мѣста, всѣхъ перерубимъ, если кто отважится подойти сюда ближе хоть на пядень; чѣдъ это, и свое ли вы затѣяли!»

Неожиданное явленіе сіе такъ всѣхъ испугало, что они, всѣ оцѣпенѣвъ, почти въ одинъ мигъ замолчали и никто въ самомъ дѣлѣ не смѣлъ поворошиться, а я, ободрившись тѣмъ, къ стоящему внизу прикащику брату и другимъ нѣсколькимъ дворовымъ, закричалъ: «Схватите этого бездѣльника и держите крѣпко». Тѣ тотчасъ и бросились на поднимающагося отъ земли и окруживъ его, дѣйствительно схватили такъ, что онъ не могъ и шевельнуться, а я, обратясь къ утихшей и въ безмолвіи стоявшей толпѣ, съ спокойнѣйшимъ уже духомъ сказалъ: «Ахъ, дурачье, дурачье! что это вы затѣяли, и не съума ли вы сошли, что дали сему бездѣльнику себя соблазнить и возмутить! Какъ можно мнѣ самому отъ себя это взять? Да коротко, естли въ томъ только дѣло, что вы мнѣ не вѣрите, то за чѣмъ дѣло стало! Выберите между собою двухъ или трехъ человекъ, кому вы повѣрить можете, я сейчасъ отправлю ихъ въ Москву къ князю, пускай спросятъ они сами у князя и услышутъ, отъ себя ли я это взялъ, или такъ сама государыня приказала».

— «Хорошо-ста, хорошо! сказали они въ нѣсколько голосовъ: это дѣло, мы-ста тотчасъ выберемъ». — «Всего лучше! под-

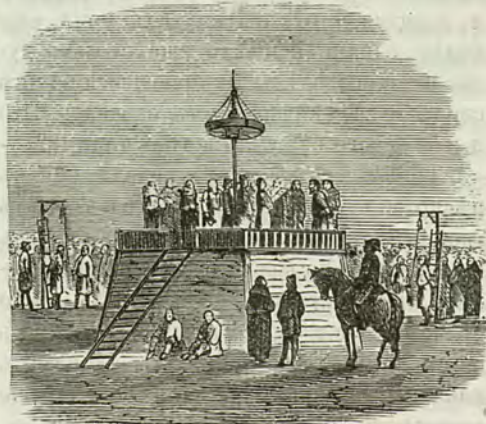
хватилъ я: выбирайте-ка, выбирайте, и пускай они и спросятъ о томъ князя, а если хотятъ, такъ именемъ вашимъ и просятъ о убавкѣ оброка и чего имъ хочется».

Всѣ они тотчасъ зашумѣли и начали между собою выбирать двухъ депутатовъ, а я, обратясь къ прикащику и солдатамъ, сказалъ: «А вы, между тѣмъ, отведите сего молодца въ земскую избу и до тѣхъ поръ покараульте, покуда возвратятся посылаемые въ Москву. Я съ нимъ ничего не сдѣлаю, и не хочу марать и рукъ своихъ». Солдаты мои тотчасъ его подхватили, и чтобъ онъ не кричалъ, заткнули ему ротъ платкомъ и повели за ворота, и тамъ, безъ моего приказанія, взяли на его ноги претолстыя колодки.

А я между тѣмъ, поговоривъ уже дружелюбнѣе съ толпою сихъ негодяевъ и приведя ихъ въ разсудокъ, пошелъ писать къ князю репортъ, съ изображеніемъ живѣйшими красками всего сего происшествія, и какъ между тѣмъ выбраны были ими и депутаты, то и отправилъ ихъ съ солдатами и съ моимъ репортомъ въ Москву къ моему командиру, а мужикамъ велѣлъ ѣхать домой; чѣдъ они, не дѣлая болѣе никакого шума, и учинили.

Симъ кончилось тогда сіе происшествіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончу я и сіе мое письмо, сказавъ, что я есмь и прочее.

(Генваря 6-го дня 1809 года).

Примѣчаніе. Рисунокъ этотъ сдѣланъ Болотовымъ карандашемъ и сильно постерся. М. С.

Письмо 179-е.

Любезный пріятель! Легко можете себѣ вообразить, что описанное въ предсѣдовавшемъ письмѣ происшествіе произвело во мнѣ и въ домашнихъ моихъ весьма глубокое впечатлѣніе. Всѣ мы никакъ не ожидали такого явленія, и потому было оно для насъ тѣмъ чувствительнѣе, и мы, увидѣвъ такой безпокойной народъ, начинали даже опасаться, чтобъ и впредь не произошло тому подобнаго или чего-нибудь еще худшаго. Однако, по благости Господней, было сіе первымъ и послѣднимъ досаднымъ и непріятнымъ для насъ происшествіемъ. Благоразумныя мѣры, принятія княземъ и мною, прекратили всѣ такіе вздоры и возстановили навсегда ненарушимое спокойствіе между крестьянами, а вкупѣ довели ихъ и до повиновенія совершеннаго.

Совсѣмъ тѣмъ не сомнѣваюсь я, что вы любопытны теперь знать, что произошло далѣе по вышеописанному дѣлу, и какое послѣдствіе произвело отправленіе депутатовъ къ князю съ моимъ репортомъ? О семъ коротко скажу, что произошло то, чего я ожидалъ и чего ожидать было можно. Князь, прочитавши репортъ, и досадовалъ на дерзость мужиковъ, и смѣялся крайнему ихъ неразумію и глупости, и сколько ни былъ тихъ и кротокъ, но непременно далъ на представленныхъ къ нему депутатовъ превеликой окрикъ, и увѣривъ сихъ дураковъ, что оброкъ наложенъ не инако какъ съ воли государыни, какъ онъ и дѣйствительно о томъ докладывалъ императрицѣ и получилъ именное на то повелѣніе, сказалъ потомъ имъ, что всѣ они за дерзость свою и неповиновеніе достойны величайшаго наказанія и заслужили то, чтобъ всѣхъ ихъ передрать кнутомъ, или по крайней мѣрѣ, дѣтей всѣхъ бывшихъ съ Романомъ въ заговорѣ отдать въ зачетъ въ рекруты; что онъ непременно и учинить, еслии впредь кто-нибудь отважится тому подобное сдѣлать. Но на сей разъ изъ единого человѣколюбія ихъ ми-

дуетъ и наказываетъ единымъ только приказаніемъ заставить ихъ безъ очереди двѣ недѣли отправлять казенныя работы. «Что-жъ касается до возмутителя вашего, бездѣльника Романа, то,—обратясь къ стоявшему подлѣ его секретарю, сказалъ: напишите къ управителю ордеръ, и прописавъ все теперь мною говоренное, присовокупите, чтобъ бездѣльника Романа, въ наказаніе за его дерзновеніе и въ страхъ другимъ, при собраніи всѣхъ старостъ и вытнхъ начальниковъ и лучшихъ въ волости людей, наказалъ плетми нещадно, съ подтвержденіемъ, что еслии онъ и за симъ отважится впредь предпріять что-либо тому подобное, то безъ всякаго помилованія отданъ будетъ въ городъ для сужденія и учиненія съ нимъ, какъ съ мятежникомъ и возмутителемъ, по всей строгости законовъ, и чтобъ управитель сей мой ордеръ для вѣдома прочелъ всѣмъ волостнымъ начальникамъ и лучшимъ людямъ».

Секретарь тотчасъ и намахалъ такой ордеръ, какого лучше желать мнѣ было не можно. Князь, подписавъ оной, велѣлъ его при себѣ господамъ депутатамъ, валиющимся у его ногъ, прочесть и потомъ имъ еще въ подтверженіе сказалъ: «Вотъ, слышите, скажите всѣмъ вашимъ товарищамъ, что я на первой случай васъ милую; а еслии вы не перестанете дурить, тогда не просите уже отъ меня никакой милости, и вы тѣмъ доведете, что оброкъ вашъ увеличится еще болѣе, а сверхъ того дураковъ всѣхъ пересѣкутъ за дерзость и ослушаніе. Ну, ступайте-жъ и скажите о томъ всѣмъ и всѣмъ!»

Итакъ, по пословицѣ говоря, не солоно хлѣбавъ и принуждены были господа сіи ѣхать назадъ и обжогшись на молокѣ, съ того времени стали дуть и на воду, ибо сіе такъ на нихъ подѣйствовало, что изъ всѣхъ ихъ и изъ прочихъ крестьянъ не посмѣлъ никто и кукнуть. Что-жъ касается до самого виновника всему злу, бездѣльника Романа, то при собраніи всѣхъ старостъ и лучшихъ людей и по прочтеніи при нихъ ему всего княжова ордера, неприминулъ я велѣть высѣчь его плетъ-

ми; однако далеко не такъ много, сколько онъ заслуживалъ, а весьма еще умѣренно, ибо боялся съ такимъ негоднымъ человѣкомъ связываться, а доволенъ былъ тѣмъ, что его при семъ случаѣ всѣ старосты и лучшіе люди бранили и тазали, говоря, что ему за его дѣла досталось еще мало.

Но сего негодяя не въ состояніи было и все сіе нимало укротить и привести въ разумокъ. Онъ вытерпѣлъ все сѣченье не произнося не только ни малѣйшаго вопля, но ниже одного слова, и кипѣлъ злобою не столько уже на меня, сколько на самого князя. Почему, будучи тогда отпущенъ жить по прежнему въ свое селеніе, нимало не унылся, но не преставаъ явно продолжать свое злословіе, и неудовольствуясь тѣмъ, вздумалъ поступить еще далѣе. И какъ скорѣ послѣ того времени прибылъ изъ Петербурга въ Москву Дворъ, то услышавъ, что государыня находится въ Москвѣ, затѣялъ-было итти просить самое ее и подать ей на князя и на меня челобитную, наполненную бездѣльническими и явными клеветами. Вотъ каковъ былъ сей прямо негодной человѣкъ!

Но какъ по отпускѣ его въ деревню непреминулъ я всѣмъ лучшимъ и добрымъ людямъ въ тамошнемъ селеніи втайнѣ отъ него накрѣпко подтвердить, чтобъ всѣ они за нимъ и за всѣмъ поведеніемъ его присматривали и тотчасъ бы мнѣ донесли, какъ скоро что-нибудь дурное запримѣтятъ и сдѣлали-бъ сіе для собственной пользы, дабы сей скверной и негодной человѣкъ не могъ самихъ ихъ вовлечь въ какую-либо бѣду и наказаніе; то не успѣлъ онъ поминутое новое злодѣйство замышлить и по неосторожности кому-то проболтаться, какъ тотчасъ мнѣ о томъ и донесено было.

Сіе натурально опять меня встревожило и озаботило очень. Я сожалѣлъ уже о томъ, что наказалъ его мало и не пронялъ хорошенько, но какъ того возвратить было не можно, то велѣлъ только усугубить за нимъ присмотръ; и какъ чрезъ нѣсколько дней мнѣ донесено было, что

онъ, ѣздивши нѣсколько дней сряду къ какому-то знакомому ему дьячку, такому-жъ бездѣльнику, каковъ былъ самъ, для составленія и писанія челобитной, наконецъ дѣйствительно въ Москву, не сказавшись никому, съ сыномъ своимъ уѣхалъ, и сей уже одинъ и безъ него домой возвратился, то за нужное я почелъ предупредить о томъ князя, и тотчасъ отправилъ съ письмомъ своимъ къ нему самого того приверженнаго ко мнѣ и его довольно запримѣтившаго исправнаго и усерднаго солдата, дабы могъ онъ употребленъ быть въ Москвѣ для отысканія онаго. А все сіе и произвело возжелѣнное дѣйствіе. Князь, получивъ о томъ мое увѣдомленіе, тотчасъ препоручилъ ему всячески сего бездѣльника отыскивать, и какъ скоро гдѣ его запримѣтитъ, тотчасъ бы его при помощи полицейскихъ, которымъ также дано было отъ князя о томъ знать, его схватить и къ нему представить; что все было удачно и исполнено. Создать почти не отходилъ отъ дворца, и не успѣлъ Романъ только показаться, какъ они раба Божія тотчасъ и спеленяли и вмѣстѣ съ написанною самою глупѣйшею челобитною, найденною у него за пазухою, представили къ князю. И какъ бумага сія оказалась наполненная ядомъ и явными клеветами на самого князя, то сей другого не нашель, какъ для исторженія такого негодяя изъ среды добрыхъ людей, прислать его ко мнѣ скованнаго по рукамъ и по ногамъ и предписать мнѣ ордеромъ отослать его, какъ мятежника и возмутителя, въ Коломну и именемъ его требовать, чтобъ онъ сосланъ былъ немедленно въ Сибирь на поселеніе безъ всякаго зачета въ рекруты; что мною тотчасъ и учинено было. Итакъ, чрезъ сіе освободились мы отъ сего негодяя, и онъ, просидѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, наконецъ и поплылъ жить въ отдаленной край Азіи, а чрезъ то успокоилась и вся волость. Вотъ какое окончаніе получило все сіе досадное дѣло, и я, окончивъ сію непріятную матерію, обращусь теперь къ другимъ предметамъ.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило

продолжалъ я все зимнее время заниматься своими обыкновенными литературными упражненіями и другими дѣлами, и 22-го генваря имѣлъ удовольствіе получить опять изъ Экономическаго Общества претолстой пакетъ съ книгою и съ письмомъ отъ г. Нартова. Письмо сіе доставило мнѣ сколько съ одной стороны удовольствія, столько съ другой — досаду, ибо изъ онаго усмотрѣлъ я, что отправлена была ко мнѣ, при такомъ же письмѣ отъ Нартова, XXIII-я часть «Трудовъ Общества», но которая, по всему видимому, какимъ-нибудь образомъ пропала, ибо я оной не получалъ. А въ сей разъ прислалъ онъ ко мнѣ уже XXIV-ю часть, въ которой имѣлъ я удовольствіе видѣть напечатанное первое отдѣленіе сочиненія моего «О хмѣлеводствѣ» и съ выгравированнымъ по рисунку моему чертежемъ. Что-жъ касается до письма Нартова, то сіе дошло уже ко мнѣ очень скоро, и меньше нежели въ двѣ недѣли, и можетъ быть потому, что Нартовъ по письму моему уже зналъ объ опредѣленіи меня въ Кіясовку, и пакетъ сей пересланъ былъ ко мнѣ уже чрезъ князя. Впрочемъ, благодаря меня именемъ Общества за мое сочиненіе «О хмѣлеводствѣ», просилъ о продолженіи съ нимъ koliko можно частѣйшей переписки и о присланіи и впредь моихъ сочиненій.

Помянутое неполученіе XXIII-й части, сколько съ одной стороны подтвердило невѣрность тогдашнихъ почтъ, столько досадно было потому, что я въ оной надѣялся увидѣть всѣ прежнія мои сочиненія напечатанными. Набралось ихъ цѣлыхъ четыре, о участіи которыхъ былъ я неизвѣстенъ, и были они слѣдующія: 1) «О пѣкоторыхъ употребляемыхъ въ деревняхъ лекарьствахъ»; 2) «О скотскомъ навозѣ»; 3) «О моей рабочей телѣжкѣ»; 4) «О истребленіи костеря изъ пшеницы». И какъ мнѣ хотѣлось знать, напечатаны-ль они всѣ, или которое осталось не апробованнымъ, то отписавъ къ Нартову о неполученіи той книги, другого средства уже не находилъ, какъ стараться отыскать ее въ Москвѣ купить, и прежде

не имѣлъ покоя, пока мнѣ купить ее не достали, и тогда, къ удовольствію моему, увидѣлъ я, что въ ней дѣйствительно находились всѣ оныя сочиненія мои напечатанныя и ни одно изъ нихъ не осталось безъ одобренія; а сіе побудило меня и впредь что-нибудь сочинять и посылать къ нимъ свои сочиненія.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того, имѣлъ я удовольствіе получить еще одинъ пакетъ, съ небольшою книжкою сочиненія сенатора нашего, Степана Федоровича Ушакова, при особомъ и весьма ласковомъ письмѣ отъ самого его. Въ ономъ, расхваливая всѣ мои сочиненія и изображая, какое удовольствіе онъ въ нихъ находить, хвалилъ въ особливости сочиненіе мое «О хмѣлеводствѣ» и всѣ мои затѣи съ онымъ, и просилъ о доставленіи къ нему достальныхъ моихъ замѣчаній объ ономъ, естли не расположенъ я доставить ихъ въ Общество. Но какъ я оныя замѣренъ былъ послать въ Общество, то и спѣшилъ отправленіемъ оныхъ въ Петербургъ, съ новыми всѣмъ моимъ затѣямъ рисунками, но напечатанія оныхъ принужденъ былъ также дожидаться долго.

Между симъ разнесшійся слухъ о приѣздѣ императрицы въ Москву и о будущихъ въ приближающуюся масляницу разныхъ увеселеній и при дворѣ публичныхъ маскарадахъ, побуждалъ многихъ ѣхать къ сему времени въ столицу; въ числѣ сихъ находилась и моя жена. Ей, какъ небывавшей никогда въ такихъ публичныхъ собраніяхъ, хотѣлось весьма оныя видѣть, къ тому-жъ имѣла она и нужду быть въ Москвѣ для исправленія пѣкоторыхъ покупокъ. Сверхъ того побуждало ее много къ тому и то, что всѣ наши тамошнія сосѣдки собирались ѣхать туда и ее къ тому-жъ подговаривали; а хотѣли туда-жъ приѣхать и племянницы мои, Травинны, изъ Кашина, то все сіе и побудило меня испросить у князя дозволенія приѣхать въ Москву; и какъ мнѣ то было дозволено, то мы, оставя маленькихъ своихъ дѣтей съ ихъ бабушкою въ Кіясовкѣ, сами въ Москву и отправились.

Тамъ, съѣхавшись и ставъ на одной квартирѣ съ моими племянницами, прожили мы всю масляницу, и всю ее провели отменно пріятно въ непрерывныхъ разъѣздахъ и свиданіяхъ съ нашими знакомыми и родными. Между тѣмъ не одинъ разъ бывали и въ театрѣ, бывшемъ тогда еще на Знаменкѣ, а наконецъ удалось женѣ моей въ сей разъ быть и въ большомъ придворномъ маскарадѣ, бывшемъ во дворцѣ, и видѣть въ первой еще разъ сего рода увеселеніе. Она ѣздила туда съ моими племянницами и нѣкоторыми другими изъ нашихъ знакомыхъ, но я остался дома за случившимся въ самой тотъ день небольшимъ болѣзненнымъ припадкомъ.

Впрочемъ, легко можно заключить, что въ сію мою бытность въ Москвѣ, видѣлся я и съ княземъ. Я ѣзжалъ къ нему почти каждой день, и обыкновенно по утрамъ, дабы тѣмъ болѣе имѣть свободнаго времени послѣ полудня. Князь, по обыкновенію своему, принималъ меня всякой разъ съ отменнымъ благопріятствомъ, и не могъ никогда со мною довольно наговориться. Не успѣлъ онъ меня увидѣть, какъ и началъ шутить и смѣяться претерпѣнной мною отъ мужиковъ передраги, и говорилъ, что вѣрно были мы тѣмъ перепуганы. «Не безъ того-та, сказалъ я: но спасибо, что удалось скоро погасить сію искру мятеха глухихъ крестьянъ и все опять успокоить». Онъ хвалилъ всѣ мои при семъ случаѣ поступки, а особливо доволенъ былъ, (что) предва-рилъ я его о злонамѣреніи бездѣльника Романа.

Засимъ говорили мы съ нимъ о разныхъ новыхъ распоряженіяхъ въ волости и о заведеніи тамъ хлѣбнаго магазина по примѣру Богородицкаго, а особливо о будущемъ построеніи гошпиталя для больныхъ, которой лежалъ у князя весьма на сердцѣ. Далѣе сказывалъ онъ мнѣ, что онъ имѣлъ счастье уже не одинъ разъ говорить съ государынею и донести ей о всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся до волости, и обо всѣхъ сдѣланныхъ имъ въ ней распоряженіяхъ, что государыня на

все то изъявила свое благоволеніе и все одобрила и его благодарила. Далѣе сказывалъ онъ мнѣ, что дѣйствительно есть на то ея воля, чтобъ и въ Кіасовкѣ построить хотя небольшой, но порядочной домъ; что сама на планѣ моею назначила подъ него мѣсто и приказала архитектору сдѣлать, по собственнымъ своимъ мыслямъ, къ тому планъ, а ему помышлять о приуготовленіи всѣхъ нужныхъ къ тому матеріаловъ; что надобно намъ послѣ-шить разламываніемъ стараго дома и въ прибавокъ къ кирничу сему на весну дѣлать новой, и приготавливать къ тому кирничные сараи; а весьма бы хотѣлось ему поискать, нѣтъ ли у насъ тамъ способной глины для дѣланія черепицы, дабы можно было намъ и оной наготовить на кровли всего будущаго зданія. Также поискать, нѣтъ ли гдѣ въ дачахъ волостныхъ бѣлаго камня, ибо и оной, равно какъ и бутовой и годной для жженія извести, надобно будетъ заготовлять, а пуще всего, что нужно мнѣ какъ можно послѣшить постройкою гошпиталя, и такъ далѣе.

Обо всемъ томъ нѣсколько разъ повторяли мы съ княземъ разговоры, и какъ я ему былъ во всемъ, такъ сказать, правою рукою и помогалъ ему все придумывать и совѣтами своими облегчать всѣ затрудненія; то становился онъ часъ отъ часу мною довольнѣе и ко мнѣ благопріятнѣйшимъ, что натурально и мнѣ было весьма пріятно.

Наконецъ кончилась масляница со всѣми увеселеніями ея и начался великой постъ. Тогда не стали мы долѣе медлить въ Москвѣ, но распрощавшись со всѣми, поѣхали обратно въ Кіасовку. Князь при отпускѣ меня повторилъ еще разъ всѣ свои приказанія и обѣщалъ самъ на весну побывать у меня, и при случаѣ ѣзды своей въ Богородицкѣ ко мнѣ заѣхать.

Въ Кіасовкѣ нашли мы всѣхъ своихъ здоровыми, и какъ въ сіе время начинала уже приближаться весна, то тотчасъ по возвращеніи своемъ и началъ я спѣшить пріискиваніемъ и наймомъ плотни-

ковъ для снятія съ стараго дома верхняго деревяннаго этажа и построенія изъ онаго гошпиталѣ; и какъ скоро ихъ приискалъ и нанялъ, какъ привился за сіе дѣло. Итакъ, древнее обиталище г-на Наумова, а потомъ и мое собственное и начало разрушаться, и воздвигаться изъ него новое и никогда тамъ небывалое обиталище для лекаря и больныхъ. И какъ должно было тѣмъ всячески спѣшить и все нужное къ тому готовить и дѣлать ежедневно разныя распоряженія, то имѣлъ во весь великой постъ доброй кусокъ работы и хлопотъ полонъ ротъ.

Между тѣмъ, занимаясь по утрамъ и вечерамъ прежними своими занятіями, продолжалъ я дѣлать испытанія свои надъ всѣми приготавливаемыми мною изъ собранныхъ и знакомыхъ уже мнѣ травъ лекарствами. Получаемый при томъ успѣхъ превзошелъ все мое чаяніе и ожиданіе и былъ таковъ, что я самъ не могъ тому довольно удивиться. Неуспѣло нѣсколькимъ человѣкамъ, которымъ случалось мнѣ давать оныя отъ разныхъ болѣзней, полегчѣть, и они отъ болѣзней своихъ получить скорое и удивительное облегченіе, какъ въ короткое время разнеслась о томъ по всѣмъ окрестностямъ громкая молва, и ко мнѣ со всѣхъ сторонъ стали приходить и бабы, и мужики просить помощи отъ разныхъ болѣзней. Я съ превеликою охотою удовлетворялъ ихъ просьбы, по мѣрѣ силъ, знанія и возможности моей, и какъ со всѣхъ ихъ не требовано было ни малѣйшей ни за лекарства, ни за труды, ни за посуду, въ коей они раздавались, заплата, то сіе еще болѣе весь чорной народъ въ окрестностяхъ къ тому побуждало. А сіе и имѣло то послѣдствіе, что количество приходящихъ больныхъ съ каждымъ днемъ увеличивалось болѣе и скоро дошло до того, что не протекало ни одного дня, въ которой бы не приходило или не приѣзжало ко мнѣ по нѣскольку человѣкъ съ просьбами и больными, и нерѣдко случалось, что скопилось ихъ вдругъ человѣкъ до десяти и болѣе и въ одно время, изъ которыхъ

одни приходили вновь, а иные въ другой или въ третій разъ съ повтореніемъ препокорнѣйшихъ просьбъ о снабденіи ихъ тѣми же лекарствами, какія они до того уже получали отъ меня, сказывая, что они имъ очень много, а иногда даже удивительно помогали.

Теперь разсудите, какимъ пріятнымъ удовольствіемъ наполнялась вся любопытная душа моя при слышаніи такихъ извѣщеній о изыщномъ дѣйствіи моихъ лекарствъ, и нерѣдко совѣмъ неожиданныхъ и вожделѣннѣйшихъ успѣховъ моихъ опытовъ, и какъ много награжденъ я былъ тѣмъ за немногіе труды тѣ, которые при томъ мною употребляемы были. Я не только не почиталъ ихъ ни за что, но иногда истинно даже прыгалъ отъ радости и удовольствія, узнавъ чрезъ сіи опыты о новомъ и неизвѣстномъ мнѣ до того изыщномъ дѣйствіи какой-нибудь травы, или ея сѣмянъ или кореньевъ. Я всякой разъ спѣшилъ сообщать о томъ своимъ домашнимъ, бравшимъ во всѣхъ такихъ случаяхъ въ удовольствіи моемъ истинное соучастіе, и всѣ мы старались все то затверживать въ память, для употребленія того же въ пользу и впредь, когда случатся подобные тому случаи; а чтобъ иного не позабыть, то сверхъ того спѣшилъ я всякой разъ такіе успѣхи и удивительныя дѣйствія лекарствъ моихъ записывать.

Словомъ, успѣхи мои въ семь пунктовъ были такъ велики, и количество просителей умножилось такъ много, что скоро дошло до того, что при повторяемыхъ просьбахъ о снабденіи еще прежними лекарствами, не въ состояніи я былъ всегда и вспоминать, чтѣ именно кому я иногда давалъ, и принужденнымъ уже бывалъ самъ о томъ спрашивать больныхъ. Но поелику не многіе могли мнѣ порядочно о томъ сказывать, то скоро самая необходимость заставила меня вести уже порядочной и ежедневной журналъ не только всѣмъ приходящимъ ко мнѣ больнымъ, съ означеніемъ званія деревень и именъ просителей, но и самыхъ ихъ болѣзней

и лекарствъ, какія кому и когда мною были даваны.

Все сіе не только меня занимало, но и доставляло несмѣтное множество минутъ пріятныхъ въ жизни; а сверхъ того получалъ я отъ того и самъ существенную пользу, ибо спознакомливался чрезъ то съ каждымъ днемъ больше съ врачевными силами многихъ травъ и дѣлался тѣмъ отъ часу способнѣйшимъ помогать моимъ ближнимъ, въ послѣдствіи же времени услужить тѣмъ и всему моему отечеству, чрезъ обнародованіе всѣхъ учиненныхъ мною замѣчаній. А сверхъ того все сіе побуждало меня отъ часу больше спознакомливаться не только съ ботаникою, но и съ самою медицинскою наукою и снабжать себя такими книгами, изъ которыхъ могъ бы я почерпнуть нужныя и полезныя знанія, относящіяся до врачеванія разныхъ болѣзней. Наконецъ, чтобъ заставить васъ судить самимъ о томъ, помогали-ли мои лекарства или нѣтъ, скажу вамъ только то, что число записанныхъ въ помянутомъ журналѣ отпусковъ разнымъ людямъ лекарствъ, простиралось въ теченіе одногодичнаго времени до 2,315 разъ. Сего одного кажется мнѣ уже довольно къ тому, ибо изъ сего легко можете заключить, что естлибъ онѣ никому не помогали, то какая бы нужда была приходить ко мнѣ толь великому множеству людей отчасти съ новыми, отчасти повторяемыми просьбами. Словомъ, я скоро прослылъ весьма великимъ знатокомъ, хотя самъ, будучи увѣренъ о весьма еще и крайне недостаточномъ своемъ знаніи, душевно тому хохоталъ и смѣялся.

При такихъ ежедневныхъ леченіяхъ больныхъ случилась наконецъ надобность испытать мнѣ и надъ самимъ собою дѣйствіе травъ и лекарствъ своихъ. Отъ бездѣльнаго случая нажилъ и самъ я себѣ болѣзнь, и болѣзнь опасную, и случай сей былъ вотъ какой. Я упоминалъ уже вамъ о тогдашнемъ кіясовскомъ ученомъ священникѣ, отцѣ Никитѣ, всегдашнемъ моемъ философическомъ собесѣдникѣ. Сей впрочемъ весьма умной, любви и почте-

нія достойной мужъ, при всемъ своемъ разумѣ, не освобожденъ былъ отъ нѣкоторыхъ слабостей, къ коимъ сдѣлалъ онъ съ молодыхъ лѣтъ своихъ привычку. Къ числу сихъ слабостей принадлежало и то, что онъ былъ смертельно охотникъ до боевыхъ гусей, и находилъ невѣдомо какое удовольствіе въ смотрѣніи, какъ сіи дворяныя птицы между собою бьются, щиплются и дерутся. Смѣшная по истинѣ охота, но совѣмъ тѣмъ сводящая весьма многихъ людей съума и съ разума, а особливо изъ жителей города Коломны, гдѣ и онъ сею страстною охотою заразился. Мнѣ не случилось до того никогда видать сего зрѣлища, и какъ онъ мнѣ все уши прожужжалъ описываніемъ сей своей забавы, и нетерпѣливаго ожиданія своего того времени, когда ссорѣ сей гусаки наиболѣе бывають подвержены, то восхотѣлось мнѣ изъ единаго любопытства сію мнимую и имъ до небесъ хвалами превозносимую потѣху видѣть. И какъ всѣ страстные до чего-нибудь охотники обыкновенно великое удовольствіе находятъ въ сообщеніи радостей своихъ и другимъ, то неусиѣлъ онъ дожидаться помянутаго времени, какъ подхватя своихъ гусаковъ, принесъ онъ ихъ ко мнѣ на дворъ, и тутъ стравивъ ихъ предъ канцелярскимъ крыльцомъ, вбѣжалъ ко мнѣ въ кабинетъ, почти въ изступленіи, и мнѣ сказалъ: «Ну, вотъ, Андрей Тимоѣевичъ, пожалуйста-ка скорѣе на крыльцо и посмотрите, какъ гусаки-то, друзья мои, дерутся! И что за потѣха! истинно заглядѣться надобно; но пожалуйста поскорѣе!» Мнѣ случилось тогда сидѣть въ тепломъ и спокойномъ своемъ кабинетѣ и что-то писать, и я, услышавъ его столь усиленной зовъ, и выбѣжалъ на крыльцо въ томъ, въ чемъ сидѣлъ, нимало не подумавъ, что одѣтъ былъ очень легко и не взявъ никакой предосторожности. Случившаяся тогда ясная великопостная погода подманула меня тогда: я думалъ, что и на дворѣ такое же отъ солнца тепло, какъ тепло было въ моемъ кабинетѣ, но какъ сильно я въ томъ обманулся! Не успѣлъ я,

выскочивъ на крыльцо, минуты двѣ постоять, смотря на самое глупое и нimalo для меня не увеселительное зрѣлище и подивиться моему попу-философу, сбѣгшему, между тѣмъ, съ крыльца и въ изступленіи стравливающему отъ часу болѣе гусаковъ своихъ, какъ продолжавшаяся еще отъ утренняго сильнаго мороза стужа, и случившійся пронзительной и очень рѣзкой вѣтръ такъ меня въ моей легкой одеждѣ прохватилъ, что я тогда уже почувствовалъ въ себѣ необыкновенной, хотя небольшой ознобъ, и задрожавъ отъ него, хотѣлъ-было бѣжать назадъ; но поппъ удержалъ меня еще минуты съ двѣ всеусильнѣйшею просьбою удостоить еще съ минуту охоту его зрѣніемъ.—«Охъ, батюшка, сказалъ я часъ отъ часу дрожа болѣе: нечего смотрѣть, я истинно не нахожу и сотой доли такого удовольствія въ этомъ зрѣлищѣ, какъ ты, и не понимаю, какъ ты имъ такъ прельщаешься». Сказавъ сіе и постоявъ еще съ минуту, побѣжалъ я опростебью опять въ кабинетъ свой и тамъ насилу-насилу обогрѣлся. Тѣмъ тогда забава сія и кончилась.

Но не успѣлъ настать послѣдующій день, какъ вдругъ почувствовалъ я въ груди у себя, а особливо въ лѣвомъ боку такую боль, какой никогда еще до того времени не ощущалъ. Сперва-было я ее нimalo не уважилъ, но какъ она стала часъ отъ часу увеличиваться и совокупляться съ одышкою и самымъ почти захватываніемъ духа, то сіе меня уже и смутило и такъ озаботило и устратило, что я бросился въ имѣвшіяся у меня тогда и многія еще медицинскія книги, а особливо Семіотику, и сталъ по признакамъ добираться, какая бы то болѣзнь во мнѣ начиналась. Но какимъ изумленіемъ и страхомъ поразился я, когда по всѣмъ описаннымъ примѣтамъ за безсомнѣнное почти находилъ, что у меня началась Плёрезія, и что болѣзнь сія такая, которою шутить никакъ не можно, но что въ случаѣ запущенія можетъ она сдѣлаться самою опасною и лишитъ даже иногда самой жизни. Боже мой, какъ я

трухнулъ и испужался о семъ узнавши! Итакъ, не долго думая, давай, давай скорѣе искать въ другихъ книгахъ, чѣмъ ее лечить и чѣмъ себѣ помогать въ такихъ случаяхъ; и какъ находилъ, что надобно спѣшить кинуть скорѣе кровь, и повторять киданіе оной, покуда не будетъ болѣе бѣлаго на крови гноя, то сіе еще пуще меня встревожило, ибо крови я не пускавалъ еще отъ роду, да и не кому было пускать. — «Господи! говорилъ я, что-же мнѣ дѣлать и чѣмъ помогать? Поищу, не употребляются ли какія травы отъ того?» И не успѣлъ найти и то, и обрадуясь, что всѣ упоминаемыя у меня въ заготовленіи были, какъ ну-ка и ихъ пить, ну-ка ими лечиться, ну-ка скорѣе болѣзнь захватывать. Но какъ я тщательно о томъ ни старался, но совсѣмъ тѣмъ нѣсколько дней находился въ превеликой опасности, и насилу-насилу, при помощи Господней, кое-какъ болѣзнь сію поостановилъ, и отъ прилежнаго питья, къ великому обрадованію всѣхъ моихъ домашнихъ, получилъ себѣ облегченіе. Совсѣмъ тѣмъ во всю страстную недѣлю не смѣлъ я никакъ показаться на воздухъ и крайне былъ доволенъ тѣмъ, что къ самому дню Пасхи мнѣ такъ уже полегчѣло, что я отважился и могъ уже быть у заутрени и у обѣдни.

Симъ окончу я сіе мое писъмо, поелику оно достигло до обыкновенныхъ своихъ предѣловъ, и скажу, что я есмь вашъ и прочее *).

(Генваря 7-го дня 1809 года).

Писъмо 180-е.

Любезный пріятель! Лишь только настала святая недѣля, и я помянутымъ образомъ освободился отъ своей кратковременной, но опасной болѣзни, какъ сдѣлалась у насъ уже половодъ и стала вскрываться весна. Преужасное множество грачей, налетѣвшее изъ мѣстъ дальнихъ и поселившихся въ обширной и неподалеку отъ дома моего находившейся

*) Въ подлинникѣ карандашемъ сдѣлана вишетка: от. Никита стравливаетъ гусей. М. С.

березовой рошѣ, предвозвѣстила намъ оную. Но гости и пришельцы сіи скоро мнѣ карканьемъ своимъ такъ надоѣли, что я имъ и не радъ былъ, и какъ они мнѣ ни днемъ, ни ночью не давали покоя, то велѣлъ-было я ихъ уже и стрѣлять; но скоро увидѣлъ, что всѣ старанія мои о томъ были безуспѣшны, и что теряли мы только и порохъ и дробь попустому, и потому принужденъ былъ перестать и ихъ оставить съ покоемъ и дать волю имъ выводить своихъ дѣтей и посѣщать другъ друга, на деревьяхъ, слетаясь цѣлыми станицами, и власно какъ разговаривая между собою, сидючи вокругъ какого-нибудь гнѣзда на деревьяхъ.

Между тѣмъ производилось у меня начальное деревянное строеніе гошпитала, и съ такимъ успѣхомъ, что я надѣялся вскорѣ увидѣть его уже и готовымъ. Другіе, напротивъ того, люди трудились надъ разбираниемъ нижняго каменнаго этажа стараго дома и очищаніемъ получаемаго изъ него стараго кирпича и накладываніемъ оного въ стопы. И какъ оного при семъ разбираниіи очень много ломалось, то сей случай подаль намъ поводъ къ употребленію, для сохраненія въ цѣлости множайшихъ кирпичей, особливаго способа, а именно: продавливали внизу, у самыхъ подошвъ стѣнъ, небольшія и такія только скважины, сквозъ которыя можно-бъ было просунуть концы бревенъ, на нѣкоторое другъ отъ друга разстояніе, и по изготовленіи оныхъ, всовывали въ нихъ со внутренней стороны концы бревенъ, и подкативъ подъ нихъ чурки, схвативъ многими людьми за другой конецъ каждого бревна, начинали каждое бревно качать сверху внизъ дружно, отчего вся стѣна вдругъ, наконецъ нашатавшись, упала, и всею своею массою и плоскостью ударившись объ землю, сама собою и безъ дальнаго раздробленія и ломки кирпичей рассыпалась; чрезъ то не только берегалось несравненно болѣе кирпичей въ цѣлости, но и работа производилась скорѣе и съ лучшимъ успѣхомъ. Какъ средство сіе было мнѣ до того совѣмъ

неизвѣстно, то признаюсь, что не могъ имъ довольно налюбоваться, и всякой разъ съ особливымъ удовольствіемъ смотривалъ на-упадающія съ великимъ шумомъ и ударомъ стѣны.

При помощи сего удобнаго средства повалили мы и разобрали въ немногіе дни всѣ стѣны, и все великолѣпное старинной громады исчезло и не осталось и слѣда бывшаго тутъ дома. Но какъ дошло дѣло до разбиранія бута и самаго фундамента, то удивился я, найдя, что оной вмѣсто заливанія, то обыкновенію, известью, засыпывающъ былъ только простою землею, да и въ самыхъ стѣнахъ не нашли мы ни одной желѣзной связи, а вездѣ только были дубовыя: явное доказательство излишней уже бережливости или паче скупости прежняго строителя.

Какъ кирпича сего для назначаемаго впредъ строенія оказалось слишкомъ мало, и надлежало еще нѣсколько сотъ тысячъ прибавить новаго, то для дѣланія оного приисканы и наняты были въ Москвѣ самими княземъ уже кирпичники, и я всѣчески спѣшилъ приготовленіемъ для дѣланія оныхъ кирпичныхъ сараевъ, дабы не могло произойти остановки. И сіе доставило мнѣ много трудовъ и хлопотъ. А какъ приисканы были и черепичники и ими отыскана удобная къ тому глина, то построили мы и для нихъ особой сарайчикъ, и какъ скоро время удобное къ дѣланію ихъ и кирпичей наступило, то и началась у насъ сія работа, продолжавшаяся во все сіе лѣто.

Между тѣмъ не позабылъ я и садовъ тамошнихъ, и не успѣла вскрыться весна, какъ принялся я за нихъ и за возможнѣйшее поправленіе ихъ и приведеніе въ лучший порядокъ и состояніе, а вмѣстѣ съ ними потрудился и надъ образованіемъ вновь основаннаго подлѣ управительскаго дома садика. И какъ въ ономъ многого еще не было посажено, то имѣлъ и съ нимъ много хлопотъ и трудовъ, а не менѣе и надъ образованіемъ цвѣтниковъ своихъ предъ окнами дома, для усажденія которыхъ зимовыми цвѣта-

ми, за недостаткомъ оныхъ тутъ, велѣлъ привезти изъ своей деревни всѣ роды цвѣтовъ, какихъ тутъ до того не было. Сии цвѣтники удалось мнѣ смастерить довольно порядочными, и какъ я до цвѣтовъ былъ во всю жизнь мою охотникомъ, а тогда даже превеликимъ, то и напищалъ я ихъ множествомъ всякаго рода цвѣтовъ, и ими съ особливымъ удовольствіемъ занимался.

А дабы и на собственные свои сады взглянуть хотя вскользь, то по исправленіи тутъ первыхъ вешнихъ дѣлъ, урвался на самое короткое время и въ свою деревню и тамъ, что нужно было, распорядилъ, и сколько могъ успѣть все нужное сдѣлать.

По возвращеніи изъ дома принялся я опять за казенныя хлѣбонашенныя поля, и за посѣвъ двухъ полей яровыми хлѣбами; и какъ они не всѣ еще окопаны были рвами, то сѣвши я и сіе дѣло кончить; также заблаговременно помышлять о приумноженіи всякаго рода средствъ, способныхъ къ удобренію оныхъ.

Между тѣмъ не позабылъ я и о своемъ ботанизованіи, но съ самаго наступленія весны отыскивалъ вездѣ, въ садахъ, поляхъ, лѣсахъ, лугахъ и въ самыхъ усадьбахъ всѣ новыя и мнѣ еще незнакомыя травы, и при помощи своей ботанической книги съ ними познакомливался; и какъ я въ томъ съ особливымъ усердіемъ трудился и занимался тѣмъ во все теченіе лѣта, то могу сказать, что сей годъ былъ для меня прямо ботаническимъ, и я познакомился въ оной почти со всѣми въ нашихъ мѣстахъ самородно растущими лечебными травами. Всѣ тѣ же, которыя мнѣ были уже знакомы, съ самаго начала весны заготовлялъ уже гораздо въ множайшемъ количествѣ, дабы при продолжающемся ежедневномъ раздаваніи оныхъ и леченіи многихъ людей не было въ нихъ недостатка.

Въ сихъ разныхъ занятіяхъ и непрерывныхъ упражненіяхъ и не видалъ я, какъ прошли оба первые весенніе мѣсяцы и наступилъ пріятнѣйшій май мѣсяцъ. Но сколь мнѣ ни было недосужно,

но я находилъ время и къ ѣздѣ съ домашними своими къ тамошнимъ сосѣдямъ, изъ коихъ спознакомился и сдружился мы еще съ нѣкоторыми хорошими домами, какъ-то: съ помянутымъ барономъ Соловьевымъ, также съ живущимъ неподалеку отъ него господиномъ Волковымъ, Николаемъ Михайловичемъ, молодымъ, умнымъ и въ обращеніи любезнымъ человекомъ, имѣвшимъ также великую охоту до садовъ. Наконецъ, съ живущею въ той же сторонѣ генеральшею, Натальею Александровною Олицовою, дамою почтенною и любезною, которая не только при первомъ свиданіи насъ обласкала, но даже полюбила, и можно сказать, что домъ ея былъ изъ всего тамошняго сосѣдства наилучшимъ и почтенія достойнѣйшимъ, и по всему тому провели мы все время сіе довольно весело.

Между тѣмъ наступало время, въ которое князь обыкновенно всякой годъ ѣзжалъ въ Богородицкую волость. И какъ онъ положилъ неотмѣнно ко мнѣ заѣхать, и это было еще въ первой разъ, что я долженъ былъ его принимать и у себя угощать, то и дѣлалъ я всѣ нужныя къ тому приуготовленія. И какъ онъ меня о приѣздѣ своемъ съ назначеніемъ дня предувѣдомилъ, то и поскакалъ я въ Малино для принятія его, ибо ѣхалъ онъ не прямо изъ Москвы, а изъ своихъ деревень пробирался прямо на село Покровское и оттуда уже приѣхалъ въ Малино, гдѣ я его и встрѣтилъ, и оттуда препроводилъ его къ себѣ въ Кіясовку и прямо въ свой домъ, ибо индѣ пристать ему было негдѣ. Признаюсь, что какъ было сіе еще въ первой разъ, то была для меня, а того болѣе для моихъ домашнихъ превеликая коммиссія. Всѣ мы не знали, какъ бы его лучше успокоить и угостить. Съ нимъ была превеликая свита и обозъ, ибо, кромѣ самого его, находился съ нимъ одинъ изъ его сыновей, Федоръ, и внукъ Калычевъ, оба молодцы молодые, гордые и нелюдимые, и секретарь. Кромѣ великаго числа людей, находилось еще нѣсколько казаковъ для конвоированія.

Всѣхъ ихъ надобно было умѣстить, всѣхъ успокоить и всѣхъ угостить. Но спасибо, князь былъ такой человѣкъ, которой не былъ слишкомъ приморчивъ и въ такихъ случаяхъ взмекательнъ, да и не хотѣлъ, чтобы для него входилъ я въ какія-либо дальнія хлопоты и убытки.

Было уже передъ самымъ вечеромъ, какъ онъ приѣхалъ, но онъ успѣлъ осмотрѣть весь мой домъ и на дворѣ всѣ строения, и не могъ довольно налюбоваться всѣмъ моимъ расположеніемъ и надивиться, какъ я успѣлъ въ такое короткое время все то и такъ хорошо устроить; и осматривая симъ образомъ, все самъ назначалъ, гдѣ ему самому расположиться, гдѣ его дѣтямъ и секретарю и гдѣ людямъ. Для себя избралъ онъ нашу гостинную, и сказалъ, что для него сей комнаты будетъ довольно-предовольно. Для дѣтей его назначилъ-было я и хотѣлъ очистить свой кабинетъ, но онъ тотчасъ сказалъ: «И, это пустое! они могутъ и съ Шебашовымъ расположиться въ вашей банѣ, такая хорошая, а люди мои съ людьми вашими, а казаки у прикащика».

Кромѣ горячаго, которое тотчасъ по приѣздѣ его было подано, приготовленъ былъ у насъ уже ужинъ. Тутъ рекомендовалъ я ему своихъ хозяекъ, и онъ обошелся съ ними такъ просто, такъ ласково и такъ благопріятно, что онѣ очарованы были его обращеніемъ съ ними и его душевно полюбили. За ужиномъ посадилъ онъ ихъ подлѣ себя и не только самъ все съ удовольствіемъ ѣлъ, но подчивалъ еще самихъ ихъ кушаньями и всѣмъ прочимъ; словомъ, онъ насъ всѣхъ плѣнилъ милостивымъ и дружелюбнымъ своимъ обращеніемъ.

Наутріе пошли мы съ нимъ все и все осматривать, и я имѣлъ удовольствіе видѣть, что онъ всѣмъ и всѣмъ былъ чрезвычайно доволенъ. Гошпиталь былъ уже почти совсѣмъ готовъ, а тѣ комнаты, которыя назначены были для житья лекаря въ ономъ, были уже совсѣмъ отдѣланы.—«Вотъ это очень хорошо, сказалъ князь, ихъ увидѣвъ: что вы посигшили.

Я лекаря уже пріискалъ и принялъ, и онъ скоро къ вамъ приѣдетъ, и кажется человѣкъ очень доброй и хорошій и вы его полюбите». Потомъ ходили мы по садамъ и я ему показывалъ все и все, чтѣ я и для чего сдѣлалъ, и онъ одобрилъ все совершенно. Потомъ смотрѣли мы скотской дворъ; тутъ сказалъ онъ, что скоро приведутъ ко мнѣ аглинскихъ и голландскихъ коровъ, и что заведется тутъ добрая скотина. Оттуда прошли мы въ кирпичные и черепичные сараи, въ конхъ работа начала уже производиться, и осматривали оныя. И князь и тутъ изъяснилъ мнѣ свое удовольствіе.

Между тѣмъ приготавлиемо было все нужное къ рыбной ловлѣ, въ тамошнемъ большомъ прудѣ. У меня была уже, по его приказанію, куплена большая лодка и привезена изъ Коширы, а большой неводъ привезъ онъ съ собою изъ своей деревни, на первой случай, и какъ намъ сказали, что все было готово, то и прошли мы въ рошу и велѣли запустить неводъ. Какъ неводъ былъ превеликой и захватилъ большую часть пруда, то притащили къ намъ такое множество рыбы, что я удивился, а старикъ-князь почти прыгалъ отъ удовольствія, и признавался, что ему отъ роду не случалось еще видать вдругъ такое множество наипрекраснѣйшихъ рыбъ, ибо были по большей части все превеликіе и добрые судаки, большіе леги и разныя другія добрыя породы. Онъ велѣлъ накласть ими цѣлой ушатъ, и принеся съ собою въ хоромы и показывая ихъ моимъ хозяйкамъ, сказалъ: «Вотъ, сударыни, кушайте на здоровье, а прикажите и для меня приготовить, я превеликой охотникъ ѣсть рыбу».

Симъ и подобнымъ образомъ провели мы съ нимъ весь тотъ день въ безпрерывной почти ходьбѣ и въ пріятныхъ разговорахъ. Я не преминулъ послѣ обѣда сводить его на то мѣсто, которое назначалъ я для замышляемаго новаго большого пруда, и какъ князю оно полюбилось, то и просилъ онъ меня запрудить оной въ то же еще лѣто. Оттуда провелъ я его на пробныя свои пашенныя

поля, и рассказалъ ему весь планъ новаго распоряженія, и онъ любопытенъ былъ очень видѣть успѣхъ отъ того, въ которомъ онъ не сомнѣвался. Вечеру вздумали его дѣти съ моими воспитанниками кататься на лодкѣ по пруду, и мы, сидючи съ княземъ на просторномъ каменномъ крыльцѣ, сдѣланномъ изъ хворомъ въ мой цвѣтникъ, ими любовались. При семъ случаѣ не преминулъ меня спросить князь, какіе это мальчики живутъ со мною. Я сказалъ ему, что это дѣти нѣкоторыхъ родственниковъ и друзей моихъ и живутъ при мнѣ, чтобъ чему-нибудь отъ меня научиться, и что я учу ихъ всему, что самъ знаю. Князю сіе чрезвычайно понравилось и онъ расхвалилъ меня за сіе.

Послѣ сего сказалъ онъ мнѣ: «Вижу, Андрей Тимоѣевичъ, что вы конечно и до цвѣтовъ охотники, такой у васъ прекрасной цвѣтникъ, и когда это вы успѣли все сіе сдѣлать?» — Есть тотъ грѣхъ, сказалъ я князю: охота пуще неволи. — «Это очень хорошо, подхватилъ князь: но есть ли у васъ спаржа?» спросилъ онъ далѣе. — Нѣту еще, сказалъ я. — «О! такъ надобно вамъ и ее у себя завести; я отмѣнно ее люблю, да и для васъ хорошо. Не позабудьте взять у меня сѣмянъ и на весну посѣйте. Я бы далъ вамъ и кореньевъ, но отъ сѣмянъ бываетъ она всегда лучше; а ежели отыщутся у меня высадки, то и ими васъ снабжу».

Такимъ образомъ провели мы весь тотъ день съ удовольствіемъ, и онъ былъ мною и всѣмъ у меня, а я имъ доволенъ. А по утру въ слѣдующій день онъ и отправился отъ меня далѣе въ путь свой на Коширу. Я проводилъ его до села Ситни и на дорогѣ показалъ ему свою Александровскую, разрубленную на множество прошектовъ рошу, и привелъ его симъ неожиданнымъ зрѣлищемъ въ пріятное удивленіе. Я вручилъ ему тогда и планъ, приготовленной мною сей роши и взятой съ собою, и сіе увеличило еще его удовольствіе. Поприѣздѣ же въ небольшое село Ситню показалъ ему и тамъ прудъ, поправленной мною и все чтѣ и тамъ мною было сдѣлано, и

князь разставаясь благодарилъ меня за все и все.

Проводивъ князя и возвратясь домой, чувствовалъ я ровно какъ камень сваленной съ плечъ моихъ, и отдохнувъ принялся опять за свои работы и упражненія. Мое первое тогда дѣло было, чтобъ поспѣшить окончаніемъ строеніе гошпитали, ибо, по словамъ княжимъ, надлежало уже скоро приѣхать къ намъ и лекарю. Оной и дѣйствительно приѣхалъ вскорѣ послѣ его отъѣзда, и показался мнѣ въ самомъ дѣлѣ очень добрымъ человѣкомъ. Былъ онъ человѣкъ еще не старой, однако и не молодой, а моихъ почти лѣтъ, родомъ нѣмчинъ, изъ Германіи, и именно изъ Бикенбурга, чтѣ лежитъ въ ганноверскихъ областяхъ, и прозывался Бентономъ, наши же русскіе окрестили или прозвали его Филиппомъ Антоновичемъ. Былъ онъ хотя выѣзжимъ, но находился уже болѣе десяти лѣтъ въ Россіи и отправлялъ дѣлъхъ десять лѣтъ въ арбатской аптекѣ должность провизора или главнаго гезеля, а потомъ учился врачебному искусству въ главномъ московскомъ гошпиталѣ, гдѣ и сдѣланъ уже лекаремъ и потомъ князю, за отличную свою прилежность и искусство, рекомендованъ и выпущенъ.

Какъ я вообще всѣхъ иностранцевъ какъ-то люблю и къ нимъ отмѣнно благосклоненъ, то радъ я былъ, что нажилъ въ немъ себѣ всегдашняго собесѣдника нѣмца, съ которымъ могъ я всякой день говорить на его природномъ и мною любимомъ языкѣ. И какъ я нашелъ въ немъ человѣка не только съ хорошими совсемъ свѣдѣніями и очень знающаго, но съ честными правилами и характера весьма добраго, то скоро полюбили мы другъ друга, и въ немногіе дни сцѣпились съ нимъ самымъ тѣснымъ узломъ дружба, продолжавшагося даже до его смерти. Весьма много поспѣшествовало къ тому и то, что какъ онъ былъ человѣкъ холостой и одинокой, имѣлъ достатокъ очень малой или вовсе никакого и ничѣмъ тогда не обзаводился, то пригласили мы его къ своему столу, и убѣдили просьбою, чтобъ ходилъ онъ къ намъ всякой день обѣдать

нужинать, увѣривъ его, что намъ не произойдетъ отъ того ни малѣйшаго отягощенія, а вмѣсто того та выгода и польза, что мы будемъ его всякой день видѣть и пользоваться его собесѣдованіемъ, чему онъ съ своей стороны и радъ былъ, и будучи весьма совѣстнымъ и добрымъ человекомъ, и вознаградилъ намъ то примѣрно своею услужливостію.

Такимъ образомъ, къ превеликому удовольствію нашему, нажили мы себѣ, такъ сказать, почти домового лекаря, а что всего лучше, знающаго свое ремесло совершенно, весьма къ намъ приверженнаго и услужливаго, чему вскорѣ и имѣлъ онъ случай оказать первые свои весьма удачные опыты. Всѣ мы сдѣлались чрезъ самое короткое время имъ очень довольны, а я всѣхъ больше, и болѣе потому, что во все то время, покада оканчивали мы строеніе гошпиталя, и сдѣлали его удобнымъ къ приниманію въ него своихъ и постороннихъ больныхъ, въ чемъ много помогалъ и онъ уже съ своей стороны и совѣтами своими и самымъ смотрѣніемъ, то онъ, не имѣя еще многого дѣла, большую часть времени своего проводилъ у меня, и мы съ нимъ вмѣстѣ занимались и ботаникою, и заготовленіемъ травъ, и самымъ приуготовленіемъ лекарствъ изъ оныхъ. И какъ въ семъ послѣднемъ пунктѣ былъ онъ несравненно искуснѣе меня, поелику самъ цѣлыхъ десять лѣтъ отправлялъ аптекарскую должность, то и воспользовался я отъ него многими относящимися до фармакопей и самой медицинны знаніями. А особливо радъ я былъ, что онъ научилъ меня дѣлать бумажные картузы и набивать ихъ крошеными сушеными травами.

Не успѣлъ я сего искусства узнать, какъ тотчасъ былъ сдѣланъ станокъ и надѣлано множество картузовъ. И какъ я во всѣхъ такихъ любопытныхъ дѣлахъ очень скоръ и нетерпѣливъ, то тотчасъ и пошли у меня дальнѣйшія затѣи, и мнѣ восхотѣлось уже имѣть особой и большой шкафъ, установленной сплошными картузами, съ набитыми въ нихъ разными травами, и съ передней стороны украшен-

ными разрисовкою и крупными надписями; что, къ удовольствію моему, и произвелъ я въ короткое время и смастерилъ у себя такой шкафъ со врачебными травами, какого вѣрно ни у кого иного не было и которымъ я не могъ довольно налюбоваться; а вскорѣ имѣлъ удовольствіе слышать, что и первые опыты искусства сего нашего лекаря были весьма удачны, и онъ искусствомъ своимъ въ короткое время такъ прославился, что всѣ сосѣди его полюбили и начали при болѣзняхъ своихъ воспринимать къ нему свое прибѣжище, чѣмъ всѣмъ и я былъ весьма доволенъ.

Между всѣмъ симъ и вскорѣ послѣ отъѣзда князя, урвался я опять на часокъ въ свою деревню, но ѣздивъ въ сей разъ уже одинъ и безъ жены, поелику она была въ сіе время опять беременна и въ скоромъ времени ожидала уже и разрѣшенія отъ своего бремени. Въ деревнѣ пробылъ я не болѣе однихъ сутокъ, ибо мнѣ одному было очень скучно, почему и спѣшилъ я скорѣе возвратиться къ своему семейству и къ работамъ.

Изъ сихъ наиглавнѣйше озабочивали и занимали меня производимыя при запускѣ новаго пруда, основаннаго на той же рѣчкѣ, съ полверсты выше села самаго. Какъ грунтъ земли въ томъ мѣстѣ и самая пошва была не весьма надежна, чтобъ вода не ушла у меня низомъ, то по совѣту того-жъ, особенно ко мнѣ приверженнаго солдата, случившагося быть родомъ изъ Сибири, и много кой-чего знающаго, вздумалъ я употребить особое средство къ укрѣпленію плотины. Я велѣлъ вырыть чрезъ всю ширину того лога глубокой ровъ, шириною въ 3 аршина, и вставилъ въ него срубленной плотно кзизакомъ косорубъ, забить опять весь ровъ и съ верхней и нижней стороны крѣпко глиною, и потомъ возвышать оной косорубъ внутри плотины до самаго верха. Плотины же сдѣлалъ толстую съ отлогою внутрь пруда осыпью и совсѣмъ глухую; для стока-же воды всегдашней, и дождевой и половодной, сдѣлалъ въ боку въ матеромъ берегѣ предлинный отводъ или широкой, пло-

скою ватерпасно-горизонтальной ровъ и усталъ и дно и бока его дерномъ, и имѣлъ къ осени удовольствіе видѣть его наполненнымъ водою и сдѣлавшимся весьма длиннымъ и прекраснымъ.

Между тѣмъ нечувствительно кончился май и насталъ іюнь мѣсяцъ, котораго въ самомъ началѣ, а именно 3-го числа и обрадованъ я былъ благополучнымъ разрѣшеніемъ жены моей отъ бремени. Всемогущему угодно было одарить меня и въ сей разъ не сыномъ, а еще дочерью, но я столько же ей радъ былъ, какъ и сыну. Мы назвали ее Ольгою и тотчасъ, по обыкновенію, извѣстили о томъ всѣхъ нашихъ родныхъ и пріятелей.

Радостное сіе происшествіе доставило намъ тѣмъ болѣе удовольствія, что не только наши родные изъ-за Оки-рѣки, но и всѣ тутошніе сосѣди не успѣли узнать о томъ, какъ по любви своей къ намъ и сами-собою начали приѣзжать къ женѣ моей на родину, съ обыкновенными своими поздравленіями. Итакъ, начались у насъ съ ними опять ежедневныя почти свиданія, и пиры и празднества. Но никто насъ въ семъ случаѣ такъ не одолжила, какъ поминутая уже прежде мною госпожа генеральша Олицова. Она приѣхала почти первая къ намъ съ поздравленіемъ и удивила насъ своимъ неожиданнымъ приѣздомъ, поелику мы къ ней изъ почтенія никакъ и не посылали съ обыкновеннымъ извѣщеніемъ. Причиною тому было то, что она почитала себя мнѣ крайне обязанною за одну услугу, оказанную ей мною при одномъ нужномъ случаѣ; а именно: за нѣсколько до того времени и прежде еще приѣзда нашего лекаря, случилось ей вдругъ и жестоко занемочь, и какъ лекаря нигдѣ и никакого вблизи не находилось, а въ Москву посылать было далеко и не терпѣло время, а слухъ о ботаническомъ моемъ знаніи и успѣшныхъ леченіяхъ повсюду распространился, то она, наслышавшись обо всемъ томъ, велѣла скакать ко мнѣ скорѣйшю челоуку и умоляла меня Христомъ и Богомъ, чтобы я къ ней приѣхалъ и посмотрѣть, не могу ли я чѣмъ пособить ей.

Для меня было сіе сущю неожиданною и первымъ еще случаемъ сего рода. Былъ я еще тогда весьма худымъ знатокомъ и вспомогателемъ, и потому не зналъ, что дѣлать, и ѣхалъ ли къ ней или отказаться. Но какъ, по счастью, въ письмѣ написанномъ ко мнѣ, по ея приказанію, описана была въ подробности ея болѣзнь, и я, схвативъ свою Семіотику, могъ по ней скоро добраться и навѣрное почти заключить, какого рода была ея болѣзнь, а потомъ справясь съ другими книгами о томъ, что и что въ такихъ случаяхъ помогаетъ, и узнавъ, что нужныя къ тому и травы и коренья у меня въ заготовленіи находились, то изъ единого челоуколюбія, и наудачу снабдивъ себя всѣмъ къ тому потребнымъ, въ тотъ же часъ, запретивъ карету, къ ней и полетѣлъ. Я нашелъ ее лежащею въ постели и стенищую отъ боли въ правомъ боку; и не могу изобразить, какъ много обрадована она была скорымъ моимъ приѣздомъ, и какъ много благодарила меня за то. Но удовольствіе ея сдѣлалось еще несравненно больше, когда, противъ всякаго чаянія, посчастливилось мнѣ кое-какими припарками и декоктами не только облегчить чувствуемую ею почти нестерпимую боль, но въ самое короткое время возстановить до того ея здоровье, что она, сидючи уже въ постели и не чувствуя никакой боли, отпустила меня отъ себя отъѣзжающаго, говоря, что я обязалъ ее тѣмъ наи чувствительнѣйшимъ образомъ. А сіе-то самое и побудило тогда ее прежде всѣхъ къ намъ приѣхать.

Не успѣли всѣ тутошніе наши сосѣди и ближніе наши родные изъ-за рѣки у насъ перебивать, какъ приѣхала наковецъ и тетка Матрена Васильевна, бывшая до того всѣхъ моихъ дѣтей восприемницею отъ купели; и тогда не стали мы уже долѣе медлить, но окрестили сію дѣвчонку. И какъ прежняго моего кума и друга, г-на Полонскаго, не случилось тогда быть въ деревнѣ, то возимѣли мы приѣзжисте къ пріятелю нашему, Василию Ѳедоровичу Шушерину и просили его быть дочери моей отцемъ крестнымъ,

отъ чего онъ, по любви своей и дружбѣ къ намъ, и не отказался. Крестины сіи отправили мы почти запросто, ибо немѣнѣе въ домѣ моемъ просторной и такой комнаты, гдѣ-бы можно было накормить всѣхъ нашихъ тамошнихъ сосѣдей, воспрепятствовало намъ пригласить ихъ всѣхъ къ сему празднеству.

Не успѣло оно кончиться, и всѣ приѣзжавшіе къ намъ, по сему случаю, гости разѣхаться, какъ обрадованъ я былъ опять полученіемъ толстаго пакета изъ Экономическаго Общества. Прислана была отъ онаго въ сей разъ XXV-я часть «Трудовъ» его, но по перемѣнившемуся у нихъ уставу уже безъ переплета. Г-нъ Нартовъ, при посылкѣ онаго, не преминулъ опять удостоить меня своимъ и прямо дружескимъ писаніемъ. Въ ономъ, побуждая меня опять всячески къ частой съ собою перепискѣ, увѣдомлялъ меня, что присланное отъ меня продолженіе сочиненія моего «О хмѣлеводствѣ» отдано, по обыкновенію, въ комитетъ для разсмотрѣнія, а потомъ сообщалъ мнѣ замѣчанія свои о нѣкоторыхъ пьесахъ, находившихся въ сей части; выхвалялъ усердіе г-на Рычкова, за изобрѣтеніе способа употреблять говяжьи и бараньи кожи въ пищу; также иностраннаго изобрѣтателя способа сушенія поваренныхъ травъ, говоря, что пьеса его о томъ принята во всей Европѣ между знатоками съ великою похвалою, и онъ получилъ за нее отъ многихъ государей золотыя медали, хотя въ самомъ дѣлѣ обѣ сіи выхваляемыя имъ выдумки ничего почти не значили, и ничего изъ нихъ впослѣдствіи времени не вышло, и онѣ совсѣмъ позабыты. За симъ превозносилъ онъ похвалами г-на пастора Шпраха, приобрѣтшаго себѣ безсмертную похвалу за нововыдуманное имъ особаго рода пчеловодство, сказывая при томъ, что для обученія оному по именному указу отправлены были къ нему отъ Экономическаго Общества два студента, кои совершенно тому научились и къ намъ съ желаемымъ плодомъ возвратятся. Сія выдумка и пьеса о томъ дѣйствительно заслуживала осо-

бое вниманіе; но къ несчастію не произвело и оно никакой пользы, и пчеловодство осталось у насъ въ такомъ же состояніи, въ какомъ до того было. Да и дѣйствительно вся сія славная выдумка была болѣе любопытна, нежели удобо-производима. Наконецъ увѣдомлялъ меня, что Общество наше заслужило стараніями своими славу во всемъ ученомъ свѣтѣ, и что употребляетъ оно все, что можетъ къ поспѣшествованію общей пользѣ и что остается только господамъ дворянамъ подражать имъ, и надлежащимъ образомъ соотвѣтствовать и выбирать изъ сообщаемыхъ новыхъ открытій для себя удобное; но, къ крайнему сожалѣнію, видить Общество мало къ тому охотниковъ; что присылаютъ къ нимъ очень рѣдкіе опыты, а вѣрныхъ и лучшихъ корреспондентовъ только трое, а именно: я, г-нъ Рычковъ и г-нъ Олешевъ, и что государство у насъ пространное, а знатоковъ и охотниковъ мало; и потомъ убѣждалъ онъ меня просьбою продолжать мои труды и сочиненія и быть всегда примѣромъ прочимъ, и тѣмъ заключилъ свое писаніе.

Прочитавъ сіе, подумалъ и сказалъ я самъ себѣ: «Ахъ! государи, государи мои, не такъ вы все свое дѣло начали, не такъ расположили, не такъ его производите, и не употребляете сами никакихъ существенныхъ побудительныхъ средствъ къ доставленію вамъ со всѣхъ сторонъ нужныхъ открытій и замѣчаній, и къ поощренію дворянъ уважать ваше Общество и трудиться для пользы отечества! Чтѣ могутъ сдѣлать и произвести ваши раздаваемые и обѣщываемыя медали, когда онѣ, не доставляя никому ни малѣйшей чести и отличія, становятся чрезъ то ничего незначущими. А что всего хуже, когда обо всемъ томъ, и обо всѣхъ вашихъ трудахъ, и стараніяхъ знаетъ только развѣ стотысячная часть изъ обитателей Россіи, а множайшіе обѣ васъ и обо всемъ и не слыхивали, или по крайней мѣрѣ не имѣютъ и понятія малѣйшаго! Не такъ-то бы всему быть надлежало!... и чтѣ могу одинъ я произвести, когда и мои

замѣчанія и писанія читають только очень-очень немногіе. Трудиться бы и впредь я хотя-бъ и готовъ былъ, но было бы на что и за что, а не совсѣмъ попустому!... Кажется, и до сего трудовъ моихъ и усердія къ пользѣ общественной было весьма уже довольно, но чтѣ я видѣлъ? и получилъ-ли за все то хотя малѣйшую какую награду. Не отъ васъ, а отъ правительства, и не вамъ собственно, а ему бы чрезъ васъ надлежало меня чѣмъ-нибудь повеселить и поострить чѣмъ-нибудь существеннѣйшимъ, нежели ваши медали, къ продолженію трудовъ моихъ».

Симъ и подобнымъ сему образомъ помышляя, и самъ съ собою говоря, дѣйствительно ощущалъ я въ себѣ очень мало поощренія къ дальнѣйшимъ подвигамъ по сему предмету, а особливо напоминая, что множество другихъ сущихъ негодаевъ и не пользу, а сущій вредъ государству производящихъ людей отъ правительства и почестями, и всякаго рода другими выгодами, ни за что ни про што, награждаются, а подобные мнѣ остаются безъ всякаго призора и въ неуваженіи совершенномъ.

Итакъ, написавъ къ Нартову короткой отвѣтъ и пославъ въ общество достальную часть примѣчаній моихъ «о хмѣлеводствѣ» съ прекрасными чертежами, обратился я къ прежнимъ своимъ любимѣйшимъ и болѣе меня увеселяющимъ упражненіямъ; и какъ въ нихъ, такъ и въ дѣлахъ по должности провелъ нечувствительно и весь іюнь мѣсяцъ. Нерѣдкія свиданія съ сосѣдями, обращающимися со мною отчасу дружелюбнѣе, разныя домашнія забавы и катаніе въ большой своей лодкѣ по пруду, и стрѣляніе съ ней изъ маленькихъ пушечекъ, гулянье по садамъ и роцамъ придавали времени сему много пріятности. Въ особенности-же утѣшала меня въ концѣ сего мѣсяца по вечерамъ особенная забава, а именно: принесли ко мнѣ однажды изъ лѣса нѣсколько тѣхъ, на подобіе гнилушекъ, свѣтящихся козявокъ, которыя находимы бывають около Иванова-дня въ лѣсахъ на травѣ и на листьяхъ кустовъ разныхъ. Мнѣ не

случалось до того никогда еще видать сихъ нарочито крупныхъ и на мокрицы похожихъ животныхъ, и я, смотря на свѣтящіяся ихъ спинки, не могъ довольно налюбоваться, и онѣ мнѣ такъ полюблились, что я тотчасъ затѣялъ произвести сущую увеселительную рѣзвость; а именно: услышавъ, что ихъ въ лѣсу много, отправилъ я въ лѣсъ множество людей и ребятишекъ, и велѣлъ имъ набрать ихъ koliko можно болѣе, и принести къ себѣ живыми. Мнѣ и принесли ихъ цѣлую почти шляпу. Но что-жъ я съ ними сдѣлалъ?... Ну я ими укладывалъ всѣ стриженныя дернинки, которыми уложены были всѣ фигуры и косицы въ цвѣтникѣ моемъ; и какъ животныя сіи въ сіе время бывають почти недвижны, а потому и остались они на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полагались, то какое-же преузорочное зрѣлище придавъ я чрезъ то цвѣтнику моему! Какъ скоро наставали сумерки, то весь онъ и начиналъ блестѣть тысячами огней синеватыхъ, свѣтящихся какъ брилліанты, и мы всѣ, выходя на крыльцо или сидя подъ окнами, не могли никогда тѣмъ довольно налюбоваться и невѣдомо какъ жалѣли о томъ, что забава сія продлилась не долго и немногіе только дни. Ибо натура опять скоро ихъ сіянія сего лишала, и онѣ по прежнему становились скаредными и отвратительной видѣ имѣющими.

Вотъ какими, и прямо ребячески почти игрушками мы, иногда занимаясь, себя забавляли. Но скоро послѣ того иной и важнѣйшій предметъ обратилъ къ себѣ всѣ наши мысли и желанія, и возродилъ (въ) насъ вождельніе ѣхать со всѣмъ своимъ семействомъ въ Москву. Но чтѣ такое, о семъ узнаете вы не теперь, а въ письмѣ послѣдующемъ; а теперешнее, какъ достигшее уже до своихъ обыкновенныхъ предѣловъ, а съ нимъ и все сіе 17-е собраніе моихъ писемъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочая.

(Генваря 8-го дня 1809 года).

Конецъ семнадцатой части.

(Сочинена въ концѣ 1808 и въ началѣ 1809, въ 13-ть дней и переписана въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцѣ 1810 года).

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА,

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XVIII.

(СОЧИНЕНА ВЪ НАЧАЛѢ 1809 ГОДА, ВЪ ДВОРЯНИНОВЪ).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Кіясковѣ, а потомъ первоначальнаго въ
Вогородицкѣ.

Продолженіе 1775 года.

Письмо 181-е.

Любезный пріятель! Несомнѣваясь немало, что вы любопытны знать, чтѣ-бъ такое заставило насъ думать о Москвѣ и о ѣздѣ въ оную, скажу, что побуждалъ насъ къ тому носившійся повеюду слухъ о имѣющемъ быть вскорѣ въ Москвѣ великолѣпномъ торжествѣ о заключеніи съ турками мира. Говорили, что празднество сіе будетъ пышное, и что сдѣланы къ тому великія приуготовленія, и между прочимъ большой и преузорочной фейерверкъ, и что все уже было готово, а дожидались только прибытія изъ арміи фельдмаршала графа Румянцова. Далѣе говорили, что самому сему побѣдителю турокъ учинена будетъ славная встрѣча, и что въѣдетъ онъ въ столицу, по примѣру древнихъ римскихъ полководцевъ, въ триумфѣ, и что построены уже для сего и триумфальныя ворота. Все сіе натурально побуждало всѣхъ, невидавшихъ таковыхъ зрѣлищъ, ѣхать и поспѣшать къ сему времени въ Москву. А какъ къ числу ихъ принадлежали и обѣ мои семьянины, которые никогда еще въ жизнь ихъ не случилось видать такихъ пышныхъ празднествъ, а особливо фейерверковъ, и имъ весьма хотѣлось оной видѣть, то просили онѣ меня, чтобъ я свозилъ ихъ на сіе время въ Москву и доставилъ имъ сіе удовольствіе; къ чему я тѣмъ охотнѣе согласился, что мнѣ и самому хотѣлось оржество сіе видѣть.

Итакъ, списавшись съ княземъ и получивъ отъ него дозволеніе, собрались мы на нѣсколько дней и отправились въ Москву, оставивъ маленькихъ дѣтей своихъ однихъ дома. Мы поспѣшали возможнымъ образомъ сею ѣздою, дабы не упустить случая видѣть и самой въѣзды графа Румянцова въ сію столицу, и поспѣли благовременно, и не болѣе какъ за полчаса до его приѣзда.

Подъѣзжая къ самой Москвѣ, мы растеряли глаза, смотря на сдѣланныя уже и по обѣ стороны большой дороги, на дозволенное разстояніе другъ отъ друга, воздвигнутыя небольшія пирамиды, украшенныя вверху картинами, изображающими разныя побѣды сего славнаго полководца. Всѣ сіи картины были транспаратныя или прозрачныя, дабы, въ случаѣ прибытія его въ ночное время, могли онѣ освѣщены быть огнями. Однако до сего не дошло дѣло, потому что приѣхалъ онъ вскорѣ послѣ полудня. Пирамиды сіи украшали дорогу на нѣсколько верстъ длиною, и по концѣ всѣхъ-ихъ, въ послѣднемъ къ Москвѣ селеніи, Котлахъ, при самомъ сѣздѣ подъ гору, построены были небольшія деревянныя, и по обыкновенію, раскрашенныя и росписанныя, триумфальныя ворота.

Какъ сіе мѣсто было нанудобнѣйшее для смотрѣнія въѣзда, и подлѣ самыхъ воротъ находился домъ, намъ знакомой, то остановились мы въ ономъ и ради были, что подоспѣли къ самому тому времени, какъ ему надлежало въѣзжать, и

прибытія его уже въ каждую минуту ожидались. Но какъ я удивился, когда, найдясь нѣтъ тутъ обыкновенные въ такихъ случаяхъ приуготовленія, не усматривалъ вовсе никакихъ. Не было тутъ ни войскъ, стоящихъ въ парадѣ, ни пушекъ для стрѣльбы, ни музыки, ни пѣвчихъ, ни чиновниковъ, должествующихъ встрѣчать оного, но ворота стояли уединенно, и не было никого ни въ нихъ, ни подлѣ оныхъ. «Господи! говорилъ я что-жъ это? развѣ не успѣли еще притти сюда?» Но удивленіе мое еще увеличилось, когда вдругъ закричали, что «ѣдетъ, ѣдетъ Румянцовъ!» и мы, вмѣсто всего триумфальнаго въѣзда, увидѣли скачущую только дорожную карету, и пролетѣвшую мимо насъ, какъ молнія, а что всего страннѣе, не поѣхавшею и сквозъ самыя триумфальныя ворота, а объѣхавшую оныя по правую сторону мимо. «Вотъ тебѣ на! воскликнулъ тогда я, поразившись удивленіемъ. Что это такое? Это и первой блинъ, но уже комомъ, и зачѣмъ-же мы, сломя голову, такъ скакали и спѣшили?»... Но скоро сказали намъ, что императрица и хотѣла-было велѣть встрѣтить его со всеми подобающими ему почестями; но онъ самъ отклонилъ сіе отъ себя, и просилъ государыню, чтобъ не дѣлано было ему никакой церемоніальной встрѣчи, а дозволено-бъ было въѣхать запросто и по-дорожному.

Досадно было намъ невѣдомо какъ, что мы, не зная о семъ, поспѣшили своею ѣздою и приѣхали въ Москву слишкомъ рано, ибо все говорили, что самое торжество мира воспослѣдуетъ не прежде какъ чрезъ нѣсколько еще дней. Но какъ пособить было нечѣмъ, и мы уже заѣхали, то принуждены были и мы вслѣдъ за г. Румянцовымъ потащиться въ городъ, не воображая себѣ нисколько, что въ Москвѣ дождалась насъ другая, и несравненно сей чувствительнѣйшая, досада и огорченіе.

Мы располагались-было пристать въ сей разъ на Коземъ-болотѣ, въ домѣ брата Михайлы Матвѣевича; но какъ нашъ его отданнымъ въ наймы, съ остав-

леніемъ одной только маленькой комнатки для приѣзда хозяевъ, то увидѣвъ, что намъ всемъ тутъ не можно было никакъ помѣститься, а притомъ узнавъ, что доведется намъ прожить въ Москвѣ гораздо болѣе десяти дней; то другого средства не находили, какъ для лучшаго простора и свободы пристать гдѣ-нибудь поближе къ сему мѣсту, нанять квартиру, которую, къ немалому удовольствію нашему, и нашли намъ тутъ-же, и только чрезъ улицу, и довольно покойную. Былъ хотя домикъ небольшой и низенькой, окнами на улицу, но было въ немъ покойна четыре, довольно просторныхъ и порядочно прибранныхъ, чѣмъ мы были и довольны и радовались, что случилось намъ найти квартиру сію такъ скоро и такую для себя покойную и недорогую. Но какъ мало знали мы тогда, сколь дорого доведется намъ заплатить за постой въ семъ, какому-то секретарю принадлежащемъ домигѣ!

Не успѣли мы въ ономъ расположиться, какъ на другой же день слышали, что чрезъ день послѣ того будетъ уже благодарственное о замиреніи молебствіе, и что императрица въ сей день, переѣхавъ во дворецъ кремлевской, будетъ со всею помпою изъ Грановитой палаты шествовать во всемъ своемъ императорскомъ одѣяніи и убранствѣ въ соборъ Успенской. Сіе побудило меня, нисколько не медля, ѣхать въ Кремль для принсканія мѣста, съ котораго бы намъ смотрѣть на сіе рѣдкое и пышное шествіе. Прискакавъ на Ивановскую площадь, нашелъ я ее наполненную множествомъ народа, сбѣжавшимся смотрѣть, какъ станутъ прицѣпывать на Ивановской колокольнѣ самой большой, недавно только отлитой и до нѣсколько тысячъ пудъ вѣсомъ простирающійся колоколъ. Оной стоялъ уже тогда поднятой на превысокомъ кострѣ, сгороженномъ изъ нѣсколькихъ тысячъ крестъ-на-крестъ рядами положенныхъ бревенъ. И я съ любопытствомъ смотрѣлъ на сіе никогда еще невиданное зрѣлище. Помянутыя бревна кладены были сплошными другъ на друга рядами, и все меж-

ду собою связаны и укрѣплены были такъ, что несмотря на превеликую высоту сей стопы или костра, составленной изъ нихъ, не могли они разсыпаться и развалиться. Какимъ образомъ они на блокахъ колоколь съ земли кверху тащили, и сѣи ряды бревенъ подъ него подкладывали — того я уже не видалъ; ибо сѣе дѣлано было до моего приѣзда въ Москву. А я увидѣлъ его уже, при помощи сихъ бревенъ, возвышеннаго на равную пропорцію съ тѣмъ мѣстомъ на нижней колокольнѣ, гдѣ ему висѣть назначено было, и куда онъ уже горизонтально народомъ и воротами стаянъ былъ съ сего костра, и тамъ къ перекладамъ прицѣпленъ и прикрѣпленъ, что все стоило превеликаго труда и многого времени; и мнѣ досадно было, что короткость времени не позволяла мнѣ дожидаться сего зрѣлища, и видѣть самое производство сего рѣдкаго дѣла, а я увидѣлъ въ послѣдующій день, въ которой назначено было въ первой разъ въ него звонить, его уже привѣшаннымъ. Главное же мое дѣло было нанять для себя и для своихъ домашнихъ мѣсто, для стоянія въ будущее торжество, гдѣ-нибудь на сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ помостахъ; — и какъ мнѣ удалось найти въ весьма хорошее, подлѣ самой Ивановской колокольни, и наслупотивъ Грановитой палаты, то и спѣшилъ я предувѣдомить о томъ своихъ спутницъ.

Итакъ, по наступленіи дня, назначеннаго для богомолія и духовнаго праздника, поѣхали мы ранымъ-ранѣхонько на Ивановскую площадь. Но какъ мы ни спѣшили, но нашли всю ее наполненную уже несмѣтнымъ множествомъ народа. Всѣ улицы въ Кремлѣ установлены были войсками, а подлѣ самой колокольни стояло нѣсколько вѣстовыхъ пушекъ. По всему пространству, отъ Краснаго главнаго крыльца до дверей Успенскаго собора сдѣланъ былъ помостъ, огражденной парашетомъ и устланной сукномъ краснымъ, а всѣ стѣны соборовъ и другихъ зданій окружены были, на подобіе амфитеатра, подмостками, одни другихъ возвышеннѣйшими, и всѣ онѣ установле-

ны были безчисленнымъ множествомъ благородныхъ и лучшихъ зрителей; такъ что множество оныхъ, богатство и пестрота одеждъ ихъ представляла въ совокупленіи своемъ разительное и прелестное для глазъ позорище.

Но ничто не могло сравниться съ тѣмъ прекраснымъ зрѣлищемъ, которое представилось намъ при схожденіи императрицы съ Краснаго крыльца внизъ, въ полномъ ея императорскомъ одѣяніи и во всемъ блескѣ и сіяніи ея славы. Весь придворной ея штатъ, въ богатѣйшихъ одѣяніяхъ, послѣдовали за оною, а передъ нею шествовали разные чиновники и кавалергарды въ ихъ пышномъ и великолѣпномъ убранствѣ.

По сошествіи внизъ, тотчасъ подошла она подъ приготовленной богатой балдахинъ, песомой надъ нею знатными вельможами. Шла она весьма тихимъ шествіемъ въ порфирѣ и большой коронѣ, и глаза всѣхъ и каждого устремлены были на оную. Въ самое сѣе время застонала вся земля отъ звука и звона великаго множества колоколовъ на Ивановской колокольнѣ, и звукъ большого колокола былъ такъ великъ, что казалось, будто тряслась отъ него вся Ивановская башня, и многіе боялись даже, чтобы она не упала. Все сѣе, въ совокупленіи своемъ, представляло сцену такой пышности и пріятности, что изобразить ее никакъ не можно, и минуты сѣи были для всѣхъ насъ прямо восхитительными!

Какъ скоро окончилась божественная литургія, и послѣ ея благодарственной молебень, то при первомъ возглашеніи многолѣтія загремѣла вдругъ стрѣльба изъ пушекъ, и земля застонала отъ оной. Вслѣдъ за симъ загорѣлся и трикратной, бѣглою огонь изъ ружей отъ всего стоявшаго въ парадѣ войска; а звонъ во всѣ многочисленные колокола умножалъ собою еще болѣе стонъ и громъ, отъ того пронесодящій. Между тѣмъ императрица, вышедъ изъ церкви, такимъ же порядкомъ шествовала обратно въ Грановитую палату, и тамъ принимала потомъ

поздравленія отъ всѣхъ своихъ знатнѣйшихъ подданныхъ.

Долго все сіе продолжалось, и мы все сіе время стояли на своихъ мѣстахъ, и дождались до того, какъ императрица отправилась въ парадной своей каретѣ въ Пречистенской дворецъ, а вслѣдъ за нею поѣхалъ и тогдашній Наслѣдникъ, сынъ ея, съ молодою своею супругою, Натальею Алексѣевною, которую намъ тогда еще въ первой разъ случилось видѣть. Какъ въ семь шествиіи препровождаемы они были своими кавалергардами, камергерами и другими знатнѣйшими особами верхами на лошадяхъ, то и на все оное не могли мы довольно насмотрѣться и всѣмъ видимымъ налюбоваться.

Насытивъ взоры свои зрѣніемъ, а слухи всѣмъ слышаннымъ, возвратились мы на свою квартиру, и сколько были довольны тѣмъ, столько горевали о томъ, что приуготовленія для увеселительныхъ зрѣлищъ не были еще совсѣмъ готовы, и что всего того надлежало намъ дожидаться еще многіе дни сряду. И какъ было сіе необходимо, то все сіе время употребили мы на разъѣзды для свиданія съ нашими въ Москвѣ знакомыми и друзьями, также на неоднократную ѣзду на Ходынку, для смотрѣнія на всѣ дѣланныя тамъ ко всенародному празднеству приуготовленія. Вся Москва занималась тогда симъ осматриваніемъ, и мы всегда съѣзжались со множествомъ каретъ, либо туда ѣдущихъ, либо назадъ возвращающихъ ся оттуда.

Назначалось къ тому преобширное поле, вплоть подлѣ Москвы находящееся, и Ходынку называемое. На небольшомъ и отлогомъ возвышеніи, посреди всего сего поля находящагося, воздвигнутъ былъ превеликой, со множествомъ комнатъ, и входовъ и выходовъ павильонъ, могущій помѣстить въ себѣ великое множество особъ знаменитѣйшихъ и дворянства. Въ ономъ назначаемо было быть общему собранію всѣхъ лучшихъ сего торжества зрителей. Сей холмъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ разными другими зданіями и предметами. Съ одной сторо-

ны, въ недалекомъ разстояніи отъ павильона, воздвигнуто было нѣкакое большое, круглое, низенькое зданіе, похожее на нѣкакой обширной замокъ, съ глухими вокругъ стѣнами, и внутри имѣвшую отверстую площадку, окруженную вокругъ съ одной стороны помянутою главою наружною стѣною; а со внутренней—одними только колоннами, и самую легкую, на подобіе навѣса сверхъ ихъ, кровлею. Все сіе было раскрашено и расписано великолѣпнымъ образомъ; но никто тогда не зналъ, на что бы такое сіе зданіе такого особаго рода назначалось, но послѣ узнали мы, что оное назначаемо было для обѣденнаго стола, и что вся помянутая, длинная и узкая кругомъ галерея установится столами.

Кромѣ сего, на подобіе крѣпости сваружи росписаннаго круглаго зданія, воздвигнуто было другое, также низенькое, но полуокруглое зданіе, составленное изъ множества прекрасно сдѣланныхъ лавочекъ, наполненныхъ разными купеческими товарами и украшенныхъ также изящнымъ образомъ. Зданіе сіе отдѣлено было отъ лѣваго фаса главнаго павильона небольшою только площадкою, и для выхода къ оному устроено было особое крыльцо. Всѣ не понимали тогда, на что-бъ такое и сіе зданіе, съ такимъ множествомъ лавокъ и товаровъ, было устроено, и многіе мечтали уже, что императрица будетъ одарять сими товарами всѣхъ своихъ гостей, или присутствующихъ на семъ торжествѣ дворянъ; и разнесаяся о томъ въ народѣ молва побуждала и тѣхъ присутствовать при ономъ, которые сперва и не имѣли къ тому хотѣнія. Но послѣ узнали, что какъ все сіе обширное поле долженствовало аллегорически изображать ту маленькую и ничего незначущую частичку полуострова Крыма, которую приобрѣли мы себѣ чрезъ заключеніе мира, и которая была единственнымъ плодомъ толь многихъ побѣдъ и пролитой толь многой человѣческой крови; то окружающая сей холмъ съ двухъ прочихъ сторонъ низменная, и надолбами отъ сего холма отдѣленная равнина

должна была представлять часть Азовскаго моря, а холмъ — приобретенную частичку полуострова Крыма, большой павильонъ — городокъ Еникауль, круглое зданіе — крѣпость Керчь, а полукруглое — Таганрогъ, какъ мѣсто, назначаемое для будущей великой торговли. Какъ и самые товары въ лавкахъ должныствовали предзнаменовать сію торговлю, всходство чего и подѣлано было нѣсколько небольшихъ морскихъ судовъ, и разстановлены съ ихъ мачтами и флагами, въ разныхъ мѣстахъ на оной равнинѣ, представляющей море, будто бы плавающими, въ разсужденіи которой не могъ я надивиться, что не пришло никому въ мысль предложить, чтобъ велѣть всю ее вспахать, или съ нея снять зеленый дернъ, и тѣмъ придать болѣе вида воды и моря, а холмъ оставить бы зеленой.

Далѣе, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ главнаго павильона, противъ праваго его фаса, воздвигнуть былъ цѣлый рядъ другъ отъ друга отдѣленныхъ зданій совсѣмъ особаго рода. Со стороны отъ большого павильона, представляли они совершенное подобіе большихъ купеческихъ трехмачтовыхъ кораблей, съ ихъ мачтами, вымпелами, флагами, и со всѣмъ такелажемъ; и все сіе устроено было такъ искусно, что зрѣніе легко могло обманываться и почестъ ихъ настоящими, будто подлѣ берега на морѣ стоящими кораблями. Съ задней же стороны были они всѣ отверзты, и всю внутренностію своею составляли спокойныя галереи, устроенныя для смотрѣнія изъ нихъ огромнаго фейерверка, устроеннаго и приготавлимаго позади ихъ.

Кромѣ сего, воздвигнуть былъ также въ довольномъ отдаленіи отъ главнаго павильона, противъ задней его стороны, особой и нарочно для сего случая построенной театръ для увеселенія публики театральнымъ безденежнымъ представленіемъ. Для увеселенія же подлаго народа подѣлано было прямо противъ передняго фаса павильона, за помянутую равнину, представляющею море, мно-

жество круглыхъ качелей, открытыхъ театровъ и воздвигнутыхъ шестовъ для лазанія и сниманія съ нихъ разныхъ вещей, назначенныхъ въ награду тѣмъ, коимъ удастся взлѣсть на оныя. Сдѣланы также были приуготовленія къ тому, чтобъ эквилибристамъ ходить по веревкамъ и утѣшать народъ, и прочія тому подобныя забавы. Всѣ сіи отдаленные берега должныствовали означать Барабинскую степь, и разные тамошніе народы.

Наконецъ, вся лежащая отъ города до помянутаго павильона, и болѣе нежели на версту простиравшаяся выровненная и выглаженная дорога, украшена была съ одного бока разными иллюминаціонными украшеніями, а съ другой — множествомъ большихъ обрѣзныхъ щитовъ, съ проспективическими изображеніями разныхъ родовъ избушекъ, хижинъ и другихъ деревенскихъ зданій, нарисованныхъ довольно живо и такъ, что издали они казались настоящими зданіями.

Вотъ сколько разныхъ вещей и предметовъ надѣлано было на семъ обширномъ полѣ. Всѣ они достойны были зрѣнія; почему и неудивительно, что вся Москва съѣзжалась смотрѣть оныя, и что не было дня, въ которой не было-бъ оно усыяно множествомъ каретъ и всякаго народа. Совсѣмъ тѣмъ какъ фейерверкъ былъ еще не готовъ, и надлежало нѣсколько дней до изготовленія его дожидаться, то тещѣ моей не восхотѣлось дожидаться онаго, но она упросила насъ отпустить ее съ излишними лошадьми назадъ въ Кіясовку, къ оставшимъ тамъ нашимъ малюткамъ-дѣтямъ.

Не успѣла она отѣхать, какъ вскорѣ послѣ нее и случилось съ нами то досадное и непріятное происшествіе, о которомъ упоминалъ я вскользь уже выше сего. Было сіе, какъ теперь помню, на самой Ильинъ-день. Для сего праздника восхотѣлось боярынямъ нашимъ, по обыкновенной набожности своей, сходить въ ближнюю церковь къ обѣдни. Всѣ мы туда и пошли, оставивъ послѣ себя въ квартирѣ однихъ только бывшихъ съ

нами женщинъ, приказавъ имъ сидѣть въ комнатахъ; а особливо дѣвкѣ жены моей не выходить изъ нашей спальни, изъ которой низенькія окошки простирались на улицу. Не успѣли мы, отслушавъ обѣдню, возвратиться назадъ, и жена моя начать раздѣваться, какъ вознадобился ей для какой-то поклажи умывальной ея ларчикъ. Она велѣла его дѣвкѣ подать, но хватъ—его какъ не бывало! искать его тамъ, искать индѣ, и нигдѣ не находила. Стоялъ онъ въ спальнѣ, на поставленномъ въ углу большомъ столѣ, но его не было. «Батюшки мои! твердила Аннушка наша: куда же онъ дѣлся, стоялъ вотъ тутъ! я недавно на него смотрѣла: и не знаю, не вѣдаю, куда онъ дѣвался».—«Государи мои!» твердили прочія, и всѣ начали его всюду и всюду искать; но его простылъ давно уже и слѣдъ. Словомъ, онъ благополучно былъ у насъ, по небреженію госпожи Аннушки, горничной нашей дѣвушки, украденъ. День случился тогда жаркой, сидѣть ей въ спальнѣ было душно. Она изволила растворить окошечко на улицу, и усѣться сидѣть передъ онымъ, и галиться на народъ, мимо ходящій. Но вдругъ захотѣлось ей вытѣть на дворъ; она прыгъ-таки туда, позабывъ затворить окно, и въ самое сіе кратковременное ея отсутствіе гдѣ ни возмись какой-то бездѣльникъ прохожій; и какъ окошко было не выше аршина отъ земли, то онъ, примѣтивъ, что въ комнатѣ никого не было, и заглянулъ въ нее, и увидѣвъ стоявшій неподалеку отъ окошка на столѣ оной ларчикъ, не долго думая, цапъ его парапъ, и наострилъ съ нимъ лыжи. Къ несчастію нашему, никто сего не видалъ и не примѣтилъ. Самая умница, дѣвушка наша, возвратившаяся въ тотъ же почти часъ, и не подумала поглядѣть, цѣло-ли все въ комнатѣ, и усѣлась опять подъ окошечко, галиться на прохожихъ, и не прежде ларчика встрянула, какъ велѣли ей подавать его.

Какъ скоро по долговременномъ и тщетномъ исканіи въ дѣйствительной пропажѣ онаго мы удостовѣрились, и по признаніи

дѣвки, что она на нѣсколько минутъ изъ спальни отлучалась, позабывъ закрыть окошко, навѣрное могли заключать, что онъ тапнуть былъ какимъ-нибудь прохожимъ, то, Господи! какое началось тогда туженье и гореванье объ немъ жены моей; но и было о чемъ тужить и горевать. Ларчикъ самъ по себѣ хотя и ничего не значилъ, но въ немъ, кромѣ обыкновенныхъ скляночекъ и другихъ женскихъ бездѣлушекъ, находились разныя и другія вещицы, несоставляющія бездѣлки. Однихъ кое-какихъ алмазныхъ и бриллиантовыхъ вещей было болѣе нежели на триста рублей, а полагая вмѣстѣ съ прочими, было всего рублей на 500 или болѣе.

Претерпѣніе такого убытка, и притомъ столь внезапное и неожиданное, должно было натурально быть для жены моей очень прискорбно и чувствительно, и она, по женскимъ слабостямъ своимъ, не могла удержаться, чтобы не пролить нѣсколькихъ слезъ о сей потерѣ. А признаться, что и самому мнѣ произшествіе сіе было досадно и непріятно. Убытокъ, претерпѣнный нами, былъ хотя и не совсѣмъ разорительной, но довольно еще сносной и тѣмъ паче, что многія вещицы были такія, безъ которыхъ можно было обойтись, однако все было жалъ; а пуще всего жалѣлъ я о украденномъ тутъ же перстенькѣ, сдѣланномъ изъ собственныхъ своихъ дворяниновскихъ каменьевъ, найденныхъ въ кремняхъ, и столь чистыхъ, что походили они на самыя бриллианты, и многіе почитали ихъ алмазами, хотя они ничего иного не составляли, какъ проросъ кремневую. И какъ они самую натурою были прекрасно огранены, то и велѣлъ я изъ нихъ сдѣлать перстень, и былъ онъ довольно изрядной.

Потуживъ и погоревавъ о сей пропажѣ, хотѣли-было мы объ ней публиковать въ городъ чрезъ полицію; но какъ сказали намъ, что потребно было на необходимыя притомъ издержки болѣе пятидесяти рублей деньгами, то, не надѣясь получить отъ того дальней и вѣрной пользы, не разсудили мы умножать тѣмъ только свой

убытокъ, и оставили наживаться нашими вещами тому, кому восхотѣлось насъ тѣмъ обидѣть.

Вскорѣ засимъ насталъ день, назначенной для Ходынского торжества, и хотя у жены моей и не весьма весело было на сердцѣ, но не отрелась и она со всѣми нами ѣхать для смотрѣнія сего невиданнаго и рѣдкаго праздника. Всѣ лучшіе люди и все находившееся тогда въ Москвѣ дворянство съѣхалось съ самаго утра въ помянутой большой павильонъ; и какъ надлежало намъ препроводить тамъ весь день и большую часть ночи, то не преминули мы запастись кое-какою провизіею, чтобъ намъ сей день не провести голодными, и постараться поставить карету свою поближе и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы намъ ее отыскать было можно; что намъ и удалось.

По пришествіи въ павильонъ, нашли мы его уже весь наполненнымъ народомъ, и тутъ имѣли мы удовольствіе видѣть всѣхъ знаменитѣйшихъ нашихъ вельможъ, отчасти находившихся уже тутъ, отчасти при насъ приѣзжающихъ, а между тѣмъ досыта налюбоваться гвардейскими унтеръ-офицерами, стоявшими при всѣхъ дверяхъ на часахъ. Они въ сей день убраны были отмѣнно хорошо, и сіяли отъ множества серебра, на нихъ находившагося. Но всего пріятнѣе были серебряныя ихъ каски или шишаки съ большими страусовыми перьями на головахъ, также перевязи, лежащія на нихъ крестъ-на-крестъ; и какъ сверхъ того всѣ они были люди молодые и собою статные, и пригожіе, и выбраны были наилучшіе изъ молодыхъ дворянъ, то и представляли они прекрасное собою зрѣлище.

Наконецъ приѣхала Императрица, и началось тѣмъ самое торжество. Она встрѣчаема была пушечною пальбою и морскою музыкою, поставленною на судахъ, посреди равнины стоявшихъ и опускающихъ предъ нею свои вымпелы. Трубы и литавры на нихъ тотчасъ загремѣли, и зрѣлище сіе было пріятное. Предъ обширномъ крыльцомъ павильона встрѣтили ее всѣ бывшіе тутъ вельможи и чинов-

ники. Она, вошедъ, принимала отъ всѣхъ поздравленія, и прошла тотчасъ въ боковую пространную комнату, куда послѣдовали за нею первѣйшіе вельможи и съ ними и сынъ ея, тогдашній Цесаревичъ. Не видавши его вблизи съ самаго 1762 года, удивился я той ужасной перемѣнѣ, какую произвело въ немъ тринадцатилѣтнее время.... Но никто не обращалъ на себя такъ многіе взоры, какъ герой сего торжества — графъ Румянцовъ: повсюду слѣдовали за нимъ цѣлымъ табуномъ, и никто не могъ на него довольно насмотрѣться. Находился тутъ же и князь мой, но онъ, между множествомъ знаменитѣйшихъ бояръ и вельможъ, былъ почти со-всѣмъ непримѣтенъ.

Чрезъ часъ времени послѣ сего пошла Императрица, въ послѣдованіи всѣхъ своихъ придворныхъ и другихъ знаменитѣйшихъ особъ, въ помянутое круглое зданіе, называемое Керчью, къ обѣденному столу, покрытому болѣе, нежели на 200 кувертовъ, и придворная музыка загремѣла тотчасъ по вшествіи туда оной. И какъ обѣдъ продолжался не мало времени, то воспользовались и мы симъ временемъ, и протѣснившись сквозь толпу, продрались кое-какъ до своей кареты, и въ ней порядочно себѣ пообѣдали; а услышавъ, что столъ кончился и Государыня опять возвратилась въ павильонъ, поспѣшили и мы туда же притти. И тогда-то имѣли мы совершенное удовольствіе насмотрѣться, сколько хотѣли, императрицы. Она провела почти все послѣобѣднѣйшее время въ игрانی съ нѣсколькими изъ знаменитѣйшихъ вельможъ въ карты, сидючи посрединѣ лѣваго отдѣленія, и временно только взадъ и впередъ прохаживалась. И какъ всѣмъ дозволено было безпрепятственно ходить по всѣмъ комнатамъ павильона, то и окруженъ былъ столъ ея всегда превеликимъ кругомъ изъ нашей братіи: а въ томъ и состояло наилучшее удовольствіе публики, что она могла безпрепятственно и въ самой близости монархиню свою видѣть. Ибо, впрочемъ въ теченіи дня происходила только скачка и пляска, качанье и другія на-

родныя забавы и увеселенія на степяхъ Барабинскихъ, но которыми никто изъ благородныхъ не занимался, а изъ сихъ многіе только гуляли по Таганрожскому гостиному двору и расхаживали по галлереѣ, сдѣланной передъ лавками, украшенными безчисленнымъ множествомъ разныхъ дорогихъ товаровъ. Въ каждой изъ нихъ сидѣли и сидѣльцы, но продажи никому и никакой не производилось, что самое и подкрѣпляло многихъ въ мечтательной надеждѣ, что товары сіи приготовлены тутъ для одѣленія ими всего дворянства. Многіе были такъ твердо въ семъ мнѣніи удостовѣрены, что боясь не упустить того случая, когда Государыня туда пойдетъ и начнетъ ими всѣхъ жаловать, не пошли даже и въ театръ, въ которомъ предъ наступленіемъ вечера начинались театральныя представленія, но сидѣли безоглочно на ступеняхъ крыльца къ помянутому гостиному двору, и съ нетерпѣливостію ожидали шествованія туда императрицы, у которой того и въ мысляхъ не было; и они всѣ принуждены были съ стыдомъ увидѣть наконецъ свою ошибку.

Что касается до насъ, то и намъ не удалось тогда быть въ театрѣ тутошнемъ, и удержали насъ отъ того наиболѣе тихіе многіе между собою переговоры, что сей на скорую руку построенной и кое-какъ сдѣланный театръ, былъ якобы опасенъ, и что боялись всѣ, чтобъ онъ отъ множества народа не завалился. Къ тому-жъ, боялись и тѣсноты самой, а сверхъ того, какъ и Императрица туда не ходила, такъ и не было дальнаго привлеченія; а мы за спокойнѣйшее и пріятнѣйшее для себя находили препроводить все время до наступленія вечера въ расхаживаніи съ прочими по всѣмъ комнатамъ и въ созерцаніи своей императрицы.

Наконецъ наступилъ и вечеръ, и появились вездѣ зажигаемые иллюминаціонныя огни, которыхъ было по всѣмъ мѣстамъ и окрестностямъ безчисленное множество, въ разныхъ видахъ и положеніяхъ. И какъ вскорѣ засимъ начали дѣлать приуготовленія къ зажиганію фейерверка,

то я, не упуская времени и прежде еще отшествія Государыни въ корабли, поспѣшилъ туда, чтобы захватить для себя удобное мѣсто для смотрѣнія, и былъ такъ счастливъ, что и нашелъ наипрекраснѣйшее мѣсто въ одномъ изъ кораблей, стоящихъ въ сторонѣ правой; и могу сказать, что весь фейерверкъ съ нашего корабля былъ несравненно лучше виденъ, нежели изъ самаго средняго, съ котораго смотрѣла сама императрица и въ которой, кромѣ знатнѣйшихъ особъ, никого не пускали, ибо такъ случилось, что вѣтерокъ несъ весь дымъ отъ зажженныхъ щитовъ съ праваго крыла на лѣвой. Слѣдовательно, для насъ всѣ горящія фигуры тотчасъ очищались, а для зрителей съ другихъ кораблей заслонялись дымомъ, и они многого не могли за дымомъ симъ совсѣмъ видѣть.

Совсѣмъ тѣмъ фейерверкъ сей былъ преславной, и не только знаменитъ своею огромностію, но и всѣмъ своимъ расположеніемъ, сдѣланнымъ съ наилучшимъ вкусомъ. Представлено было три огромныхъ щита: одинъ, въ срединѣ, фитильной изъ огней разноцвѣтныхъ; другой изъ селитренныхъ свѣчекъ; а третій прорѣзной, освѣщенной сзади множествомъ вертящихся огненныхъ колесъ, и всѣ, прямо можно сказать, пышныя, великолѣпныя и зрѣнія весьма достойныя. Всѣ они зажжены были не вдругъ, а одинъ послѣ другого, а между тѣмъ представляемы были разныя другія огненные декораціи, составленныя изъ превеликаго множества разнообразно вертящихся огненныхъ колесъ, звѣздъ, солнцевъ, огненныхъ фонтановъ и бураковъ, съ выпускаемыми изъ нихъ швермерами и луткугелями, разсыпающимися на воздухъ безчисленными брилліантовыми звѣздами. На всѣ сіи декораціи было еще пріятнѣе смотрѣть, нежели на щиты самыя: было ихъ такое множество, что мы всѣ глаза свои, смотря на нихъ, растеряли. Для слуха же въ особенности поразительны и увеселительны были, такъ-называемые, подземные огни, производящіе трескотню превеликую. Но ничто не могло сравниться съ такъ-называемымъ

мымъ павлинымъ хвостомъ. Составленъ онъ былъ изъ безчисленнаго множества ракетъ, зажженныхъ и пущенныхъ въ одно время съ двухъ сторонъ, въ противоположномъ другъ другу направленіи, дабы всѣ онѣ представляли собою дѣйствительно нѣкоторое подобіе павлинаго распростертаго ужасной величины хвоста. И можно сказать, что послѣднее сіе зрѣлище было безподобное и такое, на которое безъ пріятнаго восхищенія никому смотрѣть и довольно имъ любоваться было не можно. Всѣ сіи ракеты, простиравшіяся числомъ до 700, начинены были горящими звѣздами, и какъ онѣ начали лопаться, то казалось, что воспламенилось тогда все небо и посыпался на насъ цѣлой дождь изъ звѣздъ горящихъ. Словомъ, зрѣлище было презурочное, и никакое перо не можетъ описать и изобразить всю его пышность и великолѣпіе.

Сіе было послѣднее явленіе, и онымъ кончился весь нарочито долго и почти цѣлыхъ два часа продолжавшійся фейерверкъ, а вкупѣ и все тогдашнее торжество. Государыня тотчасъ послѣ того отправилась во дворецъ, а велѣдъ за нею начали и всѣ разѣзжаться, съ которыми и я, насилу отыскавши своихъ боярынь, смотрѣвшихъ фейерверкъ сей изъ павильона, и побоявшихся итти на корабли, въ городъ уже послѣ полуночи возвратился, насмотрѣвшись и наслушавшись всего досыта.

Послѣ сего не стали мы уже долго медлить въ Москвѣ, но повидавшись еще со всѣми нашими родными, друзьями и знакомыми, бывшими тогда въ Москвѣ, а я побывавъ еще разъ у старика своего князя и распрошавшись съ нимъ, поѣхали обратно въ Кіасовку съ головами, наполненными мыслями и воображеніями обо всемъ видѣнномъ и случившемся съ нами, и будучи сколько съ одной стороны довольны тѣмъ, что намъ удалось все по желанію видѣть и всему досыта насмотрѣться, столько-жъ горюя о своей пропажѣ, которую не могли

мы долгое время забыть и которая и понынѣ еще намъ памятна.

Симъ окончу я сіе мое письмо, достигшее уже до своихъ обыкновенныхъ предѣловъ, и сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

(Генваря 12 дня 1809 года).

Письмо 182-е.

Любезный пріятель. Такимъ образомъ съѣздили мы въ Москву, погалились, повеселились, и заплативъ за все то довольно дорого, возвратились назадъ въ Кіасовку. Тутъ нашли мы всѣхъ малютокъ своихъ дѣтей и съ ихъ бабушкою въ добромъ здоровьѣ. Сія ничего еще о пропажѣ нашей не вѣдала, и узнавъ, потужила и она о нашемъ убыткѣ; но какъ пособить было нечѣмъ, то погоревавъ о томъ, наконецъ и перестали, и принялись за прежнія свои дѣла и упражненія.

Не успѣлъ я приѣхать, какъ въ тотъ же день обрадованъ былъ полученіемъ опять довольно толстаго пакета изъ Экономическаго Общества. Содержалъ онъ въ себѣ XXVI-ю часть «Трудовъ» Общества и опять безъ переплета, и письмомъ Нартова, писанное еще 1-го іюля. Въ части сей хотя не было никакого моего сочиненія напечатаннаго, но Нартовъ увѣдомлялъ меня, что сочиненіе мое о хмѣлѣ вѣрно напечатано будетъ. Впрочемъ, благодаривъ меня за присылку окаменѣлостей, наваливалъ на меня новой трудъ, а именно, чтобъ наловить бабочекъ разныхъ, и прислать къ нему взоткнутыя на булавахъ, для удовлетворенія его смертельной охоты до натуральной исторіи. Я усмѣхнулся сему новому предложенію, и думалъ и не думалъ желаніе его исполнить, поелику бабочекъ въ нашихъ мѣстахъ никакихъ особыхъ и рѣдкихъ не было, а простыя посылать не стоило трудовъ и убытковъ. Однако я, въ отвѣтъ своемъ на его письмо, не разсудилъ ему совсѣмъ въ томъ отказать.

По отправленіи сего отвѣта, принялся я за переписываніе набѣло первой части

моей «Дѣтской философіи», которое дѣло давно уже было начато, но еще не окончано; а въ сей разъ побуждало меня къ тому то, что въ бытность свою въ Москвѣ имѣлъ я случай спознакомиться съ однимъ вѣмцемъ, живущимъ въ типографіи, по прозванію Гиппиусомъ. Сей человѣкъ былъ пріятелемъ нашему лекарю, которой и рекомендовалъ ему меня и просилъ, чтобъ онъ помогъ мнѣ при желаніи мною отданіи въ печать помянутой книги. Добродушной сей человѣкъ съ удовольствіемъ и принялъ на себя сію комиссію и просилъ меня, чтобы я только прислалъ къ нему свой манускриптъ, а онъ ужъ постарается о томъ, чтобъ оной напечатанъ былъ въ типографіи университетской, при которой былъ онъ опредѣленъ къ какой-то должности. Итакъ, дописавъ скорѣе оную, я къ нему тогда же часть сію и отправилъ.

Все достальное время тогдашняго лѣта и первые осенніе мѣсяцы протекли у насъ почти непримѣтно и безъ всякихъ важныхъ происшествій. Мы провели ихъ довольно весело, въ частыхъ свиданіяхъ и сѣздахъ съ тутошними нашими сосѣдями, которые всѣ искренно насъ, а мы ихъ полюбили; почему не приходило почти недѣли, въ которую мы не имѣли бы между собою свиданія, либо угашивая ихъ у себя, либо бывая у нихъ въ гостяхъ. Кромѣ того удосужился я сѣздить и въ свою деревню на нѣсколько дней, и будучи тамъ объѣздить и тамошнихъ нашихъ родныхъ и сосѣдей; также взглянуть и на сады свои, начинавшіе уже мало по малу спротивъ безъ меня; ибо за отсутствіемъ моимъ не было въ нихъ никакихъ новыхъ присовокупленій, а садовники мои едва успѣвали поддерживать сколько-нибудь въ нихъ прежнія заведенія.

Ѣзжали мы также нѣсколько разъ и къ родственникамъ нашимъ въ Воскресенки, и въ одну таковую поѣздку къ нимъ, вмѣстѣ съ приѣхавшею къ намъ теткою Матреною Васильевною, нагоровались и насмѣялись мы довольно, ѣдучи сквозь большой и густой Хотунской

лѣсъ. Случилось намъ предпринять ѣзду сію вскорѣ послѣ бывшаго и нарочито продолжительнаго ненастья, отъ котораго въ лѣсу этомъ наполнены были всѣ рывтины и ямы на дорогѣ водою. Ихъ было такое множество, что не могу и понынѣ позабыть, какъ онѣ намъ тогда досадны были: такъ изъ одной рывтины и калдобины въ другую, а изъ другой въ третью, той еще величайшую. А нерѣдко вѣзжали мы въ такую, въ которой сажень по десяти, по двадцати должны были ѣхать и плыть почти водою. Всѣ онѣ прескверныя, кривыя и преглубокія, и мы того и смотрѣли, чтобъ не быть намъ на боку, или чтобъ чего подъ каретою не испортилось бы. Спутница наша, Матрена Васильевна, крайне была во всѣхъ такихъ случаяхъ боязлива, и не успѣвъ карета пошатнуться на бокъ, какъ поднимала аханье и крикъ; а какъ и самъ я былъ невеликой въ такихъ случаяхъ герой, и такихъ дорогъ терпѣть не могъ, то было у насъ съ нею и крика и смѣха довольно. Обоимъ намъ съ нею хотѣлось лучше итти пѣшкомъ, нежели терпѣть ежеминутно страхи, но какъ по несчастію и того учинить было намъ никакъ не можно, по чрезвычайной узкости дороги, и потому, что и по сторонамъ въ лѣсу вездѣ была вода и грязь; то принуждены мы были, сжавши сердце, сидѣть въ каретѣ и отъ горя и досады для смѣха начать считать всѣ сіи калдобины и ямы съ водою. И какъ удивились мы, когда на разстояніи какихъ-нибудь двухъ или трехъ верстъ, насчитали ихъ малыхъ и большихъ болѣе 400; и каждая изъ нихъ стоила намъ аханья и крика. Вотъ какова случилась намъ тогда сквозь сей проклятой лѣсъ дорожка.

Въ другой разъ, при случаѣ ѣзды къ другу нашему, г. Шушерину, въ гости, и при возвращеніи отъ него перестращены мы были наивеличайшею опасностію, которой подвергся-было малютка сынъ мой. Случилось такъ, что въ сей разъ брали мы его съ собою, и какъ ѣхали мы тогда по хорошей дорогѣ очень скоро и онъ, по обыкновенію своему,

стоялъ посреди кареты, прислонившись къ дверцамъ и смотря въ окно, то вдругъ растворись дверцы, и онъ въ тотъ же мигъ полетѣлъ изъ кареты. Мы помертвѣли сіе увидѣвъ; но едва только закричали: «ахъ! ахъ!» какъ по особливому счастью и по благодати Господней къ намъ и къ сему нашему птенцу, успѣлъ еще я ухватить его за руку, попавшемуся между каретою и дорогами, и уже вистѣшаго. Не можно изобразить, какъ много были мы симъ случаемъ перепуганы, а вкупѣ и обрадованы тѣмъ, что намъ удалось еще его спасти отъ неминуемой гибели; ибо бѣдняжку сего переѣхало бы непременно колесо, и онъ не пикнулъ бы отъ того. Мы возсылали тогда тысячу благодареній Господу и сдѣлались впредь уже гораздо осторожнѣйшими, и съ того времени полно давать дѣтямъ волю стоять у дверецъ и облакачиваться на оныя.

Еще памятно мнѣ, что въ теченіе сего лѣта имѣли мы во время созрѣнія вишенъ превеликое удовольствіе при ѣздѣ въ село Спасское. Родилось ихъ въ тамошнемъ саду такое великое множество, какого я никогда еще не видывалъ, и мы, ѣздивши туда всѣ для обирания оныхъ, не могли ими довольно налюбоваться и набрали ихъ тогда множество четвериковъ.

Неменьшее удовольствіе доставили намъ и въ сей годъ грибы, родившіеся въ рощахъ опять въ преудивительномъ множествѣ. И мы нѣсколько разъ ѣзжали со всѣмъ своимъ семействомъ въ тамошніе лѣса и рощи, и возвращались всегда съ богатою добычею.

Предъ наступленіемъ же осени утѣшила насъ такимъ же образомъ и золотыяница. Сей, толико славной въ медицинѣ, но не вездѣ и не всегда родящейся, лечебной травки былъ въ сей годъ превеликой урожай, такъ что мы, ѣздивши сами и также цѣлою компаніею, нарвали ее съ цѣлою возъ. Но никто симъ такъ доволенъ не былъ, какъ нашъ лекаръ: онъ наварилъ даже изъ ней множество экстракта и запаса имъ на многіе годы, го-

воря, что экстрактъ сей составляетъ сущее сокровище.

Между тѣмъ не упускалъ я ничего, что нужно было къ наблюденію и по моей должности. Я смотрѣлъ за всѣми производившимися разными работами, а не менѣе за повоманернымъ своимъ семипольнымъ хлѣбопашествомъ, и во время уборки ржи выдумалъ двѣ вещицы, достойныя замѣчанія. Первая состояла въ обиваніи привозимыхъ съ поля ржаныхъ сноповъ обь сдѣланныхъ изъ кольевъ пирамидки, для полученія чрезъ то самыхъ лучшихъ и зрѣлѣйшихъ зеренъ на сѣмяна; а вторая въ изобрѣтеніи особаго рода большихъ граблей, для сгребанія ими на лошади остающихся на полѣ отъ жнитва обломанныхъ и валяющихся колосьевъ; которая выдумка, по удобности и полезности, казалась мнѣ столь примѣчанія достойною, что я не за излишнее почелъ донести о томъ и нашему Экономическому Обществу, и сочинивъ о семъ пьесу, и приобщивъ граблямъ моимъ рисунокъ, отправилъ оную при письмѣ къ г. Нартову въ Петербургъ.

Впрочемъ не оставлялъ я во всѣ праздные и свободные часы заниматься и литературою, также и ученіемъ молодцовъ, у меня жившихъ. Легко можно заключить, что не позабываема была и ботаника, но продолжаемо было по прежнему узнаваніе и собираніе травъ лечебныхъ. Въ сихъ хотя и не имѣлъ уже я такой большой надобности, какъ прежде, ибо по случаю основаннаго и приведеннаго уже въ порядокъ гошпитали, всѣ больные могли уже адресоваться къ лекарю; однако, не смотря на то, многіе изъ постороннихъ все еще продолжали ко мнѣ приходить съ прошеніемъ простыхъ лекарствъ, то и въ сіе лѣто удалось мнѣ помочь многимъ, и чрезъ то опытностію удостовѣриться въ особенной полезности нѣкоторыхъ травныхъ тинктуръ или настоевъ, равно какъ и смѣси нѣкоторыхъ травъ для декоктовъ и припарокъ, а особливо моего элексира, простуднаго декокта, настойки глазной, паче всего неоцѣненнаго декокта отъ болѣзней горла.

Еще памятно мнѣ, что имѣли мы въ сіе лѣто превеликую тревогу отъ случившагося въ селѣ нашемъ пожара, обратившаго нѣсколько крестьянскихъ дворовъ въ пепелъ. Сей несчастной случай доставилъ мнѣ новой и довольно знаменитой кусокъ работы. Ибо какъ все сгорѣвшее мѣсто надлежало оставить празднымъ для расположенія будущаго дворцоваго строенія, то и надобно было всѣхъ погорѣвшихъ снабжать лѣсомъ и селить ихъ въ другомъ и на новомъ мѣстѣ, и уже порядочнѣе прежняго.

Кромѣ сего имѣлъ я не одинъ, а нѣсколько разъ тревогу отъ пожаровъ, но иного рода, а именно отъ дѣлавшихся въ лѣсахъ тамошнихъ. Не успѣлъ осенью листъ съ деревъ начать обваливаться, какъ и появились сіи, совсѣмъ для меня новыя и до того времени невиданныя зрѣлища. Загорался обвалившійся съ деревъ и лежащій на землѣ сухой листъ; и горѣніе какъ онаго, такъ и всего низкаго кустарника распростиралось по всему лѣсу такъ скоро, и огонь усиливался съ такою скоропостижностію, что всякой разъ, какъ прибѣгали ко мнѣ о томъ сказывать, принуждены мы бывали бить въ колокола въ набать и выгонять весь народъ, отъ мала до велика, въ лѣсъ для тушенія онаго. Легко можно заключить, что при всякомъ такомъ случаѣ принужденъ бывалъ и самъ я безъ души скакать въ лѣсъ, и не только принуждать народъ къ погашенію огня, но и придумывать и употреблять всѣ способы къ скорѣйшему потушенію огня, и пресѣченію скорого его по землѣ бѣгства.

Долго я не зналъ и не могъ ни отъ кого добиться, отчего такіа бѣдствія начинались и такъ часто происходили, и чѣмъ бы сіе зло отвратить было можно. И насилу-насилу распрովѣдалъ и узналъ, что причиною тому никто иной былъ, какъ ребятишки, пасущіе на прогалинахъ, между лѣсовъ, лошадей и скотину. Бездѣльники сіи не столько для обогрѣванія себя, сколько изъ единой шалости разводили и разжигали большіе огни на кучахъ муравьиныхъ. А оттого

самаго и загорался близлежащій на землѣ листъ, которой и сами они иногда еще для потѣхи зажигали. Не успѣлъ я сего узнать, какъ тотчасъ симъ забавамъ ихъ и конецъ положилъ, и единственно тѣмъ, что собравъ всѣхъ оныхъ, сколько ихъ ни было въ селѣ, велѣлъ всѣхъ, и правыхъ и виноватыхъ, пересѣчь розгами а чрезъ то и унялись наши пожары, которые мнѣ и весьма-было уже наскучили.

Вскорѣ за симъ случилась намъ надобность, и противъ чаянія и желанія нашего, побывать опять на короткое время въ своей деревнѣ. Но ѣзда наша туда была въ сей разъ такова, что мы весьма долго ее помнили, и помнимъ даже и понынѣ. Она имѣла ту особенность, что сопряжена была для насъ со множествомъ бѣдъ и непріятностей; и число ихъ было такъ велико, и послѣдовали онѣ другъ за другомъ такъ скоро, что мы не могли тому довольно надивиться, и только и твердили: «Ахъ, батюшки мои! что это такое? Бѣды по бѣдамъ, да и только всего!» И возможно-ли? Было ихъ всѣхъ, и маленькихъ и большихъ, въ теченіе двухъ сутокъ болѣе сорока, ибо мы съ горя, и удивляясь онымъ, принуждены были ихъ уже считать. Случись же такой негодной выѣздъ!

Но что всего удивительнѣе, то всѣ онѣ были въ нѣкоторомъ отношеніи одинаковы; а именно, что оканчивались безъ дальнаго вреда, такъ что мы, замѣтивъ сіе, заключали то же и о всѣхъ послѣдовавшихъ послѣ и тѣмъ себя утѣшали заблаговременно, и дѣйствительно въ надеждѣ своей не ошибались. Словомъ, путешествіе сіе было такъ достопамятно, что я, возвратясь въ Кіясовку, для смѣха и курьезности описалъ его во всей подробности, и жалѣю и понынѣ, что пожаръ похитилъ у меня сіе описаніе, почему и могу я теперь рассказать объ ономъ только то, что могу упомянуть; ибо прочіе, по прошествіи многихъ съ того времени лѣтъ, не могу уже никакъ припомнить.

Поводомъ къ путешествію сему была просьба деревенской нашей сосѣдки, Анны Николаевны, молодой вдовы, остав-

шейся послѣ покойнаго родственника моего, Матвѣя Никитича Болотова. Господи! сей наскучилось уже сидѣть вдовою, и захотѣлось выйти опять замужъ. Сылался изъ соседственнаго дворянства выгодной женишокъ, восхотѣвшій судьбу свою соединить съ нею; и дѣло у нихъ было тотчасъ между собою слажено, и они сироворили тѣмъ такъ скоро, что мы не прежде о томъ узнали, какъ прискакала она съ матерью своею къ намъ, умолять насъ Христомъ и Богомъ, не оставить ихъ при семъ случаѣ своимъ присутствіемъ и вспоможеніемъ, поелику онъ никого съ своей стороны, а особливо изъ мужчинъ не имѣютъ.

Какъ время тогда было уже осеннее а къ тому-жъ въ ненастную и дурную погоду, то и не хотѣлось намъ никакъ въ сіе путешествіе, а особливо на свадьбу, пускаться; и мы отговаривались было сперва долго отъ того. Но поклонны и неотступныя просьбы убѣдили наконецъ насъ дать слово и на то согласиться.

Итакъ, собравшись и оставивъ матушку-тещу съ дѣтми въ Кіясовѣ, и поѣхали мы съ женою и большою дочерью тетки Матрены Васильевны, случившеюся тогда у насъ, и ея дѣвчушкою въ большой нашей каретѣ домой. И поелику дни тогда начинали уже становиться короткими, а намъ хотѣлось въ тотъ же день поспѣть въ свою деревню, то и поспѣшили мы своимъ выѣздомъ и выѣхали со двора довольно еще рано. Но не успѣли верстѣ трехъ отъѣхать, какъ закричали наши лакеи: «Стой! стой! оборвались ремни подъ каретою, надобно поправить и починить». — «Экая бѣда!» сказали мы, но эта бѣда была еще начальная бѣда. Что дѣлать! принуждены были остановиться и начать думать и гадать, какъ намъ испортившееся поправить. Итакъ, ну мы отыскивать веревку, ну придумывать, какъ лучше подвязать, и такъ далѣе. Но наконецъ, кое-какъ поправили, подвязали и поѣхали.

Но едва только версты двѣ еще отъѣхали, какъ вновь остановка. Закричала уже жена моя: «Стой! стой!» — «Что та-

кое?» спросилъ я. — «Ахъ, батюшки! какую я, враговка, бѣду надъ собою сдѣлала!» — «Что такое?» — «Позабыла взять свои серьги съ собою, а безъ нихъ какъ мнѣ можно ѣхать, надобно неотмѣнно послать за ними». — «Эхъ ты какая! (съ досадою сказалъ я), какъ это можно позабыть такую надобную вещь! Но печего дѣлать! такъ и быть. Малый, отпрягай скорѣе припряжную, и поѣзжай назадъ». Тотчасъ мы его съ записочкою, написанною карандашемъ, и отправили, а сами расположились до того времени стоять и возвращенія его дожидаться. Стояли-стояли, ажъ скука насъ взяла. Гдѣ-то онъ отпрягъ лошадь, гдѣ-то поѣхалъ, гдѣ-то тамъ серьги отыскали, гдѣ-то его съ ними отправили, и гдѣ-то онъ опять и цѣлыхъ пять верстѣ ѣхалъ, а мы все стой да стой. Господи! какая досада! Но какъ бы то ни было, но наконецъ онъ приѣхалъ, серьги привезъ, и мы опять поѣхали.

Но не успѣли еще двухъ верстѣ отъѣхать, какъ новая бѣда! Встренулись еще одной, уже не помню, какой вещи которую взять съ собою позабыли, и вещи необходимо нужной и такой, безъ которой намъ никакъ пробыть было не можно. Сіе меня уже вздурило, и я осердившись говорилъ: «Господи! да гдѣ-жъ у васъ у всѣхъ былъ умъ и разумъ, что не могли сего вспомнить? неужели опять стоять и посылать?» — «Ну, что дѣлать (отвѣчала жена моя), позабыла, да и только всего. Да такая бѣда, что не приди мнѣ и давеча, какъ посылали, этого на память, а только въ сію минуту вспомнила!» — «Да нельзя-ли безъ того обойтись?» — «Никакъ нельзя!» — «Ну, такъ нечего дѣлать, быть опять посылать, и опять стоять и дожидаться!» Итакъ, велѣли опять остановиться, и отпрягнувъ другую лошадь, скакать уже другому лакею, поспѣшать какъ можно. «Господи! (говорилъ я сидючи, и досадуя), долго-ли этого будетъ. Вотъ ужъ третья остановка, и время уходитъ, не застанемъ и обѣда у Василья Ѳеодоровича!» Но подосадовавъ, подосадовавъ, а принужденъ былъ дожидаться человѣка.

Сей проѣздили еще того долѣе, но наконецъ, слава Богу, приѣхали и все нужное привезъ, и мы поѣхали далѣе.

Ѣхали-Ѣхали, и уже начали приближаться къ Турову, гдѣ жилъ г. Шушеринъ, какъ вдругъ, и не дожидая версты за двѣ до него, еще новая остановка, и остановка важная. Заднее колесо у кареты такъ развихлялось, что изъ опасенія, дабы совсѣмъ не рассыпалось, принуждены были опять остановиться. Новое сіе незгодье вздурило меня еще болѣе. «Ахъ, Боже мой! (возопилъ я), что это такое! бѣды по бѣдамъ и опять остановка!... Пу что, ребята, дѣлать и какъ быть?» — «Что, судырь! (отвѣчали они мнѣ), бѣда-то немалая, поглядимъ нельзя-ли какъ-нибудь скрутить и увязать. Еще слава Богу, что благовременно усмотрѣли, а то какъ-бы рассыпалось совсѣмъ, то нечего-бы дѣлать, принуждены-бы были сидѣть на одномъ мѣстѣ». — «Ну, друзья мои! (сказалъ я имъ), посмотрите, подумайте, и поспѣшите, ради Бога, чтобъ намъ какъ-нибудь хоть до Турова дотащиться, а тамъ не найдемъ-ли другого колеса у Василья Оедоровича, онъ одолжитъ насъ тѣмъ». — «Да хорошо, судырь, если другое-то колесо годится и придетъ въ пору; а коли нѣтъ, такъ тутъ-то какъ быть?» — «Ну, это увидимъ (сказалъ я), а скручивайте-ка это скорѣе!» — «Хорошо!» и начали шипить. Но гдѣ-то смыкали веревку, гдѣ-то палку, гдѣ-то стягивали и скручивали, прошло опять нѣсколько времени; а между тѣмъ приближалось уже обѣденное время. Но какъ-бы то ни было, но наконецъ кое-какъ скрутили и поѣхали.

Думаемъ, авось-либо какъ-нибудь доѣдемъ; но не тутъ-то было, и едва только сажень сто отъѣхали, какъ колесо наше, вихляясь-вихляясь, вдругъ и совсѣмъ рассыпалось, и всѣ спицы изъ ступицы вывалились, и вся карета на бокъ почти опрокинулась. «Стой! стой! стой!» — завопили и закричали всѣ мы, въ прахъ перепугавшись. По счастью, ось поддержала нѣсколько карету и не допустила ее упасть на бокъ. Итакъ, ну-ка мы всѣ изъ кареты выходить, ну-ка ахать и горевать,

ну-ка всѣ твердить: «ну, не бѣда-ли истинная? ну что теперь дѣлать?» — «Нечего другого! (сказали люди), какъ искать скорѣе какого-нибудь рочага, и подвязывать вмѣсто колеса; но гдѣ его изволимъ взять? видишь поле! Но спасибо случился съ нами топоръ, и недалече въ сторонѣ лѣсокъ. Итакъ, ну-ка мы скорѣе посылать туда, ну-ка рочагъ вырубать и его подъ карету подвязывать. Не малое время и надъ симъ мы провозились, и кое-какъ до села дотащились. Боимся еще, чтобъ г. Шушерина не было гдѣ въ отлучкѣ; но слава Богу, услышали, что онъ дома, и обрадовавшись: «Ну, ступай на дворъ», закричалъ я кучеру.

Но не успѣли мы начать подвязывать къ крыльцу, какъ усмотрѣли новую потѣху: у дѣвки, сидѣвшей съ нами въ каретѣ, была взята съ собою бутылка съ квасомъ, и она везла ее съ собою, державши на колѣняхъ. Но что-жъ случилось? Въ то время, какъ мы въ торопяхъ изъ кареты дорогою выходили, выскочилъ какъ-то изъ бутылки пробка, а она, незаткнувши ее, и съѣла опять въ нее, и того и не примѣтила, что квасъ отъ качанья кареты изъ бутылки выплескивался, и на передникъ ея между колѣнъ натекала его цѣлая лужа и произвела превеликое мокрое пятно на ономъ и на самой юбкѣ. «Ахъ, батюшки мои! (закричали господа, сіе увидѣвъ), что ты, окаянная, это надѣлала, и какъ тебѣ показаться?... Ну что подумаютъ о тебѣ?» Смѣхъ и горе тогда всѣхъ насъ подхватило; но какъ некогда было долго уже о томъ судачить, то говорили мы ей, чтобъ она какъ-нибудь ужъ уходила на заднее крыльцо и хозяйкамъ не показывалась, а самъ я сталъ отыскивать шляпу, ибо Ѣхалъ до того въ бездѣльномъ картузникѣ для покоя.

Но что-жъ, не бѣда-ли опять! шляпы моей не тутъ-то было! Я спрашивать у людей, тѣ другъ у друга — не знаютъ, что сказать, и вышло наконецъ, что всѣ мы и ее хорошоховько позабыли. «Ахъ, злодѣи, что вы надъ моею головою надѣлали! (закричалъ я), гдѣ у васъ былъ умъ и па-

мать?» но такъ и быть, думаю: это хоть бѣда, но бѣда небольшая, шляпою ссудить меня и Василій Ѳеодоровичъ! И какъ между тѣмъ карету подтащили уже предъ крыльцо самое, то турю я господамъ своихъ выходить изъ оной.

Но надобно-жъ случиться и тутъ еще новой бѣдѣ. Свояченица моя пошла первая изъ дворецъ каретныхъ, и отъ поспѣшности для встрѣчающихъ насъ хозяевъ, зацѣпись за что-то, и такъ хорошо, что затрещало ажно у ней платье, и разорвала весь подолъ у себя. Господи! какъ сіе опять насъ всѣхъ сконфузило. «Такъ! воскликнулъ я, уже захохотавши: какъ пошло уже на бѣды, такъ бѣды по бѣдамъ!»...

Господинъ Шущеринъ не успѣлъ увидѣть шесть, подвизанной вмѣсто колеса, какъ закричалъ: «Что это? что это, батюшка Андрей Тимоѳеевичъ?»—Что, братецъ! (отвѣтствую я), изломалось за версту отсюда; но одно-ли это? Послушай-ка, сколько съ нами бѣдъ случилось; но ради Христа снабди ты насъ другимъ колесомъ съѣздить въ деревню. — «Пожалуй, пожалуй! подхватилъ г. Шущеринъ: только бы годилось какое. У меня колесъ много, а между тѣмъ мы и ваше починимъ и исправимъ.»—Очень хорошо, батюшка (сказалъ я); да ссудите меня уже и шляпою вашею: ѣдемъ на свадьбу, и людцы мои изволили совсѣмъ позабыть взять мою съ собою. — «Изволь, изволь, батюшка! у меня есть новая и почти еще не обновленная.»—Ну, ладно же (сказалъ я), и слава Богу, бѣда и сія съ рукъ долой!

Говоря сіе вошли мы въ хоромы, и ну имъ всѣ свои происшествія рассказывать, и вмѣстѣ съ ними имъ дивиться и хохотать. Они были намъ очень рады и старались насъ скорѣе угостить обѣдомъ. И по счастью приѣхали мы къ нимъ довольно еще благовременно. И покуда мы обѣдали, люди его успѣли уже иприскать и колесо точно такое же, каково было наше, и случившееся по оси очень впору. Обрадовались мы сіе услышавъ, и сказали: «Ну, слава Богу, эта бѣда съ плечъ долой, и теперь доѣдемъ мы до двора

уже благополучно». Но и сей счетъ хорошохонько дѣланъ былъ безъ хозяина, и намъ того и на умъ не приходило, что всѣ претерпѣнные нами бѣды и остановки были еще единими предшественницами другимъ и множайшимъ еще бѣдамъ.

Пообѣдавши и покормивъ лошадей, не стали мы уже долѣе у благопріятельствующихъ намъ хозяевъ медлить. Дня уже оставалась меньшая половина, а надлежало намъ ѣхать еще болѣе двадцати верстъ, и переправляться чрезъ двѣ рѣки, одну у нихъ подъ селомъ, Лопасну, а другую—большую, Оку, на паромѣ, и поспѣвать неотмѣнно въ тотъ день къ себѣ въ деревню, ибо послѣдующій за тѣмъ назначенъ былъ уже для свадьбы. Итакъ, распрощавшись съ нашими хозяевами, сѣли мы себѣ въ карету и поѣхали.

Но что-жъ? не успѣли мы спуститься къ рѣкѣ подъ гору, какъ глядъ, прежде бывшаго тутъ и довольно спокойнаго моста какъ не бывало, а новой и большой только еще строили, и чрезъ него не только переѣхать было никакъ не можно, но и пѣшкомъ переходить по перекладамъ и по помощеннымъ доскамъ неннако какъ съ крайнею опасностію было можно. Увидѣвъ сіе, стали мы въ пень. «Какъ намъ быть?» спросилъ я у строителей моста. — «Другого не остается, сказали они намъ: какъ переѣзжать рѣку въ бродѣ, вонъ тамъ, пониже моста.»—«Да видишь, братецъ (подхватилъ я), какая она широкая, быстрая и большая; конечно она наводнилась отъ бывшего ненастья, и я ее никогда таковою не видывалъ.»—«Точно такъ! (сказалъ онъ), и дни съ два только, что она такъ разлилась.»—«Да небось, она и глубока теперь?»—«Да, есть тотъ грѣхъ, не мелка, и лошади выше пуза.»—«Ахъ, батюшки мои (воскликнулъ я), да какъ же намъ быть, и какъ ее переѣзжать? вода и въ карету залететь!»—Госпожи мои, услышавъ сіе, завопѣли еще больше моего отъ страха и испуга, и говорили, что онѣ ни изъ чего не поѣдутъ. Признаюсь, что и самому мнѣ не то-то что хотѣлось на то отважиться: воды я из-

стари всегда и самъ боялся; итакъ, стали мы въ пенъ и не знали какъ быть и что дѣлать. Наконецъ говорю: «Ужъ нельзя ли намъ самимъ какъ-нибудь по перекладамъ и по доскамъ перебраться, а карету пустую перевести?» — «Это-де можно (сказали намъ строители), хоть и нехорошо и нѣсколько опасно, но мы-де ходимъ и переходимъ; но будетъ ли у васъ столько смѣлости? А развѣ извозите нѣсколько погодить и дать намъ время положить еще нѣсколько досокъ?» — «Очень хорошо, братцы (сказалъ я); пожалуйста, потрудитесь». — А между тѣмъ велѣлъ въ каретѣ всѣ связки, ларчики и прочее снизу поднять выше, чтобъ вода не могла подмочить оные, и какъ скоро сіе сдѣлалъ, то велѣлъ я благословясь ѣхать. И тогда, смотря на нее, не было въ насъ истинно души: лошади наши чуть не оплыли, и быстрота воды едва-было не опрокинула всей кареты, и была такъ глубока, что дѣйствительно въ нее нѣсколько залило, и мы впрахъ бы перестращались, еслибъ въ ней сидѣли. Но какъ бы то ни было, а ее перевезли.

«Ну, слава Богу! (сказалъ я перекрестясь), одну трудность преодолѣли; теперь вопросъ, какъ намъ переходить?» Госпожи мои, будучи обѣ величайшія трусихи, тряслись отъ страха и боязни, и я какъ ни старался ихъ ободрять, но ничто не помогало; но какъ нечего было дѣлать, а самая необходимость заставляла насъ переходить, то принуждены онѣ были вслѣдъ за мною по доскамъ и перекладамъ на сей опасной подвигъ съ крестами и молитвами пуститься. Но надобно-жъ было и тутъ случиться съ нами бѣдѣ, и бѣдѣ еще не одной, а двумъ, хотя и не важнымъ. Одинъ изъ людей моихъ, малой молодой, по имени Ефремъ, хотѣлъ подслужиться и поддерживать жену мою, пошедшую со страхомъ и трепетомъ по перекладамъ; но былъ какъ-то такъ неостороженъ, что осклизнулся и чебурахъ, яко прославился, въ рѣку подымость, и чуть-было не стащилъ съ собою и жену мою. Я обмеръ, испужался сіе увидѣвъ, а обѣ ней и говорить уже не-

чего: она поблѣднѣла, и я дивился, какъ она не упала въ обморокъ. Но надобно-жъ было и сей бѣдѣ кончиться ничѣмъ и безъ дальнихъ слѣдствій: оборвавшемуся и полетѣвшему внизъ слугѣ моему, по особливому счастью, удалось какъ-то, не долетѣвъ еще до воды, ухватиться обѣими руками за одну перекладину и на ней повиснуть, и плотники, бросившись, въ мигъ успѣли, схватя, встать его вверхъ и не допустить даже обмочиться.

Нельзя изобразить, какъ мы всѣмъ тѣмъ испуганы и вкупѣ въ тотъ же мигъ и обрадованы были. И мы тогда уже не обѣ немъ, а о его шляпѣ тужить и горевать начали, которая, свалившись съ него, упала въ воду, и ее понесла она быстротою своею внизъ по рѣкѣ. — «Ахъ! ахъ! закричали всѣ: шляпа! шляпа! унесетъ ее и она потонетъ!» — Однако не думайте, чтобъ и сія бѣдушка кончилась худымъ; а надобно было на самую ту пору случиться мужику, стоявшему на берегу верхомъ на лошади и собиравшемуся только что переѣзжать чрезъ оную. И сей, не успѣвъ увидѣть плывущую шляпу, какъ приударивъ свою лошадь, пустился вслѣдъ за нею, и успѣвъ ее догнать, схватить, и благополучно съ нею на другой берегъ выѣхать, а между тѣмъ и насъ всѣхъ кое-какъ, хотя со страхомъ и трепетомъ, черезъ рѣку перевели. Итакъ, всѣ сіи бѣды кончились только тѣмъ, что намокла у насъ людская шляпа, и самъ хозяинъ ея перестращался-было на смерть.

Переправившись симъ образомъ кое-какъ чрезъ Лопасну и обрадуясь, что все кончилось хорошо, сѣли мы въ карету и поѣхали далѣе. Но какъ до Оки отъ сего мѣста было еще не близко, то не прежде до оной доѣхали, какъ уже предъ наступленіемъ самаго вечера. Тутъ чуть-было опять не стреслась съ нами бѣда, и бѣда всѣхъ прежнихъ больше. Паромишка, на которомъ намъ слѣдовало переезжать, случился самой негодной, небольшой, и съ обыкновеннымъ гладкимъ помостомъ на верху онаго. Самого его насилу-насилу мы докликались, ибо случился онъ быть за рѣкою на противномъ

берегѣ, и къ намъ не прежде его перевели, какъ заставивъ насъ съ цѣлой почти часть его дожидаться. Но какъ по случаю прибылой тогда въ рѣкѣ многой воды надлежало спускаться каретѣ на него съ нарочито крутого берега, то кучеръ не могъ никакъ удержать оставленныхъ въ ней коренныхъ лошадей, и онѣ чуть-было, чуть не сволокли всей кареты съ помоста паромнаго въ рѣку; и я не знаю уже, какъ успѣлъ онъ повернуть ихъ въ сторону и удержать чрезъ-то и ихъ самихъ, и карету на помостѣ. Мы, стоючи на берегу, въ прахъ и отъ сего перепугались, и благодарили Бога, что избавилъ онъ насъ отъ бѣды, столь явной и великой и опасности очевидной.

Однако переправа сія не обошлась безъ причиненія намъ бѣдушки. Чрезъ рѣку-таки мы благополучно, хотя не безъ страха по случаю бывшаго тогда великаго волненія, переплыли; но какъ стали съ паромомъ съѣзжать на берегъ, то надобно-жъ было оступить одной лошади, при переваживаніи ихъ по затопленному почти совсѣмъ примостку, и оступившись зашибить такъ ногу, что оттого она тотчасъ захромала. «Ахти, батюшки мои, сказалъ я, вотъ опять бѣда, и долго-ли этимъ бѣдамъ продолжаться, и когда онѣ кончатся?»

Между тѣмъ какъ все сіе происходило, начали уже наступать почти сумерки, почему спѣшили мы продолжать свой путь, тѣмъ болѣе, что ѣхать намъ оставалось все еще болѣе двадцати верстѣ. Насъ хотя и озабочивало то, что мы, по всему видимому, на дорогѣ обмеркнемъ, и болѣе отъ того, что для хромающей нашей лошади намъ слишкомъ скоро и ѣхать было никакъ не можно; однако, думая, что дорога намъ всеѣмъ знакома и перезнакома, надѣялись добраться до дома благополучно. Однако-жъ и въ этомъ мнѣніи мы хорошо обманулись. Покуда было еще сколь-нибудь свѣтло, и продолжались сумерки, ѣхали мы все-таки порядочно; но какъ скоро сдѣлалось темно, то и сбились мы какъ-то съ настоящей дороги, и заѣхали сами не знаемъ куда. Господи! кака

была намъ тогда новая досада, забота и гореванье! Ночь случись самая темная и ничего вдаль было не видно, а всѣ только признавались, что ѣдемъ не тамъ, гдѣ надлежало. Что было дѣлать? принуждены были остановиться и разсылать людей отыскивать настоящую дорогу. Искали, искали, и насилу-насилу нашли какъ-то опую. Тогда пустились мы по оной съ множайшею уже осторожностію, и доѣхали наконецъ уже безъ дальней остановки до своего Дворянинова.

Тутъ нашли мы всѣхъ людей уже спящихъ, и хоромы свои запертыми, ибо было уже очень поздно. Итакъ, ну-ка мы людей отыскивать, ихъ будить, приказывать вздуть огонь, отпирать хоромы, и въ нихъ все изъ кареты носить; для обогрѣнія же себя въ лустыхъ и холодныхъ комнатахъ, грѣть скорѣй чай и имъ отогрѣваться, а потомъ помышлять о ужинѣ. О семъ мы дальней заботы не имѣли, ибо какъ при отъѣздѣ изъ Кіасовки запаслись мы и жаренымъ мясомъ и добрымъ круглымъ пирогомъ, то и думали, что мы сыты будемъ, а потому и не помышляли о томъ, чтобъ велѣть что-нибудь себѣ скорѣй сварить на скорую руку. Но не смѣхъ-ли истинной! Вѣдь случись же такъ, что и тутъ надобно было еще маленькой бѣдушечки стрястися! Мы велимъ подавать, но къ намъ не несутъ. «Да что вы тамъ сѣли?» — «Да не найдемъ-де жаренаго», говорятъ они намъ, отыскивая его вездѣ и вездѣ въ темной дѣвичей. — «Да куда же вы его дѣли?» — «Здѣсь-де, на лавкѣ поставили, но его-де и пирога нѣтъ, не знаемъ, не вѣдаемъ, куда дѣлся!» — «Дураки такіе-сякіе! да возьмите свѣчку!» Взяли свѣчку, и тогда нашли пирогъ на полу въ своей салфеткѣ, а жаркого нѣтъ: оное сгнило и пропало. Но что же съ нимъ случилось! Людцы наши, ходючи взадъ и впередъ, позабыли затворять двери въ сѣни, а тутъ гдѣ ни возьмись дворная собака, вскочила въ дѣвичью, и обнюхавъ жареное, цапъ его царапъ, вытащила на дворъ, и тамъ, вмѣсто насъ, благополучно отправляла надъ нимъ свой ужинъ. «Ахъ дураки, дураки!

воскликнули мы, о семъ узнавши, что это вы надѣлали!... Ну, подавайте хоть пирога уже!» — «Но глядь, анъ и онъ весь разбрюзъ и развалился, таки тѣсто тѣстомъ. Людцы наши позабыли о немъ и не вынули его изъ-подъ лавочки въ каретѣ при переѣздѣ чрезъ Лопасну, а отъ залившейся въ карету воды все блюдо съ нимъ и наполнилось водою, и онъ дорогою все мокъ, и размокъ такъ, что приняться было не можно. «Ахъ, батюшки мои! воскликнули мы: надобно-жъ было и сему случиться! Да гдѣ у васъ, проклятыхъ, былъ умъ и разумъ!...» кричали и бранились мы на своихъ лакеевъ. — «Ну, что дѣлать, виноваты, судыр, намъ и не ума было, что онъ тамъ». — «Ну, что ты изволишь теперь дѣлать, (сказалъ я потомъ), и что намъ ужинать? велѣтъ, развѣ скорѣй сварить яицъ въ смятку, и каши размазни?» — «Помилуй! закричали мои спутницы, когда варить? уже полночь самая». — «Да какъ же намъ быть?» — «Ну, поѣдимъ хотя начинки (сказали онѣ), да верхнихъ корочекъ, не совѣмъ еще размокшихъ». Итакъ, ну-ка мы садиться за столъ и приниматься за свой размокшійся пирогъ, и хоть не до сыта, а сколько-нибудь наѣлись, и спѣшили потомъ скорѣе спать ложиться. Но и тутъ долго мѣшала намъ стужа, случившаяся на ту пору, и мы насилу-насилу согрѣвшись кое-какъ уснули.

Вотъ каковъ случился тогда съ нами денечикъ? Мы, вспоминая претерпѣнныя нами въ теченіе его бѣды и напасти, и смѣялись и горевали. Однако не думайте, что всѣ онѣ еще кончились. Въ послѣдующемъ за симъ письмѣ найдете вы описаніе еще множайшихъ. А теперешнее дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ кончить, и сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

(Генваря 13-го дня 1809 года).

СВАДЬБА.

Письмо 183-е.

Любезный пріятель! Ну, теперь надобно мнѣ вамъ рассказать достальное о

нашей достопамятной ѣздѣ на свадьбу, и вы готовьтесь слушать еще многія бѣды и напасти, но отличныя отъ преслѣдовавшихъ тѣмъ, что всѣ сіи имѣли свое отношеніе не къ намъ, а уже къ прочимъ, соучаствующимъ въ семъ бракосочетаніи, хотя и мы принуждены были брать въ томъ нѣкоторое соучастіе.

День къ бракосочетанію сему назначенъ былъ послѣдующій, и хотя случился онъ въ самой праздникъ Покрова Богородицы, но намъ не до того было, чтобъ ѣхать поутру къ обѣднѣ, а мы ради были, что сколько-нибудь обогрѣлись, и заснувши такъ поздно, проспали долго, и представили одной нашей сосѣдкѣ молиться за себя и за всѣхъ насъ Богу; а сами, вставши и напившись досыта чаю, принялись за домашнія кой-какія дѣла, осматриванія и распоряженія. Я бросился опять за любезные свои сады, обѣгать всѣ оныя, пересмотрѣлъ все, и потазавъ за многое кое-что своихъ садовниковъ, приказывалъ, что имъ въ достальное время той осени въ нихъ сдѣлать. Между тѣмъ является къ намъ человѣкъ отъ нашей сосѣдки съ униженнѣйшею просьбою, чтобъ мы пожаловали къ нимъ кушать, и съ рассказываніемъ намъ, что вчера Анна Николаевна всѣ глаза, въ ожиданіи нашего приѣзда, просмотрѣла, и находилась въ превеликомъ горѣ, думая, что насъ что-нибудь задержало и мы вовсе не будемъ, и что самое сіе принудило ее, не дождавшись насъ, отправить вчера въ домъ къ жениху и все свое приданое, по обыкновенію. «Очень хорошо! (сказали мы) и къ чему бы насъ для сего и дожидаться, дѣло сіе можно было и безъ насъ сдѣлать. Скажи, братецъ, что мы будемъ. Но кто еще, кромѣ насъ, будетъ у Анны Николаевны?» (спросили мы). — «Одной-де только Катерины Андреевны Пестовой, изволить боярыня дожидаться. Къ ней третьяго дни посылали, и она изволила обѣщать приѣхать сегодня къ обѣду». — «Хорошо это! но изъ мужчинъ-то кто?» — «Никого-де, кромѣ васъ; а не будетъ-ли развѣ братецъ вашъ, Михайла Матвѣевичъ; но и то Богъ знаетъ, что то

не очень здоровъ». Сказавъ сіе слуга усмѣхнулся. — «Такъ, братецъ! (сказалъ я самъ, засмѣявшись) болѣзнь конечно извѣстная! Небось молодецъ подгуляхомъ! Ему воля тутъ безъ меня бражничать и колобродить!» — «Ну, что говоритъ (подхватилъ слуга): есть тотъ грѣхъ; да и другой-та братецъ, не лучше его: иѣтъ Божьяго дня, въ которой не былъ бы на веселѣхъ». — «Что ты говоришь, не вправду ли?» (спросилъ я). — «Ей-ей (сказалъ слуга), уже намъ всѣмъ съ-диву, и ажно жалко, что такой еще молодой человекъ, а вдался въ такую блажь и слабость; съ кругу почти, судырь, спился». — «Ахъ, Боже мой! (вздохнувъ, воскликнулъ я): какъ мнѣ этого жалъ; но, а Марья-то Петровна, что?» — «Эта уже напрямки отказать изволила, говоря, что она не домогаеть». — «Ахъ, батюшки мои, ужъ не такую-же ли болѣзнь?» — «Да Богъ знаетъ, водятся и за нею такіе-же грѣшки». — «Ну, хороши же всѣ они ребята! (воскликнулъ я), собрались кстати одинъ къ другому и масть къ масти. И, да что это они, чудесники, затѣяли! ахъ, шуты, шуты и негодяи! И, что это они безъ меня тутъ чудесать». Покачавъ головою, и внутренно объ нихъ сожальѣя, говорю я наконецъ: — «Ну, поди, братецъ! кланяйся Аннѣ Николаевнѣ и Маринѣ Аванасьевнѣ, и скажи, что мы тотчасъ будемъ». Я и въ самомъ дѣлѣ тотчасъ началъ одѣваться и велѣлъ запрягать карету.

Приѣхавши къ нимъ, нашли мы ихъ въ превеликихъ хлопотахъ и суетахъ. Онѣ встрѣтили насъ съ пренизкими поклонами и благодареніями за то, что мы ихъ одолжили своимъ приѣздомъ; и слышавъ обо всѣхъ случившихся съ нами незгодьяхъ, не находили довольно словъ къ изъясненію своего крайняго обо всемъ томъ сожалѣнія, но мы всему тому уже только смѣялись. Мы нашли у нихъ столъ, уже накрытой, но гостя ихъ еще не бывала. Мы спрашиваемъ объ ней; и онѣ тоже подтвердили, что намъ сказывалъ уже слуга, и говорили, что Катерина Андреевна, по любви своей къ нимъ, дала имъ вѣрное слово приѣхать и съ Марьею

Михайловною, дочерью своею, и по-стараться, какъ можно, поспѣть къ обѣду, дабы можно было успѣть одѣть невѣсту благовременно. Далѣе сказывали онѣ намъ, что Марья Михайловна обѣщала привезть съ собою и всѣ свои брилліанты и наилучшее свое платье для убранія невѣсты. «На что-же этого лучше! (воскликнули мы) такъ подождемъ уже!»

Какъ сія госпожа Пестова была во всемъ нашемъ округѣ и околоткѣ дама умная и наипочтеннѣйшая, а и дочь ея дѣвушка свѣтская и разумная, то ради были мы всѣ тому, что онѣ приѣдутъ, и что будетъ кому невѣсту порядочно нарядить, и съ кѣмъ женѣ моей препроводить ее къ вѣнцу; да и тамъ въ домѣ жениховомъ (говорили мы), съ такою умною и почтенною дамою будетъ намъ не постыдно. «Какое-бы тамъ у нихъ ни было сборище (говорили мы), но Катерина Андреевна въ грязь лицомъ насъ вѣрно не кинетъ», почему съ удовольствіемъ и расположились ждать ея прибытія.

Между тѣмъ стали мы обстоятельнѣе спрашивать хозяекъ о томъ, кто и кто будетъ съ жениховой стороны, и какъ удивились, узнавъ, что у нихъ тамъ будетъ превеликое сборище, и что наѣхало къ нимъ изъ Москвы множество родныхъ и знакомыхъ. Ибо надобно знать, что всю свадьбу сію взялась сыграть у себя въ домѣ родная сестра женихова, боярыня бойкая и разумная, бывшая тогда за княземъ Петромъ Ивановичемъ Горчаковымъ, роднымъ братомъ прежняго Котовскаго владѣтеля, ближняго сосѣда и пріятеля моего, князя Павла Ивановича. И какъ они предъ недавнимъ до того временемъ деревню Котово купили себѣ у господина Темешова, то и расположились свадьбу сію сыграть въ помянутой, намъ сосѣдственной и въ виду у насъ находящейся деревнѣ, и въ тутошнемъ старинномъ еще домѣ. И какъ деревня сія была отъ насъ близимъ-близехонько, то были мы тѣмъ и довольны, хотя большая съѣхавшаяся къ нимъ московская родня и наводила намъ собою нѣкоторую заботу.

Не успѣли мы у сосѣдокъ нашихъ уѣсться, какъ поглядимъ катить къ нимъ и женихъ съ обыкновеннымъ утреннимъ своимъ визитомъ, въ модной каретѣ, съ прекрасною упряжью и лошадьми, и съ лакеями, богато одѣтыми. Тутъ впервые мы его увидѣли. Былъ онъ г. Басаргинъ, по имени Яковъ Ивановичъ, человѣкъ еще молодой, холостой, и съ виду довольно изрядной; и мы ознакомились и обрекомендовались съ нимъ тотчасъ, и онъ всѣмъ намъ такъ показался, что мы хвалили хозяйку за ея выборъ, и желали ей отъ искренняго сердца всякаго благополучія и лучшаго счастья въ своемъ замужествѣ, нежели какое она до того имѣла. Она унимала жениха у себя обѣдать, но онъ отговорился отъ того общаніемъ приѣхать къ своимъ роднымъ; а мы тому были и рады. Итакъ, посидѣвъ у насъ нѣсколько минутъ, онъ и поѣхалъ отъ насъ, взявъ общаніе, что мы въ сумерки приѣдемъ къ нашей церкви.

Проводивши его, стали мы то и дѣло поглядывать на ворота, и смотрѣть, не ѣдетъ-ли наша Катерина Андреевна. Но прошла цѣлой часъ, а ее не видать еще было. «Господи, думаемъ мы, уже не задержало-ли ее что-нибудь? пора-бы кажется уже быть! Милино не такъ далеко, чтобъ не можно было ей поспѣть, какъ бы тихо она нѣхала». Поговоривъ о семъ и потолкуя, располагаемся опять ждать; но проходитъ еще полчаса, проходитъ и цѣлой уже часъ, но ее нѣтъ и въ появлѣ. Нетерпѣливость наша увеличивается съ каждою минутою. Мы посылаемъ уже людей за дворъ, на поле и на взлобокъ, откуда далеко можно видѣть по дорогѣ. Приказываемъ смотрѣть и дать намъ извѣстіе, какъ увидятъ.... но нѣтъ и оттуда никакого слуха! Сіе начало насъ уже и озабочивать и тревожить. «Батюшки мои! (говоримъ мы), ужъ будетъ-ли она?» — «Какъ не быть! (отвѣчаетъ хозяйка). Нельзя тому стать! она вѣдаетъ, что я услала уже съ приданымъ все мое платье, и что мнѣ и одѣться будетъ не во что!» — «То-то хорошо! воскликнули мы, сіе услышавъ и тѣмъ поразившись. Но ну, если

она въ самомъ дѣлѣ зачѣмъ-нибудь да не будетъ, какъ тогда-то быть?» — «Я уже истинно не знаю (сказала хозяйка); но кажется не быть ей никакъ не можно. Ежели-бъ что помѣшало, то вѣрно бы прислала сказать, и прислала хоть бы платье». — «То такъ (отвѣчали мы), это мы уже и сами думаемъ. Боярыня она умная, и не сдѣлаетъ того, чтобъ оставить безъ всякаго извѣстія. Но со всѣмъ тѣмъ, чтожъ за диковинка, что она не ѣдетъ?» — «Ужъ не вздумала-ли она (сказала хозяйка), отслушать напередъ обѣдню, вы знаете, что она боярыня богомольная, а сегодня такой большой праздникъ. И это можетъ быть ее и задержало!» — «Ну, это вѣрно такъ (воскликнулъ я), и хоть къ бабушкѣ не ходи, это обѣдня всему виновата! Но въ этакое случаѣ хоть бы право и не до обѣдни! можно-бъ и въ другое время досыта намотиться».

Поговоривъ и погадавъ о семъ, принялись мы опять ждать съ неописаннымъ и мучительнымъ нетерпѣніемъ. Истинно просмотрѣли мы всѣ глаза свои, и каждая минута казалась намъ десятью минутами. И насилу-насилу наконецъ увидѣли мы свою Катерину Андреевну. Но въ какомъ же положеніи?... идущею самъ-другъ, съ дочерью своею пѣшкомъ, и несущою ларчикъ свой подъ мышкою. Нельзя изобразить, какъ поразились мы сими зрѣлищемъ! Мы выбѣжали безъ памяти на крыльцо, и увидѣвъ ее всю замаранную грязью, и отъ усталости едва переводящую духъ, ей закричали: «Ахъ, матушка, Катерина Андреевна, что это такое съ вами случилось?» — «Чего, батюшка! (прерывая отъ усталости голосъ, сказала она), такая бѣда! изломайся подъ каретою колесо, и такъ хорошо, что ни съ мѣста. И легко-ли, батюшка! версты съ три принуждены мы были съ дочерью брести по грязи пѣшкомъ.... Задыхаюсь даже отъ усталости!... Пустите, ради Бога, скорѣе отдохнуть!...»

Остолбенѣли мы, сіе услышавъ, и извѣщая сожалѣніе свое о томъ, не успѣли ее ввести въ комнаты, какъ она и рынула на короватъ отъ изнеможенія. «Ахъ,

Боже мой (воскликнулъ я, всплеснувъ руками), не сущее-ли несчастье, и не бѣды-ли по бѣдамъ! Что это такое, и какъ быть?» Но смущеніе наше всѣхъ вообще еще больше увеличилось, какъ услышали, что брилліанты хотя были принесены съ собою, но платью все, и ихъ, и назначенное для невѣсты, въ каретѣ, а сія осталась еще версты за три, стоящая на мѣстѣ и на чистомъ полѣ! «Батюшки мои! (закричалъ я), людей, людей! Скорѣе посылайте ихъ туда, отыскивайте скорѣе толстой рочагъ и веревки, и подвязавъ, притащите ее какъ-нибудь. А между тѣмъ не послать-ли дрожки для привоза дѣвушки и связокъ платья?» — «Хорошо, хорошо, батюшка!» закричали всѣ наши барышни въ голоса. Итакъ, ну-ка мы скорѣй снаряжать дрожки, и приказывать скакать скорѣе, и посылать людей съ рочагомъ и веревками къ оной; а между тѣмъ звать Катерину Андреевну за столъ. Но сія только и твердила: «нѣтъ силъ, батюшки мои! и дайте отдохнуть. Кушайте себѣ, а я поѣмъ послѣ; мнѣ нейдетъ и на умъ теперь ѣда». Но намъ какъ можно было ее оставить? Принуждены были и мы еще немного погодить, и потомъ насилу-насилу ее уговорили вытти къ столу.

Покуда мы обѣдали и всячески ее угодить старались, привезли къ намъ и ея дѣвушку со всѣмъ платьемъ, а вскорѣ за симъ притащили и карету. Подъ сію велили мы тотчасъ отыскивать вездѣ, и у хозяйки и у меня въ сараяхъ, колеса, и по особливому счастью нашли одно, годившееся точъ въ точъ по оси, и обрадовались, что сіе горе съ нашихъ плечъ свалилось. Но того и не помышляли, что предстояло намъ новое горе и новая работа, смутившая насъ до крайности. Едва мы отобѣдали, какъ начало уже смеркаться, и намъ необходимо надобно было приниматься за убраніе и одѣваніе невѣсты, и поспѣшать тѣмъ возможнѣйшимъ образомъ. Но какимъ поразились мы изумленіемъ, какъ вдругъ наша Катерина Андреевна на отрѣзъ намъ сказала, что она никакъ не въ силахъ съ нами ѣхать, и

не поѣдетъ, а чтобы мы ѣхали одни съ невѣстою. Боже мой, какъ перетревожились тѣмъ и невѣста, и мать ея, и жена моя. Всѣ приступили къ ней съ препокорнѣйшими просьбами; но она стала въ томъ, чтобы не ѣхать, и ни на какія просьбы не соглашалась. Мы такъ и сякъ, мы ее уговаривать, мы упрашивать, но не тутъ-то было, и ничто не помогало. Заупрямилась, да и только всего! Что было дѣлать? Невѣста въ слезы, мать ея кланяется ей почти въ ноги, жена моя говорить, что безъ нея и она не поѣдетъ, а я, съ моей стороны, употребляю все, что только могъ находить къ ея убѣжденію. Долго сіе продолжалось, и насилу-насилу, и по долговременномъ убѣжденіи, и всеобщими поклонами уговорили мы ее, и она дала слово.

И тогда ну мы всѣ спѣшить и сами одѣваться, и невѣсту убирать, и кареты готовить, и все готовить. Тутъ подѣхалъ къ намъ и Михайла Матвѣевичъ, но сему мы были и ради и нѣтъ. У молодца былъ уже лобъ изрядно накаченъ, но какъ не отсылать же было его назадъ, то принуждены мы были брать и его уже съ собою. Между тѣмъ какъ все сіе происходило, наступили не только сумерки, но и ночь совершенная, и къ умноженію досады нашей, по случившейся тогда пасмурной погодѣ, самая темная, ненастная и холодная. Мы еще и въ половину невѣсты не одѣли, какъ глядимъ, скачетъ къ намъ гонецъ изъ церкви съ вопрошаніемъ, скоро-ли мы будемъ, и съ увѣдомленіемъ, что женихъ съ поѣздомъ своимъ давно уже въ церкви, и насъ дожидается. «Тотчасъ, тотчасъ будемъ», говоримъ мы ему въ отвѣтъ, и отправляемъ назадъ, а сами усугубляемъ старанія свои о скорѣйшемъ снаряженіи невѣсты.

Наконецъ, кое-какъ убравшись и снарядившись, поѣхали мы съ невѣстою къ церкви. Тамъ нашли мы весь жениховъ поѣздъ и его самого, иззябнувшихъ отъ стужи и холоднаго вѣтра. Обѣ барышни наши также прискакали вслѣдъ за нами смотрѣть невидальщины свадьбы, и не менѣе ихъ иззябли. Но какъ бы то ни

было, но бракосочетаніе совершилось благополучно, и мы, пообрекомендовавшись, по обыкновенію, отпустили напередъ жениха, а сами на нѣсколько минутъ остались. И что-жъ случись тогда еще? Путь былъ хотя недалій, но какъ темнота была превеликая, факеловъ же ни съ женихомъ, ни съ нами не случилось, а надобно было переѣзжать еще вершину съ рѣчкою Язовскою почти подъ дворомъ, то и завезли жениха нашего куда-то въ ровъ, и карету его порядочно съ нимъ опрокинули. Бѣднякъ испужался въ прахъ, но по счастью ничѣмъ не зашибся, а выдираясь изъ ней, замарался только грязью; и какъ карету не могли скоро опять подпять, то ну-ка онъ молотъ по грязи пѣшкомъ домой, и пробираться скорѣе сквозь садъ, чтобъ успѣть до приѣзда нашего переодѣться, и надѣть другіе чулки вмѣсто испачканныхъ совѣмъ грязью.

Мы всего того не знали и не вѣдали, и услышавъ о томъ на дорогѣ, согрѣшили, и разсмѣявшись сказали: «Ну, не однимъ же намъ терпѣть бѣды и напасти. Надобно же и имъ сколько-нибудь имѣть въ томъ соучастіе: мы не грѣшныя, а они не праведныя!». Говоря симъ образомъ и удивляясь соединенію толь многихъ бѣдъ, доѣхали мы съ своею невѣстою порядочно и безъ всякаго помѣшательства и остановки до дома женихова.

Оной нашли мы великолѣпно освѣщенной и наполненной множествомъ господъ и госпожъ. Насъ приняли, по обыкновенію, и тотчасъ повели сажать за столъ, убранной пышнымъ образомъ и по-княжески. Меня, какъ отца посаженнаго, посадили, по обыкновенію, подлѣ жениха, а госпожу Пестову подлѣ невѣсты, а подлѣ меня друга и товарища моего, раскиснушаго почти совѣмъ, Михаила Матвѣевича. Сего молодца сколько дорогою я ни упрашивалъ, чтобъ онъ какъ можно меньше говорилъ; но статошное-ли дѣло, чтобъ послушаться; но тутъ-то и велерѣчіе проявляется. Молодецъ забылъ всѣ мои просьбы и увѣщанія, и занесъ тотчасъ околесную, и ну врать, хохотать, и смѣяться, самъ не зная чему. Я его

ногою толкъ; я еще разъ, но онъ и не помышляеть переставать. Стыдъ мой головушкѣ, и горе превеликое! Но по счастью особенной случай и происшествіе внезапное и всего меньше всѣми ожидаемое отвратило скоро всѣхъ вниманіе отъ сего чудотворца, и перепугавъ всѣхъ, заставило о иномъ думать.

Догадало нашего жениха достать гдѣ-то пушки и установить ихъ для стрѣльбы подъ самыми окнами зала. Мы о томъ вовсе не слыхали и ничего не вѣдали, и потому едва только изъ нихъ при питьѣ здоровья женихова начали стрѣлять, какъ многіе, не знавшіе того, заахали и повскакали отъ испуга. Жена моя, боявшаяся всегда стрѣльбы, была первая изъ оныхъ, а не менѣе испужался и самъ мой братецъ, хотя и служилъ въ артиллеріи офицеромъ. Обстоятельство сіе произвело смѣхъ въ нѣкоторыхъ особахъ; но смѣхъ сей скоро превратился во всеобщее сожалѣніе: ибо не успѣли разъ и пяти выстрѣлить, какъ вдругъ нѣчто подъ окномъ съ превеликимъ гуломъ вспыхнуло и такъ освѣтило всю залу, что всѣ повскакали съ мѣстъ своихъ; и какъ непосредственно за симъ произошелъ превеликой шумъ, кричанье и оханье подъ окнами, то поразились всѣ неописаннымъ изумленіемъ, и многіе закричали: «Что такое? что такое?» и послали спрашивать. И тогда, къ общему всѣхъ прискорбію, узнали мы, что изъ заряжающихъ пушки неискусныхъ людей, держалъ одинъ въ рукахъ мѣшокъ съ пятью фунтами пороха, и былъ такъ неостороженъ, что стоялъ такъ близко и въ такомъ положеніи отъ одной пушки, что сверкнувшая искра отъ палбы попала ему въ мѣшокъ, и зажгла весь порохъ въ ономъ, и сей бѣдняка сего всего опалилъ и повергъ на землю. Сіе въ прахъ всѣхъ стрѣлковъ перепугало, ибо всѣ думали, что его убило, а отъ сего и произошелъ помянутой крикъ и шумъ.

Нельзя изобразить какъ перетревожилась тѣмъ вся наша компанія, и какос началось у всѣхъ тогда судаченье и сожалѣніе объ артиллеристѣ неискусномъ

Позабыты были всѣ и церемоніалы. Многіе, повскакавъ съ мѣстъ своихъ, бросились иные на дворъ и къ пушкамъ, а иные къ окнамъ смотрѣть мнимоумерщвленнаго. Но, по счастью, оказался онъ живъ, а только опаленъ какъ чурка, и кровь лилась съ лица и со всей головы его. Ну-ка мы тогда думать и гадать, чѣмъ бѣднику сему помогать, и, по счастью, вспомнилось мнѣ, что въ такихъ случаяхъ всего пригоднѣе бобовая или гороховая мука. Итакъ, тотчасъ велѣли оной изъ гороха въ жерновахъ намолотъ, и всего его мукою сею усыпать. А сіе и дѣйствительно такъ чудесно помогло, что онъ въ немногіе дни послѣ того, какъ я послѣ узналъ, совершенно отъ ранъ своихъ исцѣлился.

Между тѣмъ легко можно заключить, что случай сей принудилъ тогда перестать стрѣлять изъ пушекъ. И мы насили-насили уцѣлись опять по своимъ мѣстамъ, и начали продолжать обыкновенную свадебную церемонію, а окончивъ столъ, поѣвши сластей и конфетовъ, напившись кофею, и распрощавшись съ новобрачными, отправились въ свою деревню. Но путь до ней каковъ ни былъ коротокъ, и съ какою осторожностію мы ни ѣхали, и тащились почти съ шагу на шагъ, но не могли и тутъ доѣхать по добру по здорову, а надлежало и тутъ еще случиться съ нами бѣдѣ, и бѣдѣ всѣхъ прочихъ чувствительнѣйшей, по за то и самой уже послѣдней. При выѣздѣ изъ Котова надобно намъ было переѣзжать чрезъ высокой и прескверной мостъ, чрезъ устье рѣчки Язовки сдѣланной. Наша карета переѣхала-таки благополучно, но подъ каретою госпожи Пестовой какимъ-то образомъ проступилась въ прорѣху одна лошадь, и ну биться. Она смяла-было всѣхъ лошадей, и стащила самую карету подъ мостъ, но спасибо кое-какъ сію удержали. Но бѣдная лошадь такъ себя насадила и измучилась, что на другой день отъ того, къ великому прискорбію г-жи Пестовой, окочѣла. Но мы ради были, что не сидѣли сами въ каретахъ, но вышли изъ нихъ не

взвѣзжая еще на мостъ, и перешли оной пѣшкомъ, а то и сами мы на смерть перепугались бы.

Симъ кончились всѣ наши бѣды и напасти, ибо въ день бывшаго на утрѣ княжова пира, на которой мы уже всѣ и съ боярышнями нашими ѣздили, не случилось ничего особеннаго, и мы кончили сей свадебной пиръ довольно весело и благополучно, а въ послѣдующій день, повидавшись съ обоими братьями, и потазавъ ихъ хорошенько за ихъ невольность, и пожалѣвъ искренно о меньшомъ, найденномъ уже въ великой разстройкѣ здоровья, поѣхали мы въ свой обратный путь; и нашедъ у господина Шущерина колесо свое, за-ново починенное и исправленное, и въ благодарность за то у него переночевавши, благополучно на другой день возвратились въ Кіасовку, и не могли долгое время надивиться совокупленію толь многихъ несчастныхъ произшествій, случившихся съ нами въ ѣзду сію; и свадьба сія весьма памятна намъ еще и понынѣ.

Дни черезъ два по возвращеніи нашемъ, насталъ и 38-й годъ моей жизни. Я препроводилъ оной первой день, по обыкновенію своему, тихомолкою, и празднуя оной духовно; а ко дню именинъ моихъ приѣзжали къ намъ и наши молодые съ обыкновеннымъ свадебнымъ визитомъ, и чрезъ то сдѣлали намъ сей день пріятнѣйшимъ, въ которой посѣтили насъ и нѣкоторые изъ сосѣдей тамошнихъ.

Въ достальное время тогдашней осени не произошло у насъ ничего особеннаго и замѣчанаго достойнаго, кромѣ того, что я занимался отыскиваніемъ во всѣхъ волостныхъ дачахъ бѣлаго, годнаго для тески камня, и принужденъ былъ для сего объѣздить всѣ деревни, и обшарить, такъ сказать, всѣ поля и вершины въ оныхъ; но на всѣ мои старанія и труды несмотря, не могъ никакъ нигдѣ отыскать оныхъ.

Еще памятно мнѣ, что въ сію осень заѣзжали ко мнѣ многіе изъ прежнихъ, и не только изъ знакомыхъ, но и совсѣмъ незнакомыхъ людей, и отчасти для какихъ-нибудь надобностей, а отчасти для

узнанія только меня, и я имѣлъ случай познакомиться чрезъ то со многими совѣмъ мнѣ до того незнакомыми людьми. Въ особенности же памятно мнѣ, что однажды имѣлъ я удовольствіе при проѣздѣ чрезъ наше село видѣть моихъ прежнихъ сотоварищей въ ученіи, дѣтей генерала Маслова, съ которыми учился я вмѣстѣ французскому языку въ Петербургѣ, у нихъ въ домѣ. Оба они тогда уже такъ перемѣнились, что и узнать ихъ было не можно. Я, услышавъ, что они остановились ночевать въ селѣ, нарочно къ нимъ ходилъ. Но обращеніе ихъ показалось мнѣ столь холоднымъ и спѣсивымъ, что я жалѣлъ о предпріятіи трудѣ, и посидѣвъ немного у нихъ, пошелъ, и пересталъ объ нихъ и думать.

Далѣе достопамятно, что мы въ сію осень основали тутъ хлѣбной магазинъ, по примѣру богородскаго, чрезъ сборъ съ крестьянъ по небольшому количеству съ тягла.

Въ мѣсяцъ ноябрѣ, имѣлъ я опять удовольствіе получить изъ Петербурга, отъ господина Нартова, дружеское и пріятное письмо съ приложеніемъ XXVII-й части Трудовъ Общества. Въ сей части напечатано было продолженіе сочиненія моего о хмѣлеводствѣ со всѣми приложенными къ нему моими рисунками, которыми я наиболѣе всѣхъ и взбудоражилъ, и заставилъ обратить вниманіе свое къ сей части сельскаго домоводства. И господинъ Нартовъ увѣдомлялъ меня, что пьеса сія принята весьма благосклонно, и называя меня любезнымъ патріотомъ говорилъ: «Не преставайте далѣе упражняться и сообщать намъ свои похвальные опыты. Они вамъ дѣлаютъ честь, и славу отечеству нашему». Таковая похвала, признаюсь, была мнѣ не только не противна, но щекотала мое честолюбіе.

Далѣе замѣчанія достойно, что около сего времени получили мы первое извѣстіе о томъ великомъ переворотѣ во всемъ нашемъ отечествѣ, которой произведенъ чрезъ реформу всего нашего внутренняго гражданскаго правительства, и из-

данное новое учрежденіе о намѣстничествахъ и всего прочаго. Эпоха сія была, по всей справедливости, самая достопамятная во всей новѣйшей исторіи нашего отечества, и послѣдствіями своими произвела во всемъ великія перемѣны. Мы читали все сіе учрежденіе съ особливимъ вниманіемъ и готовились заблаговременно уже ко всѣмъ перемѣнамъ, должствующимъ проистечь отъ сего важнаго преобразованія.

Вскорѣ за симъ и при наступленіи первыхъ зимнихъ мѣсяцевъ, не столько повстревоженъ, сколько удивленъ я былъ однимъ, всего меньше мною ожидаемымъ извѣстіемъ. Узналъ я, не помню уже чрезъ кого и по какому случаю, что богородицкой управитель, извѣстный господинъ Опухтинъ, уже отставленъ, а на мѣсто его, обѣщанное княземъ столь свято мнѣ, опредѣленъ не я, а нѣкакой князь Гагаринъ, по имени Иванъ Ивановичъ, служившій до того ассесоромъ или тогдашнимъ воеводскимъ товарищемъ въ Тулѣ. Сперва удивило меня сіе извѣстіе, и я не хотѣлъ-было тому и вѣрить; но какъ оказалось оно достовѣрнымъ, то, признаюсь, нѣсколько и подосадовалъ на князя, и самъ себѣ говорю: «Эхъ! старичокъ, не сдержалъ своего честнаго слова!... не ожидалъ-было я сего отъ тебя». Но досада моя продолжалась очень недолго, но какъ скоро узналъ я, что помянутой князь Гагаринъ былъ ему какой-то недалній родственникъ, то сказалъ: «И! рубашка къ тѣлу ближе кафтана! И можно-ль мнѣ и требовать того, чтобъ я предпочтенъ былъ его кровному.» Махнулъ рукою и пересталъ о томъ и думать а болѣе потому, что я, обжиившій въ Кіасовкѣ, былъ и симъ мѣстомъ совершенно доволенъ, и не имѣлъ ни малѣйшей причины ни на что жаловаться. Жалованье получалъ я довольное, люди всѣ сдѣлались знакомы, трудовъ было хотя сначала довольно, но я успѣлъ уже большую часть изъ нихъ преодолѣть, сосѣди меня всѣ полюбили, жить намъ было не скучно, недостатка мы ни въ чемъ не терпѣли; а что всего лучше, то отъ дома

своего были очень близко, и могли всегда въ оной ѣздить, когда хотѣли, и пребывать тамъ сколько желалось. Итакъ, перенесъ я съ довольнымъ хладнокровіемъ сей неожиданной со мною случай, и охотно извинялъ князя въ его поступкѣ; а особливо заключая, что безъ сомнѣніи убѣдили его къ тому какія-нибудь важныя причины; ибо по извѣстной мнѣ добротѣ его сердца, никакъ не ожидалъ я отъ него, чтобъ онъ могъ учинить такое несообразное съ его честнымъ характеромъ дѣло попросту; что послѣ дѣйствительно и оказалось. И вотъ что, какъ я послѣ узналъ, произвело сію перемѣну.

Помянутой князь Гагаринъ, бывшій, какъ выше упомянуто, въ Тулѣ воеводскимъ товарищемъ, былъ человѣкъ не изъ далекихъ и не такой, которой бы извѣстенъ былъ по отчужденной честности своего характера, но подверженной обыкновеннымъ слабостямъ человѣческимъ, и между прочимъ зависти и корыстолюбію. Мѣсто опухтинское давно уже кололо ему глаза. И какъ молва повсюду носилась, что онъ весьма много нажилъ и получилъ въ короткое время нѣсколько чиновъ, то все сіе производило въ немъ нѣкоторую зависть и желаніе увеличить свой достатокъ, несмотря что имѣлъ онъ и безъ того довольной, побуждало его давно вождѣть сего, по мнѣнію его, столь прибыточнаго и выгоднаго мѣста, и домогаться всячески оного. Но кредитъ, въ какомъ находился Опухтинъ у старика-князя, полагалъ ему въ томъ непреодолимое препятствіе. Но какъ скоро прежде-упомянутымъ образомъ г-нъ Опухтинъ вздумалъ-было проситься у князя въ отставку, и потомъ упросилъ его дозволить ему остаться еще на нѣсколько времени; то съ одной стороны сіе, а съ другой — обнародованіе манифеста о учрежденіи намѣстничествъ, угрожавшее его неминуемо потеряніемъ своего ассесорскаго мѣста, побудило его искать всѣхъ возможныхъ средствъ къ согнанію Опухтина съ его мѣста, и къ убѣжденію старика-князя къ опредѣленію его на

мѣсто оного въ богородицкую волость управителемъ.

Итакъ, при помощи одного своего знакомца изъ тутошнихъ тульскихъ небогатыхъ дворянъ, но сущаго прошлеца и не только умнаго, но бойкаго, хитраго, лукаваго и пронырливаго человѣка, который былъ къ нему какъ-то вхожъ и отчужденно имъ любимъ, и приступилъ онъ къ употребленію всякихъ происковъ и хитростей, съ одной стороны къ согнанію Опухтина съ мѣста, а съ другой — къ убѣжденію старика-князя къ опредѣленію его въ Богородицкѣ на мѣсто оного. Обоимъ имъ былъ какимъ-то образомъ знакомъ и очень друженъ любимѣйшій сынъ старика-князя, извѣстный князь Сергѣй Сергѣевичъ. И какъ имъ извѣстно было, что могъ онъ многое сдѣлать изъ старика, а особливо при вспоможеніи старухи-княгини, его матери, то и пошли они симъ каналомъ, и преклонивъ молодого князя и старушку на свою сторону, приступили тотчасъ ко всѣмъ хитростямъ и коварствамъ къ доведенію Опухтина до того, что онъ не дождавшись истеченія непростительнаго имъ двухлѣтняго срока, расположился идти въ отставку. Богу одному уже извѣстно, какія и какія употребили они къ тому средства, и чѣмъ какимъ принудили Опухтина почти насильно и противъ хотѣніи проситься въ отставку. Не успѣли они черезъ лазутчиковъ своихъ узнать, что Опухтинъ дѣйствительно намѣреніе сіе принялъ, какъ и бросились въ Москву, и настроили молодого князя и княгиню въ свою пользу, и умѣли симъ дѣломъ такъ хорошо схитрить и спроворить, что въ самой почти тотъ пунктъ времени, какъ получена просьба отъ Опухтина, явился тутъ и молодой князь, и оба они съ матерью насѣли съ такимъ усиліемъ на старика-князя, что сколько онъ сначала ни упорствовалъ и никакъ не хотѣлъ опредѣлить въ Богородицкѣ не коротко ему знакомаго, и всѣхъ желаемыхъ имъ способностей неимѣвшаго князя Ивана Ивановича, и сколько онъ ни отговаривался, но какъ говорится въ послови-

цѣ, что ночная кукушка перекукуетъ денную, то не могъ и онъ никакъ отвязаться отъ неоступныхъ просьбъ и любимого сына, и жены своей старушки, и принужденъ былъ противъ хотѣнія своего на ихъ желаніе согласиться и Опухтина уволить, а на его мѣсто опредѣлить князя Гагарина. Но сіе было уже и послѣднее дѣяніе старушки-княгини, ибо она въ тотъ же годъ уже и умерла, и оставила князя доживать свой вѣкъ съ дѣтьми своими.

Итакъ, вотъ какимъ образомъ и почему досталось богородицкое управительское мѣсто князю Ивану Ивановичу. Сей молодецъ, не имѣя ни достоинствъ такихъ, какія имѣлъ Опухтинъ, ни свойствъ его, былъ совсѣмъ не по сему мѣсту, и вмѣсто того, чтобы править волостью на такой же ногѣ, на какой было правленіе господина Опухтина, онъ удержалъ только то изъ его поступковъ, что льстило его корыстолюбію, а въ прочемъ сообщалъ вмѣстѣ съ помянутымъ прощеломъ, другомъ своимъ, и началъ волостью управлять совсѣмъ не на такихъ честныхъ правилахъ, на какихъ управлялъ до того Опухтинъ, и не столько помышлять о исправномъ наблюденіи многотрудной по тогдашнимъ обстоятельствамъ своей должности, какъ старался единственно о набиваніи своихъ кармановъ и объ отыскиваніи къ тому всѣхъ удобовозможныхъ способовъ.

Въ отправленіи сего толь многимъ людямъ свойственнаго и для всѣхъ бездѣльниковъ легкаго, а только однимъ честнымъ людямъ труднаго и мудренаго ремесла, имѣлъ онъ у себя двухъ помощниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ помянутой его, или паче княгини, жены его, задушевной другъ, господинъ Верещагинъ, по имени Петръ Алексѣвичъ. Сей чудной и можно сказать, по уму, способностямъ и всему характеру своему прямо удивительной молодой человекъ былъ и совѣтникомъ его, и наставникомъ, и помощникомъ, и всѣмъ и всѣмъ. Чтобы имѣть его всегда при себѣ, и пользоваться его умомъ и всѣмъ проворствомъ, онъ не преминулъ тотчасъ и тѣмъ же каналомъ доставить ему бо-

бриковское управительское мѣсто, съ опредѣленіемъ ему достаточнаго жалованья и содержанія; почему онъ тотчасъ и перевезъ все свое семейство, состоящее въ матери, трехъ сестрахъ и въ братѣ, въ село Боорики, и занялъ весь тамошній домикъ, стѣсня даже и самого архитектора, а самъ жилъ почти безвыѣздно въ Богородицкѣ у князя въ домѣ, и скоро простяка-князя довелъ до того, что онъ во всемъ плясалъ по его дудкѣ, и ничего не дѣлалъ и не предпринималъ безъ его совѣта и наставленія.

Другимъ помощникомъ былъ ему во всемъ, а особливо въ выдумываніяхъ всякихъ средствъ къ обогащенію, одинъ изъ тамошнихъ старинныхъ подъячихъ, по имени Иванъ же Ивановичъ, а прозвищемъ Варсовинъ. Сей отправлялъ тогда при немъ секретарскую должность, но не столько былъ свѣдущъ по дѣламъ и способенъ къ отправленію приказныхъ дѣлъ, сколько хитръ, замысловатъ и искусенъ въ томъ же прекрасномъ ремеслѣ, которое было у всѣхъ ихъ главнымъ предметомъ.

Итакъ, при помощи и въ совокупленіи съ сими двумя помощниками и друзьями, и началъ онъ тотчасъ поворачивать всю волость съ бока на бокъ, сосать изъ ней и медъ и млеко для утучненія своего и безъ того дебелаго тѣла. А таковая перемѣна и неприминула сдѣлаться всѣмъ тамошнимъ крестьянамъ чувствительною, и какъ послѣ я узналъ, дошла какимъ-то образомъ маніемъ до свѣдѣнія и до самого старика-князя.

Всего того я тогда не вѣдалъ, а будучи, какъ упомянуто, своимъ мѣстомъ доволенъ, скоро пересталъ о Богородицкѣ и думать. Почему и не давалъ князю никогда и вида не только какого-нибудь на него неудовольствія, но даже и того, что я о помянутой перемѣнѣ богородицкаго управителя и знаю.

Симъ окончился текущій тогда 1775-й годъ, съ окончаніемъ котораго окончу я и сіе письмо мое, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Генваря 14-го дня 1809 года).

1776-й годъ.

Письмо 184-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описанію произшествій, случившихся со мною въ теченіе 1776 года, и также по многимъ отношеніямъ весьма достопамятнаго въ жизни моей періода времени, начну тѣмъ, что и самое начало оного ознаменовалось особливѣмъ произшествіемъ, доставившимъ мнѣ совѣмъ неожиданное и пріятное удовольствіе. Не успѣлъ онъ начаться, какъ получаю я отъ князя, моего командира, претолстой пакетъ съ письмами. Распечатавъ, нахожу въ немъ нѣкоторые къ себѣ ордера, относящіеся до волостныхъ дѣлъ и обстоятельствъ, и копію съ доклада, дѣланнаго княземъ о разныхъ предметахъ государынѣ, и съ своеручными отмытками на всѣ его вопрошенія императрицы. Легко можно заключить, что бумага сія была для меня всѣхъ прочихъ любопытнѣе, и я не успѣлъ ее увидѣть, какъ, не читая ордеровъ, началъ прежде всего читать оную; но какимъ внезапнымъ и пріятнымъ удовольствіемъ поразила я, читая одинъ пунктъ, касающійся собственно до меня. Князь, расхваливъ меня, просилъ у государыни дозволенія о прибавкѣ мнѣ жалованья, сверхъ получаемыхъ мною 400 еще двухъ-сотъ рублей, дабы я по достоинствамъ моимъ получалъ оное наравнѣ съ управителемъ богородицкимъ; а государыня противъ сего пункта написала ему только слѣдующее слово: «Это зависитъ отъ воли вашей». — Ба! ба! ба! воскликнулъ я, сіе увидѣвъ, и натурально обрадуясь тому чрезвычайно: и не думано было о томъ и не помышляемо! Ай, князь! (продолжалъ я): Ну спасибо! ей-ей, спасибо!... Хотя и не устоялъ въ своемъ словѣ, но по крайней мѣрѣ позолотилъ мнѣ ту ниллю, которую молча проглотить я былъ долженъ! Теперь помирилъ ты меня совершенно съ собою! Слава, слава Богу! на что сего лучше? Мѣстомъ своимъ я и безъ того былъ доволенъ, а теперь, по-

лучая такое жалованье, какое получаетъ и богородицкой управитель, и того еще довольнѣе».

Сказавъ сіе, и подхвата докладъ и ордеръ княжой о самой сей прибавкѣ жалованья, побѣждалъ я тогожъ момента къ своимъ хозяйкамъ для сообщенія имъ сей радости. Легко можно заключить, что бумаги сіи, которыя заставилъ я ихъ самихъ читать, произвели и въ нихъ такое же удовольствіе, какъ и во мнѣ. Онѣ крестились только отъ радости, благодаря Бога, и благословляли князя за его ко мнѣ любовь и попеченіе.

Удовольствіе мое отъ сего было тѣмъ для меня чувствительнѣе и больше, что я всего меньше отомъ помышлялъ, и нимало о томъ князя не просилъ и того не добивался; а сдѣлалъ онъ сіе самъ собою, и какъ думать надобно совѣстясь, что онъ меня несдержаніемъ своего слова нѣкоторымъ образомъ обидѣлъ. Но я тысячу разъ ему сіе прощалъ, и былъ симъ поступкомъ его чрезвычайно доволенъ.

Итакъ, сей случай сдѣлался новымъ способомъ и источникомъ къ увеличенію маленькаго моего капиталца, которой и безъ того отъ благоразумной моей бережливости нарочито уже поувеличился. Ибо привыкнувъ всегда, по пословицѣ говоря: пожки протягивать по одежкѣ, былъ я весьма удаленъ отъ того, чтобъ по приумножившимся отъ жалованья моимъ доходамъ умножить и свои расходы по примѣру прочихъ, но за полезнѣйшее почелъ остаться при прежнихъ своихъ умѣренныхъ расходахъ, а всѣ излишки не только сберегать впредь на непредвидимыя нужды, но и умножать оные сколько было можно правильными и законными средствами. А послѣдую сему правилу не только полученную въ подарокъ себѣ сумму отъ княгини и Салтыкова отнюдь не истратилъ на ненужныя бездѣлки, но за умѣренные и законные проценты роздалъ всю вмѣстѣ съ избытками, оставшимися отъ расходовъ, малинскимъ волостнымъ торгующимъ всякою всячиною мужикамъ, чрезъ что въ протекшіе полтора года пребыванія моего въ Кіасовкѣ

уже знатно и безъ мала вдвое и такъ увеличилась, что я, при обыкновенномъ моемъ при началѣ каждаго года счетѣ, самъ тому удивился и благодарилъ Господа за сіе сниспосланное имъ ко мнѣ благословеніе.

Не успѣло послѣ сего нѣсколько дней пройти, и я сколько-нибудь духомъ успокоился, какъ ни думано, ни гадаю получить я изъ Москвы опять претолстой пакетъ, произведшій во мнѣ новое и такое для меня удовольствіе, которое ничѣмъ было не меньше перваго, хотя дѣло и не составляло такой важности. Присланъ онъ былъ ко мнѣ отъ новаго знакома моего, господина Гиппіуса, нѣмца, и содержалъ въ себѣ экземпляръ вышедшей только изъ печати первой части моей «Дѣтской Философіи». Боже мой! какъ обрадованъ былъ я, увидѣвъ въ первой разъ свое моральное сочиненіе напечатанное! Не могу и понинѣ забыть, какъ прыгалъ я тогда, какъ маленькой рабенокъ отъ радости, и съ какимъ не описаннымъ удовольствіемъ оно разсматривалъ. При всѣхъ несовершенствахъ и погрѣшностяхъ типографическихъ, съ какими сочиненіе сіе было тогда напечатано, казалось оно мнѣ и Богъ знаетъ какимъ хорошимъ, и я не могъ довольно на него насмотрѣться и имъ налюбоваться. Всѣ домашнія мои, которымъ я также книгу свою спѣшилъ показывать, должны были брать въ радости моей соучастіе, хотя имъ и не произвела она такого удовольствія какъ прежній случай.

Господинъ Гиппіусъ увѣдомлялъ меня, что и всѣ прочіе сто экземпляровъ, которые я по условію долженъ былъ получить изъ типографіи за трудъ мой, также готовы, и чтобъ я приѣзжалъ для полученія оныхъ самъ, или присылалъ кого съ надлежащею довѣренностію. А самое сіе и побудило меня поспѣшить въ Москву своимъ отъѣздомъ, куда я и безъ того хотѣлъ на короткое время съѣздить, какъ для принесенія князю моей благодарности, такъ и для отобранія отъ него нѣкоторыхъ повелѣній и

разрѣшеній по дѣламъ, до волости относящимся.

Итакъ, не долго думая, собравшись и полетѣлъ я въ Москву налегкѣ, и остановившись въ домѣ у пріятеля моего, господина Полонскаго, явился къ князю и изъявилъ ему достодолжную мою благодарность. Князю было сіе весьма пріятно, но онъ болѣе еще доволенъ былъ тѣмъ, что не упоминалъ я ни однимъ словомъ о богородицкой перемѣнѣ, а показывалъ видъ, будто я совсѣмъ о томъ и не знаю ничего, хотя прошло уже нѣсколько послѣ того мѣсяцевъ; самому же ему натурально не было резону о томъ мнѣ сказывать. А все сіе и произвело то, что сдѣлался онъ ко мнѣ еще благопріятнѣе прежняго, и не могъ со мною о нашихъ волостныхъ дѣлахъ довольно наговориться.

Что касается до друга моего, господина Полонскаго, то я нашелъ его въ неожиданной разстройкѣ и совсѣмъ въ другомъ положеніи. Какимъ-то образомъ поссорился онъ съ своею женою, и они разошлись врознь, и я крайне сожалѣлъ о сей ихъ размолвкѣ, которая къ несчастію продолжалась потомъ на весь ихъ вѣкъ, ибо жена его вскорѣ послѣ того кончила и жизнь свою, и онъ остался доживать свой вѣкъ вдовцомъ, и совсѣмъ уже не такъ хорошо, какъ живалъ онъ прежде.

Съ господиномъ Гиппіусомъ не преминулъ я натурально видѣться, и при посредствѣ его имѣлъ удовольствіе получить всѣ свои сто экземпляровъ моей книги, съ которыми тогда не зная, что и дѣлать. Но удовольствіе мое увеличилось еще несказанно, когда услышалъ я, что книга моя имѣла счастье полюбить публикѣ, и что многіе желаютъ продолженія оной, почему и совѣтовалъ онъ мнѣ о приуготовленіи и второй части сей книги, къ чему я, по возвращеніи моемъ изъ Москвы, тотчасъ и приступилъ, и началъ ее переписывать.

Какъ мнѣ въ Москвѣ никакихъ пыхъ нуждъ не было, то въ сей разъ и недолго въ ней пробылъ, по переговоривши обо

всемъ нужномъ съ княземъ, и поѣхалъ я обратно въ свое мѣсто. А не успѣлъ возвратиться, какъ обрадованы мы были опять приѣздомъ къ намъ нашихъ кашинскихъ родныхъ, которые прогостили у насъ и въ сей разъ недѣли двѣ, и доставили намъ сообществомъ своимъ много минутъ пріятныхъ.

По отъѣздѣ ихъ все тогдашней зимы достальное время провели мы въ обыкновенныхъ своихъ дѣлахъ и упражненіяхъ довольно весело. Половодъ въ сей годъ случилась подъ день самой Пасхи, и я встревоженъ былъ ею въ самое то время, когда стояли мы у завтрени. Прибѣжали ко мнѣ сказать, что прорывается водою мой новозапруженной прудъ, которымъ я такъ много любовался. Я ахнулъ ажъно сіе услышавъ, и прогнавши отъ самой завтрени туда народъ, поскакалъ и самъ безъ памяти къ нему-жъ; но скоро успокоился, увидѣвъ, что портился водою только конецъ самага водовода или отвода, и опасности дальней никакой не было.

Вскорѣ послѣ того случилась со мною та непріятность, что занемогъ и самъ я лихорадкою, и довольно жестокою; но по счастью продолжалась она недолго. Но при помощи лекаря и окуриванія себя моржевымъ ремнемъ, и бородавками съ ногъ лошадиныхъ, благополучно я отъ нея свободился.

Все наступившее потомъ вѣшнее время провели мы довольно весело. Я занимался отчасти дѣлами по должности, отчасти обыкновенными литературными упражненіями, а отчасти садами и цвѣтниками своими. Первыхъ дѣлъ было уже несравненно меньше противъ прежняго, почему и могъ я употреблять множайшее время для своихъ упражненій, что для меня было и пріятнѣе всего. А нельзя сказать, чтобъ и сады тамошніе меня слишкомъ занимали. Не было какъ-то къ тому никакого дальняго побужденія. Планъ къ будущему строенію былъ хотя ко мнѣ и присланъ, и матеріаловъ приготовлено довольно много, но охота къ строенію сему у князя какъ-то охладѣла, и онъ,

заѣзжая ко мнѣ сію весну на самое короткое время и почти мимоѣздомъ, говорилъ со мною о семъ строеніи такимъ тономъ, что я легко могъ усмотрѣть, что откладывалось оно въ дальній ящикъ, чему признаюсь былъ и радъ нѣсколько; ибо безчисленные, сопряженные съ нимъ хлопоты меня гораздо утруждали, а потому не находилъ я никакой побудительной причины прилѣпляться слишкомъ и къ тамошнимъ простымъ и ничего незначащимъ садамъ, равно какъ предчувствуя, что трудъ мой въ разсужденіи ихъ будетъ совсѣмъ тщетной.

Князь въ сей разъ былъ у меня одинъ, безъ дѣтей, и пробылъ только одни сутки, и осматривъ все и по обыкновенію своему одобривъ, поѣхалъ отъ меня въ Богородицкѣ. И достопамятнаго было только во время сего приѣзда то, что при случаѣ ловленія въ прудъ попрежнему рыбы, застигла насъ въ роцѣ пре-страшная гроза и проливной дождь, отъ котораго насилу мы успѣли добѣжать до двора, и убраться въ хоромы, а впрочемъ было все хорошо и ладно.

По отъѣздѣ князя восхотѣлось мнѣ, со всѣмъ своимъ семействомъ, сѣздить въ свою деревню. До того ѣздили мы обыкновенно на самое короткое время, а въ сей разъ хотѣлось мнѣ пробыть тамъ поболѣе, и нѣсколько дней сряду. Побуждали меня къ тому наиболѣе сады мои; я жалѣлъ объ нихъ, видя ихъ безъ себя часъ отъ часу сиротѣющимъ, и мнѣ хотѣлось сколько-нибудь поддержать оныя. Чтobъ мнѣ не такъ было скучно, то подговорилъ я съ собою ѣхать туда и моего лекаря, которой и помогъ дѣйствительно мнѣ проводить всѣ дни тогдашняго пребыванія моего въ деревнѣ съ множайшею пріятностію. Въ сей приѣздъ вздумалось мнѣ внизу подъ горою бывшую тутъ небольшую калдобину съ водою разрыть и превратить въ порядочную четырехугольную сажелку, послужившею потомъ первымъ основаніемъ всѣмъ моимъ водянымъ украшеніямъ въ сей подгорной части моего нижняго сада. Самой земляной холмъ, украшающій такъ много весь сей низокъ, съ

воздвигнутымъ на немъ круглымъ папильончикомъ, насыпанъ былъ въ сей самой разъ изъ земли, вынимаемой тогда изъ сей маленькой, но послѣ уже гораздо разширенной и въ озерко превращенной сажелки. И мы не одинъ разъ присутствовали съ лекаремъ при сей работѣ: онъ съ своею трубою, а я съ книгою въ рукахъ, и занимались пріятными разговорами. Ему вся моя усадьба и сады чрезвычайно полюбились, и онъ не могъ довольно расхвалить оныя.

Все послѣдующее за симъ лѣто провели мы хорошо и съ удовольствіемъ. Въ половинѣ онаго кончился уже и другой годъ пребыванія моего въ Кіасовкѣ, и мы не видали почти какъ протекло сіе время. Жить намъ тутъ такъ было хорошо, что чѣмъ долѣе мы тутъ жили, тѣмъ болѣе находили въ тамошнемъ своемъ пребываніи пріятностей и удовольствій. Весьма много помогала къ тому пріязнь и дружество къ намъ всѣхъ тамошнихъ сосѣдей. Всѣ они сдѣлались намъ власно какъ родные и не было никого изъ нихъ, которой бы не любилъ насъ искренно, и чтобъ которому и мы тѣмъ же не соответствовали; а особливо дѣмъ помянутой госпожи генеральши Олицовой былъ намъ отменно благопріятенъ. Она принимала насъ и обходилась съ нами какъ бы съ кровными своими родными, и мы были ею очень довольны. Весьма дружны были мы также съ домою Кологривова, Николая Ивановича и его семействомъ; а меньшая дочь господина Бѣлева, по имени Алена Федоровна, жила почти безвыѣздно у насъ, и сдѣлалась власно какъ принадлежащею къ нашему семейству, такъ полюбили ее всѣ мои домашнія.

Одно только печальное произшествіе, случившееся въ теченіе сего лѣта, насъ нѣсколько огорчило. Лишились мы нашего умнаго и ученаго священника Никиты, помогавшаго мнѣ такъ много проводить время свое съ пріятностію. Вогнала его въ гробъ злая чехотка, нажитая имъ отъ проклятой и пагубной страсти къ вину, къ чему онъ сдѣлалъ еще съ

молоду и живучи въ Коломнѣ привычку, и отъ которой не могъ никакъ отстать и во время пребыванія своего въ Кіасовкѣ. Я сколько ни старался его отъ оной отвратить, но всѣ старанія мои были безуспѣшны, и злая чехотка поразила его и столь сильно и скоропостижно, что не помогали ему никакія лекарства, лекаремъ нашимъ къ тому употребляемыя. А что особеннаго замѣчанія было достойно, то ботѣзнь сія пристала отъ него и къ женѣ его, женщинѣ молодой и весьма доброй и прекрасной. И оба они вдругъ начали какъ воскъ таять, и не можно было безъ жалости смотрѣть на нихъ. Ибо въ одинъ день, и будучи на ногахъ, кончили свою жизньъ, такъ что мы ихъ въ одинъ день и въ одной могилѣ похоронили. Оба они были столь любленія достойны, что мы и понынѣ не можемъ вспомнить объ нихъ безъ сожалѣнія.

Впрочемъ, какъ ни занимался я въ теченіе сего лѣта разными до хозяйства относящимися опытами и дѣлами, и сколь ни дѣтеленъ былъ въ семъ отношеніи, но не оставлялъ никакъ и литературныхъ своихъ и любопытныхъ упражненій; но, по прежнему своему обыкновенію, посвящать имъ всѣ свободные часы своего времени, и сколько помнится мнѣ, то въ самое сіе лѣтнее время окончилъ я перепискою вторую часть своей «Дѣтской философій», и отправилъ оную въ Москву къ господину Гиппиусу для отданія въ печать. Далѣе трудился я въ описываніи съ натуры всѣхъ врачебныхъ травъ, сдѣлавшихся мнѣ до того времени извѣстными. Къ симъ описаніямъ ихъ примѣтъ пріобщалъ я и все то, что находилъ въ книгахъ упоминаемаго о врачебныхъ качествахъ cadaго произрастенія, и все то, что самому мнѣ о томъ изъ опытности узнать случилось. И племянникъ тамошняго прикащика, Иванъ Михайловъ, бывшій у меня въ канцеляріи писцомъ, и писавшій довольно хорошо, долженъ былъ переписывать все сочиняемое мною набѣло. И толстая тетрадь, составившаяся изъ сихъ описаній, и понынѣ хранится у меня, какъ нѣкакимъ памя-

никомъ тогдашняго моего упражненія. Кромѣ сего, какъ онъ, такъ и самой мой канцеляристъ трудились надъ переписываніемъ набѣло перевода моего «Китайской Исторіи». А не гуляли у меня и кисти съ красками. Сими успѣлъ я столь много раскрасить разныхъ эстамповъ и картинъ, что въ состояніи былъ убрать ими почти сплошь всю мою гостиную. И какъ всѣ картины установлены были въ узоръ, то всѣ приѣзжающіе къ намъ не могли довольно налюбоваться.

Въ сихъ разнообразныхъ и непрерывныхъ занятіяхъ и не видать я какъ протекло все лѣто, и настала осень. Сія повстрѣчала меня удовольствіемъ, произведенномъ во мнѣ полученіемъ опять толстаго пакета изъ Экономическаго Общества при письмѣ отъ Нартова. Сей милой и любезной человѣкъ, любившій меня такъ много заочно, и не зная хотя лично, жаловался что онъ давно не имѣетъ обо мнѣ никакого извѣстія, и увѣдомляя меня, что посылаетъ ко мнѣ XXVIII-ю часть «Трудовъ» Общества, въ которой и послѣдняя часть сочиненія моего о хмѣлеводствѣ напечатана, просилъ меня, чтобъ я увѣдомилъ его о себѣ. Сіе я тотчасъ послѣ сего и учинилъ, и отправляя письмо мое, приобщилъ къ оному сочиненіе мое о пересадкѣ деревъ.

Вскорѣ послѣ сего востребовала надобность побывать мнѣ въ Москвѣ, какъ для нѣкоторыхъ собственныхъ своихъ нуждъ, такъ и для переговоровъ съ возвратившимся изъ Богородицка княземъ, о дѣлахъ до волости относящихся. Князь приѣзду моему былъ очень радъ, и не успѣлъ меня увидѣть, какъ сказалъ мнѣ, что я приѣхалъ къ нему очень кстати, что наутрѣ отправляется онъ въ ближнюю свою подмосковную деревеньку, и какъ ему давно хотѣлось свозить меня туда, и показать мнѣ свой скотъ, то располагается теперь взять меня туда съ собою, а кстати оттуда свозить и въ Никольское, къ своему князю Сергію Сергѣевичу, и показать мнѣ оное и всѣ тамошнія заведенія. «Очень хорошо! сказала я: ежели вашему сіятельству угодно, то я готовъ ѣхать»,

хотя въ самомъ дѣлѣ мнѣ и не весьма хотѣлось въ такую даль и по пустякамъ забиваться. Но какъ отговориться было нечѣмъ, ибо нуждъ никакихъ важныхъ не было, то и принужденъ былъ дать на то свое соглашеніе.

Итакъ, недумано-негадано, я наутрѣ же, по исправленіи своихъ небольшихъ нуждъ, въ путь сей съ княземъ послѣ обѣда и отправился. Былъ я тогда не одинъ съ нимъ, а сотовариществовалъ намъ его внукъ, г. Калычевъ, и одинъ ихъ родственникъ, князь Голицынъ, человѣкъ не старой и довольно изрядной и веселой. Итакъ, ѣхалъ намъ было не скучно. Какъ при выѣздѣ изъ Москвы надлежало намъ ѣхать чрезъ самое то поле, гдѣ за годъ до того было славное Ходынское торжество, то не могъ я довольно надивиться, не видя на всемъ ономъ ни малѣйшихъ уже знаковъ и самыхъ слѣдовъ бывшихъ тутъ толь многихъ прекрасныхъ зданій, ибо всѣ онѣ были уже сломаны и развезены въ мѣста другія, и поле было чистымъ-чистехонько. «Боже мой! подумалъ я тогда, вотъ такъ-то время погубляетъ и самыя пышныя столицы и города многонародныя! Сколько ихъ изъ бывшихъ и славящихся въ древности погибло такъ, что по примѣру сему и слѣдовъ ихъ нынѣ нѣтъ, и признаковъ, гдѣ они были, даже не видно».

Какъ подмосковная княжая была мѣнѣ двадцати верстъ отъ Москвы, то мы туда скоро и задолго еще до вечера приѣхали. Она была самая маленькая, и состояла изъ одного почти большого и порядочно выстроеннаго скотскаго двора съ овощнымъ огородомъ, и маленькимъ ничего незначущимъ домикомъ для приѣзда. Но князю была она мила и любезна. Онъ обводилъ меня по всѣмъ мѣстамъ, и показывалъ все, а особливо свою прекрасную атлицкую и голанскую рогатую скотину, которою не могъ онъ довольно налюбоваться. Да и было въ самомъ дѣлѣ на что посмотреть при пригнаніи ихъ съ полевого корма: всѣ мы, сидячи съ княземъ на крыльцѣ, долго ею любовались. Но удо-

волевствіе наше вдругъ прервано было бѣдственнымъ и поразительною неожиданностію. Превеликому голанскому бычцу, бывшему тутъ же между коровами, вздумалось что-то подурить и понеугомонничать; и какъ скотнику хотѣлось его нѣсколько отъ того поунять, то вдругъ разсердившись, онъ ну сего бѣдняка страшными своими рожищами брухать, и подквята его рогами подъ задницу, такъ и шваркнулъ. Мы обмерли, испужались, сіе увидя, а особливо услышавъ страшной вопль и стонъ, отъ изреченнаго скотника. Всѣ не знали что тогда дѣлать, и какъ загнать быка сего въ его отдѣлъ, ибо всѣ боялись и близко къ нему подойти, и насилу-насилу кое-какъ загнали его на дворъ, а потомъ и въ его отдѣлъ и заперли. И какъ оказалось, что бѣдной скотникъ былъ отъ него смертельно раненъ и изуродованъ, то все сіе старика-князя такъ на быка сего озлобило, что онъ, несмотря на всю дорогую цѣну, каковой онъ ему стоилъ, рѣшился велѣть самого его за сіе убить, и неотмѣнно того въ тотъ же часъ требовать. Но тутъ сдѣлался вопросъ: какъ сіе и кому сдѣлать и пуститься на сію отвагу? ибо никто не имѣлъ духу къ сему разсвирѣпѣвшему величію и приблизиться. Всѣ мы принуждены были составить для сего общій совѣтъ, и всякой предлагать о томъ свои мысли. Наконецъ услышавъ, что онъ въ прочее время бываетъ смиренъ и очень рученъ, а притомъ любитъ отменно ѣсть соеной хлѣбъ, опредѣлили, чтобъ кому-нибудь приманить его съ надворья ломтемъ соенаго хлѣба къ окошечку, находящемуся въ его отдѣлѣ, и тогда какъ онъ, разлакомившись хлѣбомъ, поднесетъ опять къ окошку свою голову, то выстрѣлить ему въ самую лобъ изъ ружья пулею; которую комиссію и взялъ на себя самъ княжій внукъ, и дѣло сіе произвелъ напудачившимъ образомъ.

Симъ образомъ удовольствіе наше превращено было симъ случаемъ въ огорченіе и крайнее сожалѣніе о бѣднякѣ скотникѣ, которому хотя и старались мы всѣ подать возможнѣйшую помощь, но онъ

изуродованъ былъ такъ много и рана, произведенная рогами быка въ самое опасное мѣсто между ногъ, была такая страшная, что не было никакой надежды къ излеченію оной, и бѣднякъ сей дѣйствительно отъ того на другой же день умеръ, о чемъ услышавъ подумалъ я самъ себѣ: «И, хорошо право, что мы небогаты, и что намъ не отъ чего причудничать, и искать утѣхъ себѣ отъ такого дорогого и опасного скота».

Переночевавъ въ семъ подмызочкѣ, поѣхали мы поутру далѣе, поспѣвая поспѣть обѣдать въ деревню помянутаго скотника нашего, князя Голицына, которой наиболѣе затѣмъ съ нами и поѣхалъ, чтобъ зазвать старика-князя къ себѣ на перепутье и угостить его у себя въ домѣ. И какъ намъ, ѣдучи туда по большой воскресенской дорогѣ, надлежало ѣхать мимо самаго сего славнаго монастыря, называемаго инако Новымъ Іерусалимомъ, то имѣлъ я удовольствіе оной видѣть, но, къ крайнему сожалѣнію моему, только мимоѣздомъ и снаружи, ибо князю не разсудилось въ оной заѣзжать и выходить для сего изъ кареты и терять на то время, а мнѣ-было очень хотѣлось побывать внутри онаго и взглянуть на всѣ тамошнія достопамятности.

Домикъ племянника его, князя Голицына, былъ также небольшой и деревянной, но угощеніе самое доброе. Всѣ мы, сколько насъ въ свитѣ княжой пи было, были онымъ, а особливо ласкою и благопріятствомъ хозяина очень довольны. Онъ послѣ обѣда проводилъ насъ и до самаго славнаго села Никольскаго, гдѣ князь Сергій Сергѣичъ отца своего уже дождался. Подѣзжая къ оному, и ѣдучи подлѣ большого озера, прилегающаго къ той горѣ, на которой построенъ былъ у молодого князя сего каменной домъ, не могъ я положеніемъ и красотою всѣхъ окружающихъ оное озеро мѣстъ довольно налюбоваться. Они въ самомъ дѣлѣ были прекрасны, но каменной домъ княжой былъ только-что построенной, и не совсѣмъ еще внутри отдѣланной, и потому не составлялъ дальней важности, а

того хуже было поведеніе и обращеніе съ нами самого хозяина. Онъ занимался только разговорами съ отцемъ, а насъ всѣхъ, въ томъ числѣ и меня, не удостоивалъ ни малѣйшаго своего вниманія и ни единымъ почти словомъ, а не только чтобъ какого-либо привѣтствія и ласки. Я не зналъ тогда чему сіе приписывать, и относилъ сіе насчетъ глупой его княжеской спѣси и высокоумія безпредѣльнаго, и потому, презирая его и самъ въ мысляхъ, немного то уважалъ, а доволенъ былъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что старикъ-князь, примѣтивъ можетъ быть сіе, вслѣдствіе старался вознаградить то своею къ намъ ласкою и благопріятствомъ, и шуточными съ нами кой-когда разговорами. Онъ предлагалъ мнѣ, чтобъ я обходилъ всѣ мѣста и окрестности сего новозаводимаго селенія, и по охотѣ своей полюбовался красотою положенія мѣстъ тамошнихъ. И я тѣмъ охотнѣе на сіе согласился, что мнѣ пріятнѣе было разгуливать по мѣстамъ, нисколько еще необработаннымъ, одному и въ уединеніи, и заниматься разными мыслями, чѣмъ смотрѣть на несносную спѣсь, глупое высокоуміе и неуваженіе всѣхъ насъ хозяина. И я радъ-радъ былъ, что прогостили мы тутъ недолго, но препроводивъ одни только сутки, опять въ Москву съ старикомъ поѣхали, куда приѣхавъ и переговоривъ обо всемъ, что было нужно, князь и не сталъ меня держать долѣе, а отпустилъ назадъ въ свое мѣсто.

Симъ образомъ, сломавши непредвидѣнное путешествіе и возвратясь въ Кіясовку, не успѣлъ я дожидаться окончанія жатвы, какъ и приступилъ къ большой и важной работѣ, занявшей меня во всю тогдашнюю осень. Состояла она еще въ сдѣланіи одного большого труда. Прежде сдѣланной мною прудъ князю такъ понравился, что возжелалось ему, чтобъ потрудился я и сдѣлалъ еще одинъ трудъ подлѣ самаго села между помянутымъ новымъ и стариннымъ прудомъ, и расположилъ бы оной такъ, чтобъ по плотинѣ онаго лежала самая большая, чрезъ село идущая, коширская дорога, гдѣ для стока воды

срубилъ бы я порядочной спускъ и сдѣлалъ чрезъ него хорошій мостъ. Мѣсто самое было хотя не совсѣмъ къ тому удобно, но какъ князю отмѣнно того хотѣлось, и онъ охотно соглашался пожертвовать нужною къ произведенію сей работы наймомъ суммою, то, несмотря на всѣ затрудненія, и общалъ я ему употребить къ тому всевозможныя свои старанія. Итакъ, не успѣлъ настать сентябрь мѣсяцъ, какъ и принялся за конку сего пруда и за насыпаніе вынимаемою землею широкой и высокой плотины, и за срубку большого спуска. Рубленіе сего спуска было для меня еще первоученкою, но по счастью тотъ же приверженной ко мнѣ сибирякъ-солдатъ, знающій сіе дѣло, помогалъ мнѣ въ томъ очень много, а не мѣнѣе какъ и въ распоряженіи работъ при копаніи самаго пруда.

Итакъ, сею работою занимался я во весь сентябрь и октябрь и первую часть ноябрю мѣсяца, и было для меня трудовъ и хлопотъ довольно. Между тѣмъ въ октябрѣ минулъ и 38-й и начался 39-й годъ моей жизни, котораго начало праздновалъ я по прежнему обыкновенію: къ самому же дню моихъ именинъ приѣхала къ намъ изъ Кашина и старшая изъ племянницъ моихъ, сколько для свиданія съ нами, а того болѣе для взятія отъ меня съ собою своего брата, поелику мальчикъ сей уже столько выросъ, что надлежало помышлять о записаніи его куда-нибудь въ службу; въ чемъ брались вспомоществовать имъ тамошніе ихъ друзья и родственники. Итакъ, чрезъ сей случай лишился я одного изъ своихъ воспитанниковъ и учениковъ, и жалѣлъ что по тупости разума моего племянника не могъ я никакъ столько ему помочь, сколько-бы мнѣ хотѣлось.

Симъ образомъ продолжали мы жить въ Кіясовкѣ, спокойно, весело, во всякомъ изобиліи и такъ хорошо, что препроводивъ уже тутъ два года и 4 мѣсяца такъ обжились и ко всему привыкли, что не тосковали уже нисколько объ отлучкѣ отъ своего дома, и были жребіемъ своимъ такъ довольны, что не желали никакъ

лучшаго, а благодарили всегда Бога за доставленіе намъ столь выгоднаго и хорошаго мѣста. Какъ вдругъ посреди занятія моего помянутыми трудами поражаетъ меня новая и такая неожиданность, которую я всего меньше предвидѣлъ и которая въ одинъ мигъ всѣ мысли въ головѣ моей, такъ сказать, перебурлила, и всѣ ихъ отвлекши отъ прудовыхъ работъ, направила на другой новой и несравненно важнѣйшій предметъ.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней мѣсяца октября, въ самое время когда находился я на прудовой работѣ, и спѣша оканчивать оную, суетился о размѣриваніи достальныхъ сажень для копки работникамъ, вдругъ предстаетъ предъ меня присланной изъ Москвы отъ князя солдатъ, и подаетъ мнѣ запечатанной ордеръ отъ князя. «Объ чемъ бы такомъ? сказалъ я самъ себѣ—и еще съ нарочнымъ.» И любопытствуя знать спѣшилъ на томъ же мѣстѣ, распечатать, прочесть сію бумагу. Но представьте себѣ, какимъ неописаннымъ удивленіемъ долженъ былъ я поразиться, когда въ немногихъ содержащихся въ ней строкахъ увидѣлъ такую неожиданность, какой я не воображалъ себѣ ни въ умѣ, ни въ разумѣ. Князь въ короткихъ словахъ писалъ ко мнѣ, что какъ получилъ онъ извѣстіе, что богородицкой управитель умеръ, то онъ опредѣляетъ на мѣсто его меня, и чтобъ я собирался немедленно туда отправляться, и готовилъ бы всѣ тутошныя дѣла къ сдачѣ господину Шестакову, которой назначенъ моимъ преемникомъ, и вскорѣ ко мнѣ прибыть имѣетъ, а между тѣмъ сочинилъ бы я ему инструкцію съ обстоятельнымъ наставленіемъ, что ему тутъ дѣлать и наблюдать, и приѣхалъ бы самъ къ нему въ Москву для принятія повѣстїи.

«Ба! ба! ба! — воскликнулъ я все сіе прочитавши. Господи помилуй!... аминь, аминь! съ нами крестная сила! что это со мною дѣлается и творится? думалъ-ли я и ожидалъ-ли сего?» А потомъ, перекрестясь нѣсколько разъ, позабылъ и прудъ

и все, и побѣжалъ къ себѣ въ домъ сообщать домашнимъ своимъ сію новость.

Во время сего шествія туда чувствовалъ я, что вся кровь во мнѣ волновалась, а въ головѣ толпились тысячу разныхъ мыслей, и перепутывались между собою. Нельзя того сказать, чтобъ не обрадовался я сей неожиданной перемены: сколько я къ Кіасовкѣ уже ни привыкъ, и какъ мѣсто сіе для меня ни хорошо было, но богородицкое было несравненно выгоднѣе, честнѣе, славнѣе и во всемъ преимущественнѣе здѣшняго. Итакъ, сердце мое обливалося тогда нѣкоторымъ родомъ неизъяснимаго удовольствія, и я нѣсколько разъ повторялъ только: «Ахъ! Боже мой! сколь несповѣдны судьбы и чудны дѣла твои!... Можно-ль было кому-нибудь изъ смертныхъ думать и ожидать, чтобъ жизнь князя Гагарина, добивавшагося съ такимъ усиліемъ богородицкаго управительства, и наконецъ добившагося, могла такъ скоро кончиться, и чтобъ мѣсто сіе для меня и столь скоро и такимъ неожиданнымъ образомъ опростаться.—Ахъ (продолжалъ я вздохнувъ и возведя взоръ свой къ небу)—не явное-ли это дѣйствіе святаго твоего Промысла, Великій Боже! и не новой-ли опытъ милости твоей ко мнѣ и попеченія обо мнѣ недостойномъ. Не иное что, какъ твоя десница извлекла меня изъ дома, привлекла сюда и влечетъ теперь въ другое, какъ теперь видно, давно уже тобою мнѣ предназначенное мѣсто!... Ахъ! воля твоя и да будетъ святая! а я не знаю только, какъ и чѣмъ возблагодарить мнѣ тебя за сіе, а предаваясь всегда, предаюсь и теперь во всемъ въ твою волю святую».

Симъ и подобнымъ сему образомъ самъ съ собою говоря, добѣжалъ я до своего дома, и нашедъ обѣихъ хозяекъ своихъ занимающихся своими дѣлами и женскими упражненіями, съ веселымъ и спокойнымъ видомъ имъ сказалъ: «Какъ бы вы думали, сударыни, обо мнѣ, и чѣмъ бы вы меня почитали?» Обѣ онѣ удивились такому странному вопросу, и глядѣли мнѣ только въ глаза.—«Нѣтъ, право, скажите мнѣ (продолжалъ я), чѣмъ бы вы меня почи-

тали? вѣдь безсмысленно управителемъ Кіясовскимъ!»—«Конечно (сказали онѣ); да чѣмъ же иначе и что за вопросъ?»—«Ну такъ знайте-жъ (подхватилъ я), что вы въ мнѣніи своемъ ошибаетесь, и что моя милость уже не есть управитель Кіясовской». Поразились онѣ симъ словомъ, и обѣ воскликнули: «Да что-жъ такое?»—«А вотъ что: я управитель, но не Кіясовской, а... какъ бы вы думали... Богородицкой!!!»—Что ты говоришь! (воскликнули онѣ удивившись); не въ правду ли?—«Ей-ей! и вотъ читайте сами!»—сказавъ сіе, досталъ я изъ-за пазухи ордеръ, и подаль имъ обѣимъ.

—Ахъ, Боже мой! воскликнули онѣ прочитавши: можно-ль было сего ожидать? Ну, поздравляемъ же тебя, батюшка!... Ахъ какая неожиданность!... Да какъ же?... (подхватила моя жена), такъ намъ туда и ѣхать, и перебираться со всѣмъ домомъ?—«Конечно (сказалъ я) и что о томъ говорить, дѣло уже сдѣлано, и переѣзжать необходимо, и скоро надобно, и вы начинайте уже и собираться.»—Ахъ, батюшки мои! (подхватила жена моя), да какъ это? да когда же это успѣть можно? уже и теперь глухая осень, а того и смотри, что зима, и какъ это въ такую пропасть можно ѣхать и со всѣмъ еще домомъ?—«Какъ бы то ни было (сказалъ я), и что ты ни говори, а перемѣнить того уже не можно. Вотъ мнѣ надобно и въ Москву еще скакать».—Ахъ, батюшка! (подхватила она) ужъ нельзя-ли тебѣ отказаться отъ того? намъ право и здѣсь хорошо. Мы здѣсь уже обзаводились всѣмъ, и привыкли ко всему; на что намъ этого лучше? такъ близко отъ двора; а то побѣзжай въ такую даль, отбивайся отъ всѣхъ своихъ родныхъ, отдаляйся отъ дома. А Богъ знаетъ еще ни то мы тамъ лучшее найдемъ, ни то потеряемъ, право подумайте!—«Помилуй (отвѣчалъ я), какъ это можно!... Это смѣхъ людской будетъ, если станемъ мы отбиваться; къ тому-жъ сама ты знаешь, что мы того не искали и не добивались, а пришло это само собою, и видно воля на то Господня! Словомъ, и говорить о

томъ нечего, а помышлять надобно о сборахъ».

Однако, что я ни говорилъ, но женѣ моей крайне не хотѣлось разставаться съ Кіясовкою, и чѣмъ болѣе она о томъ помышляла, тѣмъ паче увеличивалось ея нехотѣніе, и скоро довело ее до того, что она ударилась даже въ слезы. Но я смѣялся только ея малодушію и твердилъ ей, что объ отреченіи и помышлять нечего, а чтобъ лучше, не упуская времени, помышляли онѣ обо всемъ нужномъ для предстоящаго намъ переѣзда.

Совсѣмъ тѣмъ и самого меня тогдашнее позднее осеннее время озабочивало немало. Я воображалъ себѣ всѣ предлагающія намъ трудности къ перевозкѣ всѣхъ завезенныхъ нами изъ двора вещей и цѣлаго почти дома, съ людьми, скотомъ, меблями и прочимъ, и предусматривалъ самъ, что намъ перевозка всего доставитъ множество хлопотъ, заботъ и затрудненій; но мысль о необходимости того подкрѣпляла меня и ободряла много.

Итакъ, не долго думая, приказалъ я канцеляристу своему готовить все къ предстоящей сдачѣ, а самъ, засѣвши въ свое мѣсто, принялся тотчасъ за сочиненіе инструкціи своему преемнику, и въ немногіе часы настрочилъ ему превеликую, и не сомнѣвался, что она князю будетъ угодна, ибо я не упустилъ ничего изъ вида. Но сколь малаго труда стоило мнѣ написать сію инструкцію, столь много напротивъ того смутился я и не зналъ, что мнѣ предписать ему въ разсужденіе заведеннаго мною тутъ на опытъ новоманернаго семипольнаго хлѣбопашества. Князю неотмѣнно хотѣлось, чтобъ сей опытъ продолжаемъ былъ во всей его формѣ и порядкѣ, но какъ о господинѣ Шестаковѣ, бывшемъ нѣкогда управителемъ въ Бобрикахъ, случилось мнѣ слышать, что онъ человѣкъ хотя доброй, но сущій ахреянь, и изъ простаковъ простакъ, и тупица настоящая; а все оное хлѣбопашество въ основаніи своемъ имѣло особую обширную систему, и успѣхъ и польза отъ такового хлѣбопашества неинако могла ожидаема быть, какъ отъ

непремѣннаго наблюденія учрежденнаго распорядка, то полагая, что все сіе простаку тому не влезетъ и въ голову, и что онъ не только исполнять того, но и понять будетъ не въ состояніи, что послѣ и оказалось дѣйствительно такъ, какъ я думалъ; однако, чтобъ не упустить и сего изъ вида, то написалъ я относительно и до сего хлѣбопашества превеликое и наиподробнѣйшее наставленіе, и раствердилъ все и все какъ сорокъ Якова, и чтобъ простаку все понятнѣе могло быть, то изъяснилъ все нужное наипростѣйшими рисунками.

Исправя все сіе и дорожа временемъ, поскакалъ я въ Москву, и явившись къ князю, благодарилъ его за оказанную къ себѣ милость. Тутъ услышалъ и узналъ я отъ секретаря нашего такое, чего я еще не вѣдалъ, и что меня еще болѣе въ добротѣ сердечной и честности характера княжова удостовѣрило. А именно, что какъ скоро богородицкой управитель умеръ, то многіе изъ тамошнихъ дворянъ, льстившіеся получить его мѣсто, подхвата почтовыхъ, прискакали въ Москву, и бросились съ просьбами своими къ князю Сергію Сергѣевичу, а сей тотчасъ и прискакалъ-было насѣдать по прежнему на старика-князя, и просить объ опредѣленіи туда какого-то своего знакоmica. Но старикъ-князь его предупредилъ, и разрушилъ всѣ сіи новыя каверзы тѣмъ, что какъ скоро получилъ изъ Богородицка о смерти управителя увѣдомленіе, такъ въ ту-жъ самую минуту призвалъ его, секретаря, и велѣлъ писать помянутой ко мнѣ ордеръ, и въ тотъ же день съ нарочнымъ солдатомъ ко мнѣ его и отправилъ. Итакъ, не успѣлъ князь Сергій Сергѣевичъ, прискакавъ съ просьбою своею, заняться, какъ старикъ ему сказалъ, что это уже поздно, что я уже опредѣленъ, и что ко мнѣ уже и ордеръ посланъ, а потому чтобъ онъ и оставилъ его въ разсужденіи сего пункта съ покойнымъ. Итакъ, молодой князь, не солоно хлѣбавъ, и принужденъ былъ почти со стыдомъ возвратиться.

Таковой поступокъ старика-князя за-

ставилъ меня его еще болѣе полюбить и сдѣлаться къ нему за то еще болѣе усерднѣйшимъ. Онъ принялъ меня въ сей разъ отмѣнно милостиво и благопріятно, опробовалъ совершенно сочиненную мною Шестакову инструкцію и о землѣ наставленіе, и оставилъ у себя для переписки, подписанія и врученія Шестакову, когда онъ приѣдетъ. Потомъ, поговоря со мною обо многомъ, относящимся до Богородицкой волости и такимъ тономъ, что я могъ заключить, что онъ не совсемъ доволенъ былъ управленіемъ умершаго управителя, отпустилъ онъ меня, сказавъ, что онъ на меня надѣется какъ самъ на себя, и что онъ находящагоса тамъ бобриковскаго управителя, который не совсемъ ему нравится, и о которомъ дошли до него нѣкоторые невыгодные слухи, предастъ совершенно въ мою волю, и что если я найду за нимъ что-нибудь нехорошее, такъ бы только отписалъ къ нему, и тогда онъ его тотчасъ отрѣшитъ и его тамъ и не будетъ.

Съ симъ разстался я тогда съ моимъ любезнымъ старичкомъ-княземъ, и пробывъ въ Москвѣ не болѣе однихъ сутокъ, возвратился въ Кіасовку, гдѣ нашелъ моихъ домашнихъ уже убирающихся и совсемъ почти готовыхъ къ отъѣзду.

Итакъ, осталось намъ только дожидаться господина Шестакова для сдачи ему съ рукъ на руки волости и всего до ней принадлежащаго. Но сей ахреянъ не такъ-то скоро повернулся, какъ мы думали и ожидали; ибо гдѣ-то его въ деревнѣ отыскали, гдѣ-то онъ приѣхалъ въ Москву, гдѣ-то онъ туда отправился, а мы его жди да подожди и горюй, что время часъ отъ часу становилось хуже и для бѣды неспособнѣе. Цѣлую недѣлю принуждены мы были его дожидаться, но спасибо чрезъ то имѣли времени и досуга довольно къ сдѣланію всѣхъ нужныхъ къ переѣзду своему приуготовленій; а сверхъ того и распрощаться со всѣми нашими сосѣдями, которые всѣ не успѣли услышать о нашемъ отбытіи, какъ, несмотря на всю дурноту тогдашняго времени, приѣзжали

къ намъ изъяслять свое объ отбытіи нашемъ сожалѣніе и съ нами распрощаться.

Кромѣ сего, надобно было намъ отъ править и бывшихъ у меня учениковъ къ ихъ родственникамъ, ибо всѣхъ ихъ съ собою въ такую даль забирать было и для насъ отяготительно, да и роднымъ ихъ того не хотѣлось, а вмѣсто того хотѣлось намъ невѣдомо какъ уговорить ѣхать съ собою помянутую дѣвушку, госпожу Вѣляеву. Она, полюбивъ насъ и къ намъ привыкнувъ, весьма охотно и сама того хотѣла; но великой трудъ мы имѣли уговорить и убѣдить старичка-отца ея отпустить ее съ нами, и онъ не иначе къ тому наконецъ согласился, какъ съ условіемъ, чтобъ я подарилъ его бывшую у меня маленькую, обрѣзную, намалеванную на доскѣ стагуйкою, изображающаго мальчика, которую какъ я ни люблю; но принужденъ былъ уступить ему въ удовольствіе желанія всего моего семейства.

Наконецъ изволилъ прибыть и преемникъ мой, господинъ Шестаковъ, и я нашелъ въ немъ дѣйствительно самаго простака и сущаго деревенскаго ахреяна. И какая комиссія была мнѣ при сдачѣ ему всей волости: ты говоришь ему то, а онъ мелеть другое; ты ему изъясняешь дѣло, а онъ несетъ вздоръ... и горе истинное у меня съ нимъ тогда было! Къ бездѣлицамъ, ничего незначащимъ, привязывается какъ смола, а важнаго и самого дѣла не хочетъ слушать! что ты съ нимъ изволишь? О томъ, что можно въ часъ кончить, толкую съ нимъ часовъ пять и болѣе. Когда-жъ дошло у насъ дѣло до наставленія моего въ разсужденіи новоманернаго заведенія, тутъ встанъ бѣда и не лажь! И тутъ-то прямо доказалъ онъ мнѣ и невѣжество свое, и грубость и ахреянство. Вмѣсто того, чтобъ внимать все ему толкуемое, какъ сорокъ Якова, поднялся у насъ съ нимъ ропотъ и негодованіе, и онъ, пуская всѣ слова мои совершенно мимо ушей, твердилъ только: «Что это такое? да на что это? что за дьявольщина? и какая отъ того польза?» и т. д. Я слушалъ-слушалъ,

да и сталъ, и наконецъ другого не нашелъ, какъ плюнуть, на все ему съ досадою сказать: «Ну, братецъ, какъ хочешь? я свое дѣло сдѣлалъ, и учинилъ славное начало, о которомъ и въ Петербургѣ уже знаютъ; а ты хоть все брось и запусти, я уже за то не отвѣтчикъ; а отвѣчай уже самъ князю какъ тебя Богъ на разумъ наставить». И дѣйствительно, бросивъ ему наставленіе, пошелъ прочь отъ него, и самъ себя сказалъ: «Ну, вижу я теперь самъ, какая дьявольская разнища имѣтъ дѣло съ разумнымъ человѣкомъ и съ глупцомъ, а особливо съ невѣждою, набитымъ глупѣйшими о знаніи своимъ мыслями!»

Но какъ бы то ни было, но наконецъ все дѣло свое мы съ нимъ кончили, и намъ осталось только укласть всѣ свои вещи въ повозки, запречь лошадей, со всѣми распрощаться и ѣхать; и во всемъ этомъ провели мы уже не болѣе сутокъ. И какъ у насъ наложено было множество всякихъ вещей и мелочей изъ дома, то ими, также моею библіотекою, картинами и превеликимъ множествомъ картузовъ, набитыхъ разными врачебными травами, нагрузили мы множество повозокъ, и употребили подъ нихъ не только всѣхъ тутошнихъ казенныхъ лошадей, но и всѣхъ приведенныхъ изъ деревни для сего своихъ собственныхъ, такъ что составилъ превеликой обозъ изъ всѣхъ нашихъ экипажей и повозокъ отчасти на колесахъ, отчасти на санихъ, ибо былъ уже тогда и снѣжокъ маленькой.

Наконецъ насталъ день нашего отъѣзда, случившійся на другой день послѣ Михайлова-дня, то-есть ноября 9-го дня, и день сей былъ для меня прямо чувствительной Изъ всѣхъ селъ и деревень собрались къ сему времени всѣ бурмистры, старосты и лучшіе люди. Всѣ они нанесли всякой всячины на дорогу, и прощались со мною съ изъясненіемъ искренной ко мнѣ любви и благодарности за хорошее управленіе ими. Всѣ отзывались, что они мною весьма довольны; всѣ желали мнѣ счастливаго пути, и жалѣли, что я отъ нихъ отбываю. Но никто съ та-

кимъ чувствительнымъ сожалѣніемъ со мною не разставался, какъ нашъ лекарь.

Итакъ, распрощавшись и помолясь Богу, мы въ путь свой и отправились. А симъ окончу я и письмо мое, превзошедшее уже обыкновенные предѣлы, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Генваря, 15-го дня, 1809 года).

БОГОРОДИЦКЪ.

Письмо 185-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описанію достопамятнѣйшаго періода моей жизни, начну повѣствованіемъ о нашемъ путешествіи изъ Кіасовки до Богородицка, и изображеніи чувствованій душевныхъ, какія я имѣлъ во время сего краткаго, но труднаго и безпокойнаго путешествія. Какъ время было тогда самое позднее осеннее, и отъ бывшаго незадолго до того ненастья и самого зазимья путь такой скверной, что не можно почти было ни на колесахъ, ни на саняхъ, ѣхать, то претерпѣли мы много трудовъ и безпокойствъ. Переѣзжалъ я тогда со всѣмъ своимъ домомъ и семействомъ; кромѣ насъ четверыхъ большихъ, то-есть меня, моей тещи, жены и госпожи Бѣляевой, было съ нами четверо нашихъ дѣтей, кои были малъ-мала меньше. Большой нашей дочери Елисаветѣ шелъ уже тогда девятой годъ, и она была дѣвочка уже изрядная и утѣшавшая насъ и видомъ, и милымъ и любезнымъ характеромъ своимъ. Мы выучили уже ее грамотѣ и писать, и были понятіемъ и всѣмъ поведеніемъ ея очень довольны. Сыну моему, какъ второму по ней, шелъ уже шестой годъ, и бабушка его, трудившаяся надъ обученіемъ и его грамотѣ, успѣла уже выучить и его оной. Острое его понятіе и способность съ самаго малолѣтства ко всему хорошему посѣществовала къ тому очень много. Другой моей дочери, Настасѣ, доходилъ тогда третій годъ, и сія хотя сошла съ рукъ, но далеко еще не совсѣмъ, а меньшая моя дочь Ольга была еще на ру-

кахъ, и ей шелъ только второй годъ. Итакъ, всѣ они были еще очень малы, и всѣ требовали за собою особыхъ хожатыхъ. Кромѣ сего было съ нами множество людей, старыхъ женщинъ и дѣвокъ. Для помѣщенія всѣхъ ихъ потребны были повозки, кромѣ тѣхъ, которыя нагружены были нашимъ багажемъ и всякою домашнею сбуею и провизіею; а потому и было съ нами множество большихъ и малыхъ повозокъ, и ѣхали мы превеликимъ обозомъ. Старшія госпожи ѣхали въ каретѣ, дѣти съ ихъ мамами и нянями—въ другой, иные же въ коляскѣ, женщины же и дѣвки въ кибиткахъ, и всѣ сіи повозки были на колесахъ. Что касается до меня, то какъ мнѣ не хотѣлось никакъ разстаться съ нововыдуманнымъ моимъ, вскрывающимся, покойнымъ возочкомъ, то, несмотря на всю еще малость снѣга и ежечасное опасеніе, чтобъ онъ не сошелъ, рѣшился я на отвагу, ѣхать залегши въ немъ, дабы мнѣ можно было заниматься чтеніемъ книгъ, и не такъ бы скучно было ѣхать. Ѣхали мы тогда черезъ Коширу, Веневъ и оттуда по епифанской дорогѣ, пробираясь прямо на село Вобрики. Все сіе разстояніе было хотя не очень велико, и не простиралось хотя и до двухъсотъ верстъ, но какъ принуждены мы были не ѣхать, а тащиться съ ноги на ногу, и то и дѣло останавливаться, то и провели мы въ семъ путешествіи болѣе четырехъ дней.

Въ теченіе сего времени, сидячи въ своемъ возкѣ, и тащившись, гдѣ по снѣгу, гдѣ по голой землѣ и грязи, имѣлъ я досугъ заниматься помышленіями о предстоящей переменѣ, вмѣстѣ съ мѣстомъ, и всѣхъ моихъ обстоятельствъ, которыя и занимали меня во всю почти дорогу. Я помышлялъ, разсуждалъ и говорилъ то и дѣло самъ съ собою какъ о прежнемъ, такъ и новымъ своему мѣстѣ, и обо всемъ, до обонхъ ихъ относящемся. То, отъ котораго тогда я удалялся, было мнѣ довольно знакомо, и я былъ имъ по всѣмъ отношеніямъ доволенъ. Во всѣ почти полтретья года жительства моего въ Кіасовкѣ не имѣлъ я никакого неудоволь-

ствія, жилъ себѣ какъ хотѣлъ, и на совершенной почти свободѣ. Иго обязанности моей было такъ легко, что я онаго почти не чувствовалъ, а особливо въ послѣднее время. Труды и заботы хотя кое-какіе и были, но сносные. И гдѣ же мы безъ нихъ жить и быть можемъ? По крайней мѣрѣ имѣлъ я то удовольствіе, что знатную или паче большую часть своего времени могъ употреблять для себя и для собственныхъ своихъ любимыхъ упражненій. Дѣлъ по должности было такъ мало, и они были такъ легки, что я исправлялъ ихъ почти играючи, а что всего важнѣе, не опасаясь никакого строгаго взысканія. Не было никакихъ у меня завистниковъ и тайныхъ злодѣевъ, искавшихъ моей гибели; никому я мѣстомъ своимъ не кололъ глаза. Жилъ въ мирѣ, тишинѣ и въ такомъ же почти удаленіи отъ шума большого свѣта, какъ и прежде въ своей деревнѣ. Да и отъ сей находился въ такой близости, что могъ всегда когда хотѣлъ въ нее ѣздить и видаться съ своими родными и прежними друзьями своими, а сдѣлался любимъ и уважаемъ и тутошними сосѣдами. Сколько новыхъ друзей и знакомцевъ я тутъ въ короткое время нажилъ! Прибытковъ никакихъ побочныхъ хотя я и не имѣлъ, но они мнѣ были и ненадобны: я былъ и своимъ жалованьемъ и прочимъ содержаніемъ доволенъ. Не терпѣлъ я ни въ чемъ недостатка. Волости, которыя ввѣрены были мнѣ въ управленіе, хотя не многочисленны, но тѣмъ легче было и управленіе ими. Словомъ, все и все было хорошо, и такъ хорошо, что я, попривыкнувъ ко всему, не желалъ никакъ лучшаго мѣста.

«Напротивъ того то мѣсто, къ которому я приближался, знакомо мнѣ только вскользь (говорилъ я самъ себѣ, продолжая разсуждать); а во всей подробности я его совсѣмъ еще не знаю. Все извѣстное и достовѣрное состоитъ только въ томъ, что волости несравненно многочисленнѣе, и что вмѣсто 3 или 4 тысячъ душъ, буду я управлять многочисленнымъ и тысячу до 20-ти простирающимся

народомъ. Множество огромныхъ селъ и деревень и цѣлой почти городъ находится будетъ въ моемъ повиновеніи. Но, ахъ! за то и трудовъ и заботъ, сопряженныхъ съ управленіемъ толь многочисленнымъ народомъ, несравненно будетъ больше. Здѣсь былъ у меня одинъ только подъячій, и письма было такъ мало, что и тому дѣлать было почти нечего, а тамъ находится цѣлая канцелярія, и письменныхъ дѣлъ, которыя мнѣ по непривычкѣ совсѣмъ еще незнакомы, и коимъ я долженъ буду еще учиться, превеликое множество. Кромѣ того, и одни производимыя тамъ нынѣ многія огромныя строенія навлекутъ мнѣ тысячи хлопотъ, трудовъ и заботъ, которыя мнѣ тѣмъ будутъ тягостнѣе, что я ими никогда еще не занимался; и ко всему тому едва-ли могу пользоваться столько свободнымъ для себя и собственныхъ упражненій своихъ временемъ, сколько находилъ я его въ прежнемъ и мною оставленномъ мѣстѣ. Не буду-ли я тамъ связанъ и по рукамъ и по ногамъ, и не стану-ли жалѣть о потерянной свободѣ? Жалованье получать я буду точно такое-жъ, какое получалъ я прежде, и прибытковъ постороннихъ и побочныхъ и недозволенныхъ, коими такъ многіе льстятся, вѣрно не захочу и тамъ имѣть. Итакъ, доходы будутъ тѣ же, а расходовъ можетъ быть надобно будетъ имѣть несравненно больше. Жить я буду почти въ городѣ, на большой проѣзжей дорогѣ, и въ такомъ отдаленіи отъ моего дома, что нельзя мнѣ будетъ получать изъ него попрежнему всякую всячину. Кромѣ того удалюсь я отъ всѣхъ моихъ родныхъ, друзей и пріятелей прежнихъ, и ѣду, какъ влѣтъ, къ людямъ совсѣмъ мнѣ незнакомымъ, съ которыми надобно мнѣ будетъ еще спознакомливаться. И Богу еще извѣстно, найду-ли я тамъ такихъ добрыхъ людей, и такихъ милыхъ и любезныхъ, меня любящихъ сосѣдей, какихъ имѣлъ въ оставленномъ мѣстѣ. Въ деревню свою ѣздить и любезной своей домишка и сады навѣщать уже мнѣ никакъ не можно будетъ такъ часто, какъ до сего времени. Жить я буду уже

не за 40, а верстъ почти за полтора отъ него! и какъ легко могу чрезъто въ собственномъ хозяйствѣ своемъ сдѣлать великія упушенія. Итакъ, и со всѣхъ снхъ сторонъ не могу я никакими особыми и дальними выгодами ласкаться. А льстить меня одно только, что мѣсто сіе гораздо знаменитѣе моего прежняго, и что я въ ономъ буду болѣе всѣми уважаемъ и почитаемъ! Но, ахъ! почему знать, не долженъ ли я буду за мечту сію платить очень дорого, и тысячами можетъ быть не только тѣлесныхъ, но и душевныхъ трудовъ, досадъ, прискорбій и неудовольствій! Чѣмъ знаменитѣе мѣсто, тѣмъ множайшихъ имѣтъ я буду завистниковъ и тайныхъ, а можетъ быть и самыхъ явныхъ себѣ недоброхотовъ и злодѣевъ, которые всячески подо мною подыскиваться, меня всѣмъ и всѣмъ чернить, порицать и на меня клеветать и всячески о томъ стараться будуть, чтобъ лишить и меня такимъ же образомъ тамошняго мѣста, какъ согнали они Опухтина. Всего сего и подобнаго тому мнѣ вѣрно ожидать, и отъ всего того тысячи осторожностей имѣтъ будетъ надобно. Итакъ, неизвѣстно еще, найду ли я при сей перемѣнѣ моего мѣста что-нибудь или потеряю».

Симъ и подобнымъ сему образомъ помышлялъ и говорилъ я самъ съ собою не одинъ разъ, ѣдучи въ своемъ возокѣ, и мысли сіи временемъ приводили всю душу мою въ смятеніе; но спасибо продолжались онѣ всегда не слишкомъ долго; но я всякой разъ потомъ успокоивалъ, утѣшалъ, ободрялъ и подкрѣплялъ себя возлаганіемъ надежды и упованія на моего Творца и Господа, будучи твердо удостовѣренъ въ томъ, что по его велѣнію все сіе творится, и что ведетъ меня туда святая его десница; надѣялся и не сомнѣвался я въ томъ, что онъ и тамъ не оставитъ меня святою своею во всемъ помощію и покровительствомъ, а сіе и успокоивало тотчасъ опять мой духъ, какъ скоро приходилъ онъ въ смущеніе.

Въ таковыхъ помышленіяхъ и не претерпѣвъ на дорогѣ, кромѣ нѣкоторыхъ

безпокойствъ по квартирамъ и ночлегамъ, никакого помѣшательства и остановки, доѣхали мы наконецъ благополучно до славнаго и именитаго села Бобриковъ, Случилось сіе уже передъ самымъ вечеромъ 13-го ноября и наканунѣ филипповыхъ загонинъ. Какъ ни любилъ я свой возчикъ и какъ покойно въ немъ ни ѣхалъ, но подѣзжая къ Бобрикамъ, пересѣлъ я къ барынямъ въ свою большую карету, дабы придать вѣзду своему болѣе важности. Не могу изобразить никакъ тѣхъ чувствованій, какія ощущалъ я въ душѣ моей при вѣздѣ въ предѣлы волости, и при узрѣніи первыхъ селеній и бобриковского огромнаго дворца, которой въ теченіе того времени, которое прожилъ я дома и въ Кіясовкѣ, уже выстроенъ былъ вчернѣ почти весь, и я увидѣлъ огромную массу сію уже покрытою, и что достраивались только флигели и службы. Я перекрестился, вѣзжая въ сію волость, и вздохнувъ не одинъ разъ втайнѣ, простиралъ всѣ мысли и чувства свои душевно ко Господу.

Какъ всѣ тамошніе о скоромъ приѣздѣ моемъ и о самомъ днѣ прибытія моего были предувѣдомлены, потому что я писалъ уже о томъ къ Варсобиному, какъ начальствующей тогда въ Богородицкѣ особѣ, прося его, чтобъ все нужное къ приѣзду моему было приготовлено, то и встрѣчены мы были въ Бобрикахъ тамошнимъ управителемъ, господиномъ Верещагинымъ, Петромъ Алексѣевичемъ, и архитекторомъ, господиномъ Ананьинымъ. Послѣдній изъ нихъ былъ мнѣ уже отчасти, хотя и вскользь только знакомъ, а перваго имѣлъ я тогда случай впервые только еще увидѣть, и о которомъ я тогда ничего еще изъ всего упоминаемаго мною впереди не зналъ; и характеръ его былъ мнѣ вовсе неизвѣстенъ. Онъ принялъ меня со всѣмъ всевозможнымъ учтивствомъ и благопріятствомъ, и какъ въ притворствѣ былъ онъ превеликой искусникъ, и въ ремеслѣ этомъ сущій академикъ, то и показавъ онъ мнѣ ангеломъ, а не человѣкомъ... и уменъ, и свѣдущъ обо всемъ, и ласковъ, и проворенъ, и ду-

ши найдобрѣйшей: словомъ, такимъ, что очаровалъ меня почти всѣмъ своимъ поведеніемъ, и приобрѣлъ тѣмъ съ самой первой минуты всю мою искреннюю къ себѣ благосклонность. А каковъ былъ самъ, таково-жъ почти или немного хуже было и все его семейство. Мать его показала намъ весьма доброю, умною, обходительною и простосердечною пожилую старушкою; всѣ три сестры также ласковыми, дружелюбными, услужливыми и благопріятными, и старшая изъ нихъ отменно самою умницею и бойкою особою. Что касается до меньшого ихъ брата, Семена Алексѣевича, то былъ онъ малой еще молодой, тихой, и казался мнѣ гораздо простѣе своего старшаго брата. Напротивъ того, господинъ Анапѣинъ казался мнѣ хотя умнымъ, но слишкомъ уже чопорнымъ и много о себѣ думавшемъ, однако добрымъ человѣкомъ.

Для почлега отвели они намъ наилучшіе изъ всѣхъ своихъ покоевъ, и старались не только угостить насъ добрымъ ужиномъ, но и всячески успокоить не только насъ, но и самыхъ людей нашихъ; такъ что мы всѣмъ пріемомъ ихъ были совершенно довольны.

Наутріе, напившись чаю, пошелъ я съ обоими повыми моими подкомандующими осматривать строенія, въ которыхъ, по позднему уже осеннему времени, никакой работы уже не производилось. Тутъ господинъ архитекторъ старался показать мнѣ все свое знаніе и искусство. Онъ водилъ меня всюду и всюду; и изыскалъ все какъ должно. Господинъ Верещагинъ же только молчалъ и былъ слушателемъ. Сіе доказало мнѣ уже отчасти, что былъ онъ только на словахъ великой человѣкъ, а на дѣлахъ не совсѣмъ таковъ, и что главную ролю тутъ игралъ Яковъ Анапѣичъ, такъ звали помянутого архитектора. Изъ дворца прошли мы въ церковь, также уже покрытую и совсѣмъ почти отдѣланную. По осмотрѣніи же оной зашелъ я въ комнаты архитектора, жившаго въ другомъ концѣ дома управительскаго. И дабы показать ему, что и я въ разсужденіи строеній несовсѣмъ не-

знающъ, просилъ его показать мнѣ планы и фасады. Въ мигъ они мнѣ были всѣ представлены не только оригинальные, но и всѣ практическіе, и все желаемое мною по онымъ изыскаемо; а по всему тому увидѣлъ я, что архитекторъ сей былъ дѣйствительно ремесло свое совершенно разумѣющій, а притомъ прилежной и рачительной человѣкъ, чему и былъ я чрезвычайно радъ; ибо тотчасъ могъ предъусмотрѣть, что по строеніямъ не доведеть онъ меня ни до какихъ дальнихъ хлопотъ, и облегчить собою весьма всѣ мои объ нихъ заботы и попеченія.

Поговоривъ и потолковавъ съ нимъ обо всемъ, и распросивъ о числѣ наличныхъ и недостающихъ еще къ строенію матеріаловъ, и о томъ, что нужно къ предварительному о нихъ попеченію, возвратился я въ комнаты, гдѣ мы квартировали; и попросивъ хозяекъ, чтобъ онѣ покормили насъ поранѣе, дабы успѣли мы благовременно доташиться до Богородицка, а отобѣдавъ или паче позавтракавъ у нихъ и распрощавшись, отправились мы далѣе къ Богородицкѣ. Сей послѣдній переѣздъ былъ хотя не слишкомъ большой, но напруднѣйшій изъ всѣхъ прежнихъ: отчасти по дурнотѣ грязныхъ степныхъ дорогъ, а отчасти и по усталости уже и лошадей нашихъ, и мы не ѣхали, а тащились. Какъ сидѣлъ я и въ сей разъ въ одной каретѣ со своими спутниками, то имѣлъ я удовольствіе видѣть ихъ пріятное удивленіе при проѣздѣ чрезъ большія и порядочно разселенныя деревни Бобриковской волости, сквозь которыя намъ тогда ѣхать случилось, и слышать сужденіе ихъ о семействѣ господина Верещагина. Онѣ были такого-же почти мнѣнія, какъ и я, но большая только сестра его, Марья, показала имъ слишкомъ уже бойкою и хитрою дѣвкой.

При проѣздѣ чрезъ село Ивановское, въ которомъ дни за два до того былъ годовая ихъ праздникъ, наѣхали мы всѣхъ мужиковъ бражничающихъ и сбѣгающихся къ намъ съ своими глупыми поздравленіями и просьбами, чтобъ принять отъ нихъ хлѣбъ и соль, подносимой намъ ими.

Сіе было намъ нimalo не противно, и я говорилъ только имъ: «Благодарю, благодарю, друзья мои, за вашу ласку и усердіе, по все это напрасно; а веселитесь себѣ и забавляйтесь какъ вамъ угодно». И насилу-насилу отвязались мы отъ нихъ, пристунающихъ къ намъ съ неотступными просьбами о принятіи ихъ хлѣбовъ и нѣсколькихъ окорокъ ветчины, съ чѣмъ обыкновенно всегда они хаживали на поклоны и изъявляли свое усердіе. Наконецъ кое-какъ переѣхали мы и сей переѣздъ, и выѣхавши изъ Балахонскаго лѣса увидѣли вдали колокольню богородицкую.

Наставали тогда уже самыя почти сумерки, какъ мы въѣхали въ Богородицкъ. При въѣздѣ въ оной я и не узналъ почти его: столь многія и большія перемѣны произошли уже въ ономъ съ того времени, какъ я его въ первой разъ видѣлъ. На мѣстѣ бывшаго тогда пакостнаго гостинаго двора и лавочекъ увидѣлъ я уже превеликую площадь, и посреди оной воздвигнутую огромную, и вчернѣ уже совсѣмъ почти отдѣланную церковь; а вмѣсто прежнихъ кой-какихъ негодныхъ зданійшекъ внутри земляной крѣпости и подлѣ колокольни, стояли уже высокія каменные зданія, составлявшія нѣкоторой родъ замка, а позади ихъ, на берегу пруда, немалой величины домъ каменной, также дворцомъ называемой. Все это было уже послѣ меня построено, и чрезъ все сіе весь Богородицкъ, ровно какъ оживотворился, и вмѣсто прежняго ничего незначущаго села имѣлъ уже видъ города. Самой управительской домъ увидѣлъ я хотя на томъ же мѣстѣ, но совсѣмъ уже не тотъ, и покрытой уже не тростникомъ, а тесомъ. Прежній, и тотъ въ которомъ я ночевалъ, успѣлъ уже сгорѣть, а на мѣсто его построены былъ уже сей новой, и весь онъ, на подобіе замка, съ задней стороны окруженъ былъ мазанками, сараями и службами, покрытыми отчасти тростникомъ, отчасти дерномъ.

При въѣздѣ на дворъ, при подѣзжаніи къ большому и покрытому подѣзду, гос-

пожи мои въ прахъ закрестились; а и самъ я не преминулъ вознестись мыслями къ небу, и просить Господа о благословеніи при вступленіи нашемъ въ сіе новое для насъ обиталище. Насъ встрѣтили тутъ уже нѣкоторые изъ нашихъ людей присланные отъ меня уже прежде съ нѣкоторыми вещами и обозомъ съ провизіею. Домъ былъ уже натоппенъ и приготовленъ совсѣмъ для принятія насъ въ себя; и какъ мы при тогдашней холодной погодѣ нѣсколько поозябли, то вошли мы въ него какъ въ рай, и найдя его просторнымъ, свѣтлымъ и расположеннымъ довольно спокойно, не могли имъ довольно налюбоваться. Ибо какъ покойной предмѣстникъ мой имѣлъ превеликое семейство, то и успѣлъ онъ къ бывшему тутъ дому пристроить еще нѣсколько покойцевъ для себя и для помѣщенія дѣтей своихъ. И потому, всему семейству моему не только было гдѣ помѣститься, но было даже и нѣсколько излишнихъ покойцевъ изъ прирубленныхъ вновь и кои остались у насъ даже праздными, и мы обратили ихъ въ ткацкую и кладовую. Для самого себя нашель я въ нихъ въ усторонѣ особой кабинетъ, но какъ-то уже слишкомъ тѣсноватой и такой, что въ ономъ могъ я помѣстить одинъ только свой столъ для письма и канапе; къ тому-жъ не было въ немъ и печи, а одинъ только каминъ. Но за то была предъ нимъ другая, хотя также съ однимъ только окномъ небольшая комнатка, въ которой могъ я помѣстить свою библіотеку и шкафъ съ картузами, также большой столъ для моихъ собственныхъ писцовъ, почему я и сею частію дома былъ совершенно доволенъ.

Мы не успѣли обѣгать и осмотрѣть всѣ комнаты и приказать разбираться, какъ гляжу, является и господинъ Варсобиный, прибѣжавшій безъ души изъ своего дома. И это было въ первой разъ, что я его узналъ. Но мы въ сей день съ нимъ немного говорили, а почти только поздоровались.

Но какъ скоро настало послѣдующее за снмъ утро, то и стали мало-по-малу

являться ко мнѣ всѣ находившіеся тамъ знаменитѣйшіе люди, и прежде всѣхъ предстали предъ меня всѣ три канцеляриста, какъ главные особы въ тамошней канцеляріи. Первой и главнѣйшій изъ нихъ былъ помянутой господинъ Варсобицъ. Сей былъ правителемъ всей канцеляріи, и у него была вся казна и всѣ доходы и расходы на рукахъ—особа, которую скоро трудно было узнать въ точности. Второй былъ господинъ Щедилонъ, по имени Прокофій Егоровичъ, мужикъ высокой и имѣвшій покрой самого стариннаго подъячаго, но показавшійся мнѣ изъ всѣхъ ихъ и правдоушнѣйшимъ, и болѣе всѣхъ ихъ разумѣющимъ письмо и дѣло. У сего были всѣ письменныя дѣла, а сверхъ того и весь магазинъ на рукахъ. Третій былъ господинъ Ломакинъ, по имени Михаилъ Яковлевичъ, которой показался мнѣ средственнымъ человѣкомъ и не изъ далекихъ. У него былъ на рукахъ весь тамошній гошпиталь и всѣ разные казенные матеріалы. Всѣ они принесли ко мнѣ кульки, набитые всякою всячиною на поклонъ, и я какъ ни отговаривался, но чтобъ ихъ не огорчить, принужденъ былъ принять; и какъ былъ въ числѣ ихъ наполненной рыбою, то сіе по случаю наставшаго тогда Филиппова поста было и кстати.

Не успѣлъ я, поговоривши и ознакомившись съ ними, ихъ отъ себя отпустить, сказавъ, что я не замедлю придти самъ вскорѣ къ нимъ въ канцелярію для осмотра казны и прочаго, какъ является ко мнѣ тамошній архитекторской помощникъ, производившій тутешнія каменные строенія подъ смотрѣніемъ главнаго архитектора. Прозывался онъ господинъ Волковъ, и я нашелъ его уже весьма отлѣпнымъ отъ г. Ананьина, и мужикомъ простенькимъ, нерасторопнымъ и не слишкомъ во всемъ далекомъ, и походившимъ болѣе на пьянющку, нежели на остряка и провора.

Вскорѣ за симъ приѣзжаетъ ко мнѣ, также для отданія поклона своего, тамошній волостной лекаръ, прозывавшійся господиномъ Рудольфомъ, жившій при

большомъ волостномъ гошпиталѣ, за версту отъ Богородицка, на мысу между прудовъ или такъ-называемомъ островкѣ построенномъ. Съ симъ иностранцемъ, и довольно рукомесло свое знающимъ человѣкомъ обошелся я, по обыкновенію своему, съ отличною благосклонностію, и онъ показался мнѣ довольно хорошимъ человѣкомъ, но готовящимся отъ насъ отбыть въ какое-то другое мѣсто, и почти собирающимся уже къ отъѣзду. Я сожалѣлъ, что его теряю, и распросивъ обо всѣхъ обстоятельствахъ тамошняго гошпиталя, не сталъ его удерживать, опять скоро отъ меня отходящаго.

Не успѣлъ я сего отъ себя спровадить, какъ являются ко мнѣ наилучшіе изъ тамошнихъ купцовъ, пришедшіе также на поклонъ со множествомъ кульковъ, набитыхъ всякою всячиною, или такъ-называемымъ хлѣбомъ и солью; ибо надо знать, что Богородицкѣ составлялъ тогда ни село, ни городъ, а нѣкакой междуумокъ между ими. Въ старину былъ онъ городомъ съ деревянною рубленою крѣпостію, и живали въ немъ, по обыкновенію другихъ городовъ, воеводы, имѣвшіе свою городскую канцелярію, а купцы ратушу. Но какъ заведенъ былъ въ волости сей большой казенной конской заводъ, то уничтожено было воеводское городское управленіе и живали тутъ управители при заводѣ съ своими конюхами и конюшенными служителями. Когда-жъ заводъ конской тутъ уничтоженъ, и волость сія исключена изъ дворцовыхъ и переименована въ собственную императрицыну волость, и соединена съ купленною Бобриковскою волостію, то уничтожено и все относящееся до конскаго завода и изъ бывшаго правленія основано уже тогдашнее особое волостное. Купцы же остались жить въ домахъ своихъ попрежнему, имѣли хотя также свою ратушу, но во многомъ зависѣли отъ управителей тогдашнихъ, какъ первенствующихъ особъ во всемъ тамошнемъ селеніи. А такимъ же образомъ зависѣли отъ нихъ во многомъ и множество еще живущихъ тутъ конюховъ, и другихъ конюшенныхъ низ-

нихъ чиновниковъ; а по всему тому и приходили ко мнѣ наилучшіе изъ тамошняго и весьма еще бѣднаго купечества на поклонъ. Я всѣхъ ихъ непреминулъ обласкать наибольшимъ образомъ, и поступилъ съ ними какъ съ людьми, несостоящими хотя у меня въ командѣ, но во многомъ отъ меня зависящими.

По отпускѣ сихъ, собравшись, отправился я въ тамошнюю волостную канцелярію. И какъ была она недалеко, и только чрезъ площадь отъ моего обиталища, то пошелъ я туда пѣшкомъ при провожденіи двухъ вѣстовыхъ изъ солдатъ, при мнѣ уже находившихся. Канцелярія сія находилась тогда еще на тамошней высокой и красной башнѣ или колокольнѣ въ комнатахъ, сдѣланныхъ надъ сквозными воротами, подъ колокольною находящимися. Я принужденъ былъ вздираться на нее по превысокой и крутой круглой лѣстницѣ, и взойдеъ нашелъ всю ее наполненную множествомъ народа. Вся военная команда, состоящая въ нѣсколькихъ унтеръ-офицерахъ, капралахъ и человѣкахъ въ 20-ти солдатъ, находилась тутъ въ собраніи, равно какъ и прочіе разнаго рода нижніе чиновники и мастеровые, какъ-то: магазейвахтеры, столяра, плесарь, кузнецы, служащіе при казенныхъ тамошнихъ лошадяхъ конюха гошпитальные служители, живописецъ, стекольщикъ, и наконецъ прочіе канцелярскіе служители, состоящіе въ нѣсколькихъ человѣкахъ копистовъ. Оба первые канцеляриста, Варсобины и Щедловъ, представляли мнѣ ихъ всѣхъ тутъ по порядку, и рассказывая о каждомъ изъ нихъ подробности, а именно: кому изъ нихъ поручены и какія должности, и кто изъ нихъ приставленъ былъ къ лѣсамъ, кто къ отдаточнымъ землямъ, кто къ матеріаламъ и такъ далѣе.

Я всѣхъ ихъ, по обыкновенію своему, привѣтствовалъ благопріятнымъ образомъ, и отпуская ихъ къ своимъ дѣламъ, замѣтилъ, между прочимъ, одного молодого и съ виду жалковатаго человѣка въ простомъ нагольномъ овчинномъ тулупѣ. И какъ онъ при выходѣ показался мнѣ

какъ-то особливаго примѣчанія достойнымъ, то спросилъ я: «Что это за человѣкъ?»—«Это-де,—сказалъ мнѣ усмѣхаяся Варсобины: стекольной подмастерье, принятый его сіятельствомъ для вставливанія при строеніяхъ стеклоу, и зовутъ его Вильгельмсомъ. Удивился я, сіе названіе услышавъ, и спросилъ далѣе: «Да какой онъ, русской, что-ли?»—Нѣтъ-де, а нѣмецъ. — «Ба! ба! ба! сказалъ я: у васъ и нѣмцы еще здѣсь есть, кликните-ко его ко мнѣ!»—«Александра Давыдовичъ! пожалуйста-ка сюда», закричалъ Варсобины. Онъ тотчасъ и воротился, и тогда началъ я съ нимъ по-нѣмецки говорить. Бѣднякъ обрадовался невѣдомо какъ, услышавъ, что я говорю его природнымъ языкомъ, и сталъ мнѣ кланяться и себя рекомендовать. Я обрадовался услышавъ, что говорилъ онъ симъ любимымъ мною языкомъ довольно изрядно; но какъ мнѣ некогда было тогда долго съ нимъ раздѣбуривать, то сказавъ ему, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ на квартиру, отпустилъ его, приласкавъ обыкновеннымъ образомъ, и Александра мой Давыдовичъ полетѣлъ почти безъ памяти отъ радости внизъ по лѣстницѣ.

По выходѣ всѣхъ сталъ я осматривать всю канцелярію и обо всемъ разспрашивать. Она состояла изъ трехъ комнатъ: въ средней и просторѣйшей стояли столы всѣхъ трехъ повѣтѣвъ, и при нихъ всѣ канцелярскіе служители и писцы, коихъ всѣхъ было человѣкъ почти до десяти. Въ одной изъ побочныхъ и также довольно просторной комнатѣ стояло нѣсколько большихъ сундуковъ, и въ одномъ изъ нихъ хранилась денежная казна, охраняемая стоящимъ часовымъ съ обнаженнымъ тесакомъ; другіе наполнены были письменными дѣлами. Другая побочная и небольшая комната составляла такъ-называемую судейскую. По введеніи въ оную меня моими такъ-сказать секретарями, увидѣлъ я тутъ, къ удивленію моему, порядочной судейской столъ, покрытой краснымъ сукномъ и съ стоящимъ на немъ зеркаломъ и лежащими на немъ нѣсколькими книгами. Поразился я

симъ зрѣлищемъ, и самъ себѣ сказалъ: «Вотъ, судыри! Судьба нидувано-нигадано, доставила и мнѣ случай сидѣть за краснымъ сукномъ и за зеркаломъ!» Но какъ мнѣ всѣ канцелярскіе обряды, хранимые тутъ во всей ихъ старинной формѣ, вовсе были незнакомы, и я не зналъ за что приняться, то представлялъ тогда истинно смѣшную фигуру, но доволенъ былъ господиномъ Щедилowymъ, которой тотчасъ сталъ мнѣ, сѣвшему въ свои кресла, представлять приготовленные уже ими списки и вѣдомости обо всемъ нужномъ. Но какъ мнѣ за наступившимъ тогда уже обѣденнымъ временемъ некогда было разсматриваніемъ оныхъ заниматься, то спросилъ я только всѣ-ли нужны бумажки у нихъ заготовлены для представленія мнѣ отъ себя къ князю съ донесеніемъ обо всемъ, что я нашелъ тутъ. — «Всѣ-де почти готовы, сказали мнѣ обоимъ секретари, и немногое только осталось». — Такъ поспѣшите-же, пожалуйста, къ завтраму докончить, чтобъ я могъ все увидѣть и во все войти и потомъ репортовать къ князю. Сказавъ сіе не сталъ я долѣ медлить, и возвратился къ домашнимъ моимъ, ожидавшимъ меня уже съ накрытымъ столомъ обѣдать.

Симъ кончу я сіе мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Генваря 18-го дня 1809 года).

ПОСТУПКА СЪ ВЕРЕЩАГИНЫМЪ.

Письмо 186-е.

Любезный пріятель. Обобѣдавши съ моими домашними, употребилъ я все достальное время того дня на осматриваніе службъ и прочаго строенія на управительскомъ дворѣ; и нашедъ все нужное, былъ доволенъ тѣмъ, что въ разсужденіи сего не было мнѣ нужды хлопотать. Кромѣ кухни, погребовъ, анбара и людскихъ избъ, находилось еще множество мазанокъ, сараевъ для лошадей и скота. Въ нихъ содержались не только казенныя лошади, содержимыя на казенномъ контѣ для развѣзда управителя, и которыхъ было такъ довольно, что мнѣ не было нужды дер-

жать своихъ собственныхъ, и я могъ оныхъ всѣхъ отправить въ свою деревню. Но кромѣ ихъ содержалось еще нѣскольکو казенныхъ жеребцовъ въ пользу крестьянъ, для припуска къ кобыламъ ихъ; также содержанъ былъ въ хлѣву превеликой казенной быкъ для такого-же употребленія. Мазаночными сараями и отдѣлами сими окруженъ былъ со всѣхъ трехъ заднихъ сторонъ управительской домъ, но все сіе покрыто было камышомъ. Одного только недоставало, и весьма нужнаго для меня: не было нигдѣ ни малѣйшаго цвѣтничка и садика, поелику никто изъ моихъ предшественниковъ не имѣлъ къ нимъ охоты. Но сіи положили я неотмѣнно въ слѣдующую весну завести, и помышлялъ уже о томъ, гдѣ бы назначить подъ нихъ мѣсто, но къ неудовольствію не находилъ нигдѣ вплоть подлѣ моего дома, чего мнѣ хотѣлось. Весь онъ расположенъ былъ такъ, что нигдѣ не можно было къ нему съ садомъ приютиться, и потому другого не находилъ, какъ предназначить къ тому мѣсто уже за мазанками въ концѣ двора, а цвѣтничокъ хотѣ маленькой сгородить себѣ предъ окнами дома на улицѣ.

По осмотрѣніи всѣхъ сихъ ближнихъ предметовъ, и отложивъ обозрѣваніе прочихъ до послѣдующаго дня, принялся я за обранжированіе своихъ собственныхъ комнатъ: то-есть маленькаго своего кабинета и комнатки предъ онымъ. Были онѣ обѣ хотя очень тѣсноваты, такъ что мнѣ не можно было никакъ помѣститься въ нихъ со всею моею рухлядью, но какъ перемѣнить того было нечѣмъ, то принужденъ былъ довольствоваться уже и оными; и призвавъ столяра, велѣлъ надѣлать въ нихъ поболѣ шкапчиковъ и полокъ, гдѣ-бъ мнѣ можно было установить свои книги, картузы и другія вещи; а въ кабинетѣ ассигновалъ себѣ уже мѣстечко подъ окошечкомъ, и поставивъ небольшой столикъ, кое-что на немъ уже и пописался. Въ проходной же комнаткѣ предъ онымъ установилъ я большой столъ, какъ для работъ, требующихъ бѣльшаго простора, такъ и для моихъ писцовъ и

учениковъ, если какіе случатся, которыми и непреминулъ я въ скоромъ времени запастися, ибо не любилъ быть безъ оныхъ.

Между тѣмъ какъ я ранжированіемъ всего въ моихъ кабинетахъ занимался, явился ко мнѣ и господинъ Вилимзонъ, помянутой нѣмецъ-стекольщикъ, и я, разговорившись съ нимъ поболѣе, узналъ его короче. Всѣ его тамъ почитали полушуткомъ и надъ нимъ подсмѣивались; но мнѣ, какъ любящему всѣхъ иностранцевъ, показался онъ болѣе жалкимъ, нежели посмѣшища достойнымъ молодымъ человѣкомъ. Былъ онъ хотя не хитрой, а простодушной человѣкъ, однако не совсѣмъ глупой, и нельзя было никакъ назвать его дуракомъ, хотя и было въ поведеніи его нѣчто такое, что заставляло иногда надъ нимъ трунить и смѣяться. Но какъ онъ по-нѣмецки говорилъ порядочно, то для меня всего пріятнѣе было, что я нашелъ въ немъ человѣка, съ которымъ могъ я заниматься разговорами на семь языкъ. А потомъ узнавъ, что онъ жилъ на островѣ въ госпиталѣ и въ самой нуждѣ и бѣдности, то изъ единаго человѣколюбія велѣлъ ему ходить какъ можно къ себѣ чаще, и поснабдилъ его кое-чѣмъ нужнымъ. Впослѣдствіи же времени я за простоту, добросердечіе, услужливость и сиротство такъ его полюбилъ, что приобщилъ его почти къ числу своихъ домашнихъ. Онъ живалъ почти безвыходно у насъ, и мы его и поили, и кормили, и одѣвали; и бѣднякъ такъ тѣмъ былъ доволенъ, что не зналъ какъ и чѣмъ возблагодарить меня за то. Но я доволенъ былъ тѣмъ, что онъ съ малюткою сыномъ моимъ съютился и поставилъ его себя полюбить; а сіе и принесло намъ ту выгоду, что онъ могъ начать учить его нѣмецкой грамотѣ и отправлять почти должность его дядьки. Сверхъ того и самимъ намъ доставлялъ онъ много пріятныхъ минутъ, ибо и мы-таки надъ нимъ иногда шучивали, и нерѣдко до слезъ почти смѣивались.

Въ послѣдующій день съ самаго утра пошелъ я опять въ свою канцелярію, для

вступленія уже во всѣ дѣла по должности. Мое первое дѣло было по вѣдомостямъ и приходнымъ и расходнымъ книгамъ счислиться и узнать, сколько надлежало быть тогда казенныхъ денегъ въ наличности и потомъ освидѣтельствовать. Но не успѣлъ я сего послѣдняго дѣла начать, какъ подступилъ ко мнѣ г. Варсобицъ, какъ хранитель и расходчикъ оныхъ съ донесеніемъ, что онѣ не всѣ, а недостаетъ нѣсколько сотъ оныхъ. Сіе меня поразило: «Да гдѣ-жъ онѣ?» спросилъ я.—Петръ-де Алексѣевичъ Верещагинъ изволилъ забрать ихъ, и вотъ-де его росписки.—«Прекрасно! воскликнулъ я: но мнѣ сіи росписки ненадобны, и я ихъ вмѣсто наличныхъ денегъ не приму, и на себя этого никакъ не возьму. Но какъ же ты ему такъ много надавалъ, мой другъ?» спросилъ я.—Что было дѣлать! отвѣтствовалъ Варсобицъ: покойнику князю было такъ угодно!—«Да самъ-то князь не забралъ-ли также ихъ себѣ, и не долженъ-ли и онъ?» (подхватилъ я).—Былъ-де тотъ грѣхъ и за нимъ! сказалъ Варсобицъ: новѣе бывшіе на немъ намъ княгиня доставила уже послѣ его кончины, и онъ намъ не долженъ ни копѣйкою.—«Ну, это хорошо! но съ Верещагинымъ-то какъ же намъ быть? Дѣло это не ловко, и онъ потеряетъ свое мѣсто, естли дойдетъ сіе до князя, а я, воля его, на себя этого не приму».—«Я-де писалъ къ нему, сказалъ Варсобицъ, и еще нарочнаго послалъ, чтобы приѣзжалъ самъ и раздѣливался какъ знаетъ».

—«Хорошо!» сказалъ я, и прінялся продолжать далѣе свои дѣла и свидѣтельства, а между тѣмъ неожиданной сей недостатокъ денегъ не выходилъ у меня изъ ума. Я не зналъ какъ поступить въ семъ случаѣ съ господиномъ Верещагинымъ. Судьба его зависѣла тогда совершенно отъ меня, и все его счастіе и несчастіе въ моихъ рукахъ было. Князь предать его совершенно въ мою волю, и при отпускѣ, какъ выше упомянуто, сказалъ мнѣ, что естли я что за нимъ дурное узнаю, и мнѣ онъ не надобенъ будетъ, такъ только бы отписалъ, и его не

будеть. Итакъ, стоило-бы тогда только отписать и донести князю о семъ забраніи казенныхъ денегъ, такъ и отрѣшенъ бы онъ былъ отъ своего мѣста. Но я не такого былъ свойства, чтобъ похотѣлъ безъ необходимой нужды сдѣлать чело-вѣку зло, ничѣмъ еще меня не оскорбившему. Правда, слухи невыгодные объ немъ до меня уже отчасти и доходили, и были поводы желать, чтобъ его со мною и не было, но я подумаль-подумаль, и вообразивъ себѣ, что тѣмъ лишу я и его и все его большое семейство послѣдняго почти куска хлѣба, ибо были они очень недостаточны, не захотѣлъ никакъ подвергать его сему несчастію, а рѣшился вмѣсто зла оказать ему благодѣяніе, и какъ-нибудь сіе дѣло уладить иначе, и потому съ нетерпѣливостію его приѣзда дожидаясь.

Онъ и непреминулъ ко мнѣ въ тотъ же день и къ обѣду еще прилетѣть; и какъ Варсобины успѣлъ ему всѣ мои слова пересказать, то былъ онъ тѣмъ такъ перетревоженъ, что перетрусившись не имѣлъ даже духу начать о томъ и говорить со мною, и уже я самъ, сжалившись надъ нимъ, и отведя въ своѣ кабинетъ, дружескимъ образомъ сталъ ему о томъ говорить и изображать, въ какомъ критическомъ положеніи онъ тогда находился. Не могу изобразить, какъ много растроважень онъ былъ тогда моими словами, и съ какимъ умиленіемъ просилъ меня, чтобъ я сдѣлалъ надъ нимъ милость, не погубилъ бы его чрезъ донесеніе о томъ князю. И какъ много обрадовался онъ, когда я ему сказалъ: «Хорошо, батюшка, Петръ Алексѣевичъ. Я хотя въ доказательство моего къ вамъ благо-расположенія и сдѣлаю то, что не донесу о томъ князю, но деньги необходимо надобно вамъ какъ можно скорѣе въ казну внести; и вы постарайтесь какъ можно о томъ, и гдѣ-нибудь ихъ достаньте. Вотъ даю вамъ на трѣ дни срока».

Господинъ Верещагинъ былъ тѣмъ крайне доволенъ, и наказыавъ мнѣ тысячу благодареній, поскакалъ тогда же добывать денегъ, а я между тѣмъ употре-

билъ все сіе время на обозрѣніе прочихъ мѣстъ, и въ тотъ же день ѣздилъ осматривать то огромное каменное зданіе, въ которомъ хранился казенной озимой и яровой хлѣбъ, собираемой зерномъ съ крестьянъ ежегодно. Тутъ не могъ я довольно налюбоваться огромностію и хорошимъ расположеніемъ магазина, а того еще больше порядкомъ, наблюдаемомъ при сборѣ и расходѣ хлѣба и рачительнымъ попеченіемъ объ немъ г. Щедилова, у котораго онъ на рукахъ былъ. Но какъ находились многіе анбары, насыпанные до самаго верха, и перемѣривать его не было возможности, поелику потребно было къ тому не дней, а недѣль нѣсколько, то принужденъ я былъ положитьсь (на) г. Щедилова, увѣрявшаго меня свято, что хлѣбъ весь цѣлъ, и не только въ немъ нѣтъ недостатка, но ежели перемѣрить, то безъ сумнѣнія явится множество и примѣрнаго. И какъ онъ въ томъ ручался всѣмъ своимъ имѣніемъ, то я и былъ тѣмъ доволенъ.

Послѣ того такимъ же образомъ ѣздилъ я осматривать тамошній волостной гошпиталь, построенной, какъ выше упомянуто, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города на прекраснѣйшемъ мѣстѣ. Высокой и узкой мысъ между устьями двухъ огромныхъ вершинъ, на которомъ воздвигнуто было сіе зданіе, окружень былъ со всѣхъ сторонъ водою. Два пруда, посредственной величины, были у него по сторонамъ, а третій—большой, называемой Вязовскимъ, былъ впереди и представлялъ видъ самаго озера. Для содержанія больныхъ особая, превеликая, длинная связь, съ комнатами на краю для аптеки и жительства надзирателей; а впереди находился обширный дворъ, окруженный множествомъ другихъ зданій. Былъ тутъ особой домъ для жительства лекаря, и по обѣимъ сторонамъ два флигеля для жительства лекарскихъ учениковъ и другихъ гошпитальныхъ служителей. Другой такой же домикъ находился посреди двора, назначенной для подлекари, но стоявшій тогда празднымъ, а по сторонамъ находились прочія зданія, какъ-то: по-

гребя, кухня, баня и сарайчики для лекарейскихъ лошадей и скота. Словомъ, тут нашель я все въ порядкѣ и наилучшее во всемъ распоряженіе. Совсѣмъ тѣмъ казалось мнѣ, что гошпиталь сей производилъ содержаніемъ своимъ казнѣ болѣе убытка, нежели пользы, и знаменитъ былъ болѣе именемъ, нежели самымъ дѣломъ, ибо волостныхъ больныхъ находилось въ немъ очень мало. Сн боялись и бѣгали его какъ огня, и охотѣе хотѣли умирать безъ всякаго призора, нежели давать возить себя въ гошпиталь и тамъ себя лечить; а всѣ найденные мною больные были на большую часть посторонніе, присылаемые туда для леченія сосѣдственными дворянами. Но какъ хотѣлось завести и содержать такой гошпиталь князю, то и оставилъ я его въ прежнемъ существованіи и при всемъ заведенномъ до меня порядкѣ.

Какъ съ задней стороны окруженъ былъ весь сей гошпиталь прекрасною дубовою рощицею, и въ концѣ оной находилась небольшая деревянная церковь, воздвигнутая тутъ для кладбища, то взглянулъ я и на оную, и тѣмъ паче, что она одна тогда и была, въ которой отправлялась божественная служба; ибо обѣ прежнія бывшія внутри города были сломаны, а новая и большая еще недостроена.

Осмотрѣвъ оную, заѣхалъ я и въ бывшую тогда тамъ неподалеку отъ оной ранжерю съ заведеннымъ подлѣ ея маленькимъ, плодovитымъ и аглинскимъ садикомъ. Сн нашель я въ худшемъ состояніи, нежели въ какомъ я думалъ и ожидалъ. Ранжерейка была маленькая, ничего незначащая, и совсѣмъ почти пустая. Тепличка также малозначащая, плодovитой садикъ того еще меньше вниманія достойной, а аглинской болѣе смѣшной, нежели достойной уваженія. Всему тому причиною было то, что оба господа предмѣстники мои были сами до всего того неохотники, а оставляемо было все относящееся до того на волю садовника; а сей и видной болѣе своимъ ростомъ и дорodствомъ, нежели знаменитой своимъ искусствомъ и проворствомъ, а потому и производилось

все тутъ излегка и кое-какъ. И я крайне жалѣлъ, что мѣсто сіе было отъ дома управительскаго слишкомъ удалено, и что не можно было мнѣ никакъ самому такъ часто оное посѣщать, какъ бы хотѣлось; ибо какъ разстояніе отъ дома до сего мѣста было болѣе, нежели на версту, то пѣшкомъ туда ходить было слишкомъ далеко, а на лошади можно-ль было всегда набѣздиться?

За симъ занялся я осматриваніемъ всѣхъ казенныхъ строеній, производившихся еще тогда въ полномъ развалѣ, но пресѣвшихся по случаю поздняго осенняго времени. Главной корпусъ или такъ-называемой дворецъ, воздвигнутой на прекраснѣйшемъ мѣстѣ, на краю высокаго берега къ пруду, былъ хотя подлѣ кровлею, но снаружи и внутри еще не обштукатуренъ, и далеко еще не отдѣланъ. Въ такомъ же состояніи находились и оба огромные съ нагорной стороны его на подобіе замка окружающіе флигели, со множествомъ комнатъ и къ нимъ принадлежностей. Всѣ они были хотя также покрыты, но внутри и снаружи далеко еще не отдѣланы; и нужно еще было употребленіе многихъ трудовъ и работъ къ доведенію ихъ до совершенства, и обо всемъ томъ надлежало мнѣ имѣть попеченіе, и заниматься тѣмъ въ послѣдующее лѣто.

Точно въ такомъ же состояніи нашель я и большую соборную церковь, посреди площади неподалеку отъ дома вновь воздвигнутую, но во многомъ еще неотдѣланную. Ее надобно было также внутри и снаружи штукатурить, докрывать и исправлять многія еще до нея относящіяся работы. Сбоку, подлѣ церкви сей, находилась выкопанной, нарочитаго пространства, продолговатой, четверосторонній прудъ, обсаженный кругомъ березками, въ себѣ воды еще немного (?).

За симъ не преминулъ я также объѣздить и осмотрѣть все селеніе города. Все оное состояло наглавнѣйше въ предлинной, старинной и не слишкомъ прямой слободѣ, простиравшейся въ длину безъ мала на версту, и составленную изъ

сплошныхъ деревянныхъ домовъ старинныхъ купцовъ, также конюховъ и другихъ разночинцевъ, и не стояла никакого дальнаго уваженія. Большая воронешская дорога, идущая изъ Тулы, проходила сквозь оную. Слобода сія, начавшись почти отъ самаго магазина и отъ бывшей тутъ, такъ-называемой, Стрѣлецкой слободы, простиралась до самаго моста чрезъ рѣчку Вязовку, и за онымъ находилось только нѣсколько казармъ, построенныхъ для жительства солдатъ, въ командѣ моей находившихся; а между ними и гошпиталемъ на полѣ, подлѣ большой дороги, находился пустой, такъ-называемой, гостиный дворъ, состоящій въ предлинной связи со множествомъ каменныхъ лавокъ для помѣщенія купцовъ, притѣжающихъ ежегодно туда на бываемую ярманку въ день казанской Богородицы.

Кромѣ поминутой старинной длинной слободы, была и вся большая и обширная предъ домомъ площадь окружена съ трехъ сторонъ новыми слободами. Одна и знаменитѣйшая изъ всѣхъ была расположена прямо и въ параллель противъ дома, и составленная почти вся изъ порядочно построенныхъ связей и казармъ, назначенныхъ для жительства разнымъ мастеровымъ, и на краю которой находился домъ управительской. Другая находилась въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дома и въ лѣвъ отъ него сторонѣ, и состояла изъ порядочныхъ домовъ канцелярскихъ служителей и другихъ разночинцовъ. А третья была по правую сторону, и составленная изъ дворовъ церковнослужителей и нѣсколькихъ солдатскихъ казармъ. Сія была всѣхъ хуже, но занимала собою наилучшее и красивѣйшее мѣсто во всемъ Богородицкѣ, почему въ послѣдствіи времени, по опустошеніи оной пожаромъ, и уничтожена и мѣсто, гдѣ она сидѣла, занято подъ садъ аглицкой.

Кромѣ сихъ слободъ, площадь сія была украшена повсюду березовыми, насаженными предъ слободами, широкими аллеями, и чрезъ самое то составляла наилучшее и красивѣйшее мѣсто во всемъ се-

леніи. Находилась еще въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дворца, напротивъ онаго, за прудомъ, прямая и длинная, версты на двѣ простиравшаяся, крестьянская слобода, называемая Пушкиарскою. Но сія не принадлежала уже къ городу, а имѣла на обширномъ предъ собою выгонѣ, особую церковь во имя Покрова Богородицы.

Что касается до упомянутого теперь пруда, то былъ онъ предъ самымъ домомъ и превеликой, совсѣмъ еще новой и сдѣланной въ то же лѣто моимъ предмѣстникомъ. Преогромная и широкая плотина была оплотомъ сему великому и длиною версты на двѣ простирающемуся водоему, и соединяла собою оба берега рѣчки Уперта, на которой сей прудъ былъ запруженъ и снабденъ посреди большимъ рубленнымъ спускомъ.

Въ семъ состояло все жило тогдашняго Богородицка; и какъ находилось въ ономъ множество казенныхъ зданій, построенныхъ г. Опухтиннымъ, то стоило все то великихъ суммъ и трудовъ для сего моего предмѣстника. Я, осматривая все оное, не могъ довольно всѣмъ расположеніемъ и красотою положенія мѣста налюбоваться; но все почти оное современемъ такъ превратилось, что нынѣ не имѣть и подобія прежнему своему состоянію.

Не успѣвъ я симъ образомъ сего будущаго моего обиталища разсмотрѣть, и между тѣмъ обоимъ моимъ канцеляристовъ или паче секретарей кой-о-чемъ касающемся до волости разспросить, какъ гляжу скачетъ ко мнѣ и г. Верещагинъ. — «Ну что, братецъ, нашель ли и досталь ли?» сказалъ я его встрѣчая. — «Что, батюшка (отвѣчалъ онъ): замучился скакавши всюду и всюду, и изъ одного мѣста въ другое, но никакъ не могъ добыть всей суммы». — «А сколько-жъ еще не достаесть?» спросилъ я. — «Да рублей съ двѣсти». — «Да какъ же быть-то?» (подхватилъ я). — «Я ужъ право не знаю (сказалъ онъ): истинно изъ силъ выбился, но не могъ нигдѣ въ такой скорости достать; теперь воля ваша и со мною... Судьба моя въ рукахъ вашихъ, а ежели не помилуете,

такъ дѣлайте, что хотите».—«Жаль мнѣ васъ (сказалъ я); но право не знаю, какъ же мнѣ быть съ вами?»—Потомъ, подумавъ нѣсколько самъ съ собою, спросилъ я далѣе: «Но чрезъ сколько-бы времени могли вы достать сію недостающую сумму?»—«Мѣсяца чрезъ два или чрезъ три (сказалъ онъ), могу я достать ихъ вѣрно.»—«Да вѣрно ли полно, и устоите-ли въ своемъ словѣ?» (спросилъ я).—«Батюшка ты мой! (подхватилъ онъ): клянусь вамъ въ томъ, и небомъ и землею, и честію, и всѣмъ на свѣтѣ».—«Хорошо, Петръ Алексѣевичъ! (сказалъ я): изъ одинаго дружелюбія и сожалѣнія объ васъ, и чтобъ доказать, что я не хочу вамъ сдѣлать зла, сдѣлаю вамъ одолженіе. Извольте, судирь! я ссужу васъ собственными своими деньгами; только расквитайтесь съ казною, и сдержите потомъ свое слово».

Не могу изобразить какъ поразился онъ сею неожиданностію. Онъ поклонился мнѣ почти въ ноги, и не зналъ какъ и какими словами возблагодарить меня за сію, ему оказанную, милость, и твердилъ только, что онъ во вѣкъ сіе будетъ помнить, и желаетъ имѣть только случай отслужить мнѣ за сіе одолженіе. Словомъ, клятва, увѣреній и благодареній конца тогда не было. Но исполнилъ ли онъ то, что говорилъ, и какъ и чѣмъ возблагодарилъ онъ меня за тогдашнее одолженіе, о томъ, услышите вы послѣ.

Я и дѣйствительно ссудилъ его двумястами рублей своихъ денегъ, и прогналъ его съ ними въ канцелярію для внесенія ихъ въ казну и выручки своихъ росписокъ. И какъ тѣмъ дѣло сіе кончилось, то и не сталъ я долѣе медлить, но отрепортовалъ князю о вступленіи въ свою должность, и о найденіи въ волости все въ надлежащемъ порядкѣ и все въ цѣлости.

Едва я сіе кончилъ, какъ и наступилъ первой субботній день по моемъ приѣздѣ, и мнѣ надлежало въ первой еще разъ производить судъ и расправу. Какъ въ каждую субботу бывалъ издревле въ семь городѣ торгъ и на оной стеченіе со всѣхъ сторонъ множества народа, то издавна

заведенъ былъ въ волости порядокъ, чтобъ въ сей день съѣзжались въ канцелярію изъ всѣхъ селъ и деревень старосты и бурмистры, а вмѣстѣ съ ними и всѣ тѣ кому нужда была о чемъ-либо просить, или на кого приносить жалобу; почему должны были приѣзжать съ ними и всѣ отвѣтчики, и тогда всѣ ихъ жалобы и просьбы управителемъ разбирались, и дѣлано было всѣмъ удовлетвореніе, а виноватые при всѣхъ старостахъ наказываемы. Они же получали приказаніе о нарядѣ на будущую недѣлю толикаго числа конныхъ и пѣшихъ работниковъ, сколько когда надобно было, и получали и другія приказанія, естли какія случались быть надобны.

Итакъ, не успѣлъ я поутру въ сей день встать, какъ вся моя просторная прихожая комната явилась наполненною старостами и бурмистрами, пришедшими съ мнѣ на поклонъ и съ поздравленіями съ моимъ приѣздомъ. Я удивился, увидѣвъ всѣхъ ихъ съ разными приносами, и не хотѣлъ-было никакъ оныя принимать; но статое-ли дѣло? Они завоплъ во всѣ голоса, и убѣдительношимъ образомъ съ пренизкими поклонами просили, чтобъ я ихъ при первомъ случаѣ отказомъ своимъ не огорчилъ, и неотмѣнно сдѣлалъ бы имъ милость и приказалъ принять. Что было дѣлать? нельзя было на просьбы ихъ не согласиться, и они наклали такую кучу хлѣбовъ и окороковъ вечины, а иные калачей и рыбы, что достало ихъ на нѣсколько дней или недѣль для прокормленія всѣхъ моихъ людей, со мною бывшихъ. Но за то и самъ я не преминулъ перепонть ихъ виномъ досыта, и отпустить ихъ отъ себя въ канцелярію съ удовольствіемъ.

Послѣ чего, по донесенію, что всѣ просители и отвѣтчики собралсь, пошелъ и самъ я въ канцелярію для отправленія въ первой разъ своей судейской должности. Я проговорилъ напередъ полюбовную рѣчь со всѣми старостами, такъ какъ сдѣлалъ то при вступленіи своемъ въ управленіе Кіасовской волости. Увѣщевалъ всѣхъ, чтобъ жили хорошо и поря-

дочно, исполняли бы все повелѣваемое, и удерживались бы отъ всего худого. Потомъ, сказавъ имъ, какого мнѣнія должны они быть обо мнѣ, и что я люблю, и чего терпѣть не могу, приступилъ къ своему дѣлу, и при первомъ семъ случаѣ постарался отменно произвестъ оное такимъ образомъ, что всѣ остались съ удовольствіемъ и повезли съ собою по деревнямъ весьма выгодное обо мнѣ мнѣніе.

Симъ образомъ, вступивъ въ свою должность, началъ я оную отправлять понемногу какъ надлежало. И какъ по случаю наставшей тогда зимы не было никакихъ надворныхъ дѣлъ, то и тутъ оставалось мнѣ множество свободного времени для употребленія на себя и на собственные свои занятія, а потому, не любя быть въ праздности, и приступилъ я опять къ прежнимъ своимъ комматнымъ упражненіямъ, къ чтанію книгъ или къ писанію чего-нибудь. Первѣйшимъ моимъ дѣломъ въ семъ отношеніи было то, что я увѣдомилъ чрезъ письмо благодѣтеля своего, господина Нартова, о случившейся со мною переменѣ; и въ особенности былъ доволенъ, что жилъ я тогда на самой почтовой дорогѣ изъ Воронежа въ Тулу, въ Москву и далѣе, и могъ всѣ письма свои пересылать чрезъ тамошнюю ратушу, имѣвшую въ себѣ нѣкоторой родъ почтовой экспедиціи, а равноѣрно и самъ получать всѣ присылаемыя ко мнѣ письма безъ всякаго затрудненія. Сей самый случай побудилъ меня выписать на приближающійся 1777-й годъ не только русскія, но даже самыя нѣмецкія гамбургскія газеты, которыя до того никогда еще не имѣлъ я удовольствіе получать.

По учиненіи сего принялся я за продолженіе сочиненія моей «Дѣтской Философіи». Обстоятельство, что печаталась уже вторая часть сей моей книги, побуждало меня приняться опять за продолженіе труда сего, которой перерывался было въ послѣднее время жительства моего въ Кіясовеѣ. Итакъ, отыскавъ начатую еще осенью 1774 года седьмую часть сей книги, приступилъ я въ праздное вре-

мя за продолженіе оной и въ немногія недѣли кончилъ.

Между тѣмъ, поспѣли шкафы и полки для устанавливанія моихъ книгъ и картузовъ съ травами; и я убралъ и установилъ ими свою комнату предъ кабинетомъ моимъ такъ, что всѣ съ удовольствіемъ на нихъ сматривали. А чтобъ было мнѣ не такъ скучно, то выбралъ изъ тамошнихъ конюховскихъ, въ командѣ моей состоявшихъ, дѣтей двухъ умѣющихъ грамотѣ мальчиковъ, велѣлъ приходить всякой день къ себѣ для писанія въ сей, равно какъ домовою моею канцелярію всякой всячины. И какъ они писали довольно уже хорошо и могли кое-что переписывать, то старался я обучить ихъ лучшему и правильнѣйшему писанію, что современемъ послужило имъ обоимъ въ великую пользу. Въ семъ упражненіи сотовариществовали имъ и оба мои домашніе писцы, Василій и Яковъ, которые изъ ребятишекъ успѣли уже около сего времени вырасть большими, и хотя были уже при должностяхъ навременно, а особливо первой изъ нихъ, писавшій отменно хорошо, должны были также кое-что переписывать.

Кромѣ того, недолго былъ я и безъ учениковъ такихъ же, какіе бывали у меня прежде. Родственникъ нашъ, господинъ Арцыбышевъ, Иванъ Афанасевичъ, убѣдилъ меня взять къ себѣ одного бѣднаго родственника его, Пахомова, и поучить чему-нибудь; я охотно на то согласился, и сего, довольно взрослога мальчика къ себѣ взявъ, дѣйствительно старался понаучить его и письму, и арихметикѣ и прочему, чему могъ, и онъ хотя и не долго у меня жилъ, но воспользовался моими наставленіями и помнить и понинѣ еще мое къ себѣ одолженіе, находясь уже въ службѣ при межеванѣхъ.

Не успѣлъ я нѣсколько въ Богородицѣ къ обострожитья и осмотрѣться, какъ вдругъ, къ неизъяснимому удовольствію моему, является ко мнѣ другъ и прежній сотоварищъ и собесѣдникъ мой кіясовской лекаръ Бентонъ.

— «Ба! ба! ба! увидѣвъ его, закричалъ я:

Филиппъ Антонович! откуда ты взялся другъ мой? Да какъ это, и какимъ образомъ и зачѣмъ?»—«Жить опять съ вами, подхватилъ онъ: и быть при здѣшнемъ гошпиталѣ на мѣсто господина Рудольфа»—«Неужели? (воскликнулъ я). Ахъ, какъ я этому радъ, и какъ благодаренъ князю, что онъ не иного кого, а тебя сюда опредѣлилъ. Ну, мой другъ, живемъ опять попрежнему, здѣсь получше намъ будетъ жить, нежели въ Кіасовкѣ». И тотчасъ ну его у себя угощать, и потомъ отвозить его на островокъ, показывать ему домъ для его жительства, и поручать ему въ смотрѣніе гошпиталь со всѣми принадлежностями; а сожалѣлъ только о томъ, что отдаленіе сего островка отъ моего дома версты почти на полторы не дозволяло ему такъ часто со мною видаться какъ въ Кіасовкѣ. Здѣсь не могъ онъ уже и столомъ моимъ ежедневно пользоваться, но принужденъ былъ заводить собственное свое хозяйство, въ чемъ онъ, будучи добрымъ хозяиномъ и рачительнымъ человѣкомъ, и успѣлъ очень скоро. Совѣмъ тѣмъ мы и тутъ остались съ нимъ на той же дружеской ногѣ, какъ и прежде, и хотя рѣже видались, но жили во все время пребыванія моего въ Богородицкѣ какъ друзья, и я всегда былъ всѣмъ поведеніемъ его доволенъ; и не одинъ разъ пользовался его искусствомъ и помощію какъ самъ, такъ относительно до моихъ родныхъ и всѣхъ домашнихъ, и дружба сія продолжается у насъ съ нимъ и понынѣ, хотя живемъ мы уже и далеко другъ отъ друга.

Симъ образомъ нажилъ я опять себѣ собесѣдника и друга, съ которымъ могъ нерѣдко проводить время въ пріятныхъ и дружескихъ разговорахъ. А всего пріятнѣе было для меня то, что онъ по прилежности и раченію своему могъ избавлять меня отъ многихъ хлопотъ и заботъ относящихся по дѣламъ, до гошпиталя касающимся. Ибо всѣ заботы объ немъ возложилъ я уже на него, а онъ довѣрію моему и соотвѣтствовалъ совершеннымъ образомъ, и весь гошпиталь скоро привелъ несравненно въ лучшее предъ преж-

нимъ состояніе. Слухъ при вспоможеніи моемъ о искусствѣ его скоро разнесся по всѣмъ окрестностямъ и произвелъ то, что не только волостные крестьяне стали охотнѣе воспринимать приближище свое къ нему въ своихъ болѣзняхъ, но и изъ разныхъ даже отдаленныхъ мѣстъ стали приѣзжать къ нему и сами господа для пользованія себя его искусствомъ. И многіе даже живали у насъ тутъ по нѣскольку недѣль и мѣсяцевъ и подавали мнѣ чрезъ то случай спознакомливаться съ собою, и сводить даже самыя дружескія связи.

Совсѣмъ тѣмъ было сіе не тогда, а впослѣдствіе времени; тогда же, то-есть при началѣ жительства моего въ Богородицкѣ, было намъ нѣсколько и скучновато, по причинѣ, что какъ городокъ сей лежалъ посрединѣ почти всей волости, и окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ волостными деревнями, то и не было никого изъ сосѣдственныхъ дворянъ, живущихъ въ такой близости какъ прежде отъ Кіасовки; а дома самыхъ ближайшихъ отстояли не ближе отъ насъ верстъ двадцати и болѣе. Къ тому-жъ и всѣхъ ихъ было несравненно меньше, нежели въ кіасовскомъ сосѣдствѣ; а при томъ и тѣ всѣ были намъ совсѣмъ еще незнакомы, почему и принуждены мы были жить сначала въ совершенномъ уединеніи, и видались только временно съ семействомъ господина Верещагина. Совѣмъ тѣмъ продолжалось сіе недолго. Но какъ всѣмъ сосѣдственнымъ дворянамъ по причинѣ отдаленныхъ въ наймы излишнихъ волостныхъ, и ими занимаемыхъ, земель была въ знакомствѣ со мною и въ пріязни моей къ себѣ крайняя нужда, то непреминули они сами о снискиваніи оной стараться, а особливо тѣ, которымъ была болѣе прочихъ во мнѣ надобность.

Изъ числа сихъ первый, прилагавшій о томъ особенное стараніе, былъ господинъ Толбузинъ, Иванъ Васильевичъ, человѣкъ очень хорошій, умной, степенной, порядочной и имѣвшій довольно достатокъ. Сей человѣкъ, живучи въ дружбѣ съ обоими моими предмѣстниками и пользовавшійся отъ нихъ много чрезъ полученіе

великаго числа земли себѣ въ наемъ за низкую цѣну, восхотѣлъ и со мною какъ можно скорѣе ознакомиться и произвести то чрезъ Варсобина, своего друга и знакома. Сей и непреминулъ мнѣ прожужжать всѣ уши расхваливаніемъ доброты характера господина Толбузина, и приговѣтовалъ ему подслужиться заблаговременно мнѣ чрезъ обосланіе меня столикомъ краснаго дерева, сдѣланнымъ его столярами, какъ-бы на повоселъе. И какъ мнѣ нельзя было не принять, то самой сей случай и положилъ первой слѣдъ къ нашему съ нимъ знакомству и дружбѣ. Ибо какъ скоро онъ узналъ, что я желалъ бы его видѣть и узнать, то вмгъ ко мнѣ и приѣхалъ; а съ того времени и началась у насъ съ нимъ дружба и знакомство, продолжающееся и до нынѣ, и я могу сказать, что пріязню сего дома были мы всегда довольны.

Но сей, хотя дальній, сосѣдъ и былъ только одинъ, съ которымъ я въ первые мѣсяцы богородицкаго моего жительства спознакомился. А какъ скоро за симъ наступилъ и 1777-й годъ, то повѣствованіе о случившемся со мною въ теченіе онаго предоставляю письму послѣдующему, а теперешнее симъ окончу сказавъ, что я есмь вашъ и проч.

(Генваря 22-го дня 1809 года).

1777-й годъ.

Письмо 187-е.

Любезный пріятель! Приступая къ описанію происшествій, случившихся со мною въ 1777-мъ году, которой былъ почти первымъ пребыванія моего въ Богородицкѣ и достопамятенъ для меня и по многимъ другимъ отношеніямъ, и по случившимся со мною въ теченіе онаго особымъ и важнымъ произшествіямъ, начну тѣмъ, что мы начали провождать его хотя благополучно и будучи всѣ здоровы, но не слишкомъ весело, по причинѣ, что мы жили тогда почти въ совершенномъ уединеніи и не было никого изъ ближнихъ сосѣдей, съ которыми могли-бъ мы видаться, и потому во всѣ святки было, и

не столько мнѣ, сколько семьянинкамъ моимъ довольно скучно. Ибо что касается до меня, то я за непрерывными своими литературными упражненіями не видалъ никогда скуки, къ тому-жъ видался часто съ другомъ моимъ, г. Бентономъ, и провождалъ съ нимъ время съ пріятностію. Напротивъ того, семьянинки мои не имѣли никого, съ кѣмъ бы могли онѣ дѣлать свое время. Знакомо имъ было тогда одно только семейство г. Верещагина, но какъ до нихъ было болѣе 20-ти верстъ, то никакъ не можно было имъ видаться съ ними часто; ктому-жъ какъ-то свойства и характеры сестеръ г-на Верещагина были таковы, что наши не могли никакъ съ ними содружиться, и несмотря на всю оказываемую ими наружную ласку, не лежало у моихъ домашнихъ никакъ къ нимъ сердце и онѣ всегда опасались отъ нихъ только пересудовъ и переговоровъ, къ чему тѣ имѣли особливую наклонность, а для нашихъ, любившихъ простое, дружеское и примодушное обхожденіе, было сіе всего непріятнѣе. Что касается до женъ всѣхъ трехъ канцеляристовъ моихъ, то сіи, будучи настоящими старинными подъяческими женами и самими охреянками, не могли никакъ дѣлать имъ компаній. Кромѣ сихъ находилось еще тогда въ Богородицкѣ два дома господъ Полуниныхъ, но и тѣ ничего не значили. Они принадлежали прежде сего къ конюшенной командѣ, но тогда были люди свободные, и ни то дворяне, ни то однокорцы, и люди очень небогатые. Одинъ изъ нихъ, по имени Аѳанасій Ивановичъ, былъ самой ближній къ намъ сосѣдъ, ибо жилъ обо дворъ съ нами и только чрезъ проулокъ, былъ хотя старикъ очень доброй, но простой и почти безъ семейства, а другой его братъ, Иванъ Ивановичъ, жилъ далѣе, но будучи совершенно глухимъ, наводилъ при свиданіяхъ болѣе безпокойства, нежели удовольствія. Итакъ, хотя по приглашеніямъ мы во время святокъ у всѣхъ у нихъ и бывали и были по возможности ими угощаемы, а взаимно и ихъ у себя угощали, но не имѣли никакого дальняго удовольствія.

А пріятіе всѣхъ ихъ была домашнимъ моимъ въ послѣдствіи времени родная ихъ сестра Анна Ивановна, бывшая въ замужствѣ за лекаремъ г. Алабинимъ и тогда вдовѣвшая, мать нынѣшней нашей сосѣдки госпожи Ладыженской. Но сія, имѣвши у себя маленькую деревеньку, а въ Богородицкѣ небольшой домикъ, не всегда жила въ ономъ, а только временно и наѣздомъ. Но какъ была она старушка очень добрая, умная и крайне услужливая и въ обхожденіи пріятная, то домашніи мои съ самаго уже начала ее искренно полюбили, и дружба, основанная между симъ домомъ и нашимъ, продолжалось не только во все время пребыванія нашего въ Богородицкѣ ненарушимую, но продолжается даже и нынѣ.

Итакъ, при недостаткѣ равныхъ себѣ, принуждены были домашніи мои заниматься болѣе уже одними нашими дѣтьми и компаньонкою нашею, госпожею Бѣлевою, которая пригидилась тогда намъ очень кстати, и домашніи мои были товариществомъ ея крайне довольны. Была она хотя совсѣмъ некраснаго лица и фигуры не авантажной, но дѣвушка умная, степенная и въ обхожденіи очень пріятная и ласковая, и мы всѣ ее очень полюбили и обходились съ нею какъ съ родною. Что касается до дѣтей нашихъ, то было ихъ тогда у насъ уже четверо, а пятымъ была жена моя беременна. И какъ старшая наша дочь была дѣвочка уже изрядная, а и сынъ мой выучился уже грамотѣ, то оба они могли уже насъ всѣхъ нѣсколько занимать и утѣшать своими певчими рѣзвостями, а малопомалу подростала уже и вторая моя дочь; что касается до третьей, то сія нынѣ была еще на рукахъ. Итакъ, всѣ они дѣлали въ домѣ у насъ довольно шума и придавали собою ему живность.

Кромѣ сего не успѣло два дня пройти сего вновь начавшагося года, какъ обрадованъ я былъ полученіемъ изъ Петербурга опять толстаго пакета изъ Экономическаго Общества. Я не сомнѣвался, что была это опять книжка, но пріятнымъ

образомъ въ томъ обманулся, нашедъ вмѣсто оной ящичекъ соврѣзанною въ него большою серебряною медалью, точно такой же величины и такого же стемпеля, какую я имѣлъ уже у себя золотую. Г. Нартовъ въ письмѣ, при которомъ онъ ее ко мнѣ прислалъ, увѣдомлялъ меня, что Общество посылаетъ ее ко мнѣ за мои прежнія сочиненія, имъ опробованныя и напечатанныя. Подарокъ сей былъ хотя совсѣмъ малозначущій, но былъ мнѣ не противенъ и при началѣ года очень кстати. Я тѣмъ власно какъ осеребренъ былъ, къ тому-жъ и полученіе сіе сдѣлалось громко и всему Богородицку извѣстнымъ, и увеличивало во всѣхъ отчасу выгоды мое обо мнѣ мнѣніе. Я тогда же воспріялъ намѣреніе велѣть сдѣлать себѣ серебряную табакерку и медаль сію, позолотить, вставить въ ея крышку; что я въ теченіе того-жъ года и произвелъ въ дѣйство, и табакерка сія служитъ и нынѣ еще нѣкоторымъ тогдашнему времени памятникомъ.

Впрочемъ, какъ сіе письмо было отвѣтное на мое, посланное по приѣздѣ въ Богородицкѣ, то г. Нартовъ изъявлялъ мнѣ свое удовольствіе о томъ, что ему удалось мнѣ услужить доставленіемъ лучшаго мѣста, причемъ побуждалъ онъ меня, по обыкновенію своему, къ продолженію трудовъ и экономическихъ зачатій моихъ, жалуясь опять, что господа дворяне мало уважаютъ труды Общества и сочиненія оного!

Читая сіе, подумалъ и сказалъ я самъ себѣ: «А! государь мой! при такомъ порядкѣ, какой избрали вы для издаванія «Трудовъ» вашихъ, инако и быть не можетъ. Какъ можно требовать и ожидать того, чтобъ многіе изъ господъ нашихъ дворянъ пользовались сочиненіями вашими, когда объ нихъ и о существованіи оныхъ тысячная развѣ только доля изъ нихъ знаетъ, и когда къ получанію оныхъ существуютъ и для тѣхъ столь великія помѣшательства и неудобства, которые о томъ и знаютъ и хотѣли-бъ получить и пользоваться оными».

Сколько происшествіе сіе меня собою

порадовало, столько перестрашало врахъ другое, случившееся около сего времени. Однимъ днемъ едва-было не произошелъ пожаръ въ моемъ домѣ и мы чуть-было совсѣмъ не сгорѣли, и никто какъ явное милосердіе Господне насъ спасло отъ того. Какимъ-то образомъ потолокъ и верхнія переклады сдѣланы были слишкомъ близко къ трубѣ, и отъ сей загорись онны непримѣтно на чердакъ и разгорись такъ, что пылало уже полома. По счастью случилось самому мнѣ итти въ то самое время чрезъ переднія сѣни, и ненарочно взглянуть на лѣстницу и всходъ на чердакъ, тутъ бывшій, и увидѣть дымъ и самое пламя, тамъ пылающее. Испужавшись неизреченнымъ образомъ, выскочилъ я опять скорѣе на крыльцо и поднявъ крикъ и вопль, чтобъ скорѣе люди бѣжали и тушили, и вытуривъ ихъ для того же изъ лакейской. По счастью случилась на дворѣ тогда у насъ подлѣ кухни превеликая бочка воды, привезенная только-что гонщикомъ изъ колодезя для кухни, то сбѣжавшіеся люди ею и снѣгомъ и успѣли еще благовременно все горѣвшее погасить и не допустить огню увеличиться и разгорѣться. Но еслибъ какія-нибудь минуъ 10 или 15 поздне случилось мнѣ сіе увидѣть, то бы тушить было бы уже очень трудно.

Сей случай, перестрашавшій сколько меня, а того еще болѣе всѣхъ моихъ домашнихъ, заставилъ насъ быть впредь осторожнѣйшими и отъ огня беречься болѣе прежняго; а немало побудилъ насъ къ тому же и дѣйствительной пожаръ, случившійся вскорѣ послѣ сего времени въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ въ слободѣ купеческой. Нечаянное забитіе во всѣ большіе колокола въ набатъ на колокольні възвѣстило намъ сіе бѣдствіе. И какъ было сіе еще въ первой разъ во время моего жительства въ Богородицкѣ, то случай сей, случившійся въ почное время, перестрашало и меня, и домашнихъ моихъ до крайности. По счастью произошло сіе ввечеру и въ такое время, когда народъ еще не спалъ и могъ тотчасъ на пожаръ сбѣжаться. А какъ

въ одинъ мигъ прибѣжалъ и я туда-жъ почти безъ души, и сдѣлавшись поневолѣ расторопнымъ, употребилъ все, что только было можно къ скорѣйшему прерванію онаго, то и не допустили мы сгорѣть болѣе одного дома.

Между тѣмъ, пользуясь удобнымъ и свободнымъ зимнимъ временемъ, непреминулъ я въ возочкѣ своемъ объѣздить всѣ ближнія и знаменитѣйшія селенія сей волости для полученія объ нихъ на первой случай какого-нибудь понятія. И какъ тогдашнее зимнее время и стужа препятствовала мнѣ много какъ въ подробномъ осматриваніи оныхъ, такъ и въ сборѣ всѣхъ жителей, то и довольствовался я въ сей разъ единымъ только почти возрѣніемъ на оныя, а потому и успѣлъ въ немногіе дни ихъ почти всѣ объѣздить, а обстоятельное обозрѣніе отложилъ уже до наступленія лѣтнаго времени.

Что касается до управленія моего волостью, то оное мало-по-малу продолжалось какъ надобно, и показалось мнѣ съ самаго уже начала далеко не таковымъ труднымъ, каковымъ я его себѣ воображалъ. Причиною тому было то, что я нашелъ уже тутъ всѣ распоряженія, какія нужны были къ тому, предметникомъ моимъ господиномъ Опухтинымъ единожды навсегда сдѣланныя и свято соблюдаемыя. И какъ всѣ они были такъ хороши, что не требовали никакой перемѣны и поправленія, то и нужно мнѣ было только узнать и войти въ всѣ оныя, а потомъ наблюдать, чтобъ сохраненіе оныхъ продолжалось по введенной во всемъ формѣ, и притомъ непрерывно и съ такою-жъ во всемъ исправностію; а все сіе и облегчало мнѣ управленіе волостями очень много.

Три только вещи озабочивали меня сначала наиболѣе и обращали на себя мое вниманіе, а именно: во-первыхъ, воровство, бываемое часто не столько по деревнямъ, какъ самымъ нашимъ селеніямъ. Не успѣлъ я приѣхать и осмотрѣться, какъ Варсобины прожужжалъ мнѣ всѣ уши, изъявляя негодованіе свое на сіе зло, бываемое въ Богородицкѣ и слобо-

дахъ его слишкомъ уже часто. И какъ всѣ главнымъ виновникомъ тому почитали одного изъ тамошнихъ пономарей, то съ нетерпѣливостію желали всѣ, чтобъ онъ когда-нибудь былъ пойманъ и изобличенъ и могъ бы за то наказанъ быть. А сіе равно какъ нарочно и случись въ скоромъ времени послѣ моего приѣзда. Поймали его и привели ко мнѣ съ украденною имъ у одного изъ нашихъ крестьянъ лошадыю. Я, зная уже изъ опытности, сколь много дѣйствуетъ употребленная при такихъ случаяхъ при самомъ началѣ строгость и скорое неупустительное наказаніе, восхотѣлъ и въ семъ случаѣ поступить точно такъ же, какъ въ Кіясовкѣ, и недолго думая, молодца, разложивши, выстегалъ плетью, какъ водится, не уваживъ нимало духовнаго его званія, которымъ вздумалъ-было онъ отдѣлываться. Ибо надобно знать, что онъ въ надѣяніи на то, что нѣкто его не можетъ наказывать, и вдался въ сію шалость; а потому и въ семъ случаѣ думалъ, что я отошлю его въ духовное правленіе, и что онъ тамъ отъ всего откупится, и вздумалъ-было ерошиться. Но самое сіе наиболѣе меня и разгорячило. «О! (воскликнулъ я): когда ты на духовныя свои правленія надѣшься, такъ я тебѣ докажу, что я ихъ не боюсь, и выпорю тебя, сколько душъ моей угодно, какъ вора и бездѣльника; а ты поди проси на меня не только свое духовное правленіе, но хотя самого архіерея. Онъ меня знаетъ коротко и самъ еще спасибо за то скажетъ. Ложись-ка, ложись! Съ вашею братьею съворами я уже знаю какъ ладить. Въ Кіясовкѣ были и не такіе воры, но я и тѣхъ тотчасъ отъ всѣхъ шалостей и воровства отводилъ; а и тебѣ сказываю, что ты чѣмъ скорѣе отъ всѣхъ твоихъ шалостей отвыкнешь, тѣмъ лучше, и что я на то уже пошелъ, чтобъ изъ бездѣльника сдѣлать тебя добрымъ человѣкомъ».—И сказавъ сіе, велѣлъ его солдатамъ хорошенько и по-солдатски приударить; а сіе произвело желаемое дѣйствіе, и пономаря моего отъ воровства, какъ бабушка, отходило. Онъ хотя и не упустилъ произвесть на меня

въ своемъ духовномъ правленіи жалобу и дѣло сіе дошло и до самого архіерея, и я чуть-было не нажилъ себѣ отъ того хлопотъ; но по счастію архіерей не горячо въ сіе вступился и не поспѣшилъ симъ дѣломъ, а увидѣвъ меня въ Тулѣ, приѣхавшаго къ нему попрежнему знакомству на поклонъ, выговаривалъ мнѣ только словесно, что я не въ свое, а въ его вошелъ дѣло. Но какъ я предъ нимъ признался тотчасъ виноватымъ и въ извиненіе себѣ сказалъ, что намъ не было уже возможности терпѣть болѣе его плутней, шалостей и воровства, и что учинилъ я сіе единственно для сдѣланія его добрымъ человѣкомъ, то архіерей усмѣхнулся, и махнувъ рукой, оставилъ все сіе и мы съ нимъ опять поладили. А самое сіе много подѣйствовало и на пономаря, ибо онъ увидѣвъ, что и духовное его правленіе и самъ архіерей ничего ему не помогаетъ, за благо распустилъ дѣйствительно отъ всѣхъ шалостей отстать и сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ съ того времени добрымъ человѣкомъ; а моя выгода была та, что всѣ жители нажили себѣ покой и безопасность.

А такую же строгость и неупустительное наказаніе за воровство употреблялъ я и въ разсужденіи волостныхъ мужиковъ, и имѣлъ также отъ того успѣхъ вожделѣнной. Сіи сколько ни были благонравнѣе въ семъ отношеніи крестьянъ кіясовскихъ, но такой большой семьѣ, какова была сія волость, нельзя было быть безъ многихъ уродовъ, и рѣдкая суббота проходила, въ которую бы не былъ я обремененъ просьбами о происшедшихъ кой-гдѣ разныхъ пропаяхъ и произведенныхъ воровствахъ; и изслѣдованія и разбирательства сихъ темныхъ дѣлъ и причиняли мнѣ наиболѣе всего неоднократно великія хлопоты, досады и неопысанныя иногда затрудненія, недоумѣнія и нерѣшимости, и нерѣдко принужденъ я былъ употреблять всю свою философію и напрягать всѣ силы разума своего къ открытію утаиваемаго зла. Но какъ я за правило себѣ поставилъ, не оставлять ни малѣйшаго обличеннаго и отерывшагося

воровства безъ жестокаго наказанія, и не столько за самое дѣло, какъ за заpiresательство и нескорое въ винѣ признаніе, и все сіе сдѣлалось въ волости извѣстнымъ, то сіе и тутъ поуменило гораздо все такъ нашему подлому народу свойственное воровство, а чрезъ то и я впоследствии времени имѣлъ отъ того хлопотъ и заботъ меньше.

Во-вторыхъ, при помянутыхъ еженедѣльныхъ разбирательствахъ и сужденіяхъ озабочивали, досаждали и даже крайне обременяли меня жалобы и просьбы о дракахъ и ссорахъ между собою у крестьянъ. Не проходило ни одной субботы, въ которую бы ихъ не было и я не принужденъ бы былъ разбирать сін дразги, и нерѣдко занимали онѣ меня болѣе нежели какія инія важнѣйшія дѣла и по нѣскольку часовъ къ ряду. Нѣсколько времени переносилъ я сіе съ довольнымъ твердодушіемъ, но наконецъ стали онѣ мнѣ приекуивать и побуждать къ изобрѣтенію какого-нибудь средства къ уменьшенію количества сихъ жалобъ. И вотъ что наконецъ я выдумалъ: какъ изъ слѣдствіевъ сихъ дѣлъ оказалось, что происходили сін драки наиболѣе отъ перебранокъ и оттого, что никто не хотѣлъ переносить никакого браннаго слова, выговореннаго другимъ, но приступалъ къ отмщенію такими-жъ бранями, а потомъ даже и подниманіемъ руки на своего обидчика, и что отъ равномернаго соотвѣстствія тѣмъ же самымъ и происходили всѣ тѣ ссоры и драки; то для пресѣченія всего того и удобнѣйшаго погашенія наипервѣйшихъ искръ, производящихъ сін пожары, и обнародовалъ я чрезъ старостъ и бурмистровъ во всей волости, чтобъ впредъ во всѣхъ такихъ случаяхъ, кто одинъ другого обидитъ какимъ-либо словомъ или дѣломъ, никто-бы и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ бы самъ собою съ обидчикомъ управляться, и отнюдь бы не соотвѣтствовалъ ему такими же бранными словами, а того паче не давалъ бы отнюдь волю своимъ рукамъ, а тотчасъ бы заявлялъ первымъ, случившимся при томъ быть людямъ, какъ дѣлаемую себѣ

отъ другого обиду, такъ и свое несоотвѣтствованіе; а потомъ объявлялъ было томъ старостѣ или бурмистру, сказывая, что онъ въ первую потомъ субботу поѣдетъ въ городъ на обидчика своего жаловаться, и чтобъ староста высылалъ неотмѣнно въ городъ и обидчика для отвѣта; а староста, чтобъ неотмѣнно и не упустилъ того дѣлать и подѣ опасенія наказанія никакъ не доводилъ до того, чтобъ принуждено было изъ канцеляріи за отвѣтчикомъ посылать нарочныхъ, и чрезъ-то дѣло бы могло итти въ отволочку. Далѣе велѣлъ я, обнародывая сіе, раствердить всѣмъ крестьянамъ и увѣрить ихъ, что всѣ тѣ, которые приказаніе сіе исполнять, и сами ни словами, ни дѣломъ не отвѣтствуя, все мщеніе за себя предоставятъ мнѣ, отъ меня совершенно будутъ удовольствованы, и всѣ обидившіе ихъ безъ изыятія, и столько сколько душъ ихъ угодно, будутъ наказаны. Напротивъ того, всѣ тѣ, которые сего узаконенія неисполняютъ, и не утерпѣвъ сами бранными словами или давая волю рукамъ своимъ, будутъ обидчикамъ своимъ отвѣтствовать ударами и побоями, потеряютъ все право на полученіе желаемого себѣ удовлетворенія, но будутъ наравнѣ съ обидчиками своими за неспирное и неспокойное свое поведеніе наказаны.

По обнародованіи такого новаго и необыкновеннаго устава, и по растверженіи того чрезъ старостъ всѣмъ и каждому, положилъ я за правило и самъ непремѣнно наблюдать оной, и при всякомъ случаѣ, когда доводилось разбирать какую-нибудь словесную ссору или драку, прежде всего спрашивалъ: слышалъ ли онъ помянутое запрещеніе и приказаніе? Ежели на сіе объявлялъ мнѣ кто, что онъ того не слышалъ, то за сіе отвѣтствовать долженъ былъ староста и терпѣть наказаніе за неисполненіе моего приказа. А какъ скоро кто сказывалъ, что онъ слышалъ, то спрашивалъ я далѣе: исполнилъ ли онъ сіе приказаніе въ точности? И какъ скоро кто объявлялъ или изобличенъ былъ, что онъ, не утерпѣвъ и самъ

мстя свою обиду, либо словами или руками обидчику своему отвѣтствовалъ, тогда, не разбирая ничего вдаль, клалъ я обоихъ, и просителя и отвѣтника, и смотря по великости ссоры или драки, наказывалъ соразмѣрно онымъ безъ всякаго упущенія. Напротивъ того, какъ скоро кто изъ просителей объявлялъ, что онъ все повелѣнное въ точности выполнилъ, и обидчику своему ни словомъ, ни дѣломъ не отвѣтствовалъ, и что ссылается въ томъ на свидѣтелей и на старосту; тогда, похваливъ его за то, безъ дальнихъ околичностей обидчика предавалъ въ совершенную его волю, говоря, чтобъ онъ при мнѣ и при присутствіи всѣхъ старость и другихъ людей дѣлалъ съ нимъ что хотѣлъ, и бранилъ-ли бы его взаимно, или билъ по щекамъ, или таскалъ бы за волосы и за бороду, или на раздѣтаго и положеннаго на полъ, сѣлъ бы самъ ему на голову, и плетью или розгами, сколько душъ его угодно, обидчика бы своего сѣкъ.

Не могу изобразить, какое великое дѣйствіе произвела сія моя политическая выдумка! Оно превзошло даже все собственное мое чаяніе и ожиданіе. Не успѣлъ я нѣсколько разъ исполнить все вышеупомянутое въ самой точности, и молва о томъ разсѣяться по всей волости, какъ при судахъ моихъ и стали появляться такія сцены, которыя иногда извлекали изъ всѣхъ зрителей самыя слезы удовольствія. Ибо какъ скоро всѣ узнали, что всѣ взаимно бранившіеся и дравшіеся неизъяснимо будутъ оба наказаны, то у всѣхъ сихъ прошла охота ѣздить съ жалобами на то въ городъ и на дальнее иногда разстояніе. Напротивъ того, другіе дѣйствительно начали выполнять приказъ во всей точности, и ничѣмъ не отвѣтствуя обидчикамъ, заявлять только то другимъ и старостѣ, и сами, равно какъ гордясь тѣмъ, приѣзжали просить, привозя съ собою и отвѣтниковъ; то хотя и случалось то, хотя и рѣдко, что они, получивъ отъ меня во власть свою своихъ обидчиковъ, бивали ихъ иногда по щекамъ, таскали ихъ за волосы и за бороды, или за чувствительное ихъ себѣ оскорб-

леніе, сѣвши на голову имъ, дѣйствительно ихъ сколько хотѣли сѣкали, ибо я тогда уже въ ихъ дѣло не мѣшался, а виноватому говаривалъ, чтобъ онъ не мѣня, а обиженнаго имъ просилъ о помилованіи, и нѣкоторые, будучи очень раззлоблены, прямо и досыта на нихъ обиду свою отомщали; но все сіе случалось очень рѣдко, а по большей части оканчивалось все дѣло тѣмъ, что обидчикъ упалъ предъ обиженнымъ въ землю, и просилъ его объ отпущеніи ему его проступка, и сей, пожуривъ его, къ удовольствію всѣхъ зрителей, обиду свою прощалъ, и они при всѣхъ тутъ обнимались, мирились и цѣловались, и каковыя сцены нерѣдко иногда всѣхъ до слезъ растрогивали. А какъ всѣ симъ образомъ великодушно поступившіе мною и всѣми старостами были похваляемы, а напротивъ того ко всѣмъ мстившимъ оказываемо было нѣкоторое негодованіе; то, къ особливому удовольствію моему и облегченію, большая часть симъ образомъ ссорящихся и перестали ко мнѣ приѣзжать съ своими жалобами; ибо виноватые, будучи удостовѣрены въ томъ, что безъ наказанія и посрамленія не останутся, то нехотя терпѣть позора быть отъ обиженныхъ публично и при всемъ народѣ наказанными, что для нихъ было несравненно чувствительнѣе, не допускали себя до того, но при первомъ объявленіи о томъ старостѣ валилися къ ногамъ обиженныхъ, и просили ихъ еще въ деревнѣ у себя о прощеніи, и при посредствѣ старосты мирились, а потому и не было имъ нужды ѣздить за симъ въ городъ, а они охотнѣе на мировой выпоразнивали какую-нибудь склянницу зелена-вина, поподчивавъ имъ вмѣстѣ съ собою и старосту, почему и сіи къ такимъ миротвореніямъ имѣли побудительную причину, а для меня было тѣмъ все сіе облегчительнѣе.

Третій, озабочивающій меня около сего времени, предметъ состоялъ въ томъ, что надобно было помышлять о заготовленіи многихъ всякаго рода вещей и матеріаловъ, потребныхъ отчасти къ производству производящихся въ Бобрікахъ

ще во всемъ развалѣ, отчасти къ окончанію приходившихъ въ Богородицѣ строеній. Многія изъ сихъ долженствовали въ послѣдующее за симъ лѣто доведены быть до совершеннаго своего окончанія, но къ сему потребно было множество каменныхъ, деревянныхъ и желѣзныхъ матеріаловъ и вещей. Изъ сихъ далеко еще не все были куплены и доставлены на мѣсто а многія надлежало либо при посредствѣ подрядовъ закупать, либо пнако приготавливать; итакъ, дѣла, хлопотъ и заботъ посему было превеликое множество. Я долженъ былъ входить во все подробности и разспрашивать у моихъ секретарей, гдѣ, когда, у кого, какъ и что предметники мои до сего подряжали и покупали, а у архитекторовъ спрашивать, что именно и сколько чего и къ какому времени потребно; а получивъ отъ нихъ обо всемъ томъ свѣдѣніе, и располагать уже по тому свои мѣры. Варсобины тотчасъ непреминулъ мнѣ въ особенности выхвалять Алексинскаго лѣсного подрядчика купца Вахтина, а въ разсужденіе всехъ большихъ желѣзныхъ, кузнечныхъ и плесарныхъ подблѣковъ и работъ тульскаго оружейника Василя Антонова, сына Пастухова; и по требованію моему непреминулъ ихъ обоихъ ко мнѣ выписать, чтобъ мнѣ съ ними обо всемъ нужномъ переговорить, и обо всемъ цѣны узнать было можно. Они и непреминули ко мнѣ тотчасъ прискакать. Обоихъ я до того времени еще не зналъ, и первой показавъ мнѣ купцомъ обыкновеннымъ и болѣе корыстолюбивымъ, нежели богатымъ. При предложеніи ему вѣдомости о томъ, какіе лѣсные матеріалы и сколько ихъ намъ къ будущему лѣту было потребно и при вопросѣ о цѣнахъ, заворотилъ онъ мнѣ всему такіа страшныя цѣны, что я ажъ остолбенѣлъ, и легко заключая, что у него съ прежними моими предметниками было не безъ перенюхиванія между собою и что онъ и обо мнѣ дѣлалъ такіа же заключенія, безъ дальнихъ околичествъ ему сказалъ: «Слушай-ка, мой другъ! Я не знаю, что и какъ было у васъ съ моими предметниками, а ежели

ты хочешь со мною имѣть дѣло, такъ пожалуй пустяки-та иные оставляй, и не полагай ничего на мой собственной счетъ, а будучи увѣреннымъ, что ты неинако какъ рубль за рубль получишь, объяви-ка ты мнѣ безъ торгу и всему цѣны настоящія, чтобъ я могъ съ ними безъ стыда и зазрѣнія совѣсти показаться къ командиру моему князю, а не то такъ я найду и другихъ лѣсныхъ продавцевъ и кромѣ тебя». Вахтинъ удивился сіе услышавъ, а не менѣ его и господинъ Варсобины, которой у предметниковъ моихъ былъ обыкновеннымъ во всемъ сводникомъ. Но оба они, что ни думали, но принуждены были наконецъ открыть мнѣ настоящія и сходныя всему цѣны.

Такимъ же точно образомъ поступилъ я и съ господиномъ Пастуховымъ. Въ сей особѣ нашелъ я очень умнаго, знающаго и такого человѣка, какого я и не чаялъ найти въ оружейникѣ, и которой по всему обращенію своему заслуживалъ несравненно множайшее уваженіе, нежели Вахтинъ, и былъ такой человѣкъ, съ которымъ можно было имѣть даже самую дружбу и знакомство. Однако и сему единожды и навсегда я прямо сказалъ, что ежели онъ хочетъ имѣть со мною дѣло, и дружбу, и знакомство, то располагалъ бы онъ все свои поступки со мною на самой честной погѣ и безъ всякихъ коварствъ, хитростей и излишнихъ затѣвъ; что собственно мнѣ самому для себя ничего не надобно, и онъ на мой счетъ не клалъ бы ничего, а объявлялъ бы всему цѣну настоящую и такую, чтобъ онъ оставался безъ наклада, а могъ бы получить и барышъ законной, но не чрезмѣрной, и чрезъ то бы и меня, и себя не привелъ бы князю въ подозрѣніе; па что сей охотно и согласился, увѣривъ меня, что и самъ онъ для князя, знающаго его довольно, ничего непомѣрнаго въ счетъ ставить не будетъ; меня же только просилъ, чтобъ я при всехъ моихъ въ Тулу приѣздахъ имѣлъ у него въ домѣ непремѣнную квартиру, и увѣрялъ, что онъ постарается ласкою и услугами своими приобрести себѣ мою дружбу и благоволеніе

и быть оной достойнымъ. А симъ я былъ и доволенъ, и могу сказать, что сей человекъ и не показалъ мнѣ себя никогда бездѣльникомъ, и какъ знакомство его было не бесполезно, а особливо тѣмъ, что имѣли мы въ немъ въ Тулѣ всегда добраго и вѣрнаго комиссіонера, исправляющаго по требованіямъ нашимъ всѣ наши нужды.

Какъ по отобраніи всѣхъ послѣднихъ цѣнъ нужно мнѣ было какъ для представленія ихъ князю и истребованія на нихъ отъ него разрѣшенія, такъ и для переговоровъ и о многихъ другихъ до волости относящихся обстоятельствахъ, повидаться съ старикомъ-княземъ, то рѣшился я къ нему на короткое время въ Москву съѣздить, гдѣ и собственныя свои кой-какія нуждицы надобно было исправить. И для того, сдѣлавъ для привозки подряженныхъ уже до меня и готовыхъ матеріаловъ потребныя съ обѣихъ волостей наряды, и отправивъ за ними съ капрами и солдатами въ Алексинъ и въ другія мѣста подводы, и пустился я въ сей путь одинъ. И какъ я далъ Пастухову вѣрное слово въ Тулѣ остановиться у него въ домѣ, то къ нему дѣйствительно и вѣхалъ.

Пастуховъ былъ мнѣ чрезвычайно радъ и не зналъ какъ меня угостить лучше. Тутъ я еще болѣе удивился, нашедъ у него порядочной и довольно хорошо прибранной домикъ и большую фабрику плесарную и кузнечную, на которой производились не только мелкія, но и самыя крупныя и тяжелыя работы; а что всего болѣе меня удивило, то нашелъ я въ немъ прелюбопытнаго на все и съ довольными обо всемъ свѣдѣніями человека, и прелюбопытнаго охотника до разныхъ и дорогихъ птицъ и до сада. Все даже многочисленное семейство его было такое доброе, такое ласковое ко мнѣ, что я всѣмъ имъ былъ очень доволенъ, и съ удовольствіемъ согласился всегда у нихъ въ Тулѣ стоять, и тѣмъ паче, что и пребываніемъ своимъ не могъ я дѣлать ему дальнаго утѣшенія, ибо самъ онъ жилъ въ

верхнемъ жилѣ, а нижнія комнаты были всегда почти порожнія.

Въ сей-то самой приѣздъ имѣлъ я случай видѣться съ старичкомъ нашимъ Коломенскимъ архіереемъ Теодосіемъ. Ибо какъ ему въ самое сіе время случилось быть въ Тулѣ, то услышавъ о томъ и выпросивъ у Пастухова санки, полетѣлъ я къ нему, желая отдать ему свой поклонъ по старинному знакомству; и тутъ-то происходилъ у насъ съ нимъ тотъ разговоръ о пономарѣ, о которомъ упоминалъ я выше, и при которомъ поступкомъ онъ своимъ вперилъ въ меня къ себѣ еще болѣе почтенія.

Переночевавъ въ Тулѣ и исправивъ всѣ свои дѣла, продолжалъ я свой путь, и заѣхавъ въ другую ночь ночевать въ любезное свое Дворяниново. Это было въ первой еще разъ, что я по отъѣздѣ моемъ изъ Кіясовки былъ въ своей деревнѣ, и увидѣлъ сколь велика была разница между разстояніями прежнимъ и тогдашнимъ до моего дома. Изъ Кіясовки могъ я поспѣвать къ себѣ въ домъ часовъ въ 5-ть или 6, а для приѣзда изъ Богородицка потребно уже было двое сутокъ.

А посему легко могъ я заключить, что намъ никакъ уже не можно будетъ такъ часто бывать въ своей деревнѣ какъ прежде, что принуждало насъ забирать туда съ собою людей и всякой всячины koliko можно уже болѣе, дабы тамъ можно было жить полнымъ домомъ и ни въ чемъ не нуждаться; а въ деревенскомъ домѣ оставить только самыхъ необходимыхъ, какъ-то: прикащика, обонихъ садовниковъ и еще бывшихъ тогда стариковъ и старухъ въ домѣ.

Какъ была тогда зима, и хоромы наши занесены были всѣ снѣгомъ и нетопленны, то переночевавъ кое-какъ въ людской избѣ, гдѣ жилъ тогда и мой прикащикъ, не сталъ я тутъ долѣе медлить, но съ утра пустился далѣе, и препроводивъ двое сутокъ въ дорогѣ, приѣхалъ наконецъ въ Москву.

Симъ окончу я и сіе мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

(Января 25 дня 1809 г.)

ЗНАКОМСТВЫ И ШУТКИ.

Письмо 188-е.

Любезный пріятель! Пребываніе мое въ столицѣ было въ сей разъ очень недолговременно, ибо какъ вся надобность моя наиболѣе состояла въ личномъ свиданіи съ княземъ, и чтобъ мнѣ съ нимъ переговорить кое-о-чемъ относящемся до обѣихъ вѣреннѣхъ управленію моему волостей, Бобриковской и Богородицкой; то мы скоро и въ немногіе дни дѣло свое съ нимъ кончили.

По донесеніи ему обо всемъ въ подробности, что я нашелъ въ волости, наглавнѣйшая моя надобность состояла въ томъ, чтобъ переговорить съ нимъ о предметахъ, относящихся до производимыхъ тамъ строеній. Я привезъ къ нему съ собою списки и вѣдомости о всѣхъ матеріалахъ, потребныхъ еще къ окончанію работъ сихъ, и какъ о имѣющихся въ наличности, такъ и о тѣхъ, кои заготовить еще надобно. При разсматриваніи оныхъ и цѣнъ, требуемыхъ за лѣсные и желѣзные матеріалы, удивился князь увидя ихъ гораздо умѣреннѣйшими, особливо противъ тѣхъ, которыя были при умершемъ предмѣстникѣ моемъ, князѣ Гагаринѣ, и догадываясь о истинной тому причинѣ, усмѣхался только князь и изъявлялъ отиѣнное свое удовольствіе о моихъ цѣнахъ и въ ту же минуту одобрялъ оныя. Послѣ того стали мы говорить о плотникахъ и штукатурахъ, кои потребны были также для сей отдѣлки; и какъ оныхъ въ тамошнихъ мѣстахъ нигдѣ отыскать было не можно, то князь, по обыкновенію своему, взялъ на себя прислать ихъ въ Москвѣ, и заключивъ съ ними контрактъ, прислать ко мнѣ при наступленіи весны, чѣмъ я былъ и доволенъ.

По окончаніи всѣхъ нашихъ переговоровъ, относящихся до строенія, довелъ я съ нимъ рѣчь и о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, относящихся до волостей. Изъ всѣхъ ихъ наиважнѣйшій предметъ былъ о множествѣ незаконныхъ выста-

вокъ или кабаковъ, находящихся въ Богородицкой волости. До сего издревле было во всей волости только три кабака, но предмѣстнику моему, господину Опухтину, разсудилось какъ-то бывшему тогда откупщикомъ купцу дозволить во всѣхъ почти знаменитѣйшихъ селеніяхъ завести, подъ именемъ выставокъ только въ праздничные дни, порядочные и всегдашніе питейные дома или кабаки. Не знаю подлинно, а говорили, будто бы стоило дозволеніе сіе откупщику нѣсколькихъ тысячъ, и что г. Опухтинъ и послѣ всякой годъ получалъ за сію недозволенную ежедневную продажу вина добрую съ откупщика пошлину, преемникъ же его, умершій князь Гагаринъ, еще того множайшую. Въ неложности сей общей молвы много удостовѣряло меня и то, что г. Варсобиный, служившій, какъ я выше упоминалъ, при всѣхъ такихъ дѣлахъ главнымъ маклеромъ и орудіемъ, подлиналъ-было и ко мнѣ съ такими-жъ предложеніями, а именно, чтобъ не давать откупщику одному наживать отъ того многія тысячи, а не грѣхъ бы ему было и подѣлиться въ томъ со мною. Но какъ я всего далѣе удаленъ былъ чтобъ давать таковымъ и подобнымъ тому другимъ внушеніямъ въ головѣ своей мѣсто, то слушалъ сіе только усмѣхаясь, и безъ дальнихъ обиняковъ давалъ Варсобиному знать, чтобъ отложилъ онъ сіи блины до другого дня, или яснѣе сказать, пересталъ бы о томъ и думать. Таковыми отвѣтами обыкновенно я всегда молодца сего отбояривалъ, когда случалось ему подѣзжать ко мнѣ съ таковыми плутовскими предложеніями; и хотя я зналъ, что сіе было ему не по душѣ и не весьма пріятно, но сего нимало не уважалъ, а шелъ прямою дорогою и дѣлалъ свое дѣло и то, чего требовала отъ меня и честь, и совѣсть.

Всходствіе чего и въ семъ случаѣ, какъ мнѣ довольно сдѣлалось извѣстно, что неуказные кабаки сіи, коихъ число до двадцати простиралось, обращались въ неизобразимой вредъ волостямъ и что всѣ мужики спивались на нихъ съ круга

и ежегодно пропивали до нѣскольکو десятковъ тысячъ рублей, а сверхъ того опасался я, чтобъ послѣ отъ кабаковъ сихъ не претерпѣть бы самому мнѣ какой напасти и бѣды; то и почелъ я долгомъ своимъ донести о томъ старику-князю и обстоятельство сіе представивъ въ настоящемъ его видѣ спросить, чѣмъ прикажетъ онъ съ ними дѣлать.

Князя удивило таковое донесеніе. Оно было для него совсѣмъ неожиданнымъ и заставило нѣсколько минутъ о томъ думать, между которымъ временемъ я съ любопытствомъ дожидался его отвѣта. Наконецъ спросилъ онъ меня: «Жалуются ли на сіе мужики, и не считаютъ ли сего себѣ отягощеніемъ?» Сей вопросъ удивилъ также и меня, какъ мой его, но я ему тотчасъ сказалъ самую истину: что жалобъ отъ нихъ хотя и нѣтъ, да и быть не можетъ, поелику всякой такой домикъ можетъ почестся для нихъ, по привычкѣ ихъ къ пьянству, селеніемъ небеснымъ; но что отъ нихъ существенной вредъ для нихъ и всей волости происходитъ, и что многіе не только совсѣмъ пропились и разорились, но изъ добрыхъ людей сдѣлались негодьями, то была неоспоримая истина. — «То такъ! (сказалъ на сіе князь): но и то правда, что уничтоженіе кабаковъ сихъ можетъ доставить намъ множество досады и хлопотъ. Намъ принуждено будетъ заводить дѣло и ссору съ присутственными мѣстами, а мнѣ бы сихъ скучныхъ дрызговъ не хотѣлось». — «Да какъ же изволите приказать?» (спросилъ я). — «И, сказалъ наконецъ князь: когда они уже однажды введены, то такъ уже и быть... Оставьте ихъ съ покоемъ! Къ тому же, разсмѣявшись продолжалъ онъ, мужичковъ нашихъ, а особливо такихъ богатыхъ и всѣмъ довольныхъ какъ волостные, трудно воздержатъ отъ пьянства. Найдутъ они и вездѣ винцо свое любимое; а что они пропиваютъ много денегъ, такъ это едва ли не полезнѣе того, что они зарываютъ ихъ въ землю, и у дураковъ всякое множество пропадаетъ ихъ безъ вѣсти». — «Да, это правда (ска-

залъ я): сіе и мнѣ уже нѣсколько разъ слышать случалось, и недавно сказывали мнѣ, что у одного мужика зарыто было въ землю болѣе 500 рублей; но какъ онъ, не сказавши никому изъ дѣтей о мѣстѣ, гдѣ они зарыты, умеръ, то такъ они и пропали. А о томъ, что у многихъ были они перекрадены, доходили уже до меня неоднократно просьбы». И такъ, посмѣявшись мы тому, на томъ и положили, чтобъ кабаки оставить мнѣ попрежнему съ покоемъ, что мнѣ хотя и не весьма было пріятно, но я радъ по крайней мѣрѣ былъ, что предварилъ князя тѣмъ отъ всякой быть могущей на меня напрасной клеветы за оныя.

Потомъ, вѣдая княжью страсть къ прудамъ, и расхваливъ новой большой прудъ, предмѣстникомъ моимъ запруженный, сказалъ ему шутя: «Вотъ, то-то бы, ваше сіятельство, посадить въ него карповъ: какое бы было имъ въ немъ раздолье!... И вотъ бы ваше сіятельство изволили выпросить у государыни намъ ихъ сотенку-другую изъ Прѣсенскихъ прудовъ и прислать!» — «А чтожь! подхватилъ князь: это я и сдѣлаю. Спасибо, что ты мнѣ это напомнилъ! Это право будетъ ладно! и я сей же часъ къ государынѣ поѣду, благо она здѣсь, и думаю, что она мнѣ въ томъ и не откажетъ!»

Князю предложеніе сіе такъ полюбилось, что онъ дѣйствительно въ тотъ же часъ велѣлъ готовить карету, а себѣ подавать одѣваться, и спроворилъ симъ дѣломъ такъ хорошо, что какъ я по приказанію его приѣхалъ къ нему обѣдать, то онъ и встрѣтилъ меня съ радостнымъ поздравленіемъ, что карпы у насъ будутъ, и что государыня изволила приказать отпустить намъ 200 карповъ, которыхъ онъ и не преминетъ прислать ко мнѣ, какъ скоро ихъ поймаютъ. И можно-ль было думать, чтобъ сія благовременная шутка произвела въ послѣдствіи времени то, что не только вся Тульская, но и многія другія губерніи снабдились сею рыбою въ превеликомъ изобиліи и пошли навѣкъ съ оными, и за то никому иному какъ единственно мнѣ обязаны.

Не успѣлъ я съ княземъ обо всемъ нужномъ переговорить и принять съ нимъ въ разсужденіе строенія всѣхъ нужныхъ мѣръ, какъ посѣвшая скорбь возвратилась въ свое мѣсто, не стала я долѣе въ Москвѣ медлить, но повидавшись кое-съ-кѣмъ изъ знакомыхъ своихъ и друзей, и пустился въ путь обратной.

По приѣздѣ въ Богородицкѣ, нашелъ я тутъ все въ порядкѣ и своихъ всѣхъ здоровыми. И съ первою потомъ почтою имѣлъ я удовольствіе увидѣть у себя впервые еще отъ роду присланныя ко мнѣ Гамбургскія нѣмецкія газеты, которыми не могъ я довольно налюбоваться, и кои, прочитавъ, для такого-же удовольствія доставилъ и другу своему, г. Бентону, и съ того времени держалъ я ихъ уже ежегодно и сдѣлалъ къ нимъ такую привычку, что продолжаю получать ихъ и понынѣ, и хотя онѣ мнѣ во все сіе время стоили многихъ денегъ, но о томъ нимало я не тужилъ; но удовольствіе, доставляемое ими мнѣ еженедѣльно, вознаграждало съ лихвою сей убытокъ. Одно и то, что я посредствомъ ихъ получалъ еженедѣльно увѣдомленія обо всемъ, что происходило во всемъ свѣтѣ и во всѣхъ земляхъ и государствахъ, и извѣстія о томъ были полныя, а не такія сокращенныя, какія сообщались намъ чрезъ русскія газеты, стоило уже весьма многого, а особливо для такого любопытнаго человѣка, каковъ былъ я.

Вскорѣ за симъ наступила и масляница, и сію провели мы въ сей годъ довольно-таки весело, ибо такъ случилось, что около самаго сего времени заѣзжала къ намъ съ дѣтьми своими тетка Матрена Васильевна, ѣздившая въ свою Ефремовскую деревню, и прогостила у насъ нѣсколько дней съ рядомъ. Гостя сія была у насъ почти первая и наипріятнѣйшая, и мы очень были рады, что жили тогда на дорогѣ и она могла къ намъ всегда заѣзжать, когда ни случалось ей ѣзжать въ помянутую деревню. И сколько разъ случалось намъ ее у себя тутъ угощать и провождать съ нею (время) съ особливимъ удовольствіемъ; но могли ли

мы тогда думать, что судьба нѣкогда велитъ ей и навѣкъ въсемъ мѣстѣ остаться.

Кромѣ сего имѣли мы уже время спознакомиться, кромѣ г. Толбузина, и съ другимъ еще, сосѣдственнымъ къ нему и также довольно знаменитымъ дворянскимъ домомъ господина Кирѣева. Случай и поводъ къ тому подали помянутой господинъ Толбузинъ. Приѣзжая ко мнѣ, просилъ онъ насъ нанубѣдительнѣйшимъ образомъ, чтобъ посѣтили мы когда-нибудь его домишка, и какъ назначилъ онъ къ тому даже и день, то и согласились мы ему сіе удовольствіе и сдѣлать, и какъ ни далеко было, къ назначенному дню къ нему всѣ и поѣхали. Тутъ встрѣтили насъ не только хозяева съ невозможнѣйшими ласками, но и помянутой господинъ Кирѣевъ, по имени Александръ Григорьевичъ, бывшій тутъ же со всѣмъ своимъ многочисленнымъ семействомъ. Сей, а особливо жена его, дама умная и свѣтская, оказывали намъ также невозможнѣйшія ласки. И какъ мы съ ними тутъ провели весь тотъ день, ибо за отдаленностію необходимо надлежало намъ остаться тутъ ночевать, то и познакомились мы съ обѣими сими фамиліями; и какъ всѣ они были добрые и такіе, съ которыми намъ можно было знаться, то успѣли мы даже съ ними и сдружиться, и охотно дали слово въ послѣдующій день приѣхать къ господину Кирѣеву вмѣстѣ съ г. Толбузинымъ обѣдать; что намъ тѣмъ удобнѣе можно было сдѣлать, что намъ на возвратномъ своемъ пути въ Богородицкѣ мимо самыхъ его воротъ надлежало ѣхать. И съ сего временн, во все пребываніе наше въ Богородицкѣ, знакомство и дружба съ обоими сими домами продолжалась у насъ безпрерывно. Въ господинѣ Толбузинѣ нашелъ я не только умнаго, степеннаго и ко всему очень любопытнаго человѣка, но и весьма добраго хозяина, и съ нимъ никогда не скучно было проводить время; а и г. Кирѣевъ былъ также очень доброй, ласковой, умной и добродушной человѣкъ, но имѣлъ только тотъ недостатокъ, что былъ слишкомъ дебелъ своимъ тѣломъ.

Кромѣ сихъ двухъ домовъ имѣлъ я еще случай угощать у себя еще одного сосѣда, жившаго гораздо ближе всѣхъ ихъ; но сей былъ хотя очень умной человѣкъ, но, по неумѣренной своей привычкѣ къ питью, служилъ мнѣ болѣе въ отягощеніе нежели въ удовольствіе, и я не радъ даже бывалъ, когда случалось ему ко мнѣ приѣзжать, а потому самъ никогда и не бывалъ у него, какъ онъ меня о томъ ни прашивалъ.

Былъ то г. Шишковъ, Гарасимъ Никитичъ. Но могъ ли я тогда себя вообразить, что впослѣдствіи времени судьба сопряжетъ меня съ симъ домомъ не только дружествомъ, но и тѣснѣйшими узами!

Итакъ, свиданія съ помянутыми двумя фамиліями и приѣзды ихъ къ намъ начинали дѣлать житіе наше въ Богородицкѣ не таково уже скучнымъ, какъ то было сначала. Когда-же никого не было изъ постороннихъ, то помянутой нѣмецъ Вильгельмсонъ всѣмъ обращеніемъ своимъ доставлялъ намъ невѣдомо сколько удовольствія, и нерѣдко доводилъ насъ до слезъ отъ смѣха. Я упоминалъ уже, что мы по чрезвычайной бѣдности приобщили его къ своимъ домашнимъ. И какъ онъ дѣйствительно началъ сына моего учить нѣмецкой азбукѣ и чтенію, что учить онъ былъ въ состояніи, и былъ человѣкъ хотя очень доброй своимъ характеромъ, но самой простота и по многимъ отношеніямъ иногда очень и смѣшонъ, то нерѣдко подавалъ онъ намъ поводъ къ разнымъ шуткамъ и издѣвкамъ надъ собою, а иногда предпринимали мы дѣлать надъ нимъ и самыя проказы родовъ разныхъ. Какъ, напримѣръ, всклѣпывали на него небылицы, затѣвали разныя исторіи, смѣялись и хохотали надъ нимъ по поводу оныхъ, и такъ далѣе и всѣмъ тѣмъ доводили его иногда и до сердца и до смѣха, и радости и горя. Словомъ, онъ былъ у насъ изряднымъ полушутникомъ, хотя мы всѣ его душевно за безхитростную его простоту любили и всегда обществомъ его, а особливо безъ постороннихъ людей, были довольны.

Но ничѣмъ онъ насъ такъ не утѣшалъ, какъ чрезвычайною боязнію мертвецовъ. И какъ домъ мой былъ подлѣ самаго бывшаго въ старину тутъ кладбища, и ему отъ насъ послѣ ужина ходить надлежало на свою квартиру всегда ночью, то всегда была ему ходьба эта превеличайшею коммиссіею, а особливо потому, что мы всегда не упускали нагонять на него болѣе страха и боязни разными исторіями о ходящихъ будто мертвецахъ, привидѣніяхъ и страшилищахъ; и не одинъ разъ случалось, что мы со смѣху помирали, видя бѣдняка сего дрожащаго ажно отъ страха и боязни при слушаніи такихъ вымышленныхъ повѣстей, которымъ онъ, по простотѣ своей, вѣрилъ совершенно.

Но никогда онъ насъ такъ не утѣшилъ, какъ при одной вымышленной и сдѣланной нами надъ нимъ проказы. Какимъ-то образомъ узнали мы, что онъ волочился до сего за одною горничною дѣвушкою предмѣстника моего, князя Гагарина, и былъ влюбленъ въ нее по-уши, хотя оная нимало ему въ томъ не соответствовала. И сего одного довольно уже было ко всегдашнимъ надъ нимъ смѣхамъ и трунениямъ. Мы всклепали уже отъ себя, что и она будто очень въ него влюблена была, и что тогда по слухамъ, доходящимъ до насъ, умирала почти объ немъ съ тоски и отъ разлуки. Другъ нашъ тому и повѣрилъ, и у него даже уши смѣялись, когда случалось намъ о томъ разговориться. Но несчастіе его хотѣло, чтобъ дѣвушка сія, дѣйствительно будучи уже въ деревнѣ, около сего времени умерла. Боже мой! какое было на него тогда горе, когда узналъ онъ о томъ съ достовѣрностію; ибо сперва долго не захотѣлъ онъ тому вѣрить, и какой опять поводъ былъ намъ надъ нимъ хохотать, притворно объ немъ тужить, и надъ нимъ и горемъ его смѣяться!

Но сего было еще недостаточно, а догадало насъ воспользоваться симъ случаемъ далѣе и затѣять, что будто она умершая ходитъ по ночамъ по тѣмъ мѣстамъ въ Богородицкѣ, гдѣ прежде сего она живая хаживала, и что будто ее уже неоднократно

и многіе видали. Чтобъ сдѣлать ему исторію сію вѣроятнѣйшею, то смастерили мы такъ, что услышалъ онъ ее въ первой разъ совсѣмъ не отъ насъ, а отъ Варсобины и нѣкоторыхъ другихъ жителей богородицкихъ, и между прочимъ отъ такихъ, которые будто сами ее по почамъ видали. Боже мой! какой нагнали они тѣмъ страхъ на легковѣрнаго и простодушнаго простака сего, а особливо всеобщимъ увѣреніемъ, что по всему видимому разгуливаетъ она тутъ все изъ любви къ нему и его ищетъ. «Ну, братъ, Александръ Давыдовичъ! (сказалъ я, услышавъ о томъ при немъ будто впервые, и ничего о томъ не зная и не вѣдая), пропалъ ты теперь! Ну-ка ты ночью съ нею повстрѣчаешься и она за тобою погонится, что тебѣ тогда будетъ дѣлать?» — «Тфу! тфу! тфу! она окаянная! (воскликнулъ онъ), сохрани меня отъ того Боже! Да я, мнѣ кажется, на томъ же мѣстѣ умру отъ того!» — «То-то право хорошо! (подхватилъ я), она тому будетъ и рада, и тотчасъ тебя цапъ-царапъ и утащить съ собою!.. Нѣтъ, братъ, не только умирать, но и трусить въ такомъ случаѣ не годится! а мой совѣтъ, направлять тогда лыжи и бѣжать отъ нея тогда неоглядкою прочь». — «Да ну-ка она погонится?» (спросилъ онъ, дѣйствительно тому повѣривъ). — «Ну, тогда нечего будетъ иного дѣлать (сказалъ я), какъ креститься, твердить молитву и призывать всѣхъ святыхъ на помощь; а когда то не поможетъ, то схвативъ, что попадетъ, бить тѣмъ, но неинако какъ на отмахъ, а не прямо. Помни это пуще всего, Александръ Давыдовичъ, и знай, что прямо бить мертвецовъ никакъ не годится». — «А я такъ не то думаю! (подхватилъ Варсобины), а мой згадъ скорѣй ухватить, обнять, да поцѣловать, вѣдь она того-то конечно и добивается». — «И, что вы, Иванъ Ивановичъ! (воскликнулъ мой Александръ Давыдовичъ). Статочное-ли это дѣло? пропади она, проклятая! я обомру и увидѣвъ ее окайнную!»

Сими и подобными сему рассказываніями и повтореніемъ того нѣсколько дней

съ-ряду старались мы предуготовить его къ той комедіи, которую мы сыграть затѣвали. И какъ мы на него уже довольно страхъ нагнали, то и приступили къ тому наконецъ въ одну нѣсколько лунную ночь. И вотъ что мы надъ нимъ сдѣлали. Была у меня намалеванная на обрѣзной доскѣ статуя въ ростъ человѣка вышиною, изображающая горничную дѣвушку, изрядно одѣтую и такую, какія въ домахъ господскихъ бывають. По особливому счастью случилось такъ, что другу нашему никогда еще ее у насъ видѣть не случилось, и онъ объ ней вовсе не зналъ, ибо какъ она употребляема была для сада, то по привезеніи оной изъ Кіасовки и спрятали мы ее до весны въ кладовую, и не прежде о ней вспомнили, какъ при помянутой исторіи о дѣвкѣ. И сею-то самою статуею вздумалось намъ его пострадать, почему для самаго того и выдумали помянутую исторію. И какъ она была такъ велика, что позади ея можно было спрятаться небольшому человѣку, то придѣлали къ ней сзади рукавки, и велѣли одному изъ своихъ слугъ, небольшого роста, вынести ее на улицу и за нѣсколько десятковъ сажень спрятавшись за уголъ, дожидаться какъ пойдетъ отъ насъ нашъ Александръ Давыдовичъ, и тогда бы спрятавшемуся за нею, и неся ее предъ собою, идти къ нему на встрѣчу.

Устроивши все сіе, продержали мы его нарочно подолѣ послѣ ужина и почти до самой полуночи, и настрашавъ его всякими разговорами о мертвецахъ и привидѣніяхъ, распрощались съ нимъ и проводили его даже до крыльца, и по выходѣ его изъ сѣней не только затворили оныя, но и заперли засовомъ. Послѣ чего побѣжали мы всѣ въ кабинетъ смотрѣть въ окно, чтѣ будетъ.

Другъ нашъ, ничего о томъ не зная и не вѣдая, шелъ себѣ спокойно. Но не успѣлъ онъ десятковъ двухъ-трехъ сажень отойти отъ дома, какъ и мелькнуло ему вдали нѣчто похожее на человѣка. Сіе вдругъ его остановило и заставило, нагнувшись, посмотреть присталь-

нѣй; но не успѣлъ онъ хорошенько взориться и увидѣть движущуюся статую, и повидимому, идущую къ нему на встрѣчу, какъ вдругъ, обернувшись, направилъ лыжи назадъ. Сперва бѣжалъ онъ все еще молча, но какъ любопытство побудило его обернуться и поглядѣть назадъ, то увидѣвъ, что она за нимъ гонится, завопилъ во все горло: «ай! ай! ай! ай! ай! ай!» бросился безъ памяти уже бѣжать, и прямо опять ко мнѣ на дворъ и на крыльцо; но тутъ хватъ за двери,—двери не растворяются. Онъ стучать, онъ кричать, чтобъ скорѣе отперли, никто не слышитъ, а мнимой мертвецъ приближается! Господи, какая напади на него тогда безпритворная трусость! «Ахъ, батюшки мои! (кричалъ онъ), что мнѣ дѣлать? Ахти! что дѣлать? Ахти! что дѣлать? Двери заперты и конечно всѣ спать полеглись», и не съ другого слова, увидѣвъ дрова, складенныя у рѣшетки полѣнницею, приближалъ къ ней, и схватывая одно полѣно за другимъ, ну швырять ихъ на отмахъ и чрезъ себя въ мнимаго мертвеца, а самъ, не смѣя и взглянуть на него, только кричалъ: «ай! ай! ай! ай! ай! ай!»

Мы, смотря на все сіе сокрывшись изъ окна, надрывались, или паче сказать, кисли отъ смѣха. Но тогда уже не было намъ болѣе мочи терпѣть, и мы велѣли ему отворить будто бы прибѣгшими людьми двери, и выбѣжали сами спрашивать, что за шумъ? и что такое?—«Чего, батюшка! (отвѣчалъ онъ задыхаясь отъ страха и вбѣжавши помертвѣлымъ въ сѣни). Проклятая-то дѣйствительно за мною гналась!»—«Да кто такая?»—«Да дѣвка-то княжая!»—«Что ты говоришь? нельзя статься!»—«Ей, ей! хоть теперь умереть, правда! хоть сами посмотрите, небось она тутъ-же, проклятая!» Тогда выбѣжали мы на крыльцо будто бы смотрѣть, но какъ статую давно уже прибрали къ сторонѣ, то стали мы говорить: «Гдѣ-жъ это, гдѣ? мы ничего не видимъ; ну, не почудилось-ли тебѣ Александра Давыдовичъ?»—«Какое почудилось! (кричалъ онъ), готовъ умереть въ томъ, что

ее видѣлъ и точно ее, и въ такомъ же платьѣ, какъ она хаживала!»—«И, что ты! что ты! подхватилъ я, нельзя этому статься, тебѣ повидилось развѣ такъ?»—«Какое повидится! возразилъ онъ, до самыхъ воротъ за мною добѣжала, окаянная, и чуть-было не схватила. Я всю почти полѣнницу расшвырять, бросая полѣньями въ нее, посмотрите хоть сами». Тогда удивившись будто, велѣлъ я смотрѣть еще, не увидать-ли чего, а между тѣмъ спрашивалъ его, какъ онъ кидаль полѣньями, не на отмахъ-ли? «Я и самъ уже не помню! сказалъ онъ: и на отмахъ, и черезъ себя, и Богъ знаетъ какъ».—«Ну, братъ, подхватилъ я: конечно ты, кидая на отмахъ, попалъ въ нее, и оттого она сгилла и исчезла».—«Чортъ ее знаетъ! Но теперь воля ваша, я одинъ уже никакъ не пойду, а пожалуйста человѣка два проводить меня».—«Изволь, изволь», сказалъ я, и нарядилъ двухъ людей провожать его.

Смѣхъ кончилась тогда сія комедія, и я не могу изобразить, сколь много мы тогда, да и послѣ сему бѣдняку смѣялись, которой такъ твердо увѣренъ былъ, что онъ видѣлъ дѣйствительно мертвеца, что долгое время давалъ намъ надъ собою трунить и смѣяться, и мы насилу-насилу могли послѣ увѣрить его, что онъ испугался пустого.

Но что онъ обманулся моею статуею, то и неудивительно. Она намаделана была мною такъ живо, что не только онъ, но и самой нашъ франтъ бобриковской архитекторъ, несмотря на свое искусство и знаніе, хорошохоенько ею обманулся и почелъ за живого человѣка. Сей случай также подаль намъ поводъ ко многому хохотанью.

Однажды случилось сему архитектору приѣхать къ намъ въ Богородицкъ для осматриванія, по должности своей, работъ, тутъ производимыхъ. Я въ самое то время занимался поправленіемъ сей статуи для приданія ей болѣшей живности, и какъ мнѣ сказали, что приѣхалъ архитекторъ и пошелъ на строеніе, то зная, что онъ оттуда ко мнѣ зайдетъ, и взду-

маль порѣзвиться и сдѣлать ему своею статуею сюрпризъ. И тогда, схвати свою статую, поставилъ ее въ своей угловой гостиной у стола, посреди горницы такъ, чтобъ вошедшему въ залу тотчасъ можно было сквозь двери тамъ увидѣть, и самъ, выславъ на часокъ всѣхъ людей изъ залы и изъ лакейской, притулился въ своемъ кабинетѣ и сталъ смотрѣть, что будетъ.

Архитекторъ мой, вошедъ въ лакейскую и не найдя никого, вошелъ въ залу. Тутъ и кинулась ему тотчасъ въ глаза статуя, стоящая вдали въ гостиной. И какъ онъ ее не иначе счелъ какъ настоящую живую женщиною и какою-нибудь гостею, то, по обыкновенному своему франтовству и вѣжливости, ни съ другого слова, размахнувъ шляпою отвѣсилъ ей пренизкой поклонъ. Я со смѣху надсѣдался сіе увидѣвъ, но далъ ему волю и смотрѣлъ, что будетъ далѣе. Онъ, не найдя никого и въ залѣ, у кого могъ бы спросить обо мнѣ, полетѣлъ прямо въ гостинную спрашивать мнимую боярышню; но не успѣлъ онъ подойти къ дверямъ и увидѣть свою ошибку, какъ будучи тѣмъ пораженъ, вдругъ обернулся и воскликнулъ: «Тфу! какая пропасть! какъ я хорошо обманулся!» Въ самое то время бѣжалъ я уже велѣдъ за нимъ, и встрѣтилъ его хохотаньемъ. «Что это, братецъ, Яковъ Ананьичъ? говорилъ я: неужели ты не узналъ, что это не живой человѣкъ, а нарисованной?» — «Что дѣлать, судырь, отвѣчалъ онъ: хоть стыдно, а нельзя не признаться, что былъ такой грѣхъ. Да кто это вамъ намалевалъ такъ живо женщину? Ужъ не сами-ли вы надъ тѣмъ трудились?» — «Точно», отвѣчалъ я, и былъ удивленіемъ его доволенъ.

Теперь, возвращаясь къ прерванной нити повѣствованія моего, скажу, что не успѣло пройти недѣль двухъ послѣ приѣзда моего изъ Москвы, какъ привезли ко мнѣ оттуда и пожалованныхъ отъ государыни карповъ. Князь употребилъ всѣ предосторожности къ тому, чтобъ могли доведены быть они къ намъ всѣ живыми. Подѣланы были нарочно для того низкія,

плоскія, овальныя особаго рода бочки, обшитыя кругомъ войлоками, и навѣты были особые рыбаки для препровожденія ихъ къ намъ въ цѣлости. И какъ ихъ было всѣхъ 200-ти, то писалъ ко мнѣ князь, чтобъ одну сотню посадилъ я, по 50-ти, въ оба небольшіе пруды, по обѣимъ сторонамъ гошпиталя находящіеся, а другую сотню въ новой большой прудъ предъ дворцомъ. Сіе я и учинилъ въ точности по предписанію, и начавъ сажать ихъ въ гошпитальные пруды, любовался величиною оныхъ, ибо такъ случилось, что бочки трафились все съ большими карпами. Но какъ я началъ горевать и досадовать самъ на себя потомъ, что не спросилъ о томъ, во всѣхъ-ли бочкахъ они равны, и увидѣвъ, что въ достальныхъ были самыя мелкіе карпы. «Ахъ, какая бѣда! возопилъ я, чѣмъ бы сихъ посадить въ маленькіе прудки, а большихъ въ большой, а я всѣхъ большихъ туда впрягалъ, а сюда приплылъ одни только мелкіе». Но самая сія мнимая ошибка и послужила потомъ въ пользу, ибо впоследствии времени увидѣли мы, что отъ упомятой сотни крупныхъ карповъ не было никакого приплода и не родилось ни одного, а отъ мелкихъ, посаженныхъ въ большой прудъ, расплодился ихъ такая тьма, что не только я со всѣмъ домою своимъ во все время пребыванія моего въ Богородицкѣ довольствовался ими, сколько хотѣлъ ежедневно, но мы могли оныхъ болѣе нежели на 2,000 руб. распродать желающимъ заводить у себя оныхъ, а несмотря на то и понынѣ ихъ не только во всѣхъ тамошнихъ прудахъ, но и во всѣхъ рѣкахъ расплодилось и обитаетъ превеликое множество.

При наступленіи потомъ холодовъ имѣлъ я множество трудовъ и хлопотъ по случаю опасности, какимъ подвержены были всѣ тамошніе пруды отъ прорыванія. На всѣхъ ихъ были хотя подѣланы спуски, и повидимому порядочные, но въ самомъ дѣлѣ со многими погрѣшностями и недостатками. А какъ на обѣихъ рѣкахъ Упертѣ и Вязовкѣ, вода была гораздо больше, нежели я ожидалъ, то пруды на-

ходились въ великой опасности, и для меня всѣ дни продолжавшейся половоди не только въ сей, но и во всѣ послѣдующіе потомъ годы были весьма безпкойныи и такіе, въ которые духъ мой былъ всегда не на своемъ мѣстѣ, и вообще могу сказать, что тутошніе пруды навели мнѣ всегда много хлопотъ и заботъ. Совсѣмъ тѣмъ я такъ былъ счастливъ, что при всѣхъ опасностяхъ не срывала вода ни однажды ни одного изъ всѣхъ оныхъ, но я успѣвалъ подавать имъ благовременно пособіе.

Наступившую непосредственно за симъ святую недѣлю, случившуюся въ сей годъ въ половинѣ апрѣля, провели мы нарочито весело. Это было еще въ первой разъ, что мы проводили оную будучи въ городѣ. И какъ мѣсто сіе было несравненно многочисленнѣе всѣхъ прежнихъ, гдѣ мнѣ бывать случалось, и я собою представлялъ начальствующую особу, всѣми почитаемую и всѣми уважаемую, то и льстило все сіе нѣсколько моему самолюбію.

Вскорѣ за симъ съ открывшеюся весною начались и всѣ работы по строеніямъ какъ тутъ, такъ и въ Бобрикахъ, и множество народа закинуло во всѣхъ мѣстахъ, какъ при самомъ производствѣ оныхъ, такъ и при привозкѣ и приготовленіи всѣхъ матеріаловъ къ тому потребныхъ. Сіе отвлекло меня отъ всѣхъ моихъ кабинетныхъ занятій и упражненій и принудило меня быть почти всегда на дворѣ и разтѣзжать всюду и всюду, гдѣ только требовалось мое присутствіе. Не одинъ разъ надобность принуждала меня ѣздить въ Бобрики и пробывать иногда тамъ по суткамъ и болѣе. Не одинъ разъ отѣзжалъ я также для обозрѣнія волостныхъ селъ и деревень, а особливо лѣсныхъ угодьевъ, а при работахъ находился почти безотлучно, и болѣе потому, что тутошній архитекторскій помощникъ не совсѣмъ былъ въ своемъ дѣлѣ исправенъ, а бобриковскому не можно было бывать у насъ слишкомъ часто; итакъ, принужденъ я былъ уже самъ во многомъ ему помогать. Но для меня самого работы сіи были совсѣмъ новыя и

до того никогда мною непроезжимыя. Нашло къ намъ множество плотниковъ, штукатуровъ, каменщиковъ, кирпичниковъ и другихъ мастеровыхъ. Всѣ они занимались въ разныхъ мѣстахъ и разными работами: иные дѣлали въ каменномъ домѣ и во флигеляхъ полы и потолки и прочія деревянныя внутри подѣлки; другіе штукатурили церковь и флигели и внутри и снаружи; иные оканчивали недодѣланныя еще кое-гдѣ кровли; иные клали еще кирпичныя стѣны, и такъ далѣе, и я едва успѣвалъ вездѣ ихъ посѣщать и вездѣ работы ихъ осматривать и снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ.

Кромѣ сего, имѣлъ я немалой кусокъ работы по единой уже своей прихоти. Какъ при домѣ управительскомъ не было нигдѣ ни малѣйшаго садика, а мнѣ, по охотѣ своей къ садамъ, безъ него было крайне скучно, то не успѣла вскрыться весна, какъ принялся я тотчасъ за основаніе и насажденіе себѣ небольшого, однако нарочитаго пространства за дворомъ своимъ, садика. По господствующему тогда еще вездѣ вкусу, сдѣлалъ я и сей регулярнымъ и разбивъ по рисунку, самимъ мною прожектированному, ибо сдѣланной по предложенію моему архитекторскимъ нашимъ помощникомъ ни къ чему не годился, и я принужденъ былъ самъ приняться за циркуль и линейку, а потомъ за веревки, колья и шнуры, и мнѣ удалось основать и тутъ хотя небольшой, но такой садикъ, которой всѣ хвалили и которой доставлялъ мнѣ во все время пребыванія моего въ Богородицкѣ безчисленное множество минутъ и часовъ пріятныхъ и веселыхъ, и для меня былъ всегда утѣшнѣе и веселѣе самого большаго сдѣланнаго мною потомъ тамъ сада. Итакъ, между прочими работами, занимаясь я и симъ садомъ, и какъ въ работникахъ не имѣлъ я недостатка и могъ столько ихъ нарядить, сколько хотѣлъ, то и успѣлъ въ немногіе дни не только засадить его весь, но и все въ немъ привести въ такой порядокъ, что всѣ не могли довольно надивиться, какъ

я успѣлъ въ такое короткое время и такъ многое сдѣлать; но я и трудился надъ нимъ довольно.

Словомъ, вся весна сего года была для меня прямо многодѣльная и хлопотливая, а особливо сначала, когда нужно было всѣ дѣла и работы основывать и приводить въ порядокъ, и я всему и самъ долженъ былъ еще учиться. Но, по счастью, имѣлъ я во всемъ успѣхъ вожделѣнной и скоро мало-по-малу ко всему привыкъ, а тогда мнѣ и не таково трудно уже было какъ сначала. Снмъ окончу я мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

(Генваря 28-го дня 1809 года).

НЕОЖИДАЕМОСТИ, И ЗАБОТЫ И ХЛОПОТЫ.

Письмо 189-е.

Любезный пріятель! Препроводивъ всю весну, какъ я вамъ въ послѣднемъ письмѣ своемъ уже упоминалъ, въ безпрерывныхъ трудахъ и дѣлахъ, относящихся какъ вообще до правленія волостями, такъ въ особенности и до производимыхъ тогда разныхъ строеній, былъ я въ мѣсяцъ іюнѣ перетревоженъ. Увѣдомили меня, что въ предбудущую зиму будетъ открываться такимъ же образомъ и Тульское намѣстничество, какъ въ минувшую зиму открылось Калужское, и что будетъ открывать оное тотъ-же самый намѣстникъ генералъ Кречетниковъ, Михайла Никитичъ. Далѣе увѣдомляли меня, что онъ уже приѣхалъ въ Тулу и отправляется для осмотра всѣхъ городовъ и для изысканія удобнѣйшихъ мѣстъ къ основанію городовъ со-всѣмъ новыхъ, и что въ скоромъ времени прибудетъ для того же самаго и къ намъ въ Богородицкъ.

Увѣдомленіе сіе натурально озаботило меня чрезвычайно, ибо я предвидѣлъ, что необходимо надобно мнѣ будетъ сего знаменитаго вельможу у себя принимать и со всею его свитою угощать, почему и непреминулъ сдѣлать всѣ нужныя къ тому приуготовленія. И какъ скоро полу-

чилъ о самомъ днѣ выѣзда его извѣстіе, то приказавъ изготovitъ доброй обѣдъ и выписать къ сему случаю изъ Бобринкова г. Верещагина и архитектора, отпавилъ ихъ для встрѣчи его на границѣ волости, въ первую волостную деревню Крутое, а вслѣдъ за ними выѣхалъ и самъ версты за три, чтобъ его вмѣстѣ съ первѣйшими и лучшими купцами съ подобающею честію встрѣтить.

Не успѣлъ намѣстникъ меня, выпешаго изъ кареты и стоявшаго съ толпою народа, на дорогѣ усмотрѣть, какъ поровняясь съ нами велѣлъ тотчасъ каретѣ своей остановиться: и какъ подошедъ къ нему по обыкновенномъ привѣтствіи ему сказалъ, что я имѣю счастье управлять собственною ея императорскаго величества волостью, то принявъ меня очень ласково, былъ такъ ко мнѣ снисходителенъ, что пригласилъ меня сѣсть къ себѣ въ карету. Сей случай былъ первой, которой познакомилъ меня тогда съ сею знаменитою особою, имѣвшею впослѣдствіи времени со мною дѣла и которою я такъ много былъ доволенъ. Я имѣлъ счастье полюбитья ему какъ-то съ самой первой минуты; ибо не успѣлъ онъ при продолженіи путя вступить со мною въ разговоры, какъ уже первыя отвѣтныя ему слова приобрѣли уже его ко мнѣ благоволеніе. Можетъ быть помогло къ тому много то, что онъ нашелъ во мнѣ знающаго и такого человѣка, которой могъ ему подать основательное понятіе обо всей нашей волости и обо многомъ, а притомъ незастѣнчиваго и неробкаго предъ нимъ характера. Ибо могу сказать, что я никогда не былъ предъ всѣми знатными особами робокъ и трусливъ, а обходился и говорилъ съ ними съ вольнымъ духомъ и сіе приобрѣтало мнѣ всегда отъ нихъ скорое благоволеніе. Съ снмъ же непринужденнѣе и вольнѣе могъ я обходиться, что я не состоялъ еще тогда въ его командѣ и отъ него ни въ чемъ не зависѣлъ. Коротко, мы приѣхали въ Богородицкъ уже довольно и довольно съ нимъ познакомившись, и онъ въ разговорахъ со мною находилъ столько удо-

вольствія, что проговорилъ безпрерывно и со всевозможною ко мнѣ ласкою, вѣжливостію и снисхожденіемъ.

Я препроводилъ его прямо къ себѣ въ домъ, и какъ случилось тогда самое обѣденное время, то нашелъ онъ уже столъ для угощенія его приготовленной. Для угощенія же всей свиты его поставленъ былъ другой, въ разбитой на площади предъ домомъ моимъ, большой палаткѣ. Все сіе было имъ неожиданно, ему пріятно и тѣмъ болѣе побуждало его быть ко мнѣ снисходительнымъ. Я постарался угостить его и всѣхъ бывшихъ съ нимъ нѣсколькихъ другихъ чиновниковъ, и даже самыхъ канцелярскихъ и собственныхъ служителей его колико можно лучше и такъ, что всѣ угощеніемъ моимъ крайне были довольны, что и послужило мнѣ въ послѣдствіи времени въ великую пользу: ибо всѣ бывшіе съ нимъ секретари, губернской землемѣръ Рыкачевъ и другіе чиновники сдѣлались мнѣ съ того времени знакомы и памятовали всегда сіе мое угощеніе.

Послѣ обѣда пошли мы съ нимъ и ѣшкомъ осматривать все положеніе мѣста и всѣ зданія въ нашемъ селеніи, и онъ разспрашивалъ, а я рассказывалъ ему все и все. Нѣсколько часовъ мы съ нимъ проходили, и онъ отзывался мнѣ, что намѣренъ селеніе наше, бывшее въ древности городомъ, возобновить вновь и превратить въ новой городъ, и что въ семъ случаѣ едва ли мы не должны будемъ обѣихъ нашихъ крестьянскихъ слободъ, Пушкинскую и Стрѣлецкую, лишиться, поелику они превращены будутъ въ мѣщане, и вмѣсто ихъ приискать себѣ смежныя къ намъ другія казенныя селенія, и чтобъ я заблаговременно старался приискать къ тому способныя. Послѣ того озабочивался онъ очень тѣмъ, гдѣ бы ему можно было помѣстить будущія судебныя мѣста и спрашивалъ, не могутъ ли посѣсть къ зимѣ каменные и тогда отдѣлываемые флигели большого дома. И какъ я ему сказалъ, что хотя я и не могу въ томъ совершенно удостовѣрить, однако думаю, что немного развѣ останется недодѣлан-

наго, а особливо если поспѣшить сколько-нибудь отдѣлкою оныхъ. «О, судырь! сказалъ онъ: вы мнѣ превеликое сдѣлаете удовольствіе, ежели постараетесь поспѣшить симъ дѣломъ! Вы бы обезпечили меня съ сей стороны, ибо я надѣюсь, что и князь Сергій Васильевичъ и сама государыня мнѣ въ томъ не откажетъ, чтобъ на время и покуда мы особыя зданія построимъ, помѣстить суды въ одномъ изъ сихъ флигелей, ибо мнѣ болѣе одного и не надобно».—«Очень хорошо, ваше превосходительство! отвѣчалъ я: за мною дѣло не станетъ; я употребляю все, что только въ состояніи буду учинить къ удовлетворенію желанія вашего высокопревосходительства». А сіе и было ему всего пріятнѣе.

По возвращеніи въ мой домъ подчивалъ я его лимонадомъ, вареньями и всѣмъ, что только могли мы найти въ домѣ своемъ лучшаго. Тутъ обходился онъ со мною уже гораздо дружелюбнѣе и вмѣстѣ со мною посмѣивался приступающему къ нему сосѣду моему, господину Шишкову, которой, приѣхавъ къ нему съ головою насыпанною бахусовыми продуктами на поклонъ, такъ ему своими разговорами надобѣлъ, что онъ просилъ даже меня избавить его какъ-нибудь отъ сего докучливаго и неотвязчиваго чловѣка, и я принужденъ былъ выдумывать уже всякіе способы къ выпровожденію его отъ себя изъ дома; и хотя съ трудомъ, но къ удовольствію намѣстника успѣлъ наконецъ его кое-какъ со двора выпроводить.

Посмѣявшись сему странному явленію и напившись горячаго, не сталъ онъ долѣе медлить, но въ тотъ же день передъ вечеромъ отправился на ночь въ Елифанъ, осыпавъ меня за угощеніе себя благодареніями.

Не успѣли мы сего знаменитаго гостя отъ себя спроводить, какъ долженъ уже я былъ помышлять о другомъ, наводящемъ на меня также немалую заботу. Приближалось 8-е число іюля или то время, въ которое всякой годъ бывала въ Богородицкѣ такъ-называемая Казанская и

довольно знаменитая ярмонка. И какъ я составлялъ важную и главную во всемъ нашемъ селеніи тогда особу, то и долженъ былъ принять на себя всѣ хлопоты и труды, съ отводомъ и показываніемъ мѣстъ всѣмъ приѣзжающимъ торгашамъ сопряженные, и вообще о сохраненіи во время ярмонки сей добраго во всемъ порядка стараніе. Сію ярмонку имѣлъ я тогда случай также въ первой еще разъ видѣть. Она была довольно многочисленна и вся обширная площадь, находящаяся за рѣчкою Вязовкою, подлѣ нашего каменнаго гостиннаго двора, установлена была тысячами телѣгъ и наполнилась многими тысячами съѣхавшагося наканунѣ того дня народа. И какъ каменныхъ нашихъ лавокъ къ помѣщенію всѣхъ наѣхавшихъ съ товарами купцовъ было недостаточно, то для помѣщенія и прочихъ назначилъ я мѣста, прорѣзавъ чертами всѣ линіи и переулки, гдѣ и какъ стоять повозкамъ съ товарами, и все расположилъ такъ хорошо, что какъ при помощи находящихся въ командѣ моей солдатъ всѣ приѣзжающіе устанавливаемы были вездѣ порядочно, то по съѣздѣ всѣхъ превратилось все сіе мѣсто равно какъ въ порядочной городъ, съ улицами вдоль и поперегъ и столь порядочными, что всѣ бывшіе на ярмонкѣ не могли тѣмъ и сохраняемымъ повсюду порядкомъ довольно налюбоваться. Но того еще довольнѣе были тѣмъ, что не упустилъ я постараться и о томъ, чтобъ во время ярмонки не было никакого воровства, обыкновенно до того бывавшаго. Для предупрежденія того употребилъ я особую выдумку. Я велѣлъ солдатамъ своимъ какъ можно стараться поймать мнѣ съ чѣмъ-нибудь украденнымъ вора; и какъ мнѣ тотчасъ одного и подтибезили, то я велѣлъ его до пояса раздѣть до нага, и скрутивъ у него руки назадъ вымазать его дегтемъ, и водить вдоль и поперегъ по всей ярмонкѣ процессією и нести передъ нимъ шесть съ привѣшенными на немъ сверху и развѣвающимися покраденными платками и кричать, что «это воръ, и что со всякимъ то будетъ, кто поймается въ воров-

ствѣ». И сія выдумка подѣйствовала такъ много, что всѣхъ отъ воровства какъ бабушка отходила, и никогда ярмонка не была такъ смирна и безопасна, какъ въ сей годъ, да и послѣ, когда бывали ярмонки, никогда о воровствѣ не слышно было.

Впрочемъ, какъ на ярмонку сію приѣзжало много со всѣхъ сторонъ и дворянъ, и были въ числѣ ихъ и всѣ наши знакомые, то сей случай подаль мнѣ поводъ къ приглашенію ихъ къ себѣ и къ угощенію ихъ въ день самаго праздника у себя обѣдомъ, а потому и въ сей день было у меня множество народа.

Но едва только все сіе кончилось, и мы послѣ всѣхъ бывшихъ при томъ многихъ хлопотъ и заботъ начали отдыхать и радоваться, что сіе хлопотливое время миновало, какъ вдругъ, недумано-негадано, поразился я новою и несравненно всѣхъ прежнихъ величайшею и важнѣйшею заботою и такою неожиданностію, которая встревожила всю внутренность души моей и привела всю кровь въ ужасное волненіе. Въ одно утро, читая принесенныя съ почты московскія газеты, вдругъ нахожу я публикацію отъ межевой канцеляріи: «Поелику-де по просьбѣ нѣкоторыхъ господъ, князей, бояръ и гералдовъ, а именно того и того, отпразднень въ Шадской уѣздъ взятой ими на «свой коштъ землемѣръ для отмежеванія «нимъ проданныхъ отъ межевой канцеляріи «каждому по 1,500 десятинъ дикопорожней «государственной земли, въ такихъ-то и «въ такихъ мѣстахъ и урочищахъ, то всѣ «бы сосѣдственные жители приготавливали «свои крѣпости и были къ межеванью се-
«му готовы».

Теперь не могу я никакъ изобразить того смущенія, какимъ поразился я, увидѣвъ изъ описанія помянутыхъ урочищъ, которыя всѣ были мнѣ очень коротко знакомы, что продажа произведена симъ господамъ изъ самой той степи, которая лежитъ подлѣ моей шадской деревни и о которой происходилъ у насъ года за три до того тотъ славной споръ, которой описанъ мною въ XVI-й части сей

моей исторіи... «Ба! ба! ба! воскликнулъ я: это что такое? Степь-то эта наша! вотъ и урочища мнѣ все знакомы! Вотъ упоминается рѣчка Лѣсной-Тамбовъ, рѣчка Караваенка, наше Ложечное и рѣчка Паника! И какимъ образомъ проданнымъ быть тутъ землямъ господамъ князю Голицыну, Кошелеву, Нащокину, Бурцову и другимъ тому подобнымъ, которые не только въ смежествѣ и въ близости къ тамошнимъ мѣстамъ никакихъ деревень не имѣютъ, но коихъ и имена никому изъ тамошнихъ неизвѣстны? Это что-то мудреное, непостижимое и не даровое!» Словомъ, я не вѣрилъ почти глазамъ своимъ, и читалъ и перечитывалъ вновь статью сію въ объявленіяхъ газетныхъ. Но чѣмъ болѣе я вникалъ въ существо сихъ продажъ и описанія урочищъ, тѣмъ болѣе усматривалъ я, что скрывалась тутъ нѣкая тайна или сокровенныя плутни, и скоро принужденъ былъ воскликнуть: «Ахъ, Боже мой! я готовъ руку свою дать на отеченіе, что хотя тутъ и не упоминается господинъ Пашковъ ни единымъ словомъ, но все это вѣрно ни чьи прые, какъ его новыя ковы и плутни, и земли сіи не господами помянутыми, а имъ самимъ на ихъ только имена куплены! Видно, что они ему друзья и пріятель, и восхотѣли ссудиться ему своими именами для плутовской покупки толь многихъ тысячъ десятинъ земли казенной».

Мысль и догадка сія часть отъ часу дѣлалась мнѣ вѣроятнѣйшею и скоро дошло, что я не могъ уже въ томъ нисколько сомнѣваться; но удивленіе мое увеличилось еще больше, когда при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи и сужденіи о семъ дѣлѣ ясно усматривалъ я, что скрывалось и тутъ превеличайшее бездѣльничество и плутовство, употребленное Пашковымъ при сей покупке, и что куплена имъ на помянутыя разныя имена далеко не вся нами оспоренная степь, но развѣ только пятая часть оной, и узкою только полоскою простирающеюся вокругъ всей оной по окраинамъ, а прочія три или четыре

части оной, лежащія внутри сей оной, остались никому еще непроданными.

Сперва удивился-было я сему обстоятельству, но какъ мнѣ межевыя дѣла и плутни довольно были извѣстны, то скоро усмотрѣлъ я, что сіе сдѣлано не попросту, а съ плутовскимъ умысломъ, чтобъ всего онаго внутренностію, преслѣдуя тысячу до 30-ти и болѣе десятинъ, можно было Пашкову овладѣть безъ покупки и безданно-безплатно; потому что, какъ тѣ проданныя земли будутъ отводимы безсомнѣнно его же повлѣреннымъ, и намъ всѣмъ сосѣдственнымъ дворянамъ не можно уже будетъ никакъ оныхъ съ наружной стороны оспаривать, поелику сами мы назвали тѣ мѣста казенными землями, то при отрѣзываніи сихъ проданныхъ земель со внутренней стороны отъ степи, придется ему разводитья самому съ собою, слѣдовательно объ ней и спору не можно уже быть никакому, и что для самого того и не покупалъ Пашковъ на свое имя ни одной десятины. Словомъ, плутовство произведено очень хитрое и прямо мошенническое.

Досадно мнѣ невѣдомо какъ сіе было. И какъ я предусматривалъ, что при семъ отмежеваніи проданныхъ земель не только всѣ наши сосѣди претерпѣть могутъ великое зло, но и самъ я претерпѣть могу зло въ разсужденіи покупной своей земли въ окрестности Ложечныхъ-буераковъ, поелику одна изъ помянутыхъ проданныхъ земель, а именно на имя генераль-поручика Война Васильевича Нащокина, именно приурочена отъ рѣчки Караваенки до вершинъ Ложечныхъ-буераковъ. Сіе и самого меня перетревожило чрезвычайно и такъ, что я долго не звалъ и долго не могъ самъ съ собою согласиться, что мнѣ дѣлать, и впасть оттого въ великое недоумѣніе.

Наконецъ, по долгомъ думаніи и размышленіи другого не нашелъ, какъ только чтобъ въ предупрежденіе, дабы Пашковъ не отхватилъ себѣ и всю мнѣ проданную и мною уже владѣемую землю при Ложечныхъ-буеракахъ, скакать са-

тому скорѣй въ Москву, и подавъ въ межевую канцелярію челобитную, просить, чтобъ вѣрно было тому-же землемѣру отмежевать напередъ мнѣ проданную за 12-тъ лѣтъ до того землю подлѣ Ложечныхъ-буераковъ, а потомъ межевать-бы онъ какъ хотѣлъ прочія.

Обрадовался я, получивъ сію мысль, и считая, что симъ однимъ могу я надѣлать въ производствѣ плутовства его много помѣшательства, рѣшился поспѣшнѣе тѣмъ koliko можно скорѣй; и потому, сообщивъ о своемъ горѣ моимъ домашнимъ, перетревожившимся тѣмъ еще болѣе моего, просилъ ихъ, чтобъ онѣ собирали меня какъ можно скорѣе всѣмъ нужнымъ къ московской поѣздкѣ, а людямъ своимъ велѣлъ готовить для себя скорѣй повозку, и сдѣлавъ потомъ по волостнымъ дѣламъ всѣ нужныя на время отлучки моей распоряженія и поручивъ волость Варсобицу, не сталъ долѣе медлить, но сѣвши вмѣстѣ съ случившимся быть у меня тогда Пастуховымъ въ карету, и полетѣлъ въ Москву.

Было сіе 22 іюля, и какъ выѣхали мы уже не рано послѣ обѣда, то переночевавши въ Дѣдиловѣ приѣхали мы въ Тулу еще очень рано, гдѣ остановившись у Пастухова и позавтракавъ, пустился я въ дальнѣйшій путь, и поспѣшилъ ѣздой своею такъ, что въ тотъ же день, хотя и поздненько, приѣхалъ въ свое Дворяниново.

На сіе милое и любезное мнѣ селеніе успѣлъ я въ сей разъ только взглянуть. Обстоятельства не дозволили мнѣ никакъ долго въ немъ медлить, и я намѣренъ былъ съ утра въ послѣдующій же день пуститься въ сей путь далѣе и заѣхать на часокъ къ другу моему г. Полонскому. Но какъ услышалъ, что онъ въ самой тотъ день будетъ у насъ же въ деревнѣ крестить у сосѣдки моей, г-жи Басаргиной, успѣвшей уже родить сына и звавшей и меня къ себѣ обѣдать, то радъ я былъ, что избавился чрезъ то отъ заѣзда въ сторону къ господину Полонскому, а могъ, по желанію своему, ви-

дѣться съ нимъ тутъ и обо всемъ нужномъ переговорить.

Г. Полонскій удивился, увидѣвъ меня тутъ противъ всякаго чаянія и ожиданія, и по всегдашней ко мнѣ своей любви не могъ довольно изобразить удовольствія своего о томъ, что я нахожусь уже въ Богородицкѣ. Онъ началъ тотчасъ разспрашивать меня объ всѣхъ и обо всемъ, и не могъ со мною довольно наговориться. Услышавши же о причинѣ моей поѣздки погоревалъ вмѣстѣ со мною о предстоящихъ мнѣ многихъ хлопотахъ, и похваливъ мое предпріятіе, предлагалъ мнѣ свой домъ для стоянія въ Москвѣ, чѣмъ я былъ и доволенъ. И какъ мнѣ мѣшкать тутъ долго было не можно, то отобѣдавъ съ друзьями и знакомцами своими и распрощавшись съ ними, поѣхалъ я въ свой путь и претерпѣлъ хотя на дорогѣ превеликой страхъ отъ налетѣвшей на насъ великой громовой тучи, но въ тотъ же день доѣхалъ до Серпухова, и переночевавъ у Квасникова и препроводивъ еще цѣлой день въ дорогѣ, на третій поутру благополучно въ Москву приѣхалъ и присталъ на дворѣ господина Полонскаго, на Повареской.

Мое первое дѣло и попеченіе было, чтобъ распроедѣть и узнать обо всѣхъ обстоятельствахъ въ межевой канцеляріи. Сперва горевалъ-было я о томъ, что не бывая такъ давно въ оной не имѣлъ я никого себѣ знакомыхъ. Но какъ нечаяннымъ образомъ узналъ я, что бывшій въ Кіасовкѣ моимъ канцеляристомъ Павелъ Оедоровъ, не ужившись съ Шестаковымъ и отошедши оттуда, опредѣлился въ межевую и тогда въ оной находился, то обрадуясь тому какъ нѣ-какой находѣ, послалъ я тотчасъ его тамъ отыскивать и звать къ себѣ. Сей по любви своей ко мнѣ не успѣлъ услышать, что я въ Москвѣ, какъ въ тотъ же мигъ, бросивъ все, ко мнѣ и прилетѣлъ. Я свидѣлся съ нимъ какъ-бы съ какимъ роднымъ своимъ, и радъ ему былъ тѣмъ болѣе, что могъ отъ него узнать все нужное. Онъ, услышавъ о причинѣ моего приѣзда, сказалъ, что я нимало не ошиб-

ся въ своей догадкѣ, что всѣ тѣ земли проданы дѣйствительно никому иному, какъ самому Пашкову, на имена только разные и подложныя; что сдѣлалъ ему сіе никто иной какъ Князевъ, второй членъ ихъ канцеляріи, и самая та важная и хитрая особа, которая сочиняла и всѣ межевыя узаконенія и инструкціи; что сей Князевъ ворочаетъ тогда всею ихъ канцелярією и дѣлаетъ, что хочетъ. Пашкову сія покупка безъ всякаго сомнѣнія стодитъ многихъ тысячъ, ибо онъ со всѣхъ покупателей деретъ безъ милосердія, и они почти столько-жъ платятъ и ему, сколько и въ казну; что продажа землямъ производилась тогда страшна; что продаются онѣ всѣмъ и всѣмъ, у кого-бъ только были любезныя денежки, и онъ едва только успѣваетъ обирать со всѣхъ деньги, и наживается чрезъ то ужаснымъ образомъ. Далѣе сказывалъ онъ мнѣ, что Пашковъ находится еще въ Москвѣ и что не слышно объ его отъѣздѣ; совсѣмъ тѣмъ, что нужно мнѣ неотмѣнно и подать отъ себя въ межевую канцелярію челобитную, а прежде того необходимо надобно бы мнѣ побывать у Князева и переговорить съ нимъ на дому, поелику отъ него все мое дѣло будетъ зависѣть, ибо первой ихъ членъ генераль Ивашевъ ничего не значить. Наконецъ совѣтовалъ онъ мнѣ побывать и въ межевой канцеляріи, а на вечеръ просилъ посѣтить его самого на квартирѣ, гдѣ поговорили бы мы и о томъ, какъ написать лучше челобитную.

Радъ я невѣдомо какъ былъ, что узналъ всѣ сіи обстоятельства, и какъ время тогда приближалось уже къ обѣду, то отпустивъ моего друга опять въ свое мѣсто, сталъ я скорѣе одѣваться, чтобы поспѣть къ обѣду къ дальнему родственнику нашему, или паче весьма любящему меня почтенному и любезному старику, Аонасію Левонтьевичу Афросимову, котораго домъ случился тогда всѣхъ ближе быть къ моей квартирѣ. Старикъ и жена его были мнѣ чрезвычайно рады. Они не могли довольно изъявить мнѣ удовольствія своего о томъ, что я былъ тогда упра-

вителемъ уже Богородицкой волости; и какъ имъ по смежеству ихъ деревни съ сею волостью было до меня и не безъ нуждицы, то удвоили они ко мнѣ прежнія свои ласки и благопріятство и просили меня невѣдомо какъ, чтобы я во время тогдашняго пребыванія моего въ Москвѣ, а особливо живучи такъ близко отъ нихъ, приѣзжалъ къ нимъ какъ можно чаще, и хотя-бъ всякой день какъ въ свой домъ обѣдать и ужинать. Впрочемъ, подтвердилъ мнѣ и сей старикъ все сказанное мнѣ Оедоровымъ и совѣтовалъ мнѣ также повидаться напередъ съ Князевымъ и ему обо всемъ объясниться на словахъ.

Отобѣдавъ у сихъ почтенныхъ и любезныхъ стариковъ, полетѣлъ я въ межевую и имѣлъ тамъ неожиданное удовольствіе найти въ числѣ секретарей одного изъ прежнихъ своихъ знакомцевъ, а именно господина Селижарова, бывшаго прежде секретаремъ въ серпуховской конторѣ, и съ которымъ я имѣлъ случай тамъ очень коротко познакомиться и нѣсколько разъ его угощать у себя. Сей, увидѣвъ меня, обрадовался какъ бы родному, вспомнилъ все наше прежнее знакомство, и услышавъ о моей нуждѣ жалѣлъ, что дѣло сіе не у него въ повѣсть, но у секретаря Соколова, но съ которымъ взялся онъ меня познакомить; и схватя въ тотъ же часъ за руку, повелъ меня въ ту комнату, гдѣ тотъ секретарь находился, и отрекомендовалъ ему меня, какъ лучше требовать не можно. Въ семъ незнакомомъ мнѣ до того секретарѣ нашелъ я человека молодого, но такого, которой съ самаго начала мнѣ, а я ему полюбился. Помоглокъ тому весьма много то, что онъ, будучи охотникъ до книгъ и человекъ любопытной и услышавъ отъ Селижарова многія обо мнѣ похвалы, а особливо въ разсужденіи моей учености, тотчасъ сталъ обходиться со мною съ отмѣнною ласкою и уваженіемъ; а сіе самое вперило и въ меня къ нему любовь и почтеніе. Онъ не успѣлъ услышать о моей нуждѣ, какъ общалъ съ своей стороны дѣлать мнѣ всякое вспомошествованіе, и чтобы свободнѣе обо всемъ нуж-

номъ касающемся до сего дѣла перего-
ворить, просилъ меня, чтобъ я утромъ въ
послѣдующій день побывалъ у него на
квартирѣ.

Будучи крайне доволенъ, что дѣло мое
начало такъ хорошо и удачно основыва-
ться, поѣхалъ я изъ межевой къ ста-
рику моему князю, у котораго я еще не
былъ. Князь и обрадовался меня увидѣвъ,
и удивился моему неожиданному приѣзду,
и подумалъ сначала не сдѣлалось-ли чего
въ волости; но какъ я посиѣшилъ ска-
зать, что тамъ все благополучно и всѣ
дѣла идутъ своимъ порядкомъ и какъ
лучше требовать не можно, а потомъ сталъ
просить извиненія въ томъ, что безъ его
дозволенія отлучился и говорилъ, что меня
принудила къ тому нечаянная и крайняя
нетерпящая времени нужда, то онъ не
только охотно меня въ томъ извинилъ,
но услыхавъ о моей нуждѣ, похвалилъ
еще, что я къ нему о томъ напередъ не
отписывался и сказалъ, что я могу про-
быть въ Москвѣ столько времени, сколь-
ко требовать будетъ моя нужда, но съ
тѣмъ только условіемъ, присовокупилъ онъ
усмѣхнувшись, чтобъ я за вину мою какъ
можно чаще къ нему приѣзжалъ и помо-
галъ ему провождать въ разговорахъ со
мною время.

Легко можно заключить, что условіе
сіе было мнѣ непротивно, и я съ радо-
стію обѣщалъ ему исполнить его желаніе,
и посидѣвъ у него, успѣлъ въ тотъ же
еще день побывать у знакома моего, г. Фе-
дорова, и посѣтить его на смиренной
квартирѣ оного.

Итакъ, поутру на другой день, что бы-
ло 27 іюля, благословясь и началъ я пи-
сать начерно челобитную и написавъ,
ходилъ къ секретарю Соколову, жив-
шему по счастью не далеко отъ меня. Сей
принялъ меня очень ласково, и какъ я
увидѣлъ противъ ожиданія у него цѣлой
шкафъ, наполненной книгами, то и пошли
у насъ тотчасъ разговоры объ нихъ, и сіе
сдружило насъ съ нимъ еще болѣе. Послѣ
того рассказалъ я ему въ подробности
все дѣло, написавъ маленькой абрисъ по-
ложенія всей тамошней стени и упомяну-

тымъ проданнымъ землямъ и урочищамъ,
съ показаніемъ, гдѣ лежитъ и мнѣ про-
данная земля. Онъ, выслушавъ все и раз-
смотрѣвъ, покачалъ только головою и по-
дивился непомѣрной алчности Пашкова,
говоря: «Не сума ли этотъ человѣкъ
сошелъ! какая бы ему нужда васъ тро-
гать и до вашего Ложечнаго касаться...
Нельзя-ль бы ему было и безъ него обой-
тись!... Чудной по истинѣ человѣкъ!»
Потомъ, разсмотрѣвъ мою черную чело-
битную и одобривъ, сказалъ, чтобъ я при-
готовилъ ее къ завтраму и повидался бы
напередъ съ Анисимомъ Титочемъ и
сказалъ ему, что онъ скажетъ.

Какъ симъ образомъ дѣло отстрочилось
до утра, то возвратясь отъ секретаря
поѣхалъ я въ ряды для исправленія нѣ-
которыхъ покупокъ. Тамъ нечаянно по-
встрѣчался я съ другомъ моимъ Иваномъ
Яковлевичемъ Сабуровымъ. Сей ничего
еще не зная о плутовской покупкѣ Паш-
кова, и услыхавъ отъ меня невѣдомо
какъ встревожился, и спрашивалъ у меня
совѣта, что имъ при семъ случаѣ дѣлать?
Но какой совѣтъ могъ я ему подать, не
зная самъ еще, какой ходъ возымѣетъ
то дѣло. Итакъ, поговоривши и погоре-
вавъ о новой предстоящей всѣмъ намъ
отъ Пашкова напасти, разстались мы
въ сей разъ со взаимнымъ сожалѣніемъ,
что ни ему по его обстоятельствамъ не
можно было никакъ въ свою Калиновку
въ сей годъ ѣхать, и мнѣ также не мож-
но отъ своей должности отлучиться. Рас-
проставшись съ нимъ, заѣзжалъ я въ уни-
верситетъ, гдѣ хотѣлось мнѣ видѣться съ
знакомцемъ моимъ г. Приклонскимъ,
но не заставъ его дома, проѣхалъ опять
къ старику моему князю.

У него просидѣлъ я нѣсколько часовъ
и мы проговорили съ нимъ о наступаю-
щемъ открытіи тульского намѣстничества.
Я рассказывалъ ему все относящееся до
приѣзда къ намъ намѣстника, и о намѣ-
реніи его отнять у насъ изъ Богородицка
Пушкарской и Стрѣлецкой слободы, и о
предлагаемомъ имъ пріискиваніи въ замѣ-
нъ ихъ другихъ казенныхъ селеній. И
какъ сіи были у меня уже и пріисканы

и на примѣтъ не только смежные съ Богородицкою волостью, но отчасти посреди оной лежащія, то съ сей стороны былъ князь усердіемъ моимъ доволенъ. Когда-жъ дошелъ у насъ разговоръ до флигеля, то сказалъ князь: «Ну что-жъ, ежели успѣемъ отдѣлать, такъ пускай себѣ съ Богомъ занимаютъ, а только бы не сожгли намъ они его; а въ удовольствіе намѣстника можно нѣсколько и поспѣшить!» Отъ князя заѣхалъ я и къ другому моему старику г. Афросимову, и у него ужиналъ. Сей также не могъ со мною обо всемъ довольно наговориться.

Наконецъ настало 28 число, въ которой день надлежало мнѣ ѣхать къ Князеву. Я его никогда еще не видывалъ и любопытенъ былъ видѣть, какъ онъ меня приметъ; но признаюсь, что не ожидалъ ничего хорошаго. Но какъ я удивился, когда ходившій докладывать ему обо мнѣ человекъ, выбѣжавъ съ поспѣшностію тотчасъ назадъ, звалъ меня къ нему въ кабинетъ, и не успѣлъ я войти, какъ онъ первымъ словомъ меня встрѣтилъ: «Не тотъ ли я Болотовъ, которой такъ много по экономическимъ своимъ сочиненіямъ сдѣлался извѣстенъ въ Петербургѣ и во всей Россіи?» И лишь только я сказалъ, что это я, какъ бросился меня цѣловать, говоря: «А! батюшка, Андрей Тимоѣевичъ, какъ я радъ, что имѣю удовольствіе васъ видѣть,—такъ давно уже я васъ по сочиненіямъ вашимъ знаю и желаю съ вами познакомиться... пожалуйста, сядьте и поговоримъ съ вами».

Легко можно заключить, что таковой ласковой и неожиданой пріемъ былъ для меня крайне пріятенъ, и я чувствовалъ себя власно какъ на вершокъ больше выросшимъ. Я соответствовалъ ласкѣ его взаимными привѣтствіями и препорученіемъ себя въ его благоволеніе и милость. А онъ только и твердилъ, что такихъ людей какъ я въ Россіи очень мало, и что онъ желалъ бы, чтобъ ихъ было больше, и чтобъ многіе изъ дворянъ нашихъ мнѣ подражали. Послѣ того сказывалъ онъ мнѣ, что онъ всѣ мои сочиненія у себя имѣетъ и читаетъ ихъ съ особливимъ удо-

вольствіемъ, и почитаетъ ихъ наилучшими и основательнѣйшими предъ всѣми. Таковая нелестная похвала меня даже пристыдила, но признаюсь, что была и непротивна. Послѣ чего и начался у насъ съ нимъ тотчасъ разговоръ о книгахъ и о дѣлахъ ученыхъ, и онъ, будучи до нихъ охотникомъ, чѣмъ далѣе со мною говорилъ, тѣмъ множайшее находилъ удовольствіе, такъ что мы чрезъ нѣсколько минутъ такъ съ нимъ познакомились, какъ бы давно уже знакомые люди и добрые пріатели между собою. Наконецъ спросилъ онъ меня, не нужда ли какая оторвала меня отъ моего мѣста и привела къ нимъ въ Москву?—«Конечно нужда! и нужда собственно до васъ, батюшка, Анисимъ Титовичъ», сказалъ я ему кланаясь.—«Какая такая? подхватилъ онъ: скажите ради Бога! я радъ вамъ всячески служить, ежели отъ меня что зависить». Сіе ободрило и порадовало меня очень и того еще болѣе.—«Что, батюшка, Анисимъ Титовичъ (сказать я): вотъ какое дѣло. За двѣнадцать лѣтъ до сего куплена была у меня изъ межевой канцеляріи государева земля, и какъ она по смежности ко мнѣ мною была завлажена, то заплатилъ за нее и тройную цѣну. Сею землею по силѣ даннаго мнѣ владѣннаго указа я и владѣю. Но нынѣ увидѣлъ я изъ газетъ, что самая та же земля и въ тѣхъ же самыхъ урочищахъ продана другому, совсѣмъ постороннему и съ нею никакого смежества неимѣющему человеку и за одинакую цѣну. И какъ для отмежеванія оной отправленъ уже землемеръ, и я опасуюсь, чтобъ у меня ее не отняли и не отмежевали другому; такъ и прошу васъ, батюшка, Анисимъ Титовичъ, какимъ-нибудь образомъ въ разсужденіи оной меня обезпечить!»

Слова сіи привели его въ изумленіе и онъ, помолчавъ съ минуту, мнѣ сказалъ: «Удивительно мнѣ это, и развѣ какъ-нибудь не выправились и ошиблись; а кому продана она нынѣ?»—«Вонну Васильевичу Нащокину!» сказалъ я, ибо мнѣ не хотѣлось и вида сдѣлать, что я знаю, что земля сія не ему, а Пашкову продана.—«Да, отвѣчалъ онъ на сіе: бесомнѣн-

но есть тутъ какая-нибудь ошибка. Пожалуйте къ намъ въ канцелярію. Я сейчасъ туда ѣду и велю выправиться, и ежели окажется подлинно такъ, то какъ-нибудь уже вамъ пособимъ». — «Очень хорошо!» сказалъ я, и ему откланялся, но онъ не отпустилъ меня не напоивъ чаемъ и не взявъ общанія приѣзжать къ нему еще нѣсколько разъ, также записавъ у себя на бумагѣ записочку о землѣ моей.

«Слава Богу! и на что сего лучше! думалъ я отъ него выходя и ѣдучи въ межевую: — дѣло мое понемножку клеится и идетъ лучше, нежели я думалъ и ожидалъ». Въ межевую не успѣлъ я показаться, какъ оба секретари, Селижаровъ и Соколовъ, приступили ко мнѣ съ вопрошеніями, былъ ли я у Анисима Титовича, и чтѣ онъ сказалъ? И какъ скоро я имъ сказалъ о его приѣмѣ и обо всемъ, какъ оба они мнѣ въ одинъ голосъ сказали: — «Ну, слава Богу, это всего лучше и теперь можемъ мы васъ смѣло поздравить, что дѣло ваше будетъ сдѣлано!» А не успѣли мы рѣчь свою кончить, какъ поглядимъ ѣдетъ и Анисимъ Титовичъ, и какъ ему чрезъ секретарскую въ судейскую проходить надлежало, гдѣ я стоялъ, то онъ и тутъ взглянулъ на меня съ благопріятностію, и по входѣ въ судейскую тотчасъ велѣлъ позвать къ себѣ секретаря и по запискѣ своей приказалъ выправиться. Секретарь мой, выѣжавъ и показывая мнѣ бумажку, сказалъ: «Вотъ уже она!» и тотчасъ велѣлъ посылать дѣлать выpravку. Выправка сія чрезъ нѣсколько минутъ и учинена и секретаремъ Князеву доставлена. А озъ, увидѣвъ справедливость словъ моихъ, и вышелъ тотчасъ самъ въ секретарскую къ намъ, и обратился ко мнѣ, съ особливою благопріятностію мнѣ сказалъ: «Такъ! вы сказали правду! и мы виноваты и были такъ оплошны, что не выправились. Но дѣлу сему пособить можно. Извольте подать челобитную, и мы къ тому же землемѣру пошлемъ указъ, чтобъ онъ напередъ отмежевалъ проданную вамъ землю, а послѣ уже межевалъ про-

чія». — «Очень хорошо!» сказалъ я: челобитная о томъ и готова!» и тотчасъ ее вынувши ему подаль, а онъ и приказалъ секретарю помѣтить и внести ее въ свое время въ докладъ.

Всѣ, увидѣвши такое благопріятное Князева со мною обхожденіе, обратили на меня свои глаза и начали уже меня гораздо болѣе уважать и ко мнѣ изъяслять всякое учтивство. Секретаря же Селижарова такъ сіе обрадовало, что онъ приступилъ ко мнѣ съ просьбою, чтобъ я непременно его въ тотъ день посѣтилъ и къ нему приѣхалъ обѣдать. И какъ время до обѣда оставалось еще много, а мнѣ въ межевой дѣлать болѣе было уже нечего, то разсудилъ я симъ досугомъ воспользоваться и побывать еще для нѣкоторыхъ нуждъ въ городѣ, гдѣ не думано-негадано дожидалось меня новое удовольствіе. Не успѣлъ я войти въ ряды, какъ вдругъ встрѣчается со мною старинной мой спослуживецъ и другъ, Матвѣй Васильевичъ Головачевъ, съ которымъ служилъ я не только въ одномъ полку, но и въ одной ротѣ. Оба мы были тогда еще подпоручиками и жили прямо дружески, любя другъ друга искренно, но съ самаго завладѣнія Пруссіею не видались между собою. Не могу изобразить какъ обрадовались мы много, другъ друга увидѣвъ и узнавъ. Я думаю, не болѣе бы обрадовались родные братья или ближніе родственники, не видавшіеся столь многіе годы. И сколько было тогда у насъ цѣлованья и распрашиванія обо всемъ и обо всемъ другъ друга! Словомъ, минуты сіи были для меня неоцѣненны, и мы разстались неинако какъ съ крайнимъ сожалѣніемъ.

Изъ рядовъ успѣлъ я еще захватить въ университетъ, и отыскавъ господина Приклонскаго, съ нимъ видѣться. Сей кашинской мой знакомецъ былъ мнѣ очень радъ и сообщилъ мнѣ пріятное извѣстіе, что племянницы мои госпожи Травины только что чрезъ Москву проѣхали, ѣдучи ко мнѣ, и съ братомъ своимъ вмѣстѣ въ Богородицкѣ, и что онъ за два только дни до того ихъ видѣлъ. «Ахъ,

какъ мнѣ того жаль! сказалъ я: что я о томъ не вѣдалъ, и теперь они меня тамъ не найдутъ! Но что-жъ, примолвилъ я, по крайней мѣрѣ найдутъ они тамъ моихъ хозяекъ, и неужели не дождутся моего возвращенія и приѣзда отсюда?»

Повидавшись съ г. Приклонскимъ, успѣлъ еще я приѣхать благовременно въ межевую. Всѣ готовились тогда къ выходу, и Селижаровъ, подхвативъ меня, и полетѣлъ къ себѣ въ домъ. Жилъ онъ подъ самымъ почти Донскимъ монастыремъ, итакъ, принуждены мы были съ нимъ чрезъ дѣлюю половину Москвы ѣхать; но за то и угостилъ онъ меня добрымъ и прямо секретарскимъ жирнымъ обѣдомъ, и я ласкою и пріязнію его былъ очень доволенъ, и мы съ нимъ при семъ случаѣ о многомъ-таки кое-о-чемъ поговорили, а особливо о произшествіяхъ при межевой канцеляріи.

Отъ него разсудилось мнѣ заѣхать въ домъ господина Павлова, нашего давнишняго знакома и бывшаго шурина покойнаго дяди моего Матвѣя Петровича, и какъ мы съ симъ домомъ и до того времени продолжали свое знакомство и дружество, то былъ я и въ сей разъ пріемомъ и ласкою сего простодушнаго старика очень доволенъ. Оба они, онъ и жена, благодарили меня невѣдомо какъ, что я ихъ, стариковъ, напомнилъ, и разспрашивали обо всѣхъ моихъ домашнихъ. Вспоминали прежнія времена и частыя наши свиданія, и просили невѣдомо какъ, чтобъ въ случаѣ приѣзда въ Москву вмѣстѣ съ моимъ семействомъ не оставлялъ бы я ихъ своимъ посѣщеніемъ.

Посидѣвъ у нихъ, проѣхалъ я къ старику моему князю. Сей едва завидѣлъ меня, какъ и сталъ спрашивать о успѣхѣхъ моего дѣла, и услышавъ о томъ, какъ меня принялъ Князевъ, порадовался тому искренно, и также не сомнѣвался о успѣхѣхъ моего дѣла. И какъ не хотѣлъ онъ отпустить меня отъ себя безъ ужина, то принужденъ я былъ все достальное время сего дня препроводить у него; которое провели мы съ нимъ въ гуляньѣ

по его прекрасному саду и въ разныхъ пріятныхъ съ нимъ разговорахъ. Словомъ, онъ находилъ въ собесѣдованіи со мною отъ-часу болѣе удовольствія и обходился со мною неинако, какъ бы съ какимъ ближнимъ своимъ родственникомъ.

Симъ кончился тогда сей многими удовольствіями для меня преисполненный день, а вмѣстѣ съ тѣмъ окончу я и письмомъ сіе, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

(Генваря 29-го дня 1809 года).

ПОКУПАНІЕ ЗЕМЛИ.

Письмо 190-е.

Любезный пріятель! Имѣя дѣлу своему столь хорошее и все чаяніе и ожиданіе мое превосходящее начало, какъ много ни надѣялся я, что оно скоро и кончится, однако надежда сія меня обманула и я съ досадою и нѣкоторымъ прискорбіемъ души принужденъ былъ видѣть, что теченіе дѣлъ и въ межевой канцеляріи подвержено было такой же медленности, какъ и во всѣхъ прочихъ судебныхъ мѣстахъ, и что мнѣ необходимо надлежало вооружиться терпѣніемъ и ждать того многіе дни сряду, чтò въ одинъ день могло бы исполниться и произведено быть въ дѣйство. Причиною тому былъ отчасти введенной издавна и свято наблюдаемой старинной шлендріанъ, по которому производятся у насъ всѣ дѣла въ судебныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ, а отчасти стеченіе другихъ случившихся обстоятельствъ. Ибо гдѣ-то надлежало челобитную мою внести съ прочими дѣлами въ докладной реестръ; гдѣ-то воспослѣдовала на нее резолюція; гдѣ-то дѣлали выправку и писали начерно опредѣленіе; гдѣ-то оное разсматривали; гдѣ-то писали набѣло; гдѣ-то всѣ присутствующіе члены оное подписывали; гдѣ-то писали сообразно съ онымъ указы, и гдѣ-то, наконецъ, оное подписывали, записывали и мнѣ вручали!... Итакъ, на все сіе требовалось время, и время очень многое: ибо иного изъ исчисленныхъ пунктовъ и одного мало было однихъ или двое

сутковъ. И какъ къ тому-жъ къ вѣщей досадѣ всѣхъ просителей случились въ сіе время не только суботніе и воскресные, но и самые праздничные дни, въ которые присутствія въ канцеляріи никакого не было, а сверхъ того бывали и отлучки нѣкоторыхъ членовъ, то сіе умножало еще тѣмъ болѣе медленность теченія сего дѣла. А отъ всего того и произошло то, что вмѣсто двухъ или трехъ дней принужденъ я былъ конца сего дѣла дожидаться болѣе десяти дней, и все сіе время мучиться на непомилованную медленность не только досадою, но и сущою тоскою.

И въ самомъ дѣлѣ нельзя изобразить, какъ несносна каждому просителю бываетъ такая медленность, а особливо такимъ, которымъ дорога каждая минута времени и всего нужнѣе поспѣшное производство! И какъ неизъяснимо досадны бываютъ всѣ случающіеся въ то время воскресные и другіе праздничные дни, въ которые суды освобождаются отъ засѣданія и въ которые не бываетъ по дѣламъ никакого производства. Необходимость проживать всѣ такіе дни празднично и безъ всякаго дѣла превращаетъ оныя въ цѣлыя недѣли и въ наискучнѣйшее въ свѣтѣ время. И я самъ, при всей благосклонности ко мнѣ секретарей и главнаго дѣлопроизводителя, замучился бы истинно сею медленностію впрахъ, и не знаю какъ бы сіе время перенести, если-бъ не находилъ средствъ удобныхъ къ прогонянію своей скуки и досады и такихъ занятій, которыя не давали мнѣ почти чувствовать долготы времени. Ибо, что касается до самаго дѣла, то какъ оно производилось въ канцеляріи обыкновенно только по утрамъ до половины дни, то за правило себѣ поставилъ не пропускать ни одного присутственного дня, въ которой бы мнѣ не быть въ канцеляріи, не на часокъ одинъ, по примѣру многихъ, а на все время продолжающагося присутствія. Сіе хотя и стоило мнѣ весьма многого труда, но я уже вооружался терпѣніемъ, вѣдая, что оттого весьма многое зависитъ. Итакъ,

обыкновенно приѣзжалъ я въ канцелярію по утрамъ и до тѣхъ поръ бывалъ, пока оканчивалось присутствіе, и дабы время сіе было мнѣ не такъ скучно, то обыкновенно прискивалъ я тамъ людей, съ кѣмъ-бы я могъ вступать въ разные обо всемъ разговоры. И какъ мнѣ всегда удавалось и находить людей къ тому способныхъ, и я при всѣхъ такихъ случаяхъ старался изъяснять свои знанія, то обыкновенно приманивало сіе къ слушанію нашихъ разговоровъ и самыхъ секретарей и другихъ чиновниковъ. И какъ нерѣдко и сами они въ томъ бирали соучастіе, то самое сіе и ежедневное бываніе и спознакомливало меня съ ними отъ часу болѣе и не только помогало мнѣ безъ скуки проводить время сіе, но и обращалось въ сущестительную мнѣ пользу, какъ то мнѣ не однажды въ жизнь мою испытать случилось.

Но никогда не было мнѣ сіе такъ полезно, какъ при семъ случаѣ. Тутъ чрезъ то самое не только я спознакомился со многими изъ межевыхъ, но и съ самыми посторонними людьми, имѣвшими также какъ я дѣла въ межевой канцеляріи, но пронестекла случайнымъ образомъ оттого для меня совсѣмъ особая и весьма важная польза. Случилось такъ, что ни съ кѣмъ я такъ много всякой день не разговаривалъ, какъ съ бывающимъ также тамъ всякой день господиномъ Муромцовымъ, Селиверстомъ Васильевичемъ. Сей пожилой, умной, но особаго характера человекъ былъ превеликой охотникъ говорить; но какъ онъ столь же хорошо говорилъ по-нѣмецки какъ и я, то мы всякой день схватывались съ нимъ и проводжали по нѣскольку часовъ въ разговорахъ дружескихъ о матеріяхъ разныхъ, простыхъ, экономическихъ, политическихъ и даже самыхъ ученыхъ, наконецъ натурально и о межевыхъ дѣлахъ. Онъ хлопоталъ также о какой-то землѣ, и будучи принужденъ также дожидаться, досадовалъ по-моему и жаловался на медленность. Итакъ, оба мы дѣлили между собою и горе свое, и скуку и досаду. И какъ сіе всего чаще подавало намъ

поводъ говорить о тогдашнихъ произшествіяхъ по межевой канцеляріи, то случись однажды, что онъ, жалѣя обо мнѣ, что я о такомъ маленькомъ клочкѣ и давно уже купленной земли хлопочу, дивился тому, что я не покупаю себѣ земли гдѣ-нибудь побольше и не пользуюсь тогдашнимъ, наиудобнѣйшимъ къ покупанію случаемъ. «Никогда, говорилъ онъ, такого хода на сіе не было какъ теперь, и всѣ хватаютъ себѣ земельки и рвутъ, и едва только успѣваютъ отсыпаться денежками. А тебѣ благо такъ друженъ Анисимъ Титовичъ, да и сей молодецъ (указывая на секретаря) къ тебѣ отмѣнно благосклоненъ, а отъ нихъ двухъ и зависить все дѣло. Нужно бы только имъ захотѣть, какъ дѣло бы и въ шляпѣ тотчасъ было! А и ихъ не трудно заставить того похотѣть: нужно только тому и другому что-нибудь въ руки, разумѣется по куску хорошенькому, такъ и полетитъ дѣло!»—«Что вы говорите!» (воскликнулъ я) Ей-ей, подхватилъ онъ, подумай-ка братецъ!»—«Что думать, сказалъ я: я уже давно о семъ думаю, и мнѣ самому очень бы хотѣлось скупить себѣ земли побольше, но такая бѣда, что не знаю, гдѣ бы удобнѣе и способнѣе себѣ отыскать». — «Этакой ты какой, братецъ! подхватилъ онъ: какъ не найти, если постараться; да коротко, они и сами тебѣ отыщутъ, если захотятъ, а сверхъ того нельзя-ли тебѣ изъ той же-таки степи купить, изъ которой они надѣлили Пашкова такимъ великимъ количествомъ. Неужели неосталось ничего изъ ней за сею покупкою?»—«Какъ не остаться, сказалъ я: осталось, и очень много, но дѣло смахивано и смастерено такъ, что до ней добраться уже не можно. Вся она загорожена кругомъ тѣми узкими, проданными Пашкову на разные имена полосами и для того, чтобъ ему всею достальною можно было воспользоваться даромъ и безъ покупки». — «Изволь смотрѣть, сказалъ онъ: какое плутовство! Но неужели она вся такъ сплошь окружена и загорожена проданными землями, что нигдѣ не осталось никакого маленькаго прогалка и промежутка, а то нужно-бъ имѣть хоть ма-

ленькія воротцы, такъ бы можно было ими водратъся и во все внутреннее пространство».

Сіе слово вдругъ и равно какъ молніею проникло всю мою душу, и произвело въ ней новую и такую мысль, какой я до того совсѣмъ не имѣлъ. «Ба! ба! ба! подумалъ я тогда: что я, вправду, о томъ не подумаю? Уже нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ гдѣ-нибудь прогалинки между купными землями?» И тогда вдругъ гдѣ ни возьмись мысль о Ложечномъ и рѣчкѣ Паникѣ. «Ба! сказалъ я самъ себѣ: Нащокинская-то дача приурочена отъ рѣчки Караваенки только до Ложечнаго, а не далѣе, а Голицынская началась съ верховья рѣчки Паники, а Паника отъ Ложечнаго разстояніемъ версты три или еще болѣе; такъ этотъ промежутокъ можно почестъ и никому еще не проданнымъ! такъ вотъ и желаемые ворота». Обрадовавшись невѣдомо какъ сей внезапной мысли, сообщилъ я ее тотчасъ г. Муромцову, а сей, одобливъ ее, и воскликнулъ: «Ну, вотъ, на что этого лучше, благо такъ еще къ вашей дачѣ кстати и съ нею промежутокъ сей, какъ говорите, смежень! Мой бы, право, совѣтъ пуститься хоть на удачу на сей поискъ, да и поспѣшить бы тѣмъ какъ можно, чтобъ не успѣли они тамъ отмежевать Нащокину и захватить сей прогалокъ». — «А что вы думаете? (сказалъ я), ужъ въ самомъ дѣлѣ не приступить ли о томъ къ просьбѣ?» — «Нечего и медлить (отвѣчалъ мнѣ мой собесѣдникъ): чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше!» — «Да вотъ бѣда! (сказалъ я), продадутъ ли мнѣ еще? ибо мнѣ по числу тамошнихъ моихъ душъ продано полное количество». — «Этакой ты! подхватилъ господинъ Муромцовъ: а развѣ нельзя просить и купить для перевода туда другихъ и множайшихъ людей изъ другихъ деревень? И всѣ такъ-то покупаютъ; такъ нечего долго думать, приступай-ка мой другъ съ Божіею помощію къ дѣлу; а хотя-бъ и заупрямились, такъ сотенку сему молодцу въ руки, да старику-то сотенки три-четыре, такъ въ мигъ и скинуть тысячка десятины». — «Я бы и за

полторы не постоялъ, сказалъ я: естли-бъ только пошло дѣло на ладъ. Тысяча десятинъ и не того стоятъ! Я бы и Богъ знаетъ какъ обрадовался».

Въ самое то время какъ мы сіе говорили, и подоиди къ намъ, равно какъ нарочно, секретарь Соколовъ, и дружески спросилъ: о чемъ мы разговариваемъ? «Что! сказалъ ему на сіе г. Муромцовъ Андрей Тимоѣевичъ все горюетъ о томъ, что у него земли мало!» — «Какъ мало? подхватилъ Соколовъ: да у него есть купленная, которую онъ получить вѣрно». — «Да что это, этой ему и на квасъ мало!» сказалъ г. Муромцовъ. — «Ну, такъ для чего-жъ не покупаетъ онъ у насъ себѣ еще болѣе?» — «Ахъ, батюшка, Иванъ Алексѣевич! подхватилъ я: о томъ-то у насъ и слово. Вотъ сдѣлали бы вы мнѣ милость и на вѣкъ одолжили, естли-бъ помогли мнѣ въ томъ». — «Зачѣмъ дѣло стало? сказалъ г. Соколовъ: благо самъ Анисимъ Титовичъ къ вамъ такъ благосклоненъ. Да гдѣ-жъ бы вамъ и сколько купить хотѣлось?» — О томъ-то у насъ, сказалъ я, и разговоръ былъ; нельзя ли, батюшка, мнѣ тутъ же какъ-нибудь прилгнуть, гдѣ продана Пашкову на имена разные? — «Не знаю, подхватилъ секретарь, объ этомъ надобно подумать. Но есть развѣ тутъ за учиненными имъ продажами еще лишняя?» — «Есть, батюшка! и очень еще много, и противъ самыхъ моихъ земель есть кусокъ, никому еще не проданной, и съ меня было бы уже того довольно». — «А сколько бы вамъ хотѣлось?» — Десятинъ хоть бы тысячу. — «Ну, такъ зачѣмъ же дѣло стало? просите; а того бы еще лучше, поговорить бы вамъ о томъ лучше напередъ съ Анисимомъ Титовичемъ, и какъ скоро будетъ на то его воля, то мы въ одинъ мигъ вамъ ее сварганимъ!» — «А я бы, батюшка, былъ обоимъ вамъ благодаренъ за то, сказалъ я потихоньку и пожалъ ему руку». Соколовъ мой тотчасъ догадался, что сіе значить, и въ тотъ же мигъ мнѣ сказалъ: «Право, нечего бы и медлить, пожалуйста-ка вы завтра поутру ко мнѣ: такъ бы мы начеркали и челобитную о томъ».

Не могу изобразить, какъ обрадовался я, видя отъ секретаря такую къ себѣ благосклонность, и подивившись нечаянности сего случая, натурально не сталъ и дѣйствительно медлить, но въ слѣдующее-жъ утро полетѣлъ къ секретарю; и какъ я ему безъ дальнихъ обиняковъ обѣщалъ навѣрное сотню рублей за вспоможеніе, то въ одинъ мигъ придумано, какъ и расположить все это дѣло, и начеркнута черная челобитная; а съ нею въ тотъ же часъ полетѣлъ я и къ г. Князеву.

Сей принялъ меня, какъ знакомаго уже человѣка, съ отмѣнною благопріятностью. Но благосклонность его еще больше увеличилась, когда поднесъ я ему сочиненія моего книжку «Дѣтскую Философію», о которой мы въ прежнюю бытность мою у него съ нимъ говорили и которую ему очень видѣть желалось; почему я тогда-жъ велѣлъ переписчику одинъ экземпляръ оной переплестъ въ наилучшій переплетъ, и какъ она около сего времени была уже готова, то я, взявъ ее съ собою, при семъ случаѣ его ею и подарилъ, и сей ничего незначущій подарокъ замѣнилъ мнѣ нѣсколько сотъ рублей. Князевъ былъ имъ очень доволенъ и поблагодарилъ меня за него, а потомъ, поговоривъ со мною кой-о-чемъ относящемся до наукъ и литературы, спросилъ наконецъ меня, что дѣлается теперь въ межевой по моему дѣлу. А сіе и подало мнѣ поводъ приступить къ нему съ новою просьбою и сказать:

— Что, батюшка, Анисимъ Титовичъ? дѣло мое по милости вашей идетъ съ успѣхомъ. Но я не смѣю васъ, батюшка, утруждать еще одною просьбою! на вѣкъ бы вы меня одолжили и заставили-бъ не только меня, но и всѣхъ потомковъ моихъ имя ваше благословлять. — «Что такое?» спросилъ меня Князевъ. — Земельки-та сей, отвѣчалъ я, для меня чрезвычайно мало: такое несчастіе, что всѣ мои небольшія деревнишки вездѣ малоземельны и оттого бездоходны; итакъ, не можно-ль вамъ сдѣлать милость и продать мнѣ еще земли.

на которую бы я могъ всѣхъ лишнихъ людей перевести? — «Для чего не продать? подхватилъ онъ: да гдѣ-жъ бы вамъ хотѣлось?» — «Ежели-бъ милость сдѣлали, такъ тутъ же бы, гдѣ продана господину Нащокину и прочимъ». — «Да развѣ есть тамъ еще оставшаяся за продажей?» — спросилъ онъ. — «Есть, и довольно еще много! — «Очень хорошо! а сколько-бъ вамъ хотѣлось?» — «Десятинъ хоть бы тысячу, ежели-бъ была только ваша милость». — «Изволь, судырь! изволь! (сказалъ онъ усмѣхнувшись), съ удовольствіемъ вамъ и это сдѣлаю, а подайте только о томъ челобитную».

Удивился я такому скорому обѣщанію, и поѣхавъ отъ него съ неописаннымъ удовольствіемъ, въ тотъ же день написалъ челобитную и подалъ, прося, чтобъ повелѣно было мнѣ и отмежевать ее тому же самому землеѣру. А назначилъ я въ просьбѣ моей самый тотъ прогалокъ между верховьями Ложечныхъ-буераковъ и рѣчки Паники. И какъ секретарю сотенку рублей бумажками въ руки всунулъ, то полетѣло и сіе мое второе дѣло такъ скоро, что догнало почти первое.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ по поводу сей моей вторичной и новой просьбы надобно было вновь начинать и производить все дѣло по обыкновенному порядку, то необходимость уже заставляла меня вооружиться терпѣніемъ еще на нѣсколько дней, и прожить въ Москвѣ недѣлю-другую лишнюю. Но сіе терпѣніе было для меня уже сноснѣе, ибо было чего уже дожидаться: новое сіе предстоящее приобрѣтеніе было таково, что я самъ себѣ почти не вѣрилъ, и имѣлъ причину почитать то опытомъ особаго божескаго ко мнѣ благодѣянія, и благодарить его за то.

Итакъ, покада дѣло сіе производилось, употреблялъ я все праздное мое время на разъѣзды по моимъ друзьямъ, роднымъ и знакомымъ, и не было ни одного дня, въ которой бы я обѣдалъ или ужиналъ дома, а либо у старика своего князя, либо у г. Афросимова, либо у Павлова. Кромѣ сихъ, былъ я нѣсколько разъ и у друга своего г. Салтыкова. Но ни у

кого я такъ часто не бывалъ какъ у своего командира князя, которой всегда бывалъ мнѣ радъ какъ родному и интересовался моимъ дѣломъ такъ, что хотѣлъ знать всякой день, чтѣ у насъ дѣлается. Благосклонность его ко мнѣ была такъ велика, что не успѣлъ онъ услышать, что мнѣ обѣщали продать еще 1,000 десятинъ земли, какъ порадовавшись тому, спросилъ меня: не вознадобятся ли мнѣ для сей покупки деньги? и какъ скоро я сказалъ, что конечно вознадобятся, и что я, не зная такого благополучія, ими съ собою не запасаю, то сказалъ мнѣ, чтобъ я о томъ не заботился, а бралъ бы у него сколько мнѣ надобно будетъ, а возвратилъ бы ему ихъ при удобномъ случаѣ. Симъ избавилъ онъ меня отъ заботъ по сему предмету, и я дѣйствительно получивъ тогда ихъ, тотчасъ въ казну за землю 1,000 рублей и съ слѣдующими пошлинами и внесъ.

Впрочемъ, озабочивался я очень предстоящимъ скорымъ отъѣздомъ князя въ нашу сторону и боялся, чтобъ меня дѣло сіе не задержало въ Москвѣ. Но къ особливому моему удовольствію и съ сей стороны я скоро былъ успокоенъ. Князю что-то вздумалось ѣзду свою къ намъ въ сіе лѣто отложить, чѣмъ я весьма и доволенъ былъ: ибо чрезъ то избавился я не только отъ многихъ хлопотъ, съ его приѣздомъ и угощеніемъ у насъ сопряженныхъ, но и могъ пробыть въ Москвѣ столько, сколько требовали тогдашнія обстоятельства.

Въ сіе время вздумалось князю свозить меня однажды въ загородной свой домъ на Студенецѣ, гдѣ былъ у него прекрасной прудъ. И какъ утѣшался онъ тамъ рыбною ловлею, то имѣлъ я тутъ въ первой и послѣдній разъ въ жизни удовольствіе видѣть пойманнаго неводомъ превеликаго живого осетра, чтѣ представляло зрѣлище рѣдкое и удивительное. Съ нами былъ тутъ вмѣстѣ и любимой сынъ княжой, князь Сергѣй Сергѣевичъ, которой и при семъ случаѣ оказывалъ себя такимъ гордецомъ и высокомернымъ человѣкомъ, что я, несмотря на всю ласку старого

князя, недостоевъ былъ отъ него ни единымъ даже словомъ, а не только какимъ-либо привѣтствіемъ, что приводило меня не только въ удивленіе, но и въ нѣкоторую на него досаду, не многимъ чѣмъ отъ внутренняго презрѣнія отдаленную. Изъ сего загороднаго домика ѣздили мы съ княземъ еще въ садъ князя Хованскаго, гдѣ засмотрѣлся я многимъ-многимъ мною невиданнымъ вещамъ, и научился кой-чему изъ разговоровъ съ тамошнимъ искуснымъ садовникомъ.

Кромѣ сего случилось мнѣ въ сіе праздное время побывать и у прежней нашей кіясовской знакомки, генеральши Натальи Александровны Олицовой, случившейся тогда быть въ Москвѣ. Она обрадовалась мнѣ какъ бы родному, и я пріемомъ и угощеніемъ ея былъ очень доволенъ; но того еще болѣе имѣлъ удовольствія, отыскавъ одного изъ кѣнигсбергскихъ моихъ товарищей и спослуживцевъ, а именно налюбимѣйшаго изъ всѣхъ тамошнихъ собесѣдниковъ моихъ господина Олина, Александра Ивановича. Онъ служилъ въ сіе время въ ревизіонъ-коллегіи, и неописанно обрадовался увидѣвъ меня передъ собою совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. И какъ жили мы съ нимъ подлинно какъ друзья, то свиданіе сіе было для обоихъ насъ крайне пріятно. Онъ не могъ довольно возблагодарить меня, что я его отыскалъ въ его присутственномъ мѣстѣ и убѣдилъ просьбою, чтобъ я побывалъ у него и на квартирѣ подлѣ Сухаревой башни въ домѣ купца Пташкина, гдѣ и угостилъ онъ меня прямо дружески, и мы съ нимъ нѣсколько часовъ провели въ разговорахъ о томъ, какъ мы живали съ нимъ въ Кѣнигсбергѣ.

Кромѣ сего, пользуясь свободными часами, а особливо въ субботніе, воскресные и праздничные дни, въ которые не было засѣданія, или когда за отсутствіемъ котораго-нибудь изъ присутствующихъ въ межевой мнѣ дѣлать было нечего, и я долженъ былъ брать свое приѣзжичье къ терпѣнью, имѣлъ я нечаянной случай спознакомиться съ однимъ новымъ кни-

гопродавцемъ г. Вейтбрехтомъ, чело-вѣкомъ молодымъ и такъ меня полюбившимъ, что я вошелъ съ нимъ въ нѣкоторыя связи. И, во-первыхъ, отдалъ ему всѣ излишніе свои экземпляры «Дѣтской Философіи» для продажи въ его лавкѣ; во-вторыхъ, условились мы съ нимъ, чтобъ онъ мнѣ давалъ изъ лавки своей разныя нѣмецкія и французскія книги для прочитыванія съ тѣмъ, чтобъ я, прочитавъ оныя, ему возвращалъ; и какъ я ему обѣщалъ ту выгоду, что получивъ отъ него оныя безъ переплета, буду ему возвращать ихъ уже переплетенныя въ папку, то былъ онъ тѣмъ такъ доволенъ, что снабжалъ меня книгами своими не только во все время тогдашняго пребыванія моего въ Москвѣ, но отпустилъ со мною множество ихъ и въ Богородицкѣ; а потому и всѣ тѣ часы, которые бывалъ я дома на квартирѣ, не пропадали тщетно, но я занимался въ оныя чтеніемъ сихъ новыхъ и мнѣ еще незнакомыхъ книгъ.

Но сего было еще недостаточно, а мы затѣяли-было съ нимъ нѣчто и важнѣйшее. А именно: будучи крайне недоволенъ чрезвычайною медленностію печатанія экономическихъ моихъ сочиненій въ «Трудахъ Экономическаго Общества», и неспособностію къ пересылкѣ ихъ по почтѣ въ Петербургъ, да и самую невозможностію обременять ихъ многими сочиненіями, а имѣя на примѣтѣ великое множество вещей, о которыхъ мнѣ можно-было писать, уже давно занимался я мыслями о томъ, нельзя-ль бы мнѣ было издавать всѣ мои сочиненія образомъ особаго журнала, такимъ же образомъ, какъ издаются журналы въ земляхъ иностранныхъ. Но не имѣя въ Москвѣ никакого знакомаго чело-вѣка, способнаго къ тому, чтобы взять на себя попеченіе о печатаніи онаго, принужденъ былъ оставаться до сего при единыхъ мысляхъ и желаніи, относящихся до такого предпріятія. А какъ сей нѣмецъ показался мнѣ къ тому способнымъ, и охотно хотѣлъ вступить и самъ со мною въ сіе дѣло, то по нѣсколькихъ о томъ съ нимъ

переговорахъ и согласились мы съ нимъ обо всемъ нужномъ; и какъ положили приступить къ изданію сему съ наступленія послѣдующаго за симъ 1778-го года, то при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы и оставилъ-было я ему и написанное объявленіе для напечатанія въ газетахъ. Но изъ дѣла сего не вышло ничего. Съ человѣкомъ симъ случилось какое-то несчастье и онъ принужденъ былъ чрезъ нѣсколько времени послѣ отъѣзда моего скрѣпиться, и я имѣлъ досаду не только видѣть предпріятію своему съ самаго начала остановку, но лишиться и всѣхъ данныхъ ему своихъ книгъ для продажи, и за тѣ немногія французскія книги, которыя у меня остались отъ него для чтанія присланными, заплатилъ убыткомъ симъ очень дорого.

Наконецъ 11-го августа имѣлъ я удовольствіе видѣть свой владѣнной указъ на 1,000 десятинъ проданной мнѣ земли подписанной, и за отлучкою младшаго члена г. Сулемы самимъ генераломъ Ивашевымъ. Въ семъ случаѣ помогъ мнѣ случайнымъ образомъ сосѣдъ мой Иванъ Ѳомищъ Хрущовъ, случившійся быть тогда въ межевой канцеляріи, и по знакомству своему съ симъ генераломъ убѣдившій его просьбою подписать указъ мой вмѣсто младшаго члена. Но какъ кромѣ сего надлежало указъ сей явить въ вотчинной коллегіи, также выпросить изъ межевой указъ къ тому-же землемѣру для отмежеванія мнѣ и сей проданной земли, то и для сего необходимо надобно мнѣ было прожить въ Москвѣ еще болѣе недѣль.

Напослѣдокъ кончилъ я благополучно и снъ всѣ дѣла, и осталось мнѣ только возблагодарить г. Князева за оказанное мнѣ одолженіе. Какъ я не сомнѣвался, что и съ меня возьметъ онъ также, какъ и съ другихъ за проданную мнѣ землю, то завернувъ 300 рублей ассигнаціями въ бумажку, поѣхалъ я къ нему, и при распрощаніи съ нимъ, принося благодаренія мои, подносилъ ему оныя. Но онъ въ разсужденіи меня такъ былъ честенъ, что ни подъ какимъ видомъ

взять не согласился, а говорилъ, что онъ за особое удовольствіе считаетъ, что ему случай допустилъ мнѣ услужить, и что онъ очень тому радъ и просить, чтобъ я всегда его помнилъ и почиталъ своимъ другомъ.

Легко можно заключить, что сіе было для меня непротивно. Триста рублей не составляли бездѣлки и годились мнѣ на иное. Итакъ, удивившись и обрадовавшись тому, разстался я съ симъ новымъ своимъ благодѣтелемъ въ полномъ удовольствіи, которое было для меня тѣмъ чувствительнѣе, что и оное доставила мнѣ небольшая моя ученость и охота къ наукамъ.

Такимъ образомъ, распрощавшись потомъ и съ старикомъ-княземъ, моимъ командиромъ и со всѣми моими московскими знакомцами и друзьями, въ исходѣ августа поѣхалъ я изъ Москвы, и заѣхавъ на самое короткое время опять въ свое любезное Дворянново, благополучно возвратился въ Богородицѣ.

Тамъ встрѣтило меня то удовольствіе, что я нашелъ у себя кашинскихъ своихъ родныхъ, приѣхавшихъ безъ меня для свиданія съ нами и съ превеликимъ нетерпѣніемъ меня дожидавшихся. Съ ними былъ и жившій прежде того у меня племянникъ мой Александръ Андреевичъ Травинъ, но которой гость чуть-было чуть не лишилъ меня единственнаго моего сына Павла и съ нимъ наивеличайшаго удовольствія въ свѣтѣ. Какъ племянницы мои съ нимъ прожили у меня тогда болѣе трехъ недѣль, и сему молодцу была безъ меня своя воля, то однажды сѣвши на какія-то туртыжныя дрожки, и подхватя малютку моего сына съ собою и безъ человѣка, пустился съ нимъ одинъ въ лѣсъ для катанья или гулянья. Они проѣздили съ нимъ нѣсколько часовъ, и будучи въ такъ-называемомъ Балахонскомъ лѣсу заѣхали гдѣ-то въ такое топкое и вязкое мѣсто, что съ лошадыю и дрожками увязли, и оттого принуждены были съ нимъ сходить и долгое время стоять по колѣна почти въ грязи и въ водѣ, покуда могли

высвободить свою лошадь и дрожки. Но чего, будучи оба малолѣтними, не могли-бъ они никакъ сдѣлать, еслибъ не помогъ имъ въ этомъ одинъ мужикъ, которому въ самое то время мимо ихъ по дорогѣ проѣзжать случилось; и какъ по несчастію случись тогда погода холодная и время уже вечернее, то малютка сынъ мой и настрадался и такъ простудился, что слегнулъ оттого престокою горячку, едва-было не лишившую его всеѣмъ жизни и настращавшую всѣхъ моихъ домашнихъ такъ, что они не знали, что съ нимъ и дѣлать. Къ особенно-му несчастію, племяннику моему, боявшемуся, чтобъ за то не стали сестры его да и я послѣ бранить, вздумалось тогда все сіе несчастіе съ нимъ утаить, и уговорить къ тому же и сына моего. Посему и не можно было предупредить сему злу какимъ-нибудь отъ простуды лекарствами, что бы мои домашніе и не преминули учинить, естли-бъ о томъ тогда же сказано было. И какъ сынъ мой и тогда еще былъ боленъ, какъ я изъ Москвы возвратился, то сіе много уменьшило мое удовольствіе, чувствуемое при свиданіи съ моими родными. А племяннику моему было такъ совѣстно, что онъ съ того времени у меня уже и не бывалъ ни однажды; ибо векоръ послѣ того записался онъ въ службу, а по простествіи нѣсколькихъ лѣтъ, безъ всякаго согласія и противъ желанія всѣхъ своихъ родныхъ, женился на купеческой дочери, которая и отвела его отъ всѣхъ его родныхъ, и такъ что онъ съ тѣхъ поръ даже и до сего времени со мною ни однажды не видался, и сдѣлался по сему отношенію крайне противъ меня неблагодарнымъ. Сынъ же мой хотя тогда и выздоровѣлъ, но остатки болѣзни такъ въ него внѣдрились, что имѣли нѣкоторое вліяніе на всю его жизнь, и много къ слабому его здоровью споспѣшествовали.

Племянницы мои по возвращеніи моемъ изъ Москвы не долго у насъ уже пробыли, но повидавшись со мною, поѣхали опять въ свое кашинское жилище. А я, оставшись и нашедъ всѣ дѣла по волости въ

порядкѣ и текущими какъ надобно, первымъ долгомъ для себя почелъ отправить скорѣ полученные указы къ землемѣру съ нарочнымъ въ шадскую свою деревню, приказавъ тотчасъ меня увѣдомить, какъ скоро межевщикъ въ тамошнее мѣсто для отмежеванія прибудетъ.

Сіе и воспослѣдовало гораздо скорѣ, нежели я думалъ и ожидалъ; ибо не успѣло еще и двухъ недѣль пройти послѣ моего приѣзда, какъ и прискакали ко мнѣ нарочные оттуда гонцы съ извѣстіемъ, что Иашковъ межевщика привезъ и уже начинаетъ межеваться, и потому просили меня, чтобы поспѣшилъ и я туда колико можно скорѣ. Нельзя изобразить, какъ сильно перетревоженъ я былъ симъ извѣстіемъ. Я получилъ его находясь въ гостяхъ у господина Кирѣева на крестинахъ и сидючи за столомъ во время обѣда, и смущеніе мое было такъ велико, что не пошла и ѣда на умъ. Словомъ, обстоятельства были таковы, что я принужденъ былъ бросить и покидать опять все и разставаться вновь съ своими родными и домашними и скакать опять въ свою шадскую деревню.

По счастию истребовалъ я на то предварительно дозволеніе отъ князя моего командира. Итакъ, не долго думая и сдѣлавъ на время отсутствія своего всѣ нужные распоряженія, въ половинѣ сентября мѣсяца въ сей дальній путь свой и отправился.

Ѣзда моя была благоуспѣшна, и какъ во время оной не случилось со мною никакихъ важныхъ и особеннаго замѣчанія достойныхъ происшествій, то и расскажу объ оной въ короткихъ только словахъ. Ѣхалъ я туда въ сей разъ уже не на Елифанъ, а прямо на Данковъ, а отъ онаго уже на Рапелбургъ и такъ далѣе на Козловъ и на Тамбовъ. Въ деревнѣ своей нашелъ я обиталище для себя уже гораздо покойнѣйшее передъ прежнимъ; по приказанію моему куплена была въ предлѣдующіе передъ тѣмъ годы довольно просторная бѣлая свѣтлица съ тремя красными окошками, и поставлена на лучшемъ и красивѣйшемъ мѣстѣ подлѣ

двора моего. Итакъ, жить мнѣ было уже гораздо покойнѣе и лучше. Но приѣздъ мой былъ и въ сей разъ совсѣмъ почти по пустому. Пашковъ хотя подлинно привезъ взятаго на свой коштъ землемѣра, и началъ-было дѣйствительно отмежевывать себѣ проданныя ему на имя разныхъ особъ земли, но повстрѣчалось съ нимъ при самомъ началѣ неожиданное и такое препятствіе, что межеванье принуждено было остановиться или паче совсѣмъ прерваться, и чему наиболѣе былъ онъ самъ причиною, а именно.

Будучи нисколько недоволенъ тѣмъ, что можно-бы ему было безспорно и безъ всякаго помѣшательства тысячъ пятнадцать десятинъ изъ сей степи намежевать, въ чемъ не могъ бы ему никто и никакъ воспрепятствовать, естли-бы только пошелъ онъ прямымъ путемъ, или все дѣло стать производить законнымъ порядкомъ, а по безпредѣльной алчности и ненасытимости своей возжелалъ не только всею тамошнею обширною и ковыломъ порослою степью овладѣть безданно-безпошлинно, но сверхъ того все проданное ему на разные имена количества земли, простирившееся до одиннадцати тысячъ десятинъ, вырѣзать изъ сосѣдственныхъ дачныхъ и распашныхъ земель, слѣдовательно получить себѣ не только земли гораздо множайшее количество, но воспользоваться многими тысячами десятинъ чужими руками распаханной земли, съ крайнимъ вредомъ и пагубительнѣйшею обидою сосѣдственнымъ дворянамъ. И дабы сей злодѣйской умыслъ можно-бы было ему удобнѣе произвести въ дѣйство, то отыскалъ и межевщика такого же бездѣльника и прямо на свою руку. Ибо не одинъ честной и сколько-нибудь совѣстной человѣкъ никакъ не хотѣлъ съ нимъ связываться и войти въ такое мошенническое дѣло; почему назначенной-было къ тому межевщикъ господинъ Нестеровъ прямо отъ того отказался, и онъ принужденъ былъ отыскивать и обѣщаніями большого награжденія соблазнять другого, и къ несчастью нашему ему и удалось найти

таковаго. Былъ онъ нѣкто г. О कोरोковъ, и прямо запометной и нѣмъ въ межевой не уважаемой, но на всякое зло способной человѣкъ. Итакъ, приѣхавъ съ нимъ и боясь, чтобъ сосѣди, по примѣру прежнему, не помѣшали имъ плутовать своими спорами, предпріяли они употребить обыкновенную плутовскую уловку, а именно: все межеванье производить почти потаеннымъ и скоропоспѣшнѣйшимъ образомъ, или не давъ никому по обыкновенію напередъ знать, не дождавшись ни отъ кого повѣренныхъ, и не принимая ни отъ кого споровъ межевать не пѣшкомъ, по обычаю ходючи, а скачучи верхами на лошадяхъ и отрѣзывая у всѣхъ земли безъ всякаго отвода, а какъ самому ему хотѣлось и самымъ наглýmъ и насильственнымъ образомъ.

И какъ къ особливому его несчастію началъ онъ симъ хватскимъ или прямѣе сказать разбойническимъ образомъ отмежевывать проданную ему на имя князя Голицына и рѣчкою Паникою приуроченную землю, гдѣ не было уже и клочка дикой ковыльной земли, а вся земля была распашенная и принадлежащая разнымъ сосѣдственнымъ къ нашей округи владѣльцамъ, и онъ всю ее началъ отъ нихъ беззаконнѣйшимъ образомъ себѣ отхватывать: то снѣ, не зная о томъ ничего, и не будучи предувѣдомлены, такъ тѣмъ были перетревожены, что сочтя сіе самымъ разбойническимъ дѣломъ, другого въ скорости ничего не нашли, какъ соотвѣтствовать ему такою же наглостію и буйствомъ, и скопившись въ множествѣ напали на землемѣра и на всю его межевую команду, и ну всѣхъ какъ злодѣевъ бить, и не только всѣхъ ихъ разсѣяли и разогнали, но отбили у нихъ и астролябію и все проче, но многихъ и переранили, а одного изъ бывшихъ при томъ людей убили даже до смерти.

Начальникомъ и предводителемъ такого глупаго, безразсуднаго и безпутнаго дѣла былъ у нихъ нѣкто изъ тамошнихъ зажиточныхъ дворянъ, по фамиліи Хрипуновъ; человѣкъ очень дерзкой и самой хватъ и буйнъ, и нажившій чрезъ то се-

бѣ и превеликія хлопоты, и попавшійся за то подъ судъ, пользы же тѣмъ никакой не произведшій, кромѣ того, что межеванье въ тогдашнюю осень прервалось и Пашковъ принужденнымъ нашелся помышлять о принятіи уже другихъ и надежнѣйшихъ мѣръ.

Все сіе произошло за нѣсколько дней до моего туда приѣзда. Я, услышавъ о томъ, не могъ глупости господина Хрипунова и товарищей его довольно удивиться, и невѣдомо какъ былъ радъ тому, что межеванье и буянство сіе происходило въ нѣкоторомъ отъ насъ отдаленіи, и что нашихъ повѣренныхъ, а особливо моего притомъ не было. Сей и поѣхалъ-было тогда на между, но увидѣвъ разбѣжавшуюся уже всюду и всюду и спасенія себѣ ищущую межевую команду, не разсудилъ ѣхать далѣе, но заблагоразсудилъ возвратиться скорѣй домой, дабы не попасть въ свидѣтели и не сдѣлаться въ такомъ незаконномъ дѣлѣ соучастникомъ, за чтѣ я его и похвалить. Что касается до тамошнихъ нашихъ сосѣдей, то сіи не могли по неразумію своему довольно изъявить удовольствія своего о томъ, что произошло такое пораженіе, и отвагу и храбрость господина Хрипунова превозносили до небесъ похвалами. Но я имъ говорилъ, что радоваться имъ не пораженію сему, а тому надлежитъ, что они не имѣли въ томъ никакого соучастія, ибо дѣло сіе возымѣетъ весьма дурныя послѣдствія, и г. Хрипуновъ подвергнется за сіе великому отвѣту, а пользы отъ того ни ему, ни намъ никакой быть не можетъ, что послѣ и дѣйствительно оказалось.

При такихъ обстоятельствахъ, не имѣя никакой причины долго жить въ своей шадской деревнѣ, а посѣщая возвратиться къ своей должности, не сталъ я долго тамъ медлить, а рѣшилъ только послать нарочнаго съ письменнымъ отъ меня ему миролюбивымъ предложеніемъ. Я писалъ къ нему: что какъ землю купилъ и онъ и я, и что тому же землемѣру велѣно отмежевать и мнѣ такъ, какъ и ему, то просилъ я его убѣдительно,

чтобъ онъ дозволилъ землемѣру отмежевать прежде мнѣ проданную землю, въ которомъ случаѣ предлагалъ я ему съ своей стороны слѣдующія условія. Первое, что я въ семъ случаѣ не буду уже входить ни въ какіе споры и ни во что, и оставлю его межевать съ покоемъ и какъ онъ самъ похочетъ. Во-вторыхъ, для себя не требую никакихъ излишковъ, а чтобъ отмежевано мнѣ было только проданное мнѣ количество земли. Въ-третьихъ, расположеніе самой мнѣ проданной земли и фигуру оной предоставляю собственному его назначенію, изъявляя свою готовность быть всѣмъ довольнымъ, какъ бы проданная мнѣ земля ни была протянута, только-бы было мнѣ надлежащее количество отмежевано. Наконецъ, въ-четвертыхъ, что не требую я, чтобъ въ дачѣ моей назначено было сколько-нибудь неудобной земли, а какаѣ бы земля ни была мнѣ отмежевана, горы-ли или буераки или иная какаѣ, но я всякою буду совершенно доволенъ, и что онъ впредь будетъ мною во всемъ совершенно доволенъ.

Вотъ условія, какія предложены были ему въ моемъ письмѣ, а такія же точно предложилъ я въ письмѣ моемъ и къ межевщику; и какъ были они наисходнѣйшія и даже въ нѣкоторомъ отношеніи для меня и предосудительныя, то ласкался было я надеждою, что они что-нибудь подѣйствуютъ и преклонять г. Пашкова къ миролюбивѣйшимъ мыслямъ. Но не таковъ былъ сей алчной и ненасытной корыстолюбецъ, и не на такого челоуѣка я напалъ. Въмѣсто того, чтобъ ему для собственной же своей пользы на предложеніе мое склониться и самому бы еще стараться, чтобъ обезпечить себя отъ меня, какъ отъ противника, могущаго всѣхъ болѣе причинить ему въ бездѣльническихъ замыслахъ его помѣшательство, онъ, получивъ письмо мое, изволилъ только разсмѣяться и съ глупѣйшимъ высокомеріемъ посланному сказать, чтобъ онъ убирался скорѣе изъ его села покуда цѣль, и чтобъ сказалъ мнѣ сіе вмѣсто всего отвѣта. А межевщикъ сказалъ только: что въ сію

осень межеванья никакого не будетъ, и чтобъ я о томъ теперь не заботился.

По полученіи такого грубаго, или паче глупаго отвѣта, пожалѣлъ я, что и предпринималъ сей опытъ и къ такимъ бездѣльникамъ писалъ и посылалъ нарочнаго, и предвидя уже тогда, что мнѣ добромъ съ ними не раздѣлаться, радъ былъ уже и тому, что въ ту осень никакого межеванья не будетъ; а потому, давъ приказу своему на всякой случай наставленіе, не сталъ долѣ тамъ медлить, но въ обратной путь отправился.

Ѣзда моя и въ сей разъ была такъ

благоуспѣшна, что я, не претерпѣвъ въ пути ни малѣйшаго зла и никакихъ помѣшательствъ, благополучно въ Богородицкѣ и въ самой день моего рожденія возвратился. И какъ симъ кончился 39-й годъ моей жизни, то окончу я симъ и письмо мое и самую 18-ю часть собранія оныхъ, и остаюсь вамъ и проч.

(Февраля 10 дня 1809 года).

Конецъ осьмойнадесять части.

Окончена перепискою декабря 9-го дня 1810 года.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XIX.

(Сочинена въ ноябрѣ 1809, а переписана ... 1811).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ.

1777 годъ.

Письмо 191-е.

Любезный пріятель! Послѣднее письмо мое къ вамъ, писанное февраля 10-го сего 1809 года, кончилъ я увѣдомленіемъ васъ о возвратномъ моемъ въ 1777 году въ Богородицкѣ приѣздѣ изъ третичной моей и кратковременной поѣздки въ шадскую мою деревню, и что случилось сіе въ самой день рожденія моего за 39 лѣтъ до того времени; а теперь, приступая вновь къ продолженію описанія исторіи моей жизни, начну вамъ рассказывать о томъ, что случилось со мною въ теченіе сороковаго и многими произшествіями достопамятнаго года моей жизни; и скажу вамъ, что достальное время 1777 года препроводилъ я почти безъ выѣзда въ Богородицкѣ, занимаясь непрерывно разными дѣлами, отчасти по должности,

а отчасти и произвольными и своими собственными. Мое первое дѣло было, по возвращеніи моемъ, осмотрѣть всѣ производившіяся въ отсутствіе мое по строеніямъ казенныя работы. И какъ производимы онѣ были подъ надзоромъ рачительнаго архитектора, г. Ананѣина, и помощника его Волкова, то не было въ нихъ никакого упущенія и остановки и я нашелъ, что онѣ производились безъ меня съ хорошимъ успѣхомъ и что многое безъ меня было сдѣлано. Соборная церковь была уже вся вчернѣ отдѣлана и покрыта, да и внутри уже оштукатурена, и оставалось помышлять уже о скорѣйшей отдѣлкѣ обонхъ придѣловъ и о снабденіи ихъ иконостасами и образами; а посему къ приѣзду моему пріисканы и подряжены были въ Тулѣ нужные мастеровые. Для писанія-же иконъ пріисканъ былъ въ Москвѣ и отъ князя къ намъ присланъ

искусной живописецъ Некрасовъ, учившійся въ Академіи Художествъ и писавшій образа отміннымъ и хорошимъ мастерствомъ и вкусомъ, но къ несчастію зараженный только излишнею склонностію къ пьянству. Онъ приѣхалъ къ намъ со своими работниками уже по моемъ возвращеніи, и я отвелъ ему для писанія образовъ одну изъ нашихъ солдатскихъ казармъ, и будучи самъ охотникъ до живописи, часто и съ особливимъ удовольствіемъ посѣщалъ его.

Съ таковымъ же успѣхомъ производились работы и въ богородицкомъ домѣ, или такъ тогда называемомъ дворцѣ. Сіи нашелъ я тогда въ полномъ еще развалѣ. Ибо какъ намѣстникъ успѣлъ уже снести о пространныхъ флигеляхъ сего дома съ старикомъ-княземъ, моимъ командиромъ, и испросить у него и у самой монархини дозволеніе помѣстить въ нихъ на время всѣ судебныя мѣста будущаго тутъ города, то и предписано мнѣ было отъ князя посѣщать колико можно отдѣлкою внутренности сихъ флигелей или службъ, дабы они къ началу будущаго 1778 года посѣли къ помѣщенію въ нихъ не только помннутыхъ судебныхъ мѣстъ, но, по множеству находившихся въ нихъ комнатъ, и самихъ будущихъ судей для жительства и квартированія. Вскодствіе чего и трудились множество плотниковъ, штукатуровъ, каменщиковъ, столяровъ и печниковъ почти денно и ночью надъ сею отдѣлкою. И я, желая тѣмъ услужить сколько князю, а того больше намѣстнику, просившему меня о томъ особенно, прилагалъ съ своей стороны всевозможнѣйшее о томъ стараніе, и успѣхъ въ работахъ сихъ былъ такъ великъ, что мы успѣли оныя довольно еще одновременно кончить. И какъ вмѣстѣ съ назначаемымъ подъ суды и судей флигелемъ отдѣлана была вся внутренность и другого такого-жъ, назначаемаго для собственнаго нашего употребленія по волости, то и успѣли мы сею-же осенью перевести въ него и нашу волостную канцелярію изъ башни колоколенной, въ которой она до того въ верхнихъ комна-

тахъ на оной бывшихъ надъ воротами помѣщена была. Итакъ, съ сего времени была она уже въ лучшемъ и для всего способнѣйшемъ мѣстѣ.

Г. Кречетниковъ не успѣлъ услышать, что работы наши во флигелѣ для судей и подъ присутственныя мѣста назначенномъ приходили къ окончанію, какъ прислалъ къ намъ для осмотра и освидѣтельствованія ихъ любимца своего и тогдашняго фаворита, господина Давыдова, Николая Сергѣевича, самаго того, которой впоследствии времени былъ моимъ командиромъ. Сего человѣка я тогда впервые еще увидѣлъ и съ нимъ по сему случаю предварительно познакомился. Онъ показался мнѣ очень добрымъ, ласковымъ и благопріятнымъ человѣкомъ, каковымъ онъ и дѣйствительно былъ, и я постарался его всячески у себя угостить и тѣмъ пріобрѣсть и тогда уже къ себѣ отъ него благопріятство. Онъ выходилъ со мною всѣ комнаты, и не нашедъ ничего къ поправленію, былъ всѣмъ очень доволенъ и не преминулъ, донося о томъ, выхвалить меня и всѣ старанія мои намѣстнику, что и сему было очень угодно.

Впрочемъ, занимался я въ сіи осенніе мѣсяцы и другимъ еще особеннымъ дѣломъ. Потребно было заготовить на предстоящую зиму множество дровъ для топки печей во всѣхъ казенныхъ зданіяхъ. До сего рубливались они въ лѣсахъ безъ всякаго порядка и тамъ, гдѣ полѣсовщикамъ приходило въ мысли; но мнѣ восхотѣлось и въ семъ случаѣ основать и лучшій порядокъ и закупъ произвести нѣчто особенное. Изъ многихъ лѣсовъ, находившихся въ Богородицкой волости, лежали два лѣса на большихъ дорогахъ: одинъ на большой воронежской дорогѣ, идущей изъ Тулы въ Богородицкѣ, а другою на большой же дорогѣ, идущей изъ Богородицка въ Епифанъ и въ Бобринки. Какъ по обѣимъ симъ дорогамъ, а особливо по первой былъ всегда великой проѣздъ, и большая дорога шла версты четыре сквозь волостной и въ семъ мѣстѣ широко разрубленный лѣсъ, то вздумалось мнѣ украсить сей лѣсъ, во-

первыхъ, обрубленіемъ всѣхъ крайнихъ къ дорогѣ деревь въ одну пропорцію и аршина на четыре отъ земли, и произвестъ чрезъ то равно какъ стриженную и ровную лѣсу опушку, что и придало ему отмѣнной и необыкновенной нигдѣ видѣ. Во-вторыхъ, въ мѣстахъ трехъ посреди дороги прорубить лѣсъ по обѣимъ сторонамъ многими косыми и прямыми длинными просѣками, расположа ихъ такъ, чтобъ онѣ составляли изъ себя звѣзды, и центры всѣхъ оныхъ были бы на самой большой дорогѣ, дабы всѣмъ проѣзжающимъ по оной онѣ кидались бы въ глаза, и чтобъ ихъ съ одного пункта можно было видѣть вдругъ шесть предлинныхъ аллей или просѣковъ. Выдумка сія придала лѣсу моему еще болѣе красоты, и всѣ проѣзжающіе, а особливо знатные, имѣющіе вкусъ люди не могли тѣмъ довольно налюбоваться и превозносили дѣло сіе похвалами. А такимъ-же образомъ поступилъ я и съ другимъ и такъ-называемымъ Балахонскимъ лѣсомъ, гдѣ для таковыхъ-же многихъ перекрестныхъ просѣкъ избралъ я одну большую и просторную площадь посреди лѣса, на самой большой дорогѣ находившуюся.

Работу сію производилъ я уже по заморозамъ и въ самую глубокую осень, и какъ надлежало мнѣ все сіе назначать самому, то было мнѣ довольно дѣла и я многіе дни тѣмъ занимался, и всякой день ѣзжалъ въ лѣса, и съ утра до вечера надъ дѣломъ симъ трудился; но зато и получилъ отъ того сугубое удовольствіе: ибо, съ одной стороны, украсилъ и прославилъ тѣмъ свои лѣса, и даже подалъ тѣмъ многимъ поводъ говорить и о самомъ о себѣ и о моихъ затѣяхъ, а съ другой—нечувствительнымъ образомъ и безъ всякаго поврежденія лѣсовъ, снабдилъ себя и всѣ казенныя зданія на весь годъ не только дровами, но съ просѣкъ и множествомъ годнаго къ строенію лѣса.

Впрочемъ достопамятна мнѣ была сія осень тѣмъ, что жена моя разрѣшилась въ оную опять отъ бремени и родила мнѣ еще одну дочь, которую назвали мы Александрю. Итакъ, было у меня тогда уже

пятеро дѣтей: одинъ сынъ и четыре дочери; но сей послѣдней не назначено было Провидѣніемъ играть свою роль въ свѣтѣ: она жила недолго, и была съ самаго младенчества нездорова.

Кромѣ сего, ознаменовался сей годъ однимъ рѣдкимъ и достопамятнымъ происшествіемъ, случившимся въ нашемъ волостномъ гошпиталѣ и всѣхъ насъ удивленіемъ поразившимъ. Еще въ теченіе лѣта сего года, пришла ко мнѣ изъ одной волостной деревни одна молодая баба, съ жалобою на одного въ сосѣдствѣ съ нею въ той-же деревнѣ живущаго мужика, въ томъ, что онъ ее испортилъ и произвелъ въ животѣ ея что-то ползущее и производящее внутри ровно какъ несносное кусанье. Я счелъ-было сіе сперва сущими пустяками, зная, что нашъ простой народъ при всякихъ случающихся натуральныхъ болѣзняхъ имѣлъ отмѣнную наклонность приписывать все порчѣ и колдовству, и признаюсь, что не хотѣлъ тому вѣрить; но баба говорила, что ежели я тому не вѣрю, то изволилъ-бы я самъ поддержать руку на одувшемся ея животѣ, такъ могу самъ почувствовать упоминаемое ею по оному ползанье. Я и не преминулъ сего изъ любопытства учинить, и дѣйствительно, ощущавъ кусокъ, нѣчто похожее на то почувствовалъ. Однако, нехотѣя вѣрить, чтобъ то было какое животное, старался ее увѣрить, что это такъ натуральная болѣзнь, говоря притомъ, что не согласится-ли она побить у насъ нѣсколько времени въ гошпиталѣ и дать себя полечить нашему искусному лекарю. «Очень хорошо, батюшка! сказала она: я готова итти въ госпиталь, и мнѣ все равно, тамъ-ли я или дома умру, и гдѣ это лекарю вылечить; и вы что ни говорите, а это не болѣзнь, а порча, и съѣлъ меня этотъ злодѣй мужикъ, поподчивавъ брагою; уже не одна я, батюшка, терплю эту напасть отъ него. У насъ недавно одна баба, точно такъ же какъ я съ раздувшимся животомъ, а впрочемъ такъ же какъ я совсѣмъ истощавшая отъ такого-же ходившаго по животу ку-ска, пошла въ гробъ; а видно и мнѣ

того же не миновать, а жалѣю только объ этомъ грудномъ рабѣнкѣ, котораго у меня на рукахъ видите». — «Хорошо, хорошо, моя голубка! сказать я ей на сіе: за мужикомъ, котораго ты обвиняешь, я пошлю и постараюсь всячески сіе дѣло изслѣдовать, но не уповаю, чтобъ онъ въ томъ признался, естли-бъ и подлинно было это его дѣло; но ты между тѣмъ поди-ка въ гошпиталь, а я велю лекарю полечить тебя съ отмѣннымъ стараніемъ». И какъ она отъ того не отрекалась, то посылая ее въ гошпиталь и отписавъ я къ лекарю дѣйствительно, чтобъ онъ постарался съ отмѣннымъ раченіемъ о узнаніи сей болѣзни и о излеченіи оной; а между тѣмъ послалъ нарочнаго въ ту деревню за обвиняемымъ бабою мужикомъ, которой ко мнѣ тотчасъ и доставленъ былъ. На сего не успѣлъ я взглянуть, какъ уже по одному мрачному и плутовскому виду и изъ первыхъ его словъ напередъ предузнавалъ, что я всѣми распросами и слѣдствіями своими ничего отъ него не добьюсь, ибо онъ при первомъ вопросѣ уже сказалъ: «Статочное-ли дѣло! Какъ это можно? Вѣдь за это людей живыхъ сожигаютъ!» и началъ потомъ клясться и божиться всѣми клятвами, что онъ не знаетъ и не вѣдаетъ всего того, и что готовъ всѣ истязанія вытерпѣть, а того не дѣлалъ. Да и подлинно, сколько я ни старался и добромъ, и угрозами его уговаривать, и къ добровольному признанію убѣждать, но всѣ мои старанія остались тщетными, и самыя даже очныя съ бабою ставки не могли ничего произвести. Онъ сталъ въ томъ, что не дѣлалъ и что это на него взводится совершенная напраслина, и раздѣваясь, ложился самъ, говоря, что готовъ терпѣть все, но ничего не знаетъ и не вѣдаетъ. Чтѣ мнѣ было тогда съ нимъ дѣлать? Другого не оставалось, какъ отложить сіе слѣдствіе до другого времени и подождать напередъ, что скажетъ и сдѣлаетъ съ нею лекарь.

Сей и дѣйствительно, по приказанію моему, принялся за нее съ особеннымъ стараніемъ, и хотя по искусству своему употребилъ все возможное, но не произ-

ведши ничего, приѣхалъ нарочно ко мнѣ съ донесеніемъ, что всего его искусства и знанія не достааетъ къ узнанію собственнаго рода сей болѣзни. Онъ говорилъ, что по всѣмъ наружнымъ признакамъ, почиталъ онъ сперва помянутой ощущаемой кусокъ въ животѣ свернувшимся въ клубъ гнѣздомъ глисть, но какъ всѣ употребляемыя имъ наилучшія глистогонительныя лекарства не произвели ни малѣйшаго дѣйствія и перемѣны, то сталъ онъ почитать кусокъ сей составившимся изъ скопившихся разныхъ нечистотъ и надѣялся разбить его наилучшими разбивательными лекарствами; но какъ и сіи не произвели ни малѣйшаго облегченія и перемѣны, то прямо признавался мнѣ, что не знаетъ, что о семъ дѣлѣ думать и чѣмъ сіе почитать, и другого не находилъ какъ отважиться наконецъ дать ей наудачу рвотное, и не подѣйствуетъ ли оно и спрашивалъ, дозволю ли я ему это сдѣлать. — «Очень хорошо! сказалъ я ему на сіе, дѣлайте, что хотите и что вы заблагоразсудите».

Получивъ отъ меня сіе разрѣшеніе, онъ и дѣйствительно чрезъ нѣсколько дней послѣ того далъ ей сильное изъ ипекакуаннаго корня рвотное, но на смерть самъ испужался, какъ рвотное, погнавъ изъ кишокъ и желудка помянутой кусокъ, онымъ совсѣмъ-было сію бѣдную женщину подавивъ не задушило. Она была уже при самыхъ дверяхъ смерти, но по особливому счастію прошелъ наконецъ сей кусокъ сквозь глотку и упалъ въ образѣ большого круглаго и кроваваго куска въ тазъ, предъ нею поставленный, и она чрезъ то благополучно и отъ смерти и отъ болѣзни своей освободилась. Но какимъ удивленіемъ обрадованный тому лекарь поразился, увидѣвъ, что кусокъ сей въ тазу съ мѣста на мѣсто, какъ нѣчто живое, двигался. Но удивленіе его увеличилось несказанно, когда при начатомъ троганіи сего куска палочкою, оный, какъ нѣвакой тончайшій пузырь, треснулъ и обнаружилъ во внутренности своей превеликую живую лягушку, или паче жабу, сгущен-

ною кровью окруженную. Неожиданное такое и странное явление поразило лекаря, и всѣхъ при немъ бывшихъ, превеликимъ изумленіемъ. Желая осмотрѣть и обмыть ее отъ прильнувшей къ ней густой крови, схватилъ онъ ее бережно своими инструментами и, обмывши, едва сталъ обтирать, какъ увидѣлъ, что верхняя пестрая кожа на ней такъ была нѣжна и слаба, что при малѣйшемъ треніи стиралась; почему, не желая ее повредить, и оставилъ онъ ее такъ, и увидѣвъ, что она тотчасъ издохла, посадилъ для диковинки въ спиртъ и привезъ ко мнѣ для показанія сей диковинки. Мы всѣ также крайне удивились сему необыкновенному происшествію, и я тотчасъ срисовалъ ее съ самой натуры и во всей ея величинѣ и видѣ; при которомъ случаѣ, рассматривая ее прилежнѣе, съ крайнимъ удивленіемъ заимѣтили мы нѣкоторыя особливости и также необыкновенныя странности и обстоятельства, и во-первыхъ то, что она хотя имѣла глаза, но была слѣпая и глаза ея покрыты были нѣкакою непрозрачною отонкою; во-вторыхъ, что на переднихъ ея лапахъ были отменно острые когти, которыми, какъ думать надобно, царапая производила она чувствуемую временно сильную боль въ животѣ тою женщиною; въ-третьихъ, что заднія ея ноги, бывающія у всѣхъ лягушекъ обыкновенно длиннѣе переднихъ, поеліику онѣ дѣйствіемъ ихъ наиболѣе прыгаютъ, были у ней короткія и приросли почти совсѣмъ къ нижней части живота ея, такъ что ихъ почти отогнуть было не можно; чтѣ все доказывало намъ явно, что надобно сей жабѣ въ животѣ и кишкахъ сей женщины вывести или родиться и вырасть, и что слѣпа была она оттого, что смотрѣть ей было некуда, а заднія ноги потому такъ короткія и приросшими были, что ей распростирать ихъ и по тѣснотѣ кишокъ прыгать было некуда и не можно, а потому же самому и кожа была на ней такъ нѣжна, что при обтираніи стиралась. Но пятое усмотрѣнное нами обстоятельство привело обоихъ насъ съ лекаремъ

въ такое изумленіе, что мы не знали чему оное приписать, а именно: изъ задницы ея торчалъ тонкой и вершка въ два длиною волосъ, подобной волосу человѣческому, и держался внутри оной такъ крѣпко, что не можно было никакъ изъ ней вытащить; а что того удивительнѣе, то на концѣ онаго находился какъ бы руками привязанной маленькой и не болѣе ржаного зерна кусочекъ какой-то особой и твердоватой матеріи. Сіе было тогда и осталось навсегда для насъ неразрѣшимую загадкою, и мы не понимали, какъ зашелъ въ нее сей волосъ съ привязанною на концѣ его штучкою.

Но какъ бы ни было, но я, срисовавъ ее во всей точности и сохранивъ рисунокъ сей у себя для памяти, которой и повнѣ у меня цѣлъ, возвратилъ тогда банку съ лягушкою лекарю для храненія въ госпитальной аптекѣ, и не за излишнее почелъ донести о семъ происшествіи командиру моему, старичку-князю, которой, будучи любопытнымъ человѣкомъ, восхотѣлъ самъ ее видѣть и приказалъ мнѣ тотчасъ прислать къ нему ее съ нарочнымъ, чтѣ я и учинилъ. Но что же воспослѣдовало? Князь, увидѣвъ и подивившись также оной, послалъ тотчасъ за нѣсколькими знакомыми ему докторами и медиками, и показывая имъ ее, спрашивалъ ихъ о томъ, какимъ образомъ, по мнѣнію ихъ, зашла сія жаба въ утробу оной женщины? Но господа сіи, по высокоумію своему и не-хотя ее порядочно рассмотреть, подняли все сіе происшествіе на смѣхъ и старались увѣрить князя, что сему быть не можно, что скрывается тутъ тонкой обманъ, и обманывалъ его либо я, либо лекарь, при рвотѣ женщины подпустившій въ тазъ скрытно живую и приготовленную лягушку. И какъ князю было сіе очень прикро, ибо онъ никакъ не ожидалъ отъ насъ такого глупаго, грубаго и никакой пользы произвести немогущаго обмана, а потому и рѣшился онъ тотчасъ ко мнѣ о томъ отписать и сообщить мнѣніе о сей лягушкѣ господъ медиковъ. Не могу изобразить какъ досадовалъ и хохоталъ я,

узнавъ о семъ глумомъ умничанъ сихъ господь обираловъ, и рѣшился съ первою же почтою въ отвѣтъ князю отписать, что оба мы, честію и всѣмъ, что свято есть, клянемся, что не было тутъ никакого обмана, что лягушка дѣйствительно извержена изъ женщины рвотою и по всему видимому въ ней родилась, выросла и въ кишкахъ ея жила, и чтобъ онъ, для удостовѣренія себя въ неложности того, соблаговолилъ созвать опять тѣхъ же господъ медиковъ, и заставивъ ихъ лягушку сію прилежнѣе разсмотрѣть, потребовать отъ нихъ изъясненія, отчего бы лягушка сія была слѣпа и кожа на ней такъ нѣжна и слаба, а заднія ноги такъ были коротки и прирослыя? И наконецъ спросилъ бы ихъ, можетъ ли простая и не въ утробѣ выросшая, а по словамъ ихъ, подпущенная натуральная лягушка имѣть всѣ сіи свойства? умалчивая уже о помянутомъ волоскѣ, изъ задницы ея висящемъ.

Обрадовался князь, получивъ сіе мое отношеніе, и желая взаимно господъ медиковъ одурачить, тотчасъ опять за ними послалъ; и какъ они съѣхались, то предложилъ онъ имъ мои запросы, и сразилъ ими такъ, что они отъ стыда не знали, что сказать и чѣмъ въ прежнемъ своемъ глумомъ отзывѣ оправдаться, и уже кое-какъ старались прикрыть глумое и легкомысленное свое насъ обонхъ съ лекаремъ обвиненіе, говоря, что такіе случаи кой-когда бывали уже въ свѣтѣ. Тогда князь, погонявъ ихъ всѣхъ за то и взаимно самъ надъ ними посмѣявшись, возвратилъ къ намъ банку съ лягушкою, предписавъ хранить ее въ госпиталѣ для диковинки, гдѣ она и понынѣ еще хранится въ цѣлости. Женщина же та вскорѣ послѣ того совершенно выздоровѣла и жила многіе потомъ годы.

Вся сія переписка съ княземъ происходила помянутою осенью по возвращеніи моемъ изъ моего степного путешествія; а вслѣдъ за оною получилъ я отъ князя повелѣніе, чтобы мнѣ пріискать гдѣ-нибудь по близости нашихъ волостей

монастырскія, а тогда въ экономическомъ вѣдомствѣ находящіяся деревни, которыя бы съ удобностію можно было соединить съ волостію, взаимнѣ предназначаемыхъ къ превращенію двухъ богородицкихъ слободъ, Пушкарской и Стрѣleckой, въ мѣщане будущаго города Богородицка, и чтобъ по отысканіи таковыхъ и по узнаніи всѣхъ обстоятельствъ до нихъ относящихся, отнесся-бы я къ князю и къ самому будущему Тульскому намѣстнику, господину Кречетникову. Итакъ, предстало мнѣ новое дѣло и новыя хлопоты. Но по счастію, не имѣлъ я въ выполненіи сей возложенной на меня коммисіи слишкомъ дальнаго труда. Такъ случилось, что деревни, къ сему обмѣну очень способныя, тотчасъ были отысканы въ самой близости и даже въ прикосновенности къ Богородицкой волости. Итакъ, стоило только узнать о количествѣ ихъ жителей и земли, въ дачахъ ихъ имѣющихся. О семъ и не трудно было получить всѣ нужныя свѣдѣнія. О числѣ душъ узналъ я по ревизскимъ ихъ сказкамъ, а о количествѣ земли изъ межевыхъ плановъ, данныхъ симъ селеніямъ и у нихъ находившихся. Съ сихъ плановъ разсудилось мнѣ скопировать копін, и соединя ихъ на одинъ планъ, со всѣми нужными объясненіями представить сперва намѣстнику, а потомъ и князю, и дабы не стыдно было мнѣ съ нимъ къ намѣстнику показаться и при первомъ случаѣ не ударить себя лицомъ въ грязь, то постарался я украсить свой планъ многими новыми особыми и затѣйливыми украшеніями; а чтобъ болѣе обонмъ симъ вельможамъ услужить и преподать имъ къ обмѣну сему легчайшій и удобнѣйшій способъ, скопировать на другомъ листѣ, изъ большого своего волостнаго плана, и обѣ помянутыя наши слободы со всѣми къ нимъ принадлежащими землями. И какъ земель сихъ, въ сравненіи съ монастырскими, было гораздо больше и надлежало изъ нихъ всю лишнюю отрѣзать къ волости, то по извѣстному мнѣ болѣе мѣстоположенію предполагалъ я предварительно уже самъ гдѣ бы и какъ удобнѣе было

сей лишекъ съ выгодою обѣихъ сторонъ отрѣзать.

Нѣсколько дней занимался я надъ сочиненіемъ, раскрашиваніемъ и украшеніями обоихъ сихъ плановъ, и трудовъ имѣлъ хотя при томъ довольно, но они мнѣ не столько были отяготительны, сколько, по охотѣ моей къ такимъ дѣламъ, пріятны. Наконецъ, окончивъ все сіе дѣло, расположился я показать ихъ напередъ намѣстнику, приѣхавшему тогда уже въ Тулу и готовящемуся къ открытію Тульскаго намѣстничества, и потому при первой случившейся ѣздѣ въ Тулу ему ихъ и предложилъ. Господинъ Кречетниковъ принялъ меня очень ласково, разлюбовался въ прахъ красотою плановъ, и будучи и стараніями моими и всѣмъ очень доволенъ, расхвалилъ и благодарилъ меня за труды мои, и потомъ сказалъ, что онъ предоставляет сей обмѣнъ до наступленія будущаго года, въ началѣ котораго поѣдетъ онъ въ Москву, и тамъ, увидѣвшись съ княземъ, моимъ начальникомъ, и переговоривъ, кончитъ сіе дѣло. Сей случай познакомилъ меня съ г. Кречетниковымъ еще болѣе, и я благосклонностію его къ себѣ такъ былъ доволенъ, что возвратился въ Богородицкѣ преисполненъ будучи удовольствіемъ и равно какъ нашедъ какую-нибудь находку.

Но не успѣлъ я приѣхать, какъ услышалъ нѣчто такое, что привело меня въ великое недоумѣніе, сумнительство и разстройку мыслей. Мнѣ сказывали, что получень отъ дѣдильскаго городского начальства, которому подсудна была до того вся Богородицкая волость, приказъ, чтобъ съ нашей волости выбрать изъ поселянъ 12 человѣкъ въ кандидаты для будущаго назначенія нужнаго числа изъ нихъ въ засѣдатели будущей нижней расправы и земскаго суда, и чтобъ мы кандидатовъ сихъ немедленно представили въ Дѣдильовъ. Удивился и до крайности поразился я симъ неожиданнымъ требованіемъ. Ибо хотя мнѣ извѣстно было, что таковыя кандидаты выбирались тогда изъ всѣхъ одноворескихъ, казенныхъ и экономи-

ческаго вѣдомства селеній, но я никакъ не думалъ и не ожидалъ, чтобъ и наши волости, бывшія до того на особомъ правѣ и наравнѣ со владѣльческими, почтены были наравнѣ съ казенными. И потому подозрѣвая, не подбирается ли намѣстникъ изподтиха къ нашимъ волостямъ и не хочетъ ли ихъ подвести подъ иго правленія казенною палатою и чрезъ то разрушить нашу прежнюю привилегію, впалъ въ великое недоумѣніе и не зналъ какъ лучше поступить, и что предпріять и учинить въ семъ щекотливомъ случаѣ. Съ одной стороны, вѣдая, что приказаніе сіе учинено съ воли и предписанія намѣстника, заключалъ я, что нельзя было никакъ ослушаться въ семъ случаѣ начальства, а того паче непослушаніемъ своимъ навлечь на себя досаду и неудовольствіе отъ сего знаменитаго тогда вельможи; а съ другой—не смѣлъ самъ собою къ тому приступить, не спросяся князя, какъ собственнаго моего начальника и командира, и не зная, каково ему сіе покажется, согласится ли онъ на сіе и не будетъ ли еще спрашиваться о томъ у самой государыни, ибо чрезъ то легко могла произойти въ правленіи волостнымъ нѣкоторая предъ прежнимъ перемѣна. Но какъ долго медлить было невозможно, ибо было сіе незадолго предъ открытіемъ самаго намѣстничества, то, подумавъ самъ съ собою и начальниками моей канцеляріи, другого я не нашелъ, какъ донести о томъ своему князю и просить наставленія, что въ семъ случаѣ дѣлать и какъ поступить? Для скорѣйшаго-жъ полученія отъ него отвѣта отправить съ представленіемъ къ нему о томъ нарочнаго курьера, а между тѣмъ, чтобъ не явиться ослушникомъ, велѣть изъ волости упомянутыхъ 12 человѣкъ кандидатовъ изъ лучшихъ людей выбрать, но помедлить отсылать ихъ въ Дѣдильовъ, для полученія отъ князя повелѣнія.

Положивъ сіе на мѣрѣ и отправилъ я тотчасъ одного изъ канцелярскихъ моихъ служителей въ Москву, съ представленіемъ къ князю, а самъ, выбравъ потомъ оныхъ депутатовъ, велѣлъ имъ быть къ отправ-

ленію совсѣмъ готовыми, но въ Дѣдиловѣ отправлять ихъ не спѣшили, но подѣ разными предлогами выигралъ время, не смотря, хотя мы къ скорѣйшему отправленію оныхъ и побуждаемы были.

Между тѣмъ Тула находилась въ сіе время въ великомъ уже движеніи. Все въ ней приготавливаемо было къ торжественному открытію намѣстничества и къ тому важному и на вѣки достопамятному для сего города дню, которой долженствовалъ перемѣнить политическое его состояніе и изъ прежняго провинціального и очень малозначущаго города превратить въ знаменитый губернской, или, какъ тогда называли, «намѣстнической» городъ, и положить всему будущему его благосостоянію первое основаніе. И подлинно, городъ сей, въ сравненіи тогдашняго его состоянія съ нынѣшнимъ, ничего почти не значилъ и въ теченіе претекшихъ съ того времени тридцати лѣтъ онъ такъ много во всемъ преобразился и произошло въ немъ столь много важныхъ перемѣнъ, какъ въ разсужденіи красоты и порядка строенія, такъ и другихъ обстоятельствъ, что если-бъ можно было воскресить нынѣ кого-нибудь изъ умершихъ въ тогдѣшнее время, то онъ и не узналъ бы его почти совсѣмъ, а почелъ бы его какимъ-нибудь другимъ городомъ. Назначенной въ него для главнаго управленія имъ намѣстникъ государевъ, уже за нѣсколько недѣль до того приѣхавъ, расположился квартировать по сю сторону рѣки Упы, въ домѣ господъ Демидовыхъ, толико славныхъ издревле по сему городу, и по желѣзнымъ заводамъ и по богатству своему. Сей домъ, нынѣ ничего, а особливо по сгорѣніи своемъ, незначущій былъ тогда наилучшимъ и просторнѣйшимъ во всей Тулѣ. Расположась въ ономъ, приступилъ онъ тотчасъ къ назначенію мѣстъ, гдѣ быть общему всего дворянства собранію и всѣмъ палатамъ и другимъ присутственнымъ мѣстамъ. Подо-всѣ сіи, на первой случай и до построения нарочныхъ къ тому зданій, отведены и назначены были наилучшіе купеческіе дома. Что-жъ ка-

сается до перваго, то какъ во всей Тулѣ не отыскалось ни одного такого дома, въ которомъ бы находился залъ, могущій помѣстить въ себѣ все многочисленное собраніе дворянъ, то другого не оставалось, какъ отыскать одинъ, средственнѣй величины каменной купеческой домъ, велѣть выломать изъ него всѣ внутреннія стѣны и весь его превратить въ одинъ просторной залъ, въ которомъ бы могло все дворянство умѣститься. Домъ сей находился на большой и главной улицѣ, ведущей съ сей стороны къ крѣпости и неподалеку отъ того мѣста, гдѣ нынѣ гостинной дворъ, или ряды, и назывался «красною палатою». Итакъ, надѣ превращеніемъ и отдѣлкою его трудилось уже давно множество разныхъ мастеровыхъ людей, и около сего времени спѣшили отдѣлывать его денно и ночью.

Какъ намѣреніе намѣстника было сдѣлать открытіе сіе сколько можно торжественнѣйшимъ и придать ему наиболѣе блеска и сіянія, то для увеселенія всего дворянства, сзываемаго въ городъ сей изъ всѣхъ назначенныхъ составлять сіе намѣстничество уѣздовъ, и съѣзжающаго уже со всѣхъ сторонъ со своими семействами, велѣлъ онъ построить деревянной и довольно просторной театральной домъ и постарался снабдить оной труппою актеровъ и нужнымъ для сего гардеробомъ и убранствомъ. Итакъ, множество рабочихъ и мастеровыхъ людей старались около сего времени отдѣлывать и сіе зданіе, бывшее по ту сторону Упы, на горѣ, на той площади, гдѣ потомъ находились казенныя конюшни, и успѣли и сіе дѣло къ назначенному времени кончить.

Но сего было еще недостаточно; но какъ надобно было все дворянство угостить баломъ и маскарадомъ, то, по неимѣнію лучшаго, назначенъ былъ къ тому другой домъ гг. Демидовыхъ, стоящій и понынѣ еще на плотинѣ демидовскаго пруда. Къ избранію сего къ сему побудило намѣстника наиболѣе то, что предъ онымъ находилось просторное и пустое мѣсто, на которомъ приготавливаемъ былъ для сего

дня изрядной и нарочитой величины фейерверкъ, которымъ, какъ невиданнымъ еще никогда тульскими жителями зрѣлищемъ, ему ихъ и все дворянство увеселить хотѣлось.

Итакъ, вся Тула кипѣла уже тогда народомъ; ибо какъ слухъ о сихъ празднествахъ и торжествахъ и будущихъ увеселеніяхъ разнесся уже повсюду, то со всѣхъ сторонъ, какъ по призыву, такъ и произвольно спѣшили ѣхать въ нее всѣ дворянскія фамиліи, и на большую часть со всѣми своими семействами, и съ каждымъ днемъ вѣзжало въ нее ихъ такое множество, что, при тогдашнемъ состояніи сего города, скоро стало недоставать квартиръ для помѣщенія оныхъ, и многіе, а особливо поопоздавшіе своимъ приѣздомъ, принуждены были довольствоваться самыми тѣсными и простѣйшими. Кромѣ того, наѣхало туда и множество изъ другихъ губерній, а особливо изъ Калужскаго намѣстничества; а сверхъ того немалое число составляли и всѣ будущіе судьи и чиновники, назначенные со стороны казенной для засѣданія въ палатахъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ какъ въ Тулѣ, такъ и въ уѣздныхъ городахъ, которые также къ сему времени въ Тулу съѣхались.

А какъ все сіе торжество видѣть и въ увеселеніяхъ будущихъ взять соучастіе хотѣлось натурально и мнѣ со всѣмъ своимъ семействомъ, то готовились и мы туда же ѣхать, и предъ наступленіемъ торжествъ сихъ и самого открытія въ Тулу и отправились.

Но о семъ и обо всѣхъ происшествіяхъ, бывшихъ при семъ открытіи, расскажу я вамъ въ письмѣ будущемъ, а теперешнее, какъ достигшее до своей обыкновенной величины, кончу, сказавъ, что я есмь вашъ, и прочая.

(Ноября, 3-го дня, 1809 года. Въ Дворяниновѣ).

ОТКРЫТІЕ ТУЛЬСКАГО НАМѢСТНИЧЕСТВА.

Письмо 192-е.

Любезный пріятель! Предпринимая теперь описывать вамъ торжества, оживотворившія всю Тулу и всѣ бывшія при томъ произшествія, скажу, что хотя не по долгу, а по собственному произволу отправясь со всѣмъ своимъ семействомъ туда, успѣлъ еще приѣхать благовременно и до начала еще самыхъ первыхъ торжественныхъ дѣяній. Была со мною моя жена, также и теща, и какъ хотѣлось видѣть театръ и фейерверкъ самымъ моимъ дѣтямъ, то взяли мы и изъ нихъ большенныхъ съ собою, оставивъ маленькихъ дома, подъ надзоромъ жившей еще у насъ госпожи Бѣляевой. Въ разсужденіи пріискиванія для себя квартиры не имѣли мы ни малѣйшаго затрудненія. Знакомецъ нашъ, Пастуховъ, давно уже приглашалъ насъ стоять къ себѣ въ домъ, почему мы и расположились въ ономъ, гдѣ хотя и не имѣли довольнаго простора, но ради были тому, что имѣли спокойной и теплой уголокъ, не платили ничего за постой и могли завестись всѣмъ нужнымъ для своего продовольствія.

Мое первое дѣло состояло въ томъ, чтобъ побывать въ домѣ у намѣстника и посмотрѣть будущихъ судей и начальниковъ, которыхъ всякой день приѣзжало къ нему множество и гдѣ можно было ихъ видѣть. Я къ нему тотчасъ и поѣхалъ; но какъ, по неполученію еще отъ князя отвѣта, кандидаты мои все еще въ Дѣдиловѣ были не представлены, то полагая за вѣрное, что о семъ моемъ медлительствѣ намѣстнику донесено, и онъ можетъ быть имѣлъ на меня за сіе нѣкоторое неудовольствіе, и опасаясь, чтобъ онъ увидѣвъ меня не сталъ мнѣ за то выговаривать, то сіе и побуждало меня не слишкомъ предъ нимъ выказываться и вертѣться у него на глазахъ, а скрываться сколько можно въ толпѣ народной. Но по счастію подоспѣлъ скоро и той

посыланной, съ приказаніемъ отъ князя, ни мало ни въ чемъ непротивиться, а дать волю дѣлать что хотять и что заблагоразсудять. Почему съ тѣмъ же посланнымъ и приказалъ я, ни мало болѣе уже не медля, кандидатовъ своихъ въ Дѣдиловъ отправить, и былъ уже спокойнѣе въ духѣ. Однако и безъ того все мое опасеніе было напрасно. Намѣстнику было ничего недоносимо и онъ о моей медленности ни мало и не узналъ. Почему, не успѣлъ меня въ народѣ увидѣть, какъ не преминулъ, меня благосклонно обласкавши, мнѣ сказать, что я хотя и не имѣю долга брать во всемъ съ прочими дворянами соучастіе, но по крайней мѣрѣ какъ гость могу при всѣхъ будущихъ торжественныхъ произшествіяхъ присутствовать; а буде хочу, могу вмѣстѣ съ прочими по праву дворянства брать и въ самыхъ выборахъ и балотированіи соучастіе. А сіе и ободрило меня уже очень, хотя я впрочемъ и нисколько не намѣренъ былъ мѣшаться въ ихъ дѣла, а хотѣлъ лучше остаться совершеннымъ гостемъ и свободнымъ человѣкомъ.

Впрочемъ; и при самомъ семъ первомъ къ нему приѣздѣ, имѣлъ я уже случай увидѣть и узнать множайшихъ изъ будущихъ судей и чиновниковъ, ибо нашелъ всю его залу наполненную множествомъ народа, и въ томъ числѣ нѣсколькихъ мнѣ знакомыхъ людей, съ которыми я могъ говорить и у нихъ о прочихъ, мнѣ еще незнакомыхъ особахъ разспрашивать. Относительно до сихъ знакомцевъ, наиболѣе обрадовалъ меня старинной мой еще кіасовской знакомецъ, другъ и сосѣдъ Николай Ивановичъ Кологривовъ, случившійся также тогда быть тутъ у намѣстника. Сей искренно мною любимой и меня многолюбящій человѣкъ не успѣлъ меня въ толпѣ запримѣтить, какъ обрадуясь въ тотъ же мигъ прибѣжалъ ко мнѣ, и съ восхищеніемъ обнимая не могъ довольно изобразить радости и удовольствія своего о томъ, что меня видитъ. А какъ узналъ, что я въ Тулѣ, также какъ и онъ, нахожусь со всѣмъ своимъ семействомъ и точно такимъ же гостемъ

и свободнымъ человѣкомъ какъ и онъ, то обрадовался еще того больше, и разспросивъ гдѣ я стою, общалъ въ тотъ же день еще къ намъ со своею Марѳею Сергѣевною и съ дѣтьми приѣхать и возобновить нашу прежнюю дружбу и знакомство; что онъ и исполнилъ. И какъ оба наши семейства были очень между собою дружны, то и условились мы при всѣхъ будущихъ торжествахъ не отставать другъ отъ друга, но брать въ оныхъ сообща съ ними соучастіе, чѣмъ и мои семейники были очень довольны.

Впрочемъ, въ сію первую мою у намѣстника бытность имѣлъ я случай впервые тогда увидѣть опредѣленнаго въ нашу губернію губернатора, генерала Матвѣя Васильевича Муромцова, бывшаго потомъ ко мнѣ весьма благопріятнымъ и коротко знакомымъ. Онъ, по взрачному своему и хорошему виду и по ласковому со всѣмъ обхожденію, и тогда уже мнѣ полюбился. Также видѣлъ я тутъ и совѣтника намѣстническаго правленія, г. Хомякова, и адъютанта намѣстникова, господина Грахольскаго, и другихъ многихъ, которые мнѣ по ихъ надменнымъ видамъ далеко не столь полюбились какъ губернаторъ, хотя и съ симъ я ни мало еще знакомъ не былъ.

Настоящее дѣло, и такъ-называемое открытіе намѣстничества, началось въ исходѣ декабря и тѣмъ, что все дворянство въ назначенной день собралось въ соборную церковь, и по отслуженіи обѣдни и молебна, и по учиненіи общей присяги, всѣ отправились въ поманутую красную и для общаго засѣданія назначенную палату, куда и мы съ г. Кологривовымъ втѣснились и имѣли, какъ гости, наилучшую удобность видѣть всю торжественность сего перваго и никогда еще до того небывалаго всего тульского дворянства собранія и засѣданія. И подлинно, зрѣлище было сколько съ одной (стороны) пышное и великолѣпное, столько съ другой—поразительное и пріятное. Собраніе было многочисленное; никогда еще Тула не видала въ стѣнахъ своихъ столь великаго множества и знатнаго, и

средственнаго, и мелкаго дворянства. Вся поманутая и довольно просторная зала наполнена была ими, и все скамьи, которыми она вся сплошь была установлена, были ими усажены. У самой же передней стѣны сооруженъ былъ императорской тронъ, подъ богатымъ балдахиномъ и съ стоящимъ на немъ портретомъ императрицы, во весь ея ростъ написанной, а на ступеняхъ трона сталъ намѣстникъ и говорилъ всемъ краткую привѣтственную рѣчь всему собранію. По обѣимъ сторонамъ его стояли на полу все его приближенные, также губернаторъ и прочіе чиновначальники, а вмѣстѣ съ ними и все гости, приѣзжіе изъ другихъ губерній, а въ томъ числѣ и мы съ г. Кологривовымъ. Передъ нимъ же прямо сидѣло по уѣздамъ все знаменитѣйшее дворянство, состоящее изъ генераловъ, бригадировъ и другихъ чиновныхъ людей, а за ними и прочіе. Все они, при началѣ рѣчи, говоренной намѣстникомъ, въ своихъ мѣстахъ встали и выслушивали оную съ должнымъ благоговѣніемъ, чѣмъ самымъ и совершилось открытіе тульского намѣстничества. Послѣ сего предложено было намѣстникомъ всему дворянству, чтобъ оно приступило къ общему выбору губернскаго предводителя, посредствомъ баллотированія; и тотчасъ тогда понесли по всемъ уѣздамъ на скамьяхъ дворянамъ, опредѣленными къ тому людьми, одними на блюдахъ шары, а другіе, покрытые зеленымъ сукномъ, баллотировальные ящики, при которомъ случаѣ въ первой еще разъ я оныя увидѣлъ и получилъ объ нихъ и о самомъ баллотированіи понятіе. Сіе первое дѣйствіе продолжалось нарочито долго, ибо надобно было человѣкъ трехъ или четырехъ изъ предложенныхъ намѣстникомъ баллотировать, и для каждого обносить вновь по всемъ шары и ящики, и потомъ вынимать первые изъ нихъ и пересчитывать, для узнанія, которыми изъ нихъ положено сколько и кому больше всехъ. Счисленіе сіе производилъ, при глазахъ самого намѣстника, губернатора и прочихъ, губернской прокуроръ, г. Небольсинъ, на столѣ

поставленномъ предъ намѣстникомъ. И какъ оказалось, что множайшее число шаровъ положено было знакомцу и собственнику нашему генералу Дмитрію Васильевичу Арсеньеву, то и хотѣли-было его тѣмъ поздравить; но какъ онъ сталъ просить о увольненіи его отъ сей обязанности и уступалъ ее находившемуся подъ нимъ по балламъ господину генералу Юшкову, то сей и былъ отъ всего дворянства въ семъ достоинствѣ поздравленъ, чѣмъ все дѣло въ сей день было и кончено, и все знаменитѣйшіе люди, по приглашенію отъ намѣстника, поѣхали къ нему обѣдать; а мы все, повидавшись и переговоривъ со всеми своими знакомцами, которыхъ мы тутъ имѣли случай всехъ видѣть, разѣхались также по своимъ квартирамъ, и достальное время дня употребили на разѣзды другъ къ другу для свиданія.

Въ слѣдующій за симъ день было опять такое же общее всехъ дворянъ въ семъ домѣ собраніе, но уже безъ намѣстника, а при предѣлательствѣ нововыбраннаго губернскаго предводителя и прокурора. И въ сей день занималось дворянство по уѣздамъ выборами своихъ уѣздныхъ предводителей, чрезъ что каждое уѣздное дворянское сословіе получило своего собственного начальника, а чрезъ нихъ предложено было потомъ отъ каждого своимъ дворянамъ, чтобъ они избирали изъ среды своей по два человѣка въ кандидаты, для избранія двѣнадцати человѣкъ, для опредѣленія въ совѣстной судъ, въ верхній земскій судъ и въ приказъ общественнаго призрѣнія, въ засѣдатели. А изъ сихъ, наконецъ, всемъ общимъ собраніемъ выбаллотировали потребное число людей въ помянутыя должности. И сего довольно уже было для упражненія въ сей день, ибо все сіе продлилось довольно долго. По выборѣ же и назначеніи всехъ сихъ судей и начальниковъ, водимы они были въ домъ къ намѣстнику для утвержденія, которой ихъ всехъ съ сими временными чинами, утвердя, и поздравилъ, а потомъ всехъ ихъ угостилъ у себя обѣдомъ. Мы съ г. Кологривовымъ и въ сей

день были также въ красной палатѣ, желая видѣть и сей обрядъ, какъ никогда еще до того невиданный, и я, любопытствуя узнать, кто именно избранъ въ предводители по нашему Богородицкому уѣзду, услышалъ, что удостоенъ тѣмъ нѣкто г. Сухотинъ, человѣкъ мнѣ еще незнакомой и по достоинствамъ своимъ не весьма знаменитой; достальное же время дня препроводили мы опять во взаимныхъ другъ друга посѣщеніяхъ.

Въ послѣдующій за тѣмъ третій день подлежало всѣмъ дворянамъ избирать также баллотированіемъ въ каждой городъ своихъ уѣздныхъ судей и засѣдателей; но какъ для сего требовалось болѣе простора, нежели сколько было его въ помянутой красной палатѣ, то назначено было производить сіи выборы въ квартирѣ самого намѣстника, въ разныхъ, отведенныхъ для уѣздовъ, комнатахъ. Сямъ они въ сей день и занимались, и были поуѣздно угощаемы столомъ. Но мы, какъ гости и нехотящіе брать въ томъ собственнаго соучастія, не разсудили за благо туда-жъ вмѣстѣ съ прочими ѣхать, а сей день употребили на отдохновеніе, а отчасти на сборы ѣхать въ театръ, узнавши, что въ сей вечеръ данъ будетъ первой спектакль. Мы согласились и въ сей день ѣхать туда вмѣстѣ съ семействомъ г. Кологривова; и какъ намъ удалось получить для себя и особую ложу, то положили взять съ собою и дѣтей нашихъ, которыхъ, а особливо мнѣ своего малютку-сына хотѣлось познакомиться съ симъ невиданнымъ еще имъ некогда театральнымъ зрѣлищемъ.

По приѣздѣ въ театръ, нашли мы его весь наполненной множествомъ народа и увидѣли тутъ все дворянское лучшее общество, съ ихъ семействами въ одномъ мѣстѣ и въ соединеніи, и зрѣлище сіе было по новости своей поразительное. Играли въ сей день извѣстную комедію: «Такъ и должно», и актеры исправили свое дѣло довольно исправно и удачно. Всѣ они привезены были въ Тулу изъ Калуги, гдѣ такой же театръ былъ сдѣланъ, и гдѣ они изъ разныхъ чиновни-

ковъ и образовались. Все мое семейство, а особливо дѣти, смотрѣли на представленіе съ особымъ удовольствіемъ; но никто имъ такъ много не плѣнился, какъ малютка-сынъ мой, для котораго все видѣнное тогда въ первой еще разъ въ его жизни было превеликою диковинкою.

Впрочемъ, какъ при семъ случаѣ могли мы видѣть и всѣхъ нашихъ знакомыхъ и чрезъ нихъ извѣститься, кто и кто именно былъ избранъ въ судьи по Богородицкому уѣзду, то и интересовался я очень видѣть сихъ будущихъ своихъ ближнихъ сосѣдей и сотоварищей, и нѣкоторыхъ изъ нихъ, по указанію отъ другихъ, и видѣлъ; но какъ всѣ они были мнѣ совсѣмъ незнакомые люди, то и не могъ я еще съ ними познакомиться, а съ нѣкоторыми только вскользь обремендовался. Впрочемъ, какъ удостоилъ въ сей день театръ и самъ намѣстникъ своимъ посѣщеніемъ, и вмѣстѣ съ нимъ въ ложѣ сидѣла и тогдашняя фаворитка его, жена помянутаго г. Давыдова, Анна Александровна, то имѣли мы случай и сію пышную горделивицу въ первой разъ тутъ видѣть.

Препроводивъ сей день съ удовольствіемъ и услышавъ, что и въ послѣдующій за симъ день будетъ опять театральное представленіе, готовились мы и въ оной ѣхать опять въ театръ, и препроводивъ опять весь день въ разѣздахъ и въ свиданіяхъ съ своими знакомцами, ввечеру были опять въ театрѣ и съ удовольствіемъ смотрѣли на представляемую въ сей день комедію: «Раздумчиваго». Впрочемъ, день сей употребленъ былъ на приведеніе всѣхъ выбранныхъ судей къ присягѣ, а намѣстникъ продолжалъ угощать уѣздныхъ дворянъ столами, ибо всѣхъ ихъ въ одинъ день угостить было не можно.

Наконецъ, насталъ день для открытія всѣхъ знаменитѣйшихъ судебныхъ мѣстъ, какъ-то: намѣстническаго правленія, гражданской, уголовной и казенной палаты, верхняго земскаго суда и верхней расправы, также совѣстнаго суда и приказа общественнаго призрѣнія, и

посаженіе всѣхъ опредѣленныхъ и избранныхъ судей на мѣста ихъ. Все сіе производилось съ обыкновенными обрядами, при присутствіи самого намѣстника, губернатора и другихъ именитѣйшихъ чиновниковъ; но какъ сіе производилось въ домахъ разныхъ, то и не можно было сіи, по существу своему ничего незначащіе, обряды видѣть. А мы занимались между тѣмъ своими дѣлами и сборами къ ѣздѣ, ввечеру, на даваемой намѣстникомъ въ упомянутомъ другомъ демидовскомъ домѣ балъ и маскарадъ, и для смотрѣнія оттуда фейерверка, которымъ должноствовало всѣмъ симъ праздникамъ и торжествамъ оконченнымъ быть.

Не могу изобразить, сколько хлопотъ и суетъ наводили на насъ сіи сборы и съ какимъ неописаннымъ любопытствомъ хотѣлось всѣмъ видѣть фейерверкъ, а особливо тѣмъ, коимъ не случалось еще никогда видѣть оныя, а всѣхъ болѣе нашихъ дѣтямъ. Что касается до самого бала и маскарада, то не всѣ съ равною охотою располагались на оной ѣхать; отчасти потому, что потребны были къ тому нѣкоторые излишніе наряды, а отчасти изъ опасенія, что по непросторности дома будетъ тамъ превеликая тѣснота. Однако въ семъ послѣднемъ пунктѣ всѣ обманулись и тѣсноты дальней, по самому тому обстоятельству, что не всѣ поѣхали, не было.

Что касается до насъ, то мы вмѣстѣ съ семействомъ господина Кологривова и нѣкоторыми другими знакомцами и пріятелями нашими положили непременно туда ѣхать, и съѣхавшись по условію въ одно мѣсто, по наступленіи ночи, случившейся въ тотъ разъ быть очень темной, дѣйствительно туда и отправились. Но ѣзда сія, вмѣсто ожидаемаго удовольствія, чуть-было чуть не причинила намъ крайняго несчастія и не заставила насъ проливать горькія слезы. Какъ мы ѣздили туда въ своемъ четверомѣстномъ низкомъ зимнемъ возкѣ, какіе тогда были еще въ употребленіи, и возокъ весь наполненъ былъ столько людьми, что малюткѣ сыну моему не было мѣста сидѣть,

а онъ принужденъ былъ стоймя стоять между нами, то случись такое несчастіе, что дверцы съ одной стороны возка на всей скорой и поспѣшной ѣздѣ отворились, и онъ, смотрѣвшій въ окошко оныхъ, изъ возка, вмѣстѣ съ отворившимися дверцами, въ шубенкѣ своей вылетѣлъ и въ одинъ мигъ исчезъ изъ глазъ нашихъ. Произошло сіе съ такою скоростью, что никто изъ насъ не успѣлъ его схватить и за платье и удержать отъ паденія. Не могу изобразить, какимъ неизреченнымъ ужасомъ поразило насъ тогда сіе произшествіе! Всѣ мы помертвѣли отъ испуга и изумленія и въ безпамятствѣ подняли вопль и крикъ: «Стой! стой! стой!...» Но можно-ли было вдругъ на всей скорой ѣздѣ лошадей остановить и не должны-ли мы были страшиться, что попадетъ онъ подъ лошадей ѣдущаго за нами непосредственно экипажа господина Кологривова, и что они его сомнутъ и убьютъ неминуемо до смерти! А сіе едва-было едва и не послѣдовало, и онъ былъ на волосѣ отъ смерти; но по особливому счастью, или паче по милости Господней и дѣйствию охраняющаго жизнь его святаго его Промысла, онъ благополучно отъ сего крайняго бѣдствія избавился и совсѣмъ безвредно сохранился. Помогло много къ тому то, что былъ онъ въ шубѣ, покрытой темною матеріею и что переднія лошади господина Кологривова, увидѣвъ вдругъ нѣчто черное и большое, выкатившееся по снѣгу со стороны на средину дороги, испужались, уннули и остановились, и дали время подхватить мальчишка моего стоявшимъ за возкомъ нашимъ людямъ и безвредно доставить его опять въ возокъ къ намъ. Обрадованіе наше при семъ случаѣ было столь же неизреченно велико, каково велико было прежде отъ ужаса изумленіе. Мы, отдохнувъ отъ онаго, не могли довольно возблагодарить Господа за избавленіе его отъ толь великой опасности, и въ до-стальной путь держали его, едва опамятовавшагося отъ испуга и ужаса, уже крѣпко между собою.

Но за сей страхъ и удовлетворенъ онъ былъ лихвою неописаннымъ для него удовольствіемъ, при смотрѣніи тогдашняго фейерверка. Зрѣлище сіе было для его совсѣмъ новое и поразительное, и по счастью удалось ему оное видѣть во всей полнотѣ и безпрепятственно. Ибо какъ мы, для тѣсноты, не разсудили брать его съ собою въ демидовской домъ въ маскарадъ, то и оставили его въ возкѣ съ его бабушкою и другими на балъ не поѣхавшими дѣтьми, поставя возокъ въ такомъ мѣстѣ, чтобъ имъ изъ онаго весь фейерверкъ былъ совершенно виденъ. И какая радость была для его, когда увидѣлъ онъ вздымающіяся вверхъ ракеты, вертящіяся разнообразныя огненныя колеса и потомъ горѣвшій разными огнями небольшой фитильной цитъ. Онъ прыгалъ даже отъ радости и восхищенія! А такое же дѣйствіе производило сіе зрѣлище и въ бывшей съ нами въ маскарадъ большой нашей дочери. Не съ меньшимъ же удовольствіемъ смотрѣли и сами мы изъ дома на сію рѣдко выдаемую огненную потѣху.

Что касается до самаго бала и маскарада, то оной былъ намъ уже не въ такую диковинку; къ тому-жъ и не было въ немъ никакихъ дальнихъ особенностей. Намѣстникъ присутствовалъ на ономъ недолго, а тотчасъ по сожженіи фейерверка отѣхалъ; да и прочее дворянство веселилось онымъ не слишкомъ долго, и на большую часть скоро разѣхались, а чрезъ то и сдѣлался довольно просторъ. Пользуясь онымъ, старался я всячески отыскать опредѣленнаго въ нашъ городъ городничаго, какъ будущаго своего въ правленіи городомъ Богородицкомъ товарища и такого близкаго сосѣда, съ которымъ надобно мнѣ будетъ имѣть болѣе всѣхъ дѣла. Былъ онъ одинъ изъ замосковныхъ, но небогатыхъ помѣщиковъ, бывшій до того въ морской службѣ и отставленной въ чинѣ капитана второго ранга, и назывался Антонъ Никитичъ Сухотинъ, и находился также тогда съ женою своею на семъ маскарадѣ. По бѣлому его примѣтному морскому мундиру

не трудно мнѣ было его отыскать, и я не преминулъ съ нимъ обречкомендоваться и сколько-нибудь познакомиться; а сіе и было со мною найдостопамятнѣйшее на семъ балѣ происшествіе, на которомъ послѣ сего и мы съ женою не долго пробыли, но поспѣшили возвратиться къ прочимъ роднымъ нашимъ на квартиру.

Какъ симъ фейерверкомъ и маскарадомъ всѣ бывшія тогда въ Тулѣ празднества и увеселенія кончились и болѣе жить въ оной было не для чего, то на другой же день послѣ сего всѣ излишніе начали изъ сего города разѣзжаться. А ихъ примѣру послѣдовали и мы, и собравшись, отправились въ прежнее свое мѣстопребываніе въ Богородицъ, куда на другой день благополучно и возвратились.

Какъ случилось сіе уже въ святки и предъ самымъ наступленіемъ новаго года, а вкупѣ съ нимъ предъ наступленіемъ совсѣмъ новаго и достопамятнѣйшаго періода въ моей жизни, весьма отмѣннаго отъ прежнихъ, то займу я достальное мѣсто въ семъ писмѣ изображеніемъ того состоянія и положенія, въ какомъ я при концѣ сего года находился.

Что касается собственно до меня и всего моего семейства, то я былъ тогда въ наилучшей порѣ моего возраста. Шелъ мнѣ сорожовой годъ, а потому хотя и переступилъ уже я за половину обыкновеннаго человѣческаго вѣка, но былъ совершенно еще свѣжъ, мужественъ и бодръ, и по благодати Господней пользовался наисовершеннѣйшимъ здоровьемъ, а вкупѣ благосостояніемъ такимъ, какового не желалъ я лучше. Семейство имѣлъ я уже тогда нарочито многочисленное, и состояло оно изъ тещи, жены и пятерыхъ дѣтей, изъ коихъ всѣ были хотя малъ-мала меньше, но доставляли намъ безчисленный удовольствія и утѣхи. Старшая изъ дочерей моихъ, Елисавета, была уже изрядная дѣвочка, и съ красотою тѣлесною утѣшала насъ вкупѣ и умомъ, а паче всего своимъ добронравіемъ и хорошимъ характеромъ. Всѣ качества и свойства ея были таковы, что приобрѣтала она отъ

всѣхъ выдавшихъ ее любовь и уваженіе. Сынъ мой былъ также уже мальчикъ, вышедшій изъ лѣтъ младенческихъ. Ему шелъ уже седьмой годъ и онъ умѣлъ уже грамотѣ и могъ уже читать и писать изряднехонько; а по понятливости своей учился уже тогда и нѣмецкому языку. Душевные и тѣлесныя способности его ко всему открывались часть-отъ-часу больше, и онъ съ каждымъ годомъ подавалъ намъ о себѣ отъ часу лучшую надежду и былъ по всѣмъ отношеніямъ милой, добронравной и любезной рабенокъ. Обѣ слѣдующія за нимъ меньшія его сестры, Настасья и Ольга, возрастали уже также мало-по-малу, и первая изъ нихъ умѣла также уже грамотѣ, и обѣ утѣшали насъ своими невинными дѣтскими дѣлишечками и обѣ подавали о себѣ уже намъ добрую надежду. Что касается до самой меньшей и четвертой моей дочери, Александры, то сія была еще на рукахъ младенцемъ и чтой-то не очень здорова, такъ что не было дальней надежды о ея жизни. Теща моя хотя начинала уже старѣться, но была также еще въ совершенныхъ силахъ, хотя и не всегда равно здорова. Кромѣ ее и жены моей, жила тогда еще съ нами помянутая дѣвушка, госпожа Бѣляева, которая всѣмъ поведеніемъ своимъ заставила насъ столько себя любить, что мы ее наравнѣ со своими родными почитали и сотовариществомъ ея были очень довольны.

Относительно до вышнихъ моихъ обстоятельствъ и положенія моего, то было оно наивожделѣннѣйшее. По особенной благодати Господней имѣлъ я счастье приобрести, живучи и въ семъ мѣстѣ, какъ отъ подкомандующихъ моихъ, такъ и отъ всѣхъ, кто меня только зналъ, всеобщую любовь, почтеніе и уваженіе. А и отъ самого командира моего, князя Гагарина, приобрѣталъ я часть-отъ-часу болѣе къ себѣ благосклонности и уваженія. Жизнь велъ я кроткую, тихую и умѣренную, и съ небольшимъ достаткомъ своимъ сообразную. Не отставалъ я совершенно отъ людей, но и впередъ ни въ чемъ не выдавался съ излишкомъ.

Всѣ расходы мои были умѣренныя; а чтобъ оныя еще болѣе сократить, то умножилъ я при себѣ людей, и перевезъ ихъ изъ своей деревни, нанялъ тутъ себѣ нѣсколько казенной земли и заставилъ ихъ пахать и засѣвать хлѣбомъ, дабы мнѣ онаго, для содержанія всего дома моего и заведеннаго тутъ же маленькаго скотоводства и птицеводства, безъ привоза изъ деревень моихъ было достаточно и я не имѣлъ бы нужды ничего изъ грубой провизіи для себя покупать. Сверхъ того, какъ квартира была у меня не наемная, дрова непокупные, въ овсѣ и сѣнѣ для лошадей не было мнѣ никакой надобности, ибо и лошади у меня и продовольствіе ихъ было казенное, то все сіе вмѣстѣ съ довольнымъ жалованьемъ, доходами, получаемыми съ небольшихъ моихъ деревеньшекъ, и процентами, получаемыми съ малаго моего и въ Кіасовкѣ еще основаннаго капиталца, часть-отъ-часу и увеличивало понемногу мой достатокъ и позволяло мнѣ содержать себя часть-отъ-часу лучше и жизнь свою вести свободнѣе. Къ тому-жъ и не было до сего и дальнихъ поводовъ къ излишнимъ расходамъ: по удаленности Богородицка отъ сосѣдственныхъ дворянскихъ домовъ, не могъ я имѣть обширнаго и такого знакомства, которое бы сопряжено было съ частыми и многими выѣздами и взаимными угощеніями къ себѣ приѣзжающихъ. Все мое тогда знакомство ограничивалось почти только двумя домами, господина Толбузина и г. Киреева, но и тѣ жили въ такой отъ насъ отдаленности, что нельзя было часто переѣзжаться и съ ними. А то же нѣкоторымъ образомъ можно было сказать и о домѣ гг. Верещагиныхъ, живущихъ въ Бобрікахъ. Нельзя сказать, чтобъ мы и съ ними видались очень часто, къ чему наиболѣе поводъ подавало то, что характеры сестеръ г. Верещагина, несмотря на все ихъ наружное благопріятство къ намъ, были какъ-то несогласны съ характерами моихъ семьянинокъ, а потому дальней охоты и не было къ нимъ часто ѣздить. Что-жъ касается до внутреннихъ нашихъ

по городу знакомцевъ, то свиданія съ ними и обхожденіе не доставляли намъ ни малѣйшихъ лишнихъ расходовъ. Всѣ они ограничивались только лекаремъ, господами Полуниными и архитекторскимъ помощникомъ Волковымъ, и съ людьми сими можно было по-просту и безъ дальнихъ околичностей обходиться.

Что касается до дѣлъ и упражненій моихъ, то дѣла по волости и по должности моей оказались далеко не столь многочисленны и для меня отяготительны, какъ я воображалъ себя сначала. А не успѣлъ я войти въ оныя и основать во всемъ порядокъ, такъ они сдѣлались для меня такъ легки, что я ихъ почти не чувствовалъ, и такъ малочисленны, что большую часть времени своего могъ я употреблять на собственные свои занятія и упражненія, и по всѣмъ симъ отношеніямъ должность моя была самая легкая и тѣмъ для меня пріятнѣйшая, что я могъ, отправляя оную, заниматься и литературными и другими любопытными и пріятными для меня занятіями, почему самому и могъ я ими сколько хотѣлъ заниматься, а сіе и было для меня всего пріятнѣе.

Въ семъ положеніи находился я при концѣ сего года, но въ наступающій, по всему видимому, надлежало во всемъ произойти многимъ перемѣнамъ, поелику прежняя моя, почти уединенная жизнь должна была кончиться и я, по случаю будущаго жительства въ семъ городѣ многихъ дворянскихъ фамилій, имѣть съ ними частнѣе свиданіе и тѣснѣе обращеніе, въ ожиданіи чего и кончили мы теченіе сего года.

А вмѣстѣ съ тѣмъ окончу я и сіе письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ... и прочая.

(Ноября 4-го дня 1809 года).

1778 годъ.

Письмо 193-е.

Любезный пріятель! Ну!... теперь начну я описывать вамъ наидостопамятнѣйшій и веселѣйшій для меня періодъ

моей жизни. Оной начался съ самаго наступленія 1778 года и продолжался многіе годы, и едва не цѣлыхъ 16 или даже 18 лѣтъ сряду. Правда, было сіе время хотя не все для меня хорошо и пріятно, но по временамъ веселая жизнь моя нарушаема была нерѣдко мрачными днями, наполненными многими огорченіями, смущеніями и досадами, но вообще можно назвать весь сей долговременный періодъ моей жизни наилучшимъ, веселѣйшимъ, выгоднѣйшимъ, пріятнѣйшимъ, благополучнѣйшимъ и знаменитѣйшимъ во всей моей жизни. Сдѣлался онъ таковымъ противъ всякаго моего чаянія и ожиданія, и я, начиная провождать сей годъ, нимало не воображалъ себя, чтобъ онъ былъ такъ веселъ и наполненъ толь многими пріятностями, какими мы въ теченіе онаго пользовались, но ожидать себя неинако какъ многихъ хлопотъ, досадъ и огорченій по случаю сожителства и обращенія съ людьми столь многими, мнѣ незнакомыми и характеровъ разныхъ, и не надѣялся нимало, чтобъ можно было мнѣ ужиться со всѣми ими въ мирѣ и согласіи, а думалъ, что неминуемо произойдутъ между нами ссоры и всякія склыки и дразни. Но произошло совсѣмъ тому противное, и благодѣтельной судьбѣ угодно было свести меня и заставить вмѣстѣ жить съ людьми хотя различныхъ характеровъ, но съ такими, съ которыми могъ я ужиться безъ всякихъ ссоръ и вражды, или съ которыми удалось мнѣ, противъ всякаго ожиданія, сладить и всѣхъ ихъ сдѣлать для себя не только друзьями и пріятелями, но побудить и самихъ жить и между собою въ примѣрномъ, похвальномъ и такомъ согласіи, что всѣмъ тѣмъ мы даже прославились и многіе житью нашему даже завидовали и превозносили оное похвалами.

Таковое хорошее и веселое житіе было въ особенности въ первыя 3 или 6 лѣтъ по открытіи намѣстничества и было намъ столь пріятно, что на вѣкъ осталось для насъ незабвенно. И я признаюсь, что и понинѣ не могу сего времени приводить себя на память безъ нѣкоего особеннаго

удовольствіи и сладкаго душевнаго ощущанія. Но я заговорился уже слишкомъ о сихъ общественностяхъ и мнѣ пора уже приступить къ повѣствованію подробнѣйшему о происшествіяхъ, бывшихъ въ теченіе сего перваго года.

Не успѣлъ начаться сей годъ, какъ и начались у насъ уже нѣкоторыя забавы и увеселенія. И самой первой день онаго, въ ожиданіи приѣзда выбранныхъ судей и опредѣленнаго городничаго, провели мы уже весело, потому что были не одни. У насъ была въ сіе время госпожа Кологривова, приѣхавшая къ намъ съ дѣтьми своими нарочно изъ Тулы въ гости для доказательства своей къ намъ любви и дружбы. И мы, начавъ вмѣстѣ съ нею сей годъ, провели сей день очень весело, ибо, желая ее сколько можно лучше угостить, завели въ сей вечеръ разныя святочные игры и забавы; а въ послѣдующій за симъ день подѣхали къ намъ изъ Бобрикъ и госпожи Верещагины, и народа прибавилось больше. Сіе подало поводъ къ множайшимъ еще святочнымъ увеселеніямъ, и мы провели и сей день очень весело, и госпожѣ Кологривовой было у насъ такъ пріятно, что она не прежде какъ уже послѣ ужина и въ ночь поѣхала отъ насъ обратно въ Тулу, а на мѣсто ея подѣхалъ къ намъ на третій день г. Толбузинъ съ семействомъ. Итакъ, всѣ сіи первые дни сего года были мы непрерывно съ людьми и провели оные весело.

Наконецъ въ сей третій день приѣхалъ уже въ нашъ городъ и городничій со всѣмъ своимъ домомъ и семействомъ и остановился на первой случай у Кобякова, одного изъ старинныхъ богородицкихъ и тогда ничего незначущихъ купцовъ, въ пакостномъ его домишкѣ на квартиру. Какъ сіе случилось утромъ, то не успѣлъ я о томъ узнать, какъ тотчасъ, хотя не по долгу, а изъ одной вѣжливости, къ нему поѣхалъ, чтобъ съ нимъ вновь обречькомендоваться и спознакомиться со всѣмъ его семействомъ. Состояло оно изъ его жены, Анны Ивановны, и трехъ дѣтей, двухъ сыновей и одной

дочери. Сія была дѣвушка уже на возрастѣ, равно какъ и старшій сынъ его, мальчикъ уже изрядной, а другой былъ еще маленькой. Всѣ они показались мнѣ людьми изрядными и такими, съ которыми обходиться было уже можно; почему, обласкавшись съ ними, изъявляя я сожалѣніе мое о томъ, что квартира у него такъ дурна и для нихъ безпокойна, и предлагая ему, чтобъ онъ поискалъ для себя между купеческими дворами получше, а буде нигдѣ не найдетъ, такъ не покажется-ли ему какой домъ изъ моихъ канцелярскихъ служителей, такъ бы я могъ пособить его нуждѣ и на время ассигновать ему и оной. Предложеніе таковое натурально было ему, а особливо женѣ его, пріятно, и я онымъ его равно какъ озадачилъ къ себѣ въ дружбу. Послѣ сего возилъ его показывать ему приготовленной подѣ присутственныя мѣста флигель дворцовой, и тамъ, выведивъ его по всѣмъ комнатамъ, пригласилъ его и со всѣмъ его семействомъ къ себѣ обѣдать; и какъ онъ на то согласился, то за женою и дѣтьми его тотчасъ послалъ я своихъ лошадей и повозку. Она не отрекалась также къ намъ приѣхать, и какъ мы старались всячески ихъ угостить, то были они ласкою нашею довольны и съ сего дня началась у насъ съ ними дружба и знакомство. Мы не отпустили ихъ отъ себя во весь сей день; а какъ кстати подѣхалъ къ намъ передъ вечеромъ и оставшійся у насъ ночевать помянутой г. Толбузинъ съ своимъ семействомъ, то сей случай познакомилъ его и съ нимъ, и мы всѣ вмѣстѣ и сей святочной вечеръ провели безъ скуки и довольно весело.

На другой день послѣ сего, не успѣли мы послѣ обѣда проводить отъ себя г. Толбузина, какъ приѣхалъ къ намъ одинъ уже изъ судей, приѣхавшихъ въ этотъ день въ городъ. Былъ то одинъ изъ богородицкихъ дворянъ, изъ фамиліи Арсеньевыхъ, и назывался Николаемъ Сергѣевичемъ. Сей человекъ былъ до того времени мнѣ хотя совсѣмъ незнакомъ, но мы съ первой уже минуты сви-

данія и знакомства нашего такъ другъ друга полюбили, что сдѣлались друзьями, и котораго ласкою, почтеніемъ и уваженіемъ къ себѣ я во все послѣдующее время отиѣнно былъ доволенъ, и съ которыми дружба продолжается и понынѣ. Онъ избранъ былъ тогда засѣдателемъ въ нижній земскій судъ и приѣхалъ ко мнѣ, чтобъ со мною обрекомендоваться и познакомиться, а притомъ съестся и родствомъ, хотя весьма дальнимъ, по которому и называлъ онъ меня всегда своимъ «дядюшкою». Но какъ бы то ни было, но мы постарались и его всячески у себя угостить и ласками своими къ пріязни озадачить.

Между тѣмъ какъ мы съ нимъ въ разныхъ разговорахъ проводили вечеръ, подъѣхалъ къ намъ опять и городничій, съ убѣдительною просьбою о томъ, чтобъ я дозволилъ у себя, какъ въ лучшемъ во всемъ селеніи домѣ, квартировать губернатору, которому на тѣхъ дняхъ должно было приѣхать къ намъ для открытія всѣхъ судебныхъ мѣстъ. Для меня сіе было хотя нѣсколько и отяготительно, но какъ сей случай могъ меня съ губернаторомъ познакомить короче, то и не противился я нисколько, но съ охотою изъяснилъ ему на то свое согласіе.

Весь послѣдующій за симъ день, случившійся въ навечеріи Крещенья, былъ я чтой-то такъ нездоровъ, что принужденъ былъ принимать лекарство. Произошло сіе оттого, что я, осматривая всякой день недавно отдѣланныя и тогда только-что высушиваемыя комнаты во флигелѣ замка, или дворца, отъ чада и штукатурнаго испаренія сильно поугорѣлъ. Но болѣзнь сія не имѣла никакихъ дальнихъ послѣдствій и не воспрепятствовала мнѣ принять у себя заходившаго опять ко мнѣ городничаго, занимавшагося въ этотъ день осматриваніемъ всѣхъ квартиръ въ городѣ нашемъ и назначиваніи оныхъ подъ ожидаемыхъ съ часу на часъ судей изъ ихъ жительствовавшихъ къ приѣзду губернатора съѣзжаться и собраться. Ввечеру же сего дня присылалъ онъ къ намъ жену свою съ

препокорнѣйшею просьбою, чтобъ мы дозволили переѣхать имъ на время въ домъ къ одному изъ канцеляристовъ моихъ, Щедилову, которой былъ лучший изъ всѣхъ прочихъ. Мнѣ хотя и не весьма хотѣлось обременить симъ сего моего лучшаго письмоводителя, но желая тѣмъ услужить городничему, послалъ тотчасъ за хозяиномъ, и какъ онъ, по убѣжденію моему, на то согласился, то и дозволилъ я имъ занять подъ себя сію квартиру, гдѣ онъ однако не долго стоялъ; ибо я, желая освободить сего старика отъ сего бремени, велѣлъ для городничаго опростать, очистить и прибрать одну изъ казенныхъ деревянныхъ связей, построенныхъ для житья нашимъ волостнымъ солдатамъ и мастеровымъ людямъ, въ которую онъ посѣлъ и переѣхалъ и былъ сею квартирою еще довольнѣе прежней.

Наконецъ кончились наши святки и насталъ день Богоявленія Господня, въ которой всѣ мы были въ церкви на островку у обѣдни и потомъ на водѣ. Намъ восхотѣлось въ сей день сдѣлать у себя небольшую пирушку, почему и пригласилъ я всѣхъ къ себѣ обѣдать, отчего они натурально и не отказались. Итакъ, обѣдали у меня въ сей день городничій со всѣмъ своимъ семействомъ, помянутой г. Арсеньевъ и еще одинъ изъ приѣхавшихъ судей, Сергѣй Ильичъ Шущеринъ. Съ симъ добрымъ и любезнымъ молодымъ человекомъ мы также въ первую минуту нашего знакомства такъ сдружились и такъ другъ друга полюбили, что съ того времени сдѣлались навсегда добрыми и искренними друзьями, и я пріязню и ласкою его самого и всего его семейства былъ очень доволенъ. Кромѣ сихъ, обѣдалъ у меня въ сей день и нашъ лекаръ; итакъ, народа набралось таки довольно, и это былъ первой маленькой пиръ, данной мною моимъ будущимъ сотоварищамъ въ жизни.

Едва только окончились наши праздники, какъ въ послѣдующій за симъ день и сталъ наполняться весь нашъ городъ съѣзжавшимися со всѣхъ сторонъ судьями и опредѣленными въ суды прочими канце-

лярескими служителями и чиновниками. Какъ я игралъ тогда во всемъ Богородицкѣ первую роль и домъ мой былъ знаменитѣйшій, и до всѣхъ судей тотчасъ доходилъ слухъ о моемъ ласковомъ со всѣми обращеніи и благосклонномъ всѣхъ приѣмѣ, то всѣ они за первой себѣ долгъ почитали призвать ко мнѣ для изъясненія ко мнѣ своего уваженія и рекомендація себя въ мою благосклонность и дружбу. Признаюсь, что такое отъ всѣхъ уваженіе было мнѣ весьма непротивно и натурально побуждало меня соответствовать имъ взаимно своими ласками и контравизитами. Всѣхъ тѣхъ, которые изъ нихъ были у меня предъ обѣдомъ, не отпускалъ я отъ себя, не угостивъ ихъ обѣденнымъ столомъ. А какъ къ вечеру собрались они всѣ ко мнѣ, а подѣхалъ къ намъ и двоюродной братъ жены моей, Евграфъ Александровичъ, съ женою, и народа набралось множество, то сіе и подало поводъ къ первой у меня тогда вечеринкѣ. Я старался занять ихъ всѣхъ разными играми, а чтобъ было веселѣе, заставилъ своего Давыдовича брянчать на гусяхъ выученныя имъ отъ меня нѣкоторыя штучки, аккомпанируя ему самъ сколько умѣлъ на своей скрипкѣ. Снмъ возбудилъ я въ дѣтяхъ своихъ и городничаго, бывшихъ также у меня, охоту къ танцованію, и они попрыгали у насъ какъ умѣли, а имъ иногда дѣлали и изъ насъ тѣ, кои были помоложе и повеселѣе, товарищество; и какъ все обращеніе между собою постарался я дѣлать свободнымъ, непринужденнымъ, простымъ, безъ всякихъ чиновъ и церемоніаловъ, а прямо дружескимъ, то симъ и далъ я почувствовать всю пріятность такого невиннаго дружескаго времяпрепровожденія, и мы съ особымъ удовольствіемъ провели весь вечеръ и сдѣлались уже всѣ добрыми пріятелями, и родственнику моему, г. Каверину, сіе такъ полюбилося, что онъ пробывъ у насъ и весь послѣдующій за симъ день.

Съ сего дня начали мы со дня на день ожидать приѣзда къ себѣ губернатора; но приѣздъ его какъ-то позамедлился, и

мы цѣлыхъ пять дней его тщетно ожидали. И какъ всѣмъ съѣхавшимся господамъ судьямъ и другимъ чиновникамъ въ сіе время дѣлать еще было нечего, то и провели они оное въ непрерывныхъ другъ друга на квартирахъ своихъ посѣщеніяхъ и угощеніяхъ другъ друга на походную руку; ибо надобно сказать, что они съѣхались тогда всѣ еще налегкѣ, безъ своихъ семействъ, и на первой случай расположились кой-гдѣ по квартирамъ; и какъ никто изъ нихъ не имѣлъ еще порядочной и не обострожился, то все сіе и побуждало ихъ наиболѣе уклоняться ко мнѣ, и тѣмъ паче, что я и самъ ихъ приглашалъ къ частѣйшему посѣщенію меня отъ скуки. Итакъ, не проходило дня, въ которой-бы многіе изъ нихъ у меня не перебивали; а по вечерамъ было всѣмъ имъ почти ежедневное общее сборище у меня въ домѣ, и всѣ тутъ, сдѣлавшись другъ съ другомъ знакомѣе, препровождали мы все вечернее время въ смѣхахъ, издѣвкахъ, въ разныхъ простыхъ увеселительныхъ карточныхъ и другихъ играхъ и прямо въ дружескомъ, простомъ и пріятномъ препровожденіи времени. Я перечислялъ ихъ играть въ свой любимой реверсисъ и тароки, а они затѣяли разные свои игры, и всякой занимался тѣмъ, что кому было угодно; а ни одинъ разъ, завеселившись, не отпускалъ я ихъ всѣхъ отъ себя и безъ ужина; что все еще болѣе всѣхъ ихъ ко мнѣ прилѣпляло.

Но теперь время пересказать мнѣ вамъ, кто таковы всѣ судьи сіи и тогдашніе мои ежедневные гости именно были. Я начну съ нашего предводителя. Сей былъ одинъ изъ зажиточнѣйшихъ богородицкихъ дворянъ изъ фамиліи господъ Сухотинныхъ, человекъ не слишкомъ знаменитый, но доброй, простой и прямо на нашу руку. За нимъ слѣдовалъ уѣздной судья, господинъ Албычевъ, по имени Алексѣй Андреевичъ, человекъ степени, почтенной и всѣмъ обращеніемъ своимъ прелюбезной. Засѣдателями и товарищами ему въ уѣздной судъ избраны были: нѣкто господинъ Арсеньевъ, Андрей Сергѣевичъ и помянутой господинъ

Шушеринъ, Сергѣй Ильичъ. Въ исправники назначенъ былъ нѣкто господинъ Пушкинъ, Петръ Семеновичъ, а засѣдателями къ нему: меньшой братъ уѣзднаго суда засѣдателя, помянутой выше сего, г. Арсеньевъ, Николай Сергѣевичъ, а другой нѣкто господинъ Басовъ, человѣкъ незначущій и маловажной. Кроме сихъ были отъ короны опредѣленные: помянутой городничій Антонъ Никитичъ Сухотинъ, казначеимъ—нѣкто господинъ Плотниковъ, а стряпчимъ—одинъ изъ богородицкихъ сосѣднихъ дворянъ Александръ Андреевичъ Хомяковъ, человѣкъ молодой и зажиточной, но съ умомъ нѣсколько поразстроенымъ. Кроме сихъ, былъ тогда еще изъ приѣзжихъ дворянъ майоръ Остаповъ.

Вотъ изъ сколь многихъ особъ состояло все тогдашнее наше общество. Всѣ они были характеровъ разныхъ, но кои опишу я вамъ послѣ, когда порядокъ доведетъ меня рассказывать о ихъ семействахъ; а теперь только скажу, что многіе изъ нихъ были люди очень еще не старые и нѣкоторые въ особливости веселаго нрава. Таковымъ въ особливости изъ всѣхъ отличался нашъ исправникъ г. Пушкинъ, человѣкъ еще молодой и въ особливости склонной къ шуткамъ и дружескимъ безобиднымъ издѣвкамъ и труненію надъ другими; а сіе и оживляло все наше слово и дѣлало обращеніе наше другъ съ другомъ пріятнѣйшимъ и веселѣйшимъ.

Наконецъ, 12 числа, по тщетномъ пятидневномъ ожиданіи губернатора, перетревожены мы были приѣздомъ къ намъ его канцеляріи съ увѣдомленіемъ, что вслѣдъ за нею скоро хотѣлъ и онъ приѣхать. Всѣ тогда въ одинъ мигъ сбѣжались и съѣхались ко мнѣ, какъ въ квартиру губернаторскую, да и я своимъ домашнимъ велѣлъ поперебраться съ излишнимъ изъ своей гостинной въ боковыя и заднія комнаты и опростать залъ и гостинную для губернатора. И съ сего времени начали мы приѣзда его ожидать ежечасно, будучи всѣ въ совокуленіи. Но прошелъ день и прошелъ весь вечеръ, и губернатора не было и всѣ принуждены были,

поужинавъ у меня, разлѣхаться по квартирамъ.

Какъ всѣ не сумнѣвались и за вѣрное полагали, что не приѣхавши въ этотъ день непременно прибудетъ онъ въ послѣдующій за симъ, и по всей вѣроятности ввечеру, то собрались опять ко мнѣ всѣ сін господа до единого, и дабы не скучно было провождать время въ мучительномъ ожиданіи, не долго думая, разставили ломберные столы и принялись за прежнія свои веселыя игры и дружескія занятія. Начались опять разныя шутки и издѣвки, смѣхи и хохотанья, и гулъ отъ того раздавался по всѣмъ комнатамъ. Посреди самыхъ сихъ дружескихъ забавъ, и какъ теперь помню, въ самое то время, когда мы, играя съ предводителемъ, городничимъ и Пушкинымъ въ реверсисъ до слезъ почти хохотали надъ ежеминутнымъ забываніемъ нужныхъ въ сей игрѣ предосторожностей нашимъ простодушнымъ предводителемъ, которому за проступки сін то и дѣло доводилось ставить беты и платить положенные штрафы, перетревожены мы были впряхъ вбѣжавшимъ къ намъ вѣстовымъ съ увѣдомленіемъ, что губернаторъ ѣдетъ, и вѣзжаетъ уже въ городъ. Боже мой! какая сдѣлалась тогда у насъ всеобщая сумятица и тревога! Городничій, безъ памяти вскочивъ, бросилъ карты и все, побѣжалъ безъ души садиться скорѣе въ стоящія передъ крыльцомъ въ готовности свои сани и поскакалъ для встрѣтенія губернатора. Мы всѣ также повскакали съ своихъ мѣстъ, побросали карты и кричали слугамъ, чтобы скорѣе прибирали столы и устанавливали все къ мѣсту и освѣщали залъ и лакейскую и для скорѣйшаго приведенія всего въ порядокъ помогали имъ въ томъ и сами. Другіе бросились отыскивать свои шапки и шляпы, и всѣ вообще стали оправляться и хорохориться, готовясь для встрѣчи губернатора, которой всѣмъ намъ былъ еще незнакомъ и натурально, какъ начальникъ губерніи, особеннаго уваженія, а особливо тогда, былъ достоинъ.

Но что-жъ воспослѣдовало? проходить

нѣсколько минутъ—губернатора нашего нѣтъ; проходить еще столько-жъ,—о губернаторѣ нѣтъ ни слуху, ни послушанія. Проходить еще съ четверть часа—ни губернаторъ и ни городничій не показываются. «Что за диковинка! думаемъ и говоримъ мы между собою: развѣ еще не доѣхалъ или зачѣмъ-нибудь остановился?» Но вдругъ наконецъ зашумѣли вдали сани.—«Губернаторъ! губернаторъ!» закричали мы и бросились всѣ въ лакейскую, чтобъ итти встрѣчать его на большое мое каменное крыльцо. Но едва только хотѣли растворять въ сѣни двери, какъ на встрѣчу къ намъ городничій въ своей шубѣ и шляпѣ, весь съ головы до ногъ занесенный ключами снѣга и власно какъ напудренной, и очень отъ стужи покраснѣвшій. «Что, братецъ? закричали мы всѣ въ одинъ голосъ: гдѣ губернаторъ?»—«Какой вамъ губернаторъ! смѣючись отвѣчалъ онъ намъ: ежели хотите такъ же одурачиться, какъ я, такъ садитесь въ мои сани и выѣзжайте на улицу». Удивилъ онъ насъ симъ своимъ привѣтствіемъ; а онъ, увидя нетерпѣливость нашу узнать дальнѣйшее, разрѣшилъ сію загадку, говоря намъ, раздвѣаясь, слѣдующее: Возможно-ли, что случись теперь со мною! Посмѣйтесь, государи мои, моей глупости. Отъ роду не случалось со мною еще такого случая. Вѣдь дуракъ-то мой вѣстовой всѣхъ насъ обманулъ и по пустому перетревожилъ, а меня только въ прахъ изнобилъ, измочилъ и въ сущіе дураки поставилъ. Покажись этому глупцу и существу фалалею, что ѣдетъ возокъ губернаторской! Но правду сказать, его нѣсколько и извинить можно: въ такую вьюгу и густую мятель, какая теперь на дворѣ, не мудрено хотъ кому ошибиться. На сажень почти ничего впередъ явственно не видно. Я и самъ хорошохонько обманулся. Но стой! я расскажу вамъ все дѣло по порядку. Подхвати его къ себѣ въ сани, ну я скакать вдоль по слободѣ, и въ помышленіяхъ, какъ мнѣ встрѣтитъ губернатора и чтó говорить, выѣзжаю совсѣмъ изъ города. Но какъ губернатора не было и въ появі, то спрашиваю

я этого фалалея, гдѣ-же губернаторъ?—«Вонъ тамъ, вонъ тамъ впереди, говорилъ онъ мнѣ: я его ѣдущаго въ возкѣ видѣлъ».—Но подлинно-ли ты его видѣлъ? спросилъ я.—«Какъ же, судырь, подлинно; и давеча было свѣтлѣе, и теперь только понесла такая густая мятель».—Но гдѣ-жъ онъ, говорю я, остановившись?—«Богъ его знаетъ! развѣ зачѣмъ-нибудь остановился; а видѣть я его подлинно, хотъ издали, а видѣлъ».—Хорошо, братъ; такъ постоямъ-же здѣсь на мѣстѣ и подождемъ. И по выходѣ изъ саней и стали мы устремлять свои взоры сквозъ несомой вѣтромъ прямо намъ въ глаза прегустѣйшій снѣгъ. Но какъ долго стремленія его выдержать никакъ было не можно, то, завернувъ лицо свое отъ снѣга въ шубу, говорю я ему: «Ну, смотри-жъ пристальнѣй и не прозѣвай, братъ, и скажи мнѣ, какъ скоро увидишь». Не успѣлъ я симъ образомъ, закутавши лицо свое въ шубу, минуты двѣтри простоять, какъ закричалъ мой вѣстовой: «ѣдетъ, ѣдетъ! судырь! и вотъ возокъ его уже почти передъ нами». Я глядъ, и вижу дѣйствительно вблизи уже нѣчто ѣдущее черное и большое, и обробѣвъ какъ баба, безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія, ровъ съ себя скорѣй шубу, и какъ въ самый тотъ мигъ то черное и большое поровнялось съ нами, то второпяхъ сочтя это дѣйствительно возкомъ губернаторскимъ, безъ дальняго откладыванія и разсматриванія хватъ я съ себя шляпу и отвѣсилъ ему пренизкой поклонъ. Но вообразите себѣ, государи мои, чтó было тогда со мною, какъ вдругъ, приподнявшись и подошедъ ближе, вмѣсто возка и губернатора увидѣлъ передъ собою... чтó-бъ вы думали?... большой возъ сѣна. «Тьфу! какая пропасть!... махнувши обѣими руками, закричалъ захохотавши я, гдѣ былъ у меня умъ и разумъ, и возможно-ли быть такъ слѣпу и такъ глупо обмануться!...»

Не успѣли мы сего услышать, какъ всѣ вдругъ захохотали, и хохотали даже до слезъ сему смѣшному происшествію. Городничій самъ, нимало за то не сердясь, хохоталъ вмѣстѣ съ нами и только-что повторялъ: «что, братцы! былъ истинно

такой грѣхъ со мною, и надобно было на ту бѣду итти такому густому снѣгу, что и не можно было ничего и въ самой близи разсмотрѣть явственно. Но правду сказать, какъ бы не разсмотрѣть, если бы были осторожниѣ и не такъ обоихъ насъ объяла торопливость. Уже мы съ вѣстовымъ хохотали, хохотали сей общей нашей съ нимъ ошибкѣ».

Насмѣявшись и нахохотавшись до сыта сему смѣшному случаю, сказали мы наконецъ: «Что-жъ, братцы, не опять-ли намъ приниматься за прежнее свое дѣло?...»—«Чего долго думать! закричали всѣ. Итакъ, давай опять становить столы, отыскивать карты и продолжать прежнія свои игры въ оныя; но не проходило и десяти минутъ, чтобъ не вспоминалось намъ опять помянутое происшествіе и мы опять, засмѣявшись, начинали у городничаго спрашивать: «Какъ-же, братецъ, Антонъ Никитичъ, ты возу-та сѣна кланялся?»—«Что, братцы! грѣхъ да бѣда на кого не живетъ! говорилъ онъ: лошадь и о четырехъ ногахъ, и та вспотыкается, а мнѣ, старику, немудрено было съ заслѣпленными снѣгомъ глазами обмануться. Мнѣ пуще всего жаль своего мундира,—все его измочить...»

Болѣе часа проводили мы еще послѣ сего въ играхъ своихъ, смѣхахъ и хохотаньяхъ, но губернатора нашего, котораго велѣли смотрѣть уже не одному, а тремъ, и смотрѣть прилежниѣ, не было еще и въ появѣ. Уже настало время ужинать, уже намъ и ѣсть всѣмъ захотѣлось, но его все еще не было. Итакъ, нехотя мучить домашнихъ своихъ, велѣлъ я накрыть столъ и подавать ѣсть, и ну-ка мы скорѣе и безъ дальнихъ чинувъ и кое-какъ ужинать, дабы опростать опять залу. Собрали наконецъ и со стола, и все мое семейство полеглось уже спать, но мы расположились все еще ждать; но какъ и опять прошло нѣсколько часовъ и время перешло уже далеко за полночь, а губернатора все еще не было, то заключая, что конечно онъ и въ этотъ вечеръ къ намъ, и можетъ быть за вьюгою и мятежью, не будетъ, рѣшились всѣ нако-

нецъ разлѣхаться по домамъ и оставили меня одного дома.

Но что-жъ воспослѣдовало? Не успѣлъ я, разлѣвшись излегка, лечь въ кабинетѣ своемъ спать и всѣ поугомониться, какъ прибѣгаетъ безъ души вѣстовой и разбужаетъ насъ крикомъ, что губернаторъ ѣдетъ, а вслѣдъ за нимъ зашумѣла и повозка его дѣйствительно подъ окномъ у меня въ воротахъ. Я радъ тогда былъ, что не совсѣмъ раздѣлся и что не погасили совсѣмъ огня. Итакъ, вмгъ вздернувъ на себя кафтанъ, успѣлъ я еще губернатора встрѣтить въ снѣгахъ и провелъ его въ свою назначенную для него гостинную комнату.

Какъ губернаторъ обошелся со мною совсѣмъ не гордо, а очень ласково и просто, то просилъ я его извинить насъ всѣхъ, что мы его не встрѣтили всѣ по должности, сказывая ему, что мы къ тому были готовы и уже трое сутокъ его съ часу на часъ въ собраніи здѣсь ожидали, и что всѣ господа судьи съ городничимъ и всю сію ночь пробыли здѣсь и за нѣсколько только минутъ отъ меня поѣхали. И какъ онъ охотно ихъ въ томъ извинялъ, а извинялся еще и самъ, что онъ поупоздалъ своимъ выѣздомъ и что его много и мятежъ задержала, то спрашивалъ я его, прикажетъ ли онъ изготовить вечерній столъ?—«Ахъ нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! сказалъ онъ, пожалуй, не безпокойся! Я никогда не ужинаю, а чашку-бы чаю охотно теперь выпилъ».

Сей тотчасъ у меня и поспѣлъ, ибо чайникъ съ водою и не сходилъ съ огня; а между тѣмъ, покуда его готовили и подавали и покуда разбуженный также городничій одѣвался, убирался и къ намъ безъ души приѣхалъ, и губернаторъ, стоячи у печки, отогрѣвался, имѣлъ я случай съ полчаса времени одинъ наединѣ съ нимъ бесѣдовать; и эти полчаса не только насъ другъ съ другомъ познакомили, но даже и сдружили такъ, что онъ по смерти свою былъ ко мнѣ не только очень добръ, но и откровенно любилъ меня, а и я его почиталъ и любилъ искренно. Я напелъ въ немъ человѣка умнаго, ученаго,

свѣдущаго и охотника до наукъ и художествъ, а притомъ весьма любопытнаго, и самого добраго негорделиваго и ласковаго характера; а какъ онъ и во мнѣ, противъ всякаго чаянія своего, нашелъ человѣка почти такого-жъ и во многихъ вещахъ съ нимъ единообразнаго, то не успѣли мы съ нимъ начать говорить, какъ слово за слово и вошли въ такіе разговоры, что намъ обоимъ и перестать почти не хотѣлось, и мы готовы бы были проговорить всю ночь, если-бъ не помѣиналъ намъ прискакавшій безъ души г. городничій, котораго о добромъ характерѣ, равно какъ о добротѣ и прочихъ судей, я уже успѣлъ губернатору съ похвалою рассказать; а потому губернаторъ, будучи уже хорошаго объ нихъ мнѣнія, не только не взыскивалъ съ него того, что онъ его не встрѣтилъ, но желая лучше съ однимъ со мною еще нѣсколько поговорить, тотчасъ его отъ себя отпустилъ, говоря, чтобъ онъ ѣхалъ съ покоемъ себѣ отдыхать, да и прочихъ никого бы не тревожилъ, а явились бы они къ нему поутру. Итакъ, оставшись со мною опять, и покуда внесли и совсѣмъ приготовили для его кровать, проговорилъ онъ со мною еще съ добрую четверть часа и все о вещахъ ученыхъ и любопытныхъ; а наконецъ отпустилъ онъ меня досыпать остальную часть ночи и самъ уединился.

Наутріе собрались всѣ наши судьи и чиновники ко мнѣ, прежде нежели онъ всталъ и одѣлся и удивились, что приняты были отъ губернатора не только ласково, но съ отмѣнною благосклонностью, а особливо тѣ, которые были того, по предваренію моему, достойнѣе прочихъ. Они тотчасъ сіе запримѣтили, и догадываясь, отчего то происходило, невѣдомо какъ меня за то благодарили. Со мною же при всѣхъ обходился онъ не какъ съ подчиненнымъ, а какъ съ давнишнимъ своимъ знакомцемъ и пріятелемъ, просто, дружески и откровенно, а сіе заставило господъ судей еще болѣе меня уважать.

Мы провели все утро съ нимъ въ разныхъ любопытныхъ разговорахъ, и онъ не столько говорилъ съ судьями, какъ со

мною, и я его пріятнѣйшимъ для него образомъ занялъ показываніемъ ему всего того, чтѣ у меня было зрѣнія и любопытства достойнаго. Когда-же все къ открытію присутственныхъ мѣстъ было приготовлено, то пошли мы съ нимъ открывать оныя по обыкновеннымъ обрядамъ, и день сей былъ для Богородицка прямо торжественной и на вѣкъ достопамятной. Случилось сіе въ 14-й день генваря мѣсяца и производилось дѣйствіе сіе при стеченіи множества народа и всѣхъ лучшихъ жителей сего мѣста.

По окончаніи сего торжественнаго дѣйствія, губернаторъ, будучи особеннымъ охотникомъ до строенія, осматривалъ во флигелѣ и всѣ прочія комнаты; и какъ ихъ, за помѣщеніемъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, оставалось еще очень много излишнихъ, то и дозволилъ онъ ихъ занять судьямъ для своего пребыванія и жительства, а особливо тѣмъ, которые были семьянистѣе, и разспросивъ о семействахъ ихъ, далъ охотно позволеніе имъ для привоза семействъ своихъ, на нѣсколько дней, хотя не всѣмъ вдругъ, отлучиться, и изъявлялъ удовольствіе свое о томъ, что они имѣтъ тутъ будутъ квартиры спокойныя и что жить имъ тутъ будетъ не скучно, а особливо, промолвилъ онъ, обратясь ко мнѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ и въ сотовариществѣ съ такимъ любезнымъ человѣкомъ, хозяиномъ сего селенія. Я не преминулъ отвѣсить ему за сей пріятной для меня комплиментъ пренизкой поклонъ, и повелъ его потомъ показывать главной корпусъ дворца, а потомъ въ нашу церковь, гдѣ съ отмѣннымъ удовольствіемъ любовался онъ живописью г. Некрасова и увѣщевалъ его, чтобъ онъ былъ при такихъ дарованіяхъ воздержнѣе отъ его слабости. А изъ церкви пригласилъ я всѣхъ къ себѣ къ приготовленному уже обѣду, которой, натурально, постарался я koliko можно сдѣлать лучшимъ. И губернаторъ нашъ всѣмъ тѣмъ, а особливо простымъ и откровеннымъ моимъ обхожденіемъ, былъ очень доволенъ, и ему угощеніе мое и пребываніе у насъ такъ полюбілось, что

онъ съ особливою охотою на приглашеніе мое согласился остаться у насъ на весь тотъ день и вечеръ, и отъѣздъ свой въ Епифанъ отложить до утра. Итакъ, мы и достальное время сего дня и весь вечеръ провели съ нимъ и съ лучшими изъ господъ судей вмѣстѣ и въ дружескомъ почти обхожденіи пріятно и очень весело. А все сіе спознакомило и сдружило меня съ нимъ еще больше и онъ поѣхалъ отъ насъ уже на другой день очень рано, разблагодаривъ меня впрахъ за мое угощеніе.

Проводивъ сего знаменитаго гостя и сживъ сію обузу съ рукъ, отдыхали мы весь тотъ день всѣ по своимъ квартирамъ, ибо надобно признаться, что все вышеупомянутое насъ всѣхъ и обезпонило нѣсколько, и хлопотъ и суетъ было при семъ случаѣ довольно, и по словищѣ говоря, полноъ ротъ.

Не успѣли мы дней трехъ нѣсколько поотдохнуть и въ сіе время всѣ излишніе изъ приѣзжихъ господъ поразѣхаться, какъ явился новой случай ко всеобщему торжеству и празднованію. Получено было извѣстіе о рожденіи нынѣ благополучно царствующаго государя императора, а тогда великаго князя Александра Павловича и вѣдно было вездѣ торжествовать сей день и молебствовать о семъ радостномъ произшествіи. Какъ предписаніе о семъ отъ начальства было уже не мнѣ, а городничему и относилось сіе уже до существующаго новаго города Богородицка, то надлежало все торжество сіе производить городничему. Онъ сіе и исполнилъ по силѣ своей и возможности, и по окончаніи молебнаго пѣнія пригласилъ всѣхъ судей и насъ къ себѣ на обѣдъ, и это было еще въ первой разъ, что онъ угощалъ насъ всѣхъ у себя обѣденнымъ и вечернимъ столомъ и бывшею у него вечеринкою. Городъ же, или паче, все село наше было въ сей вечеръ иллюминировано, и не только вездѣ въ домахъ и на окнахъ горѣли свѣчи, но и на улицахъ въ безопасныхъ мѣстахъ разставлены и зажжены были смоляныя бочки. А какъ у меня къ сему времени поспѣлъ

вновь мною выдуманной иллюминаціонной ящикъ съ раскрашенными разными колерами слюдами, то для приданія сему торжеству болѣе блеска велѣлъ я его принести, и зажегши въ немъ свѣчи, поставить предъ квартирою городничаго, и чрезъ-то подаль поводъ ко стеченію всѣхъ почти жителей для смотрѣнія сего невиданнаго еще никогда ими зрѣлища, и мы всѣ провели сей вечеръ также въ разныхъ играхъ и съ особеннымъ удовольствіемъ.

Происходило сіе 18-го генваря, а въ послѣдующій за симъ день ѣздили всѣ мои семьянинки къ Верещагинымъ въ Бобрики и тамъ ночевали, а я, по случившимся недосугамъ, съ дѣтьми оставался дома и принужденъ былъ угощать приѣхавшую къ намъ госпожу Абаринову, Арину Васильевну.

По возвращеніи ихъ назадъ въ Богородицкъ, стали мы помышлять о ѣздѣ въ Москву и въ сей предпринимаемой путь вмѣстѣ съ женою готовиться. Къ предпріятію сему побуждали меня разные причины. Во-первыхъ, хотѣлось намъ съ женою и для собственныхъ нашихъ надобностей побывать сею зимою въ Москвѣ; а во-вторыхъ, необходимо надобно было повидаться съ старикомъ-княземъ, моимъ командиромъ, и поелику ему въ сіе лѣто не случилось приѣзжать къ намъ въ волость по обыкновенію, то донести ему обо всемъ въ теченіе сего года въ ней происходившемъ и обо всемъ томъ, что мною въ нихъ сдѣлано. Сверхъ того необходимо нужно было мнѣ быть тамъ, при сдѣлкѣ его съ намѣстникомъ, въ разсужденіи обмѣна деревнями.

Итакъ, я всѣ послѣдующіе дни проводилъ въ сборахъ и окончаніи всѣхъ приготавливаемыхъ бумагъ для предложенія князю. Наиважнѣйшими изъ сихъ были прежде упомянутые планы, относящіеся до предпринимаемаго обмѣна землями и деревнями. Но сего было еще недовольно; но я, вѣдая, что у князя не было и маленькаго всѣмъ нашимъ волостямъ плана, а были только у насъ большіе межевые, которые по величинѣ и

огромности своей не имѣли ни малѣйшей удобности къ разсматриванію оныхъ, то желая старику-князю сдѣлать особенную услугу, взялъ я на себя трудъ поползать многіе дни сряду по всему большому плану Богородицкой волости и составить изъ ней и Бобриковской совокупно одну маленькую географическую, или паче, топографическую карту, съ показаніемъ на ней и положенія самыхъ тѣхъ монастырскихъ селъ и деревень, кои приписаны и назначены мною для обмѣна. И хотя дѣло сіе сопряжено было со многими трудами и неудобностями, а особливо при бывшихъ предъ симъ недосугахъ и отвлеченій разныхъ, по случаю которыхъ принужденъ я былъ выгадывать уже для себя одни только утренніе часы и заниматься въ оныя симъ дѣломъ, ибо въ прочее время, за разѣздами и свиданіями съ судьями, и помышлять о томъ было некогда. Однако, при помощи обыкновенной своей дѣятельности успѣлъ я совершить и сіе великое дѣло, и къ отъѣзду своему сію маленькую, но весьма важную и нужную карточку кончить и приготовить, а сверхъ того, сочинить еще особаго рода и прелюбопытную вѣдомость о родившихся и умершихъ въ теченіе минувшаго года въ волостяхъ, которая также стоила мнѣ многихъ трудовъ. Наконецъ, вѣдая давнишнее желаніе князя имѣть и обстоятельное описаніе всѣмъ нашимъ волостямъ, то будучи тогда уже въ состояніи сіе его желаніе выполнить и пачавъ оное сочинять уже за нѣскольکو до сего времени, старался въ сіи дни и сіе обширное и также мнѣ много трудовъ стоящее описаніе кончить и къ отъѣзду своему переписать набѣло. Словомъ, всѣ дни сіи преисполнены были множествомъ дѣлъ. Однако, несмотря на то, продолжали мы и въ сіи дни свиданія съ тѣми изъ судей нашихъ, которые въ деревни свои еще не отъѣхали, и не одинъ разъ также препровождали вечера вмѣстѣ, при каковыхъ случаяхъ не отпуская я ихъ никогда отъ себя безъ ужина, а иногда приглашалъ ихъ также къ себѣ и обѣдать.

Наконецъ, окончивъ всѣ свои дѣла и собравшись въ путь, поручилъ я правленіе волости безъ себя старшему изъ канцелярскихъ своихъ, Варсобику, ибо бобриковского управителя, господина Верещагина, на сей разъ не случилось на лицо, а онъ находился въ отпуску и былъ въ сіе время въ Петербургѣ, съ сыномъ княжимъ, князь Сергіемъ Сергѣевичемъ, къ которому какимъ-то образомъ нашелъ онъ случай подбиться въ любовь и довѣренность особую. А учинивъ сіе и оставивъ тещу свою съ дѣтьми въ Богородицкѣ, и отправились мы съ женою въ Москву.

О семъ путешествіи нашемъ и о томъ, что происходило съ нами въ Москвѣ, узнаете вы изъ письма послѣдующаго; а теперешнее, какъ достигнувшее до своихъ предѣловъ, дозвольте мнѣ симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Ноября 6-го дня 1809 года).

ѢЗДА ВЪ МОСКВУ И ПРЕБЫВАНІЕ ТАМЪ.

Письмо 194-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ, собравшись совсѣмъ въ послѣднихъ числахъ мѣсяца генваря, отправились мы съ женою въ Москву, съ намѣреніемъ провести тамъ и масленицу. Жену мою наиболѣе побуждало ѣхать туда со мною то, что въ Москвѣ находились въ сіе время племянницы мои, госпожи Травины, и чрезъ письма подзывали насъ туда, чтобъ вмѣстѣ съ ними тамъ недѣли двѣ-три пожить, съ ними совокупно всюду и всюду поѣздить и взять въ московскихъ зимнихъ увеселеніяхъ соучастіе; а какъ и по самой моей должности требовали обстоятельству необходимаго свиданія съ старикомъ-княземъ, моимъ командиромъ, то случилось сіе и кстати.

О путешествіи своемъ скажу только то, что во время онаго не случилось съ нами ничего особливаго. Мы заѣзжали на са-

мое короткое время въ свою деревню и только-что переночевали, а въ Серпуховѣ кормили мы въ сей разъ лошадей и обѣдали въ домѣ знакома своего, купца Семена Григорьевича Квасникова. Въ Москву приѣхали поутру и остановились сперва на короткое время у Серпуховскихъ воротъ, гдѣ московскіе воры вытащили у меня изъ возка и украли книгу, Дергамову физико-теологію, которую и понынѣ еще сожалью. Потомъ переѣхали и расположились-было стоять на Питницкой, въ одномъ пріятельскомъ домѣ. Но племянницы мои не успѣли узнать о нашемъ въ Москву приѣздѣ, какъ приѣхавъ къ намъ, уговорили насъ, чтобъ переѣхать къ нимъ и чтобы жить вмѣстѣ съ ними въ нанятомъ и довольно просторномъ домѣ, на что мы охотно и согласились и въ тотъ же еще вечеръ перебрались къ нимъ на Прѣсеню, гдѣ сей домъ находился и былъ для всѣхъ насъ довольно помѣстительнъ.

Не успѣли мы разобраться и сколько-нибудь отъ путевыхъ трудовъ отдохнуть, какъ оставивъ жену свою заниматься своими дѣлами съ родственницами и тогдашними хозяиками нашими и разѣзжаться, куда имъ было надобно, спѣшили самъ по должности своей видѣться съ своимъ командиромъ. Князь былъ приѣзду моему очень радъ, принялъ меня очень милостиво, ласково и хорошо, и увидѣвъ все мною сдѣланное, былъ всѣми трудами и стараніями моими чрезвычайно доволенъ, а особливо моими планами, рисунками, чертежами и описаніями, и приказавъ мнѣ какъ можно чаще къ себѣ приѣзжать, поручилъ мнѣ отыскать домъ нашего намѣстника и побывать у него съ предложеніемъ о началіи нашего съ нимъ обмѣннаго по деревнямъ дѣла. Сіе я и непреминулъ учинить. Намѣстникъ жилъ тогда въ своемъ домѣ на Остоженкѣ, и я, отыскавъ оной случайнымъ образомъ, пробрался къ нему съ задняго крыльца прямо въ кабинетъ, и будучи принятъ и отъ него очень благосклонно, приступилъ тотчасъ къ переговорамъ съ нимъ о промѣнѣ деревень, и тотчасъ у насъ съ нимъ

и началось сіе важное дѣло, продолжавшееся болѣе трехъ недѣль и кончившееся уже предъ самымъ моимъ изъ Москвы отѣздомъ. Нѣсколько разъ принужденъ я былъ переѣзжать то отъ князя къ нему, и говорить съ нимъ и г. Веницѣвымъ, бывшимъ тогда еще секретаремъ у него и всѣми его дѣлами управлявшимъ и со мною при семъ случаѣ въ первой еще разъ вскользь познакомившимся, и отъ намѣстника къ князю съ предложеніями разными; а чрезъ нѣсколько дней, чрезъ посредство мое, имѣли они и личное другъ съ другомъ свиданіе и изустные переговоры. Намѣстникъ, каковъ ни былъ пышенъ и въ тогдашнее уже время, однако облегчился и приѣзжалъ для конференціи сей самъ къ старику моему князю, при которомъ случаѣ имѣлъ я особенное удовольствіе видѣть обоихъ ихъ, меня другъ другу рекомендующихъ и взаимно превозносящихъ меня похвалами, что все еще болѣе увеличило въ намѣстникѣ доброе обо мнѣ мнѣніе и доставило мнѣ множайшую ко мнѣ благосклонность, которая мнѣ современнымъ очень пригодилась кстати, какъ о томъ въ свое время упомянется.

Между тѣмъ какъ продолжалось у насъ съ нимъ сіе дѣло, имѣлъ я довольно досужнаго времени къ свиданію и со всѣми моими бывшими тогда въ Москвѣ друзьями, родственниками и знакомцами, и разѣзжаться къ нимъ когда одинъ, когда съ своею женою. Дома господъ Афро симова, Павлова, Хитрова, госпожи Арсеньевой и нѣкоторыхъ другихъ были не одинъ разъ нами посѣщаемы, вездѣ принимали насъ съ удовольствіемъ и угощали всячески. Кромѣ того, при случаѣ быванія у намѣстника спознакомился я вновь со многими нашими тульскими дворянами, какъ-то: съ гг. Игнатьевымъ, Соко-ревымъ, Хомяковымъ и нѣкоторыми другими, и съ нѣкоторыми изъ нихъ основать дружество. Племянницы мои, имѣвшія также многихъ у себя знакомыхъ, познакомили и насъ съ ними, изъ которыхъ въ особенности значителенъ былъ домъ господъ Калычовыхъ. И какъ у

всѣхъ ихъ бывали мы нерѣдко, а временемъ приѣзжали и они къ намъ; изъ публичныхъ же увеселеній, какъ-то театровъ и маскарадовъ, не пропускали мы почти ни одного, а особливо въ продолженіе масляницы, то могу сказать, что находясь почти въ вихрѣ разѣздовъ и посѣщеній, и не видали какъ прошло трехнедѣльное наше въ сей разъ пребываніе въ Москвѣ, и время сіе было для насъ очень весело и пріятно.

Но ни съ кѣмъ свиданіи мои не были такъ часты и интересны, какъ съ господами Салтыковыми, жившими тогда съ княгинею своею, Бѣлосельскою, въ большомъ ея и огромномъ каменномъ домѣ. Не одинъ, а много разъ бывалъ я у нихъ и провождалъ по нѣскольکو часовъ времени въ пріятныхъ съ ними разговорахъ, а особливо съ другомъ моимъ, Александромъ Михайловичемъ, въ дружескихъ и ученыхъ собесѣдованіяхъ. Сей человѣкъ, питая въ сердцѣ своемъ непрерывно и до самой даже рановременной кончины своей неліцемерное и истинное ко мнѣ дружество, подарилъ меня тогда, между прочимъ, для частѣйшаго напоминанія о себѣ, хотя сущю бездѣлкою и особаго устройства жестяною лаковою чернильницею, но которая такъ мнѣ была мила, что я во всю послѣдующую жизнь мою обмочалъ перо мое въ ней и которая и понынѣ еще, хотя уже изветшавшая, но стоитъ передо мною на моемъ пулпетѣ и мнѣ ежедневно сего милаго и любезнаго человѣка и его ко мнѣ дружбу напоминаетъ, хотя въ тридцатилѣтній періодъ времени и гораздо уже состарѣлась.

Кромѣ сего достопамятно было мнѣ, что при сихъ моихъ съ господами Салтыковыми (свиданіяхъ) вздумалось-было имъ изъ любви своей ко мнѣ предлагать мнѣ о перемѣнѣ своего мѣста и о принятіи надъ деревянными княгини Бѣлосельской управительской должности съ большимъ жалованьемъ. Но я не далъ имъ о томъ болѣе одного раза и заикнуться, ибо тогдашнимъ мѣстомъ своимъ и всѣми обстоятельствами своими былъ я такъ доволенъ, что было-бы самою глупостію,

если-бъ восхотѣлъ я о самопроизвольномъ оставленіи онаго и подумать, умалчивая о томъ, что предлагаемое управительство казалось и слишкомъ для меня унижительно и безчестно.

Кромѣ сего, и то въ особливости достопамятно, что я въ бытность мою въ сей разъ въ Москвѣ положилъ почти ненарочнымъ образомъ первое основаніе тому великому зданію, которое, противъ всякаго чаянія, въ послѣдующіе за симъ годы воздвигнулось, сдѣлалось славно и для меня по многимъ отношеніямъ выгодно и полезно. Я говорю о своемъ экономическомъ журналѣ, издаваемомъ послѣ мною подъ именемъ «Экономическаго Магазина». Но тогда не имѣлъ я объ немъ еще и помысленія, а то, что называю я первымъ основаніемъ ему, состояло въ предпріятіи тогда намѣреніи издавать первой мой и ничего еще почти незначущій журналъ подъ именемъ «Сельскаго Жителя», подавшій потомъ поводъ къ произшествію на свѣтъ и «Экономическому Магазину». И вотъ что меня къ тому наиболѣе поострило и первой подало поводъ къ отважному приступленію къ сему необыкновенному до того и сумнительному дѣлу.

Побудило меня къ тому наиболѣе неутошимое желаніе, гнѣздящееся давно въ моемъ сердцѣ, къ сообщенію другимъ и всѣмъ моимъ соотечественникамъ всего того, чтò мнѣ случилось какъ изъ собственной опытности своей, такъ и изъ иностранныхъ экономическихъ книгъ узнать нужнаго, замѣчанія достойнаго и такого, что могло-бы многимъ послужить и обратиться въ пользу. До сего времени сообщалъ я всѣ таковыя вещи Экономическому нашему Обществу, для напечатанія въ «Трудахъ» ихъ, но какъ тѣмъ желаніе мое далеко не могло удовлетворяться, поелику не было никакой удобности, или паче, возможности и способа къ сообщенію имъ всего великаго множества извѣстныхъ мнѣ вещей, ибо не только надобно было ихъ туда посылать по почтѣ и платить за то много денегъ, и потомъ весьма долгое время дожидаться

напечатанія оныхъ, но всѣхъ ихъ по множеству оныхъ и помѣстить въ «Труды» Общества никакой не было удобности; а сверхъ того, по малому раскупанію сихъ книгъ, не могли свѣдѣнія о томъ доходить до рукъ многихъ, слѣдовательно, въ семъ отношеніи и труды бы мои терялись почти по пустому, умалчивая уже о томъ, что за труды и усердіе свое къ Обществу, кромѣ немногихъ, ничего назначушихъ медалей, ничѣмъ существительнымъ награждаемъ не былъ; то будучи всѣмъ тѣмъ весьма недовольнымъ, давно уже помышляя я о томъ, нельзя-ли найти иной какой и удобнѣйшій путь къ обнародованію всѣхъ узанныхъ и замѣченныхъ мною вещей и къ сдѣланію ихъ всей публикѣ извѣстными. Мысли о семъ имѣлъ я разныя. Сперва думалъ, нельзя-ли, собравъ ихъ вмѣстѣ и составивъ изъ нихъ книгу, издать ихъ подъ своимъ именемъ. Но какъ находился я тогда въ связи съ Экономическимъ Обществомъ, то казалось мнѣ, что сіе будетъ оному очень непріятно и подастъ поводъ къ неудовольствію на меня. А сверхъ того и печатаніе книгъ сопряжено было тогда со многими затрудненіями и неспособностями, какъ то мнѣ изданіе «Дѣтской моей философіи» довольно доказало. И какъ посему сей путь казался мнѣ неудобнымъ, то кружилась давно уже въ головѣ моей мысль, нельзя ли издавать ихъ образомъ бы еженедѣльнаго журнала, расположеннаго точно такимъ образомъ, какимъ располагаются и издаются разные моральные или правоучительные журналы въ земляхъ чуждыхъ. Но какъ дѣло сіе было бы въ семъ случаѣ новое и до того совѣмъ не только у насъ, но и въ другихъ земляхъ необыкновенное, то-есть, чтобъ издавать журналъ экономической, не могущій быть далеко столь любопытнымъ и заманчивымъ, какъ иные журналы, то при мысляхъ о семъ всегда встрѣчался со мною вопросъ: достаточно-ли будетъ моихъ силъ и знаній къ тому, чтобъ сдѣлать его столь заманчивымъ и любопытнымъ, чтобъ могъ онъ понравиться странной нашей и малограмотной еще

публикѣ и пріобрѣсть отъ ней благоволеніе. И какъ я не смѣлъ почти надѣяться въ семъ случаѣ самъ на себя, то сіе всегда останавливало меня и подавляло во мнѣ мысль сію. А поелику требовалась къ тому великая отвага, то исчезала и вся къ тому охота.

Но въ сей разъ, при неоднократныхъ свиданіяхъ съ знакомцемъ моимъ Ридигеромъ, сдѣлавшимся уже изъ переплетчиковъ университетскимъ книгопродавцемъ, какимъ-то образомъ дошелъ у насъ съ нимъ однажды разговоръ о семъ предметѣ. Предпримчивой нѣмецъ сей не успѣлъ услышать и узнать расположеніе моихъ о томъ мыслей, какъ ухватился наижарчайшимъ образомъ за меня и не только сталъ одобрять мою затѣю, но и возможнѣйшимъ образомъ меня ободрять и побуждать пуститься на сіе отважное дѣло, и нимало не медля приступить къ произведенію онаго въ дѣйство. А чтобъ удобнѣе меня къ тому преклонить, то предлагалъ мнѣ собственное свое къ тому вспоможеніе и услуги. Онъ брался не только печатать журналъ сей на своемъ иждивеніи и коштѣ, но принять на себя и всѣ хлопоты съ печатаніемъ и издаваніемъ его сопряженныя, а мнѣ предоставлялъ только труды къ сочиненію матеріи потребныя и пересылать къ нему оныя въ надлежащее время; а дабы мнѣ трудиться надъ нимъ не по пустому, а получать и самому отъ изданія сего пользу, то предлагалъ мнѣ за годичной трудъ 200 рублей награды.

Признаюсь, что всѣмъ симъ, а особливо безсомнѣнною надеждою, что дѣло сіе пойдетъ хорошо и журналъ таковой, по полезности своей, публикѣ полюбится, умѣлъ онъ такъ хорошо меня убавить, что я колебался въ своихъ сумнительствахъ и рѣшился наконецъ приступить къ сему дѣлу. И тогда тотчасъ начались у насъ съ нимъ совѣщанія о томъ, въ какомъ бы видѣ и формѣ оной издавать и когда-бы учинить тому начало. Какъ съ начала текущаго года было уже не можно, ибо начался уже тогда февраль мѣсяцъ, то сперва отлагалъ-было я дѣло сіе до наступле-

нія послѣдующаго 1779 года; но нѣмцу моему хотѣлось неотмѣнно, чтобъ приступить къ тому въ скорѣйшемъ времени и тотчасъ по возвращеніи моемъ въ Богородицкѣ. «Что въ томъ нужды, говорилъ онъ, что начнется издаваніе не съ генваря? Можно ему начаться и съ марта или апрѣля и продолжаться опять до того-жъ мѣсяца. Примѣры таковыя бывали. А чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Симъ убѣдилъ онъ меня и на сіе его желаніе согласиться, и я истребовалъ себѣ только весь мартъ мѣсяцъ на нужное приготовленіе матеріи на первые листы журнала. Итакъ, положили мы, чтобъ начать издавать его съ наступленіемъ апрѣля мѣсяца. Что касается до образа и формы самого изданія, то согласились и положили мы: 1) чтобъ издавать его въ большую октаву и по одному только листу въ недѣлю; 2) чтобъ издавать его подъ названіемъ «Сельскаго Жителя»; 3) чтобъ наирачительнѣйшимъ образомъ скрывать мое имя, и ему обомнѣ ни подъ какимъ видомъ, впредь до позволенія моего, не сказывать; ибо мнѣ хотѣлось неотмѣнно, чтобъ никто не зналъ, кѣмъ журналъ сей будетъ издаваться; 4) чтобъ въ объявленіи объ ономъ пригласить всѣхъ желающихъ о вступленіи со мною въ переписку и чтобъ письма ко мнѣ подписываемы были какъ кому угодно, прямыми ли именами или вымышленными и не настоящими, и отдаваемы бы были ему, Ридигеру, а присылаемыя изъ другихъ мѣстъ по почтѣ надписывали просто: «Сельскому Жителю»; наконецъ, 5) чтобъ цѣну положить за все годичное изданіе колико можно умѣреннѣйшую и не болѣе 3 руб. 50 копѣекъ, а съ пересылкою въ другія мѣста, по почтѣ, 4 рубля.

Условившись обо всемъ и ударивъ съ нимъ по рукамъ, приступилъ я тотчасъ къ сочиненію объявленія о семъ будущемъ издаваніи моего «Сельскаго Жителя», и тогда употребивъ къ тому одинъ вечеръ, написавъ ему оное для напечатанія, въ свое время вручилъ. Въ семъ объявленіи, объявивъ публикѣ въ подробности о своемъ намѣреніи, пригласилъ я всѣхъ желающихъ ко вступленію со мною въ дѣй-

ствительную переписку и общалъ на всѣ ихъ письма и вопрошанія въ журналѣ своемъ отвѣтствовать,—и всѣмъ тѣмъ положилъ отважному сему дѣлу первое основаніе.

Наконецъ, препроводивъ всю масляницу въ непрерывныхъ разѣздахъ и очень весело и заговѣвшись, распрощались мы съ племянницами и со всѣми нашими друзьями и знакомцами, и получивъ отъ князя нужныя повелѣнія, отправились мы изъ Москвы уже 20 февраля, и имѣвъ чрезъ Оку-рѣку, по случаю бывшей оттепели, весьма опасную переправу, и захавъ опять на часокъ въ свою деревню, проѣхали мы изъ ней въ Калединку для свиданія съ теткою, и ночевавъ у ней, пустились въ свой путь далѣе, и 24 числа возвратились благополучно въ Богородицкѣ.

Тутъ нашелъ я уже всѣхъ судей нашихъ, съѣхавшихся со всѣми ихъ семействами и расположившихся уже на настоящихъ квартирахъ; и какъ сей случай есть наибуднѣйшій къ подробному пересказанію объ нихъ и о ихъ характерахъ, то и учиню сіе единожды навсегда.

Первую и наглавнѣйшую особу представлялъ собою нашъ городничій. Я упоминалъ уже, что былъ онъ господиномъ Сухотинъ и что звали его Антономъ Никитичемъ. Семейство его состояло изъ жены и трехъ дѣтей, двухъ сыновей и дочери; старшаго сына звали Петромъ, дочь Катериною, а младшаго сына Андреемъ. Самъ г. Сухотинъ былъ человѣкъ доброй, шутивой, неглупой, но до безконечности въ дѣлахъ своихъ аккуратной, или паче, мнительной и медлительной. Характеръ его въ семъ отношеніи былъ даже смѣшонъ и нерѣдко заставлялъ насъ дивиться и хохотать. Что касается до жены его, то была она боярыня неглупая, но особаго характера и не безъ недостатковъ. Наглавнѣйшій изъ сихъ состоялъ въ излишнемъ иногда, хотя и сокровенномъ употребленіи вина, отчего нерѣдко разлаживала она и съ мужемъ, да и прочимъ было трудненько съ нею всегда ладить. Словомъ, мужъ ея былъ несправ-

ненно добродушнѣе, простѣе, чистосердечнѣе и дружелюбнѣе, нежели она. Особливаго замѣчанія достойно, что была она изъ фамиліи Кушелевыхъ, и самая та, которую за многіе годы до того сваталъ за меня сосѣдъ мой, господинъ Ладженской, и которую приѣзжалъ я съ нимъ, будучи въ Москвѣ, смотрѣть въ домъ къ ея большому отцу, и она мнѣ такъ не полюбилась, что я въ тотъ же мигъ отъ сего сватовства отрекся, и узнавъ ее въ Богородицкѣ короче, благодарилъ судьбу, что она меня тогда отъ сей невѣсты избавила. Что касается до ихъ дѣтей, то старшія были очень хорошаго характера и воспитаны довольно хорошо, а маленькой и любимѣйшей сынъ былъ еще почти рабенкомъ. Со всѣмъ симъ семействомъ, каково оно ни было, жили мы во все время хотя не въ самой тѣсной дружбѣ, но въ довольнономъ согласіи и никогда не доходило у насъ съ ними до размолвки, но какъ жили, такъ и разстались потомъ добрыми пріятелями.

За симъ, знаменитѣйшимъ, лучшимъ и степеннѣйшимъ можно было почестъ нашего уѣзднаго судью Алексѣя Андреяновича Албычева. Онъ былъ одинъ изъ довольно зажиточныхъ богородицкихъ дворянъ, имѣлъ настоящій свой домъ неподалеку отъ Корникоу и верстъ болѣе 30-ти отъ Богородицка. Былъ онъ хотя вдовъ, но жили при немъ двѣ его родныя сестры, бывшія тогда обѣ еще дѣвушками, изъ которыхъ старшая, Марья, была уже довольно пожилая, а другая, Татьяна, невышедшая еще изъ невѣсты. Кроме ихъ, имѣлъ онъ еще четырехъ сыновей, изъ которыхъ только двое, Александръ и Василій, были уже изрядные мальчики, а Николай и Сергѣй еще небольшіе. Все сіе семейство состояло изъ людей хоршихъ, кроткихъ, добронравныхъ и любезныхъ характеровъ; съ ними жили мы какъ бы ближніе родные, и мы ласкою ихъ и дружествомъ къ себѣ были чрезвычайно довольны, а особливо я самымъ главнымъ изъ ихъ семейства. Онъ былъ отмѣнно хорошаго характера и весьма добраго сердца и рас-

положенія. Я любилъ и почиталъ его искренно и пользовался и отъ него взаимною любовію и почтеніемъ къ себѣ. Что касается до сестеръ его, то были онѣ барыни болѣе простодушныя, деревенскія, нежели свѣтскія, и обходились съ нами откровенно и дружески. Словомъ, сей домъ былъ для насъ въ особенности любезнымъ.

За симъ слѣдовалъ сосѣдъ его, живущій съ нимъ въ одной деревнѣ и сотоварищъ въ судѣ, уѣзднаго суда старшій засѣдатель, Андрей Сергѣевичъ Арсеньевъ, человѣкъ совсѣмъ уже отмѣннаго характера отъ господина Албычева, и болѣе лукавой, своенравной и высокомерной, нежели простодушной. Онъ вель себя уже не такъ просто, былъ съ душкомъ и въ особенности строгъ къ своимъ людямъ, и имѣлъ также не малое семейство. Оно состояло: изъ его жены, Настасьи Ивановны, боярыни полусвѣтской, изряднаго и тихаго характера; падчерицы, Прасковьи Львовны Писаревой, дѣвушки уже взрослой, умной, свѣтской и довольно изрядной; въ двухъ сыновьяхъ, Васильѣ и Александрѣ, мальчикахъ довольно взрослыхъ, дочери, Марьи, которая всѣхъ ихъ была меньше. Семейство сіе каково ни было, но намъ удалось какъ-то подладить и имъ всѣмъ и заставить себя любить и почитать и уважать, почему и они съ нами, хотя не такъ искренно, какъ Албычевы, но обходились дружелюбно и ласково, такъ что у насъ и съ ними не доходило никогда не только до ссоры, но и до размолвки малѣйшей, и мы были обращеніемъ и ихъ съ нами довольны.

Четвертой домъ былъ господина Шущерина, Сергѣя Ильича, бывшаго вторымъ засѣдателемъ уѣзднаго суда. О семъ молодомъ человѣкѣ я уже имѣлъ случай упоминать прежде, что онъ былъ отмѣнно добраго, простодушнаго, дружелюбнаго и ласковаго характера. Мы во все время пребыванія моего въ Богородицкѣ жили съ нимъ какъ близкіе родственники и истинные друзья между собою. Онъ любилъ и почиталъ меня, а я не менѣе любилъ

и его искренно, и былъ ласкою и дружествомъ его къ себѣ весьма доволенъ. Что касается до семейства его, то было оно всѣхъ прочихъ меньше и состояло только въ его женѣ, Матренѣ Васильевнѣ и маленькой еще дочери, Аннѣ, ибо тогда не имѣлъ онъ еще толь многихъ дѣтей, какъ нынѣ; и какъ жена его была барынька не модная, а простодушная, то и съ нею можно было нашимъ ладить.

Всѣ сии три послѣднія фамиліи расположились жить во флигелѣ замка и въ самомъ близкомъ другъ отъ друга сосѣдствѣ. Однѣ стѣны и особыя крыльцы разделяли ихъ покон, а кухня у всѣхъ была одна. Словомъ, они жили тутъ, какъ въ разныхъ каютахъ на одномъ кораблѣ, но, несмотря на то, жили между собою въ довольномъ согласіи.

Пятой домъ былъ жившаго тутъ же во флигелѣ казначея Плотникова, имѣвшаго также жену и небольшого сына; но какъ сей не долго у насъ въ Богородицкѣ пробылъ, то объ немъ скажу только то, что и онъ во все время пребыванія своего тутъ жилъ съ нами въ дружбѣ и согласіи и былъ человѣчекъ довольно изрядной.

Шестой домъ былъ засѣдателя нижняго земскаго суда, Николая Сергѣевича Арсеньева, того самого, о которомъ я уже упоминалъ прежде, и которой, не знаю, не вѣдаю, почему припелся къ намъ въ родню и называлъ меня всегда «дядюшкою». Семейство его было также небольшое и состояло только въ женѣ и маленькой дочери. Первую звали Екатериною Сергѣевною, а вторую—Варварою. Всѣ сии и обходились съ нами какъ родныя, и были нами любимы за ихъ къ себѣ ласку и дружество. Самъ онъ былъ человѣкъ тихой, добродушной, добраго и совѣтмъ отмѣннаго характера отъ его старшаго брата, Андрея Сергѣевича; и какъ жена его была также барыня добрая, ласковая и не изъ самыхъ модныхъ, а болѣе деревенская и къ намъ отмѣнно приверженная и ласковая, то и съ ними жили мы во всегдашней дружбѣ и согласіи. Симъ для жительства опросталъ я одну

изъ связей солдатскихъ, стоявшую впускъ на выѣздъ изъ села нашего, за рѣчкою Язовкою.

Сии были знаменитѣйшіе дома и всѣ тѣ люди, съ которыми довелось намъ тогда жить въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ и имѣть почти ежедневно обхожденіе; ибо прочіе, какъ-то: нашъ исправникъ Пушкинъ, Петръ Семеновичъ, и засѣдатель его, Басовъ, также стряпчій Хомяковъ, не жили никогда въ городѣ постоянно, а были либо въ непрерывныхъ разъѣздахъ, либо проживали свое время въ деревняхъ своихъ, и потому сии почти и не принадлежали къ нашему кругу знакомства и обществу, и мы съ ними жили хотя также въ согласіи и пріязни, но выдались рѣдко и тогда только, когда случилось имъ приѣзжать въ городъ.

Спознакомивъ васъ со всѣми ими, скажу теперь, что по возвращеніи нашемъ изъ Москвы и мы первымъ почли долгомъ побывать у всѣхъ нашихъ судей и съ семействами ихъ познакомиться и съ ними обласкаться. И тогда тотчасъ начала у насъ связываться со всѣми ими дружба и начались частыя свиданія и посѣщенія другъ друга, при которыхъ случаяхъ достопамятенъ былъ учпненной между всѣми нами предварительной разговоръ. Однажды, какъ случилось имъ всѣмъ быть у меня въ собраніи и я любовался всеобщимъ между всѣми ими, несмотря на всю разность правовъ и характеровъ, согласіемъ и единодушіемъ, то сказалъ имъ:—«Какъ бы славно и хорошо было, государи мои, когда бы мы и впредь всегда жили всѣ между собою такъ ладно и согласнo, и обходились такъ дружески, чисто-сердечно и просто, какъ теперь! Какая бы завистная и славная была тогда наша жизнь и какую бы мы чрезъ то честь себѣ сдѣлали!»—«Такъ! такъ! такъ!» воскликнули всѣ.—«И зачѣмъ-же дѣло стало? подхватилъ господинъ Албычевъ: я, съ моей стороны, готовъ и не сомнѣваюсь нимало и о другихъ въ томъ же». И какъ подтвердили слова его и всѣ, то сказалъ я имъ:—«Когда такъ, государи мои, то-сѣмъ сдѣлаемъ между собою общій и фор-

мальной уговоръ, чтобъ жить намъ всѣмъ между собою согласно, и какъ друзьямъ, не заводить никакихъ между собою ссоръ, склкъ и вражды. А какъ въ таковомъ большомъ семействѣ всего легче, по пословицѣ говори, и горшокъ съ горшкомъ столкнуться можетъ, то-семь положимъ непрѣмѣннымъ себѣ правиломъ, чтобъ въ случаѣ какихъ-нибудь другъ на друга неудовольствіевъ отнюдь не скрывать ихъ во внутренности сердецъ нашихъ, а тотчасъ и при всѣхъ другъ съ другомъ объясняться и предавать то всему нашему обществу на дружеское разбирательство». — «Прекрасно! прекрасно! закричали всѣ: всѣ, всѣ мы на то согласны». — А когда такъ, подхватилъ я: то-семь въ подтвержденіе того ударимъ другъ другу по рукамъ. — «Давай, давай!» воскликнули всѣ и тотчасъ тогда началось хлопотанье, и всѣ не только охотно давали другъ другу, руки, но даже въ знакъ дружества перепцѣловались.

Меня такъ сія сцена растрогала, что я отъ удовольствія сердечнаго утиралъ даже навернувшіяся на глазахъ слезы, а то же самое примѣтно было и на другихъ многихъ. И что же? Шутка сія обратилась и въ дѣйствительное дѣло, и господствовавшее въ послѣдующее время между всѣми нами ненарушимое согласіе сдѣлалось даже такъ славно и помогло намъ вести столь пріятную жизнь, что намъ даже завидовали и вездѣ превозносили насъ похвалами.

Теперь, возвращаясь къ порядку моей исторіи, скажу, что не успѣли мы съ дороги нѣсколько отдохнуть, какъ посѣщены были нѣсколькими домашними прискорбіями и огорченіями. Первое было то, что лишились мы меньшей своей дочери, Александры, умершей на четвертой день послѣ нашего приѣзда. Мы нашли ее и при самомъ уже ономъ истевающую отъ сухотки, и она, будучи еще самымъ младенцемъ, преселилась тогда въ вѣчность. Произшествіе сіе было, натурально, для всего семейства моего нѣсколько огорчительно; но другое, слу-

чившееся почти въ самое то же время, было для меня гораздо чувствительнѣе.

Принесли ко мнѣ однажды съ почты письмо изъ Петербурга, надписанное на имя госпожи Верещагиной, для пересылки онаго въ Бобрки. По рукѣ въ подлинси узналъ я тотчасъ, что было оно отъ бобриковского управителя, господина Верещагина, находившагося тогда, какъ я уже упоминалъ прежде, съ меньшимъ вняжимъ сыномъ въ Петербургѣ. Но что-жъ? Печати у сего письма случилось какъ-то на почтѣ повредиться такъ, что было оно совсѣмъ почти распечатано. Увидѣвъ сіе, не могъ я преодолѣть стремленія любопытства своего, чтобъ, развернувъ, не взглянуть на содержаніе его, и болѣе для того, чтобъ узнать, не пишетъ ли онъ къ роднымъ своимъ о какихъ-нибудь петербургскихъ новостяхъ. Но вообразите себѣ, каково было мое удивленіе, когда нашелъ я въ немъ упоминаніе дѣйствительно объ одной новости, и новости важной и такой, о которой я всего меньше помышлялъ, а что того поразительнѣе было, относящейся до самого меня, собственно! Господинъ Верещагинъ увѣдомлялъ въ ономъ своихъ родныхъ, что находится онъ благополучно, что дѣла его идутъ хорошо, что князь имѣетъ въ своихъ предпріятіяхъ успѣхъ, что съ волостнымъ нашимъ правленіемъ произойдетъ можетъ быть скоро перемѣна, что молодой князь отмѣнно его любитъ, и что удалось ему подбитися къ нему въ милость и довѣренность, и что надѣется онъ, что вскорѣ нижняя сплща въ колесницѣ перевернется и будетъ наверху. Сіе было хотя и загадкою, но какъ по прочему содержанію сего письма и отзыву его объ нашемъ домѣ и обо мнѣ не трудно было догадаться, что относилось то собственно до меня, и что онъ ласкаетъ себя надеждою быть на моемъ мѣстѣ; то нельзя изобразить, какъ сильно поразился я такою неожиданностію, какъ вознегодовалъ мой духъ на его неблагодарность, коварство и злоумышленность, и какъ благодарилъ я судьбу, доставившую мнѣ сіе письмо въ руки и

открывшую мнѣ чрезъ оное не только предстоящую мнѣ нѣкоторую опасность, но и все коварное и дурное сердце сего мною одолженнаго подкомандующаго моего, и побудивше чрезъ то быть впредь о семъ человѣкѣ другихъ мыслей и брать отъ него всѣ возможные предосторожности. Письмо сіе хранится и понынѣ у меня, ибо я не разсудилъ за благо отправить его по надписи въ Вобрики, дабы не узнали родные его или не могли подумать, что оно мною читано и всѣ ихъ интриги и злоумышленія обнаружилась и сдѣлались мнѣ извѣстными.

Признаюсь, что сей случай нарочито порастревожилъ и смутилъ весь мой духъ. Чувствительна мнѣ была крайне неблагодарность сего человѣка и такое возмездіе за всѣ оказыванныя къ нему и ко всему его семейству отъ меня ласки, дружелюбіе и самыя одолженія, и я не могъ надивиться тому, какъ можетъ человѣкъ быть такъ хитръ и лукавъ, и такъ искусно притворяться и дружескою личною прикрывать злое и коварное свое сердце; ибо надобно сказать, что онъ, по наружному своему обращенію со мною, казался бы сущимъ ангеломъ и приверженнымъ ко мнѣ неліцемернымъ дружествомъ.

Но какъ бы то ни было, но я сокрылъ сіе открытіе въ глубинѣ моего сердца и не долго далъ ему себя тревожить и смущать. Мысль, что ничего безъ воли и поущенія Божескаго произойти не можетъ, и что, по пословицѣ говоря, ежели «Богъ не выдастъ, такъ свинья не съѣстъ», скоро меня успокоила; къ тому-жъ, и надежда на старика-князя и на его ко мнѣ благорасположеніе меня много подкрѣпляла.

Итакъ, успокоившись мыслями и распорядивъ всѣ нужныя дѣла по должности, не сталъ я ни минуты медлить, но приступилъ къ сочиненію и заготовленію первыхъ листовъ своего будущаго журнала. И какъ дѣло сіе было для меня совсѣмъ новое и, по пословицѣ говоря, первую пѣсенку не инако можно было какъ зардѣвшись снѣтъ, то признаюсь, что было при томъ мнѣ не безъ хлопотъ и не безъ

затрудненія. Я долго не соглашался самъ съ собою, какъ бы мнѣ сдѣлать приступъ лучше, также о чемъ писать прежде и какъ расположить сіе изданіе. И какъ главная его цѣль была побудить читателей къ дѣйствительной со мною перепискѣ, то употребилъ я первой листъ на предварительныя объясненія. Во второмъ же листѣ и послѣдующихъ помѣстилъ я нѣсколько выдуманныхъ и будто-бы полученныхъ мною писемъ, дабы тѣмъ самымъ и побудить прочихъ, и предложилъ разнаго рода образцы писемъ. Сею позволительною уловкою надѣлся я, по примѣру иностранныхъ журналовъ, придать и своему болѣе и живности, и занимательности. Но признаюсь, что мнѣ не столько самое сочиненіе, сколько то было затруднительно, что я принужденъ былъ самъ и сочинять, и набѣло переписывать, и, переписывая, все располагать съ наипочтѣйшимъ измѣреніемъ матеріи такъ, чтобъ она изъ одного листа на другой не переходила, но точно помѣщалась въ листѣ и не было бы ни лишка, ни недостатка. Все это составляло для меня великую комиссію. Но какъ бы то ни было, но я, при всѣхъ моихъ по другимъ дѣламъ недосугахъ и при всѣхъ отрывкахъ отъ дѣла, для дѣланія посѣщеній новыхъ нашихъ друзей и угашиванія ихъ у себя, а сверхъ того, несмотря на самыя разъѣзды въ разныя деревни по гостямъ, къ прежнимъ своимъ знакомымъ, успѣлъ къ 6-му числу марта приготовить матерію на цѣлыхъ восемь первыхъ листовъ, и оную помянутаго числа по почтѣ въ Москву къ г. Ридигеру отправить.

Не успѣлъ я сіе бремя свалить съ своихъ плечъ, какъ на другой же день послѣ сего повстрѣчалось со мною другое, которымъ долженъ былъ я также обременить себя, и на долгое время. Является ко мнѣ вдругъ одинъ французъ, отправляющій ремесло учительское и предлагаетъ вопросъ, не дозволю-ли я ему учредить въ нашемъ городѣ пансіонъ для обученія благородныхъ дѣтей французскому и нѣмецкому языкамъ и другимъ нау-

камъ, обучаемымъ въ пансіонахъ, какъ-то: исторіи, географіи, математикѣ и такъ далѣе? Предложеніе сіе неожиданностію своею меня удивило и обрадовало. Мнѣ тотчасъ кинулось въ голову, что сіе было бы не бесполезно не только для дѣтей всѣхъ нашихъ судей, которыхъ было у нихъ довольно, но и для собственнаго моего сына, приходившаго уже въ такой возрастъ, что ему можно было всѣмъ онымъ наукамъ, а особливо по понятливости его, учиться. — «Уже не самой-ли Промыслъ Господень, — думалъ я самъ въ себѣ, — печется объ немъ, и къ намъ сего толь нужнаго всѣмъ намъ и такого человѣка прислалъ, какого бы намъ искомыскать и не скоро бы отыскать можно было». Итакъ, я говорить и разговаривать съ господиномъ Дюблюе, — ибо такъ онъ прозывался, — и разсматривать изъ разговоровъ о разныхъ матеріяхъ всѣ его знанія и способности; и чѣмъ болѣе я его познавалъ, тѣмъ болѣе увеличивалось удовольствіе мое, по причинѣ, что находилъ въ немъ всѣ нужные къ обученію дѣтей способности. Пуще всего нравилось мнѣ то, что онъ не только помянутыми обоими языками говорилъ правильно и очень хорошо, но и нашимъ русскимъ языкомъ говорилъ почти какъ русской и могъ даже писать на немъ изрядно. Сіе достоинство въ учителѣ почиталъ я наинужнѣйшимъ и вождѣлнѣйшимъ, ибо для меня казалось всегда то весьма неудобнымъ, когда учитель не умѣлъ по-русски ни одного слова, и я не понималъ, какъ могутъ такіе господа учить дѣтей иностраннымъ языкамъ правильно, скоро и хорошо, будучи не въ состояніи толковать имъ все нужное на ихъ природномъ языкѣ. Кромѣ того было мнѣ и то пріятно, что одаренъ онъ былъ и разными другими свѣдѣніями, былъ человѣкъ тихаго, веселаго и дружелюбнаго характера, и притомъ еще во всемъ любопытной, и умѣющій даже играть на скрипкѣ; а что всего лучше, былъ человѣкъ не молодой, а совершенныхъ лѣтъ, и имѣлъ у себя жену, природную датчанку, и хотѣлъ тутъ жить вмѣстѣ съ

нею, слѣдовательно могъ принимать къ себѣ постороннихъ и такихъ учениковъ, которые могли бы у него жить на его содержаніи. Словомъ, всѣ обстоятельства были таковы, какихъ мнѣ желать лучше было не можно, а потому прилѣпившись къ его предложеніямъ и не сомнѣваясь, что и господамъ судьямъ нашимъ будетъ то угодно, сталъ я съ нимъ говорить, какимъ бы удобнѣйшимъ образомъ учредить намъ сей пансіонъ и какимъ бы быть съ его стороны условіямъ, и о прочемъ, тому подобномъ. И какъ по счастію случилась у меня еще одна деревянная связь, стоящая тогда праздно и столь просторная, что мнѣ съ великою удобностію можно было помѣстить его въ ней и со всѣми его будущими ученикамъ, и спокойная квартира сія могла быть у него не наемная и ничего нестоющая, а объ ней болѣе былъ и вопросъ, то мы сладили съ нимъ во всемъ очень скоро, ибо онъ всѣмъ общаннымъ вспомоществованіемъ моимъ въ его предпринимаемомъ дѣлѣ былъ весьма доволенъ.

Итакъ, отобравъ отъ него все нужное, пригласилъ я тотчасъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ изъ господъ судей, у которыхъ были дѣти и кои давно желали и собирались отдать ихъ куда-нибудь учиться, и предложилъ имъ свои мысли и намѣренія. Всѣ они душою и сердцемъ были на то согласны и были тѣмъ чрезвычайно довольны; а какъ и имъ всѣмъ г. Дюблюе полюбился, то, не долго думая, на другой же день послѣ того и заключили мы съ нимъ порядочной письменной договоръ, условившись съ нимъ о цѣнахъ и о прочемъ, что было нужно, и тотчасъ его отпустили назадъ въ Тулу, для забранія своей жены и имущества и немедленнаго къ намъ переезда.

Случилось сіе 8-го числа марта, которой день и сдѣлался достопамятнымъ основаніемъ нашего богородицкаго пансіона, въ которомъ въ послѣдующее время толь многія дѣти учились и которой въ особливости былъ полезенъ моему сыну и живущему тогда у меня дальнему родственнику тещи моей, г. Сезеневу, маль-

чику отмѣнно понятному и способному къ наукамъ. Я первой отдалъ ихъ обоимъ въ оной и они оба положили въ пансіонѣ семь первое языкамъ и знаніямъ своимъ основаніе. А не успѣлъ онъ изъ нихъ и изъ дѣтей судейскихъ составиться и воспріять свое начало и дѣйствіе, какъ отыскались тотчасъ и посторонніе дворяне, восхотѣвшіе отдать дѣтей своихъ въ пансіонъ сей для обученія и для самаго жительства въ ономъ. Къ таковымъ принадлежали дѣти г. барона Соловьева, г. Шишкова, г-жи Бакуниной и нѣкоторыхъ другихъ. Словомъ, не успѣло пройти нѣсколько мѣсяцевъ по открытіи его, какъ онъ наполнился учениками и сдѣлался почти славнымъ и довольно хорошимъ. А что всего лучше, то пріобрѣли мы въ семь учителей новаго себѣ компаніона и въ пріятной и веселой нашей жизни сотоварища и соучастника.

Но я заговорился уже и позабылъ, что мнѣ время письмо сіе кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Ноября 16-го дня 1809 года).

ПРІѢЗДЫ КНЯЗЕЙ.

Письмо 195-е.

Любезный пріятель! Едва только прошло нѣсколько дней послѣ основанія нашего пансіона и отданія нашихъ дѣтей для обученія въ оной, какъ и получилъ я уже первое изъ Москвы извѣстіе о напечатанномъ и выданномъ въ свѣтъ объявленіи о будущемъ изданіи моего еженедѣльника, или «Сельскаго Жителя». Признаюсь, что при первомъ взорѣ на оной и чтаніи онаго было сердце мое не на мѣстѣ и я ощущалъ въ себѣ нѣчто особенное и такое, чего никакъ изобразить не могу. Обстоятельство, что я симъ листочкомъ связался, такъ сказать, со всею нашею публикою и чрезъ оной воспріалъ на себя бремя, совсѣмъ мнѣ до того неизвѣстное, и о которомъ еще не зналъ, не слишкомъ ли оно будетъ для меня тягостно, заставляло меня не одну минуту заниматься разными о томъ мы-

слями, и я не зналъ, радоваться ли мнѣ тому, что исполненію давнишняго моего желанія дѣлалось начало, или жалѣть о томъ, что вошелъ въ сіе дѣло, о которомъ нельзя было еще никакъ предвидѣть, удовольствіе ли оно мнѣ или неудовольствіе доставить.

Случилось сіе 16-го марта, а чрезъ день послѣ того, съ обыкновенною воскресною почтою и въ самой день именинъ жены моей, когда у меня всѣ наши городскіе друзья и знакомцы, по приглашенію моему, обѣдали, получить уже я, противъ всякаго чаянія моего и ожиданія, первыя письма, присланныя ко мнѣ дѣйствительно отъ нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ мнѣ людей, по поводу изданнаго въ свѣтъ объявленія о моемъ журналѣ. Какъ сіи письма вмѣстѣ со всѣми прочими, при изданіи сего журнала мною получаемыми, у меня при случаѣ бывшаго пожара сгорѣли, то мнѣ очень жаль, что не могу ничего въ точности теперь сказать о содержаніи оныхъ. Многіе годы, протекшіе съ того времени, изгладили изъ памяти моей все содержаніе оныхъ, и я помню только то, что сіи первыя были побудительныя и для меня не непріятны. Они доставлены были, по предписанію, въ книжную лавку къ г. Ридигеру, и отъ него ко мнѣ пересланы, и въ нихъ похваляемо было мое предпріятіе, и я ободряемъ былъ въ моемъ предпринимаемомъ подвигѣ. Объ одномъ только и самомъ первомъ увѣдомлялъ меня Ридигеръ, что было оно отъ знакомаго его и славнаго тогда замосковского эконома, Евграфа Васильевича Татищева, и какъ содержаніе его было для меня лестное, то я радовался, что ничего еще не сдѣлавъ, а однимъ предпріятіемъ своимъ пріобрѣлъ уже благоволеніе отъ такого ученаго и знаменитаго мужа. Итакъ, 18-е число марта ознаменовалось и сдѣлалось достопамятнымъ для меня началомъ той обширной корреспонденціи, которая была хотя сначала и не весьма радостна и пріятна, но впоследствии времени возстановилась у меня со всѣмъ почти нашимъ отечествомъ, и не только

была совѣтъ особаго рода, но и обратилась и мнѣ и многимъ другимъ въ существенную пользу.

Легко можно заключить, что я писемъ сіи получилъ хотя при всѣхъ моихъ гостяхъ, но долженъ былъ отъ всѣхъ отъ нихъ утаить не только содержаніе оныхъ, но и то, отъ кого они получены. Обстоятельство, что я не хотѣлъ быть, какъ издатель будущаго журнала, никому извѣстнымъ, къ тому меня приневольствовало. Но по счастью, никто узнать о томъ въ особенности и не любопытствовалъ, и мы продолжали свои обыкновенныя при такихъ случаяхъ увеселенія.

Кромѣ сего дня бывали у меня нерѣдко и въ другіе дни таковыя же въ теченіе тогдашняго великаго поста сборища, и мы, несмотря на постъ, проводили время свое весело, но не забывали и о прочихъ своихъ дѣлахъ. Судьи занимались по судамъ своими должностями, а я своими дѣлами, относящимися не столько до правленія волостями, сколько до собственныхъ моихъ литературныхъ и другихъ любопытныхъ упражненій; и какъ за всѣмъ тѣмъ оставалось у меня еще много свободнаго времени, то восхотѣлось мнѣ употребить кой-когда оное на пользу дѣтей моихъ богородицкихъ друзей и пріятелей. Всѣ они, какъ я уже упомянулъ, учились азыкамъ въ нашемъ пансіонѣ, ходивши и ѣздивши въ оной ежедневно, ибо былъ онъ отъ насъ съ полверсты разстояніемъ, на краю слободы городской; но какъ въ послѣбѣденное время по середамъ и по субботахъ ученія у нихъ не было, то самое сіе праздное время и хотѣлось мнѣ обратить имъ въ пользу, и употребить на обученіе ихъ тому, чему они въ пансіонѣ не обучались и не могли быть обучаемы, а именно геометріи, физикѣ и правоученію, и тѣмъ и имъ произвести существенную пользу, и отцамъ ихъ, съ своей стороны, оказать дружескую и такую услугу, которою они натурально были бы весьма довольны. Итакъ, переговоривши о томъ съ ними, приглашалъ я всѣхъ учащихся въ пансіонѣ дѣтей въ каждую среду и суб-

боту послѣ обѣда къ себѣ, сначала будто бы въ гости, и угощая ихъ кое-чѣмъ, мало-по-малу сталъ приучать ихъ сперва чертить геометрію, а потомъ, сѣвши кругомъ большаго стола, слушать, что я имъ читать и рассказывать стану. Къ такому чтенію избралъ я опять мою «Дѣтскую философію», которой сочинено было уже у меня много частей, и всѣ дѣти чтеніе и дѣлаемые мною всѣмъ толкованія и объясненія такъ полюбили, что они всякой разъ съ превеликою охотою ко мнѣ въ упомянутые дни прихаживали и приѣзжали, и все послѣбѣденное время у меня въ слушаніи и въ разговорахъ со мною съ особеннымъ удовольствіемъ проводили; при чемъ достопамятно, что сынъ мой, каковъ ни малъ еще былъ, но дѣлалъ имъ въ томъ компанію, и къ крайнему моему удивленію и удовольствію, не только все понималъ, что слышалъ, но несравненно съ лучшимъ еще успѣхомъ, нежели другіе, и такъ хорошо, что я не могъ тому довольно нарадоваться. Словомъ, онъ все читаемое и рассказываемое мною слушалъ съ такимъ особымъ вниманіемъ, и въ нѣжной его умъ и память все такъ глубоко впечатлѣвалось, что ему по возрастѣ не было нисколько нужды учиться физикѣ и правоученію, но она ему, такъ сказать, сдѣлалась уже отъ самаго младенчества извѣстною.

Нельзя довольно изобразить, какъ сею моею услугою довольны были всѣ отцы и матери дѣтей сихъ и какою благодарностію за то почитали себя ко мнѣ обязанными. Но мое собственное чувствование при томъ удовольствіе дороже для меня было всѣхъ ихъ искреннихъ за то благодареній.

Между сими занятіями и не видали мы какъ прошелъ и весь нашъ великій постъ и настала страшная недѣля. Въ сію, по обыкновенію, мы говѣли, и какъ у насъ въ городѣ не было еще ни одной освященной церкви, то приобщались въ церкви гошпитальной на островку. Завтреню же въ день Пасхи служили уже въ ново-построенной и хотя еще не совѣтъ отдѣланной большой нашей соборной церкви,

поелику одинъ изъ придѣловъ въ ней былъ совсѣмъ почти готовъ къ освященію, въ которомъ и была у насъ сія служба при стеченіи великаго множества народа.

Наконецъ насталъ апрѣль мѣсяцъ и 7-е число онаго, въ которое по порядку долженствовалъ въ Москвѣ увидѣть свѣтъ первой листокъ моего «Сельскаго Жителя». Дню сему случилось въ сей годъ быть въ самую великую субботу, и г. Ридигеръ такъ усерденъ былъ къ доставленію мнѣ скорѣйшаго удовольствія оной видѣть, что спроворилъ отправленіемъ его ко мнѣ по почтѣ такъ, что я имѣлъ удовольствіе получить и читать его въ понедѣльникъ Святой недѣли. Случилось сіе въ самое то время, когда были у насъ въ домѣ съ образами и въ которой день приглашены были на обѣдъ къ намъ всѣ оставшіеся въ городѣ и не разѣхавшіеся по деревнямъ судьи наши.

Не могу никакъ изобразить того, съ какими чувствами и удовольствіемъ читалъ я сей первой листъ моего еженедѣльника и какъ много имъ любовался! Хотя и не имѣлъ онъ никакихъ дальнихъ типографическихъ украшеній, но по тогдашнему худому состоянію нашей университетской типографіи напечатанъ былъ просто и самыми простыми литерами, но для меня, какъ сочинителя, казалось все хорошо и все ладно. Но смѣшно было, когда я читалъ его потомъ и вслухъ нѣкоторымъ изъ судей нашихъ, такъ, какъ бы новое и совсѣмъ мнѣ незнакомое сочиненіе, и принужденъ былъ слушать о себѣ самомъ ихъ мнѣнія и сужденія; но, по счастью, были они для меня непредсудительныя, и я радовался духомъ, что листокъ сей имѣлъ счастье имъ поправиться.

Препроводивъ всю святую недѣлю довольно весело, съ начавшеюся около сего времени весною принялся я за разные свойственныя сему годовому времени надворныя работы и упражненія. И какъ кромѣ маленькаго моего садика никакихъ другихъ еще не было, то копался я какъ червь въ ономъ, садилъ и сѣялъ въ немъ

все нужное, а особливо привезенныя изъ Москвы сѣмена разныхъ иностранныхъ травъ, для опыта. Потомъ принялся за лѣсокъ, находившійся у насъ подлѣ магазина и бывший до сего въ крайнемъ небреженіи. Сей, по недостатку садовъ, хотѣлось мнѣ превратить въ увеселительное гульбище, разрубивъ оной въ хрощекты и многія прямыя и перекрестныя косыя аллеи, проводя оныя такъ, чтобы въ концѣ оныхъ открывались вдали какіе-нибудь знаменитые предметы, а особливо дворецъ съ его башнею, также соборная наша церковь. Которой лѣсокъ, будучи наитщательнѣйшимъ образомъ съ сего времени сохраняемъ въ цѣлости, въ немногіе годы и разросся такъ, что сдѣлался прекраснымъ и такимъ гульбищемъ, въ которое стоило возить гостей и проѣзжихъ, для показу и доставленія имъ удовольствія.

Кромѣ сего, занимался я сію весну дѣланіемъ разныхъ опытовъ глинянымъ мазапкамъ по образцу и манеру иностранныхъ, и сдѣланная мною одна таковая была такъ удачна, что простояла многіе годы безъ дальняго поврежденія и вытерпѣла даже однажды и пожаръ, но не могла отъ него разрушиться, и ее можно было тотчасъ опять исправить. Также дѣлалъ я опыты и мазапочнымъ глинянымъ оградамъ, но сіи были неудачны. А и въ самихъ комнатахъ, кромѣ обыкновенныхъ моихъ литературныхъ упражненій, нерѣдко занимался я разными рукодѣліями, красками и кое-какимъ пачканьемъ и мараньемъ, а особливо дѣланіемъ фальшивыхъ мраморовъ, которыхъ образчики хранятся у меня и понынѣ.

Въ сихъ многоразличныхъ занятіяхъ, надворныхъ и комнатныхъ, прошелъ нечувствительно весь апрѣль мѣсяцъ, а въ началѣ мая ѣздили мы съ женою за Тулу на свадьбу, Тетка ея, Матрена Васильевна Арцыбышева, выдавала около сего времени старшую свою дочь, Прасковью Андреевну, замужъ за старшаго сына знакомаго моего, генерала Ивана Алистарховича Кисляинскаго, и нынѣшняго моего друга, Василья Ивановича. По-

елику мы были ближніе невѣстѣ родные, то необходимо надобно намъ было быть на сей свадьбѣ, и мы не полѣнились приѣхать на оную, несмотря на всю отдаленность. Происходила она въ жилищѣ господина Кислинскаго, въ селѣцѣ Федешовѣ, а вѣнчали въ селѣ Архангельскомъ; невѣсту же отпустили изъ дому тетки ея, Крюковой, въ селѣцѣ Каменки. Все происходило при томъ хорошо и порядочно и не было ничего такого, чтобъ можно было въ особенности замѣтить, кромѣ того, что невѣста съ женихомъ были кумовья, крестившіе за нѣсколько до того лѣтъ одного рабенка, которое обстоятельство и сдѣлало-было сначала остановку и дѣло дошло до самого архіерея; но какъ отъ онаго дано дозволеніе, то сей случай и доказалъ, что кумовьямъ жениться всегда можно и что между ими нѣтъ ни малѣйшаго духовнаго родства, что и натурально, ибо при всякихъ крестинахъ бываетъ только одна дѣйствующая особа, либо кумъ, либо кума, а не оба кумовья.

Вскорѣ по возвращеніи съ сей свадьбы имѣлъ я удовольствіе видѣть и угощать у себя въ домѣ друга и благодѣтеля моего, Ивана Григорьевича Полонскаго, проѣзжавшаго тогда чрезъ сей городъ за чѣмъ-то въ степные предѣлы. О семъ упоминаю я потому, что въ сей разъ было послѣднее его посѣщеніе меня въ домѣ моемъ, ибо съ сего времени до самой кончины его не случилось уже ему быть никогда у меня въ гостяхъ. Мы провели тогда цѣлыя сутки съ симъ любезнымъ человѣкомъ въ разныхъ дружескихъ разговорахъ, и онъ похвалъ отъ меня, будучи угощеніемъ моимъ весьма доволенъ.

Другая достопамятность, случившаяся въ теченіе сего мѣсяца, была та, что у старшаго моего канцеляриста Варсобины, отирающаго секретарскую должность, и по волостямъ весьма важнаго человѣка, умерла жена страннымъ случаемъ. Была она подвержена той слабости, что пивала часто, и какъ наконецъ тѣмъ и мужу и всѣмъ она наскучила, и терпѣла отъ всѣхъ за постыдной порокъ

сей презрѣніе, то догадало ее заставить полечить себя отъ сей мнимой болѣзни какого-то невѣжду-мужика, и сей полечилъ ее такъ неискусно, что она отъ непомѣрной рвоты преселилась въ вѣчность.

Между тѣмъ продолжалось мое дѣло по изданію «Сельскаго Жителя», и я, по поводу онаго, не одинъ, а нѣсколько разъ имѣлъ уже удовольствіе получать отъ корреспондентовъ моихъ письма. Но удовольствіе сіе сопрягалось иногда и съ чувствительною досадою и огорченіемъ, ибо письма сіи не всѣ были равно для меня пріятны и хороши, но отыскались въ странной и удивительной публикѣ нашей и такіе люди, которые восхотѣли данное мною дозволеніе всѣмъ писать ко мнѣ, что кому угодно, употребить и во зло, и вмѣсто благодарности за мои труды огорчать меня наглупѣйшею своею критикою и самымъ иногда козкимъ подниманіемъ всего дѣла предпріятія и сочиненія моего насмѣхъ. Не могу изобразить, какъ сіе было мнѣ сначала чувствительно и досадно, и какъ много уменьшало то удовольствіе, которое чувствовалъ я при полученіи писемъ отъ другихъ, благонамѣренныхъ людей, преисполненныхъ ко мнѣ учтивостями и похвалами. Словомъ, скоро дошло до того, что я тысячу разъ раскаявался, что вошелъ въ сіе дѣло и тужилъ о данномъ дозволеніи писать къ себѣ всякому, и что каждую почту встрѣчалъ не съ такимъ удовольствіемъ, какъ сначала, а уже со страхомъ и трепетомъ, чтобъ не получить опять отъ кого-нибудь чего-либо козкаго и извительнаго. А все сіе и побудило меня при сочиненіи послѣдующихъ листовъ брать уже болѣе предосторожности и не все то говорить, что отъ роду помнилъ, а по строжайшему уже разбору и разсмотрѣнію; а наконецъ, при окончаніи первой половины сего журнала, отъ досады наклеить и самимъ симъ острепамъ и суесловамъ доброй нощъ за ихъ глупость и неблагоразуміе, и сказать, что я всѣ такіа письма впредь предавать буду презрѣнію и отвѣтствовать на одни

только получаемыя отъ людей благонамѣренныхъ и не обращающихъ дѣла сего въ шутку. Симъ средствомъ посократилъ я гораздо таковую ихъ дерзость и имѣлъ удовольствіе видѣть, что корреспонденція моя часть-отъ-часу дѣлалась лучшею и для меня пріятнѣйшею.

Впрочемъ, достопамятно, что въ теченіе всего мая мѣсяца старались мы съ особымъ прилежаніемъ о скорѣйшей отдѣлкѣ главнаго корпуса во дворцѣ и о сдѣланіи его къ житью способнымъ, въ чемъ и имѣли столь хорошій успѣхъ, что мнѣ можно было уже помѣстить въ немъ прибѣжавшаго къ намъ въ первыхъ числахъ іюня опять губернатора нашего, г. Муромцова. Въ сей разъ прибѣжалъ онъ наиболѣе для проектированія плана будущему и настоящему уже городу Богородицку, которой предпринимали они составить изъ взятыхъ отъ насъ обѣихъ слободъ и обращенныхъ изъ крестьянъ въ мѣщане, и расположить уже весь оной за прудомъ, противъ самаго дворца, и перевести туда и все старинное малочисленное и ничего почти незначущее богородицкое купечество, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ все прежнее селеніе опросталось уже для волости и составлялобы впредь уже волостное село, противъ города лежащее.

Губернаторъ, будучи мнѣ уже знакомъ, обошелся опять со мною не какъ съ подчиненнымъ, но какъ съ добрымъ пріятелемъ, и нашедъ все въ судахъ въ наилучшемъ порядкѣ, былъ очень доволенъ. Мы старались опять угостить его всячески. Но обѣденнымъ столомъ трактовалъ его уже не я, а судья нашъ, г. Албычевъ, а у меня онъ со всеми судьями ужиналъ. Когда же дѣло дошло до проектированія плана городу, то хотя былъ онъ и самъ хорошимъ геометромъ и инженеромъ, но утѣвшись на другой день во дворцѣ за столъ и посадя подлѣ себя меня, сказалъ мнѣ: «Семь-ка, братецъ, Андрей Тимофеевичъ, сообща потрудимся и подумаемъ о томъ, какъ бы намъ получше расположить будущій городъ».—«Очень хорошо», сказалъ я, и сталъ ему преподавать мыс-

ли, какія я давно уже имѣлъ по сему предмету. Мысли сіи показались ему такъ хороши и такъ полюбились, что онъ ни съ другого слова, схвата циркуль и карандашъ и вручая мнѣ, сказалъ: «Возьми-ка, другъ сердечной, и садись-ка на мое мѣстѣ; вижу я, что ты меня искусѣи и болѣе къ такимъ дѣламъ имѣешь и способности, и вкуса. Начеркай-ка планъ, какъ тебѣ самому заблагоразсудится». Что мнѣ было тогда дѣлать! Принужденъ я былъ его желаніе исполнить, и въ нѣсколько минутъ дѣйствительно начертилъ самой тотъ планъ, по которому сей городъ впоследствии времени построенъ, ибо прожектъ мой не только полюбили тогда губернатору, но расхваленъ и самими намѣстникомъ, а потомъ былъ такъ счастливъ, что удостоился апробованъ и утвержденъ быть и самою императрицею, безъ малѣйшей перемѣны, и она такъ имъ была довольна, что сравнивала его съ сущимъ цвѣтникомъ и повелѣла точно такимъ образомъ городъ расположить и сохранить даже самыя проектированныя мною названія главнѣйшихъ его улицъ, стекающихся со всѣхъ сторонъ къ дворцу за прудомъ, которой употребилъ я средоточіемъ всему его расположенію; и мысль моя, чтобъ назвать ихъ по именамъ здравствовавшей тогда императорской фамиліи, и чтобъ самую главную улицу назвать Екатерининскою, а прочія Павловскою, Маріинскою, Александровскою и Константиновскою—была ей въ особенности угодна. Итакъ, что Богородицкъ построенъ и расположенъ такимъ образомъ, каковъ онъ нынѣ, тому случилось быть причиною мнѣ собственнo, и я первой подалъ къ тому мысли и планъ сдѣлалъ.

Случилось сіе 13-го іюня, а на другой день ѣздили мы съ губернаторомъ въ Бобрики, а оттуда на Иванъ-озеро, которое мѣсто хотѣлось ему видѣть; и сей случай спознакомилъ и сдружилъ меня съ г. Муромцовымъ еще больше, и онъ разстался со мною какъ съ хорошимъ уже пріятелемъ.

Достальное время сего мѣсяца прове-

дено мною отчасти въ прежнихъ моихъ дѣлахъ и упражненіяхъ, отчасти въ приготовленіяхъ къ приѣзду къ намъ старика-князя, моего командира, которой хотѣлъ къ намъ въ сіе лѣто и въ первыхъ числахъ іюля приѣхать. Къ намъ приѣзжали около сего времени наши молодые Кислиевскіе, вмѣстѣ съ матерью жениховою, Настасьею Гавриловною, и пробыли у насъ нѣсколько времени. Пансіонъ нашъ былъ въ сіе время во всемъ своемъ уже дѣйствиіи, и какъ между прочими хотѣлось отдать въ него сына своего и одной епифанской помѣщицѣ, госпожѣ Бакуниной, то сей случай спознакомилъ и сдружилъ насъ и съ сею почтенною и любезною дамою, которой пріязнью и дружествомъ пользовались мы во все послѣдующее потомъ время и которая и понинѣ еще къ намъ благопріятствуетъ.

Впрочемъ, и въ теченіе сего мѣсяца продолжалъ я сочинять листы въ мой «Сельской Житель», и отъ времени до времени пересылать ихъ по почтѣ въ Москву, а взаимно оттуда получать печатные; и по отношенію ихъ достопамятно, что они около сего времени приобрѣли мнѣ въ Москвѣ еще одного добраго и такого корреспондента, которой отъменно мнѣ благопріятствовалъ, меня полюбилъ и даже сдѣлался потомъ моимъ добрымъ знакомцемъ и пріателемъ. Былъ то нѣкто изъ пожилыхъ людей, называющійся Алексѣемъ Алексѣевичемъ Владыкинымъ и писавшій ко мнѣ сперва подъ именемъ Чистосердцова, а потомъ объявившій мнѣ и настоящее свое и дѣтей своихъ имя. Сей человѣкъ съ особливою ревностію за меня вступался, и одобряя отъ всей души и сердца все мое предпріятіе, не только сообщалъ мнѣ многія извѣстныя ему и нужныя въ домоводствѣ вещицы, но и другихъ поощрялъ къ тому же, а особливо обоимъ своимъ сыновей, находившихся при должностяхъ въ отдаленныхъ низовскихъ провинціяхъ и снабжавшихъ меня многими полезными увѣдомленіями. Кромѣ сихъ, получалъ я письма и отъ другихъ живу-

щихъ въ разныхъ и самыхъ отдаленнѣйшихъ нашихъ губерніяхъ и имѣлъ удовольствіе видѣть, что число благонамѣренныхъ корреспондентовъ часъ-отъ-часу умножалось; и какъ все они писали дѣло, а не бездѣлье и отзывались о дѣлѣ моемъ съ должною похвалою, то одобреніе ихъ въ состояніи было поддерживать меня въ моихъ трудахъ и уменьшать досаду, чувствуемую отъ глупцовъ, мѣшающихъ сему дѣлу своими умствованіями.

Наконецъ насталъ у насъ іюль мѣсяцъ и вмѣстѣ съ нимъ воспослѣдовало давно уже ожидаемое прибытіе старика-князя, командира моего, въ волости. Онъ приѣхалъ, по обыкновенію своему, сперва въ Бобрики, куда тотчасъ прискакалъ и я къ нему. Было сіе 3-го числа сего мѣсяца, и князь пробылъ тутъ весь послѣдующій день, употребивъ оной на осматриваніе всѣхъ работъ, тамъ производимыхъ, и всего прочаго, а 5-го числа приѣхали мы съ нимъ ко мнѣ и въ Богородицкѣ. Тутъ угоднѣ ему было расположиться квартировать у меня въ домѣ, нежели во дворцѣ, гдѣ и старался я угостить его какъ можно лучше. Но и у меня не пробылъ онъ болѣе однихъ сутокъ, которыя употребили мы на осматриваніе всего и всего мною сдѣланнаго и производимаго, и князь былъ всѣми дѣяніями, трудами и стараніями моими совершенно доволенъ. Я выводилъ и обвозилъ его по всѣмъ мѣстамъ, и все, что я ему ни показывалъ, приобрѣтало въ полной мѣрѣ его одобреніе и побуждало его меня за все и за все благодарить и изъявлять мнѣ свое удовольствіе. Съ нимъ былъ въ сей разъ одинъ изъ меньшихъ его сыновей, князь Петръ Сергѣевичъ, бывшій въ Англіи и тамъ учившійся наукамъ. Сей, будучи любопытнымъ и ко всякимъ художествамъ и ремесламъ склоннымъ молодымъ человѣкомъ, и нашедъ у меня много кой-чего для себя любопытнаго и занимательнаго, меня также полюбилъ и не могъ со мною обо всемъ довольно наговориться. Словомъ, я былъ и въ сей разъ всѣмъ обращеніемъ со мною старика-князя совершенно до-

воленъ. Но какъ у насъ въ самое сіе время начиналась годовая ярманка и все къ утруму приготовлено было къ освященію одного придѣла въ новой нашей большой соборной церкви, то не хотѣлъ князь присутствіемъ своимъ мѣшать намъ заниматься ярманкою и симъ освященіемъ, но поутру 7-го числа отъ насъ уѣхалъ въ чернскую свою деревню, село Сергіевское, пригласивъ меня, чтобъ и я приѣхалъ къ нему туда по окончаніи хлопотъ съ ярманкою и съ освященіемъ сопряженныхъ.

Ярманка была у насъ въ сей годъ на прежнемъ мѣстѣ и многолюдная. Было на ней множество и приѣзжихъ изъ господъ окрестъ живущихъ дворянъ, какъ для ней, такъ и для освященія придѣла, которое происходило съ обыкновенными обрядами и производимо было присланнымъ изъ Коломны протопопомъ. И какъ мнѣ надобно было, какъ его, такъ и прочихъ, бывшихъ на семъ освященіи, и своихъ городскихъ и приѣзжихъ угостить обѣденнымъ столомъ, то былъ у меня въ сей день пиръ и превеликое собраніе. Освященіе сіе было еще первое, которое случилось мнѣ производить въ жизни и видѣть, и потому было оно для насъ очень любопытно. Мнѣ удалось при семъ случаѣ познакомиться вновь съ нѣсколькими изъ сосѣдственныхъ дворянъ, и между прочимъ съ господами Марковыми и его дѣтьми.

Окончивъ сіе хлопотливое дѣло,ждавшисъ совершеннаго окончанія ярманки, которую распоряжалъ уже нашъ городничій, и отпавивъ повѣреннаго своего въ шадскую свою деревню, по случаю начинающагося тамъ опять межеванья, при которомъ хотя бы и весьма нужно было быть мнѣ самому, но по тогдашнимъ обстоятельствамъ не можно было никакъ отлучиться, поѣхалъ 12-го числа и я къ князю въ славное его село Сергіевское.

Князь принялъ меня тамъ не такъ, какъ подкомандующаго, а какъ гостя, очень ласково и благопріятно; и какъ ему давно хотѣлось показать мнѣ свое Сергіевское и всѣ тамошніе свои сады и другія

заведенія, то не успѣлъ я приѣхать, какъ вѣдая мою охоту до садовъ, и повелѣлъ онъ меня въ садъ и сталъ показывать все и все. Тутъ нашли мы и любимаго его и всѣхъ прочихъ именитѣйшаго сына, князя Сергія Сергѣевича, и сей, гордымъ и высокомернымъ своимъ обращеніемъ со мною, тотчасъ разрушилъ все удовольствіе, чувствуемое мною отъ благопріятнаго пріема отъ старика-князя. Онъ не хотѣлъ со мною промолвить почти ни одного слова, и казался негодующимъ даже на то, для чего и старикъ-отецъ его обходился со мною такъ милостиво, снисходительно и дружелюбно. Таковая отмѣнная холодность его ко мнѣ и даже совершенное неуваженіе, и равно какъ презрѣніе меня, сдѣлалось мнѣ тотчасъ примѣтно и побудило тотчасъ заключать, что сему молодому князю кѣмъ-нибудь я оклеветанъ и что ему вѣрно что-нибудь на меня сказано, и я навѣрное полагаю, что бездѣльность сіе произведено нѣкѣмъ инымъ, какъ сотоварищемъ моимъ, бобриковскимъ управителемъ, г. Вережагинымъ. Попавшееся мнѣ въ руки письмо его тотчасъ пришло мнѣ на память. Но какъ я ничего такого за собою не вѣдалъ, чѣмъ бы такимъ могъ навлечь на себя хотя малѣйшее неудовольствіе отъ молодого князя, то хотя было мнѣ сіе очень прискорбно, но я принужденъ былъ скрыть всю мою досаду во глубинѣ моего сердца и казаться всего его крайне холоднаго и высокомернаго обращенія со мною непримѣчающимъ. Но смущеніе мое увеличилось еще несравненно больше, какъ услышалъ я отъ секретаря княжова, что отъ государыни молодой князь приданъ отцу своему относительно до правленія волостями въ помощники и сотоварищи, и что сдѣлано сіе якобы въ уваженіе его старости и слабости.

Неожиданность сія и увѣдомленіе обней за секретъ и удивило, и смутило меня еще болѣе, и весь духъ и сердце мое поразило равно какъ стрѣлою. Мысль, что и сей горделивецъ будетъ такимъ же моимъ командиромъ, какъ и старикъ-князь, возмущала весь мой духъ, ибо я

по всему видимому не могъ ожидать отъ него никакого себѣ добра и долженъ былъ готовиться только къ непріятностямъ.

Итакъ, весь тотъ день и весь послѣдующій проводилъ я, несмотря на всѣ ласки старика-князя, въ превеликомъ смущеніи духа, и отъ бродящихъ въ головѣ разныхъ мыслей равно какъ на огнѣ пріяжился, и весьма радъ былъ, что князь не сталъ меня держать у себя долѣе, но въ слѣдующій загнѣмъ день отпустилъ меня обратно въ Богородицкѣ, сказавъ, что онъ вскорѣ вслѣдъ за мною опять къ намъ въ Богородицкѣ и вмѣстѣ съ князь Сергіемъ Сергіевичемъ придетъ. Сіе меня еще пуще встревожило и смутило. Однако, какъ нечего было дѣлать, то, откланявшись, и пустился я въ обратной путь, и въ тотъ-же день въ Богородицкѣ возвратился.

Приѣздомъ своимъ оба князя и незамѣшкались дѣйствительно, и на другой же день приѣхалъ къ намъ и обозъ ихъ, а сами они заѣхали къ пріятелю молодого князя, г. Стрекалову, гдѣ и ночевали. Я приготовился-было опять принимать у себя въ домѣ и угощать князей по силѣ своей и возможности, но вдругъ отъ приѣзжихъ съ обозомъ услышалъ, что имъ велѣно стать и расположиться во дворцѣ, и что хотя старику и хотѣлось опять стать у меня въ домѣ, но молодому князю было то негодно и онъ въ томъ воспротивился и велѣлъ расположиться во дворцѣ и столъ людямъ свой готовить. Сіе опять меня какъ обухомъ въ голову ударило, и я тотчасъ самъ въ себѣ подумалъ: «вотъ тебѣ на! и вотъ первая уже валенка въ кузовъ». Но какъ нечего было дѣлать, то принужденъ былъ замолчать и дать имъ волю дѣлать, что хотятъ. Но всего прикрѣе и досаднѣе мнѣ было то, что не хотѣли они ничего даже брать изъ дома моего къ столу нужнаго и дѣлали то по особенному приказанію отъ молодого князя. Чудно мнѣ сіе показалось, но я принужденъ былъ и въ семь случаѣ скрыть свою досаду.

Путру на другой день приѣхали и князья. Я встрѣтилъ ихъ у крыльца, и

старой князь обошелся со мною по прежнему очень благосклонно, а молодой съ такимъ же опять высокоуміемъ, какъ и въ Сергіевскомъ. Всѣ наши судьи вмѣстѣ съ городничимъ сдѣлали имъ честь и пришли къ нимъ тотчасъ на поклонъ. Но молодой князь принялъ и обошелся и съ ними такъ сухо и съ такимъ также высокоуміемъ и холодностію, что тѣ тотчасъ сіе примѣтили, и не будучи его подкомандующими, самого его въ сердцахъ своихъ презрѣли и тотчасъ, откланявшись, ушли и оставили сего горделивца съ покоемъ съ другомъ его, г. Стрекаловымъ, приѣхавшимъ съ ними вмѣстѣ, и коего я тогда въ первой разъ еще видѣлъ.

Столъ былъ уже приготовленъ, и какъ его накрыли, то хотя и примѣтилъ я, что поставлена была тарелка и на мой счетъ, но желая узнать, пригласятъ ли они меня, нарочно, передъ самымъ тѣмъ временемъ какъ надлежало садиться, уклонился я въ другія комнаты. Молодой князь и въ семь случаѣ былъ такъ грубъ, что не хотѣлъ обо мнѣ и вспомнить, но спасибо уже старикъ, тотчасъ примѣтивъ, что меня нѣтъ, сказалъ: «А гдѣ-жъ Андрей Тимошеевичъ? Зовите его сюда!» Итакъ, пригужденъ я былъ, противъ хотѣнія даже своего, сѣсть съ ними за столъ и у нихъ обѣдать; но признаться надобно, что мнѣ не шелъ почти ни одинъ кусокъ въ горло, такъ досадно было мнѣ все поведеніе молодого надменнаго князя.

Послѣ обѣда легъ старикъ, по обыкновенію своему, немного отдохнуть, а молодой князь занялся разговорами со Стрекаловымъ, а я, уклонившись отъ нихъ, вступилъ съ меньшимъ его братомъ въ свои ученые и любопытные разговоры, и занялся тѣмъ во все то время, покуда старикъ спалъ; но какъ скоро онъ всталъ, то пошелъ онъ съ молодымъ княземъ и со мною прохаживаться по берегу пруда передъ дворцомъ. И тогда начался у него при мнѣ первый разговоръ, относящійся до волостей, и я удивился, услышавъ, что молодой князь началъ все критиковать и опорочивать и между прочимъ упоми-

нать о такихъ вещахъ, о которыхъ бы ему и знать никакъ было не можно, если-бъ ему не было ни отъ кого предварительно о томъ пересказано. Сіе подтвердило догадку мою относительно до Верещагина, и я тотчасъ заключилъ, что говорилъ онъ по его внушеніямъ и клеветамъ. Самое первое, о чемъ онъ старику говорить сталъ, относилось до собираемыхъ съ наемщиковъ поземельныхъ платимыхъ ими денегъ пошлинъ. Во время правленія моимъ предмѣстникомъ, деньгами сіи пользовался самъ онъ и дѣлился можетъ быть съ тогдашнимъ помощникомъ своимъ Верещагинымъ; а сей, заключая можетъ быть, что и я ими, по примѣру ихъ, пользуюсь, не преминулъ замѣтить о томъ князю. Но спасибо, онъ ужасно въ томъ обманулся, ибо я и не помышлялъ никогда о томъ, чтобы ими пользоваться; и потому не успѣлъ молодой князь меня при старикѣ спросить, какую мы съ земель пошлину и на что собираемъ, и куда сіи деньги дѣваемъ, и спросилъ меня такимъ тономъ, какъ бы въ похищеніи ихъ обвиняя, какъ я тотчасъ въ отвѣтъ ему сказалъ, что установилъ это не я, а сдѣлано было то до меня; что сборъ сей почитаю я самъ ненадобнымъ и незаконнымъ; что куда деньги сіи до меня употреблялись—не знаю, а которыя при мнѣ собраны, тѣ всѣ цѣлы, и что я до нихъ не касался и хотѣлъ самъ просить у князя повелѣнія о томъ, куда онъ ихъ дѣтъ и что съ ними учинить прикажетъ.

Нечего было на сіе сказать молодому князю. Онъ почти устыдился, что напрасно мечталъ худо обо мнѣ, и тотчасъ, прикрывая свой стыдъ, сталъ говорить старику, чтобы сіи пошрины уничтожить и впредъ не собирать, ссылаясь и на мое о томъ согласное съ нимъ мнѣніе, на что старикъ и согласился; итакъ, дѣло сіе кончено.

Послѣ того завелъ онъ рѣчь о выставкахъ и кабакахъ, которыхъ такъ много въ волостяхъ, и о томъ, какъ мужики отъ нихъ вираховъ пропиваются и разоряются. Я тотчасъ догадался, что конечно

наказано ему и объ нихъ что-нибудь отъ Верещагина, которому извѣстно было, что предмѣстникъ мой за нихъ получалъ отъ откупщика великую прибыль, и что можетъ быть и съ сей стороны оклеветалъ онъ меня князю, думая, что и я также ими пользуюсь; но по счастію, какъ и о семъ я всего меньше помышлялъ, то не трудно было мнѣ и сію клевету и худое о себѣ мнѣніе уничтожить. Я тотчасъ сказалъ ему, что выставки и кабаки сіи введены не мною, а еще господиномъ Опухтинымъ, что всѣ они волостямъ вредны и мужики отъ нихъ разоряются—это правда, но что я, при самомъ еще вступленіи моемъ въ должность, о томъ и о уничтоженіи оныхъ его сіятельству князю Сергію Васильевичу докладывалъ, но его сіятельству угодно было приказать оставить ихъ по прежнему, а потому они и нынѣ хотя существуютъ, но я ими никакъ не пользуюсь, а желалъ давно и желаю и теперь, чтобы они истреблены были. «Такъ, князь Сергій, такъ! подхватилъ на сіе старой князь: онъ мнѣ давно и не однажды говорилъ, но я не велѣлъ ихъ трогать, и онъ этому нимало не причиною». Стыдно стало тогда молодому князю, что и въ семъ случаѣ не удалось ему меня предъ отцомъ очернить, и не зная, чѣмъ уже прикрыть свой стыдъ, сталъ со мною равно какъ бы совѣтовать о томъ, нельзя-ль бы ихъ теперь истребить и какъ бы это сдѣлать? На сіе сказалъ я ему, что я этого не знаю, а думаю только, что теперь не такъо легко сіе сдѣлать можно, какъ прежде, потому что они сдѣланы уже гласными и извѣстны намѣстнику и вошли уже въ опись и въ сложность въ казенной палатѣ. Сіе услышавъ, старой князь и равно какъ съ нѣкакою досадою сказалъ: «Пустое, братъ, и это затѣвать, и входить за сіе въ ссору съ намѣстникомъ. Дѣло однажды сдѣлано, такъ тому и быть! Благо мужики не жалуются; итакъ, пускай себѣ ими довольствуются: пить имъ есть на что и денегъ у нихъ много». Нечего было тогда и на сіе сказать молодому князю, и онъ замолчалъ.

Послѣ сего, немного погодя, завелъ онъ рѣчь объ оброчныхъ отдаточныхъ земляхъ и сталъ растверживать, какъ это худо, что онѣ не только всегда по одной непремѣнной и весьма низкой цѣнѣ отдаются, но положено до тѣхъ поръ ни у кого не отнимать, покуда кто самъ не откажется. О семъ не успѣлъ я услышать разговора у него съ отцомъ, какъ тотчасъ заключивъ, что и тутъ скрывались плутни, клеветы и злыя внушенія Верецагина, которому извѣстно было, что другъ его, а мой предмѣстникъ, получалъ за сіе отъ наемщиковъ великіе прибитки, и что по всему видимому онъ и обо мнѣ тоже заключалъ, хотя я и отъ сего весьма удаленъ былъ, тотчасъ вмѣшался въ ихъ разговоръ и сталъ тоже самъ говорить, что это не то-то, что хорошо, а несравненно было-бъ лучше и прибыльнѣе, если-бъ отдавать ихъ съ публичнаго торгова. Симъ не только я и въ семъ отношеніи уничтожилъ худое мнѣніе о себѣ, но нѣсколько и угодилъ молодому князю. Но старикъ не хотѣлъ никакъ приступать къ предлагаемой перемѣнѣ, а на отрѣзъ сказалъ, что это надобно оставить для переды, а теперь пускай остается и сіе на прежнемъ основаніи, и что ему не хочется огорчить наемщиковъ.

Нечего было и въ семъ случаѣ молодому князю дѣлать. Онъ принужденъ былъ замолчать. А такимъ же образомъ и всѣ прочія его замашки и обиняки были вмигъ мною разрушаемы и уничтожаемы, что мнѣ, какъ во всемъ невинному, а правому человѣку и нетрудно было дѣлать. Но все сіе мнѣ нимало не помогло: молодой князь продолжалъ и послѣ сего быть ко мнѣ хладнокровнымъ, и, по словицѣ говоря, не смога въ рога, вздумалъ уже всѣ мои дѣянія и распоряженія порочить, и говорить, что то нехорошо, другое дурно!.. но симъ онъ даже огорчалъ старика-князя, и до того довель, что онъ ему съ нѣкоторою досадою сказалъ: «Это тебѣ такъ кажется, а мнѣ такъ не такъ, и для меня все это хорошо и все похвально». А сіе и принудило

молодого князя замолчать и только продолжать на меня дуться.

Наконецъ кончилось наше гуляніе и сіи важныя, но крайне досадныя для меня разговоры; а ввечеру, по возвращеніи во дворецъ, ничего уже тому подобнаго говорено не было; а старикъ-князь продолжалъ по прежнему обыкновенію со мною о разныхъ предметахъ и съ множайшею еще благосклонностію разговаривать, нежели прежде. А на другой послѣ сего день и поѣхали мы всѣ на одной линейкѣ въ Бобрики. Тутъ, проѣзжая Балаховской лѣсъ, которой мною, какъ прежде упомянуто, былъ особымъ манеромъ на множество просѣкъ и аллей разрубленъ и которой чрезъ то и чрезъ обрубленіе въ немъ крайнихъ деревъ отмѣнно красивъ былъ, спросилъ князь умницу сына своего: «Ну, что, князь Сергій! и это скажешь ты что дурно?» Нечего было ему на сіе уже отвѣчать, и онъ принужденъ былъ отцу сказать, что это хорошо, что похулить не можно и что я человѣкъ со вкусомъ. Вотъ одно только выгодное о себѣ слово, которое я отъ него во всю сію его у насъ бытность услышалъ; но за сіе съ лихвою отплатилъ онъ мнѣ, находясь въ Бобрикахъ, чрезъ отмѣнно ласковое и дружелюбное обращеніе съ Верецагинымъ. Тутъ казалось ему все хорошо и все пріятно. И столомъ его, и угощеніемъ, и ласками семейства его былъ онъ доволенъ, и все превозносилъ похвалами, и Верецагинъ передъ нимъ перевертывался сущимъ бѣсомъ. Все сіе принужденъ я былъ видѣть съ крайнею и чувствительною досадою, но при всемъ томъ молчать и притворяться, будто ничего не вижу, и о всѣхъ бездѣлничествахъ Верецагина и злыхъ его на меня ковахъ, какъ бы ничего не зная и не вѣдая.

Въ Бобрикахъ молодой князь недолго пробылъ, но въ тотъ же еще день ускорилъ прочь, а старикъ остался ночевать, и препроводивъ весь вечеръ со мною въ благосклонныхъ разговорахъ, поѣхалъ отъ насъ уже въ слѣдующее утро, и я разстался съ нимъ съ истиннымъ сожалѣ-

ніемъ, равно какъ предвидя, что этотъ разъ былъ первой и послѣдній, что онъ при мнѣ приѣзжалъ въ наши волости, ибо послѣ сего не случилось ему уже ихъ ни однажды видѣть.

Такимъ образомъ проводили мы своихъ князей, и какъ много я къ старику ни былъ приверженъ искренною любовью и почтеніемъ, и какъ сначала приѣзду его ни былъ радъ, но признаюсь, что обратный приѣздъ его къ намъ съ сыномъ былъ для меня уже такъ отягощенъ, что, съ отъѣздомъ его, съ плечъ моихъ какъ превеликая гора свалилась, и я съ удовольствіемъ поскакалъ уже назадъ къ своимъ роднымъ въ Богородицкѣ.

А симъ дозвольте мнѣ и сіе письмо окончивъ, сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

Ноября, 17-го дня, 1809 года. Въ Дворяниновѣ).

ЪЗДА ВЪ МОСКВУ.

Письмо 196-е.

Любезный пріятель! Освободившись отъ бремени, съ приѣздомъ князей сопряженнаго, и возвратившись въ Богородицкѣ, принялся я за всѣ прежнія свои дѣла и упражненія. Поведеніе молодого князя хотя не выходило у меня долго изъ ума и обезпокоивало мои мысли, но мало-по-малу они опять успокоились. Увѣреніе о благопріятствѣ старика-князя и надежда, что онъ меня не выдастъ, и на его къ себѣ покровительство, подкрѣпляла и ободряла меня очень. Совѣмъ тѣмъ, какъ я былъ долженъ думать и о передѣ, то неизлишнимъ считалъ познакомиться короче и буде можно свести дружбу съ помянутымъ другомъ молодого князя, господиномъ Стрекаловымъ, дабы онъ могъ мнѣ впередъ въ случаѣ нужды пригодиться. Сей человѣкъ былъ одинъ изъ богатыхъ крапивенскихъ дворянъ. Находясь въ службѣ, былъ онъ адъютантомъ у графа Шувалова, потомъ путешествовалъ съ его сыномъ по

Европѣ и во Франціи, и наконецъ, будучи въ отставкѣ полковникомъ, жилъ въ своихъ деревняхъ, и показался мнѣ весьма умнымъ, любопытнымъ, степеннымъ и добрымъ человѣкомъ. Въ бытность его съ княземъ въ Богородицкѣ обошелся онъ со мною довольно ласково и дружелюбно, и при отъѣздѣ въ домъ звалъ меня къ себѣ и говорилъ, что для него будетъ очень пріятно, если я къ нему когда приѣду, а сіе наиболѣе меня и побуждало снискать его къ себѣ дружбу и знакомство.

Всходствіе чего, не долго думая, но спустя дни три по возвращеніи моемъ, собравшись и поѣхали мы съ женою къ нему въ его деревню, отстоящую отъ Богородицка верстъ тридцать. Г. Стрекаловъ былъ дѣйствительно мнѣ радъ и старался вмѣстѣ съ женою своею угостить насъ всячески. Звали его Ѳеодоромъ Григорьевичемъ, а жену его Натальею Андреевну, которая была также боярыня умная и благопріятная. Они не отпустили насъ не только въ тотъ день, но и на другой безъ обѣда. И какъ г. Стрекаловъ нашелъ во мнѣ человѣка со вкусомъ, съ которымъ могъ онъ говорить обо многомъ и обо всѣхъ почти матеріяхъ, то не только выводилъ меня по всѣмъ своимъ садамъ и заведеніямъ, но не могъ со мною довольно наговориться, и мы разстались съ нимъ какъ хорошіе уже пріатели. А съ сего времени и началось у насъ знакомство съ симъ всегда къ намъ благопріятствующимъ домомъ, и я дружбою и благосклонностію къ себѣ господина Стрекалова былъ доволенъ, и былъ-бы можетъ быть еще и довольнѣе, еслибъ, къ несчастію, не былъ въ домъ его въѣзжъ и г. Верещагинъ съ мытарками своими сестрами и не вредилъ намъ тайными и коварными своими и ему клеветами и наговорами. Онъ сдѣлался господину Стрекалову знакомъ по князѣ, и какъ онъ имѣлъ даръ ко всякому подольститься и предъ всякимъ принимать на себя видъ ангела, то сіе помогло ему вкрасться и къ господину Стрекалову въ любовь и въ

дружбу; однако, сколько мнѣ казалось, то г. Стрекаловъ всегда умѣлъ различать людей съ людьми и истиннымъ достоинствамъ давать преимущество предъ ложными.

Возвратясь отъ господина Стрекалова, между прочими своими разными занятіями упражнялся я около сего времени въ отдѣлкѣ нововыдуманной мною дневной иллюминаціи, которая, а особливо выдуманная и сдѣланная въ прошективическомъ ящикѣ, особливою пріятностію своею утѣшала меня, какъ маленькаго рабенка, чрезвычайно; но и всѣ ея не могли довольно налюбоваться, ибо, при смотрѣніи на оную въ стекло, казалось, что смотришь дѣйствительно на фейерверочной щитъ, горящій и составленной изъ селитряныхъ свѣчекъ. А между тѣмъ и дѣло мое по «Сельскому Жителю» продолжало питти своимъ чередомъ, и я около сего времени получилъ опять нѣсколько писемъ отъ новыхъ и благорасположенныхъ ко мнѣ корреспондентовъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того удивлены и обрадованы мы были неожиданнымъ совѣмъ извѣщеніемъ, что малютка сынъ мой Павелъ записанъ былъ уже въ гвардію и получилъ уже пашпортъ съ чиномъ подпрапорщика. Какъ въ тогдашнее время всѣ дѣтей своихъ, и даже въ самыхъ колыбеляхъ, имѣли обыкновеніе записывать въ гвардію, и всѣмъ тѣмъ, которые имѣли какой-нибудь случай въ Петербургѣ или знакомство съ управлявшимъ тогда преображенскимъ полкомъ майоромъ, графомъ Оедоромъ Матвѣвичемъ Толстымъ, производить сіе было очень легко, то помышляли и мы давно уже о томъ же въ разсужденіи нашего сына; но какъ у насъ не было никого въ Петербургѣ коротко знакомыхъ, то и сожалѣли о томъ, что не могли того сдѣлать; но въ сіе время, безъ всякой нашей просьбы, старанія и домогательства, помогъ намъ до дѣли желанія сего достигнуть тотъ самый г. Верещагинъ, которой втайнѣ мнѣ такъ злодѣйствовалъ. Онъ не успѣлъ о желаніи нашемъ стороною узнать, какъ восхотѣлъ намъ под-

служиться и тѣмъ прикрыть всѣ свои противъ меня злоумышленія; и я истинно и по сіе время не знаю, чрезъ кого и какъ удалось ему спроворить симъ дѣломъ; но какъ бы то ни было, но сынъ мой чрезъ его посредство былъ въ гвардію записанъ подпрапорщикомъ и получилъ помянутой пашпортъ.

Легко можно заключить, что таковая его услуга была намъ непротивна; мы благодарили его за сіе искренно, и могу сказать, что сіе примирило меня съ нимъ и въ сокровенныхъ моихъ объ немъ мысляхъ. Но всего страннѣе было то, что въ пашпортѣ семъ увидѣлъ я, что сынъ мой ошибкою вмѣсто Павла названъ Андреемъ, что и доказывало мнѣ, что произведено было сіе опредѣленіе въ службу черезъ переписку и людей постороннихъ. Г. Верещагинъ, приславшій ко мнѣ сей пашпортъ, съ поздравленіемъ, самъ того сначала не усмотрѣлъ, но узнавъ о томъ отъ насъ, ахнулъ, и не долго думая, выпросилъ у насъ сей пашпортъ назадъ, отправилъ его въ Петербургъ и чрезъ нѣсколько недѣль доставилъ намъ другой съ настоящимъ уже его именемъ и съ чиномъ уже капитанармускимъ, и тѣмъ, къ вѣщему удовольствію нашему, услугу свою еще болѣе усовершенствовалъ. Итакъ, съ сего времени сынъ мой и считался уже въ гвардейской службѣ и въ отпуску изъ оной до совершеннаго возраста и для обученія наукъ.

Но не успѣли мы симъ пріятнымъ для насъ произшествіемъ нѣсколько дней повеселиться, какъ съ наступленіемъ мѣсяца августа полученное изъ шадской моей деревни извѣстіе вдругъ опять весь мой духъ возмутило и повергло меня въ бездну заботъ, досадъ и огорченій. Отправленной туда повѣренной мой увѣдомлялъ меня, что Пашковъ началъ опять, и самымъ бездѣльническимъ и плутовскимъ образомъ, безъ дѣланія повѣстокъ и безъ приниманія ни отъ кого споровъ, межевать, и наибеззаконнѣйшимъ образомъ не только всю степь замежевать за себя, но наглость и алчность

его до того простиралась, что у всѣхъ нашихъ сосѣдей отхватилъ и отмежевалъ себѣ превеликое множество пашенной земли, засѣянной ихъ хлѣбомъ, и весь оной хлѣбъ себѣ съезъ; а что всего важнѣе, отхватилъ и отмежевалъ себѣ все то мѣсто, которое и намъ отъ межевой канцеляріи было продано, и что намъ теперь не осталось ни одного клочка изъ всей тамошней обширной степи, и проданныхъ намъ 1,000 десятинъ отмежевать себѣ совсѣмъ негдѣ; и что онъ, повѣренній, узнавъ о семъ межеванѣ, хотя выѣзжалъ на межу и предъявлялъ споръ, но оной никакъ отъ него не приняли, а съ межи его дубьемъ почти согнали.

Вздурился я сіе узнавъ и услышавъ, и не могъ никакъ понять и надивиться тому, какъ можетъ человѣкъ, изъ непопулярной алчности къ корыстолюбію такъ много себя забыть и произвести такое наглое и совсѣмъ незаконное дѣло и не сердился, а бѣсился, и на Пашкова, и на бездѣльника межевщика, и въ неописанной досадѣ не зналъ долгое время, что дѣлать и сообразиться съ мыслями о томъ, что при такихъ обстоятельствахъ предпріять и какія лучше мѣры употребить сего зла къ уничтоженію; а подоспѣвшій на другой день и ѣздившій туда, и къ намъ оттуда заѣхавшій, братъ Гаврила Матвѣевичъ, и рассказавшій въ подробности мнѣ обо всѣхъ бывшихъ тамъ происшествіяхъ, еще пуще меня смутилъ и растрожилъ; словомъ, я пылалъ тогда огнемъ и пламенемъ, и находился въ такой душевной разстройкѣ и состояніи, какого никакъ изобразить не могу.

Нѣсколько дней сряду я безпрестанно принужденъ былъ о семъ думать и размышлять, и наконецъ другого и лучшаго средства не находилъ, какъ скакать скорѣе въ Москву и подать въ межевую канцелярію челобитную съ прописаніемъ всѣхъ его прежнихъ и нынѣшнихъ бездѣльничествъ и плутовства, и жаловаться на землемѣра, прося о учиненіи съ нимъ по законамъ.

Воспріавъ сіе намѣреніе и не долго думая, схватилъ я перо, и ну махать и

сочинять челобитную; и какъ мнѣ извѣстно было, что межевая канцелярія о тамошней степи и ея положеніи и обо всѣхъ бывшихъ съ нею происшествіяхъ, за неимѣніемъ оной плана, не имѣла никакого понятія, то въ немногіе часы намахалъ превеликую и прямо рѣзкую историческую челобитную, прописавъ въ ней всѣ бывшія издревле и въ послѣдующія времена съ сею степью происшествія; а чтобъ лучше можно было мнѣ все положеніе оной и обстоятельства объяснить, то сочинилъ и антрельной маленькой планъ оной и смежнымъ съ нею дачамъ и селеніямъ, и не успѣлъ сего сдѣлать, какъ велѣлъ готовить лошадей и въ дорогу собираться, поелику я не хотѣлъ ни минуты медлить. По счастью, и равно какъ сіе предвидя, испросилъ я у князя дозволеніе объ отлучкѣ отъ волости.

Итакъ, 13-го августа, собравшись и взявъ съ собою все нужное, ранымъ-ранехонько и пустился я въ свой путь, и приѣхалъ въ Дѣдиловъ обѣдать и кормить лошадей. Тутъ, приставъ на всегдашней своей квартирѣ, противъ всякаго чаянія и ожиданія нашелъ въ ней, кого-жъ?... Того славнаго землемѣра Вакселя, съ которымъ я еще при покупкѣ Кіясовской волости познакомился и сдружился. Не могу изобразить, какъ обрадовался я сей нечаянной встрѣчѣ съ такимъ человекомъ, которой изъ докъ-докою и величайшимъ знатокомъ по межевымъ дѣламъ почитался и которой послѣ по самому сему былъ даже первымъ членомъ въ межевой канцеляріи. Мнѣ искомъ-бы искать и не найти такого знающаго человѣка, съ которымъ бы мнѣ можно было о моемъ дѣлѣ посовѣтовать, а тутъ сама судьба, и равно какъ нарочно, на тотъ же дворъ его стоять привела и мнѣ нанудобнѣйшій случай доставила съ нимъ о дѣлѣ своемъ поговорить и посовѣтовать. «Ахъ, батюшка, Василій Савельевичъ! воскликнулъ я, его увидѣвъ и съ нимъ цѣлуясь: какъ радъ я, что васъ здѣсь вижу, и самъ Христосъ тебя сюда принесъ». — «Что такое?» спросилъ меня Ваксель, удивившись. — «Чего, батюшка, мнѣ есть

крайняя и прекрайняя нужда поговорить и посовѣтовать объ одномъ межевомъ дѣлѣ съ знающимъ человѣкомъ; и съ кѣмъ лучше могу я о томъ поговорить, какъ не съ вами, и отъ васъ попросить дружескаго совѣта?» — «Пожалуй, пожалуй! подхватилъ г. Ваксель, съ превеликимъ удовольствіемъ готовъ вамъ тѣмъ услужить; расскажите только мнѣ обстоятельныѣе все дѣло». Тогда сѣли мы съ нимъ за столъ и я ну ему рассказывать всю свою исторію, показывать ему свой антрельной планъ, объяснять все дѣло, и наконецъ, сказавъ ему свое намѣреніе, показывать ему свою челобитную.

Г. Ваксель выслушивалъ все говоренное и читаемое мною съ величайшимъ вниманіемъ, и наконецъ мнѣ сказалъ: «Ну, братецъ! дѣлцо, и дѣлцо преважное и почти необыкновенное. Намѣренія вашего нельзя быть лучше; потѣжайте себя съ Богомъ и производите его въ дѣйство. Въ самой челобитной вашей не нахожу я ничего ни убавить, ни прибавить. Она хотя и необыкновенная, но очень хороша. Подавайте ее съ Богомъ. Не принять ее нельзя канцелярію, и посмотрите, какого надѣлаетъ она грома и какія великія произведетъ по себѣ послѣдствія. Помяните тогда мое слово». Симъ, и увѣреніемъ, что вѣрно она мнѣ послужитъ въ пользу и въ состояніи будетъ разрушить всѣ злые ковы, ободрилъ онъ меня чрезвычайно. Итакъ, разставшись съ нимъ, поспекалъ я далѣе и съ спокойнѣйшимъ уже духомъ.

Какъ ѣхалъ я на своихъ лошадяхъ и заѣзжалъ на часокъ въ свою деревню, то не прежде могъ приѣхать въ Москву, какъ 16-го числа передъ вечеромъ. Я тотчасъ и въ тотъ же еще день побѣжалъ къ старику-князю, ибо остановился у его секретаря, противъ его дома живущаго. Князь удивился, увидѣвъ меня опять такъ скоро, но услышавъ о причинѣ моего въ Москву приѣзда, далъ мнѣ совершенную волю хлопотать по моему дѣлу; итакъ, я на другой день и черкнулъ въ межевую, и тамъ, отыскавъ своихъ знакомцевъ, секретарей Селижарова и Соколова,

рассказываю имъ все дѣло. Тѣ не могутъ довольно надивиться всѣмъ произшествіямъ и совѣтуютъ мнѣ подать на землемѣра челобитную. Я показываю имъ мною сочиненную, а особливо Соколову, у котораго дѣло тамошнее было въ посылѣ. Сей проситъ меня послѣ обѣда къ себѣ въ домъ, чтобы поговорить о томъ и посовѣтовать лучше на просторѣ и наединѣ. Я тому радъ, приѣзжаю къ нему, и онъ, по прежней дружбѣ и ласкѣ своей ко мнѣ, принимаетъ и угощаетъ меня дружески. Потомъ говорить мы съ нимъ и совѣтовать о дѣлѣ. Онъ такого же мнѣнія, какъ и г. Ваксель, не находитъ ничего ни прибавить и убавить въ челобитной, кромѣ нѣсколькихъ малостей, но совѣтуетъ мнѣ сѣздить напередъ на домъ къ самому Князеву и съ нимъ объясниться, и показать ему и планъ, и челобитную, и что онъ мнѣ скажетъ, то и дѣлать. И какъ совѣтъ сей былъ благъ и прямо дружеской, то и положилъ я его въ точности исполнить.

Итакъ, на другой же день поутру ра-нехонько и черкнулъ я къ г. Князеву. Анисимъ Титовичъ не успѣлъ отъ докладчика услышать мое имя, какъ велѣлъ тотчасъ звать меня къ себѣ въ кабинетъ, и встрѣтилъ меня самымъ дружескимъ привѣтствіемъ. «Ахъ, Андрей Тимофеевичъ! все-ли въ добромъ здоровьѣ? Милости прошу садиться! Что къ намъ пожаловали? Конечно, для какой-нибудь опять нуждицы?» — Точно такъ, батюшка, Анисимъ Титовичъ, сказалъ я: и самой необходимой; и неволя заставила меня бросить все и скакать сюда къ вамъ. Помогите, ради Бога! — «Что такое? подхватилъ онъ: пожалуйста скажите, и будьте увѣрены, что все, что только можно и что отъ меня зависитъ, я сдѣлать не откажусь и съ удовольствіемъ сдѣлаю». Радъ я былъ таковому его обѣщанію, и тотчасъ, не говоря еще о челобитной, началъ ему всю исторію и плутни Пашкова и межевщицовой рассказывать, и для лучшаго объясненія показывать ему свой антрельной планецъ.

Князевъ съ превеликимъ вниманіемъ

слушать все мною говоренное и разсматривать мой планъ, и какъ казалось съ особеннымъ любопытствомъ и удовольствіемъ. И какъ я все кончилъ, то пожавъ плечами сказалъ:—«Боже мой! что это за люди! и какая ненасытная алчность. Признаюсь вамъ, Андрей Тимофеевичъ, что это я сдѣлалъ, что всѣ сіи земли на разныя имена проданы Пашкову, и самъ я убѣдилъ его ихъ купить; но теперь вижу, что онъ меня бездѣльническимъ образомъ обманулъ и засвѣто увѣрилъ, что тутъ всей пустой земли не болѣе тысячъ пятнадцати десятинъ, почему я ее всю ему и продалъ. Но возможно ли, не удовольствуясь и такимъ множествомъ земли, хотѣть еще бездѣлжно и безъ всякаго права захватить себѣ сверхъ того такую громаду казенной земли?.. Но точно ли ее тутъ такъ много?»—Ахъ, батюшка, Анисимъ Титовичъ! подхватилъ я: могу ли я васъ обманывать, и на что же мнѣ прилгать? Самое разстояніе, и ширина, и длина сей степи вамъ то доказать можетъ. Тутъ покачалъ онъ опять головою и удивляясь сказалъ: «Что это за канальская выдумка и какая непростительная хитрость! Обведя всю степь узкими продажными полосами и звеньями, а всю внутренность хочется поприбрать себѣ даромъ! Нѣтъ, это слишкомъ уже много и немало не кстатъ!» Наконецъ спросилъ онъ меня: «Что-жъ думаете и хотите вы теперь сдѣлать?»—Ахъ, батюшка, Анисимъ Титовичъ! объ этомъ-то и приѣхалъ я просить васъ, какъ моего милостивца и благодѣтеля, чтобъ вы меня въ томъ надуумили и по милостивому вашему ко мнѣ благорасположенію наставили и совѣтъ дали.—«Другого не остается, сказали онъ, какъ подать вамъ въ канцелярію на бездѣльника сего межевщика челобитную, и хорошо, когда бы вы въ ней намъ все о сей степи пообъяснили; ибо скажу вамъ, что межевая канцелярія не имѣетъ объ ней никакого еще понятія. Итакъ, напишите-ка, батюшка, и поспѣшите подать къ намъ, а этотъ прекрасной планецъ не оставите ли вы у меня, такъ бы я могъ его пока-

зать Ивашеву, нашему первому члену, и съ нимъ о семъ дѣлѣ переговорить». —Очень хорошо; отвѣчалъ я, а что касается до челобитной, то вотъ она у меня вчернѣ написана, но не знаю, годится ли она? и не удостойте ли вы ее своимъ взоромъ? —«Пожалуй, пожалуй!» сказалъ онъ, и тотчасъ началъ ее читать и читая нѣсколько разъ восклицать: «Браво! браво! прекрасно! очень хорошо!» и наконецъ спросилъ онъ, кто мнѣ ее писалъ? И какъ я ему сказалъ, что сочинена она самимъ мною, то онъ подхватилъ:—«Нельзя, нельзя быть лучше; извольте только ее переписать и подавайте съ Богомъ. Не принять отъ васъ ее никакъ намъ нельзя: самой казенной интересъ насъ къ тому обижетъ. И я скажу, что теперь не помогутъ господину Пашкову и всѣ его тысячи и богатство. Самъ онъ такъ напроказилъ и все дѣло такъ испортилъ, что и пособить никакъ не можно; и намъ другого не остается дѣлать, какъ велѣть все это межеванье остановить, бездѣльника этого землемѣра отдать подъ судъ, а для измѣренія и снятія на планъ всѣхъ сихъ земель отпирать изъ канцеляріи нарочнаго и на казенной коштѣ землемѣра, и велѣть ему всю сію степь и смежныя съ нею дачи снять аккуратнѣйшимъ образомъ на планъ, и принимать всѣ споры какъ должно; и это мы непременно сдѣлаемъ, и тогда можете вы быть увѣрены, что вы и вамъ проданную землю вѣрно получить можете. Жаль только, что дѣло сіе нѣсколько попротянется. Но за то велимъ мы всѣхъ владѣльцевъ, до разсмотрѣнія и рѣшенія сего дѣла, оставить при прежнемъ ихъ владѣніи, чѣмъ, надѣюсь, и вы будете довольны». —Конечно, сказалъ я, отвѣсивъ ему пренизкій поклонъ; а онъ сказалъ: «Такъ побѣжайте-жъ, батюшка, и поспѣшите подачею къ намъ вашей важной бумажки».

Съ симъ отпустилъ онъ меня тогда отъ себя, и я тотчасъ бросившись въ межевую и пересказавъ все Соколову, при помощи его и велѣлъ челобитную мою переписывать, чѣмъ и занялись мы въ тотъ и во

весь послѣдующій день; а 21 числа я ее въ канцелярію и подалъ, и по подачѣ приглашенъ былъ въ судейскую, къ самому генералу, для повторенія увѣренія моего, что все писанное мною основано на самой справедливости. Тутъ засталъ я всѣхъ присутствующихъ, съ любопытствомъ разсматривающихъ мой, предъ генераломъ лежащій, рисунокъ, и генераль отозвался ко мнѣ очень милостиво, говоря, что казна обязана мнѣ благодарностію за открытіе такого великаго и значительнаго казенной земли похищенія, и что я могу остаться спокойнымъ и быть увѣреннымъ, что я получу свое удовольствіе. И подлинно, они тотчасъ повернули симъ дѣломъ такъ, что въ тотъ же часъ положена была резолюція, а въ послѣдующій подписано было уже и опредѣленіе о посылкѣ въ Тамбовъ и къ землемѣру указовъ, а чрезъ день и вручены они уже были самому мнѣ для вѣрнѣйшаго и скорѣйшаго доставленія ихъ въ Тамбовъ и къ землемѣру, и въ нихъ прописано точно все то, что мнѣ Князевъ предварительно уже сказывалъ.

Итакъ, все сіе дѣло въ немногіе дни и съ успѣхомъ, превосходящимъ все мое чаяніе и ожиданіе, кончилось, и я, будучи тѣмъ чрезвычайно доволенъ и не имѣя, впрочемъ, въ Москвѣ никакихъ нуждъ, а отблагодаривъ Князева и побывавъ въ рядахъ, искупивъ все нужное и повидавшись еще съ старикомъ-княземъ и съ издателемъ моего «Сельскаго Жителя», господиномъ Ридигеромъ, тотчасъ опять изъ Москвы, и именно 25 числа, въ Богородицкѣ и отправился, пробывъ въ сей разъ только девять дней въ столицѣ.

Поелику на семъ обратномъ пути надобно мнѣ было ѣхать мимо самаго двора нашихъ молодыхъ Кислинскихъ, то не преминулъ я къ нимъ заѣхать, и угощенъ былъ у нихъ обѣдомъ; а въ Дѣдиловѣ, къ удивленію моему, съѣхался не нарочнымъ образомъ опять съ господиномъ Вакселемъ, которой, увидѣвъ меня, съ крайнимъ любопытствомъ хотѣлъ знать что воспослѣдовало, и бралъ въ удовольствіи моемъ живѣйшее соучастіе,

говоря: «Ну, вотъ, не правду ли я сказалъ, что челобитная ваша надѣлаетъ много шума и произведетъ великія послѣдствія! Теперь поспѣшите только скорѣе, батюшка, отправить туда сіи указы». Что я и не преминулъ сдѣлать, и на другой же день, по возвращеніи моемъ въ Богородицкѣ, отправилъ туда съ нарочнымъ; и они дѣйствительно все тогдашнее межеванье тамъ остановили, и мы опять по прежнему своими распашиными землями владѣть начали, и дѣло пошло въ отяжку.

Домашнихъ своихъ нашелъ я здоровыми. Они никакъ не ожидали столь скоро обратнаго моего приѣзда, и ѣздивши безъ меня къ теткѣ Матренѣ Васильевнѣ, въ ефремовскую ея деревню, въ одну минуту со мною оттуда въ Богородицкѣ возвратились.

Такимъ образомъ, былъ для меня весь августъ мѣсяцъ хлопотливой и я провелъ его весь въ непрерывныхъ суетахъ и безпокойствахъ; но за то послѣдующій затѣмъ сентябрь преисполненъ былъ множествомъ удовольствій и мы провели его очень весело. Уже самое и начало его ознаменовалось приѣздомъ къ намъ опять нашего губернатора, и какъ онъ въ сей разъ стоялъ у меня въ домѣ, то по сему случаю и была у меня опять пирушка. Для лучшаго угощенія его у себя, пригласилъ я къ себѣ на обѣдъ всѣхъ нашихъ городскихъ, и удивилъ губернатора своею дневною иллюминаціею, поставленною въ окнѣ моего кабинета, такъ что она ему, сѣвшему за столъ, вдали прямо въ глаза кинулась. Неожиданное сіе и пріятное зрѣлище его такъ поразило, что онъ, будучи прелюбопытной человѣкъ и охотникъ самъ до всякихъ выдумокъ и затѣвъ, не утерпѣлъ, но вскочилъ изъ-за стола и побѣждалъ разсматривать, какъ и изъ чего она сдѣлана, и расхвалилъ меня върахъ за мою выдумку.

А не успѣли мы его отъ себя проводить, какъ начали между собою почти ежедневно переѣзжаться, и собираясь то у того, то у другого, всѣ и со всѣми нашими дѣтьми вмѣстѣ, препровождать ве-

чера въ разныхъ играхъ и дружескихъ забавахъ. Учитель нашъ умножалъ также собою наше общество и увеселялъ нашъ слухъ играніемъ на своей скрипцѣ, а дѣти утѣшали зрѣніе наше своими танцами, въ которыхъ нерѣдко и мы сами брали соучастіе и дѣлали имъ компанію. И такіе съѣзды и дружеское, веселое препровожденіе времени стало становиться намъ отчасу пріятнѣе. Къ сему присовокуплялось и то, что въ теченіе сего мѣсяца много разъ пріѣзжали къ намъ и разные гости. Къ намъ пріѣзжала тетка, госпожа Арцыбышева, также наши Верещагины, госпожа Бакунина, кіясовской мой знакомецъ и пріятель, баронъ Николай Осиповичъ Соловьевъ, госпожа Обаринова, и нѣкоторые другіе. Сверхъ того, ѣздили и сами мы въ Крапивенской уѣздъ, и тамъ по многимъ знакомымъ и дружескимъ домамъ разъѣзжали, и гдѣ обѣдывали, гдѣ ночевали. Были у господина Толбузина, у стариннаго моего друга господина Темешева, въ славномъ его селѣ Пироговѣ. Онъ жилъ тутъ уже съ своею женою, которая доводилась намъ еще нѣсколько сродни, и будучи къ намъ очень привержена и ласкова, старалась угостить насъ и съ мужемъ своимъ наипрѣятнѣйшимъ образомъ; а потомъ заѣзжали мы въ деревню къ другу моему Сергѣю Ильичу Шушерину и къ г. Кирееву, и вездѣ угощаемы были какъ водится. Наконецъ, 20-го числа ѣздили мы опять на именины въ деревню къ господину Стрекалову и у него обѣдали, ночевали и весь почти послѣдующій день провели съ удовольствіемъ, ибо онъ былъ мнѣ очень радъ, угощалъ меня всячески и обходился со мною дружескимъ образомъ. А по возвращеніи давали у себя опять не одинъ разъ всѣмъ городскимъ нашимъ обѣды; а тѣмъ же взаимно соотвѣтствовалъ намъ и городничій и другіе изъ судей нашихъ. Словомъ, весь сей мѣсяцъ прошелъ у насъ почти непримѣтно въ сихъ разныхъ другъ друга угощеніяхъ и взаимныхъ свиданіяхъ.

Но какъ ни много занимались мы сими

увеселеніями и разъѣздами, однако не упустили и отправленіе дѣлъ по нашимъ должностямъ. Я не упустилъ ничего, а продолжалъ заниматься разными внѣшними работами. Сады, роща, лѣса и пруды преподавали мнѣ множество поводовъ къ разнымъ выдумкамъ и затѣямъ и къ занятіямъ пріятнымъ, при производствѣ ихъ въ дѣйствіе. Между тѣмъ, правленіе волостями текло своимъ чередомъ и приводимо было часъ-отъ-часу въ лучшій порядокъ. А не позабыты были также и дѣти. Не одинъ, а нѣсколько разъ занимался я опять чтаніемъ имъ своей «Дѣтской философіи» и рассказываніемъ имъ многихъ нужныхъ для знанія ихъ вещей, за что всѣ они меня любили и почитали отменно. Малютку же сына моего, вмѣстѣ съ воспитанникомъ моимъ, г. Сезеневымъ, началъ я около сего времени учить порядочно рисованью, и какъ ихъ, такъ и нѣкоторыхъ и другихъ дѣтей заставлять по вечерамъ иногда писать у себя. Съ самымъ учителемъ господиномъ Дюблѣе, бывали у насъ неоднократно особенные и любопытные о разныхъ матеріяхъ разговоры, и достопамятно, что около самаго сего времени былъ у насъ съ нимъ первой разговоръ о табакководствѣ, и какъ онъ былъ предпримчивой и затѣйливой челоѣкъ, и говорилъ, что ему все оное довольно знакомо, то затѣвали мы съ нимъ завести въ будущій годъ настоящій табачной плантажъ, и онъ испрашивалъ у меня подъ оной мѣсто, которое охотно я ему и обѣщалъ.

Наконецъ, не позабываемъ быть и мой «Сельской Житель», и какъ я долженъ былъ пещись, чтобы въ печатаніи листовъ не послѣдовало никогда остановки и матерія была всегда запасная и готовая, то не упустилъ я всѣ праздныя минуты употреблять и на сочиненіе оной, и отъ времени до времени пересылать ихъ къ Ридигеру по почтѣ. Отъ сего, видѣвшись съ нимъ въ Москвѣ, узналъ я многія относящіяся до сего изданія, отчасти пріятныя, а отчасти и непріятныя обстоятельства. Къ симъ послѣднимъ принадлежало то, что число получающихъ

оной пренумерантовъ было не слишкомъ велико и не простиралось до того времени свыше 80-ти человекъ. Сіе не только его, но и меня весьма обезкураживало; однако, какъ пренумерація все еще мало-по-малу приумножалась, то питались мы все еще надеждою, что авось-либо дѣло наше поправится и пойдетъ лучше.

Наконецъ наступилъ и октябрь мѣсяцъ, и съ 7-мъ числомъ онаго начался 41-й годъ моей жизни; а предъ самыми моими иманинами ожидали мы опять приѣзда къ себѣ губернатора, по причинѣ, что около сего времени полученъ уже апробованной императрицею планъ городу, и надлежало ему приѣхать для разбиванія онаго въ натурѣ. Итакъ, прежній нашъ городъ Богородицкъ съ сего времени уничтожился и превращенъ былъ въ волостное село Богородицкое, хотя по дому и по соборной своей церкви останется оно навсегда наилучшимъ украшеніемъ городу.

Но какъ письмо мое достигло уже до величины ему опредѣленной, то дозволяете мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться, и предоставивъ дальнѣйшее повѣствованіе письму будущему, сказать вамъ между тѣмъ, что я есмь вашъ, и прочее и пр.

(Ноября 19-го дня 1809 года. Дворяниново).

ВЕСЕЛОСТЬ ЖИЗНИ.

Письмо 197-е.

Любезный пріятель! День именинъ моихъ въ сей годъ праздновалъ я, по старинному обыкновенію, приглашеніемъ къ себѣ на обѣдъ и угощеніемъ у себя всѣхъ своихъ друзей и сосѣдей. И какъ было довольно и однихъ нашихъ городскихъ, то не было надобности созывать постороннихъ, отъ чего поудержался я и потому, что беременная жена моя была уже на сносѣхъ и мы съ каждымъ почти днемъ ожидали ея разрѣшенія, которое и воспослѣдовало дѣйствительно чрезъ три дни послѣ сего праздника. Въ сей

разъ даровалъ мнѣ Богъ еще дочь, Екатерину, самую ту, которая одна назначена была Промысломъ Господнимъ утѣшать дни наши при нынѣшней нашей старости частыми съ нами свиданіями и своею къ намъ ласкою и любовію. Она родилась 21-го числа октября мѣсяца, ввечеру, какъ только смерклось, вполонивъ 6-го часа, и мы всѣ обрадованы были ея рожденіемъ не менѣе какъ-бы рожденіемъ и сына, ибо почитая всѣхъ дѣтей дѣтьми одинаково, и не зная, кому назначена будетъ жизнь и кѣмъ изъ нихъ родителямъ веселиться, никогда не былъ я подверженъ той глупости, чтобъ негодовать или роптать на Промыселъ Господень, для чего родятся не сыновья, а дочери. Всѣ наши друзья и сосѣди, какъ городскіе, такъ и деревенскіе, не преминули оказать родильницѣ обыкновенныя учтивости и изъяснить принимаемое ими соучастіе въ нашей радости; а 28-го числа и окрестили мы ее, заставивъ сына моего Павла и старшую дочь, Елизавету, быть ея воспріемниками отъ купели, и угостили при семъ случаѣ всѣхъ нашихъ городскихъ обѣдненнымъ и вечернимъ столомъ и доброю пирушкою.

Весь октябрь мѣсяцъ провели мы въ такихъ же занятіяхъ, какъ и сентябрь. Въ дневное время отправляли свои дѣла, а по вечерамъ съѣзжались вмѣстѣ и занимались разными невинными забавами. Губернаторъ, котораго мы давно уже ждали для назначенія въ натурѣ города, не прежде къ намъ приѣхалъ, какъ 26-го числа, и для одной только проформы; ибо какъ къ разбитію города напелъ онъ и въ городничемъ нашемъ довольно способности, поелику былъ онъ до того землемѣромъ, то и препоручилъ онъ сіе дѣло ему, прося только меня, въ случаѣ какого недоумѣнія, помогать ему моими совѣтами, что я охотно на себя и принялъ. Что мы съ нимъ въ теченіе сего и послѣдующаго мѣсяца и произвели дѣйствительно.

Впрочемъ, ознаменовался сей мѣсяцъ полученіемъ мною двухъ достопамятныхъ писемъ. Оба они были неожиданны и для

меня важны. Одно отъ новаго моего полуначальника, молодого князя Гагарина, но о чемъ точно, того по давнишнему времени не помню; только то мнѣ памятно, что было оно о чемъ-то важномъ и принудившемъ меня тотчасъ на оное отвѣтствовать, и что было оно первое, полученное мною отъ сего горделивца. А второе отъ Экономическаго Общества и несравненно мнѣ пріятнѣйшее, но столь же мало мною ожидаемое, какъ и первое. Писано оно было ко мнѣ какъ къ сочинителю и издателю «Сельскаго Жителя» и по поводу онаго, и случайнымъ образомъ въ самой день именинъ моихъ, и было равно какъ имениннымъ подаркомъ. Какимъ-то образомъ дошло до сего Общества свѣдѣніе о издаваемомъ въ Москвѣ моемъ журналѣ, и ему восхотѣлось ободрить и подкрѣпить меня въ предпріятіи и дѣлѣ моемъ своимъ одобреніемъ. И какъ оно и дѣйствительно меня много ободрило, то и помѣшу я оное здѣсь для достопамятности и любопытства. И вотъ что оно ко мнѣ писало *):

«Подъ высочайшимъ ея императорскаго величества покровительствомъ «изъ Вольнаго Экономическаго Общества «господину издателю журнала подъ именемъ «Сельскаго Жителя».

«Всякія сочиненія, клонящіяся къ пользѣ и просвѣщенію согражданъ своихъ, «достойны похвалы, уваженія и одобренія. Таковыми почитаетъ все наше Общество благородные труды, въ изданіи «журнала вашего употребляемые, и видя «въ васъ достойнаго себѣ сотрудника, «съ великимъ удовольствіемъ отдаетъ «вамъ ту истинную похвалу, которую «лезныя ваши сочиненія отъ российскихъ «патріотовъ заслуживать должны. «Примите отъ насъ сію, толь достойно «вамъ приносимую почесть, нелицемѣрнымъ знакомъ того уваженія, съ которымъ мы періодическія ваши изданія «пріемлемъ, и будьте увѣрены, что мы «непримемъ оказать вамъ чувствитель-

«ной нашей благодарности, когда вы, «издавая къ чести своей въ свѣтъ сіе «полезное ваше сочиненіе, благоволите «въ Общество наше какъ всѣ до нынѣ «вышедшіе, такъ и впредь выходить «имѣющіе листы вашего журнала безпрерывно и безумедленно сообщать».

Письмо сіе подписано было, по обыкновенію, президентомъ Общества и обоими секретарями онаго, изъ коихъ первымъ былъ тогда господинъ Крузъ. Я, будучи полученіемъ сего письма чувствительно обрадованъ, неприминулъ не только велѣть Ридигеру, во исполненіе желанія Общества, тотчасъ при написанномъ отъ меня благодарительномъ письмѣ переслать въ оное всѣ до того вышедшіе листы моего журнала и впредь посылать, но вскорѣ затѣмъ, въ посрамленіе всѣхъ моихъ неблагонамѣренныхъ и глупыми своими письмами меня оскорбляющихъ читателей, помѣститъ все вышеупомянутое письмо отъ Общества въ листки мои и тѣмъ пристыдить сихъ негодяевъ, прочихъ подкрѣпить въ ихъ ко мнѣ благорасположеніи и хорошемъ обо мнѣ мнѣніи, что и произвело свое вожделѣнное дѣйствіе. Всѣ сіи умницы начали съ сего времени замолкать и мнѣ досадными своими письмами уже менѣе мѣшать продолжать свое благонамѣренное дѣло.

Вскорѣ за симъ наступилъ у насъ мѣсяцъ ноябрь и съ нимъ глубокая и скучная осень, но мы провели ее отменно весело. У насъ основались около сего времени толь частыя по вечерамъ собранія и между собою даже поочереды то у того, то у другого съѣзды и вечеринки, что я не помню, когда бы мы еще такъ весело проводжали свое время, какъ тогда. По окончаніи нашихъ дневныхъ дѣлъ, едва только наставалъ вечеръ, какъ и сѣвши всѣ изъ насъ собираться къ тому на квартиру, у кого въ тотъ вечеръ, по условію, сдѣланному наканунѣ того дня, назначено было быть вечеринкѣ. Тутъ вмѣстѣ съ нами являлись обыкновенно и всѣ наши пансіонныя дѣти, и

*) Въ подлинникѣ письмо это обрамлено красивыми кавычками. Ред.

оба наши музыканта, учитель съ своею скрипкою, а Вилиамъ съ своими гуслими, и тогда начиналась потѣха: кто садился играть въ ломберъ, кто въ реверсисъ, кто въ иныя карточные неубыточные, а съ смѣхами и веселыми восклицаніями сопряженные забавныя игры. Музыка наша принималась между тѣмъ за свои инструменты, а дѣти за свои прыганья и танцы. Когда же то имъ прискучивало, то заводились игры въ фанты, чѣмъ не только они, но и всѣ мы, сотовариществуя имъ, занимались, и громогласные смѣхи, шутки, издѣвки и дружеское единодушіе и простое обхожденіе всѣхъ между собою приправляло все сіе отменною пріятностію и чувствами удовольствія истиннаго. Часто собранія сіи бывали такъ многочисленны, что недоставало почти мѣста къ помѣщенію гостей всѣхъ. Происходило сіе оттого, что ко всѣмъ намъ нерѣдко приѣзжали въ городъ собственные каждой фамилии друзья, родные и пріятели, и иногда у нихъ ночующіе, а иногда по нѣскольку дней гостившіе. И какъ у насъ условенось и въ обычай введено было звать на вечеринки къ себѣ всѣхъ и съ ихъ приѣзжими гостями, то сіи и умножали собою наши собранія, и находили въ нихъ для себя столь много пріятнаго и веселаго, что нерѣдко случалось, что иныя, приѣхавъ къ кому-нибудь на сутки, проживали въ городѣ у насъ сутокъ по трое и болѣе, потому что всякой изъ насъ старался убѣждать ихъ просьбами удостоить и его своимъ посѣщеніемъ, и при убѣжденіи всѣхъ къ тому-жъ не въ состояніи былъ отговариваться, и не одинъ разъ доходило до того, что многимъ отъ насъ даже ѣхать не хотѣлось.

Словомъ, жизнь наша тогда была прямо славная и преисполненная удовольствіями непрерывными; а что всего было лучше, то никому вечеринки сіи не обрещались ни въ дальній убытокъ, ни въ отягощеніе, ибо какъ при всѣхъ сихъ собраніяхъ не было никакого питья и бражничанья, и даже самыхъ ужиновъ, кромѣ такихъ случаевъ, когда кому слу-

чалось праздновать либо день рожденія или именины кого-нибудь изъ своего семейства, или такъ кому самопроизвольно желалось угостить всѣхъ ужиномъ, то и нужно было только освѣщеніе комнатъ свѣчами, да угощеніе всѣхъ чашкою чая. Однимъ словомъ, жизнь и согласіе наше было таково, что скоро сдѣлалось оно повсюду славно, и какъ нерѣдко приѣзжали къ намъ либо профѣздомъ, либо для какихъ нуждъ, либо для свиданія съ своими родными и самые судьи и чиновники изъ губернскаго города, и брали въ увеселеніяхъ нашихъ соучастіе, то сдѣлалась она и въ самой Тулѣ славна и извѣстна и приобрѣла намъ всеобщую похвалу и одобреніе.

Впрочемъ, достопамятенъ былъ мѣсяцъ сей нѣкоторыми особенными для меня происшествіями. Первое было то, что 12-го числа сего мѣсяца происходило у насъ, подъ распоряженіемъ моимъ, освѣщеніе бобриковской церкви, при которомъ случаѣ дѣлалъ у себя пиръ г. Верещагинъ и было съѣхавшихся съ сему случаю дворянъ довольное собраніе. Вторыхъ, катерининъ день праздновали мы на именинахъ у новой нашей знакомой, Катерины Артамоновны Бакуниной, въ ея деревнѣ, при которомъ случаѣ видѣлъ я всѣхъ епифанскихъ судей и другихъ многихъ изъ дворянъ тамошнихъ, и съ ними познакомился и сдружился. Въ-третьихъ, средней дочери моей, Настасьѣ, случилось въ теченіе сего мѣсяца лежать въ оспѣ. Сіе происшествіе сначала-было насъ перетревожило и перепугало, но какъ оспѣ случилось быть очень хорошей и безопасной, то мы скоро успокоились духомъ. Живущему у насъ воспитаннику нашему, господину Сезеневу, была она такъ удачна, что онъ износилъ ее даже ходючи и занимаясь съ прочими дѣтьми въ танцахъ, ибо было на немъ только нѣсколько оспиновокъ. Въ-четвертыхъ, достопамятно для меня было то, что я получилъ письма отъ нѣсколькихъ новыхъ и весьма хорошихъ корреспондентовъ, изъ которыхъ иныя писали ко мнѣ подъ настоящими своими

именами и чрезъ то подали случай къ начатію съ ними особенной, приватной переписки, а потомъ и къ сведенію съ ними знакомства и дружбы. Къ такому принадлежалъ московской корреспондентъ, господинъ Вишневскій, и орловской, Алексѣй Александровичъ Воейковъ, писавшій ко мнѣ сперва подъ именемъ Уединена. Наконецъ, въ-пятыхъ, занималъ меня много начавшійся въ сіе время рекрутской наборъ, и какъ надобно было выбрать изъ волостныхъ крестьянъ годныхъ въ рекруты нѣскольکو сотъ человекъ, то по сему дѣлу имѣлъ я много весьма скучныхъ для меня хлопотъ, трудовъ и работы.

Каковъ относительно до увеселеній нашихъ былъ ноябрь, таковымъ же точно былъ и весь декабрь мѣсяцъ. Мы заѣздили и завеселились впрахъ, а особливо въ наставшія въ концѣ сего мѣсяца святки, и удовольствій имѣли множество. Однако были въ теченіе сего мѣсяца происшествія, заставившія меня и обильно думать. Къ числу сихъ принадлежалъ неожиданной мною приѣздъ ко мнѣ моего деревенскаго сосѣда, господина Басаргина, второго мужа жены покойнаго родственника моего, Матвѣя Никитича Болотова. Сей молодецъ прискакалъ-было ко мнѣ для испрошенія выдачи ему и женѣ его оставленнаго покойникомъ и у меня хранящагося векселя, но наскочилъ не такого олуха, который бы далъ себя обучать его просьбамъ, рассказамъ и убѣжденіямъ. Я отказалъ ему наотрѣзъ, говоря, чтобъ онъ о томъ никогда бы и не помышлялъ, и что я непременно сохранию сей священной залогъ по завѣщанію покойника и не предамъ осиротѣвшую дочь его ихъ съ женою произволу и никакъ не допущу до того, чтобъ лишилась она отцовскаго наслѣдства. Итакъ, господинъ сей, по пословицѣ говоря, несолоно хлебавъ отъ меня и поѣхалъ, и поѣхалъ хотя съ примѣтнымъ неудовольствіемъ, но я, желая исполнить долгъ свой, того нимало не уважилъ.

Далѣе; дѣла по рекрутскому набору принудили меня съѣздить на короткое

время въ Тулу. Въ сей разъ ѣздила туда и жена моя съ старшею изъ дочерей моихъ, ибо ей хотѣлось оттуда проѣхать въ Калединку къ теткѣ своей, госпожѣ Арцыбышевой, гдѣ и оставила она дочь мою погостить. Я же, между тѣмъ, находясь въ Тулѣ, имѣлъ случай быть у губернатора, которой принялъ меня отменно ласково и старался тѣмъ отплатить мнѣ за всѣ мои многократныя угощенія. Кромѣ сего случилось мнѣ видѣть и старинную свою знакомку, дочь господина Павлова, Марью Даниловну, бывшую тогда уже замужемъ за однимъ изъ тульскихъ судей, г. Ладыженскимъ. Они звали меня къ себѣ и угощали меня обѣдомъ, и я благопріятствомъ ихъ былъ очень доволенъ.

По возвращеніи моемъ изъ Тулы, имѣлъ я удовольствіе видѣть и угощать у себя обѣдненнымъ столомъ новаго своего пріятеля, г. Стрекалова, приѣзжавшаго ко мнѣ вмѣстѣ съ Верещагинымъ, которой день былъ вкупѣ и тѣмъ достопамятенъ, что опредѣленъ былъ къ намъ къ церкви и впервые служилъ новой пошъ Алексѣй, бывшій у насъ потомъ славнымъ протопопомъ, также и тѣмъ, что въ самой сей день возвратилась жена изъ Калединки, и что мы оволо сего времени получили новаго себѣ сотоварища, стряпчаго Сони́на, опредѣленнаго на мѣсто бывшаго до того почти полуумнаго Хомякова, доказавшаго разстройку ума своего зарѣзаніемъ жсны своей отъ глупой и пустой ревности, и сдѣлавшагося чрезъ то несчастнымъ. Необычайное происшествіе сіе надѣлало тогда очень много грома, и несчастная сія претерпѣла бѣдствіе сіе, какъ говорили, совершенною невиннымъ образомъ; ибо какъ была она очень недурна собою, а онъ до глупости къ ней ревнивъ, то ничего незначущія ласки къ ней нѣкоторыхъ людей довели его до того, что онъ, легши съ нею спать, вонзилъ ножъ въ ея животъ и умертвилъ въ ту же минуту; но за то пострадалъ и самъ послѣ, будучи сосланъ въ ссылку. У меня осталась

послѣ его памятникомъ фарфоровая чашка, подаренная имъ мнѣ въ день послѣднихъ именинъ моихъ, напоминающая мнѣ о семъ несчастномъ и меня любившемъ человѣкѣ ежедневно; ибо какъ она мнѣ полюбилась, то я во всю послѣдующую жизнь мою пивалъ изъ ней свой чай, и пью болѣе тридцати лѣтъ изъ ней даже и понынѣ, и чрезъ то очень часто его вспоминаю.

Наконецъ, настало у насъ Рождество Христово и начались святки, усугубившія обыкновенные наши съѣзды, вечеринки и увеселенія. Въ самой праздникъ былъ обѣдъ, балъ и вечеринка у меня и собраніе многочисленное. На другой день угощалъ насъ у себя Николай Сергѣевичъ Арсеньевъ, на третій господинъ Албычевъ, на четвертой учитель, а послѣ его казначей нашъ Борисъ Дмитриевичъ Плотниковъ, и мы завеселились во всѣ сіи дни впрахъ. Но вдругъ, и въ самое то время, какъ ликовали мы у казначея, пораженъ я былъ полученіемъ къ себѣ пакета, которой въ одинъ мигъ разрушилъ всѣ мои радости и удовольствія и повергъ меня въ превеличайшую задумчивость, смущеніе и разстройку мыслей. Содержалъ онъ въ себѣ ордеръ ко мнѣ отъ старика-князя, и ордеръ такой, какого я всего меньше ожидалъ. Мнѣ давалось чрезъ него знать, что императрицѣ угодно было его отъ правленія волостями совершенно уволить и ввѣрить оное его сыну, князю Сергію Сергѣевичу, и чтобъ я съ сего времени почиталъ его своимъ командиромъ и обо всемъ уже къ нему относился.

Легко можно заключить, что извѣстіе сіе было для меня крайне поразительно. Оно взволновало въ одинъ мигъ всю во мнѣ кровь и смутило такъ всѣ мои мысли, что я остолбенѣлъ почти отъ изумленія, но что было и естественно; ибо какъ мнѣ дурной характеръ сего новаго моего начальника былъ довольно уже извѣстенъ, то, судя по холодному и почти презрительному его ко мнѣ въ бытность его у насъ

поведенію, не могъ я отъ него ничего ожидать добраго, а долженъ былъ уже заранее готовиться ко всему худому и непріятному; а сіе и смущало и озабочивало меня до безконечности, и мнѣ не оставалось ничего къ ободренію, какъ единой защиты и покровительства моего Бога.

Впрочемъ не понималъ я, какимъ образомъ и по какому поводу и случаю произошла такая, всего меньше ожидаемая переменна, и для меня было сіе тогда сущее загадкою, которая разрѣшилась не прежде, какъ по прошествіи многого послѣ того времени; и вотъ что и какую странную и удивительную исторію узналъ я о поводѣ къ произшествію сему.

О волостяхъ нашихъ хотя и не было никому съ достовѣрностію извѣстно, кому онѣ собственно назначались и на какой конецъ заводились въ нихъ разныя и великаго иждивенія стоящія зданія, однако, по всеобщей молвѣ, никто почти не сомнѣвался въ томъ, что онѣ назначались нѣкакому господину Бобринскому, мальчику, воспитанному въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и съ отмѣннымъ прилежаніемъ обучаемому

Поелику мальчикъ сей около сего времени достигалъ уже до такого возраста, что могъ быть вскорѣ уже и женатымъ; то бывшій въ сіе время у насъ въ Россіи первымъ и знаменитѣйшимъ бояриномъ и императрицынымъ любимцемъ, и бывшій потомъ свѣтлѣйшимъ княземъ. Григорій Александровичъ Потемкинъ, мужъ, дышущій любочестіемъ и любовластіемъ безпредѣльнымъ, и простирающій замыслы и намѣренія свои почти за самыя облака, обратилъ между прочимъ виды свои и на сего знаменитаго юношу. Онъ имѣлъ у себя нѣсколько родныхъ племянницъ, которыя, ежели вѣрить носившейся тогда всеобщей молвѣ, были вкупѣ и его любовницы, всѣхъ ихъ

пороздалъ онъ кой-за-кого и пристроилъ къ мѣстамъ знаменитымъ, и оставалась одна младшая, имъ болѣе прочихъ любимая, да и лучшенькая. Сю-то младшую племянницу свою, госпожу Енгельгартшу, назначалъ онъ въ мысляхъ своихъ за помянутаго знаменитаго юношу и хотѣлъ, женивъ его на ней, сдѣлать богатѣйшею и знаменитѣйшею госпожею въ Россіи, и онъ надѣялся безсомнѣнно убѣдить къ соизволенію на то и самую императрицу.

Теперь надобно знать, что въ самое то время помянутой молодой князь Сергій Сергѣевичъ Гагаринъ служилъ при дворѣ камергеромъ и былъ по сему случаю князю Потемкину не только знакомъ, но находился у него въ особенной любви и милости. И какъ ему, по сему обстоятельству, случалось бывать часто у него и видѣть его племянницу, то, будучи проворнымъ, хитрымъ и любовнымъ дѣламъ преданнымъ молодымъ человѣкомъ, вошелъ онъ какъ-то съ нею въ тайныя связи и былъ взаимно любимъ и ею. И какъ ему помянутой замыслъ князя Потемкина не могъ быть неизвѣстнымъ, какъ отъ самой ей, такъ и потому, что князь ему въ томъ, какъ другу своему, открылся; то, будучи не въ состояніи сему воспрепятствовать, рѣшился онъ не только ему въ томъ всячески вспомоствовать, что ему, какъ находившемуся тогда въ милости у императрицы, и можно было дѣлать, но и для себя выгадать притомъ особенную выгоду; почему и сталъ онъ тотчасъ замышлять и обрабатывать съ любимцемъ своимъ Верещагинымъ, бывшимъ тогда при немъ въ Петербургѣ и ему во всемъ рабски прислуживающимся, особой планъ, достойной не уваженія, а истиннаго презрѣнія.

Гнусной планъ сей состоялъ въ слѣдующемъ. Какъ оба они не сомнѣвались, что какъ скоро женится г. Бобринской, такъ отдадутся ему во владѣніе и обѣ наши волости. Объ немъ же они знали, что онъ, будучи еще очень молодъ и къ распутствамъ и веселостямъ очень склон-

нымъ, самъ собою управлять ими будетъ не въ состояніи, да они ему въ полное управленіе отъ императрицы тотчасъ и не отдадутся, и что нуженъ будетъ къ нему приставъ и помощникъ; то и полагали они, чтобъ симъ приставомъ и помощникомъ въ правленіи не иному кому быть, какъ сему молодому князю Гагарину и при немъ Верещагину, и чтобъ обонимъ имъ постараться увезть тогда сего молодого господина съ молодою его женою въ волости, и заведя его во всѣ забавы и увеселенія, самимъ, между тѣмъ, воцариться въ волостяхъ и хозяйствовать въ нихъ по своему произволенію. Словомъ, они замышляли все распорядить такъ, чтобъ тогда молодой Бобринской носилъ только на себѣ званіе мужа и господина надъ волостями, а тѣмъ и другимъ быть бы въ самомъ дѣлѣ помянутому князю Гагарину, а при милости его Верещагину, которой, будучи великимъ проплетомъ, хитрецомъ и картежнымъ игрокомъ, ласкался надеждою найти и для себя тутъ выгодной счетъ и, пообывравъ сего молодого и богатаго господина, поправить и свое состояніе.

Въ семъ состояло главное существо дальновиднаго ихъ замысла и заговора. Но единое затрудненіе находили они въ томъ, что волости наши не находились еще въ управленіи сего молодого князя и не прежде могли находиться, какъ развѣ по смерти старика, отца его, управляющаго ими, но которая скоро ли или не скоро воспослѣдуетъ, они не знали и знать не могли. И какъ опасались они, чтобъ помянутая женитьба не воспослѣдовала еще при жизни стараго князя, то озабочивались они тѣмъ, и долго не знали, какъ бы пособить себѣ въ семъ случаѣ и какимъ бы образомъ доставить власть и управленіе волостями скорѣе въ руки молодому князю. Наконецъ, хитрые и острые умы ихъ и развратныя сердца помогли имъ выдумать и къ тому одно удобное, хотя крайне безсовѣтное и дурное средство. Они распустили слухъ и молву, что старикъ-князь такъ составилъ, что выжилъ уже изъ ума и мѣ-

пался въ мысляхъ. И сынъ не устыдился не только подтверждать сію ложную и самимъ имъ выдуманную молву, но старался еще довести стороною слухъ сей до самой императрицы и небывальщину сію объ отцѣ своемъ утвердить собственнымъ увѣреніемъ. Чтѣ оставалось тогда монархинѣ дѣлать? И какъ можно было не повѣрить свидѣтельству сыновню! Однако онъ въ семъ случаѣ не совсѣмъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи, и не все получилъ, чего онъ ожидалъ и надѣялся. Императрица хотя и дѣйствительно намѣрена была сдѣлать его послѣ отца въ правленіи волостями преемникомъ, но по премудрости и добродушію своему не хотѣла вдругъ огорчить и живого еще старика-князя, отца его, и потому на первой случай сдѣлала его только ему въ правленіи сими волостями помощникомъ.

Такимъ образомъ гнусной и коварной умысль сей несовсѣмъ удался, и молодой князь симъ не весьма былъ доволенъ; но чрезъ нѣкоторое время послѣ того огорчился онъ и болѣе еще, когда и прочій его обширной и дальновидной замысль получилъ страшной толчокъ и какъ прахъ разсѣялся по воздуху вихромъ. Одинъ нечаянный и бездѣльный случай опровергъ вдругъ всѣ его замыслы и затѣи и разрушилъ однимъ разомъ всѣ зданія и замки, воздвигаемые имъ съ г. Верещагинымъ на воздухѣ. Излишняя любовная запальчивость и маленькая неосторожность испортила все дѣло. Ему случилось нѣкогда, будучи у князя Потемкина, сидѣть наединѣ съ помянутою тайною любовницею своею, племянницею княжюю и будущею невѣстою г. Бобринскаго, въ одномъ покоѣ на софѣ. Въ самое то время и совсѣмъ неожиданно войти туда же самъ князь Потемкинъ, любившій также сію молодую красавицу, и усматриваетъ ее въ такомъ положеніи, которое вдругъ открыло ему глаза. Взволновалось вдругъ его сердце и преисполнилось ревностію и досадою. Будучи весьма хитръ и коваренъ, онъ хотя и ничего тогда не сдѣлалъ, а захохотавъ, притворно

сказалъ: «Ну, братъ, князь, хорошо! право, хорошо!» и потомъ, хлопнувъ дверью, ушелъ; но послѣдствія отъ сего нечаяннаго усмотрѣнія были великія и важныя. Князь хотя и скрылъ свою досаду въ глубинѣ своего сердца и наружно не показалъ никакого вида и перемѣны, но въ самомъ дѣлѣ лишилъ съ сего времени князя Гагарина всей своей искренней любви и милости, и вмѣсто прежняго друга и благодѣтеля сдѣлался ему тайнымъ врагомъ и гонителемъ. Но сего было недовольно, а послѣдствіемъ отъ сего было и то, что онъ перемѣнилъ вдругъ и оставилъ всѣ мысли свои о женитьбѣ Бобринскаго на сей своей племянницѣ, но паче самъ помогъ послѣ къ тому, что сей молодой человекъ отправленъ былъ съ приставомъ въ чужіе края путешествовать. А чтѣ поудалить отъ племянницы своей и князя Гагарина, то внушилъ императрицѣ самъ желаніе поручить сему князю наши волости въ полное управленіе, отжививъ старика отца его, яко совсѣмъ съ ума уже рехнувагося, отъ всей прежней довѣренности къ нему императрицы и правленія оными.

Симъ образомъ разрушился весь планъ молодого князя Гагарина, и онъ, вмѣсто всѣхъ ожидаемыхъ блаженствъ, не получилъ ничего, кромѣ довѣренности императрицыной относительно до управленія сими волостями. Но за то принужденъ былъ на нѣсколько времени отлучиться отъ двора, и для принятія отъ отца всѣхъ дѣлъ, до сихъ волостей относящихся, приѣхать въ Москву; но что все уже его не весьма веселило, ибо онъ, кромѣ излишнихъ хлопотъ, заботъ и попеченій, не предусматривалъ отъ того никакой себѣ пользы и выгоды. Самое служеніе сіе, по примѣру отца, долженъ былъ онъ отправлять безъ всякой за труды награды и жалованья.

Вотъ какія странныя происходили тогда дѣла и силетни и по какому случаю отнята была команда отъ старика-князя, невѣдавшаго о томъ ничего и только что сей неожиданной перемѣнѣ удивлявагося. Намъ всѣмъ также всѣ произ-

шествiя сiн были неизвѣстны, и я узналъ ихъ долгое время спустя послѣ того отъ самого Верещагина, которой не посовѣстился и не постыдился самъ мнѣ о томъ при одномъ случаѣ разсказать въ подробности. Но я возвращусь къ продолженiю моей исторiи.

Помянутой ордеръ и первое извѣстiе о сей перемѣнѣ въ моемъ начальствѣ получилъ я при самомъ уже окончанiи 1778 года, и именно 30-го числа декабря мѣсяца. Оно поразительно и непрiятно было мнѣ наиболѣе потому, что я имѣлъ уже издавна о новомъ командирѣ своемъ и вообще обо всемъ его характерѣ не весьма выгодное мнѣнiе, и о неблагорасположенiи его ко мнѣ, съ самаго начала опредѣленiя моего въ сiю волость противъ его желанiя, былъ уже свѣдомъ; а послѣднiй его приѣздъ къ намъ подтвердилъ мнѣ то еще больше, такъ что я, не надѣясь отъ него никакого себѣ добра, имѣлъ причину съ самаго того пункта времени опасаться и ожидать отъ него всего дурного, и за вѣрное почти полагалъ, что онъ въ непродолжительномъ времени непремѣнно меня смѣнитъ и опредѣлитъ на мое мѣсто какого-нибудь своего фаворита. Таковая мысль, признаться надобно, начинала меня и гораздо уже смущать и тревожить, и болѣе потому, что я въ Богородицкѣ, въ надеждѣ долговременнаго тутъ пребыванiя, совсѣмъ уже завезся и тутъ такъ обостроился да и привыкъ уже къ сему мѣсту и должности, что мнѣ потерять сiе мѣсто уже и не хотѣлось. Совсѣмъ тѣмъ, какъ я, съ одной стороны, былъ совершенно чистъ и ничего за собою худого не вѣдалъ, и князю гнать меня совсѣмъ было не за что, и развѣ захотѣлъ бы онъ сдѣлать сiе изъ единого своенравiя; а съ другой стороны не позабывалъ, что мѣста сего я не искалъ и не добивался, а доставлено оно мнѣ дѣйствiемъ пекушагося о благѣ моемъ Промысла Господня, которой можетъ меня и отъ всѣхъ несправедливыхъ гоненiй и защитить и всѣ злыя противъ меня ковы разрушить, то мысли о семъ скоро опять меня и успокоили, и я, воз-

ложая надежду и упованiе на всегдашняго моего покровителя и Бога и предоставивъ все будущее Его волѣ и распоряженiю, расположился съ спокойнымъ духомъ ожидать, чтѣ будетъ.

Въ семъ расположенiи моего духа и мыслей и кончилъ я сей 1778-й годъ, съ которымъ вмѣстѣ кончу я и письмо мое, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Ноября 21-го дня 1809 года).

1779 годъ.

Письмо 198-е.

Любезный прiятель! Такимъ образомъ, успокоившись духомъ и предавъ все въ произволъ Провидѣнiю, началъ я провождать вновь наступившiй 1779-й годъ, и чтобъ не подать никому виду бывшаго смущенiя моего, продолжалъ вмѣстѣ съ прочими нашими судьями чередоваться вечеринками и всѣ достальныя дни нашихъ святокъ провождать по прежнему въ разныхъ вечернихъ увеселенiяхъ и забавахъ; но въ дневныя часы занятъ я былъ множествомъ дѣлъ какъ по правленiю волостному, такъ и по собственнымъ своимъ комнатнымъ упражненiямъ. Такъ случилось, что я, по поводу издаваемого мною журнала, заваленъ былъ множествомъ писемъ отъ моихъ корреспондентовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, спрашивающихъ меня то о томъ, то о другомъ, и требовавшихъ неукоснительно отвѣта. И какъ мнѣ хотѣлось, да и нужно было ихъ всѣхъ удовлетворить, то я, несмотря на тогдашнiе праздники и ежедневное почти угощенiе у себя прiѣзжающихъ, тутошнихъ и постороннихъ гостей, принужденъ былъ ловить всѣ праздныя минуты и употреблять ихъ какъ на соотвѣтствованiе помянутымъ письмамъ, такъ и на самое сочиненiе матерiи для журнала и переписыванiе оной. Изъ числа сихъ многихъ корреспондентовъ въ особенности занималъ меня нѣкто, писавшiй ко мнѣ сперва подъ именемъ «не китайца, а русскаго дворянина», но о которомъ я послѣ узналъ, что былъ то нашъ славный богачъ Никита Акинфiевичъ Демидовъ, и

съ которымъ я послѣ познакомился и лично, и былъ пріязню его доволенъ.

Въ сихъ разнообразныхъ занятіяхъ прошли нечувствительно и кончились наши прямо веселыя святки. На крещенье получилъ я изъ Москвы съ посыланымъ туда для отвоза казны моимъ капраломъ цѣлую кипу французскихъ книгъ, присланныхъ ко мнѣ отъ книгопродавца Вейтбрехта, для прочтенія. Съ симъ молодымъ и вновь торговлю иностранными книгами основавшимъ нѣмцемъ имѣлъ я случай въ бытность мою въ Москвѣ познакомиться, и до того сдружился, что онъ, по желанію моему, согласился присылать ко мнѣ разныя французскія книги въ тетрадяхъ, для прочтенія, съ тѣмъ съ моей стороны условіемъ, чтобъ мнѣ ему ихъ возвращать въ цѣлости, но уже переплетенныя въ папку; что я охотно и болѣе потому принялъ, что у меня одинъ изъ моихъ слугъ наученъ былъ самимъ мною сему дѣлу, и мнѣ сіе никакого труда не стоило. Но сего было еще недостаточно; но мы съ нимъ затѣяли-было и условились въ сей годъ издавать также особой родъ экономическаго періодическаго сочиненія. Поводъ къ тому подало наиболѣе то обстоятельство, что Ридигеръ, по малости пренумерантовъ на мой журналъ, не имѣлъ охоты продолжать издаваніе онаго на будущій годъ, и онъ мнѣ предварительно давалъ о томъ знать. Но какъ у меня въ запасѣ находилось множество матеріи, заготовленной вчернѣ, и мнѣ не хотѣлось прервать основанную съ столь хорошимъ успѣхомъ переписку со многими благонамѣренными моими соотечественниками и желалось видѣть сочиненія мои напечатанными; то, по случаю сведенія съ симъ г. Вейтбрехтомъ знакомства, предложилъ я, не хочетъ ли онъ войти въ сіе дѣло и издавать мои сочиненія; и какъ онъ охотно и съ великою охотою на то согласился, то не только условились мы съ нимъ о семъ новомъ предпріятіи, но мною сочинено и даже напечатано было уже и объявленіе объ ономъ. Но все наше дѣло, по особливому случаю, не состоялось: нѣмчура

сей какимъ-то образомъ вдругъ, либо сдѣлавшись банкротомъ, либо по какимъ-нибудь инымъ причинамъ, изъ Москвы въ теченіе послѣдующаго лѣта исчезъ, и куда дѣвался, никто о томъ не зналъ и не вѣдалъ, такъ что вмѣстѣ съ его лавкою пропали и все экземпляры моей «Дѣтской философій», данныя ему мною для продажи, и у меня взаимнъ того осталось только нѣсколько французскихъ книгъ, бывшихъ у меня въ то время для помянутаго переплетанія и чтанія, которыя и понынѣ у меня цѣлы.

Впрочемъ достопамятно, что на третій день послѣ крещенья потеряли мы бывшую до того домашнюю нашу собесѣдницу и такъ долго гостившую у насъ дѣвицу, госпожу Бѣляеву, и которой сотовариществомъ мы такъ много были довольны. Отецъ ея неотмѣнно хотѣлъ имѣть ее опять при себѣ, и она, привыкнувъ къ намъ, противъ хотѣнія своего принуждена была къ нему отправиться и рассталась съ нами съ великимъ сожалѣніемъ. Она и понынѣ, будучи замужемъ за г. Раковскимъ, еще жива, и живучи съ мужемъ своимъ въ Москвѣ, питаетъ къ намъ свою неліцемерную дружбу и съ нами временно переписывается.

Около самаго сего времени заѣзжали къ намъ и ночевалъ у насъ славной нашъ великанъ, генералъ Дмитрій Васильевичъ Арсеньевъ, братъ родной тетки, Матрены Васильевны Арцыбышевой, и я съ удовольствіемъ угощалъ сего всѣми уважаемаго генерала; при которомъ случаѣ случилось мнѣ ему читать нѣкоторыя пьесы изъ моего журнала, и онъ ими такъ былъ удивленъ и доволенъ, что не хотѣлъ-было вѣрить, что сочинялъ оныя я, а не иной кто.

Не успѣло нѣсколько дней генваря пройти, какъ новой мой комайндиръ, вступивъ въ полное и самовластное правленіе надъ волостями нашими, и началъ бомбандировать меня своими ордерами и посылать ко мнѣ повелѣніе за повелѣніемъ, и одно строже другого, и писать ко мнѣ всегдѣ уже отмѣннымъ образомъ, нежели какъ писывалъ мой преж-

ній командиръ, отецъ его. Совсѣмъ тѣмъ нельзя было сказать, чтобъ всѣ они были хороши и основательны. По чрезвычайной остротѣ и бѣглости своего ума и духа, и по излишней надѣятельности на совершенное свое всѣхъ вещей знаніе, а при всемъ томъ по сущему невѣжеству во многихъ вещахъ и пунктахъ, дѣлалъ онъ перѣдко великія погрѣшности и приказывалъ исполнять то, чего никонимъ образомъ нельзя было произвести въ дѣйство; а самое сіе и приводило меня въ великое смущеніе, хлопоты и безпокойство. Примѣромъ тому можетъ служить одно важное и мнѣ множество хлопотъ и огорченій наведшее дѣло, бывшее у меня съ нимъ по дѣламъ откупнымъ и кабацкимъ.

Я упоминалъ уже прежде, что въ богородицкой волости находилось множество кабаковъ незаконныхъ, ввученныхъ еще г. Опухтинымъ и разсѣянныхъ по всѣмъ деревнямъ, гдѣ они, подъ именемъ выставокъ, производили въ нихъ ежедневную продажу, и что я, вступя въ правленіе и донося о томъ князю, хотя и спрашивалъ у него, что онъ прикажетъ съ ними дѣлать, но какъ онъ, нехотя подъ старость входить въ хлопоты и ссоры съ откупщиками, приказалъ мнѣ ихъ такъ оставить какъ они были, что онъ подтвердилъ и самъ во время приѣзда своего къ намъ въ волость съ своимъ сыномъ при случаѣ бывшаго о томъ разговора. Итакъ, хотя мнѣ и извѣстенъ былъ неизмѣримый вредъ, причиняемой ими волостямъ, и хотя я самъ усердно желалъ истребить оныя, однако принужденъ былъ, соображаясь съ волею старика-князя, смотрѣть на сіе сквозь пальцы и съ досадою держать, по пословицѣ говоря, корову за рога, между тѣмъ какъ другіе ея доили; а въ семъ состояніи и засталъ волости мои новой командиръ. Сей хотя за вѣрное полагалъ, что и я отъ откупщиковъ такимъ же образомъ пользовался, какъ прежніе управители, о чемъ онъ отъ Верещагина довольно наслышался, однако въ томъ немилосердо обманывался. У меня того и въ помыслѣніи никогда не было, а хотя бы и хо-

тѣлъ, но по тогдашнимъ обстоятельствамъ не было къ оному и никакой возможности. Съ откупами около сего времени произошла великая и та перемѣна, что начали входить въ нихъ и дворяне, и возвысили цѣну онымъ несравненно выше; а дабы имъ въ убытки не остаться, то происками своими въ казенныхъ палатахъ постарались помянутыя вездѣ выставки сдѣлать гласными и почти узаконенными. А къ вящему несчастію богородицкой уѣздъ въ самой тотъ годъ снялъ на откупъ нѣкто господинъ Игнатѣевъ, по имени Иванъ Борисевичъ, человѣкъ хитрой, лукавой, расторопной и всѣми дѣянїями своими походившій болѣе на сущаго іезуита или жида, нежели на благороднаго російскаго дворянина. Однимъ словомъ, человѣкъ сей былъ такого разбора, что съ нимъ и нашедъ ничего раздѣлить было не можно, а того меньше имѣть такія критическія связи. Онъ, алкая корыстолюбіемъ и будучи хитрымъ и коварнѣйшимъ человѣкомъ, ни о чемъ иномъ не помышлялъ какъ о томъ, какъ бы ему разными происками и хитростями набить потуже свой карманъ, и не заботился нимало ни о стыдѣ, ни совѣсти. А чтобы лучше можно ему было во всѣхъ злыхъ замыслахъ своихъ имѣть успѣхъ, то и въ главные повѣренныя къ себѣ отыскалъ одного изъ тульскихъ обанкротившихся купцовъ, изъ плутовъ плута и самаго доку и архибездѣльника, по прозвищу Деревенскаго; и какъ онъ былъ человѣкъ прямо по его сердцу, то свора сія негодныхъ людей и производила странныя и удивительныя дѣла.

И съ сими-то двумя проходивцами и удалцами довела судьба имѣть мнѣ дѣло и хлопоты, ибо князь не успѣлъ вступить въ правленіе, какъ и предписалъ мнѣ тотчасъ, чтобъ я истребилъ всѣ въ волостяхъ выставки. Сперва обрадовался-было я самъ тому, и какъ случилось сіе при самомъ окончаніи прежняго откупа, которой имѣлъ одинъ алексинской купецъ, то, исполняя повелѣніе сіе въ точности, и велѣлъ я разломать, сколько могли успѣть, всѣ подѣланныя прежними от-

купщиками для продажи вина избѣнки и лачужки, и думалъ, что все дѣло тѣмъ и кончится; однако скоро увидѣлъ, что я въ мнѣніи своемъ весьма обманулся и что вкравшееся зло сіе не такъ легко и скоро можно было истребить, какъ я, да и самъ князь думалъ, но что дѣло сіе подвержено было великимъ и почти непреодолимымъ затрудненіямъ. Ибо не успѣлъ войти въ откупъ помянутой господинъ Игнатъевъ, какъ воспользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что выставки сіи были уже гласными и казенной палатѣ извѣстными, и при откупѣ съ нихъ полагалась сложность, восхотѣлъ непременно всѣ ихъ возобновить и продажу вина возстановить по прежнему повсемѣстную.

Теперь не могу изобразить, какихъ хитростей, уловокъ и какъ правильныхъ, такъ и неправильныхъ и даже самыхъ бездѣльническихъ средствъ и пособій ни употреблялъ онъ къ достиженію до своего намѣренія, и сколь много трудовъ, хлопотъ, досадъ, заботъ и самыхъ недомѣнъ имѣлъ я при возможнѣйшемъ ему противоборствѣ и стараніи разрушить всѣ злыя его съ повѣреннымъ его ковы. Величайшимъ затрудненіемъ было для меня то, что онъ имѣлъ на сторонѣ своей казну и вспоможеніе отъ правительства и законовъ, а я могъ только всего подкрѣпленія себѣ ожидать отъ князя, моего командира. Я и возимѣлъ тотчасъ къ нему свое приѣзжище и посылалъ къ нему представленіе за представленіемъ; но тутъ скоро оказалось, что онъ умѣлъ только взыскивать и приказывать, а подкрѣплять и защищать было не его дѣло, и я долженъ былъ сколько могъ и какъ умѣлъ уже самъ отъ помянутыхъ бездѣльниковъ отгрызаться. И какъ однихъ моихъ силъ къ тому недоставало, то пользовался въ семъ случаѣ удальствомъ, расторопностію и хитростію и самого Верещагина, и употреблялъ его не одинъ разъ по сему дѣлу, а особливо когда нужно было имѣть дѣло съ судомъ земскимъ и въ ономъ хлопотать по симъ проклятымъ кабацкимъ дѣламъ.

Теперь, возвращаясь къ порядку моего

прерваннаго симъ отступленіемъ повѣствованія, скажу, что къ достопамятностямъ, бывшимъ въ теченіе генваря мѣсяца, кромѣ вышеупомянутой ссоры съ коронными, можно нѣкоторымъ образомъ причислить и то, что я около сего времени въ первой разъ въ жизни моей началъ получать къ себѣ гамбургскія нѣмецкія газеты, выписанныя мною еще въ послѣдніе мѣсяцы минувшаго года, и что 20-е генваря былъ тотъ день, въ которой присланы были ко мнѣ по почтѣ первые нумера оныхъ. Нельзя изобразить, сколь великое имѣлъ я тогда удовольствіе, читая и перечитывая оныя и съ какою радостію сообщилъ ихъ и другу моему, нашему лекарю, приносившему мнѣ за то тысячу благодареній; и съ того времени, по самое нынѣшнее, получалъ я оныя уже завсегда, и для удовлетворенія любопытства своего не жалѣлъ никогда изатить за нихъ многихъ денегъ.

Другая достопамятность была та, что я около сего времени снабдилъ себя первыми частями славной Крюницевой «Экономической Энциклопедіи», и занимался чтаніемъ оной и извлеченіемъ изъ ней всего нужнаго для сообщенія нашимъ соотечественникамъ. Огромная книга сія хотя стоила мнѣ и многихъ денегъ, но за то служила неисчерпаемымъ кладеземъ, изъ котораго почерпалъ я премножество вещей, и она служила мнѣ при экономическихъ моихъ сочиненіяхъ превеликимъ пособіемъ.

Что касается до нашихъ увеселеній, то они отъ времени до времени, несмотря на всѣ мои приказныя хлопоты и ежедневное занятіе себя писаніемъ и сочиненіями, продолжаемы были по прежнему. Въ 20-й же день сего мѣсяца, по случаю именинъ моей тещи, сдѣлалъ я у себя особенной и большой пиръ и угостилъ не только всѣхъ нашихъ городскихъ, но многихъ и приѣзжихъ, удостоившихъ меня въ сей день своимъ посѣщеніемъ, и день сей былъ у насъ большимъ и веселымъ праздникомъ.

Кромѣ сего достопамятно, что я, по всегдашней моей дѣятельности и любо-

пытству, при всѣхъ моихъ недосугахъ, успѣвалъ еще кой-когда заниматься и самыми бездѣлушками, относящимися къ разнымъ выдумкамъ, а особливо къ рисованью, и какъ теперь помню, выдумалъ около сего времени составлять картинки изъ разныхъ травокъ и листовъ древесныхъ, которыя впоследствии времени довелъ до нарочитаго совершенства.

Кромѣ сего, приходи на меня въ теченіе сего мѣсяца опять охота выдумывать и сочинять загадки, и мнѣ удалось и въ сей разъ сочинить нѣсколько ихъ, и довольно замысловатыхъ. По рѣдкости и для незабвенія оныхъ, не за излишнее почелъ я помѣстить и ихъ здѣсь, по примѣру прежнему. Онѣ были слѣдующія:

1.

Недавно я хотя на свѣтѣ существую,
Но силу, честь и власть ужасную имѣю.
Цари, князья, рабы и господа,
И дѣти, старики, и жены, и мужья
И любятъ всѣ, и чтутъ, обходятся со мной,
И всѣ хотятъ, чтобъ къ нимъ добра бы я была.
Но я на ласки ихъ и просьбы, и желанья
Нимало не смотрю, а ими лишь играю;
Кому хочу — добра, кому вредна бываю,
И въ свѣтѣ семъ никѣмъ отнюдь не уважаю.
По силѣ я своей нерѣдко дѣла чудны
И странныя творю съ своими я рабами:
Богатыхъ въ единъ мигъ въ убогихъ премѣнить,
А сихъ въ единой день въ богатыхъ обратить;
Разумныхъ въ дураки и сущіе глупцы,
Глупцовъ на самой верхъ достоинствъ возвести;
Незатѣмъ отворить въ чертоги знатныхъ двери,
Негодницамъ дать верхъ предъ добрыми людьми,
И честь снискать, и умъ, и качества несмѣтны,
И въ люди произвестъ — мое есть дѣло!
Но вмигъ опять одинъ ихъ съ сей я высоты
Въ глубокую бездну бѣдъ низринуть могу,
Довестъ ихъ до того, чтобъ стали иной стѣнать
И горькіе слезы лить по поздно ужъ, о томъ,
Что не былъ онъ уменъ во дни моей щедроты
И вѣрилъ слишкомъ мнѣ, забывъ совсѣмъ о томъ,

Что я есть сущій вздоръ, не знающій его,
И вздоръ, достойнѣйшій презрѣнія отъ всѣхъ.
Что сила, власть моя невѣрна никогда,
И что завишу я сама всегда отъ тѣхъ,

Которые на свѣтѣ меня произвели
И кои выжить вонъ могли-бъ скоро опять,
Когда-бъ только того всеобще восхотѣли
И сами бы себя мнѣ покорять не стали.

2.

На червя я похожъ, однако не червякъ;
Родился не такимъ, а дѣлаюся такъ.
И образъ, видъ иной имѣю уже нынѣ,
И жить издалека приѣхалъ я сюда.
Всякъ радъ мнѣ и имѣть желаетъ у себя,
И всякой день со мной имѣетъ дѣло здѣсь;
Но я не очень тѣмъ доволенъ завсегда,
Волѣнъ Богъ и вся честь, и слава съ похвалой.
Въ угодность имъ ступай на муку я всегда
И всякъ день умирай съ товарищемъ своимъ,
Что, такъ же какъ и я родившись вдалекѣ,
Не радъ, бѣднякъ, тому, что любятъ его здѣсь.

3.

Недавно я на свѣтѣ по случаю родился
И жизнь опасную, но славную имѣю.
Имѣя вхождъ вездѣ, живу въ чертогахъ царскихъ,
Любимъ и милъ вездѣ, пріятель и терпимъ;
Всѣ любятъ, всѣ друзья всѣ жизнь мою храни-
я,
И всѣ за то одно, что я служу имъ всѣмъ.
Но всѣхъ добрей ко мнѣ прекрасной женскою
поль,
И нѣтъ счастливей любовника меня.
Какая-бъ ни была, но нѣтъ изъ нихъ одной,
Которой бы не милъ и не былъ я любезенъ;
Всѣ ищутъ и хотятъ со мною обходиться,
Всѣ рыщутъ непрерывъ за мною завсегда.
И лишь бы только я представился глазамъ,
Какъ взоры нѣжны ихъ ко мнѣ устремлены;
Я при людяхъ имъ милъ, милѣй того тогда,
Какъ намъ наединѣ случается бывать;
Тутъ ближніе друзья мы съ ними ужъ всегда,
Чего не говоримъ, чего не затѣваемъ,
И можно-ль быть кому счастливей меня!
Я сущій чародѣй, ловлю сердца у всѣхъ
И часто довожу до глупости друзей.

4.

Отъ травъ и отъ скота я въ свѣтѣ произошелъ,
И образъ на себѣ изрядной я имѣю;
Но образъ мой ничто, я былъ бы съ нимъ
презрѣнъ,

Когда-бъ не производилъ еще я одного,
Чѣмъ людямъ я добра много дѣлаю,
Но самъ отъ того погибаю совсѣмъ

5.

Свѣтла я сперва и прозрачна была,
Потомъ побѣлѣвъ шероховата;
Откуда сюда приѣхала я,
О томъ не знаю ни я и никто;
Но скоро опять превращуся я
Въ мой прежній видъ и поѣду въ путь.

6.

Брюхо не всегда бываетъ у меня,
А ноги завсегда, коими не хожу;
Я пользу головой людямъ приношу
И много имъ на ней я нужнаго ношу.

7.

Хотя и не птица, а пѣть я умѣю,
И пою, и ворчу хорошо иногда;
Я рыло имѣю, но мало оно,
А брюхо большое, безъ ногъ и хвоста;
Безъ пристава къ себѣ ни къ чему не гожусь,
А съ нимъ иногда велерѣчивая,
Запою, заворчу, такъ любо смотрѣть
Какъ звѣри и птицы взлетаютъ.

8.

Не змѣй летучій я, рыгающій огнемъ,
А много похожу на сущаго изверга.
Ни звѣрь, ни человекъ, рылъ сотню я имѣю
И множество на нихъ ушей и языковъ;
Не птица и не гадъ, и крыльевъ пара есть,
И крылья чудныя бываютъ иногда;
Не рыба я, ни ракъ, а водятся хвосты,
И перья, и усы есть также у меня.
Я чудо страшное! Великой чародѣй!
Волшебное существо, и силу я имѣю;
Я вмигъ могу весь видъ переимѣнить
И въ образъ иномъ представиться глазамъ.
И очи ослѣпить, сердца очаровать,
Съ ума людей свести и духъ ихъ возмутить,
И власть надъ ними взять — въ единой мигъ
могу.

Принудить ихъ къ тому, къ чему охоты нѣтъ.
За женщинами я великій волокита,
Но вкушъ имъ злодѣй, мучитель и тиранъ.
Чего не дѣлаю, къ чему не довожу
Я сей прекрасной полъ, а паче молодыхъ,

Любовью, завистью и ревностью терзаю,
Покою, сна, ѣды и нищизни я лишаю.
Иная обо мнѣ тоскуетъ ночи, дни,
Готова сдѣлать все на свѣтѣ для меня,
И стужу, и морозъ, и все не уважая,
Бѣжать, скакать туда, гдѣ былъ бы только я;
Другая дней пятокъ ни пить, ни ѣсть готова,
А только чтобъ имѣть меня въ своихъ рукахъ;
Иная ночи три не спитъ, а караулитъ,
Чтобъ часъ хотя одинъ у ней я побывалъ.
У всѣхъ я умъ вскружилъ, всѣ страстны такъ
ко мнѣ,

Всѣ жадны, падки такъ, что самъ я иногда
Не радъ уже тому, что сталъ имъ таковъ милъ:
Замучили, враги, нѣтъ мочи уже болѣ;
Въ угодность я инымъ лети издалека,
Терпи толчки въ бока и ребры всѣ ломай,
Сгибайся въ три дуги, коверкайся какъ бѣсъ,
Терпи на свѣтѣ все, чтобъ только ихъ сердца
Утѣхой, радостью, весельемъ напоить.
И нужды никакой имъ въ томъ нѣтъ никогда,
Хотя бы имъ самимъ не даромъ проходило,
Хотя бы муку, зло терпѣли онѣ сами.

Съ досады уже я чего не дѣлалъ съ ними,
И насмѣхъ имъ себя ужъ какъ не превращалъ:
И малымъ-то, большимъ, и легкимъ, и тяжелымъ.
И скареднымъ, дурнымъ, и чудовищемъ самымъ;
Но было все вотще, ничѣмъ ихъ не уймешь.
Имъ любо то еще, что я премѣнивъ тако
Однажды уже чтѣ затѣялъ съ ними я:
Раздулся, растянулъ ужасно себя, такъ
И думалъ, что я ихъ совсѣмъ ужъ задавлю;
Однако мнѣ и то ничуть не помогло:
Хоть корчились и гнулись подо мной,
Но все я милъ, хорошъ и милъ имъ завсегда.
Не знаю, истинно, чтѣ дѣлать наконецъ,
Мнѣ жалки ужъ онѣ, мужья ихъ и родня,
Мужья ихъ знаютъ все, но нечего имъ дѣлать
Не сильны бѣдныя сіе все отвратить;
Иной, вздыхая лишь о томъ, стенасть и кля-
неть,

Другой дивится глупости и только что молчитъ.

9.

Я чудо нѣкое, недавно въ свѣтъ родилось,
Питаюсь огнемъ, дышу я синимъ чадомъ;
Мнѣ въ горло иногда нерѣдко пальцемъ тычутъ,
Я волю имъ даю, но только не всегда.
Когда я голоденъ, пожалуй себѣ торкай,
А жрать когда начну, то тотчасъ укушу.

10.

На кладязь похожу и есть во мнѣ вода,
 Дурна хотя она и съ грязью пополамъ,
 Не пьеть хотя никто и въ пищу не варить,
 Не моеть ничего и ею не бѣлить,
 Но многіе отъ ней и сыты, и довольны,
 И надобна она и на морѣ и сушѣ;
 Безъ ней нельзя самимъ боярамъ и царямъ,
 Становятъ и у нихъ ее на столъ всегда.

Вотъ какія были сіи загадки; значеніе ихъ слѣдующее: 1) карточная игра; 2) чай; 3) зеркало; 4) свѣча; 5) свѣтъ; 6) столъ; 7) скрипка; 8) чепчикъ головной женскій; 9) трубка курительная; 10) чернильница.

Что касается до мѣсяца февраля, то первые числа онаго провели мы такимъ же образомъ въ частыхъ между собою свиданіяхъ, а особливо по вечерамъ и въ бывшую около сего времени масляницу. Во всю оную были у насъ непрерывные почти разъѣзды и всякой день то у того, то у другого вечеринки, на которыхъ, кромѣ обыкновенныхъ невинныхъ увеселеній, заведись у насъ и интересныя карточные игры. Занимался ими наиболѣе нашъ французъ, учитель, мой бобриковской управитель, г. Верещагинъ, и нѣкто изъ жившихъ въ сіе время въ Богородицкѣ для леченія у нашего лекаря приѣзжій, г. Шеншинъ. Всѣ сіи три особы были страшныя къ азартнымъ играмъ охотники и все игроки горячіе такого рода, что имъ, по свойству ихъ, не надлежало-бъ никогда и за карты приниматься. Итакъ, всякой разъ, когда ни случалось имъ бывать вмѣстѣ, представляли они собою для всѣхъ насъ сущую комедію и много разъ заставляли насъ и дивиться себѣ, и жалѣть о себѣ, и хотять до слезъ при смотрѣніи на все ихъ обыкновенныя при играхъ сего рода запальчивости и дурачества. Что касается до меня, то вы легко можете заключить, что я никогда не бралъ въ сихъ мотовскихъ играхъ ни малѣйшаго соучастія, а бывалъ только вмѣстѣ съ прочими зрителемъ.

Наступившій 11-го числа сего мѣсяца ве-

ликій постъ прервалъ наконецъ сіи наши съѣзды и забавы, и мы, обратившись къ важнѣйшимъ упражненіямъ, во всю первую недѣлю занимались богомолиемъ, и при концѣ оной исповѣдывались и пріобщались. Но не успѣла сія недѣля протити, какъ мало-по-малу начались у насъ опять хотя не ежедневныя, но частыя съѣзды и свиданія. Въ праздное же время занимался я по прежнему въ писаніи и въ разныхъ выдумкахъ. Къ числу сихъ принадлежало между прочимъ изобрѣтеніе мое печатать письма золотыми и разноколерными бумажными облатками, которое мнѣ такъ полюбілось, что я, для удобнѣйшаго производства сего дѣла, велѣлъ сдѣлать и вырѣзать себѣ въ Тулѣ особаго рода твердую печать и станокъ для тисненія. Что-жъ касается до писанія, то оное состояло наиболѣе въ сочиненіи послѣднихъ листовъ моего «Сельскаго Жителя» и въ заготовленіи матеріи для другого, вновь затѣваемаго, ибо отъ продолженія сего издатель мой, г. Ридигеръ, совершенно отказался. Итакъ, поспѣшаль я скорѣе уже прежній свой журналъ, долженствующій съ концомъ марта пресѣчься, кончить, и трудился надъ тѣмъ съ такою прилежностію, что 9-го числа марта была вся моя работа по сему журналу кончена.

Наступившіе въ половинѣ марта дни именинъ, сперва нашего уѣзднаго судьи, г. Албычева, а потомъ жены моей, подали намъ поводъ къ сдѣланію у себя въ сіи дни пирушекъ и къ угощенію всѣхъ своихъ городскихъ сотоварищей, а купѣ и многихъ приѣзжихъ, у себя обѣденными столами и вечеринками; и въ оба дни сіи были мы отменно веселы, къ чему относительно до меня вспомошествовалъ много и пронесшійся-было слухъ, что князь, мой новой командиръ, ѣдетъ за-море. Мы было-обрадовались тому очень, но скоро узнали, что слухъ сей былъ совсѣмъ ложной, и у него не ѣзда за-море была на умѣ, а притѣсненіе чрезъ меня нашего короннаго, г. Игнатѣева, что и подало поводъ ко многимъ для меня новымъ хлопотамъ, досадамъ и заботамъ; и

вотъ что вздумалось ему вновь предпріять и затѣять.

Будучи никакъ не въ состояніи всё выставки въ волости уничтожить и зляся невѣдомо какъ на откупщика, г. Игнатѣва за его къ себѣ непреклонность, восхотѣлось ему его притѣснить инымъ образомъ и принудить чрезъ то себѣ покориться. А именно: какъ ему извѣстно было, что продажа вина бываетъ наиболѣе по большимъ праздникамъ, а особливо въ теченіе святой недѣли, то за нѣсколько дней до наступленія оной прислалъ онъ ко мнѣ настрояйшее глупое и ни съ чѣмъ несообразное повелѣніе, чтобъ мнѣ ни подъ какимъ видомъ коронныхъ не допускать до пролажи вина не только въ прочіе дни, но и въ самые праздники и воскресные дни. Повелѣніе ни съ чѣмъ несообразное и такое, которое въ точности выполнить никакой не было возможности, потому что откупщики имѣли уже законное право продавать вино по всѣмъ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ назначены и казенною палатою утверждены были выставки, слѣдовательно, чрезъ недопусканіе до того ополчилъ бы я на себя все правительство, да и самого намѣстника, и принужденъ бы былъ ссориться съ казною; да и всѣмъ тѣмъ не могъ бы ничего успѣть и сдѣлать, а только бы вплеся въ безконечныя хлопоты и одурачивъ себя предъ всѣмъ свѣтомъ, подвергнулся-бъ самъ отвѣту и по законамъ строгому взысканію.

Не могу изобразить, какимъ смущеніемъ поразился я при полученіи такого безразсуднаго, глупаго и ни съ чѣмъ несообразнаго повелѣнія. Прочитавъ его, и смѣялся я, и досадовалъ, и горевалъ о томъ, что чрезъ самое то попался я въ самыя тѣсныя обстоятельства и такое критическое положеніе, которое заставило меня очень много думать и не спать почти нѣсколько ночей сряду. Долгое время не зналъ я, что мнѣ дѣлать и какъ поступить въ приближающуюся тогда святую недѣлю. Съ одной стороны не хотѣлось мнѣ разсориться съ правительствомъ

и навлечь на себя справедливое неудовольствіе полюбившаго меня намѣстника и ни за что потерять его къ себѣ пріязнь и благоволеніе; а съ другой стороны боялся я и князя, сего вспыльчиваго, пламеннаго, вздорнаго, ко мнѣ неблагопріятствующаго и такого командира, отъ котораго я совершенно зависѣлъ и которой могъ мнѣ надѣлать множество золъ и даже въ одинъ мигъ отрѣшить меня отъ должности и мѣста.

При таковыхъ спутанныхъ обстоятельствахъ трудно было найти среднюю дорогу и требовалось и философическое хладнокровіе, и возможнѣйшее благоразуміе и политика къ тому, чтобъ сохранить благоволеніе къ себѣ отъ обѣихъ сторонъ и не раздражить ни ту, ни другую. И я признаюсь, что обстоятельства были столь сумнительны, что нѣ одинъ день и ночь занимался я о томъ мыслями и напрягалъ всѣ силы ума своего къ выдуманію и изобрѣтенію удобнаго къ тому посредства, которое, наконецъ, и удалось мнѣ найти.

Чтобъ выполнить сколько можно и безразсудное повелѣніе князя, и укротить его строптивое сердце, а не раздражить и намѣстника и не ополчить на себя все правительство, употребилъ я двѣ политическія стратагеми. Первую ту, что хотя я и допустилъ г. Игнатѣва привезти на святую недѣлю во всѣ селы и деревни съ виномъ бочки, и хотя не дѣлалъ никакого запрещенія продавать оное, да и крестьянамъ никому не запрещалъ вино покупать и пить, чего мнѣ и запретить было не можно, но собравъ къ себѣ всѣхъ бурмистровъ, старостъ и другихъ начальниковъ деревень, сдѣлалъ имъ настрояйшее приказаніе, чтобъ они, во-первыхъ, не дѣлали хотя приѣзжающимъ съ виномъ цѣловальникамъ ни малѣйшихъ обидъ и оскорбленій, но не отводили бы и не давали имъ отнюдь квартиру, а чтобъ стояли они съ бочками своими на улицахъ и вино свое какъ бы хотѣли продавали. Во-вторыхъ, чтобъ они отнюдь никому изъ крестьянъ какъ приходить и вино у нихъ покупать и пить не воспре-

щали и приходящихъ не отгоняли, но въ-третьихъ, сами бы они непремѣнно во все время пребыванія сихъ бочекъ въ ихъ селеніяхъ подлѣ ихъ безотлучно стояли и примѣчали только кто и кто именно изъ крестьянъ будетъ вино покупать и пить, и послѣ о именахъ ихъ донесли мнѣ для единого любопытства. Сямъ надѣлся я и существо законовъ сохранить и не нарушить, и себя предохранить отъ всякихъ со стороны правительства притязаній, и крестьянъ искуснымъ образомъ поудержать отъ покупки вина и обыкновеннаго пьянства, и чрезъ то достигъ, сколько можно, и до главной цѣли желанія князя, моего командира, чтò и удалось мнѣ по желанію. Ибо какъ помянутое необыкновенное приказаніе раствержено было всѣмъ старостамъ и начальникамъ неоднократно, то узнавши о томъ, трусливые крестьяне возмечтали себѣ невѣдомо что о послѣдствіяхъ такого приказанія и оное всѣхъ ихъ такъ устрашило, что дѣйствительно ни одинъ почти не ходилъ покупать вина во всю святую недѣлю, такъ что г. Игнатьеву, надѣявшемуся распродать нѣсколько тысячъ ведръ, не удалось во всю недѣлю продать и ста ведръ во всей волости.

Признаться надобно, что хитрость сія вздурила сего корыстолюбца. Онъ зарычалъ огнемъ и пламенемъ и думалъ потрясти горами самими, бросившись въ земской и уѣздной суды съ воплями и жалобами на меня; но того не зналъ и не вѣдалъ, что тутъ приготовленъ былъ для его другой ударъ, всего меньше имъ ожидаемой и его еще больше поразившій. Я предвидѣлъ все сіе и не преминулъ взять нужныя предосторожности, и самая сія предосторожность составляла мою вторую стратагему и состояла въ слѣдующемъ:

Мнѣ вспомнилось то обстоятельство, что главной его повѣренной и производитель всѣхъ его дѣлъ, Деревенской, былъ собственно банкротъ и находился у кого-то, по обыкновенію, на роспискѣ. А какъ таковыхъ дурныхъ людей не велѣно законами ни до какихъ важныхъ

дѣлъ, подрядовъ и довѣренностей допускать и имъ вѣрить, то дабы вдругъ и нечаянно остановить всѣ его письменныя и плутовскія на меня ябеды и просьбы, прицѣпился я къ сему обстоятельству и предъ самую святую недѣлю подаль стѣ себя въ уѣздной судъ громкую и такую противъ сего, г. Деревенскаго, бумагу, что поразилъ его ею какъ громовымъ ударомъ, и не только принудилъ совершенно замолчать, но и всѣ дѣла г. Игнатьева привелъ въ опасность приттить въ совершенное замѣшательство, ибо я требовалъ исполненія во всей точности закона, и не только не принимать отъ сего презрительнаго человѣка никакихъ объявленій и просьбъ, но и самого отрѣшенія его, какъ негоднаго человѣка.

Обоими сими, въ одно почти время произведенными и всего меньше ожидаемыми ударами толико сразилъ я господина Игнатьева, что какъ онъ ни прыгалъ и ни ярился и сколько и слышать того не хотѣлъ, чтобъ унижить себя передъ княземъ и просить у него того изъ милости, что надѣялся получить самъ собою и нартомъ, но наконецъ принужденъ былъ спашевать, укротиться и не только сдѣлаться помирнѣе, но подхватя почтовыхъ, скакать въ Москву къ князю, и позабывъ свою гордость и высокоуміе, ему кланяться и просить о помилованіи; а князь сего только и добивался.

Но чтò собственно у него съ нимъ происходило и на чемъ они разстались, того мнѣ хотя въ точность было и неизвѣстно, но то только знаю, что мнѣ дано было знать, чтобъ я не такъ жестоко и сильно ополчался противъ господина Игнатьева, а довольствовался только недаваніемъ квартиръ его бочкамъ; да и сіе приказано было, такъ сказать, сквозъ зубы и такимъ тономъ, что я могъ заключить изъ того, что желаніе князя состояло въ томъ, чтобъ мнѣ по прежнему и въ разсужденіи Игнатьева смотрѣть колико можно сквозъ пальцы и не слишкомъ настоять, чтобъ все шло по точности законовъ.

Сіе повелѣніе привезъ ко мнѣ самъ

г. Игнатьевъ. Какъ онъ въ сей разъ былъ смиренъ самого агнца и къ самому ко мнѣ очень почтителенъ и снисходителенъ, то и радъ я быть, что дѣло сіе симъ образомъ кончилось, и я отъ сего негоднаго человѣка отвязался; ибо признаться надобно, что хлопоты и дразги, бывшія съ нимъ, мнѣ уже наскучили, и тѣмъ паче, что я собственно самъ при семъ дѣлѣ ничѣмъ не интересовался, почему и нужды мнѣ дальней не было, какъ бы ни происходило оное, и я тѣмъ охотнѣе склонился на униженнѣйшую его просьбу, чтобъ ему съ своей стороны не дѣлать никакого притѣсненія. Но какъ ему хотѣлось-было, чтобъ я ему нѣсколько и помогалъ, то въ семъ отказалъ я ему напрямки, какъ нимало того незаслуживающему, и не обинуясь сказалъ, что я не намѣренъ никакъ мѣшаться въ сіе дѣло, но какъ до того былъ чистъ и ничѣмъ не замаранъ, такъ и впредь хочу таковымъ же остаться; а довольно съ него, когда я ему ничѣмъ умышленнымъ мѣшать и притѣснять его съ своей стороны не стану.

Всходствіе того и отмѣнилъ я прежнее приказаніе и довольствовался только подтвердительнымъ приказаніемъ всѣмъ старостамъ, чтобъ они выставкамъ симъ отнюдь не отводили квартиръ. Но какъ я легко могъ заключать, что сіе всего труднѣе было имъ исполнить и что повѣренныя г. Игнатьева найдутъ средство ихъ задобрить и до того довести, чтобъ они молчали и не видѣли того, если они у кого изъ крестьянъ, по добровольному согласію, сами собою избы и мѣста для продажи вина нанимать станутъ; то хотя и не имѣлъ я уже причины сему препятствовать, поелику то почлось бы съ моей стороны притѣсненіемъ, однако опасаясь, чтобъ мнѣ не претерпѣть впредь чего-нибудь и за сіе отъ сумасброднаго моего князя, вздумалъ и въ разсужденіи сего пункта употребить для обезопасенія себя одно политическое средство, состоящее въ томъ, чтобъ въ каждую субботу, когда собирались ко мнѣ, по обыкновению, всѣ старосты, повторять и подтверж-

дать имъ вновь помянутое приказаніе, однако безъ дальняго на то настоянія, а единственно для того, чтобъ въ нужномъ случаѣ можно-бъ мнѣ было на сіе сослаться и чѣмъ-нибудь себя оправдать. Послѣдствіе и доказало, что предосторожность таковая была и необходимо надобна, и я очень собою былъ доволенъ, что ее употребилъ, ибо она, какъ послѣ упомянется, послужила мнѣ въ великую пользу и спасла меня отъ великаго бѣдствія, и помогла разрушить злые ковы всѣхъ моихъ недоброхотовъ и безстыднѣйшихъ клеветниковъ и завистниковъ.

Но я удалился уже отъ нити моего поведѣствованія. Теперь, возвращаясь назадъ къ тому пункту времени, на которомъ я остановился, скажу, что помянутой сумасбродной ордеръ и новыя хлопоты, имъ мнѣ наведенныя, были причиною тому, что я и бывшую въ сей годъ въ началѣ апрѣля святую недѣлю провелъ по причинѣ вышеупомянутыхъ дразговъ не слишкомъ весело; однако мы все-таки не оставляли между дѣлами заниматься бездѣлками, и я не упускалъ, такъ сказать, ни одной минуты, чтобъ ее не употреблять въ какую-нибудь пользу. Съ одной стороны, при всѣхъ моихъ тогдашнихъ хлопотахъ и недосугахъ, продолжалъ я временно учить и наставлять всѣхъ дѣтей, приходившихъ ко мнѣ временно гурьбою изъ нашего пансіона; съ другой, занимался ежедневно почти сочиненіемъ разныхъ экономическихъ пьесъ и отвѣтовъ на письма моихъ корреспондентовъ, которыхъ накопилось уже довольно, и они, несмотря на пресѣченіе издаваемого мною «Сельскаго Жителя», продолжали со мною переписываться и подавать мнѣ тѣмъ отчасу новые поводы къ писанію; а съ третьей, продолжалъ я заниматься разными мелочными своими затѣями и выдумками, къ которымъ относились изобрѣтенія мои составлять прекрасныя гравированныя на стеклѣ, по серебру и золоту картинки, также опыты мои къ переводу печатныхъ кунштовъ на стекло, и нѣкоторыя другія мелочи и любопытныя вещицы. А въ занятіяхъ сихъ, равно какъ

и въ продолжаемыхъ сѣздахъ и свиданіяхъ съ друзьями и провелъ я почти нечувствительно все достальное зимнее время. А съ окончаніемъ онаго дозвольте мнѣ и сіе мое письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 5-го дня 1809 года).

Письмо 199-е.

Любезный пріятель! Вскрывшаяся вмѣстѣ съ апрѣлемъ весна, преподавая мнѣ множество поводовъ къ надворнымъ дѣламъ и упражненіямъ, положила наконецъ предѣлъ большей части моихъ комнатныхъ занятій; ибо какъ я принужденъ былъ всякой день быть на дворѣ и распорядить разными работами въ саду и въ другихъ мѣстахъ, а сверхъ того и ѣздить то туда, то сюда, для осмотра и другихъ надобностей, то некогда мнѣ было заниматься прежними бездѣлушками. Я урывалъ только всѣ праздныя минуты на соотвѣтствованіе моимъ корреспондентамъ на письма, получаемыя отъ нихъ еженедѣльно, сочиняя и располагая оныя такимъ образомъ, чтобы могли они напечатаны быть въ затѣваемомъ мною новомъ ежемѣсячномъ экономическомъ журналѣ, которой не выходилъ у меня изъ ума, и мнѣ все хотѣлось его издавать, несмотря на всю малую удачу окончавшагося уже тогда моего «Сельскаго Жителя». Выходствіе того и продолжалъ я ревностно трудиться надъ заготовленіемъ заблаговременно пьесъ для сего новаго журнала, располагаемаго уже совсѣмъ инымъ и отмѣннымъ отъ прежняго образомъ.

Относительно до надворныхъ работъ памятно мнѣ, что между прочими разными затѣями напади на меня около сего времени охота выдумывать и чертить лабиринты; и какъ мнѣ удалось выдумать очень хорошій, то по нетерпѣливости моей и любопытству, восхотѣлось мнѣ произвести его и въ натурѣ и насадить сплошными лозовыми кольями. Для сего избралъ я довольно просторное мѣсто за рѣкою Вязовкою, на выѣздѣ изъ нашего селенія,

подлѣ каменнаго нашего гостинаго двора и при большой дорогѣ, и трудился нѣсколько дней до поту лица своего надъ посадкою сего огромнаго лабиринта, и воображалъ себѣ, что выдетъ изъ того необыкновенная и рѣдкая штука. Но надежда меня обманула. При перемѣнившихся во многомъ обстоятельствахъ, принужденъ я былъ въ послѣдствіи времени оставить оной безъ призрѣнія и къ неудовольствію своему видѣть всѣ труды мои, къ тому употребленныя, уничтожившимися и пропавшими тщетно.

Впрочемъ памятно мнѣ, что около сего времени получили мы новую себѣ знакомку и сосѣдку, въ одной немолдыхъ уже лѣтъ вдовѣ, госпожѣ Алабиной, сестрѣ родной госпожѣ Полуниныхъ. Она, имѣя у себя сына и двухъ дочерей, отдала перваго въ нашъ пансіонъ учиться, и по поводу сему расположилась переехать изъ своей епифанской деревни жить у насъ въ Богородицкѣ, гдѣ имѣла она небольшой домикъ. Звали ее Анною Ивановною, и она сдѣлалась къ намъ такъ приверженною, да и мы, по добротѣ и простотѣ ея характера, такъ ее и всѣхъ дѣтей ея полюбили, что съ самаго сего времени основалась у насъ съ симъ домомъ тѣсная дружба и знакомство, которое продолжается и понынѣ, хотя она и сынъ ея давно уже находятся въ числѣ мертвыхъ, а остались отъ ней только двѣ дочери, изъ которыхъ одна, старшая, въ дѣвушкахъ, живетъ и понынѣ въ Богородицкѣ, а меньшая, проживавшая въ молодости у насъ и дѣлавшая дочерямъ моимъ компанію, чрезъ посредство наше вышла потомъ замужъ за сына прежняго моего друга и сосѣда, г. Ладыженскаго, владѣющаго нынѣ отцовскимъ имѣніемъ въ Сенинѣ и продолжающаго съ домомъ нашимъ пріязнь и дружество.

Далѣе памятно мнѣ, что я въ концѣ апрѣля и въ первыхъ числахъ мая трудился вмѣстѣ съ городничимъ надъ разбиваніемъ и назначеніемъ улицъ города, чему въ минувшую осень учинили мы только маленькое начало, и что къ намъ

въ концѣ апрѣля приѣзжалъ опять нашъ губернаторъ, съ которымъ вмѣстѣ ѣздили мы назначать новую большую дорогу чрезъ новоназначаемой и разбиваемой городъ, и что я при семъ случаѣ измучился впрахъ отъ трудовъ, но чрезъ то и приобрьлъ отъ губернатора еще болѣе къ себѣ любви и уваженія.

Мѣсяцъ май сего года сдѣлался мнѣ памятенъ многими бывшими въ теченіе го особыми происшествіями. При самомъ началѣ его перетревоженъ я былъ увѣдомленіемъ, что прорвался и ушелъ у меня одинъ изъ большихъ богородицкихъ волостныхъ прудовъ, называемой «Щедловскимъ». Прудъ сей былъ старинной, запруженной на той же рѣчкѣ Уперти, которая протекала мимо дворца, и пониже новаго большого пруда дворцового. И какъ онъ былъ только мельничной, то хотя и не составлялъ дальней важности, но мнѣ было его очень жаль, и болѣе потому, что въ немъ отъ сбѣжавшей съ большого пруда пкры завелось великое множество карпьевъ, о чемъ узнали мы впервые только при семъ случаѣ. Ибо какъ вода изъ него вся сбѣжала, и одинъ берегъ сего пруда былъ уже не нашъ, а городской, то и бросились всѣ новыя мѣщане и городскіе жители ловить въ стремѣ оставшуюся рыбу, и я удивился, услышавъ, что они ловятъ и наловили ее себѣ превеликое множество. Но удивленіе мое увеличилось еще больше, когда сказали мнѣ, что вся рыба сія состоитъ въ маленькихъ карпійхъ. Сперва не хотѣлъ было я тому никакъ вѣрить, ибо почиталъ невозможнымъ, чтобъ въ толь немногіе годы могло отъ сотни посаженныхъ въ большой дворцовой прудъ карповъ расплодиться ихъ такое множество не только въ немъ, но и въ семъ нижнемъ прудѣ, въ которой мы никакихъ карповъ и не сажали; но какъ принесли мнѣ ихъ на показъ, то по усикамъ ихъ удостовѣрился я въ томъ совершенно, и тогда, обрадуясь сему, безъ памяти по-скакалъ я самъ туда съ разными рыболовными снастями и велѣлъ при себѣ ловить ихъ въ стремѣ. И какое же удо-

вольствіе было мое, когда мнѣ ихъ въ теченіе двухъ сутокъ наловили до 4,000! Отъ радости не зналъ я, куда мнѣ ихъ и дѣвать было. И какъ въ большой прудъ насажено было ихъ уже множество, то достальныхъ разсудилось мнѣ посадить въ находившуюся подлѣ соборной нашей церкви большую копаную регулярную сажелку, или прудокъ нарочитой величины, которая вполнѣдствіи времени составляла намъ множество удовольствій. Ибо, насадивъ въ нее помянутымъ образомъ множество карповъ, восхотѣлось мнѣ обезпечить ее отъ расхищенія огражденіемъ всей оной порядочною рѣшеткою, область берега ея дерномъ, осадить въ два ряда березками, и составить чрезъ то пріятное вокругъ ея гульбище, которымъ какъ мы, такъ и всѣ наши городскіе товарищи въ лѣтнее время нерѣдко пользовались и до восторговъ увеселялись разросшимися тутъ очень скоро карпами, при бросаніи въ воду хлѣбныхъ корокъ, и смотрѣніемъ на то, какъ они, какъ поросята, за ними гонялись и ихъ теребили; а сдѣланной прекрасной плотикъ, на которомъ можно было по сему прудку разѣзжаться, придавалъ еще болѣе нашимъ гуляньямъ вокругъ его пріятности.

Едва мы помянутую ловлю карповъ кончили, какъ тотчасъ за симъ получили мы, 5-го числа сего мѣсяца, извѣстіе о рожденіи великаго князя Константина Павловича. Радостное извѣстіе сіе подало поводъ и намъ къ торжественію сего радостнаго происшествія, и городничій нашъ далъ намъ всѣмъ при семъ случаѣ пиръ, сопряженной съ обыкновенными увеселеніями.

Вскорѣ за симъ востребовала надобность побывать мнѣ въ Вобрикахъ. Бывшій у насъ архитекторъ, г. Ананьинъ, за нѣсколько времени до сего отъ насъ отбылъ и опредѣлился въ Нижній-Новгородъ въ городскіе архитекторы. Побудило его къ тому наиболѣе неудачное построеніе имъ одного изъ дворцовыхъ тамошнихъ флигелей и упаденіе всего свода въ ономъ; и какъ строеніе дворца

было далеко еще не окончено, то припужденъ былъ князь пріискать на мѣсто его другого архитектора, но сей у насъ уже не жилъ, а наѣзжалъ временно. И какъ въ самое сіе время приѣзжалъ онъ въ Бобрики, для заложения другого дворцоваго флигеля, то по сему случаю и надобно было и мнѣ тамъ быть, и мы съ нимъ дѣло сіе сдѣлали.

Далѣе достопамятно, что въ сію весну и въ самое сіе время предприимчивой учитель нашъ завелъ у себя превеликой плантажъ табачной и насадилъ его превеликое множество, въ надеждѣ получить отъ него себѣ превеликой прібытокъ. Но надежда его обманула. Табакъ родился хотя прекрасной, но онъ не умѣлъ съ нимъ и съ приуготовленіемъ его какъ надобно обойтись, и большую часть его перегноилъ и перепортилъ. Произошло сіе наиболѣе оттого, что онъ слишкомъ на знаніе свое надѣялся, а вышло совсѣмъ тому противное, и опытность доказала, что знаніе имѣлъ онъ о томъ самое поверхностное и весьма еще недостаточное. А какъ и я по примѣру его завелъ у себя маленькой плантажецъ, то самое сіе и побудило меня входить уже самому въ сію часть сельскаго хозяйства и чрезъ разные опыты мало-по-малу добираться до того, какъ съ нимъ обходиться лучше; до чего мнѣ наконецъ, хотя чрезъ многіе труды, и удалось достигнуть, и съ того времени имѣлъ я удовольствіе всякой годъ даже до сего времени видѣть у себя табакъ, растущій и обрабатываемой такъ, что я безъ нужды пробавляюся уже своимъ табакомъ и не имѣлъ нужды покупать оной, а временемъ даже и самъ продавалъ еще оной.

Что касается до общежителства нашего, то прежняя пріятность онаго продолжалась и въ теченіе сего лучшаго и пріятнѣйшаго мѣсяца въ году. Мы продолжали по прежнему сѣзжаться другъ съ другомъ и не упустили почти ни одного дня, когда случалась пріятная вѣсная погода, чтобъ не быть вмѣстѣ и не гулять по садамъ, по рошамъ и другимъ мѣстамъ въ окрестности нашего селенія;

а нерѣдко дѣлали намъ въ томъ сотоварищество и приѣзжающіе къ намъ гости, въ которыхъ, какъ проѣзжихъ, такъ и нарочно къ кому-нибудь изъ насъ приѣзжающихъ, не было никогда недостатка. А много умножали общество наше и приѣзжающіе къ лекарю нашему лечиться и живавшіе въ Богородицкѣ у насъ по нѣскольку недѣль сряду. Къ числу сихъ въ особенности принадлежала фамилія господина Писемскаго, Ивана Даниловича, съ которымъ при семъ случаѣ свелъ я дружбу и знакомство, продолжавшееся до самаго конца его жизни. Милой и любезной характеръ сего добраго человѣка заставилъ меня полюбить его искренно, и я дружбою и пріязнью его къ себѣ былъ всегда очень доволенъ.

Въ такихъ же точно занятіяхъ и упражненіяхъ протекъ и весь іюнь мѣсяцъ, въ которой не случилось ничего достопамятнаго, кромѣ того, что мы ѣздили кой-куда по гостямъ и я былъ опять въ Бобрикахъ, для осмотра дѣлаемаго тамъ въ большой церкви иконостаса, и продолжалъ мою переписку съ разными своими корреспондентами, а особливо съ господами Владыкинымъ и Воейковымъ; а относительно до моихъ новыхъ выдумокъ ознаменовался сей мѣсяцъ составленіемъ той картинки изъ бабочекъ, которая существуетъ у меня и понынѣ.

Съ началомъ мѣсяца іюля начали мы приуготовляться опять къ годовой нашей ярманкѣ, которая и въ сіе лѣто была многолюдная и на прежнемъ еще мѣстѣ, ибо новой городъ начиналъ только-что строиться и далеко еще весь не образовался. И какъ на ярманку сѣхалось множество дворянства, то и былъ у меня опять по сему случаю большой пиръ.

Вскорѣ за симъ имѣлъ я неудовольствіе, чрезъ увѣдомленіе изъ Москвы, узнать, что все затѣваемое мною дѣло, относящееся до издаванія новаго журнала, по стеченію разныхъ обстоятельствъ и происшедшей перемѣнѣ съ университетскою типографіею, рушилось и не возмѣло желаемого успѣха. Я погорчилъ тогда и подосадовалъ на сію неожиданность, и

тѣмъ яче, что у меня заготовлено было уже множество матеріи и разныхъ пьесъ для онаго, и не только сочинены вчернѣ, но и набѣло переписаны, и мнѣ весьма было неприятно, что столь многіе труды оставались тщетными. Но, ахъ! какъ мало зналъ я тогда, чѣмъ долженствовало воспослѣдовать впредь по сему отношенію! Мнѣ и на умъ тогда не приходило, что произошло сіе по особенному дѣйствію и распоряженію Промысла Господня и для того, что люди бравшіеся помогать мнѣ въ томъ были ненадежные, а назначаемъ и приготавлиемъ былъ къ тому другой и несравненно надежнѣйшій человѣкъ, долженствующій произвести обще со мною то великое дѣло, которое внослѣдствіи времени сдѣлалось только громко и для обоихъ насъ важно и славно, какъ о томъ упомянется ниже.

А около 21-го числа іюля встревоженъ я былъ увѣдомленіемъ изъ Москвы, что вскорѣ имѣеть прибыть къ намъ въ волости князь, мой новой командиръ. И какъ приѣзда сего неугомоннаго человѣка не можно намъ было ожидать съ такимъ спокойнымъ духомъ, съ какимъ до сего ожидали и встрѣчали мы старика-князя, отца его, то натурально посмутились духомъ мы оба съ г. Верещагинымъ, случившимся тогда быть у меня, и думая, что по примѣру отца приѣдетъ онъ также сперва въ Бобрики, въ тотъ же часъ туда поскакали и къ приѣзду его сдѣлали всѣ нужныя приуготовленія и распоряженія; но все наше ожиданіе его было тщетно. Онъ проѣхалъ изъ Москвы прямо въ любимое свое село Сергіевское, въ Чернскомъ уѣздѣ, и я, узнавъ о томъ на третій уже день, возвратился опять въ Богородицкъ, а господинъ Верещагина, для точнѣйшаго узнанія о томъ, когда располагался къ намъ быть князь, отправилъ къ пріятелю его, господину Стрекалову, въ деревню.

Сей возвратясь оттуда привезъ ко мнѣ извѣстіе, что князь дѣйствительно уже приѣхалъ въ Сергіевское, а къ намъ не такъ-то скоро, а развѣ недѣли чрезъ двѣ будетъ, и что г. Стрекаловъ совѣ-

товалъ намъ самимъ туда къ нему съѣздить; что мы тотчасъ и исполнили. Князь принялъ меня нарочито изрядно и далеко не съ такою холодностію, какъ тогда я ожидалъ отъ него. Онъ разспрашивалъ меня обо всемъ до волостей и кабацкихъ дѣлъ относящемся, и казался быть всѣми распоряженіями и поступками моими при семъ критическомъ дѣлѣ довольнымъ; но совсѣмъ тѣмъ не примѣчалъ я въ немъ ни малѣйшаго къ себѣ благопріятства. Все его обращеніе со мною было гордое, пышное, увышенное, надменное и далеко не таково, какимъ пользовался я отъ добродушнаго отца его. Все сіе меня не весьма радовало и было для меня неприятно. Мы нашли у него тутъ пріятеля его, господина Власова, и извѣстнаго всѣмъ бывшаго кратковременнаго счастливца, Александра Семеновича Васильчикова, и имѣли честь вмѣстѣ съ ними у князя въ послѣдующій за тѣмъ день обѣдать; и я заключая, что князь можетъ быть и для нихъ обходился со мною такъ гордо, желая доказать имъ свою командирскую власть надъ нами, все еще ласкался надеждою, что онъ будетъ впредь ко мнѣ благосклоннѣе, и потому, по добротѣ своего сердца, въ семъ отношеніи нѣкоторымъ образомъ и извинялъ его въ томъ.

Послѣ обѣда князь не сталъ насъ держать у себя долѣе ни минуты, но сказалъ, чтобъ мы ѣхали въ Богородицкъ и тамъ его къ себѣ дожидались. Итакъ, мы съ господиномъ Верещагинымъ и пустились въ обратной путь; но какъ до Богородицка было далеко, то рѣшились заѣхать къ г. Стрекалову и у него ночевали, и въ Богородицкъ уже на другой день къ вечеру приѣхали.

Вскорѣ послѣ возвращенія нашего приѣхали къ намъ въ Богородицкъ и оба вышеупомянутые знакомцы и друзья княжіе, г. Власовъ и Васильчиковъ; и какъ имъ хотѣлось видѣть дворецъ, то водилъ я ихъ въ оной, и зазвавъ къ себѣ угощалъ чаемъ и фруктами, и былъ обращеніемъ ихъ со мною доволенъ. Но смотря на г. Васильчикова и говоря съ нимъ

о разныхъ матеріяхъ, не могъ сему экзлюзивцу надивиться, какъ могъ онъ такъ много понравиться императрицѣ, ибо не находилъ въ немъ ни малѣйшей красоты ни душевной, ни тѣлесной, и принужденъ былъ самъ въ себѣ подумать и по пословицѣ сказать, что полюбится иногда и сатана лучше яснаго сокола.

Спровадивъ отъ себя сихъ знаменитыхъ гостей, сталъ я дожидаться князя и дѣлать къ приѣзду его всѣ нужныя приуготовленія; и какъ ожидалъ я отъ него не столько добраго, сколько худого и по меньшей мѣрѣ насторожайшаго во всемъ взысканія, то признаюсь, что духъ мой во всѣ дни, протекшіе до приѣзда его, былъ у меня въ великомъ смущеніи и безпокойствѣ, и я не упускалъ ничего, что только нужно и можно было къ предвидимымъ во всемъ объясненіямъ по дѣламъ до волости относящимся, и ждалъ его къ себѣ какъ медвѣдя.

Прибытіе его воспослѣдовало не прежде какъ 7-го августа, предъ самымъ обѣдомъ, которой приготовленъ былъ для него во дворцѣ, гдѣ онъ стоялъ расположился. Мы встрѣтили его съ смущеніемъ душевнымъ, которое увеличилось еще неизобразимо отъ гордаго и самаго холоднаго съ нами при первой встрѣчѣ обращенія. Не успѣлъ онъ войти въ комнату, какъ первѣйшее его приказаніе было, чтобъ представлены были къ нему тотчасъ всѣ наши казенныя лошади, употребляемыя мною для ѣзды, на смотръ, и чтобъ послалъ я за всѣми старостами и начальниками деревень. Лошади тотчасъ были и представлены, и онъ успѣлъ ихъ еще до обѣда всѣхъ пересмотрѣть и приказалъ приготовить для себя тройку и запретъ въ самыя легкія и маленькія дрожки, которыя, между тѣмъ, какъ онъ обѣдалъ, и были приготовлены. На сіи сѣвъ и посадивъ меня за собою, поскакалъ онъ тотчасъ послѣ обѣда въ ближнія волостныя большія селы Іевлево и Малевку. Ёзда сія была хотя недалняя, но для меня, по претерпѣнному безпокойству, весьма памятна. Какъ дрожки были самыя туртыжныя и мнѣ неиннако до-

велось сидѣть какъ позади оныхъ, спиною къ князю, на лакейскомъ мѣстѣ, на которомъ при ѣздѣ вскачь съ великою нуждою могъ я держаться, то, не ѣзжавъ отъ роду въ такомъ положеніи, былъ я тогда какъ на каторгѣ и проклиналъ въ мысляхъ и князя, и сумасбродное его скаканье. Нѣсколько разъ едва-было совсѣмъ не полетѣлъ я стремглавъ съ сихъ проклятыхъ дрожекъ, и насилу могъ удержаться. Но зачѣмъ бы такимъ ѣздили и скакали мы такъ туда безъ ума, безъ памяти? Единственно зачѣмъ только, что его сіятельству угодно было взглянуть на наши большія и огромныя селы и посвидѣтельствовать на бывшихъ въ нихъ мельницахъ у мельниковъ мѣрки, которыми брали они съ помолщиковъ муку вмѣсто лопатокъ. Дѣло, по истинѣ, самое важное и достойное предприниманія такихъ трудовъ! Но не думайте, чтобъ дѣлано было сіе безъ намѣренія; сіе состояло ни менѣе, ни болѣе какъ въ томъ, чтобъ найти что-нибудь, къ чему бы можно было ему придратъся и изъявить свое княжеское на меня неудовольствіе. Сіе, къ крайнему моему удивленію и негодованію, замѣтилъ я уже при первыхъ его во время ѣзды нашей, прямо сказать, княжескихъ, или лучше сказать, самыхъ подлыхъ поступковъ и ухватокъ, состоящихъ въ томъ, чтобъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, несмотря, мужикъ ли бы то былъ или женщина, останавливать, со всякимъ разговаривать, всякому предлагать прямо шиканскіе вопросы, всякаго выводить съума и у всякаго хитрымъ образомъ выпытывать, не знаетъ ли кто чего дурного, относящагося до волостного правленія? Но по счастью попадались ему только самопростѣйшіе, глупѣйшіе и такіе люди, отъ которыхъ онъ не могъ ничего добиться. Самыя селы наши нашелъ онъ совсѣмъ пустыми, ибо весь народъ былъ тогда въ полѣ по случаю начавшейся уже уборки хлѣбовъ. Итакъ, не нашедъ никого, полетѣлъ онъ на мельницы, содержаемыя разными людьми изъ найма и бывшія на оброгѣ. И тутъ-то обратилъ онъ свое княжеское вниманіе на помя-

путыя мѣрки; и какъ показались онѣ ему великоваты, то и употребилъ онъ сей первой случай къ изъясненію на меня княжескаго своего неудовольствія и неожиданымъ образомъ сталъ изливаться на меня свой праведной гнѣвъ, говоря, для чего я за симъ не смотрю, и чтобъ лучше я почаще ѣздилъ и за всѣмъ смотрѣлъ, чѣмъ писалъ стихи и пѣсенки. И удивился, и смутился, и вздурился я, сіе отъ него услышавъ, и дружное смущеніе мое было такъ велико, что я, почти остолбѣнѣвъ, не могъ ему съ минуту времени вымолвить въ отвѣтъ ни единого слова. Въ разсужденіи мнимой величины мѣрокъ оправдаться было мнѣ весьма не трудно, ибо онѣ были обыкновенныя и нисколько такъ не велики, какъ онъ себѣ воображалъ; къ тому-жъ и не было на то ни отъ кого и никогда жалобъ; но несносно было мнѣ то, что онъ упрекалъ меня писаніемъ стиховъ и пѣсенокъ. И какъ я легко могъ заключить, что онъ говорилъ сіе не своимъ языкомъ, а по чьему-нибудь бездѣльническому навѣсту, то, собравшись наконецъ съ духомъ, сказалъ я ему, что на величину мѣрокъ не слыхалъ я ни отъ кого изъ крестьянъ жалобъ и неудовольствій, а потому не было и причины входить мнѣ въ сіе дѣло, нестоющее никакого дальняго и уваженія; что-жъ касается до писанія пѣсенокъ и стиховъ, то я отъ роду стихотворцемъ не бывалъ и ихъ не писывалъ, а если что въ праздныя минуты и пишу, такъ не пустое, а такое, что служить къ пользѣ моихъ согражданъ и всему отечеству, и за то не нажилъ еще ни отъ кого нареканія, а извѣстно о томъ всему государству. Симъ заградилъ я ему уста и заставилъ его замолчать, но въ сердцѣ своемъ почувствовалъ я къ нему крайнее съ сего времени негодованіе.

Побывавъ на одной мельницѣ, поскакали мы по горамъ, по доламъ къ другой, находящейся въ селѣ Ломовкѣ. Тамъ опять было такое же свидѣтельствованіе мѣрокъ и подтвержденіе, чтобъ приводить мельниковъ сдѣлать ихъ меньше. «Очень хорошо! сказалъ я усмѣхнувшись:

когда вашему сіятельству это угодно, такъ и будетъ сдѣлано, дѣло сіе не составляетъ важности».

Не успѣли мы, обскакавши верстъ десятка два, возвратиться въ Богородицкѣ, какъ тотчасъ спросилъ онъ старость. По счастью, были они уже всѣ предстать предъ него въ готовности. Итакъ, начались тотчасъ спросы и распросы: довольны ли они мною? не дѣлаю ли я кому обидъ и притѣсненій? не имѣютъ ли они какихъ на меня жалобъ? въ которомъ случаѣ говорили бы они нисколько меня не опасаясь. Но какъ всѣмъ имъ и крестьянамъ отъ меня не было ни малѣйшихъ обидъ и притѣсненій, то нечего было имъ сказать, кромѣ того, что они совершенно мною довольны и лучшаго управителя себѣ не желаютъ. И тогда примѣтно было, что такой отзывъ обо мнѣ былъ его сіятельству не весьма угоденъ. Онъ замолчалъ, отворотился отъ нихъ и ушелъ прочь. Прискорбно мнѣ сіе было, но нечего было дѣлать, и какъ оставалось еще довольно времени, то для занятія его чѣмъ-нибудь предложилъ я ему, не угодно ли ему будетъ приказать половиться въ церковной сажелкѣ рыбы и посмотреть наловленныхъ мною карповъ; и какъ онъ отъ того не отрекся, и къ рыбной ловлѣ все было приготовлено, то пошли мы тотчасъ туда.

Другого, находившагося на его мѣстѣ, могъ бы тронуть и одинъ уже видъ сей оправленной, огороженной раскрашенной рѣшеткою и превращенной въ прекрасное гульбище сажелки, но онъ не удостоилъ всѣ мои труды не только вниманія, но почти и самаго воззрѣнія. Но какъ запущеннымъ неводомъ вытаскили такое множество карповъ, какого онъ въ жизнь свою не видывалъ, то примѣтно было, что онъ удивился; но по жестокости своего сердца и тутъ же хотѣлъ сказать мнѣ не только не малѣйшаго спасибо, но ниже изъяснить какого-нибудь удовольствія, такое пріятное зрѣлище увидя, вмѣсто того, что отецъ его вспрыгался-бъ отъ радости и удовольствія. Досадно было мнѣ невѣдомо какъ такое его хладнокровіе, но какъ

нечего было дѣлать, то закусивъ себѣ губы пошелъ я вслѣдъ за нимъ, ругая только его въ мысляхъ и раскаяваясь, что хотѣлъ такому негодю доставить удовольствіе. Пуще всего прикро было мнѣ сіе по причинѣ присутствія при томъ всѣхъ нашихъ судей, собравшихся для сего зрѣлища и таковую холодность его ко мнѣ довольно запримѣтившихъ.

Всѣ они изъ учтивости проводили его до дворца, но спасибо, и имъ всѣмъ не оказывалъ онъ никакой дальней ласки, а удостоилъ только тѣхъ изъ нихъ разговоромъ съ собою, которые были такіе же охотники до псовой охоты, каковъ былъ онъ самъ. И съ ними занялся онъ во все достальное время вечера велемудрыми своими по сей части разговорами; однако и самихъ сихъ отпустилъ онъ отъ себя безъ дальняго привѣтствія, а съ видомъ совершеннаго всѣхъ ихъ неуваженія, и чрезъ то подалъ и имъ всѣмъ о себѣ не весьма выгодное мнѣніе.

Потру на другой день не успѣлъ онъ встать и умыться, какъ уже спросилъ, тутъ ли я и готовы-ль дрожки? и посадивъ меня опять позади себя на муку и каторгу, пустился скакать въ другую сторону волости, сперва въ село Товарково, потомъ въ Кузовку, тамъ въ Малевку, а оттуда въ село Папортки, а изъ сего назадъ въ Богородицкѣ. Разстояніе между сими селами было такъ велико, что мы околесили съ нимъ болѣе 40 верстъ до обѣда, и по всѣмъ мѣстамъ скакали такъ, что у меня тряса даже мозгъ въ головѣ, и я едва могъ отвѣтствовать ему на разные дѣлаемые имъ мнѣ на пути коварные обо всемъ вопросы и разспросы. Единое отдохновеніе имѣлъ я только тогда, когда попадался намъ кто-нибудь изъ волостныхъ мужиковъ на дорогѣ или въ близости оной на поляхъ, изъ которыхъ не прощупалъ онъ ни одного безъ того, чтобъ остановившись и подозвавъ къ себѣ, не разспрашивать его кое-о-чемъ и не выводить изъ ума. Все ему хотѣлось найти кого-нибудь, кто-бъ что-нибудь сказалъ ему обо мнѣ и о правленіи моемъ худое. Но и въ сей день

имѣлъ онъ такую же въ томъ неудачу, какъ и наканунѣ, и всѣ отзывались обо мнѣ и о правленіи моемъ съ полною похвалою.

Теперь вообразите себѣ, каково было мнѣ все сіе видѣть и слышать; но я переносилъ все то, скрѣпя сердце, съ равнодушіемъ, и только негодовалъ на него, и на скверной его характеръ досадуя, отвѣтствовалъ на все короткими словами.

Не успѣлъ онъ, возвратясь въ Богородицкѣ, отобѣдать и съ полчаса отъ усталости уснуть и отдохнуть, какъ по приказанію его готовы были уже опять дрожки, и я опять принужденъ былъ съ нимъ ѣхать, сперва на островокъ, для осматриванія находящагося тамъ госпиталя, гдѣ, по похвальному своему обыкновенію, не преминулъ онъ также почти всѣ уголки пересмотрѣть и отыскивать какой-нибудь неисправности. Но какъ и тутъ все было въ надлежащемъ порядкѣ, то не удалось ему и тутъ ничего найти; и какъ нечего ему было дѣлать, то, для скрытія своего неудовольствія, велѣлъ онъ ловить опять рыбу въ прудахъ, подлѣ госпиталя находившихся. Какъ тутъ захвачено было множество и самыхъ большихъ карповъ, то не сказавъ опять мнѣ ни слова, велѣлъ только нѣсколько изъ нихъ отнестъ къ себѣ на кухню и изготовить къ ужину.

Кончивъ сіе дѣло и осмотрѣвъ и находящійся тамъ небольшой садикъ и маленькую ранжерею, гдѣ онъ также перешарилъ всѣ мыши норки, поскакали мы съ нимъ къ нашему хлѣбному магазину, которой не преминулъ онъ также весь перешарить, отыскивая и въ немъ чего-либо неисправнаго; но какъ и тутъ нашелъ все въ порядкѣ, то нахмурился только и радъ былъ, что попались ему тутъ на глаза нѣсколько бобриковскихъ мужиковъ, приѣзжавшихъ для отдачи хлѣба въ магазинъ, съ которыми ему, по его обыкновенію, полюбовную рѣчь поговорить было можно. При семъ случаѣ удивилъ онъ меня вновь своими поступками. Мужикамъ симъ случилось быть такимъ, которые имѣли на управителя своего,

г. Верещагина, нѣкоторыя неудовольствія; и какъ онъ сталъ выводить изъ ума и разспрашивать, не дѣлаю ли я имъ какой обиды и притѣсненія, то они не обвиняя ему сказали: «Что, ваше сіятельство! объ Андреѣ Тимоѣевичѣ намъ грѣхъ сказать что-нибудь худое; а вотъ Петръ Алексѣевичъ...» — «А что такое, — подхватилъ онъ, — Петръ Алексѣевичъ?» — «Отъ него-таки, — сказали они, — терпимъ мы кой-какія обидишки и тягости, и не безъ жалобниковъ-таки на него!...» Услышавъ сіе удивился я и ожидалъ, что онъ воспалится гнѣвомъ, и приструнивъ ихъ, принудить все себѣ рассказывать; но, къ удивленію, произошло тому противное. Онъ отворотился отъ нихъ и замолчавъ пошелъ прочь, и спѣшилъ садиться на дрожки. Поразила меня такая неожиданность, доказывающая мнѣ довольно, что ему жалобы не на Верещагина, его любимца и тайнаго прислужника, а на меня были нужны. И сіе такъ меня раздосадовало, что я и не повезъ его уже, какъ-было хотѣлъ, въ магазинной лѣсокъ, разрубленной мною въ аллеи и превращенной въ прекрасное гульбище; по предусматривая, что вѣрно не получу я отъ него и за сіи труды мои никакого спасибо, совсѣмъ объ ономъ умолчалъ и далъ ему волю ѣхать назадъ во дворецъ, гдѣ приступилъ я къ нему съ требованіями резолюцій по письменнымъ нашимъ канцелярскимъ дѣламъ и загналъ ими его въ такой тушикъ, что онъ явно оказалъ свое въ томъ совершенное незнаніе, и скрывая свое невѣжество принужденъ былъ уже кое-чѣмъ отдѣлываться и предоставлять наиболѣе все моему собственному благоусмотрѣнію.

Господину Верещагину, котораго напелъ я тутъ насъ дожидавшагося, не преминулъ я сказать о его мужикахъ бобриковскихъ и о томъ, что они князю говорили и посовѣтовать, чтобъ онъ взялъ свои мѣры и употребилъ осторожность. Онъ посмутился отъ того очень, и оба мы за вѣрное ожидали, что князь о томъ что-нибудь говорить будетъ; однако не дождались ни одного слова и онъ казался

совсѣмъ позабывшимъ о сихъ жалобахъ и къ г. Верещагину по прежнему благоклоннымъ, что его и успокоило, а меня несказанно удивило.

Путру въ слѣдующій за симъ день собрался уже онъ отъ насъ ѣхать и мы ради-ради были, что онъ къ тому расположился и провожали его не съ сожалѣніемъ о его скоромъ отъѣздѣ, а съ особеннымъ удовольствіемъ. Но хлопоты и досады мои тѣмъ еще не кончились, но я долженъ былъ проводить его въ Бобрики и тогда вмѣстѣ съ нимъ заѣзжать въ деревню къ глухому Полунину обѣдать и имѣть опять многіе поводы къ неудовольствіямъ и досадамъ. Г. Полунина сей былъ человѣкъ особеннаго свойства, превеликой прощлецъ, хитрецъ, лукавецъ, льстецъ, наушникъ и прековарливѣйшая особа. Онъ давно былъ знакомъ какъ-то князю и пріѣзжалъ тогда нарочно подзывать его къ себѣ въ гости; и какъ жилъ онъ недалеко въ сторонѣ и по дорогѣ въ Бобрики, то князь и согласился къ нему заѣхать, и тутъ-то насмотрѣлся я довольно всякой всячины. Г. Полунина изгибался предъ нимъ ужомъ и жабою, подольщался къ нему всячески, залыгалъ его безъ милосердія, рабствовалъ предъ нимъ какъ подлецъ сущій и казался ни мало не примѣчающимъ того, что князь надъ нимъ шутилъ и издѣвался какъ надъ дурачкомъ, а доволенъ былъ тѣмъ, что князю все у него въ домѣ правилось, все было имъ похвально и все было пріятно, и за все изъявляемы были благодаренія. И я истинно уже не знаю, отъ чистаго ли сердца онъ все сіе дѣлалъ или умышленно въ пику мнѣ и желая тѣмъ меня огорчить. Но я мысленно плевалъ на все сіе и душевно хохоталъ такимъ глупымъ его ухваткамъ.

Но какъ бы то ни было, но мы, измучившись отъ ходьбы по всѣмъ мышинымъ норкамъ и угламъ, по которымъ водилъ насъ хвастливой хозяинъ, для показыванія всего своего хозяйства, и отобѣдавъ, поѣхали далѣе въ Бобрики; и какъ надобно было проѣзжать намъ нѣкоторыя селы и деревни, сей волости принадле-

жачія, гдѣ приготовившіеся уже мужики встрѣчали его съ хлѣбомъ и солью, то не преминулъ князь и тутъ останавливаться и уже для одного вида только спрашивать, довольны ли они управителями. И какъ они, отозвавшись обо мнѣ какъ лучше желать было не можно, начали-было изъяслять неудовольствія свои на г. Верещагина, то при семъ случаѣ явно оказалось уже пристрастіе княжое; ибо они едва только заикнулись о семъ, какъ князь ни съ другого слова и не внимая ничего, велѣлъ кучеру ударить по лошадямъ и поскакалъ далѣе; а въ другихъ деревняхъ, чрезъ которыя мы ѣхали и гдѣ его также встрѣчали мужики большими толпами, ровно какъ побоявшись, чтобъ не произошло того же, уже и не останавливался, но сказавъ только мужикамъ за ихъ хлѣбъ-соль спасибо, велѣлъ продолжать скакать далѣе, и тѣмъ еще болѣе къ досадѣ моей изъяснилъ пристрастное свое къ Верещагину доброхотство.

Въ Бобрикахъ встрѣтило его все Верещагина семейство, и какъ ему надлежало по необходимости остановиться въ томъ домѣ, гдѣ они жили, и Верещагины сестры были наипроворнѣйшія особы и нѣкоторыя изъ нихъ и недурны собою, и всѣ онѣ, такъ сказать, разстилались передъ княземъ, то вся сцена у насъ тутъ тотчасъ перемѣнилась, и князь, будучи придворнымъ человѣкомъ, а притомъ относительно до женщинъ великимъ пройдохой и пролазомъ, въ одинъ мигъ изъ свирѣпаго медвѣдя превратился въ самаго ангела, и вмѣсто того, чтобъ войти въ какія-нибудь дѣла, до волости относящаяся, позабывъ обо всѣхъ, занялся сими дѣвушками и тотчасъ пошли у него съ ними смѣхи, издѣвки и хвастанья. Я смотрѣлъ только на сіе улыбаясь въ духѣ, и не успѣлъ еще отъ удивленія своего по сему поводу свободиться, какъ вдругъ перемѣнилась у насъ опять сцена. Прилетѣлъ къ намъ, какъ на крылахъ вѣтранныхъ, живущій неподалеку отъ Бобриковъ, пріятель его, г. Власовъ, такой же страстной псовой охот-

никъ, каковымъ до безумія былъ и самъ князь. И какъ господину Власову невѣдомо какъ хотѣлось добиться отъ князя дозволенія ѣздить по волостямъ нашимъ съ собаками, то, зная характеръ княжой и желая къ нему подольститься, приѣхалъ онъ въ охотничьемъ платьѣ и съ дѣлмъ табуномъ гончихъ и борзыхъ собакъ и со множествомъ охотниковъ и лошадей заводныхъ для князя. Князь невѣдомо какъ ему обрадовался и вмигъ тогда начались у нихъ разговоры о собакахъ; и не успѣлъ Власовъ предложить, не угодно ли князю взять въ ближнихъ лѣсахъ въ тотъ же еще день вечернее поле, сказывая, что у него и лошади, и собаки, и все къ тому готово, какъ вмигъ позабыты были княземъ и волости, и сирены, и все на свѣтѣ, и воспламенилась охота и желаніе въ тотъ же мигъ ѣхать въ поле. Итакъ, давай, давай скорѣе лошадей! давай на на нихъ садиться и спѣшить воспользоваться достальнымъ, еще довольнымъ до наступленія ночи, временемъ, и вмигъ всѣ они очутились въ полѣ и загремѣлъ въ лѣсахъ лай и вой собакъ, гоняющихъ по зайцамъ. Я поѣхалъ-было вслѣдъ за ними на своихъ дрожкахъ, но будучи не охотникомъ, посмотрѣвъ и послушавъ издали вой и лая собакъ, за лучшее рассудилъ предоставить ихъ тамъ гаркать и дурачиться какъ хотятъ, а самому возвратиться назадъ и взять, до того времени какъ они возвратятся, хотя небольшое отъ трудовъ отдохновеніе.

Какъ по особливому счастію поле тогдашнее было для нихъ очень удачно и они затравили нѣсколько зайцевъ, то по возвращеніи ихъ уже въ самыя сумерки увидѣлъ я, что князь мой былъ какъ мѣднѣй грошъ веселъ и въ восхищеніи даже отъ удовольствія, и могъ изъ того узнать, что ему ничѣмъ въ свѣтѣ такъ много угодить не можно, какъ его сумасбродною псовою охотою, и страсть его къ ней была такъ велика, что не преставали они говорить о томъ во все продолженіе вечера и самаго вечерняго стола, которымъ угощали господа Верещагины въ комнатахъ своихъ его и насъ всѣхъ съ нимъ

вмѣстѣ. Словомъ, князь мой былъ совсѣмъ не тотъ, каковымъ былъ прежде, и какъ при чувствуемомъ тогда удовольствіи обходился онъ и со мною гораздо уже передъ прежнимъ сношеніе и лучше, то вздумалось мнѣ симъ случаемъ воспользоваться и испросить у него дозволеніе по отбытіи его отлучиться на нѣсколько дней отъ волостей и съѣздить на короткое время въ свою деревню, на что онъ благосклонно и согласился; а разспросивъ и узнать, что я живу неподалеку отъ Серпухова, сказалъ: «Когда такъ домъ вашъ недалеко отъ Москвы, то кстати побывайте-ка вы оттуда и у меня въ Москвѣ и пособите мнѣ прискаты живописца для писанія образовъ въ Богородицкую церковь; да и кромѣ того хотѣлось бы мнѣ съ вами кой-о-чемъ и другомъ поговорить. Для васъ трудъ этотъ не великъ будетъ». — «Очень хорошо! сказалъ я, а мнѣ благо и самому надобно бы для кое какихъ нуждицъ побывать въ Москвѣ». — «Ну, такъ ладно! подхватилъ князь, такъ приезжайте-жъ, а я скоро возвращусь въ Москву и васъ ожидать къ себѣ буду».

Симъ образомъ кончился тогдашній светлой день съ нѣкоторымъ для меня удовольствіемъ, и я наутріе проводилъ его въ путь уже нѣсколько съ спокойнѣйшимъ духомъ, однако душевно желая, чтобъ впредь хотя бы и никогда не бывала нога его у насъ въ волостяхъ болѣе. Таково-то отяготительно было тогдашнее кратковременное его у насъ пребываніе, и я, возвращаясь въ Богородицкъ, не могъ начудиться довольно необыкновенной человѣка сего дѣятельности и удивиться тому, какъ могъ онъ въ такое короткое время столь великое множество разныхъ дѣлъ надѣлать; и признаться надобно, что онъ съ сей стороны былъ прямо удивительный человѣкъ.

Но какъ письмо мое достигло до своихъ обыкновенныхъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться и сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Декабря 7-го дня 1809 года. Дворяниново).

Письмо 200-е.

Любезный пріятель! Сбывъ помянутымъ образомъ неугомоннаго своего гостя съ рукъ и возвратясь къ домашнимъ своимъ въ Богородицкъ, стали мы помышлять о ѣздѣ своей въ Дворяниново и въ сей путь мало-по-малу собираться. Однако за разными препятствіями и за приѣздомъ къ намъ и въ сей мѣсяцъ губернатора, проѣзжающаго часто изъ Тулы чрезъ нашъ городъ въ село свое Баловнево и потому нерѣдко у насъ бывающаго, не прежде мы могли въ сей путь отправиться, какъ девять дней спустя по отъѣздѣ князя, и уже 22 августа.

Ѣздилъ я въ сей разъ домой со всѣмъ моимъ семействомъ, ибо хотѣлось намъ всѣмъ побывать въ своей деревнѣ, а мнѣ хотя взглянуть на свои сады и нѣсколько повеселиться ими. Но въ путешествіи и отлучкѣ сей провели мы хотя болѣе двадцати дней, но дома удалось мнѣ пробыть немногіе только дни. Уже и ѣдучи туда потеряли мы нѣсколько дней на заѣзды къ роднымъ своимъ въ Федосовѣ и въ Каледникѣ, куда заѣзжали мы повидаться съ теткою Матреною Васильевною. А приѣхавши домой и нашедъ домъ свой уже нарочито запустѣвшимъ, пробылъ въ ономъ не болѣе четырехъ дней, и употребивъ оныя на осмотрѣніе своихъ садовъ и на сдѣланіе въ нихъ кой-чего немногими людьми, при мнѣ бывшими. Они находились тогда послѣ претерпѣнной жестокой зимы весьма въ жалкомъ положеніи, и я нашелъ множество большихъ яблоней въ нихъ погибшими, а другія погибающими. И какъ сіе меня не радовало, то спѣшилъ я скорѣе убираться въ Москву, куда между прочимъ привлекала меня и та нужда, что мнѣ хотѣлось какъ-нибудь вытеблить экземпляры второй части моей «Дѣтской философіи» изъ университетской типографіи, перешедшей тогда изъ казеннаго вѣдомства, по откупу, въ частныя руки къ господину Новикову. Сверхъ того хотѣлось мнѣ спознакомиться лично и съ нѣкоторыми моими корреспондентами, а особ-

ливо съ господиномъ Владыкинымъ. А вслѣдъ за мною хотѣла приѣхать туда же и жена моя, для нѣкоторыхъ своихъ нуждъ и покупокъ.

Въ Москву приѣхалъ я уже въ самомъ исходѣ августа, и мое первое дѣло было явиться у молодого князя, своего командира, жившаго въ нѣмецкой слободѣ въ особомъ своемъ домѣ. Тутъ удивился я его нарочито благосклонному и далеко не таковому холодному приему, какова я ожидалъ. Сіе нѣсколько меня порадовало и я тѣмъ охотнѣе приступилъ къ выполнению поручаемыхъ мнѣ отъ него комиссій, относящихся до присканія живописца и разныхъ покупокъ для богородицкаго дворца. Отъ него проѣхалъ я къ старику-князю, его отцу, любопытствуя весьма узнать, подлинно ли онъ помѣшался въ умѣ, какъ объ немъ говорили. Но я обрадовался и удивился, нашедъ его въ полномъ умѣ и разумѣ и точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ я съ нимъ въ послѣдній разъ разстался. Старикъ чрезвычайно былъ мнѣ радъ и доволенъ тѣмъ, что я къ нему приѣхалъ, и не могъ со мною довольно наговориться. Я принужденъ былъ просидѣть у него весь вечеръ и рассказывать ему обо всемъ, у насъ въ Богородицкѣ происходившемъ; ибо онъ хотя и не входилъ уже ни въ какія наши дѣла, но хотѣлъ знать обо всемъ, и невѣдомо какъ обрадовался, услышавъ о множествѣ расплодившихся у насъ карповъ, и хвалилъ меня за то, что я насадилъ ихъ въ церковную сажелку, сказывая мнѣ что и князь Сергій его тѣмъ очень доволенъ и отзывался ему обо мнѣ по всѣмъ отношеніямъ съ довольною похвалою. Сіе удивило меня и обрадовало, такъ что я перемѣнилъ нѣсколько мои о молодомъ князѣ мысли и чувства.

На другой день, побывавъ въ рядахъ, и кое-что искупивъ, отыскавъ я домъ господина Владыкина, Алексѣя Алексѣевича, и съ симъ милымъ и любезнымъ старичкомъ и наилучшимъ моимъ корреспондентомъ познакомился лично. Не могу изобразить, какъ онъ былъ моимъ посѣ-

щеніемъ доволенъ и какъ старался изъяснить сколь много онъ меня заочно любилъ. Но къ сожалѣнію нашелъ я его больнымъ и лежащаго отъ дряхлости въ постелѣ. Онъ спознакомилъ меня съ своимъ семействомъ, состоящимъ въ двухъ дочеряхъ, и просилъ меня посѣщать его какъ можно чаще, и буде можно, то-бы всякой день; что я ему охотно и общалъ, ибо въ обхожденіи съ нимъ и въ разговорахъ обо всемъ находилъ я и для себя великое удовольствіе.

Въ слѣдующій за тѣмъ день, послѣ исправленія разныхъ порученныхъ мнѣ отъ князя комиссій, заѣзжалъ я опять къ сему любезному старику, и поговоривъ съ нимъ много кой-чего о моемъ «Сельскомъ Жителѣ», и о томъ, какъ бы постараться найти какой-нибудь слѣдъ къ возобновленію моего начатаго столь хорошаго и полезнаго, но тогда пресѣкшагося дѣла, проѣхалъ я опять къ старику-князю, и просидѣвъ у него съ удовольствіемъ весь вечеръ, у него даже, по приглашенію его, и ужиналъ, и князь обходился со мною какъ бы съ роднымъ своимъ и былъ мною очень доволенъ.

На утрѣ, какъ въ четвертой день моего пребыванія въ Москвѣ, случившійся во второе число мѣсяца сентября, собрался я наконецъ съѣздить въ университетскую типографію, и день сей сдѣлался наидостопамятнѣйшимъ почти въ моей жизни, чрезъ основаніе въ оной перваго моего знакомства, а потомъ и самой дружбы, съ новымъ содержателемъ типографіи, извѣстнымъ и толико славнымъ у насъ господиномъ Новиковымъ, Николаемъ Ивановичемъ. Важной человѣкъ сей былъ до сего времени мнѣ совсѣмъ незнакомъ и я объ немъ до того даже и не слыхивалъ. Онъ же, напротивъ того, зналъ меня уже очень коротко, по всѣмъ моимъ экономическимъ и даже нравственнымъ сочиненіямъ, и имѣлъ обо мнѣ и о способностяхъ моихъ весьма выгодныя мысли; почему и неудивительно, что какъ скоро я, нашедъ его живущаго тутъ же въ домѣ, гдѣ находилась типографія, сказалъ ему о себѣ и о желаніи моемъ оты-

скать и получить экземпляры моей «Дѣтской философіи», онъ принялъ меня съ откровенною ласкою и благопріятствомъ и не могъ довольно изъявить своей радости и удовольствія о томъ, что получилъ случай со мною познакомиться. Признаюсь, что таковая неожиданная и благопріятная встрѣча была и самому мнѣ весьма пріятна. Мы вступили съ нимъ тотчасъ въ разные разговоры, и какъ онъ былъ человѣкъ въ наукахъ и литературѣ не только весьма знающій, но и самъ за нѣсколько лѣтъ до того издавалъ нравственный и сатирическій журналъ, подъ именемъ «Живописца», и можно было съ нимъ обо всемъ и обо всемъ говорить, то въ немногія минуты не только познакомились мы съ нимъ, какъ бы вѣкъ жили вмѣстѣ, но слѣпилась между нами и самая дружба, продолжающаяся даже и понынѣ. Но сего было еще недовольно; но какъ рѣчь у насъ дошла до издаваннаго мною «Сельскаго Жителя», то онъ, изъясняя сожалѣніе свое о томъ, что такое полезное мое дѣло пресѣклось, вдругъ спросилъ меня, не расположусь ли я продолжать оное, въ которомъ случаѣ могъ бы онъ быть моимъ и несравненно лучшимъ комиссіонеромъ и издателемъ, нежели каковъ былъ нѣмчура Ридигеръ, и что онъ смѣло можетъ меня увѣрить, что чрезъ его дѣло сіе пошло бы несравненно съ лучшимъ успѣхомъ и было бы для меня выгодноѣе.

Симъ неожиданнымъ мнѣ предложеніемъ онъ меня такъ ошарашилъ, что я съ минутой времени не въ состояніи былъ ему ничего отвѣчать; но собравшись потомъ съ мыслями и съ духомъ, сказалъ ему: «Очень хорошо! я отъ того не отрекаюсь, и если онъ приметъ на себя печатаніе и издаваніе журнала, то я на то согласенъ, и тѣмъ охотнѣе, что у меня есть уже и довольно матеріи для него заготовленной». — «О! когда такъ, подхватилъ г. Новиковъ, то зачѣмъ же дѣло стало! и если угодно вамъ, то мы теперь же можемъ приступить ко всѣмъ условіямъ къ тому потребнымъ и поговорить о томъ, какъ бы намъ расположить дѣло сіе лучше».

И какъ я на то изъявилъ свою готовность и согласіе, то и начали мы о томъ говорить и обо всемъ соглашались.

Его первое предложеніе было, чтобъ начать издавать журналъ сей съ наступленіемъ будущаго 1780 года; потомъ говорилъ онъ, что ему хотѣлось бы, чтобъ могъ онъ издавать его при каждомъ номерѣ газетъ по одному листу, слѣдовательно, не по одному, а по два листа въ недѣлю, и спрашивалъ меня, надѣюсь ли я на мои силы и могу ли снабжать его столь многою матеріею? И какъ я его увѣрилъ, что въ томъ не сомнѣваюсь и что надѣюсь довольно, что за мною дѣло не станетъ, то спросилъ онъ меня, сколько получалъ я отъ Ридигера за мой «Сельской Житель»? и услышавъ, что не болѣе 200 рублей, предложилъ мнѣ двойную за трудъ мой заплату, и на первой случай 400 рублей за годичное изданіе, а впредь, смотря по обстоятельствамъ, можетъ онъ мнѣ и прибавить; а сверхъ того, чтобъ получать мнѣ по 15-ти экземпляровъ. И какъ я сею суммою былъ и доволенъ, то тотчасъ мы съ нимъ въ томъ и ударили по рукамъ, а потомъ стали говорить о томъ, какое бы названіе дать сему новому экономическому журналу и какъ бы оной расположить лучше.

Дѣло и за симъ у насъ не стало и мы въ немногія минуты согласились и въ томъ съ общаго согласія положили, чтобъ назвать оный «Экономическимъ Магазиномъ» и расположить его уже инымъ образомъ противъ «Сельскаго Жителя»; и для удобнѣйшаго съ моей стороны сочиненія, а съ его печатанія и набиранія листовъ условились, чтобъ всѣ матеріи писать особыми отдѣльными большими и малыми статьями и придавать каждой изъ нихъ свойственныя имъ и приличныя надписи, и дабы мнѣ ихъ присылать къ нему безъ разбора и предоставить уже ему на волю располагать ихъ и помѣщать въ листы журнальные. И какъ чрезъ то могъ я освободиться отъ скучнаго и всего болѣе мнѣ досаждаваго при прежнемъ издаваніи уравниванія листовъ, счи-

таніемъ строкъ, и даже самого отяготившаго переписыванія набѣло всей сочиняемой матеріи, ибо г. Новиковъ и отъ того хотѣлъ меня избавить, а требовалъ только, чтобъ писано было неслишкомъ связно и было-бъ только чотко, то и былъ я симъ въ особенности доволенъ и съ охотою на предложеніе его и согласился.

Условившись симъ образомъ обо всемъ, до изданія сего новаго журнала относящемся, коснулся я и до полученія экземпляровъ моей «Дѣтской философіи». «О, что касается до сего, подхватилъ г. Новиковъ, то вы экземпляры ваши скоро получить отъ меня можете. Книга сія хотя еще не поднята, то-есть листы ея не соединены еще по-книжно, но я сегодня же велю ее начать поднимать, и вы послѣ завтрава ихъ получить можете. Но кстати, хочется мнѣ съ вами о сей книгѣ поговорить. Мнѣ очень жаль, что она, по прежнему худому содержанію типографіи напечатана такъ дурно и неисправно. Она, по полезности своей, стоила бы лучшаго изданія, и у васъ нѣтъ ли продолженія оной въ готовности; и буде есть, такъ пришлите-ка вы ко мнѣ третью часть оной, такъ я посмотрю, не можно ли будетъ и ее напечатать». — «Очень хорошо, сказалъ я: у меня сочинено ей уже нѣсколько частей, но только не переписаны; но я заставлю переписать и пришлю къ вамъ третью часть оной; а ежели дѣло пойдетъ, такъ можно получить и послѣдующія».

Симъ образомъ, не думавъ, не гадавъ и прямо нечаянно и въ нѣсколько часовъ достигъ я до желаемой давнымъ-давно цѣли, и положилъ первое основаніе изданія моего «Экономическаго Магазина», которой доставилъ мнѣ впоследствии времени столько выгодъ и сдѣлалъ меня на вѣкъ въ отечествѣ моемъ извѣстнымъ и именитѣйшимъ экономическимъ писателемъ. Происшествіе сіе нечаянно-стью своею толико было для меня поразительно, что я, поѣхавши тогда отъ г. Новикова, не могъ самъ тому довольно надивиться и почиталъ то явнымъ

дѣйствіемъ Промысла Господня, приведшаго тогда въ Москву меня равно какъ нарочно для сего только случая. Да и въ самомъ дѣлѣ, если-бъ не вздумалось князю въ Бобрікахъ мнѣ приказать приѣхать въ Москву, то самъ бы я никакъ тогда въ нее изъ деревни не поѣхалъ, ибо нужда моя не такъ была велика, чтобъ надобно мнѣ было необходимо въ нее ѣхать.

Какъ я въ сей день званъ былъ обѣдать къ новому другу и знакомцу своему, г. Владыкинну, то поскакалъ я прямо къ нему, и удивилъ, и обрадовалъ его увѣдомленіемъ о нечаянномъ основаніи своего новаго изданія. Онъ не могъ довольно изъяснить своего удовольствія о томъ, и не только обѣщалъ продолжать со мною свою переписку, но побуждалъ къ тому же и обоихъ своихъ сыновей и всѣхъ своихъ знакомыхъ. Тутъ будучи, познакомился я съ родственникомъ его, почтеннымъ вельможею Иваномъ Анофріевичемъ Брылкинымъ, которому рекомендовалъ меня г. Владыкинъ, и сей старый мужъ, обласкавъ меня, просилъ чтобъ я приѣхалъ когда-нибудь къ нему расхлебать щи вмѣстѣ.

Въ слѣдующій за симъ день приѣхала ко мнѣ изъ деревни и жена моя, завези мать свою въ Воскресенки и оставивъ погостить тамъ, до возвращенія нашего, у Ивана Аѳанасьевича Арцыбышева. Я, оставивъ ее заниматься своими покупками, спѣшилъ самъ къ своему новому командиру, дабы съ нимъ уже и распрощаться, ибо комиссіи его я уже успѣлъ всѣ кончить. Князь обошелся со мною опять нарочито благосклонно и отпустилъ меня отъ себя, давъ разныя и кой-какія по волости приказанія. Итакъ, распрощавшись съ нимъ, поскакалъ я къ живущему тутъ же въ Нѣмецкой слободѣ славному нашему тогдашнему богачу Никитѣ Акинфиевичу Демидову, брату извѣстнаго и славнаго проказы Проньки Демидова. Побудилъ меня къ сей ѣздѣ наиболѣе г. Владыкинъ, увѣривъ, что сей переписывавшійся со мною человѣкъ отъѣзжающее желаніе имѣлъ меня видѣть и со мною познакомиться лично. Я и подлинно

нашелъ въ немъ человѣка, полюбившаго меня уже заочно и не только принявшаго меня весьма благопріятно, но и старающагося и угостить всячески. Онъ не отпустилъ меня безъ обѣда и занимался во все утро непрерывными со мною о разныхъ вещахъ разговорами, но отъ которыхъ не чувствовалъ я дальняго удовольствія, поелику при всемъ его огромномъ богатствѣ и знаменитости находилъ въ немъ самаго простака и сущаго богача - ахреяна, въ которомъ и сквозь золото видима была еще вся грубость его подлой природы, изъ которой произошелъ онъ чрезъ богатство въ знать и въ люди. Напротивъ того, чувствовалъ я несравненно болѣе удовольствія при пересматриваніи его драгоценныхъ и прекрасныхъ картинъ и многихъ другихъ рѣдкостей, которыми весь домъ его былъ наполненъ. Я засмотрѣлся на всѣ оныя и имѣлъ случай видѣть тутъ множество такихъ рѣдкихъ вещей, какихъ никогда еще не видывалъ; а за вкуснымъ и сытымъ обѣдомъ постарался онъ увеселить слухъ мой наипрекраснѣйшею своею комнатною музыкою, а послѣ обѣда водилъ онъ меня по своему прекрасному саду и по всѣмъ своимъ богатымъ ранжериямъ, гдѣ я также видѣлъ множество вещей никогда мною до того невиданныхъ и провелъ большую часть сего дня у него съ превеликимъ удовольствіемъ.

На другой день послѣ сего былъ я опять у новаго своего знакомаго, г. Новикова, и получилъ отъ него всѣ сто экземпляровъ второй части моей «Дѣтской философіи»; а потомъ ѣздилъ вмѣстѣ съ женою опять къ г. Владыкину, и проводивъ у него вечеръ, ужинали, и съ нимъ потомъ распрощались, ибо мы, не имѣя болѣе никакихъ дальнихъ нуждъ, помышляли уже о своемъ отъѣздѣ изъ Москвы. Г. Владыкинъ, разставаясь со мною, убѣдилъ меня просьбою, чтобъ я не уѣзжалъ изъ Москвы не повидавшись съ г. Брылкинымъ, что я и обѣщалъ сему отмѣнно меня полюбившему и милому старичку.

Итакъ, поутру на другой день, съѣздивъ

еще разъ къ старику своему князю и раскланившись съ нимъ, поѣхалъ къ г. Новикову, и поговоривъ съ нимъ еще кой-о-чемъ, распрощался и съ нимъ, и поѣхалъ отъ него прямо въ домъ къ г. Брылкину. Я нашелъ старика сего въ его кабинетѣ, установленномъ мѣдными на полу деньгами и занимающагося считаніемъ оныхъ. Онъ принялъ меня весьма благопріятно и съ удовольствіемъ занимался со мною о разныхъ хозяйственныхъ вещахъ разговорами и угостилъ обѣдомъ. Однако я не нашелъ въ семъ вельможѣ ничего особливаго и такого, чтобъ меня могло сдѣлать къ нему приверженнымъ или внушить въ меня особенное къ нему почтеніе, почему и не имѣлъ охоты продолжать съ нимъ дальняго знакомства, и былъ у него въ сей разъ въ первой и послѣдній. Возвратясь отъ него, успѣлъ я еще вмѣстѣ съ женою съѣздить и побывать у стариннаго нашего друга и знакомаго Аѳанасья Леонтьевича Афросимова, и препроводилъ весь остатокъ сего дня въ наипрѣятнѣйшихъ съ симъ любезнымъ старикомъ разговорахъ.

А на утрѣ, сѣвши въ свои повозки и поѣхали мы изъ Москвы, проводивъ въ ней въ сей разъ не болѣе одной недѣли. О возвратномъ нашемъ путешествіи не могу ничего сказать, кромѣ того, что мы изъ Серпухова отправили повозку и людей за моею тещею въ Воскресенки, а сами поѣхали прямо въ свое Дворяниново, куда мы 7-го числа въ сумерки и возвратились.

Тутъ не пробыли мы въ сей разъ уже болѣе однихъ сутокъ, но и тѣхъ почти не видали. Приѣзжаніе то того, то другаго изъ нашихъ тутошнихъ друзей и сосѣдей непрерывно насъ занимало. Со-всѣмъ тѣмъ, какъ много я гостями своими ни былъ занятъ, однако, по непрерывному помышленію о новомъ своемъ предпріятіи и по ревностному желанію приступить скорѣе къ дѣлу и началу моего новаго журнала, улучилъ нѣскольکو минутъ свободнаго времени для написанія перваго пробнаго листа для моего

«Экономическаго магазина». Итакъ, достопамятно, что онъ первое свое начало воспріялъ въ дворяниновскомъ моемъ домѣ и 8-го числа сентября 1779 года.

Какъ мы поспѣшали возвратиться въ Богородицкѣ къ оставленнымъ тамъ нашимъ дѣтямъ и къ моей должности, а надобно было заѣхать опять въ Калединку, то не стали мы долѣ медлить и отправились въ послѣдующій день въ свой обратной путь. Въ Калединкѣ нашли мы у госпожи Арцыбышевой брата ея, генерала Дмитрія Васильевича Арсеньева, и пробывъ съ нимъ тутъ цѣлыя почти сутки, приѣхали на другой день ночевать къ новымъ роднымъ нашимъ, господамъ Кислинскимъ, въ Федешово, а оттуда приѣхавъ въ послѣдующій день въ Тулу, и по исправленіи кой-какихъ покупокъ и побывавъ у Петра Петровича Толбузина, 12-го числа благополучно возвратились въ Богородицкѣ и къ удовольствію нашему нашли всѣхъ своихъ дѣтей въ добромъ здоровьѣ.

Тутъ не успѣли мы разобраться и нѣсколько отъ путевыхъ безпокойствъ отдохнуть и со всѣми нашими пріятелями повидаться, какъ проводивъ заѣзжавшаго къ намъ Дмитрія Васильевича Арсеньева, принялся я безъ дальнаго откладыванія за настоящее уже начало своего будущаго экономическаго журнала, и 16-го числа сего мѣсяца сочинилъ объявление для обнародованія и припечатанія въ газетахъ объ ономъ, ибо г. Новиковъ просилъ меня, чтобъ тѣмъ не помѣшкать, дабы ему успѣть можно было набрать колико можно побольше на оной пренумерантовъ. И какъ человекъ сей, какъ я послѣ узналъ, былъ какою-то знаменитою и важною особою у масоновъ и имѣлъ обширныя связи и превеликое знакомство, то и имѣлъ въ томъ далеко уже не такой успѣхъ, какъ прежній нѣмчура Ридигеръ, и спроворилъ дѣломъ такъ хорошо, что число подписавшихся къ получанію моего журнала простиралось уже и при самомъ началѣ до 400 разныхъ особъ, и въ томъ числѣ многіе были князья, бояра, генералы, и архіереи и протчіе вся-

каго званія люди, и вспомоствовало къ тому много весьма то, что цѣна положена была ему очень умѣренная, а особливо для тѣхъ, кои расположились получать оной вмѣстѣ съ газетами. А на другой день послѣ сего выправилъ и кончилъ я и первой листъ сего журнала, начатой въ Дворяниновѣ, и чрезъ нѣскольکو дней послѣ того, при случившемся послѣ того отправленіи канцеляриста моего, Щедилаго, въ Москву, отправилъ съ нимъ сіе объявленіе вмѣстѣ съ 3-ею частію моей «Дѣтской философіи» къ г. Новикову, для напечатанія.

Въ достальныя дни сего мѣсяца не произошло у насъ ничего особливаго и мнѣ памятно только то, что мы провели оныя наиболѣе въ разъѣздахъ по гостямъ. Были у Стрекалова, Киреева и Толбузина; угощали у себя заѣзжавшаго опять къ намъ губернатора, и что я около сего времени основалъ и выкопалъ ту маленькую сажелку противъ островка, въ полѣ, въ которой съ того времени и донинѣ содержатся живые карпы для расхода, поелику случился быть тамъ прекрасной родникъ.

Наступившій послѣ сего октябрь мѣсяцъ ознаменовался освященіемъ бобриковской церкви, въ которой иконостасъ и все прочее къ сему времени было кончено, и какъ для сего праздника, такъ и торжественнаго церковнаго обряда, ѣздилъ я въ Бобрики и пробылъ тамъ сутокъ двое, и дѣло сіе какъ надлежитъ исправилъ.

Происходило сіе освященіе 5-го октября, а 7-го числа вступилъ я на 42-й годъ моей жизни, котораго начало ознаменовалось тѣмъ, что я, чрезъ напечатанное около сего времени объявленіе о будущемъ издаваніи моего журнала, вступилъ въ то знаменитое поприще, которое обратило на меня вниманіе всей публики, и я взомель равно какъ на пьедесталъ и подвергъ себя сужденію всѣхъ моихъ соотечественниковъ. Признаюсь, что при полученіи, 13 числа, печатнаго о журналѣ моемъ объявленія вострепетало во мнѣ сердце отъ неизвѣстности, будетъ ли по-

вое предпріятіе мое публикою одобрено и получить ли дѣло мое лучшій успѣхъ, нежели каковъ былъ прежній.

Получивъ сіе объявленіе, поспѣшилъ уже я отправленіемъ въ Москву и матеріи для первыхъ листовъ моего будущаго журнала, и какъ онаго у меня довольно уже заготовлено было прежде и стоило мнѣ только привести оной въ порядокъ, то къ случившемуся на другой день послѣ сего отъѣзду нашего архитектора въ Москву и успѣлъ я нарочитую кинку онаго вмѣстѣ съ 4-ю частию моею «Дѣтской философій» къ г. Новикову отправить.

По учиненіи сего, сталъ я готовиться къ обыкновенному празднованію дня моихъ именинъ, въ которой хотѣлось мнѣ сдѣлать у себя добрую пирушку и угостить у себя всѣхъ своихъ, и городскихъ и уѣздныхъ друзей и знакомцевъ. Итакъ, былъ у меня въ сей день сборной обѣдъ, а ввечеру нѣкоторой родъ и бала, и мы таки поплясали и порѣзвились довольно по своей вѣрѣ, и день сей провели съ удовольствіемъ и весело.

Впрочемъ, вступленіе въ сей новой годъ моей жизни ознаменовалось особеннымъ предпріятіемъ и такимъ дѣломъ, котораго у меня до того никогда на умѣ не было, а именно печальнымъ восхотѣніемъ смастерить у себя небольшой домашній театръ, на которомъ бы всѣ наши дѣти могли представлять кой-какія театральныя пьесы. Первой поводъ къ тому подала наивзрѣлѣйшая изъ дѣтей нашихъ, а именно падчерица г. Арсеньева, и сынъ и дочь нашего городничаго. Какъ имъ много разъ случалось видать театры, то, по обыкновенію молодыхъ людей, полюбили они сіи зрѣлища и получили вкусъ въ представленіяхъ, и будучи между собою друзья, при частыхъ между собою свиданіяхъ декламировали нерѣдко другъ предъ другомъ кой-какія затверженные ими изъ трагедій и другихъ театральныя сочиненій монологи и рѣчи, и другъ друга тѣмъ себя утѣшали. Долго о семъ я ничего не зналъ и не вѣдалъ, но какъ наконецъ случилось мнѣ однажды ихъ въ

таковыхъ декламаціяхъ застать и способность и особенную охоту ихъ къ тому увидѣть, то имѣя самъ съ малолѣтства приверженность ко всѣмъ театральнымъ зрѣлищамъ и упражняясь въ молодости самъ въ подобныхъ тому декламаціяхъ, похвалилъ я всѣхъ оныхъ. И тогда вдругъ вздумалось мнѣ имъ предложить, не расположуются ли они выдумать какой-нибудь цѣлой театральной, хотя небольшой пьесы, и не можно ли намъ въдобавокъ къ нимъ набрать еще кое-кого изъ ихъ общества, дабы составила цѣлая труппа и всѣмъ имъ можно-бъ было представить уже цѣлую пьесу. Мысль сія полюбилась всѣмъ имъ чрезвычайно. «Ахъ! какъ бы это было хорошо! воскликнули они всѣ въ одинъ голосъ: а особливо если-бъ вы, батюшка Андрей Тимофеевичъ, приняли на себя трудъ распорядить сімъ дѣломъ и быть нашимъ въ семъ случаѣ руководителемъ и наставникомъ; а что касается до насъ, то мы съ великою охотою къ тому готовы, а не сомнѣваемся, что найдемъ и нѣкоторыхъ другихъ изъ нашихъ братьевъ къ тому согласныхъ». — Очень хорошо, сказали я имъ на сіе, я не только принимаю съ охотою на себя сіе пріятное бремя, но посмотрю, не отрекусь можетъ быть и самъ взять въ томъ соучастіе, и вмѣстѣ съ вами представлять какое-нибудь лицо въ представленіи. — «О, какъ бы это было хорошо! воскликнули они опять, и какъ бы вы насъ тѣмъ одолжили и утѣшили». — Извольте, извольте! И зачѣмъ дѣло стало! Давай теперь же совѣтовать о томъ, какую бы намъ избрать для сего пьесу, и кого и кого изъ дѣтей и пансіонеровъ пріобщить къ нашему обществу.

Къ сему мы и дѣйствительно въ самой тотъ же часъ приступили, и какъ у дѣтей нашего городничаго на ту пору случилась и маленькая театральная пьеса, подъ названіемъ «Безбожники», то и положили мы на первой случай употребить къ тому ее; и какъ для представленія оной не требовалось и людей многихъ, то тотчасъ и расположили мы, кого именно употребить подъ какія роли. И какъ и на-

значенныя къ тому дѣти съ охотою на то согласились, то не долго думая и приступилъ я къ сему новому не только для нихъ, но и для самого себя упражненію и такому дѣлу, въ какомъ я самъ никогда еще не упражнялся; но склонность, охота и опытность чему насъ научить не можетъ.

Мое первое дѣло состояло въ росписаніи всѣхъ ролей и въ раздачѣ ихъ всѣмъ назначеннымъ актерамъ для вытверживания наизусть; и я не успѣлъ сего сдѣлать, какъ чрезъ немногіе дни и имѣлъ удовольствіе услышать, что онѣ у нихъ всѣ были уже и вытвержены, и что естьли мнѣ угодно, то могли-бъ они оказать первой опытъ или сдѣлать маленькую репетицію. «Очень хорошо! обрадуясь сказалъ я, и зачѣмъ же дѣло стало? Пожалуйте, соберитесь ко мнѣ хоть послѣ завтрава всѣ, и мы попробуемъ». Всѣ они и не преминули ко мнѣ въ назначенной день собраться, и какъ къ тому времени вытвердилъ и я свою роль, то и пошло у насъ дѣло. Но признаться надобно, что имѣлъ я довольно труда къ настраиванію всѣхъ ихъ къ лучшимъ декламаціямъ и представленію, и не одинъ, а нѣсколько разъ принужденъ былъ ихъ для сего собирать и давать имъ свои наставленія.

Между тѣмъ какъ сіе происходило, помышляли и совѣтовали мы между собою о томъ, гдѣ бы намъ пьесу сію представить порядочнымъ образомъ; и какъ ни у кого въ домахъ нашихъ не было удобства и довольно просторной къ тому комнаты, то пришла мнѣ мысль назначить къ тому одну побочную просторную комнату во дворцѣ нашемъ и соорудить въ ней на скорую руку порядочной театръ съ кулисами, занавѣсомъ, скамьями для зрителей и прочими принадлежностями. И какъ у меня въ командѣ были и столеры, и маляры, и всякіе художники, то по обыкновенной моей въ такихъ случаяхъ нетерпѣливости тотчасъ я и приступилъ къ сему дѣлу, и трудился надъ тѣмъ такъ ревностно и съ такою прилежностію, что въ немногіе дни и поспѣлъ у насъ маленькой и довольно по-

рядочной театрикъ. При чемъ надобно сказать, что при семъ дѣлѣ весьма много помогать мнѣ и нашъ французъ учитель, которой, будучи любопытнымъ челоѣкомъ и самъ превеликимъ къ такимъ затѣямъ охотникомъ, не только предпріятіе наше одобрилъ, но и самъ бралъ дѣятельное въ трудахъ моихъ соучастіе, и не только охотно принялъ на себя трудъ быть при представленіи нашемъ музыкантомъ, но поступивъ далѣе, вздумалъ изъ самыхъ маленькихъ нашихъ дѣтей составить нѣкоторой родъ балета и научить ихъ оной пропрыгать. А не успѣли мы сего вздумать, какъ и пошло у насъ рѣзанье, и кромсанье, и шитье на всѣхъ ихъ прекраснаго пастушечьяго платица и ученіе ихъ сему особаго рода танцованію; а большіе, между тѣмъ, чрезъ часто повторяемыя репетиціи дѣлались частъ-отъ-часу къ декламаціямъ и представленію способнѣйшими.

Надъ всѣмъ симъ всѣ мы съ толикимъ усердіемъ и ревностію трудились, что къ половинѣ ноября поспѣлъ у насъ уже совсѣмъ театръ, и 17-го числа могли мы на ономъ сдѣлать уже первую и порядочную репетицію. И какъ она была довольно удачна, то 24-го числа ноября и назначили мы къ формальному пьесы нашей представленію. И такъ, пригласивъ для зрѣлица сего къ себѣ всѣхъ нашихъ друзей и знакомцевъ, въ городѣ и въ близости онаго живущихъ, и представили мы пьесу свою въ первой разѣ и столь хорошо, что пріобрѣла она отъ всѣхъ совершенную похвалу и общее одобреніе. Сіе невѣдомо какъ ободрило и утѣшило всѣхъ нашихъ дѣтей, не только взрослыхъ, но и самыхъ маленькихъ, ибо и балетецъ, ими представленной, всѣмъ такъ полюбился, что всѣ не могли довольно принести имъ похвалъ. Словомъ, не только всѣмъ имъ, но и всѣмъ друзьямъ и знакомцамъ нашимъ, а особливо отцамъ и матерямъ дѣтей доставили мы тѣмъ превеликое удовольствіе, и всѣми приносимы были мнѣ за то многія благодаренія; я же, въ благодарность за то, угостилъ ихъ всѣхъ у себя большою вечеринкою

и баломъ, и день сей былъ для насъ весьма достопамятнымъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, по случаю прїѣзжихъ къ намъ нѣсколькихъ гостей, представили мы пьесу сію въ другой, а около половины декабрия въ третій разъ, съ равнымъ отъ всѣхъ одобреніемъ; но какъ я легко могъ заключить, что дальнѣйшее представленіе одной и той же пьесы можетъ и дѣтямъ, и зрителямъ прискучить, то стали мы помышлять о прїнскиваніи еще какой-нибудь и другой театральной пьесы, удобной для представленія нашимъ дѣтямъ. Но какъ найти такую не такъ было легко, какъ сначала казалось, ибо возрастъ дѣтей величайшія предлагалъ въ томъ препоны, то прилѣпившись къ сему дѣлу, и желая koliko можно продолжать его далѣе, вздумалъ я, при началѣ декабрия, испытать не могу ли я выдумать и сочинить самъ какой-нибудь комедіи, расположенной такимъ образомъ, чтобъ всѣ дѣйствующія въ немъ лица дѣйствительно сообразно были и съ самыми лѣтами, возрастомъ и свойствами тѣхъ дѣтей, которыя долженствовали представлять въ ней разныя роли. Предпріятіе по истинѣ отважное и не весьма съ мопми къ тому способностями согласное, ибо я никогда еще въ такихъ сочиненіяхъ не упражнялся. Совсѣмъ тѣмъ, не успѣлъ я приступить къ сему дѣлу, какъ противъ всякаго чаянія полилась матерія изъ пера моего какъ рѣка, и первой опытъ сей противъ самаго ожиданія удался такъ хорошо, что дни чрезъ два и поспѣла у меня цѣлая комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, и столь смѣшная, и заключающая въ себѣ столь много моральнаго, сатирическаго и комическаго, что я, какъ сочинитель, былъ ею очень доволенъ и рѣшился, набравъ изъ дѣтей всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, и въ томъ числѣ самого моего малютку сына, и росписавъ всѣ роли, заставилъ ихъ всѣ оныя вытвердить; къ чему они не только охотно согласились, но съ такимъ рвеніемъ къ тому пристали, что къ началу слѣдующаго года совсѣмъ ее вытвердили. И какъ

главною цѣлію оной было, съ одной стороны, осмѣяніе лгуновъ и хвастуновъ, невѣждъ и молодыхъ волокитъ, а съ другой, чтобъ представить для образца добродѣтельныхъ и прилежныхъ дѣтей и добродѣтельные дѣянія, то и называлъ-было я ее сперва «Залыгалою», но при перепискѣ набѣло придалъ названіе «Честохвала».

Въ сихъ особенныхъ занятіяхъ, а при томъ при ежедневномъ продолженіи писанія и заготовленія вперед матеріала для моего «Экономическаго Магазина», равно какъ при частыхъ по прежнему стѣздахъ и свиданіяхъ съ нашими въ тогдашней жизни сотоварищами, протекали нечувствительно всѣ первые зимніе и послѣдніе въ семъ году мѣсяцы. Дружба, единодушіе и безпрерывное согласіе между всѣми нами продолжало господствовать ненарушимо, и можно сказать, что тогдашняя жизнь наша была не только не скучна, но отменно еще и пріятна, и чѣмъ далѣе продолжали мы симъ образомъ жить, тѣмъ становилась она лучше и пріятнѣе и для всѣхъ насъ утѣшнѣе, и таковою, что мы и понынѣ время сіе вспоминаемъ не инако какъ съ удовольствіемъ особымъ.

Между тѣмъ не упускаемы были мною нмало и дѣла, до волостного правленія относящіяся, съ тою только однако предъ прежнимъ отменною, что я далеко уже не такъ надрывался надъ разными по волости затѣями, какъ дѣлалъ я прежде изъ искренняго усердія и любви къ старику, моему прежнему командиру. Воспослѣдовавшая перемѣна и прїѣздъ къ намъ молодого князя, и холодное его со мною обращеніе охладило во мнѣ весьма много прежнее рвеніе, и я, видя, что ему всѣ дѣянія и затѣи мои были неугодны, получилъ и самъ стремленіе быть похладнокровнѣе и производить только то, чего требовала необходимо моя должность или что именно отъ него мнѣ будетъ приказано, и располагался все остающееся отъ дѣлъ по должности праздное время употреблять лучше собственно для себя, нежели на такія дѣла и труды и предпріятія, за которыя не могъ я ожидать отъ

командира своего ни похвалы, ни благодарности. А нельзя сказать, чтобъ онъ при помянутыхъ приѣздахъ пріобрѣлъ поступками своими и отъ другихъ кого-нибудь къ себѣ любовь и почтеніе, но напротивъ того, вся волость и всѣ мои подкомандующіе возмѣли объ немъ съ самаго уже начала не весьма выгодныя мнѣнія, а многіе даже его возненавидѣли, и вмѣсто того, что старика-князя почитали своимъ отцомъ и попечителемъ, сего сына его стали какъ нѣкакого лѣснаго медвѣдя бояться.

Въ сихъ обстоятельствахъ засталъ меня самой конецъ 1779 года, которой, по случаю святокъ и праздниковъ, провели мы въ сей годъ отмѣнно весело. Не прошло ни одного дня, въ которой не были бы мы вмѣстѣ. И какъ случилось около сего времени много къ намъ приѣзжихъ издалека, то и они всѣ всюду и всюду съ нами ѣздили и вездѣ вмѣстѣ съ нами пировали и веселились, то сіе придавало еще болѣе нашимъ святкамъ пріятности. Словомъ, все у насъ было такъ хорошо,

такъ весело и такъ пріятно, что заѣзжавшій къ намъ въ сіе время и на третій день праздника обѣдавшій у меня губернаторъ бралъ самъ въ увеселеніяхъ нашихъ соучастіе и завидовалъ даже нашей жизни, говоря, что они и въ губернскомъ городѣ такими пріятностями дружеской простой жизни не пользуются, какъ мы, живучи тутъ въ маленькомъ городѣ.

Окончивъ симъ исторію сего года, окончу я и сіе письмо мое и съ нимъ 19-ю часть описанія моей жизни, а въ послѣдующей за симъ 20-й части пойду далѣе и расскажу вамъ, что происходило въ теченіе 1780 года и другихъ послѣдующихъ за нимъ; а между тѣмъ, пожелавъ вамъ всѣхъ благъ, остаюсь вашъ, и прочее.

(Декабря 8-го дня 1809 года).

Конецъ девятнадцатой части.

(Сочинена въ теченіе 34-хъ дней, въ ноябрѣ и декабрѣ 1809 года).

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛотова

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XX.

(Въ Дворяниновѣ сочинена въ декабрѣ 1809, а переписана въ маѣ 1811).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ.

1780 годъ.

Письмо 201-е.

Любезный пріятель! Пересказавъ вамъ въ послѣднихъ предъ симъ письмахъ все случившееся со мною въ теченіе 1779 года, и приступая теперь къ описанію происшествій послѣдующаго за симъ 1780 года, скажу, что первый день сего, не менѣе прочихъ достопамятнаго

для меня года, провели мы отмѣнно весело и съ особливимъ для всѣхъ удовольствіемъ. Для сего дня, какъ я уже упоминалъ вамъ, была приготовлена у насъ, для представленія на маленькомъ театрикѣ нашемъ, совсѣмъ новая и нарочитой уже величины и самимъ мною сочиненная комедія, подъ названіемъ «Честохвала», и разохотившіяся дѣти наши успѣли не только всю ея къ сему дню выучить; но рвеніе ихъ было такъ велико,

что они приступили ко мнѣ съ просьбою, чтобъ прискаты имъ еще какую-нибудь маленькую пьесу вдобавокъ къ сей, и брались выучить и ее въ немногіе оставшіеся дни, съ тѣмъ только, чтобъ помѣщены были въ нее и тѣ изъ дѣтей, которымъ не достало роль въ помянутой большой комедіи. И какъ я на сіе охотно согласился, то и отыскалъ я изъ имѣющихся у меня многихъ театральныхъ пьесъ одну, подъ названіемъ «Новоприѣзжіе», и тотчасъ имъ, а особливо живущему у меня мальчику, г. Сезеневу, хотѣвшему неотмѣнно быть въ числѣ нашихъ актеровъ, сіе удовольствіе и сдѣлалъ; и они вытвердили ее съ такою скоростью, что я самъ тому удивился, и положилъ заставить ихъ сыграть для всѣхъ насъ и ее послѣ моей большой комедіи.

Итакъ, зазавъ всѣхъ бывшихъ въ сей день у обѣдни нашихъ друзей къ себѣ, и угостивъ ихъ у себя обѣдомъ, пригласилъ я ихъ, равно какъ и всѣхъ прочихъ, ввечеру въ театръ нашъ, имѣлъ я особенное удовольствіе видѣть въ сей день театральное представленіе собственного моего изобрѣтенія и быть самъ въ числѣ зрителей. И какъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ находились нѣкоторые и изъ малыхъ дѣтей нашихъ, и между прочимъ включенъ былъ и самой малютка сынъ мой, Павелъ; то хотя и опасался я, что онъ роль свою играя въ первой еще разъ въ жизни, по молодости своей, не выдержитъ, и либо обробѣетъ, либо спутается, а особливо потому, что роли его была наименѣйшая почти изъ всѣхъ; къ тому-жъ ему и первому, посаженному посреди театра за столикомъ, и будто рисуящему картинку, надлежало начинать говорить и дѣйствовать, и хотя натуральная робость его была такъ велика, что онъ, изготовившись къ тому совсѣмъ, и предъ самымъ уже подниманіемъ завѣса, подозревая меня изъ-за кулисъ къ себѣ, сказалъ: «Батюшка! меня дрожь пронимаетъ и трисеть, какъ лихорадка!» и я, испугавшись того, отчаялся-было хотя совсѣмъ въ хорошемъ успѣхѣ, и уже кое-какъ его ободрить старался, говоря ему,

чтобъ онъ не трусилъ и не робѣлъ, а воображалъ себѣ, что никого нѣтъ и будто никто его не видитъ. Но, противъ всякаго чаянія и ожиданія произошло совсѣмъ противное, и не успѣли поднять занавѣсъ, какъ Павелъ мой началъ такъ отхватывать, что всѣхъ даже удивилъ чрезвычайно своею и неожиданною къ тому способностію, а меня заставилъ утирать слезы, текуція изъ глазъ отъ радости и удовольствія. Словомъ, онъ сыгралъ роль свою какъ лучше требовать было не можно, а не многимъ чѣмъ уступали и прочіе его сотоварищи. И какъ въ комедіи сей было очень много особеннаго, смѣшнаго и такого, что въ состояніи было возбудить въ зрителяхъ и любопытство, и смѣхъ и принуждать даже къ самому хохотанію, то смотрѣли всѣ на дѣйствія ихъ съ превеликимъ удовольствіемъ и только кричали «браво! браво!» и то-и-дѣло что били въ ладоши и хвалили дѣтей, чѣмъ натурально и они поддерживаемы и ободряемы были весьма много.

Съ таковымъ же хорошимъ успѣхомъ сыграна была дѣтьми и другая новая пьеска, послѣ сей первой, и такое же получила отъ всѣхъ одобреніе. Въ сей знаменитѣйшую роль игралъ питомецъ мой, г. Сезеневъ, и удивилъ всѣхъ также особенно и всего меньше ожидаемою отъ него способностію своею къ театральнымъ представленіямъ. Какъ онъ былъ нарочитаго возраста и собою толстенькъ, то по недостатку другихъ и способнѣйшихъ, назначили мы ему роль пожилого человѣка и, вслѣдствіе того, надѣли на него парикъ, придѣлали ему толстое брюхо, вычернили ему брови и выбритую будто бороду, и надѣвши стариковской кафтанъ, преобразили такъ, что его и узнать было не можно. И онъ такъ хорошо сыгралъ свою роль, что надскадилъ всѣхъ со смѣху и всѣми поступками своими умѣлъ такъ хорошо подражать старiku, что всѣ зрители не могли довольно тому надивиться; а многіе, не знавшіе его коротко, не могли никакъ вѣрить, что былъ это нисколько не ста-

рикѣ, а четырнадцатилѣтній только мальчикѣ. Словомъ, онъ игралъ такъ хорошо, что не постыдилъ бы себя и на лучшемъ театрѣ; а сіе и побудило насъ при всѣхъ послѣдующихъ играхъ и представленіяхъ давать ему всегда роли старика, и онъ игралъ ихъ славно и всегда съ чрезвычайною похвалою.

Какъ скоро все сіе было представлено и самой балетъ послѣ того конченъ, то зазвалъ всѣхъ насъ на перепутье къ себѣ живущій тутъ же въ замкѣ судья, г. Арсеньевъ, и далъ всѣмъ намъ у себя большую и веселую вечеринку и ужинъ. Тутъ начались у насъ увеселенія другого рода. Вся молодежь наша начала плясать и танцовать, а которые были постарѣе, тѣ усѣлись за столы и начали заниматься картами и разными другими забавными играми, которыя къ сему времени случились быть мною вновь выдуманными, и гулъ только раздавался повсюду отъ смѣховъ, шутокъ и хохотанья. Словомъ, всѣ мы были въ сей вечеръ какъ-то отменно веселы и провели весь сей вечеръ съ удовольствіемъ превеликимъ.

Съ другой стороны сдѣлался для меня день сей достопамятнымъ и тѣмъ, что въ оной, въ Москвѣ, увидѣлъ въ первой разъ свѣтъ мой новой экономической журналъ, или выданъ въ публику первой листъ «Экономическаго Магазина». Господинъ Новиковъ, желая доставить мнѣ скорѣйшее удовольствіе видѣть оной напечатаннымъ, спроворилъ дѣломъ такъ, что я на другой же день послѣ сего, и въ самое то время, когда были мы всѣ мужчины на вечеринкѣ у господина Шушерна, получилъ уже оной отъ него къ себѣ присланной, и имѣлъ неописанное удовольствіе увидѣть его напечатанной несравненно въ лучшемъ видѣ, нежели въ какомъ издавался мой «Сельской Житель». Я не могъ на него, какъ на новое произведение свое, довольно насмотрѣться и имъ налюбоваться; но пріятнѣе еще того было для меня увѣдомленіе г. Новикова, что дѣло наше началось и идетъ съ хорошимъ успѣхомъ, и что подписалось уже

довольно и что число пренумерантовъ увеличивается отчасу больше.

Препроводивъ и другой день сего года съ удовольствіемъ, въ слѣдующій за тѣмъ поѣхали мы къ г. Стрекалову, и были имъ прямо пріятельски угощаемы; а не успѣли мы на другой день къ ночи возвратиться назадъ, какъ надлежало мнѣ угощать у себя опять заѣзжавшаго къ намъ нашего губернатора; а не успѣли мы его съ рукъ своихъ сжить, какъ собравшись, отправились въ дальніе гости, за Ефремовъ, къ теткѣ Матренѣ Васильевнѣ Арцыбышевой, находившейся тогда въ своей степной ефремовской деревнѣ и насъ, при послѣднемъ свиданіи съ нами, невѣдомо какъ просившей посѣтить ее въ семь ея степномъ домѣ. А какъ въ той же сторонѣ жилъ и новой нашъ знакомецъ и пріятель, г. Писемской, и также многократно убѣждалъ насъ просьбою посѣтить и его въ деревнѣ, то рѣшились мы въ сей разъ напередъ заѣхать къ нему, куда въ тотъ же еще день и пріѣхали.

Господинъ Писемской невѣдомо какъ обрадованъ былъ нашимъ пріѣздомъ, и не зналъ какъ возблагодарить насъ за посѣщеніе и угостить у себя лучше. Случилось сіе въ самой день Богоявленія Господня, и мы, отобѣдавъ у него, ѣздили съ нимъ вмѣстѣ къ знаменитому въ тамошнемъ краю сосѣду его, Стратону Ивановичу Сахарову. И какъ сей желалъ также давно видѣть меня у себя, то и сей не только принялъ меня съ особливымъ благопріятствомъ, но и всячески постарался насъ угостить веселою вечеринкою и самымъ ужиномъ. Итакъ, провели мы и сей праздникъ весело и съ удовольствіемъ, а переночевавъ опять у г. Писемскаго, пустились на другой день за Ефремовъ, и обрадовали тетку нашу своимъ пріѣздомъ. У ней прогостили мы цѣлыхъ 4 сутокъ, въ которыя было намъ также очень нескучно, ибо она старалась также угостить насъ всячески; а сверхъ того, въ каждой день пріѣзжали къ намъ и разные ея тамошніе сосѣди и увеличивали собою наше

общество, изъ которыхъ въ особенности замѣчания достойнъ былъ одинъ ближній ея сосѣдъ, Христофоръ Александровичъ Ушаковъ, человѣкъ любопытной и хорошаго характера, съ которымъ я при семъ случаѣ впервые еще познакомился.

Въ Богородицкѣ возвратились мы не прежде, какъ къ 12-му числу сего мѣсяца; а не успѣли приѣхать, какъ имѣлъ я опять удовольствіе получить съ почтою превеликой пакетъ со всѣми обѣщанными мнѣ 15-ю экземплярами 3-го и 4-го нумера моего «Экономическаго Магазина», которые съ того времени и получалъ я уже порядочно всегда, съ каждою еженедѣльною почтою, съ прилагаемыми къ нимъ и всѣми, присылаемыми къ г. Новикову отъ корреспондентовъ моихъ письмами ко мнѣ и которые не только не преслаивали продолжатъ со мною переписку, но число ихъ часть-отъ-часу увеличивалось еще и больше, и многіе изъ нихъ отыскивались даже въ самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ и разныхъ нашихъ губерніяхъ.

Не успѣли мы помянутымъ образомъ проводить наши святки и нѣсколько дней послѣ оныхъ въ непрерывныхъ разѣздахъ, свиданіяхъ и увеселеніяхъ, какъ принялся я опять за прежнія свои кабинетныя упражненія. Къ симъ, кромѣ обыкновеннаго писанія и заготовлыванія матеріи для моего «Экономическаго Магазина», принадлежали опять разныя затѣи. Къ онымъ въ особенности относилось тогда вдругъ родившееся во мнѣ желаніе соорудить самому для себя электрическую машину. Это было еще въ первой разѣ, что я началъ заниматься сею частію физики, и поводъ къ тому подало писаніе о самой сей матеріи въ моей «Дѣтской философій», которую не преставалъ я и около самаго сего времени продолжать. И какъ всѣ знанія мои по сей части были еще очень невелики и понятія весьма ограниченныя, да и электрическія машины случилось мнѣ видѣть только нѣсколько разъ, давно и въ бытность свою еще въ Кѣнигсбергѣ, и захотѣлось мнѣ ее тогда смастерить самому и болѣе по-

тому, что случилось мнѣ нечаянно достать себѣ стеклянной шаръ; то признаюсь, что хотя въ нѣсколько дней и смастерилъ я себѣ оную, но была она весьма еще несовершенна и съ великими еще недостатками. Совсѣмъ тѣмъ, нельзя изобразить, сколь неизъяснимо велико было мое удовольствіе и радость при усмотрѣніи и извлеченіи первой искры изъ кондуктора, а того паче при полученіи перваго электрическаго удара отъ лейденской банки, или паче привѣшеннаго тогда еще къ кондуктору пузырька съ водою. Но какъ бы то ни было, но я смастерилъ себѣ машину довольно изрядную и такую, которая и тогда могла уже и меня и многіхъ другихъ собою удивлять и увеселять, и подала мнѣ въ послѣдствіи времени поводъ къ многочисленнымъ и разнымъ по сей части выдумкамъ и затѣямъ, а со временемъ къ самому усовершенствованію машинъ и сдѣланія ихъ полезнѣйшими человѣческому роду и, наконецъ, къ произведенію ими безчисленному множеству людей и всему отечеству моему существенной пользы, какъ о томъ упомянется въ своемъ мѣстѣ.

22-го числа сего мѣсяца имѣлъ я удовольствіе получить опять множество отъ разныхъ особъ писемъ, и между прочимъ изъ самаго Нижняго-Новгорода, отъ бывшаго нашего архитектора г. Ананьина, увѣдомлявшаго меня, что имя мое и тамъ съ хорошей стороны сдѣлалось извѣстно; а то же самое писали ко мнѣ и изъ Москвы, что меня порадовало и ободрало.

Не успѣло нѣсколько дней послѣ сего пройти, какъ вдругъ перетревоженъ я былъ полученнымъ извѣстіемъ изъ шадской моей деревни о несносныхъ почти обидахъ, причиняемыхъ тамошнимъ жителямъ, а въ томъ числѣ и моимъ крестьянамъ, господиномъ Пашковымъ, которой, не уважая предписанія межевой канцеляріи, чтобъ остановить бездѣлныя его межеванья впредь до разсмотрѣнія сего дѣла межевою канцеляріею, и чтобъ всѣ до того времени оставались при прежнихъ своихъ владѣніяхъ, усиливъ и наглостію своею производилъ ве-

ликія притѣсненія и сущіе грабежи, ува-зя съ степи накошенные тамошними жителями ихъ стога съ сѣномъ, и недопускающихъ до того люди его били и прогоняли. И какъ то же учинено имъ и съ моими стогами и съ людьми, и чрезъ таковое насильственное отниманіе и увезеніе сѣна было опасеніе, что намъ свой скотъ кормить будетъ нечѣмъ, то прикащикъ мой, приславъ нарочнаго съ увѣдомленіемъ о томъ, молилъ и просилъ меня Христомъ и Богомъ, чтобъ я приѣхалъ самъ и защитилъ ихъ тамъ отъ такой напасти.

Признаюсь, что извѣстіе сіе при тогдашнихъ моихъ обстоятельствахъ было для меня весьма непріятно, и разсѣивъ всѣ мои пріятныя мысли, какими я около сего времени занимался, смутило и разстроило меня до безконечности. Дѣло сіе по всѣмъ обстоятельствамъ дѣйствительно было таково, что требовало неукоснительнаго моего туда приѣзда. Но самовольная отлучка отъ своей должности, неиспросивъ на то дозволенія отъ моего строгаго и недоброхотнаго ко мнѣ командира, и самая ѣзда въ такую даль навела на меня превеликое сумнѣніе, а вкупѣ производила и крайнее нехотѣніе пускаться въ такую даль при недосто-вѣрности, въ состояніи ли я буду помочь сему злу своимъ приѣздомъ.

Цѣлыя сутки находился я въ превеликомъ недоумѣніи что дѣлать и въ крайней разстройкѣ мыслей и нерѣшимости; но какъ, наконецъ, и родные мои и друзья мнѣ съѣздить въ Тамбовъ и тамъ губернатора о томъ попросить совѣтовали, а къ князю моему о томъ отписать, то рѣшился наконецъ я на то отважиться, и отправивъ къ г. Новикову весь заготовленный до того времени для журнала моего матеріалъ, сѣлъ въ свой любезной возочекъ и полетѣлъ въ свой путь совсѣмъ налегкѣ и, препроводивъ четыре дни въ путешествіи, въ Тамбовъ 2-го числа февраля и прибылъ.

Какъ въ семъ сдѣлавшемся тогда нашимъ губернскомъ городѣ мнѣ до того никакихъ дѣлъ имѣть и живая въ немъ

не случилось, то, не имѣя въ немъ никакого знакомства, горевалъ я, подѣзжая къ оному, о томъ, что не было у меня въ немъ никого знакомыхъ, съ которыми можно бы было мнѣ посовѣтовать о томъ, какъ бы лучше приступить къ сему дѣлу. Но, какъ говорится въ пословицѣ, что «когда Богъ пристанетъ, такъ и пастыря приставитъ», то случилось тогда и со мною нѣчто на то похожее, и я, противъ всякаго чаянія и ожиданія, нашелъ тутъ и друзей, и знакомыхъ, и помощниковъ себѣ. И самое первое обрадовало меня то, что я при самомъ уже въѣздѣ въ городъ узналъ, что другъ и пріятель мой по тамошнимъ деревнямъ и прежній сподвижникъ при бывшемъ тамъ межеваніи, Иванъ Яковлевичъ Сабуровъ, находился и жилъ тогда въ Тамбовѣ, имѣя собственной домъ въ ономъ. «Когда такъ, воскликнулъ я сіе услышавъ, то зачѣмъ намъ искать другой квартиры, а ступайте прямо къ Ивану Яковлевичу, онъ вѣрно будетъ мнѣ радъ и съ удовольствіемъ помѣститъ меня въ какомъ-нибудь уголкѣ своего дома». Я и не обманулся въ моемъ ожиданіи. Г. Сабуровъ обрадовался приѣзду моему до безпамятства и принялъ меня какъ родного, и не только старался всячески меня угостить, но услышавъ о причинѣ моего приѣзда и объ обстоятельствахъ моего дѣла, подхватя меня въ тотъ же день повезъ съ собою къ нѣкакому г. Зубареву, почитавшимся первѣйшимъ дѣльцомъ и знатокомъ по всѣмъ дѣламъ, для испрошенія у него совѣта, какъ бы лучше и надежнѣе приступить мнѣ къ дѣлу. Сей, будучи знакомымъ г. Сабурову человекомъ, принялъ и его и меня съ возможнымъ благопріятствомъ, и узнавъ обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, совѣтовалъ мнѣ подать просительное о томъ письмо къ губернатору. «Но не худо бы, присовокупилъ онъ, еслибъ вы повидались и съ губернскимъ прокуроромъ и его къ вспомоствованію вамъ въ семъ дѣлѣ поубѣдили вашею просьбою. Не знакомъ ли онъ вамъ?» спросилъ онъ меня наконецъ.—Не только незнакомъ, отвѣчалъ я, но я и не знаю и не слышалъ, кто

у васъ здѣсь прокуроромъ. — «Дмитрій Ѳедоровичъ Хвощинской, сказалъ онъ, и человѣкъ очень честной и доброй». — Ба! ба! воскликнулъ я, поразившись новою радостью: Дмитрій Ѳедоровичъ человѣкъ мнѣ очень знакомой, и я могу даже почесть его себѣ хорошимъ пріятелемъ! Каковъ онъ мнѣ и дѣйствительно былъ, ибо это былъ самой тотъ Хвощинской, съ которымъ я имѣлъ дѣло по Зыбинскому межеванью, и которой бывалъ у самого меня въ домѣ и всегда мнѣ благопріятствовалъ. — «Ну, такъ на что же лучше! сказалъ г. Зубаревъ, повидайтесь съ нимъ завтра; вы найти его можете въ домѣ присутственныхъ мѣстъ, и онъ вамъ тоже вѣрно скажетъ, и всѣхъ болѣе преклонить можетъ губернатора къ подацію вамъ помощи». Итакъ, по сказанному, какъ по писанному, намахалъ я поутру на другой день вчернѣ убѣдительно просительное къ губернатору письмо и полетѣлъ въ губернское правленіе, гдѣ мнѣ тотчасъ комнату, гдѣ былъ прокуроръ, и показали.

Г. Хвощинской не успѣлъ меня увидѣть, какъ отъ радости вспрыгнулъ съ своего мѣста, и подбѣжавъ ко мнѣ, ну меня обнимать и, цѣлуя, говорить: «Ахъ, батюшка, Андрей Тимоѣевичъ! Откуда ты къ намъ взялся? Какіе занесли тебя къ намъ вѣтры? Все-ль ты, мой другъ, находишься въ добромъ здоровьи? Какъ я радъ, что васъ вижу! Садись-ка вотъ здѣсь подлѣ меня, и Расскажи мнѣ, мой голубчикъ, по какому случаю и зачѣмъ ты здѣсь находишься и не имѣешь ли до меня какой нужды? Я съ превеликимъ удовольствіемъ готовъ тебѣ во всемъ служить».

Таковая благопріятная и все чайніе мое превосходящая встрѣча преисполнила духъ мой новою радостію и удовольствіемъ. Я соотвѣтствовалъ г. Хвощинскому равномерною ласкою, благодарилъ его за незабвеніе и продолженіе дружбы, увѣрялъ и о своихъ всѣхъ дружескихъ къ нему чувствованіяхъ, и сѣвши, разсказалъ по требованію и желанію его все и все, то-есть, гдѣ я съ того времени,

какъ съ нимъ разстался, былъ и жилъ и гдѣ при какой должности находился и тогда. Обо всемъ томъ онъ ничего не вѣдалъ, и услышавъ, что я управителемъ въ собственныхъ императрицыныхъ Богородицкихъ волостяхъ, которыя ему были довольно извѣстны, началъ меня не только поздравлять, но оказывать мнѣ еще и болѣе уваженія. И какъ дѣло, наконецъ, до того дошло, зачѣмъ я въ Тамбовъ приѣхалъ, то не успѣлъ онъ о томъ и обо всѣхъ обстоятельствахъ услышать, какъ сталъ совѣтовать самъ то-жъ, чтобъ я подаль письмо къ губернатору, увѣряя, что оной, какъ онъ надѣется, изъ уваженія ко мнѣ не отречется оказать мнѣ возможнѣйшее вспоможеніе, и тѣмъ паче, что онъ самъ въ этотъ же день съ нимъ предварительно о семъ дѣлѣ переговорить и его о томъ попросить. И какъ я, поблагодаря его за все то, сказалъ, что у меня письмо таковое и написано уже вчернѣ, то хотѣлъ онъ его видѣть, и тотчасъ взявъ перо, еще кое-что прибавилъ и потомъ совѣтовалъ мнѣ въ этотъ же день его переписать, а на утрѣ подать губернатору, отъ него-жъ неотмѣнно заѣхать къ нему обѣдать, и сообщить ему то, что онъ скажетъ. «А я, батюшка, Андрей Тимоѣевичъ, въ здѣшнемъ мѣстѣ женился, имѣю у себя домъ и, слава Богу, живу хорошихонько».

Съ нимъ отпустилъ онъ меня тогда отъ себя, нехотящаго долѣе мѣшать ему въ дѣлахъ по его должности; но не успѣлъ я выйтти въ другую комнату, какъ встрѣчаюсь еще съ другимъ своимъ знакомымъ и пріятелемъ. Былъ то Никита Ивановичъ Каверинъ, сынъ того живущаго въ Каверинѣ чудака-старика, къ которому нѣкогда приѣзжалъ я во время межеванья и которой уморилъ-было меня тогда съ голоду. Сей, увидѣвъ меня, также обрадовался чрезвычайно и столько-жъ, сколько и я, нашедъ его тутъ совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. При вопросѣ, какимъ образомъ и по какому случаю я его тутъ вижу, сказалъ онъ мнѣ, что онъ находится тутъ при должности: отправляетъ должность казначейскую, и имѣетъ

свой собственной домъ въ Тамбовѣ и жить въ ономъ; а потомъ, сожалея, что я не у него присталъ, нанубѣдительно-шимъ образомъ просилъ, чтобъ я неотмѣнно и въ тотъ же самой часъ поѣхалъ съ нимъ къ нему обѣдать, отъ чего я и не отрекся.

Итакъ, въ сей день обѣдалъ я у сего моего пріятеля и по деревнямъ сосѣда, и былъ пріязню, и ласкою, и угощеніемъ всего его семейства очень доволенъ. Онъ жилъ тутъ со всѣмъ своимъ домою, и я, разговорившись съ его женою, и удивился и обрадовался узнавъ, что она была родная сестра того самаго Николая Ивановича Новикова, съ которымъ началъ я по «Экономическому Магазину» дѣло. А сіе обстоятельство увеличило еще болѣе наше взаимное дружество и благопріятство; къ тому-жъ была она намъ нѣкоторымъ образомъ и съ родни.

Препроводивъ съ пріятностію у сего вельерѣчиваго и говорливаго пріятеля своего болшую часть того дня и наслышавшись отъ него всего и всего о тогдашнихъ тамбовскихъ начальникахъ и судьяхъ и обо всѣхъ обстоятельствахъ въ городѣ, возвратился я ввечеру къ своему любезному хозяину и обрадовалъ его увѣдомленіемъ обо всемъ успѣхѣ моего начинающагося дѣла.

Наутріе, перемахавъ самъ набѣло просительное письмо къ губернатору, поѣхалъ я къ нему. Сей, будучи уже предваренъ обо мнѣ и о моей просьбѣ господиномъ Хвощинскимъ, принялъ меня съ отмѣннымъ благопріятствомъ и съ многѣйшимъ уваженіемъ, нежели какого я заслуживалъ, и обѣщалъ употребить все возможное ему къ удовлетворенію моего желанія и просьбы, и неукоснительно предписалъ тамошнему исправнику дѣло сіе въ самой скорости изслѣдовать, и увезенное насильно у меня сѣно отъ Пашкова возвратитъ; каковымъ обѣщаніемъ я былъ и доволенъ, и откланявшись ему, поскакалъ опять въ губернское правленіе къ господину Хвощинскому для благодаренія ему за его вспоможеніе. Онъ

же, услышавъ, что мнѣ сказалъ губернаторъ, тотчасъ приказалъ секретарямъ приступить къ сему дѣлу, и, что слѣдовать будетъ, къ утру же приготовить, дабы я не могъ задержанъ быть тутъ долго, что они и обѣщали. Послѣ чего вскорѣ и поѣхали мы съ нимъ къ нему обѣдать. Я нашелъ у него прекрасной и великолѣпно почти отдѣланной домъ, что и неудивительно, потому что онъ женатъ былъ на богатой тамошней дворянкѣ, и былъ ласкою всего его семейства и угощеніемъ его весьма доволенъ и препроводилъ почти весь остатокъ того дня у него.

Между тѣмъ, сошло отъ губернатора мое письмо и приказаніе учинить допросъ упоминаемымъ въ ономъ моимъ людямъ, приказнику и повѣренному, и предписать потомъ исправнику о принужденіи Пашковымъ отдать мнѣ сѣно. Все сіе въ послѣдующій день было и исполнено и обоимъ моимъ людямъ учинены были допросы; и какъ тѣмъ дѣло все съ моей стороны и кончилось, и мнѣ не зачѣмъ было долѣе жить въ Тамбовѣ, то въ четвертой день послѣ моего приѣзда, распрощавшись съ другомъ моимъ г. Сабуровымъ, и поблагодаривъ его и за угощеніе, и за все про все, 6-го числа февраля въ обратной путь въ Богородицкъ и отпра-вился.

Обратное путешествіе мое было столько же успѣшно, какъ и первое, и я, возвратившись 9-го числа въ Богородицкъ, нашелъ и своихъ всѣхъ здоровыми, и дѣла всѣ въ порядкѣ, такъ что кратковременное мое и только десять дней продолжавшееся отсутствіе мое было совсѣмъ и непримѣтно, почему и не разсудилъ и писать объ ономъ князю. Что-жъ касается до моихъ семьянинокъ, то онѣ во время отсутствія моего ѣздили къ Прасковѣ Андреевнѣ Кислинской на родины, были потомъ въ Калединкѣ и, наконецъ, въ одинъ день со мною возвратились въ Богородицкъ, а съ ними вмѣстѣ приѣхалъ ко мнѣ и братъ Михайла Матвѣевичъ.

Достальные дни февраля мѣсяца провели мы по прежнему въ свиданіяхъ и съѣздахъ съ своими тутошними друзьями

и разъѣздахъ къ отсутственнымъ и живущимъ въ уѣздахъ, какъ въ енифанскихъ окрестностяхъ, такъ и въ сторонѣ къ Крапивнѣ. Въ сихъ разъѣздахъ своихъ провели мы въ особенности начавшуюся въ сей годъ съ 23-го числа февраля масланицу, а въ наступившій съ 1-го марта великой постъ осылись и, по обыкновенію, во всю первую недѣлю онаго говѣли, исповѣдывались и причащались. Пятница сей недѣли, случившаяся 6-го числа марта, достопамятна была для всей нашей фамиліи тѣмъ, что въ оной день кончилъ свою жизнь двоюродной мой братъ и ближайшій сосѣдъ въ деревнѣ, Гаврила Матвѣевичъ Болотовъ.

Мы, получивъ неожиданное извѣстіе о семъ 8-го числа, потужили и погоревали о семъ молодомъ человѣкѣ. Бѣднякъ сей погубилъ самъ себя безмѣрною своею невоздержностію въ питіи. Онъ хотя издавна придерживался сей бѣдственной привычки, но во время жительства моего въ деревнѣ, сколько-нибудь опасаясь брани себѣ отъ меня, себя поудерживалъ; но по отлучкѣ моей отъ дома вдался онъ уже слишкомъ въ сію пагубную страсть, которая, соединившись и съ другою, только же бѣдственною для молодыхъ людей страстію, скоро такъ его здоровье разстроила, что онъ сдѣлался наконецъ оттого очень боленъ. Тогда встренулъ онъ, что сдѣлалъ худо и пересталъ-было уже совсѣмъ пить, но сіе было уже поздно. Ударъ апоплексическій поразилъ его и похитилъ изъ числа живущихъ на землѣ.

Ближній мой родственникъ сей, каковъ ни былъ и какъ много ни досаждалъ мнѣ иногда своимъ глупымъ обычаемъ, но мнѣ жаль было его чрезвычайно. Умеръ онъ холостой и въ самое еще цвѣтущее время своей жизни, и чрезъ рановременную его смерть уничтожилась вся надежда, какую я имѣлъ, что онъ современемъ будетъ мнѣ добрымъ сосѣдомъ и сотоварищемъ въ деревенской жизни; ибо прежнее его поведеніе, каково ни было, но все было лучше старшаго его брата и подавало объ немъ лучшую надежду; но Промыслу Господню угодно было совсѣмъ не то

произвестъ. Онъ умеръ, не вкусивъ еще порядочно почти жизни, и мнѣ очень было жаль, что тогдашняя отлучка и начинающаяся уже половодъ не допустила меня отдать ему и послѣдній долгъ и оросить гробъ его моими искренними слезами.

Такимъ образомъ уменьшилась и другимъ членомъ вся наша небольшая фамилія и перевелся совсѣмъ старинной домъ, въ которомъ толико лѣтъ жилъ въ уединеніи и воспитывалъ его покойной дядя мой, а его отецъ, Матвѣй Петровичъ. Онъ былъ у него любимой изъ сыновей, и, ахъ! могъ ли онъ себѣ тогда воображать, что съ нимъ его милымъ Гаврюшею воспослѣдуетъ такое зло, и что вмѣстѣ съ нимъ погибнетъ и самое то мѣсто, гдѣ онъ жилъ и не останется изъ всего двора его ни малѣйшаго слѣда. Покойникъ построилъ-было себѣ изрядные хоромцы, но судьба не дала ему пожить въ нихъ и десяти лѣтъ, и какъ все имѣніе его перешло въ руки старшаго его брата и опять соединилось воедино, то нынѣшній потомокъ ихъ рода, и его родной племянникъ, владѣющій симъ имѣніемъ, не только сломавъ его хоромы перевезъ ихъ на свою усадьбу, но уничтожилъ и весь его дворъ; а впослѣдствіи времени промѣнялъ и все мѣсто, гдѣ онъ былъ, мнѣ на енифанскую землю, и Промыслу Господню угодно было нидуманно одарить меня симъ весьма нужнымъ для меня мѣстомъ, засаженнымъ мною потомъ садомъ, доставляющимъ мнѣ и по нынѣ особенную пользу и удовольствіе, и въ которомъ, въ напоминаніе ему, то мѣсто, гдѣ стояли его хоромы, и по нынѣ называется «Гаврилинымъ ревиromъ».

Впрочемъ, во извѣстіе моимъ потомкамъ, замѣчу каковъ онъ былъ собою. Ростъ имѣлъ онъ нарочито высокой, собою сухощавъ и тонокъ, волосомъ бѣлокуръ, курносъ и нѣсколько гнулъ отъ самаго младенчества, и потому не весьма хорошъ собою, да и въ обращеніи съ людьми не очень ловокъ и во многомъ отсталъ отъ людей обыкновенныхъ. Ха-

рактѣръ его былъ отъ самой природы какъ-то не весьма хорошъ, а дурное, совсѣмъ небрежное воспитаніе, а потомъ и пагубная въ тогдашнее время для молодыхъ людей гвардейская служба повредила его еще больше, почему съ сей стороны и не нажилъ онъ себѣ отъ постороннихъ добраго имени и похвалы, а по смерти и сожалѣнія.

Впрочемъ, во все теченіе великаго поста не произошло у насъ ничего особеннаго. Мы занимались обыкновенными своими упражненіями и не видали почти, какъ пролетѣло сіе время, и одни только пруды, по случаю открывшейся въ продолженіе онаго половоди, наводили на меня заботу и опасеніе, чтобъ ихъ не прорвало; и могу сказать, что періоды времени сего всегда бывали для меня весьма критическіе и я всякой разъ половодій сихъ какъ нѣкакого страшнаго медвѣдя боялся и съ смущеннымъ духомъ всегда смотрѣлъ на приближеніе полои воды, а не одинъ разъ и трудовъ имѣлъ при томъ превеликое множество.

Наконецъ настала у насъ и Святая недѣля, бывшая въ сей годъ очень поздно и уже 19-го апрѣля; и какъ въ сіе время не имѣли мы уже снѣга и вскрылась уже весна, то провели мы ее нарочито весело, и болѣе потому, что къ обыкновеннымъ нашимъ увеселеніямъ могли мы приобщать и самыя гулянья. Незадолго до наступленія сихъ праздниковъ получили мы себѣ новаго компаніона. Бывшій до того у насъ казначей, г. Плотниковъ, по какому-то случаю отъ насъ отбылъ и на мѣсто его приѣхалъ къ намъ новой, русской нѣмецъ, по имени Иванъ Христофоровичъ Добрасъ, съ женою своею и дѣтьми. И какъ онъ былъ человѣкъ очень доброй, хорошаго характера и въ обращеніи пріятной и со всѣми нами тотчасъ познакомился и сдружился, то мы сею перемѣною были весьма довольны и нашли въ немъ для общества нашего несравненно лучшаго сочлена, нежели какъ-то былъ прежній, г. Плотниковъ.

Отпраздновавши праздникъ, принялся я, по случаю открывшейся уже тогда со-

вершенной весны, за обыкновенныя свои надворныя упражненія и работы; ибо какое нехотѣніе я въ себѣ ни чувствовалъ къ затѣванію чего-нибудь вновь въ волости, но по охотѣ своей къ садамъ и по давнишней привычкѣ заниматься ими, не столько для пользы, сколько для собственнаго своего удовольствія и увеселенія, не могъ никакъ сидѣть и въ это время безпрерывно въ четырехъ стѣнахъ и заниматься своимъ перомъ и книгами. И какъ, по счастью, имѣлъ я подлѣ двора своего собственной свой садикъ, то и употребилъ я въ сію весну наиплавнѣйшее стараніе о распространеніи и украшеніи онаго всякаго рода затѣями и бездѣлушками, и во всѣ вѣшніе дни рылся и копался въ ономъ, какъ кротъ: и сажалъ, сѣялъ и затѣвалъ въ немъ вновь то то, то другое, и дѣлая его отчасу лучшимъ и прекраснѣйшимъ, доставлялъ и себѣ множество минутъ пріятныхъ и другимъ мѣсто для пріятнаго гулянья.

Наконецъ наступилъ у насъ май мѣсяцъ и съ нимъ начала приближаться славная епифанская Никольская ярманка; и какъ намъ давно уже хотѣлось когда-нибудь побывать на оной, то дни за два и поѣхали мы на оную и сперва къ г-жѣ Бакуниной, живущей въ той сторонѣ и неподалеку отъ города. Домъ сей сдѣлался для насъ столь дружественнымъ, что мы всякой разъ съ удовольствіемъ къ сей умной и почтенной госпожѣ ѣзжали, да и она бывала у насъ всегда наипрѣятнѣйшею гостью. Привыквало ее къ намъ наиболѣе то, что сынъ ея учился у насъ въ пансіонѣ и я особенно старался о образованіи и наученіи его кой-чему хорошему, какъ мальчика хорошаго характера и весьма способнаго къ наукамъ.

Итакъ, мы въ деревнѣ у ней въ сей разъ ночевали, а на другой день ѣздили на ярманку въ Епифанъ, и тамъ гуляли, кое-что покупали и разѣѣзжали кой-куда по гостямъ, и возвратились опять ночевать къ г-жѣ Бакуниной, а отъ ней ѣздили опять въ городъ и за оной къ Василию Ѳеодоровичу Молчанову; итакъ

проводивъ дни три въ сей поѣздѣ, возвратились уже на самой Николинъ день назадъ въ Богородицкъ.

Едва только мы возвратились, какъ пораженъ я былъ опять неожиданнымъ увѣдомленіемъ изъ шадской моей деревни, сдѣлавшеюся уже тогда тамбовскою или паче кирсановскою, потому что она приписана въ Кирсановской уѣздъ. Писали ко мнѣ, что, несмотря на всѣ запрещенія отъ начальства, Пашковъ продолжаетъ всѣхъ несносно обижать; что въ Тамбовѣ приѣхалъ самъ намѣстникъ, и что всѣ обиженные дворяне собираются просить его о защитѣ отъ сего наглеца и обидчика, и что необходимо надобно и мнѣ поспѣшить приѣхать туда же и попросить намѣстника; къ тому-жъ нуженъ мой приѣздъ и потому, что приѣхалъ уже и казенной землемѣръ для снятія всѣхъ тамошнихъ мѣстъ на планъ. Все сіе опять смутило весь мой духъ и разстроило мысли. Ъхать опять въ такую даль весьма мнѣ не хотѣлось, а обстоятельства необходимо того требовали. Я долго не зналъ и самъ съ собою не соглашался что дѣлать. Но наконецъ, судя, что не было никакихъ важныхъ по волости дѣлъ, для которыхъ не можно-бъ было мнѣ опять на короткое время отъ волости отлучиться, а и отъ князя, моего командира, не можно было мнѣ ожидать за таковую отлучку дальнаго гнѣва, поелику онъ въ сіе время находился въ Петербургѣ и, по всему видимому, о волостяхъ всего меньше думалъ и заботился, и мы отъ него очень рѣдко получали письма и приказанія, рѣшился, наконецъ, преодолѣть все свое нехотѣніе и въ путь сей отправился.

Какъ по обстоятельствамъ нужно мнѣ было всячески ѣздою своею поспѣшить, дабы не упустить намѣстника и застать его въ Тамбовѣ, то хотѣлъ-было я на другой уже день въ сей путь отправиться; но случившаяся въ этотъ день чрезвычайная стужа меня удержала, и я поѣхалъ уже съ утра 12-го мая, и такъ рано, что въ тотъ же еще день доѣхалъ

до Данкова, а 15-го ранымъ-ранехонько поспѣлъ уже и въ Тамбовъ самой.

Въ сей разъ, для полученія лучшей и множайшей свободы, рѣшился я стать въ наемной квартирѣ, и мое первое дѣло было повидаться съ другомъ моимъ, г. Сабуровымъ. Сей наказывалъ мнѣ столько о Пашковѣ и о намѣстникѣ, на него крайне ополчившемся и его неволею въ губернской городѣ притянувшемъ и содержащимъ почти подъ карауломъ, что я почиталъ уже его почти погибшимъ. И какъ г. Сабуровъ турилъ меня какъ можно скорѣе къ намѣстнику, ободряя несомнѣнною надеждою, что онъ просьбу мою болѣе всѣхъ уважитъ, то, не долго думая, и полетѣлъ я въ намѣстнической домъ, и нашелъ у него превеликое собраніе чиновниковъ и другихъ людей и, между прочими, и всѣхъ моихъ прежнихъ тутошнихъ знакомыхъ, и въ томъ числѣ опять и пріятеля своего, г. Каверина. Сей обрадовался опять меня увидѣвъ, звалъ наубѣдительноѣмъ образомъ къ себѣ и просилъ видѣться съ нимъ какъ можно чаще; а что всего лучше, спознакомилъ меня и съ тѣми землемѣрами, которые въ нашъ край для сниманія всѣхъ мѣстъ на планъ отправлялись и тутъ же тогда у намѣстника быть случились.

Намѣстникомъ былъ тогда тутъ извѣстный у насъ, престарѣлой, знаменитой вельможа графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ, человекъ особливаго характера и свойствъ, не во всѣхъ отношеніяхъ похвальныхъ. Наболѣе обвинемъ онъ былъ всѣмъ за его корыстолюбіе, и многіе утверждали, что о томъ свѣдома была и сама императрица, и сыграла съ нимъ шутку, приславъ однажды къ нему въ подарокъ пустой кошелекъ для полаганія въ него денегъ*), и всѣ тому хохотали и смѣялись. Но какъ бы то ни было, но я за множествомъ народа не могъ никакъ улучшить удоб-

*) Объ этомъ подаркѣ упоминаетъ и князь Щербатовъ въ своемъ сочиненіи „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“. См. „Русск. Стар.“, 1871 г. т. III, стр. 682. Ред.

наго времени и случая предстать къ нему съ своею просьбою, и тѣмъ паче, что не было тогда никого, кто-бъ могъ ему меня представить и къ кому бы я могъ съ тѣмъ адресоваться. Самъ же онъ, хотя меня въ толпѣ народной и видѣлъ, но по пышности и глупой гордости своей не удостоилъ и спросить о томъ, кто я таковъ былъ. Итакъ, поговоривъ съ межевщиками, отъ которыхъ не могъ я еще никакого толка добиться и дожидаясь, не поѣдетъ ли туда и прокуроръ Хвощинской, котораго хотѣлось мнѣ попросить, чтобъ онъ меня намѣстнику представилъ, и никакъ его не дождавшись, не могъ я въ сей день ничего сдѣлать, ибо намѣстникъ скоро, откланившись всѣмъ, ушелъ въ свои внутреннія комнаты и я принужденъ былъ ѣхать ни съ чѣмъ прочь, и поспѣвать къ моему другу г. Сабурову, взявшему отъ меня обѣщаніе неотмѣнно приѣхать къ нему обѣдать.

Итакъ, отобѣдавъ у Сабурова и погорюя о неудачѣ, ѣздивъ я послѣ обѣда къ г. Каверину, отъ котораго къ огорченію моему узналъ, что едва ли могу я что-нибудь успѣть сдѣлать и въ послѣдующій день, поелику намѣстникъ не будетъ дома, и онъ будетъ пировать у одного изъ тамошнихъ жителей на званомъ обѣдѣ и тамъ препроводить весь день. Непріятно мнѣ было таковое помѣшательство; но какъ дѣлать было нечего, то вооружился я терпѣніемъ, и положилъ весь сей празднои день посвящать на свиданія съ моими пріятелями.

Я и дѣйствительно видѣлъ только въ сей день г. намѣстника, проѣзжающаго съ великою помпою мимо квартиры моей въ гости, и всѣхъ жителей безъ памяти старающихся ловить и заирать своихъ кошекъ, дабы онѣ не могли понасться на глаза намѣстнику, о которомъ сказывали мнѣ, что онъ ихъ такъ боялся, что въ состояніи былъ при возрѣніи на нихъ, упасть въ обморокъ; и потому настрожайшимъ образомъ приказано было во всемъ городѣ всѣмъ жителямъ ловить, скрывать и заирать своихъ бѣдныхъ ко-

шекъ, что они и принуждены были дѣлать. Удивился я и посмѣялся внутренно такой нелѣпости и смѣшной боязни.

Впрочемъ былъ и другой предметъ, поразившій въ сей день мое зрѣніе. Будучи, по приглашенію, въ сей день обѣдать къ пріятелю моему г. Каверину, повстрѣчался я съ самимъ господиномъ Пашковымъ, ѣдущимъ въ простомъ сюртучкѣ и какъ бы оглашенной по улицѣ, и казавшимся смиреннѣе самого агнца; и я удивился, что не было за нимъ даже ни одного изъ челоѣка. «О! о! подумалъ я тогда: поукротили бурку крутыя горки! и, о! когда-бъ тебя, государь, посократили хорошенько». Сего многіе и ожидали дѣйствительно, а особливо по отзывамъ объ немъ намѣстника, рыгающимъ, повидимому, на него огнемъ и пламенемъ. Но пріятель мой господинъ Каверинъ, которому я о сей встрѣчѣ рассказывалъ, былъ совѣтъ много мнѣнія и говорилъ, что едва-ли что воспослѣдовать можетъ, и что онъ не сомнѣвается, что Пашковъ не упуститъ зашибить и намѣстника мѣшкомъ своихъ денегъ, и вѣрно сухъ изъ воды вывернется.

Такимъ образомъ, проводивъ съ удовольствіемъ половину того дня у господина Каверина, а другую—у г. Сабурова, неотпустившаго меня отъ себя безъ ужина, собрался я на другой день опять ѣхать къ намѣстнику; но по несчастію и въ сей день не достигъ до своей цѣли. Я нашелъ намѣстника, занимающагося дѣлами въ своемъ кабинетѣ и непринимающаго никого въ сей день у себя, и потому мнѣ тотчасъ отказали и совѣтовали приѣхать наутріе и гораздо поранѣе, буде я имѣю какую до намѣстника нужду.

Что было дѣлать? Сколько я ни огорчился и ни досадовалъ на сіе новое препятствіе, но принужденъ былъ ѣхать прочь, и куда-жъ? къ одному новому знакомцу, господину Осипову, женившемуся на вдовѣ, оставшейся послѣ умершаго дяди жены моей, Александра Григорьевича Каверина, Лукерѣ Яковлевнѣ, съ которымъ я наканунѣ того

дня спознакомился у господина Каверина въ домѣ, и которой, обласкавъ меня, убѣдительно просилъ, чтобъ я приѣхалъ къ нему въ сей день обѣдать, увѣряя меня, что Лукерья Яковлевна будетъ мнѣ очень рада. Они и подлинно обрадованы были оба моимъ къ себѣ приѣздомъ, и непрерывъ другъ предъ другомъ старались угостить меня всячески. Господинъ Осиповъ находился тутъ при мѣстѣ и довольно знаменитой должности, и узнавъ о причинѣ моего приѣзда, совѣтовалъ мнѣ подать и намѣстнику лучше просительное письмо, нежели просить его только словесно.

Проводивъ съ удовольствіемъ у нихъ почти весь тотъ день, поѣхалъ я на вечеръ опять къ г. Каверину, и у него ужиналъ; а возвратясь на квартиру, сѣлъ и намахалъ просительное письмо къ сіятельному господину намѣстнику, съ которымъ въ послѣдующее утро и полетѣлъ я къ оному, и въ сей день былъ уже счастливѣе. Обо мнѣ тотчасъ ему доложили и тотчасъ потомъ меня ввели къ нему въ кабинетъ самой. Онъ принялъ меня хотя такъ, какъ отъ такого пышнаго и горделиваго вельможи ожидать было должно, однако не совѣмъ безъ всякаго уваженія, узнавъ о томъ кто я, и при какомъ нахожусь мѣстѣ. Я подаю ему свою бумагу, и онъ не успѣлъ узнать о содержаніи оной и услышать мою просьбу, какъ мнѣ сказалъ: «О, другъ мой! я истинно замечалъ столь многими жалобами и просьбами на сего бездѣльника, что не знаю, что съ нимъ и дѣлать. Однако будьте спокойны! мы непременно учинимъ съ нимъ все, что по закону намъ только можно, и вы можете возвратиться въ свое мѣсто съ полнымъ удостовѣреніемъ, что мною учинено будетъ все, чтѣ только къ успокоенію всѣхъ васъ отъ сего обидчика учинить мнѣ будетъ можно».

Съ симъ министеріальнымъ обнадеживаніемъ отпустилъ онъ тогда меня, и я хотя и зналъ, сколь мало можно было на такіа пышныя обѣщанія господъ вельможъ полагаться, что послѣ и оказалось

дѣйствительно, но какъ тогда нечего было болѣе дѣлать, то откланявшись ему, не разсудилъ долѣе ни минуты въ Тамбовѣ медлить, но возвратясь на квартиру, и давъ прикащику и повѣренному моему наставленіе, какъ поступать имъ при межеваніи и пообѣдавъ, велѣлъ укладываться; и между тѣмъ, покуда сіе дѣлали и запрягали лошадей, забѣжалъ только проститься съ другомъ моимъ, г. Сабуровымъ, и расстался съ нимъ, по дружбѣ его ко мнѣ, съ намернувшимся на глазахъ слезами, равно какъ бы предчувствуя, что я тогда въ послѣдній разъ видѣлъ и обнималъ сего любезнаго человека; ибо вскорѣ послѣ того услышалъ я, что онъ, занемогши, кончилъ жизнь свою.

Поспѣшеніе мое было столь велико, что я въ тотъ же день успѣлъ еще доѣхать до села Лысыхъ-Горь. И какъ погода случилась тогда наипрятнѣйшая и дорога очень добрая, то переночевавъ тутъ и продолжая путь свой, на третій послѣ того день, не имѣвъ въ пути никакихъ остановокъ и происшествій, благополучно и еще къ обѣду въ Богородицкѣ возвратился, и успѣлъ еще въ тотъ же день побывать у нашего городничаго и свидѣться со всѣми нашими друзьями и собесѣдниками.

Симъ окончу я сіе мое письмо, увеличившееся уже слишкомъ, и пожелавъ вамъ всего добраго, остаюсь вашъ.... и прочая.

(Декабря 10-го дня, 1809 года).

Письмо 202-е.

Любезный пріятель! Препроводивъ опять не больше девяти дней въ помянутой въ послѣднемъ моемъ письмѣ вторичной моей ѣздѣ въ Тамбовъ, нашелъ я по возвращеніи моемъ все въ надлежащемъ порядкѣ. Домашніе и родные мои были всѣ здоровы, дѣла по волости текли своимъ чередомъ. Издаваніе моего журнала шло своимъ порядкомъ и безостановочно, ибо я старался всегда снабжать господина Новикова столь мною запасною матеріею, что никогда за

нею не могло быть остановки, и ему было бы всегда что печатать. А какъ около сего времени не случилось никакихъ и иныхъ по волости дѣлъ, которыя требовали бы особыхъ по себѣ хлопотъ, заботъ и попеченій, то и оставалось намъ только помышлять о забавахъ и о дѣланіи нашей тогдашней веселой жизни отчасу пріятнѣйшею, и о томъ, какъ бы лучше пользоваться тогдашнимъ внешнимъ и внутреннимъ въ году временемъ. Мы и непреминули обо всемъ томъ постараться, и у насъ продолжаемы были по прежнему не только частыя другъ съ другомъ свиданія, но начались и самыя гулянья по садамъ и рощамъ, въ которые перѣдко ѣзжали мы всѣ гурьбою, и гуляя съ особеннымъ удовольствіемъ въ нихъ, составляли нѣкоторой родъ сельскихъ вокзаловъ, привозя съ собою туда и чайныя приборы и всякія съѣстные вещи для полдничанья; и между тѣмъ какъ мы занимались пріятными между собою разговорами, дѣти наши, сотовариществуя намъ, утѣшали насъ своими бѣгавіями и рѣзвостями. Таковыя гулянья всего чаще бывали у насъ въ Магазинной-рощѣ, а 7-го іюня, по случаю воскреснаго дня, былъ у насъ порядочной вокзалъ и въ аглинскомъ садикѣ на островку, подлѣ гошпиталя, гдѣ разбита была у насъ палатка и сдѣлана даже пирושка самая.

Словомъ, всю весну сего года провели мы отменно весело, и она намъ по многимъ отношеніямъ памятна. Что касается до переписки моей съ корреспондентами, то она продолжалась по прежнему и не проходило почти ни одного почтоваго дня, въ которой бы не получалъ я откуда-нибудь писемъ, и письма сіи были уже все дѣльные и пріятныя. Препре же негодяи, мѣшавшіе дѣлу своимъ бездѣльемъ, всѣ совершенно замолкли, что и обращалось къ совершенному моему удовольствію. Впрочемъ, относительно до сей корреспонденціи достопамятно, что около сего времени зачалась переписка и возстановилось самое дружество у меня съ однимъ изъ бѣлевскихъ помѣщиковъ,

такимъ же любопытнымъ и трудолюбивымъ человекомъ, какъ и я, а именно съ извѣстнымъ нашимъ экономическимъ писателемъ и переводчикомъ многихъ книгъ, Васильемъ Алексѣвичемъ Левшиннымъ.

Между сими пріятными препровожденіями времени, 10-го числа случилась мнѣ опять небольшая отлучка. Услышали мы, что въ Тулу приѣхалъ путешествовавшій по Россіи римскій императоръ Іосифъ П, и вдругъ воспызло во мнѣ желаніе увидѣть сего славнаго монарха. Итакъ, ну-ка мы скорѣе собираться и скакать въ Тулу. Но ѣзда сія предпринимана была по-пустому. Мы застали его уже въ Тулѣ, не видали императора, а побывали только въ Щегловѣ у нашихъ Верещагинныхъ, гдѣ они имѣли тогда настоящій домъ свой.

Не успѣли мы возвратиться въ Богородицкъ, какъ должно было готовиться опять угощать у себя нашего губернатора, хотѣвшаго къ намъ приѣхать. Сего начальника своего принуждены мы были въ сей разъ ожидать цѣлыхъ три дни съ-ряду, и насилу дождались его къ себѣ 17-го числа іюня; но за то приѣхалъ онъ къ намъ вмѣстѣ съ другимъ еще губернаторомъ, харьковскимъ. Итакъ, угощали мы у себя двухъ губернаторовъ однимъ разомъ, и намъ удалось ихъ такъ угостить, что оба они угощеніемъ нашимъ были довольны. Оба они ѣхали въ сей разъ изъ Тулы, и нашъ пробирался въ свое Баловнево; и какъ онъ намѣренъ былъ тамъ пробыть нѣсколько времени и угощать у себя объѣзжающаго тогда всѣ города нашего намѣстника, то подзывалъ онъ невѣдомо какъ и меня къ себѣ къ сему времени и столь усиленно, что я принужденъ былъ дать ему въ томъ обѣщаніе.

Впрочемъ, достопамятно, что самой сей приѣздъ губернатора къ намъ рѣшилъ давнишнее мое недоумѣніе въ разсужденіи нашего театра. Ибо надобно знать, что какъ въ дѣтяхъ нашихъ съ открытіемъ весны возобновилась вновь охота къ театральнымъ представленіямъ, а особливо хотѣлось и старшей моей дочери,

Елисаветѣ, воспріять въ томъ соучастіе, и у нихъ вытвержена была уже совсѣмъ почти маленькая комедія, извѣстная подъ названіемъ «Необитаемаго острова»; но прежній нашъ театрикъ былъ слишкомъ къ тому малъ, да и всѣмъ неспособенъ, то давно мы начали помышлять о томъ, нельзя ли намъ гдѣ-нибудь для театра отыскать лучшее и просторнѣйшее мѣсто и смастерить театръ уже порядочной и съ такими кулисами, какія съ помянутою комедіею были бы сообразнѣе, нежели простыя прежнія; ибо для сей пужны были кулисы, изображающія лѣсъ, скалы и въ отдаленіи море съ судами. И какъ въ одномъ изъ дворцовыхъ флигелей находился большой и просторной каменной сарай, занятой разною поклажею, то давно уже помышлялъ я о употребленіи его на сіе дѣло, но все какъ-то не отваживался и не рѣшался я приступить къ сему превращенію сего сарая въ театръ. Но какъ въ сію бытность губернатора у насъ дошла у насъ рѣчь съ нимъ о бывшемъ у насъ театрѣ, и онъ, зная уже о томъ, хвалилъ насъ за сіе приученіе дѣтей къ театральнымъ представленіямъ, то услышавъ о нашей новой затѣѣ, не только хвалилъ, но почти убѣжденіями своими принудилъ меня приступить къ произведенію сего въ дѣйство.

Итакъ, не успѣлъ онъ отъ насъ уѣхать, какъ я, къ великому обрадованію и удовольствію всѣхъ дѣтей, и приступилъ къ сему дѣлу, и тотчасъ велѣлъ помянутой сарай опрастывать, и всѣ находившіяся въ немъ вещи переносить въ другое мѣсто. Самъ же, между тѣмъ, въ тотъ же день началъ сочинять и планъ всему нашему будущему театру со всѣми къ нему принадлежностями. А тѣмъ еще не удовольствуясь, поступилъ еще и далѣе, и желая, чтобы лѣсными кулисами, которыя вознамѣрился я самъ намалевать, можно-бъ было воспользоваться и не для одного только «Необитаемаго острова», а при представленіи какой-нибудь и другой пьесы, вдругъ получилъ мысль и желаніе сочинить еще одну театральную пьесу

такого рода, которая могла бы представляема быть съ сими же кулисами, и въ которой бы дѣйствующія лица также сообразны-бъ были съ возрастомъ нашихъ актеровъ, дабы тѣмъ представленіе могло быть натуральнѣе; а сіе-то самое пожеланіе и произвело на свѣтъ ту драму, которая, будучи впоследствии времени напечатана подъ заглавіемъ «Несчастныя сироты», сдѣлалась и всею публикѣ извѣстною.

Не успѣлъ я сего затѣять, какъ по обыкновенной моей во всѣхъ такихъ случаяхъ нетерпѣливости, тотчасъ приступилъ и къ произведенію того въ дѣйство и поспѣшилъ симъ дѣломъ такъ, что 19-го числа іюня, началъ писать и сочинять сію драму, 22-го ее уже и кончилъ, и работалъ надъ нею только три дни. И какъ у меня ни въ плотникахъ, ни въ столярахъ, ни въ другихъ художникахъ, а равно и въ матеріалахъ не было недостатка, и сарай былъ къ сему времени очищенъ, то въ помянутое-жъ число велѣлъ я по сдѣланному плану приступить и къ сооруженію нашего новаго театра и досадовалъ, что необходимость заставляла меня опять на нѣсколько дней отлучиться изъ Богородицка и съѣздить, по обещанію моему, къ нашему губернатору въ славное его село Баловнево въ гости.

Селеніе сіе находилось неподалеку отъ города Данкова и отстояло отъ насъ не менѣе хотя ста верстъ, но я, отправившись 24-го іюня такъ рано, что приѣхалъ туда еще до наступленія вечера, и такъ рано, что мы успѣли еще съ хозяиномъ всюду и всюду находиться. Матвѣй Васильевичъ былъ мнѣ очень радъ, и зная мое любопытство, заводилъ меня по всѣмъ своимъ садамъ, звѣринцамъ, прудамъ и строеніямъ, до которыхъ былъ онъ почти до безумія охотникъ, и я повсюду находилъ у него множество хорошаго и любопытнаго, зрѣнія достойнаго; а въ томъ же провели мы и весь послѣдующій день, въ которой онъ меня даже измучилъ ходьбою съ нимъ по всѣмъ и даже самымъ отдаленнымъ мѣстамъ, ибо ему хо-

тѣлось мнѣ все и все показать, и во многихъ вещахъ потребовать моего совѣта, или по крайней мѣрѣ пожелать моего одобренія. Словомъ, каковымъ охотникомъ ни былъ я ходить, но тутъ до того усталъ, что принужденъ былъ въ томъ ему безъ чиновъ признаться и пожелать возвращенія въ домъ, гдѣ, при обыкновенномъ угощеніи, началось у насъ другое дѣло, и онъ началъ показывать мнѣ всѣ свои книги съ рисунками и чертежами и всѣ рѣдкія картины, какія онъ имѣлъ только у себя въ домѣ.

Въ наступившій послѣ того день былъ у него пиръ на весь міръ, и съѣхалось множество гостей. Поводомъ къ тому было то, что онъ въ сей день угощалъ у себя обѣдненнымъ столомъ заѣзжавшаго къ нему нашего намѣстника, г. Кречетникова. Онъ приѣхалъ къ намъ предъ самымъ обѣдомъ и встрѣченъ былъ съ душевною пальбою и со всею подобающею ему честію, и угощенъ богатымъ обѣдомъ. Намѣстникъ, увидѣвъ меня тутъ же между прочими, удивился и не оставилъ удостоить меня благопріятными со мною разговорами; а хозяинъ, пользуясь симъ случаемъ, не преминулъ наказать ему обо мнѣ столь много хорошаго, что мнѣ было даже стыдно, а сіе и подкрѣпило еще больше его выгодное обо мнѣ мнѣніе.

Какъ намѣстникъ пробылъ тутъ только нѣсколько часовъ и въ тотъ же еще день отъ насъ передъ вечеромъ уѣхалъ, то проводивъ достальное время дня опять въ гуляньяхъ и разныхъ деревенскихъ увеселеніяхъ, не сталъ я долѣе медлить, но спѣша возвратиться въ свое мѣсто, на утрѣ же отправился назадъ съ отъѣзжающимъ въ Тулу г. Сокоревымъ, Иваномъ Яковлевичемъ. И какъ сей приѣзжалъ туда изъ Тулы на почтовыхъ, то уговорилъ онъ меня ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ коляскѣ на почтовыхъ, а каретѣ своей велѣтъ приѣхать послѣ. Итакъ, мы, раскланявшись съ г. Муромцовымъ и поблагодаривъ его за угощеніе, и полетѣли и за-свѣтло доскакали до Богородицка.

Какъ случилось сіе наканунѣ Петрова

дня, то наутрѣ для праздника сего былъ у меня обѣдъ и полное собраніе всѣхъ нашихъ городскихъ друзей и пріятелей и толпа народа. И день сей, и вечеръ провели мы отменно весело и во всѣхъ обыкновенныхъ нашихъ забавахъ. И какъ всѣмъ моимъ гостямъ о намѣреніи моемъ соорудить новой театръ было извѣстно, то говорено было много и объ томъ, и всѣ усердно желали, чтобъ поспѣшено было симъ дѣломъ такъ, чтобъ могъ онъ поспѣть къ приближающейся тогда нашей годовой ярманкѣ, и чтобъ можно было намъ во время оной выученную дѣтми комедію «Необитаемой островъ» на немъ и представить. А сіе общее желаніе и побудило меня на другой же день послѣ того наипристальнѣйшимъ образомъ за сіе дѣло приняться, и рвеніе мое было такъ велико, что оной дней въ шесть у меня и поспѣлъ со всѣми его принадлежностями; но признаться надобно, что немногіе сіи дни и стоили мнѣ трудовъ неусыпныхъ и столь многихъ, что самъ послѣ дивился, какъ могъ я въ такое короткое время и столь много дѣлъ надѣлать и наудачнѣйшимъ образомъ привести къ окончанію.

Театръ вышелъ у насъ хотя не очень большой, но во всей формѣ и порядочной. Половину сарая отдѣлилъ я на сдѣланную съ надлежащимъ возвышеніемъ сцену или театръ самой, а другую назначилъ для нѣртера и на помосты позади онаго для прочихъ зрителей, о многихъ лавкахъ и ступеняхъ. Что касается до кулисъ, то сдѣлали мы ихъ двойными. Однѣ должны были представлять порядочно убранную комнату, а другія густой лѣсъ и каменную съ боку скалу, а въ задней сторонѣ открытое море, съ каменными и другъ за другомъ видимыми мысами острова. Для лучшаго изображенія лѣса, а особливо въ перспективическомъ видѣ моря на большемъ заднемъ занавѣсѣ, не пожалѣлъ я собственныхъ своихъ трудовъ, и малевалъ оныя самъ при вспоможеніи бывшаго въ командѣ у меня живописца и дѣтей самыхъ, и употребилъ къ тому все свое искусство и знаніе

И не обинуясь скажу, что удалось мнѣ произвести дѣло сіе очень хорошо и такъ, что вся декорация сія непостыдна была и для лучшаго городского театра. Лѣсъ и море со всѣми мысами и горами острова изображено было такъ хорошо, что обманывало удивительнымъ образомъ зрѣніе, и всѣ не могли тѣмъ довольно налюбоваться. Въ особенности же всѣмъ нравилась особливая выдумка моя, относящаяся до корабля, долженствующаго приплыть съ моря къ берегу и выпустить изъ себя матросовъ, кои составляли главную и лучшую роль въ сей комедіи. Чтобы дать кораблю сему видъ колико можно натуральнѣйшій, то нарисовалъ я и вырѣзалъ изъ толстой политуры два вида плывущаго на парусахъ корабля, одинъ другого больше; и дабы казались они дѣйствительно вдаль по морю плывущими и часъ-отъ-часу подѣлжающими къ острову ближе, смастерилъ я такъ, что ихъ можно было на шнуркахъ съ мѣста на мѣсто по изображенному на картинѣ морю передвигать, и сперва показать вдаль маленькой, и вскорѣ потомъ скрывъ оной, будто бы заплывшій за лѣсъ, выпустить другой, въ увеличенномъ уже видѣ и будто бы ближе уже приплывшій, и давъ и сему пролабировать мимо всей сцены, и скрывъ его опять, будто бы за лѣсъ, выдвинуть уже носъ и бортъ большого корабля съ матросами, сходящими съ него на берегъ. И все это сдѣлано было такъ натурально, что лучше требовать было не можно. Наконецъ не преминули мы придѣлать къ сценѣ и передній, порядочно опускающійся и поднимающійся занавѣсъ, размалеванной также со вкусомъ, разными красками. Словомъ, весь театрикъ нашъ былъ какъ водится, да и довольно просторенъ, такъ что не только сцена была довольно велика, но и за кулисами было довольно мѣста для актеровъ нашихъ; а не преминули мы также постараться и о довольноомъ освѣщеніи онаго, а снабдить его также и обыкновеннымъ мѣстомъ для суфлёра.

Все сіе можетъ всякому доказать, что для произведенія всего того потребно

было множество трудовъ, а особливо въ такое короткое время. Я и дѣйствительно занялся онымъ такъ, что, оставивъ всѣ прочія дѣла, съ утра до вечера трудился надъ онымъ и былъ во всѣ сіи дни какъ чумичка запачканъ всѣми красками, и работалъ до усталости самой. Но какъ бы то ни было, но мы совершили все сіе великое дѣло и театръ нашъ поспѣлъ къ ярманкѣ.

Сія была въ сей годъ какъ-то многонароднѣе всѣхъ прежнихъ лѣтъ, и было не только великое стеченіе со всѣхъ сторонъ подлаго народа, но съѣхалось на нее и множество отовсюду дворянскихъ фамилій. Многихъ побудила къ тому и молва, распространившаяся повсюду о приготавлиемомъ къ сему времени нашемъ театрѣ. И какъ всѣ знакомые и незнакомые наусердѣйшимъ образомъ хотѣли видѣть нашъ спектакль и удостоить театръ нашъ своимъ посѣщеніемъ, то въ самой день праздника Казанской, ввечеру, и собралось въ театръ нашъ однихъ благородныхъ около 50-ти особъ, а съ прочими зрителями всего человѣкъ болѣе двухсотъ, и весь амфитеатръ нашъ сдѣлался наполненнымъ зрителями, для которыхъ всѣхъ зрѣлище сіе было необыкновенное.

Дабы сдѣлать всѣмъ чувствительнѣйшій сюрпризъ и неожиданнымъ образомъ удивить прекрасною нашею декорациею необитаемаго острова, разсудилъ я заставить актеровъ нашихъ представить сперва первую нашу пьесу «Безбожники», и съ декорациею обыкновенною, представляющею жилую комнату. Всѣ зрители были уже и сею пьесою весьма довольны и смотрѣли на нее съ удовольствіемъ. Но какъ скоро, по окончаніи оной и по опущеніи занавѣса, въ одинъ почти мигъ перемѣнили мы сцену, и выдвинули новую, лѣсную и морскую свою декорацию, то при вторичномъ поднятіи передняго занавѣса всѣ даже заахали, поразившись перемѣнившимся и совсѣмъ неожиданнымъ и наипрѣятнѣйшимъ для глазъ зрѣлищемъ, и ничего не видя, произвели великой громъ біеніемъ въ ладо-

ши. Болѣ всего поражалъ и удивлялъ ихъ видъ плывущаго вдали, а потомъ ближе корабля. «Ахъ, батюшки мои! восклицали вслухъ многіе, это истинно настоящій корабль и море, и какже онъ такъ плыветъ!—Ахъ, какъ это хорошо и искусно сдѣлано!» кричали другіе. И всѣ не могли довольно и первымъ симъ зрѣлищемъ налюбоваться; а дабы дать имъ поболѣе къ тому времени, то не велѣлъ я скоро выходить Констанціи, какъ первой особѣ, долженствующей начинать дѣйствіе. Сію представляла старшая дочь моя, Елисавета; и какъ была она около сего времени нарочитаго уже возраста и лицомъ собою прекрасная, а на театрѣ при множествѣ огней казалась еще, а особливо въ театральномъ одѣяніи, прелестнѣйшею, и роль свою начала представлять наниудачнѣйшимъ образомъ, то зрѣлище сіе поразило всѣхъ зрителей новымъ и пріятнымъ удивленіемъ. Но пріятное удивленіе ихъ еще больше увеличилось, когда въ срединѣ пьесы появился носъ и бортъ приплывшаго къ берегу корабля, и соскочили съ него на театръ матросы съ ихъ шкипоромъ. Какъ роль сего была наитруднѣйшая и знаменитѣйшая во всей пьесѣ, долженствующая производить смѣхъ въ зрителяхъ, то, по особливои способности, назначилъ я къ тому малютку моего сына Павла. И хотя возрастъ его и не соответствовалъ росту матроса, но я надѣялся, что онъ не испортитъ своего дѣла, но придастъ малостию своею сценѣ еще болѣе пріятности, въ чемъ и не обманулся. Будучи одѣтъ въ бѣленькое и прекрасное шкипорское платье, опоясанный алымъ тафтянымъ кушакомъ и въ кругленькой своей матроской шляпкѣ, и выступивъ смѣло на театръ, послѣдуемой нѣсколькими другими матросами, обратилъ онъ отъ всѣхъ пріятное вниманіе на себя. А какъ началъ отхватывать свою шуточную роль, то произвелъ такой во всѣхъ смѣхъ и хохотъ, что многіе даже до слезъ смѣялись, и всѣ не могли довольно налюбоваться и навеселиться его игрою. Словомъ, вся пьеса сія сыграна

была наниудачнѣйшимъ образомъ и произвела всѣмъ превеликое удовольствіе и повсюду слышны были похвалы и одобренія. Наконецъ увеселили мы зрителей маленькимъ нашимъ балетомъ, пропрыганнымъ малютками, дѣтьми нашими, и всѣ зрители были до крайности удовольствованы симъ зрѣлищемъ, и расходясь, изъявляли мнѣ тысячу благодареній, и вечеръ сей былъ для меня очень памятенъ.

Проводивъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ сей праздникъ, принялись мы паки за обыкновенныя дѣла свои и занятія разныя, и провели въ нихъ всѣ достаточные дни сего мѣсяца безъ всякихъ почти особенныхъ и такихъ происшествій, о которыхъ стоило бы упомянуть. Въ концѣ только онаго заѣзжалъ къ намъ опять губернаторъ нашъ, и у насъ не только ночевалъ, но и на другой день обѣдалъ.

Какъ о приѣздѣ его мы были предвѣрены и его уже ожидали, то восхотѣлось мнѣ за угощеніе его возблагодарить и собственно своимъ угощеніемъ, и между прочимъ повеселить его и самымъ театромъ нашимъ. Почему и заставилъ я дѣтей до приѣзда еще его сдѣлать репетицію, и къ представленію опять «Необитаемаго острова» и балета сдѣлать всѣ нужныя приуготовленія, и дать всѣмъ нашимъ городскимъ и всѣмъ случившимся на тотъ разъ приѣзжимъ знать, что у насъ въ тотъ вечеръ опять будетъ театръ. И какъ губернаторъ приѣхалъ къ намъ довольно еще рано, то я не преминулъ тотчасъ рѣчь довести до нашего театра и сказать ему, что я по совѣту его успѣлъ уже и смастерить театръ. «Нѣтъ, право! воскликнулъ онъ, удивившись: ахъ, братецъ, такъ покажешь ты мнѣ его!» и схватя шляпу, хотѣлъ-было тотчасъ итти смотрѣть его. Но я, остановивъ его, сказалъ ему, не угодно ли ему отложить сіе до наступленія вечера и посмотреть на самую игру на ономъ дѣтей нашихъ? «Очень, очень хорошо! воскликнулъ онъ опять, и ты меня, братецъ, тѣмъ много одолжишь».

Итакъ, въ мигъ разосланы были съ

повѣсткою о томъ всюду и всюду люди, и всѣ начали сбѣгаться и съѣзжаться, и зрителей опять набралось такое множество, что когда ввелъ я губернатора въ театръ, то онъ, удивившись, сказалъ: «Во! во! во! театрикъ у васъ какъ водится! вотъ и занавѣсъ какой хорошенькой, да и зрителей такое множество! Ну-ка, батюшка, прикажите начинать». Я тотчасъ далъ знакъ, чтобъ поднимали занавѣсъ, и не успѣли сего дѣлать, какъ съ крайнимъ для себя удовольствіемъ увидѣлъ я, что декорація наша была и для самого губернатора поразительна: «Ба! ба! ба! воскликнулъ онъ: да театрикъ вашъ хоть бы куда! во всей формѣ, и какая прекрасная декорація, а особливо эта задняя картина, какъ натурально изображено на ней море и отдаленныя горы и скалы!... Да кто это братецъ, у тебя сіе малевалъ?» — Кому иному, сказалъ я, какъ не самому мнѣ! привуждено было пачкаться и гваздать. — «Ну, братецъ, подхватилъ губернаторъ: это гвазданье хоть бы куда, и ты превеликой ажно мастакъ въ этомъ дѣлѣ: ей-ей, прекрасно!» Въ самое сіе время началось движеніе кораблей. Сіе его наки удивило и принудило воскликнуть: «Во! во! во! они еще какъ настоящіе, и плаваютъ, и движутся! Это какимъ ты образомъ смастерилъ, братецъ?» — Ну, ужъ какимъ-нибудь образомъ да смастерилъ, отвѣтствовалъ я, смѣючись. — «Право, прекрасно, и что хорошо, то хорошо!» — Но начавшееся дѣйствіе заставило его замолчать и обратить вниманіе свое на представленіе. Но не успѣла дочь мою проговорить первыя рѣчи и потомъ вступить въ разговоръ съ своею подругою, какъ начались опять отъ него распросы. Скажи я ему: что это за дѣти, а особливо эта милая и прекрасная дѣвушка, представляющая Констанцію? — Это моя дочь и подруга ея, дочь нашего городничаго, сказалъ я. — «Ну, нечего говорить, все кстати! и какъ же хорошо представляютъ онѣ свои роли!» Но не успѣлъ появиться маленькой сынъ мой въ своемъ прекрасномъ шкипорскомъ платьѣ и на-

чать отхватывать свою шуточную роль, какъ растерялъ губернаторъ нашъ, по словищѣ говоря, и глаза и уши, и удовольствие написано было на очахъ его. Онъ также принужденъ былъ рѣчамъ его хохотать и смѣяться и всѣми движеніями его любоваться, какъ и всѣ прочіе, и не прежде уже, какъ при окончаніи рѣчи, спросилъ меня: «Это какое у тебя такое милое, умное и проворное дитя?» — Это сынъ мой, сказалъ я. — «Ну, братецъ, нечего говорить! подхватилъ онъ, каковъ отецъ, таковъ и сыночекъ! и въ этомъ мальчикѣ будетъ путь, и онъ не постыдитъ отца своего. Ей-ей, прекрасно, и такъ хорошо! что я хоть много разъ сію пьесу видалъ, но никогда еще съ такимъ удовольствиемъ на нее не сматривалъ, какъ въ сей разъ, и прямо могу сказать, что представляемая на большихъ театрахъ ни къ чему противъ сего не годятся. Самая необыкновенная мализна твоего маленькаго и такого проворнаго и искуснаго матросика придаетъ ему особенную пріятность, и я его истинно разцѣловалъ бы за то, и какъ хорошо и прекрасно умѣлъ онъ сыграть свою роль!» А не съ меньшимъ удовольствіемъ смотрѣлъ онъ и на нашъ маленькой балетецъ и расхвалилъ впрахъ и дѣтей всѣхъ и меня за сіе дѣло, и по окончаніи всего наставлялъ мнѣ столько похвалъ и спасибовъ, что мнѣ было даже стыдно. Словомъ, мы его такъ въ сію бытность его у насъ угостили, что онъ поѣхалъ отъ насъ съ совершеннымъ удовольствіемъ.

Все сіе ободрило такъ нашихъ дѣтей, что не успѣли мы проводить отъ себя губернатора, какъ возгорѣлась у нихъ охота выучить еще какую-нибудь комедію, и мы тотчасъ отыскиали еще одну, подъ названіемъ «Подражателя», и рвеніе ихъ было такъ велико, что они, привыкнувъ уже нѣсколько къ вытверживанію, въ немногіе дни и ее вытвердили, такъ что 2-го числа августа могли уже мы представить и сію комедію и съ хорошимъ также успѣхомъ на театрѣ нашемъ. Въ сей отличился всего болѣе питомецъ мой, г. Сезеневъ, и всѣ не

могли довольно принисать похвалъ ему. И дѣтей нашихъ сіе такъ разохотило, что имъ восхотѣлось уже отважиться вытвердить и большую, вновь сочиненную мною драму «Несчастныя сироты», и я охотно далъ имъ на то свое соизволеніе; но какъ въ сей драмѣ главную и труднѣйшую роль дровосѣка хотѣлось мнѣ самому на себя взять, то дѣло сіе у насъ нѣсколько и попродлилось.

Между тѣмъ, получилъ я опять изъ тамбовской моей деревни письма съ увѣдомленіемъ, что казенной межевщикъ для снятія всѣхъ тамошнихъ мѣстъ на планъ и для принятія отъ всѣхъ земель своимъ отводовъ, уже приѣхалъ и дѣло свое началъ, и что тамошніе наши сосѣди и обыватели, отступая отъ всѣхъ моихъ предписаній и совѣтовъ, дѣлають самопроизвольные и такіе отводы, какіе приходили каждому самому въ мысль, и все начатое мною съ столь хорошимъ успѣхомъ и на истинной пользѣ всѣхъ основанное дѣло, не только портили и разрушали, но и сами, другъ съ другомъ перепутываясь, заводятъ совсѣмъ не дѣльные споры. И повѣренной мой писалъ ко мнѣ, что его силъ нѣтъ къ убѣжденію ихъ къ лучшему единодушію, и что нельзя ли мнѣ опять къ нимъ приѣхать и помочь ихъ горю.

Увѣдомленіе сіе не только меня опять крайне перетревожило, но и огорчило, тѣмъ паче, что для таковой ѣзды и поможанія имъ при тамошнемъ протяжномъ и долговременномъ межеваньи требовалась долговременная, на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ отлучка, а на такую самому собою, и не получивъ отъ командира моего дозволенія, отважиться никакъ было не можно. А и отъ князя, находившагося тогда въ Петербургѣ, получить оное никакъ я въ скорости не надѣялся. И какъ я по симъ увѣдомленіямъ усматривалъ, что дѣло отводами глупыхъ нашихъ талалаевъ-сосѣдей совсѣмъ было испорчено, то и не могъ я съ достовѣрностію надѣяться быть въ состояніи испорченному сему дѣлу пособить и оное исправить. Итакъ, погоревавъ о томъ и поду-

мавъ-погадавъ, рѣшился я предать все дѣло на произволъ судьбы и Промыслу Господню, и отписалъ туда, что мнѣ отлучиться отъ мѣста своего никакъ не можно, и чтобъ они держались, по крайней мѣрѣ, въ разсужденіи своихъ отводовъ и показаній въ точности предписаннымъ отъ меня имъ правиламъ и даннымъ наставленіямъ.

Вскорѣ послѣ сего, а именно 14-го августа, то-есть наканунѣ Успеньева дня, случилось у насъ въ домѣ одно странное происшествіе, достойное особеннаго замѣчанія, потому что оно доказало намъ почти очевидно дѣйствіе Промысла Господня, пекущагося о сохраненіи жизни человеческой, и что если ему угодно продлить чью-нибудь жизнь или спасти ее отъ внезапнаго пресѣченія, такъ онъ найдетъ къ тому и средство. Въ домѣ томъ, гдѣ я жилъ, была одна боковая задняя комната, которую обыкновенно называли мы «дѣвичьею», потому что служащія намъ дѣвки живали, отправляли обыкновенныя свои дѣла и работы, и сыпали въ оной. Къ сему избрано было у нихъ одно навсегда мѣсто, на которомъ онѣ обыкновенно повалкою на полу всякой день спать и ложились. Но ввечеру сего дня, сами не зная отчего, приди имъ капризь или охота перейти спать въ сію ночь въ другую, сосѣдственную къ сей комнату, гдѣ сыпали мои дѣти. Онѣ смолвились и перетаскали туда свои постелишки и звали туда же и послѣднюю изъ своихъ подругъ, которая туда итти никакъ не хотѣла, а постлала себѣ постель и легла на прежнемъ мѣстѣ. Но тѣхъ равно какъ бы невидимая какая сила понуждала принудить, когда не добромъ, такъ неволею, и ту дѣвку перейти къ нимъ; и какъ она на всѣ кликанья и уговариванья ихъ не соглашалась и уже, ворча и браня ихъ, на прежнемъ мѣстѣ засыпала, то прочія, хотя на своемъ поставитъ, смолвились между собою, повскакали съ своихъ постель, пошли гурьбою и перетаскивали ту дѣвку насильно и со всею ея постелишкою къ себѣ. Но что-жъ воспослѣдовало? Не

успѣли онѣ заснуть и все въ домѣ успокоиться, какъ вдругъ страшной трескъ, шумъ и громъ перебудили насъ всѣхъ и заставилъ повскакать съ своихъ постелей. И какимъ же изумленіемъ поразились мы, когда, желая узнать, что такое произошло, растворивъ двери въ дѣвичью, увидѣли всю ее наполненную брусьями, толстыми досками, кирпичами и нагустѣйшею пылью, и что все сіе произошло отъ обрушившагося вдругъ въ сей комнату и упавшаго на полъ потолка, и что сдѣлалось сіе отъ развалившейся и упавшей на него трубы печной. «Ахъ, батюшки мои! закричали мы, испугавшись, съ женою: да дѣвки-то наши что?... ужъ не побилъ ли ихъ всѣхъ до смерти? Ахъ, какое несчастіе!» Но не успѣли мы сего выговорить, какъ вбѣжали въ комнату сію и всѣ, также отъ сна повскакавшіе дѣвки, и обрадовали насъ чрезвычайно. «Но какъ же это вы спаслись и васъ не перебило?» спросила съ удивленіемъ жена моя ихъ.—«Да мы, сударыня, не спали тутъ, отвѣчали онѣ, а намъ чтой-то восхотѣлось перейти въ эту ночь спать въ дѣтскую, и теперь видимъ, что самъ Богъ восхотѣлъ насъ спасти отъ смерти, которой бы намъ всѣмъ не миновать». Послѣ сего рассказали онѣ намъ и о той дѣвкѣ, которая хотѣла неотмѣнно тутъ остаться и которую онѣ насильно туда же перетаскили. Сіе поразило всѣхъ насъ еще вячимъ изумленіемъ и мы не могли тому довольно надивиться. И сей достопамятный случай и удивительное происшествіе памятно намъ еще и понинѣ.

Впрочемъ достопамятно, что я около сего времени и во все теченіе сего мѣсяца, между прочими дѣлами, занимался въ особенности и табакомъ, котораго у меня насажено было и родилось довольно много; и какъ учитель нашъ по неумѣнью съ нимъ обходиться весь свой почти перегноилъ и перепортилъ, то хотѣлось мнѣ уже самому приняться пристальнѣе за оной и лично самому добираться опытами до того, какъ его лучше въ кучахъ желтить, потомъ сушить, вязать въ папуши и томить, и имѣлъ по

сему случаю, по пословицѣ говоря, хлопотъ полонъ ротъ.

Симъ дозвольте мнѣ сіе письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 12-го дня 1809 года).

Письмо 203-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ все, въ концѣ послѣдняго моего къ вамъ письма, происходило, охота у дѣтей нашихъ къ театральнымъ представленіямъ такъ увеличилась, что они ради бы были хотя-бъ всякой день заниматься тѣмъ, если-бъ то только было возможно. Но какъ имъ надобно было помышлять и о своихъ наукахъ въ пансіонѣ, то принужденъ я былъ въ разсужденіи театра накладывать на желанія ихъ уздечку, и умышленно не спѣшить самъ вытверживать свою ролю изъ новосочиненной драмы, дабы ихъ, давно уже всѣ свои роли выучившихъ, позадержать и, несмотря на всѣ ихъ просьбы о скорѣйшемъ оной представленіи, день отъ дня оное отсрочивалъ; но какъ въ случившееся на другой день Успеньева дня воскресенье хотѣлось имъ непременно, чтобъ я утѣшилъ ихъ, дозволивъ представить имъ, хотя какую-нибудь изъ прежнихъ и знакомыхъ имъ пьесъ, а желали того и всѣ городскіе друзья и собесѣдники наши; то и представляли они въ сей день въ третій разъ «Необитаемой островъ» и прежнюю комедію «Новопріѣзжіе».

Наконецъ, къ послѣдующему за симъ другому воскресенью поспѣла совѣмъ къ представленію и новая моя драма «Несчастныя сироты». И какъ около сего времени случилось у насъ въ городѣ много кой-какихъ и пріѣзжихъ, то рѣшился я дать опять публичной спектакль и представить въ первой разъ помянутую драму, и играть на театрѣ съ дѣтьми выѣстъ и самъ.

Мы употребили къ тому ту же декорацию, какъ при представленіи «Необитаемаго острова»; ибо какъ все дѣйствіе

должно было происходить въ лѣсу, а декорация была лѣсной, то было сіе и кстати, и нужно было позаслонить кое-чѣмъ задній занавѣсъ, представляющій море. Начинать дѣйствіе въ пьесѣ сей долженъ былъ самъ я, въ образѣ находившагося подъ гнѣвомъ у господина, откинутого и въ дровосѣки и къ береженію лѣса опредѣленнаго слуги; почему и одѣтъ я былъ въ простое рабское платье, и при поднятій занавѣса находясь въ лѣсу, рубилъ топоромъ дрова и складывалъ ихъ въ полѣнницу и потомъ первой говорить началъ. Что касается до злого его господина, то сего представлялъ питомецъ мой, Сезеневъ, и сыгралъ ролю свою такъ хорошо, какъ лучше требовать не можно; а и всѣ прочіе, имѣвшіе въ семъ представленіи участіе, играли прекрасно, а особливо меньшей сынъ господина Албычева, долженствовавшій представлять сироту и притвориться отравленнымъ пирогомъ съ ядовитыми грибами, и что у него оттого животъ болѣлъ. Словомъ, все дѣйствіе происходило хорошо, и я, какъ выдумщикъ и сочинитель сей драмы, имѣлъ удовольствіе видѣть всѣхъ зрителей крайне дѣйствіемъ симъ растроганныхъ и смотрѣвшихъ на оное съ крайнимъ вниманіемъ и удовольствіемъ. Сими былъ весь нашъ партеръ и помость, составляющій нѣкоторой родъ амфитеатра, наполнены, и всѣ хвалили сію пьесу и благодарили и меня, и дѣтей за доставленное имъ новое удовольствіе; а дѣти, въ усугубленіе онаго, представили имъ еще въ тотъ же день «Подражателя», а потомъ и балетъ. Поелику же многимъ изъ приѣзжихъ хотѣлось видѣть и нашъ «Необитаемой островъ», то не отреклись дѣти, а съ охотою согласились на другой послѣ сего день въ удовольствіе ихъ представить опять «Необитаемой островъ» съ «Новоприѣзжими». Итакъ, у насъ два дни сряду были спектакли.

Послѣ сего взяли мы уже отдохновеніе на нѣсколько дней, которое продолжилось можетъ быть и долго, еслибъ въ началѣ сентября не приѣхалъ къ намъ въ городъ братъ нашей городничихи, Петръ

Ивановичъ Кошелевъ, человекъ хотя молодой, но театральное дѣло несравненно всѣхъ насъ болѣе знающій и могущій молодыхъ нашихъ актеровъ еще болѣе въ нѣкоторыхъ ихъ недостаткахъ исправить. Сей не успѣлъ услышать, что у насъ есть театръ и что на ономъ играютъ его племянникъ и племянница, какъ возжелалъ наусерднѣйшимъ образомъ нашъ театръ и игру на ономъ дѣтей нашихъ видѣть; почему и принужденъ я былъ въ удовольствіе ему и приѣхавшему съ нимъ родственнику ихъ Петру Петровичу Толбузину, милому и любезному человекъ, заставить дѣтей сыграть комедію «Подражателя», которая у дѣтей уже такъ была затвержена, что имъ не было нужды дѣлать и обыкновенную репетицію. Г-нъ Кошелевъ, увидѣвъ нашъ театръ, удивился, нашедъ его въ неожиданномъ порядкѣ и былъ такъ имъ доволенъ, что усердно захотѣлъ поправить дѣтей въ нѣкоторыхъ замѣченныхъ имъ при представленіи недостаткахъ, и они всѣ ему въ томъ много были обязаны. И какъ ему хотѣлось видѣть и «Необитаемой островъ» и «Новоприѣзжихъ», то, въ удовольствіе его, заставили мы дѣтей и сіи пьесы представить, и г-нъ Кошелевъ такъ къ поправленію театра нашего прилѣпился, что примѣтивъ, что главной недостатокъ былъ у насъ въ добромъ суфлѣрѣ, котораго должность по нуждѣ заставляли мы до того отправлять старика канцеляриста моего, Щедилова; то для наученія его, какъ дѣло сіе производить лучше, распорядился самъ подлѣзть подъ помость нашей сцены и суфлировать дѣтямъ.

Черезъ недѣлю послѣ того явился опять неожиданной случай заняться намъ своимъ театромъ; ибо какъ слухъ и слава распространилась объ немъ повсюду, то побудила она многихъ уѣздныхъ дворянъ изъ нашего знакомства смолвиться и скопомъ и съ заговоромъ къ 10-му числу сентября съѣхаться ко мнѣ въ гости, и просить меня о доставленіи и имъ удовольствія видѣть театральныя наши представленія. Итакъ, неожиданымъ образомъ получилъ я вдругъ множество къ

себѣ гостей, въ числѣ которыхъ былъ и г. Стрекаловъ со всѣмъ своимъ семействомъ, старинной знакомецъ мой, Алексѣй Ионовичъ Темешовъ съ женою, князь Волконской, и вся семья Верещагиныхъ. И я принужденъ былъ, по неотступной ихъ просьбѣ, согласиться заставить дѣтей представить имъ сперва драму мою «Несчастныя сироты», потомъ «Необитаемой островъ», а наконецъ балетъ. И какъ въ сей разъ случилось у насъ быть и выпрошенной у г-на Сахарова полной музыки, которой до того у насъ не доставало, то театръ нашъ получилъ еще болѣе совершенства, и всѣ мои гости были имъ очень довольны и не могли довольно восхвалить и возблагодарить меня за оной. Впрочемъ, какъ всѣ сии гости у меня ужинали и па другой день обѣдали и остались ночевать, то восхотѣлось мнѣ, воспользуясь музыкою, дать въ сей вечеръ всѣмъ нашимъ городскимъ друзьямъ балъ, и для лучшаго простора въ залѣ дворца нашего, и мы весь вечеръ сей протанцовали и были очень веселы.

Но сей разъ былъ уже и послѣдній въ семь году, въ которой мы театромъ нашимъ занимались; ибо, какъ онъ былъ безъ печей и холодной, а вскорѣ за симъ стали наступать морозы и стужа, то она и положила предѣлъ всѣмъ нашимъ играмъ и представленіямъ и принудила насъ закрыть нашъ театръ до наступленія опять весны и лѣта.

Итакъ, взявъ послѣ сего суетливаго дня опять на нѣсколько дней отдохновеніе и употребивъ оныя на прочія свои дѣла и упражненія, пустились мы потомъ опять сами въ дальніе разѣзды по гостямъ и всѣ достальныя дни сентября провели въ оныхъ.

Начало октября ознаменовалось бывшимъ у насъ въ селеніи опять пожаромъ, всѣхъ насъ натурально перетращавшимъ. Сгорѣли въ сей разъ бывшіе на торговой площади амбары съ разною поклажею; и какъ я, такъ и городничій, жившій все еще у насъ въ слободѣ, имѣли множество трудовъ при гашеніи оного. И достопа-

матно, что селеніе наше какъ-то въ особливости подвержено было пожарнымъ бѣдствіямъ. И сей пожаръ со времени бытности моей въ Богородицкѣ былъ уже не то пятый, не то шестой.

Вскорѣ за симъ настало 7-е число октября, въ которое совершилось мнѣ 42 года отъ рожденія и пошелъ 43-й годъ. Я провелъ сей день тихомолкою, ибо не имѣлъ никогда обыкновенія праздновать оной публично, предоставляя впрочемъ все дню именинъ своихъ. Но въ сей годъ и въ самыя именины мои, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, не было у меня никакого дальняго торжества и празднества, и мы, напротивъ того, около сего времени ѣздили сами въ дальніе гости, въ Ефремовскіе предѣлы, и были опять у гг. Писемскаго и Сахарова.

Между тѣмъ, дѣло мое по издаванію моего «Экономическаго Магазина» текло своимъ чередомъ и съ наивожделѣннѣйшимъ успѣхомъ. Переписка моя съ корреспондентами продолжалась по прежнему, и я не упускалъ удовлетворять ихъ своими отвѣтами, и всѣ праздные часы и минуты, остающіеся отъ прочихъ дѣлъ, посвящалъ обыкновенно сочиненіямъ по сей части. И какъ имѣлъ я у себя множество иностранныхъ экономическихъ книгъ, изъ которыхъ можно мнѣ было, какъ изъ кладезя, почерпнуть множество полезныхъ и такихъ матерій, которыя съ удобностію и пользою могли помѣщаться въ мой «Магазинъ», и мнѣ стоило только ихъ съ нѣмецкаго языка по-русски переписывать, и переводъ ихъ былъ для меня легокъ и нимаю незатруднитель, то я такъ уже къ симъ сочиненіямъ привыкъ и могъ матерію для журнала своего заготовить съ такимъ успѣхомъ, что въ одну недѣлю, пристально поработавъ, могъ заготовить матерію для печатанія недѣль на шесть и болѣе; а самое сіе и помогло къ тому, что г-ну Новикову не было никогда въ матеріи и въ большихъ и малыхъ пьесахъ недостатка, и ему оставалось только дѣлать изъ нихъ выборъ и наполнять ими листы журнала. А какъ и типографія приведена была имъ

предъ прежнимъ несравненно въ лучшее состояніе, то и не было никогда при издаваніи, при каждомъ номерѣ газетъ, по листу моего журнала ни малѣйшей остановки, чѣмъ и г. Новиковъ, и вся публика была весьма довольна.

Впрочемъ, какъ около сего времени матеріи у меня столько заготовлено и переслано было къ Новикову, что оной на все остальное время сего года могло быть съ излишкомъ достаточно, то, при посылкѣ послѣдней, списался я съ г. Новиковымъ о томъ, какъ онъ располагался въ разсужденіи послѣдующаго года, и намѣренъ ли былъ продолжать издаваніе моего журнала и на будущій годъ; и какъ онъ отвѣтствовалъ, что не только желаетъ, но и убѣдительношшимъ образомъ проситъ, чтобъ я не останавливалъ съ своей стороны сего полезнаго и съ столь хорошимъ успѣхомъ начатаго и идущаго дѣла, и продолжалъ бы заготовлять по прежнему матерію и для будущаго года, то съ самаго дня моихъ иманій началъ я и сіе предварительное заготовленіе.

Итакъ, сею работою занимался я во всѣ достаточные дни октября и въ послѣдующій затѣмъ ноябрь мѣсяцъ, и какъ длинные осенніе вечера, а паче того утры, въ которыя, по давнишнему обыкновенію своему, вставалъ я всегда рано и задолго еще до свѣта и время сіе было наудобнѣйшее для сочиненій и писанія, то и успѣлъ я въ тогдашніе осенніе и первыя зимніе мѣсяцы заготовить множество пьесъ и матеріи для печати, и чрезъ то, будучи съ сей стороны обезпеченъ, могъ тѣмъ удобнѣе удѣлять вечернее время на обыкновенныя наши при сѣздахъ и свиданіяхъ увеселенія.

Сии продолжались у насъ и въ сію осень по прежнему и хотя не ежедневно, но довольно часто, и мы провели и сей періодъ времени очень весело. Дружба и единодушіе, и простое, откровенное, дружеское или паче почти братское обхожденіе между собою господствовало въ обществѣ нашемъ непрерывно и придавало тѣмъ тогдашней нашей жизни еще болѣе пріятности. При всякомъ сѣздѣ и на обык-

новенныхъ, даваемыхъ другъ другу вечеринкахъ наиболѣе мы, старые, занимались разными играми въ карты; но игры сии были не убыточныя и либо степенныя, какъ, напримѣръ, ломберъ и вистъ, ибо бостона не было еще тогда на свѣтѣ, либо мелочныя, смѣшныя, подающія поводъ ко многому хохотанію и смѣхамъ. Ежели-жъ завертывались когда въ компаніи наши какіе-либо посторонніе или игроки, охотники до азартныхъ игоръ, то мы давали имъ волю состязаться только между собою, или съ нашимъ учителемъ, а сами бывали только зрителями всѣмъ ихъ отвагамъ и дурачествамъ, участія же въ томъ ни малѣйшаго не брали. И какъ проѣзжими всякаго рода людьми, равно и приѣзжающими къ кому-нибудь изъ насъ изъ уѣздовъ гостями посѣщаемы мы были часто, то и помянутыя зрѣлищи и игры бывали у насъ не рѣдко.

Что касается до возрастающихъ день отъ дня дѣтей нашихъ, то сии дѣлали намъ компанію только по вечерамъ и въ праздничные дни; въ прочее-жъ время занимались они своими науками въ пансіонѣ. Сей шель своимъ чередомъ и былъ около сего времени нарочито уже великъ. Учителемъ нашимъ были мы и довольно и нѣтъ, и желали, чтобъ онъ меньше прилѣплялся къ нашимъ компаніямъ и былъ воздержнѣе относительно до игръ карточныхъ и менѣе занимался своею табачною фабрикою и затѣями, а болѣе бы старался объ ученіи дѣтей наукамъ. Однако нельзя сказать, чтобъ сіе было имъ совсѣмъ пренебрегаемо, но и оно шло своимъ чередомъ, и всѣ тѣ изъ дѣтей, которые посклоннѣе были прочихъ къ наукамъ, пользовались съ успѣхомъ его ученіемъ. Изъ всѣхъ ихъ отличался болѣе всѣхъ помянутой питомецъ мой Сезеневъ: въ немъ оказалась такая счастливая перемчивость и такая склонность и способность къ наукамъ, что я не могъ тому довольно нарадоваться и навеселиться, и желалъ даже, чтобы собственнй сынъ мой былъ таковымъ-же.

Что касается до сего, то ему шель когда хотя десятой еще годъ, но въ немъ

также открывались часъ-отъ-часу многѣйшія способности и склонность къ наукамъ, и онъ превосходилъ тѣмъ многихъ и гораздо себя старѣйшихъ. Понятія его были таковы, что я не могъ имъ довольно надивиться, и съ радостію старался помогать съ своей стороны развѣтываться сему прекрасному цвѣтучку, вперяя въ него съ малолѣтства хорошія склонности и впечатлѣвая въ юной умъ его понятія обо всемъ нужнѣйшія и охоту къ литературѣ, и сіе, равно и всегдашнее сотоварищество и собесѣдничество его съ г. Сезеневымъ помогало тому весьма много. Словомъ, обоими ими былъ я очень доволенъ.

Что принадлежитъ до дочерей моихъ, то старшая изъ нихъ, Елисавета, была около сего времени изрядною дѣвочкою и почти уже полуневѣстою. Весьма доброй ея характеръ и пріятность самаго наружнаго вида и ласковое ся со всѣми обхожденіе сдѣлало ее общеою любимницею у всѣхъ нашихъ сотоварищей. Всѣ ее искренно любили и почитали, а мы всѣхъ больше, и намъ доставляла она собою всегдашнее утѣшеніе. По выучкѣ грамотѣ, занималась она наиболѣе уже своими женскими рукодѣліями при матери; однако не оставлялъ и я съ своей стороны обрабатывать молодой умъ ея и вперять въ него обо всемъ, что можно было, нужные знанія и понятія. Но обучать ее иностраннымъ языкамъ намъ не было способа, ибо въ пансіонѣ-одной ей съ мальчиками учиться не годилось, а держать для ея одной у себя какую-нибудь французенку или мадамъ не позволялъ намъ и достатокъ нашъ, да и какъ-то мы къ тому не имѣли и дальней охоты и не располагались, а думали, что довольно, когда бы она хотя и одно русское, да порядочно знала, но была-бы только не испорчена въ своемъ нравѣ и поведеніи. Изъ сестеръ же ея, Настасья была уже также дѣвочка изрядная, а мало-по-малу подрастала за нею и младшая ея сестра, Ольга. Обѣ онѣ учились тогда грамотѣ, и сею обязаны всѣ мои дѣти своей бабушкѣ, а моей тещѣ. Трудъ сей обыкновенно принимала она сама на себя,

и не уважала нисколько обыкновенную скуку, съ тѣмъ сопряженную. Обѣ онѣ были уже такого возраста, что мы могли употреблять ихъ съ прочими при представленіи нашихъ балетовъ на театрѣ. Что касается до самой меньшей моей дочери, Катерины, то сія занималась еще своею кормилицею и носима была еще на рукахъ. Что касается до внѣшнихъ моихъ обстоятельствъ и моего достатка, то какъ мы, несмотря на многое уже знакомство и частое приѣзжаніе къ намъ гостей, жили умѣренно и вели себя, по пословицѣ говоря, «ни шатко, ни валко, ни на сторону», то и оставалось у меня всякой годъ сколько-нибудь отъ обыкновенныхъ моихъ доходовъ, а чрезъ то и маленькой мой капиталецъ увеличивался понемногу со дня на день, и у меня были уже кой-на-комъ въ долгахъ небольшія суммы и денегъ. Напротивъ того, деревнишки мои претерпѣвали много отъ моего отъ нихъ отсутствія. Не имѣя возможности часто отъ своего отлучаться мѣста и должности, не могъ я за ними смотрѣть какъ надлежало и какъ бы могъ живучи въ оныхъ, и потому принужденъ былъ предавать въ нихъ все теченію натуры или обыкновенному порядку дѣлъ; а чрезъ то натурально онѣ не только ни въ чемъ не поправлялись, но во многомъ происходили въ нихъ отъ начальниковъ надъ ними самыя упущенія. Но болѣе всего озабочивало и беспокоило меня межеванье въ тамбовской моей деревнѣ, о которомъ присылаемыя ко мнѣ отъ времени до времени увѣдомленія никакъ меня не радовали, а только огорчали; ибо писано было ко мнѣ, что всѣ наши ближніе и дальніе сосѣди сошли равно какъ съ ума и при отводахъ своихъ такъ испортили все дѣло и столько надѣлали пакостей, что я не предусматривалъ никакого способа къ поправленію того и къ развязкѣ узловъ ими, по глупости ихъ и къ собственному своему вреду, а къ пользѣ Пашкова, завязанныхъ; и навѣрное полагалъ, что дѣло наше поидетъ въ даль и долго рѣшено не будетъ, что въ самомъ дѣлѣ по прояскамъ и по

интригамъ Пашкова послѣ и исполнилось.

Что принадлежить до дѣлъ по должности моей и до волостей относящихся, то было ихъ въ сіе лѣто очень немного. Я упоминалъ уже выше сего, что грубое и дурное обращеніе со мною моего новаго командира прохладило во мнѣ прежнюю охоту къ разнымъ затѣямъ и выдаваться на выдачку, почему и наблюдалъ и исполнялъ я только то, чего требовала отъ меня одна должность. А какъ, по счастью, и командиръ мой, за отлучкою своею въ Петербургъ и долговременное свое тамъ пребываніе, во все теченіе сего года къ намъ не прѣзжалъ, то и были мы съ стороны его нарочито спокойны, и была намъ, такъ сказать, своя воля и мы могли безъ дальнихъ заботъ жить такъ, какъ намъ хотѣлось. Одинъ только рекрутской наборъ, бывшій въ сію осень, причинилъ мнѣ нѣсколько хлопотъ, заботъ и затрудненій.

Въ началѣ декабря обрадованы мы были полученіемъ писемъ съ Низу, отъ дѣда жены моей, Авраама Семеновича, и узнаніемъ, что сей милой и любезной нашъ старичокъ все еще былъ живъ. Онъ увѣдомлялъ насъ о своемъ житѣ-бытѣ и о увеличивающейся съ года на годъ его дряхлости, которая простиралась уже до того, что онъ съ трудомъ подписывалъ въ письмѣ свое имя и однимъ уже почти начальными только литерами.

Шестого числа сего мѣсяца, то-есть на Николинъ день, имѣлъ малютка сынъ мой превеликое для себя удовольствіе оттого, что могъ въ сей день подарить судью нашего и моего друга, Алексѣя Андреяновича Албычева, своихъ уже трудовъ картинкою и такою, которая стоила уже поставленною быть за стекло. Какъ она была всеми хвалима, то сіе радовало его невѣдомо какъ и побуждало отъ часу болѣе успѣвать въ семъ искусствѣ, а я не менѣе былъ доволенъ, видя особенную его къ тому охоту и способность, и съ охотою продолжалъ обрабатывать въ немъ и самую сію склонность.

Наконецъ настала половина сего мѣсяца и съ нею то время, въ которое надлежало быть въ Тулѣ опять общему собранію всего дворянства для перемѣны и общаго выбора судей; ибо первое трехлѣтіе приходило тогда уже къ окончанію. Всѣ наши почти судьи, исключая немногихъ, должны были также къ сему времени туда отправиться. Я самъ располагался-было сначала также туда ѣхать, но какъ дѣло сіе до меня нимало не касалось и случилось кое-какіе недосуги, то наконецъ раздумалъ, а предоставилъ однимъ имъ тамъ хлопотать и при бываемыхъ сихъ случаяхъ общихъ увеселеній брать соучастіе.

По отъѣздѣ ихъ опасались мы весьма, чтобъ сей новой выборъ не разстроилъ и не разрушилъ нашего дружескаго и пріятнаго общества, и чтобъ не насовали къ намъ какихъ-нибудь другихъ и намъ незнакомыхъ судей; и какъ мы между собою въ теченіе сихъ первыхъ трехъ лѣтъ такъ уже свыклись, что были какъ родные, то и жаль намъ было другъ съ другомъ разстаться, и потому съ нетерпѣливостью и почти со страхомъ и трепетомъ ожидали мы перваго увѣдомленія о томъ, кто и кто у насъ новые судьи будутъ. А сіе 19-го числа сего мѣсяца и привезъ къ намъ г. Шущеринъ, и съ одной стороны опечалилъ насъ, сказавъ, что мы лишились наилучшаго нашего компаніона и друга, Алексѣя Андреяновича Албычева, поелику онъ всемъ обществомъ избранъ въ приказъ Общественнаго Призрѣнія, и будетъ жить уже въ Тулѣ; но съ другой—обрадовалъ насъ тѣмъ, что по крайней мѣрѣ прочіе остались почти все тѣ же, и что мѣсто его заступитъ Андрей Сергѣевичъ Арсеньевъ. И какъ чрезъ сіе все еще не могло разрушиться всемъ прежнее наше пріятное общество, то хотя намъ и чрезвычайно было жаль г. Албычева, котораго мы искренни и любили, и почитали и уважали, но были по крайней мѣрѣ и тѣмъ уже довольны, что не лишились прочихъ.

Вскорѣ за симъ насталъ у насъ праздничный Рождества Христова и вмѣстѣ съ

нимъ начались и святки. Но она были сначала какъ-то, по случаю помянутой перемены, не очень для насъ веселы. Г. Албычевъ, возвратясь изъ Тулы, начиналъ уже собираться къ отбытію отъ насъ со всѣмъ своимъ семействомъ, и въ третій день праздника далъ намъ у себя послѣдній прощальной обѣдъ. А вскорѣ послѣ того и распрощались мы съ симъ любезнымъ человѣкомъ и проводили его почти со слезами; послѣ чего и самъ я 29-го числа сего мѣсяца въ Москву отправился.

Такимъ образомъ прошелъ и кончился и 1780-й годъ, достопамятной въ моей жизни, во-первыхъ, началомъ издаванія моего «Экономическаго Магазина», познакомившаго со мною всю публику и сдѣлавшимъ всѣмъ почти имя мое съ хорошей стороны извѣстнымъ, ибо я хотя оное и не сказывалъ, но множайшіе знали, кто я таковъ. Во-вторыхъ, основаніемъ нашего театра и представленіями на ономъ, а въ-третьихъ, прямо веселою и пріятною жизнію, каковую мы въ сей годъ проводжали. А что происходило въ послѣдующій, о томъ узнаете вы изъ будущихъ писемъ; а сіе дозвольте мнѣ симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 13-го дня 1809 года).

1781.

Письмо 204-е.

Любезный пріятель! Въ какомъ положеніи и обстоятельствахъ засталъ меня 1781-й годъ, то видѣли вы изъ послѣдняго письма; а теперь, начиная рассказывать вамъ о происшествіяхъ въ сей, также многимъ для меня достопамятной годъ, скажу, что я начало оного проводилъ въ дорогѣ, ѣдучи изъ Богородicka въ Москву, куда, какъ я прежде уже упомянулъ, отправился еще въ концѣ минувшаго года, на пятой день послѣ праздника Рождества Христова.

Поводомъ къ ѣздѣ сей въ нашу древнюю столицу были разныя происшествія и обстоятельства. Во-первыхъ, писалъ ко

мнѣ возвратившійся за нѣсколько времени до того изъ Петербурга въ Москву князь, мой командиръ, чтобъ я приѣхалъ къ нему со всѣми донесеніями о волостныхъ дѣлахъ и привезъ бы съ собою всю собранную въ отсутствіе его денежную казну. Во-вторыхъ, имѣлъ я и самъ множество кое-какихъ нуждъ въ семь городѣ для исправленія; надобно было кое-что испкуить, а паче всего купить себѣ новую карету, ибо прежняя совсѣмъ почти уже изъѣздила; а сверхъ того, хотѣлось мнѣ очень повидаться съ г. Новиковымъ и съ нимъ много кое-о-чемъ поговорить, а особливо о томъ, не возьметъ ли онъ напечатать и книгу мою «О благополучіи человѣческомъ» и другія, какія у меня есть сочиненія и переводы. Наконецъ, повидаться и съ племянниками моими, Травинными, находившимися тогда въ Москвѣ. И какъ все сіе было и кстати, по случаю призыва княземъ меня въ Москву, то и расположился я въ оную и не на короткое время, а недѣли или болѣе съѣздить; и потому, отправивъ туда обозъ съ казною, велѣлъ отвезти и фуража для лошадей казенныхъ, со мною отправляющихся, отправился вслѣдъ за нимъ и самъ 29-го декабря, оставивъ все свое семейство и жену дома, которой хотя хотѣлось-было и самой въ Москву для покупокъ кое-какихъ съѣздить, но какъ она была опять беременна и почти на сносяхъ, то принуждена была остаться дома и препоручить уже мнѣ всѣ надобности свои, при помощи племянницъ моихъ, исправить.

Итакъ, отправившись помянутаго числа и въ Тулѣ побывавъ въ послѣдующій за симъ день у губернатора, которой принялъ меня опять какъ своего друга очень хорошо, поспѣлъ ночевать къ родственнику нашему, г. Кислинскому въ Феденево; а поутру, продолжая свой путь, завернулъ, хотя на самое короткое время, въ свое любезное Дворяниново, гдѣ повидавшись съ братомъ Михайломъ Матвѣвичемъ, успѣлъ побывать и у другого своего деревенскаго сосѣда, г. Басаргина. Тутъ, противъ всякаго чаянія и къ

особливому удовольствію моему, нашелъ друга моего г. Полонскаго, съ новымъ фаворитомъ его, г. Шинкинѣмъ, также и г. Огаркова. Всѣ они обрадовались меня увидѣвъ, а г. Полонской всѣхъ болѣе, и услышавъ, что я ѣду въ Москву, просилъ меня, чтобъ я присталъ у него въ новомъ его каменномъ домѣ, сказывая, что у него есть въ немъ нижнія небольшія, но очень спокойныя комнаты, гдѣ мнѣ можно было расположиться и жить сколько мнѣ угодно, а велѣлъ бы я ихъ только вытопить, а до того времени присталъ бы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; а о семъ услышавъ, братъ мой Михайла Матвѣевичъ предлагалъ мнѣ свой московской домъ, чѣмъ я и былъ весьма доволенъ и поѣхалъ уже на готовую квартиру.

Въ Москву приѣхалъ я передъ вечеромъ, уже 2-го генваря, и расположившись на первой случай въ братниномъ домѣ, спѣшилъ скорѣе нанять себѣ для ѣзды карету, и съ утра 3-го числа и пустился въ ней по всей Москвѣ рыскать. Мое первое дѣло было, чтобъ явиться къ молодому моему командиру и поспѣшить сдать ему казну; но, ѣдучи къ нему мимо того дома, гдѣ жилъ г. Новиковъ, не утерпѣлъ, чтобъ напередъ къ нему не заѣхать и съ нимъ, по крайней мѣрѣ, поздороваться. Онъ обрадовался крайне меня увидѣвъ, и принялъ на дружественнѣйшимъ и ласковѣйшимъ образомъ; а услышавъ, что я въ Москвѣ-таки сколько-нибудь пожить намѣренъ, просилъ меня нанубѣдительнѣе, чтобъ я съ нимъ почаще, и если-бъ можно, то въ каждой бы день видѣлся и всегда, когда не буду гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ обѣдать, приѣзжалъ бы къ нему вмѣстѣ хлебать щи, поелику онъ теперь уже обжился и свой столъ имѣетъ. Я и дѣйствительно нашелъ его живущаго уже въ верхнемъ этажѣ того дома, въ просторнѣйшихъ и порядочно убранныхъ комнатахъ, и былъ, какъ заѣзжій человѣкъ, такому приглашенію радъ и охотно общалъ приѣзжать къ нему чаще.

Что касается до молодого князя, то

сей принялъ меня хотя нарочито благосклонно, но все съ прежнею своею княжескою глупою спѣсью и неприступностію, и по пословицѣ говоря, ни горячо, ни холодно. И какъ на вопросъ, долго ли я въ Москвѣ пробуду? я сказалъ, что у меня есть кое-какія и свои нуждишки для исправленія, то воскликнулъ онъ: «О! такъ хорошо-жъ, живите себѣ сколько хотите, и приѣзжай ко мнѣ временно, чтобъ могъ я съ тобою кое-о-чемъ поговорить. Къ тому-жъ надобно намъ похлопотать опять съ архитекторомъ, также искупить въ богородицкой дворцѣ всю пужную мебель, чтобъ можно было въ немъ жить. Мнѣ хотѣлось бы у васъ будущую осень побывать и поѣздить съ собаками».—Очень хорошо, сказалъ я на сіе: мы вашему сіятельству будемъ ради, а въ самомъ дѣлѣ не то думалъ и охотнѣе желалъ, чтобъ онъ сего посѣщенія своего насъ избавилъ.—«Много-ли у васъ въ Богородицкѣ зайцевъ?» продолжая, спросилъ онъ меня далѣе.—Не знаю, отвѣчалъ я: я не охотникъ, и не ѣзжу, а думаю, что довольно.—«Нельзя и не быть! подхватилъ онъ: мнѣ сказывали, что ихъ много; но какъ у васъ въ сосѣдствѣ есть много охотниковъ, такъ не велика ты ихъ допускать въ дачахъ волостныхъ ѣздить, чтобъ они у меня ихъ не вытравили, а особливо Власова. Этотъ въ состояніи вытравить ихъ до единого».—Очень хорошо! отвѣчалъ я, и негодуя душевно, что сію матерію почелъ онъ наиважнѣйшею, о чемъ со мною говорить, сталъ ему докладывать о привезенной казнѣ. «Хорошо!» сказалъ онъ, и тотчасъ велѣлъ кликнуть своего секретаря и управителя, и по приходѣ ихъ сказалъ мнѣ: «Сдай вотъ ее имъ, а тамъ поѣзжай себѣ куда хочешь, да отыщи нашего архитектора и дни черезъ два побывай съ нимъ у меня».—Хорошо, ваше сіятельство! и пошелъ сдавать казну, а сдавъ ее, проѣхалъ отъ него къ старику отцу его.

Сей принялъ меня уже совсѣмъ инако и обрадовался, какъ свидѣвшись съ роднымъ какимъ и не могъ довольно изъ-

явить своего удовольствія о томъ, что меня видить, и обо всемъ со мною по прежнему наговориться; и не отпустилъ меня безъ обѣда, прося также нанубѣдительноѣйшимъ образомъ, чтобъ я во все время пребыванія своего въ Москвѣ приѣзжалъ къ нему какъ можно чаще обѣдать и ужинать, и особливо помогалъ бы ему пріятнымъ сотовариществомъ своимъ длинные тогдашніе и для его, въ уединеніи его, очень скучные вечера. И я съ охотою обѣщалъ выполнить сіе желаніе его и приѣзжать къ нему всегда, когда мнѣ дозволитъ только время. Сего любезнаго и почтеннаго старика нашелъ я гораздо уже предъ прежнимъ въ слабѣйшемъ состояніи, однако все еще онъ былъ бодръ. У него обѣдала въ сей день дочь его, вдова графиня Салтыкова съ обѣими дочерьми своими и одинъ изъ сыновей его, живущій съ нимъ, князь Иванъ Сергѣевичъ. Первую нашелъ я очень похожую на своего горделивца брата и набитою также княжескою спѣсью и едва удостоившею меня своимъ разговоромъ, а второго гораздо снисходительнѣйшимъ и во многомъ отлѣннаго отъ своихъ братьевъ. Причиною тому было, что онъ служилъ прежде сего въ морской службѣ, бывалъ въ разныхъ иностранныхъ государствахъ и любилъ читать книги, такъ какъ и тогда нашелъ я его читающаго на англійскомъ языкѣ Куквы путешествія. А сіе и подало поводъ намъ съ нимъ познакомиться и кое-о-чемъ до литературы относящемся поговорить между собою, и онъ съ самаго сего дня сдѣлался ко мнѣ благосклоннымъ. Да и старикъ самъ любилъ читать книги и по днямъ большую часть времени занимался, сидючи одинъ въ комнатѣ, чтеніемъ. Но я нашелъ его читающаго французскую извѣстнаго безбожника Гелфеція книгу, не только удивился, но и содрогнулся даже, узнавъ, что и старикъ сей былъ, по примѣру многихъ, зараженъ до глубины волтеріанизмомъ, и находясь при дверяхъ самаго гроба, не преставаъ обожать Волтера, сего Гелфеція и другихъ подобныхъ имъ изверговъ и раз-

вратителей человѣческаго рода. Чувствительно мнѣ сіе было очень, и я искренно сожалѣлъ о его заблужденіи; но радъ съ другой стороны быть, что узнать сіе благовременно и могъ, сообразуясь съ тѣмъ, располагать при разговорахъ съ нимъ свои мѣры.

Отъ князя проѣхалъ я къ своимъ роднымъ и любезнымъ старикамъ Афросимовымъ. Сіи также мнѣ обрадовались очень, и узнавъ, что я одинъ и поживу нѣсколько времени въ Москвѣ, приступили также ко мнѣ съ убѣдительною просьбою, чтобъ я видался съ ними почаще и также приѣзжалъ къ нимъ, когда мнѣ дозволитъ будегъ время, обѣдать, увѣряя, что они мнѣ всегда будутъ ради, какъ родному; отъ чего я и не отрекся и тѣмъ паче, что въ обхожденіи съ симъ умнымъ, опытнымъ и шутливымъ въ разговорахъ любезнымъ старикомъ находилъ особую для себя пріятность и никогда мнѣ у нихъ было не скучно.

Посидѣвъ у нихъ и услышавъ, что въ тотъ день будетъ театръ, успѣлъ еще побывать и въ ономъ, и полюбоваться игрою славнаго тогда актера г. Померанцова. Представляли въ сей день комедію «Благодѣтельнаго грубіяна» и оперу «Несчастіе отъ кареты».

Симъ образомъ успѣлъ я и въ первой уже день побывать въ мѣстахъ многихъ; а въ послѣдующій за симъ все утро употребилъ на исправленіе кое-какихъ покупокъ, дабы ихъ съ возвращающимися подводами сослать въ Богородицкѣ было можно. И какъ г. Новиковъ жилъ подлѣ самыхъ рядовъ, то въ сей день обѣдалъ въ первой разъ у него. Я нашелъ у него столъ и вкусной, и изобильной, и довольное за нимъ общество. У него всякой день обѣдало по нѣскольку человѣкъ изъ его знакомыхъ, оказывающихъ ему отлѣнное уваженіе. Сіе меня, какъ незнающаго еще тогда всѣхъ его связей, поудивило нѣсколько; но какъ не до меня было дѣло, то я, продолжая обращаться съ нимъ просто и дружески, имѣлъ при семъ свиданіи случай переговорить съ нимъ кое-что о нашемъ дѣлѣ и о изда-

ваемомъ «Экономическомъ Магази́нѣ». Онъ изъяслялъ мнѣ крайнее свое удовольствіе о моемъ трудолюбіи и о исправномъ присыланіи къ нему нужной матеріи для печати; и какъ онъ отзывался, что журналъ мой принять публикою съ особеннымъ благоволеніемъ, и число пренумерантовъ часъ-отъ-часу умножается, то сіе и подало мнѣ поводъ шуткою сказать, что посему можно бы ему къ условленной суммѣ мнѣ за труды сколько-нибудь и прибавить. «Трудовъ и мнѣ, сказалъ я, право много. Судите сами — я долженъ работать одинъ-одинѣхонекъ и писать такое множество». — «Хорошо, подхватилъ онъ, я и не прочь отъ того, и прибавлю вамъ еще на первой случай 50 рублей, а тамъ посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло наше впредъ и буде хорошо, прибавлю вамъ и еще». Симъ я былъ и доволенъ. Послѣ сего сталъ онъ мнѣ предлагать, не могу ли я удосужиться перевести еще одну періодическую славнаго въ Германіи сочинителя книгу, которую хотѣлось бы ему также издавать образомъ ежемѣсячнаго журнала, и тотчасъ отыскавъ, сталъ показывать мнѣ ее. Была она духовная, нѣмецкая, сочиненія славнаго г. Тидена и содержала въ себѣ вечернія размышленія на каждой день года. Я, поглядѣвъ нѣсколько на нее, сказалъ ему, что хотя бы я можетъ быть и могъ и къ тому найти довольно времени, но однако надобно посмотрѣть довольно ли будетъ къ тому моей способности и въ состоянн-ль я буду сіе сдѣлать. — «Хорошо! подхватилъ онъ, такъ возьмите-жъ ее съ собою, и поразсмотрѣвъ, буде время вамъ дозволить, испытайте хотя нѣсколько пьесъ изъ ней перевести и мнѣ показать; а кстати не возьмете ли вотъ часть готоваго изъ ней перевода, по которой мнѣ не очень нравится». — Хорошо! сказалъ я, и взялъ книгу и переводъ съ собою.

Отъ него проѣхалъ я къ г. Стрекалову, находившемуся тогда въ Москвѣ, къ которому имѣлъ я тѣмъ болѣе привязанности, что онъ, съ одной стороны мнѣ благопріятствовалъ, а съ другой —

былъ другъ моему командиру и мнѣ могъ при случаѣ пригодиться. Онъ былъ очень доволенъ моимъ приѣздомъ, и я, посидѣвъ у него, поѣхалъ на вечеръ къ старику-князю, у котораго въ сей день и ужиналъ. Я нашелъ его въ совершенномъ уединеніи и лежащаго, по обыкновенію своему, на канapé, и провелъ весь вечеръ съ нимъ въ разныхъ разговорахъ, и онъ былъ тѣмъ очень доволенъ; а я старался не отбѣгать отъ него, какъ по искренней приверженности своей къ нему, такъ и для того, чтобъ онъ могъ поддержать меня въ случаѣ какого-нибудь гоненія отъ сына своего, молодого князя, о которомъ зналъ я, что онъ уважаетъ отца своего, и льстился надеждою, что онъ его и любовь его ко мнѣ поуважитъ и не захочетъ сдѣлать отцу своему неудобствія.

По возвращеніи на квартиру, принялся я тотчасъ разсматривать взятую у Новикова книгу, и нашелъ ее хотя распрѣкраснѣйшею, но для перевода по особому слогу своему не совсѣмъ легкою; однако положилъ испытать переводить оную.

Въ послѣдующій день, что было наканунѣ Крещенія, все утро отыскивалъ я нашего архитектора и проговорилъ съ нимъ о нашихъ строеніяхъ по волости. Дѣло касалось наиболѣе до продолжаемаго все еще построенія бобриковского дворца и до иконостаса нашей церкви; и какъ сей день былъ постной, то обѣдать поѣхалъ я къ старику Афросимову, а на вечеръ проѣхалъ я къ знакомцу и пріятелю своему, г. Владыкину. Онъ обрадовался очень меня увидѣвъ, и поздравлялъ съ хорошимъ успѣхомъ моего новаго журнала, проговорилъ со мною весь вечеръ о разныхъ матеріяхъ и не отпустилъ безъ ужина. Сему, крайне меня полюбившему, человѣку долженъ я былъ также обѣщать приѣзжать почаще для навѣщенія его въ его слабости и болѣзни; а по возвращеніи домой, учинилъ первое испытаніе переводить данную мнѣ Новиковымъ книгу, и успѣлъ, хотя не безъ затрудненія, перевести одну пьесу изъ оной.

Въ день Богоявленія Господня ѣздили мы вмѣстѣ съ архитекторомъ къ молодому князю. Не доѣзжая до него, вдругъ и печально повстрѣчался я съ нашимъ французомъ, богородицкимъ учителемъ, случившимся быть тогда въ Москвѣ. Онъ, увидѣвъ и обрадовавшись, просилъ меня Христомъ и Богомъ посѣтить его на его квартирѣ, сказывая, что она очень недалеко отъ князя, въ нѣмецкомъ трактирѣ и, буде можно, то бы въ тотъ же еще день съ нимъ отобѣдать вмѣстѣ; что я ему охотно и общалъ, и побывавъ у князя и обо всемъ, что надобно было, переговоривъ, дѣйствительно къ нему и поѣхалъ. Я нашелъ его живущаго въ маленькихъ, но покойныхъ комнаткахъ, настроенныхъ на дворѣ того трактира нарочито для приѣзжихъ постояльцевъ; и онъ ну-ка меня угощать чаемъ и шоколадомъ, а потомъ звать съ собою въ трактиръ обѣдать. И какъ обѣдало насъ тутъ человекъ съ двадцать, наиболѣе иностранныхъ, то сіе и напамтовало мнѣ наши кѣнигсбергскіе трактиры, въ которыхъ мы иногда обѣдывали и съ удовольствіемъ свое время проводжали. И находя тутъ точно все то же, воображалъ себѣ, что я нахожусь въ Кѣнигсбергѣ, и минуты сіи были для меня пріятны.

Препроводивъ нѣсколько часовъ въ дружеской компаніи съ г. Дюблѳе, поѣхалъ я къ старому князю дожидаться до того времени, какъ надобно въ театрѣ ѣхать, въ которомъ и въ сей день быть хотѣлось, ибо признаюсь, что театръ любилъ я во все продолженіе моей жизни и всегда находилъ въ смотрѣніи на сіи зрѣлища отъѣнное удовольствіе. Князь какъ мнѣ ни радъ былъ, но не успѣлъ услышать, что мнѣ въ театрѣ быть хотѣлось, не сталъ меня нимало удерживать, но просилъ только, чтобъ я и изъ театра къ нему приѣхалъ и у него ужиналъ, что я ему и общалъ. На театрѣ въ сей разъ представляли «Дезертира» и я съ отъѣннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ сію пьесу.

На утрѣ ѣздилъ я опять въ ряды для закупація кое-какихъ вещей, и ѣдучи

туда заѣзжалъ опять къ Новикову, а изъ рядовъ проѣхалъ въ петербургскую книжную лавку, гдѣ купилъ Роленеву «Древнюю Исторію» и нѣкоторыя другія книги, а оттуда къ прежнему знакомцу своему, г. Ридигеру, основавшему уже собственную свою и знаменитую книжную лавку на Ильинкѣ. Сей увидѣвъ меня крайне мнѣ обрадовался, поздравлялъ меня съ счастливымъ успѣхомъ новаго журнала и сожалѣлъ, что онъ не такъ былъ счастливъ, какъ г. Новиковъ. Нашедъ у него преледкое множество всякаго рода иностранныхъ книгъ, вновь только полученныхъ, и какъ разсматриваніе и перебираніе оныхъ составляло наипрѣятнѣйшую для души моея пищу, то препроводилъ у него въ лавкѣ съ удовольствіемъ нѣсколько часовъ, купилъ у него нѣсколько разныхъ и надобныхъ мнѣ книгъ, и въ числѣ ихъ новенькой и только что вышедшій нѣмецкой романъ, подъ заглавіемъ «Генріета или Гусарское похищеніе», которой мнѣ какъ-то съ перваго взгляда отъѣнно полюбился по своему особому слогу; а оттуда проѣхалъ на вечеръ къ князю, и препроводивъ съ нимъ оной, у него ужиналъ.

Въ слѣдующій день вставъ, по обыкновенію, до свѣта, находясь все еще на прежней своей квартирѣ въ домѣ моего брата, занялся я разсматриваніемъ всѣхъ новокупленныхъ своихъ книгъ и препроводилъ въ томъ нѣсколько часовъ съ отъѣннымъ удовольствіемъ; и какъ ободняло, то поѣхалъ опять въ ряды, и искупивъ кое-что, заѣхалъ изъ нихъ къ Новикову обѣдать, и какъ было еще рано, то имѣлъ я время съ нимъ обо многомъ переговорить. И какъ мы съ нимъ гораздо уже познакомились, то и вздумалось ему испытать, не удастся ли ему и меня такимъ же образомъ втянуть въ свое сокровенное общество или шайку масоновъ, какъ учинилъ онъ то со многими уже другими, и съ тѣмъ безсомнѣнно намѣреніемъ, чтобъ чрезъ то, какъ гранметру сей секты, сдѣлать и меня своимъ съ сей стороны подчиненнымъ и приобрѣсть во мнѣ дарового работника и всѣмъ сво-

имъ хотѣніямъ и повелѣніямъ безотговорочнаго исполнителя. И для того, заведя меня въ свой кабинетъ, началъ меня разспрашивать не принадлежу ли я къ какому-нибудь ордену? Поразила я удивленіемъ, сіе услышавъ, и какъ по счастью былъ я о его масонствѣ и гранметрствѣ отъ г. Владыкина и нѣкоторыхъ другихъ извѣщенъ, то тотчасъ проникнулъ все его сокровенное намѣреніе, и отнюдь не желая дать ему возложитъ на себя узду и бѣсѣль, тотчасъ принялъ всѣ нужныя съ сей стороны предосторожности; и потому на вопросъ его тотчасъ ему отвѣтствовалъ, что нѣтъ, и что я никогда не былъ ни масономъ, ни другимъ какимъ сектистомъ. Не успѣлъ онъ сего услышать, какъ и началъ-было подѣлывать ко мнѣ, по пословицѣ говоря, на полозкахъ и убивать меня обыкновенными баснями и прельщать меня пышными выгодами ихъ братства, дружества, добродѣтелей и всего прочаго, и заговаривать, чтобъ я также вступилъ въ ихъ общество, съ увѣреніемъ, что я по качествамъ, знаніямъ и достоинствамъ своимъ могъ бы скоро получить между ими знаменитое достоинство.

Нѣсколько минутъ далъ я ему волю говорить и разглагольствовать какъ онъ хотѣлъ, слушая со вниманіемъ все, что онъ ни говорилъ; но наконецъ ему сказалъ: «Нѣтъ, батюшка, Николай Ивановичъ! дружбу и пріязнь имѣть я съ вами готовъ, а что касается до предлагаемаго вами, такъ покорно прошу меня отъ того уволить. Все, что вы ни говорите въ похвалу вашему обществу, мнѣ давнымъ-давно уже извѣстно, и вы не первые, а меня ужъ многіе и многіе старались склонить ко вступленію въ масонской орденъ и въ другія секты и общества; но я далъ съ молодыхъ лѣтъ на себя зарокъ и самъ себя заклалъ, чтобъ отнюдь не вступать ни въ какой тайной орденъ и сокровенное общество!—«Подлячего-жъ?» подхватилъ онъ.—А для того, что зная существенно, чѣмъ и чѣмъ обязуетъ насъ и одинъ нашъ христіанской законъ, думаю, что намъ и тѣхъ должностей и обя-

занностей довольно, какими онъ насъ къ исполненію обязуетъ, и что нѣтъ никакой нужды обязывать себя какими-либо другими должностями, а намъ дай Богъ, чтобъ и тѣ только исполнить, которыми обязуетъ насъ христіанская вѣра!

Нечего было ему на сіе говорить. Онъ упустился и замолчалъ, увидя, что во мнѣ наскочила коса его на камень; но собравшись опять съ духомъ, началъ-было опять свои разглагольствованія и увѣренія, что орденъ ихъ нисколько не противенъ христіанской вѣрѣ, и что я найду истинныхъ ему между ими почитателей, и прочее, и прочее; но я, остановивъ его, опять сказалъ: «Знаю, батюшка, и слышалъ много разъ все сіе, но опять повторю, что какъ бы то ни было, но меня покорно прошу отъ того уволить и въ разсужденіи меня никакого счета не дѣлать. Скажу вамъ прямо, что я клятвы своей до сего времени держался и впредь всегда держаться буду, и потому всѣ ваши убѣжденія будутъ относительно до меня тщетны и труды, употребленные къ тому, напрасны; а что касается до моего къ вамъ искренняго почтенія и дружбы, то я вамъ ее общаю и безъ того, и вы найдете во мнѣ человѣка, которымъ вы съ сей стороны будете довольны, и о томъ перестанемъ говорить». Нечего было ему опять на сіе сказать, и онъ, боясь, чтобъ меня не отогнать совсѣмъ прочь отъ себя и лѣстясь, можетъ быть, надеждою, что не удастся ли ему впредь какимъ-нибудь образомъ въ сѣти свои запутать, принужденъ былъ сказать: «Ну, такъ и быть! Что мнѣ съ вами, такимъ упрямымъ, дѣлать? но по крайней мѣрѣ испрашиваю я отъ васъ продолженія начатаго вашего дружества и любви!»—«О, что касается до этого, воскликнулъ я, то увѣряю васъ въ томъ чистосердечно, что вы будете мною довольны и въ залогъ того вотъ вамъ моя рука!» Сказавъ сіе и схватя его руку, ударилъ я по ней своею, а онъ въ соотвѣтствіе того обнялъ меня и подѣловался со мною.

Симъ кончилась тогда у насъ сокровенная въ кабинетѣ его сцена, и мы вы-

шли потомъ въ залъ къ собравшимся къ столу и дожидавшимся насъ его подчиненнымъ, и сѣли обѣдать.

Послѣ обѣда, напившись кофею и поговоривъ еще кое-о-чемъ постороннемъ, поѣхалъ я отъ него на квартиру, и ѣдучи, вспоминая все бывшее до обѣда, самъ себѣ сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, государь! Не на такого ты глупца и простачка попалъ, которой бы далъ себя ослѣпить твоими раздарами и росказнями, и протянулъ бы тебѣ свою шею для возложенія на нее петли и узды, дабы тебѣ послѣ на немъ верхомъ ѣздить и неволею заставлятъ все дѣлать, что тебѣ угодно. Не бывать тому никогда и не раживаться, чтобъ далъ я тебѣ связать себѣ руки и ноги, а ежели хочешь, то изволь быть монмъ простымъ и обыкновеннымъ другомъ и обходиться со мною какъ себѣ съ равнымъ. Отъ этого мы не прочь, да и только всего!»

Симъ образомъ утвердившись въ своемъ намѣреніи, положилъ я имѣть впредь невозможнѣйшую отъ него съ сей стороны осторожность. И какъ въ тотъ день опять обѣщанъ былъ театръ, то, побывавъ дома и давъ лошадямъ отдохнуть, поѣхалъ я въ оной, а оттуда опять къ старику князю своему ужинать, и сдѣлавъ тѣмъ ему опять удовольствіе превеликое.

Путру въ слѣдующій за симъ день, что было уже 9-го генваря, ѣздилъ я опять къ молодому князю, и поговоривъ съ нимъ о нѣкоторыхъ надобностяхъ, поѣхалъ отъ него для исправленія нѣкоторыхъ казенныхъ покупокъ въ ряды и занялся ими такъ, что и обѣдалъ въ Пѣвческой; и какъ подлѣ ихъ имѣлъ и Ридигеръ свою книжную лавку, то побывавъ у него, посмотрѣлъ еще кое-какихъ книгъ, и ѣдучи на квартиру, заѣхалъ я по дорогѣ опять къ Новикову, которой при семъ свиданіи сдѣлавъ мнѣ опять новое и неожиданное предложеніе. «Завожу я, говорилъ онъ мнѣ, въ разныхъ мѣстахъ государства или въ разныхъ городахъ книжную продажу, дабы чрезъ то по возможности поспѣшествовать нашей литературѣ; а какъ вы жи-

вете вблизи Тулы, то не возьмете-ли вы на себя трудъ пріискать кого-нибудь изъ тамошнихъ жителей, кто бы взялъ на себя комиссію продавать тамъ мои книги. Я бы могъ ихъ къ нему пересылать чрезъ васъ, а онъ за труды свои могъ пользоваться отъ сей продажи десятью процентами, а и вы могли бы то же получать, если бы и у васъ въ Богородицкѣ стали-бъ находиться охотники къ раскупанію оныхъ».—Очень хорошо! отвѣчала я: въ этомъ я готовъ постараться оказать мою услугу, и въ проѣздъ мой чрезъ Тулу поговорю о томъ кое-съ-кѣмъ изъ моихъ знакомыхъ, и увѣдомлю васъ, если дѣло сіе пойдетъ наладъ. Симъ онъ былъ очень и доволенъ, а и для меня было сіе не противно, и болѣе потому, что я при семъ случаѣ могъ бы пользоваться даромъ прочитываніемъ всѣхъ сихъ книгъ и не имѣлъ бы нужды въ покупаніи оныхъ.

Въ слѣдующій день обрадовался я узнавъ, что наконецъ приѣхала въ Москву и племянница моя, Надежда Андреевна Травина, и что желаетъ со мною видѣться. Но какъ въ самой сей день хотѣлось мнѣ перебраться на другую квартиру, въ домъ г. Полонскаго, потому что прежняя была очень безпокойна и холодна, а сверхъ того хотѣлось повидаться опять съ Новиковымъ; то приказавъ перебраться безъ себя на новую квартиру, поѣхалъ я къ нему, желая поговорить съ нимъ еще о помянутой продажѣ книгъ, также сдѣлать съ нимъ предварительное условіе и о томъ, не разсудится ли ему изъ собственныхъ моихъ сочиненій и переводовъ впредь что печатать, а притомъ, чтобъ отдѣлаться какимъ-нибудь образомъ и отъ перевода данной имъ мнѣ Тиденовой книги; ибо какъ переводъ оной показался мнѣ слишкомъ затруднителенъ и могущій отнимать отъ меня много времени, то хотѣлось мнѣ отъ него отказаться. Итакъ, повезъ я ему ее назадъ вмѣстѣ съ переведенными на опытъ пьесами, и сказалъ ему, что хотя бы и могъ я ее по нуждѣ перевести, но какъ требуется къ тому

много труда и времени, то не уповаю я имѣть къ тому столько досуга; а сверхъ того, какъ въ ней есть множество стихотвореній, которыя, не будучи никогда стихотворцемъ, не въ состояніи я нахожу себя перевести, то не найдетъ ли онъ кого-нибудь поспособиѣе къ тому меня и имѣющаго болѣе празднаго времени и досуга, и не освободитъ ли меня отъ сей комиссіи. «Очень хорошо! сказалъ онъ, принимая отъ меня, хотя и не весьма охотно, книгу: знать искать мнѣ кого-нибудь иного, когда вамъ не можно». А я, отдавъ ему, сказалъ, что у меня есть нѣчто похожее на то, и почти совѣтъ готовое и въ томъ же родѣ и вкусѣ, мною сочиненное, и не угодно ли ему будетъ, чтобъ я къ нему ее переслалъ, дабы въ случаѣ, если она ему покажется, могла-бъ она напечатана быть особою книжкою? Сіе говорилъ я о сочиненныхъ мною давно нѣсколькихъ утреннихъ и вечернихъ набожныхъ размышленіяхъ. «Очень, очень хорошо! подхватилъ онъ: пожалуй все, что только у васъ есть сочиненное ли вами, или переведенное, ко мнѣ присылайте. Я все готовъ печатать на свой коштъ, что только мнѣ можно будетъ, и въ этомъ случаѣ возлагайте на меня комиссію и будьте увѣрены, что съ моей стороны найдете вы во мнѣ исправнаго редактора и будете мною довольны». И какъ симъ и я натурально былъ доволенъ, то сіе подало поводъ къ заключенію съ нимъ предварительнаго о всѣхъ, впредь печатаемыхъ моихъ книгахъ договора, и мы положили условіе, чтобъ мнѣ получать отъ него каждой по нѣсколько экземпляровъ, а впрочемъ, смотря по величинѣ книги, денежную плату, чѣмъ тогдѣшнее наше свиданіе къ обоюдному удовольствію и кончилось.

Переговоривъ съ нимъ обо всемъ, поѣхалъ я отъскакивать свою Надежду Андреевну. Сія крайне была обрадована меня увидѣвъ, и я провелъ у ней весь почти тотъ день въ непрерывныхъ разговорахъ, и передъ вечеромъ поѣхалъ отъ ней уже прямо на свою новую и тепленькую и покойную квартиру, гдѣ

услышалъ, что безъ меня старой князь присылалъ ко мнѣ нарочнаго звать меня къ себѣ на вечеръ и ужинать, такъ пріятны были ему мои посѣщенія! Итакъ, хотя мнѣ и не весьма въ сей день хотѣлось ѣхать опять со двора, но принужденъ былъ сдѣлать старику сіе удовольствіе и къ нему вечеръ сидѣть и ужинать ѣхать.

Какъ при свиданіи въ сіе утро съ г. Новиковымъ, у насъ съ нимъ условлено было въ послѣдующее утро съ нимъ счестся, поелику я ему долженъ былъ за полученные отъ него и пересланные ко мнѣ кое-какія книги, а онъ мнѣ не платилъ еще слѣдующія за «Магазинъ» деньги, то для сего ѣздилъ я къ нему въ слѣдующій день поутру опять, и при семъ свиданіи разочлисъ мы съ нимъ, какъ водою разлилсѣ, и онъ мнѣ отсыпался деньгами и не остался мнѣ ни полущкою должнымъ, чѣмъ я и исправнымъ его платежемъ былъ и доволенъ.

Кончивъ сіе съ нимъ дѣло, поѣхалъ я отъ него обѣдать къ старику Афросимову, и видѣлъ у него родныхъ его молодыхъ, женившихся около самаго сего времени. Былъ то меньшей его сынъ, Павелъ Афанасьевичъ. Итакъ, я имѣлъ случай видѣть молодую его и отмѣнно бойкую жену. Въ сихъ гостяхъ пробылъ я до самаго вечера, а ужиналъ и вечеръ сидѣлъ опять у старика моего князя.

Въ слѣдующій за симъ день, по сдѣланному условію, проводивъ все утро дома, поѣхалъ я обѣдать къ Надеждѣ Андреевнѣ, а послѣ обѣда ѣздили мы съ нею въ ряды для исправленія всѣхъ порученныхъ мнѣ отъ жены комиссій и ихъ женскихъ покупокъ, и оттуда вмѣстѣ съ нею поѣхалъ къ теткѣ, Катеринѣ Петровнѣ Арсеньевой, которая, благопріятствуя намъ, всегда была намъ очень рада, и угощала насъ всячески и не отпустила отъ себя безъ ужина.

На другой день послѣ сего обѣдалъ я опять у своей племянницы, а отъ ней возвратясь на квартиру, занялся писаніемъ домой писемъ и отправленіемъ приѣзжавшихъ ко мнѣ съ сѣномъ и

овсомъ людей, и съ ними кое-какихъ покупокъ.

Симъ образомъ прожилъ я уже цѣлыхъ 11-ть дней въ Москвѣ въ непрерывныхъ и ежедневныхъ рысканьяхъ по оной. Но какъ нужды, а особливо по волостнымъ дѣламъ, далеко еще не были всѣ исправлены, то располагался я и еще прожить, когда не болѣе, такъ по крайней мѣрѣ столько же, ибо многого надлежало мнѣ дожидаться, многое что прискивать и затѣмъ опять такимъ же образомъ по всему городу, иногда въ каретѣ, а иногда въ городскихъ саняхъ по городу рыскать и туда и сюда ѣздить. Итакъ, поѣхавши опять въ слѣдующій день для нуждъ въ городъ, побывалъ я опять на часокъ у Новикова, и проѣхавши отъ него на Каменной мостъ для прискиванія мебели, по случившейся тогда жестокой морозной погодѣ такъ иззябъ, что при возвращеніи оттуда и ѣдучи мимо знаменитой Арбатской аптеки, восхотѣлось мнѣ заѣхать въ нее не для покупанія лекарствъ, которыхъ мнѣ никакихъ было не надобно, а только для того, чтобъ въ ней нѣсколько минутъ побыть и обогрѣться и насытитъ обоняніе свое пріятными въ ней запахами. И для того, остановясь предъ нею, побѣждалъ я въ нее, и дабы заѣзду своему дать какую-нибудь благовидную причину, то вздумалось мнѣ спросить, нѣтъ ли у нихъ горчичнаго масла, которымъ мнѣ-таки для всякихъ случаевъ запасть хотѣлось, ибо оно очень хорошо отъ сведенныхъ рукъ и ногъ для тренія. И какой же смѣшной анекдотъ случился тогда со мною, доказавшій мнѣ бездѣльность господъ аптекарей.

Аптеку, или всю отгороженную перилами часть ея, нашелъ я набитою народомъ: множество лакеевъ, слугъ и другихъ всякаго рода людей стояли передъ провизоромъ съ принесенными рецептами и просили объ отпускѣ лекарствъ, и онъ едва успѣвалъ съ обоими товарищами своими отпускать имъ оныя. Провизоръ, увидѣвъ меня, тотчасъ учтивымъ образомъ спросилъ у меня, что мнѣ надобно?

«Горчичнаго масла, сказалъ я ему по-русски, и есть ли оно у васъ?» — «Какъ не быть! подхватилъ онъ, но прошу покорно немножко погодить, чтобъ мнѣ отпавить сего челоуѣка, давно уже ожидающагося; и не изволите ли войти воть сюда, продолжалъ онъ, отворяя самъ дверцы къ себѣ за загородку, и здѣсь вамъ не такъ будетъ безпокойно и просторнѣе». — Очень хорошо! сказалъ я, и радъ былъ еще тому, что онъ самъ меня позатержалъ и далъ мнѣ болѣе времени обогрѣваться. Итакъ, вошедъ туда, и сталъ я грѣться противъ горящаго камина и смотрѣть, какъ онъ съ обыкновеннымъ проворствомъ своимъ и ловкостію приготовлялъ и отпускалъ лекарство и огребалъ съ разныхъ людей полною горстью денежки, и дивиться сей толь прибыльной торговлѣ. Между тѣмъ, какъ я симъ образомъ и стоячи противъ камина грѣлся и на его расторопность смотря и всѣми, стоящими вокругъ меня въ шкапахъ, горшками, стклянками, кружками и вазами любовался, прошло уже нѣсколько минутъ, но провизоръ мой и не помышлялъ отыскивать требуемаго мною горчичнаго масла, а продолжалъ только свое дѣло, и тѣмъ паче, что я его и не понуждалъ къ тому. И тогда вдругъ пырь къ намъ изъ побочныхъ дверей самъ хозяинъ сей аптеки, въ богатомъ шлафрокѣ. Увидѣвъ меня, расхаживающаго по аптекѣ, спросилъ онъ грубо у провизора по-нѣмецки: «Это что за челоуѣкъ, и чего онъ хочетъ?» — «Богъ его знаетъ какой, отвѣчалъ онъ ему также по-нѣмецки, а требуетъ горчичнаго масла». — «Ну! да что-жъ ты ему не отпускаешь?» подхватилъ онъ. — «Да у насъ его нѣтъ», сказалъ провизоръ. — «Экой ты какой! возразилъ аптекаръ: отпусти какого-нибудь и назови горчичнымъ!» — Захохоталъ я сіе услышавъ и обратясь къ аптекарю, и самъ по-нѣмецки сказалъ: «Извините! мнѣ какого-то нибудь не надобно, а нужно горчичное, господинъ аптекаръ!» Сразилъ я его съ ногъ до головы сими словами. Онъ обомлѣлъ, краснѣлъ, блѣднѣлъ и не зналъ, что мнѣ сказать на сіе, а я

между тѣмъ сталъ продолжать: «Я право не думалъ, чтобъ въ такой славной аптекѣ какъ сія, происходили такіе подлые, гнусные и глупые обманы? Когда чего нѣтъ, что за стыдъ въ томъ признаться и о томъ прямо сказать. Почему вы знаете, на что мнѣ горчичное масло надобно и не могли-ль бы вы произвести вредъ, отпустить мнѣ, изъ единой алчности къ прибуткамъ, какого-нибудь вмѣсто его другого. Дурно, судыр, не хорошо, и никто не похвалитъ васъ за это!»

Съ безмолвнымъ терпѣніемъ и онѣмѣвши слушали они оба сіе мое казанье и кончили тѣмъ, что оба стали мнѣ на униженнѣйшимъ образомъ кланяться, называть меня милостивымъ и премилостивымъ государемъ и Богъ знаетъ чѣмъ, и раболѣпнѣйшимъ образомъ просить, чтобъ я извинилъ и простилъ имъ сію проступку и буде можно помолчалъ бы обоной. «Не заслуживаете вы того», сказалъ я захохотавъ, и съ презрѣніемъ пошелъ вонъ въ отворяемая ими съ крайнею вѣжливостію мнѣ дверцы.

«Вотъ какія плутни и бездѣльничества происходятъ у насъ въ аптекахъ, сказалъ я самъ себѣ, сѣвши въ свои сани, въ которыхъ я тогда ѣздилъ, и хорошо, что я разумѣлъ нѣмецкой языкъ и не допустилъ себя обмануть. А съ иными, а особливо при составленіи смѣшанныхъ изъ разныхъ веществъ лекарствъ и Богъ знаетъ, чего они небось не дѣлаютъ, и чѣмъ ихъ вмѣсто настоящихъ лекарствъ и матеріаловъ не напичкиваютъ, и мы хотимъ еще, чтобъ лекарства ихъ были дѣйствительны». Симъ и подобнымъ сему образомъ проговорилъ я самъ съ собою во всю дорогу, ѣдучи тогда къ старику-князю обѣдать, и досада моя на сихъ бездѣльниковъ была такъ велика, что я, сидючи у князя тогда со многими за столомъ, заставилъ и его и всѣхъ смѣяться и хохотать, рассказавъ имъ сей случившійся анекдотъ со мною.

Отобѣдавши у князя, восхотѣлось мнѣ уже нѣсколько и отдохнуть съ безпрестанною ѣздою сопряженныхъ (?), и потому, возвратясь на квартиру, расположился

въ тотъ день никуда болѣе не ѣхать, а остаться на весь вечеръ дома; а надобно было и лошадамъ сколько-нибудь отдохнуть. Итакъ, раздѣвшись и напившись съ трубочкою досыта своего чаю, принялся я опять за разбирание и разсматриваніе новокупленныхъ книгъ. Тутъ попался мнѣ опять на глаза помянутой новокупленной романъ «Генриета». И какъ мнѣ восхотѣлось пристальнѣе его поразмотрѣть и сколько-нибудь почитаться, то ну-ка я его, бывшего тогда еще въ тетрадяхъ, скорѣе складывать, сгибать, сшивать и разрѣзывать, и потомъ, усѣвшись подлѣ тепленькой печки, его читать. А не успѣлъ прочитать десятка два страницъ, какъ онъ особенностію своего заманчиваго и пріятнаго слога такъ мнѣ полюбілся, что мнѣ не хотѣлось книги сей изъ рукъ выпустить, и я такъ имъ наконецъ прельстился, что въ тотъ же день еще воспріять непремѣнное намѣреніе его перевести, и перевести точно въ такомъ духѣ, въ какомъ онъ писанъ, и поговорить съ Новиковымъ не напечатать ли онъ его.

Какъ мнѣ по надобностямъ въ послѣдующій день надлежало побывать опять въ Нѣмецкой слободѣ у молодого князя, то ѣздилъ я къ нему и отъ него опять въ ряды для нѣкоторыхъ покупокъ и занялся ими такъ, что тамъ даже и обѣдалъ опять въ Пѣвческой; а назавтра, не поѣхавъ и въ сей день болѣе никуда, а уклонившись въ свою тепленькую и покойную квартиру, принялся за продолженіе чтенія моего романа; и какъ обоной мнѣ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе нравился, то провелъ сей вечеръ и въ уединеніи своемъ въ прелекомомъ удовольствіи.

Поеліку надобности мои въ рядахъ не всѣ были кончены, то ѣдучи въ послѣдующее за симъ утро въ оныя, заѣзжалъ я мимоѣздомъ опять къ Новикову и при семъ свиданіи имѣлъ съ нимъ разговоръ о моемъ лекарственномъ камнѣ, которой чрезъ упоминаніе мое объ немъ въ «Магазинѣ» надѣлалъ въ Москвѣ много шума и побудилъ Новикова еще въ минув-

шее лѣто просить меня о присылкѣ къ нему порошка изъ него нѣсколько, которой я тогда къ нему и послалъ; и какъ онъ его кое-кому давалъ для испытанія отъ каменной болѣзни, то въ сей день, едва меня увидѣлъ, какъ принося мнѣ за него тысячу благодареній, сталъ мнѣ сказывать, что наканунѣ того дня видѣлъ онъ какого-то себѣ знакомаго человека, излечившагося имъ отъ каменной болѣзни, которою страдалъ онъ болѣе 30-ти лѣтъ, и которому всѣ врачи своими лекарствами не могли подать ни малѣйшей помощи, и что многіе и другіе порошкомъ симъ не нахвалятся. А все сіе и подало намъ поводъ говорить о семъ особливаго вниманія достойномъ камнѣ и побудило г. Новикова просить меня, не можно ли мнѣ натолочь и наготовить сего порошку поболѣе, и завертывая по одному приему въ бумажку, прислать къ нему ихъ. «Я испытаю, говорилъ онъ, не удастся ли мнѣ полезную сію вещь ввести и въ продажу самую, чего она по всей справедливости и стѣдитъ». — Хорошо! сказалъ я, и общалъ и сіе желаніе его, которымъ и самъ я интересовался, по возвращеніи моемъ въ Богородицкъ выполнить. Въ сей день обѣдалъ я опять въ Пѣвческой, чтобъ воспользоваться многжайшимъ временемъ для покупокъ и оттуда проѣхалъ домой, и опять все достальное время сего дня занимался чтеніемъ.

Наутріе началось у меня опять рысканье по всему городу и ѣзда дальная. Поутру былъ я въ Нѣмецкой слободѣ у молодого князя для нѣкоторыхъ ему донесеній. Отъ него проѣхалъ въ Сухово обѣдать къ племянницѣ своей, Надеждѣ Андреевнѣ, или паче къ хозяйну ея, Петру Ѳедоровичу Полибину, у котораго она въ домѣ стояла. Оттуда проѣхалъ на Прѣсню и былъ у госпожи Глѣбовской, сестры госпожи Афросимовой, и будучи сею умною и почтенною дамою угощенъ, зайзжалъ отъ ней къ старику-князю, но не заставъ его дома, проѣхалъ домой и докончилъ чтеніемъ романъ свой.

Въ послѣдующій день восхотѣлось мнѣ

побывать въ межевой и выправиться о томъ, что происходитъ по нашему межеванью въ Тамбовѣ. Тамъ видѣлся я со всѣми моими прежними знакомцами и узналъ отъ нихъ, что межеванье наше все еще продолжается и что происходитъ — они не знаютъ, а говорили мнѣ, чтобъ я приѣхалъ къ нимъ наутріе, такъ они, выправшись, мнѣ скажутъ. Итакъ, поговоривъ съ ними, поѣхалъ я опять къ Новикову, съ которымъ хотѣлось мнѣ поговорить о помянутомъ романѣ. Сему не успѣлъ я сказать, что на тѣхъ дняхъ случилось мнѣ у Ридигера купить между прочими книгами одинъ новенькой романъ, которой мнѣ особымъ и заманчивымъ своимъ слогомъ и пріятностію отмінно правится и даже хочется его перевести, но что я не знаю, согласился-ль бы онъ его напечатать; какъ, противъ всякаго чаянія, г. Новиковъ воскликнулъ: «Ахъ, для чего-жъ не напечатать, а особливо если онъ такъ хорошъ, какъ вы говорите. Сего рода сочиненія и книги еще несравненно скорѣе съ рукъ сходятъ, нежели степенныя. Итакъ, съ Богомъ, батюшка, съ Богомъ, переводите его, и чѣмъ болѣе симъ дѣломъ поспѣшите, тѣмъ лучше; но великъ ли онъ?» — Не очень великъ, и состоитъ хотя въ трехъ частяхъ, но части небольшія и перевести его недолго. — «О, пожалуйста, переводите, чѣмъ вы меня одолжите, и какъ скоро первую часть переведете, то и присылайте ко мнѣ скорѣе. Мы тотчасъ и начнемъ ее печатать». — Очень хорошо! сказалъ я, и былъ такъ симъ разохоченъ, что того-жъ часу поѣхалъ отъ него на квартиру и приступилъ къ началу сего перевода. И переводъ сей по особому слогу каковъ ни былъ затруднителенъ, но я скоро съ нимъ сладилъ, и дѣло мое и пошло съ такимъ успѣхомъ, что и до наступленія вечера, въ которой собирался я ѣхать опять сидѣть и ужинать къ старому князю, успѣлъ перевести нѣсколько страницъ изъ онаго, и достопамятно, что случилось сіе 18-го генваря.

Какъ мнѣ наутріе надлежало побывать опять въ межевой канцеляріи, гдѣ и въ сей

разъ почти ничего не узнавъ, то проѣхалъ я опять къ Новикову, чтобъ показать ему и романъ свой и начало перевода, дабы можно было съ нимъ о цѣнѣ за труды условиться. Онъ удивился, увидѣвъ мой переводъ, и воскликнулъ: «Какъ, вы уже и начало перевода сдѣлали? и успѣли ужъ столько перевести?» и потомъ, прочитавъ со вниманіемъ и удовольствіемъ, сказалъ: «Прекрасно, и нельзя быть лучше, и когда вы такъ скоро и хорошо переводите, то вамъ недолго и весь его перемахать?»—Конечно, сказалъ я, ежели-бъ только не помѣшали особые недосуги, то думаю, что немногихъ недѣль къ тому довольно будетъ. «Очень же хорошо, батюшка! постарайтесь же какъ можно». Послѣ сего въ тотъ же часъ и условились мы съ нимъ и о суммѣ, которую мнѣ за мой трудъ получить. И какъ она была съ великою книги соразмѣрна, то и былъ я ею доволенъ. Послѣ чего сказалъ мнѣ г. Новиковъ, что онъ наканунѣ того дня видѣлся съ ихъ университетскимъ кураторомъ и начальникомъ, Михайломъ Матвѣевичемъ Херасковымъ, славнымъ нашимъ стихотворцемъ, и что сей узнавъ обо мнѣ, что я въ Москвѣ, чрезвычайно восхотѣлъ меня узнать лично, и желая со мною познакомиться, просилъ его попросить меня, чтобъ я къ нему приѣхалъ. Таковое приглашеніе и исканіе моего знакомства отъ такого именитаго человѣка было мнѣ не противно. И какъ г. Новиковъ, пересказавъ мнѣ о томъ, сталъ совѣтывать и даже просить и всячески убѣждать меня знакомства съ такимъ мужемъ не пренебрегать и къ нему, буде бы можно, въ тотъ же еще день передъ вечеромъ съѣздить, то я и не воспротивился тому и обѣщалъ сіе исполнить.

Поелику мнѣ въ этотъ день надобно было опять побывать въ нѣмецкой слободѣ у своего командира, то, переговоривъ съ Новиковымъ, и пустился туда. Но ѣзда моя въ сей разъ въ такую даль была попустому. Я не засталъ князя дома, и подсадовавъ, опять проѣхалъ обѣдать къ другу моему г. Владыкину,

которой и тогда былъ мнѣ очень радъ и пенялъ мнѣ, что я къ нему такъ рѣдко ѣзжу; но я извинился недосугами и многими хлопотами. Отобѣдавши-же у него, пустился къ господину Хераскову.

Сего генерала засталъ я одного, едва проснувагося отъ отдохновенія послѣ обѣда, и онъ принялъ меня не только безъ наималѣйшей гордости и снѣси, но такъ снисходительно, съ такою ласкою и съ такимъ благопріятствомъ, что я даже удивился и былъ тѣмъ очень доволенъ. И какъ по счастію случились мы одни, то посадивъ меня подлѣ себя и началъ со мною напласковѣйшимъ образомъ говорить. Онъ сказывалъ мнѣ, что я ему уже очень давно знакомъ по моимъ сочиненіямъ и что онъ желалъ узнать меня лично и познакомиться, и теперь очень тѣмъ доволенъ. Потомъ хвалилъ всѣ мои сочиненія, такъ что мнѣ было даже стыдно. Предлагалъ мнѣ свое дружество и просилъ даже вступить съ нимъ въ ученую переписку. Словомъ, онъ такъ меня заговаривалъ, что я весь вечеръ сей, занимаясь съ нимъ разговорами о разныхъ матеріяхъ, препроводилъ съ отгѣннымъ удовольствіемъ, и какъ онъ неотгѣнно хотѣлъ, чтобъ я у него и отужиналъ, то нимало и не воспротивился тому.

Симъ образомъ, нидумано-нигадано, снискалъ я новое и лестное для меня знакомство. Совсѣмъ тѣмъ, какъ мнѣ слыхнулось, что принадлежалъ и сей вельможа къ масонскому ордену и по сей части былъ въ связи съ Новиковымъ, то хотя и обѣщалъ по требованію и желанію его продолжать съ нимъ знакомство, но положилъ и въ разсужденіи его принимать возможнѣйшую осторожность и приѣзжать къ нему не слишкомъ часто.

Итакъ, въ слѣдующее за симъ утро надлежало мнѣ опять ѣхать въ Нѣмецкую слободу къ князю. Тутъ, переговоривъ съ нимъ о нашихъ дѣлахъ, получилъ я приказаніе приѣхать къ нему и наутріе. Таковая частая и въ такую даль ѣзда мнѣ уже и понаскучила; но какъ дѣлать было нечего, и я долженъ былъ исполнять его повелѣнія, то отобѣдавъ

въ сей день у старика Афросимова и вечеръ препроводивъ дома въ чтеніи и переводѣ, въ слѣдующее утро и поѣхалъ опять къ молодому князю, которой въ сей день насилу-насилу такъ ко мнѣ удобрился, что унялъ меня у себя въ первой еще разъ обѣдать, а потомъ такъ разлился, что спросивъ, не хочу-ли я быть въ концертѣ, даваемомъ въ тотъ день славными виртуозами, подарилъ меня билетомъ на оной; почему и былъ я въ сей день въ концертѣ, которымъ хотя и веселился не менѣе прочихъ, но подивился и не зналъ, за что платять ѣдущіе столь многія за него деньги.

Получивъ и о семъ родѣ увеселенія понятіе, посвятилъ я весь слѣдующій день опять на покупку въ нашъ богородицкой дворецъ, на Каменномъ мосту, мебели и на исправленіе протчихъ казенныхъ покупокъ въ городѣ, и занялся ими такъ, что даже не обѣдалъ въ городѣ, и бѣгая по рядамъ такъ иззябъ, что пустился оттуда прямо домой и не хотѣлъ-было въ тотъ день никуда уже ѣхать; но какъ приближалось уже время моего съ Москвы отъѣзда и я съ часу-на-часъ поджидалъ лошадей, долженствующихъ приѣхать ко мнѣ изъ Богородицка для своза мебели и покупокъ, то хотѣлось мнѣ побывать въ послѣдній разъ у старика-князя и съ нимъ распрощаться. Итакъ, я къ нему вечеромъ ѣздилъ, у него ужиналъ и съ нимъ раскланялся.

Совѣтъ тѣмъ, я такъ въ сей день въ городѣ и рыская по рядамъ назаябся, что чуть-было не занемогъ отъ простуды, и почувствовавъ признаки оной ну-ка себя скорѣй лечить своимъ неоцѣненнымъ простуднымъ, бывшимъ со мною декоктомъ, и все слѣдующее утро провелъ дома, и декоктъ мой такъ мнѣ помогъ, что я могъ и въ сей день побывать у племянницы своей и завернуть на мнѣутку и къ Новикову, которой и уговорилъ меня дать ему слово въ слѣдующій за симъ воскресной день ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ г. Хераскову обѣдать.

Итакъ, наутріе былъ я опять у сего вельможи, и будучи по прежнему очень

имъ обласканъ, обѣдалъ у него со множествомъ другихъ особъ обоого пола, а послѣ обѣда, раскланявшись съ нимъ, поѣхалъ по данному обѣщанію къ моему Надеждѣ Андреевнѣ и съ нею ѣздилъ я опять въ театръ и провелъ сей вечеръ съ удовольствіемъ.

Наконецъ приѣхали ко мнѣ въ сей вечеръ изъ Богородицка и подводы и лошади, и какъ мнѣ не хотѣлось ихъ держать, то положилъ я весь слѣдующій день употребить на окончаніе всѣхъ моихъ дѣлъ и на послѣдніе разѣзды. Итакъ, оставившись съ самаго утра, поѣхалъ я сперва откланяться къ князю, своему командиру, отпустившему какъ казалось съ довольною ко мнѣ благосклонностію. Отъ него заѣхалъ къ Новикову, и отобѣдалъ въ послѣдній разъ у него; распрощался и съ нимъ; а отъ него полетѣлъ въ каретной рядъ и купилъ себѣ давно уже присканную и сторгованную карету, и поѣхавъ оттуда къ Надеждѣ Андреевнѣ, распрощался и съ сею милою и любезною своею родственницею, и тѣмъ все мое тогдашнее пребываніе въ Москвѣ кончилъ; ибо въ слѣдующее заснѣ 26-е число генваря ранымъ-ранехонько изъ сей столицы въ обратный путь и выѣхалъ.

Вотъ вамъ, любезный пріятель, о тогдашнемъ моемъ двадцатитрехдневномъ въ старушкѣ-Москвѣ жительствѣ цѣлая исторія или паче журналъ, извлеченной изъ тогдашнихъ записокъ. А теперь дозвольтъ мнѣ писемо сіе симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 16-го дня 1809 года).

Письмо 205-е.

Любезный пріятель! Отправившись помянутымъ образомъ поутру 26-го генваря изъ Москвы, въ Богородицкъ возвратился я не прежде, какъ уже 29-го числа передъ вечеромъ, и продолжилось путешествіе сіе потому, что я опять заѣзжалъ на часокъ въ свое Дворяниново; а оттуда, сочтя своего прикащика, завернулъ на часъ въ Калединку, а изъ сей ранехонько полетѣлъ въ Тулу, гдѣ ото-

бѣдавъ у хозяина своего, Пастухова, ѣздилъ повидаться съ живущимъ тогда уже въ Тулѣ другомъ моимъ, Алексѣемъ Андреяновичемъ Албычевымъ, обрадовавшимся мнѣ какъ родному; а отъ него проѣхалъ и весь вечеръ просидѣлъ у пріятеля моего, тульского архитектора Козьмы Семеновича Сокольниковъ, котораго любопытнаго, искуснаго и ко мнѣ крайне благопріятствующаго человѣка я очень любилъ, и болѣе за тихой его и доброй характеръ, и пользуясь его ко мнѣ дружбою и ласкою, возложилъ на него комиссію принесть купца для продажи Новиковскихъ книгъ и основанія въ Тулѣ книжной продажи; что онъ съ охотою и взялъ на себя и обѣщалъ поговорить о томъ съ знакомымъ себѣ купцомъ Невревымъ, и о томъ меня увѣдомить.

Въ Богородицкѣ нашелъ я всѣхъ своихъ родныхъ и домашнихъ здоровыми и обрадовавшихся весьма моему приѣзду; и успѣлъ еще въ тотъ же вечеръ повидаться и угостить у себя приѣзжавшаго къ намъ нашего городничаго съ г. Толбузинымъ, Иваномъ Васильевичемъ, случившимся въ тотъ день въ городѣ, и они замучили меня спросами и разспросами о Москвѣ, и я принужденъ былъ имъ обо всемъ и обо всемъ рассказывать.

А наутрѣ едва успѣлъ я разобраться и заставить толочь свой врачебной камень, какъ прикатилъ ко мнѣ и новой нашъ уѣздной судья Андрей Сергѣевичъ Арсеньевъ, и пошли у насъ съ нимъ поздравленія, съ его стороны съ благополучнымъ возвращеніемъ, а съ моей—съ новымъ его достоинствомъ; а въ то же время возвратилась къ намъ и бывшая около сего времени въ отлучкѣ матушка моя теща, и съ сего времени начались у насъ опять по прежнему сѣзды и вечеринки и на оныхъ разныя игры и забавы.

Сими сколько я ни былъ занятъ и сколько ни отнимали у меня времени приѣзжавшіе къ намъ всякой день разныя гости, но какъ вскорости надлежало мнѣ отправлять въ Москву нарочныхъ, то спѣ-

шилъ я исправленіемъ первыхъ возложенныхъ на меня г. Новиковымъ комиссій, а особливо переводомъ своей «Генріеты». И въ свободные утренніе уединенные часы надъ переводомъ сего прекраснаго романа съ такимъ усердіемъ трудился, что ко 2-му числу февраля успѣлъ уже всю первую часть сей книги кончить и ее уже 3-го числа къ г. Новикову для печатанія и отправить. Вмѣстѣ съ нею послалъ я къ нему цѣлую кипу заготовленнаго для журнала нашего матеріала, цѣлой ящикъ съ порошкомъ моего врачебнаго камня, котораго укладываніе стоило мнѣ многого труда, и я цѣлый день занимался въ отвѣщиваніи пріемовъ, завертываніи каждаго въ особую бумажку и въ связываніи сихъ по десятку вмѣстѣ для удобнѣйшаго продаванія. Но всѣ сіи труды были напрасны. Какіе по сему отношенію ни строилъ я въ мысляхъ прелестные воздушные замки, но они разрушились всѣ и исчезли какъ дымъ; ибо господину Новикову какъ-то не удалось достигнуть до желаемаго имъ возстановленія онымъ торговли, и они остались у него безъ доставленія ни ему, ни мнѣ никакой пользы, а развѣ воспользовались ими тѣ только больные, которыми раздавалъ онъ ихъ даромъ.

Не успѣлъ я сію комиссію свалить съ плечъ своихъ долой и заняться потомъ переводомъ второй части своего романа, какъ вскорѣ за симъ наступило то критическое время, которое называлъ я всегда душевною для себя каторгою, а именно, приближеніе разрѣшенія бремени жены моей. Не могу изобразить, какъ дни, часы и минуты сіи бывали для меня всегда мучительны. Но въ сей разъ были они для меня несравненно тяжелѣе прежнихъ. Родамъ случилось быть труднымъ и жена моя не только мучилась ими долго, но подвержена была и опасности крайней. А къ вѣщему смущенію, мѣшали намъ все приѣзжающіе издалека къ намъ, какъ нарочно, на ту пору гости и были, по пословицѣ говоря, пуще татаръ намъ. Но какъ бы то ни было, но мы, препроводивъ болѣе сутокъ въ несносномъ почти

смущеніи и душевной тревогѣ, обрадованы были наконецъ ввечеру 8-го числа февраля разрѣшеніемъ бремени ея дочерью, которая хотя была у меня тогда уже пятая, но я нимало о томъ, по обыкновенію своему, не горевалъ, но столько-жъ обрадованъ былъ ею какъ бы рожденіемъ и сына. Малютку сію называли мы Варварою и на четвертой день послѣ того окрестили.

Какъ родить женѣ моей случилось уже въ понедѣльникъ на масляницѣ, то по случаю и родинѣ сихъ и самой масляницы провели мы всю сію недѣлю съ людьми и въ безпрестанныхъ угощеніяхъ пріѣзжающихъ къ намъ гостей, а потомъ въ разѣздахъ по всему городу для обыкновеннаго прощанья, и время сіе провели весело.

Съ наступленіемъ великаго постаначали мы по обыкновенію говѣть и молиться, а я въ праздные часы продолжать переводить свою книгу, и трудился надъ тѣмъ съ такою прилежностію, что къ 23-му числу сего мѣсяца успѣлъ ее и всю кончить и 25-го числа отправить къ Новикову и послѣднюю уже часть оной; и примѣчанія достойно, что я надъ переводомъ сей книги, несмотря на всю ея величину и на всѣ бывшіе отрывки и помѣшательства, трудился не болѣе 30-ти дней, слѣдовательно меньше мѣсяца.

Впрочемъ, въ теченіе сего великаго поста не произошло у насъ ничего важнаго. Мы провели оной въ мирѣ и тишинѣ и въ продолжаемыхъ кое-когда, а особливо по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ сѣздахъ, свиданіяхъ и другъ друга угощеніяхъ. Въ началѣ только марта повстревожились мы-было тѣмъ, что сынъ мой Павелъ занемогъ, но по счастью болѣзнь его продлилась не долго, и онъ при помощи друга моего, нашего лекаря, скоро отъ ней освободился и обрадовалъ насъ опять своимъ выздоровленіемъ.

Что касается до моихъ, въ теченіе сего времени, литературныхъ упражненій, то оныя состояли на большую часть въ заготовленіи матеріала для моего журнала, котораго до наступленія весны хотѣлось

мнѣ позаготовить колико можно болѣе, дабы тѣмъ меньше могъ бы я симъ необходимымъ дѣломъ быть связанъ при наступленіи приближающейся весны. Кроме того, трудился я надъ сформированіемъ того моего сочиненія, которое въ слѣдствіи времени напечатано подъ заглавіемъ «Чувствованія христіанина при началѣ и концѣ каждаго дня въ недѣли», и о коемъ говорилъ я въ бытность мою въ Москвѣ съ г. Новиковымъ. Первые разсужденія, въ ней находящіеся, сочинены были у меня уже давно и еще во время жительства моего въ деревнѣ, а въ сіе время умножилъ я оныя до 14-ти, дабы ихъ стало на всѣ дни въ недѣлѣ, и успѣлъ даже переписать ихъ набѣло. А какъ и за всѣмъ тѣмъ оставалось еще нѣсколько свободнаго времени, то переписавъ одну, еще въ бытность мою въ Кѣнигсбергѣ переведенную нѣмецкую проповѣдь изъ сочиненій славнаго нѣмецкаго проповѣдника Іерузалема, «О безуміи идущихъ противъ Бога и невѣрующихъ его Провидѣнію», отправилъ ее къ г. Новикову для напечатанія, гдѣ онъ помѣститъ ее заблагоразсудить; при которомъ случаѣ увѣдомлялъ его, что охотникъ для продажи книгъ его въ Тулѣ пріисканъ, и чтобъ онъ присылалъ ихъ ко мнѣ.

Далѣе памятно мнѣ, что въ Лазареву субботу случилось мнѣ опять и въ третій разъ въ жизни моей видѣть въ самой близи тотъ воздушной огненной метеоръ, которой простой народъ обыкновенно называетъ «огненными змѣями». И другой, будучи бы на моемъ мѣстѣ, былъ имъ чрезвычайно перепуганъ и почелъ бы его невѣдомо чѣмъ; но я, зная, что это ничего не значитъ, вмѣсто страха зрѣлищемъ симъ весьма любовался, и оно было того и достойно. Перелеталъ изъ одного мѣста въ другое города, только не болѣе какъ сажень на пять отъ земли, большой огненной, красноватой шаръ, на подобіе нѣкакой горящей бомбы, и можно было ясно рассмотреть, что воспалились и сторали тогда лежація протяженною полосою по воздуху стораемаго вещества такъ, какъ стораеть воспаленной и на-

сыпанной гдѣ-нибудь полоскою порохъ; и какъ скоро всѣ онѣ сгорѣли, такъ и уничтожилось все зрѣлище, которое мы вдали такъ часто видимъ въ образѣ падающихъ звѣздъ.

День Пасхи былъ у насъ въ сей годъ 7-го апрѣля, во время самой большой ростопели и половоди. И какъ всѣ наши судьи на сіи праздничные дни разѣхались по своимъ деревнямъ, то и Святая недѣля была для насъ скучновата, и мы принуждены были время свое дѣлить съ однимъ только нашимъ городничимъ. Но что касается до меня, то я и сіе время, занимаясь литературными своими упражненіями, проводилъ безъ дальней скуки. Я привезъ съ собою изъ Москвы множество вновь накупленныхъ книгъ, которыми, вмѣстѣ съ прежними, установилъ почти всѣ стѣнныя комнаты, служащей преддверіемъ моего кабинета, и было столь много къ чтанію, что нужно было только успѣвать читать оныя.

Съ открытіемъ весны начались натурально опять и мои надворныя занятія, и я большую часть времени принужденъ былъ посвящать разнымъ работамъ и дѣламъ въ садахъ и разѣздахъ кое-куда по волостнымъ надобностямъ, а по возстановившемуся лѣтнему пути, и по отсутственнымъ друзьямъ моимъ. Къ г. Новикову отправилъ я 22-го апрѣля цѣлую кипу своихъ экономическихъ сочиненій, въ томъ числѣ и самыя тѣ чертежи, которые помѣщены въ концѣ 7-й части моего «Экономическаго Магазина». А 2-го мая послалъ къ нему и помянутыя набожныя свои размышленія или чувствованія христіанина для печатанія, которыя ему такъ полюбились, что онъ ихъ тогда же набирать заставилъ.

8-го числа мая ѣздили мы опять въ Епифань на ярманку и объѣздили всѣхъ тамошнихъ своихъ знакомцевъ и пріятелей. А въ половинѣ сего мѣсяца огорчены мы были опять болѣзнию, постигшею моего сына, которая была хотя не тяжкая и не опасная, но продлилась почти до самого конца сего мѣсяца. Я около сего времени занимался паки новою за-

тѣею и сочинялъ книгу, содержащую въ себѣ разговоры со многими дѣтьми о разныхъ матеріяхъ, и которую называлъ-было я «Сельскою Академіею», но изъ которой ничего не вышло, хотя и написано уже было разговоровъ шесть и нарочито много, и она осталась и понынѣ неоконченною.

Въ сихъ разнообразныхъ занятіяхъ и не видалъ почти я, какъ протекъ весь апрѣль и май мѣсяцъ, въ которые, по возвращеніи судей нашихъ въ городъ къ своимъ должностямъ, хотя по прежнему продолжались у насъ стѣзды и свиданія между собою и жизнь вели мы хотя довольно пріятную, но она какъ-то далеко не такъ весела была, какъ въ первое трехлѣтіе, а особливо въ протекшія предъ симъ годъ. Впрочемъ, достопамятно, что въ концѣ мая мѣсяца сего года начались издалека уже первыя сватовства за мою старшую дочь; но мы, по молодости ея, никакъ не намѣрены были такъ скоро отдавать ее въ замужество.

Мѣсяць іюнь прошелъ также непримѣтно, и памятенъ мнѣ только тѣмъ, что въ первой день онаго прислалъ ко мнѣ Новиковъ первую партію книгъ, цѣною на 1,000 рублей, для продажи, и я старался сколько могъ услужить ему въ этомъ пунктѣ и оставилъ у себя по нѣскольку экземпляровъ, прочія отправилъ въ Тулу. Но оныхъ хотя и распродано, какъ въ Тулѣ, такъ и мною въ Богородицкѣ, но по недостатку любопытныхъ не было дальняго въ семъ дѣлѣ успѣха, а воспользовались только мы даровымъ чтаніемъ всѣхъ оныхъ.

Въ половинѣ сего мѣсяца перетревожены мы были въ одинъ вечеръ случившимся опять у насъ немалымъ пожаромъ, которому причиною были собственно собаки нашего уѣзднаго судьи, г. Арсеньева, страстнаго любителя псовой охоты. Люди его варили на квартирѣ въ слободѣ фду для оныхъ и какимъ-то образомъ по неосторожности заронили и чрезъ то спалили цѣлую поповскую слободу. Мы всѣ на смерть были симъ пожаромъ перестращены и болѣе потому,

что оной былъ въ близости и отъ моего дома и отъ дворца самага. Но по счастью случилось быть тихой погодѣ и мы успѣли не допустить распространиться слишкомъ сему бѣдствію.

Петровъ день праздновали мы въ Бобрікахъ на именинахъ у подкомандующаго моего, г. Верещагина, у котораго было въ сіе время превеликое собраніе и мы тамъ болѣе двухъ дней проводили и довольно весело. Но ярманка у насъ въ Богородицкѣ была въ сей годъ, по причинѣ случившейся дождливой погоды, очень малолюдна и худа, такъ что она отяготила только насъ съ городничимъ хлопотами, а удовольствія доставила намъ очень мало.

Впрочемъ, достопамятно, что около самага сего времени возобновилась у насъ опять охота къ театру, отдыхавшему болѣе полугода. Перемѣна судей и стеченіе разныхъ другихъ обстоятельствъ причиною тому было, что мы во всю весну за него какъ-то не принимались. Но присылка ко мнѣ отъ Новикова помянутыхъ продажныхъ книгъ, между которыми много было и драматическихъ, и найденіе въ числѣ сихъ послѣднихъ нѣсколько маленькихъ и удобныхъ для представленія на театрѣ нашемъ комедій, воспалили вдругъ въ дѣтяхъ нашихъ превеликое желаніе заниматься опять театромъ; и какъ не противно сіе было и мнѣ; и всѣмъ прочимъ нашимъ товарищамъ, то ну-ка мы отбирать всѣ тѣ пьесы, которыя къ представленію болѣе прочихъ были удобны; ну-ка росписывать роли, назначать кому изъ нихъ въ какой дѣйствовать, и раздавать роли для тверженія. И дѣти, привыкшіе уже въ прошломъ году къ тому, принялись за сіе съ такимъ рвеніемъ, что къ случившемуся 11-го іюля воскресному дню и поспѣла у насъ одна подъ названіемъ «Отгадай, не скажу» къ представленію, и они ее намъ въ сей день съ вождѣннымъ успѣхомъ и представили и насъ ею такъ насмѣшили и утѣшили, что уѣздной нашъ судья, въ благодарность за то въ тотъ же вечеръ далъ намъ и дѣтямъ у себя балъ, сопряженной съ

танцами, а 16-го числа представляли они ее для приѣзжавшихъ къ намъ Верещагиныхъ и госпожи Позняковой и въ другой разъ.

Комедія сія не только дѣтей, но и самого меня такъ опять разохотила къ театральнымъ дѣламъ, что между тѣмъ какъ дѣти твердили другую комедію подъ названіемъ «Приданое обманомъ», вздумалъ я испытать сочинить и самъ еще одну, подобную прежней, драму и также сообразную съ возрастомъ дѣтей нашихъ и самою нашею лѣсною декораціею; и трудился надъ тѣмъ съ такимъ усердіемъ, что она у меня къ концу сего мѣсяца и поспѣла и вышла несравненно еще лучше и трогательнѣе, нежели прежняя. Я изобразилъ въ ней въ главномъ лицѣ характеръ наиблагодѣтельныйшаго человѣка, котораго намѣренъ былъ самъ представлять, и называлъ-было сперва пьесу сію «Проѣзжимъ», а потомъ, перемѣнивъ, придалъ ей названіе «Награжденная добродѣтель», и которую безъ слезъ, производимыхъ удовольствіемъ, читать было не можно.

Между тѣмъ, какъ я сочиненіемъ симъ занимался, поспѣла у дѣтей и помянутая другая комедія, которая, по нетерпѣливости ихъ, была ими 26-го числа сего мѣсяца вмѣстѣ съ прежнимъ «Подражателемъ» и представлена, хотя тогда и не случилось у насъ никого изъ постороннихъ. Итакъ, у насъ вся послѣдняя половина сего мѣсяца была театральною.

Но не однимъ симъ сей періодъ времени былъ достопамятенъ, но и тѣмъ, что 21-го числа былъ у насъ въ городѣ опять губернаторъ, а 28-го числа и самъ намѣстникъ. Сей заѣзжалъ къ намъ мимоѣздомъ, желая посмотреть вновь расположенной, строящейся и довольно уже застроенной тогда городъ. Я предлагалъ-было ему для квартированія нашъ дворецъ; однако онъ что-то не захотѣлъ у насъ стать, а присталъ въ городѣ въ одномъ купеческомъ домѣ, гдѣ мы его и встрѣтили. Со мною обошелся онъ и при семъ случаѣ благопріятно, и какъ я его звалъ хотя на минуту въ нашъ дво-

рець, чтобъ ему удобнѣе можно было видѣть все расположеніе города, то удовольствовалъ онъ мою просьбу, и будучи очень доволенъ моею выдумкою, чтобъ средоточіемъ всѣмъ главнымъ городскимъ улицамъ назначить сіе мѣсто, расхвалилъ меня за оную; а потомъ на минуту заѣзжалъ и ко мнѣ, и выпросилъ еще одну какую-нибудь русскую книгу для чтанія дорогою, каковою я его и снабдилъ, хотя послѣ и сожалѣлъ очень о томъ, поелику она мнѣ и не была уже послѣ возвращена.

Далѣе памятно мнѣ, что около сего же времени имѣлъ я множество трудовъ и хлопотъ съ нашимъ большимъ прудомъ противъ дворца по случаю портившагося его спуска. Надобно было оной поправлять, укрѣплять и прудъ снабжать для вспомошествованія спуску побочнымъ отводомъ, чѣмъ принужденъ я былъ многіе дни заниматься.

Еще достопамятно, что я около сего времени имѣлъ многую переписку по случаю издаванія моего журнала съ однимъ бѣлевскимъ корреспондентомъ, престарѣлымъ княземъ Щербатовымъ, Иваномъ Петровичемъ. Будучи любопытнымъ и затѣйливымъ человѣкомъ и опытнымъ экономомъ, полюбилъ онъ меня какъ-то отменно за мои сочиненія и присылалъ ко мнѣ всѣхъ прочихъ болѣе и даже цѣлыя тетради, наполненныя своими записками и примѣчаніями, чѣмъ я былъ съ одной стороны весьма доволенъ, столько съ другой охалъ даже отъ того, что надлежало мнѣ всѣ его писанія переводить съ русскаго на русскій, ибо писаны были они такимъ нескладнымъ слогомъ, что мнѣ стоило болѣе труда ихъ преобразовать, нежели переводить съ какого-нибудь иностраннаго языка.

Къ началу августа поспѣла у дѣтей еще одна маленькая комедія, называемая «Батвинья», которую они вмѣстѣ съ «Подражателемъ» 2-го числа и представляли и болѣе для удовольствія тетки Матрены Васильевны, заѣзжавшей къ намъ около сего времени. Послѣ чего ѣздили мы опять въ крапивинскую сто-

рону и были у Стрекалова и у всѣхъ тамошнихъ нашихъ друзей. А возвратясь оттуда, ѣздилъ я опять подѣ Данковъ въ гости къ нашему губернатору. Будучи у насъ, взялъ онъ съ меня клятву, чтобъ приѣхать къ нему къ 9-му числу августа, въ которой день былъ онъ именинникомъ; и я, не могши отъ того отговориться, принужденъ былъ опять къ нему 7-го числа отправиться, и былъ имъ всячески угощенъ и опять вирахъ ходьбою по садамъ, по мельницамъ и по всѣмъ мѣстамъ замученъ, и не прежде какъ 10-го числа возвратился въ Богородицкѣ.

Тутъ нашель я полученныя безъ себя изъ Москвы письма съ пріятнымъ для меня увѣдомленіемъ, что книга моя «Чувствованія христіанина» печатается, а проповѣдь уже и напечатана. Сіе побудило меня затѣять-было еще сформировать одну книгу изъ разныхъ писемъ и мелкихъ правоучительныхъ сочиненій. Но едва только началъ сею новою работою заниматься, какъ вдругъ встревоженъ былъ полученнымъ извѣстіемъ, что князь, мой командиръ, приѣхалъ уже въ свое Сергіевское вмѣстѣ съ своею молодою женою, на которой онъ не задолго до того женился.

Сіе побудило меня тотчасъ послать за Верещагиннымъ, дабы вмѣстѣ съ нимъ къ князю туда съѣздить, ибо хотя намъ и не было сіе предписано, но мы разсудили за благо оказать ему сію вѣжливость и по долгу своему отрапортовать ему о благосостояніи нашихъ волостей.

Мы отправились туда на Фроловъ день, и ѣзда сія сдѣлалась въ особенности достопамятна мнѣ тѣмъ, что князь принялъ меня тамъ опять не только весьма сухо, но и съ несносною спѣсью и неуваженіемъ. Мы нашли тамъ господина Стрекалова и Темешова, вертящагося предъ нимъ какъ бѣса, и дающаго путить князю надъ собою, какъ надъ дурачкомъ нѣкакимъ, и многихъ другихъ вѣтрогоновъ, льстецовъ и прихлебателей, старающихся подбитися къ нему въ любовь и милость по таковой же склонности ко псовой охотѣ, какою зараженъ былъ онъ

самъ даже до безумія, и мы нашли тутъ цѣлую толпу оныхъ. Ибо не успѣли они узнать, что сей бояричъ собирался тогда къ намъ въ волости ѣхать тѣшиться псовою охотою, какъ со всѣхъ сторонъ и повалили къ нему толпами и слетались какъ комари и мухи. И какъ онъ всѣхъ ихъ ласкалъ и всякой негодяй мнилъ имѣть право, по правиламъ охотничьимъ, обходиться съ нимъ просто, вольно и за панибрата, то и составила изъ того изрядная компанія, занимающаяся съ нимъ въ самое то время, какъ мы вошли, велемудрыми своими о собакахъ разговорами.

Одинъ только я замѣшался тогда между ими не только не охотникъ, но и ненавидящій проклятую страсть сію всею душою и сердцемъ и презирающій оную. Въ разсужденіи князя я хотя и напередъ уже ожидалъ, что приметь онъ меня при сей многочисленной толпѣ не очень пріятно, ибо зналъ его характеръ, что онъ при людяхъ наиболѣе и старался всѣмъ оказывать свою власть и могущество, и свое высокомѣріе; однако никакъ не ожидалъ того, что воспослѣдовало дѣйствительно. Онъ не только принялъ меня очень холодно и безъ малѣйшаго уваженія и не хотѣлъ даже внимать донесеніямъ моимъ, и вмѣсто всѣхъ распрашиваній о волостяхъ, ни съ другого слова спрашивалъ меня, есть ли зайцы и много ли ихъ? Я удивился таковой встрѣчѣ и толь чудному, вмѣсто дѣла, вопрошанію, и отвѣчалъ ему, что зайцы есть—въ томъ не сомнѣваюсь; а много ли ихъ, о томъ, будучи не охотникомъ, сказать въ точности не могу.—«Да у тебя, говорятъ, они всѣ вытравлены!» подхватилъ онъ.— Не думаю, сказалъ я, этому быть не можно. Никто по волостямъ не ѣздилъ и никого не впускали.—«Да то-то, правда ли это? ты, небось, пишешь все стинки, а того не вѣдаешь, что ѣздить. А я именно приказывалъ тебѣ, чтобъ никого не впускали».—Никто и не ѣздилъ; а по крайней мѣрѣ отъ меня накрѣпко приказано было никого не впускать.—«То-то, судырь, приказано! Да приказанія ис-

полняются ли? Изволь-ка ѣхать назадъ и разошли унтеръ-офицеровъ, капраловъ и солдатъ по всѣмъ деревнямъ, чтобъ берегли къ пріѣзду моему зайцевъ и никому не давали ихъ травить!»—Хорошо! сказалъ я, и закусивъ себѣ губы отъ досады и негодованія на таковой пріемъ, пошелъ вонъ, внутренно смѣючись всему происходившему и такому ревностному и премудрому повелѣнію.

Не успѣлъ я вытти въ намѣреніи велѣть подавать опять лошадей, чтобъ ѣхать куда-нибудь къ мужику ночевать, какъ, видно усовѣтясь, что онъ поступилъ со мною такъ грубо или, можетъ быть, по совѣту господина Стрекалова, выслалъ князь тотчасъ челоуѣка и велѣлъ меня опять позвать къ себѣ. «Да куда же ты? сказалъ онъ мнѣ при входѣ и снисходительнѣе уже противъ прежняго. Неужели теперь хочешь ѣхать? видишь уже вечеръ! Почуй, судырь, здѣсь и погости у насъ! Еще успѣешь приказать. Я не прежде къ вамъ буду, какъ развѣ чрезъ мѣсяцъ».—Хорошо! сказалъ я, и остался, и не только тутъ ночевалъ, но и весь послѣдующій день по приказанію его пробылъ. И въ сіе время обходился онъ со мною гораздо уже благосклоннѣе, а особливо потому, что господинъ Стрекаловъ меня очень уважалъ и обходился со мною, какъ доброй пріятель; спрашивалъ меня кое-о-чемъ о волостяхъ, рекомендовалъ своей молодой княгинѣ и наконецъ отпустилъ, подтвердивъ опять приказаніе свое о зайцахъ, и сказавъ, чтобъ я опять передъ тѣмъ временемъ, какъ ему къ намъ ѣхать, побывалъ у него.

Будучи съ господиномъ Верещагинымъ назадъ, не могли мы довольно всему происходившему и поступкамъ князя удивиться, и говорили, уже нѣтъ ли отъ кого какихъ на насъ намутокъ и клеветъ? и г. Верещагинъ, будучи въ такихъ случаяхъ прозорливѣе меня, подозрѣвалъ болѣе всѣхъ въ томъ Темешова; но мнѣ не хотѣлось тому никакъ вѣрить, ибо я считалъ сего, издавна мнѣ знакомаго челоуѣка, по его всегдашнему и ласковому

обращенію со мною, хорошимъ себѣ пріятелемъ. Впрочемъ, всего досаднѣе мнѣ было то, что князь опять попрекалъ меня писаніемъ стишковъ. «Что это за стишки ему попались? думалъ я, и не происходитъ ли и сія нелѣпица отчего-нибудь намъ неизвѣстнаго?»

Но какъ бы то ни было, но я, возвратясь въ Богородицкѣ, принужденъ былъ разослать дѣйствительно всѣхъ своихъ солдатъ и капраловъ во всѣ мѣста по деревнямъ съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ о береженіи зайцевъ и невпусканіи никого въ волостныхъ дачахъ ѣздить съ собаками. И всѣ удивлялись и не понимали, почему была такая строгость, ибо всѣмъ извѣстно было, что и безъ того никто дѣйствительно не ѣздилъ, и крестьяне, которымъ давно было приказано, никого не впускали.

Учинивъ сіи распоряженія, радовался я по крайней мѣрѣ, что мы будемъ имѣть цѣлой мѣсяцъ еще спокойствіе прежнее, и принялся было съ спокойнымъ духомъ за прежнія свои упражненія. Но не успѣло трехъ дней пройти, какъ получилъ я отъ поѣхавшаго къ Стрекалову г. Верещагина письмо, повергнувшее меня въ новое изумленіе. Онъ увѣдомлялъ меня, что князю угодно, чтобъ во время будущаго его у насъ пребыванія были бы у насъ наши театральныя представленія, и чтобъ я предварительно сдѣлалъ къ тому нужныя приуготовленія. Таковое неожиданное совсѣмъ извѣстіе и изумило, и удивило меня. Не понималъ я, по какому случаю вздумалось князю сего отъ меня требовать, и почему онъ узналъ о нашемъ театрѣ, которымъ утѣшать его всего менѣе у меня на умѣ было; ибо послѣднимъ своимъ поступкомъ такъ онъ меня и смутилъ, и огорчилъ, что я помышлялъ уже театръ свой и расковеркать совсѣмъ, дабы князь и не узналъ объ немъ и я не могъ бы и за него нажить отъ него себѣ какихъ попрековъ. И потому долго не соглашался я самъ съ собою въ мысляхъ, исполнить ли сіе княжеское требованіе или дѣло сіе подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ

отклонить отъ себя. Наконецъ, совѣты друзей и знакомцевъ моихъ, утверждающихъ, что князь вѣрно хочетъ симъ позабавить молодую свою жену, и мысли, чтобъ неудовлетвореніемъ его въ семъ случаѣ желанія не навлечь на себя еще болѣе его гнѣва и неудовольствія, убѣдили меня приступить къ исполненію сего.

Итакъ, созвавъ дѣтей, просилъ я ихъ, чтобъ подтвердили они вновь всѣ наши прежнія пьесы, равно какъ доучивали скорѣе вновь твердимуя ими комедію «Рогоносецъ въ воображеніи». А и самъ положилъ прибавить къ театру своему нѣкоторыя новыя украшенія для умноженія разнообразности нашихъ декорацій, дабы онѣ монотоніею своею не могли скоро будущимъ гостямъ нашимъ прискучить, а въ каждой бы разъ была въ декораціяхъ какая-нибудь перемѣна. Совсѣмъ тѣмъ, чтобъ самому мнѣ брать въ представленіяхъ соучастіе, о томъ никакъ не хотѣлъ и мыслить.

Впрочемъ, достопамятно, что я въ самой тотъ же день имѣлъ пріятное удовольствіе видѣть прежде упоминаемую мною проповѣдь господина Іерусалема напечатанною. Г. Новиковъ помѣстилъ ее въ издаваемомъ тогда въ Москвѣ ежемѣсячномъ изданіи, и хотя по самому сему случаю я за переводъ свой и не получилъ никакой особенной награды, но доволенъ я былъ и тѣмъ, что она напечатана и что г. Новиковъ прислалъ ко мнѣ ту часть сего журнала.

Вскорѣ за симъ принуждены мы были угощать у себя проѣзжавшую чрезъ нашъ городъ нашу губернаторшу, г-жу Муромцову, которая у насъ ночевала и на другой день у меня обѣдала. А не успѣли мы ее съ рукъ своихъ сжить и наступить сентябрь мѣсяцъ, какъ принялись уже мы пристальнѣе за нашъ театръ и пошли у насъ всѣмъ пьесамъ репетиціи за репетиціями и представленія за представленіями. Сіи послѣднія предпринимали мы, сколько для лучшаго подтвержденія и поправленія нашихъ актеровъ при помощи случившагося у насъ около сего

времени быть опять господина Кошелева, столько и для приѣзжавшихъ къ намъ въ теченіе первой половины сего мѣсяца кое-какихъ гостей.

Итакъ, перваго числа сего мѣсяца представили дѣти комедію «Приданое обманомъ»; второго — «Необитаемой островъ» и «Рогоносца»; въ третій, по случаю приѣзжавшей къ намъ въ гости госпожи Вакунинной, опять «Рогоносца» и «Приданое обманомъ»; въ четвертой для ней же опять «Необитаемой островъ» и «Приданое обманомъ»; въ пятой опять «Рогоносца» и «Отгадай, не скажу»; въ шестой опять «Приданое обманомъ». И мы съ господиномъ Кошелевымъ замучили почти вырэхъ дѣтей нашихъ сими частыми и ежедневными представленіями; но за то и выправилъ онъ ихъ такъ, что они все сіи пьесы представляли предъ прежнимъ несравненно уже лучше, и мнѣ очень жаль было, что онъ отъ насъ вскорѣ послѣ того уѣхалъ, и что не могъ быть съ нами во время пребыванія у насъ княжова.

По отѣздѣ его, далъ я дѣтямъ съ недѣлю времени отдохнуть, а самъ занимался сіи дни рисованьемъ; когда же начало приближаться то время, въ которое надлежало мнѣ опять ѣхать къ князю, то заставилъ я дѣтей еще подтвердить и представить на театрѣ нѣкоторыя пьесы, а потомъ предъ самымъ моимъ уже отѣздомъ представили они 17-го числа еще «Необитаемой островъ» и комедію «Отгадай, не скажу», а 18-го числа «Рогоносца въ воображеніи» и «Батвинью», и настроивъ симъ образомъ дѣтей и учинивъ по волости и во дворцѣ все нужная къ приѣзду князя приуготовленія и получивъ извѣстіе, что онъ изъ Сергіевска уже отправляется, поѣхали мы съ г. Верещагинымъ сперва къ г. Стрекалову, и узнавъ отъ него, что князь уже изъ Сергіевска выѣхалъ и находился въ тотъ день у Темешова въ гостяхъ, поѣхали уже къ сему, гдѣ нашли князя, угощаемого наироботнѣйшимъ образомъ хозяиномъ. Сей изгнбался предъ нимъ ужемъ и жабомъ и не зналъ, какъ его угостить,

и повидимому, невѣдомо какъ кичился тѣмъ, что удостоенъ былъ посѣщеніемъ отъ такого гостя, и что умѣлъ его угощать и подчивать.

Князь принялъ меня нарочито благосклонно; но первое его слово было опять о зайцахъ, въ гоняньи за которыми проводилъ онъ все сіе время; и какъ наутріе, позавтракавъ, поѣхали они опять со псами своими въ лѣса г. Темешова, то велѣлъ онъ намъ проводить княгиню свою въ село къ г. Стрекалову, куда къ ночи и самъ прибыть изволилъ.

Тутъ нашли мы всехъ сестеръ Верещагиныхъ, дожидавшихся приѣзда княгинина, дабы успѣть предварительно съ нею обрекомендоваться и подбиться къ ней въ милость. Я подвинулся только ихъ оборотливости, но будучи въ послѣдующій день отпущенъ отъ князя, возвратился въ Богородицкъ для ожиданія его приѣзда. Они же пустились опять въ рощи и лѣса для истребленія бѣдныхъ зайцевъ.

Симъ окончу я сіе письмо, и сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

(Декабря 17-го дня 1809 года).

Письмо 206-е.

Любезный пріятель! Наконецъ воспослѣдовало столь давно ожидаемое, но нельзя сказать, чтобъ вождѣльное прибытіе его сіятельства, князя. Было сіе уже 23-го сентября, и мы встрѣчали его не какъ благодѣтеля и любимаго нами начальника, съ спокойнымъ и радостнымъ духомъ, но какъ нѣкакого змѣя, или страшнаго медвѣдя и съ духомъ весьма смущеннымъ и боялись, чтобъ онъ уже при самой встрѣчѣ не опрокинулся на насъ по своему бѣшенному нраву; ибо какъ отъ приѣхавшаго къ намъ прежде всехъ брата его, князя Ивана Сергѣевича, а потомъ и княгини, со всею ея свитою, узнали мы, что князь, по безпредѣльной страсти своей къ звѣриной ловлѣ, не восхотѣлъ и сего дня потерять, но расположился отъ Стрекалова проѣхать со псами своими все полями и лѣсами, а особ-

ливо по перелѣскамъ, подлѣ волостного села Гевлева находящимся, то молили и просили мы Бога, чтобъ ему поналося тутъ на глаза нѣсколько зайцевъ, дабы онъ тѣмъ сколько-нибудь былъ утѣшенъ, ибо вѣдали, что въ противномъ случаѣ неудачею онъ всего легче могъ взбѣшонтъ быть. И по счастію въ семъ случаѣ желаніе наше и совершилось. Зайцы попались и князь повеселился-таки довольно травлею, а сіе и было причиною, что приѣхалъ онъ нарочито въ веселомъ духѣ.

Онъ расположился со всѣми съ нимъ приѣхавшими гостями и со всею своею свитою во дворцѣ нашемъ и во флигеляхъ, и весь оной наполнился множествомъ народа, а внутренность всего замка премногимъ множествомъ экипажей, повозокъ, лошадей и собакъ борзыхъ и гончихъ, и воздухъ возсталъ отъ лая и воя сихъ небывалыхъ до сего гостей въ Богородицкѣ. Словомъ, съ приѣздомъ его все у насъ оживотворилось и все начало дышать псовою охотою и едиными почти разговорами о лошадяхъ и псахъ смердящихъ. Не могу довольно изобразить, сколь отяготителенъ сдѣлался мнѣ уже съ самой первой минуты сей приѣздъ его и сколь многими трудами, хлопотами и заботами обременилъ онъ и меня, и жену мою, и всѣхъ моихъ подкомандующихъ. Всѣхъ-то надобно было помѣстить, всѣхъ успокоить, всѣхъ снабдить всѣми нужными потребностями, и не только всѣхъ гостей и людей, но и самыхъ лошадей и собакъ его. Я безъ души долженъ былъ туда и сюда бѣгать, раздавать мои приказанія и дѣлать мои распоряженія; а и женѣ моей довольно было трудовъ, заботъ и попеченій о пристройкѣ и о успокоеніи всѣхъ гостей, приѣхавшихъ съ княземъ, которыхъ было-таки довольно; ибо приѣхалъ съ нимъ-не только упомятой братъ его, князь Иванъ Сергѣевичъ съ своею женою, но и Стрекаловъ съ своимъ семействомъ, всѣ госпожи Верещагины. А изъ мужчинъ, нѣкто изъ фаворитовъ княжихъ, г. Крымовъ, человекъ хотя умной, но весьма хитрой, лукавой и угрюмой. Жена моя тотчасъ

по приѣздѣ еще княгини явилась къ ней, и хотя принята была ею безъ дальней ласки и съ довольнымъ хладнокровіемъ, что ее не мало удивило и смутило; но, несмотря на то, должна она была, какъ хозяйка, пещись обо всемъ нужномъ для успокоенія ея и всѣхъ гостей ихъ, и за всякою бездѣлицею то и дѣло посылать къ себѣ въ домъ, и то то, то другое приносить приказывать; а сіе всего болѣе ее и отягощало. Съ другой стороны приступали дворецкіе и повара княжѣ съ гордыми и даже повелительными и непомѣрными требованіями своими, то того, то другого, потребнаго имъ къ столу и на поварню. Ибо, хотя князь для виду и приказалъ все нужное покупать, но можно-ль было все и въ короткое время доставать въ такомъ маленькомъ городишкѣ покупками и обойтись безъ того, чтобъ большую часть всѣхъ потребностей не брать отъ насъ. Но мы о томъ уже и не говорили, а досадна была только намъ непомѣрность ихъ грубыхъ требованій и гордыхъ взысканій, для чего то и другое не скоро имъ доставляется. Словомъ, уже и въ первой вечеръ сей было намъ превеликое множество не только хлопотъ и заботъ, но и досадъ самыхъ. Но я уже переносилъ все то съ терпѣніемъ, а доволенъ былъ, что по приѣздѣ своему обошелся князь со мною довольно сносно и благосклонно.

Не успѣли они переночевать, какъ и затѣялъ-было князь уже въ послѣдующее утро назначить свой формальной выѣздъ на охоту; но случившаяся дурная въ сей день погода его осадила и принудила остаться дома. Итакъ, вмѣсто зайцевъ, пошли мы съ нимъ ловить въ прудахъ карповъ и наловили ихъ множество. Послѣ того принималъ онъ у себя всѣхъ приходившихъ къ нему на поклонъ купцовъ городскихъ съ ихъ обыкновенными приносами, а потомъ и всѣхъ судей нашихъ. Онъ принялъ всѣхъ ихъ съ обыкновеннымъ своимъ надменнымъ духомъ и не хотѣлъ никому изъявить ни малѣйшаго уваженія, кромѣ нашего уѣзднаго судьи, г. Арсеньева; но и сему единственно

только потому оказывать болѣе своего снисхожденія, что сей былъ такой же страстной охотникъ, какъ и онъ, и что онъ могъ съ нимъ говорить о своихъ зайцахъ и собакахъ. Самое сіе и побудило сего лукавца тотчасъ прильнуть къ нему и подольщаясь къ князю своими раболѣпными почти прислужничествами, льстить ему безстыднѣйшимъ почти образомъ, чему мы все только смѣялись.

Вскорѣ за симъ сѣхалось еще нѣсколько человѣкъ изъ живущихъ въ окрестностяхъ дворянъ, такихъ же псовыхъ охотниковъ; и князь былъ имъ радъ и угощалъ ихъ какъ бы какихъ именитыхъ людей, хотя нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ того не стоили и мнѣ были незнакомы. И какъ князю все тамошнія и удобныя къ звѣриной ловлѣ мѣста не были еще коротко извѣстны, то и начались у нихъ тотчасъ о томъ думанья и совѣщанья, куда и куда ѣхать, и съ которыхъ мѣстъ начинать, и какими кончить. Вмигъ нашлись тогда изъ приѣхавшихъ къ нему прихлебателей такіе, которые брались его всюду и всюду водить и ему показывать мѣста лучшія, хотя имъ самимъ были они всего меньше извѣстны. Меня, удивляющагося только всему тому, не только не спрашивали, но и не приказывали ѣхать съ собою. Ибо какъ я спросилъ, прикажетъ-ли онъ мнѣ готовиться ѣхать съ ними, то сказалъ мнѣ князь: «Нечего дѣлать! Ты не охотникъ! а оставайся лучше дома здѣсь съ княгиней!» чему я нѣкоторымъ образомъ и радъ былъ. Ибо какъ, къ несчастію, наилучшія мѣста для звѣриной ловли были на большую часть отъ Богородицка удалены и лежали верстъ за 20 и за 30, то поутру надлежало бы каждой день съ ними, сломя голову и быстрѣе нежели на почтовыхъ, туда скакать, тамъ во весь день съ ними по полямъ и лѣсамъ таскаться, а по окончаніи дня, и ночью въ темнотѣ опять безъ памяти скакать обратно въ Богородицкъ. А таковыя безпокойства были бы для меня слишкомъ скучны и отяготительны; почему, хотя мнѣ и хотѣлось быть при князѣ безотлучно, дабы не могло произойти какихъ каверзъ,

но какъ онъ самъ меня отъ ѣзды сей освободилъ, а всякой день приказывалъ оставаться дома, то было мнѣ сіе и не противно.

По окончаніи всѣхъ сихъ премудрыхъ и важныхъ конференцій и совѣтовъ, вспомнилось ему какъ-то и о нашемъ театрѣ, почему подозвавъ меня къ себѣ сказалъ: «Какъ же бы, Андрей Тимоѣевичъ, показать-то бы намъ вашъ театрикъ?»—Что, ваше сіятельство! отвѣчалъ я ему: театръ нашъ будто какой правской и стодитъ ли того, чтобъ вашему сіятельству его смотрѣть! Онъ ничего не значить. Между тѣмъ, ежели вашему сіятельству угодно, то онъ у меня къ тому времени будетъ готовъ, какъ приказать изволите.—«Сегодня-жъ бы ввечеру! подхватилъ онъ. Книжнѣ моей хочется его въ особенности видѣть, да и мы все посмотримъ».—Очень хорошо! сказалъ я, и пошелъ повѣщать дѣтямъ и прочимъ, чтобъ собирались.

Итакъ, въ этотъ вечеръ и было у насъ первое представленіе, для котораго назначили мы «Необитаемой островъ» и комедію «Приданое обманомъ». И князь, вошедъ въ оной, удивился, увидѣвъ весь театръ наполненный народомъ и услышавъ загремѣвшую при самомъ входѣ его музыку, заигравшую симфонію; ибо, чтобъ придать нашему театру болѣе блеска, то выписали мы сію заблаговременно отъ г. Сахарова.—«Утебя, братецъ, театрикъ какъ водится!» сказалъ князь, ко мнѣ обратившись. Но какъ подняли занавѣсъ и открылась наша прекрасная декорація, то удивился онъ еще больше.—«Браво! браво! воскликнулъ онъ, это хоть бы куда! изряднехонько, право! Смотри, пожалуй, какъ онъ смастерилъ! «А не мнѣ поразились сею неожиданностію и прочіе съ нимъ бывшіе и театра нашего еще не видавшіе. Игра дѣтей нашихъ, исправлявшихъ въ сей вечеръ дѣло свое очень удачно, все имъ также полюбилась и все смотрѣли на нее съ примѣтнымъ удовольствіемъ, а особливо князь Иванъ Сергѣевичъ, которой игрою моего малютки сына не могъ налюбоваться довольно, и то и дѣло былъ въ ладоши. Когда же начали

играть комедію и появился на сценѣ нашъ Сезеневъ, то такъ всѣхъ всею игрою своею насмѣшилъ, что всѣ громко и до слезъ почти хохотали, и онъ до того даже ихъ удивилъ, что князь спросилъ меня: «Да гдѣ ты, братецъ, такого удалого старика подцѣпилъ? Онъ и на правскомъ бы театрѣ дѣла своего не испортилъ». — А какихъ бы лѣтъ почитали-бы вы его? спросилъ я князя. — «По крайней мѣрѣ лѣтъ сорока или пятидесяти», сказали онъ. — А вмѣсто того, онъ только четырнадцати лѣтъ и одинъ изъ моихъ сродниковъ, живущій при мнѣ и учащійся. — «Нѣтъ, право! воскликнулъ князь, это удивительно и этому никакъ бы я не повѣрилъ. Пожалуй, покажи ты мнѣ его по окончаніи дѣйствія». То-же говорили и желали его видѣть и всѣ прочіе. И я принужденъ былъ ему его представить послѣ, и всѣ не могли довольно восхвалить его за его способность и умѣнье такъ хорошо притворяться и представлять во всей формѣ старика. Словомъ, представленіями нашими всѣ были очень довольны и изъявляли мнѣ свою благодарность, прося, чтобъ и въ послѣдующіе дни доставилъ я имъ такое же удовольствіе.

Сія меня порадовало и такъ ободрило, что я началъ-было ласкаться надеждою, что дѣло пообойдется и у насъ все будетъ хорошо. Но какъ жестоко я въ томъ обманулся и какъ мало могъ предвидѣть тогда, что воспослѣдовать имѣеть послѣ!

Не успѣлъ послѣдующій день настать, какъ князь съ превеликою гурьбою и отправился на охоту, пригласивъ съ собою и нашего уѣзднаго судью, г. Арсеньева, чему сей до безконечности и радъ былъ. Мы, провожая князя, желали, чтобъ случай ему благопріятствовалъ и чтобъ удалось ему наловить побольше зайцевъ. И какъ мы въ томъ почти не сомнѣвались, то и ласкались надеждою, что онъ оттого еще болѣе повеселѣетъ и къ намъ сдѣлается добрѣе. Почему проводивъ его старались всѣ мы о томъ, чтобъ княгинѣ безъ него было не скучно. Всѣ наши городскія госпожи съѣхались дѣлать съ нею время, а я заставилъ въ залѣ играть

музыку и употреблялъ все, что только можно было къ доставленію ей множайшаго удовольствія.

Наконецъ наступилъ вечеръ и съ онимъ возвратился князь съ охоты, и что-то не весьма веселымъ. Любопытствуя узнать и разспрашивая у людей, не произошло ли въ полѣ чего? и удачно-ли было поле? услышалъ я отъ нихъ, что зайцевъ хотя и натравили они нѣсколько, но что князь былъ что-то все не веселъ, всѣхъ бранилъ и ругалъ и все сердился, а за что, того они сами не вѣдаютъ. Сіе привело меня въ изумленіе и заставляло думать. Однако, какъ наступило уже время для театра, то доложилъ я князю, прикажетъ-ли онъ? — «Хорошо! отвѣчалъ онъ; но пускай идетъ княгиня, и ты позабавь ее, а я усталъ и возьму отдохновеніе». Итакъ, въ сей день ходили въ театръ только княгиня со всѣми гостями своими, а князь остался въ своихъ комнатахъ съ нѣсколькими изъ своихъ прихлебателей, и занимался разговорами съ ними о своихъ собакахъ.

Въ сей вечеръ дали мы двѣ комедіи: «Рогоносца по воображенію» и «Отгадай, не скажу». И какъ дѣти и сіи представляли очень удачно, то княгиня и всѣ прочіе, бывшіе съ нею, также и князь Иванъ Сергѣевичъ были тѣмъ очень довольны и при окончаніи просили, чтобъ и въ послѣдующій день я имъ также что-нибудь велѣлъ представить. — «Очень хорошо! сказала я. Если вашему сіятельству только угодно, такъ театръ опять будетъ и дѣти постараются и завтра доставить вамъ удовольствіе».

Какъ у князя за непремѣнное правило положено было ѣздить всякой день въ поле, то отправились они и въ послѣдующій за симъ третій день на охоту, а мы между тѣмъ просили княгиню посѣтить насъ въ нашемъ домѣ; и какъ она оттого не отреклась, то и постарались угостить ее у себя всячески и доставить ей наивозможнѣйшее удовольствіе, чѣмъ она, будучи очень добраго характера, казалась быть и весьма довольною. Наконецъ, возвратился и князь съ охоты и былъ

въ сей день веселѣе; и какъ подѣхали къ нему въ сей вечеръ, съ одной стороны другъ его г. Власовъ, а съ другой—бормоть Темешовъ, то не только не отрекся итти въ театръ, но пошелъ еще охотно, желая равно какъ пощеголять имъ предъ прїѣзжими гостями своими.

Въ сей вечеръ дали мы опять двѣ комедіи: «Новопріѣзжіе» и «Три брата со-вмѣстника», и игрою дѣтей нашихъ были опять всѣ очень довольны и не могли довольно приписать похвалъ имъ. Самъ г. Власовъ смотрѣлъ на представленія ихъ съ удовольствіемъ и также не хотѣлъ вѣрить, чтобъ г. Сезеневу нашему было только 14-тъ лѣтъ, а не больше, и я, по просьбѣ князя, принужденъ былъ и ему показывать его въ натурѣ.

Но сей разъ, противъ всякаго чаянія и ожиданія моего, былъ уже и послѣдній, что мы театромъ нашимъ веселились. Княгиня хотя и хотѣлось—было очень, чтобъ мы представили ей и драму нашу «Несчастныя сироты»; и какъ сію сперва никакъ-было не хотѣлось мнѣ представлять, поелику въ сей пьесѣ надлежало бы мнѣ самому дѣйствовать на театрѣ, но какъ многіе ко мнѣ приступали о томъ съ просьбою, то рѣшился-было на то опуститься. Но, съ одной стороны, отѣздъ любезнаго князя Ивана Сергѣевича, а съ другой—прїѣздъ помянутыхъ гостей, Власова и Темешова, все наше дѣло испортилъ, и перемѣня во всемъ сцену произвелъ то, что вмѣсто того, что все у насъ до сего времени шло хорошо и ладно, пошло у насъ все на опокъ и начались такіа глупости и вздоры, что намъ было уже не до театровъ, а напротивъ того всѣ мысли наши заниматься стали уже иными помысленіями, а сердца наполняться досадами и неудовольствіями.

Чтобъ объяснить вамъ, отчего произошла сія всего меньше мною ожидаемая перемѣна, надобно мнѣ, прервавъ на часокъ нить моего повѣствованія, возвратиться нѣсколько назадъ и рассказать нѣкоторыя побочности.

Мѣсто мое по всѣмъ выгодностямъ, сопряженнымъ съ онымъ, уже давнымъ-

давно прельщало собою многихъ и были люди, которые скрытно въ томъ мнѣ не только завидовали, но и желали въ сердцахъ своихъ меня, буде бы только можно было, съ онаго столкнуть и вмѣсто меня самимъ воцариться, не помышляя и не забываясь о томъ нимало, имѣютъ ли они довольно всѣхъ нужныхъ къ тому способностей. Въ числѣ сихъ тайныхъ завистниковъ и моихъ по сему случаю недоброхотовъ были отчасти такіе, которые молодому князю были по разнымъ случаямъ знакомы, а отчасти и совсѣмъ незнакомые до того. И потому первые давнымъ-давно начинали князю наговаривать на меня всякую всячину и выдумывать на меня всякія клеветы и небылицы, и тѣмъ издалека и сокровеннымъ образомъ приводить меня къ нему въ ненависть. Но куда продолжалось правленіе стараго князя, то ничего дальнаго имъ успѣть противъ меня было не можно, а произвели они только то, что и тогда молодой князь сдѣлался ко мнѣ не весьма хорошо расположеннымъ, что и доказалъ онъ въ первой своей прїѣздъ къ намъ съ отцемъ своимъ. Но какъ скоро вступилъ онъ въ правленіе волостями и сдѣлался моимъ командиромъ, то возобновилась ихъ надежда къ сверженію меня изъ моего мѣста. Они возобновили вновь всѣ свои злоухищренія, клеветы и наговоры на меня, и тѣмъ подали поводъ ко всѣмъ тѣмъ непріятнымъ явленіямъ, которыя происходили въ прежній и первой прїѣздъ князя сего къ намъ, какъ уже полнаго нашего командира, и о которыхъ я уже упоминалъ въ прежнихъ моихъ письмахъ. У князя по симъ наговорамъ и тогда уже на умъ было отрѣшеніе меня отъ сего мѣста, и по самому тому, желая чѣмъ-нибудь ко мнѣ придратъ и старался онъ помянутымъ образомъ, развѣзжая по волости и встрѣчнаго и поперечнаго шиль-ническимъ образомъ разспрашивать, выводить изъ ума и всячески добиваться, не произойдетъ ли на меня какой ему жалобы. Но какъ онъ всѣми своими ухищреніями не могъ ничего успѣть, и не нашедъ ничего, чѣмъ бы меня обви-

нить было можно, то сколько сіе, а того болѣе извѣстная ему любовь ко мнѣ старика-отца его и удержала его тогда отъ причиненія мнѣ какого-нибудь оскорбленія; а сверхъ того, нашедъ у меня все въ порядкѣ и увидя множество моихъ трудовъ и стараній обо всемъ, да и всѣ способности къ управленію волостями, и совѣстно ему было что-нибудь злое предпріять противъ меня; а сіе и попримирало-было меня съ нимъ нѣсколько и поугомило и завистниковъ и недоброхотовъ моихъ въ ихъ противъ меня злоухищреніяхъ.

Но какъ скоро слухъ о томъ распространился, что князь къ намъ опять сею осенью и наглавыѣйше за тѣмъ придетъ, чтобъ поѣздить ему по волостямъ съ собаками, то воспламенилось въ нихъ опять желаніе испытать не можно ли имъ, пользуясь симъ случаемъ, какимъ-нибудь образомъ довести князя до того, чтобъ онъ меня отрѣшилъ отъ мѣста и опредѣлил на оное кого-нибудь изъ нихъ другого. Но какъ надобны были къ тому какія-нибудь важныя причины и съ моей стороны вины, заслуживающія такую немилость, а таковыхъ они, къ прискорбію своему, не находили, то злобныя, коварныя и завистливыя ихъ сердца и внушили имъ самыя бездѣльническія и плутовскія средства и такія злоухищренныя выдумки и клеветы, которыми надѣялись они достигнуть до желаемаго. А именно, они расположились воспользоваться въ семъ случаѣ пылкимъ и вздорнымъ княжымъ нравомъ и извѣстными имъ его слабостями и пристрастіями. Они положили въ гнусномъ и мерзкомъ совѣтѣ своемъ привести чѣмъ бы то ни было его на меня въ большую досаду и сердце; и какъ не сомнѣвались они, что онъ въ бѣшенствѣ своемъ непременно оскорбитъ меня обидными словами, то за вѣрное полагали, что я не снесу такихъ оскорбленій и самъ рѣшусь проситься въ отставку, а сіе имъ было только и надобно; ибо не сумнѣвались они, что тогда князь меня въ тотъ же мигъ и отставить, поелику вѣдали, что онъ и безъ того уже

по ихъ же собственнымъ наговорамъ и клеветамъ расположенъ былъ ко мнѣ не очень хорошо и самъ собирался меня при первомъ способномъ случаѣ отрѣшить и на мѣсто мое опредѣлить другого.

Предполагая сіе, стали они вымышлять, чѣмъ бы такимъ удобнѣе имъ было прои́звестъ коварное намѣреніе свое въ дѣйство, и чѣдъ-бъ такое найти для разгораченія и възбшенія князя. Чтобъ произошли на меня отъ крестьянъ жалобы и просьбы, того не могли они никакъ надѣяться, ибо знали, что всѣ крестьяне безпристрастнымъ, честнымъ и кроткимъ моимъ правленіемъ были весьма довольны; къ очерненію меня инымъ чѣмъ также они ничего не находили, ибо вѣдали, что я ничѣмъ не былъ замаранъ. Итакъ, другого не нашли, какъ взять прибѣжище къ безпредѣльной княжеской псовой охотѣ и воспользоваться извѣстнымъ его всегда бѣшенствомъ въ такихъ случаяхъ, когда не найдетъ онъ зайцевъ; также, буде можно, употребить на вспоможеніе къ тому прежде упомянутое дѣло по винной продажѣ и выставкамъ. И какихъ, и какихъ дьявольскихъ средствъ и выдумокъ они при томъ не придумали и не пригадали, и до какихъ дурачествъ глупыми своими затѣями не довели князя!

Теперь было бы слишкомъ пространно разсказывать въ подробности всѣ многочисленныя ихъ шильничества и гнусныя выдумки и уловки, какими, сначала приѣзда княжова еще въ Сергіевское, старались они смутить и раздражить на меня князя; а коротко только скажу, что самой описанной, грубой его меня пріемъ былъ по ихъ ко мнѣ милости, и что изъ числа ихъ наиболѣе всѣхъ ухищрялъ такой человекъ, котораго я почиталъ себѣ всегда другомъ и отъ котораго я того всего меньше чаялъ, а именно бормотунъ мой старинной пріятель, Алексѣй Ноновичъ Темешовъ. Удивительнѣе всего, что и сему, такъ сказать, гаведу восхотѣлось, столкнувъ меня, быть на моемъ мѣстѣ!

Теперь, возвращаясь къ прерванной нити моего повѣствованія, скажу, что между тѣмъ какъ мы помянутымъ обра-

зомъ въ первые дни пребыванія у насъ князь занимался театрами и угощеніями и князь развѣждалъ по ближнимъ къ Богородицкѣ мѣстамъ за охотою, сей негодной человѣкъ ковалъ наизлѣйшіе противъ меня ковы, и устроилъ самую адскую къ поврежденію меня машину, и нарочно для того не поѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ къ намъ, а остался на нѣсколько дней будто бы дома; но вмѣсто того, всѣ сіи дни употребилъ на разнюхиваніе по волости о такихъ мѣстахъ, гдѣ не было или по крайней мѣрѣ не примѣтны были зайцы. И какъ скоро все къ произведенію своего замысла устроилъ, то помянутымъ образомъ и прискакалъ къ намъ въ Богородицкѣ и съ обыкновеннымъ своимъ смѣшнымъ бормотаньемъ убѣдилъ князя ѣхать наутріе съ собаками своими въ помянутое мѣсто, увѣряя его, что тамъ найдетъ безсомнѣнное множество зайцевъ.

Я, ничего не зная и не вѣдая о всѣхъ вышеупомянутыхъ происшествіяхъ, о которыхъ узналъ я уже послѣ, и не воображая себѣ нисколько, что надъ главою моею всходила мрачная туча съ страшною бурей и грозою, спокойно проводилъ князя, отъѣзжавшаго почти съ свѣтомъ вдругъ на охоту, съ обыкновеннымъ пожеланіемъ, чтобъ ему поле было удачно; а самъ сталъ помышлять о томъ, чѣмъ бы занять въ сей день княгиню, и уговорилъ жену г. Арсеньева пригласить ее къ себѣ, которую она и удостоила своимъ посѣщеніемъ.

Какъ то мѣсто, куда они тогда поѣхали, отстояло отъ Богородицка болѣе, нежели за 20-ть верстъ, то было уже почью какъ они возвратились съ поля и прискакали къ намъ въ темнотѣ, въ Богородицкѣ. И что-жъ воспослѣдовало и какая неожиданная сцена! Князь не успѣлъ войти въ комнаты, какъ и опрокинулся на меня, какъ лютѣйшій звѣрь и не только заоралъ во все горло, изливая на меня свой княжеской гнѣвъ, но и началъ даже оскорблять такими словами, которыя ни съ характеромъ его, ни съ моимъ и ни съ какимъ разумомъ не были сообразны. Я оцѣнивалъ даже отъ изу-

мленія, увидѣвъ и услышавъ такую неожиданность, и не зналъ чѣмъ бы такимъ я проступился и чѣмъ заслужилъ отъ сего молодого барыча такой гнѣвъ, какого не можно бы ожидать и отъ самого государя за важное и государственное какое преступленіе! Но удивленіе мое еще несказанно увеличилось, когда услышалъ я тому и причину и узналъ, въ чемъ состояла вся тяжкая вина моя, заслуживающая гнѣвъ толикой. Все дѣло въ томъ только состояло, что онъ ѣздилъ въ сей день несчастливо и его поле было неудачно, и онъ не нѣсколько десятковъ, а только два или три зайца затравилъ, и по несчастію лишился своей любимой собаки, убившейся какъ-то до смерти, что его наиболѣе и взбѣсило.

— «Я тебѣ именно и накрѣпко приказывалъ (говорилъ или паче ревелъ онъ), чтобъ разослалъ ты вездѣ солдатъ и велѣлъ накрѣпко беречь зайцевъ и всѣмъ старостамъ накрѣпко подтвердить, чтобъ никого ѣздить не пускали, а ты этого не сдѣлалъ, приказанія моего не исполнилъ! и волость вся выѣзжена и зайцевъ нѣтъ ни одного, всѣ вытравлены! возможно ли!... какъ можешь ты отважиться сего не исполнить!...»

— Все это исполнено! (отвѣчала я съ хладнокровіемъ возможнымъ), и я не думаю, чтобъ кто ѣздилъ; а что зайцевъ нѣтъ или мало, за то я ручаться и отвѣтствовать не могу».

— «Ты говоришь: исполнилъ! (заревѣлъ опять князь), а я тебѣ сказываю, что нѣтъ.... нѣтъ.... нѣтъ!.... Я разспрашивалъ самъ старосту той деревни, и самъ своими ушами отъ него слышалъ, что вчера же какіе-то у нихъ охотники ѣздили и всѣ мѣста вытравили, и что къ нимъ ни присылки отъ тебя никакой не было, ни приказанія никакого они не слышали, слышишь-ли?»

— Чудно для меня это и непостижимо! (сказалъ я, пожавъ плечами), я не знаю, гдѣ вы ѣздили и были; а что солдата тамъ не случилось, это легко стать можетъ; ибо солдатъ у меня не такъ много, чтобъ ихъ во всѣ деревни стало,

и можетъ быть посланной солдатъ былъ въ сіе время въ другой деревнѣ. А чтобъ присылки куда не было и приказаній не слыхали, — это для меня непонятно, потому что я самъ лично, и всѣмъ до единого старостамъ и начальникамъ, и не однажды, а нѣсколько разъ приказывалъ и подтверждалъ накрѣпко.

— «Ты говоришь: приказывалъ! (заревѣлъ еще пуще того князь), а я тебѣ говорю, что нѣтъ!.... нѣтъ!.... нѣтъ!.... и слышишь, самъ староста.... староста той самой деревни, мнѣ—мнѣ самому сказывалъ!—Но я уже васъ! я!.... я!.... я!.... научу уже себя знать и исполнять мои повелѣнія!.... пошелъ; судырь, съ глазъ моихъ долой!....»

Кровь моя хотя вся, какъ въ котлѣ, въ сію минуту кипѣла, а особливо какъ я увидѣлъ, что всѣ прихлебатели его, отварачиваясь, улыбались и смѣялись и у всѣхъ радость и удовольствіе на глазахъ была написана, и всѣ, такъ сказать, моему незгодью мысленно и душевно радовались. Но никто меня такъ не удивилъ и досаденъ не былъ, какъ дѣлающій то же самое и помянутой Темешовъ вмѣстѣ съ судьей нашимъ Арсеньевымъ, отъ которыхъ я сего никакъ не ожидалъ. Но совсѣмъ тѣмъ я имѣлъ въ критическія минуты сіи столько терпѣнія и столько философическаго хладнокровія, что, вѣдая изъ опытности, что дальнѣйшими оправданіями подожжешь только болѣе пламень гнѣва, а ничего не сдѣлаешь, за лучшее призналъ обуздать стремительство ума и сердца, и не давъ языку болѣе воли говорить, замолчалъ и пошелъ дѣйствительно вонъ для обстоятельнѣйшаго развѣдыванія обо всемъ происходившемъ на полѣ.

Всѣ ненавистники мои вѣявъ тогда надо мною восторжествовали и ни одинъ изъ нихъ не сомнѣвался, что достигъ дожелаемаго, что не перенесу я никакъ такого оскорбленія и обиды, и что въ тотъ же еще вечеръ или на другой день подамъ бумагу и буду проситься въ отставку. Каждой изъ нихъ, будучи въ томъ увѣренъ, помышлялъ уже просить-

ся на мое мѣсто; и не успѣлъ я вытти вонъ, какъ всѣ стали перешептываться, смѣяться, поджигать князя еще болѣе и къ нему подольщаться раболѣпнѣйшимъ образомъ, оправдывая его справедливой гнѣвъ и меня обвиняя, ласкаться несомнѣнною надеждою въ полученіи своихъ желаній.

Но, по несчастію ихъ, напали они не на такого человѣка, и въ мнѣніяхъ и заключеніяхъ своихъ обо мнѣ крайне ошиблись. Къ несчастію ихъ, находился я, какъ уже прежде упоминалъ, въ молодости моей нѣсколько лѣтъ въ командѣ еще гораздо вздорнѣйшаго и вспыльчивѣйшаго генерала и такія пылы не только видалъ, но такъ къ нимъ привыкъ, что не только научился ихъ съ хладнокровіемъ, но и способамъ преодолевать оныя. А сія практика и опытность помогла мнѣ и сей случай съ такимъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ перенести, что они, услышавъ, что меня все сіе очень мало трогало и я никакого дальняго смущенія и безпокойства не изъявлялъ, пожимали только плечами отъ удивленія и изумленія, и не знали что обо мнѣ заключить и какимъ почестъ меня человѣкомъ.

Но я, давъ имъ волю судить обо мнѣ какъ хотятъ, и смѣючися внутренно глупости и сумасбродству князя, пошелъ съ досадою на таковую неожиданность въ канцелярію свою, чтобъ разспросить и распрովѣдать о томъ подробнѣе отъ ѣздившихъ съ княземъ въ сей день на охоту. И теперь подивитесь Промыслу Господню и тому, какъ оной спасаетъ невинность, ежели ему то угодно, и чему тогдашній мой примѣръ служить наиснѣйшимъ доказательствомъ.

Не успѣлъ я притти въ канцелярію какъ тотчасъ призвавъ къ себѣ ѣздившаго съ княземъ жока, капрала, сталъ обо всемъ разспрашивать его обстоятельно. Но какъ удивился я, услышавъ его, хотя и подтверждающаго тоже, но съ досадою говорящаго: «вольно имъ ѣздить тамъ, гдѣ зайцевъ никогда не бывало. Я сколько ни отговаривалъ имъ и сколько

ни звать въ лучшія мѣста, но меня не послушали; а все господа уговорили его туда ѣхать».

— Да гдѣ-жъ это васъ Богъ носилъ? спросилъ я.

— «Да подлѣ Рогачей самыхъ», сказалъ капраль.

— Да кто-жъ ему тамъ нагородилъ околесную, и что будто никакихъ приказаній не было отъ меня?

— «Богъ его знаетъ! Вѣдь онъ, судырь, не пропуститъ ни одного человѣка, на полѣ-ли, на дорогѣ-ль, и у всякаго вывѣдываетъ. Говорятъ, у какого-то мужика онъ спрашивалъ на полѣ, и этотъ мужикъ ему что-то насказалъ».

— Да онъ говоритъ, что будто самъ староста той деревни ему то сказывалъ. Но тому-то я дивлюсь и не понимаю, какъ старостѣ можно сказать ему сіе; не всѣмъ ли я именно самъ приказывалъ?

— «Да какъ, судырь, это можно! (подхватилъ при семъ словъ одинъ изъ кучи мужиковъ, случившихся тогда въ канцеляріи). Господи помилуй! Да о своей ли мы головѣ, чтобъ намъ запереться! (и сказавъ сіе, перекрестился). Да и изъ мужиковъ самыхъ, Богъ знаетъ, кому это можно сказать; кажется отъ меня всѣмъ именно было приказано, а развѣ какой сукинъ сынъ, бездѣльникъ, и не изъ нашихъ рогачевскихъ, а нашимъ никакъ это нельзя!»

— А что, развѣ ты изъ Рогачей, мужичокъ? (спросилъ я).

— «Да какже, отвѣчалъ онъ, я и староста-то самъ!»

— Какъ подхватилъ я, ты староста рогачевскій? Но о тебѣ-то князь и говорить, что ты ему сказывалъ, что и повелѣніевъ не было не пускать никого, и что вчера тамъ кто-то ѣздилъ и всѣхъ зайцевъ вытравилъ.

— «Какъ это можно! (удивясь и перекрестясь еще разъ, сказалъ мужикъ). Господи помилуй! Напралина какая! Да я тамъ, судырь, и не былъ, и вотъ шлюсь на всю канцелярію, что я вотъ уже третій день здѣсь безотлучно въ канцеляріи».

— Что ты говоришь? (подхватилъ я, удивясь и обрадуясь такой неожиданности). Не въ правду ли такъ? и ты тамъ не былъ?

— «Конечно, судырь, не былъ, и вотъ всѣ это скажутъ».

Тогда всѣ канцелярскіе подтвердили мнѣ его показаніе и вмѣстѣ со мною дивились сему произшествію и не понимали, какимъ образомъ очутился тамъ другой староста; и говорили: ужъ не самозванецъ ли какой то былъ и не игрушка ли кѣмъ тутъ сыграна? Я самъ не зналъ, что помыслить и не менѣе всѣхъ дивился сему случаю, и сталъ также подозрѣвать не интрига ли чья скрывается подъ сею исторіею, и не изволилъ ли кто подшутить изъ господъ охотниковъ надо мною?

Потомъ, сказавъ мужичку сему: «Постой же ты, мой другъ, здѣсь на часокъ», побѣжалъ прямо чрезъ дворъ къ князю, и заставъ его, распивающаго чай съ своими друзьями и уже утишившагося и съ веселымъ духомъ и съ шутками объ охотничьихъ своихъ подвигахъ и дѣлахъ разговаривающаго, подступилъ къ нему и сказалъ:

— Дозвольте мнѣ, ваше сіятельство, спросить, подлѣ какой деревни изволили вы ѣздить? и какой староста доносилъ вамъ?

— «Подлѣ Рогачей! (сказалъ князь, и обратясь къ товарищамъ своимъ, спросилъ:) кажется такъ, господа?»

Всѣ въ одинъ голосъ закричали тогда, что точно такъ, что было то подлѣ самыхъ Рогачей, и что сказывалъ то именно рогачевской староста.

— Этому быть нельзя, государи мои! (отвѣчалъ я). Старосты рогачевского тамъ не было. Онъ во весь сегодняшний день былъ здѣсь, и уже третій день какъ находится въ канцеляріи для нѣкотораго дѣла.

— «Какъ! (закричалъ князь). Пошли мнѣ его сюда! я хочу его видѣть!»

Тотчасъ за старостою побѣжали и староста предсталъ.

— Нѣтъ, это не онъ! и на того не по-

ходить, (сказалъ князь, и тотчасъ съ суровостію опрокинулся на старосту): Ты староста рогачевскій?

— Я, ваше сіятельство, и уже третій день какъ здѣсь.

— «Да кто же такой это мнѣ тамъ сказывалъ. Не другой-ли какой вашъ начальникъ? Кто у васъ тамъ еще есть—сотскій или десятникъ?»

— У насъ есть тамъ десятникъ; но и тому нельзя было сказывать, и тотъ съ утра сегодня здѣсь былъ.

— «Пошли мнѣ его сюда!»

Тотчасъ побѣжали, сыскали и привели и десятскаго, а вмѣстѣ съ нимъ вошелъ и другой мужикъ,

— Вотъ и десятской! сказалъ староста, указывая на одного изъ нихъ.

— «Нѣтъ, и это не тотъ! сказалъ князь. Тотъ мужикъ высокой, ражій, рыжій, и съ большою бородою. А это что за мужикъ?»

— Нашъ же рогачевскій, сказалъ староста, и теперь только приѣхалъ оттуда.

— «Ну, вотъ кстати! подхватилъ князь. Вотъ онъ намъ все скажетъ. Ну, слушай, мужикъ, сказывай намъ истину, и какъ передъ Богомъ: было ли вамъ отъ управителя приказаніе, чтобы никого не пускать со псовою охотою?»

— Какъ, судырь, не быть! закричали они во все горло всѣ, и не одинъ разъ; а сверхъ того и капралъ къ намъ на сихъ дняхъ приѣзжалъ съ тѣмъ же подтвержденіемъ и поѣхалъ отъ насъ въ Валово.

— «Слушай, мужикъ, не лжешь-ли ты, не подученъ-ли? Я тебѣ сказываю, что я тебя на каторгу пошлю, если ты говоришь неправду!»

— Да дай Богъ мнѣ съ мѣста не сойти, ежели это неправда, сказалъ мужикъ.

— «Да для чего-жъ вы не исполнили того, и съ собаками ѣздить пускали?»

— Да когда это, и кого? подхватилъ мужикъ.

— «Да вчера», сказалъ князь.

— И! что вы, ваше сіятельство! у насъ никто вчера не ѣздилъ; да статшное-ли дѣло, чтобы мы кого впустили?

— «Да какъ же, мнѣ вашъ же какой-то

давеча сказывалъ и назывался еще старостою».

— Не знаю уже того, ваше сіятельство! а старосты нашего дома не было; онъ былъ здѣсь, въ городѣ, и я къ нему приѣхалъ только теперь.

— «Да есть-ли у васъ такой мужикъ, какъ я говорилъ, рыжій, большой?»

— У насъ такого и во всей деревнѣ нѣтъ! сказалъ мужикъ.

— «Какъ же это, братцы? сказалъ князь, обратясь къ гостямъ своимъ, это что-то мудрено и непонятно.»

— Я уже не знаю! подхватилъ я подѣ сие слово, и теперь оставляю о томъ судить уже вашему сіятельству. А что касается до меня, то я много не заключаю, какъ что сказывавшему вамъ такую неправду надобно быть какому-нибудь сукину сыну, бездѣльнику, подосланному и наученному отъ такого-жъ какого-нибудь сукина сына и бездѣльника, чтобы только васъ разсердить.

Говоря симъ образомъ отъ досады, я никакъ воображалъ, что говорилъ, не вѣдая, самую истину, и что самой тотъ, который и научалъ въ сей клеветѣ собственнаго своего мужика и велѣлъ называться старостою, находился тутъ же и стоялъ отъ меня въ нѣсколькихъ шагахъ, и слышавъ все сие, и блѣднѣлъ и мертвѣлъ; а послѣдними моими словами такъ сраженъ былъ, что чуть-было не захлебнулся чаемъ и не уронилъ чашки. Былъ то, какъ я послѣ узналъ, помянутой г. Темешовъ.

Итакъ, вотъ какія бездѣльническія выдумки и средства употребляемы были нами господами къ разгоряченію князя и оклеветанію меня. Но невинность сама собою оправдалась, а вкупѣ посрамила и господъ сихъ, злодѣйствовавшихъ мнѣ. Они грызли себѣ и губы и пальцы отъ досады, что не удалось имъ ничего сдѣлать и закусили языкъ такъ, что не купули больше. Но я, по крайней мѣрѣ, восторжествовалъ тогда надъ ними, и былъ въ особеннѣйшей доволности, что ненарочное стеченіе обстоятельствъ послужило мнѣ къ явному оправданію, а вкупѣ

и самому князю урокомъ для переду, чтобъ онъ не всему, возводимому на меня, вѣрить.

Симъ кончилась тогда сія первая мнѣ и глупая передряга. Я, выговоривъ помянутыя послѣднія слова, пошелъ домой и оставилъ ихъ, посрамленныхъ, судить о томъ, какъ имъ было угодно.

Но я усталъ уже пересказывая вамъ такой вздоръ и мнѣ пора письмо сіе кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Декабря 19 дня 1809 года).

Письмо 207-е.

Любезный пріятель! Князю какъ ни совѣстно было смотрѣть на меня, толь невинно и несправедливо имъ обиженного, и какъ ни старался онъ проступокъ свой загладить ласковѣйшимъ со мною обращеніемъ, а особливо ввечеру послѣдующаго дня, когда, ѣздивши въ тѣ мѣста, куда подзывалъ его наканунѣ того дня мой кап- раль, возвратился съ поля въ превеликой радости и въ полномъ оттого удовольствіи, что наѣхалъ зайцевъ тѣмъ и затравилъ ихъ болѣе пятидесяти; и какъ ни подтвердилъ ему сей случай, что зайцы отнюдь не были вытравлены, но поеленку посрамленные злодѣи мои нимало тѣмъ не унялись, и онъ со всѣхъ сторонъ окружень былъ посягающими на меня, изъ единой зависти и недоброхотства, и не престававшими возмущать духъ его всякой день всякими на меня клеветами и злословіями, то ласковое обращеніе его со мною не долго продлилось. Ибо, какъ между имъ не одинъ, а человекъ пять было такихъ, которымъ хотѣлось быть опредѣленными на мое мѣсто, и всѣ они, хотя другъ отъ друга тайлись, но въ главномъ пунктѣ были одинаковаго расположенія, и всѣ старанія ихъ устремлены были къ одной цѣли, а именно, чтобъ меня лишить моего мѣста, то и старались они, другъ предъ другомъ, непрерывъ всячески и кто какъ лучше звалъ, раздражать князя на меня всякими коварными и злоухищренными внушеніями, то, не

давая ему почти покоя, скоро довели его, наконецъ, до того, что онъ самъ уже желалъ найти что-нибудь похожее на дѣло, за чтобъ можно было ему отрѣшить меня отъ мѣста, а сіе и причиною было, что все вышеупомянутое происшествіе и мнѣ, и всѣмъ моимъ подкомандующимъ помогло очень мало, и что во всѣ остальные дни, которые онъ тогда у насъ прожилъ, были для насъ весьма неприятны и преисполнены несмѣтнымъ множествомъ досадъ и огорченій. Уже не помогала нимало и счастливая травля и тоньба зайцевъ; но онъ, будучи напоемъ внушеніями льстецевъ и ежедневно вновь на меня раздражаемъ, возвращался всякой день къ намъ сердитымъ, неприступнымъ и ко всѣмъ къ намъ такимъ суровымъ, какъ бы лютому какому звѣрю быть надобно; а не удовольствуясь тѣмъ, старался еще непрерывно все и все выискивать и за все сердился и бѣсился, и въ минуты таковыя доходилъ даже до самыхъ глупостей и дерзостей, нимало ни съ чиномъ, ни съ званіемъ его несообразнымъ, какъ напримѣръ:

Однажды, разсердяся за самое ничто и ничего незначущую бездѣлку, не только ругалъ всякими непристойными словами, но въ запальчивости задѣлъ даже палкою по головѣ бѣднаго моего старика Щедилова, мужа почтеннаго и степеннаго и перваго ко мнѣ изъ всѣхъ моихъ подкомандующихъ, управлявшаго всѣми волостными письменными дѣлами, и способнаго быть секретаремъ въ наилучшемъ приказѣ, и которая его поступка привела всѣхъ въ превеликое удивленіе и вперила во всѣхъ достойную къ сему командиру ненависть и отвращеніе.

Все сіе и дѣлало намъ каждой день пребыванія его у насъ годомъ, и мы съ такимъ вождѣлнѣемъ ожидали его отъѣзда, что не чаяли и дожидаться.

Наконецъ, начало приближаться сіе время. Лѣса и поля всѣ были обрысканы и зайцы всѣ вытравлены и разогнаны, и князю не оставалось уже иного, какъ ѣхать прочъ и захватить только за тѣмъ же въ Бобрики. Но какъ во всѣ сіи дни

всѣ искатели моего мѣста не могли еще всѣми домогательствами своими произвести относительно до меня ничего важнаго, и, непостижимое для нихъ терпѣніе мое всѣ ихъ злодѣйскіе ковы преодолевало и обращало въ ничто; то, нехотя упустить князя, соединили они всѣ козни свои и предъ отъѣздомъ его приготовили для меня ударъ жесточайшій предъ всѣми прежними и такой, которой едва-было не возымѣлъ желаннаго имъ дѣйствія, и привелъ самого меня не только въ смущеніе, но и въ положеніе самое критическое, а именно.

Какъ всѣми выдумками и клеветами своими не могли они до того произвести ничего и достигнуть до желаемаго, а съ досадою видѣли всѣ ихъ мною разрушаемыя; то рѣшились они наконецъ прибѣгнуть къ послѣднему средству и оклеветать меня князю съ стороны, преждеупоминаемыхъ мною, откупныхъ дѣлъ и питейныхъ выставокъ. Поводомъ къ тому послужило имъ одно особенное произшествіе. Однажды, во время ѣзды съ собаками, снесло какъ-то фаворита княжова, г. Крымова (которой изъ всѣхъ былъ для меня наипаснѣйшій и о которомъ я даже догадывался, что князь едва-ли не за тѣмъ его съ собою и привезъ, чтобъ опредѣлить его на мое мѣсто), съ тогдашнимъ откупщикомъ, г. Игнатьевымъ, случившимся быть тогда также съ ними на охотѣ. Сперва они другъ надъ другомъ трунили, но какъ Игнатьевъ былъ самая шпилька и пренежной человѣкъ, то изъ сихъ издѣвокъ вылилась наконецъ формальная межда ими и такая ссора, что они чуть-было не передрались другъ съ другомъ. И какъ Крымовъ почиталъ себя чувствительно отъ Игнатьева обиженнымъ, то, будучи самъ по себѣ не лучше его и самымъ лукавымъ, хитрымъ и злобнымъ человѣкомъ, воскипѣлъ на него непримиримою злобою, и грозя ему за обиду отомстить, проговорился какъ-то при Темешовѣ, что онъ дастъ ему себя, знать, и что скоро полетать изъ волости всѣ его выставки, о которыхъ князь до того ни слова не упоминалъ. Темешовъ

не успѣлъ сего услышать, какъ тотчасъ и прильнувъ къ сему, какъ смола, и сказалъ Крымову: «А что, братъ, хочется тебѣ этого? Ежели хочется, такъ мнѣ поклонъ—и я тотчасъ это смастерю и князя взбударажу. Словомъ, поручи ты это мнѣ, и посмотри, что сдѣлаю!» Крымову, пылающему на Игнатьева злобою, то было и на руку. Итакъ, условились они сообща производить то дѣло, и по учиненному о томъ тайному совѣту, положили всячески увѣрять князя, что я отъ Игнатьева пользуюсь прибытками, и что похлебствую ему, въ противность повелѣнія его даю по деревнямъ, присылаемымъ отъ него выставкамъ квартиры и позволяю производить въ нихъ ежедневную вездѣ вину продажу. Симъ думали они опять разлить и взбѣсить на меня князя и побудить опять къ истребленію оныхъ выставокъ. Но какъ надобно было имъ сіе доказать самымъ дѣломъ, то, рыская съ княземъ по волости, и имѣли они случай и время разспрашивать вездѣ и вездѣ, и вышаривать нѣтъ ли гдѣ во дворахъ потаенной выставки. Но какъ, къ досадѣ ихъ, нигдѣ таковая не отыскивалась, то вздумалъ и рѣшился, наконецъ, Темешовъ употребить безстыднѣйшій обманъ и самое бездѣльничество.

Онъ примѣтилъ въ одномъ селѣ, на большой дорогѣ, пустую избушку, стоящую за нѣсколько сажень отъ дороги, и въ которой жилъ, не задолго до того умершій, богадѣльникъ; и положивъ въ мерзкой душѣ своей употребить ее къ тому орудію, замышленно задержалъ князя такъ долго на охотѣ, чтобъ довелось имъ ѣхать домой уже ночью и въ такой темнотѣ, что ни зги почти было не видно. И какъ онъ зналъ, что ѣхать имъ надобно было чрезъ сіе село и мимо самой сей, на выгонѣ стоящей, лачужки, походившей по наружности очень много на кабакъ, то сѣлъ нарочно съ княземъ на его дрожки, и подѣзжая къ селу сему, нарочно завелъ рѣчь о выставкахъ и о томъ, какъ мужики отъ нихъ пропиваются, говоря, что онъ нимало не

сомнѣвается въ томъ, чтобъ не было въ деревняхъ ихъ вездѣ потаенныхъ, и что я за ними очень худо смотрю. Сими и подобными тому коварными внушеніями и успѣлъ онъ князя поприготовить. Когда же они въ село приѣхали и къ сей лачужкѣ стали подъѣзжать, то довелъ онъ опять рѣчь до выставокъ, и сталъ, будто догадываясь, говорить, что, конечно, и это выставка и предлагалъ князю, не полюбопытствовать-ли и не разпросить-ли? Князю, какъ охотнику до такихъ выведываній и словами сего клеветника уже разгоряченному, было то и на руку. Онъ тотчасъ велѣлъ на минуту остановиться и послалъ Темешова для сего узнаванія, а сей того только и желалъ. Итакъ, вмигъ соскочивъ съ дрожекъ, туда опрометью побѣжалъ и ну стучать въ окошко и кричать: «Хозяинъ! хозяинъ!»—Но какъ никто ему не отвѣчалъ, да и отвѣчать было некому, то и началъ онъ играть обдуманную имъ злодѣйскую комедію и отвѣчать самъ себѣ переменнымъ и такимъ голосомъ, которой походить на пьянаго, осиплаго и заспавшагося цѣловальника. И сей голосъ отвѣчалъ ему будто слѣдующимъ образомъ:

— Нѣтъ-ста здѣсь никого.

— Да ты-то кто? развѣ чортъ? (подхватилъ Темешовъ своимъ натуральнымъ голосомъ).

— Я-ста цѣловальникъ! (отвѣтствовалъ будто голосъ изъ лачуги и столь громко, чтобъ князь могъ слышать).

— Да развѣ это кабакъ?

— Кабакъ-ста.

— Да давно ли онъ здѣсь?

— Да всегда-ста мы здѣсь.

— И всякой день вино продаете?

— Да какъ же, неужели жить попустому?

— Да кто-жъ вамъ это дозволилъ?

— Кто-ста? Ну, управитель.

— Продай же мнѣ вина, братъ.

— Ну-ста къ чорту пошелъ, стану я вставать и дуть огонь для тебя—мнѣ спать хочется.

Симъ и подобнымъ сему образомъ спрашивалъ и самъ себѣ отвѣчалъ сей не-

годяй, и такъ искусно, что князь, слышавши все сіе, не возымѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія и сомнѣнія; но закипѣвъ на меня гнѣвомъ и злобою, кликнулъ его садиться и велѣлъ конюху ѣхать. А Темешовъ не успѣлъ сѣсть, какъ и началъ хохотать и далѣе князя поджигать: «Ха! ха! ха! ха! ха! ха! ну вотъ, вотъ, князь, не правда ли моя? Не говорилъ ли я, что есть выставки. Вотъ какъ исполняетъ Болотовъ твои повелѣнія! Да что говоритъ! Ты только не знаешь, а блохъ-то за нимъ много, много!»

Симъ и подобнымъ сему бормотаньемъ сей скороговоръ такъ князя поджогъ и взбѣсилъ, что сей конюху кричалъ, чтобъ гналъ онъ лошадей, нимало не жалѣя. А сей дуракъ и подлинно погналъ ихъ такъ, что одна лошадь, выбившись изъ силъ, упала и тутъ же околѣла. Сіе еще пуще раздосадовало князя. Въ бѣшенствѣ своемъ онъ прибилъ тутъ конюха, велѣлъ ее отрѣзать и бросить на дорогѣ, и припрягши другую, отъ заднихъ повозокъ, скакать еще шибче и только и твердилъ: «Хоть всѣ переколѣй! Казенный вѣдь! не великая диковинка!» А радующійся его спутникъ, что удалось ему его такъ взбѣсить, не преминулъ сдѣлать и тутъ своихъ замѣчаній, что я и за лошадьми-то не смотрю, и лошади-то всѣ измучены и изнурены, и прочее тому подобное...

Всѣ сіи обстоятельства и происшествія узналъ я послѣ и услышалъ отъ самого того конюха, которой ѣздилъ тогда съ нимъ кучеромъ на дрожкахъ; а тогда не до того мнѣ было, чтобъ разспрашивать, ибо князь прискакалъ къ намъ, встрѣчающимъ его, таковымъ сердитымъ и съ такою яростію опрокинулся на меня и осыпалъ меня такими угрозами и оскорбительными словами, что я его никогда еще такимъ злобнымъ, бѣшеннымъ и сердитымъ не видывалъ. Словомъ, онъ былъ какъ сумасшедшій, рвалъ и кидалъ все, скрежеталъ зубами и даже до того завирался, что въ бѣшенствѣ грозилъ меня и всѣхъ подкомандующихъ моихъ перевѣшать. Я сколько ни отмалчивался, давая утолиться сколько-нибудь его гнѣву, но

какъ и самое молчаніе мое его бѣсило и онъ приступалъ и требовалъ, чтобъ я давалъ отчетъ, для чего не исполнилъ въ точности его повелѣній, то принужденъ я былъ, наконецъ, говорить. И какъ я самъ въ точности не былъ увѣренъ въ несуществованіи выставокъ и въ мысляхъ самъ себѣ говорилъ: «Ахти, ужъ нѣтъ ли ихъ проклятыхъ дѣйствительно гдѣ по-таенныхъ?» плутовства же помянутаго еще не вѣдалъ, то другого не оставалось мнѣ, какъ сослаться на прежде упоминаемыя мною впереди, даваемыя и почти еженедѣльно повторяемыя всѣмъ старостамъ и начальникамъ приказанія о недаваніи квартиръ выставкамъ, и говорилъ, что, по крайней мѣрѣ, отъ меня всѣмъ было запрещено. Но сіе еще пуще его раздражило. Онъ сочтя, что я говорю неправду, заревѣлъ, какъ звѣрь: «Хорошо! ты говоришь, что отъ тебя было приказано и запрещено! Но посмотрю я! сей же часъ посылай всѣхъ солдатъ и вели тащить сюда всѣхъ старостъ, чтобъ завтра же они всѣ здѣсь были!... и если... если я открою что-нибудь... то ты чурайся ужъ меня.

Сказавъ сіе, протурилъ онъ меня исполнять повелѣнное и я принужденъ былъ, несмотря на все позднее время и на всю темнѣйшую осеннюю ночь, отыскивать всѣхъ солдатъ, и отправляя въ деревни, подтверждать, не жалѣя лошадей, скакать и успѣвать до-свѣта еще всѣ деревни объѣздить и велѣтъ неотмѣнно собраться на другой день всѣмъ старостамъ. Боже мой! какая досада не изъявляема была тогда сими бѣдняками и какими проклинаніями не осыпали они за то князя!

Всѣ они и успѣли дѣйствительно на другой день возвратиться и привести съ собою передъ вечеромъ всѣхъ старостъ. Но между тѣмъ какъ они собирались, препроводилъ я весь тотъ день равно какъ на каторгѣ; ибо признаться надобно, что дѣло сіе меня очень смущало и озабочивало. Я хотя съ своей стороны и дѣйствительно былъ не виноватъ и ничѣмъ не замаранъ: какъ съ такимъ че-

ловѣкомъ, каковъ былъ Игнатьевъ, и никому имѣть никакого дѣла было не можно; но какъ съ одной стороны самъ я не за вѣрное зналъ, что никто не впускалъ цѣловальника въ избы для ночлега, и не было ли какихъ бездѣльниковъ, дѣлавшихъ то изъ корысти или за вино себѣ даровое; а съ другой стороны не сомнѣвался, что придирающійся ко мнѣ явно князь непременно станетъ разспрашивать всѣхъ старостъ самъ, съ обыкновенною своею строгостію и угрозами, то страшился я, чтобъ какой-нибудь изъ нихъ не проговорился-бъ и не сказалъ, что отъ меня приказанія хотя и были, но не слишкомъ строгія и настоятельныя, а тогда почиталъ я себя погибшимъ и неминуемо долженствующимъ потерять съ безславіемъ свое мѣсто.

Все сіе меня смущало и приводило въ великое недоумѣніе, и какъ я не имѣлъ у себя никакого заступника, поелику тогда не было уже ни князѣ и самого г. Стрелкалова, на котораго, по дружбѣ его ко мнѣ, могъ бы я сколько-нибудь надѣяться, что онъ совѣтами своими поукротитъ князя; а изъ оставшихся при немъ господъ во всѣхъ находилъ себѣ недоброты и желателей моего несчастія, то и не оставалось мнѣ много, какъ по обыкновенію моему возвергнуть всю печаль мою на Господа, и ожидать всего отъ произвола и распоряженія Промысла Господня, почему я и не вдавался прежде времени въ отчаяніе.

Сіе было и лучшее, что мнѣ можно было учинить; ибо хотя бы мнѣ и стараться употреблять все, что только можно было къ вспоможенію себѣ въ сихъ критическихъ обстоятельствахъ, но я никакъ бы не успѣлъ и всѣми своими стараніями ничего бы не сдѣлалъ, а скорѣе бы все дѣло могъ испортить, нежели помочь; ибо обстоятельства тогдашнія были несравненно хуже, нежели я думалъ и воображалъ себѣ, и опасность для меня предстояла дѣйствительно великая, ибо съ одной стороны, какъ я послѣ провѣдалъ, окруженъ я былъ съ стороны князя лазутчиками и наблюдателями всѣхъ мо-

ихъ шаговъ и дѣяній и нѣкоторые изъ людей его не выходили почти изъ канцеляріи, дабы увидѣть, не стану ли я старость уговаривать и ихъ къ чему-нибудь преклонять; а съ другой—всѣ завистники мои не оставляли во весь сей, критической для меня, день ни на единую минуту князя въ покоѣ, но совокупными силами вливали въ него адъ, огонь и пламя на меня; а чрезъ все то и удалось имъ такъ хорошо настроить князя, что не только они уже за безсомнѣнное дѣло, но и самъ онъ почти за вѣрное полагалъ, что меня въ тотъ день смѣнить и лишить съ безчестіемъ мѣста. Что и дѣйствительно-бъ воспослѣдовало, еслибъ не сама судьба вступила уже въ посредство и произвела то, что всего меньше всѣми было ожидаемо, и не благоволила самое зло обратить мнѣ въ добро, какъ изъ послѣдующаго тенеръ окажется.

Какъ старосты всѣ собрались, то наступилъ наконецъ тотъ критическій пунктъ времени, въ которой надлежало мнѣ къ нему итти съ донесеніемъ о томъ. Я воздохнулъ и предавъ еще разъ все на произволъ судьбы и Промыслу Господню, пошелъ доносить ему о томъ. Онъ давно уже того и съ нетерпѣніемъ дожидался и не одинъ разъ присылалъ уже спрашивать, собрались ли всѣ и готовы-ль? И не успѣлъ о томъ услышать, какъ подхватя трость и ополчившись всею злостію и гнѣвомъ, унизился даже до того, что пошелъ чрезъ дворъ самъ въ канцелярію нашу. И не успѣлъ войти въ сію темную и мрачную комнату, набитую мужиками, ибо старость, бурмистровъ и начальниковъ было человекъ до пятидесяти и болѣе, какъ опрокинулся на нихъ какъ лютой звѣрь съ превеликою яростію и сталъ допрашивать всѣхъ ихъ съ превеликимъ крикомъ и сердцемъ, такъ, какъ бы о какомъ важнѣйшемъ государственномъ преступленіи, угрожая ихъ и каторгою, и ссылкой, и отданіемъ всѣхъ дѣтей ихъ въ солдаты, буде не скажутъ правды, а именно: не приказано ли отъ меня имъ было давать квартиры виннымъ выставкамъ? Но какъ всѣ старосты еди-

ногласно ему отвѣтствовали, что не только отъ меня никогда такихъ приказаній не было, но имъ то-и-дѣло всѣмъ подтверждено было, чтобъ квартиры не давать, какъ они никогда не даютъ и не давали, то сіе раздражило его еще пуще. Ему возмнилось, что всѣ они мною упрощены, чтобъ несказывать и что это моя интрига, и потому, чтобъ ихъ болѣе устрашить, закипѣвъ злобою, бросился онъ съ превеликою яростію на нѣкоторыхъ изъ нихъ съ палкою и сталъ дѣйствительно задѣвать ихъ и тузить по головамъ тростью и принуждать равно какъ неволею на меня сказывать.

— «Вы не бойтесь управителя! (кричалъ и вопилъ онъ имъ). Онъ ничего вамъ сдѣлать не можетъ. Я сей же часъ его смѣню! Скажите мнѣ только истину».

— Мы и сказываемъ ее вамъ, ваше сіятельство (отвѣчали они во многіе голоса), и что-жъ намъ сказать, когда чего не бывало; развѣ насильно лгать изволите приказать?

Симъ и подобнымъ сему образомъ говорили и отвѣчали ему всѣ старосты на всѣ его къ нимъ приставанія, продолжавшіяся болѣе четверти часа.

Я стоялъ въ сіе время, какъ вкопанной и не только удивлялся такому надъ мѣру строгому изслѣдованію, но трепеталъ духомъ, боясь, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ не струсилъ и отъ боязни дѣйствительно не взвелъ на меня какой-либо неблицы. Но пекущаяся обо мнѣ судьба подкрѣпила всѣхъ ихъ болѣе, нежели всѣ думали и ожидали. Они всѣ, не только всѣхъ его угрозъ и ударовъ палкою не устрашились нимало, но огорчившись тѣмъ, еще и громче и болѣе то слово твердить стали, что развѣ насильно хочеть онъ ихъ заставить говорить неправду и сказывать то, чего не бывало. А сіе вспламенило его еще болѣе и довело до тако-го безумія, что сталъ имъ угрожать обритіемъ бородъ имъ. Симъ послѣднимъ надѣялся онъ, по внушеніямъ и совѣтамъ льстецовъ своихъ, всего болѣе устрашить мужиковъ; но они, услышавъ сіе, только всѣ разсмѣялись и не одинъ, а

много изъ нихъ вдругъ ему на то сказали:

— Въ этомъ воля ваша, и не только бороды, но хоть и головы намъ все обрѣйте, а что не было, такъ не было, и сказать намъ нечего!

Взбѣсился и вспрыгался князь, сіе услышавъ. Онъ заревѣлъ на нихъ какъ тигръ и кричалъ, чтобъ скорѣе подавали фельдшера и съ бритвами, и прогнавъ за нимъ караульнаго капрала палкою, клялся небомъ и землею, что онъ дѣйствительно сіе исполнитъ.

Въ самое сіе время случилось бѣдняку, старшему моему канцеляристу Варсобию, отъ крайняго негодованія что-то пробормотать себѣ подъ носъ. И какъ, къ несчастію, стоялъ онъ неподалеку отъ князя и сей, оглянувшись, увидѣлъ его улыбающагося, какъ вдругъ опрокинулся на него какъ лютой звѣрь и завопѣлъ: «А ты что это тутъ бормочишь? Твои бездѣлничества мнѣ все давно уже извѣстны! Вонъ отсюда! и прочь изъ моей команды! Не хочу я тебя болѣе имѣть у себя!» И велѣлъ вытолкать его вонъ.

Въ сію минуту вострепеталъ я духомъ, и сколь твердодушіе мое до сего ни было велико, но тогда поколебалось и оно, и я не утерпѣлъ, чтобъ не прервать своего молчанія, и ему, хотя съ возможнымъ хладнокровіемъ, сказалъ:

— «До сего я молчалъ, и ваше сіятельство изволили сами слышать и видѣть, а что я ихъ не упрасивалъ и не умолялъ, въ томъ ссылаюсь на всехъ самихъ ихъ; но теперь принужденнымъ нахожусь сказать, что ежели симъ образомъ изволите насильно ихъ приневолить сказывать то, чего не бывало, то не диковинка принудить ихъ извѣсть на меня и самую церковную татбу, и все, что вамъ будетъ угодно; но не знаю, похвально ли то для васъ будетъ?»

Пилюля сія, какова ни горька была, но онъ въ зацальчивости своей проглотилъ ее, не почувствовавъ нисколько ея горечи. И какъ въ самой тотъ моментъ вбѣжалъ безъ души и слуга его, брадобрѣй съ бритвою и ножницами въ рукахъ, то ска-

залъ только: «А вотъ посмотримъ, судырь, посмотримъ», и бросился волоочь самъ и сажать на скамейку одного изъ старостъ, заставляя слугу своего стричь и брить ему бороду. По особливому счастію случилось, что жребій сей палъ и неслыханному поруганію сему подвергся одинъ изъ разумнѣйшихъ и неустрашимѣйшихъ старостъ: онъ не только не утрапился, но шель, смѣючись и, сядя на скамью, давалъ самъ бороду свою на обстриженіе и говорилъ только.

— «Воля ваша! не только бороду, но хоть голову извольте брить, намъ спорить въ томъ не можно! а чего не было, такъ не было, и лгать напрасно мы не хотимъ».

Сими словами онъ такъ всехъ соотавищей своихъ подкрѣпилъ, что все единогласно твердили то же, и какое ни началось чекрыженіе и полосованіе бородъ, но — невѣроятное почти дѣло: ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ и косою мины, а все сядились смѣючись и почти съ хохотаньемъ, равно какъ бы ругаясь надъ самимъ княземъ.

Все сіе и сдѣлавшееся во время бритья сего молчаніе, соединенное съ явнымъ негодованіемъ, а паче всего нижеслѣдующія слова, проговоренныя въ толпѣ однимъ старикомъ, такъ что князь ихъ слышалъ: («отецъ нашъ, а вашъ батюшка, князь Сергѣй Васильевичъ этого-бы не сдѣлалъ; онъ насъ любилъ и не сталъ бы такъ позорить; дай Богъ ему здоровье!») такъ князя смутили и поразили, что онъ, каковъ ни золъ былъ, но не выдержалъ зрѣлища сего болѣе десяти минутъ; но увидѣвъ, что и симъ крайнимъ, насильственнымъ средствомъ и самымъ дурачествомъ своимъ не могъ ничего успѣть, пошолъ отъ насъ изъ канцеляріи, не сказавъ ни одного слова, и равно какъ обруганной; и почувствовавъ всю дурноту содѣяннаго имъ, былъ во весь тотъ вечеръ такъ сердитъ, что не хотѣлъ говорить даже съ своими друзьями и наущниками ни единого почти слова, а наутріе, въ самой скорости собравшись, и усакала совсѣмъ вонъ изъ Богородицка.

Итакъ, самой сей и всего меньше всеми

ожидаемой случай спасъ меня тогда отъ всей его лютости и разрушилъ вкупѣ всѣ бездѣльническіе происки и замыслы моихъ завистниковъ и недоброхотовъ. Я остался такъ, какъ былъ. И князь съ того часа сдѣлался тише и ко мнѣ нѣсколько благосклоннѣе, а они остались всѣ какъ оплеванные, и съ сего часа такъ прижали хвостъ, что ни одинъ изъ нихъ не посмѣлъ уже болѣе и помыслить о томъ, чтобъ проситься на мое мѣсто. Такъ хорошо, можетъ быть одумавшись, князь въ сердцахъ отбрилъ и самихъ ихъ въ тайнѣ и наединѣ за то, что они ввели его въ такую глупость пустыми своими наговариваніями и внушеніями.

Но какъ бы то ни было, но неожиданной переворотъ сей и восторжествованіе надъ всѣми моими врагами было мнѣ крайне пріятно; но я восторжествовалъ еще болѣе, когда провожая князя до Бобрикъ, былъ тамъ свидѣтелемъ другой такой же, но для меня пріятнѣйшей сцены. Тамъ, какъ мною уже упомянуто, былъ управителемъ г. Верещагинъ, потаенной любимецъ и наперсникъ княжой, и не только изъ всѣхъ сокровеннѣйшихъ на меня клеветниковъ первѣйшій, но при описанныхъ выше сего въ Богородицкѣ произшествіяхъ также на меня посягавшій, и можетъ быть болѣе всѣхъ, при помощи своего и княжова друга г. Стрекалова, моего мѣста добивавшійся. Поелику князь сдѣлалъ такое безобразіе въ Богородицкѣ, то почиталъ за нужное такое же изслѣдованіе о выставкахъ сдѣлать, хотя для единой проформы, и въ Бобрикахъ. И какъ нашелъ онъ тамъ всѣхъ старость въ собраніи, то противъ всякаго ожиданія г. Верещагина, рѣшился онъ тотъ же часъ разспрашивать о томъ старость, хотя далеко не съ такою уже строгостію, запыльчивостію и гнѣвомъ, но съ хладнокровіемъ. Но случись же такъ, что старосты, услышавъ о происходившемъ въ Богородицкѣ и убоясь, чтобъ князь и у нихъ не сталъ бородъ брить, ни съ другого слова сказали князю:

— «Что, ваше сіятельство! истинну сказать, въ Богородицкой волости, что не бы-

ло, то не было, намъ всѣмъ это извѣстно, и что говорить! а у насъ....— «Что у васъ?» подхватилъ князь.— «Что, ваше сіятельство, грѣхъ утаить! у насъ бывшее это дѣло. Отъ Андрея Тимофеевича мы хотя и не одинъ разъ слышали приказаніе, чтобъ не давать выставкамъ квартиръ и не допускать ихъ до всендневной продажи вина; но эти проклятые цѣловальники покоя намъ не давали, и что говорить, иногда ласкою нашу братью на грѣхъ приводили, а иногда силою почти и наянствомъ своимъ на дворы съ бочками въѣзжали и продавали, и мы хотя не одинъ и много разъ докладывали о томъ вотъ Петру Алексѣевичу, чтобъ намъ не претерпѣть за то чего, но онъ намъ никакого на то отвѣта всякой разъ не давалъ, а говорилъ только, что это пустое и что это не наше, а его дѣло, и чтобъ мы отъ этого ничего не опасались».

Верещагинъ, услышавъ таковой всего меньше имъ ожидаемой на себя извѣтъ, обмеръ и такъ испужался, что не могъ князю ни одного слова въ отвѣтъ сказать, когда онъ, обратясь къ нему, его спросилъ: «Что это, братецъ! слышишь-ли?» и тотчасъ, схватя его за руку, повелъ въ комнаты и, затворившись съ нимъ въ особую, съ добрую четверть часа съ нимъ тамъ наединѣ пробылъ. Что они тамъ говорили, уже никто не узналъ, а только видѣли въ окно, что Верещагинъ становился предъ нимъ на колѣни и умолялъ о милости, а намъ только при выходѣ ихъ оттуда удалось услышать слѣдующія слова: «То-то, Петръ Алексѣевичъ! для другихъ умѣлъ ты конать яму, а теперь и самъ въ нее ввалился!» Но какъ я удивился, когда, вышедъ оттуда, нимало не сердился, не пошелъ уже болѣе и къ мужикамъ на дворъ, а велѣлъ ихъ всѣхъ распустить.— «Вотъ таковое, сказалъ я самъ себѣ тогда, добрымъ людямъ лихо и напасть, а бездѣльникамъ вездѣ ничего». И хотя было мнѣ сіе очень чувствительно, но какъ князь со мною обращался уже гораздо лучше противъ прежняго, то сіе и поуспокоило меня нѣсколько, и я, желая сколько-ни-

будь отъ бывшей тревоги отдохнуть, съ удовольствіемъ остался тутъ, проводивъ князя, поѣхавшаго въ тотъ же день тутъ въ лѣса бобриковскіе за охотою.

Но удовольствіе мое еще несказанно увеличилось, когда я случайнымъ образомъ въ сей день отъ конюха своего узналъ въ подробности о помянутомъ послѣднемъ шильничествѣ Темешова, чего я до того времени никакъ не вѣдалъ. «Ахъ, ты, бормотъ, бормотъ!» обрадуясь тому чрезвычайно, говорилъ я самъ себѣ. «Ахъ ты скверной и негодной человѣкъ! Не сатана ли самая научила тебя эдакую пакость сдѣлать и такую тревогу произвести? Вотъ для чего ты и сюда не поѣхалъ, какъ ни подзывалъ тебя князь? Но, молчи-жъ, дай мнѣ дожидаться князя съ поля! Выведу же я тебя на чистую воду!»—и сталъ думать какъ бы мнѣ сіе сдѣлать лучше.

По моему счастью, поле въ сей день было для князя отменно счастливо, и онъ возвратился какъ мѣдной грошъ, въ полной радости и удовольствіи. Были съ нимъ въ сей день Власовъ и нѣкто Москотинъевъ, и натравили они множество зайцевъ; и какъ князя ничто въ свѣтѣ такъ обрадовать и увеселить не могло, какъ таковая удача, то былъ онъ весь сей вечеръ веселымъ-веселѣхонѣкъ, что увидѣвъ и разсудилъ я употребить сей случай въ пользу. И между тѣмъ, какъ они въ полномъ удовольствіи упражнялись въ обыкновенныхъ своихъ о псахъ и зайцахъ рыцарскихъ разговорахъ, пригорюнившись нарочно, сѣлъ я въ уголокъ и принявъ на себя видъ печальнаго человѣка и чрезъ то подавъ поводъ замѣтившему сіе князю подойти ко мнѣ и сказать: «Ну, а ты что такъ не весель? Не болѣнъ ли?»

— Нѣтъ, ваше сіятельство! (сказалъ я). Я здоровъ, а у меня изъ головы неидетъ вчерашній напрасной гнѣвъ вашъ на меня. Дѣло-то обнаруживается, и выходитъ то, чего не только мы, но и вы не воображали себѣ.

— «А что такое?» (подхватилъ князь).

— А то, что Темешовъ не даромъ сю-

да съ вами не поѣхалъ, какъ вы ни изволили его уговаривать, а ускакалъ скорѣе домой. Не нужды его протурили, а боязнь, чтобъ вы о его бездѣльничествѣ не узнали!

— «О какомъ такомъ?»

— Онъ изволилъ позабавиться надъ вами и пошутить такъ, что врядъ-ли вы ему за то спасибо скажете. Бездѣльникъ небось и теперь смѣется и хохочетъ на вашъ счетъ.

— «Помилуй, скажи, что такое?» (подхватилъ смутившійся князь).

— Какъ бы вы думали? Открылось вотъ что: выставки-то въ Кузовкѣ, гдѣ вы ночью изволили ѣхать, вовсе не было и нѣтъ, и цѣловальника не раживалось. Я нарочно посылалъ узнавать объ ней, и ко мнѣ вотъ недавно приѣхали съ точнымъ донесеніемъ, что избушка та была совсѣмъ пустая и что жилъ въ ней богадѣльникъ, дни за два до того умершій, и стояла тогда совсѣмъ порожняя и пустая.

— «Какъ это можно? Да съ кѣмъ же онъ тогда говорилъ? Я самъ своими ушами слышалъ, какъ онъ говорилъ съ цѣловальникомъ.»

— Совсѣмъ тѣмъ, цѣловальника никакого и въ избушкѣ ни жадной души не было; а онъ изволилъ самъ съ собою разглагольствовать, и предлагая вопросы перемѣннымъ голосомъ, самъ же и отвѣчалъ себѣ, и тѣмъ-то позабавился надъ вами.

— «Какъ это можно, и не вправду-ли?»

— Дѣйствительно такъ. Извольте хоть сами спросить конюха, которой ѣхалъ позади васъ, на другихъ дрожкахъ, и будучи ближе васъ къ нему, это явственно видѣлъ и слышалъ, и смѣялся еще тому, что онъ такъ проказничаетъ.

— «Но эта проказа-та меня и за живое задѣваетъ! Ахъ, бормотъ, бормотъ! охъ проклятой человѣкъ! Ну, развѣдался-бы я съ нимъ, еслибъ онъ здѣсь теперь былъ! Возможно ли, какихъ пакостей онъ натворилъ и до чего меня тѣмъ довелъ!»

— Да и вмѣсто старосты-то Рогачевского чуть-ли не онъ же ли вамъ своего

мужика представлялъ, и что ему вамъ сказывать настропивалъ. Видѣли, что онъ съ какимъ-то мужикомъ долго наединѣ за кустомъ говорилъ.

— «Ну, это статья можетъ, я и самъ уже догадывался, что тутъ его были блохи! да и по всему вижу, что это его были доѣсти. Ахъ, бездѣльникъ, бездѣльникъ!.. а все твое мѣсто ихъ съ ума сводило. Хорошо, братъ, и судья-то вашъ краснорочій, и вотъ, что съ угрями-то на лицѣ, какъ бишь его?.. Да, Арсеньевъ».

— А что такое? (спросилъ я).

— «Послушалъ бы ты, что онъ мнѣ на тебя наставлялъ, и что о тебѣ говорилъ! И сему-то ослу хотѣлось быть на твоёмъ мѣстѣ! Но увидать они его развѣ на томъ свѣтѣ или во снѣ!»

Поразился я, сіе услышавъ, удивленіемъ превеликимъ, и только сказалъ на сіе: «Богъ съ нимъ, когда ему такъ хотѣлось!»

— «Но, какъ бы, Андрей Тимоѣевичъ, помолчать обо всемъ томъ и не разглашать всего этого... пожалуйста! А обо мнѣ, мой другъ, будь увѣренъ, что впередъ меня эти бездѣльники не собьютъ уже съ путя, а я о тебѣ какъ прежде былъ, такъ и впредь останусь хорошаго мнѣнія. По-забудемъ прошедшее! Оно къ твоей же пользѣ послужило и меня въ прежнихъ о тебѣ хорошихъ мысляхъ утвердило».

— Хорошо, ваше сіятельство! помолчать, такъ помолчать!

— «А то вѣдь, пропади они совсѣмъ! всѣ эти негодяи станутъ смѣяться и трунить надо мною.»

— То-то и дѣло! (сказалъ я). Это я самъ знаю. Извольте, ваше сіятельство, быть съ сей стороны спокойнымъ!

— «Но будь же и ты, мой другъ, повеселѣ! сказалъ наконецъ, князь, и перестань на меня досадовать! Отъ этихъ негодницъ и самъ Христосъ не отдѣляется, и самого ангела они смутили-бъ. Ахъ, бездѣльники, бездѣльники!»

Сказавъ сіе, пошелъ онъ отъ меня прочь къ своей веселой компаніи и скрылъ такъ хорошо свою досаду, что никто того не примѣтилъ, а и мнѣ не было дальнаго повода разглашать о томъ, а я доволенъ

былъ, что все дѣло мое такой переверотъ и такое хорошее окончаніе получило.

Князь и дѣйствительно съ сего времени сдѣлался ко мнѣ добрѣе и обращаться сталъ со мною совсѣмъ инако, и наконецъ, предъ отъѣздомъ своимъ, такъ удобрился, что спросилъ меня: не имѣю ли я опять какой нужды въ Москвѣ и не надобно ли мнѣ въ ней побывать опять?—«Хотѣлось было, сказалъ я, будущей зимою съѣздить въ нее съ женою и дѣтьми и пожить сколько-нибудь, чтобъ поучить дочь свою танцевать».—«Ну, такъ съ Богомъ! поѣзжай себѣ, пожалуй, и живи сколько хочешь, мы тебѣ ради будемъ».

Симъ образомъ, ни думано-ни гадаю, попримирились мы съ княземъ, и я, проводя его, съ спокойнѣйшимъ уже духомъ поѣхалъ назадъ въ Богородицъ и во всю дорогу не могъ довольно нахотаться и надивиться всему происходившему.

Вотъ какимъ образомъ кончилась и сія вторая мнѣ передрыга, или прямѣе сказать, траги-комедія. Но какъ письмо мое достигло до своихъ предѣловъ, то дозволяете мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Декабря 21-го дня 1809 года).

Письмо 208-е.

Любезный пріятель! Сіе письмо начну я замѣчаніемъ, что день отъѣзда княжова изъ Бобриковъ, примирившій меня, какъ я упоминалъ, съ симъ веселымъ горделивцемъ, былъ для меня въ особенности достопамятенъ тѣмъ, что случился онъ быть днемъ моего рожденія, ибо происходило сіе 7-го октября, и я тѣмъ равно какъ получилъ имянинной подарокъ и былъ доволенъ, что противъ всякаго чаянія случилось мнѣ сей день провести въ веселомъ духѣ; я чувствовалъ тогда такое удовольствіе, какъ бы послѣ продолжительнаго, скучнаго, холоднаго и мрачнаго ненастья, при проглянувшемъ опять солнцѣ и возвратившемся теплѣ, и потому не съ унылымъ, а радостнымъ духомъ началъ я проживать 44-й годъ теченія моей жизни.

Бдучи изъ Бобринъ въ Богородицкѣ, имѣлъ я во время сего путешествія довольно времени и досуга къ обдуманію всѣхъ случившихся въ послѣдніе дни предъ тѣмъ со мною произшествій и къ обзорѣнью оныхъ философическимъ взоромъ. И могу сказать, что чѣмъ болѣе я оныя разсматривалъ, тѣмъ болѣе находилъ я въ нихъ опять явныхъ дѣйствій и очевидныхъ доказательствъ пекущагося о благѣ моемъ Промысла Господня, обратившаго все, приготавливаемое завистниками моими, чрезъ адскія ихъ злоухищренія, мнѣ толь великое и неизбѣжное почти зло на собственныя ихъ главы, съ чувствительнымъ поруганіемъ и посрамленіемъ, мнѣ же, вмѣсто чаемаго ими вреда, въ существительную пользу. Ибо, вмѣсто ожидаемаго ими навѣрное лишенія меня моего мѣста, я чрезъ самой сей случай еще тверже въ ономъ утвердился. И не явно ли оной доказалъ, что если кому что сниспослано и даровано отъ щедроты и благодати самого Господа, такъ никакая смертная тварь безъ святого его поущенія лишить его не можетъ, и что онъ умѣетъ уже находить и средства къ недопущенію до того, чтобъ дары его могли кѣмъ быть отняты. При помысленіяхъ таковыхъ, весь духъ мой воспламенялся благоговѣніемъ ко Всемогущему, и я устами и сердцемъ благодарилъ Господа моего за покровительство столь явное и блистательное!

Но при семъ одномъ я не остался, а философствуя далѣе, помышлялъ о томъ, какъ бы мнѣ не одними только словами, а чѣмъ-нибудь существеннѣе возблагодарить за сію оказанную мнѣ милость моего небеснаго Отца, заступника и покровителя; и лучшаго не находилъ, какъ дѣяніемъ, сообразнымъ съ его святою волею и точнѣйшими его повелѣніями, состоящими въ томъ, чтобъ не мстить мнѣ самому нисколько всѣмъ, извѣстнымъ уже тогда мнѣ недоброхотамъ и завистникамъ за зло и вредъ, ими мнѣ приготавливаемой, а предоставить сіе на святѣйшій произволъ Господа. И съ своей стороны, не мѣшавшая въ сіе, какъ не въ свое, а Госпо-

ду надлежащее дѣло, во исполненіе точной воли его, всѣхъ ихъ великодушно простить и приписывать все то не ненависти ихъ ко мнѣ и злобѣ, которыхъ имъ ко мнѣ имѣть было не за что, поелику я съ ними, какъ съ искренними друзьями, обходился и имъ никогда ничего злого не сдѣлалъ, а единственно, сродной челоувѣчеству, ихъ слабости и стремленію къ приобрѣтенію себѣ кривыми путями пользы, также весьма натуральному,—а всходствіе того, сказавъ только: «а! Богъ съ ними», положилъ нисколько не перемѣнять своего прежняго съ ними дружескаго обращенія, и чрезъ самое то заставить ихъ чувствовать тайное угрызеніе собственной ихъ совѣсти. И какъ сіе дѣйствительно и исполнилъ, то въ послѣдствіи времени и имѣлъ удовольствіе видѣть всѣхъ ихъ ко мнѣ откровенно благопріятствующихъ, и дружескимъ своимъ со мною обращеніемъ равно какъ старающихся загладить свои безсовѣстные противъ меня при помянутыхъ произшествіяхъ поступки и злоухищренія.

Съ сими помышленіями возвратился я къ своимъ домашнимъ еще довольно рано. Сіи ожидали меня со страхомъ и трепетомъ и полагали уже почти за вѣрное, что приѣду я къ нимъ не съ радостнымъ извѣстіемъ, но отрѣшеннымъ уже отъ своего мѣста. Но веселой и радостной мой видъ при входѣ оживилъ и ободрилъ ихъ чрезвычайно. У насъ въ самое то время случилось быть въ гостяхъ нашему городничему съ его семействомъ. И сей, не участвовавшій нисколько въ бездѣльническихъ на меня наговорахъ, а любившій меня и домъ нашъ искренно, нарочно для того къ домашнимъ моимъ приѣхалъ, чтобъ навѣстить ихъ въ огорченіи и, приниманіемъ участія своего во всѣхъ нашихъ неудовольствіяхъ о происходившемъ, разсѣять сколько-нибудь ихъ мысли. А потому, не успѣли они меня увидѣть, какъ всѣ въ разные голоса стали меня спрашивать: «Что, батюшка? Что у васъ тамъ? Не было ли опять чего? и съ чѣмъ разстались вы съ княземъ?»—«Съ тѣмъ—смѣючись сказать я,—что я теперь уже не

управитель Богородицкой, какъ хотѣлось добрымъ людямъ, и къ несчастію еще не одному, а цѣлой полдюжины. И то-то, можетъ быть, и помогло, что никто изъ нихъ на мое мѣсто не попалъ, а я остался тотъ же, да тотъ же, да еще надежныѣ на этомъ мѣстѣ. Словомъ, всѣ каверзы и дразги, слава Богу, кончились, всѣ бездѣльничества добрыхъ людей открылись и открылись сами собою. Всѣ они одурачили и посрамили только самихъ себя и ввели въ дурачества и князя, а мнѣ тѣмъ ничего не сдѣлали. Князь самъ мнѣ все и все, что было и происходило, рассказалъ; но я смѣялся и смѣюсь только всему! Богъ съ ними! а доволенъ тѣмъ, что съ княземъ разстался я очень хорошо, и у насъ съ нимъ было ни лой, ни масла! онъ не только увѣрилъ меня, что впередъ никакихъ наговоровъ на меня не будетъ слушать, но при отъѣздѣ самъ еще у меня спросилъ, не приѣду ли опять зимою въ Москву, и нѣтъ ли мнѣ какой надобности? И какъ я сказалъ, что мы помышляли-было о томъ, чтобъ побывать въ Москвѣ съ женою и дѣтьми будущей зимою, то онъ съ превеликою охотою не только дозволилъ, но сказалъ, что можемъ мы жить тамъ сколько хотимъ, и что онъ приѣзду моему еще радъ будетъ».

— «Ну, слава, слава Богу! воскликнули всѣ мои домашніе; а то же подтвердили и городничій съ женою, увѣряя, что они очень тому рады, и что искренно сожалѣли обо мнѣ, слышавъ все происшедшее.—Въ этомъ я не сумѣваюсь нимало, сказалъ я, и покорно васъ за сіе благодарю». Но какъ городничиха начала-было изъ любопытства выпытывать отъ меня о именахъ искателей моего мѣста, то я тотчасъ ей на сіе сказалъ: «И, матушка! я уже и позабылъ ихъ... Богъ съ ними! и что о томъ говорить? Дѣло прошлое! И на что упоминать?—А напойте-ка меня (обратясь къ домашнимъ своимъ я сказалъ) чаемъ; а тамъ засядемъ-ка, Антонъ Никитичъ, опять за нашъ любезной ломберъ, и проведемъ сей вечеръ по преж-

нему съ удовольствіемъ, благо въ сегодняшний день я за 43 года до сего родился».

Симъ образомъ, шутя, отклонилъ я отъ себя соотвѣтствованіе на всѣ ея спросы и разпросы, вѣдая, что она услышанное не преминетъ всѣмъ разблаговѣстить, и заведя разговоръ о иной матеріи, и напившись чаю, усѣлся съ ними играть въ карты съ такимъ духомъ, какъ бы ничего со мною не было и не происходило. И мы дѣйствительно провели сей вечеръ отменно весело и я не отпустилъ ихъ отъ себя безъ ужина.

Но коммиссія на меня была итти въ послѣдующій день къ суду нашему, г. Арсеньеву, сказывать, что князь не велѣлъ мнѣ дозволять и допускать его ѣздить по волостнымъ дачамъ съ собаками, что мнѣ дѣйствительно князь при отъѣздѣ приказалъ. Для меня, по расположенію духа моего, было это такъ трудно, что я даже не собрался съ духомъ ему сіе въ тотъ день сказывать, а отложилъ то до другого дня. Но какъ необходимо надобно было сіе исполнить, то пошелъ, наконецъ, къ нему и не оказывая ни малѣйшаго вида какого-либо неудовольствія на него, а обращаясь по прежнему съ нимъ дружески, искуснымъ образомъ и съ изъясненіемъ сожалѣнія своего далъ ему знать, что князю не угодно, чтобъ онъ ѣздилъ безъ него въ нашихъ дачахъ съ собаками. Г. Арсеньевъ вспамялся даже весь въ лицѣ сіе услышавъ, однако принужденъ былъ молча проглотить сію пилюлю; а чтобъ онъ не возмечталъ, что сіе произошло отъ меня, то прося его, чтобъ онъ не подумалъ, что я къ тому чѣмъ-нибудь поспѣшествовалъ, клялся ему Христомъ и Богомъ, что у меня и на умѣ и въ мысляхъ того не было; и въ дальнѣйшее утѣшеніе его ему сказалъ, что не одному ему, но и Власову также запрещено и въ нашихъ и въ Бобриковскихъ дачахъ ѣздить. Сіе сколько-нибудь его поутѣшило, и какъ онъ увидѣлъ, что впрочемъ обходился я съ нимъ по прежнему дружески и какъ бы ничего объ немъ и о мытарствѣ его не вѣдалъ, хотя городничиха

наша и успѣла уже ему все слышанное отъ меня пересказать, и онъ о томъ, что князь мнѣ все и все пересказалъ, вѣдалъ; то, соотвѣтствуя пріятельскому моему съ нимъ обращенію, и самъ всячески по прежнему ко мнѣ и болѣе еще ласкался и не зналъ, какъ изъяснить удовольствія своего о томъ, что я оставленъ опять въ своемъ мѣстѣ и всѣ бывшія дразги кончились, и все получило такое хорошее окончаніе. А чтобъ отъ себя отвалить, то вздумалъ было ругать и бранить бормота Темешова, говоря, что все это было отъ него; но я, не давъ ему болѣе о томъ говорить, и ему также сказалъ: «Богъ съ нимъ! И что о томъ говорить, дѣло уже прошлое!»

Такимъ же точно образомъ поступилъ я и съ Верещагинымъ и его сестрами, о которыхъ хотя съ достовѣрностію узналъ, что отъ нихъ много всякой всячины насказано и внушено было о женѣ моей княгинѣ, и что дьявольскія злоушищренія ихъ до того простирались, что онѣ не устыдились собственнo самими нами намъ о княгинѣ говоренныя слова пересказать ей, какъ бы говоренныя моею женою; но мы все то презрѣли и нимало прежняго нашего дружескаго обращенія не перемѣнили, равно какъ не подали и вида, что намъ дѣла ихъ были извѣстны. Но какъ узнали о томъ совѣмъ не отъ насъ, а стороною, то совѣсть ихъ такъ угрызала, что и сами онѣ съ сего времени были къ намъ гораздо ласковѣе и дружелюбнѣе.

Теперь, возвращаясь къ нити прежняго моего повѣствованія, скажу, что не успѣлъ я сжить съ рукъ своего князя, и послѣ бывшихъ, столь досадныхъ себѣ, передрыгъ опять сколько-нибудь оправиться и собраться съ духомъ, — какъ приступилъ къ прежнимъ своимъ литературнымъ упражненіямъ и употребилъ къ тому все остающееся отъ прочихъ дѣлъ и отъ разъѣздовъ по волости время. И какъ оставалось въ Москвѣ уже мало запаснаго для «Магазина» моего матеріала, то спѣшилъ скорѣе заготовить его столько, чтобъ онаго на всѣ достальныя мѣсяцы сего года стало, желая уже ско-

рѣе отъ сего многотруднаго дѣла отвалиться и свалить съ себя сіе тяжкое бремя, ибо надобно знать, что какъ при поминутыхъ передрыгахъ, князь меня то-и-дѣло попрекалъ многимъ моимъ писаніемъ, о которомъ ему, видно, было пересказано, то сіе такъ меня тогда огорчило, что я, при случаѣ писанія въ самое сіе смутное время къ Новикову письма, между прочимъ, съ досады написалъ ему, что я впредь и на будущій годъ журнала своего продолжать не располагаюсь, и чтобъ онъ зналъ о томъ предварительно и объявилъ бы то, какъ зналъ, публикѣ.

Итакъ, въ концѣ сего мѣсяца и отправилъ я къ нему послѣдній матеріалъ для текущаго года, и сваливъ сіе бремя съ плечъ своихъ долой, началъ заниматься переписываніемъ набѣло вновь сочиненной мною драмы «Награжденной добродѣтели».

По окончаніи сего дѣла, принялся я за переводъ Геценыхъ славныхъ проповѣдей «О началѣ и концѣ міра», и для лучшаго привлеченія читателей придавать имъ видъ не проповѣдей, а разсужденій, въ каковомъ видѣ онѣ послѣ особливо книжкою и напечатаны были.

Къ сему новому труду побудило меня наиболѣе то, что книжка моя, подъ заглавіемъ «Чувствованія христіанина» вышла уже около сего времени изъ печати безъ малѣйшей перемѣны во всѣхъ моихъ словахъ, и что г. Новиковъ, при пересылкѣ ко мнѣ выговоренныхъ по условію 15-ти экземпляровъ, писалъ, что принята она московскою публикою чрезвычайно хорошо и съ отмѣнною похвалою. Что-жъ касается до меня, то я не могъ довольно нарадоваться, увидѣвъ ее въ печати и ею налюбоваться. И поученіе оной доставило мнѣ столько удовольствія, что я уже и однимъ тѣмъ слишкомъ награжденъ былъ за трудъ, къ сочиненію оной употребленной.

Вскорѣ за симъ случилось намъ чрезвычайнымъ образомъ поразиться одною нечаянностію. Какъ мы давно не видались съ благопріятствующею къ намъ всегда госпожею Бакуниною, то со-

брались мы однажды къ ней около сего времени стѣздить. Поелику жила она отъ насъ верстѣ 15 или болѣе, то обыкновенно ѣзжали мы къ ней всегда послѣ обѣда и у ней ночевывали. А такимъ точно образомъ и въ сей разъ, поѣхавъ къ ней послѣ обѣда, приѣхали уже передъ самымъ вечеромъ и удивились, найдя у ней цѣлую толпу гостей и въ такихъ нарядахъ какъ бы на какомъ сборномъ праздникѣ. Но удивленіе наше увеличилось еще несказанно, когда хозяйка, изъявляя удовольствіе свое о нашемъ приѣздѣ, сказала намъ, что она въ этотъ день сговорила дочь свою въ замужество. Смутились мы, сіе услышавъ, и стали извиняться передъ нею, что мы никакъ не умышленно, но совсѣмъ того не зная, къ ней приѣхали и, можетъ быть, при такомъ случаѣ совсѣмъ излишніе и имъ помѣшать можемъ. Но она стала клясться и божиться, что она намъ очень рада, что дѣло уже кончено и мы ни малѣйшаго помѣшательства имъ не сдѣлаемъ. Сіе побудило меня спросить ее: «Да умилосердитесь, матушка! Скажите, по крайней мѣрѣ намъ, за кого такого?»

— «Да за подкомандующаго вашего, сказала она: Петра Алексѣевича Верещагина». Сіе поразило насъ до такой степени удивленіемъ, что мы едва собрались съ духомъ ее съ сею радостію поздравить. Ибо надобно сказать, что мы не только о семъ сговорѣ, но ниже о сватовствѣ ихъ ничего до того не слышали и совсѣмъ того не знали, и не могли не только надивиться, но и постигнуть того, какъ она рѣшилась дочь свою, дѣвушку достойную и предостойную и которая у ней, кромѣ сына, одна только и была, отдавать за такого мотарыгу и прощлеца, каковъ былъ г. Верещагинъ, и котораго не слишкомъ похвальное поведеніе было всѣмъ и всѣмъ довольно извѣстно.

Но какъ бы то ни было, но мы принуждены были и его, появившагося къ намъ изъ другой комнаты, куда-было онъ при приѣздѣ нашемъ уклонился, по-
здравлять съ его благополучіемъ и брать

въ ихъ радости соучастіе. Совсѣмъ тѣмъ я не утерпѣлъ, чтобъ, его отвѣда потомъ къ сторонѣ, ему не сказать: «Помилуй, братецъ! что это за секретничанье и такое сокрываніе отъ насъ твоего сватовства? Неужели ты опасался, что мы разбивать бы стали? Смѣшно бы то истинно было, еслибъ ты сіе и подумалъ, зная, какъ я дружески съ тобою всегда обходился и обхожусь?»

Стыдно тогда молодцу было, а не менѣе и его нареченной тещѣ, и они не знали уже чѣмъ и какъ себя въ томъ извинить. Но какъ намъ сторона было дѣло, то мы охотно и приняли ихъ ничтожныя извиненія, и дѣйствительно взяли въ ихъ радости соучастіе, хотя впрочемъ я во весь вечеръ не могъ тому удивиться, какъ умѣлъ сей хитрецъ подбиться къ ней въ любовь и смастерить это дѣло; но послѣ узнали мы, что весьма много помогло къ тому то, что самой невѣстѣ какъ-то онъ понравился отъѣзду и она, будучи уже гораздо посидѣлою дѣвушкою, захотѣла сама за него выйти, а матери ея хотя сначала того и не хотѣлось, но какъ она ее не очень долюбивала, а обожала только своего, учащагося въ нашемъ пенсіонѣ, сына, то она съ досадою, наконецъ, и дала на то свое уже соизволеніе. Но, ахъ! какъ мало она знала тогда, что не сынъ, а самая сія нелюбимая дочь, отдаваемая тогда ни съ чѣмъ и съ приданымъ очень малымъ, будетъ наконецъ всему стяжанію ея наслѣдницею и утѣшеніемъ ея старости.

Впрочемъ, самой сей нашъ нечаянный приѣздъ произвелъ то, что нельзя уже было Верещагинымъ, чтобъ не пригласить насъ къ себѣ на свадьбу, чрезъ немногіе дни послѣ того быть долженствовавшую. Итакъ, они всѣмъ своимъ семействомъ не только насъ приглашать, но и убѣдительношимъ образомъ просить стали, чтобъ мы ихъ при семъ случаѣ не оставили, и намъ хотя и былъ резонъ сіе отъ себя отклонить, что и учинить бы легко могли за всѣ его противъ насъ коварныя поступки и интриги, но я и при семъ

случаѣ не хотѣлъ имъ тѣмъ нимало мстить, но, презрѣвъ все, безъ дальнаго сопротивленія, а паче всего по убѣжденію его матери, старухи очень доброй и нами любимой, на то согласился.

Итакъ, 11-го ноября, то-есть предъ самими почти заговинами, мы на сію свадьбу и поѣхали, а 12-го числа молодца сего на господѣ Бакуниной женили. И я принужденъ былъ играть при семъ случаѣ ролю посаженнаго отца и имѣть при томъ хлопотъ полонъ ротъ; а не меньше досталось на свою часть и женѣ моей. Мы провели у нихъ по сему случаю дни четыре въ Бобрикахъ, а потомъ ѣздили вмѣстѣ съ молодыми на отводной пиръ къ г-жѣ Бакуниной, и я радъ былъ, что имѣлъ случай и сему человѣку за зло отплатить добромъ; но за то и восползовался я въ послѣдующее время всегдашнимъ его ко мнѣ и искреннимъ уже дружествомъ.

Въ послѣдующій за симъ Филипповъ постъ не произошло у насъ ничего особеннаго и такого, о чемъ стоило бы упомянуть. Мы провели весь оной по прежнему въ мирѣ и тишинѣ, и хотя далеко не такъ весело, какъ въ прежніе годы, однако безъ скуки. Утренніе часы и все дневное время посвящали мы на обыкновенныя свои дѣла, приватнымъ и по должности, а вечернее наиболѣе на угощенія другъ друга; ибо вечеринки у насъ, хотя гораздо рѣже, но все продолжались по прежнему, и не проходило воскреснаго дня и праздника, въ которой не было бы у кого-нибудь изъ насъ общаго съѣзда и собранія. Сверхъ того, бывали нерѣдко у насъ и проѣзжіе друзья наши и знакомцы, да и сами мы ѣздили къ уѣзднымъ нашимъ знакомымъ, и объѣзжая всѣхъ своихъ друзей, живущихъ въ сторонѣ къ Крапивнѣ, кромѣ только Темешова, съ которымъ не имѣлъ я охоту продолжать свое знакомство и оставилъ его съ покоемъ, хотя онъ, видая кой-гдѣ меня, вертѣлся предо мною, какъ самой бѣсы и всячески ласками своими вину свою заглаживать старался.

Къ прочимъ и маловажнымъ досто-

памятностямъ сего времени принадлежитъ, во-первыхъ, то, что я окончилъ свой переводъ Геценовыхъ проповѣдей и отослалъ ихъ къ г. Новикову для напечатанія, буде онъ на то рѣшится. Во-вторыхъ, что мы ненарочнымъ образомъ получили къ себѣ въ городъ хорошаго переплетчика, котораго у насъ до сего времени не доставало. Былъ то одинъ пьянюшка, старичокъ-нѣмецъ и знакомой нашему лекарю, по имени Иванъ Андреевичъ Банниеръ. Сему, впрочемъ очень доброму, неглупому и весьма услужливому человѣку случилось въ Москвѣ пьяному какъ-то отзнобить у себя пальцы на ногахъ, и какъ они у него гнили, то приѣхалъ онъ къ лекарю нашему лечиться; а сей не только его вылечилъ, но уговорилъ остаться навсегда у себя жить для компаніи и довольствоваться столомъ его, а между тѣмъ завестись всѣми нужными для переплетанія книгъ инструментами и продолжать отправлять рукомясло свое, на что онъ, будучи крайне трудолюбивымъ человѣкомъ, охотно и согласился. Итакъ, отвели мы ему для житія и работы особыя комнаты въ одномъ флигелѣ, построенномъ на дворѣ гошпитальномъ, и были имъ очень довольны. Онъ переплеталъ не только книги, и весьма хорошо, но будучи затѣйливымъ человѣкомъ, дѣлалъ изъ политуры разныя коробочки, зеркальцы и прочія тому подобныя вещицы и на продажѣ ихъ получалъ себѣ изрядной доходецъ. Съ моей же стороны я всего болѣе доволенъ былъ тѣмъ, что получилъ въ немъ новаго еще человѣка, съ которымъ могъ я заниматься разговорами на любимомъ моемъ нѣмецкомъ языкѣ и чрезъ то подтверждать оной, и какъ онъ былъ любопытной и во многихъ вещахъ свѣдущій и любившій читать газеты и книги человѣкъ, то было мнѣ съ нимъ всегда нескучно.

Въ-третьихъ, случилось нашему городничему какъ-то поразмолвиться съ своею женою, женщиною, употреблявшею иногда втайнѣ излишнюю рюмку вина и при всѣхъ такихъ случаяхъ очень вздорною. И не знаю уже за что-то они такъ од-

нажды разсорились и она такъ взбѣсилась, что даже ушла отъ своего кроткаго и смирнаго мужа, и я, по просьбѣ его, принужденъ былъ ѣздить по городу ее отыскивать и потомъ мирить ихъ между собою, чтъ мнѣ наконецъ и удалось.

Между тѣмъ настала у насъ ишла своимъ чередомъ зима, и нечувствительно стали приближаться наши святки и новой годъ. И какъ къ сему времени располагались мы ѣхать въ Москву со всеѣмъ уже семействомъ, кромѣ самыхъ маленькихъ дѣтей и пожить въ ней нѣсколько недѣль, то послали предварительно туда человекъ нанять себѣ квартиру и прискаать къ тому гдѣ-нибудь порядочной домикъ, которой и нашли намъ на Покровкѣ.

Къ ѣздѣ сей побуждало насъ наиболѣе то, что хотѣлось намъ старшую дочь нашу и сына поучить формально танцованью; а сверхъ того, какъ первая достигла уже до такого возраста, что вскорѣ могла уже быть и невѣстою, то нужно было позаготовить ей кое-что и для будущаго приданаго, а мнѣ нужно было поглядѣться и счесться по дѣламъ нашимъ съ г. Новиковымъ.

Итакъ, какъ скоро получили мы извѣстіе, что домъ для насъ нанятъ и готовъ, то отпраивъ, и съ кормомъ для лошадей и со всеѣмъ другими нужными для московскаго житья потребностями, цѣлой обозъ, велѣдъ за ними и сами отправились, и за нѣсколько дней до наступленія новаго года туда и приѣхали.

Тутъ не успѣли мы обострожитья и въ на н. . . для насъ, довольно просторномъ и изрядномъ спокойномъ домѣ расположиться, какъ повстрѣчалось со мною одно происшествіе, достойное записано быть для памяти. Случилось такъ, что при самомъ еще первомъ нашемъ выѣздѣ со двора въ гости къ однимъ нашимъ друзьямъ, жившимъ тогда подъ Донскимъ, какъ вдругъ почувствовалъ я въ груди своей такой рѣзъ и такой напалъ на меня кашель, какаго я никогда еще не чувствовалъ, и которой не только удивлялъ меня своею особенностію, но и приво-

дилъ ежеминутно почти отъ часу въ примѣтнѣйшее расслабленіе.

— «Господи! что это такое? говорилъ я: уже не нынѣшняя ли московская болѣзнь, и не она ли уже успѣла заразить меня собою?» Ибо надобно знать, что около самаго сего времени страдала вся Москва повальнымъ и особаго рода кашлемъ, и больныхъ было въ ней многія тысячи и доходило до того, что господа медики не знали чтъ и дѣлать, и совѣтывали уже всеѣмъ дома свои накуривать уксусомъ и брать всеѣмъ нужная при такихъ повальныхъ болѣзняхъ предосторожности, и не зная еще какаа бы такая была сія новая и необыкновенная болѣзнь, сваливающая людей въ сутки съ ногъ долой, называли ее «инфлюенціею» и приписывали ее особливому расположенію воздуха.

Съ превеликимъ трудомъ и насиліемъ для себя препроводилъ я сей день въ гостяхъ помянутыхъ, и какъ надобно было еще въ самой тотъ же вечеръ ѣхать съ ними въ театръ, то, будучи въ ономъ и прозябши, тѣмъ еще болѣе и до того себя разстроилъ, что я наконецъ такъ ослабѣлъ, что съ нуждою доѣхалъ домой и тотчасъ ринулся въ постелю. Тутъ, недолго думая, велѣлъ я скорѣе отыскивать свой собственной простудной декоктъ, которой я, еще будучи въ Кіасовкѣ и упражняясь въ ботаникѣ, началъ составлять изъ буквицы, шалфея и ромашки, полагая первой двѣ части, а послѣднихъ по одной, и котораго о чрезвычайной полезности изъ многократной опытности я такъ былъ удостовѣренъ, что нигуда вдаль не ѣзжалъ, не бравъ его съ собою. И какъ по сему самому и въ сей разъ позапасся я имъ въ нарочитомъ количествѣ, то не успѣли мнѣ его въ чайничкѣ сварить, какъ ну я его скорѣе, подслащивая медомъ, пить и пить болѣе еще обыкновенной пропорціи, 4-хъ чашекъ. И безцѣнной декоктъ сей помогъ мнѣ и при семъ случаѣ такъ хорошо, что вся болѣзнь моя въ теченіе ночи прошла, и я поутру всталъ опять здоровымъ-здоровехѣнекъ.

Обрадуясь сему, велѣлъ я тотчасъ запрягать себѣ карету, чтобъ въ то же утро съѣздить къ Новикову. Но какимъ изумленіемъ я поразился, когда посланной съ симъ приказаніемъ слуга, возвратясь, мнѣ сказалъ, что запрягать карету некому и ѣхать мнѣ не съ кѣмъ. «Да гдѣ же подѣвались и кучеръ, и лакей?» спросилъ я. — «Всѣ, судырь, больны отвѣчалъ онъ: и кучеръ, и фореиторъ, и лакей вдругъ заболѣли и лежкою всѣ лежатъ, и одинъ только я на ногахъ». — «Ахъ, батюшки мои! воскликнулъ я, и вѣрно также грудью и кашлемъ?» — «Точно такъ (сказалъ онъ): и всѣ сами дивятся, что такъ дружно ихъ свалило. Да я вотъ и самъ насилу уже брожу». — «Ну, нечего-жъ дѣлать (сказалъ я), быть сидѣть дома и чѣмъ-нибудь уже заниматься; а ты, между тѣмъ, поди-ка и вели скорѣй наставить на огонь большой чайникъ съ водою, и сваривъ побольше моего декокта, перепой ихъ всѣхъ хорошенько, да и самъ напейся; да вели только имъ взять отдохновеніе и нескоро выходить послѣ того на дворъ, а ввечеру уже еще сварь, и на ночь опять чтобъ всѣ они его напились».

Все сіе было и исполнено и декоктъ мой помогъ и всѣмъ имъ такъ хорошо, что они къ послѣдующему дню были всѣ опять уже по прежнему бодры и здоровы, и въ состояніи со мною со двора ѣхать. Итакъ, я, запрягши лошадей, и полетѣлъ къ Новикову, жившему тогда все еще въ прежнемъ мѣстѣ, подлѣ Воскресенскихъ воротъ, въ университетскомъ типографическомъ домѣ.

Сей не успѣлъ меня увидѣть, какъ обрадуясь чрезвычайно, бѣжалъ даже съ восторгомъ меня цѣловать и обнимать, и только что посадилъ меня, какъ и началъ мнѣ говорить: «Ахъ, братецъ, Андрей Тимоѣевичъ, что ты надѣлалъ и какихъ чудесъ натворилъ?»

— А что такое? изумясь спросилъ я и удивился такой встрѣчѣ.

— «Да на что ты отказался отъ продолженія твоего прекраснаго журнала? Вся публика тѣмъ крайне недовольна! Ты не повѣришь, какъ она его полюбила,

какъ тобою была довольна и какъ о томъ жалѣть, что ты отказался отъ продолженія онаго».

— Что, братецъ, обстоятельства меня къ тому принудили! сказала я и потомъ разсказала ему отчасти о сумасбродствахъ князя и о его частыхъ меня попреканіяхъ и произведенной тѣмъ досадѣ.

— «Ахъ, братецъ! сказала Новиковъ, сіе услышавъ. Расхаркалъ бы и наплевалъ ты на все это, и на самого сего сумасброднаго твоего князя! Полезность самага дѣла и всеобщее одобреніе публики несравненно того дороже. И ежели это только тому причиной, то плюнь, пожалуйста, на все это и презри, и подумай-ка, пожалуйста, не можно ли намъ возобновить и продолжить далѣе сіе дѣло, взывшее ходъ такой хорошій?»

— Но гдѣ-жъ? сказала я, и какъ это можно? и когда успѣвать, хотя бы, наприкладъ, и согласиться на это? Новой годъ у насъ уже не за горами, и когда успѣвать сочинять и печатать? Къ тому-жъ, у меня ничего готоваго къ тому нѣтъ, да и книгъ никакихъ я съ тобою не взялъ.

— «Охъ, братецъ! подумай-ка, пожалуйста, нельзя ли какъ-нибудь и не успѣешь ли сперва хоть одинъ листъ на первой случай написать? Намахать тебѣ его недолго, а что касается до меня, то за мною дѣло не станетъ. Мы успѣемъ еще перевернуться къ тому времени. Одинъ листъ печатать недолго. Вмигъ мы его наберемъ и напечатаемъ, а успѣлъ бы только ты намъ его написать; а сверхъ того есть у меня нѣсколько пьесокъ, оставшихся и отъ нынѣшняго года, такъ помѣстимъ и ихъ тутъ же. А книги, какія надобны къ тому, бери себѣ у меня. Всѣ, какія есть у меня, къ твоимъ услугамъ! Пожалуйста, подумай!»

— Въгъ знаетъ, батюшка! (сказалъ я, задумавшись), могу-ли я успѣть? Время-то уже слишкомъ коротко, и здѣсь до того ли заѣзжемъ человѣку, чтобъ заниматься писаніемъ?

— «Но, какъ-нибудь! пожалуйста, братецъ! (повторилъ онъ), а чтобъ труды и

хлопоты твои сколько-нибудь уладить, то вотъ прибавляю вамъ съ моей стороны еще 50 рублей къ цѣнѣ прежней и пусть будетъ уже ровно 500 рублей, которые вы получите».

— Хорошо! (сказалъ я, нѣсколько опять подумавъ), быть такъ! потрудиться, такъ потрудиться!... Но съ публикою какъ же мы сдѣлаемся. Она уже знаетъ, что я болѣе не хотѣлъ издавать?

— «О, это не ваше, а мое уже дѣло! (подхватилъ Новиковъ). Съ публикою можете вы въ первомъ листѣ оговориться; а чтобы скорѣе о будущемъ продолженіе онаго узнали, такъ мы сегодня же успѣемъ еще напечатать о томъ особое объявленіе и приложить оное къ завтрашнимъ газетамъ, такъ дѣло и будетъ въ шляпѣ; а сверхъ того я иначе о распубликованіи о томъ постараюсь. Это уже мое дѣло, а вы посидѣшите только матерію для первыхъ листовъ сочинить какъ можно скорѣе».

— Хорошо! сказалъ я, и хотѣлъ-было подниматься, чтобъ ѣхать, но онъ удержалъ меня на креслахъ, воскликнувъ: «Да постой же, ради Бога! хоть чашку кофея у меня выпей, вотъ тотчасъ подадутъ его! и тотчасъ закричалъ: Малый! кофей скорѣй!»

Между тѣмъ, какъ я, осѣвшійся, сталъ дожидаться его кофея, сказалъ мнѣ Новиковъ: «А на меня знаешь ли, братецъ, какое горе: нынѣшняя московская болѣзнь загуляла и къ намъ въ типографію, и возможно ли: сею ночью цѣлыхъ шестьдесятъ человѣкъ вдругъ занемогло и лежать всѣ повалкою; не знаю что и дѣлать и боюсь, чтобъ не остановилось все дѣло!»

— О! это бездѣлка!... и ничего не значить (сказалъ я). Всѣхъ ихъ можно въ одинъ мигъ вылечить и хорошо, что вы мнѣ это сказали!

— «Ахъ, помилуй, братецъ, скажи ради Бога, чѣмъ? (подхватилъ г. Новиковъ), ты меня очень одолжишь тѣмъ!»

Тогда рассказалъ я ему то, что случилось и съ самимъ мною, и съ людьми мо-

ими, и какъ я и себя и ихъ вылечилъ своимъ декоктомъ.

Господинъ Новиковъ обрадовался невѣдомо какъ сіе услышавъ, и не успѣлъ начать у меня о сей травяной смѣси и о употребленіи оной разспрашивать, а я ему рассказывать,—какъ въ самую ту минуту растворяются двери и входитъ къ намъ штабъ-лекаръ, за которымъ г. Новиковъ посылалъ по самому сему случаю нарочно.

— «Ахъ, вотъ кетати и Карлъ Ивановичъ! (воскликнулъ Новиковъ, его увидѣвъ). Что, братецъ! у меня вся типографія больна! и человѣкъ шестьдесятъ лѣжкою лежатъ. Сдѣлай милость, посмотри ихъ».

— «Я былъ уже тамъ, и видалъ всѣхъ ихъ. Эта нонншина болѣзнь, но мы не знаемъ што дѣлать. Умъ наша не стала, завтра положили ужъ бить обща собранія всѣхъ медиковъ и консилиумъ о томъ, што лучше дѣлать и чѣмъ лечить».

— Да вотъ, Карла Ивановичъ (сказалъ на сіе Новиковъ): я сейчасъ услышалъ о вѣрномъ лекарствѣ отъ этой болѣзни. Вотъ Андрей Тимофеевичъ и самъ надъ собою и надъ людьми своими испыталъ, и въ одни сутки вылечилъ всѣхъ ихъ. И нельзя ли, братецъ, прописать вамъ самыя сіи травы для типографщиковъ моихъ?»

Штабъ-лекаръ взглянулъ на меня гордо и равно какъ съ пренебреженіемъ и изволилъ улыбнуться; однако изъ уваженія къ г. Новикову сказалъ: «Пожалуй, пожалуй, когда вамъ то надобь... А какъ эта трава называйтъ?» спросилъ онъ меня также съ нѣсколькимъ пренебреженіемъ.

Тогда назвалъ я ихъ такъ, какъ они у нихъ въ аптекахъ по-латыни называются—herba Betonica, foliis Salviae и flores Chamomilla, то-есть, буквица, шалфей и ромашка.

— «А препорцъ?» спросилъ онъ меня далѣе.

— Первой двѣ, а послѣднихъ по одной горсти, сказалъ я.

— «А употребленіе?» спросилъ онъ.

— Варить въ водѣ и, подсластивъ медомъ, пить горячее поболѣе на ночь.

— «О, это карошъ! карошъ! сказалъ онъ: травъ добра, можно прибавляйтъ немножко лаврова листь».

— Пожалуй, сказалъ я, это не помѣшается, но онѣ и безъ него хороши. И далъ ему волю писать рецептъ свой, а потомъ, подтвердивъ г. Новикову, чтобъ онъ въ особенности постарался, чтобъ всѣ больные напоены были симъ отваромъ на ночь погорячѣе и побольше, распрощался съ нимъ и поѣхалъ.

Но, куда-жъ? Прежде всего полетѣлъ я въ нѣмецкую книжную лавку къ г. Ридигеру и ну разсматривать у него каталогъ и искать въ немъ и замѣчать экономическія книги, какія мнѣ нужны были для почерпанія изъ нихъ для журнала моего матеріи. И какъ попался мнѣ на глаза Яблоновскаго «Натуральной лексиконъ» и одинъ маленькой и особой трактатецъ о шалфеѣ, то, купивъ ихъ, поскакалъ домой; и какъ случилось мнѣ ѣхать мимо одного часовщика и я давно нуждался хорошими карманными часами, то вздумалъ заѣхать къ нему и прибавленные мнѣ 50 рублей употребить на покупку оныхъ, и счастье привело меня тогда къ часовщику очень честному, снабдившему меня за 45 рублей такими часами, которыхъ вѣрностію и крѣпостію былъ я послѣ весьма доволенъ.

Возвратясь на квартиру и отобѣдавъ, не поѣхалъ я уже въ тотъ день никуда, какъ меня ни подзывали мои домашніи, а безъ дальнаго отлагательства, выбравъ себѣ тепленькой уголокъ и усѣвшись въ кабинетѣ подлѣ печки, ну черкать и сочинять первой листь для продолженія журнала, и поработавъ до поту лица, какъ въ тотъ день и вечеръ, такъ, вставши поранѣе, и въ слѣдующее утро, успѣлъ не только его, но и другой еще листь намахать, и какъ ободняло гораздо, то и повезъ его къ Новикову.

Г. Новиковъ, увидѣвъ меня, вынимающаго манускриптъ мой изъ кармана, воскликнулъ даже отъ удивленія: «Какъ! (сказалъ онъ), неужели уже и готовъ?»

— Не только одинъ, отвѣчалъ я, но и пѣлыхъ два, и посмотрите, годятся ли?

— «Прекрасно! прекрасно! сказалъ онъ, прочитавши. Ну, братецъ, только тебѣ и издавать сего рода журналы! Не думалъ я никакъ, чтобъ у тебя такъ скоро успѣли. Покорно и препокорно благодарю. А я тебѣ чудо расскажу: вѣдь твой декоктъ истинныя чудеса натворилъ; вѣдь типографщики мои всѣ опять здоровымъ-здоровѣхоньки и работаютъ уже опять. А штабъ-лекаръ оцѣнивъ почти отъ удивленія о его превосходномъ дѣйствіи, и сію только минуту безъ памяти поскакалъ въ свой общій консилиумъ сказывать сіе чудо всему своему медицинскому факультету, и теперь всѣ они безсмысленно примутся больныхъ своихъ лечить декоктомъ твоимъ. Но жаль, что нѣмчура сей вѣрно поставитъ то на свой счетъ и расхвастается, что онъ это лекарство выдумалъ».

— Ну, пусть его! сказалъ я, а только бы люди-то вылечивались имъ. Онъ и подлинно произвелъ тогда въ Москвѣ превеликую пользу и не осталось во всей ей, ни въ аптекахъ, ни въ травяномъ ряду ни листочка буквицы, шалфея и ромашки. Всѣ ихъ до-чиста выкупили и предъ аптеками только и видны были кучи людей, требующихъ травъ сихъ для леченія.

Симъ образомъ успѣли мы съ г. Новиковымъ перевернуться и издаванію журнала моего не сдѣлать перерывки и остановки. И какъ, по счастью, выдача перваго нумера газетъ случилась не въ самой первой день новаго года, то и было еще время первой листь набрать и напечатать, и онъ успѣлъ къ присовокупленію его къ газетамъ.

Но симъ окончу я и все повѣствованіе мое о 1781-мъ годѣ, сказавъ вкупѣ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 22-го дня 1809 года).

1782 годъ.

Письмо 209-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ 1782-й годъ начали мы препровождать находясь въ Москвѣ, въ которой

никогда еще мы такъ долго не живали, какъ въ сей разъ. Весь тогдашній роже- ственской мясоѣдъ провели мы въ оной и захватили даже и всю почти первую не- дѣлю великаго поста. Итакъ, прибыли мы въ оной болѣе шести недѣль. Все сіе время провели мы довольно весело по нерѣд- кимъ разъѣздамъ по всѣмъ нашимъ друзь- ямъ, знакомымъ и родственникамъ. Ча- стыя свиданія съ бывшими опять въ оной моими племянниками Травинными, при- ниманіе и угащиваніе у себя и ихъ, и приѣзжающихъ къ намъ другихъ гостей, нерѣдкія быванія въ театрѣ—доставляли намъ и удовольствій довольно; однако было множество и хлопотъ и суетъ для всѣхъ насъ. Надлежало отыскивать танц- майстера и нанимать его учить и дочь мою и сына танцованію, которой и ѣздилъ къ намъ почти всякой день и произво- дилъ свое дѣло. Надлежало не одинъ разъ бывать въ рядахъ и покупать разныя по- купки, а особливо женѣ моей, старав- шейся уже о закупаніи многихъ вещей, нужныхъ для моей дочери. А мнѣ не только заниматься сочиненіемъ матеріи для начатаго продолженія моего журнала, но частехонько бывать у обоихъ князей Гагариныхъ, и къ молодому ѣздить, какъ къ своему командиру по должности, и траговать съ нимъ о многихъ дѣлахъ по волости; а къ старому—для навѣщенія его въ скукѣ и просиживанія по прежнему съ нимъ вечеровъ цѣлыхъ. Однако, въ сей разъ я къ нему уже не такъ часто ѣздилъ, какъ въ послѣднюю мою передъ симъ бытность въ Москвѣ. Съ одной стороны и увеличивающаяся уже часъ-отъ-часу его слабость, липающая его прежней охоты къ говоренью, а принуждающая лежать болѣе уже молча на кананѣ, а меня заставляющая придумывать все, что можно къ занятію его разговорами—дѣ- лала мнѣ сіи вечера уже скучнѣйшими; а съ другой—и самая отдаленность отъ его дома моей квартиры поудерживала меня отъ частой ѣзды къ нему, хотя онъ и въ сей разъ столько же всегда мнѣ радъ бывалъ, какъ и прежде, и обходился со мною по прежнему очень дружелюбно

и ласково, и всякой разъ не упускалъ, чтооъ не поблагодарить меня за посѣще- ніе его въ старости и въ скукѣ.

Что касается до молодого князя, моего огненного командира, то сей принималъ меня въ сію мою бытность въ Москвѣ несравненно уже благосклоннѣе и лучше, нежели въ прежнее, а особливо въ первой разъ, какъ я къ нему на новой годъ при- ѣхалъ для поздравленія его. Онъ, равно какъ стараясь загладить прежнее свое дурное и оскорбительное для меня пове- деніе, не только не могъ со мною доволь- но наговориться, но унялъ у себя даже обѣдать, а послѣ обѣда, зная мое любо- пытство, показывалъ мнѣ свои рѣдкія и дорогія книги съ разными эстампами, и доставилъ мнѣ чрезъ разсматриваніе оныхъ прелекое удовольствіе. А въ другой разъ, будучи однимъ изъ директо- ровъ или старшинъ благороднаго собранія, или какъ тогда называли клуба, такъ ко мнѣ удобрился, что, спросивъ, не хо- чу ли я побывать у нихъ въ клубѣ, снаб- дилъ меня визитернымъ билетомъ для впушенія въ оной, и чрезъ то доставилъ мнѣ случай въ первой еще разъ видѣть сей родъ увеселительныхъ публичныхъ собраній. Но мнѣ оное такъ не полюби- лось, что было въ ономъ болѣе скучно, нежели весело, ибо безпрестанное только взадъ и впередъ хожденіе и смотрѣніе на множество столовъ съ людьми, занимаю- щимися игрою въ карты, и неимѣніе ни- какого случая заняться разговорами, по- елику всѣ были для меня люди незнако- мые, весьма скоро сдѣлалось мнѣ не толь- ко скучно, но и отяготительно, почему и не пробылъ я въ ономъ болѣе одного ча- са, а успелся скорѣе домой заниматься своими книгами и сочиненіями.

Первыхъ накупилъ я себѣ опять мно- жество родовъ разныхъ во всѣхъ быв- шихъ тогда весьма немногихъ еще книж- ныхъ лавкахъ, и какъ разсматриваніе, такъ и чтаніе оныхъ доставляло мнѣ ты- сячу минутъ пріятныхъ. Но послѣднія обращались иногда отчасти и въ тягость, ибо, какъ необходимо нужно было пещись о томъ, чтооъ набиранію и печатанію

листовъ моего «Магазина» не могла замножить произойти остановка, а заготовленной матеріи я никакой съ собою не привезъ, а долженъ былъ все вновь сочинять, и нужны на то матеріи въ книгахъ приписывать, и всѣмъ тѣмъ невозможнѣйшимъ образомъ слѣдить; то и работалъ я тогда, такъ сказать, равно какъ изъ-подъ палки, и сіе обращалось мнѣ иногда даже въ тягость, и тѣмъ паче, что за частыми приѣздами къ намъ гостей и за собственными своими по гостямъ разъѣздами не имѣлъ я всегда къ тому довольно досуга и свободного времени, а принужденъ былъ заниматься тѣмъ уже въ утренніе часы и вставать для того досвѣта и не по городскому, а гораздо ранѣе. И мое счастье еще было, что я не принужденъ былъ сочиненія мои переписывать набѣло, а отсылалъ ихъ въ типографію такъ, какъ выходили они изъ-подъ пера моего, и что въ типографіи самые почти ребяташки привыкли такъ къ моей рукѣ, что разбирали все, написанное мною, съ какимъ бы то поспѣшеніемъ ни было, хорошеюнько. Но за то долженъ я былъ и пересматривать каждой первой и обыкновенно всегда не весьма еще исправно отпечатанной листъ и, прочитывая его, отправлять корректуру.

Коммисію сію навалилъ на меня г. Новиковъ изъ вѣжливости и учтивства, какъ на сочинителя; но я не радъ былъ сей вѣжливости и охотнѣе хотѣлъ бы быть избавленнымъ отъ оной. Но какъ отговориться оттого было и дурно, и стыдно, то принужденъ былъ заниматься и симъ весьма скучнымъ для меня дѣломъ. Впрочемъ, достопамятно, что какъ мнѣ прежде упомянутой вновь купленной у Ридигера трактатъ о шалфеѣ по важности своей отменно полюбился, то рассудилъ я всю сію небольшую книжку, переведа отъ слова до слова и разбивъ на нѣсколько отдѣленій, помѣстивъ въ свой «Магазинъ», и она мнѣ много собою въ моемъ дѣлѣ подспорила, поелику мнѣ не столько самое писаніе и переводы, сколько приписываніе и выборъ матеріи былъ отя-

готителенъ, а тутъ занимался я переводомъ одной уже ей нѣсколько дней сряду.

Кромѣ разныхъ книгъ, удалось мнѣ во время сего пребыванія въ Москвѣ купить себѣ и множество ландкартъ, также прошептевическихъ и другихъ разныхъ родовъ эстамповъ, и не одинъ разъ бывало, что я, забравшись въ домъ къ ниренбергцамъ и итальянцамъ, торгующимъ сими товарами, препровождать по нѣсколькимъ часамъ въ разсматриваніи, отбираніи и покупаніи себѣ оныхъ; а иногда сами они, ходючи по улицамъ съ своими портфелями, къ намъ оныя занавивали, и чрезъ разсматриваніе своихъ картинъ сколько мнѣ, а того болѣе моему сыну, сдѣлавшемуся до нихъ охотникомъ, превеликое удовольствіе доставляли.

Что касается до собственныхъ моихъ разъѣздовъ, то, кромѣ многократнаго быванія у всѣхъ нашихъ родственниковъ и прежнихъ друзей и пріятелей, бывалъ я всего чаще у г. Новикова по поводу издаваемого мною «Магазина», и онъ обращался со мною отъ часу дружелюбнѣе. Бывая у него, имѣлъ я случай познакомиться со многими учеными людьми и, между прочимъ, съ г. Ключаревымъ, нынѣшнимъ почтдиректоромъ московскимъ; также видѣлъ славнаго въ тогдешнее время стихотворца Кострова, которой удивилъ меня своею дурною и отвратительною фигурою и видомъ; и я чудился натурѣ, что она, обидѣвъ столь жестоко его съ сей стороны, одарила взаменъ того великими дарованіями, и даже сожалѣлъ о томъ, что мнѣ случилось узнать его лично, ибо не знаючи, воображалъ я его себѣ несравненно въ лучшемъ видѣ.

Видѣлся я также не одинъ разъ съ старикомъ, г. Владыкинымъ, продолжавшимъ со мною по прежнему свою переписку, благопріятство, и дружество. И однажды, приѣхавъ къ нему съ моею женою и дочерью, удивились мы, нашедъ противъ всякаго ожиданія у него множество гостей, и попали нечаянно на стоворъ одной изъ дочерей его въ замужество.

Видался я не одинъ разъ и съ прежними моими знакомцами, господами Сал-

тыковыми, а особливо съ другомъ моимъ, Александромъ Михайловичемъ, продолжавшимъ ко мнѣ прежнюю свою неличемѣрную дружбу по самую его кончину, воспомядовавшую вскорѣ послѣ сего времени. А тогда возилъ онъ меня однажды къ одному изъ знаменитыхъ своихъ родственниковъ, престарѣлому старику Михайлѣ Михайловичу Салтыкову, желавшему меня узнать лично и весьма обласкавшему, у котораго мы съ нимъ и обѣдали.

Далѣе имѣлъ я случай быть опять у куратора университетскаго, Михаила Васильевича Хераскова. Къ нему возилъ меня г. Новиковъ и доставилъ мнѣ удовольствіе видѣть у него домовою театръ, и на ономъ представленіе въ первой разѣ трагедіи «Идолопоклонники» и оперы «Клоріана». Театрикъ сдѣланъ былъ у него въ залѣ немногимъ чѣмъ больше и лучше нашего перваго богородицкаго, а гораздо хуже послѣдняго. Зрителей было довольно, но были они всѣ ему знакомые люди и въ числѣ ихъ старинной мой знакомецъ графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ. Онъ былъ уже тогда эксфаворитомъ и, какъ говорили, нѣсколько уже съ разстроеннымъ умомъ. И этотъ случай былъ только одинъ, въ которой я сего славнаго человѣка въ знатномъ его достоинствѣ видѣлъ. Будучи любопытенъ, узнаетъ ли онъ меня, бывшаго ему въ Кёнигсбергѣ такъ коротко знакомымъ, становился я не одинъ разъ въ самой близости онаго; но онъ никакъ меня не узналъ, хотя и не одинъ разъ смотрѣлъ на меня. Мнѣ же никакъ не хотѣлось ему о себѣ сказывать и подходить къ нему съ поклонами. Было сіе уже незадолго до его смерти.

Кромѣ сего, былъ я опять въ домѣ у г. Демидова, Никиты Акинѣевича, по безъ него, а по особливому случаю. Разговаривая однажды, будучи у князя, съ любимцемъ его, г. Крымовымъ, узналъ я, что домъ Демидова ему очень знакомъ. И какъ мы разговорились съ нимъ о его натуральномъ кабинетѣ и рѣдкостяхъ, въ ономъ находящихся, то пришла мнѣ

мысль спросить его, не можетъ ли онъ мнѣ доставить удовольствія видѣть и пересмотрѣть на досугѣ все, въ домѣ семъ находящееся и зрѣнія достойное, и показать все то моеи женѣ и дѣтямъ. И какъ онъ съ охотою взялся мнѣ сію услугу оказать и случившееся тогда отсутствіе Демидова отъ дома почиталъ наиболѣе удобнымъ случаемъ, то и возилъ я и жену свою, и сына, и дочь, и племянницъ своихъ въ сей домъ. И какъ намъ все и все въ немъ было показано, то и доставилъ я имъ, а особливо сыну моему неописанное удовольствіе. Онъ не могъ какъ на картины славныхъ мастеровъ, такъ и на множество невиданныхъ имъ еще никогда натуральныхъ рѣдкостей, также китайскому кабинету довольно насмотрѣться и всему досыта удивиться. Въ особенности же любовались всѣ мы маленькими американскими птичками колибри, изъ которыхъ нѣкая не болѣе пчелы были величиною, а при всемъ томъ украшены преузорочными перьями.

Другое, хотя не столь любопытное, а болѣе печальное и поразительное зрѣлище видѣли они при случаѣ погребенія умершаго около самаго сего времени, московскаго начальника, славнаго нашего князя, Василія Михайловича Долгорукова. И какъ они пышной процессіи сего рода никогда еще не видавали и желали ее видѣть, то возилъ я ихъ для сего въ домъ къ г. Новикову, съ превеликою охотою дававшему намъ въ домѣ своемъ, для смотрѣнія оной, нѣсколько оконъ, и они насмотрѣлись и сего зрѣлища.

Случилось сіе въ самомъ началѣ уже февраля мѣсяца и въ первые дни наставшей тогда масленицы, которую недѣлю провели мы всю въ непрерывныхъ разѣздахъ по гостямъ и очень весело. Мы не пропускали ни одного спектакля изъ бывшихъ по обыкновенію въ сію недѣлю. Были также на горахъ, на коихъ катанья дѣти мои также не видавали, а наконецъ возилъ я ихъ и въ маскарадъ пятничной, желая чтобъ они и объ ономъ получили понятіе.

Наконецъ, 6-го февраля мы заговѣлись,

и какъ увеселенія всѣ кончились, то съ наступленіемъ великаго поста, принялись мы за дѣла, оставшіяся для исправленія. Итакъ, госпожи наши занялись своими покупками и разѣздами по церквамъ и богомоліямъ, а я—за обыкновенной своей годовой счетъ и расчетъ съ Новиковымъ, а потомъ, ѣздивши почти всякой день къ князю, своему командиру, занялся переговорами съ нимъ о дѣлахъ, до волости относящихся.

Наиглавнѣйшими предметами сихъ переговоровъ было, во-первыхъ, затѣваемое княземъ дѣланіе въ богородицкомъ дворцѣ изъ дикаго крѣпкаго камня большой парадной лѣстницы, для которой работы отысканы были и мастеровые, и сочиненъ архитекторомъ планъ оной. Въ-вторыхъ, затѣваемая нами продажа изъ богородицкихъ прудовъ маленькихъ карповъ, для завода всѣмъ, кто похочетъ ихъ покупать, и открытіе чрезъ то новаго источника доходовъ. А въ-третьихъ, и важнѣе всего, затѣваемая отдача всѣхъ нашихъ оброчныхъ земель съ публичнаго торга и знаменитое чрезъ то приращеніе доходовъ. И какъ князь о безпристрастїи моемъ въ семъ дѣлѣ былъ увѣренъ, то, говоря со мною о семъ предметѣ, такъ ко мнѣ раздобрился, что самъ мнѣ предложилъ, чтобъ я взялъ и себѣ въ оброкъ десятины съ двѣсти, гдѣ хочу и, не въ примѣръ другимъ, только по рублю за десятину, чѣмъ я очень былъ доволенъ, ибо чрезъ то могъ получать всякой годъ рублей ста два доходу.

Кончили съ молодымъ княземъ свои дѣла, и получивъ отъ него ордера и повелѣнія обо всемъ нужномъ и раскланявшись съ нимъ, поѣхалъ я проститься также и къ старику, отцу его. И это было уже въ послѣдній разъ, что я видѣлъ сего любезнаго и почтеннаго нашего вельможу. Онъ принялъ меня въ сей разъ отменно ласково и распрощался со мною, какъ бы съ какимъ отъѣзжающимъ родственникомъ, равно какъ предчувствуя, что онъ меня болѣе въ жизнь свою не увидитъ.

Съ племянницами моими распрощались

мы также почти со слезами на глазахъ. Старшая изъ нихъ, Надежда Андреевна, управлявшая всѣмъ ихъ домою, такъ полюбила бывшую съ нами среднюю дочь нашу, Настасью, что упросила насъ, чтобъ мы отпустили ее пожить къ ней въ Кашинъ, на что мы и согласились, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ, взамѣнъ того, меньшая ихъ сестра Анна Андреевна, поѣхала съ нами пожить у насъ въ Богородицкѣ. Итакъ, произошла у насъ въ семь случаевъ мѣна, которою съ обѣихъ сторонъ были довольны.

Наконецъ, окончивши всѣ свои дѣла и оставивъ въ Москвѣ довольное-таки количество растрченныхъ на все денегъ, 12-го февраля, передъ вечеромъ, поѣхали мы изъ Москвы, и заѣхавъ на самое короткое время въ свое Дворяниново, повидались съ обоими тутошними нашими сосѣдями. И какъ у брата Михайла Матвѣевича нашли мы старшаго его сына мальчикомъ уже изряднымъ, то, желая дать ему лучшее воспитаніе, уговорили его, чтобъ онъ привезъ его къ намъ и оставилъ пожить у насъ и кое-чему поучиться. Послѣ чего, переночевавъ въ Федешовѣ, приѣхали мы въ слѣдующее утро въ Тулу, гдѣ имѣлъ я удовольствіе получить письмо отъ хозяина нашего, Пастухова, изъ Петербурга, съ увѣдомленіемъ, что онъ, по препорученію моему, въ Петербургѣ отыскалъ стариннаго моего, еще кѣнигсбергскаго друга и товарища, Сергѣя Ѳедоровича Малиновскаго, находившагося уже тогда при генераль-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ, и имѣющаго хорошій чинъ и отправляющаго при немъ какую-то важную должность.

Обрадовался я сему болѣе потому, что мнѣ хотѣлось чрезъ переписку возобновить старинное наше съ нимъ любезнымъ для меня человѣкомъ знакомство и дружбу и испытать, не могу-ли я чрезъ его явить нашпортъ моего сына въ гвардію, дабы онъ съ того времени могъ считаться въ дѣйствительной службѣ, такъ какъ то дѣлывали тогда всѣ прочіе, у

кого малолѣтня дѣти записаны были въ гвардію.

Наконецъ, 16-го февраля возвратились мы въ Богородицкѣ, гдѣ мое первое дѣло состояло въ писаніи въ Петербургъ къ помянутому моему старинному другу, а потомъ велѣть повсюду распубликовать, чтобъ съѣзжались всѣ, кому надобны наши земли въ наемъ, для наниманія ихъ съ имѣющагося быть всѣмъ имъ публичнаго торга; также, чтобъ присылали, кому надобно покупать у насъ въ будущую весну карповъ, о чемъ послалъ и къ г. Новикову, для напечатанія въ газетахъ объявленія.

Между тѣмъ озабочивались мы очень о своемъ сынѣ, или паче [о] продолженіи его ученія иностраннымъ языкамъ, ибо узнали, что, во время отсутствія нашего и пребыванія въ Москвѣ, съ пансіономъ нашимъ произошла великая перемѣна; что учитель нашъ, г. Дюблюѣ, взвѣтривъ (sic) и давъ переманить себя какому-то князю Волконскому въ домъ, пансіонъ свой сдалъ другому, старику-французу, по прозвищу, де-Брини, и что сей жилъ уже на его мѣстѣ; но ученики отъ сего множайшіе были отцами поразобраны. Непріятна была намъ такая перемѣна, и болѣе потому, что новѣй учитель былъ гораздо уже неспособнѣе прежняго, да и учить могъ одному только французскому языку. Совсѣмъ тѣмъ, какъ пособить было нечѣмъ, то принуждены мы были Павла своего отдать, для продолженія наукъ его, и сему учителю, и чего не могъ сей, то старался уже замѣнить я самъ, преподавая сыну своему и товарищу его, г. Сезеневу, все, что мнѣ изъ наукъ было извѣстно, и, по счастью, оба они ничего чрезъ перемѣну сію не потеряли.

Не успѣли мы сего дѣла кончить, какъ и начали уже съѣзжаться со всѣхъ сторонъ охотники нанимать у насъ землю. И какъ было сіе еще въ первой разъ, и дѣло еще необыкновенное, то имѣлъ я по сему случаю множество хлопотъ и суеты. Собралось къ назначенному дню народа превеликое множество, и не только простого, но и самыхъ дворянъ нѣсколько

десятковъ, знакомыхъ мнѣ и незнакомыхъ. Всѣ увивались вокругъ меня и всякой старался, нельзя ли какъ нанять подешевле. Но я предпріялъ наблюдать при сей торговлѣ наисовершеннѣйшее безпристрастіе и никому не передъ кѣмъ не давать ни малѣйшаго преимущества. И какой это былъ заторъ (за торгъ?) и сколько шума и крика!

Торговлю сію производили мы во дворцѣ и назначили къ тому для дворянъ гостинную комнату, а для прочаго народа залъ. А столъ и аукціониста съ его молоткомъ поставили въ самыхъ дверяхъ, соединяющихъ обѣ сіи комнаты, дабы тѣмъ и другимъ все было видно и слышно. И сколько-жъ было тутъ шума, сколько крика и другъ у друга переторжки. Каждой надрывался и старался всячески получить себѣ землю и многіе выѣзали, такъ сказать, изъ кожи, возвышая часть-отъ-часу цѣны. Почему и неудивительно, что, вмѣсто прежней полтины за десятину, возвысилась цѣна за десятину рублей до двухъ и болѣе, смотря потому, много ли или мало на какое звѣно было охотниковъ, и что я при одной сей первой переторжкѣ увеличилъ уже доходъ двумя тысячами съ половиною рублей и прямо тѣмъ доказалъ свое безпристрастіе.

Какъ торговля сія продолжалась у насъ дни три сряду, то имѣлъ я случай познакомиться тутъ со многими изъ окрестныхъ дворянъ, которыхъ не преминулъ я приглашать всякой день къ себѣ и угощать ихъ по своей возможности. Знакомые же всѣ и жили у меня во все сіе время и мнѣ достался-таки изрядной толчокъ по сему случаю.

Едва только я сіе бремя свалилъ съ плечъ долой, какъ взвалилось на меня другое, несравненно еще тягчайшее, скучнѣйшее и досаднѣйшее. Начались у насъ опять дразги, и даже самыя приказныя, ссоры по откупнымъ дѣламъ и винной продажѣ съ прежнемуупоминаемымъ повѣреннымъ г. Игнатьева, Деревенскимъ, по случаю бездѣльныхческихъ его ко всему привязокъ и дѣлаемыхъ волостнымъ крестьянамъ крайнихъ обидъ и

притѣсненій. Я принужденъ былъ опять вооружаться противъ бездѣльника сего всѣми своими знаніями и выдумывать всѣ способы къ преоборенію его. И не одинъ разъ доводимъ былъ до величайшей досады. Къ вѣщшему несчастію гидра сія была такого рода, что не успѣешь у ней одну главу отсѣчь, какъ выростала, вмѣсто ей, другая или еще больше, и я принужденъ былъ не только сей и послѣдующій за симъ мѣсяцъ, но и весь почти сей годъ терпѣть отъ бездѣльника сего досады, хлопоты и неудовольствія всякаго рода.

Между тѣмъ и въ концѣ еще февраля мѣсяца прислалъ ко мнѣ г. Новиковъ еще цѣлую партію своихъ книгъ для продажи, а изъ Петербурга получилъ я опять отъ Пастухова увѣдомленіе, что онъ у Малиновскаго былъ, письмомъ мое отдалъ, и что онъ очень обрадовался обо мнѣ услышавъ, что меня все еще по прежнему любить и хотѣлъ ко мнѣ писать по почтѣ,—что все и порадовало меня очень.

Мѣсяцъ мартъ ознаменовался у насъ многими произшествіями, достойными замѣчанія, и наиглавнѣйше тѣмъ, что, по случаю бывшей въ теченіе сего года у насъ ревизіи, которая по порядку была уже четвертая, принуждены мы были сочинять ревизскія сказки и имѣли по сему отношенію хлопотъ полонъ ротъ. Мнѣ надлежало не только пещись о сочиненіи сказокъ сихъ по волостямъ, мною управляемымъ, и занимать ими всѣ руки канцелярскихъ моихъ служителей, но сочинять самому такія же сказки по всѣмъ собственнымъ своимъ деревнишкамъ, разсѣяннымъ всюду и всюду. И отдаленность ихъ и самая отсутственность дѣлали мнѣ въ томъ множество хлопотъ и затрудненій.

Во-вторыхъ, заняло меня еще одно собственное дѣльце. Пропадалъ у меня уже нѣсколько лѣтъ одинъ изъ тушинскихъ моихъ мужиковъ. Будучи плотникомъ и ходивши для сей работы по сторонамъ, полюбилось ему въ дальнихъ степяхъ, на Битюкѣ, мѣсто, и онъ у насъ пропалъ. Но вначалѣ сего мѣсяца слу-

чайнымъ образомъ узналъ я, гдѣ онъ находится. И какъ надобно было посылать туда человека для отысканія и поиманія его (мой же повѣренный находилъ въ отлучкѣ), то принужденъ я былъ нанять въ повѣренные (однако изъ богородицкихъ купцовъ) Силичева, человека умнаго, знающаго приказныя дѣла и проворнаго, и отправить его туды для отысканія онаго, которой и спроворилъ симъ дѣломъ такъ, что хоть и нескоро, но кончилось оно съ удовольствіемъ для меня. Человекъ сей былъ отысканъ, схваченъ, но какъ ему оттуда домой возвращаться не хотѣлось, то тамошніе упростили меня, чтобъ я имъ его продалъ, на что я и согласился и получилъ за него изрядную сумму денегъ.

Третье число сего мѣсяца достопамятно было тѣмъ, что въ оное вздумалъ и затѣялъ я сдѣлать для новокупленныхъ своихъ часовъ ту прекрасную и росписными стеклами убранную часохранильницу, которая въ рюкняхъ своихъ существуетъ у насъ еще и понынѣ, и что въ самой тотъ же день взялъ я къ себѣ одного изъ дѣтей моихъ подкомандующихъ, умненькаго мальчика для обученія его рисованію, и чрезъ самое то подалъ бѣдняку сему случай произойти послѣ въ люди. Звали его Григорьемъ, а по прозвищу Щедилowymъ. И какъ онъ былъ очень понятенъ, то и успѣлъ онъ въ рисованіи, а особливо по стеклу, такъ много, что сдѣлался наконецъ совершеннымъ въ семъ искусствѣ мастеромъ, и могъ дѣлать такія штучки, которыя стоили поднесенными быть самой императрицѣ.

Вскорѣ за симъ перепуганы мы были опять пожаромъ, случившимся отъ двора моего въ самой близости. Былъ онъ хотя ничего незначущій и сгорѣлъ только овинъ у сосѣда моего, но близостію своею настрашалъ насъ, а особливо меньшую дочь мою, Ольгу, чрезвычайно, которая бѣдняжка, видя всеобщія суеты, отъ страха не знала, куда спрятаться. Достопамятно, что пожаръ сей былъ какъ бы предварительный многимъ другимъ и несравненно важнѣйшимъ, бывшимъ въ теченіе сего

года, которой, по сему отношенію и для всего государства нашего, особливаго замѣчанія достоинъ.

Не успѣли мы отъ сего страха оправиться, какъ удивленъ я былъ однимъ полученнымъ отъ князя ордеромъ, которыми увѣдомляемъ я былъ, что въ команду нашу принять, подъ званіемъ помощника мнѣ, тотъ самой Полунинъ, глухой, которой угощаль у себя, какъ прежде было упоминаемо, князя, затѣжавшаго къ нему въ деревню. Меня сіе смутило-было сперва очень, и я не зналъ, что бы сіе значило, и признаться, что имѣть дѣло съ такимъ хитрецомъ, льстецомъ, наушникомъ и негоднымъ человекомъ, не весьма мнѣ было пріятно; но какъ послѣ я узналъ, что сіе сдѣлано было княземъ для одной только проформы и для облагодѣтельствованія его чрезъ доставленіе ему неслишкомъ большаго, опредѣленнаго ему жалованья, то скоро и успокоился опять духомъ.

Вскорѣ за симъ затѣжалъ опять ко мнѣ и у меня ужиналъ г. Муромцовъ, бывшій у насъ губернаторомъ, но въ сіе время вышедшій уже въ отставку и ѣхавшій въ свое Валовнево—жить на свободѣ и заниматься своими затѣями. Мнѣ очень было жаль сего моего знакома, ибо опредѣленной на мѣсто его г. Заборовской былъ мнѣ совѣтъ уже незнакомымъ человекомъ.

Между сими произшествіями прошель нечувствительно и весь нашъ великій постъ, въ которой всѣ праздные часы, остающіеся отъ дѣлъ, употреблялъ я на сочиненіе матеріала для своего журнала, и какъ писать и сочинять его было мнѣ тутъ уже несравненно удобнѣе, нежели въ Москвѣ, то и успѣлъ наготовить его вдругъ на нѣсколько недѣль впередъ и снабдить имъ г. Новикова надолго.

По наступленіи страстной недѣли, начали мы говѣть, ибо въ первую недѣлю намъ сего сдѣлать не удалось, и по обыкновенію въ четвергъ исповѣдывались и причащались у новаго, къ намъ опредѣленнаго, протопопа Алексѣя, прославившагося у насъ своею взрачностію

и церемоніалами въ церковной службѣ до которыхъ онъ былъ охотникъ и умѣлъ производить это дѣло.

Достопамятно, что наканунѣ сего дня случилось мнѣ видѣть достопримѣчательной сонъ о старикѣ-князѣ моемъ прежнемъ командирѣ и о сотоварищѣ моемъ, г. Верещагинѣ: перваго видѣлъ я весьма помолодѣвшимъ и собирающимся куда-то ѣхать въ дальній путь, пахать землю, а другого—украшеннаго на пальцахъ драгоценными перстнями. Снамъ хотя не велятъ вѣрить и слишкомъ уважать оные, да и я не весьма къ тому ретивъ, однако, сей сонъ былъ такъ живъ и такъ для меня поразителенъ, что я, проснувшись, долго не могъ его позабыть, и самъ себѣ не одинъ разъ говорилъ: «Ахъ, батюшки мои! ужъ не умеръ ли, или не умретъ ли скоро князь Сергѣй Васильевичъ! сонъ этотъ объ немъ очень дурень».—И чтожъ, подивитесь тому, вѣдь дѣйствительно, около сего времени онъ въ Москвѣ кончилъ свою жизнь и повезенъ въ любимое его село Мишино для погребенія. Я поразился, услышавъ о семъ чрезъ нѣсколько времени послѣ сего; вспомнилъ сей сонъ и не могъ ему довольно надивиться, а о князѣ сердечно пожалѣлъ и пожелалъ ему вѣчнаго блаженства. И хотя я отъ него, кромѣ опредѣленія меня къ сему мѣсту, никакой иной пользы и добра не видалъ; но, имѣя въ немъ у себя такого командира, съ которымъ бы хотѣлось хоть и вѣкъ жить, и будучи о любви его къ себѣ совершенно удостовѣренъ, не могъ долго изъ памяти своей истребить сей утраты и лишенія въ немъ себѣ вѣрнаго защитника и покровителя.

Впрочемъ, при напомниманіи сего сна объ немъ, вспомнилъ я и то, что мнѣ снилось тогда и о Верещагинѣ, и не могъ никакъ догадаться, что-бъ такое перстни, видѣнные на немъ, значили; и такъ сіе и осталось. Но какъ бы вы думали?—Вскорѣ послѣ того узналъ я, что и сей сонъ имѣлъ свое значеніе и также сбылся. Г. Верещагину съ самого того времени повезло счастье и произошла съ

нимъ та перемѣна, о которой упомянется послѣ, въ свое время.

День Пасхи случился у насъ въ сей годъ 27-го марта и во время самой половоды и распутицы, недозволившей никуда вдаль ѣздить, и потому всю Святую недѣлю провели мы въ городѣ и разъѣзжали только по своимъ городскимъ, какъ судьямъ, такъ и по моимъ канцеляристамъ, имѣвшимъ обыкновеніе всегда въ таковыя праздники звать насъ всѣхъ къ себѣ и угощать добрыми обѣдами. Въ праздные же часы занимался я дѣланіемъ своей часохранительницы.

Съ наступленіемъ апрѣля вскрылась у насъ весна, и съ нею начались весеннія работы въ садахъ и въ другихъ мѣстахъ. Снѣгъ начали уже вызывать меня почаше на свѣжій воздухъ и отрывать отъ работъ комнатныхъ. Кромѣ сего, какъ началась у насъ уже и продажа нашимъ карпіямъ приѣзжающимъ со всѣхъ сторонъ разнымъ людямъ, то и ловлю ихъ надобно было заниматься. Сочиненіе и писаніе ревизскихъ сказокъ и моего «Магазина» продолжалось также. Въ садахъ у себя заводилъ я крапъ и спаржу, которая въ послѣдующее время меня такъ много занимала. А впрочемъ, въ теченіе всего сего мѣсяца не случилось ничего почти особеннаго, кромѣ того, что 11-го числа былъ въ Богородицкѣ въ другой разъ пожаръ, и нарочито великой. Но какъ оной былъ въ новопостроившемся уже городѣ и въ нарочитомъ отъ насъ отдаленіи, то симъ были мы не такъ перепуганы, какъ прежнимъ; а въ концѣ сего мѣсяца заѣзжалъ къ намъ опять прежній нашъ губернаторъ, г. Муромцовъ. Но сей разъ былъ уже и послѣдній, что мы угощали у себя сего любезнаго человѣка.

Въ сихъ обстоятельствахъ засталъ насъ наипрекраснѣйшій мѣсяцъ въ году, май, бывшій въ сей годъ для меня многими произшествіями весьма достопамятнымъ. И самое начало онаго ознаменовалось уже тремя особаго рода произшествіями, во-первыхъ, тѣмъ, что приѣхалъ ко мнѣ нарочно изъ Орла для свиданія со мною

личнаго знакомства тамошній дворянинъ, Алексѣй Александровичъ Воейковъ, самой тотъ, которой имѣлъ со мною столь многую переписку подъ именемъ «Уединенна», и былъ однимъ изъ лучшихъ моихъ корреспондентовъ. Оба мы другъ друга заочно весьма любили и обоимъ намъ хотѣлось лично познакомиться. Я нашелъ въ немъ весьма умнаго человѣка, и мы подружился съ нимъ короче и больше. Онъ прогостилъ у меня дни три, и мы не могли съ нимъ довольно наговориться. Во-вторыхъ, достопамятно, что я около самаго сего времени нечаянно открылъ въ горѣ, пониже дворца, тѣ удивительные и рѣдкіе разноцвѣтные пески, которые впоследствии времени сдѣлались такъ славны. Въ-третьихъ, около самаго сего времени, по случаю приближающейся славной лебедянской ярманки, восхотѣлось мнѣ отправить на оную большую часть бывшихъ у меня Новиковскихъ книгъ для продажи, наклавъ ими цѣлыя сундуки, и чрезъ то нечаяннымъ образомъ спасти ихъ отъ гибели. Наконецъ, 9-го числа сего мѣсяца насталъ у насъ Николинъ день, которой въ сей годъ праздновали мы дома и въ Елифанѣ не ѣздили. Самое сіе случилось хотя ненарочно, а очень кстати, какъ изъ послѣдующаго усмотрится.

Симъ образомъ продолжали мы свою прежнюю жизнь и довольно веселую и пріятную, какъ вдругъ судьбѣ угодно было неожиданнымъ и наиважнѣйшимъ въ моей жизни произшествіемъ произвести во всѣхъ обстоятельствахъ моихъ по многимъ отношеніямъ великую перемѣну.

Но о семъ узнаете вы изъ письма послѣдующаго; а сіе дозволюте мнѣ симъ кончить, и сказать, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 25-го дня 1809 года).

Письмо 210-е.

Любезный пріятель! При концѣ послѣдняго моего къ вамъ письма, оставилъ я васъ безсомнѣнно въ большомъ любопытствѣ и желаніи узнать какое бы то

было важное происшествіе въ моей жизни, о которомъ я упомянулъ вскользь при самомъ заключеніи письма моего. Ахъ, любезный другъ! оно было несчастное! Всемогущему, по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ, угодно было посѣтить насъ страшнымъ и ужаснымъ пожарнымъ бѣдствіемъ, превратившимъ менѣе, нежели въ два часа, въ прахъ и пепелъ цѣлыя двѣ слободы въ Богородницкѣ, и вмѣстѣ съ ними весь тотъ дворъ и домъ, въ которомъ я до того имѣлъ свое жительство, похитившимъ у меня знатную часть моего движимаго имущества, а того болѣе разстроившаго весьма много всѣ мои обстоятельства.

Несчастіе сіе случилось поутру, на другой день послѣ праздника Николая Чудотворца, въ которой я, угащивая у себя въ домѣ всѣхъ нашихъ городскихъ, и будучи очень веселъ, нимало не воображалъ себѣ, что пользовался симъ спокойнымъ и просторнымъ домомъ тогда уже въ послѣдній разъ. Пронзошелъ оной отъ самой малости и отъ глупой и бездѣльной ссоринки двухъ бабъ между собою, жившихъ вмѣстѣ въ одной нашей казенной казармѣ и принадлежащихъ нашему городничему. Топилась у нихъ печь и надобно было одной изъ нихъ выгребать изъ ней жаръ и для сажанія хлѣбовъ выметать помѣломъ золу. Такъ случилось, что для сего выметанія золы схватила она, изъ поспѣшности, помело не свое, а принадлежащее другой бабѣ, съ нею тутъ же живущей и съ которою у ней не было ладу. Сія не успѣла сего увидѣть, какъ, возопивъ: «ахъ, к...а! на что ты берешь мое помело?» бросилась на нее и, вырвавъ изъ рукъ помело свое, выскочила съ нимъ вонъ изъ избы и бросила его на избяной потолокъ, нимало не посмотрѣвъ, не вѣдрилиось ли въ него огня. Помелу сему случилось лечь подлѣ самой тростниковой кровли, которою сія связь была покрыта, и случившійся на ту пору сильной вѣтръ раздулъ огонь, вѣдлившійся въ помело сіе, а отъ сего и вспылала въ одинъ мигъ тростниковая кровля.

Мнѣ случилось въ самую сію минуту сидѣть въ своемъ маленькомъ кабинетѣ и, по обыкновенію своему, заниматься писаніемъ матеріи для моего «Магазина», подъ окошкомъ, изъ котораго видъ простирался въ самую ту сторону, гдѣ находилась сія казарма. За тѣмъ же столкомъ сбоку случилось сидѣть малюткѣ моей, семилѣтней дочери Ольгѣ, учившейся тогда писать и занимающейся симъ дѣломъ. И какъ она въ сей день писала отменно дурно и меня тѣмъ поразсердила, то такая и браня ее за то, огорчила я ее тѣмъ до того, что у ней капали на бумагу слезы; а какъ сіе меня еще болѣе разсердило, то приподнялся я съ своего мѣста для отнятія у ней бумаги, и въ самую ту минуту увидѣлъ въ окно большой дымъ, отъ помянутаго воспаленія происшедшій.

— Ахъ, батюшки мои! опять пожаръ, и не далеко! закричалъ я и, въ тотъ же мигъ вскочивъ и оставивъ затрепетавшую отъ страха и крайне испугавшуюся и заплакавшую свою дѣвчонку и бросивъ все, побѣжалъ (sic) благимъ матомъ къ пожару, дабы употребить скорѣйшія мѣры и средства къ погашенію оного. Но, прибѣжавъ туда, оцѣпенѣлъ отъ ужаса, увидѣвъ, что не только не было ни малѣйшей надежды къ погашенію пламени, но что и самой мой домъ подвергался неизбѣжной опасности. Казарма вся занялась уже огнемъ, и пламя страшное съ густѣйшимъ дымомъ и трескомъ пылало отъ тростниковой или камышевой кровли и, извергая изъ себя миллионы искръ и цѣлыя почти охапки горячаго тростника, разсѣвало ихъ по воздуху. Чрезвычайно сильной вѣтръ или паче самая буря, случившаяся на ту пору, поспѣшествовала сему пожару и неслы помянутыя галки или горящую солому прямо въ сторону къ моему дому и на ближнія таковыя же камышемъ и соломою покрытыя зданія. Итакъ, — хотя мѣсто сіе было почти на полверсты отдалено отъ моего дома, но какъ былъ онъ совершенно подъ вѣтромъ, и между нимъ и горящею казармою находился непрерывной почти рядъ дворовъ и зданій съ

соломенными кровлями и отдѣляющихся другъ отъ друга небольшими только огородами, а и самой домъ и дворъ мой отдѣлялся отъ послѣдняго превеликаго двора, покрытаго соломой и принадлежащаго одному изъ господъ Полунинныхъ, однимъ только десятисаженнымъ проулкомъ проѣзжимъ, огонь же и искры несло прямою чертою на мой домъ,—то не сомнѣвался я, что въ немногія минуты достигнетъ онъ и до моего жилища.

При таковыхъ бѣдственныхныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ, другого не оставалось мнѣ, какъ безъ памяти бѣжать скорѣй опять въ свой домъ и спѣшить изъ него выбираться и успѣвать спасать все, что было можно. Я нашелъ въ немъ всѣхъ уже перетревожившихся но недѣлающихъ еще ничего отъ изумленія, и при первомъ шагѣ въ него, закричалъ всѣмъ: «выбирайтесь, выбирайтесь скорѣе! нѣтъ ни малѣйшей надежды къ спасенію».

Словомъ, симъ вдругъ все, что имѣло только руки и ноги, пришло въ движеніе. Повсюду началось бѣганье, схватываніе и вынашивание всего вонъ, что первое попадалось кому въ руки. Я самъ второпяхъ, не зная за что хватиться, вбѣжавъ въ свой кабинетъ, другого не нашелъ, какъ скорѣе спасать бумаги и книги свои, которыми всѣ стѣны передняго кабинета моего были установлены. И какъ нанудобнѣйшимъ и скорѣйшимъ средствомъ казалось мнѣ къ тому выбрасываніе ихъ въ окно въ огороженной рѣшеткою цвѣтникъ, въ сторону, ко дворцу нашему. Оконшко же было хотя большое, но съ двойными еще окончинами, то, схватя стоявшіе на немъ горшки съ цвѣтами, ну ихъ швырять всею силою въ стекла и дѣлать проломъ для киданія книгъ, которыя сбѣгающійся народъ подбиралъ и изъ цвѣтника таскалъ далѣе на большую и обширную площадь, между моимъ домомъ и дворцомъ находившуюся. Точно такимъ же образомъ поступали и прочіе мои домашніе и отчасти выкидывали, что было можно въ окна, отчасти вытаскивали и выносили дверьми изъ дома. Я самъ по-

могалъ имъ въ томъ послѣ и не могъ послѣ надивиться тому, откуда взялась во мнѣ тогда такая сила, что я могъ въ одно мгновеніе ока сорвать съ стѣны большія свои зеркала и прервать всѣ привязи, которыми онѣ къ стѣнѣ прикрѣплены и привязаны были. Но, увы! ко всему таковому упражненію и къ спасанію движимыхъ вещей не имѣли мы болѣе 18-ти минутъ времени, ибо въ сіе время стояли уже не только всѣ зданія между моимъ домомъ и помянутою казармою въ огнѣ и пламени, но запылалъ уже и сосѣдственной ко мнѣ Полунинскій дворъ, и осыпалъ весь мой дворъ миллионами искръ. Хоромы мои были покрыты хотя тесомъ, но кровля на нихъ тлѣлась уже отъ жара. Прочія же зданія и службы, окружавшія весь дворъ мой, на подобіе кольца, были всѣ покрыты также тростникомъ и занимались тогда уже пламенемъ. Къ вѣнцу неслучастію и послѣдняя сторона съ площади дѣлалась опасною. Загорѣлась уже и вся поповская слобода, оную съ сѣверной стороны окружавшая и примыкающая въ поворотъ къ моему двору.

Все сіе увидѣвъ и боясь, чтобъ самими намъ не быть захваченнымъ огнемъ и пламенемъ, рѣшился я предать все достальное въ жертву огню, а помышлять о спасеніи самого себя и семейства своего отъ очевидной опасности. И въ тотъ же мигъ бросился отыскивать тещу, жену и дѣтей своихъ, бѣгавшихъ также во все сіе время безъ ума и памяти и помогавшихъ выносить вбѣжавшему народу всѣ попадающіяся имъ на глаза и въ руки вещи. Съ превеликою нуждою и кое-какъ могъ я отыскать кое-кого изъ нихъ и подхватить ихъ неволею, почти тащилъ уже въ заднія сѣни, ибо въ переднія отъ нестерпимаго зноя не можно было уже показаться. Тутъ выбѣжавъ съ ними на дворъ не зная я, куда мнѣ съ ними дѣваться. Въ ворота, бывшія на помянутую площадь, въ сторону къ дворцу бѣжать было уже не можно. Пылающая приворотная изба и пламя, отъ ней стелющееся почти по землѣ, преградили намъ сей

путь къ спасенію. Задній бокъ двора, отдѣляющій оной отъ моего сада, стоялъ уже также весь въ огнѣ и пламени и пресѣлъ намъ путь и въ садъ мой, за нимъ находившійся. «Ахъ, какая бѣда!» закричалъ я, «куда-жъ бы намъ самимъ-то убраться, и чтобъ не захватило и самихъ насъ пламя!» По счастію усмотрѣлъ я небольшой промежутокъ между строеніями лѣваго и незагорѣвшагося еще бочка двора моего. И какъ другого не оставалось, какъ вести всѣхъ своихъ, кого я могъ наитить и окликать, въ сію прорѣху и обводить ихъ кругомъ и около въ свой садъ.

Приведши туда семьянинокъ моихъ, побѣднѣвшихъ и помертвѣвшихъ отъ ужаса и опомнившись сколько-нибудь, стали мы осматриваться—всѣ ли мы тутъ, и вдругъ, къ неизобразимому смятенію нашему, увидѣли, что не доставало еще средней изъ дочерей моихъ, Ольги, также и меньшей самой съ ея кормилицею, и наконецъ самой племянницы моей, Анны Андреевны Травинной, гостившей тогда у насъ. «Ахъ, батюшки мои!» гдѣ же онѣ?» закричалъ я и прогналъ выбѣжавшихъ вмѣстѣ съ нами людей отыскивать оныхъ, прося ихъ, ради Бога, поспѣшить тѣмъ. И они успокоили меня скоро въ разсужденіи меньшей моей дочери и племянницы. О первой, возвратившись, сказали они мнѣ, что есть видаки, видѣвшіе кормилицу съ ребенкомъ, идущею по улицѣ на край нашего селенія, и что онѣ находятся въ полѣ и въ безопасности; а о второй увѣрили они меня также, что она находится въ замкѣ дворца нашего, куда видѣли ее кое-съ-чѣмъ ушедшею. «Ну, а Ольга-то гдѣ?» подхватилъ я; но на сіе не могъ мнѣ никто сказать ни одного слова.

— «Ахъ, батюшки мои! возопилъ я, смутившись до чрезвычайности, побѣгите ради самого Бога и поищите ее». И между тѣмъ, какъ они побѣжали, цѣпенѣлъ я отъ страха и боязни, чтобъ дѣвчонка сія у меня не сгорѣла. Мнѣ вспомнилось, какъ она испугалась тогда, какъ увидѣла пожаръ, сидючи подлѣ меня въ кабинетѣ,

какъ заплакавъ и завопѣвъ, побѣжала отъ меня и какъ я, вѣдая довольно, что она всѣхъ дѣтей моихъ была трусливѣе, вспомнилъ, что при всѣхъ прежнихъ пожарахъ имѣла она обыкновеніе куда-нибудь въ труппу забиваться и прятаться, —то вдругъ поразилося сердце мое такимъ смущеніемъ и страхомъ, что я былъ почти внѣ себя въ нетерпѣливѣйшемъ ожиданіи посланныхъ искать ее. Они и возвратились скоро, но не утѣшили меня, а увеличили еще несказанно опасеніе и сомнительство мое, сказавъ, что нигдѣ ее не нашли; что въ хоромы войти уже не можно; что спрашивали объ ней у всѣхъ и что никто не видалъ ее нигдѣ. «Ахъ, батюшки мои! возопилъ я, ужъ не спряталась ли она гдѣ въ хоромашъ и не сгорѣла-бъ у меня эта бѣдняжка! Ахти, что дѣлать?» Люди, стараясь утѣшить меня сколько-нибудь, говорили тогда: «Не ушла ли и она также во дворецъ?» Но какъ было сіе еще недостоверно и никто ее бѣжавшею туда не видѣлъ, то сіе не могло меня никакъ успокоить; но любовь къ дѣтямъ и жалѣніе сего милаго и любимаго нами рабѣнка, толико во мнѣ воздѣйствовала, что я, не долго думая, рѣшился самъ бѣжать въ замокъ для узнанія, тамъ ли подлинно она и для удостовѣренія себя въ безопасности оной, и какой опасности не подвергла-было самого меня сія родительская любовь къ дѣтямъ!

Воспріавъ сіе намѣреніе, убѣдилъ я просьбою всѣхъ, бывшихъ со мною, прочихъ родныхъ своихъ побыть тутъ въ саду и не сходить съ того мѣста, какъ безопаснѣйшаго предъ прочими; сталъ я осматриваться и искать удобнаго мѣста къ пробѣжанію сквозъ пылающій рядъ строеній на площадь къ замку, и усмотрѣвъ за проулкомъ въ нарочитомъ отдаленіи отъ себя довольно просторной промежутокъ между двумя горящими дворами, отдѣленными другъ отъ друга огородомъ, сажень на 15 шириною, возмечталъ я, что мнѣ тутъ пробѣжать будетъ можно, и не долго думая, пустился туда бѣжать. Но не успѣлъ я къ сему проме-

жутку подбѣжать, какъ невидимой и нестерпимой почти зной, несомой бурей по самой почти землѣ, далъ мнѣ скоро почувствовать, что пробѣжать мнѣ тутъ не такъ было легко, какъ я думалъ. Однако, собравшись съ духомъ и прикрывъ сбоку голову свою отъ зноя, отважился я на сей подвигъ; и какъ ни жарко мнѣ было, но я все бѣжалъ-таки кое-какъ, и пробѣжалъ почти все сіе опасное мѣсто. Но тутъ вдругъ очутясь предо мною изгорода, составленная изъ кольевъ, или самой пакостной и совсѣмъ неудобной къ прехожденію частоколъ, котораго я второпяхъ и закрывшись отъ жара сначала и не примѣтилъ. Я оцѣпенѣлъ, оной предъ собою увидѣвъ, и возопилъ: «Ахъ, батюшки мои! что дѣлать и какъ быть?» Назадъ бѣжать не было уже способа отъ умножающагося ежеминутно жара и нестерпимаго зноя, а и перелѣзть ограду сію казалось не было возможности. Въ сей крайности вздумалъ-было я ее коверкать и ломать, но скоро увидѣлъ, что силъ моихъ къ тому далеко было недостаточно. Отъ сего пришелъ я еще въ вящее настроеніе, и видя себя подвергшагося въ очевидную опасность, только твердилъ: «ахъ, батюшки, что дѣлать?» Но какъ времени не можно было терять ни минуты, то другаго не оставалось мнѣ какъ пуститься на отвагу и отвѣдать какъ-нибудь перелѣзть оную. И я истинно уже не знаю, какъ помогъ мнѣ Богъ перелѣзть тогда чрезъ нее, нисколько не повредя себя на торчащихъ сверху неровныхъ вышиною колыяхъ. Въ другое время ни за какія деньги не отважился бы я сего дѣлать.

Но какъ бы то ни было, но я перелѣзъ ее удачно и обрадовался до безконечности, выбѣжавъ невредимо изъ черты знойной на холодной воздухъ. Нѣсколько разъ перекрестился я тогда, благодаря Бога за вспоможеніе мнѣ прейти сію страшную и опасную преграду и въ радости и не охнувъ уже о томъ, что домъ мой занялся и уже пылалъ въ развалъ огнемъ и пламенемъ, а махнувъ только рукою, пустился бѣжать къ замку, куда привле-

калъ меня предметъ интереснѣйшій. Но, что-жъ? прибѣжавъ туда, нашелъ я превеликую кучу стасканнаго и спасеннаго народомъ моего имущества, и подлѣ ея племянницу мою, стоящую на стражѣ для охраненія, чтобъ и послѣднихъ вещей не растаскали. Но Ольги моей не было и тутъ, и никто ее не видалъ и не зналъ, гдѣ она находилась. «Ахъ, Боже мой, возопилъ я съ стѣсненнымъ сердцемъ, ну, истинно, она погибла и сгорѣла! Ахти, ахти! какая бѣда!» Племянница моя вздумала-было, утѣшая меня, говорить: «И, дядюшка! этому быть нельзя. Она уже не маленькая и какъ ей не выбѣжать? Не съ кормилицею ли она на полѣ, вонъ по конецъ этой аллеи? Но я, перервавъ ея слова, сказалъ: «Ахъ, матушка ты моя! и тамъ, говорятъ, что ей нѣтъ и никто ее не видалъ. А она вѣрно, бѣдняжка, гдѣ-нибудь отъ страха спряталась, задохлась и сгорѣла!»

Совсѣмъ тѣмъ хотѣлось мнѣ самому побывать тамъ, гдѣ кормилица и разпросить ее, не видала ли она ее? Сказавъ сіе и не долго думая, пустился я безъ души и памяти по аллеѣ бѣжать опять къ пожару. Прибѣжавъ къ нему, увидѣлъ я дворъ Полунина уже сгорѣвшимъ или паче догорающимъ, а свой весь еще пылающій. И какъ мнѣ надлежало пробѣгать помянутымъ проулкомъ, между обоими сими дворами бывшимъ, то боясь, чтобъ не подвергнуться опять опасности, остановился я и не зналъ что дѣлать? и пускаться ли въ проулокъ или нѣтъ? Но увидѣвъ въ самое то время двухъ чело-вѣкъ, бѣгущихъ на встрѣчу ко мнѣ по сему проулку, спросилъ ихъ: «Что, братцы, можно ли пробѣжать тутъ?»—«Охъ, батюшка! сказали они, жарко и очень жарко и знойно! мы насилу пробѣжали».—«О, когда вамъ можно было, подхватилъ я, то для чего-жъ бы нельзя и мнѣ». И тотчасъ, ободрясь сими словами, отважился и на сей новой подвигъ. Но, ахъ! отвага сія чуть-было чуть не погубила меня совершенно! Отъ роду и во все теченіе моей жизни не былъ я еще въ такой великой опасности какъ въ сей разъ. Бѣжать мнѣ

надлежало симъ зноемъ отъ горящихъ по обѣ стороны зданій сажень около тридцати. И я какъ ни напрягалъ всѣ силы свои къ скорѣйшему пробѣжанію сего поприща, но чуть-было чуть не задохся совсѣмъ. Сперва было хотя очень жарко, но все-таки сколько-нибудь сносно, но какъ подбѣгая почти къ самому концу сего опаснаго мѣста, вбѣжалъ я въ самой величайшій, и такой точно зной, какой бываетъ въ истопленной и только что закрытой печи, то духъ мой такъ начало захватывать, что пришлось-было совсѣмъ ложиться на землю и погибать. Но по особливому счастью, изнеможенію и опасности сей подвергся уже при самомъ концѣ сего поприща, и еслибъ одну только сажень надлежало мнѣ еще бѣжать, то неминуемо бы я задохся и погибъ. Вотъ въ какую опасность подвергла-было меня любовь къ дѣтямъ! но благодареніе буди Всемогущему, что онъ и отъ сей опасности спасъ меня въ тогдашнія критическія минуты.

Не могу изобразить той радости, какую почувствовалъ я, выбѣжавъ вонъ изъ знойной полосы на свѣжій и холодный воздухъ. Чувствованіе мое было тогда такое, какъ бы выбѣжалъ я изъ ада въ рай. Нѣсколько разъ перекрестился я опять, благодаря Всевышняго, и нѣсколько минутъ отдыхалъ и собирался съ духомъ. Сердце мое хотѣло даже выскочить отъ скорого бѣга и отъ испуга, поразившаго меня въ опаснѣйшую минуту.

Отдохнувъ, побѣжалъ я опять и достигъ до конца аллеи, за селеніемъ уже находящагося, но и кормилица, которую нашелъ я тутъ съ меньшою моею дочерью, огорчила меня еще больше, сказавъ, что и она не видала моей Ольги и не знаетъ, гдѣ она и чтѣ съ нею сдѣлалось. Сіе такъ меня смутило, что я нимало уже не сомнѣвался въ томъ, что она сгорѣла, и полагая уже то за вѣрное, заботился и помышлялъ уже о томъ, какъ бы мнѣ то сказать и чѣмъ бы удобнѣе утѣшить ея мать и бабу.

Но едва только я возвратился къ нимъ, какъ увидѣлъ идущаго къ намъ нашего

лекаря. «Ахъ, вотъ кстати и онъ подошелъ!» сказалъ я, и тотчасъ побѣжавши на встрѣчу, продолжилъ: «Ахъ, другъ мой, Филатъ Антоновичъ! знаешь ли какая бѣда! Вѣдь у меня Ольга моя пропала и чуть ли не сгорѣла въ домѣ! потужи обѣ насъ». — «Какъ? воскликнулъ онъ, не давъ мнѣ далѣе говорить, Ольга Андреевна?.. она живымъ-живѣхонька! и ей ничего не сдѣлалось. Я сію только минуту напоилъ ее чаемъ и оставилъ ее у себя на островку и поскакалъ сюда».

Никакой ангелъ не обрадовалъ бы насъ всѣхъ столько тогда явленіемъ своимъ, какъ сей другъ нашъ симъ своимъ увѣдомленіемъ. Отлегло тогда у насъ у всѣхъ на сердцѣ, и мы при всемъ тогдашнемъ огорченіи своемъ, всѣ непрерывъ другъ предъ другомъ твердили только: «Ну, слава, слава Богу, хоть она жива! Но, умилосердись, спрашивали мы у лекаря, какимъ образомъ очутилась она у васъ?» — «Я право не знаю, отвѣчала лекарь, кромѣ того, что привезъ ее ко мнѣ маленькой крестьянской мальчишка въ телѣгѣ». И вообразите же себѣ, что начудотворила дѣвчонка сія. Она, какъ мы послѣ узнали, испужавшись до крайности пожара и увидѣвъ, что всѣ начали хватать все, укладывать во что ни попало и выносить вонъ изъ дома, — ни съ другого слова, подхвативъ маленькой чайной ларчикъ и какую-то занавѣску, и была такова, изъ хоромъ вонъ и прямо черезъ дворъ въ садъ; тамъ увидѣла она одного крестьянскаго мальчишку съ запряженною телѣгою, привозившаго тогда что-то въ садъ, будучи на работѣ, и ни съ другого слова сказала ему: «маленькой мужичокъ! посади меня на телѣгу и отвези на островокъ». А сей тотчасъ и исполнилъ то и туда ее отвезъ, гдѣ она благополучно и попивала у лекаря чаекъ, между тѣмъ какъ мы съ ума обѣ ней сходили и я два раза подвергалъ жизнь свою, при исканіи ея, опасности.

Теперь, возвращаясь къ порядку повѣствованія моего, скажу, что какъ мы ни обрадовались о найденіи своей дочери, но радость сія была минутная. Бѣдствіе

пожарное скоро повергло у всѣхъ у насъ сердца и души наши въ прискорбіе и огорченіе неизяснимое. Потеряніе въ одинъ почти мигъ и менѣе нежели въ два часа совсѣмъ неожиданнымъ образомъ всего своего покойнаго дома со всѣми къ нему принадлежностями, и знатной части движимаго своего имущества, а по случаю сторѣнія всѣхъ нашихъ жизненныхъ и сѣбственныхъ припасовъ, дойденіе до того, что намъ тогда и ѣсть было нечего, долженствовало натурально разтреволжить всѣ наши мысли и чувства и ввергнуть насъ въ печаль и горестъ неудобнообразимую. Умалчивая уже о многихъ домашнихъ, коимъ все сіе несравненно было еще чувствительнѣе, и самому мнѣ потребна была при семъ случаѣ вся моя философія для подкрѣпленія себя и приведенія всѣхъ разстроенныхъ мыслей своихъ сколько-нибудь въ порядокъ.

Мнѣ и помогла она дѣйствительно очень много: я не успѣлъ возбудить въ себѣ мысли, что не съ однимъ мною, а со многими милліонами и тысячами подобныхъ мнѣ людей и прежде бывали и впредь происходить будутъ такіа же или еще злѣйшія несчастія, и что они переносили же ихъ и переносить будутъ,—какъ самъ себѣ сказалъ: «ахъ, для чего-жъ и мнѣ того-жъ не сдѣлать и сіе посѣщеніе Божеское не перенести колько можно съ спокойнѣйшимъ духомъ и безъ роптанія на святой произволъ Промысла Господня? А сіе, также и мысль, что и сіе несчастіе произошло не иначе, какъ съ его воли и попушенія, и онъ знаетъ, для чего сему такъ быть было надобно, и что ему всего легче весь претерпѣнный мною убытокъ и вознаградить, если то ему будетъ угодно, и ободрило и подкрѣпило меня очень много, и я равнодушнѣе уже сталъ утѣшать себя тою мыслию, что хорошо еще, что несчастіе сіе не случилось о глухую полночь, во время сна, а днемъ; и мы самолично не подвержены были еще опасности, да и не все у насъ сгорѣло, а успѣли кое-что и выносить и спасти отъ огня; также и то, что произошло бѣдствіе сіе не отъ меня и не отъ собствен-

ной моей какой-либо оплошности и небреженія, а совсѣмъ отъ посторонней причины и оттого, за что я не подвергался никакому отвѣту.

Но не таково легко было успокоить мысли огорченныхъ до крайности и слабѣйшихъ моихъ семьянинокъ. Я хотя и старался ихъ всячески утѣшать, но слова мои не могли производить дальнаго дѣйствія. Мысли о потеряніи чрезъ сей пожаръ весьма многихъ, надобныхъ намъ вещей, непрерывно возобновляло вновь ихъ крайнее прискорбіе и смущало и разстраивало ихъ мысль, даже до того, что слезы текли изобильно изъ глазъ ихъ и онѣ едва успѣвали утирать онныя.

Какъ скоро все сколько-нибудь прогорѣло, что можно было безъ дальней опасности пройти по улицѣ къ замку, то побрели мы съ унылыми сердцами къ кучѣ, стасканной изъ спасенныхъ вещей, чтобъ видѣть, по крайней мѣрѣ, что у насъ еще осталось, и чего мы лишились. Тутъ возобновилось вновь общее у всѣхъ о многихъ вещахъ гореванье. Мы увидѣли, что огонь похитилъ у насъ гораздо болѣе, нежели мы думали, и спасено гораздо меньше, нежели мы мыслили своими ласкались. Множество вещей всякаго рода не только у насъ поторѣло, но, по скверной привычкѣ нашего народа, и растаскано, и раскрадено было сбѣжавшими со всѣхъ сторонъ вспомогами, а не тушилъщиками, ибо о тушеніи и мысли имѣть не можно было. О многихъ вещахъ дѣйствительно знали мы, что они были вынесены, но они не являлись, и бездѣльникамъ восхотѣлось ими поживиться, и тѣмъ несчастію нашему поспѣшествовать злодѣяніями своими еще болѣе, и оное безсовѣстнѣйшимъ образомъ увеличить. Премногое множество поторѣло у насъ мебели, платья, всякаго рода посуды, экипажей, хлѣба и всякихъ жизненныхъ припасовъ; а у меня множество картинъ, книгъ и бумагъ нужныхъ. Женѣ моей пуше всего жаль было сундуковъ, наполненныхъ платьемъ, бѣльемъ, и всякаго рода иными вещами, заготовленными въ теченіе уже многихъ

лѣтъ для приданого моей старшей дочери: всѣ они были уже вытасканы изъ кладовой на дворъ и взгромождены на запряженную телѣгу, но сгорѣли посреди почти двора самага. Произошло сіе оттого, что второпяхъ устанавливали ихъ и взгромождали на телѣгу кое-какъ, и какъ увязать возъ было нечѣмъ и некогда, то не успѣли лошадь тронуть съ мѣста, какъ верхніе сундуки сдвинулись лошади на хвостъ, и попавъ ей подъ ноги, принудили ее биться. А какъ въ самую ту минуту домъ весь такъ охватило огнемъ и пламенемъ, что не можно было людямъ долѣе быть при телѣгѣ, то и принуждены они были, спасая собственную жизнь свою, оставить и сундуки, и телѣгу, и упавшую лошадь подъ нею въ жертву огню и пламени; а потому все это тутъ такъ и сгорѣло. А мнѣ пуще всего жаль было своихъ книгъ и бумагъ. Превеликое множество было изъ нихъ раскрадено и растаскано народомъ, и чрезъ то разстроены многія изъ нихъ, потерявшія нѣкоторыя изъ частей своихъ и сдѣлавшися чрезъ то дефектами. Но я радъ былъ уже и тому, что не со всѣми произошло такое бѣдствіе и что не подверглись тому же всѣ чужія Новиковскія книги, которыхъ большая часть случилась тогда быть въ Лебединской ярманкѣ.

Препроводивъ нѣсколько времени въ туженіи и гореваніи о погорянныхъ вещахъ, которыхъ по сдѣланной послѣ приѣзной оцѣнкѣ, потеряли мы тогда болѣе, нежели на двѣ тысячи рублей, стали мы думать, куда намъ съ кучею натащенныхъ вещей дѣваться и куда бы на первой случай уклонить свою голову. На пожарницѣ не осталось изъ всего двора ни малѣйшей хлѣбины и сарайчика. Ближніе дворы и вся Поповская слобода также до-чиста сгорѣли, и буря несла галки даже до самага нашего хлѣбнаго магазина. Въ службахъ замка не было никакой комнаты порожней и незанятой чѣмъ-нибудь нужнымъ и удобной къ помѣщенію насъ. Итакъ, былъ важной вопросъ, куда намъ пріютиться? Но я, не долго думая, рѣшился велѣть всѣ вещи носить въ са-

мой дворецъ и расположился занять для жительства себѣ весь нижній этажъ оного; а погреба, подъ онымъ устроенные такъ, что въ нихъ людямъ жить было можно, ассигновалъ для жительства людей моихъ. Для поклажи же прочихъ и крупнѣйшихъ спасенныхъ вещей употребить самой тотъ сарай, гдѣ находился театръ нашъ, и велѣть его выломать; ибо тогда не о театрѣ уже намъ помышлять надлежало, а о другихъ и важнѣйшихъ надобностяхъ, чтò и положило предѣлъ всѣмъ нашимъ театральнымъ утѣшеніямъ.

Между тѣмъ, какъ мы о семъ помышляли и дѣлали всѣ нужныя ко всему вышеписанному распоряженія, насталъ уже второй часъ пополудни и обѣденное время. Но какъ не было у насъ ни куска хлѣба и ничего совсѣмъ съѣстного, то пришло-было до того, что намъ либо голодать, или ѣсть одинъ солдатской хлѣбъ, орошаемой нашими слезами, еслибъ уѣздной нашъ судья, помянутой г. Арсеньевъ, жившій все еще тогда во флигелѣ нашего замка, о благовременномъ изготовленіи у себя для насъ изобильнаго обѣда не постарался и не приѣзжалъ насъ дружески звать итти за накрытой и готовой столъ, и не угостилъ насъ въ сей день не только обѣдомъ, но и ужиномъ. Сія услуга его была натурально для насъ тогда и пріятна, и очень кстати, и побудила меня еще тѣмъ болѣе позабыть всѣ его ко мнѣ тайныя оскорбленія и обиды, и продолжать ненарушимо прежнее наше съ нимъ дружество. Говорится въ пословицѣ: «дорога милостыня къ велику дню»; а сіе онъ и оказалъ намъ при семъ случаѣ не только помянутымъ угощеніемъ, но и снабденіемъ насъ всѣми необходимо нужными на первой случай намъ вещами.

Не успѣли мы во дворцѣ помянутымъ образомъ расположиться и сколько-нибудь разобратся и обстроиться, какъ отрепотовавъ я князю обо всемъ происшедшемъ и испрашивавъ отъ него разрѣшенія и повелѣнія, чтобъ мнѣ дозволено было вновь постройиться на сгорѣвшемъ мѣстѣ, а до того времени пожить во двор-

цѣ. Отправивъ съ симъ донесеніемъ въ Москву нарочнаго, не сомнѣвался я нисколько, что все то мнѣ какъ не виновнику сего пожара, отъ князя будетъ разрѣшено, дозволено, и на строеніе ассигнована будетъ потребная сумма. Но какой же странной и неожиданной отвѣтъ получилъ я отъ своего сіятельнаго князя? Построиться вновь и до того времени жить во дворцѣ хотя онъ мнѣ и позволялъ, но относительно до новаго строенія писалъ ко мнѣ, чтобъ я все оное и самой управительской домъ построилъ изъ березоваго сырого лѣса, приказавъ нарубить оного потребное число изъ Бобриковскихъ престарѣлыхъ рошей. Боже мой! какъ я вздурился, получивъ такое предписаніе! «Ахъ, князь! возопилъ я съ крайнимъ на сіе негодованіемъ, не съ ума ли ты рехнулся! какъ можно мнѣ жить въ домѣ, построенномъ изъ сырого березоваго лѣса и притомъ еще изъ самаго престарѣлаго и негоднаго? У меня и у солдатъ, жившихъ въ казармѣ, построенной изъ сего лѣса, всѣ волосы даже вылѣзли, и нѣкоторые даже померли отъ болѣзней,

и ты развѣ и меня уморить хочешь? покорно я благодарствую! и что ты ни изволь тамъ умничать, по я и не подумаю. Дѣло иное стородить изъ него какъ-нибудь людскія избы и прочія службы и принадлежности къ дому, а самому для себя мнѣ домъ изъ него строить было бы смѣшно и глупо!» Итакъ, презрѣвъ сіе глупое и ни съ чѣмъ несообразное повелѣніе, сталъ я помышлять о свадбѣннѣи себя, хотя тѣснѣйшимъ передъ прежнимъ, но по крайней мѣрѣ сухимъ и для жительства удобнѣйшимъ домомъ.

Но о семь, какъ и о томъ, чтѣ произошло послѣ, дозволяете мнѣ предоставить повѣствованіе письмамъ будущимъ, а теперешнее сею эпохою кончить, и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Декабря 27-го дня 1809 года).

Конецъ двадцатой части.

(Сочинена въ 1809-мъ году, въ 18 дней, а переписана въ октябрѣ 1811 года, въ Дворяниновѣ).

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XXI.

(Въ Дворяниновѣ сочинена въ декабрѣ 1809, а переписана въ маѣ 1811).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ послѣ пожарнаго бѣдствія.

Продолженіе 1782 года.

Письмо 211-е.

Любезный пріятель! Пожаръ, претерпѣнной нами и знаменитой убытокъ, имѣ намъ причиненной, хотя и произвелъ во всѣхъ моихъ домашнихъ обстоятельствахъ великую растрату чрезъ похи-

щеніе у меня многихъ нужныхъ вещей, но мы рады были, по крайней мѣрѣ, тому, что огонь не все еще у насъ похитилъ, но много всякой всячины испалено отъ него, а сверхъ того, что, лишившись спокойнаго дома, не принуждены были жить въ чорныхъ избахъ или въ какихъ сараяхъ, но имѣли на первой случай во дворцѣ для себя убѣжище и

могли въ немъ для жительства своего расположиться со всѣми людьми нашими. Для сихъ, какъ я уже упомянулъ, ассигновалъ я самыя нижнія погребныя комнаты, которыхъ вмѣстѣ съ кухней и очагомъ, находилось тамъ нѣсколько, и я радъ былъ, что въ нихъ подѣланы были печи и все нужное для житія служителей. Сами же мы заняли для житія своего весь нижній этажъ небольшого дома сего и хотя въ ономъ не такъ много было комнатъ, сколько намъ нужно было, да и связь между ими была неслишкомъ для житія удобна, но мы кое-какъ уже расположились въ оныхъ и были тѣмъ нарочито довольны. Для одного меня недоставало кабинета или особенной комнаты для обыкновенныхъ моихъ упражненій, но и тотъ я себя смастерилъ, отгородивъ часть одной просторной и отъ прочихъ отдѣленной комнаты, и былъ тѣмъ по нуждѣ довольнымъ.

Нѣсколько дней сряду занимались мы разбираишемъ всѣхъ своихъ спасенныхъ вещей и укладываишемъ и установлеишемъ ихъ, гдѣ какія были приличіе. И тогда только прямо почувствовалъ я сожалѣніе о погибшихъ въ огнѣ и раскраденныхъ многихъ книгъ изъ моей бібліотеки и картинъ и съ эстампами, изъ которыхъ далеко не всѣ могли спасены быть. Недоставало также и многихъ другихъ вещей, для меня очень надобныхъ. И признаюсь, что самое сіе наполняло первые дни моего тутъ новаго жительства многими непріятностями. Но какъ бы то ни было, но обострожившись и разобравшись, начали мы по прежнему продолжать свою жизнь и не только заниматься своими дѣлами, но и принимать у себя гостей, пріѣзжавшихъ къ намъ со всѣхъ сторонъ для посѣщенія.

Одно только насъ беспокоило то, что изъ нижнихъ погребныхъ покоевъ проходилъ къ намъ сквозь полъ и самыя своды, которыми они отдѣлены были, сильной и угарной чадъ отъ печей, въ которыхъ челядинцы наши себя ѣсть варили, а равно тожь и изъ кухни и приспѣшни. Дѣлалось сіе оттого, что помянутые ихъ

своды не были еще оштукатурены, что и доказало, что голые они далеко не такъ плотны, чтобъ не могли сквозь себя ничего пропускать. Но какъ бы то ни было, но самое сіе побудило меня помышлять скорѣе о построеніи на прежнемъ мѣстѣ какихъ-нибудь избъ для житія людямъ моимъ. И какъ ни за плотниками, ни за простымъ лѣсомъ не было остановки, то чрезъ недѣлю и началось у меня тамъ строеніе, производимое съ возможѣйшимъ поспѣшеніемъ.

Впрочемъ, не успѣли мы и двухъ недѣль еще прожить въ семъ новомъ своемъ обиталищѣ, какъ перетревожены мы были опять пожаромъ. «Господи! воскликнулъ я, оной увидѣвъ, долго ли быть у насъ этимъ пожарамъ, и когда они перервутся? Вотъ уже этотъ одиннадцатой пожаръ съ того времени, какъ я пріѣхалъ въ Богородицк!» Но какъ сей пожаръ былъ не у насъ въ слободѣ, а за прудомъ въ Новомъ городѣ, и хотя былъ онъ довольно значителенъ и вмѣстѣ съ нѣсколькими домами сгорѣла и Покровская церковь, которая одна только еще и была въ городѣ, и собственно для насъ не было ни малѣйшей опасности,—то смотрѣлъ я на оной, происходившій у насъ изъ дома предъ глазами уже съ спокойнѣйшимъ духомъ и представилъ о тушеніи онаго пеищисъ городничему.

Едва мы только отъ сей тревоги успокоились, какъ чуть-было мы опять и въ новомъ своемъ обиталищѣ не сгорѣли. Сама уже судьба возблагодѣтельница и очевидно спасла насъ отъ бѣдствія и опасности, которой мы, не зная нимало того, были подвержены. И какъ происшествіе сіе достойно особаго замѣчанія, то и упомяну я объ немъ въ подробности.

Причиною тому была труба, проведенная отъ кухни, подъ домомъ находящейся и въ которой намъ всякой день готовили кушанье. Какъ всѣ трубы отъ нижнихъ печей подѣланы были внутри самыхъ стѣнъ, то проведена была труба и отъ кухни изъ печи такимъ же образомъ сквозь внутренность стѣны, отдѣ-

ляющей залъ отъ побочной и той комнаты, гдѣ прежде находился у насъ театръ, и которая въ сіе время опредѣлена была у насъ на кладовую и загромождена вся разною рухлядью. Какъ комната сія внутри обита была бумажными обоями, то намъ и въ мысль не приходило подумать о томъ, нѣтъ ли отъ трубы сей какой опасности. Но чрезъ что-жъ узнали мы, что опасность сія была и превеликая? Въ одну ночь надобно-жъ было сдѣлаться превеликой бури или паче сильному сквалу и устремиться прямо въ одно окно сей комнаты съ толикою силою, что вихрь не только проломилъ оное, но ворвавшись внутрь комнаты, сорвалъ со стѣны и равно какъ нарочно съ одного только того мѣста, противъ котораго простиралась внутри стѣны кухонная труба, двѣ полосы бумажныхъ обоевъ, кои прибиты были только излегка мелкими обойными гвоздями. Мы ахнули ажно, вошедъ въ комнату сію поутру и увидѣвъ, что вся стѣна въ семь обнаженномъ мѣстѣ почернѣла и закоптѣлась отъ дыма и жара, проходившаго изъ поминутной трубы сквозъ маленькую скважину между известью и кирпичами въ сію комнату. Боже мой! какъ испужался и перетревожился я, сіе увидѣвъ; но изумленіе мое увеличилось еще больше, какъ я, приложивъ руку къ сему мѣсту на стѣнѣ почувствовалъ ею самой жаръ изъ трубы, какъ въ трубку дующій, ибо въ самое то время въ кухнѣ былъ огонь и топили печь самую. Но сего было еще не довольно. Но взглянувъ на оторванные обои, еще пуще испужался, увидѣвъ, что и бумага вся не только сзади закоптѣла, но такъ отъ жара исчѣврѣла, что даже проламывалась, и я истинно уже не знаю, какъ она не загорѣлась, и какъ не произвела пожара, которой всего легче могъ бы воспослѣдовать, ибо подлѣ самаго сего мѣста лежало и стояло множество всякой рухляди, удобной къ загорѣнію. Но не успѣлъ я отъ изумленія моего оправиться, какъ, усмотря въ семь происшествіи слѣды явнаго дѣйствія Промысла Господня, восхотѣвшаго насъ, посредствомъ поминутной бури, отъ видимой опасности пре-

дохранить, — изъ глубины сердца моего вздохнувъ, благодарилъ Господа за столь явную его ко мнѣ милость.

Вотъ обстоятельство, доказывающее, съ какою опасностію сопряжены трубы, проводимыя сквозъ внутренности стѣнъ, и какъ важень совѣтъ нѣкоторыхъ архитекторовъ, чтобъ кирпичи, окружающіе сіи трубы, класть не на извести, а на глині, и оною всю внутренность трубъ умазывать.

Но какъ бы то ни было, но сей случай такъ меня напугалъ, что я не только велѣлъ наплотнѣйшимъ образомъ поминутую скважину замазать, но опасаясь, чтобъ сія проклятая труба не надѣлала еще гдѣ-нибудь бѣды, расположился совсѣмъ ее заглушить, а для выхода жара и дыма изъ печи и очага, придѣлать къ сему длинную желѣзную трубу и вывести ее въ окно наружу, и тотчасъ отправилъ для сего въ Тулу нарочнаго, чтобъ мнѣ тотчасъ и смастерили. А сіе меня съ сей стороны и обезпечило.

Совсѣмъ тѣмъ опасеніе — что и пнимъ какимъ-нибудь непредвидимымъ случаемъ не сжечь мнѣ дворца — понудило меня помышлять и о скорѣйшемъ сгорженіи и для себя какихъ бы то ни было хоромишекъ, и поспѣшать симъ нужнымъ дѣломъ. И какъ по особливому счастью находилась у насъ въ госпиталѣ небольшая деревянная связь, построенная еще господиномъ Онуфтинымъ для житія подлѣкарю и стоявшая тогда праздно, потому что подлекаря у насъ не было, — то, не долго думая, рѣшился я ее перенести на свое пожарище. И сгородилъ изъ ней для жительства своего новой домикъ.

Къ сему я тотчасъ и приступилъ, но произвестъ сіе не такъ скоро можно было въ дѣйство, какъ сказать на словахъ. Оказались при томъ многія затрудненія и неудобствы. Нанглавнѣйшая изъ нихъ состояла въ томъ, что связь сія была не только низка, но и вся очень не велика, и состояла только изъ четырехъ нарочито хотя просторныхъ комнатъ и однихъ сѣней. И какъ столь немного комнатъ, мнѣ со всѣмъ семействомъ своимъ по-

мѣститься никоимъ образомъ не было можно, а иного готоваго зданія никакого не находилось; то по неволѣ принужденъ былъ довольствоваться уже и сею и недостаткомъ комнатъ уже, поднимаясь какъ-нибудь на хитрости.

Сіе хотя и стоило мнѣ многихъ хлопотъ и трудовъ, но по крайней мѣрѣ и удалось съ лучшимъ успѣхомъ, нежели каково сначала ожидать было можно. Подумавъ о томъ хорошенько и самъ съ собою погадавъ, я тотчасъ смастерилъ проектъ, какъ чему быть, и начертивъ всему планъ, не долго думая, и велѣлъ оныя хоромцы, переимѣтивши, ломать и перевозить на подводахъ, велѣлъ лѣсъ становить на прежнемъ мѣстѣ, подвинувшись только немного впередъ отъ онаго.

Теперь расскажу я, что и что я придумалъ, и чѣмъ помогалъ себѣ въ тогдашней своей нуждѣ. Будучи доволенъ, что домикъ сей былъ хотя небольшой, но построенъ изъ сухаго краснаго лѣса, и что помянутыя четыре комнаты были нарочито просторны, расположился я ихъ перестроить слѣдующимъ образомъ: первую перегородилъ на двое, изъ одной три она составила: одна — лакейскую или прихожую, а другая — дѣвчью, третью — опредѣлилъ для своего кабинета или для собственнаго моего житія и мѣстопробыванія, назначаемой горницы. И смастерилъ себѣ кабинетъ несравненно просторнѣйшій, спокойнѣйшій, свѣтлѣйшій и теплѣйшій передъ прежнимъ. Положеніе свое получилъ онъ въ углу хоромъ, простирающихся на югъ. И какъ были въ немъ три окна, которыя велѣлъ я столарямъ передѣлать и изъ прежнихъ большихъ превратить въ большія и порядочныя, то было въ немъ очень свѣтло. А для тепла снабдилъ я его въ углу печкою съ конуркою для сидѣнія и нагрѣванія спины своей, а подлѣ ея смастерилъ себѣ маленькой каминчикъ и чрезъ все то сдѣлалъ весь его очень уютнымъ, веселымъ и столь спокойнымъ, что впослѣдствіи былъ онымъ несравненно довольнѣе своего прежняго маленькаго и темнаго кабинета. Другую и про-

сторнѣйшую изъ всѣхъ комнату назначилъ я для тройкаго употребленія, а именно: чтобъ она служила намъ совочно и залю, и столовою, и гостинною, и подвергалась всегдашнимъ переимѣнамъ, а именно: въ обыкновенное время снабжала бы столовою и за нею небольшою на углу гостинною комнатою; а когда нужно имѣть просторнѣйшую комнату для большаго стола, то изъ обѣихъ изъ нихъ составлялся бы у насъ въ одинъ мигъ довольно просторной и такой залъ, въ которомъ по нуждѣ человекъ 20—30-ть накормить можно было. Сіе производили мы чрезъ выниманіе подвижной тонкой стѣны или перегородки, которою отдѣлялась наша гостинная отъ столовой, которую велѣлъ я столарямъ сдѣлать досчатую изъ трехъ штукъ, и обить съ обѣихъ сторонъ обоями и смастерить такъ, чтобъ можно было ее въ надобное время и со всѣми створчатыми ея дверьми выносить вонъ и чрезъ то изъ двухъ комнатъ въ одинъ мигъ составлять одну, и потомъ опять, въ одинъ же мигъ составлять двѣ разныхъ комнаты. И сіе удалось намъ такъ хорошо и непримѣтно сдѣлать, что ни кому и въ мысль не прихаживало, что стѣна сія была подвижна и выносная; и многіе сей выдумки моей довольно надивиться не могли. Изъ третьей же боковой и также разгороженной комнаты смастерилъ я себѣ небольшую спаленку и комнату для дѣтей, и маленькую комнатку для житія моей тещи, а четвертая назначена была для дѣвчьею. Но какъ не доставало только заднихъ сѣней и кладовой для всякой поклажи, то сію расположился уже я прирубить вновь изъ сырого лѣсу въ заворотъ къ одному концу хоромецъ; а чрезъ все то и получилъ по нуждѣ всѣ надобности.

Какъ все сіе скорѣе можно было выдумать и сказать, нежели въ дѣйствіе произвести, то какъ я строеніемъ сихъ и прочихъ нужнѣйшихъ службъ ни спѣшилъ, но принуждены мы были употребить на то весь іюнь и іюль и почти и самой августъ мѣсяцъ, и не прежде мог-

ли жить въ сей домъ перейти, какъ въ исходѣ уже сего послѣдняго мѣсяца; слѣдовательно, жили во дворцѣ безъ мала четыре мѣсяца.

Въ теченіе всего сего времени не случилось съ нами никакихъ особливыхъ происшествій, о которыхъ стоило бы упомянуть въ подробности. А вообще только скажу, что жить намъ тогда случилось еще въ первой разъ въ каменномъ большомъ и по нынѣшней архитектурѣ построенномъ домѣ, съ большими окошками, дверьми и прочимъ. Но, несмотря на все то, жили мы тутъ гораздо покойнѣе, нежели въ прежнемъ деревянномъ, и причиною тому была наиболѣе непривычка, также и то, что вездѣ несло и дуло, а сверхъ того, на ту пору въ самое сіе лѣто надобно было дѣлать въ дому сѣмъ и парадную въ верхній этажъ лѣстницу изъ дикаго крѣпкаго камня, найденнаго въ нашей волости. И какъ работа сія по отмѣнной крѣпости онаго производилась очень медленно отысканными въ Москвѣ особыми мастерами, то и связывала, и беспокоила она насъ чрезвычайно. Наконецъ, мы ее сдѣлали и снабдили дорогими желѣзными перилами, и она стоила намъ многихъ денегъ, но и сіе и было одно только, что сдѣлалъ молодой князь во время своего владычествованія надъ волостью.

Что касается до моихъ упражненій внѣшнихъ и внутреннихъ, то первыя состояли наиболѣе въ смотрѣніи надъ производствомъ работъ при строеніи моего новаго дома и службъ, къ нему принадлежащихъ; во вторыхъ, въ назначеніи новыхъ мѣстъ для постройки домовъ нашимъ церковно-служителямъ. И симъ недозволилъ я уже строиться на прежнемъ мѣстѣ и занимать наилучшее и прекраснѣйшее мѣсто изъ всей тамошней усадьбы по прежнему своими анбарками; но все оное, какъ самое ближнее ко дворцу, оставилъ до времени празднымъ, предназначая уже и тогда оное въ мысляхъ своихъ для дворцоваго впредь сада, которое впослѣдствіи времени, какъ о томъ упоминается впредь въ своемъ мѣстѣ, и

дѣйствительно весьма мнѣ пригодилось для произведенія нашего славнаго Богородицкаго сада.

Все сіе, равно какъ и прочія наружныя дѣла по волости какъ много ни отнимали у меня времени, но, по привычкѣ своей къ непрерывной дѣятельности и трудолюбію, находилъ я еще множество его излишняго для своихъ литературныхъ и любопытныхъ занятій и упражненій разнаго рода. Все сіе употреблялъ я на продолженіе сочиненія своего «Экономическаго Магазина», котораго печатаніе и издаваніе шло по прежнему своимъ чередомъ и не имѣло по сему случаю ни малѣйшей остановки у меня. Только, къ крайнему сожалѣнію моему, похитили пожаръ присылаемые ко мнѣ экземпляры 9-й части онаго и надѣлалъ тѣмъ мнѣ великую пакость. Но какъ времени и за симъ оставалось у меня еще довольно, то затѣвалъ-было я въ сіе время переводить еще два нѣмецкихъ романа, а именно «Генриетту Риверса и барона Кронсгейма», но оба сіи переводы не состоялись, и какъ-то мнѣ не удалось ихъ кончить.

Далѣе памятно мнѣ, что въ самой сей періодъ времени пріѣзжалъ къ намъ братъ мой, Михайла Матвѣевичъ, и привезъ къ намъ старшаго своего сына Василія, для воспитанія и обученія наукамъ, и я получилъ чрезъ то себѣ еще новаго кабинетнаго товарища и не оставлялъ употреблять все, что могъ, для обученія сего малютки.

Кромѣ сего, занимался я временно и разными художественными упражненіями, изъ которыхъ въ особливости памятно мнѣ отдѣлываніе стеклянной моей часохранительницы, которой развалины цѣлы у меня еще и понынѣ и служатъ памятникомъ тогдашняго пожара. Прекрасную штучку сію я въ старыхъ хоромахъ только-было началъ украшать росписными стеклами, и какъ она, по счастью, была спасена отъ пожара; то хотѣлось мнѣ ее кончить, и я занимался тѣмъ во время жительства моего во дворцѣ.

Обыкновенная іюльская казанская яр-

манка была въ сей годъ многолюдная, и уже въ новомъ, построеншемся за прудомъ, городѣ. И какъ происходила она у насъ прямо передъ глазами и стеченіе народа было превеликое, то зрѣлище сіе было для насъ столь пріятное, что мы не могли онымъ довольно налюбоваться. Но увеселеній никакихъ въ сей разъ по поводу ея не было, кромѣ того, что я угощалъ у себя многихъ пріѣзжавшихъ на нее своихъ знакомцевъ.

Наконецъ, насталъ и августъ мѣсяцъ и съ нимъ для меня новыя заботы и хлопоты. Получилъ я извѣстіе, что князь командиръ мой пріѣдетъ опять къ намъ на осень ѣздить по прежнему съ собаками. И мнѣ вѣрно было заготовить и для него, и для людей, и лошадей, и псовъ его нужные припасы. Я хотя и не имѣлъ причины опасаться, чтобъ произошли опять какіе-нибудь вздоры, поелику князь расположенъ былъ ко мнѣ уже лучше, — однако все-таки озабочивался симъ его пріѣздомъ, и охотнѣе желалъ бы, чтобъ онъ къ намъ не пріѣзжалъ, и потому будущему пріѣзду его не весьма радовался. Но какъ перемѣнить того былъ я не въ состояніи, то спѣшилъ, по крайней мѣрѣ, скорѣе одтѣлывать свой новой домъ, дабы успѣть до пріѣзда княжова въ оной перейти и дворецъ опростать ему для жительства. Но онъ, не воображая себѣ, чтобъ я успѣлъ сіе сдѣлать, и не хотя потревожить меня изгнаніемъ изъ дворца, предписалъ мнѣ, чтобы я сказалъ господамъ нашимъ судьямъ, жившихъ до того по прежнему въ дворцовомъ флигелѣ, чтобъ они изволили выбираться вонъ изъ нихъ и отыскивать себѣ, гдѣ хотятъ, другія квартиры въ своемъ городѣ, а комнаты свои во флигелѣ опростали для квартированія самому ему собственно. Съ крайнимъ нехотѣніемъ пошелъ я имъ показывать сей ордеръ и увѣрять ихъ, что произошло сіе совсѣмъ не отъ меня, а отъ одного своенравія князя. Они хотя тому и повѣрили, зная, что мнѣ въ томъ никакой не было надобности, но неинако какъ съ крайнимъ неудовольствіемъ принуждены

были, согласуясь съ повелѣніемъ симъ, прежнія свои спокойныя и хорошія квартиры покидать и перебираться въ городъ, гдѣ наняли они для себя уже кое-гдѣ пакосныя квартиришки. А вмѣстѣ съ ними перебрался на ту сторону и самъ нашъ городничій.

Признаться надобно, что таковое ихъ переселеніе было не только для нихъ, но и для меня весьма непріятно, ибо чрезъ сіе удаленіе ихъ изъ близкаго сосѣдства и разсѣянiе по всему городу разрушились всѣ бывшія у насъ до того частыя свиданія и веселые съѣзды и вечеринки, ибо къ тому далеко не было уже такой способности какъ прежде.

Недѣли черезъ двѣ послѣ того, а именно 28-го числа августа, перебрались и мы всѣ изъ дворца въ новопостроенной свой домъ, приведенной къ сему времени уже къ окончанію. Я очень радъ былъ, что успѣлъ его кончить до пріѣзда къ намъ князя, которой, по полученнымъ извѣстіямъ, находился въ сіе время уже въ своемъ Сергіевскомъ, и что могъ очистить для его и дворецъ и флигели.

Не могу изобразить, съ какимъ удовольствіемъ оставили мы пышныя и высокія каменные палаты и входили въ свой смиренной деревянной домикъ. Какъ онъ ни тѣсенъ былъ, но мы находили въ немъ довольно уже для себя простора, и онъ намъ казался и веселъ, и хорошъ, и спокоенъ. Въ особенности же я не могъ довольно налюбоваться и навеселиться своимъ свѣтленькимъ кабинетомъ и съ особливимъ удовольствіемъ разстановлялъ въ немъ столы, комодъ, книги и все прочее. Къ сему времени посѣлъ у меня вновь дѣланной и самой тотъ черною кожею сверху оклеенной столъ, на которомъ пишу я и понынѣ, и которой помѣстилъ я тогда подъ лучшимъ окошкомъ, изъ котораго видъ простирался на городъ и на дворецъ.

Не успѣли мы въ сей домъ перебраться, какъ на другой же день послѣ того и поѣхалъ уже я къ своему князю въ Сергіевское, и проѣздивъ почти всю ночь по степи, сбившись въ темнотѣ съ до-

роги. Князь принялъ меня въ сей разъ несравненно уже лучше, нежели въ прежній прїѣздъ свой; разговаривалъ со мною обо всемъ благосклонно, разспрашивалъ о волостяхъ, и казалось, что былъ всѣми моими дѣлами доволенъ. Онъ продержалъ меня у себя не болѣе однихъ сутокъ, въ которыхъ возилъ меня съ собою на огромный свой конскій заводъ, въ другой деревнѣ построенной, а потомъ и отпустилъ меня обратно въ Богородицкѣ.

Будучи отъ князя домой, занимался я во всю почти дорогу помышленіями объ одномъ дѣлѣ, относящемся до г. Верещагина, моего товарища, и о которомъ я въ сію бытность мою у князя и отъ самого его услышалъ, и которое произвело во мнѣ не только превеликое удивленіе, но и нѣкоторое негодованіе на самого князя. Было оно слѣдующее:

Я упоминалъ уже вамъ въ прежнихъ моихъ письмахъ, что мы въ минувшую осень женили сего господина Верещагина на дочери знакомой и прїятельницы нашей госпожи Бакуниной, и что всѣ не могли тому довольно надивиться, что сія благородная дама дала себя сему хитрецу такъ очаровать, что согласилась отдать за него дочь свою. И какъ она за нею ничего почти не дала, да и приданое было ничего почти незначущее, дивились мы и самому Верещагину, что онъ, будучи и самъ очень небогатымъ человекомъ, женился на такой невѣстѣ, но вскорѣ потомъ открылось, что бракъ сей учиненъ былъ съ его стороны по дальновидному расчету. У госпожи Бакуниной былъ очень близкой родственникъ той же фамиліи въ Петербургѣ, служившій при иностранной коллегіи и имѣвшій уже важную чинъ, да и по способностямъ своимъ въ дѣлахъ довольно знаменитой. Итакъ, виды господина Верещагина простирались къ тому, чтобы чрезъ сей бракъ, сдѣлавшись ему роднею, къ сему знаменитому родственнику подбиться въ любовь и милость, и чрезъ его, буде можно, произойти въ чины и люди. Къ сему побуждало его болѣе

то, что какъ открылись за этимъ по волости дѣла не совсѣмъ похвальныя, перемѣнившія у князя прежнія объ немъ выгодныя мысли, то не могъ онъ при дальнѣйшемъ продолженіи службы своей въ семъ мѣстѣ льститься надеждою получить чины, или иныя какія-либо выгоды, ибо чтобъ быть нѣкогда на моемъ мѣстѣ — выложилъ онъ совсѣмъ уже изъ головы.

Въ семъ намѣреніи выпросилъ онъ у князя дозволеніе съѣздить съ женою своею въ Петербургъ для сведенія знакомства съ помянутымъ родственникомъ. И какъ князь въ томъ ему не отказалъ, то онъ и отправился въ Петербургъ. И, живучи тамъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду, по характеру своему отменно способному ко всякимъ проискамъ, проницательству и притворнымъ ласкательствамъ, и успѣлъ господина Бакунина такъ очаровать, что онъ сдѣлался ему и другомъ и благодѣтелемъ, и охотно взялся весь свой кредитъ употребить для доставленія ему всѣхъ желаемыхъ имъ пользы и выгоды. Наглавнѣйшее желаніе г. Верещагина было то, чтобъ ему выдаться изъ тогдашняго его низкаго чинника, ибо онъ былъ отставнымъ только подпоручикомъ артиллерійскимъ, и получить какой-нибудь лучшей, дабы, пользуясь тѣмъ, можно было ему, оставивъ волость, перейти въ иной родъ гражданской службы и тамъ искать счастья своего далѣе. Но какъ въ доставленіи ему чина оказалось то затрудненіе, что онъ былъ въ отставнѣ и несъ службу почти приватную, то, по многоту думаніи и совѣщаніи, разсудили они употребить къ тому то средство, чтобъ князь нашъ представилъ о награжденіи его чиномъ въ сенатъ, а въ сенатѣ брался уже г. Бакунинъ дѣло сіе сработать. А посему и приступилъ г. Верещагинъ съ просьбою о томъ къ князю, и сей былъ такъ безразсуденъ, что, позабывъ совсѣмъ обо мнѣ, какъ несравненно одобренія и рекомендаціи его достойнѣйшемъ, и далъ ему себя убѣдить просьбою учинить по его желанію. А сей не успѣлъ сего пред-

ставленія получить, какъ, при помощи Бакунина и своемъ пронырствѣ, и успѣлъ въ сенатѣ сдѣлать то, что сей и наградилъ его почетнымъ уже чиномъ коллежскаго ассессора; слѣдовательно, изъ подпоручиковъ пожаловалъ его прямо въ премьер-майоры, такъ какъ бы онъ и Богъ знаетъ какую для отечества сдѣлалъ важную услугу.

Признаюсь, что какъ я ни мало сроденъ къ завидованію другимъ людямъ въ счастіи и страсть сія меня никогда не мучивала и не мучить,—но въ сей разъ чувствительно и больно было мнѣ услышать о немъ отъ самого князя, прикрывающаго уже стыдъ свой извиненіемъ себя предо мною, что онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ произвели его въ коллежскіе ассессоры, а не инако думалъ, что дадутъ ему только чинъ титулярнаго совѣтника что онъ и о производствѣ его для того только представилъ, что Верещагинъ далъ ему обѣщаніе выйти тотчасъ изъ нашей службы и перейти куда-нибудь въ иное мѣсто, чего и самому ему хотѣлось. Но легко можно заключить, что для меня извиненіе таковое не весьма было утѣшительно, и я не могъ, чтобъ на князя, за забытіе меня и предпочтеніе мнѣ сего негодяя, внутренно не подосадовать.

И о семь-то я, конечно, размышлялъ, ѣдучи назадъ въ Богородицкѣ, и смѣялся тому, что сей новоиспеченной господинъ майоръ продолжалъ по прежнему быть у меня, имѣвшаго только капитанской чинъ, подъ командою.

Черезъ недѣлю, по возвращеніи моемъ, пріѣхалъ къ намъ и князь, въ сей разъ уже одинъ и безъ своей княгини, а только съ г. Стрекаловымъ и со свитою, далеко уже не столь многочисленною, какъ прежде; почему и не захотѣлъ стать во дворцѣ, а расположился во флигелѣ, въ самыхъ тѣхъ покояхъ, гдѣ жилъ до того судья г. Арсеньевъ. И удивился нашедъ домъ мой совсѣмъ уже построеннымъ, равно какъ и парадное въ домѣ крыльцо уже отдѣланнымъ, чѣмъ онъ былъ такъ доволенъ, что изъявлялъ мнѣ за то отмѣнное свое благоволеніе.

Впрочемъ, какъ при немъ въ сей разъ не было уже столь многихъ прихлебателей, какъ въ прежній разъ, то во все время тогдашняго его пребыванія не произошло у насъ ничего важнаго и замѣчательнаго, а все было у насъ тихо, мирно, хорошо и ладно. Онъ, по обыкновенію своему, опять-таки всякой день ѣзжалъ на поле, гонялъ и травилъ зайцевъ, возвращался къ намъ уже въ темныя ночи, а я оставался дома и занимался своими дѣлами или угощеніями у себя г. Стрекалова, которой рѣдко ѣзжалъ съ нимъ на поле.

Одно только случилось происшествіе особое, да и то произвело мнѣ не досаду и огорченіе, а особенное удовольствіе и состояло въ слѣдующемъ. Какъ князь, ѣздивши на охоту, ѣхалъ однажды съ поля верхомъ съ товарищами въ одно село отдыхать, то случилось ему наѣхать на одного крестьянскаго мальчишку, ѣхавшаго также съ поля домой въ телѣгѣ. И какъ примѣтилъ онъ, что мальчишка сей никакъ не узналъ, а счелъ его простымъ охотникомъ, то, по скардной своей прежней привычкѣ, восхотѣлось ему симъ случаемъ воспользоваться, и въ своихъ съ нимъ разговорахъ выпытывать и расспрашивать у него все, что онъ обо мнѣ и о правленіи мсемъ знаетъ. Но, по особливому для меня счастію, случилось быть сему мальчишкѣ очень умному, и хотя меня никогда не видавшему, но довольно обо мнѣ и всѣхъ моихъ дѣлахъ съ хорошей стороны отъ стариковъ наслышавшемуся. А потому какъ князь ни старался его выводить изъ ума, но тотъ превозносилъ меня по своему, одними только похвалами, и расхвалилъ ему меня такъ, что князь, по возвращеніи своемъ къ намъ, торжественно при всѣхъ за столомъ мнѣ сказалъ: «Ну, Андрей Тимоѣевичъ, какъ мы севодни наѣхали мальчишку, такъ хотя-бъ и братъ родной тебѣ онъ былъ, такъ бы не насказалъ мнѣ столько о тебѣ добраго; и ему уже я болѣе всѣхъ повѣрю, потому что онъ ни тебя, ни меня не знаетъ, а говорилъ отъ чистаго сердца, и что отъ роду помнитъ».

Легко можно заключить, что таковое его привѣтствіе было для меня не противно, а самое сіе подало поводъ и къ другому произшествію и къ побужденію меня къ такому дѣлу, къ которому приступилъ я почти нехотя, а именно:

Какъ скоро произшествіе сіе и хорошее расположеніе князя ко мнѣ сдѣлалось всѣмъ извѣстно, то какъ родные мои, такъ и всѣ мои друзья и пріятели стали мнѣ совѣтывать, чтобъ я воспользовался благопріятнымъ для себя случаемъ и попросилъ князя, чтобъ онъ и обо мнѣ такимъ же образомъ въ сенатъ представилъ, какъ о Верещагинѣ. Долго я на сіе никакъ не соглашался, ибо съ одной стороны за правило себя издавна поставилъ не добиваться самъ какихъ-нибудь себя чиновъ, а съ другой — не хотѣлось мнѣ и князя о семъ, какъ о милости какой, просить. Но наконецъ убѣдили меня къ тому наиболѣе тѣмъ, чтобъ я исполнилъ сіе, хоть стыда ради предъ Верещагинымъ. Итакъ, предъ самымъ уже отъѣздомъ князя и приступилъ къ нему съ сею просьбою. И князь не только мнѣ въ томъ не отказалъ, но, отзываясь, что онъ сіе считаетъ себя уже и долгомъ, общалъ тотчасъ, по возвращеніи своемъ въ Москву, исполнить, что дѣйствительно и учинилъ. Но, спасибо посланное, его обо мнѣ въ сенатъ представленіе осталось безъ малѣйшаго успѣха, и ему въ томъ, и слова не сказавъ, отказали, поелику у меня тамъ не было никакого г. Бакунина ходатаемъ.

Князь пробылъ у насъ въ сей разъ не долго и только до половины сентября мѣсяца, и 15-го числа поѣхалъ отъ насъ въ Бобрискъ. А на другой день проводилъ я его и оттуда, нисколько не воображая себя, что сей пріѣздъ его былъ къ намъ въ волость уже послѣдній.

По отъѣздѣ его, всю послѣдующую за симъ осень и первые зимніе мѣсяцы, провели мы по прежнему въ разныхъ своихъ упражненіяхъ. И во все сіе время случилось только то, что вначалѣ октября мѣсяца лишились мы меньшей своей дочери Варвары, бывшей еще на рукахъ у кор-

милицы. Бѣдненькая съ самаго рожденія своего все что-то чахла и была нездорова, а во время пожара ее сильно простудили, и отчего наиболѣе начала она чахнуть, покуда наконецъ родимецъ кончилъ ея кратковременную жизнь и сей рабѣнокъ былъ у меня уже послѣдній.

Вскорѣ послѣ сего произшествія отправились мы въ дальніе гости, въ Крапивенской уѣздъ, къ родственнику нашему Петру Алексѣевичу Кирѣеву. А на возвратномъ пути заѣзжали и къ прочимъ нашимъ крапивенскимъ знакомцамъ, гдѣ, будучи въ домѣ у друга моего г. Шущерина, встрѣтилъ я и свой 45 годъ отъ рожденія. Имянины же свои праздновалъ уже, по обыкновенію, возвратясь въ Богородицкъ, при которомъ случаѣ, для угощенія всѣхъ своихъ городскихъ знакомыхъ, въ первой разъ столовую и гостинную свою въ новомъ домѣ превращалъ въ залу.

По наступленіи зимы писалъ я опять въ Петербургъ къ старинному своему другу г. Малиновскому, но и въ сей разъ не могъ получить отъ него никакого отвѣта. Почему съ того времени и пересталъ къ нему писать, и тѣмъ паче, что стороною слышалъ, что ему было не до того, чтобъ помнить о своихъ прежнихъ друзьяхъ, а онъ занимался излишнею приверженностію своею къ бахусовымъ продуктамъ. Я искренно пожалѣлъ о семъ человѣкѣ, учившемся такъ хорошо въ Кѣнигсбергѣ и штудировавшемъ вмѣстѣ со мною крузіанскую философію и бывшемъ уже на хорошемъ пути къ почестямъ, но — проклятой порокей сей погубилъ сего человѣка.

Кромѣ сего, достопамятно, что я въ сіе зимнее время, кромѣ обыкновеннаго сочиненія своего «Экономическаго Магазина», занимался еще переводомъ нѣмецкаго романа подъ заглавіемъ «Герфортъ и Клара», которой мнѣ и слогомъ, и содержаниемъ своимъ полюбился. И трудился надъ нимъ съ толикимъ прилежаніемъ, что, несмотря на всю величину его, весь оной недѣль въ шесть кончилъ переводомъ. Мнѣ хотѣлось и его также

напечатать, но какъ-то не удалось. Господинъ Новиковъ какъ-то долго не собрался за напечатаніе его приняться, и я лишился даже своего и манускрипта.

А симъ и кончился нашъ 1782 годъ, сдѣлавшійся мнѣ пожарнымъ бѣдствіемъ въ особенности достопамятнымъ. И какъ мы, за разстройкою своею, всю зиму въ Москву сколь было располагали, то и остались праздниѣ Рождества Христова въ Богородицкѣ. А что воспослѣдовало далѣе, о томъ перескажу вамъ въ письмѣ послѣдующемъ, а сіе симъ окончивъ, скажу, что я есмь вашъ, и проч.

(Генваря 18-го дня 1810 года).

1783.

Письмо 212-е.

Любезный пріятель! Начинаю теперь рассказывать вамъ о происшествіяхъ, случившихся со мною въ теченіе 1783 года. Предварительно скажу, что и сей годъ былъ весьма достопамятный для меня происшествіемъ опять во многихъ обстоятельствахъ, относящихся до меня, и всего меньше мною ожидаемую перемѣною. Она произошла при самомъ почти началѣ сего года. Но мы, ничего еще о томъ не зная, начали проводить оный въ прежнемъ своемъ спокойствіи душевномъ, живучи по прежнему въ мирѣ и тишинѣ. И какъ предъ наступленіемъ еще святокъ, отъѣзжавшій отъ насъ на праздниѣ въ деревню свою, судья нашъ г. Арсеньевъ, наубѣдительнѣйшимъ образомъ, просилъ насъ, чтобъ мы его хотя однажды посѣтили въ его деревни и, буде можно, пріѣхали бы къ нему къ новому году, то, желая и сами у него побывать, и поѣхали мы къ нему въ послѣдній день минувшаго года. Но что-жъ случилось было тамъ съ нами? Обрадовавшійся до крайности пріѣзду нашему, нашъ хозяинъ не зная какъ бы насъ у себя лучше угостить, но со всемъ стараніемъ своимъ о томъ, чуть-было чуть не отправилъ насъ на тотъ свѣтъ и не погубилъ совершенно отъ излишняго своего къ намъ усердія. Ибо,

какъ случилась тогда быть очень холодная морозная погода и хоромы его были не очень теплы, а особливо просторный его залъ, въ которомъ назначилъ онъ всемъ намъ, мущинамъ, спать (ибо, вмѣстѣ съ нами, ѣздилъ тогда къ нему и нашъ городничій и нѣкоторые другіе изъ нашихъ богородицкихъ знакомцевъ),—то догадало его, между тѣмъ, покуда мы въ столовой его ужинали, у себя залъ его нагрѣвать нѣсколькими котлами съ раздутыми угольями. Мы, не зная ничего того и отъужинавъ себя спокойнымъ образомъ, порадовались еще, когда привелъ онъ насъ въ залъ съ приготовленными для насъ постелями, что нашли въ немъ такое тепло, и легли себя спокойно спать. Но не успѣли заснуть, какъ такъ все переугорѣли, что насъ безъ памяти почти вытащили на дворъ. По особенному счастью, какимъ-то образомъ удалось мнѣ проснуться прежде всехъ прочихъ, и какъ я почувствовалъ въ себя не только необыкновенную головную боль, но дурноту и тошноту страшную, то, вскочивъ, взбодорожилъ людей и всехъ прочихъ, со мною спавшихъ, угорѣвшихъ еще больше моего, и находившихся уже въ крайней опасности. «Батюшки мои, кричалъ я имъ, вставайте, вставайте скорѣе: мы все переугорѣли на смерть и пойдемте скорѣе вонъ!» Но кто ни легъ — не въ состояніи почти были уже стоять на ногахъ: такъ мы все одурѣли, и насъ вывели уже кое-какъ люди вонъ на морозъ; и еслибъ не помогла намъ сдѣлавшаяся рвота, то не знаю уже, чтобъ съ нами воспослѣдовало.

Хозяинъ нашъ невѣдомо какъ совѣстился, что былъ такъ неостороженъ. Но какъ и онъ столько, какъ и мы, угорѣлъ, то мы и не взыскивали уже на немъ того; но превративъ все сіе въ шутку, весь первой день сего года провели у него съ удовольствіемъ, а на другой день обѣдали у сосѣднн его г-жѣ Албычевой, сестры друга моего, Алексѣя Андреяновича, а послѣ заѣхали къ брату его, Николаю Сергѣевичу, и провели у него вечеръ прямо по святочному въ разныхъ играхъ и забавахъ.

По возвращеніи своемъ, на третій день, въ Богородицкѣ, нашелъ я у себя, между прочими полученными письмами, уже и ордеръ отъ князя о произведеніи г. Верещагина. А вскорѣ послѣ сего прискакалъ ко мнѣ и самъ сей новоиспеченный г. коллежскій ассессоръ. Я, поздравляя его съ полученіемъ чина, смѣялся ему, говоря, что теперь Богъ знаетъ, кому изъ насъ у кого быть въ командѣ: мнѣ ли у него, или ему у меня. Но какъ ордеромъ предписано было состоять ему отъ меня по прежнему въ командѣ, то онъ принужденъ былъ проглотить сію пилюлю и признался мнѣ, что главное намѣреніе его состояло въ томъ, чтобъ перейти отъ насъ въ гражданскую службу, а свое мѣсто опростать для своего меньшаго брата, Семена, что ему, наконецъ, и удалось.

Итакъ, мы остались съ нимъ по прежнему друзьями, и онъ не огорчился ни мало тѣмъ, что былъ у меня, со всѣмъ своимъ ассессорскимъ чиномъ, подъ командою; но поступилъ еще далѣе и вздумалъ-было сдѣлаться сватомъ и просватывать старшую дочь мою Елизавету въ замужство. Но мы съ вѣжливостью, подъ предлогомъ, что она слишкомъ еще молода, сіе его предложеніе отклонили; къ тому-жъ, и предлагаемый имъ женихъ не былъ для ней хорошею партіею.

Въ день Богоявленія Господня сдѣлали мы у себя маленькой праздничекъ и у насъ обѣдали и весь день съ нами провели городничій со своимъ семействомъ и еще кое-кто изъ городскихъ нашихъ знакомыхъ; а чрезъ день, послѣ того, угощаль онъ насъ у себя обѣдомъ. Тѣмъ мы тогдашніе наши святочные съѣзды и увеселенія кончили.

Симъ образомъ продолжали мы жить по прежнему въ мирѣ и тишинѣ и всего меньше помышляли о томъ, чтобъ намъ предстояла тогда новая, и всего меньше ожидаемая, тревога, случившаяся еще въ самое то-жъ 8-е число января, въ которое мы пировали у городничаго, а именно:

Не успѣли мы, возвратясь отъ город-

ничаго, поужинать и лечь спать, какъ въ самую полночь вдругъ разбудили меня, говоря, что прискакалъ ко мнѣ какой-то курьеръ съ важнымъ и нужнымъ пакетомъ. «Господи! сказалъ я, удивившись, и надѣвъ тулупъ, что за диковинка и отъ кого-бъ такъ?» Но удивленіе мое еще увеличилось, когда, вышедъ въ столовую, увидѣлъ подаваемый мнѣ пакетъ, подписанный на мое имя ордеромъ незнакомую рукою и запечатанный незнакомою мнѣ печатью. «Батюшки мои, отъ кого-бъ это таково было?» подумалъ я, и спѣшилъ спрашивать о томъ вручителя. — Отъ Николая Сергѣевича Давыдова, тульской экономіи директора. Сіе меня удивило еще болѣе. «Господи помилуй! сказалъ я самъ себѣ, да какую власть имѣетъ сей человекъ надо мною, что меня ордируетъ?» и разорвавъ обертку пакета, спѣшилъ читать ордеръ. Но вообразите какимъ удивленіемъ и даже изумленіемъ долженъ былъ я поразиться, когда увидѣлъ, что давалось мнѣ знать, что государынѣ угодно было, по причинѣ увольненія князя Гагарина въ чужіе края, препоручить наши волости въ смотрѣніе и дирекцію ему, господину Давыдову, и что онъ, какъ уже дѣйствительный мой командиръ, увѣдомляя меня о томъ, и о скоромъ своемъ къ намъ пріѣздѣ, предписывалъ мнѣ, чтобъ я сдѣлалъ къ пріѣзду его всѣ нужныя пріуготовленія и велѣлъ для пребыванія его истопить дворцовый флигель.

Удивленіе, которымъ я, при чтаніи сего неожиданнаго извѣстія, поразился было дѣйствительно неудобнообразимое, и я, сказавъ присланному: «хорошо, мною все будетъ исполнено», и приказавъ его накормить и успокоить, спѣшилъ сообщить сію неожиданность моимъ домашнимъ. Тѣ, также изумились, удивились и смутились, какъ и я, симъ произшествіемъ, и всѣ мы не знали, огорчатся ли намъ или радоваться сей новой и важной переменѣ. Господинъ Давыдовъ былъ всѣмъ намъ уже отчасти знакомъ, поелику за нѣсколько лѣтъ до того, пріѣзжалъ онъ къ намъ для осмотра флигелей, былъ нами

угощаемъ и показался намъ человѣкомъ очень хорошимъ. Но великая разница была въ томъ, чтобъ имѣть его у себя командиромъ, а не приватнымъ гостемъ. Сверхъ того, извѣстно было намъ то, что онъ былъ любимцемъ намѣстниковымъ, поелику съ женою его имѣлъ онъ до того короткую дружбу, по которой причинѣ находился и тогда у него все еще въ отличной милости и уваженіи; потомъ не извѣстно еще было, какъ онъ, будучи мнимъ командиромъ, со мною обходиться будетъ. Что же касается до князя, то мы не знали, тужить ли намъ о томъ, что мы изъ его команды и начальства выбыли, ибо хотя я съ нимъ и только послѣдній годъ и поладилъ, но по пылкому и безпутному его характеру мало добра отъ него ожидать было можно, а напротивъ того, всегда долженъ я былъ отъ него опять какихъ-нибудь вздоровъ опасаться. Итакъ, мы съ сей стороны и не очень о томъ потуживали, что отъ него по-добру, по-здорову отдѣлались. Впрочемъ, предавались во всемъ Божьему о себѣ Промыслу и возлагали на Него все свое упованіе.

Совѣмъ тѣмъ я, легши опять спать, не могъ долго заснуть и болѣе часа занимался о сей неожиданной перемѣнѣ помышленіями. Болѣе всего было мнѣ непонятно, какимъ это образомъ сдѣлалось и отчего собственно произошло, ибо до того объ отъѣздѣ князя въ чужіе края, и даже и о намѣреніи его къ тому не было ни малѣйшаго слуха и послушанія, а знали мы только, что въ минувшую осень ѣздилъ онъ по камергерской своей должности въ Петербургъ и оттуда ѣздить, вмѣстѣ съ государыней, въ новопріобрѣтенныя польскія провинціи, и что онъ находился у государыни въ особенномъ уваженіи. Словомъ, для меня было все сіе неразрѣшимую тогда загадкою и я не прежде обо всемъ узналъ, какъ уже по прошествіи многого уже, послѣ того, времени, и тотъ же г. Верещагинъ, узнавъ о томъ какимъ-то образомъ, сообщилъ мнѣ о томъ странномъ случаѣ или анекдотѣ, которой къ сей важной съ на-

ми перемѣнѣ подалъ тогда поводъ. Былъ онъ слѣдующій:

Князь, находясь, помянутымъ образомъ, въ свитѣ императрицыной, во время путешествія ея въ Польшу, удостоиванъ былъ отъ ней той милости, что игралъ съ нею всегда въ вистъ, вмѣстѣ съ прочими, съ нею тогда бывшими. Какъ при сей игрѣ, какъ извѣстно, употребляются особыя марки, то у князя были онѣ золотыя и носимыя всегда при себѣ въ карманѣ исподняго платья. Но какимъ-то образомъ случилось однажды, что онъ отъ посибшности, въ тотъ же карманъ, всунулъ стекляночку съ оденосомъ, и какъ сей случилось быть не очень плотно замкнутой, а подлѣ самой ея и лежали помянутыя золотыя марки, то отъ духа сего напатырнаго спирта и потусклѣло золото такъ, что марки сдѣлались совѣмъ оттого запачканными и почти почернѣвшими. Князь, сѣвши съ императрицею и прочими играть въ карты, и не зная того, не вѣдая, выхватываетъ изъ кармана марки и поражается удивленіемъ, увидѣвъ марки свои въ такомъ гадкомъ видѣ, и тотчасъ начинаетъ ихъ тереть платкомъ своимъ, но какъ острота спирта успѣла въ золото въѣсться очень крѣпко, то никакъ ихъ вытереть и прежній имъ блескъ придать было невозможно. Сіе увеличило не только его удивленіе, не догадывающагося нисколько, отчего то произошло, но обратило вниманіе къ себѣ и всѣхъ прочихъ игроковъ и самой даже императрицы и возбудило во всѣхъ любопытство узнать, чѣмъ бы такимъ онъ ихъ замаралъ, и его о томъ спрашивать. Но какъ ему не оставалось другого сказать, что онъ самъ не знаетъ того не вѣдаетъ, то всѣ, посмѣявшись только тому, такъ тогда сіе и оставили.

Но какъ бы вы думали? Самая сія ничего незначащая случайность произвела такія послѣдствія, какія и вообразить себѣ никому не можно было. Словомъ, она въ состояніи была лишить князя не только всего благоволенія императрицына, которымъ онъ до того времени пользовался, но и всей ея къ себѣ милости и

привести его ей даже въ омерзѣніе. Произошло то собственно отъ проклятой придворной политики или паче дьявольской зависти тогдашняго императрицына фаворита, бывшаго съ нею и играваго также тогда съ ними въ карты. Сей, опасаясь, можетъ быть, чтобъ князь не перехватилъ у него фавора, восхотѣлъ бездѣльнически употребить сей случай къ удаленію его отъ императрицы и употребилъ къ тому самую дьявольскую клевету. Какъ ему коротко былъ извѣстенъ весь характеръ императрицынъ и, между прочимъ, то, что она всего болѣе боялась болѣзней и берегла себя отъ нихъ съ наивеличайшимъ стараніемъ, то вздумалось ему всклепать на князя, что онъ зараженъ сею прилипчивою болѣзнію, и что марки его не отъ чего иного потемнѣли, какъ оттого, что онъ лѣчится ртутными лѣкарствами, и произошло то отъ ядовитыхъ испареній изъ его тѣла. Онъ намекнулъ о томъ императрицѣ только шуткою, но сія тотчасъ тому, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, повѣря, вдругъ получила отъ князя такое отвращеніе, что съ той же минуты не восхотѣла его болѣе и близко подлѣ себя терпѣть, а не только-что, по прежнему удостоивать его своего стола и играть съ нимъ въ карты; но, и близко его къ себѣ не припуская, подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ, отправила его назадъ въ Петербургъ. И какъ, и по возвращеніи своемъ, не хотѣла она его никакъ терпѣть при дворѣ и о томъ ему стороною дано было знать, то, самое сіе и побудило князя проситься объ увольненіи себя въ чужіе края, чему государыня, съ своей стороны, обрадовалась, охотно ему то и дозволила. А дабы волости наши не могли остаться безъ всякаго призора, то и ввѣрила она надзоръ надъ ними не г. Давыдову, а собственно случившемуся тогда въ Петербургѣ нашему тульскому намѣстнику Михаилу Никитичу Кречетникову. Но поелику должность сія была для него нѣсколько низковата, то и велѣно было подъ его руководствомъ и повелѣніями принять ее въ свое смо-

трѣніе помянутому тульской экономин директору Давыдову. Итакъ, сей былъ у меня не самымъ главнымъ, а, такъ сказать, полукомандиромъ; главнымъ же начальникомъ надо мною сдѣлался самъ нашъ намѣстникъ.

Всего сего тогда еще не вѣдая, удивлялся я тому, какъ могли такіа важныя волости поручены быть такому небольшому, молодому и нисколько незнаменитому, а при томъ такому человѣку, о которомъ доходили до насъ стороною слухи, что былъ онъ и не слишкомъ въ житіѣ своемъ воздерженъ, а мотоватъ. Но удивленіе мое скоро уничтожилось чрезъ знаніе чрезъ нѣсколько дней послѣ того, что поручена ему надъ ими неполная власть, а ограниченная, и что самъ онъ долженъ былъ быть подъ опекою и надзоромъ намѣстниковымъ.

Но какъ бы то ни было, но перемѣна сія имѣла столь великое вліяніе на всѣ мои обстоятельства, что я могу сказать, что съ самаго сего времени начался новый и самый дѣятельнѣйшій и по многимъ отношеніямъ почти наипріятнѣйшій періодъ моей жизни, какъ то изъ послѣдующаго продолженія моего повѣствованія окажется.

Теперь, возвращаясь къ прерванной нити моего повѣствованія, скажу, что не успѣло настать послѣдующее за ночью утро, какъ, созвавъ всѣхъ моихъ подкомандующихъ, объяснилъ я имъ о сей происшедшей перемѣнѣ и приказалъ приготовить всѣ нужныя для свѣдѣнія моему новому командиру вѣдомости обо всемъ и бумаги; также топить скорѣе комнаты во флигелѣ и дѣлать прочія къ приѣзду его приуготовленія.

Для всѣхъ ихъ было сіе также и поразительно, и удивительно, но они болѣе сей перемѣнѣ радовались, нежели горевали о томъ, что вышли изъ подъ команды нашего бѣшенаго князя.

Г. Давыдовъ и незамедлил своимъ къ намъ приѣздомъ. И не успѣло двухъ дней пройти, какъ и прилетѣлъ онъ 11 числа ранымъ-ранѣхонько въ сопровожденіи одного только своего секретаря Протопо-

пова и расположился въ приготовленныхъ для его покояхъ во флигелѣ дворцовомъ.

Будучи въ самомъ дѣлѣ и смыслѣ наибодобродушнѣйшимъ человѣкомъ и характера благороднаго, ласковаго, дружелюбнаго и веселаго, обошелся онъ со мною не такъ, какъ командиръ съ своимъ подчиненнымъ, а какъ стародавнишній уже знакомый и пріятель, и не только безъ малѣйшей надмѣйности и снѣси, но крайне благосклонно и дружелюбно. Симъ озадачилъ онъ меня такъ, что я съ самой первой минуты сдѣлался ему искренно приверженнымъ. А такимъ же благосклоннымъ обхожденіемъ и всѣмъ своимъ поведеніемъ очаровалъ онъ и всѣхъ моихъ подкомандующихъ, а равно и всѣхъ нашихъ городскихъ судей, явившихся тотчасъ къ нему для изъявленія своего почтенія.

Какъ у меня всѣ нужныя для предварительнаго его свѣдѣнія бумаги были уже приготовлены, то онъ, будучи тѣмъ крайне доволенъ, началъ тотчасъ входить во всѣ наши волостныя дѣла и такимъ образомъ, что и я, съ моей стороны, былъ очень доволенъ и съ радостью готовъ былъ я исполнять не столько повелѣнія его, сколько просьбы о томъ, чтобъ я ему былъ болѣе во всемъ помощникомъ, нежели подкомандующимъ, увѣряя меня, что сіе будетъ весьма пріятно и общему нашему начальнику Михаилу Никитичу Кречетникову, чрезъ что самое и узналъ я, что все, относящееся до волости главнѣйшее, будетъ зависѣть отъ воли нашего намѣстника.

Какъ приѣздъ его воспослѣдовалъ незадолго до обѣда, то къ обѣденному столу пригласилъ я его къ себѣ и постарался угостить его у себя коликъ можно лучше. И тутъ обошелся онъ со всѣми домашними моими такъ ласково и хорошо, какъ бы былъ какой-нибудь нашъ родственникъ или давнишній пріятель, тѣмъ привязать къ себѣ и всѣхъ родныхъ моихъ. Къ намъ подѣхалъ къ сему времени изъ Бобрикъ и новой нашъ г. ассесоръ. И г. Давыдовъ обошелся съ

нимъ очень хорошо, хотя далеко не такъ, какъ со мною: тотчасъ усмотрѣлъ, что сей льстивый и хитрый человѣкъ не такъ былъ простодушенъ и искрененъ, какъ я, во всемъ своемъ поведеніи.

Предъ наступленіемъ уже вечера возвратился онъ на свою квартиру и ужиналъ со мною у себя на квартирѣ, гдѣ также постарался я, чтобъ ни въ чемъ нужномъ не было у него недостатка.

Къ послѣдующему дню собраны были у меня со всѣхъ деревень всѣ начальники и онъ объявлялъ имъ о начальствѣ своемъ и много обо всемъ говорилъ съ ними въ нашей канцеляріи. Я опять угощалъ его у себя обѣденнымъ столомъ, а ужиналъ опять у него, и все у насъ шло ладно и такъ хорошо, что лучшаго желать было и не можно.

На третій день ѣздили мы съ нимъ осматривать гошпиталь и другія мѣста въ селеніи нашемъ. И въ сей день угощалъ у себя всѣхъ насъ городничій нашъ г. Сухотинъ, а въ послѣдующій за тѣмъ день такой же трактamentъ задалъ намъ исправникъ нашъ г. Арсеньевъ. Ужинали всѣ у меня въ домѣ, при которомъ случаѣ новый мой командиръ, развеселенный, такъ удобрисся, что вздумалъ было малютку-племянника моего причислить къ нашей канцеляріи и дать ему чинъ по штатской службѣ.

Въ наступившій за симъ день, который былъ уже 5 пребыванія его у насъ, вздумалъ онъ сдѣлать у себя въ квартирѣ пиръ для всѣхъ нашихъ городскихъ, и мы всѣ обѣдали и ужинали у него въ сей день. Къ сему времени подѣхалъ къ намъ меньшей братъ г. Верещагина, также г. Хомяковъ, Иванъ Васильевичъ, всѣмъ намъ очень знакомой и весьма доброй человѣкъ. Какъ всѣ обходились между собою безъ всякихъ этикетовъ, а на дружеской ногѣ, и не все время занимались важными только разговорами, но и разными играми,—то было очень и не скучно намъ всѣмъ.

Въ шестой же день всею гурьбою разѣзжались мы по всему городу, перебывали у всѣхъ нашихъ судей и людей лучшихъ,

а окончили оной у меня въ домѣ и разѣхались уже послѣ ужина.

Словомъ, всѣ 7 дней тогдашняго перваго пребыванія его у насъ, были у насъ непрерывные праздники и пиршества, ибо не только я, но и всѣ наши городскіе, видя его ко всѣмъ благопріятство, старались всячески угощать его у себя, чѣмъ и былъ онъ весьма доволенъ.

Наконецъ, кончивши всѣ свои дѣла, 18-го числа поѣхалъ отъ насъ онъ, и я съ нимъ вмѣстѣ, въ Бобрики. Тамъ такой же прѣзъ задалъ ему у себя г. Верещагинъ, старавшійся возможнѣйшимъ образомъ подлащаться къ нему, въ пользу брата своего, готовящагося быть на его мѣстѣ Бобриковскимъ управителемъ, и потому не только угощалъ его обѣденнымъ столомъ, но, зная, что онъ въ дружеской компаніи любитъ иногда и погулять, то разгуливали передъ нимъ и рюмки, и стаканы, изъ которыхъ и самъ хозяинъ скорѣе всѣхъ еще такъ нахлюстался, что я никогда еще его такимъ не видалъ. И, какъ говорится въ пословицѣ, что все то, что у трезваго на сердцѣ, то у пьянаго бываетъ на языкѣ, то имѣлъ я тогда случай узнать истинно-душевной характеръ сего коварнаго и хитраго человека и ужаснулся даже негодности его. Словомъ, онъ прямо доказалъ тѣмъ мнѣ, что такое онъ былъ и какого разбора человекъ, и увеличилъ во мнѣ желаніе, чтобъ онъ выбылъ отъ насъ поскорѣе въ другой родъ служенія. И хотя братъ его былъ ни то, ни сѣ, и ни рыба, ни мясо, но я охотнѣе хотѣлъ имѣть его у себя подкомандующимъ, нежели его старшаго брата.

Наконѣцъ, проводили мы отъ себя своего новаго командира, и я, возвратясь въ Богородицкъ, началъ тотчасъ помышлять объ ѣздѣ своей въ Москву. Ибо какъ г. Давыдовъ, между прочимъ, мнѣ сказалъ, что онъ тотчасъ, по возвращеніи своемъ въ Тулу, отправится въ Москву для смѣны съ княземъ и принятія отъ него и денегъ и всего прочаго, и что и мнѣ необходимо также тамъ при семъ случаѣ быть надобно. То расположились мы

ѣхать туда, вмѣстѣ съ женою и старшими дѣтьми, и болѣе для того, что хотѣлось намъ поучить ихъ еще потанцовать и пожить тамъ для сего нѣсколько времени.

Итакъ, не долго думая, начали мы въ сей путь собираться. И отправивъ тотчасъ нарочнаго въ Москву, для пріисканія и найма для себя квартиръ, на 5-й день послѣ того и сами изъ Богородицка, со старшею своею дочерью и сыномъ, въ Москву отправились, и пробыли, съ заѣздомъ къ своимъ роднымъ и знакомымъ въ Тулѣ и въ нашемъ Дворяниновѣ, 5 дней въ семъ путешествіи и, наконецъ, 29-го числа января въ Москву и пріѣхали.

Тутъ нашли мы квартиру для себя уже нанятую и готовую, и самый обозъ свой съ кормомъ для лошадей и другими припасами. Приѣхавши, въ этотъ разъ случилось намъ стоять въ домѣ г. Рыкачева, на Козьемъ болотѣ, въ приходѣ у Спиридонія. И квартиру имѣли довольно просторную и спокойную, но занятую тогда отчасти еще прежними постояльцами, но которые хотѣли, однако, скоро съѣхать. Паче всего былъ я доволенъ тѣмъ, что имѣлъ особенно для себя два просторныхъ и теплыхъ покоя въ антресоляхъ, гдѣ я могъ со всѣмъ своимъ буторомъ, книжнымъ расположиться и заниматься, безъ всякаго помѣшательства отъ другихъ, своими обыкновенными литературными упражненіями.

Какъ пріѣхали мы въ Москву еще по утру, то успѣли мы въ сей день не только разобратъ и обострожить, но и повидатъся съ пріѣзжавшими къ намъ и у насъ ужинавшими нашими кашинскими родными, которые, какъ-будто бы согласившись вмѣстѣ съ нами, около самаго сего времени съ гостившею у нихъ моею дочерью, Настасьею, въ Москву пріѣхали. И узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, тотчасъ къ намъ прискакали и обрадовали насъ до чрезвычайности, ибо мы никакъ того не ожидали и сотовариществу ихъ были такъ рады, что, имѣя у себя квартиру довольно просторную, уговорили ихъ пере-

ѣхать къ намъ стоять и жить вмѣстѣ съ нами, къ чему они охотно и согласились. И какъ скоро прежніе постояльцы съѣхали и намъ всѣ комнаты опростили, то тотчасъ къ намъ переѣхали. Итакъ, составила изъ насъ изрядная кучка, и было намъ жить тогда не скучно.

Какъ и въ сей разъ пробыли мы въ Москвѣ цѣлой мѣсяцъ, и все сіе время провели отменно весело и со многими для насъ пріятностями,—то неизлишнимъ прочитаю рассказать обо всемъ происходившимъ тогда съ нами нѣсколько подробнѣе. Мое первое дѣло было, чтобъ явиться къ князю, моему прежнему командиру. Я нашолъ его живущаго уже въ домѣ покойнаго отца его. Онъ принялъ меня хотя довольно ласково, но все съ прежнеею своею княжескою гордостью и не изъяслялъ дальняго сожалѣнія своего о томъ, что отторгнуть былъ отъ волостей нашихъ, а казалось былъ тѣмъ еще нѣсколько доволенъ, но сердце его, безъ сумѣнія, не то чувствовало. Совсѣмъ тѣмъ въ разсужденіе меня и не подумалъ, хоть бы пожалѣть о томъ, что ему не удалось мнѣ услужить доставленіемъ мнѣ чина. Не успѣлъ я съ нимъ нѣсколько словъ переговорить, какъ и приѣхалъ къ нему мой новой командиръ г. Давыдовъ, для предварительныхъ переговоровъ съ нимъ о сдачѣ волости, и я отправленъ былъ отъ обоихъ ихъ къ секретарю княжескому для приготовления нѣкоторыхъ бумагъ, нужныхъ къ сдачѣ. А какъ г. Давыдовъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать, то отъ секретаря и проѣхалъ я къ нему, или, лучше, въ домъ старика, отца его, у котораго онъ стоялъ. Тутъ познакомилъ онъ меня со всѣми своими родными и рекомендовалъ имъ меня съ хорошей стороны. А послѣ обѣда полетѣлъ я тотчасъ въ ряды, чтобъ повидаться со стариннымъ знакомцемъ своимъ г. Ридигеромъ и набрать у него всякихъ книгъ для читанія во время пребыванія моего въ Москвѣ, и выбора потомъ изъ нихъ для покупки отъ него тѣхъ, которыя мнѣ полюбятся. И, набравъ у него ихъ цѣлую кипу, заѣхалъ и къ другу

своему г. Новикову. Сего нашелъ я уже женившимся и живущаго уже въ иномъ мѣстѣ, подлѣ Никольскихъ воротъ, въ особомъ и просторнѣйшемъ домѣ, гдѣ была у него и собственная уже типографія. Онъ удивился и обрадовался, меня увидѣвъ, ибо со всѣмъ не зналъ о моемъ приѣздѣ, и просилъ, чтобъ опять видаться съ нимъ, какъ можно чаще, и буде можно мнѣ будетъ, чтобъ въ послѣдующій день приѣхать къ нему обѣдать; чтѣ я ему и обѣщалъ. И поговоривъ съ нимъ, проѣхалъ уже домой и тамъ провелъ весь вечеръ въ перебираніи и разсматриваніи книгъ, взятыхъ у Ридигера.

Въ послѣдующій и послѣдній день мѣсяца января, былъ я опять у князя, но, за нѣкоторыми остановками, смѣны и въ сей день еще не воспослѣдовало. Итакъ, можно мнѣ было оттуда ѣхать обѣдать къ Новикову, къ которому въ сей разъ отвезъ я ему книгу свою «О благополучіи человѣческомъ», и оставилъ у него для разсмотрѣнія, можно ли ее ему напечатать. Онъ угостилъ меня обѣдомъ. И насъ обѣдало у него уже человѣкъ болѣе двадцати, а не по прежнему человѣкъ пять или шесть. И сію перемѣну замѣтилъ я и при всѣхъ послѣдующихъ у него бываніяхъ. Наибольшая часть изъ сихъ людей состояла изъ людей молодыхъ, ничего за столомъ неговорящихъ, и, по всему видимому, принадлежащихъ къ ихъ сектѣ и употребляемыхъ Новиковымъ на дѣла и работы разныя. А ввечеру ужинали мы дома и опять съ приѣзжавшими къ намъ нашими кашинскими родными.

Наконецъ, 1-го числа февраля, смѣнились оба мои командиры, и смѣна сія происходила при мнѣ въ домѣ у князя. Онъ сдалъ намъ всѣ важнѣйшія бумаги и письменныя повелѣнія, получаемыя имъ и покойнымъ отцомъ его отъ императрицы, относящіяся до волостей, также и всѣ оригинальные планы нашимъ строеніямъ. Такимъ же образомъ разошлись мы съ нимъ и въ казенныхъ деньгахъ, по которыхъ, по счастью, не осталось у него ничего почти тогда въ наличности, поелику всю бывшую у него сумму велѣно

было отдать ему въ особое назначенное мѣсто. Но какъ, кромѣ казенныхъ, находилось у [э]кономнаго князя и нѣсколько сотъ мірскихъ мужичьихъ денегъ, пересланныхъ къ нему давно для покупки за нихъ рекрутъ,—то ждалъ я не упомянуть ли объ нихъ самъ князь, ибо я, вѣдая что ихъ въ наличности не было, совѣстился ему о томъ напомнить. Но какъ онъ объ нихъ совсѣмъ умалчивалъ, то, по окончаніи уже всей смѣны, принужденъ былъ я ему напомнить и объ нихъ. Совѣстно и стыдно было тогда чрезвычайно князю. И какъ запереться въ нихъ было не можно, то просилъ онъ меня, чтобъ я приѣхалъ ему чрезъ день, и что тогда получу и оныя.

Не успѣли мы дѣло свое кончить, какъ Николай Сергѣевичъ, посадивъ меня съ собою въ карету, повезъ меня къ себѣ обѣдать, гдѣ всѣ поздравляли его съ формальнымъ вступленіемъ въ новую должность. И какъ г. Давыдовъ былъ отменно честолубивъ, то сіе было ему очень приятно. Итакъ, съ сего дня сдѣлался я уже формальнымъ его подкомандующимъ, и тогда моя первая просьба была къ нему та, чтобъ онъ дозволилъ мнѣ пожить въ Москвѣ до великаго поста, на что онъ съ превеликимъ удовольствіемъ далъ свое согласіе.

Отъ него проѣхалъ я въ сей день для свиданія къ родственницѣ своей Катеринѣ Петровнѣ Арсеньевой, а потомъ и къ старикамъ, родственникамъ и друзьямъ нашимъ, Офросимовымъ, которые всѣ мнѣ обрадовались и просили также о частѣйшемъ къ нимъ приѣзжаніи. По возвращеніи же на квартиру, нашелъ я уже ее всю опростанную, ибо въ сей день съѣхали отъ насъ прежніе постояльцы, и намъ можно уже было въ послѣдующее утро переташить къ себѣ и нашихъ кашинскихъ жить вмѣстѣ.

Но какъ письмо мое достигло до своихъ предѣловъ, то позволяю мнѣ на сей эпохѣ остановиться и, кончивъ оное, сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(21-го генваря 1810 года).

Письмо 213-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ, наживъ себѣ новаго командира и перешедъ изъ прежней совсѣмъ въ другую команду, началъ уже всячески прикраиваться къ несовсѣмъ еще извѣстному мнѣ характеру новаго своего начальника и за первой долѣ почелъ на утрѣ же протурить жену свою съѣздить къ женѣ его на поклонъ, и чтобъ съ нею обресоветоваться. Госпожа сія не была уже хотя въ то время любимцею нашего намѣстника, поелику онъ имѣлъ уже другую фаворитку, но, почиталъ себя ему все еще доброю пріятельницею и игравъ во время фавора своего великую роль, не могла и тогда еще отстать отъ прежней своей пышности и совсѣмъ изнѣженнаго и испорченнаго характера,—и потому приняла она жену мою хотя, благопріятно, но далеко не съ такою откровенностью и чистосердечіемъ и дружелюбіемъ, съ какимъ обходился мужъ ея со мною и со всѣми моими родными. Совсѣмъ тѣмъ, приѣздомъ жены моей къ ней была она довольна, и пригласила насъ обоихъ, чтобъ мы къ ней наутрѣ приѣхали обѣдать. Отъ нихъ проѣхали мы къ старикамъ Офросимовымъ обѣдать, а послѣ обѣда отпустилъ я жену свою къ теткѣ, г-жѣ Арсеньевой, а самъ поѣхалъ для свиданія къ другу моему и усердѣйшему изъ всѣхъ моихъ корреспондентовъ, старику Алексѣю Алексѣвичу Владыкину, и обрадовалъ любезнаго старика сего своимъ приѣздомъ до чрезвычайности. И мы проговорили съ нимъ весь вечеръ со взаимнымъ удовольствіемъ.

Какъ въ послѣдующій за симъ день надлежало мнѣ быть у князя за мірскими деньгами, то ѣздивъ, и князь расплатился ими честно. Въ сію у него послѣднюю мою бытность имѣлъ я случай видѣть у него своеручныя и въ шуточномъ тонѣ писанныя письма и записки императрицы къ покойному отцу его, которыя онъ удержалъ у себя для достопамятности. Послѣ чего мы съ нимъ и распро-

щались съ нарочитымъ съ обѣихъ сторонъ хладнокровіемъ. Ибо какъ онъ не хотѣлъ хоть бы изъ учтивости пригласить меня у себя отобѣдать и не оказывалъ ко мнѣ никакой особенной ласки, то не имѣлъ и я дальней причины оказывать къ нему излишнихъ уже уваженій и предъ нимъ слишкомъ унижаться. Итакъ, не долго думая, съ нимъ раскланялся и радъ былъ, что развязался съ нимъ по-добру, по-здорову, и съ сего времени я его никогда почти и не видалъ.

По возвращеніи отъ него, поѣхали мы съ женою къ своему новому командиру, и, противъ всякаго чаянія, нашли мы у него превеликое собраніе и сборной пиръ, ибо совсѣмъ того и не знали, что въ сей день спѣсивая боярыня его была именинницею, по которой причинѣ и съѣхались къ нимъ всѣ его братья и сестры, и родные, и много постороннихъ его пріятелей. Такъ было у него торжество великое. И мы не только тутъ обѣдали, но пробыли до самой полуночи, и намъ было весело, поелику всѣ его родные обходились съ нами очень хорошо. Что же касается до самого хозяина, то онъ, при всей своей ко мнѣ ласкѣ, привелъ меня въ сей день въ нарочитое недоумѣніе однимъ своимъ совсѣмъ неожиданнымъ поступкомъ. Его первое почти слово было спросить у меня, былъ ли я у князя и получилъ ли отъ него мірскія деньги. И какъ я ему сказалъ, что былъ и получилъ, и съ нимъ во всемъ раздѣлался, то спросилъ онъ меня далѣе, не со мною ли сіи деньги? И какъ случилось ненарочнымъ образомъ, что я ихъ не успѣлъ оставить дома и онѣ, состоя въ ассигнаціяхъ, были со мною, то не успѣлъ онъ сего услышать, какъ сказалъ: «хорошо! такъ отдайте-жъ вы ихъ мнѣ, такъ какъ я, отправляясь на сихъ дняхъ назадъ въ Тулу, отвезу ихъ съ собою отдать въ казначейство, гдѣ всѣ наши доходы будутъ храниться». Остолбенѣлъ я, услышавъ сіе, всего менѣе ожидаемое требованіе, ибо въ мигъ представилось мнѣ, что требовалъ онъ ихъ совсѣмъ не для того, чтобъ ихъ туда отвозить, а чтобъ истратить ихъ на собствен-

ныя нужды или, лучше сказать, промотать, поелику былъ онъ въ этомъ отношеніи самымъ неводержаннымъ и крайне для самаго себя вреднымъ человѣкомъ. То съ минуту времени не зналъ я, что ему на то сказать, ибо сумма была хотя не весьма велика и состояла только въ 800 руб., но все-таки не составляла бездѣлки, и мнѣ жалъ ихъ было, изъ опасенія, чтобъ она не ухнула и не довелось бы мнѣ послѣ самому ее заплатить. Но подумавъ, что деньги сіи были не казенныя, а мірскія, и не такъ важны, какъ первыя, а къ тому какъ г. Давыдовъ примѣтилъ, что я нѣсколько упустился, — тотчасъ мнѣ сказалъ, что онъ, по приѣздѣ своемъ въ Тулу, дастъ мнѣ въ полученіи ихъ ордеръ, но чтобъ доставилъ я ему тогда еще 200 руб. такихъ денегъ, дабы было ровно 1000. То по необходимости принужденъ былъ ему обѣщанію повѣрить и, на данное его слово положившись, отдать ему сіи деньги, чѣмъ онъ былъ весьма и доволенъ. И хотя они послѣ дѣйствительно ухнули, но я, по крайней мѣрѣ, обезпечилъ себя отослаченіемъ къ нему, по возвращеніи своемъ въ Богородицкѣ, при рапортѣ еще 200 руб., съ изпрошеніемъ о полученіи ихъ къ себѣ ордера, которой онъ и дѣйствительно, сдержавъ свое обѣщаніе, и прислалъ. И такъ, я не имѣлъ уже причины въ разсужденіи сихъ денегъ имѣть какое-нибудь опасеніе. Совсѣмъ тѣмъ случай сей заставилъ меня впредъ, въ разсужденіи денегъ, употреблять съ нимъ невозможнѣйшую осторожность.

Вскорѣ послѣ сего праздника, онъ и дѣйствительно въ Тулу назадъ отправился, а я, оставшись послѣ его въ Москвѣ, прожилъ въ ней до самаго великаго поста, наставшаго тогда у насъ предъ началомъ мѣсяца марта.

Весь сей періодъ времени, продолжавшійся около мѣсяца, провели мы въ Москвѣ отменно весело и онъ достопамятенъ былъ для насъ многими пріятностями. Не было почти ни одного дня, которой бы мы весь просидѣли дома и никуда не ѣздили, или кто-бъ у насъ самихъ

не быть; ибо такъ случилось, что не только всѣ наши прежніе знакомцы и пріатели были тогда въ Москвѣ, но и съ нѣсколькими домами свели мы вновь короткое знакомство. Къ симъ въ особенности можно причислить домъ г-жи Волинской, Натальи Николаевны. Съ сею почтенною дамою и со всѣми ея родными познакомили насъ наши кашинскіе родные, бывшіе ей коротко знакомыми, а по нимъ сдѣлались и мы знакомы, и такъ ею любимы, что она принимала насъ всегда какъ бы какихъ родныхъ и обходилась съ нами самымъ дружескимъ образомъ, которое дружество продолжается между нами и понынѣ. А особливо свели короткую дружбу обѣ ея дочери съ моею, ибо у нея было множество дѣтей.

Другой домъ, съ которымъ мы также въ сію свою бытность въ Москвѣ свели короткое знакомство, былъ Андрея Петровича Давыдова, роднаго брата тетки моей Катерины Петровны Арсеньевой. Съ симъ наиболѣе потому сдѣлались мы коротко знакомы, что какъ у него были дѣти ровестники съ моими и учились тогда у танцмейстера танцевать, то мы воспользовались самымъ симъ случаемъ, наняли тогда-жъ танцмейстера продолжать учить танцевать и своихъ дѣтей и потомъ очень часто къ нимъ для самаго сего ѣзжали и дѣтей нашихъ заставляли учить вмѣстѣ. И какъ у него были свои музыканты, да и въ домѣ госпожи Волинской были также скрипачи, то и, кромѣ ученія, множество вечеровъ проводили мы въ обоихъ сихъ домахъ въ домашнихъ танцахъ и въ разныхъ играхъ и невинныхъ увеселеніяхъ, въ которыхъ обыкновенно дѣтямъ дѣлать и самъ я сотоварищество и возобновилъ прежнюю свою кѣнигсберскую охоту къ танцамъ.

Кромѣ сихъ двухъ домовъ, въ которыхъ мы всего чаще бывали и множество разъ обѣдывали и ужинавали, были и многіе другіе дома, гдѣ мы нерѣдко бывали, какъ, напримѣръ, кромѣ дома Офросимовой и г-жи Арсеньевой, ѣзжали мы и къ старинной нашей Кіясовской знакомѣ генеральшѣ Блицовой, также къ г-жѣ Ба-

куниной, бывшей тогда въ Москвѣ, къ старику, моему другу и куму Василію Ѳедоровичу Шушерину, къ Хитрову, г-ну Игнатъеву, Семену Ивановичу, къ Коробову, Новикову, къ Владыкину и другимъ нѣкоторымъ. А 16-го числа сдѣлали у себя пирушку и, пригласивъ къ себѣ многихъ изъ своихъ пріателей, угощали ихъ обѣдомъ, баломъ и ужиномъ, и были и у насъ также танцы и разныя игры и увеселенія.

Кромѣ сихъ частныхъ сѣздовъ и увеселеній, старался я и себѣ, и роднымъ своимъ, а особливо дѣтямъ, доставлять случаи пользоваться и публичными увеселеніями. И какъ въ сіе время бывали неоднократно и театры, то возилъ я ихъ и на оныя, а особливо для смотрѣнія комическихъ двухъ оперъ «Земира и Азра» и «Розаны и Любита», которыя не только дѣтей моихъ приводили въ восхищеніе, но и мнѣ съ женою доставили превеликое удовольствіе. А на масляной, въ пятницу, отпускалъ и дѣтей своихъ съ племянницею моею и на большой обыкновенной маскарадъ.

Впрочемъ, желая женѣ и дѣтямъ своимъ дать понятіе о богослуженіяхъ иностранныхъ, возилъ я ихъ въ нѣмецкую лютеранскую кирку во время самаго отпущенія божественной службы, и они имѣли случай видѣть, какъ она отправлялась и насытить слухъ свой пріятнымъ играніемъ на органахъ. А 18-го числа ѣздили мы въ Чудовъ монастырь и имѣли удовольствіе слышать проповѣдь, говоренную самимъ нашимъ славнымъ архіереемъ Платономъ; и я не могъ довольно налюбоваться его краснорѣчіемъ.

При всѣхъ сихъ разнообразныхъ занятіяхъ и самой почти разсѣянной жизни, не оставлялъ, однако, я и своихъ книгъ и пера, и не упускалъ ни одной празднои минуты, а особливо по утрамъ вставалъ задолго до свѣта, чтобъ ихъ посвящать чтенію и писанію. Симъ послѣднимъ занимался я наиболѣе для продолженія сочиненія матеріала для своего «Экономическаго Магазина», котораго изданіе продолжалось и въ сей годъ съ такимъ же

успѣхомъ, какъ и въ прежнемъ. Но какъ въ семь матеріалѣ не было дальняго недостатка, поелику у меня много было еще въ Богородицкѣ онаго заготовлено, то не только занимался писаніемъ, сколько чтеніемъ Ридигеровыхъ книгъ, которыхъ успѣлъ прочесть я нѣсколько почти десятковъ, а потому и накупилъ у него и у самаго Новикова множество новыхъ, и какія больше полюбилися, и повезъ съ собою цѣлый лубокъ съ оными.

Съ г-мъ Новиковымъ хотя я и видался, но далеко не такъ часто, какъ при прежнемъ своемъ приѣздѣ, и болѣе за разъѣздами въ другія мѣста. Однако, мы съ нимъ и въ сей разъ одно новое дѣло предпріяли, а именно относящееся до книги моей «О благополучіи». И какъ я у него объ ней однажды спросилъ, то онъ, расхваливъ ее въ прахъ и, съ охотою желая ее напечатать, просилъ меня, чтобъ потрудился я самъ и сѣздалъ къ тогдашнему цензору, профессору Барсову, и отдалъ ее въ цензуру. Мнѣ сперва и не хотѣлось-было сего сдѣлать, поелику мнѣ г. Барсовъ совсѣмъ былъ незнакомъ. Однако, желая его узнать, согласился, наконецъ, съ книгою своею къ нему ѣхать и отыскивать его въ университетѣ. И сей ученой человекъ какъ удивилъ меня не только очень ласковымъ и вѣжливымъ пріемомъ, но, при предложеніи ему моей книги, сказавъ мнѣ, что ему за мною не остается ничего цензуровать, что сочиненія мои всѣмъ довольно извѣстны, и какъ онъ и мысли не имѣетъ, чтобъ въ сихъ книгахъ было что противное, то въ сію же минуту ихъ одобрить. И подлинно: онъ тотчасъ, схватя перо, и написалъ на нихъ свое одобреніе и что они печатаны быть могутъ.

Я очень доволенъ таковымъ и всего меньше мною ожидаемымъ скорымъ одобреніемъ и благодарилъ г. Барсова за оказанную мнѣ такую честь. А не менѣе моего доволенъ былъ и г. Новиковъ, при возвращеніи ему оныхъ, и говоря, что онъ того и ожидалъ, увѣрилъ меня, что онъ тотчасъ и приступитъ къ печатанію такой полезной книги.

Наконецъ, расцелся я съ нимъ и разстался на прежней дружеской ногѣ. А векорѣ потомъ распрощались мы и со всѣми нашими московскими друзьями и пріятелями. И исправивъ въ городѣ какія надобны были покупки и распрощавшись съ своими кашинскими родными, сбиравшимися ѣхать также во-свояси, въ первой день великаго поста и отправились въ обратной путь въ Богородицкѣ. Какъ мнѣ для нѣкоторыхъ надобностей надлежало приѣздомъ своимъ посѣлиться въ Тулу, то имѣя особую повозку, по выѣздѣ изъ Москвы, оставилъ я жену тащиться съ дѣтьми и обозомъ, а самъ, нанявъ почтовыхъ лошадей, пустился впередъ и, повидавшись въ Дворянновѣ съ братомъ Михайломъ Матвѣевичемъ, а въ Федиковѣ—съ г. Кисленскимъ, 1 числа марта и приѣхалъ въ Тулу поутру, гдѣ, приставъ у друга своего г. Албычева, въ тотъ же день былъ у своего командира, который, за разными дѣлами, продержалъ меня въ Тулѣ оба послѣдующіе дни. А какъ между тѣмъ подѣхала и жена съ дѣтьми, то съ нею, побывавъ у него, отправился въ свое мѣсто и въ субботу на первой недѣлѣ возвратились въ Богородицкѣ.

Мое первое дѣло, по возвращеніи моемъ, состояло въ попеченіи о своемъ сынѣ. Сему въ 7-й день сего мѣсяца исполнилось уже 12 лѣтъ. И какъ по отбытіи нашего прежняго учителя г. Дюблуге учился онъ отъ старика Дебриньи только по-французски, а мнѣ весьма хотѣлось, чтобы продолжалъ онъ учиться и по-нѣмецки, то вздумалъ я по нуждѣ воспользоваться для сего старикомъ нашимъ переплетчикомъ Иваномъ Андреевичемъ Банніеромъ, живущимъ также въ гошпиталѣ, какъ и помянутой французъ и учитель. И сѣздивъ къ обоимъ къ нимъ, договорился и условился съ обоими съ ними, чтобъ сыну моему, учась у Дебриньи по-французски, по нѣскольку часовъ въ сутки быть у Банніера, и чтобъ сей не только говорилъ съ нимъ въ сіе время по-нѣмецки, но и, по силѣ возможности своей, помо-

гали ему и въ прочемъ въ разсужденіи обученія сего языка.

Не успѣлъ я сего дѣла кончить и только что принялся—было за продолженіе сочиненія своего «Экономическаго Магазина», какъ и встревоженъ былъ опять полученнымъ ордеромъ отъ своего командира, въ которомъ, увѣдомляя меня, что въ скоромъ времени имѣетъ прибыть въ Тулу побѣй нашъ съ нимъ главной начальникъ и командиръ, намѣстникъ,—предписывалъ мнѣ, чтобъ я, забравъ всѣ нужныя по волостнымъ дѣламъ бумаги, поспѣшилъ своимъ приѣздомъ къ нему, дабы обоимъ намъ успѣть можно было, до приѣзда намѣстника, изготовить всѣ бумаги, нужныя къ поднесенію сего главному начальнику о состояніи волостей и всѣхъ касающихся до нихъ обстоятельствъ, что и принудило меня того-жъ часа заняться сочиненіемъ всѣхъ нужныхъ списковъ, вѣдомостей и другихъ бумагъ и, препроводивъ въ томъ весь послѣдующій день 9-го числа марта и отправиться опять въ Тулу, гдѣ и занялись мы тотчасъ вмѣстѣ съ г. Давыдовымъ всѣми нужными къ приѣзду намѣстника бумагами.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ мы ни ожидали, почти ежечасно, намѣстника, но приѣздъ его не прежде воспослѣдовалъ какъ чрезъ цѣлую недѣлю послѣ моего приѣзда и уже въ половинѣ марта мѣсяца. И я принужденъ былъ, въ ожиданіи его, прожить цѣлые 7 дней почти безъ всякаго дѣла, ибо все, что нужно было, успѣлъ я дни въ два приготовить. Въ сіе время обходился со мною г. Давыдовъ по прежнему очень дружелюбно: и не только хотѣлъ чтобъ я у него всякой день обѣдалъ и ужиналъ, но возилъ меня съ собою ко всѣмъ своимъ лучшимъ друзьямъ и пріятелямъ и чрезъ то доставилъ мнѣ случай спознакомиться со всѣми почти тульскими судьями и чиновниками, а съ нѣкоторыми изъ нихъ основать и самую дружбу, чѣмъ я весьма былъ и доволенъ, и посему самому нимало не скучалъ тогдашнимъ долговременнымъ въ Тулѣ пребываніемъ.

Наконецъ 16-го числа марта приѣхалъ въ Тулу и столь давно уже ожидаемый намѣстникъ, и мнѣ надлежало къ нему явиться. Я очень любопытенъ былъ видѣть, какъ онъ, сдѣлавшись тогда формальнымъ мнѣ начальникомъ и командиромъ, обойдется со мною и какъ меня приметъ. Послѣ обѣда было уже, какъ я къ нему приѣхалъ; у него находились тогда почти всѣ тульскіе главные судьи и начальники. Но онъ не успѣлъ меня увидѣть, какъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ и началъ со мною говорить съ откровенною благосклонностью и благоволеніемъ; и чтобъ меня съ самаго начала озадачить и сдѣлать къ себѣ приверженнымъ, сверхъ всякаго ожиданія моего, обратился ко всѣмъ тутъ бывшимъ, началъ превозносить меня такими похвалами и говорилъ столь много добраго обо мнѣ, что мнѣ было даже стыдно!

Сіе меня не только обрадовало чрезвычайно и ободрило, но произвело то, что сколько я и до того уже ни любилъ и ни почиталъ сего умнаго человѣка и прямо, можно сказать, всей похвалы достойнаго вельможу, но съ сей минуты полюбилъ его несравненно больше и сдѣлался къ нему душевно и сердечно приверженнымъ.

Какъ при семъ случаѣ, по причинѣ великаго собранія у него людей, ни о какихъ дѣлахъ говорить ему со мною было не можно, то сказалъ онъ мнѣ, чтобъ наутріе побывавъ я въ намѣстническомъ правленіи и явился бы къ нему тамъ. Сіе я постарался выполнить и, побывавъ поутру у г. Давыдова, проѣхалъ въ намѣстническое правленіе, гдѣ не успѣлъ меня намѣстникъ увидѣть, какъ подзвалъ къ себѣ, опять со мною кое-о-чемъ и такъ весьма благосклонно поговоривъ, велѣлъ мнѣ ѣхать къ нему на квартиру къ секретарю его г-ну Веницееву и, по доставленнымъ къ нему отъ г. Давыдова нашимъ бумагамъ, сдѣлать нѣкоторыя объясненія. Г. Веницеевъ обошелся со мною также довольно вѣжливо и благосклонно и разспрашивалъ меня кое-о-чемъ нужномъ по бумагамъ, до нашей волости относящимся.

Между тѣмъ возвратился на квартиру свою и намѣстникъ. И не успѣлъ приѣхать, какъ прислалъ за обоими нами и, взявъ насъ въ свой кабинетъ, вступилъ уже въ подробныя со мною о волостяхъ и о всѣхъ нашихъ строеніяхъ, доходахъ и прочихъ обстоятельствахъ разговоры. И мы проговорили тутъ съ ними болѣе получаса времени, въ которое разсматривалъ онъ всѣ доставленные ему чрезъ меня бумаги и былъ ими очень доволенъ. А потомъ разговаривалъ со мною о многомъ, относящемся до существеннаго правленія волости, и прямо давалъ мнѣ знать, что онъ не столько на г. Давыдова, сколько на меня надѣется и во всемъ полагается. А все сіе и доказывало мнѣ ясно, что собственно начальникомъ моимъ былъ онъ, а г. Давыдовъ, значитъ, былъ, такъ сказать, только моимъ полукомандиромъ. Далѣе замѣтилъ я съ его словъ, что онъ за волости наши приняться намѣренъ былъ совсѣмъ уже не такъ, какъ оба прежніе мои командиры, но гораздо основательнѣе, благоразумнѣе и короче, однако такъ, что мнѣ и самому то было не противно: ибо съ умными и основательными людьми дѣло имѣть всегда охотнѣе можно, нежели съ какими-нибудь иными.

Въ сихъ разговорахъ провели мы съ нимъ все почти время, потомъ съѣхались къ нему главнѣйшіе начальники для обѣда, и тогда, откланявшись, полетѣлъ я обѣдать къ хозяину своему г. Албычеву, бывшему въ сей день имяннинникомъ, и успѣлъ и у него еще попить съ его друзьями и пріятелями.

Какъ въ сей разъ пребываніе намѣстника въ Тулѣ было самое кратковременное и онъ, въ послѣдующій за симъ день, передъ вечеромъ, собирался опять уже и прочь ѣхать—то поутру, сегодня, ѣздилъ я опять къ намѣстнику и онъ опять со мною кое-о-чемъ много говорилъ, а потомъ обоимъ намъ съ г. Давыдовымъ далъ обо всемъ свои повелѣнія и наставленія, какъ и куда, и какимъ образомъ доставлять мнѣ съ волостей доходы, что продолжать дѣлать въ разсужденіи нашихъ строеній, и о прочемъ

и прочемъ, и расстался со мною со всѣми милостивыми изъясненіями своего ко мнѣ благоволенія.

И какъ тѣмъ всѣ мои дѣла кончились, то, проводивъ его въ путь, заѣхалъ я къ своему полукомандиру г. Давыдову, и въ тотъ же еще день распрощавшись съ нимъ, въ слѣдующій день, съ утра, пустился одинъ и въ тотъ же еще день къ вечеру въ Богородицкѣ и приѣхалъ.

Послѣ сей перетурки все достальное время великаго поста провелъ я уже спокоемъ. Живучи въ своемъ мѣстѣ и занимаясь наиболѣе своими литературными и прочими любопытными упражненіями, и во все сіе время не произошло почти ничего достопамятнаго, кромѣ того, что въ концѣ марта, привезли къ намъ въ большую церковь иконостасъ и образъ, писанный въ Москвѣ нанятымъ еще княземъ живописцемъ.

Что касается до моихъ занятій, то они состояли наиболѣе въ продолженіи сочиненія матеріала для моего «Экономическаго Магазина», которымъ старался я, колико можно болѣе, запастись до наступленія весны, и потому посвящалъ сему дѣлу наибольшую часть своего времени и имѣлъ въ томъ успѣхъ, столь великій, что оставалось мнѣ много его и на другіе занятія, и особливо на рисованье, которымъ какъ-то я въ сіе преддверіе весны, занимался въ особливости, и не только зарисовывалъ многіе эстампы, но и нарисовалъ корпусными красками нѣсколько ландшафтовъ собственнаго своего изобрѣтенія, якобы изображающіе половодъ и весну, украшающіе и понынѣ мои стѣны въ гостинной, развѣшанные въ сей періодъ времени. Также занимался я много сооруженіемъ и раскрашиваніемъ новымъ манеромъ складной кровати, представляющей днемъ видъ шкафа, къ чему тогдашняя тѣснота въ домѣ меня наиболѣе побудила. Наконецъ, возобновилась во мнѣ охота рисовать сухими красками, къ чему побудилъ меня наиболѣе купленный въ Москвѣ съ пастельными красками ящичекъ. И я, въ первой еще разъ, нарисовалъ самый тотъ образъ Спасителя,

которой и понынѣ украшаетъ собою передній уголъ моего кабинета, и предъ которымъ возсылалъ я всякій день мои моленія ко Всевидящему, и которой нарисовалъ я въ великій четвергъ, въ самой тотъ день, когда мы исповѣдывались и приобщались Святыхъ Тайнъ, что случилось въ 13-й день мѣсяца апрѣля.

Бывшая въ сей годъ, въ началѣ сего мѣсяца, половодъ, хотя, по обыкновенію своему, и озабочивала меня своею величиною, и я не однажды принужденъ былъ объѣзжать и осматривать всѣ пруды наши, однако, несмотря на всю величину свою, прошла, къ удовольствію моему, благополучно.

Наконецъ, настала у насъ Святая недѣля, бывшая въ сей годъ нарочито поздно и начавшаяся съ 16-го апрѣля. И мы провели ее нарочито весело и наиболѣе въ свиданіяхъ съ нашимъ городничимъ и съ овдовѣвшею казначейшею нашею Марьею Юрьевною Петровою, которой, по ея осиротѣлости, дозволилъ командиръ мой жить въ комнатахъ одного дворцоваго флигеля и изъ милости опредѣлилъ ей небольшое жалованье и содержаніе отъ волости, и которая была къ намъ въ особенности привержена дружескою и сдѣлалась особенною приятельницею моею тещи, продолжающей любить ее еще и понынѣ.

Впрочемъ, особеннаго примѣчанія достойно, что въ самой первой день сей недѣли случилось мнѣ преподавать сыну моему и другимъ дѣтямъ первѣйшее понятіе о всей связи закона христіанскаго и положить тѣмъ основаніе тому благочестію и той искренней приверженности къ закону, которою сынъ мой и понынѣ, предъ многими сверстниками своими, отличается.

Какъ съ окончаніемъ Святой недѣли началась уже весна и съ нею всѣ внѣшнія или надворныя дѣла, то отвлекли меня отъ моихъ горничныхъ упражненій и заставили всякой день по нѣскольку часовъ препроводить въ ѣздѣ и въ ходьбѣ въ разныя мѣста и въ смотрѣніи за работами и въ распоряженіи оными. При

семъ достопамятно, что воспослѣдовавшая въ началѣ мая перемѣна имѣла великое вліяніе и на сіи мои надворныя дѣла и упражненія. Во время правленія волости молодого князя Гагарина они очень-было поуменишились и почти совсѣмъ заснули. Наиболѣе оттого, что я, не надѣясь отъ князя получить за всѣ мои труды не только благодарности, но и похвалы, лишился охоты надирать себя надъ оными и особливо надъ какими-нибудь новыми затѣями, а охотнѣе хотѣлъ всѣ праздные и отъ должностныхъ дѣлъ остающіеся часы посвящать собственнымъ своимъ дѣламъ и упражненіямъ. Но теперь, какъ все перемѣнилось, и я получилъ такихъ командировъ, которые всѣ мои труды могли оцѣнить какъ должно и отдавать имъ надлежащую справедливость,—то проснулась и во мнѣ опять прежняя охота къ разнымъ затѣямъ и множеству такихъ надворныхъ дѣлъ, за которыя могъ я ласкаться надеждою получить похвалу и благодарность. И я по прежнему сталъ ихъ производить, не чувствуя никакого оттого себѣ отягощенія.

Итакъ, по сдѣланіи всего, что нужно было въ садахъ и другихъ мѣстахъ, прилѣпился я мыслями въ особенности къ тому, нарочитаго пространства, лѣсочку, которой находился у насъ подлѣ каменнаго большаго волостнаго хлѣбнаго магазина, самаго того, которой намолю я въ первые годы пребыванія моего въ Богородицѣ въ совершенномъ пренебреженіи. Оной съ нужныхъ сторонъ огородилъ, заказалъ и сберегалъ съ возможнѣйшимъ попеченіемъ. Какъ лѣсъ, содержащій въ себѣ десятинъ до двадцати и болѣе, къ сему времени нарочито уже возросъ, стусился и составлялъ уже лѣсокъ довольно высокой, лежалъ же въ виду и не очень далеко отъ дворца, на прекраснѣйшемъ и такомъ мѣстѣ, что изъ него видѣнъ былъ и весь нашъ городъ и все наше село со всѣми его знаменитѣйшими зданіями и весь длинной и обширной прудъ, отдѣляющій городъ отъ села нашего, и всю сію рощу кругомъ

обливающей, — то, почитая оной наудобнѣйшимъ къ превращенію въ англійскій паркъ, или къ составленію изъ него увеселительнаго и такого лѣса, въ которомъ можно было ѣздить для гулянья и сіе съ удовольствіемъ въ ономъ предпринимать, началъ обрабатывать въ мысляхъ, какъ бы сіе наилучше сдѣлать. И снявъ съ него планъ, проектировалъ, какъ и гдѣ чему быть. И не успѣлъ настать май мѣсяцъ и оной одѣться, какъ и принялся за него съ особою прилежностью. Я прорубилъ въ немъ, въ добавокъ прежнимъ, множество новыхъ, прямыхъ и косыхъ, аллей, располагая оныя такъ, чтобъ онѣ всегда открывали въ концѣ своемъ какой-нибудь знаменитой предѣлъ, и въ концѣ одной видѣнъ бы былъ только одинъ дворецъ, въ другой — одна только пышная наша башня съ колокольней, третьей — наша церковь съ прекраснымъ ея большимъ зеленымъ куполомъ, а иная бы открывала въ концѣ своемъ гору, прудъ или виды въ самую даль. И всѣ сіи аллеи сдѣлалъ такъ широкими и ровнялъ въ нихъ землю такимъ образомъ, чтобъ съ удобностью можно было ѣздить по нимъ въ линейкахъ и даже въ каретахъ самыхъ. А симъ неудовольствуя, прорубилъ и во внутренности густыхъ куреней множество извивающихся и способныхъ для гулянья дорожекъ, выводя всѣ оныя либо на какія-нибудь, посреди лѣса, красивыя площади, либо на сдѣланныя внутри куреней разнообразныя полянки, снабженныя для отдыха дерновыми сидѣлками и прочими, тому подобными, украшеніями. И во всемъ томъ съ толикимъ усердіемъ и прилежностью трудился, что сей паркъ мой поспѣлъ къ Троицыну дню уже къ гулянью, и я могъ уже всѣхъ нашихъ городскихъ пріятелей пригласить въ оной для заживанія вѣнковъ или перваго вешняго гулянья, и не только удивилъ всѣхъ ихъ скорымъ превращеніемъ клочка сего въ прекрасное гульбище, но и доставилъ всѣмъ имъ превеликое удовольствіе.

Но какъ много новое дѣло сіе меня

ни занимало, но я находилъ много времени и для заниманія себя рисованіемъ и разными любопытными горничными упражненіями, къ которымъ поощряла меня, наиболѣе, примѣченная въ сынѣ моемъ отлѣнная ко всѣмъ такимъ упражненіямъ склонность и охота. И такъ, не проходило почти дня, въ которой бы у насъ съ нимъ не замазаны и не испачканы были руки красками, и въ которой бы не занимались мы съ нимъ какими-нибудь любопытными дѣлами.

Но, кромѣ сего, имѣлъ я, около сего времени, особенное горничное дѣло. Какъ намѣстникъ изъяснилъ мнѣ, между прочимъ, желаніе имѣть у себя подручной, но такой планъ всѣмъ нашимъ волостямъ, изъ котораго могъ бы онъ положеніе оныхъ и всѣхъ ея жителствъ, лѣсовъ, пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель видѣть, а мнѣ хотѣлось ему въ томъ услужить, — то и принялся я и за сіе, хотя со многими трудами сопряженное, но весьма нужное дѣло. И употреблялъ къ тому многіе дни и часы, остающіеся отъ другихъ дѣлъ праздными. А восхотѣвъ ему еще болѣе услужить, вознамѣрился и со всей нашей усадьбы и всего мѣстоположенія, окружающаго дворецъ, снять точной, специальнѣйшей и аккуратнѣйшей планъ, и болѣе въ томъ мнѣніи, что не вздумается [ли] ему приказать что-нибудь въ мѣстахъ, ему угодныхъ, сдѣлать.

Итакъ, всѣми сими дѣлами наполнены были всѣ мои дни въ теченіе весны сего года. Однако не одни оныя меня занимали, но было и еще одно важное и великое дѣло, къ которому долженъ я былъ устремлять также мои мысли и затѣи, но о которомъ предоставляю я упомянуть вамъ въ письмѣ послѣдующемъ, а сіе, какъ достигшее до своихъ предѣловъ, симъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Января 23-го дня 1810 года. Дворяниновъ).

Письмо 214-е.

Любезный пріятель! Большое и важное дѣло, о которомъ упомянулъ я вамъ вскользь при концѣ моего послѣдняго письма и которымъ я, между прочимъ, въ теченіе весны и первой лѣтней мѣсяцъ сего года занимался, относилось до нашей большой соборной церкви. Какъ она, хотя давно уже строеніемъ была окончена, и какъ снаружи, такъ и внутри оштукатурена, и оба боковые предѣла въ ней были уже освящены, но большая и главная церковь не имѣла еще своего иконостаса, и оной, съ образами только по послѣднему зимнему пути, былъ къ намъ привезенъ, — то главнѣйшее желаніе моего новаго командира было, чтобъ и сію среднюю и главную церковь привести къ окончанію и освятить. И поелику самому ему, по пребыванію его въ Тулѣ, заниматься всѣми мелочами, къ тому принадлежащими, было неудобно, то, вѣдая мою къ тому совершенную способность, поручилъ онъ все попеченіе мое о томъ мнѣ, прося, какъ можно всѣми дѣлами, до сего предмета относящимися, поспѣшить, такъ, чтобъ могла она ярманкѣ нашей къ освященію, которую комиссію я на себя охотно и принялъ.

Какъ дѣлать по сему предмету было еще много, поелику иконостасъ съ образами, написанными въ Москвѣ, къ намъ хотя привезенъ, но былъ только сдѣланъ вчернѣ, а раскрашивать и золотить надлежало его еще тутъ нанятыми художниками, то приступилъ я къ сему еще съ самаго открытія весны. И какъ отъ командира моего передано было въ полный мой произволъ — раскрасить и раззолотить его какъ мнѣ заблагоразсудится, то и принужденъ я былъ ежедневно посѣщать мастеровыхъ и надзирать за сими работами.

Теперь скажу, что, получивъ такое полномочіе, не хотѣлось мнѣ своей руки испортить, но соотвѣтственно сдѣлать мнѣ довѣренное koliko можно лучшимъ образомъ. И потому, не удовольствуясь

приказаніемъ раззолотить его, koliko можно съ лучшимъ вкусомъ, разною позолотою и покрыть всю плоскость плитъю по серебру лазоревымъ лакомъ, — восхотѣлъ я придать ему нѣкакія и другія новыя и совсѣмъ необыкновенныя украшенія собственнаго моего изобрѣтенія и придать ему тѣмъ еще болѣе красоты и великолѣпія. И какихъ-какихъ новыхъ затѣвъ и выдумокъ ни употребилъ я при семъ случаѣ! И усердіе мое было такъ велико, что, за неимѣніемъ у себя живописца и другихъ такихъ мастеровыхъ, которые могли-бъ все то сдѣлать, чтѣ я придумывалъ и хотѣлъ, не жалѣлъ и собственныхъ своихъ трудовъ, и надъ сдѣланіемъ многихъ вещей трудился самъ своими руками, и съ такимъ при томъ прилежаніемъ, что не зналъ даже усталости, хотя дѣлъ сихъ было и довольно много. И какъ симъ оставилъ я по себѣ въ сей церкви навсегда памятникъ, то и расскажу объ немъ въ нѣкоторой подробности.

Первымъ дѣломъ моимъ было то, что мнѣ восхотѣлось царскимъ дверямъ придать болѣе красоты чрезъ закрытіе всѣхъ промежутковъ между рѣдкою сквозною позолоченою рѣзбою оныхъ посеребренными, наподобіе зеркалъ, стеклами. Надъ симъ трудился я самолично и мнѣ тѣмъ удалось придать имъ несравненно болѣе красоты и великолѣпія.

Во-вторыхъ, находя сдѣланную въ иконостасной аркѣ надъ ними звѣзду изъ сіянія очень простую и не по моему вкусу, вздумалось мнѣ ее уничтожить, и вмѣсто ея всю сію большую арку занять образомъ благословлявшаго входящихъ въ царскія двери Господа Саваоа, окруженнымъ сіяніемъ, сдѣланнымъ изъ превеликаго множества такихъ же обрѣзныхъ посеребрѣнныхъ, на подобіе зеркала, стеколъ. Мысль сія мнѣ такъ полюбилась, что, за неимѣніемъ живописца, рѣшился самъ нарисовать сей образъ, koliko можно въ натуральнѣйшемъ видѣ, и мнѣ удалось и сію необыкновенную штуку сдѣлать такъ хорошо, что она отъ всѣхъ пріобрѣла похвалу и одобреніе.

Въ-третьихъ, находя въ иконостасѣ въ углахъ на уступахъ его пустоты, вздумалъ я занять оныя обрѣзными фигурными щитами, съ изображенными на нихъ церковными трофеями, какъ-то: сосудами, дискосами, кадилами, евангеліемъ и тому подобнымъ, сдѣлавъ всѣ ихъ золотыми, а грунтъ прикрывъ усыпанною по клею шмельдью. И мнѣ удалось и сіи небольшія штучки сдѣлать со вкусомъ и также хорошо.

Въ-четвертыхъ, вмѣсто обыкновенныхъ линияющихъ лентъ, на которыхъ прицѣпляютъ предъ мѣстными образами паникадилы, вздумалось мнѣ употребить простыя пеньковыя, но вызолоченныя снаружн червоннымъ золотомъ веревки, и придать имъ чрезъ то видъ толстыхъ шнуровъ, свитыхъ изъ золота. И сіе составляло особую и новую выдумку, полюбившуюся многимъ и придавшую много великолѣпія.

Таковую-жъ самую простую, но удачную выдумку употребилъ я, въ-пятыхъ, при украшеніи сѣни въ алтарѣ надъ престоломъ. Сѣнь сія сдѣлана у насъ была на большихъ четырехъ золотыхъ столбахъ и вверху, ниже карниза, украшена тафтяными подобранными занавѣсами съ золотомъ бахрамою; но какъ не доставало у насъ большихъ золотыхъ кистей, то по скорости вздумалось мнѣ ихъ сдѣлать фальшивыя и смастерить изъ деревянныхъ, округленныхъ и вызолоченныхъ стаканчиковъ, съ привѣскою къ нимъ кругомъ многихъ нитокъ съ наизанными вызолоченными стеклянными пронизками и повѣсить ихъ на такихъ же вызолоченныхъ шнурахъ. И мнѣ удалось сдѣлать ихъ такъ похожими на золотыя, что всѣ ими обманывались, и, узнавъ выдумку, не могли довольно ее расхвалить.

Шестая моя выдумка состояла въ придѣланіи къ сей сѣни спереди двумя ангелами придерживаемаго фигурнаго щита съ крупною надписью, изъ слѣдующихъ словъ состоящую: «Ядый мою плоть и пійя мою кровь во Мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ». Сія выдумка также многимъ отмѣнно правилась и тѣмъ паче,

что надписи сія по крупности словъ видна была въ арку изъ всей церкви.

Въ-седьмыхъ, помѣстилъ я и сзади иконостаса, надъ царскими дверьми, вмѣсто простаго образа, изображеніе Нерукотвореннаго образа, держащагося летущими (sic) ангелами, нарисованное также самимъ мною.

Въ-осьмыхъ, оба боковые придѣла велѣлъ я отъ большой церкви отгородить стеклянными перегородками, несмотря на всю величину аркъ, и такимъ образомъ раззолотить и покрыть перила и карнизы по серебру лазоревымъ лакомъ, чѣмъ придавъ всей церкви отмѣнное великолѣпіе.

Въ-девятыхъ, велѣлъ придѣлать къ лѣвой стѣнѣ, между церковью и трапезою въ соотвѣтствіе находящагося на правой стѣнѣ иконостасика съ образомъ Казанскія Богородицы, по собственному своему рисунку и прекрасно сдѣланную и раззолоченную и росписанную катедру съ балдахинномъ надъ оною, а внутри, на стѣнѣ, изобразилъ во весь ростъ Дмитрія Ростовскаго, такъ какъ-бы сказывающаго проповѣдь. Сіе составляло также особое и почти необыкновенное украшеніе.

Въ-десятихъ, наконецъ, вздумалось мнѣ особеннымъ и необыкновеннымъ образомъ украсить и внутренность большаго купола постановленіемъ на широкомъ карнизѣ, противъ каждого изъ многихъ оконъ, по большой золотой вазѣ. Вазы сіи сдѣлалъ я самъ, обрѣзныя изъ толстой политуры со многими прорѣзными насквозь мѣстами, и снаружн, расписавъ и раззолотивъ ихъ по приличію, прикрывъ сзади всѣ прорѣзныя мѣста слюдою, покрытою разноцвѣтными лаками, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы прорѣзы сіи могли служить нѣкоторымъ родомъ дневной и ночной иллюминаціи; ибо какъ церковной карнизъ былъ такъ широкъ, что по оному, позади сихъ вазъ, ходить человѣку было можно, то въ большіе праздники, во время всенощной, зажигали мы позади вазъ сихъ свѣчи и

огни и онѣ придавали и днемъ, и ночью отмѣнное всей церкви великолѣпіе.

Вотъ сколь многія и разнообразны затѣи употребилъ я для украшенія внутренности сей церкви. Но какъ все сіе скорѣе сказать, нежели сдѣлать было можно, то легко можно заключить, что все сіе и многихъ трудовъ и хлопотъ мнѣ стоило. Но какъ оныя улаждаемы были сколько своею удачною, столько и всеобщимъ одобреніемъ, и похвалою, и паче всего чувствуемымъ при отдѣлкѣ каждой штуки собственнымъ превеликимъ удовольствіемъ, то были они мнѣ очень сносны и почти нечувствительны. Однако, я едва-едва могъ успѣть все сіе кончить къ 16-му числу мѣсяца іюля, въ которой день наконецъ она освящена.

Впрочемъ, относительно къ сему періоду времени достопамятно для меня было то, что 29-го мая чуть бы опять не претерпѣлъ я пожарнаго бѣдствія. Какому-то бездѣльнику (не знаю, не вѣдаю, по какому побужденію, а думаю—болѣе побуждаемому желаніемъ накрасть опять какихъ-нибудь вещей) вздумалось—было дворъ мой зажечь и всунуть въ одномъ мѣстѣ заднихъ мелкихъ строеній, въ соломенную кровлю головню съ огнемъ. Но какимъ-то случаемъ и безсомнѣнно дѣйствіемъ невидимаго Промысла Господня, пекушагося о сохраненіи меня въ семь разѣ отъ бѣдствія, солома отъ головни сей хотя совсѣмъ почти истлѣла, но не загорѣлась, и головня потухла. Мы ахнули ажно, какъ на утрѣ принесли къ намъ сію головню тепловатую и не могли довольно возблагодарить Господа за избавленіе насъ столь очевиднымъ образомъ отъ столь близкой опасности.

Наконецъ, съ наступленіемъ мѣсяца іюля и за недѣлю до освященія церкви, приѣхалъ къ намъ командиръ мой г. Давыдовъ и какъ намѣренъ онъ былъ въ сей разѣ пожить у насъ—таки довольно, то приѣхалъ уже со всѣмъ своимъ семействомъ, состоящимъ изъ его жены, ея сестры и своего сына, и привезъ съ собою для сотоварищества и нѣсколькихъ своихъ тульскихъ пріятелей, и расположилъ

ся въ большомъ корпусѣ нашего замка, или во дворцѣ самомъ.

Съ сего времени начались у насъ опять ежедневные почти праздники и гулянья, а для меня самое хлопотливое время; ибо, съ одной стороны, надобно было спѣшить отдѣлкою многихъ неоконченныхъ вещей въ церкви и дѣлать всѣ нужныя къ освященію оной приготовленія, а съ другой—угощать у себя сихъ новопріѣзжихъ гостей, когда обѣдами, когда ужинами; съ третьей—возить ихъ въ разныя мѣста для гулянья и показывать имъ все мною сдѣланное, а съ четвертой—снабжать квартиру и кухню его всѣми нужными потребностями и удовлетворять всѣ непомѣрныя требованія его поваровъ и лакеезъ, что производило намъ и чувствительныя иногда неудовольствія. Но всѣ сіи хлопоты улаждаемы были, по крайней мѣрѣ, благосклонностью и пріятнымъ со мною обхожденіемъ моего командира, который все сдѣланное мною въ лѣсу и въ церкви не только одобрялъ, но, превознося похвалами, благодарилъ меня за трудъ мой, а мнѣ болѣе того было ничего и ненадобно.

Во время сихъ нашихъ, въ разныя мѣста, то для ловленія рыбы, то такъ для гулянья, разѣздовъ, случилось-было со мною въ мигъ большое несчастіе, произшедшее отъ самой рѣзвости. Однажды ѣздили мы цѣлою компаніею мужинъ ловить на островахъ нашихъ рыбу, и какъ надлежало намъ въ одномъ мѣстѣ, подлѣ небольшого протока и лощины, полчаса времени, дожидаться, покуда неводъ запускали и тащили, то пришла охота господамъ тульскимъ вѣтрогонамъ, приѣхавшимъ съ г. Давыдовымъ, охота, между прочимъ балагурничаньемъ, перепрыгивать чрезъ помянутую лощину и оказывать, другъ передъ другомъ, удалство свое. Сперва я долго только смотрѣлъ на сію ихъ рѣзвость и забаву. Но какъ ни одному изъ нихъ перепрыгнуть сію низкую лощину не удавалось, и они все либо падали, либо спотыкались, то приди и мнѣ охота пощеголять своимъ

удальствомъ и искусствомъ. «И, Господи, сказалъ я, уже этакой бездѣлки не можете вы пересигнуть (перескочить)», и, разбѣжавшись ни-вѣсть, сигъ! самъ черезъ нее. Я и перескочилъ ее довольно хорошо, но ногъ моей случилось на томъ берегу попасть на неровное мѣсто, отчего и вывихнулась она въ самой щиколкѣ. Я въ одинъ мигъ почувствовалъ оттого превеликую боль и не могъ даже и ступить на ногу. Всѣ взгоревались и встужились о томъ и не знали, чтѣ дѣлать. Но, по счастью, случилось сіе противъ самаго почти лѣкарскаго домика. Мы тотчасъ велѣли его кликнуть и онъ прибѣжалъ и, тазая меня за мою шалость, ногу мою опять вправилъ и снабдилъ меня примочкою, чтѣ мнѣ и помогло. Однако, дни съ три, съ четыре принужденъ я былъ оттого прихрамывать.

Наконецъ, наступила и наша ярманка, на которую, равно какъ и для освященія церкви, съѣхалось множество дворянства, а простаго народа было превеликое со всѣхъ сторонъ стеченіе. Чтѣбъ продлить хотя однимъ днемъ сію единосуточную почти ярманку, то опредѣлили-было святить церковь на другой день самаго праздника и по окончаніи самой ярманки. На сей праздникъ и ярманка сдѣлалась достопамятна мнѣ нечаянною для меня и для всѣхъ насъ тревогою, произведенною также какими-то бездѣльниками изъ съѣхавшагося на ярманку чорнаго народа. Молодцамъ симъ, какъ думать надобно было, восхотѣлось полакомиться нашими карпіями, которыми превеликимъ множествомъ былъ нашъ большой прудъ наполненъ. Они вздумали подъ прудомъ симъ подхистить и сдѣлать такъ, чтѣбъ онъ будто бы самъ собою прорвался и вода бы вся изъ него ушла, карпы обнажились бы всѣ въ стремѣнахъ и ловить было можно. Итакъ, во время самой ярманки забрались они подъ спускъ и ночнымъ временемъ подрубили внизу одну стѣнку; и какъ оттого два ряда вешняковъ принуждены были вывалиться, то и заорала вода страшнымъ образомъ съ пруда. Мы, ничего того не зная, спали

себѣ спокойно, и ни кому не ума было посмотреть за прудомъ. Но не успѣло ободнать, какъ, усмотрѣвъ сіе, безъ памяти прибѣжали ко мнѣ съ увѣдомленіемъ, что прудъ большой прорвало. Не могу изобразить, какъ сіе меня тогда перетревожило и испугало. «Господи! вскричалъ я, какимъ бы это образомъ и отчего такая бѣда случилась? Кажется теперь не половодь, да и дождь былъ не великъ; отчего-жъ ему прорваться?» и безъ памяти побѣжалъ на плотину. Тутъ увидѣвъ страшный ревъ стекающей въ пронесенные и плавающие въ бучилѣ вешняки воды, только ахалъ отъ удивленія, не постигая, какъ это могло случиться: подъ водою и непримѣтно было того, чтѣбъ они подрублены, а сіе усмотрѣли мы уже послѣ. Но какъ аханье и туженье не помогали, а надлежало помышлять о скорѣйшемъ захватываніи воды, то, не долго думая, послалъ я солдатъ и велѣлъ гнать съ ярманки всей волости нашей мужиковъ, какихъ они найти только могутъ, и съ лошадьми ихъ и телѣгами, а другихъ послать за лопатками и другими инструментами. А между тѣмъ, тотчасъ и выдумалъ спасительное средство, могущее еще прудъ сей удержать отъ совершеннаго прорыва. По особливому счастью, случилось мнѣ, года за два до сего, для недопущенія съ плѣною водою сбѣгать съ пруда карповъ, сдѣлать одну предосторожность, которая, при семъ случаѣ, пригодилась мнѣ очень кстати, а именно: я велѣлъ передъ самымъ спускомъ въ прудъ сдѣлать превеликую въ водѣ насыпь и обвелъ полуциркулемъ все то мѣсто настоящею почти подводною плотиною; на сей велѣлъ я побить сваи и сдѣлать кругомъ надолбы, установить сплошь подлѣ ихъ стоймя фашинами, сдѣланными изъ одного мелкаго лѣса, и все сіе для того, чтѣбъ вода сквозь фашины могла стекать, а рыбки бы ни одной не можно было проходить. Итакъ, не долго думая, велѣлъ я съѣхавшемуся народу возить скорѣе соломѣ и, связывая въ пуки, кидать въ прудъ позади фашинъ оныхъ и на нее сыпать привози-

мую изъ берега землю, и чрезъ то составлять на скорую руку новый рядъ плотинъ предъ всѣмъ спускомъ. А симъ средствомъ и удалось мнѣ тогда спасти свой прудъ. Новая скороспѣшная плотина сія поспѣла у меня чрезъ нѣскольکو часовъ, и въ состояніи была удерживать всю воду, но какъ я принужденъ былъ быть при томъ безотходно самъ, и при томъ подъ сильнымъ, случившимся тогда, дождемъ, то вѣрямъ—не только измучился, но и измокъ, и сей праздникъ былъ мнѣ долго памятенъ. Но, по крайней мѣрѣ, я доволенъ былъ тѣмъ, что успѣлъ очень удачно сіе дѣло сдѣлать и тѣмъ командиру моему доказать вновь свою расторопность. Что касается до него, то онъ въ сіе время занимался угощеніемъ у себя съѣзжающихся часъ-отъ-часу болѣе къ себѣ гостей и дѣланіемъ къ большому торжеству всѣхъ нужныхъ приуготовленій. А тѣмъ же занимались и мои домашніе.

Въ послѣдующій за симъ день угощалъ насъ всѣхъ у себя нашъ городничій, а послѣ обѣда ѣздили мы всѣ гурьбою гулять, сперва на островъ, а потомъ въ лѣсъ, новоздѣланной паркъ, и день сей провели весело. И какъ между тѣмъ все поспѣло къ освященію церкви и приѣхалъ изъ Коломны для сего протопопъ, то 10-го числа іюля и происходило у насъ торжественное и, прямо можно сказать, пышное освященіе нашей большой церкви. Множество дворянства обоого пола присутствовало при ономъ, а народу было превеликое стеченіе. И какъ нами употреблено было все, чтò только служило къ сдѣланію сего обряда торжественнѣйшимъ, то и происходило все съ отмѣннымъ великолѣпіемъ и божественная служба была тѣмъ пріятнѣе, что мы имѣли уже около сего времени стараніемъ новаго моего командира цѣлой хоръ пѣвчихъ, набранной изъ конюховскихъ дѣтей и другихъ канцелярскихъ служителей и обученныхъ уже пѣть нанятымъ учителемъ.

Для приданія сему торжеству болѣе блеска, угощалъ мой командиръ у себя всѣхъ присутствующихъ при освященіи

дворянъ обѣдненнымъ столомъ. И былъ у него превеликой пиръ. А поелику доставили мы на сей случай и музыку, то послѣ обѣда былъ и балъ, и танцы. Но и сего было еще недовольно. Но какъ около самаго сего времени приѣзжалъ къ намъ въ Богородицкѣ нѣмецъ фигляръ, показывающій разныя хитрости, какъ напримѣръ, говорящую голову и другія подобныя тому штуки, то восхотѣлъ командиръ мой угостить всѣхъ своихъ гостей и симъ зрѣлищемъ въ приготовленномъ на короткую руку во флигелѣ маленькомъ театрѣ. Словомъ, весь сей день проведенъ былъ очень весело; а въ послѣдующій день былъ балъ, танцы и ужинъ у меня въ домѣ, и разборная моя стѣна долженствовала опять выходить вонъ для сдѣланія множайшаго простора.

А въ наступившій за симъ день звалъ моего командира и всѣхъ насъ къ себѣ на обѣдъ одинъ изъ сосѣдственныхъ дворянъ господинъ Марковъ, и мы всѣ гурьбою ѣздили къ нему и были тамъ угощаемы. Причемъ случилось женѣ моей въ-прахъ перестрашаться отъ нечаянной и такой неожиданной пушечной пальбы, производимой во время обѣда, и которой она всегда боялась. Дома же у насъ въ сіе время чуть-было опять не сдѣлался пожаръ, но, по счастью, погашенъ въ самомъ его началѣ. На другой день послѣ сего происходила у моего командира непрерывная почти карточная игра между бывшими въ числѣ гостей игроками, которые всѣ насилу-насилу разѣхались отъ насъ въ слѣдующее за симъ утро. Мы же всѣ пировали въ сей день у судьи нашего г. Арсеньева, а наутріе поѣхали въ Бобринки, для такового же пированія у Верещагинныхъ, а оттуда поѣхали къ г. Власову, и у него не только ночевали, но и въ послѣдующій день угощаемы были пышнымъ обѣдненнымъ столомъ. И, возвращаясь оттуда, заѣхали еще къ г. Бакунину, и въ Богородицкѣ возвратились не прежде какъ ввечеру уже 16-го числа.

Но симъ все еще тогдашнее хлопотливое для меня время не кончилось. Но

командиру моему вздумалось еще съ женою своею съѣздить въ дальніе гости за Ефремовъ, къ общему нашему знакомцу генералу Дмитрію Васильевичу Арсеньеву, куда взялъ онъ меня съ собою. Итакъ, ѣздили мы съ нимъ и туда. Но тамъ не столько были угощаемы, сколько измучены были въ-прахъ ѣздою и ходьбою по полямъ, въ угодность хозяину, хотѣвшему показать командиру моему все угодья своей тамошней деревни и надѣвшему даже намъ непрерывнымъ почти разсказываніемъ о своихъ мужикахъ, о ихъ семействахъ, пашнѣ, дѣсочкѣ и тому подобныхъ, ни малѣйшаго уваженія и слышанія недостойныхъ, вещахъ. Сію дурную привычку имѣлъ сей, впрочемъ, благоразумной человѣкъ, которой не могъ я довольно надивиться, и не понималъ, какъ онъ при всемъ своемъ благоразуміи не усматривалъ, что никто сими пустыми его разсказами не интересовался, но паче слушалъ ихъ съ крайнимъ для себя отягощеніемъ. Словомъ, онъ такъ имъ насъ отяготилъ, что мы не опомнились почти отъ радости, вырвавшись на другой день, послѣ обѣда, отъ него и не рады были всему его, умѣренному весьма, насъ угощенію.

Въ Богородицкѣ возвратились мы не прежде какъ уже 21-го числа къ готовому у меня обѣду. Но и тѣмъ еще не все кончилось. Но мы пировали еще на другой день опять у г. Арсеньева, а наутріе опять у городничаго и насилу-насилу сей день былъ уже окончательнымъ всѣмъ нашимъ празднествамъ и пированьямъ, и мы проводили г. Давыдова, поѣхавшаго назадъ въ Тулу и пробывшаго у насъ въ сей разъ три недѣли.

Изъ всего вышеписаннаго можете вы усмотрѣть какую особую склонность имѣлъ мой командиръ къ пиршествамъ и разсѣянной жизни и заключить, что все сіе время было для меня очень хлопотливо и суетливо и что мы рады-рады были, освободившись наконецъ отъ сего ига. Къ вѣщаему умноженію моихъ хлопотъ, долженъ я былъ и въ самое сіе время ущипками и урывками трудиться надъ моими

планами и чертежами, ибо командиру моему весьма хотѣлось, чтобъ я поспѣшилъ окончаніемъ оныхъ. Но все сіе ничего бы не значило, еслибъ не случилось въ теченіе сего достопамятнаго періода времени одного произшествія, не только меня весьма озаботившаго, но и повергнушаго въ крайнее недоумѣніе, а именно:

Командиръ мой, каковъ ни добродушенъ и ни хорошъ былъ всѣмъ своимъ характеромъ, но имѣлъ тотъ въ себѣ недостатокъ, что былъ очень неводерженъ и мотоватъ, и отъ самаго того нажилъ на себя превеликіе долги, которые его весьма тяготили. Чтобъ избавиться отъ сего ига, то возмечталъ было онъ, при случаѣ полученія въ свою власть нашихъ волостей, ими воспользоваться и содрать со всѣхъ нашихъ мужиковъ хотя легенькую, но для себя полезную кожурину. Но какъ приступить къ тому безъ согласія и содѣйствія моего никакъ было не можно, то, не отваживаясь самъ сдѣлать мнѣ о томъ предложенія, восхотѣлъ онъ стороною напередъ узнать, какихъ я о томъ буду мыслей, и для того препоручилъ извѣдать сіе одному изъ приѣзжихъ съ нимъ тульскихъ гостей, человѣку бойкому и проворному. Сей и подѣхалъ-было ко мнѣ съ своими разсказами и предложеніями, нельзя-ль было помочь Николаю Сергѣевичу въ его темныхъ обстоятельствахъ собраніемъ, хотя по гривеннику съ души, съ нашихъ волостныхъ мужиковъ, говоря, что для нихъ, какъ весьма зажиточныхъ и во всякомъ изобилии живущихъ крестьянъ, составило бы сіе сухую бездѣлку, а Николаю Сергѣевичу могло-бъ то послужить въ великую пользу, и онъ очень будетъ тѣмъ доволенъ и за то благодаренъ. Немногія сіи слова, сказанныя мнѣ имъ будто бы отъ себя шуточнымъ образомъ, поразили меня такъ, что у меня ажно кожу подрало при услышаніи оныхъ. Я легко могъ догадаться, что его заставили сіе мнѣ предложить стороною, и сіе привело меня въ такое недоумѣніе, что я съ минуту времени и не зналъ, что ему на сіе и отвѣтствовать. Наконецъ, собравшись съ мыслями, безъ

дальнихъ обиняковъ и на-прямо ему ска- залъ: «все это такъ, братецъ, все хорошо и было бы, конечно, для Николая Сергѣ- вича не худо, но совсѣмъ тѣмъ я не упо- ваю, чтобъ могло сіе когда-нибудь совер- шиться». — «А почему бы такъ?» подхва- тилъ онъ. — «А вотъ почему, любезный другъ, отвѣчалъ я, сіе могло бы быть толь- ко въ такомъ случаѣ, если-бъ мужички на- ши сами собою сіе вздумали и, смолвив- шись между собою, такой денежной сборъ самопроизвольно собрали и торжествен- нымъ образомъ поднесли Николаю Сер- гѣвичу отъ себя въ подарокъ. Но сего- то самого отъ нихъ никакъ и никогда ожидать не можно. Не таковы наши му- жички щедроподатливы и умны, чтобъ могли они и сами собою догадаться та- кую услугу оказать своему командиру. Вамъ они не таково и давно извѣстны, какъ мнѣ, а я, зная ихъ изъ собствен- ной опытности, скажу, что они превели- кіе охотники до свиней и свиной у себя держать, свиной кормятъ, свиной ѣдятъ и... сами свиньи!» — При семъ словъ пред- лагатель мой захохоталъ, и я продолжалъ: «Вамъ это смѣшно кажется, но это истин- ная правда, и каковы они тѣхъ харак- теромъ своимъ, можетъ вамъ доказать собственно примѣръ мой. Меня всѣ они дѣйствительно любятъ; поговорите хоть съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, всѣ назовутъ вамъ меня своимъ отцемъ и такимъ ко- мандиромъ, какова не желаютъ они луч- ше. Но при всей любви и приверженности своей ко мнѣ, какъ бы вы думали, дале- ко простиралась ихъ тѣхъ и по- датливость ко мнѣ, и не смѣшно ли вамъ покажется, когда скажу, что, будучи управ- ителемъ надъ 20-ю тысячами душами за- житочныхъ мужиковъ, а къ Святой не- дѣлѣ покупаю самыя ялицы на чистыя де- нежки, когда свои не случатся. Этому мож- етъ быть никто не повѣритъ, но это самая истина. Или вотъ скажу вамъ дру- гой и разительнѣйшій примѣръ. Въ прош- ломъ году случилось мнѣ сгорѣть и ли- шиться дома и всего почти въ немъ быв- шаго и потерять имущества болѣе неже- ли на 2,000 рублей. Всѣмъ имъ извѣстна

была тогдашняя моя нужда, и что у ме- ня ни крова, ни съѣстныхъ припасовъ и на семью ни куска хлѣба не осталось; казалось можно-бъ имъ при такомъ бѣд- ственномъ и несчастномъ случаѣ чѣмъ- нибудь услужить своему любимому ко- мандиру. Но они и не подумали о томъ, и одинъ только наибогатѣйшій изъ нихъ и такой, котораго капиталъ тысячь до двадцати простирается, расщедрился и принесъ ко мнѣ, но что же, одинъ только испеченный хлѣбъ». — «Неправду ли!» вос- кликнулъ мой соблазнитель. — «Ей-ей, от- вѣтилъ я, это всѣмъ извѣстно, и мнѣ какъ ни горько тогда было, но я принужденъ былъ захохотать и дурно было, чтобъ при такомъ случаѣ не принять у него того, а охотнѣе хотѣлъ бы я въ него имъ въ лицо швырнуть. Вотъ каковы, судиръ, здѣшніе мужики! и можно ли ожидать чего отъ такихъ окаянцевъ».

Удивился и задумался, услышавъ сіе, но наконецъ, помолчавъ нѣсколько, ска- залъ: «Все-таки можно было бы къ тому ихъ какъ-нибудь настроить». — «Какъ на- строить, говорите вы, подхватилъ я того момента и захохоталъ. А какимъ бы это образомъ и кто бы взялся это сдѣлать? О подкомандующихъ моихъ могу я васъ увѣрить, что никто изъ всѣхъ ихъ не отважится къ тому приступить, а я всего меньше. Я о такомъ предпріятіи и по- мыслить страшуся, а того меньше, чтобъ насильно наложить на нихъ такой поборъ. Сохрани насъ отъ того Господи! отъ се- го и Богъ знаетъ, что бы произошло! Му- жички здѣшніе, живучи уже столь многіе годы подъ управленіемъ, основанномъ на ногѣ прямо честной и безкорыстной, и непривыкнущіе ни къ малѣйшимъ ка- кимъ-либо притязаніямъ, сочли-бъ сіе не- вѣдомо чѣмъ и воплями своимъ возму- тили-бъ и самое небо и землю. Нѣтъ, нѣтъ, господинъ мой, я опять повторю, что мужички здѣшніе совсѣмъ не таковы, чтобъ можно было предпріять съ ними что-нибудь тому подобное и каковы ни глупы, но то у нихъ твердо затвержено, что они собственные крестьяне импера- трицы и что никто не посмѣетъ дѣлать

имъ какія-нибудь притязанія. И изволь-ка что-нибудь тому подобное затѣять и предпріять, я увѣряю васъ, что они въ мигъ очутятся съ жалобою, не только у Михаила Никитича, но и въ самомъ-даже Петербургѣ; на это они очень умны». — «О! такъ пропади-жъ они, окаянныя, сказалъ мой предлагатель», и, обративъ все въ шутку, замолчалъ.

Симъ образомъ отбоярилъ я сего молодца и онъ у насъ, нѣсколько похлебавъ, и пошелъ отъ меня пересказывать все то, безъ сомнѣнія, препоручателю своему, и что они говорили, того уже я не знаю, а вѣдаю только то, что, обжогшись въ сей разъ на молокѣ, стали потомъ дуть и на воду, и я уже никогда не слышалъ болѣе такихъ замашекъ. Со всѣмъ тѣмъ случай сей привелъ меня въ превеликое недоумѣніе и принудилъ усугубить всѣ мои съ сей стороны предосторожности.

Симъ окончу я сіе мое письмо и скажу, что я есмь вашъ, и проч.

(Января 25-го дня 1810 года. Дворяниново).

Письмо 215-е.

Любезный пріятель! Проводивъ отъ себя своего командира и сбывъ съ плечъ своихъ сіе тягостное бремя, принялся я за прежнія мои комнатныя упражненія, которые служили мнѣ вмѣсто отдохновенія, и какъ планы и чертежи мои были еще не отдѣланы, то спѣшилъ я оныя окончить. Нужны они были командиру моему для того, что какъ онъ поджидалъ скорого возвращенія изъ Петербурга нашего главнаго начальника и намѣренъ былъ къ нему въ Москву ѣхать, то хотѣлось ему отвезти ихъ къ нему съ собою. А мнѣ наводили они тѣмъ болѣе труда, что мнѣ не хотѣлось руки своя испорчать, а украсить ихъ колико можно лучшими картушами, что и удалось мнѣ очень хорошо сдѣлать, и могу сказать, что планы сіи были прекрасные.

Между тѣмъ засѣлъ я опять за сочиненіе матеріала для моего «Экономическаго Магазина», для запасенія г. Нови-

кова на всѣ достальныя мѣсяцы сего года потребнымъ матеріаломъ, и въ короткое время успѣлъ опять наготовить онаго множество. Занимала меня также около сего времени и моя бібліотека. И какъ она въ часъ-отъ-часу увеличивалась какъ чрезъ покупку новыхъ книгъ, такъ и присылкою отъ Новикова для продажи, то восхотѣлось мнѣ всю ее привести въ порядокъ и ранжировать на сдѣланныхъ шкапахъ и полкахъ въ тѣхъ комнатахъ, на нашей башнѣ подъ колокольнею, гдѣ находилась прежде канцелярія наша. И тутъ установилъ я и убралъ ими двѣ комнаты и хаживалъ въ нихъ нерѣдко для literalныхъ прогулокъ и увеселеній.

Впрочемъ, не гуляли у меня и краски, а особливо сухія или пастельныя и какъ около сего времени выдумалъ я способъ рисовать ими по вытертой пемзою кожѣ, то нарисовалъ я и сынъ мой ими многія изъ тѣхъ картинъ, которыя и понынѣ еще украшаютъ мои стѣны и, между прочимъ, еще образъ Спасителя и Богородицы срисовалъ съ мѣстныхъ и придѣльных образовъ, писанныхъ Некрасовымъ.

Въ сихъ упражненіяхъ препроводилъ я все достальное время іюля и весь успенскій [постъ]. А не успѣли мы разговѣться, какъ и получилъ я повелѣніе отъ г. Давыдова, чтобъ мнѣ приѣхать къ нему въ Тулу и привезти съ собою всѣ планы и бумаги, нужныя къ представленію намѣстнику, съ увѣдомленіемъ, что онъ собирается ѣхать въ Москву. Итакъ, пріиждень я былъ ѣхать къ нему, но въ сей разъ пробылъ я въ Тулѣ одни только почти сутки, ибо нужно было отдать только ему планы и прочія бумаги и переговорить съ нимъ кое-о-чемъ относящемся до волостей. Почему, съѣздивъ съ нимъ въ Щеглово и проводивъ его 21-го числа въ Москву, не медлилъ и самъ я въ Тулѣ, но поскакалъ опять въ Богородицкѣ.

Тутъ нашелъ приѣхавшаго къ намъ безъ меня новаго учителя, природою нѣмца, по прозванію г. Эйзенберга, выписаннаго изъ Москвы чрезъ нашего лѣ-

кари, для возобновленія нашего пансіона, на мѣсто старика Дебриньи. И будучи очень доволенъ, нашедъ въ немъ степеннаго и много-знающаго и очень хорошаго человѣка, договорился тотчасъ съ нимъ о продолженіи ученія моего сына обоимъ языкамъ. И дабы былъ въ томъ лучший успѣхъ, то, отдавъ его даже совѣтъ жить къ нему, отвелъ для жительства ему средній домъ лѣкарскій въ госпиталѣ, ибо лѣкарь жилъ тогда во флигелѣ. А какъ къ учителю сему отдалъ и г. Толбузинъ обоимъ своимъ сыновей, то и основался у насъ опять небольшой пансіонъ, и сынъ мой отъ учителя сего несравненно больше научился всему, нежели отъ прежняго учителя.

Въ самое то же время получилъ я и отъ г. Новикова письмо съ убѣдительною просьбою, чтобы мнѣ заготовлять матеріалъ для «Экономическаго Магазина», и для будущаго пятаго года его издаванія, поелику всѣ получающіе оной ни мало имъ не скучали, а всѣ усердно желали дальнѣйшаго продолженія сего общепользнаго изданія. Признаюсь, что увѣдомленіе о семъ и самая сія просьба была для меня непротивна. И какъ, по привычкѣ, не наводило сочиненіе сіе и мнѣ дальняго отягощенія и я за труды мои довольно награжденъ былъ, то и не имѣлъ я причины отъ того отказаться.

Вмѣстѣ съ симъ письмомъ прислалъ онъ ко мнѣ и выговоренные экземпляры, напечатаннаго уже перевода моего «Геценовыхъ разсужденій о началѣ и концѣ міра», и доставилъ мнѣ тѣмъ превеликое удовольствіе, увѣдомляя вкупѣ, что книга моя «О благополучіи», подъ именемъ «Путеводителя къ истинному человѣческому счастью» (которое названіе имъ самимъ сей полезной книгѣ придать разсудилось) уже печатается, что порадовало меня еще того болѣе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, по убѣжденію моихъ домашнихъ, принужденъ я былъ согласиться съѣздить съ ними опять въ дальніе гости, за Ефремовъ, для свиданія съ теткою Матреною Васильевною Арцыбышевою. Итакъ, въ

семь путешествіи провели мы всѣ достальныя дни мѣсяца августа. Тетка была намъ очень рада и мы прогостили у ней цѣлыя три дня, въ которое время имѣлъ я случай короче познакомиться съ господиномъ Ушаковымъ, Христофоромъ Александровичемъ. А возвращаясь оттуда, заѣзжали къ родственницѣ нашей госпожѣ Елагиной, такъ и къ господину Писемскому, и у сего послѣдняго ночевали, а домой возвратились уже въ послѣдній день сего мѣсяца.

Не успѣли мы приѣхать, какъ вдругъ и въ самой первой день сентября, противъ всякаго моего чаянія и ожиданія, обрадованъ я былъ письмомъ, присланнымъ ко мнѣ изъ Москвы отъ командира моего г. Давыдова, которымъ увѣдомлялъ онъ меня, что государынѣ императрицѣ угодно было самолично пожаловать меня въ коллежскіе ассессоры. Господи! какъ удивился и обрадовался я, читая письмо сіе. Я не вспомнилъ почти отъ радости и болѣе потому, что я никакъ сего чина не добивался и никого о томъ не просилъ, а намѣстнику нашему восхотѣлось самому сдѣлать мнѣ сіе благодѣяніе и выпросить сей мнѣ чинъ отъ государыни, что ему и стоило только нѣсколькихъ словъ. И онъ, будучи у императрицы въ Царскомъ Селѣ, только ей о томъ и, какъ безъ сомнѣнія думать надобно, съ похвалою обо мнѣ доложилъ, какъ государыня и слова не сказала, а съ удовольствіемъ на то согласилась, приказала гр. Безбородкѣ сообщить о томъ имянное свое повелѣніе генераль-прокурору, который въ тотъ день, а именно 20-го числа августа, и увѣдомилъ о томъ чрезъ письмо князя Вяземскаго, бывшаго тогда генераломъ-прокуроромъ, управляющимъ всѣмъ сенатомъ. И г. Давыдовъ одолжилъ меня тогда и присланіемъ ко мнѣ копій и съ самого достопамятнаго письма сего, которое и понынѣ у меня хранится.

Письмо сіе получилъ я, какъ теперь помню, поутру, находясь въ своемъ кабинетѣ и занимаясь своими литературными упражненіями, которыя, какъ легко можно заключить, выпали у меня въ тотъ

же мигъ изъ рукъ, и я, вскоча, не успѣлъ собраться отъ удивленія съ мыслями (и вздохнувъ, возблагодарилъ сперва Господа за сію сниспосланную Его ко мнѣ особую милость и нѣсколько разъ сказалъ спасибо и благодѣтелю своему г. Кречетникову), какъ, не говоря ни слова, побѣжалъ къ своимъ роднымъ домашнимъ для сообщенія имъ сей радости. И дабы имъ сдѣлать чувствительнѣйшее сюрпризъ, то понесъ къ нимъ помянутую копію съ письма графа Безбородки и съ притворнымъ равнодушіемъ сказалъ имъ: «посмотрите-ка какую получилъ я бумажку». Сіи, занимаясь тогда своими женскими рукодѣліями и считая, что бумажка сіи ничего дальняго въ себѣ не содержитъ и была въ чемъ-нибудь непріятномъ, то долго и не хотѣли-было у меня брать изъ рукъ и говорили, что имъ читать ее не досужно, а прочесть бы я имъ самъ. Но какъ я сказалъ, что имъ неотмѣнно самимъ ее прочесть надобно, то взяла наконецъ у меня изъ рукъ матушка теща. И не успѣвъ до половины еще тихомѣлкою прочесть, какъ воскликнула: «И! батюшка, да что это, да какъ это и какимъ это образомъ сотворилось?»—«Вы уже говорите, сказалъ я, и дивитесь тому, а я уже дивился, дивился, да усталъ». Слова сіи возбудили въ женѣ моей и въ дѣтяхъ любопытство, и имъ захотѣлось знать, что это такое, и всѣ стали спрашивать. Тогда теща моя, обратясь къ женѣ моей, сказала: «Чего, сударыня, вѣдь Андрея Тимоѣевича государыня сама пожаловала чиномъ и тебѣ полно слыть уже капитальшею, а ты теперь госпожа ассесорша и штабъ-офицерская жена». «Какъ это! какъ неужели вправду», закричала она, а съ нею всѣ въ разные голоса, и ну креститься, благодарить Бога и поздравлять меня съ полученіемъ царской милости. И какъ слухъ о семъ въ нѣсколько минутъ по всему городу разлетѣлся, то не успѣли мы почти очнуться, какъ со всѣхъ сторонъ слетѣлись къ намъ не только всѣ мои канцелярскіе подкомандующіе, но и всѣ наши друзья и пріатели городскіе, и всѣ наперебывъ, другъ предъ другомъ,

начали меня поздравлять и изъявлять искреннее свое о томъ удовольствіе, только твердили: «Ну, слава, слава Богу; ай Михаила Никитичъ! ну, спасибо ему, ей-ей спасибо. Это не по-княжески и ну вотъ и ты у насъ теперь коллежскій ассесоръ, а что всего лучше, ты чинъ этотъ получилъ не по проискамъ какимъ и не по зауголью, а прямо за свои достоинства, и, что всего дороже, еще лично отъ самой государыни и особымъ иманнымъ указомъ. Это славно! и теперь не кичись, пожалуй, предъ тобою г. Верещагинъ и прочіе съ своимъ чиномъ».

Всѣ такіе отзывы, натурально, были мнѣ весьма пріятны, и я не иначе какъ съ удовольствіемъ слушалъ. И какъ сіе было въ утреннее время, то подали тотчасъ завтракъ и съ нимъ вмѣстѣ бутылку шампанскаго. И тутъ начались опять поздравленія безконечныя. Послѣ чего, пригласивъ всѣхъ ихъ къ себѣ наутріе обѣдать и проводивъ отъ себя, побѣжалъ въ церковь и послалъ за попомъ того-жъ часа служить благодарной молебень.

Такимъ образомъ, ни думано-ни гадаю, получилъ я штабъ-офицерскій чинъ, и въ тотъ же еще день началъ подписывать бумаги симъ новымъ званіемъ. И признаюсь, что при первомъ наименованіи себя симъ чиномъ, чувствовалъ я особенное удовольствіе. А что мнѣ всего пріятнѣе было, то всѣ подкомандующіе мои были тому очень рады, да и изъ прочихъ ни одинъ человекъ мнѣ въ томъ не завидовалъ, а все твердили только, что получилъ я сей чинъ по достоинству.

Въ слѣдующій за симъ день, дѣйствительно всѣмъ нашимъ городскимъ задать такой пиръ, какъ въ какой большой праздникъ, и рослили и мы не одну бутылку вина. И всѣ отъ сего времени начали мнѣ еще болѣе оказывать уваженія, да и самъ я ровно какъ на вершокъ отъ сего повыросъ больше. Въ самомъ сердцѣ своемъ чувствовалъ наибавѣйшую благодарность ко Всевышнему и прославлялъ пекущійся о благѣ моемъ Его святой Промыселъ.

Не успѣлъ я отъ сего обрадованія нѣ-

сколько поуспокоиться и дней десять провести опять въ своихъ прежнихъ занятіяхъ, какъ вдругъ прискакалъ ко мнѣ нарочной курьеръ съ повелѣніемъ отъ самаго намѣстника, чтобъ я, для нѣкоторой надобности, какъ можно скорѣе, явился къ нему, заѣхавшему на самое короткое время въ Тулу. Я, обрадовавшись сему случаю, въ тотъ же почти день, схвати лошадей, поскакалъ въ Тулу. Туда приѣхавъ и остановясь у друга моего г. Албычева, успѣлъ еще въ тотъ же день явиться къ намѣстнику. Я нашолъ его стоявшаго тогда въ Путятинскомъ домѣ и окруженнаго большою толпою тульскихъ господъ, и первымъ долгомъ почелъ принести ему за милость его свою благодарность, которую отклонилъ онъ отъ себя, сказавъ при всѣхъ мнѣ, что онъ ничего не сдѣлалъ, какъ оказалъ достойное достойному. Потомъ изъяснилъ мнѣ свое благоволеніе о сочиненныхъ мною планахъ и, поговоривъ со мною о волостяхъ, приказалъ сочинить мнѣ еще нѣкоторыя вѣдомости и, подумавъ о томъ какимъ образомъ поудобнѣе можно было умножить съ волостей доходъ безъ дальняго отягощенія крестьянъ, со всѣми тѣми бумагами приѣхать къ нему въ Калугу, поелику въ Тулѣ тѣмъ заняться ему нѣтъ времени, ибо онъ спѣшитъ ѣхать въ Калугу.

Онъ, и дѣйствительно, на другой день, съ утра туда и отправился. А какъ и мнѣ въ Тулѣ никакихъ другихъ надобностей не было, то и я въ тотъ же день назадъ въ Богородицкъ поѣхалъ, гдѣ и занялся тотчасъ выполненіемъ повелѣнія своего главнаго начальника.

Цѣлую недѣлю занимался я симъ дѣломъ и не успѣлъ ихъ кончить, какъ и пустился со всѣми бумагами сперва въ Тулу, а потомъ изъ ней и въ Калугу. Какъ въ Тулѣ нужно мнѣ было повидаваться съ г. Давыдовымъ и взять и отъ него нѣкоторыя бумаги и записки, то, явившись къ нему, услышалъ, что присланъ уже изъ сената указъ о пожалованіи меня чиномъ. И въ этотъ день мы съ Николаемъ Сергѣевичемъ обѣдали у тог-

дашняго губернатора г. Заборовскаго, Ивана Александровича, со множествомъ другихъ изъ тульскихъ господъ, которые всѣ также меня поздравляли съ государскою милостію и оказывали мнѣ уже болѣе уваженія, а особливо видя и намѣстниково ко мнѣ особое благоволеніе. Въ послѣдующій день думалъ-было я, что меня въ намѣстническомъ правленіи приведутъ къ присягѣ, но какъ никого изъ присутствующихъ не случилось, то, отложивъ сіе до моего возвращенія изъ Калуги, не сталъ я долѣе медлить и поѣхалъ въ сей намѣстнической городъ, гдѣ имѣлъ тогда намѣстникъ нашъ обыкновенное свое пребываніе. И на другой день, а именно 23-го сентября, туда и приѣхалъ.

Въ семъ губернскомъ городѣ хотя и случалось мнѣ до того бывать, но въ сей разъ нашелъ его совсѣмъ уже, по примѣру Тулы, перемѣнившимся, и такъ много, что почти и узнать было его не можно. Премногое множество было уже въ немъ воздвигнуто вновь большихъ зданій и повсюду подѣланы были площади и прямыя улицы, и я всему тому не могъ довольно надивиться.

Я, остановившись на особенной и нанятой для себя квартиркѣ, неподалеку отъ дома намѣстническаго, и на другой день поутру явился къ намѣстнику. Онъ принялъ меня очень благосклонно, и такъ какъ бы какого приѣзжаго въ губернской городъ гостя. Но какъ въ тотъ день случилось ему отлучиться и онъ ѣздилъ въ уѣздъ въ гости къ Толстому, то, сказавъ мнѣ, чтобъ я его обождалъ, примолвилъ: «погостите, судырь, у насъ и поживите въ Калугѣ, а мы постараемся, чтобъ вамъ было не скучно». Таковая его ко мнѣ ласка была мнѣ весьма пріятна, и я всѣ четыре дня, которые пробылъ я въ сей первой мой приѣздъ въ Калугу, провелъ я не только безъ скуки, но со многими удовольствіями. У намѣстника бывалъ я, обыкновенно, по утрамъ, въ которое время разговаривалъ онъ со мною о волостныхъ нашихъ дѣлахъ, и потомъ, обыкновенно, онъ оставлялъ меня у

себя обѣдать, а по вечерамъ, когда бывалъ онъ дома, то долженъ былъ и я быть у него на концертахъ, а ежели ѣзжалъ куда въ гости, то бралъ и меня съ собою. И какъ всегда бывало у него множество тамошнихъ господъ, то сіе и доставило мнѣ случай спознакомиться со многими изъ тамошнихъ чиновниковъ, а особливо приобрѣлъ особенное къ себѣ благопріятство отъ бывшаго тогда тамъ вице-губернатора г. Арсѣева, Михаила Михайловича, у котораго намъ съ намѣстникомъ случилось быть на праздниѣ и вечеринѣ. Такимъ же образомъ спознакомился я короче и съ обоими намѣстническими секретарями: гг. Веницеевымъ и Михайловымъ, а съ симъ послѣднимъ, по добротѣ его характера и охотѣ къ наукамъ, даже сдружился. Словомъ, я не видалъ какъ прошли сіи четыре дня, хотя, въ теченіе оныхъ, не позабыты были и дѣла, и я не мало занимался и оными и не одинъ часъ принужденъ былъ, вставая до свѣта, по утрамъ заниматься съ бывшимъ со мною канцеляристомъ, или иначе секретаремъ моимъ, дѣловымъ письмомъ.

Дѣла сіи относились, во-первыхъ, до переобролки обѣихъ нашихъ волостей, для приумноженія съ нихъ доходовъ и сдѣланія въ нихъ новыхъ и лучшихъ распоряженій. Намѣстникъ, какъ я уже упомянулъ, еще въ бытность свою въ Тулѣ, приказывалъ мнѣ сдѣлать тому прожектъ, и самый сей прожектъ привозилъ я тогда къ нему, и онъ апробовалъ его во всемъ пространствѣ и былъ имъ очень доволенъ. Во-вторыхъ,—до переселенія половины изъ присоединенныхъ къ намъ, вмѣсто выбылыхъ въ мѣшанство, монастырскихъ деревень на другія мѣста, по близости Богородицка, чѣмъ я также, при разсматриваніи сихъ плановъ, преподалъ мысли, которыя и апробованы были намѣстникомъ. Въ-третьихъ, былъ у насъ съ нимъ разговоръ о садѣ. «Какъ бы, Андрей Тимоѣевичъ, сказалъ онъ мнѣ однажды, разсматривая составленный планъ мой

всей усадьбы, и нельзя ли какъ бы нибудь сдѣлать намъ вотъ тутъ, подлѣ дворца, садикъ? Ты охотникъ до садовъ, итакъ, не можно ли смастерить какой-нибудь англійскій садикъ?» — «Очень хорошо, ваше превосходительство, сказалъ я, съ удовольствіемъ готовъ желаніе ваше въ семъ отношеніи выполнить, и сколько моего умѣнья есть употребить все оное къ тому. Но къ сему нужны будутъ рабочіе люди». — «О! что касается до сего, подхватилъ онъ, то берите сколько хотите къ тому нужныхъ людей и подводъ изъ крестьянъ по наряду; особенно употребляйте къ тому въ чемъ-нибудь провинившихся; а, сверхъ того, подумайте, нельзя ли намъ изъ какихъ-нибудь обвинявшихся и одинокихъ крестьянъ набрать десятка два и составить изъ нихъ нѣкоторый родъ дворовыхъ людей, на казенномъ содержаніи, которыхъ бы вамъ можно было употреблять ежедневно на таковыя работы». — «И это очень хорошо, сказалъ я, но нужно бы мнѣ еще имѣть и какого-нибудь садовничика, который бы, по крайней мѣрѣ, производилъ то въ дѣйство, чтѣ я назначать буду». — «И симъ, подхватилъ намѣстникъ, постараюсь я васъ снабдить».

На всѣ сіи и другія по волостямъ совѣщанія и разговоры назначено было мнѣ отъ него особое утро, въ которое во все занимались мы съ нимъ оными. Наконецъ, 28-го числа сентября подписалъ онъ всѣ заготовленные къ тому мнѣ ордера и другія бумаги и отпустилъ отъ себя, оставивъ вновь меня изъясненіями своего ко мнѣ благоволенія.

Возвратившись въ Туду, приведенъ я, наконецъ, былъ въ послѣдній день сентября на новый сей чинъ въ намѣстническомъ правленіи къ присягѣ, и какъ другихъ надобностей мнѣ тутъ не было, то въ тотъ же день и отправился домой, куда 1-го октября и приѣхалъ.

Тутъ, вмѣсто отдохновенія, надобно мнѣ было тотчасъ опять заниматься хлопотами. Наступило время переобролки всѣхъ

нашихъ излишнихъ отдаточныхъ земель, и народъ со всѣхъ сторонъ уже къ тому съѣзжался. И какъ съѣхалось къ сему времени множество и дворянства, то и приступилъ я тотчасъ къ сему хлопотливому дѣлу и занимался имъ и угощеніемъ у себя знакомѣйшихъ изъ дворянъ во всѣ первые дни октября мѣсяца, и мнѣ удалось и въ сей разъ умножить доходъ довольнымъ количествомъ.

Не успѣлъ я сихъ хлопотъ кончить, какъ наступилъ день моего рожденія, и мнѣ совершилось 45-тъ лѣтъ отъ рожденія, который, по обыкновенію моему, праздновалъ я духовно. Но въ день именинъ своихъ сдѣлалъ опять у себя для всѣхъ нашихъ городскихъ праздникъ и пиръ, и мы день сей провели очень весело въ разныхъ увеселеніяхъ и самыхъ танцахъ.

Послѣ сего приступилъ я къ помянутымъ переселеніямъ монастырскихъ крестьянъ и занимался тѣмъ во все достальное время тогдашней осени и хлопотъ имѣлъ половъ ротъ по сему отношенію. Какъ надлежало изъ всѣхъ сихъ деревень переселить для уравниенія здѣсь одну только половину крестьянъ и никому изъ нихъ не хотѣлось оставлять самопроизвольно своего прежняго плаца, то надобно было кидать между ими жеребій, потомъ выбирать удобныя мѣста для поселенія новыхъ деревень, и всѣ мѣста для нихъ и самыхъ дворовъ и усадебъ мнѣ назначать и размѣрять самолично, и потомъ ихъ переселять и за самими ихъ строеніемъ имѣть присмотръ,—то трудовъ и заботъ было для меня въ сіе время довольно. Я выбралъ для новыхъ поселеній сихъ два мѣста подлѣ самаго нашего селенія и по рѣчкамъ, на которыхъ онѣ сидѣли: одно называлъ Вязовкою, а другое—Упертомъ. Для другихъ же двухъ назначилъ мѣста нѣсколько подальше и одну, для увѣковѣчиванія своей фамиліи, называлъ Болотовкою, а другую—Притомъ. Расположеніе же дворовъ сдѣлалъ, по вновь выдуманному порядку, такъ что деревеньки сіи были совсѣмъ отмѣнены отъ прочихъ волостныхъ деревень.

Между тѣмъ производились у насъ и многія другія дѣла, а особливо переправка и дѣланіе вновь нѣсколькихъ небольшихъ прудовъ въ селеніи нашемъ. Мнѣ восхотѣлось воспользоваться нѣкоторыми вершинами, тутъ бывшими, и произвести на нихъ пруды, хотя небольшіе, но удобные для размноженія и содержанія рыбы.

Всѣми сими работами занимался я вплоть до наступленія зимы, которая въ сей годъ стала у насъ около 8-го ноября. При чемъ достопамятно, что я около самаго времени открылъ въ самой близости отъ дворца минеральной источникъ воды, оказавшійся, по дѣланнымъ опытамъ, наполненною множествомъ марціальныхъ или желѣзистыхъ частей. И я, разрывши сей колодезь и обдѣлавъ его, мечталъ, что можетъ отъ сего произойти какое-нибудь важное слѣдствіе. Однако, впоследствии, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, а особливо,—по нехотѣнію лѣкаря нашего употребить съ лѣченіемъ водою сею надлежащихъ опытовъ, изъ опасенія, чтобъ не присланы были доктора, могущіе отбить у него хлѣбъ,—остались всѣ труды мои, по сему отношенію, тщетными.

Между тѣмъ не позабылъ никакъ на-мѣстникъ о садовникѣ, но, доставъ одного гдѣ-то, ко мнѣ доставилъ. Былъ онъ русскій и хотя не слишкомъ знающій, но, по крайней мѣрѣ, былъ я впоследствии времени очень доволенъ имъ по его особенной расторопности и проворству, съ которымъ производилъ онъ все мною назначаемое.

По наступленіи зимы и по окончаніи всѣхъ надворныхъ работъ, принялся я опять за свои литературныя упражненія, а особливо за сочиненіе матеріала для своего «Экономическаго Магазина» и занимался онымъ во всѣ праздныя минуты ноября и декабря мѣсяца съ толикою прилежностію, что наготовилъ онаго на нѣсколько мѣсяцевъ. Однако, не оставляли мы и прежнихъ своихъ зимнихъ увеселеній, но, по прежнему, продолжали частые свои съѣзды и дѣланіе другъ у друга пріятныхъ дружескихъ вечеринокъ.

Но сія осень была и послѣдняя, въ которую мы наслаждались симъ пріятнымъ общежитіемъ, ибо какъ оканчивалось въ сіе время уже второе трехлѣтіе и предстояли новые выборы судьямъ, то опасались мы, чтобъ не потерять намъ и послѣднихъ своихъ сотоварищей въ сихъ забавахъ, что и воспослѣдовало дѣйствительно.

Впрочемъ, отнималъ у меня въ сію осень много времени и доставлялъ мнѣ много хлопотъ бывшій въ сію зиму рекрутскій наборъ. Я принужденъ былъ опять выбирать и назначать изъ крестьянъ рекрутъ и для меня всегда составляло сіе превеликую коммисію. Ибо какъ я при такихъ случаяхъ всего болѣе удаленъ былъ отъ того, чтобъ при сихъ наборахъ чѣмъ-нибудь отъ крестьянъ интересоваться, то и имѣлъ только при томъ превеликое безпокойство и принужденъ проводить многіе часы сряду въ превеликой духотѣ въ комнатахъ, набитыхъ множествомъ крестьянъ, страдавшихъ душевно съ семействами тѣхъ, коимъ по очереди доставалось итти въ рекруты.

Наконецъ, въ исходѣ декабря, наступило и то время, въ которое назначенъ опять всему дворянству сѣздъ для выбора судей новыхъ, и мы услышали, что приѣхалъ для сего въ Тулу и самъ намѣстникъ. Какъ мнѣ до него была опять надобность и надлежало не только отвезти всѣ собранныя деньги, но отдать и отчетъ во всемъ томъ, что мною исполнено (къ тому-жъ, писалъ ко мнѣ и командиръ мой г. Давыдовъ, чтобъ я приѣхалъ въ Тулу), то и отправился я туда къ тому времени, какъ надлежало начать выборы, и расположился въ сей разъ, для лучшей свободы въ своихъ дѣлахъ и упражненіяхъ, квартировать у знакомаго своего Пастухова.

Мое первое дѣло было, по приѣздѣ въ Тулу, явиться у своего командира г. Давыдова и донести ему обо всемъ мною, съ отбытія его отъ насъ, сдѣланномъ, а потомъ явиться и къ самому намѣстнику. Сей принялъ меня по прежнему очень благосклонно и былъ доволенъ всѣмъ, что

мною ни было сдѣлано, и говорилъ мнѣ, чтобъ я пожилъ во все время въ Тулѣ, не только взявъ во всѣхъ будущихъ увеселеніяхъ, но и въ самыхъ выборахъ соучастіе, и спросилъ меня, въ которомъ уѣздѣ имѣю я настоящее свое жительство. И узнавши, что въ Алексинскомъ, ибо наше селеніе, по вновь сдѣланному между уѣздами раздѣленію, вошло уже въ предѣлы Алексинскаго уѣзда, сказалъ, чтобы по моему уѣзду я баллотировалъ вмѣстѣ съ прочими. А сіе и принудило меня почти противъ хотѣнія сіе дѣйствительно исполнить.

Выборъ сей производимъ былъ все еще въ прежней красной палатѣ, ибо вновь строящіяся для присутственныхъ мѣстъ огромныя изъ камня корпусы не были еще совсѣмъ готовы; уѣздныя же баллотированія производимы были, для лучшей удобства, въ разныхъ домахъ. Итакъ, я впервые еще тогда имѣлъ соучастіе въ выборахъ, при которыхъ имѣлъ случай спознакомиться не только со всѣми нашими алексинскими дворянами, но и со многими другими и, между прочимъ, лично узнать и усерднаго своего и давнишняго корреспондента Василія Алексѣевича Левшина и свести съ нимъ дружбу, которая у насъ съ нимъ и понынѣ еще продолжается.

Что касается до моей квартиры, то она была для меня не только спокойна, но и весела тѣмъ, что какъ хозяинъ мой былъ тогда у оружейниковъ головою, то по вечерамъ бывали у него превеликія сходбища лучшихъ людей изъ оружейниковъ, съ которыми, какъ съ любопытными людьми, не было никогда мнѣ скучно проводить свое время.

Какъ все сіе было уже при самомъ концѣ 1783 года, а письмо мое достигло до своихъ почти предѣловъ, то окончу и я симъ сіе мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Генваря 26-го дня 1810 года).

1784 годъ.

Письмо 216-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ прошедшій годъ кончилъ, а новый 1784 годъ началъ я провождать, находясь въ Тулѣ одинъ, безъ жены и дѣтей, которыхъ оставилъ въ Богородицкѣ. Мое первое дѣло было въ первый день сего года, чтобы ѣхать на поклонъ и поздравленіе съ новымъ годомъ къ намѣстнику, гдѣ нашолъ я страшное множество дворянъ и судей, съѣхавшихся къ нему за тѣмъ же. Потомъ ѣздили мы всѣ въ соборъ къ обѣднѣ, гдѣ божественную службу управлялъ тогда, пріѣзжавшій къ тому случаю, самъ старичокъ, нашъ коломенскій архіерей Θεодосій. Обѣдать же удалился я къ другу моему и прежнему хозяину Алексѣю Андреяновичу Албычеву, обрадовавшемуся тогда, что онъ освободился наконецъ отъ гражданской службы и собиравшемуся ѣхать въ свою деревню, для доживанія послѣднихъ дней своихъ въ мирѣ, тишинѣ и покоѣ. Тутъ по всегдашней его ко мнѣ пріязни обѣдъ былъ для меня пріятнѣйшій, нежели въ какихъ вельможескихъ чертогахъ. Тутъ не было никакой принужденности и этикетовъ. Не многіе изъ нашихъ общихъ друзей и знакомцевъ собесѣдовали съ нами, и дружескіе разговоры и шутки усаждали намъ ястыки. Послѣ обѣда съѣздили я на свою квартиру для небольшого отдохновенія. По наступленіи вечера, поѣхалъ въ маскарадъ, гдѣ нашолъ превеликое множество съѣхавшагося дворянства обоого пола; гдѣ находясь, пожалѣлъ я, что не взялъ съ собою также въ Тулу и своей жены и дочери. Для сей послѣдней могъ бы сей случай быть безполезенъ въ томъ отношеніи, что пришла она уже въ совершенный почти возрастъ и могла быть уже невѣстою. И какъ она была собою очень недурна и раздвѣтала тогда какъ роза, то мнѣ не стыдно-бъ было показаться съ нею въ публикѣ. Итакъ, могла-бъ она легко, по красотѣ своей, сдѣлаться примѣтною и обратить на себя взоры всего

молодаго нашего тульскаго дворянства и подать поводъ къ сватовствамъ. Но съ другой стороны, вѣдавъ характеръ нашего намѣстника и особенную его ко всѣмъ красавицамъ приверженность, радъ былъ, что ее тутъ не было, а то легко бы могло что-нибудь подать поводъ къ злословіямъ и послужить ей ко вреду. Но какъ бы то ни было, но я былъ безъ нихъ и одинъ, и какъ въ лѣсу, между множествомъ по большей части мнѣ незнакомаго дворянства, почему, не находя дальнаго въ тѣснотѣ сей удовольствія, я радъ былъ, что маскарадъ продолжался недолго и всѣ стали разѣзжаться рано.

Такимъ же образомъ въ непрерывныхъ разѣздахъ то туда, то сюда, на вечеринкахъ то у намѣстника, то у командира моего г. Давыдова, то у другихъ разныхъ особъ, провелъ я и всѣ послѣдующихъ три остальныхъ дня нашихъ святокъ, которыя, несмотря на непрерывные разѣзды и быванія у многихъ въ гостяхъ, были мнѣ далеко нѣтаково пріятны, какъ бы бывали въ прежніе годы въ Богородицкѣ во время дружескаго нашего со всѣми судьями сожителства. Я болѣе отъ ѣзды сей со всегдашней принужденности уставалъ, нежели почувствовалъ удовольствіе, почему, желая отдохнуть, не поѣхалъ даже въ театръ, тогда бывшій.

Наконецъ кончилисъ наши святки и наступило 5-е число января и какъ въ сей день на силу попалъ у досужнаго намѣстника заняться нашими волостными дѣлами и объ нихъ со мною въ кабинетѣ своемъ поговорить, то и провели мы съ нимъ въ томъ болѣе часа времени. Я ему доносилъ какъ о всѣхъ распоряженіяхъ мною сдѣланныхъ, такъ и о прочемъ, что исполнено мною, по его приказанію, и онъ совершенно былъ всѣмъ доволенъ и, приказавъ мнѣ еще кое-что вновь, отпустилъ меня отъ себя, очаровавъ меня вновь своимъ ко мнѣ благоволеніемъ. И какъ мнѣ послѣ сего не оставалось ничего болѣе въ Тулѣ дѣлать и я сего только дожидался, то, возвратясь отъ него на свою квартиру и пообѣдавъ, пустился еще въ

тотъ же день въ любезный свой Богородицкѣ.

Я пріѣхалъ туда на Крещеніе еще до свѣта и нашолъ всѣхъ своихъ домашнихъ въ добромъ здравьи и успѣлъ еще съ ними побывать у обѣдни и на водоосвященіи, производимомъ у насъ на прудѣ съ нарочитымъ великолѣпіемъ, и потомъ обѣдать и попиршествовать вмѣстѣ съ ними у нашего городничаго. И какъ тутъ, равно какъ и въ церкви, имѣлъ я случай видѣть всѣхъ нашихъ новыхъ судей, то, не ходя далѣе и замѣчу я здѣсь, кто-и-кто они были въ сей третій числомъ выборъ, и какая переменѣна произошла оттого въ нашемъ бывшемъ до того пріятномъ Богородицкомъ общежительствѣ.

Мы лишились въ сей разъ своего уѣзднаго судьи г-на Арсеньева, жившаго всѣхъ прочихъ лучше и потому въ общежительствѣ нашемъ занимавшаго первое мѣсто. Уѣзднымъ судьей избранъ былъ бывшій до того исправникомъ г. Пушкинъ, Петръ Семеновичъ, человѣкъ хотя добрый и пріятный въ компаніи, но очень небогатый и не живавшій до того никогда въ городѣ, или когда и живавшій, но одинъ; каковую жизнь продолжалъ онъ, сдѣлавшись и уѣзднымъ судьей. Засѣдателями его остались прежніе: одинъ изъ нихъ былъ г. Карповъ, Иванъ Петровичъ, человѣкъ небогатый, особеннаго поведенія и непрінадлежавшій никогда къ нашему обществу, а другой другъ мой, Сергій Ильичъ Шушѣринъ. Относительно до сего, какъ всегдашняго нашего собесѣдника и компаніона, мы-было обрадовались, что онъ остался. Но, увидѣвъ послѣ, что и онъ не соотвѣтствовалъ уже нашему желанію, не сталъ болѣе жить въ городѣ съ своею женою, а расположился жить болѣе дома и въ городъ пріѣзжать только для присутствія и жить, по примѣру холостыхъ, уединенно на квартирѣ въ городѣ,—итакъ лишились мы и сего дома. Исправникомъ избранъ былъ г. Дьяковъ, Михаилъ Григорьевичъ, женившійся недавно на младшей сестрѣ г. Албычева, Татьянѣ Андреевнѣ; но сей живалъ еще меньше прежняго въ городѣ, и мы его

почти въ глаза не видали. Въ засѣдателя же къ нему избранъ былъ одинъ, совсѣмъ новый, молодой и недавно также женившійся на знакомой намъ дѣвушкѣ, племянницѣ родной Николая Сергѣевича Арсеньева, и мы рады были, что хотя сей съ молодой своею женою расположился жить у насъ въ городѣ. Другой же былъ нѣкто Ивашкинъ, человѣкъ бѣдный, негоднаго и такого характера, котораго никогда не удостоивали своего общества. Къ вѣщающему несчастію переменили у насъ опять казначея и опредѣлили прежняго Писарева, человѣка больше мотоватаго и гуляку, и также холостого и недѣлавшаго намъ всегдашней компаніи. Что же касается до обоихъ приставовъ, виннаго и солянаго, то были они прежніе, два брата Викулины, дѣлавшіе намъ, по крайней мѣрѣ, хорошими своими характерами компанію; и какъ одинъ изъ нихъ женился, то мы были и тому рады.

Итакъ, все наше общежительство, потерявъ уже много и при второмъ выборѣ, сдѣлалось при семъ еще того тонѣе и состояло уже только изъ моего дома, дома нашего городничаго, дома обоихъ приставовъ, дома г. Чулкова, дома госпожи Алабьевой и старушки Марьи Юрьевны, бывшей казначейши; прочіе же — всѣ были холостые.

Со всѣмъ тѣмъ, всѣ первые дни послѣ Крещенія, когда новые судьи вступали въ должность, а старшие собирались къ отъѣзду, препроводили мы довольно весело и въ ежедневныхъ почти свиданіяхъ и угощеніяхъ. Къ сему мнѣ вспомоществовало и то, что съ одной стороны пріѣзжали ко мнѣ въ сіе время многіе гости, а особливо г. Сахаровъ съ своимъ семействомъ и г. Ушаковъ, Христофоръ Александровичъ, а съ другой стороны то, что жилъ тогда, по близости нашего города, сдѣлавшійся тогдашнимъ виннымъ откупщикомъ, тульскій помѣщикъ Иванъ Васильевичъ Хомяковъ, любезный, добрый и такой человѣкъ, который любилъ компанію и частія у себя всѣхъ насъ угощенія, и котораго пріязню мы всегда бывали до-

вольны и всегда, когда ни случалось ему въ тутошней деревнѣ жить, не рѣдко къ намъ ѣзжалъ, и у себя угощали съ удовольствіемъ.

Наконецъ, распрощались мы и проводили отъѣзжающаго отъ насъ со всѣмъ домою своимъ нашего прежняго судью г-на Арсеньева. И не успѣли въ упомянутыхъ ежедневныхъ свиданіяхъ препровести недѣли полторы времени, и отъ нихъ еще не отдохнули, какъ 16-го числа, ни-думано ни-гадано, пріѣхалъ къ намъ опять мой командиръ г. Давыдовъ и пріѣздомъ своимъ подаль намъ опять поводъ къ маленькимъ нашимъ пиршествамъ, дѣлаемымъ для угощенія его въ домахъ нашихъ.

Въ сей разъ пріѣзжалъ онъ къ намъ на самое короткое время и по директорской своей должности, для открытія въ нашемъ городѣ вновь дозволеннаго трактира, почему и пробылъ у насъ сутокъ двое, въ которые мы съ городничимъ и угощали его у себя попеременно, съ приглашеніемъ къ себѣ и всѣхъ прочихъ судей и всѣхъ его натурально уважающихъ людей. Потому и сін дни проведенны были довольно весело, а особливо по бывшимъ во время сихъ сѣздовъ играмъ въ карты.

Впрочемъ, какъ и мы около сего времени помышляли о томъ, чтобы намъ опять въ Москву для разныхъ покупокъ и другихъ надобностей съѣздить, и я только что собирался писать по сему моему командиру и просить на то позволенія, — то пріѣздъ его въ сей разъ случился для насъ и очень кстатн. И я, при отъѣздѣ его отъ насъ, и получилъ на то его дозволеніе, съ тѣмъ, чтобы, ежели хотимъ, то прожить въ Москвѣ хотя и самую масляницу, чтѣ намъ было и пріятно.

Итакъ, проводивъ его отъ себя, начали мы понемногу всѣе путешествіе собирать. И дней черезъ пять послѣ того, оставивъ матушку, тещу мою, съ малолѣтними дѣтьми моими дома, а старшихъ обоихъ двухъ взявъ съ собою, 24-го января въ сей путь и отправились.

По пріѣздѣ въ Тулу, не засталъ я

командира моего, съ которымъ надобно мнѣ было видѣться въ городѣ. Принужденъ я былъ жену съ дѣтьми отпустить впередъ въ Федешево, а самому остаться съ своимъ обозомъ въ Тулѣ, чтобы дожидаться онаго. И повидавшись съ нимъ и переговоривъ о чемъ было надобно, поѣхалъ уже на другой день вслѣдъ за ними, и напелъ ихъ, ожидающихъ меня въ Федешевѣ у родныхъ нашихъ Кислинскихъ.

Тутъ застали мы и тетку Матрену Васильевну, гостившую у своей замужней дочери. И какъ сей восхотѣлось, чтобы мы взяли съ собою въ Москву и меньшую ея дочь Александру Андреевну, а у насъ случилось въ повозкѣ порожнее мѣсто, — то и сдѣлали мы ей сіе удовольствіе и взяли сію дѣвушку съ собою, хотѣвшую также видѣть Москву и взять въ тамошнихъ увеселеніяхъ соучастіе.

Отправившись оттуда и пріѣхавши на заводъ, для тогдашнихъ глубокихъ снѣговъ и дурноты проѣзда, мы въ Дворениново свое не заѣзжали. А выкормивши тамъ на заводѣ лошадей и отправивъ племянника своего къ отцу для свиданія, продолжали свой путь безъ остановки и 29-го числа въ Москву и пріѣхали.

Поеліку у насъ не было въ сей разъ прискано и нанято заблаговременно квартиры, то случилось намъ на первый случай пристать въ одномъ отысканномъ въ скорости домѣ, при самомъ вѣздѣ въ Москву, на Серпуховской улицѣ, и вплоть почти подлѣ дома знакома и пріятеля нашего Стратона Ивановича Сахарова. Но какъ квартирою своею были мы не весьма довольны, то употребили весь послѣдующій день на присканіе лучшей. Но всѣ наши старанія о томъ были тщетны: домовъ хотя много нашли, но всѣ были не по насъ — либо слишкомъ велики, либо слишкомъ холодны и безпокойны. Потому, а болѣе, по убѣжденію сосѣдей своихъ Сахаровыхъ, рѣшились уже остаться на прежней, и были тѣмъ послѣ очень довольны, а особливо потому, что сей случай увеличилъ наше знакомство и дру-

жбу съ домою г. Сахарова, котораго все семейство обходилось съ нами, какъ съ родными: то-и-дѣло насъ угощали то обѣдами, то ужинами, да и прочимъ. Видаясь съ нами ежедневно, имѣли мы случай со многими пріѣхавшими къ нимъ гостями познакомиться и были всегда въ хорошемъ обществѣ.

Пребываніе наше въ сей разъ въ Москвѣ было не долговременное, ибо какъ пріѣхали мы въ нее уже въ началѣ Пѣстрой недѣли, то и удалось намъ прожить въ ней только двѣ недѣли, которое время провели мы въ непрерывныхъ почти разгѣздахъ по гостямъ и отменно весело. Такъ случилось, что мы нашли тутъ опять нашихъ кашинскихъ родныхъ, пріѣхавшихъ также въ Москву незадолго до насъ, для препровожденія въ ней масляницы. И племянница моя Надежда Андреевна не успѣла узнать о нашемъ пріѣздѣ, какъ въ тотъ мигъ и прилетѣла къ намъ для свиданія съ сестрою своею Любовью Андреевною. Исъ того времени мы почти всякой день были съ ними неразлучны.

Мы возобновили тотчасъ по-прежнему свиданія со всѣми нашими прежними друзьями и знакомцами. Но и кромѣ того имѣли отменно частыя свиданія съ кіасовскими нашими прежними друзьями и знакомцами, случившимися тогда быть въ Москвѣ, а особливо съ г. Кологривовымъ, Николаемъ Ивановичемъ, жившимъ тогда неподалеку отъ насъ, что и подавало намъ случай къ частымъ свиданіямъ и къ приятному препровожденію съ ними времени. Не позабыть былъ также и домъ г. Давыдова, Андрея Петровича: и хотя имѣлъ свой домъ и недалеко отъ насъ, но не одинъ разъ бывали мы у него и не одинъ вечеръ провели по-прежнему въ танцахъ. Въ сихъ какъ-то случалось намъ отменно часто заниматься, ибо куда ни пріѣзжали по вечерамъ, какъ находили, ровно какъ нарочно для насъ собранія, ужины и танцы, такъ что даже и у самой старушки нашей тетки г-жи Арсеньевой нашли мы, пріѣхавъ къ ней, греющую

музыку и танцы, по случаю дѣланія ею для пріятелей своихъ вечерники и ужина. При которомъ случаѣ познакомились мы еще съ домою князя Алексѣя Ивановича Гагарина, отменно меня приглашавшаго, и съ которымъ мы тогда условились ѣхать вмѣстѣ смотрѣть невиданнаго еще до того Москвою зрѣлища, а именно — пусканіе воздушнаго шара, которые начали тогда только гремѣть въ свѣтѣ.

Опытъ сей дѣланъ былъ въ Москвѣ еще въ первый разъ какимъ-то французомъ и былъ хотя не совсѣмъ удаченъ, но доставилъ намъ симъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ превеликое удовольствіе. Мѣсто избрано было къ тому въ полѣ за Суцовомъ, и стеченіе народа, хотѣвшаго сіе видѣть, было несмѣтное. Однаго дворянства съѣхалось нѣсколько сотъ человѣкъ. Всѣ мы были впущены въ просторный кругъ, обведенный толстымъ канатомъ, а посреди оного воздвигнута была нѣкотораго рода высокая осьмиугольная башня изъ большихъ рогожныхъ щитовъ, внутри которой наполнили шаръ горячимъ воздухомъ. Нѣсколько сотъ каретъ стояло вокругъ сего большого круга съ безчисленнымъ множествомъ чорнаго народа, дожидавшаго вмѣстѣ съ ними нѣсколько часовъ появленія изъ башни надувнагося огромнаго шара, который сдѣланъ былъ полосатымъ изъ тафты двойакого цвѣта. И пріятно было смотрѣть, какъ онъ сталъ вылѣзть изъ оной и подниматься на воздухъ, но, по несчастію пускальщика и по неосторожности его, какимъ-то образомъ онъ при самомъ уже отрѣзываніи его внизу загорѣлся, почему и вышелъ онъ хотя надменный, но съ исходящимъ изъ него прегустымъ темнымъ дымомъ. И поднявшись сажень на 50 къ верху, понесенъ былъ вѣтромъ въ сторону и упалъ тотчасъ позади каретъ и народа на землю, а чрезъ сіе и не имѣли мы удовольствія видѣть въ самой высотѣ воздуха. Совсѣмъ тѣмъ, зрѣлище сіе было прекрасное и впечатлѣлось въ умѣ моемъ такъ сильно, что могъ я все оное

потомъ и въ точнѣйшемъ видѣ изобразить на картинѣ, которая и понынѣ еще украшаетъ стѣны моей гостиной и служить памятникомъ тогдашняго нашего въ Москвѣ пребыванія.

Происходило сіе 9-го числа февраля, случившагося уже тогда въ пятницу тогдашней масленицы. И сей день въ особенности достопамятенъ былъ намъ тѣмъ, что поутру ѣздили мы смотрѣть сіе зрѣлище, а ввечеру въ большой здѣшній маскарадъ. Обѣдали же всѣ у новаго своего знакома г. Титова, Петра Алексѣевича.

Съ симъ домомъ познакомили насъ Кологривовы—и по особливому поводу. Какъ у жены сего богача, Татьяны Алексѣевны, былъ еще не женатый и очень богатый достаткомъ своимъ братъ, котораго сестрѣ охотно женить хотѣлось, а онъ, не выбравъ себѣ невесты, пропустилъ наилучшіе годы своей жизни и даже состарился,—то хотѣлось сей госпожѣ, бывшей знакомою Кологривовыхъ и видѣвшей у нихъ мою дочь, испытать, не прельститъ ли она его своею красотою. По которой причинѣ и просила она госпожу Кологривову познакомить ее съ нами короче. А сія, любя насъ и желая дочери всего благополучія въ свѣтѣ и вошла-было въ посредничество при семъ затѣваемомъ сватовствѣ, и дабы дать случай состарѣвшемуся жениху ее видѣть, то для самаго того и званы были мы въ сей день къ г. Титову обѣдать. Я, зная отчасти о семъ ихъ замыслѣ, хотя внутренно тому смѣялся, ибо и въ мысляхъ не имѣлъ жертвовать дочерью своею единому богатству,—однако, по убѣжденіямъ жены и прочихъ родныхъ моихъ, не отрекся отъ сего приглашенія. Но, по счастію, изъ дѣла сего ничего не вышло. Господину жениху показала моя дочь слишкомъ молода или паче не богата, поелику онъ, при всемъ своемъ богатствѣ, былъ превеликой скряга и скупецъ, а ей самой казался слишкомъ уже старъ и дурень во всѣхъ отношеніяхъ. Итакъ, сіе дѣло и не начало даже клентся. Но не смотря на сіе,

домъ г. Титова остался намъ съ сего времени навсегда знакомымъ и дружнымъ.

Симъ образомъ провели мы всю тогдашнюю масленицу очень весело и ѣздили не только всюду-и-всюду по гостямъ, но были однажды и въ театрѣ и два раза въ маскарадѣ, въ которые ѣздили мы, собравшись цѣлою компаніею, и пробывали на нихъ даже за полночь. А въ субботу давалъ сосѣдь нашъ г. Сахаровъ у себя балъ, и мы весь вечеръ протанцовали и пропировали у него.

Словомъ, ни въ который пріѣздъ мы такъ много не веселились, какъ въ сію нашу въ Москвѣ бытность, и никогда такъ много разѣздами и увеселеніями не занимались, какъ въ сей разъ. Однако же не позабываемы были и прочія наши дѣла и нужды. Жена моя не одно утро провела въ рядахъ для исправленія своихъ женскихъ покупокъ и оставила въ нихъ не одну, а много сотенъ рублей. А я, пользуясь симъ свободнымъ временемъ, ѣзжалъ по своимъ дѣламъ также въ городъ и не одинъ разъ видѣлся съ Ридигеромъ и г. Новиковымъ. У перваго набралъ я опять множество книгъ для пересматриванія, а потомъ и купилъ опять нѣсколько и, между прочими, славныя тогда и дорогія сочиненія г. Гиршфельда «О садахъ»; а второй обрадовалъ меня извѣщеніемъ, что книга моя «О благополучіи» была уже совсѣмъ напечатана и только не подшита, и что онъ вслѣдъ за мною отправить всѣ слѣдующіе мнѣ экземпляры оной. Дружба и ласки сего человѣка ко мнѣ продолжались по-прежнему. Но какъ онъ ни старался уговаривать меня, чтобъ я когда-нибудь пріѣхалъ къ нему на вечерокъ, но я, вѣдая, что по вечерамъ бываю у него собранія сокровенныя по ихъ сектѣ, и опасаясь, чтобъ не могли они меня какимъ-нибудь образомъ и противъ хотѣнія моего втянуть въ свое общество, всегда извинялся недосугами и за правило себѣ поставилъ ѣздить къ нему всегда по-утрамъ, когда у него никого не было.

Кромѣ сего, удалось мнѣ побывать и въ межевой канцеляріи, для распрովѣдыванія о томъ, въ какомъ положеніи находилось наше межевое дѣло по Шадской деревнѣ? И узналъ, что планы тамъ со всѣхъ мѣстъ сняты и что происходили многіе споры и страшная такая путаница, что землемѣръ Тарховъ былъ не радъ жизни, что принужденъ былъ посылать другого межевщика Сатина, и что сей также, со многими хлопотами дѣло сіе кончилъ и планы представилъ въ межевую канцелярію. Но она еще въ разсматриваніе ихъ не входила и едва ли не отошлетъ въ тамбовскую межевую контору, находившуюся тогда въ городѣ Козловѣ, и предоставитъ дѣло сіе сужденію оной. Все сіе хотя меня не радовало, но и не печалило, а принуждало вновь вооружиться терпѣніемъ и смотрѣть, чтѣ будетъ.

Наконецъ, кончилась наша бѣшеная и сумасбродная масляница и наступилъ великій постъ. И тогда не стали мы уже ни минуты долѣе медлить, а исправивъ достальныя покупки и распрощавшись со всѣми нашими друзьями и кашинскими родными, общавшимися къ намъ въ сіе лѣто пріѣхать, простились съ Москвою во вторникъ на первой недѣлѣ поста, бывшій тогда 13-го февраля.

О семъ обратномъ путешествіи замѣчу я только то, что дорога была очень дурна и отъ множества ухабовъ крайне безпокойна. Въ деревню свою опять мы, для снѣговъ, не заѣзжали, а обѣдали на заводѣ, куда къ намъ выѣзжалъ братъ Михайло Матвеевичъ и везъ съ собою къ намъ опять своего сына. Въ Федешовѣ же у нашихъ родныхъ Кислинскихъ принуждены мы были даже дневать и взять отдохновеніе: такъ растрясла и расколотила насъ дорога! Тутъ, пользуясь симъ досугомъ и желая удовлетворить любопытство хозяина, нарисовалъ я впервые ему, сухими красками, изображеніе пусканія въ Москвѣ шара, которая картонка цѣла у него и понынѣ еще въ Федешовѣ. А отправившись изъ Федешова и повидавшись въ Тулѣ съ г. Давыдо-

вымъ, пріѣхали мы благополучно назадъ въ свой Богородицкѣ, въ понедѣльникъ второй недѣли, и нашли тутъ всѣхъ своихъ въ добромъ здоровьѣ, а городскихъ нашихъ друзей, обрадовавшихся нашему пріѣзду и тотчасъ насъ посѣтившихъ.

Такимъ образомъ, кончивъ благополучно свое путешествіе, принялся я опять за всѣ прежнія свои упражненія, а особливо за сочиненіе своего «Магазина», и занимался симъ во все теченіе великаго поста съ такою прилежностію, что успѣлъ опять нагостовитъ матеріала на нѣсколько мѣсяцевъ и тѣмъ себя на всю весну обезпечить. Между тѣмъ не позабыты были также и краски, а особливо сухія: не одну, а нѣсколько картинъ нарисовалъ я ими. На сей разъ и прежде всего — самое то изображеніе спусканія шара, которое и понынѣ еще украшаетъ мои стѣны; также образа Спаса и Богородицы, стоящіе нынѣ въ залѣ.

Кромѣ сего, имѣлъ я неизъяснимое удовольствіе видѣть книгу свою «О благополучіи», наконецъ напечатанную. Г. Новиковъ не преминулъ тотчасъ прислать ко мнѣ выговоренные экземпляры, и я не могъ книгою сею довольно налюбоваться и благодарилъ Господа, что Онъ удостоилъ, наконецъ, сей мой трудъ быть напечатаннымъ, слѣдовательно быть чрезъ то увѣковѣченнымъ. И достопамятно: что не успѣлъ я оной получить, какъ явился случай въ Коломнѣ, и мнѣ восхотѣлось однимъ экземпляромъ подарить давнишняго своего знакольца отца Геронима, бывшаго тогда уже іеромонахомъ. И подарокъ сей былъ ему крайне полезенъ и книга сія надъ первымъ надъ нимъ оказала свое дѣйствіе и помогла ему себя исправить и преодолѣть страсть, его губившую. Не могу изобразить, съ какимъ удовольствіемъ читалъ я впослѣдствіи времени его о томъ увѣдомленіе и тѣ благодаренія, имъ мнѣ за то приносимыя. Не съ меньшимъ удовольствіемъ читалъ я и то крайне лестное для меня одобреніе моей книги, которое напечатано было въ газетахъ при объявленіи о прода-

жѣ оной; словомъ, для меня эпоха сія была очень достопамятная и важная.

Впрочемъ, занимался я въ сіе время, а особливо предъ наступленіемъ весны, чтеніемъ новокупленныхъ книгъ, а особливо садовыхъ г. Гиршфельда, которыя такъ меня собою очаровали, что я, начавши оныя читать, не выпустилъ ихъ почти изъ рукъ, покуда не прочелъ всѣхъ оныхъ. И особливого замѣчанія достойно, что самыя сіи книги и преобразили совѣтъ мои виды относительно до садовъ. И какъ до сего времени приверженъ я былъ къ системѣ Ленотровой и любилъ сады регулярные, такъ, напротивъ того, въ сіе время ихъ совѣтъ разлюбилъ и получилъ вкусъ въ садахъ новыхъ, названныхъ садами иррегулярными, натуральными, ибо англійскими сады сего рода грѣшно было называть. И г. Гиршфельдъ умѣлъ такъ меня ими прельстить, что я съ того времени дышалъ почти желаніемъ видѣть садъ, по симъ правиламъ расположенный. А какъ желаніе нашего намѣстника, чтобъ завести садикъ подлѣ дворца богородицкаго, было къ тому очень кстати и предлагало мнѣ нанудобнѣйшій къ практикованію себя въ семъ совѣтъ новымъ искусствѣ случай,—то и рѣшился я садъ сей основать и расположить не иначе, какъ въ семъ новомъ вкусѣ. А потому и сталъ съ превеличайшею уже нетерпѣливостію дожидаться наступленія весны, чтобъ тотчасъ симъ дѣломъ заняться. Но и до того еще времени образовалъ многія части онаго въ своемъ воображеніи и располагалъ въ мысляхъ, гдѣ бы что нанудобнѣе было сдѣлать.

Итакъ, не успѣла весна вскрыться, а мы отпраздновать свою Святую недѣлю, случившуюся въ семъ году въ началѣ апрѣля,—какъ и приступилъ я къ сему важнѣйшему и многодѣльнѣйшему труду во все мое пребываніе въ Богородицкѣ. Мое первое дѣло было обѣгать всѣ обнажившіеся отъ снѣга высокіе и безпорядочнѣйшіе берега и горы, прикосновенные съ нашей стороны къ большому предъ дворцомъ находящемуся пруду. И на всякомъ мѣстѣ останавливался смотрѣть и

соображаться съ мыслями о томъ, къ чему бы которое мѣсто было способнѣе и гдѣ бы произвести мнѣ водяныя, гдѣ лѣсныя, гдѣ луговыя украшенія, гдѣ обдѣлать, сообразно съ новымъ видомъ, бугры и горы, гдѣ произвести каменные осыпи, гдѣ проложить широкія, удобныя для ѣзды, и гдѣ узкія, назначаемыя для одного только хода, дороги и дорожки, гдѣ смастерить разныхъ родовъ мосточки, и потомъ гдѣ-бъ со временемъ произвести и разныя садовыя зданія и отдыхающія, и прочее тому подобное. Все сіе, бѣгая и ходя нѣсколько дней сряду по всѣмъ симъ неровнымъ мѣстамъ, не только я придумывалъ, но въ мысляхъ своихъ изображалъ ихъ уже въ томъ видѣ, какой должны они получить по отдѣлкѣ и разросшись. И не успѣвала какая отмѣнная мысль родиться въ моемъ воображеніи, какъ снѣжили уже я изображать ее на бумагѣ не планами и не обыкновенными садовыми чертежами, а ландшафтами и тѣми разнообразными садовыми сценами, какія должны были впредъ имѣть и въ самой натурѣ свое существованіе.

Сообразившись симъ образомъ съ мыслями, подѣлавъ въ воображеніи своемъ цѣлыя сотни разныхъ затѣевъ и набивъ всю голову свою множествомъ разнообразныхъ сценъ и будущихъ видовъ,—приступилъ я къ производству ихъ въ самое дѣйствіе. И какъ скоро земля сколько-нибудь обсохла и можно было уже работать, то, учинивъ нарядъ съ волости множества рабочихъ людей безъ лошадей и съ лошадьми и назначивъ саженью мѣста, гдѣ чему быть,—велѣлъ я кому сравнивать и раскапывать мѣста, бугры и горы, кому рыть углубленія для водоемовъ, кому обнажать и обрывать горы съ ново-открытыми и прекрасными мраморными песками, кому дѣлать набережныя, кому срывать косогорье и проводить дороги, кому возить деревья изъ лѣсу, кому возить камни для обдѣлки иныхъ мѣстъ, кому садить и поливать оныя. И между тѣмъ, какъ все сіе и прочее, тому подобное, по указанію и наставленію моему, производимо было садов-

никами и солдатами, служившими приставами надъ работниками, — самъ я наиболѣе занимался важнѣйшими и такими дѣлами, которыхъ никто, кромѣ меня, не могъ производить въ дѣйство.

Къ симъ относился, во-первыхъ, главнѣйшій нашъ славный водоводъ, который вздумалъ и отважился я сдѣлать, ибо такъ хотѣлось мнѣ неотмѣнно произвести въ саду семь и разныя водяныя украшенія, которыя, какъ извѣстно, наиболѣе ихъ собою украшать могутъ, горы же и бугры, назначаемые подъ сей садъ, были совсѣмъ сухія и не было ни капли воды, — то другого не оставалось какъ провести воду въ него изъ какого-нибудь другого мѣста, и въ такомъ возвышеніи, чтобъ можно было произвести въ немъ не только разнообразныя большіе и маленькіе водоемы, но и водостоки съ шумкомъ, ими производимымъ. Итакъ, принужденъ я былъ вездѣ способную къ тому живую и всегда текущую воду отыскивать. Но такъ случилось, что таковую не могъ я нигдѣ въ близости отыскать. А хотя и нашолъ источникъ, вытекающій изъ горы и, по величинѣ своей, довольно къ тому достаточный, но находящійся безъ мала за двѣ версты отъ сада вверхъ по пруду и отдѣленный отъ сада не только буграми и горами, но и двумя превеликими вершинами. Которое обстоятельство дѣлало почти проведеніе сей воды въ садъ совсѣмъ почти невозможнымъ, или, по крайней мѣрѣ, соединенное съ превеликими затрудненіями. Но какъ сего мнѣ непременно захотѣлось, то, подумавъ и погадавъ хорошенько, какъ бы сіе дѣло сдѣлать, не утратилъ я никакихъ трудовъ и предвидимыхъ препятствій, а рѣшился на то отважиться. учинить, по крайней мѣрѣ, тѣмъ опыты.

Но какъ прежде приступленія къ сему отважному и необыкновенному дѣлу надлежало напередъ узнать, довольно ли помянутая найденная вытекающая въ полу-горѣ вода возвышенна, и не слишкомъ ли низко придется въ случаѣ проведенія ея въ него водоводомъ (а сіе не иначе можно было узнать, какъ чрезъ

точнѣйшее провѣреніе возвышенія того мѣста отъ поверхности пруда и сравнительное провѣреніе и въ саду отъ той же поверхности пруда), — то не успѣлъ я сего сдѣлать, какъ явилось новое затрудненіе, озаботившее меня до чрезвычайности. Оказалось, что вода хотя и могла войти въ садъ, но далеко не въ такомъ возвышеніи, въ какомъ мнѣ хотѣлось, а гораздо ниже, и въ такомъ положеніи, что не стоило почти предпринимать для приведенія оной изъ такой отдаленности столь многихъ трудовъ, сколько нужно было ихъ употребить при дѣланіи водовода. Сверхъ того, случившаяся въ одномъ мѣстѣ крутизна берега и горы никакъ не была способна къ проведенію чрезъ ее воды. Словомъ, затрудненіе сіе было столь велико, что я едва-было не принужденъ былъ разстаться съ своимъ наилучшимъ изъ всѣхъ замысловъ и прожектвъ, и находился въ превеликомъ о томъ недоумѣніи.

Наконецъ, родилась во мнѣ мысль и желаніе испытать, не возможно ли источникъ сей воды какимъ-нибудь образомъ повысить и поднять такъ, чтобъ онъ вытекалъ изъ горы аршина четыре выше прежняго. Не успѣлъ я сего вздумать, какъ въ тотъ же мигъ поскакалъ туда на дрожкахъ, сталъ новое сіе предпріятіе обдумывать прилежнѣе и вымышлять къ тому наудобнѣйшія средства. Нѣсколько часовъ не соглашался я самъ съ собою, поелику дѣло сіе было совсѣмъ необыкновенное. Наконецъ, остановился при одной мысли и средствѣ, и рѣшился испытать оное. Но первые опыты мои были совсѣмъ неудачны, и неудача сія опять чуть-было меня не остановила. Но наконецъ получилъ внезапно еще новую мысль, положилъ произвести и ее въ дѣйство, и, не взирая на все, сколь много трудовъ и работы къ тому ни требовалось, тотчасъ и приступилъ къ тому. И, къ неопisanному удовольствію, достигъ наконецъ до желаемого и открылъ тотъ новый способъ возвышенія ключевой воды чрезъ засыпаніе оной пескомъ, который описанъ былъ потомъ мною въ моемъ

«Магазинъ», и при помощи котораго дѣйствительно удалось мнѣ поднять упомянутую воду болѣе четырехъ аршинъ въ высоту, и произвести искусствомъ водной ключъ, подобный во всемъ натуральному.

Преоборъвъ сіе напважнѣйшее затрудненіе, сталъ я помышлять о сдѣланіи замыслимаго водовода, который хотѣлось мнѣ сдѣлать наипростѣйшимъ и такимъ образомъ, чтобъ онъ казнѣ не стоилъ ни полунки. Но не успѣлъ я его начать и повести воду по ватерпасу маленькимъ и узенькимъ ручейкомъ, проводимымъ въ полу-горѣ по косогору, какъ повстрѣчалось со мною новое затрудненіе, чуть-было опять не остановившее все дѣло. Оказалась въ косогорахъ сихъ земля столь рыхлая, что вода въ ручейкѣ никакъ не могла держаться, но почти вся тотчасъ уходила въ нѣдры оной, и сдѣлался опять вопросъ, какъ быть и чѣмъ пособить сему новому затрудненію. По особливому счастью, была мною около самаго сего времени и въ самой близости отъ сего мѣста открыта особаго рода синяя и такая глина, которую можно было чекмариами разбивать въ самые тонкіе, но при всемъ томъ очень плотные и къ пропущенію сквозь себя воды никакъ неспособные пласты, на подобіе листовъ свинцовыхъ. Итакъ, не долго думая, положилъ я плотностію и особливою вязкостью сей глины воспользоваться. И, приказавъ набить изъ ней поболѣе пластовъ, дно и бока моего водоводнаго ручейка ею выстлалъ и сплотивши ихъ хорошенько между собою, усыпалъ сверху пескомъ. А сіе и удержало воду и помогло мнѣ водоводъ свой довести до желаемого совершенства.

Но скоро повстрѣчавшіяся съ нимъ упомянутыя двѣ большія и глубокія вершины заставили меня опять думать о томъ, какъ бы мнѣ водоводъ свой перевести чрезъ оныя. Сперва думалъ я учинить то при помощи жолубовъ. Но какъ показалося мнѣ сіе слишкомъ за-

труднительнымъ, поелику надлежало дѣлать къ тому многіе жолуба и высокія подъ нихъ согражденія, то, при размысленіи о семъ предметѣ, родилась во мнѣ опять новая и удачная мысль. А именно: чтобы, не дѣлая сихъ жолубовъ и согражденій, продолжать итти съ ватерпасомъ и вести свой водоводъ вдоль вершинъ вверхъ и продолжать итти по обочинѣ оныхъ до тѣхъ поръ, покуда водоводъ самъ собою перейдетъ чрезъ дно вершины и гдѣ нужно было только перепустить ее чрезъ ровъ однимъ только небольшимъ жолубкомъ, а потомъ, такимъ же образомъ, итти и по другому берегу вершины назадъ и такъ продолжать далѣе. А сіе совѣтъ новое и необыкновенное средство, къ неопisanному моему удовольствію, и удалось мнѣ совершенно по желанію и помогло мнѣ наконецъ довести воду до самаго дна и въ такомъ возвышеніи въ полугорѣ, что я могъ воспользоваться ею и надѣлать множество въ немъ водяныхъ украшеній, а особливо прекрасныхъ водостокъ. Но признаться надобно, что все сіе стоило многихъ трудовъ и работъ, ибо во многихъ мѣстахъ, для удобнѣйшаго проведенія моего водовода, принуждены мы были много раскапывать слишкомъ крутыхъ косогоровъ и дѣлать въ полу-горѣ широкіе уступы, но которые послѣ послужили мнѣ къ сдѣланію новыхъ для сада сего и отмынныхъ украшеній, и спокойныхъ дорогъ для ѣзды и гулянья.

Другое и также весьма важное дѣло, требовавшее, такимъ же образомъ, собственнаго моего распоряженія, относилось до упомянутой крутой и высокой горы съ мраморными открытыми песками. Гора сія, или паче крутой, утесистый и высокій берегъ пруда находился въ самой близости дворца, на верху горы стоявшаго. И не успѣли работные люди обнажить весь твердой песчаной матеріаль оной и срыть съ него всю землю и прочую дрянъ, какъ я ахнулъ даже отъ удивленія, увидѣвъ, что скрывалася тутъ

подъ землею совершенная и такая рѣдкость, какой едва ли гдѣ въ иномъ мѣстѣ на свѣтѣ отыскать было можно. Грунтъ или паче пикъ сей горы, составленный изъ одной огромной штуки, былъ хотя весь чисто песчаный, но песокъ соединенъ былъ натурою такъ плотно и крѣпко, что никакъ не сыпался, а можно было его пилить пилою и рубить топоромъ, на подобіе самаго мягкаго камня. А сверхъ того оказался не вездѣ одинакова цвѣта. Но натура произвела въ семь мѣстѣ съ нимъ сущую игру и испестрила его столь разноцвѣтными и разнообразными жилами, полосками, крапинками и пятнами, что недоставало понятія челоуѣческаго къ постиженію, какъ все это могло сдѣлаться. Въ однихъ и множайшихъ мѣстахъ были жилочки, какъ кровь, или какъ карминъ, красныя по блѣдному грунту; въ другомъ были онѣ розовыя, нѣдѣ пурпуровыя, нѣдѣ зеленоватыя, въ другихъ мѣстахъ разныхъ желтыхъ и кофейныхъ колеровъ и расположены между собою столь удивительно, что не можно было довольно тѣмъ никогда надивиться и красотою ихъ налюбоваться.

Не успѣлъ я все сіе увидѣть, какъ вспламенилось во мнѣ желаніе произвести изъ сей горы новое и необыкновенное также дѣло: и не только просѣчь во внутрь ея нѣкоторый родъ свѣтлыхъ и просторныхъ, и удобныхъ для ходьбы пещеръ, произведя сіе въ наилучшемъ и прекраснѣйшемъ слоѣ оныхъ, но и всю наружность сей горы и ограду обдѣлать такъ, чтобъ она представляла собою нѣкоторый родъ пышной и величественной развалины нѣкакова подземельнаго зданія, со входами въ нее по крыльцамъ, съ ступенями и остатками изломавшихся колоннъ, части карниза и съ нѣсколькими дверьми и окнами. И все сіе произвелъ я почти собственнымъ своимъ трудомъ, или, по крайней мѣрѣ, ежеминутнымъ указаніемъ каменщикамъ, какъ все дѣлать и изъ песку выпиливать и вырубать. Словомъ, мнѣ и тутъ удалось произвести почти сущее чудо или, по меньшей мѣрѣ, такую рѣдкость, которую впоследствии

времени всѣ бывавшіе въ саду имъ не могли довольно надивиться и какой ни въ какомъ иномъ саду не находилось. Сами иностранные путешественники признавались, что они нигдѣ подобнаго сему не видывали.

Между тѣмъ какъ все сіе мною производимо было, продолжалась у насъ садка деревь и обработка прочихъ мѣстѣ. И какъ въ обыкновенное для садки весеннее время далеко не успѣли мы всѣхъ нужныхъ лѣсочковъ и деревь насадить, то, желая скорѣе дать саду моему образованіе и видъ, отважился я на третье и столь же достопамятное предпріятіе, а именно: чтобъ садить деревья, совсѣмъ уже развернувшіяся и одѣвшіяся совершенно своимъ листомъ. И, къ неопisanному удовольствію моему, получилъ я въ томъ успѣхъ возжелѣнный и превзошедшій все мое чаяніе и ожиданіе. Всѣ посаженные симъ образомъ деревья, будучи прилежно поливаемы, не только не засохли, но продолжали себѣ по прежнему расти. Чрезъ то имѣлъ я удовольствіе въ теченіе одной весны видѣть садъ сей въ такомъ уже состояніи и наполненной толь многими рощицами и лѣсочками и украшенной столь многими разныхъ родовъ украшеніями, что и лучшимъ аглицкимъ садовникамъ не можно было никакъ произвести все сіе въ столь короткое время, и, что всего лучше, безъ всякаго казнѣ ущерба, или съ издержками, ничего совсѣмъ незначущими.

Но сего довольно будетъ на сей разъ. Письмо сіе достигло уже до своихъ предѣловъ, итакъ, дозвольте мнѣ оное на семь мѣстѣ пресѣчь и, предоставивъ прочее письму будущему, сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Февраля 1-го дня 1810 г. Дворениново).

Письмо 217-е.

Любезный пріятель! Въ помянутыхъ садовыхъ работахъ препроводилъ я всю весну и занимался ими съ толикою прилежностію, что во все сіе время ничего почти другаго не дѣлалъ, да и дѣлать

было некогда, ибо какъ при оныхъ работахъ, производимыхъ множествомъ людей, и въ мѣстахъ разныхъ и другъ отъ друга отдаленныхъ, необходимо требовалось ежеминутное почти мое указываніе и распоряженіе, и я принужденъ былъ всюду-и-всюду ѣздить и ходить, а иногда даже для поспѣшенія бѣгать, то и занимали онѣ меня всякой день съ утра до вечера, такъ что, по пословицѣ говоря, одна заря меня выгоняла изъ дому, а другая вгоняла, да и въ самомъ дѣлѣ я прихаживалъ или пріѣзжалъ домой только что обѣдать.

Но какъ труды, хлопоты и заботы мои были тогда ни многочисленны, но не могу сказать, чтобъ были онѣ мнѣ отягонительны; причиною тому было то, что я всѣ оныя труды поднималъ не поневолѣ и не по принужденію какому, а самопроизвольно и болѣе для удовлетворенія собственною своею охоты и склонности, а потому они не только облегчались, но и услаждались ежечаснымъ удовольствіемъ, чувствуемымъ при отдѣлкѣ всякой частички или при выдумываніи чего-нибудь еще новаго, и производства того въ дѣйство.

Итакъ, за сими внѣшними работами, комнатными и обыкновенными моими упражненіями заниматься не было мнѣ почти совсѣмъ времени. Совсѣмъ тѣмъ, нельзя сказать, чтобъ и онѣ совсѣмъ были позабыты: во всѣ праздничные и воскресные дни, да и въ самые рабочіе въ тѣ часы, когда работники отдыхали, или въ которые мнѣ сколько-нибудь отъ нихъ отлучиться было можно, то хватался я тотчасъ либо за перо и бумагу, либо за кисти и краски, и что-нибудь, ущипками и урывками, либо писалъ, либо рисовалъ. А сверхъ того было у насъ съ сыномъ въ сіе время и новое совсѣмъ еще упражненіе, а именно: какъ при разрываніи и обдѣланіи помянутыхъ песчаныхъ горъ получались многія глыбы, обрѣзки и куски песковъ разноцвѣтныхъ, то затѣяли мы ихъ не бросать, а употреблять въ пользу и, опиливая и обтирая оныя, дѣлать изъ нихъ отчасти цѣльныя, отчасти изъ разныхъ

песковъ составныя штучки и фигурки, какъ-то: пирамидки, пьедесталки, столбики и прочее, и тому подобное; а изъ остальныхъ штукъ и обрѣзковъ—плоскія и тонкія четвероугольныя разной величины плиточки или досечки и набирать изъ нихъ цѣлыя коллекціи песковъ разноцвѣтныхъ и укладывать оныя въ нарочно дѣлаемые для того плоскіе ящички, которые впослѣдствіи времени сдѣлались такъ достопамятны, что могли служить украшеніями натуральныхъ кабинетовъ и могли разсылаемы быть въ подарки, и наконецъ, даже до того дошло, что наша академія посылала ихъ въ подарокъ въ кунсткамеры въ нѣкоторые государства, чего они по справедливости и стоили, ибо я со временемъ коллекціи сіи довелъ до такого совершенства, что не стыдно было съ ними куда показаться, и нѣкоторые изъ нихъ хранились, и понынѣ у меня служатъ тому доказательствомъ и памятниками.

Въ дѣланіи сихъ коллекцій и помянутыхъ разнаго рода штучекъ, упражнялся не столько я, сколько любопытный сынъ мой. И мнѣ обыкновенно нужно только было учинить начало и дѣло затѣять и выдумать, и тогда его уже дѣло было трудиться и отчасти дальнѣйшее и плутчее придумывать. Къ тому былъ онъ въ сіе время уже довольно способнымъ.

Всѣми сими дѣлами и работами наиболѣе я для того поспѣшалъ, что въ сіе лѣто дожидались мы пріѣзда къ намъ самого намѣстника, который въ сіе лѣто вознамѣрился всѣ города Тульской губерніи объѣздить и осмотрѣть. Итакъ, мнѣ хотѣлось сколько-нибудь поболѣе въ саду къ пріѣзду его сдѣлать, и тѣмъ ему доказать, сколь старателенъ я къ выполненію его желаній. И какъ пріѣзда его ожидали мы въ концѣ іюня, то и сей весь мѣсяцъ занимался я тѣми же въ саду работами. И чѣмъ ближе приближалось время его къ намъ пріѣзда, тѣмъ болѣе усугублялъ я свои старанія, и успѣлъ къ сему времени не только помянутой свой водоводъ привести къ окончанію, но смастерить еще и другой изъ

ближней вершины, перехвативъ въ ней воду въ сосѣднемъ небольшомъ источникѣ и довести сію воду почти къ самому дворцу, и въ такомъ возвышеніи, что можно мнѣ было предъ самымъ онымъ и на верху самой сей горы сдѣлать водоемы и украсить ими ближайшія мѣста къ дому. Кромѣ сего, достопамятно, что предъ самымъ почти приѣздомъ намѣстника въ Тулу, получить я первую мысль о дѣланіи въ садахъ тѣхъ новаго рода обманныхъ украшеній, которыя впослѣдствіе времени сдѣлались столь знаменитыми и привлекли на себя вниманіе и даже пріятное удивленіе многихъ знаменитыхъ особъ, въ каковыхъ, сдѣланными у себя послѣ въ деревни, и понынѣ я еще утѣшаюсь.

Ожидаемый приѣздъ намѣстника въ Тулу и не замедлился. Онъ приѣхалъ туда около половины іюня и тотчасъ меня къ себѣ вытребовалъ. Итакъ, ѣздивъ я къ нему и возилъ нѣкоторые планы и бумаги съ донесеніями по волостнымъ дѣламъ, и онъ опять принялъ меня очень хорошо, и былъ исполненіемъ его приказаніевъ очень доволенъ, а особливо пріятно было ему, что и саду учинено было уже успѣшное начало. Хотя я ему объ немъ и вскользь только сказывалъ, а о лучшихъ съ умысла умолчалъ, дабы тѣмъ болѣе его удивить по приѣздѣ. Въ сей разъ онъ продержалъ меня въ Тулѣ не долго, но, переговоривъ обо всемъ со мною и давъ нѣкоторыя новыя приказанія, отпустилъ меня, сказавъ, что въ концѣ сего мѣсяца, дней чрезъ десять приѣдетъ онъ и самъ къ намъ, и чтобы я его къ тому времени къ себѣ дожидался.

Все сіе побудило меня еще и болѣе въ сіе достальное время до его приѣзда потрудиться, и какъ мнѣ въ особенности хотѣлось удивить его своею новою выдумкою, о которой я ему еще ничего не сказывалъ, то тотчасъ, по возвращеніи своемъ въ Богородицкъ, и принялся я за произведеніе въ дѣйство своей выдумки, которая состояла въ слѣдующемъ:

Неподалеку отъ того мѣста, гдѣ поднималъ я ключъ, и откуда повелъ я свой

главной водоводъ, находились въ высокомъ берегѣ пруда одна крутая и почти въ утесъ осыпь, простирающаяся въ длину сажень на двадцать. Изъ сей осыпи вздумалось мнѣ сдѣлать особенную штуку и такое обманное украшеніе, какого нигдѣ еще до того дѣлано не было, а именно: мнѣ хотѣлось нарисовать на ней въ перспективическомъ видѣ нѣкоторой родъ развалины или часть стариннаго какого-нибудь монастыря и назади съ башенками и вблизи воротамъ, и кой-гдѣ въ каменныхъ стѣнахъ окошками. И какъ осыпь сія находилась версты за полторы отъ дворца и была вся очень видна за прудомъ съ большой тульской дороги, то избралъ я для нарисованія оной одинъ пунктъ на самой сей большой дорогѣ, и изъ онаго и изобразилъ картину сію въ перспективическомъ видѣ и въ такой величинѣ, чтобы она могла здѣсь всякаго проезжающаго большою дорогою и въѣхавшаго на сей пунктъ обманывать, и заставить почитать сіе дѣйствительно стариннымъ какимъ-нибудь разрушающимся зданіемъ. Но какинъ образомъ картину сію изъ за пруда и разстояніемъ сажень на сто или болѣе нарисовать—къ тому потребна была особая выдумка. Однако, я скоро догадался какъ это сдѣлать: я велѣлъ навозить туда бѣлыхъ дралицъ и узкаго кровельнаго теса и, уложивъ ими, по примѣру позднему, вмѣсто карандаша всѣ черты, долженствующія означать ворота, стѣну, видимыя за нею верхи зданій и башенки, поѣхалъ самъ за прудъ и, ставъ на избранномъ, на дорогѣ, пунктѣ, смотрѣлъ на изображенный дралицами рисунокъ, и гдѣ надобно было ихъ поправить и положить, либо прямѣе, либо косѣе, либо въ которую-нибудь сторону отнестъ оттуда, крича въ сдѣланную на скорости изъ политуры трубу, приказывалъ находящимся тутъ за прудомъ людямъ, какъ надобно исправлять и перекладывать, и уравнивши все по желанію, поѣхалъ опять самъ туда и велѣлъ по симъ дралицамъ землю срывать и оную—гдѣ бѣлыми песками—гдѣ желтыми, гдѣ известью усы-

пять; а назначенныя кровли для означенія, будто они черепичныя, укладывать сплошь кирпичнымъ щепнемъ; ворота же и окошки усыпать угольями. Словомъ, я смастерилъ сіе новое дѣло такъ удачно и хорошо, что, окончивши оное и поѣхавъ за прудъ на дорогу на фигуру свою взглянуть, вспрыгался почти самъ отъ радости и удовольствія, увидѣвъ, что она такъ натурально походила на настоящее зданіе, какъ нельзя было лучше, и обмановала зрѣніе совершеннѣйшимъ образомъ.

На все сіе употреблено было не болѣе трехъ дней работы нѣсколькимъ людямъ, а кошту ни малѣйшаго она ни стоила. Мы не успѣли ее кончить, какъ и получили извѣстіе, что намѣстникъ наутріе изъ Тулы отправится. Итакъ, намѣреніе мое было сею нововыдуманною штукаю сдѣлать ему первой сюрпризъ и ею его такъ-сказать встрѣтить, то, желая видѣть, какое она произведетъ дѣйствіе, и выѣхалъ я къ нему за нѣсколько верстъ на встрѣчу.

Намѣстникъ не успѣлъ меня увидѣть, стоящаго въ лѣсу на дорогѣ и его ожидающагося, какъ велѣлъ тотчасъ остановиться каретѣ и, принявъ отъ меня подаваемой репортъ, съ особливою благосклонностію пригласилъ къ себѣ сѣсть въ карету, въ которой, по счастью, случилось одно порожнее мѣсто, ибо онъ ѣхалъ только самъ третей съ губернскимъ землемѣромъ и еще однимъ чиновникомъ. Легко можно заключить, что я съ удовольствіемъ принялъ сіе предложеніе и, вступивъ тотчасъ съ намѣстникомъ въ разговоры, съ крайнею нетерпѣливостію дожидаясь покуда мы подъѣдемъ къ тому пункту, на дорогѣ котораго все мое обманное зданіе въ наилучшемъ своемъ видѣ представлялось зрѣнію, и боялся невѣдомо какъ, чтобъ карета не проскакала мимо и не допустила намѣстника взглянуть на предметъ сей. Но, по счастью, велѣлъ онъ, какъ нарочно, каретѣ тише ѣхать, дабы тѣмъ удобнѣе можно было ему полюбоваться на всѣ окрестности, за прудомъ находящіяся; но совсѣмъ тѣмъ упустилъ бы онъ мою фигуру изъ примѣчанія, если бы, по особливому счастью, не вздумалось

взглянуть на сіе мѣсто бывшему съ нимъ губернскому землемѣру. Сей не успѣлъ фальшивое зданіе мое увидѣть, какъ, въ полной мѣрѣ обманувшись исочтя его дѣйствительнымъ стариннымъ зданіемъ, перекрестился и воскликнулъ: «какъ же это я сего стариннаго зданія не видалъ, кажется не одинъ разъ и бывалъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и все замѣчалъ и описывалъ; а это какъ-то мнѣ на глаза не попало!» Сіе въ тотъ же моментъ побудило взглянуть на него и намѣстника. Сей также, поразившись неожиданностью сего зрѣлища и хотя его поболѣе разсмотрѣть, закричалъ, чтобъ карета остановилась, и также сказалъ: «не только, судырь, вы, но и мнѣ не случилось его никогда запримѣтить»; и обратясь ко мнѣ, спросилъ: «что это за зданіе, Андрей Тимоѣевичъ, и какъ же это мы его не видали». Г-нъ Давыдовъ подтверждалъ тоже и также только дивился. Тогда я, смѣючись, отвѣчалъ: «вашему превосходительству да и ни какъ не можно было этого и видѣть, потому что это зданіе дни за три до сего совсѣмъ еще не существовало и въ одну почти ночь воздвигнуто какими-то духами для доставленія вашему превосходительству пріятной минуты при возрѣніи на оную, при вашемъ сюда прибытіи».—«И, шутишь! воскликнулъ намѣстникъ, сіе услышавъ, нѣтъ, право, Андрей Тимоѣевичъ, скажите, что это за зданіе?»—«Признаться надобно, ваше превосходительство, сказалъ я на сіе, что оно обманное и тамъ ни мало не существующее, и стоимшее только двухъ дней работы, и сдѣлано только для прибытія вашего».—«Помилуй, воскликнулъ удивившійся еще болѣе намѣстникъ: это что-то мудреное и невиданное, да какъ это и какимъ это образомъ, и изъ чего ты это сдѣлалъ?»—«Совсѣмъ изъ ничего, ваше превосходительство, сказалъ я: все это зданіе не стоитъ ни полунки, и все состояло только въ томъ, что я велѣлъ на крутомъ этомъ берегу пруда усыпать кое-чѣмъ землю, гдѣ извѣстью, гдѣ пескомъ, гдѣ угольемъ, гдѣ дѣлалъ кирпичнымъ щепнемъ».—«Не

въ правду ли», воскликнулъ опять намѣстникъ: «и тамъ подлинно ничего построеннаго нѣтъ!»—«Точно такъ, ваше превосходительство».—«Но какъ это такъ хорошо обманываетъ зрѣніе, и какая прекрасная выдумка! Нарочно пойду туда смотрѣть, какъ это такъ хорошо смастеровано и сдѣлано!»—«О, ваше превосходительство, тамъ не найдете вы ничего зрѣнія достойнаго, а сушій только вздоръ, ни на что не похожій. Въ лучшемъ видѣ оно съ сего мѣста только представляется зрѣнію».—«Ну, Андрей Тимоѣевичъ», сказалъ на сіе намѣстникъ: «этотъ для меня сюрпризъ отъиной мнѣ пріятенъ, и я васъ очень благодарю за сіе доставленное мнѣ удовольствіе. Эта штука достойна подражанія, и какъ это тебѣ вздумалось?»—«Какъ-нибудь, ваше превосходительство, сказалъ я, и желаніе вамъ угодить было моимъ наставникомъ».

Легко можно заключить, что удовольствіе мое въ тѣ минуты было чрезвычайное. Мы проговорили о семъ во все достальное наше путешествіе, и я долженъ былъ рассказывать намѣстнику, какимъ и какимъ образомъ я сіе дѣлалъ, и всѣ не могли довольно расхвалить сію мою новую выдумку. Но я ласкался надеждою, что удивлю ихъ все еще больше своимъ садомъ и прочими вещами.

Какъ сей пріѣздъ намѣстника къ намъ былъ еще первой, по полученіи волостей нашихъ въ свое начальство, то расположился онъ квартировать въ сей разъ не у знакомыхъ, а уже у насъ въ самомъ дворцѣ, гдѣ все для принятія его было и приготовлено. Тутъ не успѣлъ онъ въ него войтить, какъ взглянувъ изъ него на построенный уже совсѣмъ городъ, поразился опять пріятнымъ удивленіемъ, увидѣвъ, что всѣ главныя улицы стекались къ нему, какъ къ средоточію, и привужденъ былъ опять воскликнуть: «ахъ какъ это хорошо вздумано!» И, обратясь опять ко мнѣ, сказалъ: «Мнѣ, судырь, сказывалъ Матвѣй Васильевичъ, что и это была ваша мысль и весь планъ города дѣланъ вами, и мы васъ за сіе благода-

римъ». На сіе не оставалось мнѣ инымъ отвѣтствовать, какъ низкимъ поклономъ.

Отдохнувши нѣсколько минутъ и поговоривъ съ собравшимися къ намъ нашими городскими чиновниками и, напившись горячаго, сказалъ мнѣ: «Какъ бы, Андрей Тимоѣевичъ, походить бы намъ съ вами; кажется еще довольно рано и не скоро наступитъ вечеръ, и мы успѣемъ еще кой-гдѣ побывать».—«Очень хорошо, ваше превосходительство», сказалъ я. — «Ну поведите-жъ, меня, судырь, куда прикажете».—«Вамъ не угодно ли въ садъ?» Намѣстникъ улыбнулся при семъ словѣ, думая безсмысленно, что въ немъ ничего еще зрѣнія достойнаго нѣтъ, и сказалъ: «Ну, хоть въ садъ, то-есть въ будущій! Но, по крайней мѣрѣ, посмотримъ, какое начинаете вы дѣлать ему расположеніе. Я вижу, судырь, что у васъ, вотъ предъ домомъ, уже поразровнено и сдѣланъ порядочный сходъ и площадка», и сказавъ сіе, взялъ шлану и трость и пошелъ. Тутъ, сводя его съ большаго дерновнаго, придѣланнаго къ дому, крыльцу, повелъ я его не внизъ, а вправо по ребру горы, и нарочно по такимъ мѣстамъ, гдѣ ничего еще почти сдѣлано не было, дабы худшее показать ему напередъ, а лучшее — послѣ. И въ нѣкоторое предвареніе ему сказалъ: «Извините меня, ваше превосходительство, что не успѣлъ я еще сдѣлать. Время было слишкомъ коротко, и много здѣсь было работы на всемъ этомъ мѣстѣ, и (показывая ему весь обширный лѣсъ, вправо отъ дороги находящійся) за годъ до сего занято было кой-какимъ скареднымъ мелкимъ строеніемъ, сидѣла тутъ цѣлая слобода церковная, и какъ она за годъ до сего вся до основанія сгорѣла, то не осталось тутъ ни одного деревца и ни одного прутника. Было одно только пожарище и ямы, печные остатки и другія неровности, и всѣ ихъ надобно было разравнивать и зарывать и тѣмъ занимать не мало время».

Между сими словами дошли мы до первыхъ моихъ древесныхъ насажденій на горѣ, по большой подлѣ зданія дорогѣ, проложенной между ими и усыпанной

пескомъ. И намѣстникъ не успѣлъ увидѣть сіи лѣсочки или древесную часть кулиги, какъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Какъ же, судырь, вы говорили, что не осталось на всемъ этомъ мѣстѣ ни одного деревца и кусточка отъ пожара, ну, а это что-жъ за лѣсочки?» — «Конечно не осталось, ваше превосходительство, и не было на всей горѣ этой ни одного прутика, и ни какой воды и ни одного камешка; а все, что ваше превосходительство изволили видѣть, сдѣлано нынѣшнею весною и лѣтомъ». — «Какъ это, остановившись и удивившись, онъ спросилъ; неужели всѣ эти лѣсочки и деревья насажены и такъ хорошо принялись, что я истинно подумалъ, что они давно уже тутъ растутъ?» — «Точно такъ, ваше превосходительство, сколько могъ успѣть, то посадилъ я ихъ весною, но какъ время собственно весною садить очень коротко и мѣста были еще не разровнены и не приготовлены, то, желая доставить вашему превосходительству сколько-нибудь болѣе удовольствія, сажалъ я ихъ по большей части уже въ самое лѣто и какъ онѣ уже озеленѣли совершенно». — «Я благодарю за сіе, сказалъ усмѣхнувшись намѣстникъ, только жаль, что труды сіи пропадутъ и они засохнутъ всѣ до единого». — «А я осмѣливаюсь, подхватилъ я, въ противномъ ваше превосходительство увѣрить, и того, чтобы было такъ, я никакъ не ожидаю; небольшой мною сдѣланной опытъ въ прошломъ году доказалъ, что садить ихъ симъ образомъ съ малымъ листомъ можно и что они не только не засыхаютъ, но продолжаютъ по-прежнему расти, а потому и отважился я и всѣ сіи произвести насажденія и они у меня удались по желанію. Извольте сами, ваше превосходительство, видѣть, что ни одно изъ нихъ не засохло, а всѣ подросли какъ были въ лѣсу, хотя уже тому нѣсколько недѣль прошло, какъ они посажены. Сіе еще болѣе его удивило. «Ну, судырь, сказалъ онъ, и это я вижу еще впервые и опытъ вашъ достоинъ похвалы и замѣчанія; но, помилуй, неужели и вотъ эти

высокія уже и прекрасныя березовыя рошцы, которыя я тамъ вижу, посажены также недавно?» — «Точно такъ, ваше превосходительство, въ началѣ сего еще мѣсяца». — «Ну, этому бы я уже никакъ не повѣрилъ. Право, прекрасно! И какое множество успѣли вы уже насадить! какіе прекрасныя лѣсочки, какія рошцы, какіе кусточки и съ какимъ хорошимъ вкусомъ все вы расположили повсюду. Признаюсь, судырь, что, идучи сюда, я никакъ этого не ожидалъ, а думалъ найти пустыя только мѣста и дерева, едва развертывающіяся, а, напротивъ, вижу оныя готовыя уже и такими, подъ которыми уже съ удовольствіемъ гулять можно. Это для меня также сюрпризъ, и очень пріятный, и я вамъ весьма благодаренъ за сіе».

Въ самое сіе время подошли мы къ одному ручейку съ сдѣланнымъ чрезъ него прекраснымъ мосточкомъ, а недалеко отъ него къ одному водостоку, производящему собою пріятный шумочекъ. Сіе вразъ намѣстника остановило и побудило, обратясь къ послѣдовавшимъ за нимъ многимъ, только что пріѣхавшимъ къ намъ чиновникамъ, сказать: «Посмотрите, государи мои, не только цѣлые лѣсочки у него тутъ въ одинъ моментъ выросли, но какіе подѣлалъ вездѣ мосточки, какіе ручейки и шумочки стекающихъ водъ и какіе прудочки, и все это въ такое короткое время». При сихъ словахъ подхватилъ я и ему сказалъ: «Вотъ и вода сама, которой ваше превосходительство изволили видѣть, не было здѣсь ни единой капли». — «Да откуда вы ее взяли?» спросилъ съ поспѣшностью меня паки удивившійся намѣстникъ. — «Откуда, помогая нуждѣ своей, уже привелъ ваше превосходительство, сказалъ я, а мнѣ хотѣлось оживить садъ сими шумочками и поукрасить водами и такъ принужденъ былъ придумывать къ тому способъ». — «Это очень хорошо, сказалъ намѣстникъ, но, помилуй, неужели и этотъ ручей не натуральный, а сдѣланный?» — «Точно такъ, ваше превосходительство, и текущій издадека». — «А откуда же?»

— «Да вотъ изъ самаго того мѣста, гдѣ ваше превосходительство изволили любоваться обманнымъ зданіемъ». — «Неужели вправду оттуда?» — «Точно такъ, ибо ни гдѣ, кромѣ того мѣста, не могъ я отыскать нужный для воды источникъ». — «Но какъ же это вы оттуда ее провели?» — «Маленькимъ ничего не значущимъ и ничего не стоящимъ водоводомъ, и мнѣ, по счастію, удалось его поднять». — «Но чрезъ вершины же какъ вы ее перевели? Я замѣтилъ тутъ двѣ превеликія вершины». — «Перевелъ какъ-нибудь и чрезъ нихъ, ваше превосходительство, и также самымъ простымъ и безубыточнымъ способомъ и мнѣ стало то одной только небольшой выдумки». — «Но всѣ эти выдумки у васъ очень хороши», сказалъ намѣстникъ. — «Нужда чего не дѣлаетъ, ваше превосходительство, но мнѣ не столько сей водоводъ навелъ затрудненія, какъ самый ключъ, изъ котораго я его повелъ. Случился онъ въ горѣ очень низко, но мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ былъ выше и вода могла бы проведена быть къ сему мѣсту, а не ниже, чтобъ мнѣ можно было воспользоваться для сдѣланія сего въ полугорѣ водоема и сихъ водостоковъ, и такъ, помогая своей нуждѣ, принужденъ я былъ подниматься на хитрости и придумать средство какъ бы его поднять аршина на четыре выше». — «Что-жъ и удалось, вамъ это?» — «Удалось, ваше превосходительство». — «Ну, судырь, любопытенъ бы я былъ видѣть какъ вы сіе сдѣлали, но жаль, что уже поздненько мнѣ туда идти, а завтра нарочно туда пойду». — «Очень хорошо, ваше превосходительство, а между тѣмъ не изволите [ли] сюда внизъ, а потомъ на гору и посмотреть достальное чтѣ сдѣлано». — «Хорошо, хорошо, судырь, сказалъ намѣстникъ, ведите меня куда хотите, съ превеликимъ любопытствомъ хочу все видѣть».

Въ самое сіе время увидѣлъ я, что нѣкоторые изъ господъ тульскихъ, пріѣхавшіе съ намѣстникомъ, между тѣмъ какъ мы съ намѣстникомъ разговаривали, взбѣжали на самый верхъ, нахо-

дящійся недалеко отъ сего мѣста, [на] большую дерновую улитку, и взошедшіе на самый верхъ, кричали намѣстнику: «извольте посмотрѣть, ваше превосходительство, какая у него сдѣлана здѣсь прекрасная штука». Сіе побудило намѣстника взглянуть въ сію сторону и спросить у меня: «это что такое?» — «Бездѣлка, сказалъ я, и игрушка самая: некуда мнѣ было дѣвать выкапываемую изъ сего водоема землю, такъ я велѣлъ сыпать ее въ кучу, которую и обдѣлалъ подъ образъ улитки, какъ изволите видѣть». — «И это хорошо, сказалъ намѣстникъ, и изволь смотрѣть, у него изъ всего дѣлается дѣло». — «Но это не все, ваше превосходительство, съ улиткой сей можно еще и сюрпризъ сдѣлать. Не угодно ли, ваше превосходительство, посмѣяться? Можно сдѣлать, что она въ одинъ мигъ обольется кругомъ водою и господамъ оттуда чрезъ нее и перейти будетъ невозможно». — «Неужто это можно?» — «Я, пожалуй, покажу». — «Я очень, очень любопытенъ это видѣть».

Тогда мигнулъ я моему садовнику, дождавшемуся о томъ уже моего приказанія, и онъ вдругъ отворилъ маленький шлюзъ, сдѣланный у небольшого въ полугорѣ водоема, и тогда вся вода изъ него бросилась въ оный, съ превеликимъ шумомъ, и обливъ въ одинъ мигъ всю улитку, наполнила сдѣланное нарочно для сего и дерномъ устланное кругомъ улитки, хотя не очень глубокое, но столь широкое углубленіе, что черезъ оное перескочить было не можно. Не могу изобразить, какъ неожиданность сія увеселила намѣстника и перетревожила всѣхъ бывшихъ на улиткѣ. Сіи, увидѣвъ ревущую съ горы воду и притомъ ихъ обливающую кругомъ, возмечтали себѣ невѣдомо чтѣ и ну-ка скорѣе отъ улитки бѣжать, чтобъ успѣть уйтись отъ воды; но какъ ни спѣшили, а вода облегла уже вокругъ и составила широкій водяной ровъ вокругъ оной, то никакъ симъ бѣднякамъ ни перейти, ни перескочить было не можно. А намѣстникъ, увидѣвъ то, до слезъ почти смѣялся и кричалъ:

«Ну, ну, господа, пожалуйста сюда къ намъ! и потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: ну, Андрей Тимоѣевичъ, спасибо за выдумку, и это право хорошо. Однако надобно-жъ имъ какъ-нибудь и помочь». — «Это мы тотчасъ и сдѣлаемъ», сказалъ я. Я мигнулъ опять и тотчасъ проявилась широкая доска, переложили ее черезъ сію воду, и господа могли всѣ по оной перейти.

Тогда всѣ начали хохотать и, удивляясь сей штуцѣ, превозносили ее и меня похвалами за выдумку. А я повелъ потомъ намѣстника внизъ, черезъ разные мосточки, за большой и главный водоемъ, сдѣланный внизу, и по набережной плотины, сдѣланной между имъ и большимъ прудомъ и усаженной со вкусомъ лѣсочкомъ, проводя его мало-по-малу къ горѣ съ мраморными песками. Во время шествія сего, намѣстникъ на всякомъ почти шагу любовался всѣмъ расположеніемъ сего водовода, сдѣланными на немъ островками и насаженною на одномъ изъ нихъ прекрасною березовою рощицею и на всякомъ почти шагу изъяснялъ вновь свое ко мнѣ благоволеніе. Но какъ скоро проведя его сквозь густоту одного перелѣска, вывелъ къ горѣ съ мраморными песками, о которой я нарочно ничего еще ему не сказывалъ, то поразился онъ такимъ пріятнымъ удивленіемъ, что не могъ даже долго выговорить ни единого слова, и наконецъ воскликнулъ: «Это что-то опять новое и отменно прекрасное! Помилуй, Андрей Тимоѣевичъ, ты надѣлалъ мнѣ столько сюрпризовъ, что я и не знаю, какъ изобразить мнѣ то удовольствіе, которое оттого чувствую. Скажи ты мнѣ, пожалуйста, что это за штука?» — «Не что иное, сказалъ я, какъ удивительная игра природы, которую нечаянно случилось мнѣ открыть въ сей горѣ, и которою воспользовался мнѣ доставленія вашему превосходительству нѣсколько пріятныхъ минутъ, при узрѣніи сей рѣдкости натуральной; но мнѣ жаль, что время было слишкомъ коротко, и что я не успѣлъ здѣсь всего того произвести

въ дѣйство, что у меня затѣяно, а только почти сію работу началъ».

И въ самомъ дѣлѣ, великолѣпная рюина сія была далеко еще тогда неотдѣлана, и я успѣлъ только сдѣлать одинъ проходъ въ пещерку и часть сей развалины; но и самая малость отдѣланная въ состояніи была удивить всѣхъ и увеселить до безконечности намѣстника. А особливо, когда я ввелъ его въ самую пещеру, прорубленную въ наилучшемъ слоѣ сей горы песчаной, онъ разлюбовался впрахъ и красотѣ песковъ, и удивительнымъ теплѣмъ разноцвѣтныхъ жилъ, оную непряющихъ, и признавался, что онъ впервые еще отъ роду видитъ подобное сему зрѣлище, и не только благодарилъ меня за мои труды, но расхваливалъ впрахъ и намѣреніе мое, о которомъ разсказалъ я ему на короткихъ словахъ. «Ну, твердилъ только онъ, нечего говорить, пословица справедливая, что на охотника бѣжить и звѣрь; такъ-то и здѣсь, и сама натура помогаетъ вамъ, судырь, производить здѣсь дѣла необыкновенныя и рѣдкія и, можно сказать, что эта штука и теперь уже такова, что на нее засмотрѣться надобно, а ежели вы все такъ отдѣлаете, какъ говорите, то мы можемъ съ вами тѣмъ похвалиться, что у насъ садъ такой, какова нигдѣ и ни у кого нѣтъ, и что есть въ немъ такая штука, которая бы вѣрно не обезобразила собою и самый садъ императрицы въ ея Царскомъ Селѣ. Итакъ, пожалуйста, Андрей Тимоѣевичъ, постарайтесь отдѣлать ее какъ можно лучше, и не жалѣйте ни трудовъ и на то кошта самаго, ежели бы къ тому какой требуется». — «Очень хорошо, ваше превосходительство, но кошта никакого дальнѣйшаго къ тому будетъ не надобно — мы и безъ него, можетъ быть, сдѣлаемъ».

Съ цѣлыи часъ мы тутъ почти простояли и проговорили. И намѣстникъ только и твердилъ, что садъ мой выходитъ не шуточный, но такой, о которомъ стоитъ дѣйствительно подумать и не пожалѣть даже и самыхъ коштовъ для дальнѣйшихъ его украшеній. И обратясь ко мнѣ,

между прочимъ, сказала: «Не худо бы, кажется мнѣ, и украсить его нѣсколькими бесѣдочками и садовыми зданіями. Какъ вы думаете, Андрей Тимоѣевичъ?» — «О, ваше превосходительство, отвѣчалъ я на сіе, — сіе давно и у меня было на умѣ, но я не смѣлъ, безъ повелѣнія вашего превосходительства, употребить къ тому ни рубля, а хотѣлъ въ томъ доложиться». — «О, пожалуй, пожалуй! Я съ превеликою охотою даю на то мое дозволеніе. Подумайте о томъ, и скажите только, чтѣ бы надобно было?» — «У меня и есть уже, сказалъ я, кое-какія о томъ мысли и даже самыя начертанія, и если угодно вашему превосходительству, то я и буду имѣть честь и представить оныя на разсмотрѣніе». «Очень, очень хорошо, судырь, и мы тотчасъ рѣшимъ все дѣло».

Симъ и кончился тогда въ саду нашъ съ нимъ разговоръ. И какъ между тѣмъ настали уже сумерки, то пошли мы ко дворцу по спокойнымъ всходамъ, изъ-подъ горы къ нему сдѣланнымъ.

Тамъ нашли мы уже приготовленный вечерній столъ. И намѣстникъ, унявъ меня и нѣкоторыхъ, бывшихъ съ нами, у себя ужинать, между тѣмъ, какъ носили кушанье, мнѣ сказала: «Что, судырь, вы меня песками своими такъ прельстили, и они кажутся мнѣ такою рѣдкостью, что я вознамѣреваюсь даже послать ихъ на показъ самой государынѣ. Какъ бы, Андрей Тимоѣевичъ, выломать кусокъ изъ наилучшаго слоя и, обдѣлавъ кирпичикомъ, велѣть століару сдѣлать маленькій ящичекъ, въ который бы его уложить можно было поплотнѣе, дабы онъ не могъ растрестись во время отвоза». — «Очень хорошо, ваше превосходительство, все это очень скоро и завтра же поспѣть можетъ. У меня глыбы, къ тому способныя, готовыя есть, а спилить и обдѣлать кирпичикомъ очень малаго труда стѣбитъ. Песокъ сей какъ повидимому ни твердъ, но обтирается очень хорошо, и мы даже дѣлаемъ изъ него разныя фигурки. Не угодно ли, вашему превосходительству, ихъ видѣть? Я тотчасъ пошлю и велю принести». — «Очень хоро-

шо, судырь, пожалуйста, пошлите». Я тотчасъ послалъ и черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ и принесли нѣсколько пьедесталиковъ и пирамидку, изъ разныхъ песковъ составленную, и намѣстникъ прежде не сѣлъ ужинать, покуда не налюбовался до-сыта ими и не расхвалилъ меня и за сію выдумку.

Наконецъ, приказавъ принести мнѣ къ нему наутріе всѣ мои прожекты, отпустилъ онъ меня, повторивъ опять благодареніе мнѣ за все мною сдѣланное, и увѣряя, что я ему въ сей день столько доставилъ удовольствій, сколько онъ давно не имѣлъ и много меньше ожидалъ увидѣть здѣсь то, чтѣ онъ видѣлъ.

Симъ образомъ кончился сей первый день его у насъ пребыванія, и я могу сказать, что и для меня преисполненъ онъ былъ удовольствіями превеликими. Всеобщее трудамъ и затѣямъ одобреніе и похвалы наградили меня съ избыткомъ за всѣ труды, хлопоты и безпокойства, при дѣланіи сада мною употребленныя. А всего пріятнѣе было мнѣ слышать то, что они, говоря между собою, не одинъ разъ твердили, что садъ мой расположенъ въ самомъ лучшемъ видѣ, что я дѣла сего мастеръ и не только не уступаю ни въ чемъ наилучшимъ великимъ садовникамъ, но успѣлъ въ самое короткое время то сдѣлать, чего бы лучший изъ нихъ произвести и въ два года не могъ, умалчивая уже о томъ, что, при употребленіи ихъ, стоило-бъ все сіе многихъ тысячъ, а у меня не стоило все казны ни копейки.

А симъ дозвольте мнѣ и сіе письмо, какъ достигнувшее до своей величины, кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Февраля 3 дня 1810 года).

Письмо 218-е.

Любезный пріятель! Предпринимая теперь описывать вамъ исторію втораго дня пребыванія у насъ намѣстника, прежде всего скажу вамъ, что съ наступленіемъ дня, мое первое стараніе было о

приготовленіи песочнаго кирпичика, для отсылки къ государынѣ на показъ песковъ нашихъ. Я велѣлъ принести къ себѣ изъ бывшихъ въ заготовленіи песчаныхъ глыбъ наилучшую и прекраснѣйшую, пспешренную наилучшими розовыми и кровавыми жилками и принялся самъ выпиливать и отбирать изъ нея четвероугольный камень, на подобіе паралелопипеда или кирпичика, и въ немногія минуты кончилъ сіе дѣло. И какъ не сомнѣвался я, что намѣстникъ будетъ ею доволенъ, то, пославъ за старшимъ столяромъ, велѣлъ какъ можно скорѣе смастерить, по мѣрѣ сей штуки, ящичекъ, или, паче, ларчикъ, съ открывающеюся крышкою; а пославъ за пѣмцемъ-переплетникомъ, велѣлъ ему оный оклентъ скорѣе внутри бѣлою, а снаружи наилучшею цвѣтною бумагою. Все сіе произведено было такъ скоро, что поспѣло къ самому тому времени, какъ надлежало мнѣ идти къ намѣстнику, который, по счастію, проспалъ въ сіе утро долго, да и не скоро вышелъ къ намъ, а занимался долго съ своимъ секретаремъ, въ кабинетѣ поспѣшными дѣлами.

Не успѣлъ онъ къ намъ ковсѣмъ, собравшимся опять къ нему, вытти, какъ, поговоривъ минуты съ три съ нашимъ городничимъ и судьями, обратился тотчасъ ко мнѣ и сказалъ: «какъ бы, судырь, намъ камешекъ-то изъ песку велѣтъ выпилить?» — «Онъ у меня уже готовъ, ваше превосходительство, но не знаю, будетъ ли угоденъ?» и тотчасъ выбѣжалъ въ залъ и, взявъ у держащаго его на дощечкѣ, поднесъ къ нему. «Прекрасный, прекрасный! воскликнулъ намѣстникъ, какъ нельзя быть лучше», и сталъ его со всѣхъ сторонъ разсматривать и, имѣ любуясь, говорилъ: «какія это прекрасныя жилки, какое удивительное сплетеніе между ими, сколько разныхъ колеровъ, перемѣшанныхъ даже съ блестками, истинно заглядѣться надобно, и я не сомнѣваюсь, что государыня съ удовольствіемъ на него посмотритъ!» Потомъ сказалъ онъ мнѣ: «какъ же бы велѣтъ, судырь, сдѣлать по точной мѣрѣ его и ящичекъ?» — «Готовъ

и сей», подхватилъ я, и, вышедши опять въ залъ, принесъ къ нему его. — «Вотъ право хорошо, воскликнулъ онъ опять, да когда же ты успѣлъ все это сдѣлать и покленъ еще его?» — «Сегодняшнимъ утромъ, ваше превосходительство, столяръ есть, такъ долго-ль дѣлать?» — «Ну, спасибо; ей, ей спасибо, что вы такъ поспроворили симъ дѣломъ». Послѣ чего и уложили мы сей камешекъ прямо въ ларчикъ и, покрывъ плотно бумажной ватой, закрыли и на крючки заперли.

Все сіе продлилось нѣсколько минутъ времени. И не успѣли мы дѣло сіе кончить, какъ онъ опять мнѣ сказалъ: «Вы хотѣли мнѣ, судырь, показать еще ваши проекты и рисунки украшеніямъ садовымъ». — «И они у меня принесены и здѣсь, ваше превосходительство», и тотчасъ вышедши въ залъ и взявъ ихъ отъ слуги, принесъ къ нему. «Пожалуйте-ка, судырь, пожалуйте, покажите». Я тотчасъ и прежде всего развернулъ ему планъ всему мѣстополюженію вокругъ дома, на которомъ все сдѣланное уже обозначено было красками и тушью, а замышляемое впередъ карандашными чертами. И между тѣмъ какъ онъ его разсматривалъ, сталъ ему я показывать опять всѣ тѣ мѣста, которыя онъ уже видѣлъ, и сказывать о прочихъ, кои еще были не сдѣланы, или замышлялъ я только еще впередъ сдѣлать. Онъ слушалъ всѣ мои слова съ величайшимъ вниманіемъ, и казалось, что было ему все очень угодно. Со всѣмъ тѣмъ, примѣтивъ, что ему все то не такъ было понятно, какъ мнѣ, сказалъ я: «Жаль, что планы сего рода садамъ далеко не такъ могутъ быть для глазъ занимательны и хороши, какъ садовъ регулярныхъ». — «То-то и дѣло, подхватилъ намѣстникъ, тамъ, по крайней мѣрѣ, всѣ черты прямыя и регулярныя, а тутъ нигдѣ ихъ нѣтъ, да и быть не должно». — «Это правда, ваше превосходительство, да и расположить ихъ по планамъ сего рода совсѣмъ неудобно и почти невозможно: тутъ не доходить дѣло ни до шнура, ни до сажени; а опытность доказала мнѣ, что употребить надобно къ

нимъ совѣтъ иную методу». — «А какую-такую?» спросилъ намѣстникъ. — «Тутъ со-вѣтоваться надобно съ самимъ натураль-нымъ положеніемъ мѣста и не то дѣлать, что бы хотѣлось, а то, что самое мѣсто-положеніе надумать и къ чему удобнѣе и способнѣе быть мѣсту, да и назначать всѣ сцены, сообразуясь не съ планомъ, а съ перспективическими и ландшафтными рисунками, сдѣланными предварительно съ воображеніемъ ихъ въ такомъ видѣ, какой должны они получить по своей отдѣлкѣ и по возрастѣ всѣхъ насажде-ній». — «Какъ это?» спросилъ меня, недо-вольно сіе понимающій, намѣстникъ. «А вотъ, ваше превосходительство, не угод-но ли взглянуть на рисунки сего рода». И развернувъ нѣкоторые изъ нихъ, сталъ ему показывать скицы, сдѣланные нѣ-которыми сценами. «Вотъ теперь и мнѣ это уже понятно, сказалъ намѣстникъ, да какъ же по симъ рисункамъ назна-чили вы мѣста?» — «При помощи нѣсколь-кихъ драицъ, соломенныхъ веревокъ, воображенія и перьевъ, обкладывалъ и обводилъ я всѣ тѣ мѣста, которыя должны засажены быть лѣсомъ; а затѣмъ, смот-рѣлъ и воображалъ себѣ уже выросши на томъ мѣстѣ лѣсъ, и судилъ — хорошо [ли] будетъ и въ нуждѣ, гдѣ что приба-вить или перемѣнить и такъ далѣе». — «Ну, это совѣтъ новый родъ искусства, ска-залъ намѣстникъ, и это вамъ, судырь, только можно дѣлать, а садовники учи-нить сего не въ состояніи. Но скажите-жъ мнѣ, гдѣ бы вы думали можно было намъ построить какія-нибудь бесѣдочки и зда-нія?» — «А вотъ, ваше превосходитель-ство, гдѣ-и-гдѣ». И сталъ ему на планѣ показывать мѣста, мною къ тому пред-назначаемыя: вотъ тутъ прилично бы-то сдѣлать, а здѣсь то-и-то построить». — «Но какія же намъ сдѣлать? Нѣтъ ли у васъ имъ рисунковъ?» — «Нѣтъ, ва-ше превосходительство, но сіе зависѣтъ будетъ отъ повелѣнія вашего, а есть у меня новенькая, о садахъ сего рода, кни-га, со множествомъ рисунковъ всякаго рода садовыхъ зданій, и не будетъ ли угодно вашему превосходительству изъ

нихъ которыя-нибудь выбрать?» — « Пожа-луйте, мнѣ ихъ покажите». — «Они у ме-ня здѣсь», сказалъ я, и тотчасъ принесъ ихъ изъ зала, всѣ пять частей Гирш-фельдовыхъ книгъ. Намѣстникъ раз-вернулъ ихъ и, увидавъ всѣ эстампы, сказалъ: «О, да ихъ тутъ множество и выбирать, въ самомъ дѣлѣ, есть изъ че-го; однако, на сіе надобно время и бо-лѣе досуга. Этимъ займусь я послѣ обѣ-да; а теперь не походить ли намъ опять, судырь, куда-нибудь? Итакъ, оставьте вы у меня ихъ здѣсь до-ужоткова, а теперь надобно, судырь, походить. Я не былъ еще никогда въ вашей церкви, и мнѣ хотѣлось бы ее видѣть. Прикажете ее отпереть». — «Извольте, ваше превосхо-дительство», сказалъ я, и тотчасъ послалъ сказать о томъ нашему протопопу.

Между тѣмъ, куда побѣжалъ туда посланный и намѣстнику приготавливалъ его платью и трость, расхаживалъ онъ по всѣмъ комнатамъ и, осматривая оныя, мнѣ сказалъ: «Домъ хоть небольшой, но прекрасно построенный; но жаль, что обить скучными такими, просто ничего незначащими, обоями; надобно бы ихъ прибрать получше сколько-нибудь, и лучше всѣ стѣны и потолки росписать». — «Это зависѣтъ отъ васъ, ваше превос-ходительство, сказалъ я, конечно бы лучше было; но жаль, что у насъ нѣтъ способнаго къ тому художника». — «О, су-дырь, подхватилъ намѣстникъ, что ка-сается до мастера, то я къ вамъ пришлю очень хорошаго. У меня есть въ Калугѣ человекъ, весьма къ тому способный и знающій, и вы, пожалуйста, съ нимъ вдво-емъ постарайтесь о томъ; говорится въ пословицѣ: умъ хорошъ, а два лучше то-го; вы же на все такой искусникъ, такъ я надѣюсь, что будетъ и сіе сдѣлано не худо». На сіе отвѣтствовалъ я ему по-клономъ и сказалъ только, что сколько силы и знанія моего достанетъ, такъ я съ охотою моею и въ томъ отношеніи удобное ему сдѣлать постараюсь.

Въ самое сіе время возвратился мой посланный и сказалъ, что церковь от-перта и готова. «Ну пойдѣте туда, су-

дырь, сказалъ намѣстникъ, сіе услышавъ, я не сомнѣваюсь, что и тамъ найду для себя какой-нибудь сюрпризъ, я уже кое-что и слышалъ объ ней». — «Извольте, ваше превосходительство», сказалъ я, и пошелъ вслѣдъ за онымъ вмѣстѣ съ прочими.

Церемоніально нашъ протопопъ встрѣтилъ его при дверяхъ, и намѣстникъ не успѣлъ въ нее войти и помолиться, какъ окинувъ всю взоромъ, началъ съ величайшимъ вниманіемъ разсматривать все ея украшенія: необыкновенное украшеніе царскихъ дверей, образъ Господа Саваоа съ его лучами, катедра и полупрозрачныя вазы, поставленныя противъ оконъ на карнизѣ, поразили собою тотчасъ любопытное его зрѣніе, и долго онъ и съ особливимъ удовольствіемъ все сіи вещи разсматривалъ. И потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «теперь вижу, что мнѣ не солгали, а сказывали сущую правду о сихъ необыкновенныхъ, но прекрасныхъ украшеніяхъ; безсомнѣнно и это все ваши выдумки и похвальные затѣи». При сихъ словахъ подхватилъ нашъ городничій: «не только выдуманы, но и работы самимъ имъ, ваше превосходительство». — «Не правда!» подхватилъ удивленный намѣстникъ. — «Точно», сказалъ оный. — «Ну, судырь, могу сказать, продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ, могу сказать, что и это все дѣлаетъ честь вашему уму и вкусу; все, что ни вижу, такъ хорошо, такъ все кстати, а особливо правятся мнѣ эти вазы; но скажите, пожалуйста, изъ чего и какъ онѣ сдѣланы?» — «Изъ толстой политуры и снаружи раззолочены и росписаны, а сзади прикрѣплена въ прорѣзахъ ихъ раскрашенная слюда, чтобъ служили они и днемъ, и ночью (когда въ праздники зажигаемъ мы позади ихъ свѣчи) нѣкотораго рода иллюминаціею». — «Вижу! вижу! подхватилъ намѣстникъ, и это-то мнѣ всего пріятнѣе; и возможно-ль, — такія хорошія затѣи и при томъ очень малого стоющія. Нечего говорить, вы на все великій искусникъ!»

Послѣ сего повели мы его въ олтарь.

Тутъ поразило зрѣніе его наивеликолѣпнѣйшая и со вкусомъ убранная сѣнь. Онъ превознесъ и ее похвалами. А какъ сказалъ я ему, изъ чего составлены висіящія большія золотыя кисти, то опять не могъ онъ довольно надивиться и вновь изъясилъ мнѣ свое благоволеніе. Наша церковная утварь, богатые сосуды, крестъ, а особливо евангеліе — заставили его также съ любопытствомъ оныя разсматривать и спросить, что все это стоило. Но какъ сказалъ ему, что мы того не знаемъ, поелику все это было подаяно отъ людей неизвѣстныхъ, то удивленіе его увеличилось еще больше.

Симъ образомъ доставили мы ему нашей церковью множество минутъ пріятныхъ. По выходѣ изъ оной, предложилъ я, не угодно-ль ему посмотрѣть нашихъ карповъ въ ближней сажелѣ, подлѣ церкви находящейся. «Очень хорошо, сказалъ онъ, ведите меня куда хотите». Тутъ приготовлены были уже и люди и запущенъ неводъ. Я не успѣлъ его ввести въ ограду около оной, какъ воскликнулъ онъ: «Изволь смотрѣть, у него и тутъ сдѣлано сущее гульбище, и какой прекрасный прудокъ, какой мостикъ, какія дорожки подъ березками!» Но какъ вытащили множество карповъ, то онъ вскричалъ почти отъ удовольствія и признавался, что онъ никогда еще ихъ въ такомъ множествѣ не видывалъ, и тотчасъ приказалъ нѣсколько изъ нихъ отнести на кухню и приготовить къ столу своему. А между тѣмъ, осматривая окрестности около оной и самой церкви, сказалъ: «жаль, что сіе мѣсто очень пусто, надобно тутъ что-нибудь еще построить. Мнѣ, судырь, кажется, что не худо-бъ было, если на одномъ концѣ сего прудочка построить намъ корпусъ для богоугоднаго, а на другомъ — такой же для волостнаго училища; ибо мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы набрали человекъ тридцать крестьянскихъ ребятншекъ и заставили ихъ учиться грамотѣ, а потомъ можно инымъ изъ нихъ быть пѣвчими, а иныхъ можно-бъ поучить и музыкѣ». — «Весьма бы недурно это было, сказалъ я, и это зависитъ отъ вашего по-

ведѣнія. Каменьщики и кирпичники у насъ свои; есть своего и кирпича довольно готоваго, а можно бы и приготовить, сколько надобно». — «Право, судырь, это мы сдѣлаемъ, и обратясь къ бывшему съ нами архитектору г. Сокольникову, сказалъ: «Подумайте-ка, Кузьма Семеновичъ, и сдѣлайте мнѣ прожектецъ, въ видѣ небольшихъ каменныхъ корпусовъ, однако такихъ, чтобы они соотвѣтствовали сколько-нибудь церкви и не обезобразили собою это мѣсто». — «Очень хорошо», сказалъ г. Сокольниковъ. И потомъ осматривали пристальнѣе назначаемое подъ нихъ намѣстникомъ мѣсто.

Послѣ сего спросилъ меня намѣстникъ: «куда же намъ теперь идти? не покажите ли вы мнѣ и свой садикъ, я слышалъ, что и у васъ есть свой собственный?» — «Если не устали ваше превосходительство, и если угодно, то вотъ онъ здѣсь вблизи». И повелъ его туда. Поведа въ оный, повелъ я его по всѣмъ дорожкамъ и сперва по регулярной его части, а потомъ и по англійской. Шествуя, мигнулъ я садовнику, чтобы въ то время, когда выведу я его на аллею, въ концѣ которой, подлѣ стѣны сарая, сдѣланъ былъ у меня особаго рода прекрасный фонтанчикъ, съ полубесѣдкою передъ нимъ, то пустилъ бы онъ воду. Какъ садикъ мой былъ тѣмъ временемъ прибранъ и, по случаю бывшаго тогда наилучшаго времени въ году, великолѣпствовалъ онъ множествомъ повсюду разбросанныхъ цвѣтовъ, то гулялъ намѣстникъ по оному съ отмѣннымъ удовольствіемъ и твердилъ только: «хоть маленький, но прекрасный садикъ». А особливо полюбилась ему регулярная его часть, насажденная въ новомъ вкусѣ, со множествомъ подбланныхъ въ ней кривыхъ дорожекъ, площадокъ и сидѣлокъ. «Вотъ мѣстечко, отменно для меня пріятное, говорилъ онъ, какая пріятная тѣнь, какія у него тутъ дорожки, площадки и сидѣлки! Право, и съ какимъ все расположено вкусомъ, право, хорошо и прекрасно!» Но какой пріятный сюрпризъ былъ для него, когда, по выходѣ изъ лѣсочка и по вступленіи

на аллею, противъ фонтана, услышалъ онъ вдругъ шумъ и плескъ бьющаго фонтана. «Ба! ба! ба! воскликнулъ онъ, у него еще и фонтанъ есть». — «Нѣтъ ваше превосходительство, сказалъ я, это играшка, почти дѣтская и ничтожная, которую называли фонтаномъ». — «Какъ это? подхватилъ онъ, это хоть куда, пойдемъ-ка, судырь, и посмотримъ его поближе».

Подойдя къ нему и увидѣвъ все вблизи, сказалъ онъ: «хоть онъ маленький и самой простенькій, но прекрасный фонтанчикъ, и какая прекрасная выдумка, что вода бьетъ изъ гуса. Онъ такъ походить на натуральный, что легко можно обмануться, и гдѣ это такого вамъ сматерили?» — «Въ Тулѣ, сказалъ я, и онъ только одинъ мнѣ чего-нибудь и стѣдить, ваше превосходительство, а все прочее для фонтана не стѣдить мнѣ почти ничего, и если онъ заслуживаетъ какого вниманія, такъ только по одному этому и по своей дешевизнѣ».

Между тѣмъ, какъ я сіе говорилъ, намѣстникъ, усмотря тутъ спокойную подлѣ него лавочку, тотчасъ пошелъ на нее садиться, говоря: «Здѣсь, судырь, можно и отдохнуть и въ тѣни прохладиться, а между тѣмъ желалъ я бы знать, откуда вы и какъ провели сюда воду? Надобно ей быть довольно высокою. Фонтанчикъ вашъ бьетъ аршинъ около трехъ вышиною, и какимъ образомъ онъ, какъ говорите, вамъ очень мало стѣдить?» — «Конечно такъ, ваше превосходительство, потому что воду я ни откуда не проводилъ, но онъ у меня наливной». — «Какъ наливной? спросилъ удивившійся намѣстникъ, да гдѣ-жъ у васъ вода-то скрыта?» — «Вотъ здѣсь, позади васъ, въ сараѣ, и поставлена тамъ на перекладахъ сороковая бочка съ водою». — «Смотри, пожалуйста! сказалъ намѣстникъ, но какимъ же образомъ провели вы воду изъ ней въ этого гуса?» — «Также бездѣлицею, сказалъ я, — кишкою, сшитою изъ кожи и скрытою вотъ здѣсь, въ побочинѣ этой полубесѣдочки». И сказавъ сіе, сталъ отворять маленькія дверцы, съ боку туда придѣланныя. «Я очень любопытенъ

это видѣть, сказалъ вскочившій съ мѣста своего намѣстникъ и, всунувъ голову свою въ отверстіе, сталъ разсматривать, говоря: «это очень куріозно, вотъ и крапикъ маленькій, которымъ, конечно, вы запираете и отворяете и, протянувъ руку, повернулъ его. «Вотъ и въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ онъ, пустивъ опять остановившуюся воду, и какъ легко и удобно его отворять и закрывать. Но внизу-то какъ же вы сдѣлали?» — «Тамъ, сказалъ я, положенъ подъ землею деревянный, покрытый жолубокъ и въ немъ простирается кишка эта до самой почти этой свинцовой трубки, на которой надѣтъ этотъ гусь и изъ которой бьетъ сія вода; трубка же надѣвается на другую деревянную, утвержденную въ дерево, при концѣ кишки самой». — «Ну, судырь, подхватилъ намѣстникъ, и эта ваша штука достойна перениманія, и выдумка прекрасная. Теперь вижу и я, что онъ и весь стоитъ очень малого, и это-то всего лучше. Но скажите мнѣ, долго ли можетъ онъ пробить?» — «Часа полтора, ваше превосходительство, сказалъ я, и столько, что имъ довольно можно поселиться, и нѣсколько разъ пускать въ день, и между тѣмъ ежели хочешь, можно и опять бочку наливать». — «Ну, право, хорошо», сказалъ наконецъ намѣстникъ и, посидѣвъ немного, пошелъ далѣе и вонъ уже изъ сада.

Какъ итти ему надлежало опять мимо моего крыльца, то, не доходя къ оному, просилъ я его къ себѣ на перепутьи и на водку. «Извольте, судырь, съ превеликимъ удовольствіемъ», сказалъ онъ и вошелъ въ маленький мой домишко. Тутъ нашли мы столикъ, приготовленный уже съ водками и закусками разными, и всю маленькую мою гостинную, наполненную господами, ибо какъ случилось въ самое сіе время быть у меня моимъ кашинскимъ роднымъ, пріѣхавшимъ къ намъ незадолго до того времени, то они, вмѣстѣ съ моими хозяйкою и дѣтьми, занимали собою большую половину онаго. Намѣстникъ, будучи отменно вѣжливый человѣкъ, а особливо

къ дамамъ, раскланявшись съ ними, просилъ ихъ всѣхъ садиться и сѣлъ потомъ самъ въ углу передъ ними. И не успѣвъ выпить подносимую водку, какъ, осматривая тѣсныя мои комнаты, сказалъ: «А, Боже мой! какъ вы живете тѣсно, имѣя у себя такое семейство». Ибо онъ счелъ племянниковъ моихъ дѣтьми моими. «Что дѣлать, ваше превосходительство, пужда чего не дѣлаешь? Бѣдственный пожаръ принудилъ меня къ тому. Потерявъ весь домъ и потерпѣвъ великій убытокъ, радъ я былъ и сей хижинѣ». — «Но, помилуй, сказалъ на сіе намѣстникъ, какъ это князь Сергѣй Васильевичъ не дозволилъ вамъ постронть домѣкъ лучше и попросторнѣе этого; поспешили, видно, старикъ?» — «Нѣтъ, ваше превосходительство, онъ бы вѣрно этого не сдѣлалъ, но, къ несчастію, пожаръ случился послѣ его кончины, а сынъ его, князь Сергѣй Сергѣевичъ и того было хуже сдѣлалъ, приказалъ-было мнѣ срубить себѣ домъ изъ сырыхъ березъ, въ которомъ и жить бы никакъ было не можно, и я радъ уже былъ, что нашелъ сію небольшую связь готовую у насъ въ госпиталѣ и могъ ее сюда переставить». — «Смѣшно это, сказалъ намѣстникъ, но отъ этого вѣтра лучшаго и ожидать было не можно. Но теперь нельзя ли этому какъ-нибудь пособить и, напримѣръ, покойца два-три сюда пристроить?» — «Какъ бы не можно, если бы ваше превосходительство, по милости своей, это приказать изволили». — «Съ превеликимъ удовольствіемъ, подхватилъ намѣстникъ, пристройте, судырь, себѣ сколько вамъ будетъ надобно и не жалѣйте и кошта, хотя бы то и нѣсколькихъ сотъ стоило — какая важность! По трудамъ вашимъ и раченію грѣхъ намъ будетъ, если мы поставимъ васъ долѣе жить въ такой тѣснотѣ и безпокойствѣ».

Легко можно заключить, что дозволеніе сіе было для меня весьма не противно. Я и все мое семейство приносили ему за то благодарности, и мы осыпали его благословеніями при выходѣ отъ насъ изъ дома.

Отъ меня пошолъ онъ прямо во дворецъ и занялся опять съ секретаремъ своимъ письменными въ кабинетъ дѣлами. Сіе продлилось до самаго обѣда, и мы послѣ узнали, что онъ въ самое сіе время писалъ донесенія свои къ государынѣ о нашихъ волостяхъ и обо всемъ, имъ тутъ найденномъ. Господинъ Михайловъ, бывшій въ сіе время его секретаремъ и со мною еще въ Калугѣ подружившійся, шепнулъ мнѣ о томъ, сказавъ, что въ донесеніяхъ сихъ позабытъ былъ и я, и что говорено и обо мнѣ весьма съ хорошей стороны. А сіе меня не только еще болѣе ободрило, но и увеличило мою приверженность, почтение и самую любовь къ намѣстнику.

По выходѣ его къ столу, просилъ сказать онъ мнѣ, чтобъ велѣлъ я приготовить какія-нибудь дрожжи или телѣжку, говоря, что ему хочется, послѣ обѣда, съѣздить посмотреть нашъ гошпиталь, магазинъ и прочее. Но я доложилъ ему, что не спокойнѣ ли будетъ въ каретѣ, въ которой во всѣ сіи мѣста проѣхать можно. «Очень хорошо», сказалъ онъ, но не худо, еслибъ были при томъ и дрожжи».

Какъ все сіе было приготовлено, то послѣ обѣда, сѣли мы съ нимъ и прочими, съ нимъ бывшими, въ карету, а иные на дрожжи, и поѣхали сперва на островокъ въ гошпиталь. Тамъ, вода его по больницѣ и ввела въ нашу аптеку, не преминулъ я ему показать лягушки, изгнанной изъ волостной женщины и кое-какія другія вещицы, достойныя вниманія. И онъ смотрѣлъ на все съ любопытствомъ, говорилъ съ нашимъ лѣкаремъ по-нѣмецки и хвалилъ его за все раченіе. Изъ гошпиталя провелъ я его въ маленькій англійскій садикъ и въ рощу, между гошпиталемъ и церковью, на кладбищѣ находящуюся. И какъ были и тутъ кое-какія мои новыя насажденія, то съ удовольствіемъ гулялъ онъ и тутъ, говоря, что вездѣ-и-вездѣ находитъ и прирѣчаетъ онъ слѣды моего хорошаго вкуса и раченія.

Посмотрѣвши все на островкѣ, поѣха-

ли мы прямо къ нашему магазину. Огромность сего зданія и наблюдаемый съ хлѣбомъ, въ немъ находящимся, порядокъ, отъменно ему понравились. По осмотрѣннѣ всего тутъ находившагося, предложилъ я ему, не угодно ли ему будетъ взглянуть и на увеселительный лѣсокъ, подлѣ сего магазина находящійся, и проѣхаться по оному? «Очень хорошо», сказалъ онъ, но какъ же? Развѣ на дрожжахъ...» — «Какъ угодно, можно и въ каретѣ, можно и на дрожжахъ». Однако онъ избралъ сіи послѣднія.

Не успѣли мы въ прекрасный лѣсокъ сей вѣхаться, а я — повести его по главной аллеѣ, пересѣкаемой многими другими поперечными, прямыми и косыми, какъ намѣстникъ мой растерялъ почти глаза, любясь то тѣмъ, то другимъ мѣстомъ. И начался опять отъ него мнѣ похвалы и одобреніе моего вкуса. Съ превеликимъ удовольствіемъ извѣдиль онъ почти весь сей лѣсокъ, а въ иныхъ мѣстахъ даже сходилъ и, гуляя по узенькимъ кривымъ дорожкамъ, присаживался отдыхать на дерновыхъ сидѣлкахъ, которыя были кое-гдѣ подѣланы, и любовался красотою положенія мѣста. Наконецъ, выведя его на отдаленнѣйшій край, предложилъ я, не угодно ли ему взглянуть на мой поднятый ключъ и мой водоводъ, отъ него проведенный? «Ахъ, судырь», сказалъ онъ; у меня только на умѣ было у васъ спросить, не можно ли отсюда къ нему проѣхать?» — «Очень можно», сказалъ я, и онъ очень здѣсь близокъ». — «Такъ повезите-жъ меня туда, я очень любопытенъ его видѣть».

Итакъ, поѣхали мы туда. И я, показывая ему оный, принужденъ былъ ему рассказывать въ подробности, какъ я производилъ сіе дѣло, и въ доказательство, что бышій изъ него здѣсь ключъ былъ не натуральный, какимъ онъ его сперва почелъ, а поднятый и произведенный искусствомъ, — опускалъ въ него трость; и какъ она вся свободно уходила, то не могъ онъ довольно надивиться и расхваливалъ меня за мою выдумку, называя ее очень полезною. Не менѣе уди-

вилъ его и мой маленькій водоводъ, который ему такъ полюбился, что онъ расположился для прогулки итти въдоль всего его до самаго сада, а особливо желая видѣть, какъ перевелъ я его черезъ здѣсь бывшія вершины.

Тутъ не успѣли мы поравняться противъ фальшиваго моего зданія, поверхъ котораго проведенъ былъ оный, какъ, остановивъ его, сказалъ я ему: «вотъ, ваше превосходительство, это фальшивое зданіе, которое вы вчера съ той стороны изволили видѣть. Не сущій ли вздоръ составляетъ оно здѣсь?» — «То подлинно, что сущій вздоръ, сказалъ онъ, смотря на сіе сверху и удивляясь, — и повѣрить бы не можно, что вся эта бириберда вдали представляла такой прекрасный видъ. Вотъ, судырь, обратясь къ идущему съ нами губернскому землемѣру, онъ продолжалъ: вашъ вчерашній развалившійся монастырь; но признайтесь, что потребно было къ тому особое искусство, чтобъ штуку сію сдѣлать». — «Да, ваше превосходительство, отвѣчалъ землемѣръ, мнѣ не случилось еще нигдѣ видѣть сему подобнаго». — «То-то, судырь, подхватилъ намѣстникъ, не одни вы звѣзды съ небесъ хватаете, а есть и другіе люди, у которыхъ и вы кое-что перенимать должны».

Но сколь ни удивлялся онъ сему, но удивленіе его увеличилось еще болѣе, когда дошли мы до первой вершины, и онъ увидѣлъ, какъ я переводилъ воду чрезъ оную. «Ахъ, Боже мой! воскликнулъ онъ, можно-бъ было воображать сіе! Какое однако простое и ничего не стоящее и прекрасное средство! Ну, Андрей Тимоѣевичъ, за эту выдумку стѣдѣть тебѣ сказать особое спасибо; ты ею многихъ на разумъ наставилъ. Но, помилуй, взглянувъ опять и на другую сторону за оврагъ, продолжалъ онъ: какъ же это, кажется тамъ водоводъ вашъ со всѣмъ вверхъ и въ гору пошелъ?» — «Нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ я, какъ ему вверхъ итти, а напротивъ того, я на всякихъ десяти саженьяхъ дѣлалъ по верху униженія, дабы вода могла имѣть свое теченіе, а это обманываетъ насъ толь-

ко зрѣніе». — «Удивительно мнѣ это, подхватилъ намѣстникъ, я истинно готовъ бы хотѣть объ закладъ биться, что тамъ вода вверхъ течетъ, а теперь вижу самъ, что этому быть не можно. Ты истинно вездѣ чудеса строишь».

Симъ образомъ идучи, мало-по-малу дошли мы до второй и притомъ ведущей уже къ саду вершины. Но какъ тутъ водоводъ шолъ по раскопанной дорогѣ, усыпанной пескомъ, и имѣлъ видъ натурального ручья, то начались у насъ опять удивленія и толки о томъ, какъ обманываетъ онъ собою зрѣніе и какъ кажется, что онъ вверхъ идетъ. Намѣстникъ то-и-дѣло твердилъ: «истинно, что божиться готовъ, что ручей сей вверхъ течетъ». Когда дошли мы до сада, то началъ я ему показывать тѣ мѣста, кои почиталъ я наиприличнѣйшими для садовыхъ зданій. «Вотъ здѣсь на этомъ бугрѣ, говорилъ я, всего бы приличнѣе построить небольшую прозрачную ротонду на колоннахъ; она оживила бы весь садъ и была наилучшимъ ему украшеніемъ. Есть въ дачиной книгѣ и прекрасный рисунокъ оной. А бугоръ этотъ можно бы одѣть камнями и придать ему видъ искусный, какъ каменный. Вонъ тамъ можно сдѣлать вечернюю, а тамъ полуденную сидѣлку, и такъ далѣе».

Намѣстникъ слушалъ все со вниманіемъ, но не говорилъ ни слова. Наконецъ, увидя большую яму, подлѣ поминутаго бугорка находящуюся, спросилъ: «а это что за яма, конечно погребная при бывшемъ тутъ жильѣ?» — «Точно такъ, сказалъ я, тутъ былъ дворъ поповскій и его былъ тутъ погребъ». — «Но его, Андрей Тимоѣевичъ, надо бы засыпать». — «А я такъ совѣмъ противное тому думаю, отвѣчалъ я, а мнѣ не удастся ли тутъ сдѣлать чтѣ-либо такое, чтѣ могло-бъ также быть пріятнымъ сюрпризомъ для вашего превосходительства». — «Ну, судырь, сказалъ мнѣ на сіе намѣстникъ, такъ я не хочу мѣшаться въ ваши замыслы и намѣренія, а дѣлайте чтѣ заблагоразсудите, а скажу только, что ежели-бъ чтѣ потребовало и небольшихъ коштовъ, такъ, по-

жалуйте, не отписываясь ко мнѣ, ихъ употребляйте. Я увѣренъ, что вы не потеряете ни полущки попустому и сохраните нужную экономію». — «О, конечно, ваше превосходительство, въ этомъ можете вы на меня, какъ на самихъ себя, положиться, и я вѣрно самъ не подумаю при томъ наживаться, а скорѣе и охотнѣе своего собственнаго лишуся, нежели подумаю о неправдивомъ какомъ приобрѣтеніи». — «Въ этомъ я, судырь, подхватилъ намѣстникъ, не сомнѣваюсь ни мало, и всѣ ваши дѣянія мнѣ то доказываютъ ясно».

Отоседъ отъ сего мѣста, пошолъ онъ опять по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ ходилъ наканунѣ, и вновь всѣмъ-и-всѣмъ любовался. И тогда указалъ я ему еще одно мѣсто на горѣ, удобное для сдѣланія тамъ небольшого павильона, говоря, что и сему также прінскавъ въ книгѣ у меня рисуночекъ, и что хорошо бы, если со временемъ воздвигнуть такой садовый храмикъ. Намѣстникъ и при семъ случаѣ промолчалъ. А пришедъ опять къ мраморнымъ пескамъ, любовался вновь оными и распрашивалъ уже обстоятельнѣе, чтѣ-и-чтѣ думаю я тутъ еще сдѣлать, и я принужденъ былъ рассказывать ему всѣ мои преднамѣренія, и казалось, что всѣми ими былъ доволенъ.

Отсюда ведя его далѣе по набережной, завелъ я рѣчь о ново-открытомъ мною источникѣ съ минеральною водою и сказалъ ему, что мнѣ недавно случилось найти въ самой близи отъ сихъ мѣстъ колодезь съ водою, которая по всѣмъ примѣтамъ кажется мнѣ быть минеральною и содержащею въ себѣ множество марціальныхъ и селенитныхъ частицъ.

Какъ намѣстникъ былъ во всѣхъ такихъ случаяхъ весьма любопытный человекъ и жадно ловилъ всё, замѣчанія достойное, — то ухватился онъ и за сей предметъ и хотѣлъ источникъ сей видѣть. Итакъ, принужденъ я былъ довести его и до онаго, и показавъ, рассказать ему, почему именно я догадываюсь, что онъ минеральный, и какіе я съ водою сею дѣлалъ опыты. Сіе возбудило еще болѣе

его любопытство, и онъ хотѣлъ ихъ видѣть лично. Почему я тотчасъ и послалъ за кувшиномъ и за порошокомъ, натоленнымъ изъ чернильныхъ орѣшковъ, и приказалъ принести оные прямо во дворецъ (куда мы отъ сего мѣста пошли) и велѣлъ вмѣстѣ принести и сей воды, черпнутой изъ самаго бьющаго изъ земли ключа.

Какъ по возвращеніи во дворецъ было еще довольно рано, то куда ходили за водою и готовили чай, занялся намѣстникъ разсматриваніемъ моихъ садовыхъ Гиршфельдовыхъ книгъ. И какъ всѣ онѣ наполнены были множествомъ эстамповъ и разныхъ изображеній, то, перебирая ихъ, онъ всѣ листы разсматривалъ съ превеликимъ любопытствомъ и мнѣ сказалъ: «Ну, судырь, гдѣ та ротунда и павильонъ, которые вами тутъ замѣчены?» Я тотчасъ ихъ ему прінскалъ, и какъ они ему въ полной мѣрѣ полюбились, то, призвавъ архитектора г. Сокольника, ему сказалъ: «Какъ бы, Кузьма Семеновичъ, сихъ зданій сдѣлать поболѣе и такіе планы, по которымъ можно-бы было здѣсь ихъ Андрею Тимофеевичу построить?» — «Очень хорошо, ваше превосходительство, сказалъ г. Сокольниковъ, это уже можно очень скоро сдѣлать, и они къ утру могутъ быть готовы». — «О, такъ возьмите-жъ, судырь, эту книгу и потрудитесь; а вы, Андрей Тимофеевичъ, сдѣлали-бы мнѣ превеликое удовольствіе, если-бы пріѣхали ко мнѣ въ мою подмосковную деревню, гдѣ я около 1-го числа августа находится буду. Я-бъ, судырь, вамъ показалъ и садъ, сельское жилище, и мы бы съ вами походили тамъ, и также подумали кое-о-чемъ». — «Съ превеликимъ удовольствіемъ, сказалъ я на сіе, я готовъ исполнить повелѣніе вашего превосходительства». — «Но привезите съ собою, пожалуйста, и всѣ тѣ книги, сказалъ намѣстникъ, мнѣ хочется ихъ на досугъ подолѣе поразсмотрѣть». — «Очень хорошо», сказалъ я. И увидѣвъ, что принесли минеральную воду и порошокъ въ бутылкѣ, продолжалъ: «вотъ и вода; не угодно-ли вашему превосходительству ви-

дѣть?» И какъ онъ изъяснилъ свою къ тому охоту, то велѣлъ я подать два стакана, и одинъ изъ нихъ налить простою, а другой—сею водою; и потомъ взялъ порошку изъ чернильныхъ орѣшковъ, всыпалъ его нѣсколько въ стаканъ съ простою водою и сказалъ: «вотъ изволите видѣть, ваше превосходительство: въ простой водѣ не дѣлается оттого никакой перемѣны, а въ сей произойдетъ совсѣмъ не то: и какъ повспыпать въ нее, она въ тотъ же мигъ сдѣлается алою». Намѣстника сіе такъ удивило, что онъ смотрѣлъ на сіе съ превеликимъ любопытствомъ и говорилъ, что не оставитъ онъ и о семъ предметѣ подумать и велитъ ее испытать господамъ химикамъ.

Поданный въ сіе время чай и угощеніе онымъ всѣхъ, тамъ бывшихъ, прервало наконецъ нашъ любопытный разговоръ. Послѣ чая пошелъ намѣстникъ ходить опять по всѣмъ комнатамъ и разговаривалъ со мною о томъ, какъ бы ихъ описать лучше. И какъ я замѣтилъ, что ему очень не нравилось тогда расположеніе иныхъ комнатъ и что не было сообщенія изъ нихъ съ заломъ,—то сказалъ я: «это легко можно и сдѣлать: стоитъ только проломать вотъ въ этомъ мѣстѣ и сдѣлать дверь, такъ и будетъ сообщеніе всѣхъ комнатъ между собою». — «И въ самомъ дѣлѣ, подхватилъ намѣстникъ, вы меня на разумъ наставили и, пожалуйста, это сдѣлайте».

Симъ и кончился у насъ съ нимъ тогда разговоръ, ибо и достальное время занимался онъ разговорами съ городничимъ. А по-утру, на другой день, отправилъ прямо отъ себя курьера въ Петербургъ, вручилъ ему и ларчикъ съ песчанникомъ, и осыпавъ меня своими благодареніями, въ полномъ удовольствіи поѣхалъ отъ насъ въ Елифанъ и другіе города губерніи нашей.

А симъ дозвольте мнѣ и сіе письмо окончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Февраля 5-го дня 1810 года. Дворени-
ново).

Письмо 219-е.

Любезный пріятель! Съ коликимъ удовольствіемъ поѣхалъ отъ насъ намѣстникъ, съ толикимъ же, или еще множайшимъ, остался и я, проводивъ отъ себя сего достопочтеннаго и любезнаго вельможу. Все его пріятельское и благосклонное обращеніе со мною въ сей разъ такъ меня очаровало, что я, сдѣлавшись еще приверженнѣйшимъ къ нему, одушевился новою и большею еще охотою къ дальнѣйшему продолженію моихъ садовыхъ работъ. И какъ и до того не чувствовалъ даже усталости при всѣхъ многочисленныхъ трудахъ, мною употребленныхъ, такъ и съ сего времени сдѣлались они мнѣ не только еще сноснѣйшими, но даже еще пріятнѣйшими. И сей случай доказалъ мнѣ, что ни что не могло меня такъ много возбуждать къ трудамъ и дѣятельности, какъ похвала и одобреніе оныхъ.

Какъ намѣстникъ при отъѣздѣ своемъ оставилъ мнѣ уже сдѣланные господиномъ Сокольниковымъ и имъ апробованные планы ротунды и павильону, а вскорѣ хотѣлъ прислать ко мнѣ планъ и тѣмъ двумъ каменнымъ корпусамъ, которые подлѣ церкви хотѣлъ онъ построить для богадѣльни и училища, а въ разсужденіи сада даже просилъ меня продолжать далѣе мои труды и работы и относительно до употребленія рабочихъ людей и самыхъ даже денежныхъ коштовъ, развязалъ мнѣ совершенно руки, предоставляя все собственному произволу и благоусмотрѣнію, — то, всходствіе того, не успѣлъ я его отъ себя проводить, какъ и принялся я опять и съ вѣщшею еще прилежностію за садовыя работы, и пользуясь продолжающимся тогда наспособнѣйшимъ къ тому времени въ году, употреблялъ почти все свое время на оныя.

Мое первое дѣло относилось тогда до той погребной ямы, о которой загадалъ я намѣстнику загадку и въ разсужденіи которой, по счастію, и не сталъ онъ тогда

меня о намѣреніи моемъ въ подробности разспрашивать, а сказалъ только, что онъ не хочетъ о томъ напередъ и знать, дабы тѣмъ сюрпризъ былъ для него пріятнѣе, а предоставилъ все моему произволу. Намѣреніе же мое состояло въ томъ, чтобы смастерить на семь мѣстъ подземельныя порядочный гротъ и расположить и устроить его такъ, чтобъ снаружи былъ онъ совсѣмъ непримѣтенъ. А какъ и замышляемую мною давно уже ротунду мнѣ можно было на находящемся подлѣ самой сей ямы бугрѣ, по желанію моему, воздвигнуть,—то я велѣлъ тотчасъ плотникамъ срубить изъ бревень довольно просторный четверугольный срубъ, а рабочимъ людямъ, по мѣрѣ сего сруба, яму сію раскапывать еще больше, дабы весь оный срубъ въ нее и такъ глубоко опустить можно было, чтобъ осталось еще довольно мѣста для срубленія надъ ней дубоваго осмиугольника, на подобіе свода купола, и оный сверху покрыть землею и, устлавъ оную дерномъ, скрыть чрезъ то весь оный подъ землею и дать мѣсту сему скорѣе видѣ только маленькаго холмика, съ поставленіемъ на ономъ на пьедесталѣ мраморной статуи, какихъ находилось у насъ довольно купленныхъ еще покойнымъ княземъ Сергѣемъ Васильевичемъ въ Петербургѣ на корабляхъ и въ Богородицкѣ еще до пріѣзда моего доставленныхъ (нѣкоторые изъ нихъ я употребить велѣлъ для украшенія сада). Одну-то изъ сихъ замышлялъ я употребить къ сему, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ пьедесталъ подъ нею сдѣлать пустой и стеклянный и чтобъ онъ служилъ лампадою надъ гротомъ и впускалъ сквозъ себя сверху свѣтъ въ него.

Въ дѣлѣ семъ съ такимъ прилежаніемъ я трудился, что гротъ сей въ теченіе одной недѣли оконченъ уже былъ у меня вчернѣ, и осталось уже помышлять о внутреннемъ украшеніи онаго и о сдѣланіи въ него двухъ входовъ. Изъ сихъ разсудилъ я сдѣлать одинъ со стороны отъ города и отъ находящагося подлѣ самого его меньшаго въ полугорѣ водоема, а другой — съ боку. И дабы лучше

гротъ могъ сдѣлаться непримѣтнымъ, то вздумалось мнѣ сдѣлать ихъ, родомъ просто и изъ дикихъ каменьевъ составленныхъ подземельныхъ пещеръ, изъ которыхъ одну въ четыре шага, покороче, а другую подлиннѣе, и придать имъ видъ koliko можно натуральный.

Всходствіе чего прорывъ въ материкѣ съ двухъ сторонъ входы, велѣлъ я навозить множество всякаго рода дикихъ и разноцвѣтныхъ разной величины каменьевъ, и укладъ ими бока сихъ входовъ, подѣлалъ надъ ними потолки дубовые, велѣлъ насыпать каменьевъ, и прикрылъ сіе снаружи опять все такъ, чтобъ дѣрева совсѣмъ было не видно и они казались бы натурою произведенными каменными сводами.

Между тѣмъ какъ все сіе дѣлали, употребилъ я выкопанную изъ сей ямы и ровъ землю въ другое дѣло. Я велѣлъ ея возвысить помянутый бугоръ, назначаемый подъ ротунду, и для лучшаго вида весь оный съ трехъ сторонъ обнести многими разной величины дикими каменьями, и смастерить такъ, что будущая ротунда могла бы казаться стоящей на мысѣ крутой каменной горы и чрезъ то имѣть болѣе пышности и великолѣпія.

Не успѣлъ я сего кончить и дать пройти нашей годовой Казанской ярманки, которая въ сей годъ не ознаменовалась ничѣмъ особливымъ, кромѣ обыкновеннаго стеченія великаго множества простаго народа, и того, что случилось мнѣ при семъ случаѣ впервые узнать и спознакомиться съ Львомъ Савичемъ Крюковымъ, сдѣлавшимся потомъ нашимъ родственникомъ,—какъ принялся я за произведеніе въ дѣйство другой и также достопамятной затѣи.

Я упоминалъ вамъ въ предѣдующемъ письмѣ, что, кромѣ большаго и длиннаго моего водовода, удалось наитить и еще одну воду въ ближней вершинѣ, и не только ближе, но и столь высокую, что мнѣ можно было провести ее другимъ водоводомъ къ самому почти дворцу, и тутъ, на самой на горѣ, произвести изъ нея нѣсколько водоемовъ. И какъ одно-

му изъ нихъ случилось сдѣланнымъ быть подлѣ самаго того мѣста, гдѣ назначилъ я быть каменной круглой бесѣдкѣ, или павильону, существующему и нынѣ,—то вздумалось мнѣ сдѣлать отъ самаго мѣста по крутизнѣ горы особый родъ каменнаго каскада, который бы оканчивался внизу подлѣ самаго входа въ песчанныя пещеры, которыя восхотѣлось мнѣ украсить каменными воротами, дабы при выходѣ изъ пещеры въ садъ вдругъ могло поразиться зрѣніе неожиданно симъ каскадомъ, а слухъ—величественнымъ шумомъ, производимымъ стеченіемъ водъ въ одно время со многихъ и съ разныхъ сторонъ высокихъ водостоковъ.

Затѣя сія была особая, и мнѣ удалось произвести ее отменно удачно. Она хотя и стѣдила мнѣ многихъ трудовъ, поелику надобно было навозить туда премногое множество дикихъ каменьевъ и изъ всѣхъ изъ нихъ произвести родъ натуральной каменной горы съ разными ущеліями и неровностями, изъ которыхъ могла-бы вдругъ и съ превеликимъ шумомъ стремиться и съ разныхъ сторонъ сбѣгать внизъ спущенная въ плюзикъ изъ верхняго водоема вода. Но какъ бы то ни было, но выдумка сія удалась и вышла штука, зрѣнію и удивленію достойная и превосходящая даже красотою своею самое мое ожиданіе.

Между тѣмъ какъ мы дѣланіемъ сего большаго каскада занимались, забыты были совсѣмъ кабинетныя мои упражненія. При всѣхъ моихъ недосугахъ и непрерывныхъ надворныхъ занятіяхъ, улучалъ кое-когда цѣлыя часы къ занятію себя и письменными упражненіями, а особливо сочиненіемъ матеріала для моего «Экономическаго Магазина», котораго въ изданіи не хотѣлось мнѣ никакъ сдѣлать наималѣйшей остановки. Итакъ, не одно утро и праздное полуденное время, когда работные люди отдыхали, препроводилъ я въ писаніи. Но, кромѣ того, затѣяно было у меня съ сыномъ еще одно дѣльце. Мнѣ не хотѣлось къ намѣстнику, по его приглашенію, пріѣхать въ гости съ пустыми руками. И какъ около самаго

сего времени искусство составлять ландшафтные картины изъ однихъ травокъ и листиковъ цвѣточныхъ довели мы съ сыномъ до нарочитаго совершенства, то и вздумалось мнѣ (къ тому времени какъ мнѣ ѣхать къ намѣстнику) смастерить съ нимъ нарочитой величины прекрасную травяную мозаическую ландшафтную картину, за хорошимъ стекломъ и за богатыми раззолоченными рамками, и сдѣлать ею намѣстнику сюрпризъ и подарокъ, мнѣ хотя очень мало стѣдующій, но ему пріятный. Итакъ, оба мы съ сыномъ совокупно симъ трудомъ и занимались и успѣли и сіе дѣльце сдѣлать.

Наконецъ, сталъ приближаться и августъ мѣсяцъ. И какъ первое число онаго назначено было къ тому, чтобъ мнѣ находиться уже въ сіе время у него въ его подмосковной деревнѣ,—то и расположился я отправиться туда нѣсколько поранѣ, за недѣлю до сего срочнаго времени, дабы, пользуясь симъ случаемъ, заѣхать мнѣ и въ свое Дворяниново и пробыть въ ономъ хотя нѣсколько сутокъ. А какъ и сыну моему хотѣлось вмѣстѣ со мною побывать въ нашей деревнѣ и потомъ съѣздить къ отцу своему крѣстному, господину Полонскому, и у него все то время погостить, покуда я проѣзжу къ намѣстнику,—то расположился я и его взять съ собою для сотоварищества.

Итакъ, собравшись въ сей путь, поѣхали мы съ нимъ 25-го августа изъ Богородицка. При проѣздѣ, въ Тулѣ подрядили мы съ г. Давыдовымъ тамошнихъ столярей сработать намъ ту прекрасную ротунду, которая такъ много потомъ украшала собою нашъ садъ Богородицкій. И сдѣлавъ мимоѣздомъ и сіе дѣло, пустились далѣе.

Въ деревню свою пріѣхали мы съ нимъ 27-го августа, и такъ рано, что успѣли съ нимъ еще въ тотъ же день обѣгать и обходить всѣ наши сады и всю усадьбу. Всѣ ихъ нашли мы въ жалкомъ и запустѣломъ почти состояніи. Ибо какъ по стеченію обстоятельствъ не удавалось мнѣ во всѣ послѣдніе передъ симъ годы въ

деревнѣ своей въ лѣтнее время побывать, а того меньше проводить въ ней нѣсколь-ко дней, то отсутствіе сіе произвело великія уже во всемъ перемѣны. А особливо — по обстоятельству, что прикащикъ мой былъ самый простой человекъ и не столько имѣлъ попеченіе о домѣ и о прочемъ, сколько о своемъ карманѣ; а старикъ-садовникъ мой, дядя Серѣга, такъ уже одряхлѣлъ, что почти ничего дѣлать былъ не въ состояніи, а младшій его ученикъ Иванъ былъ также не слишкомъ ретивъ и болѣе плутовать, нежели обо всемъ рачителенъ, — то натурально должны были произойти оттого во всемъ великія и для меня крайне непріятныя упущенія. Словомъ: я нашелъ все въ такомъ безпорядкѣ, что не хотѣлось почти ни на что и взглянуть, и если-бъ не утѣшало обоихъ насъ прекрасное положеніе мѣсть, которыми натура одарила нашу усадьбу, то было-бъ намъ очень скучно.

Со всѣмъ тѣмъ, имѣли мы съ сыномъ множество минутъ пріятныхъ. Поспѣшествовало къ тому много то, что какъ тогда вкусъ мой, относительно до садовъ, совсѣмъ перемѣнился, и я, разлюбивъ сады старинные регулярные, полюбилъ уже иррегулярные, натуральные и прекрасные (а симъ вкусомъ напитался уже и сынъ мой, дѣлающійся уже во всѣхъ моихъ упражненіяхъ и затѣяхъ нарочитымъ уже мнѣ товарищемъ и помощникомъ), — то у обоихъ у насъ и произошли тогда первѣйшія мысли о превращеніи и нашихъ садовъ, а особливо нагорнаго и нижняго, изъ регулярныхъ въ натуральные. А посему и пошли у насъ съ нимъ тотчасъ разные замыслы и затѣи о томъ, какъ бы сіе сдѣлать и гдѣ бы что и какъ перемѣнить или что вновь со временемъ сдѣлать.

Желаніе наше къ сему было такъ велико, что мы готовы-бъ были и тогда уже приступить къ сему преобразованію оныхъ, если-бъ не препятствовало къ сему съ одной стороны сколько краткость времени, столько съ другой и бывшая тогда самая рабочая и такая пора, что нельзя было никого оторвать съ поля

для работъ садовыхъ и производства нашихъ затѣвъ въ дѣйство, — и потому принужденъ я былъ довольствоваться однимъ только тѣмъ, что успѣлъ объѣздить и осмотрѣть всѣ мои дачи и уголья, повидаться съ братомъ Михаиломъ Матвеевичемъ и сдѣлать кон-какія распоряженія въ домѣ. Совсѣмъ тѣмъ, не преминули мы съ сыномъ воспользоваться хотя тѣми немногими людьми, которые съ нами пріѣхали, и бывшими въ домѣ, и при помощи ихъ расчистить въ вершинѣ свою течку, и начали кое-что и другое дѣлать, сообразно съ нашими новыми затѣями. И можно сказать, что дни сіи были достопамятны для садовъ моихъ эпохою въ будущемъ времени, въ которомъ начались съ ними превеликія работы, относящіяся до ихъ преобразованія.

Препроводивъ въ сихъ замыслахъ и упражненіяхъ въ сей разъ не болѣе двухъ или трехъ дней, поѣхали мы съ нимъ наконецъ къ другу моему, господину Полонскому, въ его Зыбинку. Сего нашелъ я уже совсѣмъ въ иномъ положеніи, нежели въ какомъ любезный человекъ сей былъ прежде. Онъ былъ уже тогда вдовцемъ, ибо жена его, съ которою онъ, за нѣсколько до того времени поссорившись, разошелся, умерла. Онъ же, живучи въ уединеніи, не только отяготѣлъ, но и одряхлѣлъ примѣтнымъ образомъ. Но сіе бы еще не составляло дальней важности, но перемѣнило все положеніе его, наиболѣе то, что онъ связался тѣсною дружбаю съ однимъ изъ господъ Шишкиныхъ, Александромъ Левонтьевичемъ, человекомъ хотя не глупымъ, но самого дурнѣйшаго характера, умѣвшимъ къ нему такъ подольститься, что онъ, женивъ его на одной бѣдной сосѣдкѣ, подарилъ ему даже одну изъ деревень своихъ, въ близости тутъ находящуюся. Но сей, вмѣсто благодарности за то, пріучилъ его къ тому, къ чему онъ до того ни мало былъ не сроденъ, а именно къ частому гулянію или, прямѣе сказать, спилъ его почти съ круга. Словомъ, я ахнулъ ажъ, найдя его въ такомъ положеніи, что тогдашняя

его жизнь ни на что уже не походила, и сожалѣлъ уже о томъ, что завезъ съ собою къ нему своего сына. Но какъ съ собою мнѣ его къ намѣстнику взять никакъ было не можно, то принужденъ уже былъ его на нѣсколько дней у него покинуть, что и г. Полонскому, повидимому, было не противно, ибо, по прежней своей ко мнѣ дружбѣ, все еще былъ онъ ко мнѣ ласковъ и дружелюбенъ.

Итакъ, отобѣдавъ у него и оставивъ своего Павла въ Зыбникѣ, пустился я въ тотъ же еще день далѣе. Переночевавъ въ Серпуховѣ, пробирался кое-какъ проселочными дорогами и пріѣхалъ наконецъ къ намѣстнику столь рано, что мы успѣли еще съ нимъ обходить многія мѣста его усадьбы.

Я нашолъ у намѣстника тутъ прекрасный каменный домъ, во всемъ почти подобный нашему богородицкому, и прекраснѣйшую усадьбу. Онъ жилъ тутъ какъ бы какой англійскій лордъ, и все у него прибрано было тутъ по-боярски. Позади дома находился регулярный садъ, со множествомъ бесѣдокъ и разныхъ домиковъ, а предъ домомъ обширное мѣсто съ нѣсколькими прудами, а за нимъ увидѣлъ рѣку Пахру, протекающую прекрасною излучиною, а за оною и по сторонамъ прекрасный лѣсъ прощя. Словомъ: положеніе мѣста было пышное и такое, что я не иначе оно, ровно какъ и все то, что имъ сдѣлано было, хвалить былъ долженъ.

Намѣстникъ пріѣздомъ моимъ былъ очень доволенъ, а поднесенною ему картиною еще того болѣе. Онъ не могъ ею довольно налюбоваться и показывалъ всѣмъ ее за диковинку, а особливо фавориткѣ своей, госпожѣ Вельяминовой, которая гостила у него тогда тутъ же съ своимъ мужемъ. И при семъ-то случаѣ посмотрѣлся я довольно сей госпожѣ, игравшей тогда важную роль, и не могъ довольно начудиться ея мужу, нечувствующему ни малѣйшаго оттого стыда, что носилъ почти только званіе мужа, и жертвующему женою своею въ угодность сему вельможѣ. Но не столько удивителенъ былъ

мнѣ онъ, сколько отецъ сей госпожи. Онъ былъ г. Бунинъ и служилъ тогда городничимъ въ городѣ Бѣлевѣ, гдѣ намѣстникъ и познакомился съ симъ семействомъ. Говорили, что будто бы и самъ отецъ и мать сей госпожи, бывшей тогда дѣвушкою, посѣществовали сами такому знакомству дочери своей съ намѣстникомъ, и единственно для того, чтобъ пользоваться его милостію. И дабы можно было ему ее имѣть всегда у себя въ близости, то и выдана она была за молодого человѣка, изъ фамиліи Вельяминовыхъ, котораго намѣстникъ по самому сему случаю произвелъ въ люди, и который, находясь при немъ въ должности совѣтника правленія, игралъ также тогда важную роль. Но какъ бы то ни было, но для меня, какъ посторонняго человѣка, не было въ томъ никакой нужды, и я доволенъ былъ тѣмъ, что и госпожа сія обходилась со мною довольно ласково и совсѣмъ не такъ гордо, какъ съ другими.

Для жительства мнѣ отведена была одна бесѣдка въ саду его, чѣмъ я былъ и доволенъ. Намѣстникъ принялъ меня какъ гостя и тотчасъ повелъ меня показывать все имъ сдѣланное въ своей усадьбѣ. Я хотя и хвалилъ все, но находилъ вездѣ болѣе употребленнаго кошта къ работѣ, нежели вкуса. Но умалчивалъ о томъ, а преподávalъ ему только мысли о разныхъ другихъ вещахъ, которыя, по мнѣнію моему, было бы не дурно еще сдѣлать. Всѣми сими, какъ въ тотъ, такъ и въ послѣдующій день такъ я его прельстилъ, что онъ смѣясь сказалъ мнѣ наконецъ: «Нѣтъ, нѣтъ, Андрей Тимоѣевичъ, впредь ты ко мнѣ, пожалуй, сюда не ѣзди, а то ты меня заведешь въ безконечныя хлопоты и убытки своими заманчивыми предложеніями».

На другой день съѣхалось къ намѣстнику множество другихъ гостей и весь оный провели мы весело, и такъ, какъ бываетъ въ Англии. По-утру собрались мы всѣ пить къ нему чай; совокупно и для завтрака, поставленъ былъ въ залѣ большой круглый столъ; и за нимъ, сидячи кругомъ, пили мы чай. Потомъ, до

самаго обѣда, имѣли мы, всѣ бывшіе тогда у него въ гостяхъ, свободу ходить и гулять, гдѣ кто хотѣлъ, и дѣлать, что кому угодно. И какъ черезъ колоколъ надо было всѣмъ знать, что обѣденный столъ былъ готовъ, то сѣвши всѣ къ оному и были угощены сытнымъ и пышнымъ обѣдомъ. А послѣ обѣда, все достальное время провели мы въ непрерывныхъ общихъ гуляньяхъ по прудамъ и по рошамъ, переѣзжали черезъ рѣку и тамъ въ поставленномъ шатрѣ пили чай. Потомъ ѣздили съ нимъ на бумажную его фабрику, гуляли по его англійскому, ничего незначащему, саду, и такъ далѣе. Словомъ, весь сей день провели мы въ удовольствіи.

Утро же въ слѣдующій за симъ день занимался намѣстникъ наиболѣе со мною разговорами о разныхъ матеріяхъ, показывалъ часть-отъ-часу болѣе своего ко мнѣ благоволенія и не прежде меня отъ себя отпустилъ какъ предъ вечеромъ, всѣмъ его приѣмомъ и угощеніемъ крайне довольнаго. Но какъ я ни поздно отъ него поѣхалъ, но успѣлъ въ тотъ же еще день доѣхать почевать въ Лопасну; а наутріе заѣхалъ къ г. Полонскому и, взявъ отъ него сына, возвратился къ вечеру въ свое Дворениново.

Путешествіе сіе koliko было мнѣ пріятно, тоliko, напротивъ того, сыну моему все сіе время было крайне скучно. Онъ не радъ былъ, что попался тогда къ г. Полонскому, сидящему только за своимъ столикомъ и раздѣргивающему шелковые лоскутки, или перебирающему по зернушку пшеницу на сѣмена и не занимавшемуся съ нимъ ни какимъ почти разговоромъ. А сіе натурально и нагнало сыну моему скуку, и онъ прожилъ сіи дни, равно какъ въ неволѣ, и радъ былъ, что ему удалось сходить для прогулки на берегъ рѣки Оки. Которая его прогулка была тѣмъ достопамятна, что онъ нашелъ тамъ въ пескѣ множество раковинъ и улитокъ, и преподала мнѣ мысль велѣть ихъ набрать какъ можно болѣе и употребить ихъ потомъ на украшеніе нашего грота. Впрочемъ, досто-

памятно, что сей разъ былъ уже послѣдній, что я видѣлъ г. Полонскаго, ибо послѣ того до самой его кончины, вослѣдовавшей чрезъ нѣсколько времени послѣ сего свиданія, не удалось мнѣ уже никогда видѣть сего моего друга, котораго любовь ко мнѣ такъ мнѣ памятна, что я и понынѣ видалъ нерѣдко издали то мѣсто, гдѣ почіеть прахъ его, смотря на оное съ чувствительными движеніями душевными, и всякій разъ желаю ненарушимаго косямъ его покоя.

Не успѣли мы возвратиться въ Дворениново, какъ, дорожя всякою минутою, принялись мы тамъ опять за работу. А именно: намъ вздумалось вершину нашу въ одномъ мѣстѣ перегородить срубомъ и текущую по ней воду такъ возвысить, чтобъ ее можно было провести такимъ же водоводомъ, какъ и въ Богородицкѣ, въ мой нижній нагорный садъ и произвести въ немъ ея какія-нибудь водяныя украшенія. Итакъ, тотчасъ отысканы были дубовыя пластины и я заставилъ рубить изъ нихъ косорубъ и преградилъ имъ противъ самыхъ хоромахъ вершину и ожидалъ отъ сего не вѣдомо какой пользы. Но впослѣдствіи времени оказался всѣ сіи труды тщетными. Вода не дала себя никакъ остановить и по желанію возвысить, и я принужденъ былъ предпріятіе сіе оставить до другого времени. Такимъ же образомъ затѣвалъ было я въ сей разъ и на Удеревѣ сдѣлать для себя двѣ сажелки и нарочно для того ходилъ туда и назначивалъ къ тому мѣста. Но и сіе осталось безъ всякаго послѣдствія и успѣха.

Между тѣмъ, видѣлся я и съ другими моими сосѣдями г. Басаргиннымъ и его женою и принужденъ былъ имѣть съ ними превеликій крикъ и споръ, по поводу хранимаго у меня ихъ векселя. Они приступили опять ко мнѣ и требовали его выдачи, а я никакъ на то не соглашался и, желая спасти наслѣдіе своей крестницы, не взиравъ на всю ихъ досаду и гнѣвъ, а смѣялся только глупому ихъ требованію и желанію до конца разорить бѣдную сироту сію.

Наконецъ, проводивъ еще одинъ день въ дѣланіи помянутой преграды и уступа и, оставивъ недодѣланными, поѣхали мы въ Богородицкѣ. И заѣхавъ въ Федешово и тамъ отобѣдавъ, благополучно 7-го числа августа возвратился къ моимъ домашнимъ въ Богородицкѣ.

Симъ образомъ, окончивъ и сіе свое путешествіе, принялся я опять за всѣ прежнія мои дѣла и упражненія. И посидѣвъ опять за перомъ и наготовивъ на все достаточное время сего года потребное количество матеріала для моего «Экономическаго Магазина», принялся я опять за садъ, а особливо за отдѣлку грота. Сей вздумалось мнѣ убрать со-всѣмъ отмѣннымъ и такимъ образомъ, какимъ еще никто до того времени не убиралъ гротовъ. Я велѣлъ сперва отгородить досками всѣ его углы во внутренней и дать ему чрезъ то внутри фигуру осьми-угольную и сообразную съ его потолкомъ, срубленнымъ, на подобіе осьми-угольнаго свода. Въ помянутыхъ отгородкахъ велѣлъ подѣлать круглыя углубленія, ниши, въ которыхъ бы сидѣть было можно, а въ сводѣ срубить маленькій лантернь съ четырьмя окончинами и поставить на немъ, какъ на пьедесталѣ, мраморную статую. Въ сей лантернь входилъ свѣтъ въ мой гротъ. Но какъ сего было не довольно, то получалъ онъ нѣсколько свѣта и въ оба свои входа, которые сдѣланы были въ него съ двухъ сторонъ, какъ я прежде упоминалъ, пещерами. При самомъ входѣ его, подѣлалъ я порядочныя стеклянныя двери, а соответственно имъ, въ противостоящихъ стѣнахъ, сдѣлалъ двѣ другія, точно такой же величины и формы, фальшивыя двери, и вмѣсто стеколъ вставилъ въ нихъ зеркала, купленные мною нарочно для сего въ проѣздъ мой въ Тулѣ. Самая сія выдумка и составила наилучшее украшеніе моего, лѣщестью порядочно мощеннаго, грота, ибо всякій, входящій въ гротъ, обманывался и не иначе думалъ, что съ противоположной стороны есть въ него другой входъ и также идутъ въ него другіе люди, и сей обманъ зрѣнія

былъ столь совершененъ, что многіе, обманувшись и увидѣвъ тамъ людей и сами себя не узнавъ, снимали изъ вѣжливости шляпы и кланялись, и чрезъ то подавали поводъ къ смѣху и хохотанью.

Но сего было далеко еще не довольно. Чтобъ придать гроту моему видъ совершенно каменнаго грота, велѣлъ я всю внутренность его, какъ стѣны, такъ и сводъ, порядочно оштукатурить и штукатуркою сею прикрыть все дерево такъ, чтобъ онаго совсѣмъ было не примѣтно; а повыше стѣнъ, подъ куполомъ, обвести большимъ карнизомъ; а для приданія еще множайшей красоты, какъ стѣны, такъ и ниши, а въ особенности карнизъ во многихъ мѣстахъ — украсить вставленными въ штукъ многими рядами и узорами большихъ и малыхъ раковинъ и улитокъ. Вставлялись оныя такъ, чтобъ приходились онѣ, гдѣ спинками своими, гдѣ углубленіями своими наружу; а чтобъ придать имъ болѣе красоты и блеска, — то постарались мы ихъ нѣныя вызолотить, а нѣныя высеребрить, и по серебру разцвѣтить подъ видъ перламутры разными на лакъ красками. Нельзя довольно изобразить — какой прекрасный видъ и какое украшеніе они собою сдѣлали, а особливо въ карнизѣ и въ нишахъ, въ коихъ изображены были изъ нихъ цѣлыя фестоны, повѣшенные на шнурахъ, составленныхъ изъ крупныхъ бѣлыхъ, на подобіе бусовъ, пронизокъ. Всѣ же промежутки на стѣнахъ и сводѣ между сими обводками усыпаны были по сырому штукѣ, гдѣ разными цвѣтными нашими песками, гдѣ истертою слюдою, а гдѣ мелкимъ бутылочнымъ стекломъ, что все такой придавало блескъ и такую нестроту и расположено было съ такимъ вкусомъ, что гротъ мой составилъ сущую великолѣпную и такую игрушкою, что, вошедъ въ него, засмотрѣться было можно. А чтобъ придать ему еще болѣе куріозности, то вверху, въ лантернѣ, противъ окончинъ, утвердилъ я вкось и въ такомъ положеніи зеркала, что въ нихъ видѣвъ былъ весь нашъ городъ и всѣ положенія мѣстъ, вверху пруда находящіяся. Зеркальныя

же двери, кромѣ вышеупомянутого обмана, производили и то дѣйствіе, что стоящему посреди грота человѣку казалось, что онъ окруженъ не одними, а нѣсколькими комнатами, также великолѣпно украшенными. Словомъ, весь гротъ сдѣлался чрезъ все сіе такимъ, что не стыдно-бы ввести въ него было хотя бы самого Государя.

Конечно, можно всякому заключить, что все сіе скорѣе сказать, нежели сдѣлать можно было. И я, не обинуясь, скажу, что сдѣлалъ онъ мнѣ хотя небольшіихъ коштовъ, но хлопотъ и трудовъ весьма многихъ, и тѣмъ паче, что всѣми внутренними его работами и украшеніями не могли заниматься простые работники, а потребны были къ тому искуснѣйшія руки. А потому употреблялъ я къ тому не только моего досужаго садовника, штукатура и маляра и нашего переплетчика, но и самъ, вмѣстѣ съ сыномъ моимъ, надъ тѣмъ, особливо надъ разцѣпчиваніемъ многихъ тысячъ раковинъ и улитокъ, лично трудился. И всѣ мы тѣмъ не только половину августа, но и большую половину сентября мѣсяца занимались и едва-едва его къ 20-му числу сентября окончили. Но сказать надобно мнѣ и то, что всѣ сии многіе труды мнѣ были не только ни мало не скучны и чувствительны, но весьма еще пріятны, и ежедневно доставляли мнѣ множество минутъ пріятныхъ. Ибо всякая отдѣльная штука или вновь выдуманное и затѣянное украшеніе веселило и радовало меня чрезвычайно, а такое же удовольствіе имѣлъ при томъ и сынъ мой, равно какъ всѣ, въ работѣ участіе имѣвшіе.

Со всѣмъ тѣмъ, все сіе было еще не одно, въ чемъ мы, особливо я, въ самое сіе время упражнялись. Но надобно сказать, что между тѣмъ какъ мы занимались внутреннимъ украшеніемъ грота, производимы были другими работными людьми и разными другія въ саду работы: одни изъ нихъ отдѣлывали, по указанію моему, песчаную удивительную пещеру и наружность горы, обдѣлываемую разва-

льною; другіе — строили каменный павильонъ; иные отдѣлывали самый большой нижній водоемъ, котораго дно, по причинѣ рыхлости земли принуждены мы были устлать и убивать сплошь такими же пластами изъ синей глины, о какихъ я упоминалъ прежде и которые одни въ состояніи были удерживать въ немъ воду; а иные, наконецъ, воздвигали привезенную къ намъ и сдѣланную уже ротунду и раскрашивали онуя разными красками. Сверхъ всего того, назначивалъ я и далѣе вверху прочія мѣста въ саду, которыя осенью засаживать лѣсомъ надлежало, и такъ далѣе. Словомъ, все сіе время было для меня преисполнено безчисленными хлопотами и трудами.

Впрочемъ, не успѣлъ и отдѣлать своего грота, какъ случилась мнѣ еще на нѣсколько дней отлучка. Пріятель мой и знакомецъ, г. Сахаровъ, живущій въ Ефремовскомъ уѣздѣ и верстѣ за сорокъ отъ насъ, вздумалъ, не помню по какому-то случаю, сдѣлать у себя большой пиръ. Итакъ, принуждены мы были къ нему ѣздить, и въ отлучкѣ сей провели 22-е, 23-е и 24-е сентября мѣсяца. И какъ у г. Сахарова былъ въ сіе время превеликій сѣздъ и множество знаменитаго дворянства и 23-го числа порядочный балъ, то не только провели мы сіе время у него въ танцахъ и въ гуляньяхъ по его прекрасному саду весьма весело и были угощеніемъ его крайне довольны, но я имѣлъ случай познакомиться со многими знаменитыми и до того мнѣ незнакомыми людьми.

Возвратясь отъ г. Сахарова, послѣдніе дни сентября употребилъ я на назначеніе въ саду лабиринта. Какъ я съ-малолѣтства превеликую охоту имѣлъ къ игрушкамъ сего рода и всѣ дѣланные мною до того опыты были какъ-то неудачны, то восхотѣлось мнѣ употребить и въ семъ саду одно пустое мѣсто подъ лабиринтъ и занять его онымъ. Наиболѣе же побудило меня къ тому то, что около самаго сего времени случилось мнѣ выдумать лабиринтъ отменно замысловатаго рода. И какъ, по нетерпѣливости моей

во всѣхъ такихъ случаяхъ, возгорѣлось во мнѣ желаніе видѣть оной въ самой практикѣ, а мѣсто случилось къ тому удобное, въ работникахъ и матеріалахъ къ тому не было недостатка, — то и принялся я за назначеніе онаго. Намѣреніе мое было произвести всѣ стѣны его изъ насаженнаго силошъ кустарника. И потому не успѣлъ его назначить, какъ и велѣлъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ быть дорогамъ, прорывать широкія борозды, а изъ земли, вынимаемой изъ нихъ, дѣлать по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ быть стѣнамъ, гряды, назначаемаыя подъ посадку кустарника. Но какъ къ достиженію онаго до совершенства требовалось много времени, то, желая скорѣе онымъ пользоваться, предпріятъ я по всѣмъ симъ грядкамъ набить силошнѣ и столь частые колья, чтобы сквозь ихъ съ одной дорожки на другую никакъ пролѣзть было не можно, и переплести ихъ сверху, всѣ сплечь въ одну препорцію. Въ срединѣ же, какъ въ центрѣ онаго, сдѣлать нарочитой курганъ и на немъ поставить на пѣдесталѣ статую. Черезъ что, черезъ короткое время и привелъ оный до желаемаго совершенства и не одинъ разъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что никто не могъ войти въ него, не ошибаясь множество разъ на распутияхъ. Однако, время и опытность доказали мнѣ, что старинныя садовыя игрушки сего рода всего скорѣе могутъ прискучить, и потому и повеселился я симъ лавиринтомъ не долѣе какъ года два или три, а тамъ его и запустилъ весь въ лѣсочикъ.

Достопамятно также, что около самого сего времени случилось мнѣ впервые выдумать славныя свои пронизочныя картины и щиты, могущія не только при огнѣ, но и въ самые солнечные дни составлять наипрекраснѣйшую иллюминацію. Поводъ къ изобрѣтенію оныхъ подалъ мнѣ пѣдесталъ, сдѣланный подъ статую, поставленную на верху моего грота, или паче — лантернъ онаго. И какъ онъ со всѣхъ четырехъ сторонъ имѣлъ отверстія, со вставленными въ нихъ цѣлыми листами стеколъ, то, для предохра-

ненія оныхъ отъ разбитія, вздумалъ я придѣлать ко всѣмъ четыремъ отверстиямъ по отворяющемуся на петляхъ желѣзному листу. А чтобы не отнять чрезъ то совсѣмъ свѣта отъ моего грота, то и велѣлъ я пробить въ оныхъ по рисункамъ множество круглыхъ дыръ и въ оныя вставить разноцвѣтные проники, что и послужило ко всемъ гроту моему украшеніемъ.

Симъ кончился тогда нашъ сентябрь мѣсяцъ, а мнѣ же почти и мой 46-й годъ жизни. Но что происходило въ октябрѣ и въ послѣдніе мѣсяцы сего года, о томъ перескажу вамъ въ моемъ послѣдующемъ письмѣ, а сіе симъ теперь окончу, сказавъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Февраля 11-го дня 1810 года).

Письмо 220-е.

Любезный пріятель! Мѣсяцъ октябрь ознаменовался пріѣздомъ къ намъ опять командира моего г. Давыдова. Онъ пріѣхалъ къ намъ въ началѣ сего мѣсяца по поводу наступленія времени по обыкновенной переоброцкѣ нашихъ отдаточныхъ въ наемъ излишнихъ земель и пробылъ у насъ цѣлую недѣлю. Все сіе время было для меня опять весьма безпокойное и суетливое, ибо какъ для торговли и найма земли съѣхалось множество дворянства, а сверхъ того и съ г. Давыдовымъ пріѣхало нѣсколько чловѣкъ изъ его знакомыхъ и пріятелей, — то и надобно было всѣхъ ихъ какъ мнѣ у себя, такъ и во дворцѣ, а съ ними и другихъ нашихъ городскихъ угощать. И потому происходили у насъ опять безпрерывныя почти празднества и угощенія, до каковыхъ г. Давыдовъ былъ отмѣнный охотникъ и любилъ весьма какъ у другихъ попировать, такъ и у себя угощать и подчивать. Выходствіе чего и были то-и-дѣло обѣды и ужины, то у него во дворцѣ, то у меня, то у городничаго, то у засѣдателя нашего г. Чулькова, то въ сосѣдствѣ, въ деревнѣ у г. Хомякова. А сверхъ того ѣздили

онъ однажды и на поле для псовой охоты и утѣшался ею цѣлые сутки.

Но какъ время сіе ни было для меня суетливо и безпокойно, но я доволенъ былъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что было у насъ все смирно и хорошо и не было ничего досаднаго и огорчительнаго. Сверхъ того, услаждены были всѣ труды и хлопоты тѣ неописаннымъ удовольствіемъ, какое имѣлъ г. Давыдовъ при усмотрѣніи всего мною сдѣланнаго въ садахъ въ течение сего лѣта. И какъ ему случилось тогда еще впервые лично все увидѣть, а особливо мою песчаную гору и мой гротъ, то онъ только ахалъ на всякомъ почти шагѣ отъ удивленія и не понималъ, какъ могъ я успѣть все сіе сдѣлать въ столь короткое время, и притомъ съ чрезвычайно малымъ коштотъ! И какъ онъ былъ откровенно самолюбивъ и все относилъ болѣе къ себѣ, хотя въ самомъ дѣлѣ всего меньше имѣлъ во всѣхъ моихъ дѣлахъ соучастія, то смѣшно было для меня видѣть, какъ онъ воживалъ всѣхъ пріѣзжающихъ дворянъ для показыванія въ садахъ всего, что мы будто бы съ нимъ успѣли надѣлать, и какъ всѣмъ тѣмъ кичился! Я охотно давалъ ему волю предаваться таковымъ самохвальствамъ, ибо вѣдалъ, что всѣ знали, что ни мало не онъ, а одинъ я былъ тому производителемъ, и довольствовался тѣмъ, что всѣ, видѣвшіе мои работы, превозносили до небесъ ихъ похвалами. Но ничто такъ много всѣхъ не удивляло, какъ мой гротъ, бывший со всѣмъ уже тогда въ отдѣлкѣ. И при сихъ-то случаяхъ съ откровеннымъ удовольствіемъ посмотрѣлся я тому, какъ многіе зеркальными дверями при входѣ въ гротъ обманывались и какъ все украшеніе онаго поражало ихъ такимъ удивленіемъ, что онаго изобразить было не можно. Отъ самого сего и загремѣла повсюду о садѣ нашемъ, а особливо о гротѣ моемъ слава, побуждавшая многихъ нарочно пріѣзжать для смотрѣніи онаго.

Впрочемъ, достопамятно, что во время сего пребыванія у насъ г. Давыдова, перетревожены мы были въ одинъ день слу-

чившимся въ слободѣ нашей нарочито большимъ пожаромъ, обратившимъ въ короткое время два дома изъ моихъ канцелярскихъ служителей въ пепель. Но, по счастію, былъ сей пожаръ не близко подлѣ моего дома и случился въ погоду самую тихую, и потому не было отъ него никакой дальней опасности.

Наконецъ, кончились наши торги, и г. Давыдовъ долженъ былъ отъ насъ уѣхать. Сіе воспомянувало не прежде какъ уже 10-го числа октября. Онъ поѣхалъ отъ насъ въ превеликомъ удовольствіи и при отъѣздѣ почти съ просьбою препоручилъ мнѣ сдѣлать еще нѣкоторые планы и рисунки, для представленія самой императрицѣ. Кромѣ сего, сказалъ онъ мнѣ, чтобъ я въ началѣ ноября мѣсяца пріѣхалъ къ нему въ Тулу и оттуда вмѣстѣ съ нимъ съѣздить въ Калугу на именины къ нашему намѣстнику, увѣряя, что сіе будетъ ему откровенно пріятно.

Оба сіи приказанія озаботили меня вновь. И я, сколько по приказанію его, а болѣе по убѣдительной просьбѣ, принужденъ былъ, тотчасъ, по отъѣздѣ его, приняться за сочиненіе помянутыхъ плановъ и рисунковъ и трудиться надъ ними во весь октябрь мѣсяцъ.

Но какъ много ни занимали они меня собою, но я не упустилъ однако и наступившаго тогда удобнаго времени къ осенней садкѣ деревъ. И насадивъ ихъ опять въ саду нѣсколько десятковъ тысячъ, успѣлъ образовать ими всю верхнюю и плоскую часть сада.

Между тѣмъ насталъ день и моихъ именинъ. Сей не преминулъ я, по обыкновенію, праздновать и для всѣхъ нашихъ городскихъ сдѣлать у себя большой пиръ и угостить ихъ обѣдомъ и ужиномъ. И день сей провели мы откровенно весело. Мнѣ начался уже тогда 47-й годъ отъ роду, слѣдовательно доходилъ уже почти пятый десятокъ моей жизни. Да и кромѣ сего какъ то было сіе время для насъ гостисто: то-и-дѣло пріѣзжали къ намъ то тѣ, то другіе гости и отрывали меня отъ моихъ надворныхъ и комнатныхъ работъ.

Кромѣ послѣднихъ и кромѣ дѣланія помянутыхъ плановъ и рисунковъ, присовокупилась еще новая работа. Предлежащая мнѣ опять ѣзда къ намѣстнику возбудила во мнѣ опять желаніе къ смастеренію опять чего-нибудь, чѣмъ мнѣ намѣстника можно было подарить въ его именины и привезти къ сему дню съ собою. При размышленіи о томъ, лучшаго я не находилъ, какъ сдѣлать для него пронизочную иллюминацію, съ изображеніемъ на ней его вензеля. Которую штуку и удалось намъ съ сыномъ смастерить очень хорошо: она походила почти во всемъ на тѣ пронизочныя вставки въ окнахъ, каковыя и теперь еще у меня хранятся, и которыя всѣхъ, выдающихъ ихъ, приводятъ красотою своею въ пріятное удивленіе. Итакъ, при семъ случаѣ впервые вздумали мы дѣлать сего рода прекрасныя дневныя и вечернія иллюминаціи изъ толстой политуры, которая оказалась несравненно къ тому способнѣе листовъ желѣзныхъ. Дѣло сіе, по новости своей, сопряжено было хотя со многими для насъ трудами, но за то и удовольствіе наше было притомъ неизъяснимое, когда мы, ее отдѣлавъ, отиѣнную красоту ея увидѣли. Впрочемъ, какъ она была нарочито величины и назначена быть ночною, то по окончаніи оной и вставили мы ее въ сдѣланный нарочно для того ящикъ, въ которомъ бы можно было скрыть всѣ зажженные позади ей свѣчи, и, для отвоза оной въ Калугу, употребили особую подъ нее подводку.

Наконецъ, настала нашъ и ноябрь мѣсяцъ, и я очень радъ былъ, что успѣлъ къ сему времени какъ сію вновь затѣянную работу кончить, такъ окончить и мои планы и рисунки. На сихъ послѣднихъ изобразилъ я наилучшіе тогдашніе виды въ саду нашемъ, срисованные съ самой натуры. На одномъ изъ нихъ изобразилъ я нашу ротунду со всѣми ея окрестностями, а на другой—всю нашу развалину въ горѣ песчанной, а на третьей—видъ нашего дворца и окрестностей онаго. И сіи рисунки были первые, которые срисованы были мною съ натуры;

и мнѣ удалось сдѣлать ихъ, равно какъ и планы, довольно хорошо, къ чему поспѣствовало много и то, что я, воображая себѣ, что ихъ увидитъ сама императрица, не жалѣлъ при томъ трудовъ и употреблялъ самъ охотно все свое, на лучшее отработываніе оныхъ, искусство.

Итакъ, не успѣлъ я всего сего кончить, какъ собравшись вмѣстѣ съ женою и старшею моею дочерью, имѣвшимъ нужду побывать въ Тулѣ, 4-го числа ноября въ сей путь и отправился. Г. Давыдовъ пріѣзда моего уже дожидаясь и, увидѣвъ сдѣланную мою иллюминацію, такъ былъ ею доволенъ, что не могъ довольно меня за то расхвалить и возблагодарить, не сомнѣваясь ни мало, что она и намѣстнику нашему понравится. Послѣ чего мы съ нимъ тотчасъ въ Калугу и отправились, а жена моя, исправивъ свои нужды, поѣхала назадъ въ Богородицкъ.

Какъ сія вторичная моя ѣзда въ Калугу была для меня въ особенности достопамятна тѣмъ, что преисполнена была многими для меня удовольствіями, то опишу я вамъ ее подробнѣе.

Мы отправились съ нимъ въ сей путь 5-го числа ноября, послѣ обѣда, и расположились ѣхать не прямою дорогою, а чрезъ Алексинъ, поелику г. Давыдову хотѣлось заѣхать къ пріятелю своему г. Мансурову, бывшему тогда тульскимъ предводителемъ, у котораго мы въ деревнѣ и ночевали. И этотъ былъ первый еще разъ, что я былъ у господъ Мансуровыхъ и пользовался ихъ угощеніемъ.

Въ послѣдующій день, продолжая свой путь, пріѣхали мы къ обѣду въ Алексинъ. Тутъ съѣхались мы съ генераломъ съ Дмитриемъ Васильевичемъ Арсеньевымъ, и были вмѣстѣ у родственника нашего Петра Алексѣевича Кирѣева, бывшаго въ сіе время тутъ городничимъ, угощавшаго насъ всѣхъ тогда обѣдомъ. И какъ г. Давыдовъ былъ гость бесѣдный, то за угощеніемъ спмъ и позамѣшались мы въ Алексинѣ такъ долго, что выѣхали уже передъ вечеромъ и не успѣли на паромѣ переправиться чрезъ Оку, какъ и обмеркли. Погода случилась тогда мрач-

ная и самая дурная осенняя. И поелюку ночь была самая темная, то въ темнотѣ сей и сшиблись мы совсѣмъ съ дороги и заѣхали, сами не знаемъ куда, и радиради были, что попали нечаянно на знакомый г. Давыдова домъ Петра Кононовича Прончищева, у котораго и принуждены были остаться ночевать. И въ дальнѣйшій путь не прежде уже поѣхали, какъ 7-го числа по-утру. И какъ надобно было посѣлится, чтобъ не опоздать,—то, ѣдучи дурною дорогою по горамъ и по лѣсамъ, имѣли мы много труда и безпокойствъ. Однако, накормивъ въ Бобровѣ лошадей, успѣли еще до вечера пріѣхать въ Калугу и остановиться въ общественномъ домѣ для квартированія.

Тамъ наше первое дѣло было переселиться и посѣлится къ намѣстнику, праздновавшему въ самый сей день навечеріе своихъ именинъ и дававшему у себя всѣмъ городскимъ въ сей вечеръ маскарадъ. Намѣстникъ принялъ насъ, какъ гостей, очень ласково, и былъ пріѣзду нашему доволенъ. Я представилъ ему свою иллюминацію, которую въ тотъ же часъ для испытанія въ комнатахъ его и зажгли. И она имѣла счастье ему такъ полюбить, что онъ не могъ на нее довольно насмотрѣться. И расхвалилъ сіе новое мое изобрѣтеніе, благодарилъ меня за мое къ нему усердіе и приказалъ тотчасъ отнести ее въ залъ и поставить на хорахъ, дабы всѣ съѣзжающіеся въ самое то время на маскарадъ, могли ею утѣшаться. Итакъ, иллюминація моя подверглась тотчасъ зрѣнію всей публики и приобрѣла себѣ всеобщую похвалу.

Наутріе, какъ въ самый день намѣстниковыхъ именинъ, собрались мы всѣ вмѣстѣ и со всѣми тамошними городскими чиновниками, по обыкновенному, для поздравленій его со днемъ его именинъ. И собраніе было превеликое. Кромѣ насъ съ г. Давыдовымъ, пріѣхало къ сему дню нѣсколько и другихъ нашихъ тульскихъ чиновниковъ, и мы всѣ отличаемы были отъ прочихъ какъ пріѣзжіе гости. Что касается до меня, то день и случай сей былъ для меня въ особливо-

сти достопамятенъ тѣмъ, что намѣстнику угодно было предъ всѣмъ многочисленнымъ собраніемъ наименовать изъ своихъ чиновниковъ рекомендовать и осипать меня толь многими похвалами, что сіе обратило всѣхъ глаза и вниманіе на меня и самого меня даже въ стыдъ вогнало. А сіе и подало поводъ къ тому, что всѣ начали ко мнѣ изъявлять свои ласки и вступать со мною въ пріятные разговоры. А таковое отмѣнное оттого уваженіе наполняло сердце мое наичувствительнѣйшимъ удовольствіемъ.

Обѣдомъ въ сей день угощались всѣхъ городскихъ не намѣстникъ у себя, а зять его г. Дурасовъ, мужъ родной сестры намѣстника. Мы всѣ приглашены были также на сей большой пиръ и обѣдали вмѣстѣ съ намѣстникомъ у оного. А ввечеру былъ балъ и ужинъ у племянника его Ивана Дмитріевича Шенелева, гдѣ также было превеликое собраніе. И какъ мы и къ нему были также приглашены и въ семь пиршествъ имѣли соучастіе, то имѣлъ я тогда случай видѣть все калужское дворянство обоого пола и насмотрѣться танцевъ, а особливо славной танцовщицы княгини Львовой, сдѣлавшейся потомъ очень славною по фавору къ ней покойнаго графа Алексѣя Григорьевича Орлова. Но меня не столько увеселяли танцы, какъ опять многократное со мною разговариваніе намѣстника и опять повторяемыя имъ всѣмъ-и-всѣмъ мнѣ похвалы. Чтò и причиною было, что день сей препровожденъ былъ мною съ отмѣннымъ удовольствіемъ и былъ почти одинъ изъ пріятнѣйшихъ въ жизни.

Какъ послѣдующій день назначенъ былъ для отдохновенія, то, по дозволенію намѣстника, употребилъ я тотъ день на свиданіе съ пріятелемъ своимъ г. Кошелевымъ, братомъ нашей городничихи, и самымъ тѣмъ, который такъ много помогать намъ при театральнѣхъ нашихъ забавахъ. Сей ласковый и любезный человекъ не успѣлъ меня увидѣть, какъ, обрадовавшись до безконечности, звалъ меня наубѣдительнѣйшимъ образомъ пріѣхать къ нему въ сей день обѣдать.

Итакъ, я обѣдалъ въ сей день у него, гдѣ имѣлъ случай спознакомиться съ любопытѣйшимъ изъ всѣхъ тамошнихъ садовниковъ г. Карповымъ, Богданомъ Михайловичемъ, бывшимъ тогда тутъ губернскимъ землебромъ. Какъ онъ былъ роднымъ братомъ свойственника и пріятеля моего Петра Михайловича Карпова, то обласкался онъ и, сдружившись въ одинъ мигъ со мною, просилъ меня удостоить и его своимъ посѣщеніемъ, что я съ удовольствіемъ исполнилъ, и при любопытныхъ разговорахъ съ нимъ имѣлъ случай слышать одно странное происшествіе, съ нимъ случившееся, а именно:

Какъ былъ онъ человѣкъ очень любопытный и превеликій мастеръ рисовать, то, сидючи мы съ нимъ наединѣ въ его квартирѣ, разговаривали о многихъ и разныхъ, какъ любопытныхъ, такъ и важныхъ матеріяхъ. И тогда какимъ-то образомъ зашла у насъ рѣчь о магіи и о томъ, что многіе объ ней толкуютъ. А сіе подало ему поводъ мнѣ сказать: «о, государь мой, что она дѣйствительно на свѣтѣ есть, въ томъ могу я васъ увѣрить собственнымъ своимъ опытомъ или паче примѣромъ, видѣннымъ мною самолично». И какъ я очень любопытенъ былъ о семъ подробнѣе слышать, то продолжалъ онъ мнѣ слѣдующимъ образомъ:

«За нѣсколько лѣтъ до сего случилось мнѣ съ нѣсколькими другими, нашею братьею, ѣздить съ собаками въ отъѣздное поле. Насъ собралось тогда человѣкъ десятокъ вмѣстѣ, знакомыхъ и незнакомыхъ, и мы какъ ѣздили, такъ и ночовывали всегда вмѣстѣ. Квартировали мы въ одномъ дворянскомъ большомъ домѣ, принадлежащемъ дворянину, знакомому одному изъ нашихъ товарищей. Какъ самъ хозяинъ въ домѣ тогда не жилъ, а былъ въ отлучкѣ, то занимали мы для ночеванія своего только три комнаты, на одномъ концѣ сего дома находящіяся. Какъ тутъ, по обыкновенію охотниковъ, препровождали мы, пріѣхавши съ поля, длинные осенніе вечера въ шуткахъ, играхъ, разговорахъ и разныхъ подобныхъ тому упражненіяхъ, то однажды и зашелъ у

насъ также, какъ и теперь, разговоръ о магіи, волшебствѣ, показаніи умершихъ и прочемъ, тому подобномъ. И какъ всѣ почти утвердительно стояли въ томъ, что все это враки и что никакихъ волшебствъ на свѣтѣ нѣтъ, то одинъ изъ нашихъ товарищей, человѣкъ не старый и не слишкомъ молодой, но мнѣ до того незнакомый, слушавшій молча все о томъ ихъ разговоръ и разглагольствіе, усмѣхнувшись наконецъ, сказалъ имъ: «пожалуйте, государи мои, не спорьте о томъ, чего вы коротко не знаете, и не опровергайте того, что вамъ неизвѣстно». За сіе вступились тотчасъ изъ компаніи нашей нѣкоторые и начали еще жарче и такъ спорить, что незнакомецъ сей, разгорячившись, сказалъ: «ну, государи мои, ежели вы мнѣ не вѣрите, то хотите ли я вамъ сейчасъ докажу, что вы въ мысляхъ своихъ ошибаетесь и что на свѣтѣ дѣйствительно есть нѣчто тому подобное, о чемъ мы говоримъ? Не угодно ли кому изъ васъ отважиться сѣсть въ самой далекой комнатѣ сего дома, на краю онаго, и посидѣть тамъ нѣсколько минутъ одному, а мы между тѣмъ останемся всѣ здѣсь и я буду читать одну только маленькую бумажку, а между тѣмъ пускай кто-нибудь изъ насъ здѣсь молвить тихохонько одно какое-нибудь слово, и я ручаюсь въ томъ, что тотъ, кто тамъ будетъ сидѣть, не смотря на всѣ затворенныя двери и дальность мѣста, слово сіе очень явственно услышитъ».

«Сіе предложеніе удивило и смутило насъ всѣхъ. Нѣкоторые изъ насъ охотно хотѣли сіе видѣть, а другіе, а особливо наиболѣе спорившій воскликнулъ: «какъ это можно! не вѣрю я сему и изволь я первый соглашаюсь сѣсть тамъ и сіе испытать собою». — «Хорошо, государь мой, отвѣчалъ тотъ незнакомецъ, только сказываю вамъ напередъ, что хотя и не сдѣлается вамъ ни какова вреда, но будетъ вамъ тяжело, и вы напередъ это знайте». — «Хорошо, хорошо, закричалъ онъ, я ничего не боюсь и теперь же готовъ туда итти». И тогда повелъ онъ насъ туда и, посадивъ его посреди самой даль-

ней комнаты на стулъ, очертилъ на полу, вокругъ его, кругъ углемъ и сказалъ «ну, извольте посидѣть тутъ». И затворивъ всѣ двери, пошолъ со всѣми нами въ прежнюю нашу комнату. И усѣвшись съ нами кругъ стола, вынулъ изъ бумажника своего исписанный какими-то крючками и закорючками небольшой клочокъ бумаги и намъ сказалъ: «ну, государи мои, извольте согласиться между собою о словѣ, какое сказать, и когда я, читая сію бумажку, дамъ вамъ знакъ, то тогда извольте оное тихохонько вымолвить». Всѣ тогда начали мы совѣщаться, что бы такое сказать. И какъ мы тогда поджидали къ себѣ еще одного товарища, котораго звали Никитою Ивановичемъ, то положили вымолвить сіе имя. И какъ онъ во время совѣсьмъ для насъ непонятнаго читанія своей бумажки далъ намъ знакъ, то и выговорили мы сіе имя очень тихо и такъ, что за два шага отъ насъ не можно было оное никакъ слышать. И что же? Не успѣли мы оное вымолвить, какъ въ самый почти тотъ моментъ услышали мы въ той дальней комнатѣ небольшой стукъ. Онъ, вскочивъ, сказалъ намъ: «Ну, государи мои, побѣдите же теперь помогать нашему товарищу, ему тамъ не хорошо». И тотчасъ вмѣстѣ съ нами побѣжалъ туда. И какъ бы вы думали, что мы тамъ увидѣли? Мы нашли сидѣвшаго тамъ лежащимъ уже на полу съ опрокинутымъ стуломъ, безгласнымъ и почти бездыханнымъ, и пѣна изо рта клубилась у онаго. Всѣ мы ахнули и испужались-было. Но незнакомецъ увѣрилъ, что это ничего, и онъ тотчасъ придетъ въ себя и опаматается, что и воспослѣдовало дѣйствительно. И какъ мы всѣ на-прерывъ, другъ предъ другомъ, стали его спрашивать, что съ нимъ было, то сказалъ онъ: «Чево, братецъ, я все сидѣлъ спокойно и ничего не видалъ и не слышалъ, но вдругъ — ровно какъ бы вихрь какой устремился на меня и, грозно сказавъ: «Никита Ивановичъ», съ такимъ стремительствомъ ринулся мимо меня, что я стремглавъ полетѣлъ и съ стуломъ и самъ себя не вспомнилъ, и те-

перь полно, полно мнѣ спорить и не вѣрять». — «То-то, государь мой, подхватилъ нашъ незнакомецъ, и впередъ о томъ не спорьте, чего не знаете совершенно».

«Всѣхъ удивило и поразило сіе происшествіе, и, признаюсь, болѣе всѣхъ меня. Я очень любопытенъ былъ видѣть и пристальнѣе рассмотреть помянутую читанную имъ бумажку, и потому, по возвращеніи въ нашу комнату, просилъ я его показать мнѣ ее. Онъ охотно на то согласился, и я нашолъ такіа на ней изображенія и крючки, и закорючки, какихъ я никогда еще до того не видывалъ, и потому ему сказалъ: «Куда-бъ вы меня одолжили, еслибъ дозволили мнѣ ее списать для себя». Онъ, услышавъ сіе, захохоталъ и мнѣ сказалъ: «да на что вамъ это, вы не можете ее ни прочесть и ничего по ней сдѣлать!» — «Нѣтъ, ничего, отвѣчалъ я, а мнѣ хотѣлось бы изъ одного любопытства имѣть съ нея копію». — «О, пожалуй, пожалуй, сказалъ онъ, ежели вы списать ее можете». — «О, это мое уже дѣло», подхватилъ я. И умѣя рисовать, тотчасъ и срисовалъ нанточнѣйшую перомъ копію, чѣмъ тогда все наше происшествіе и кончилось.

«Но теперь послушайте, продолжалъ г. Карповъ, что послѣдовало и случилось далѣе. Бумажка сія осталась дѣйствительно у меня, хотя безъ всякаго употребленія, но для любопытства спряталъ ее въ мою шкатулку. Потомъ случилось чрезъ годъ послѣ того мнѣ проѣзжать чрезъ Звенигородъ и зайти въ тамошній главный монастырь св. Саввы для слушанія обѣдни. Тутъ, послѣ обѣдни, зазвалъ меня настоятель сего монастыря къ себѣ въ келью на водку. И какъ онъ былъ у меня любопытный человекъ, то вступили мы съ нимъ о разныхъ матеріяхъ въ разговоры, и какимъ-то образомъ дошла у насъ съ нимъ рѣчь о магін. Тогда рассказалъ я ему случившееся со мною помянутое происшествіе. Старецъ слушалъ всю мою повѣсть съ особливымъ вниманіемъ и, по окончаніи оной, мнѣ сказалъ: «Ну, да-бъ я любопытенъ былъ видѣть сію бумаж-

ку». Тутъ вспомнилъ я, что была она со мною, и потому тотчасъ ему сказалъ: «ежели вамъ угодно, то это можно, и она со мною; только жалъ, что она въ шкатулкѣ на квартирѣ». — «О, вельзя ли, подхватилъ онъ, сдѣлать милость и послать за нею». — «Очень хорошо», сказалъ я, и тотчасъ послалъ слугу и велѣлъ принести къ себѣ шкатулку и, доставъ ее, ему ее вручилъ. Настоятель разсматривалъ ее съ особеннымъ любопытствомъ и удивленіемъ и наконецъ мнѣ сказалъ: «теперь хочу я васъ просить, чтобъ вы мнѣ сдѣлали одолженіе и у меня, у старца, въ келіи чѣмъ Богъ послалъ, отобѣдали, а послѣ обѣда хотѣлось бы мнѣ васъ сводить въ одно мѣсто и можетъ быть подамъ вамъ поводъ къ новому удивленію». — «Очень хорошо», отвѣчалъ я, и съ удовольствіемъ остался у него обѣдать, а послѣ обѣда и повелъ онъ меня, мой судыръ, на тамошнюю главную и высокую колокольную, взявъ съ собою и мою бумажку, и взведя на самый верхъ оной, гдѣ висѣли колокола, указалъ мнѣ одинъ превеликій и сказалъ: «позвольте-ка посмотрѣть на сіи фигуры и крючки и закорючки, вылитые на краю сего колокола; мнѣ кажется они очень похожи на изображенныхъ на вашей бумажкѣ». Съ превеликимъ любопытствомъ началъ я оныя лнтеры разсматривать, и дѣйствительно я удивился чрезвычайно, нашедъ ихъ очень сходными съ тѣми. И тогда настоятель сказалъ: «вотъ, судыръ, какъ стараются всѣ знающіе это дѣло увѣковѣчить таковыя изображенія; безъ всякаго сомнѣнія, мастеръ, который въ древнія времена лиль сей островъ (sic), зналъ сію науку, и дабы не могла она истребиться, то вылилъ ихъ (т. е. знаки) на семь колоколѣ въ пользу потомковъ; однако, ни настоятель, ни я не могли далѣе ничего о семъ узнать, и теперь подивитесь и вы сему, государь мой».

«Симъ кончился тогда у насъ сей разговоръ о семъ предметѣ. Послѣ же нашоу я и въ географическомъ нашемъ лексиконѣ подтвержденіе симъ его словамъ / упомянутое, что тутъ на колоколь-

нѣ есть такіа письма, которыя никто и никакъ не могъ еще по сіе время прочитать и узнать, чтѣ значила сія подпись».

Вечеръ же сего дня провели мы вмѣстѣ съ г. Давыдовымъ и многими другими и ужинали у г. Болтина, Петра Александровича, бывшаго также сродни намѣстнику и въ честь ему сдѣлавшаго у себя въ сей день вечеринку.

Въ наступившій послѣ сего день далъ у себя пиръ тамошній губернаторъ Петръ Степановичъ Протасовъ, куда и мы также всѣ приглашены были. Итакъ, проводивши утро опять у намѣстника, поѣхали мы всѣ къ губернатору обѣдать, гдѣ также было превеликое собраніе и всѣ наилучшіе люди. Послѣ обѣда заѣзжали мы опять къ намѣстнику. И какъ оный въ самый сей день ввечеру собирался отправиться въ Петербургъ, то имѣли мы съ нимъ о многомъ, относящемся до нашихъ волостей, разговоръ. По наступленіи-жъ вечера ѣздили съ нимъ вмѣстѣ въ тамошній театръ, на который день представляли «Евгенію» и оперу «Бочаръ». И я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на обѣ сіи піесы, представляемыя довольно хорошо, и имѣлъ при семъ случай видѣть тамошній театръ, который былъ ни чѣмъ не лучше, а еще и похуже нашего Тульскаго. Изъ него же поѣхали на ужинъ и вечеринку къ вице-губернатору г. Арсеньеву, гдѣ были также танцы, а потому и сей день былъ для насъ довольно веселъ. Но симъ и окончились всѣ тогдашнія калужскія прішества.

Какъ намѣстникъ дѣйствительно въ ту же ночь отправился въ Петербургъ, то, распрощавшись съ нимъ, не стали и мы долѣе въ Калугѣ медлить. Но позавтракавъ, на другой день отправился назадъ въ Тулу и другою уже дорогою. На семъ пути съѣхались мы съ другими нашими тульскими, ѣхавшими также обратно, съ которыми вмѣстѣ въ селѣ Макаровѣ мы ужинали. И у господъ нашихъ спутниковъ была тутъ изрядная попойка. Однако мы тутъ не ночевали, а доѣхали

уже ночью до Лихвина, а въ слѣдующій день посѣли къ обѣду и въ Тулу, гдѣ я и ночевалъ въ домѣ у нашего г-на Давыдова, а наутріе, къ вечеру, возвратился къ своимъ въ Богородицкѣ.

Тутъ нашолъ я всѣхъ своихъ родныхъ въ превеликихъ хлопотахъ и суматохѣ, ибо въ отсутствіе мое произошло у нихъ печальное происшествіе: за день до моего приѣзда скончался жившій у насъ мой племянникъ Василій Михайловичъ, старшій сынъ брата Михаила Матвѣевича. Промыслу Господню не угодно было, чтобъ онъ былъ въ числѣ живущихъ на землѣ и играющихъ разныя роли людей, и смерть похитила его у насъ въ самыхъ еще отроческихъ лѣтахъ. Онъ былъ мальчикъ нарочитаго уже возраста, и мы, по тихому и кроткому его характеру, любили его чистосердечно, и я всячески старался о его воспитаніи и обученіи кои-какимъ наукамъ и льстился надеждою, что изъ него выйдетъ человекъ, ибо онъ былъ довольно понятенъ и перенимчивъ. Но какъ съ самого рожденія своего былъ онъ очень слабаго сложенія и нездоровъ, то, худѣя часть-отъ-часу, ровно какъ отъ чахотки, погасъ наконецъ какъ свѣчка, и мы сердечно объ немъ сожалѣли и пролили не одну каплю слезъ при его погребеніи.

Я нашолъ его уже въ церкви. И какъ къ сему времени прискакалъ къ намъ и отецъ его, — то на другой день и предали мы его землѣ и погребли при гошпитальной церкви на островѣ, гдѣ и почіетъ прахъ его и понинѣ, вмѣстѣ съ малюткою моею дочерью Ворварою.

Отправивши сію печальную процессію чуть-было я самъ не занемогъ отъ простуды, но обязанъ былъ много и въ сей разъ своему простудному декохту. Впрочемъ, какъ была у насъ въ сіе время уже глубочайшая осень и всѣ надворныя работы уже кончились, то засѣлъ я опять въ кабинетъ для занятія себя письмомъ и разными другими упражненіями. Изданію моего «Экономическаго Магазина» оканчивался тогда уже пятый годъ и печаталась 20-я часть. И какъ г. Нови-

ковъ не только не отказывался отъ дальнѣйшаго продолженія издаванія оного, но о томъ меня еще упрасивалъ, то, имѣя и самъ къ тому охоту, наглавнѣйше старался я тогда о запасеніи въ сіе глубокое осеннее и первое зимнее время колѣно можно болѣе матеріала для издаванія въ предбудущій годъ. И какъ дѣло сіе чѣмъ далѣе продолжалось, тѣмъ по привычкѣ становилось мнѣ и легче, то и успѣлъ въ оба послѣдніе мѣсяцы сего года написать такое множество матеріи, что оной могло достаточно быть почти на цѣлые полгода.

Въ сихъ сочиненіяхъ препроводилъ я все достальное время скучнаго ноября и первую половину декабря мѣсяца. Но между тѣмъ не рѣдко занимался и рисованьемъ и разными выдумками, до сего искусства относящимися. Большая часть тѣхъ разныхъ и особыхъ работъ и картинокъ, которыя и понинѣ еще украшаютъ собою мои стѣны, а особливо рисованныя по золоту и серебру, или переведенныя на стекла, были изобрѣтеніями и произведеніями сего времени, и мы оба, съ сыномъ, занимались симъ пріятнымъ упражненіемъ по нѣсколько иногда дней и часовъ сряду. Впрочемъ, сынъ мой продолжалъ по-прежнему учиться у своего учителя съ успѣхомъ. И дабы ему не было нужды ѣздить всякій день два раза домой, то, вмѣстѣ съ господами Толбузиными, и жилъ онъ у учителя на островкѣ и былъ на полномъ пансіонѣ, а къ намъ приѣзжалъ только по воскресеньямъ и въ другіе праздничные дни.

Между тѣмъ не упускалъ я ничего, что надлежало производить мнѣ по дѣламъ, относящимся до волостнаго правленія. И по желанію намѣстника, объѣздивъ всѣ деревни, набралъ я и мальчиковъ крестьянскихъ для составленія изъ нихъ волостнаго училища. И какъ ко мнѣ присланъ былъ и учитель для обученія ихъ грамотѣ по нововводимой тогда методѣ, — то училище сіе мы положили помѣstitъ до того времени, покуда построятся оба новые подлѣ церкви корпуса, въ нижнихъ покояхъ одного

дворцоваго флигеля. При установленіи сего новаго и необыкновеннаго заведенія, собственное намѣреніе нашего намѣстника состояло въ томъ, чтобъ мальчишковъ сихъ, выучивъ грамотѣ, обучать потомъ музыкѣ и сдѣлать изъ нихъ людей, годныхъ къ служенію въ разныхъ должностяхъ при волости, а если они впоследствии времени отдадутся г. Бобринскому, то и при немъ въ домѣ. Что впоследствии времени отчасти и совершилось, и всѣ они, кромѣ очень немногихъ, сдѣлались счастливыми, такъ что иные изъ нихъ имѣютъ нынѣ большіе у себя капиталы, и за все свое счастье обязаны мнѣ и тогдашнему моему ихъ выбору и назначенію, хотя они всѣ, равно какъ отцы ихъ, сначала крайне были тѣмъ недовольны и пролило объ нихъ множество слезъ. Итакъ, занимался я много и симъ дѣломъ и частымъ посѣщеніемъ вновь основаннаго училища, и тѣмъ паче, что присланнымъ для обученія ихъ учителемъ былъ я не весьма доволенъ. Былъ онъ малой еще совсѣмъ молодой, происходившій изъ рода церковниковъ и характера совсѣмъ распутнаго и негоднаго, такъ что надлежало за поведеніемъ его имѣть бдительное око и удерживать его отъ многихъ шалостей, которымъ онъ до того былъ преданъ, что наконецъ не было почти силъ и возможности къ удерживанію его отъ оныхъ.

Впрочемъ, не оставляли мы и осеннихъ своихъ увеселеній. И хотя такихъ домовъ было не много, съ которыми могли-бъ мы чередоваться съѣздами, визитами и вечеринками, однако мы довольствовались и тѣми, которые были, и нерѣдко съѣзжались вмѣстѣ, проводжали вечера въ разныхъ играхъ и увеселеніяхъ. Временемъ же, по прежнему обыкновенію, ѣзжали кое-куда по-гостямъ къ пріятелямъ нашимъ, живущимъ въ деревняхъ, и угощали у себя пріѣзжающихъ къ намъ, либо нарочно, либо при проѣздѣ чрезъ Богородицкѣ и заѣзжающихъ къ намъ, и иногда дня по два и болѣе у насъ гостившихъ. И таковыя заѣзды бывали къ намъ довольно часто. А нерѣдко обще-

ство и бесѣды наши увеличивали и пріѣзжающіе къ лѣкарю нашему со всѣхъ сторонъ лѣчиться, живавшіе иногда цѣлыми семействами по нѣскольку времени у насъ въ селѣ или въ городѣ и сводившіе съ нами дружбу и знакомство.

Симъ образомъ провели мы почти не чувствительно всю нашу скучную осень. Началось зимнее время. Около половины же декабря получилъ я отъ командира моего г. Давыдова опять зазывную грамоту о пріѣздѣ къ нему въ Тулу; ибо какъ онъ, по намѣренію своему, собирался тогда отправляться въ Петербургъ, то нужно было ему со мною повидаться и запастись нѣкоторыми по волостнымъ дѣламъ бумагами. Итакъ, я 18-го числа декабря къ нему въ Тулу и поѣхалъ, гдѣ, противъ всякаго чаянія и ожиданія, обрадованъ былъ опять оказаннымъ мнѣ отъ намѣстника новымъ благодѣяніемъ.

Онъ, находясь въ сіе время въ Петербургѣ, не позабылъ тамъ и обо мнѣ и испросилъ у императрицы нарочитую прибавку къ прежнему моему жалованью и прислалъ о томъ къ намъ свое повелѣніе. Сія бумага, которою повелѣно мнѣ было получать уже вмѣсто прежнихъ 600 по 750 рублей жалованья, получена была на другой день пріѣзда моего въ Тулу, и натурально произвела мнѣ превеликое удовольствіе, ибо, по тогдашнему времени, прибавочные 150 рублей столько были велики, какъ бы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ 500 рублей. И я чувствовалъ къ намѣстнику за то великую благодарность. Проводивъ 20-го числа командира моего въ путь, возвратился въ тотъ же день я опять къ своимъ въ Богородицкѣ.

Легко можно заключить, что неожиданнымъ происшествіемъ симъ не мало обрадованы были и всѣ мои домашніе, а сіе и причиною было, что мы какъ праздники Рождества Христова, такъ и всѣ послѣдніе дни сего года, а первые нашихъ святокъ, провели въ ежедневныхъ свиданіяхъ съ нашими городскими друзьями и знакомцами отменно весело.

Симъ образомъ кончился тогдашній

1784 годъ, сдѣлавшійся мнѣ множествомъ пріятныхъ происшествій довольно достопамятнымъ. Весь оный, по особенной ко мнѣ благодати Господней, препроводилъ я со всеѣмъ моимъ семействомъ благополучно и ничего почти злого не воспослѣдовало. Всемогущая десница Господня защитила насъ отъ всеѣхъ несчастій, а напротивъ того осыпала многими милостями и благодѣяніями.

Что касается до состоянія, въ какомъ находилось при концѣ сего года все мое семейство, то замѣчательно, что теща моя, которую продолжалъ я и тогда столько же любить и почитать какъ родную свою мать, была въ обыкновенномъ своемъ слабомъ здоровьи, но которое, какъ казалось, было предъ прежнимъ довольно лучше. Чтò приписывалъ я употребленію оной драгоцѣннаго шалфейнаго бальзама, который случилось мнѣ въ теченіе весны сего года изъ цвѣточныхъ распуколокъ сего крайне врачевнаго и полезнаго произрастенія сдѣлать, котораго нарочно для сего еще въ предсѣдовавшій годъ насажено было у меня побольше. И какъ въ сію весну было на немъ превеликое множество цвѣтовъ, то, обрывая неразцвѣтшія еще распуколки цвѣточныя, настаивалъ я ихъ въ простомъ хлѣбномъ винѣ и получилъ чрезъ то тинктуру или настойку, о которой иностранные писатели утверждали, что въ состояніи она даже продлить самую жизнь человѣка. Но что, по крайней мѣрѣ, мы тогда за примѣтили, что ежедневное прииманіе сей тинктуры по небольшому количеству въ водкѣ, подкрѣпили очень много ея силы и здоровье.

Что касается до меня, то я хотя въ сей годъ и очень много трудился, но не зналъ почти усталости и, благодаря Бога, во все теченіе оного былъ здоровъ. И хотя нѣсколько разъ и простуживался, но вылѣчивался опять столько же скоро своимъ неоцѣненнымъ простуднымъ декоктомъ. Наконецъ, перестала болѣть у меня и моя вывихнутая нога, все до того времени меня беспокоившая. Словомъ,

я во весь сей годъ находился въ вожделѣнномъ здоровьи.

Напротивъ того, жена моя во весь сей годъ подвержена была многимъ, хотя неважнымъ болѣзненнымъ припадкамъ, а особливо простудѣ, которая, подъ исходъ года, была ей въ особенности тягостна, такъ что она оттого очень похудѣла. Причиною тому была наиболѣе истерическая болѣзнь, невоздержаніе въ пищахъ (sic) и неосторожность при выѣздахъ, а паче всего — суетливый и заботливый ея нравъ и душевное безпокойство, всегдашнему гипохондрическому ея сложенію ей свойственное. Однако, и она никогда не была больна слеглою болѣзнью.

Что касается до дѣтей моихъ, то большая дочь моя Елизавета достигла уже около сего времени до совершеннаго возраста и разцвѣла какъ роза, въ полномъ своемъ блескѣ и красотѣ. Она была здорова, весела и такъ хороша, что все (и мы, и посторонніе) не могли ею довольно налюбоваться. Какъ время уже было помышлять о ея замужествѣ, но воли Господней еще на то не было, и жениховъ, сообразныхъ съ желаніями нашими, еще не отыскивалось.

Сынъ мой Павелъ часть-отъ-часу ростъ и развертывался болѣе. Онъ прибавился гораздо уже ростомъ и становился часть-отъ-часу умнѣе. Онъ упражнялся безпрестанно въ наукахъ и въ работахъ разныхъ и началъ уже въ исходъ сего года помогать мнѣ въ переводахъ для моего «Экономическаго Магазина». Въ рисованіяхъ и въ другихъ любопытныхъ работахъ былъ онъ уже мнѣ добрымъ помощникомъ и мало-по-малу начиналъ уже и самъ выдумывать кое-что. Нравъ и весь характеръ его выливался также наипрекраснѣйшимъ. Словомъ, я имѣлъ тысячу причинъ имъ веселиться и благодарить Бога за сей сниспосланный мнѣ великій даръ, ибо надежда моя объ немъ часть-отъ-часу увеличивалась болѣе.

Вторая дочь моя, Настасья, поднялась также около сего времени на ноги и сдѣлалась уже почти полуневѣстою.

По тихому и прекрасному ея нраву, а также по способности ко всему, была она всѣми нами любима. Въ сей годъ была она нѣсколько больна, но помогли ей слабительныя. И какъ она оправилась, и она у насъ и писала и училась, у меня, а болѣе у брата, съ которымъ была у нея особливая дружба, рисовать. Что-жъ касается до Елизаветы, то сія рисовала уже нарочито хорошо и всякими красками.

Третья дочь моя, Ольга, была еще почти рабѣнкомъ, но не худымъ, подавала также о себѣ хорошую надежду. Она продолжала еще учиться писать и росла очень суха; наконецъ, оказалось, что причиною тому были глисты.

Наконецъ, меньшая моя дочь, Катерина, также росла и была въ сей годъ игрушкою и утѣхою всему нашему дому и всѣмъ пріѣзжающимъ къ намъ, и всѣми была очень любима. Словомъ, была милымъ и любезнымъ рабѣнкомъ, и мы ласкались надеждою, что и она будетъ имѣть хорошія свойства

Что касается до моихъ трудовъ, то объ нихъ упоминалъ я уже выше, теперь только замѣчу, что никогда еще такъ много не трудился и такъ много дѣятельно не былъ, какъ въ теченіе сего года, который вкупѣ достопамятенъ былъ и многими моими выдумками, относящимися какъ до садовъ, такъ и до рисованья. Множество существующихъ еще и понынѣ моихъ картинъ служатъ памятниками сего года.

Симъ и окончу я теперь исторію сего года и, сказавъ, что дальнѣйшее описаніе жизни моей найдете вы въ послѣдующихъ письмахъ, остаюсь вашъ, и прочее.

(Февраля 15-го дня 1810 года).

Конецъ двадцать первой части.

(Начата генваря 17-го, окончена февраля 15-го 1810 года, слѣдовательно сочинена меньше, нежели въ мѣсяцъ).

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА ЗАПИСОКЪ А. Т. БОЛОТОВА.

ЧАСТИ: XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX и XXI.

1771 — 1784.

ЧАСТЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи моей первой деревенской жизни по отставкѣ вообще, а въ особенности о бывшихъ происшествіяхъ въ несчастное время морового повѣтрія.

1771 — 1773.

СЛ. Бѣдствія въ Москвѣ. — Появленіе чумы. — Откуда пришла она къ намъ. — Распространеніе ея въ Москвѣ, вслѣдствіе непринятія предосторожностей заблаговременно. — Первый испугъ отъ чумы у насъ. — Совѣщанія о томъ, какъ помочь городу. — Чувствованія мои и размышленія по поводу сего народнаго бѣдствія. — Тогдашнія понятія наши о чумѣ. — Успокоеніе. — Опять испугъ. — Учрежденіе частныхъ смотрителей. — Предосторожности наши отъ чумы. — Слухи о московскомъ народномъ мятежѣ. — Исторія мятежа. — Причины его. — Преосвященный Амвросій. — Поступки поповъ. — Корыстолюбіе городского плацъ-маіора. — Народное возмущеніе. — Разграбленіе Чудова

монастыря. — Нападеніе на Донской монастырь. — Мученическая кончина архіепископа Амвросія. — Дальнѣйшіе замыслы черни. — Петръ Дмитр. Еропкинь. — Мѣры его противъ черни. — Прекращеніе мятежа 5

СЛII. Прекращеніе чумы. — Употребленіе колодниковъ для зарызанія тѣлъ, умершихъ чумой. — Награжденіе Еропкина. — Отправленіе графа Орлова въ Москву для употребленія стараній къ прекращенію чумы. — Пожаръ въ Головинскомъ дворцѣ. — Конецъ чумы въ Москвѣ. — Слухи о случаяхъ чумы по сосѣдству. — Алчность попа Ивана. — Молебень о прекращеніи язвы. — Чума въ Злобинѣ и окружающихъ насъ деревняхъ. — Наше смятеніе. — Полученіе серебряной медали отъ Вольно-Экономическаго Общества. — Чувствованія мои. — Заказъ отъ Общества. — Народное суевѣріе. — Моцъ пмянины. — Запятія мои. — Хлопоты съ братомъ Михайломъ Матѣевичемъ. — Ызда въ Сенино. — Череполохъ. — Моя болѣзнь. — Испугъ мой. — Выздоровленіе. —

стр.

стр.

Празднованіе приходскаго праздни-
ка.—Чертенюкъ моего изобрѣтенія.—
Ѣзда въ Алексинъ.—Конецъ 1771 г.

31

CLIII. 1772 годъ.—Чувствованія
мои по случаю Новаго года.—Мои
упражненія.—Книга «О счастіи».—
Отъѣздъ дѣда.—Рожденіе племян-
ницы Александры.—Плоды ирраднаго
времени.—Раздѣлъ лѣса Удерева.—
Братъ Гаврила Матвѣевичъ.—Раз-
дѣлъ другого лѣса.—Знакомство съ
Темешовымъ и Ворониннымъ.—По-
вѣстка отъ межевщика.—Рисованіе
портрета Петра Великаго.—Изобрѣ-
теніе колокольной водяной игры.—
Неудачное сватовство Темешева.—
Ѣзда въ Чернскую деревню.—Наход-
ка денегъ.—Заболѣваніе удивитель-
ными и ненатуральными болѣзнями.—
Пріѣздъ племянницъ изъ Кашина.—
Разведеніе орѣшниковаго сада.—
Слухи о межеваніи 50

CLIV. Вторичная Ѣзда моя въ Шадскъ.
—Путешествіе мое.—Тульскіе ору-
жейники.—Занятія съ племянникомъ.
—Встрѣча съ Казариновымъ.—Поим-
ка Степана Лахмыта.—Безсовѣстныхъ
требованія квартирной хозяйки.—
Приключеніе на мосту.—Село Богуча-
локу.—Деревянные лапти.—Село
Змѣево.—Хороводы.—Попъ села Ни-
кольскаго.—Препровожденіе времени
въ дорогѣ.—Село Лысыя Горы.—
Коптевскій одноворецъ.—Пріѣздъ въ
свою деревню.—Свиданіе съ Рахма-
новымъ.—Рахмановскіе единомыш-
ленники.—Посѣщеніе Соймонова.—
Свиданіе съ степными дворянами.—
Обстоятельства моихъ переговоровъ.
—Возвращеніе въ Дворениново . . . 68

CLV. Межевзанье.—Пріѣздъ межев-
щика Чаплина.—Тревожное состоя-
ніе духа сосѣдей и радость ихъ при
моемъ пріѣздѣ.—Свиданіе съ Чапли-
нымъ.—Болѣзни тещи.—Слухи о при-
званіи отставныхъ въ военную служ-
бу.—Смушеніе мое.—Размежеваніе
пустошей.—Открытіе плутовства Лы-
кова.—Сочиненіе мое о хмѣлевод-

ствѣ.—Сговоръ Темешева.—Ѣзда въ
Тулу къ лѣкарю.—Мои сочиненія.—
Ѣзда въ Коширу 93

CLVI. 1773 годъ.—Размышленія о
моемъ положеніи.—Новыя ученицы.—
«Кунсткамера душевная».—Знаком-
ство съ Раевскимъ.—Крестины у
Руднева.—Болѣзни въ домѣ.—Заня-
тія съ дѣтьми.—Загадки моей вы-
думки.—Странное происшествіе съ
водкой.—Переводъ «Китайской исто-
ріи».—Преподаваніе телематологіи.—
Тогдашніе лѣкаря.—Улучшеніе моего
способа преподаванія 102

CLVII. Переписка съ Нартовымъ.—
Первое письмо отъ него.—Затрудне-
ніе мое.—Отвѣтъ Нартову.—Изобрѣ-
теніе рабочей тележки.—Молебны
заболѣвшихъ.—Болѣзни Матвѣя Ни-
китича.—Поѣздка къ межевщику въ
Серпуховъ.—Миротвореніе.—Требо-
ваніе въ Москву.—Смерть Матвѣя
Никитича.—Погребеніе его.—Жизнь
его.—Характеръ.—Завѣщаніе его.—
Споры мои съ его женой.—Благо-
склонность ко мнѣ г. Нартова.—
Предложеніе кн. Гагарина.—Колеба-
ніе мое.—Знакомство съ губернато-
ромъ Щербининнымъ.—Совѣщаніе о
предложеніи кн. Гагарина.—Отвѣтъ
на него.—Дружба съ Щербининнымъ.
—Сравненіе войны вѣщественной съ
войной духовною.—Упражненія мои. 121

CLVIII. Приглашеніе въ Москву.—
Отвѣтъ г. Нартова.—Призывъ въ
Москву для переговоровъ о предло-
женіи управительской должности.—
Нерѣшеніе мое.—Совѣты друзей.—
Находка лѣкарственныхъ камней.—
Первый опытъ примѣненія ихъ къ
страждущимъ каменною болѣзнию.
Успѣхъ.—Разнообразная полезность
энкриты.—Ѣзда въ Серпуховъ.—
Благопріятство ко мнѣ межевщика.—
Особливое сновидѣніе.—Письмо отъ
кн. Гагарина.—Поѣздка въ Москву.
—Дѣйствія Промысла Господня.—
Первое свиданіе съ княземъ Гагари-
нымъ.—Посѣщеніе московскихъ зна-

стр.

стр.

комыхъ. — Гулинь въ Головинскомъ саду. — Домъ г. Офросимова. — Док-торъ Вельяминовъ. — Вторичное сви-даніе мое съ княземъ. — Отвѣтъ Нар-тову. 141

CLIX. Ызда въ Бобрики. — Возвраще-ніе изъ Москвы домой. — Чтеніе поэмъ «Іосифъ». — Приготовленія къ поѣздкѣ въ Бобрики. — Посвященіе Щербининныхъ. — Кружанская фило-софія. — Ызда въ Бобриковскую во-лость. — Мѣщанское гульбище въ Тулѣ. — Чувства мои при въѣздѣ въ Бобрики. — Политика моя. — Слу-хи о назначеніи меня управителемъ. — Мучительное ожиданіе князя. — Упражненія отъ скуки. — Пріѣздъ князя. — Закладка дворца. — Управи-тель Опухтинъ. — Прославленное из-древле Иванъ-Озеро. — Обращеніе со мной князя. — Осмотръ Богородицка. — Объясненіе съ княземъ. — Посту-покъ г. Опухтина. — Неудача. — Воз-вратный путь 162

CLX. Разгадка моей неудачи. — При-ѣздъ въ Дворениново. — Разочарова-ніе родныхъ. — Болѣзнь дѣтей. — Успѣхъ моей философіи. — Возвра-щеніе къ прежнимъ занятіямъ. — Моя уловка. — Причины моей не-удачи. — Хитрость Опухтина. — Раз-дѣлъ пустоши. — Окончаніе спора съ волостными. — Смерть Руднева. — Ызда въ Котово и Тарусу. — Смерть моего сына Степана. — Болѣзнь до-чери Елизаветы. — Извѣстія изъ Ша-дской деревни 182

ЧАСТЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи моей первой деревенской жизни, по отставкѣ во-обще, а въ особенности о третичной моей ѣздѣ въ шадскую деревню и о бывшемъ тамъ первомъ межеванѣ.

1773 — 1774.

CLXI. Межеванье. — Ызда въ шад-скую деревню. — Сосѣди. — Пашковы дѣланія. — Однодворецъ Лука-Черной. — Наши совѣщанія. — Тайный совѣтъ

съ Сабуровымъ. — Изученіе докумен-товъ. — Тревога въ степи. — Опять совѣтъ. — Слухи о Пашковѣ. — Нашъ форпостъ. — Болѣзнь племянника . . . 201

CLXII. Продолженіе. — Пріѣздъ Паш-кова. — Переполюхъ между сосѣдями. — Повѣрка о межеваніи. — Шутка съ Курдюкекими помѣщиками. — Обѣдъ у Соимонова. — Пріѣздъ курдюкскихъ дворянъ. — Генеральное радеванье на Красномъ Курганѣ. — Рахмановскій приказникъ. — Ожиданіе межеванья. — Межевщикъ Петровъ. — Первый въ-ѣздъ на межеванье. — Мое первен-ство при межеваньи. — Раздраженіе мужиковъ. — Миротвореніе. — Начало межеванья. — Писаніе епископіи . . . 221

CLXIII. Продолженіе. — Положеніе и обстоятельства спорной степи. — Путешествованіе Пашкова. — Наши замы-слы и затрудненія. — Случайная удача. — Дружеское расположеніе ко мнѣ гг. Сабурова и Соимонова. — Вторич-ный генеральный совѣтъ. — Поступки г. Свитина. — Ужинъ среди поля. — Смѣхи и издѣвки. 236

CLXIV. Споръ. — Реконгносцирова-ніе. — Мнимый лазутчикъ. — Странная межевщикова поступка. — Замыслы Пашкова и межевщика. — Наши ме-жевые сказки. — Умиротвореніе ме-жевщика. — Успѣхъ. — Заявленіе спо-ра на межѣ. — Смятеніе межевщика и Рыбина. — Ночь въ полѣ 250

CLXV. Новое замѣшательство Рыбина. — Догадки мои о совѣщаніяхъ ме-жевщика съ Рыбинымъ. — Предосто-рожность. — Подтвержденіе догадки моей. — Результаты размышленій Ры-бина. — Моя хитрость. — Обѣдъ въ полѣ. — Комедія съ г. Свитиннымъ. — Осторожность. — Межеванье у рѣчки Паники. — Новая комедія съ Свити-нымъ 263

CLXVI. Родивонъ Черной. — Тщетный гнѣвъ Пашкова. — Благодарности мнѣ отъ сосѣдей. — Местъ Пашкова. — Возраженіе мое. — Печальное откры-тіе. — Одурачиваніе Пашковымъ Роди-

стр.

вона Чернаго. — Показанія понятыхъ. — Досадное обстоятельство. — Неудача Рыбина. — Проворство нашихъ. — Продѣлка съ Чернымъ. — Скоропостижный обѣдъ. — Ожиданіе Чернаго. — Рѣшительный приступъ къ Рыбину. — Хитрость. — Сынъ Луки Чернаго. — Мое объявленіе. — Окончаніе спора. — Знакомство съ Мосоловымъ. — Наставленіе Сабурову. — Новости съ межи 279

CLXVII. Ссора на межѣ. — Продѣлки Пашкова и его единомышленниковъ съ Сабуровымъ. — Недоумѣніе Сабурова. — Добродушіе его. — Приѣздъ Пашкова. — Ревъ на Сабурова. — Ругательства Пашкова. — Бѣгство съ межи. — Призывъ на межу. — Совѣтъ Сабурову. — Протестъ его. — Результатъ. — Присылка за мной отъ Пашкова. — Отказъ мой. — Вторая присылка 295

CLXVIII. Окончаніе межеванья и наша побѣда. — Ёзда къ Пашкову. — Приѣмъ мой отъ него. — Извиненія передо мной. — Старанія о примиреніи. — Обѣдъ у Пашкова. — Неудача въ примиреніи. — Перерывъ въ межеваньи. — Совѣтъ съ Нестеровымъ. — Новая попытка Пашкова мириться со мной. — Подлюбовная рѣчь съ межевщикомъ. — Конецъ межеванью и наше торжествованіе. — Сниманія на плавъ усадьбы. — Потѣха съ Свитинымъ. — Благодарственный молебень. — Послѣдній генеральный совѣтъ. — Прощаніе съ сосѣдями. 317

CLXIX. Возвращеніе домой. — Приѣздъ въ Дворениново. — Радость домашнихъ. — Письма отъ Нартова. — Новое предложеніе князя Гагарина. — Разстройка моихъ мыслей. — Обстоятельства предлагаемаго мной мѣста. — Отказъ мой. — Отвѣтъ на письма г. Нартова. — 3-й годъ моей жизни. — Осеннія упражненія. — Рожденіе дочери Настасьи. — Основаніе книжки: «Чувствованія христіанина при началѣ и концѣ каждого дня въ

стр.

недѣлю». — Неожидаемый приѣздъ племянника Неклюдова. 334

CLXX. 1774 годъ. — Праздничныя игры и забавы. — Ёзда въ Кашинъ. — Пребываніе въ Москвѣ. — Свиданіе съ г. Сабуровымъ. — Слухъ о бунтовщикѣ Емелькѣ Пугачевѣ. — Приѣздъ къ племянникамъ въ Введенское. — Разѣзды по сосѣдямъ. — Масляничныя пиры и празднества. — Отѣзды изъ Введенскаго. — Еще слухи о Пугачевѣ. — Возвращеніе домой. — Письмо отъ г. Нартова. — Порученіе Вольно-Экономическаго Общества. — Неудовольствіе. — Занятія съ учениками. — Экономическія упражненія. — Наступленіе весны. — Заведеніе плодовитаго сада. — Ботанизированіе. — Досада на Вольно-Экономическое Общество. — Послѣдніе дни въ своей деревнѣ 346

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

Исторія моего пребыванія въ Кіясковѣ.

1774 — 1775.

CLXXI. Неожиданное новое предложеніе князя. — Присылка ко мнѣ отъ князя секретаря. — Предложеніе управительской должности въ Кіясковской волости. — Волненіе мое. — Уговариванія секретаря Шебашева. — Недоумѣніе домашнихъ. — Домашній совѣтъ. — Согласіе мое. — Сборъ въ путь въ Кіясковку. — Приѣздъ въ Кіясковку. — Осмотръ села. — Составленіе описи всѣхъ селъ Кіясковской волости. — Приѣздъ въ Москву и свиданіе съ княземъ. — Рѣшеніе о поступленіи моемъ въ должность управителя. — Первый трудъ. — Молва объ успѣхахъ Пугачова. — Настроеніе народа и наши опасенія. 363

CLXXII. Дѣла по новой волости. — Ёзда съ княземъ въ Кіясковку. — Подробный осмотръ волости. — Предположенія объ устройствѣ волости. — Удовольствіе князя. — Новыя вѣсти о Пугачовѣ. — Княгиня Бѣло-

стр.

стр.

сельская и ея родственники Салтыковы. — Критическіе разговоры съ Б. М. Салтыковымъ. — Знакомство съ кн. Бѣлосельской. — Неожиданное предложеніе отъ Салтыковыхъ. 379

CLXXXIII. Ызда моя съ господиномъ Салтыковымъ въ Серпуховъ и въ Кіясовну. — Выѣздъ изъ Москвы въ село Спасское. — Спознакомленіе мое съ А. М. Салтыковымъ. — Сочувствіе душъ нашихъ. — Приѣздъ въ Кіясовку. — Внимательность Салтыковыхъ. — Свиданіе и переговоры съ межевщикомъ Вакселемъ. — Ызда въ Серпуховъ. — Угощеніе межевыхъ чиновъ. — Слѣдствія вечеринки. — Обѣдъ. — Нечаянная поѣздка въ Дворениново и угощеніе у себя г. Салтыкова. 397

CLXXXIV. Окончаніе дѣла о покупкѣ волости и переѣздъ въ Кіясовну. — Рѣшеніе межеваго спора. — Окончательное приобрѣтеніе волости. — Прощаніе съ княгиней. — Благодарность княгини. — Приятныя чувствія мои. — Вступленіе въ управительскую должность. — Чтеніе послушнѣго указа. — Увѣщаніе крестьянъ. — Возвращеніе въ Дворениново. — Сборъ къ переѣзду. — Прощаніе съ домою и отъѣздъ изъ Дворенинова. — Мысли мои при отъѣздѣ. 412

CLXXXV. Исторія моего перваго жительства въ Кіясовкѣ. — Приѣздъ на мѣсто моего назначенія. — Встрѣча. — Осмотръ дома. — Странное явленіе. — Новый уставъ Вольно-Экономическаго Общества. — Первый гость. — Первая расправа. — Тревога по случаю слуховъ о Пугачовѣ. — Наши опасенія. — Приказъ о сборѣ «улановъ». — Затрудненіе мое. — Знакомство съ бар. Соловьевымъ. — Отправка улановъ въ Коломну. — Настроеніе народа. — Основаніе канцеляріи. — Нововыдуманная система хлѣбопашества. — Знакомство съ Исаковымъ и Ипатьевымъ. 427

CLXXXVI. Смѣхъ и горе. — Препровожденіе Успеньева двя. — Стужа въ

домѣ. — Печи безъ трубъ. — Смущеніе и безпокойство духа нашего. — Планы о постройкѣ новыхъ хоромъ. — Донесеніе князю. — Посѣщеніе Дворенинова. — Разрѣшеніе князя о постройкѣ дома. — Приступленіе къ строенію управительскаго дома. — Знакомство съ Н. И. Новиковымъ. — Ознакомленіе дѣтей съ астролябіей. — Приобрѣтеніе Пекиновой антеки. — Приѣздъ племянницъ. — Кіясовскіе сады. 444

CLXXXVII. Ранняя зима. — Первое зимье. — Согреваніе комнатъ каминами. — Отецъ Никита Моревъ. — Устройство цвѣтника. — Страданія наши отъ холода. — Новое обиталище. — Знакомство и дружба съ сосѣдями. — Занятія наукой и литературой. — Вечернія чтенія. — Архіерей Феодосій. — Собесѣдованіе съ семинарскими студентами. — Хлопоты по новой должности. — Возня съ ворами. — Истязаніе воровъ и успѣхъ отъ того. 461

CLXXXVIII. Поимка и казнъ Пугачева. — Размышленія по случаю новаго 1775 года. — Возокъ моей выдумки. — Поѣздка въ Москву. — Семейство кн. С. В. Гагарина. — Доставленіе Пугачова въ Москву. — Судъ надъ нимъ. — Строеніе дворца на Пречистенкѣ. — Встрѣча съ г. Обуховымъ. — Казнь Пугачова. — Ошибка палача. — Возвращеніе въ Кіясовку. — Бунтованіе мужиковъ. — Коноводъ ихъ Романъ. — Рапортъ мой къ князю. 479

CLXXXIX. Послѣдствія крестьянскаго бунта. — Наше безпокойство. — Отправленіе къ князю депутатовъ. — Окрикъ князя. — Наказаніе Романа. — Новые замыслы его. — Предупрежденіе опасности и ссылка Романа въ Сибирь. — Письма отъ Нартова и Ушакова. — Ызда въ Москву. — Благопріятство ко мнѣ князя. — Пребываніе въ Москвѣ и возвращеніе въ Кіясовку. — Занятія мои въ деревнѣ. — Дѣченіе

стр.

больныхъ. — Бой гусей. — Волѣзнь моя
отъ простуды. 497

CLXXX. Постыженіе княземъ Кіясовни.
— Половодь. — Начальное строеніе
гопиталя. — Особливый способъ раз-
биранія дома. — Ботанизированіе.
Новыя знакомства. — Приѣздъ князя
въ Кіясовку. — Удовольствіе его при
видѣ всего мною сдѣланнаго. — Рыб-
ная ловля. — Отѣздъ князя. — Лѣкарь
Бентонъ. — Устройство аптеки.
Усовершенствованіе пруда. — Рож-
деніе дочери Ольги. — Первый опытъ
лѣченія. — Присылка изъ Вольно-
Экономическаго Общества. — Мысли
по поводу этого Общества. — Свѣта-
щіеся козявки. 510

ЧАСТЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи пребыванія
моего въ Кіясовкѣ, а потомъ пер-
воначальнаго въ Богородицкѣ.

1775 — 1777.

CLXXXI. Празднованіе заключенія ми-
ра съ турками. — Слухи о приближаю-
щемся торжествѣ. — Триумфальныя
ворота для въѣзда графа Румянце-
ва-Задунайскаго. — Въѣздъ графа въ
Москву. — Поднятіе колокола. —
Шествіе императрицы изъ Гравови-
той палаты въ Успенскій соборъ. —
Приготовленіе къ гулянью на Хо-
дынкѣ. — Покража ларчика. — Горестъ
наша. — Праздникъ на Ходынкѣ. —
Знаменитый фейерверкъ. — Возвра-
щеніе наше въ Кіясовку. 527

CLXXXII. Бѣды и тревоги. — При-
сылка изъ Вольно-Экономическаго
Общества. — Еще порученіе. — Печа-
таніе «Дѣтской философіи». — По-
ѣздка въ Воскресенки. — Непріятно-
сти отъ дурныхъ дорогъ. — Паденіе
сына изъ кареты. — Испугъ нашъ. —
Обираніе вишенъ. — Урожай злато-
тысячницы. — Введеніе семянольнаго
хлѣбонашества. — Мои лѣкарства. —
Пожары. — Курьезная ѣзда на сватъ-
бу. — Бѣды по бѣдамъ. — Опасная пе-

стр.

реправа. — Прибытіе въ Дворени-
ново. 544

CLXXXIII. Сватѣба. — Приготовле-
ніе къ сватѣбѣ. — Непріятные слухи
о братѣ Михайлѣ Матвѣевичѣ. —
Женихъ. — Ожиданіе Катерины Ан-
дreeвны. — Приключеніе съ ней на
дорогѣ. — Одѣваніе невѣсты. — Брако-
сочетаніе. — Приключеніе съ жени-
хомъ. — Новая бѣда. — Сватебная це-
ремонія. — Возвращеніе въ Кіясов-
ку. — Реформа въ управленіи. — Доса-
да. — Кн. Ив. Ив. и Серг. Серг. Га-
гарины. — Верещагинъ и Варсобины
— помощники кн. Ив. Гагарина. 561

CLXXXIV. Последняя жизнь моя въ
Кіясовкѣ. — Неожидаемая прибавка
жалованья. — Удовольствіе мое. —
Мой капиталъ. — Отпечатаніе I-й ча-
сти «Дѣтской философіи». — Ѣзда въ
Москву для благодаренія князя.
Разстройка въ семьѣ Полонскаго. —
Успѣхъ моей книги. — Половодъ.
Лихорадка. — Посѣщеніе меня кня-
земъ. — Ѣзда въ свою деревню. —
Кончина отца Никиты и его жены.
— Пребываніе у князя въ подмосков-
ной. — Несчастіе отъ быка. — Невни-
маніе ко мнѣ княжова сына. — Устрой-
ство пруда. — Смерть кн. Ивана Га-
гарина. — Назначеніе меня управ-
ителемъ въ Богородицкѣ. — Радость
домашнихъ. — Сожалѣніе о Кіясовкѣ.
— Приготовленіе дѣлъ къ сдачѣ.
Ожиданіе новаго управителя г. Ше-
стакова. — Благопріятство и милость
ко мнѣ старика-князя. — Прощаніе
съ сособными. — Сдача управленія
Шестакову. — Сборъ въ путь. — Про-
щаніе съ подчиненными. — Въѣздъ
изъ Кіясовки. 579

CLXXXV. Богородицкѣ. — путеше-
ствіе наше изъ Кіясовки въ Бого-
родицкѣ. — Моя семья. — Размысленія
о предстоящей переменѣ. — Прибытіе
въ Бобріки. — Посѣщеніе г. Вереща-
гина. — Осмотръ строеній. — Въѣздъ
въ Богородицкѣ. — Новое жилище.
Члены богородицкой канцеляріи.

стр.

стр.

Представленіе мнѣ подчиненныхъ. —
Посѣщеніе волостной канцеляріи. . . 601

CLXXXVI. Поступка съ Верещаги-
нымъ. — Осмотръ ближнихъ предме-
товъ. — Обращиваніе комятъ. —
Вилизонъ. — Освидѣтельствованіе
кассы. — Недочеты. — Виновность въ
томъ Верещагина. — Просьбы его ко
мнѣ. — Отстрочка на уплату. —
Осмотръ хлѣбныхъ магазиновъ. —
Волостной госпиталь. — Обзорваніе
волостныхъ строеній. — Слобода Стрѣ-
лецкая и другія. — Сдѣлка съ Ве-
рещагинымъ. — Первый сборъ старость.
— Увѣщанія. — Комнатныя упражне-
нія. — Неожиданное прибытіе кіев-
скаго лѣкаря Бентама. — Первое зна-
комство . . . 615

CLXXXVII. 1777 годъ. — Семей-
ство Верещагиныхъ. — Братья Полу-
нины. — Полученіе большой серебря-
ной медали изъ Вольно-Экономиче-
скаго Общества. — Пожары. — Объѣздъ
знаменитѣйшихъ селеній. — Воров-
ство въ Богородицкѣ. — Поимка и на-
казаніе за воровство пономаря. —
Жалоба его архіерею. — Поступки
архіерея. — Драки и ссоры между
крестьянами. — Средство прекращать
мужичьи споры. — Заготовленіе ма-
теріаловъ для будущихъ построекъ.
Лѣсной подрядчикъ Вахтинъ. — Ору-
жейникъ Пастуховъ. — Преосвящен-
ный Θεодосій . . . 631

CLXXXVIII. Знакомства и шутки. —
Ѣзда въ Москву къ князю. — Доне-
сенія мои. — Чрезмѣрное количество
кабаковъ въ волости. — Вредъ ихъ
для народа. — Разведеніе карповъ въ
прудахъ. — Первое полученіе «Гам-
бургской газеты». — Масляница. —
Знакомство съ сосѣдними дворяна-
ми. — Потѣхи и забавы съ Вильгельм-
сономъ. — Мертвецъ. — Шутка съ ар-
хитекторомъ. — Доходъ отъ продажи
карповъ. — Хлопоты съ прудами и
строеніями. — Основаніе сада . . . 647

CLXXXIX. Неожиданности, заботы
и хлопоты. — Увѣдомленіе объ откры-

тіи Тульскаго намѣстничества. —
Отправленіе Верещагина для встрѣ-
чи намѣстника. — Принятіе у себя
тульскаго намѣстника М. Н. Кречет-
никова. — Благоволеніе его ко мнѣ. —
Осмотръ Богородицка. — Докучли-
вость Шишкова. — Казанская ярман-
ка. — Выдумка моя къ предупрежде-
нію воровства. — Новое плутовство
Пашкова. — Досада моя. — Ѣзда въ
Москву. — Свиданіе съ Полонскимъ.
— Справки въ межевой канцеляріи. —
Утвержденіе меня въ догадкахъ мо-
ихъ на счетъ Пашкова. — Г. Кня-
зевъ, членъ межевой канцеляріи. —
Хлопоты мои въ канцеляріи. — Со-
чиненіе черновой челобитной. — Зна-
комство съ А. Т. Князевымъ. — Бла-
гопріятное обхожденіе его со мной.
— Неожиданная встрѣча съ старин-
нымъ сослуживцемъ. — Секретарь
Селижаровъ. . . 663

CXC. Покупаніе земли. — Шлен-
дрицъ въ дѣлахъ. — Хожденіе въ
межевую канцелярію. — Г. Муром-
цовъ. — Разговоры съ нимъ о землѣ.
— Совѣты его. — Переговоры съ
Князевымъ. — Покупка земли. —
Доброта и внимательность князя. —
Поѣздка съ нимъ въ Студенецъ. —
Свиданіе съ старыми знакомыми. —
Знакомство съ книгопродавцемъ Вейт-
брехтомъ. — Неудавшееся предпрія-
тіе. — Полученіе владѣннаго указа. —
Благодареніе г. Князева. — Возвра-
щеніе въ Богородицкѣ. — Пріѣздъ
кашинскихъ родныхъ. — Болѣзни
сына. — Ѣзда въ Шадскую деревню.
— Плутовское межеваніе. — Побѣненіе
межевщика. — Миротлюбивое предло-
женіе отъ меня Пашкову. — Глупое
высокомѣріе Пашкова. — Возвраще-
ніе домой. . . 682

ЧАСТЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи пребыванія
моего въ Богородицкѣ.

1777 — 1780.

CXCI. Происшествія достопамятнаго

Занятія мои въ деревнѣ. — Лѣченіе

стр.

стр.

сорокового года моей жизни. — Отдѣлка соборной церкви. — Работы по построению дворца. — Осмотръ построекъ г. Давыдовымъ. — Заготовка дровъ для топлива. — Рожденіе дочери Александры. — «Порча» бабы. — Недоумѣніе наше на счетъ ея болѣзни. — Лягушка, изверженная ею. — Представленіе лягушки на разсмотрѣніе столичныхъ врачей. — Невѣжество лѣкарей. — Прискиваніе монастырскихъ деревень для присоединенія къ волости. — Сочиненіе и раскрашиваніе плановъ. — Свиданіе съ г. Кречетниковымъ. — Приказъ о выборѣ кандидатовъ въ засѣдатели земскаго суда. — Нерѣшимость моя и совѣтъ съ княземъ. — Приготовленія къ открытію тульского намѣстничества. — Устройство театра. — Съѣздъ въ Тулу окрестныхъ дворянъ 701

СХСII. Открытіе Тульского намѣстничества. — Ъзда наша въ Тулу. — Отправленіе кандидатовъ въ Дѣдлово. — Свиданіе съ Кологривовыми. — Торжественное открытіе намѣстничества. — Первые выборы въ Тулѣ. — Утвержденіе избранныхъ. — Баллотировка уѣздныхъ судей и засѣдателей. — Первый спектакль. — Открытіе знаменитѣйшихъ судебныхъ мѣстъ. — Празднества. — Ъзда на балъ. — Несчастіе съ моимъ сыномъ. — Фейерверкъ. — Богородицкій городничій А. Н. Сухотинъ. — Отъѣздъ изъ Тулы. — Состояніе мое и знакомства. — Занятія по волости и домашнія упражненія 718

СХСIII. 1778 годъ. — Первые дни новаго года. — Приѣздъ городничаго. — Знакомство съ Н. С. Арсеньевымъ. — Приготовленія къ приѣзду губернатора. — Утаръ. — Пирушка. — Съѣздъ судей. — Ожиданіе губернатора. — Предводитель, судьи и другія должностныя лица. — Первая тревога. — Вторая тревога. — Встрѣча губернатора и возъ сына. — Приѣздъ губернатора. — Открытіе присутственныхъ

мѣстъ въ Богородицкѣ. — Осмотръ губернаторомъ строеній. — Благоклонность его ко мнѣ. — Торжество по случаю рожденія великаго князя Александра Павловича. — Придуманый мною иллюминаціонный ящикъ. — Составленіе плановъ и описаній волости. — Сборы въ Москву . . . 731

СХСIV. Ъзда въ Москву и пребываніе тамъ. — Покража Дергамовой физико-теологін. — Приѣздъ въ Москву. — Переговоры съ намѣстникомъ объ обмѣнѣ деревень. — Свиданія съ родственниками и знакомцами. — Предложеніе Салтыковыхъ. — Первое основаніе экономическаго журнала «Сельскій Житель». — Договоръ съ книгопродавцемъ Ридигеромъ. — Возвращеніе въ Богородицкѣ. — Характеры судей. — Сосѣди. — Договоръ о дружбѣ и согласіи. — Смерть дочери Александры. — Открытіе кова противъ меня Верещагина. — Заготовленіе первыхъ листовъ предпринимаемаго журнала. — Французъ-учитель Дюблюе. — Проектъ открытія школы въ Богородицкѣ. — Открытіе пансіона . . . 750

СХСV. Приѣзды князей. — Изданіе еженедѣльника. — Вечернія занятія съ дѣтми. — Появленіе перваго листка «Сельскаго Жителя». — Устройство увеселительнаго гульбища. — Опыты съ глиняными мазанками. — Ъзда въ Тулу на свадьбу. — Посѣщеніе Полонскаго. — Смерть Варсобиной. — Трудности издаванія «Сельскаго Жителя». — Губернаторъ Муромцовъ. — Планъ Богородицка. — Свиданіе съ Кисляевскими. — Корреспондентъ мой А. А. Владыкинъ. — Приѣздъ князей. — Кн. Петръ Гагаринъ. — Освященіе соборной церкви. — Кн. Сергѣй Гагаринъ. — Благопріятство старика-князя и высокоомѣрие и придиры его сына кн. Сергѣя. — Благоволеніе его къ Верещагину. — Отъѣздъ князей 769

СХСVI. Ъзда въ Москву. — Господинъ Стрекаловъ. — Знакомство съ

стр.

стр.

нимъ. — Дневная иллюминація. — Запись сына моего въ гвардію. — Новая продѣлка со мной Пашкова. — Сочиненіе челобитной. — Нечаянная встрѣча съ землемѣромъ Вакселемъ. — Совѣщаніе съ нимъ. — Приѣздъ въ Москву. — Челобитная въ межевую канцелярію на Пашкова. — Свиданіе съ Князевымъ. — Благопріятное рѣшеніе моего дѣла. — Пирушка по случаю приѣзда губернатора. — Веселое времяпровожденіе. — Проектъ табаководства. — «Сельской Житель». — Аprobованіе городского плана. . . 789

СХСVII. Веселость жизни. — Рожденіе дочери Екатерины. — Крестины. — Разбитіе города на улицы. — Письмо отъ Вольво-Экономическаго Общества по поводу изданія «Сельскаго Жителя». — Очередные вечеринки и съѣзды. — Игры и забавы. — Освященіе бобринской церкви и пиръ у Верещагина. — Заболѣваніе оспой. — Новые корреспонденты гг. Вишнеvскій и Воейковъ. — Хлопоты по рекрутскому набору. — Требованіе отъ меня векселя покойнаго Матвѣя Никитича. — Опредѣленіе новаго попа. — Убіеніе г-жи Хомяковой мужемъ. — Святки и наши увеселенія. — Увольненіе старика-князя отъ правленія волостями и назначеніе на его мѣсто сына кн. Сергѣя. — Изумленіе мое. — Кн. Гр. А. Потемкинъ и Бобринскій. — Замыслы и происки молодого князя Гагарина. — Неудавшаяся интрига. — Новый командиръ . . . 803

СХСVIII. Хлопоты и огорченія. — Переписка съ корреспондентами. — Н. А. Демидовъ. — Полученіе французскихъ книгъ. — Мысль объ изданіи втораго «Экономическаго Журнала». — Исчезновеніе Вейтбрехта. — Посѣщеніе г. Арсеньева. — Ордеры и повелѣнія отъ новаго командира. — Откупщикъ Игнатьевъ. — Хлопоты по дѣламъ откупа. — Приобрѣтеніе Крюницевой Экономической Энциклопедіи. — Сочиненіе загадокъ. — Азарт-

ные игроки. — Изобрѣтеніе тисненыхъ облакокъ. — Конецъ изданію «Сельскаго Жителя». — Ложный слухъ. — Новыя заботы и хлопоты по откупу. — Стратagemы противъ откупщика. — Окончаніе откупничьяго дѣла. — Занятія домашнія . . . 818

СХСIX. Придирка и непріятности отъ князя. — Заготовленіе матеріаловъ для новаго журнала. — Лавиринты. — Семейство Алабиныхъ. — Разбиваніе и назначеніе улицъ. — Прорываніе прудовъ. — Ловля карповъ. — Извѣстіе о рожденіи великаго князя Константина Павловича. — Поѣздка въ Бобринскъ. — Табачный плантажъ. — Общежителство наше. — Неудача съ новымъ журналомъ. — Увѣдомленіе о прибытіи къ намъ князя. — Приготовленія къ принятію его. — Приѣздъ князя. — Обѣздъ волостей. — Выпыванія князя на счетъ меня. — Придирки его. — Жалоба мужиковъ на Верещагина. — Поведеніе князя. — Г-жи Верещагины. — Князь на псовой охотѣ. — Проводы его въ Москву. . 837

СС. Ызда въ Москву. — Поѣздка въ Дворяниново. — Пребываніе въ Москвѣ. — Благосклонный приѣмъ отъ молодого князя. — Свиданіе съ старикомъ-княземъ. — Знакомство съ г. Владыкинымъ. — Первое знакомство съ Н. И. Новиковымъ. — Неожиданное предложеніе объ изданіи журнала. — Основаніе «Экономическаго Магазина». — Пронька Демидовъ. — Домъ богача Демидова. — Прощаніе съ знакомыми и возвращеніе въ Богородицкъ. — Объявленіе о новомъ журналѣ. — Освященіе церкви въ Бобринкахъ. — Отправленіе къ г. Новикову матеріаловъ для нашего журнала. — Первое сооруженіе домашняго театра. — Приготовленія къ первому представленію. — Усиѣхъ. — Сочиненіе комедіи «Честохваль». — Охлажденіе мое къ дѣламъ по волости. — Чувствія волостныхъ къ молодому князю. — Веселыя святки. . . 856

стр.

стр.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи пребыванія
моего въ Богородицѣхъ.

1780 — 1782.

ССІ. Новая хлопота съ Пашковымъ. — Представленіе «Честохвала». — Сценическіе успѣхи сына моего Павла и ученика Сезенева. — Появленіе перваго номера «Экономическаго Магазина». — Разѣзды по гостямъ. — Присылка отъ г. Новикова. — Сооруженіе электрической машины. — Наглости Пашкова. — Поѣздка въ Тамбовъ. — Свиданіе съ г. Сабуровымъ. — Разговоры съ нимъ о моей бѣдѣ. — Неожиданная встрѣча съ старыми знакомцами. — Просительное письмо къ губернатору. — Благопріятное рѣшеніе моего дѣла. — Обратное путешествіе. — Свиданія и разѣзды. — Смерть брата Гаврилы Матвѣевича. — Его жизнь и характеръ. — Новый казначей И. Х. Добрасъ. — Надворныя работы. — Ёзда на Никольскую ярманку. — Новая обида отъ Пашкова. — Вторичная ёзда въ Тамбовъ. — Гр. Ром. Илар. Воронцовъ. — Встрѣча съ Пашковымъ. — Подача просительнаго письма намѣстнику. — Послѣднее свиданіе мое съ г. Сабуровымъ. 873

ССІІ. Театральныя представленія. — Сельскіе вокзалы и гулянья. — Переписка съ В. А. Левшинымъ. — Ёзда въ Тулу для смотрѣнія императора Іосифа II. — Угощеніе двухъ губернаторовъ. — Мысль объ устройствѣ новаго театра. — Ёзда въ Баловнево. — Угощеніе намѣстника въ Баловневѣ. — Новый театръ. — Хлопоты мои. — Первое представленіе «Необитаемаго острова». — Похвалы и одобренія отъ публики. — Принятіе у себя губернатора. — Увеселеніе его театромъ. — Удовольствіе его. — Дурныя вѣсти изъ Тамбовской деревни. — Чудесное сохраненіе жизни дворовыхъ дѣвушекъ. — Разведеніе табаку. 896

ССІІІ. Продолженіе. — Охота дѣтей къ театру. — Представленіе драмы «Несчастныя сироты». — Второй спектакль. — Знакомство съ Кошелевымъ. — Усовершенствованіе нашего театра. — Гости. — Пожары. — Ёзда въ Ефремовъ. — Заготовленіе матеріала для журнала. — Карточныя игры. — Ученикъ мой Сезеневъ. — Наши дѣти. — Состояніе мое. — Дѣла по волости. — Письмо отъ Авраама Семеновича. — Успѣхи моего сына въ рисованіи. — Новые выборы въ Тулѣ и переѣзды судей. — Конецъ 1780 года. 912

ССІV. 1781 годъ. — Ёзда въ Москву. — Поводы къ этой ёздѣ. — Предложеніе квартиръ. — Свиданіе съ Новиковымъ. — Разговоры съ молодымъ княземъ. — Посѣщеніе старика-князя. — Актеръ Померанцевъ. — Дѣла съ Новиковымъ. — Въ гостяхъ у Дюбюэ. — Приобрѣтеніе книгъ. — Предложеніе вступить въ масоны. — Отказъ мой. — Новое порученіе отъ г. Новикова. — Литературныя предпріятія. — Исправленіе порученныхъ мнѣ комиссій. — Анекдотъ съ аптекаремъ. — Плутни аптекарей. — Чтеніе «Генріетты». — Покупки. — Лѣкарственный камень. — Разѣзды. — Начало перевода «Генріетты». — Знакомство съ М. М. Херасковымъ. — Осторожность въ отношеніи Новикова. — Нежданная милость отъ князя. — Покупка мебели для богородицкаго дворца. — Обѣдъ у г. Хераскова. — Выѣздъ изъ Москвы. 923

ССV. Домашнія дѣла. — Возвратный путь. — Неудача съ врачебнымъ камнемъ. — Рожденіе дочери Варвары. — Масляница и прощальный день. — Окончаніе перевода «Генріетты» и отсылка его къ Новикову. — Болѣзнь сына. — Литературныя знытія. — Огненной змѣи. — Чтеніе книгъ. — «Сельская Академія». — Неудача въ продажѣ книгъ. — Пожаръ въ слободѣ. — Ёзда въ Бобрики. — Возобновленіе театральныхъ представленій. — Сочин-

стр.

стр.

неніе драмы «Награжденная добродѣтель». — Посѣщеніе намѣстника. — Укрѣпленіе труда. — Кн. И. П. Щербатовъ. — Печатаніе «Чувствованій христіанина». — Ъзда къ князю въ Сергіевское. — Окружающіе князя. — Приемъ отъ него. — Приказаніе о зайцахъ. — Наши подозрѣнія. — Удивительное требованіе отъ князя. — Ожиданіе его прибытія въ Богородицкѣ. — Театральныя репетиціи. . . 948

ССVI. Ухищренія и ковы противъ меня. — Наши чувствованія при ожиданіи князя. — Пріѣздъ его. —хлопоты и заботы наши объ угощеніи. — Приемъ отъ князя всѣмъ представляющимся. — Приготовленія къ псовой охотѣ. — Театры. — Охота. — Мои тайные завистники. — Злоухищренія, клеветы и наговоры ихъ на меня. — Поступки Темешова и Арсеньева. — Гнѣвъ князя. — Смятеніе моего духа. — Допросъ мужиковъ. — Оправданіе мое. — Досада моихъ завистниковъ . . . 964

ССVII. Продолженіе моихъ бѣдствій. — Пребываніе князя въ Богородицкѣ. — Тягость его присутствія для насъ. — Поступка съ Шедиловымъ. — Новый ударъ. — Бездѣлничество Темешова. — Бѣшенство князя. — Сборъ и допросъ старостъ. — Къ итическое положеніе мое. — Страшное истязаніе. — Крамсанье бородъ. — Стойкость мужиковъ. — Восторжествованіе мое надъ врагами. — Неожиданное мое открытіе вины Верещагина. — Объясненіе мое съ княземъ. — Примиреніе. — Отъѣздъ князя . . . 983

ССVIII. Успокоеніе мое и ѣзда въ Москву. — Радость моя о благополучномъ окончаніи всѣхъ передрагъ. — Философическое обозрѣніе всѣхъ бывшихъ происшествій. — Поступка съ завистниками. — Возвращеніе въ Богородицкѣ и радость домашнихъ при узнаніи о моемъ примиреніи съ княземъ. — Поступка съ Арсеньевымъ и Верещагинымъ. — Мои лите-

ратурныя упражненія. — Чрезвычайная печальность. — Сговоръ Верещагина. — Свадьба. — Переплетчикъ Банниеръ. — Миротвореніе у городничаго. — Поѣздка въ Москву. — Повальная болѣзнь «инфлюенція». — Изобрѣтенное мною лѣкарство. — Свиданіе съ Н. И. Новиковымъ. — Продолженіе издаванія «Экономическаго Магазина». 1000

ССIX. Пребываніе въ Москвѣ и потомъ жизнь въ Богородицкѣ. — Обученіе дѣтей танцамъ. — Покуски. — Посѣщеніе князей Гагариныхъ. — Благоволеніе молодого князя. — Заготовленіе матеріаловъ для «Магазина». — Чтеніе корректуры. — Стихотворецъ Костровъ. — Разъѣзды. — Осмотръ рѣдкостей въ домѣ Демидова. — Погребеніе кн. В. М. Долгорукаго. — Оканчиваніе дѣлъ. — Пріискиваніе новыхъ источниковъ доходовъ съ волости. — Разставанья и прощанья. — Извѣстіе о старинномъ товарищѣ. — Перемѣна въ пансіонѣ. — Отдаваніе земель съ публичныхъ торговъ. — Дразги по откупнымъ дѣламъ и винной продажѣ. — Четвертая ревизія. — Устройство часохранительницы. — Пожары. — Помощникъ мой Полунинъ. — Сонъ въ руку. — Смерть старика-князя. — Святая недѣля. — Продажа карповъ. — Пріѣздъ А. А. Воейкова. — Открытіе разноцвѣтныхъ песковъ . 1018

ССX. Пожарное бѣдствіе. — Причины пожара. — Сила пламени. — Спасеніе пожитковъ и себя. — Поиски дочери Ольги. — Смѣлое предпріятіе. — Великая опасность. — Благодареніе Всевышняго за чудесное спасеніе. — Найденіе дочери. — Прекращеніе пожара. — Узнаваніе расхищеннаго. — Огорченіе домашнихъ. — Стоимость потеряннаго имущества. — Услуга г. Арсеньева. — Донесеніе князю. — Отвѣтъ его. 1034

стр.

стр.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ послѣ пожара-наго бѣдствія.

1782—1784.

ССХІ. Послѣ пожара. — Поселеніе наше во дворцѣ. — Разбираніе вещей. — Безпокойство отъ чаду. — Опять пожаръ. — Новая опасность. — Мѣры противъ пожара. — Постройка домика. — Подвижная стѣна. — Постройка лѣстницы во дворцѣ. — Литературныя занятія. — Новый ученикъ. — Художественныя упражненія. — Ордеръ отъ князя. — Переселеніе наше въ новый домикъ. — Поѣздка къ князю въ Сергіевское. — Хитрости и пронырства Верещагина. — Моя досада. — Пріѣздъ князя. — Свидѣтельство обо мнѣ крестьянскаго мальчишки. — Похвалы отъ князя. — Просьба. — Отказъ въ сенатѣ. — Смерть дочери Варвары. — Ъзда въ Крапивенскій уѣздъ. — Малиновскій. — Переводъ «Герфорта и Клары» 1049

ССХІІ. Неожиданная перемѣна. — Новый 1783 годъ. — Ъзда къ г. Арсеньеву. — Опасность отъ угара. — Новопеченный ассесоръ. — Сватовство дочери Елизаветы. — Увольненіе кн. Гагарина. — Ордеръ отъ новаго командира Н. С. Давыдова. — Удивленіе и смущеніе наше. — Причины удаленія князя. — Дьявольская клевета на него. — Г. Давыдовъ. — Пребываніе его въ волости. — Поѣздка моя въ Москву. — Свиданіе съ кашинскими родными. — Переговоры съ княземъ. — Перемѣна у г. Новикова. — Формальная смѣна командировъ. — Мірскія мужичьи деньги. — Обѣдъ у г. Давыдова 1067

ССХІІІ. Пребываніе въ Москвѣ и ѣзда въ Тулу. — Визитъ жены моей къ г-жѣ Давыдовой. — Послѣдняя бытность моя у князя. — Сборный пиръ у Давы-

довыхъ. — Неожиданный поступокъ новаго командира. — Знакомства. — Увеселенія. — Рѣчь архіерея Платона. — Свиданіе съ Новиковымъ. — Печатаніе книги «О благополучіи». — Цензоръ Барсовъ. — Прощаніе съ друзьями и отъѣздъ въ Богородицкѣ. — Заботы объ обученіи сына нѣмецкому языку. — Увѣдомленіе о прибытіи намѣстника. — Ъзда въ Тулу къ главному командиру. — Отмѣнная благосклонность его ко мнѣ. — Секретарь Веницеевъ. — Разговоры съ командиромъ о волостныхъ дѣлахъ. — Занятія рисованіемъ. — Святая недѣля. — Преподаваніе сыну закона христіанскаго. — Весеннія работы. — Устройство англійскаго парка. — Горничныя упражненія 1082

ССХІV. Украшеніе церкви по собственному вкусу. — Окончаніе постройки церкви. — Рисованіе образа. — Украшеніе иконостаса. — Изобрѣтеніе новыхъ шнуровъ для панникадиль. — Золотыя кисти моей выдумки. — Раззолоченіе периль. — Устройство катедры. — Украшеніе внутренности купола. — Освященіе церкви. — Поджогъ дома. — Пріѣздъ г. Давыдова съ семьей. — Увеселительныя поѣздки. — Удадь моя и вывихъ ноги. — Ярманка. — Прорваніе прудовъ. — Моя выдумка. — Превеликій ширъ у командира. — Разъѣзды по гостямъ. — Генералъ Арсеньевъ. — Проводы г. Давыдова. — Замыслы моего командира. — Разговоръ мой съ соблазнителемъ. 1097

ССХV. Полученіе чина и ѣзда въ Тулу. — Составленіе плановъ нашей волости. — Устройство моей бібліотеки. — Рисованіе картинъ и образовъ. — Ъзда къ командиру. — Новый учитель. — Письмо отъ Новикова. — Производство мое въ коллежскіе ассесоры. — Удивленіе и радость моя. — Ширъ по этому случаю. — Требованіе меня къ намѣстнику. — Поѣздки въ Тулу и Калугу. — Пребываніе въ Калугѣ. — Ласка и благопріятство

стр.

стр.

ко мнѣ г. Кречетникова.—Предположеніе объ устройствѣ дворцоваго сада.—Переобработка волостей.—Переселеніе монастырскихъ крестьянъ.—Открытіе минеральнаго источника.—Литературныя упражненія.—Рекрутскій наборъ.—Ѣзда въ Тулу.—Первое соучастіе мое въ дворянскихъ выборахъ. 1111

ССХVI. Ѣзда въ Москву и разведеніе сада.—Святки и новый годъ въ Тулѣ.—Возвращеніе домой.—Составъ новыхъ судей.—Распаденіе нашего общежительства.—Поѣздка въ Москву.—Тщетное приписываніе удобной квартиры.—Дружба съ Сахаровыми.—Пробываніе въ Москвѣ.—Свиданія и знакомства.—Первое пусканіе воздушнаго шара въ Москвѣ.—Неудача.—Домъ гг. Титовыхъ.—Масляничныя празднества.—Сокровенныя собранія у Новикова.—Осторожность моя.—Справки въ межевой канцеляріи.—Обратный путь.—Полученіе отпечатанныхъ экземпляровъ «О благополучіи». — Польза моей книги.—Гиршфельдовы книги объ иррегулярныхъ садахъ.—Приступленіе къ разведенію дворцоваго сада.—Распредѣленіе работъ.—Проведеніе водовода.—Хлопоты и затрудненія.—Нечаянное открытіе разноцвѣтныхъ песковъ.—Новая затѣя.—Опытъ садки деревьевъ, одѣвшихъ уже листомъ.—Успѣхъ 1125

ССХVII. Приѣздъ намѣстника.—Работы въ саду.—Составленіе коллекцій разноцвѣтныхъ песковъ.—Ожиданіе намѣстника.—Усугубленіе моихъ стараній.—Новая выдумка моя для украшенія сада.—Встрѣча намѣстника.—Обманное зданіе.—Удивленіе всеобщее.—Обозрѣніе намѣстникомъ сада.—Лѣсочки, рошцы, мосточки, шумочки и проч.—Земляная улитка.—Проказа съ тульскими гетями.—Рюина.—Похвалы, одоб-

ренія и благодаренія отъ намѣстника 1144

ССХVIII. Пробываніе намѣстника въ Богородицѣ.—Песочный цвѣтной кирпичикъ.—Садовые проекты.—Мысль о внутренней отдѣлкѣ дворца.—Осмотръ церкви и удивленіе командира придуманнымъ мною украшеніямъ.—Ловля карповъ.—Предположеніе о постройкѣ училищъ.—Прогулка намѣстника въ моемъ садикѣ.—Фонтанчикъ.—Приглашеніе намѣстника на водку.—Дозволеніе увеличить мой домикъ пристройками.—Пріятное сообщеніе.—Осмотръ гошпиталя.—Обозрѣніе волостнаго магазина и увеселительнаго лѣсочка.—Водоводъ и поднятый ключъ.—Обманное зданіе.—Проектъ о новомъ сюрсизѣ.—Поясненіе плановъ.—Показываніе минеральнаго источника.—Разсчитываніе Гиршфельдовыхъ книгъ.—Опытъ надъ минеральною водою.—Отъѣздъ намѣстника 1160

ССХIX. Мои занятія и Ѣзда къ намѣстнику.—Приверженность моя къ командиру.—Продолженіе работъ въ саду.—Устройство грота и пещеры.—Годовая ярманка.—Водоемы.—Кабинетныя упражненія.—Травяная мозаическая ландшафтная картина.—Поѣздка къ намѣстнику.—Запустѣніе садовъ въ Дворяниновѣ.—Первыя мысли о превращеніи нашихъ садовъ изъ регулярныхъ въ натуральные.—Свиданіе съ г. Полонскимъ.—Перемѣны въ немъ.—Приѣздъ къ намѣстнику въ усадьбу.—Намѣстникова фаворитка.—Осмотръ усадьбы.—Преподаніе мыслей объ украшеніяхъ имѣнія.—Времяпровожденіе на англійскій манеръ.—Благопріятство ко мнѣ намѣстника.—Украшенія въ Дворяниновѣ.—Превеликій крикъ и споръ съ Басаргинными.—Возвращеніе домой.—Отдѣлка грота съ

стр.

стр.

лантерномъ. — Работы въ саду. —
Пиръ у Сахарова. — Лавиринтъ за-
мысловатаго рода. — Новое изобре-
теніе 1178

ССХХ. Происшествія съ октября по
конецъ 1784 года. — Приѣздъ г. Давы-
дова. — Пиръ. — Самохвальства моего
командира. — Пожаръ. — Составленіе
плановъ и рисунковъ. — Пронизоч-
ная иллюминація. — Первые рисунки
съ натуры. — Поѣздъ къ намѣстнику
на именины. — Приѣздъ въ Калугу. —
Преподнесеніе пронизочной иллю-
минаціи намѣстнику. — Всеобщее
одобреніе. — Поздравленіе намѣст-
ника. — Публичныя мнѣ отъ него
похвалы. — Обѣдъ г. Дурасова. —

Пиршество у И. Д. Шенелева. —
Свиданіе съ Кошелевымъ и знаком-
ство съ Б. М. Карповымъ. — Разго-
воръ о магін. — Странное происше-
ствіе: показаніе умершихъ. — Пись-
мена на Звенигородскомъ колоколѣ.
— Вечеринки, обѣды и проч. увесе-
ленія въ Калугѣ. — Обратный путь. —
Смерть племянника Василя Михай-
ловича. — Запасеніе матеріаловъ для
«Экономическаго Магазина». — Во-
лостное училище. — Собираніе уче-
никовъ. — Осеннія увеселенія. — Не-
ожиданная прибавка жалованья. —
Рождество и святки. — Состояніе
моего семейства. 1194

